

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирское отделение Российской академии наук
Правительство Республики Бурятия
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Фонд «История Отечества»

МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – V

Новосибирск
Сибирское отделение РАН
2022

УДК 94 (5)
ББК 63.3 (5)
М 63

*Утверждено к печати Ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН*

Научные редакторы:
академик РАН *Дервянко А. П.*, академик РАН *Базаров Б. В.*

Редакционная коллегия:
д.и.н. *Балдано М. Н.*, *Базаров Б. А.*, д.и.н. *Баикуев В. Ю.*, к.и.н. *Бреславский А. С.*,
д.и.н. *Бураева О. В.*, к.и.н. *Гомбожапов А. Д.*, д.филол.н. *Дампилова Л. С.*,
д.и.н. *Курас Л. В.*, д.социол.н. *Петрова Е. В.*, д.и.н. *Плеханова А. М.*, к.и.н. *Соболева А. Н.*,
д.филол.н. *Сундуева Е. В.*, к.филол.н. *Чимитдоржиева Г. Н.*, д.филол.н. *Янгутов Л. Е.*

Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. / науч. ред. А. П. Дервянко, Б. В. Базаров, ред. коллегия М. Н. Балдано [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [и др.]. – Новосибирск: СО РАН, 2022. – 722 с.

ISBN 978-5-6047889-8-1

Сборник содержит тексты докладов международной научной конференции «Мир Центральной Азии–V», посвященной 100-летию Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (30 июня – 03 июля 2022 г., г. Улан-Удэ). В издании отражены история и современное развитие государств и обществ Центральной и Восточной Азии, результаты археологических, этнографических, философских, религиоведческих, лингвистических, фольклористических и литературоведческих исследований, дан обзор международных отношений сопредельных стран.

Издание адресовано широкому кругу специалистов гуманитарного профиля, а также всем, кто интересуется историей и культурой Центральной Азии.

The World of Central Asia – V: collection of scholarly articles / science ed. A. P. Derevyanko, B. V. Bazarov, editorial board B. A. Bazarov [et al.]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [et al.] – Novosibirsk: SB RAS, 2022. – 722 p.

The collection contains the articles presented at the international academic conference “The World of Central Asia – V” dedicated to the 100th anniversary of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (June 30 – July 3, 2022, Ulan-Ude). The collection discusses the issues of history and contemporary development of the states and societies of Central and East Asia, the results of archaeological, ethnographic, philosophical, religious, linguistic, folkloristic and literary studies, gives an overview of the international relations of neighboring countries.

The collection is addressed to a wide range of specialists in the Humanities, as well as to anyone who is interested in history and culture of Central Asia.

ISBN 978-5-6047889-8-1

© Министерство науки и высшего образования РФ, 2022

© СО РАН, 2022

© ИМБТ СО РАН, 2022

РАЗДЕЛ 1
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ПАЛЕОЛИТ – РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

DOI: 10.53954/9785604788981_3

Молодин Вячеслав Иванович
академик РАН, доктор исторических наук
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Molodin@archaeology.nsc.ru

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЛАСТ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
В МОНГОЛИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

В настоящее время на территории Монголии и Южной Сибири выявлены несколько пунктов с наскальными изображениями, индексируемых как древнейший пласт, относящийся к концу периода плейстоцена. К ним относятся открытые А. П. Окладниковым изображения двух лошадей и бизона на реке Лене (Шишкино), изображения в пещере Хойт-Ценкер Агуй в Монголии. Стилистическая специфика, а также ряд других факторов позволяют принять точку зрения ученого. Вместе с тем, имеют место и иные трактовки, что позволяет считать проблему дискуссионной. Выявленные на юге Горного Алтая и на соседней территории Монголии архаичные изображения «калгутинского» стиля обладают набором признаков, позволяющих со значительным основанием отнести эти памятники к концу плейстоцена. Полагаем, что только новые методы датирования позволят окончательно решить данную проблему.

Ключевые слова: наскальные изображения, пещерная живопись, «калгутинский» стиль.

Molodin Vyacheslav Ivanovich
Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in History
Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia

THE OLDEST ROCK ART IN MONGOLIA AND SOUTH SIBERIA

Currently, on the territory of Mongolia and Southern Siberia, several sites with rock art, identified as the oldest layer dating back to the end of the Pleistocene period, have been discovered. These include images of two horses and a bison on the Lena River (Shishkino), images in the Khoyt-Tsenker Agui cave in Mongolia found by A. P. Okladnikov. Stylistic specificity, as well as a set of other factors, allow us to accept the scientist's point of view. At the same time, there are other interpretations, which make it possible to consider the problem debatable. The archaic images of the "Kalgutinsky" style found in the south of the Altai Mountains and in the neighboring territory of Mongolia have a set of features that make it possible to date these sites back to the end of the Pleistocene with good reason. We believe that only new dating methods will finally solve this problem.

Keywords: rock art, cave painting, "Kalgutinsky" style.

Изучение наскального искусства Южной Сибири и Монголии имеет уже достаточно продолжительную историю. Она связана с именами десятков, прежде всего, советских (российских) специалистов, обогативших науку великолепными комплексами наскальных изображений, выполненных различными способами: выбивкой, красителями, гравировкой, шлифовкой. Во второй половине прошлого века к изучению пласта наскального искусства этого района Северной Азии активно подключились специали-

¹ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

сты из Монголии, Франции и США. Этому замечательному предмету художественного творчества посвящены сотни статей, десятки монографий и альбомов. Вместе с тем количество комплексов с наскальными изображениями с каждым годом все увеличивается, а внедряемые в жизнь новые исследовательские методы позволяют существенно дополнить эту, казалось бы, хорошо изученную и опубликованную информацию. Поэтому нередко попытки обращения к уже хорошо известным в науке памятникам с идеей их повторного «прочтения», и это порой дает принципиально новые, ранее неизвестные результаты. Сегодня подобные попытки в исследовательской практике становятся постоянными, и их безусловно следует приветствовать, только с одной оговоркой – исследователям, работающим на уже хорошо изученном памятнике, никогда не следует снисходительно или еще того хуже негативно отзываться о работах предшественников. А такие случаи, к сожалению, не редки.

Выделение наиболее раннего пласта наскальных изображений в означенном регионе связано с деятельностью выдающегося отечественного археолога, академика Алексея Павловича Окладникова. Изображения, которые ученый связал с периодом конца плейстоцена, были открыты им на Шишкинских скалах в верховьях р. Лены (Окладников 1959). Это две фигуры лошадей и быка, которые по ряду параметров отличались от всего разновременного массива рисунков, зафиксированных на Шишкинских скалах. Особенно выделяется очень крупное, близкое к натуральной величине изображение жеребца, выполненное красной краской. Надо сказать, что как по величине, так и по иконографической манере не только на территории Монголии и Южной Сибири, но и в пределах всей Азии до настоящего времени не найдено ничего подобного. Оригинальность изображения признавали и оппоненты Окладникова (см. напр.: Формозов 1969), однако предложить обоснованную и аргументированную датировку данного объекта до сих пор никому не удалось, хотя это пытались сделать вслед за А.А. Формозовым и иркутские коллеги.

В двухтомной монографии Л. В. Мельниковой, В. С. Николаева и Н. И. Демьянович (2011; 2012) авторы, основываясь на данных геологического и геоморфологического анализа, делают категоричный вывод о том, что «...на этой территории Сибири и Центральной Азии на открытых скальных обнажениях сохранение рисунков эпохи палеолита невозможно» (Мельникова и др. 2012: 83). Категоричность вывода, тем не менее, не делает его убедительным. Не вдаваясь в полемику, следует отметить главное – если еще недавно для территории Евразии доминировала версия о невозможности существования палеолитических изображений на открытых плоскостях, то в настоящее время в Португалии, Франции и Испании открыта целая серия таких объектов (см. напр.: Clottes 1995; Santamaria, Romanillo 1981 и др.). В настоящее время число публикаций, посвященных им, значительно увеличилось (см. напр.: De Lumley 1995; Zilhão 1995; Sacci 1996).

Второй аргумент противников палеолитического возраста изображений связан с неверным толкованием оппонентов А. П. Окладникова палимпсеста со второй лошадей меньшего размера, который исчерпывающе был разъяснен Окладниковым в его монографии (Окладников 1959). Этот сюжет крайне важен, поскольку неверное его толкование позволяет оппонентам трактовать палимпсест, что называется, с точностью до наоборот (Демьянович и др. 2008: 43), с чем, конечно, никак нельзя согласиться.

Между тем проблема датировки шишкинских лошадей (как, впрочем, и других изображений на этом памятнике) будет оставаться окончательно нерешенной до тех пор, пока в арсенале исследователей не окажутся новые естественные методы, позволяющие надежно датировать краситель, которым нанесено изображение.

Огромной заслугой А. П. Окладникова является разработка им концепции о Центрально-Азиатском очаге первобытного искусства, первоначально изложенной в 1967 г. в Вестнике Академии наук СССР (Окладников 1967), а затем и в специальной монографии (Окладников 1972). Речь идет о замечательном памятнике, пещере Хойт-Ценкер Агуй в Западной Монголии, точнее об изображениях животных, выполненных краской на ее стенах. Эти изображения, несомненно, представляли собой нечто особенное среди богатейшего массива петроглифов Монголии. На это сразу обратил внимание Алексей Павлович, не понаслышке знакомый с наскальными изображениями Монголии и Сибири. Экспедиция под его руководством осуществила съемку изображений, а затем вышла и книга А. П. Окладникова, в которой приведены их цветные прорисовки.

Ученый предложил исчерпывающий анализ памятника, который и сегодня, спустя полвека, является первоклассной основой для понимания этого удивительного комплекса. Исследователь подчеркивал исключительно анималистический характер изображений, реализм художественного стиля, контурность

нанесения рисунка (при этом контур нередко был разомкнутым); отмечались также обособленность образов и отсутствие композиций. Кроме того, А. П. Окладников констатирует статичность изображений и наличие так называемой «скрученной перспективы», когда туловище животного показано в профиль, а голова развернута в фас. Наконец, ученый отмечает еще одну важную стилистическую особенность, когда при построении художественного панно характерна специфическая транспаренция, то есть переслаивание рисунков, налегающих друг на друга в хаотическом беспорядке (Окладников 1972). К выделенным А. П. Окладниковым характерным иконографическим особенностям можно, пожалуй, добавить своеобразную черту показа ног животных, которые демонстрируются в виде двух параллельных, а порой и приостренных линий (Молодин 2009).

Отмеченные выше художественные особенности позволили исследователю сделать однозначный вывод о том, что изображения в пещере Хойт-Ценкер Агуй относятся именно к искусству палеолита (Окладников 1972: 36). Существенным блоком аргументации А. П. Окладникова является видовое определение изображенных животных. Два изображения животных с хоботом ученый определяет как слона-номадикуса, а не северного мамонта (Там же: 37). Очевидно, что только один этот аргумент может быть решающим в пользу плейстоценового возраста изображений.

Среди обнаруженных в пещере рисунков, несомненно, важное место занимает своеобразный рисунок лошади, по сути, не имеющий аналогий в наскальном и пещерном искусстве Евразии. В данном случае важно то обстоятельство, что в наскальном искусстве периода плейстоцена лошадь практически всегда являлась одним из главных персонажей.

Уместно отметить, что уже после выхода книги Алексея Павловича появились новые аргументы в пользу палеолитического возраста памятника. Речь идет об изображении верблюда, выполненного в манере «скрученной перспективы» (Окладников 1972: 35). Мне уже приходилось отмечать, что наличие этого изображения часто воспринималось исследователями как необычное явление для плейстоцена, однако уже в конце прошлого века идея Окладникова находит блестящее подтверждение. Речь идет об изображении этого животного, выполненном в аналогичной иконографической манере (!), обнаруженном в Игнатьевской пещере на Урале (Петрин 1992: 64, рис. 52). Изображение верблюдов известно на бивне, найденном неподалеку от г. Томска и недавно, наконец, опубликованном должным образом (Есин и др. 2019). Блестящим открытием стало изображение верблюда, выполненного красной охрой на стенках Каповой пещеры (Дэвлет и др. 2018).

Таким образом, А. П. Окладников оказался абсолютно прав, когда позиционировал изображение верблюда из Хойт-Ценкер Агуй (в то время единственное в своем роде!) как безусловно палеолитическое.

Важен и еще один вывод, который делает Окладников в завершающей части своей монографии и который с течением времени выглядит все более убедительно. Речь идет о том, что изображения пещеры Хойт-Ценкер Агуй не являются каким-то изолированным явлением в искусстве Центральной Азии и соседних районов Сибири, но, напротив, в этом искусстве можно выделить звено в цепи художественных явлений, причем начальное звено в этой цепи художественного стиля, «отличного от всего, что было до сих пор известно как в самой Центральной Азии, так и за ее пределами» (Окладников 1972).

Кроме изображений в пещере к числу рисунков раннего художественного пласта А. П. Окладников относил изображения быков с памятника Аршан-Хад в Монголии (Окладников 1981: табл. 107-1), выполненных на открытых плоскостях в манере, сходной с росписями пещеры Хойт-Ценкер Агуй. Несомненные параллели между этими памятниками признал даже извечный оппонент А. П. Окладникова в дискуссиях по вопросам хронологии наскальных изображений – А. А. Формозов (Формозов 1983).

Кроме указанных выше местонахождений к палеолитическому времени в Монголии А. П. Окладников был склонен отнести изображения животных на памятнике Хара-Удзура (Окладников 1981: 206–207, табл. 122–123). Эта концепция получила поддержку Э. А. Новгородовой, которая полагала, что данные рисунки (или Чандаманя по Э. А. Новгородовой) сопоставимы с изображениями из пещеры Хойт-Ценкер Агуй и Аршан-Хада. Вслед за А. П. Окладниковым, она также считала эти изображения верхнепалеолитическими (Новгородова 1984: 38).

В конце прошлого века на плато Укок (юг Горного Алтая на границе с Монголией) В. И. Молодиным и Д. В. Черемисиным было открыто местонахождение Калгутинский рудник, на котором зафиксирована серия изображений, стилистически весьма сопоставимых с выделенными в Монголии А. П. Окладниковым (Молодин, Черемисин 1999). Все фигуры этого местонахождения разрознены, они не составляют

композиции. Некоторым из них присуща незавершенность, разрыв контура. Главным персонажем памятника являются изображения лошадей, выполненные в характерной иконографической манере (Молодин, Черемисин 2007).

Великолепная серия изображений на открытых плоскостях, приблизительно в 20 км от Калгутинского рудника, на территории Монголии была открыта Российско-Монгольско-Американской экспедицией. Речь идет об отдельных изображениях, зафиксированных в пунктах Цагаан-Салааи Бага-Ойгур (Jacobson, Kubarev, Tseveendorj 2001 a, b). Углубленные исследования всего этого массива, проводимые уже Российско-Монгольско-Французской экспедицией, позволили открыть не только серию новых изображений, но и рассмотреть их в рамках особого «калгутинского» стиля в наскальном искусстве Центральной Азии (Молодин и др. 2019). В кратком изложении можно говорить о серии рисунков, выполненных в сходной иконографической манере с общими технологическими особенностями, узко очерченным сюжетом (исключительно животные), высокой степенью интенсивности скального загара. Кроме того, среди массива разновременных рисунков встречено несколько изображений плейстоценовой фауны – мамонтов и, возможно, носорогов.

В целом, отличительные особенности изображений «калгутинского» стиля, который мы относим к плейстоцену, формулируются следующим образом: переданы образы преимущественно копытных животных; встречаются изображения плейстоценовой фауны; отсутствуют композиции; все фигуры переданы одиночными; отсутствуют антропоморфные фигуры; отсутствуют анатомические детали животных; образы не отличаются детализацией; все изображения контурные; часто часть живота показана нарочито выпуклой, тогда как спина имеет прогиб; распространена парциальность – не закончены или лишь намечены ноги животного; чаще всего переданы только две ноги; образы в целом статичны (Молодин и др. 2021). Уместно также добавить, что в этом районе Монголии был открыт палимпсест, на котором изображения лошадей «калгутинского» стиля были неоднократно перекрыты более поздними изображениями (Молодин и др. 2020).

Таким образом, перед нами несомненно позднеплейстоценовый пласт наскальных изображений на открытых плоскостях, локализованный на границе российской части Горного Алтая и северо-запада Монголии.

В заключение следует констатировать, что на сегодняшний день на территории Монголии и Южной Сибири выявлены петроглифические памятники, относящиеся к раннему (плейстоценовому) пласту. Часть из этих петроглифов «калгутинского» стиля имеют неплохое хронологическое обоснование. Датировка других выглядит пока дискуссионной, хотя аргументов за их принадлежность к раннему хронологическому пласту достаточно. В данном случае окончательное решение проблемы сводится к получению в руки исследователя нового инструментария, способного однозначно решить проблему путем контактного датирования, либо к открытию новых объектов, способных пролить свет на датировку данного пласта изображений.

Литература:

Демьянович Н. И., Мельникова Л. В., Николаев В. С. К вопросу о палеолитических изображениях на Шишкинской писанице // Известия лаборатории древних технологий. 2008. Т. 6. № 1. С. 133–144.

Дэвлет Е. Г., Гуилламет Э., Пахунов А. С., Григорьев Н. Н., Гайнуллин Д. А. Предварительные данные об изображении верблюда в зале Хаоса пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 141–148.

Есин Ю. Н., Магай Ж., Монна Ф., Ожередов Ю. И. Изображения верблюдов эпохи палеолита с реки Томь в Западной Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2(64). С. 41–68.

Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Иркутск: Изд-во Ин-та земной коры СО РАН, 2011. Т. 1. 426 с.

Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Иркутск: Изд-во Ин-та земной коры СО РАН, 2012. Т. 2. 288 с.

Молодин В. И. Академик Окладников и его концепция Центрально-Азиатского очага происхождения первобытного искусства // HomoEurasicus у врат искусства. СПб: Астерион, 2009. С. 12–20.

Молодин В. И., Женест Ж.-М., Зоткина Л. В., Черемисин Д. В., Кретэн К. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 3(47). С. 12–26.

Молодин В. И., Зоткина Л. В., Кретэн К., Плиссон Х., Женест Ж.-М., Черемисин Д. В. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве и его своеобразии // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2021. С. 201–206.

Молодин В. И., Зоткина Л. В., Кретэн К., Черемисин Д. В., Батболд Н., Цэвэндорж Д. Палимпсест с местонахождения Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай): относительная хронология изображений // КСИА. 2020. Вып. 260. С. 134–150.

Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.

Молодин В. И., Черемисин Д. В. Петроглифы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4(32). С. 91–102.

Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 165 с.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы: Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. 212 с.

Окладников А. П. Центрально-азиатский очаг первобытного искусства: (К итогам советско-монгольской археологической экспедиции 1966 г.) // Вестник АН СССР. 1967. № 1. С. 96–104.

Окладников А. П. Центрально-азиатский очаг первобытного искусства. Пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй (Сэнгри-Агуй), Западная Монголия. Новосибирск: Наука, 1972. 76 с.

Окладников А. П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.

Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 206 с.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // МИА. М.: Наука, 1969. № 165. 254 с.

Формозов А. А. К проблеме очагов первобытного искусства // СА. 1983. № 3. С. 57–80.

Clottes J. Paleolithic petroglyphs at FozCôa, Portugal // International Newsletter on Rock Art. 1995. No 10. P. 2.

De Lumley H. La valorisation du patrimoine archéologique, support du développement économique // Congresso De Arqueologia Peninsular (Porto, 12–18 de Outubro de 1993). Actas-Porto: Sociedade Portuguesa De Antropologia Etnologia, 1995. Vol. VIII. P. 510–517. (Trabalhos De Antropologia Etnologia Vol. XXXV (Fasc.4))

Jacobson E., Kubarev V., Tsevendorj D. Monglie du Nord–Ouest Tsagaan Salaa: Baga Oigor // Repertoire des Pétroglyphes D'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2001. Jascicule No 6. 481 p.

Sacchi D. Brèves remarques à propos du site d'Art rupestre de Foz Côa (Portugal), de son Importance et de son Devenir // Trabalhos de Antropologia e Etnologia. 1996. Vol. 36. P. 1–6.

Santamaria M., Romanillo M. El caballo de esilo paleolitico de Domingo Garcia // Trabajos de Prehistoria. 1981. No 38. P. 97–108.

Zilhao J. The stylistically Paleolithic petroglyphs of the Côa Valley (Portugal) are of Paleolithic age: A Reputation of their 'Direct Dating' to Recent Times // Dossier Côa. Porto, 1995. P. 119–166.

*Бобров Владимир Васильевич
доктор исторических наук
Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
bobrov4545@mail.ru*

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

В аспекте современных знаний о культурно-исторических процессах на территории Великого пояса степей предложена общая модель формирования культурно-исторического пространства в III–I тыс. до н.э. на территории Монголии и Забайкалья. Несмотря на общую тенденцию развития в пределах этого достаточно обширного региона можно выделить минимум две локальные территории: монгольский Алтай и остальная степная часть Монголии, не исключая южное Забайкалье, которые имели особенности. Есть основания заключить, что культурогенез в западной части Монголии отвечал закономерностям развития в пограничных зонах, в данном случае на открытых пространствах казахстанских степей. Анализ исследований отечественных и зарубежных специалистов позволяет заключить, что предложенная модель культурно-исторических процессов на востоке пояса степей в период эпохи бронзы в основном идентична процессам на территории Саяно-Алтайского нагорья и прилегающих районов Восточного Казахстана.

Ключевые слова: эпоха бронзы, ранние кочевники, культурно-историческое пространство, культурогенез, Монголия, Забайкалье.

*Bobrov Vladimir Vasilievich
Doctor of Sciences in History
Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of the
Institute of Coal and Coal Chemistry Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia*

TO THE ISSUE OF CULTURAL AND HISTORICAL PROCESSES ON THE EASTERN BORDERS OF EURASIAN STEPPES IN THE BRONZE AGE AND THE PERIOD OF EARLY NOMADS

The article presents a general model of cultural and historical space forming in III–I millineries BC in Mongolia and Trans-Baikal territories in terms of modern knowledge about cultural and historical processes on the territory of the Great Steppe. In spite of the common trend of development inside of this rather wide region, we can highlight at least two local territories – Mongolian Altai and the rest steppe Mongolian part, including Southern Trans-Baikal region – which had some peculiarities. The weight of evidence suggests that the cultural genesis in the Western part of Mongolia reflected the ways of development in the border zones, in this case, on the open spaces of Kazakh steppes. A study of Russian and foreign researchers' works allow us to make a conclusion that the suggested model of cultural and historical processes in the East of the steppes in the Bronze Age is mainly similar to the processes on the territory of the Sayan-Altai mountains and border regions of Eastern Kazakhstan.

Keywords: Bronze Age, early nomads, cultural and historical space, cultural genesis, Mongolia, Trans-Baikal.

Древности Монголии и примыкающих к ней степей Забайкалья всегда привлекали исследователей. Причины пристального внимания достаточно хорошо известны специалистам как археологической, так и исторической науки. Научный интерес к древностям восточных рубежей степного пояса Евразии осо-

бенно вырос за последние десятилетия. Он связан с неординарными открытиями археологов, прежде всего на территории Монголии, в частности исследование элитных погребений хунну (Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж 2011), выделение чемурчекской культуры (Ковалев 2005), создание периодизации культур эпохи бронзы (Цыбиктаров 2006).

А. Д. Цыбиктаров одним из первых обратился к проблеме особенностей развития в эпоху бронзы и раннего железа на территории монгольских и забайкальских степей. Используя опыт поколений специалистов в изучении этого географического пространства, современный уровень знаний о его древностях, сопоставляя их с культурно-историческими процессами в степях от Северного Причерноморья до Восточного Казахстана, он делает следующее заключение. Плавные, эволюционные процессы являлись особенностью исторического развития населения в степях Монголии и Забайкалья. Так, культура скифского времени Забайкалья, Северной, Центральной, Восточной, Южной и отчасти Внутренней Монголии складывалась на основе культуры плиточных могил развитой и поздней бронзы (Цыбиктаров: 16–17). Продуктивным является заключение А. Д. Цыбиктарова о том, что на фоне общей тенденции развития специфическими признаками выделяются Западная и Восточная Монголия. Небезынтересен также его вывод о длительном использовании бронзовых предметов позднекарасукского типа.

Предложенная концепция не исчерпывает решения проблемы культурно-исторических процессов на восточных рубежах степей Евразии. В частности, это касается археологии эпохи бронзы западной и восточной Монголии. Именно в этот хронологический период особенно выражена специфика культурогенеза и его процессов. В Забайкалье и на большей части Монголии эти процессы были идентичными тенденции развития культуры обитателей всей территории Байкальской Сибири, о чем свидетельствует общее сходство с глазковскими комплексами, которое отмечают многие специалисты. Тождество подчеркивает сохранение неолитической традиции производства орудий из камня, занимающих значительное место в материальной культуре населения. Подтверждает общность процессов с югом Средней Сибири и относительная стагнация развития селенгинско-даурской (по А. Д. Цыбиктарову) культуры. Она существует до периода развитой бронзы, если не придерживаться далеко небесспорной хронологии дворцовой культуры, предложенной О. И. Кирилловым (1994). В целом общая модель развития археологических культур в степях Центральной, Восточной Монголии и Забайкалья представляет следующее: селенгинско-даурская культура (начало III – середина II тыс. до н.э.) – культура плиточных могил (развитая бронза – раннескифское время XV – VI вв. до н.э.). По А. Д. Цыбиктарову внутреннее развитие культуры плиточных могил составляют 3 этапа (2006: 16). На мой взгляд, выделение тологойского этапа (развитая бронза) остается сомнительным. Что касается чулутского и ацайского этапов, то выделение их правомерно и в содержательном, и в хронологическом аспекте, несмотря на сохранение в них бронзовых изделий карасукско-лугавского облика. Соответственно, в эпохе бронзы степного Забайкалья и Монголии можно выделить два периода: ранней и поздней (чулутский этап КПМ) бронзы.

Древности степей Западной Монголии изучены намного лучше, тем не менее, С. Урантугс выстраивает модель культурно-исторического развития также из двух периодов: ранней (афанасьевская культура, возможно, чемурчекская) и поздней бронзы (херексуры, оленные камни). В этой концепции херексуры представлены как поздний вариант безынвентарных погребений монгун-тайгинского типа (2007). Эта модель тождественна тенденции развития в эпоху бронзы на территории Саяно-Алтайского нагорья. Западные Саяны: афанасьевская – чаахольская – монгун-тайгинская культуры; Горный Алтай: афанасьевская – каракольская культуры. Новые результаты археологических исследований российско-монгольской экспедиции, представленные Д. Эрдэнбаатором и А. А. Ковалевым, вносят коррективы в знания об эпохе бронзы Западной Монголии (Эрдэнэбаатар, Ковалев: 70–83). С их учетом модель культурно-исторического развития может выглядеть следующим образом: афанасьевская – чемурчекская – мунх-хайрханская (средняя бронза, 1700–1300 гг. до н.э.) – байтагская культуры (поздняя бронза). Такая модель, которую можно назвать «классической», идентична тенденции процессов развития в эпоху бронзы в равнинных степных и лесостепных пространствах Евразии.

Таким образом, отличия культурно-исторического пространства Восточной и Западной Монголии в эпоху бронзы достаточно очевидны. Усиливает их несовпадение динамики процессов социокультурного развития, что относительно находит отражение в хронологии археологических комплексов.

В период раннего железного века произошли существенные изменения в рассматриваемом пространстве. В Забайкалье и Монголии (за исключением южных районов) получил распространение такой тип памятников, как херексуры. Если исходить из того, что культура херексур – поздний вариант разви-

тия монгун-тайгинского этнокультурного объединения, то появление в начале I тыс. до н.э. ее памятников в ареале культуры плиточных могил было результатом каких-то исторических событий, имевших не длительные последствия. Что касается оленных камней, то, на мой взгляд, они не могут являться признаком археологической культуры, а представляют собой идеологический маркер эпохи (ранних кочевников, скифской и т.д.). И херексуры, и оленные камни объединяют культурно-историческое пространство степей Забайкалья и Монголии, также как и облик культур скифского времени Западной (чандманьская, по Сэрээтэрийн Урантугсу) и Восточной Монголии, но в меньшей степени. Если следовать принципам моделирования, то тенденция развития культуры скифского Западной Монголии составляла единство с процессами в Саяно-Алтайской горной экосистеме.

Литература:

Кириллов О. И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.

Ковалев А. А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 178–184.

Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Изд-во ИНФОЛИО-пресс, 2011. 184 с.

Сэрээтэрийн Урантугс. Историко-археологическое изучение Западной Монголии: эпоха бронзы – скифское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 24 с.

Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 236 с.

Цыбиктаров А. Д. Особенности исторического развития населения степных районов Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке (середина II – середина I тыс. до н.э.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 13–19.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А. А. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 70–83.

Цыбиктаров Александр Дондопович
доктор исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
a.d.tsibiktarov@gmail.com

СЕЛЕНГИНСКО-ДАУРСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ И МОНГОЛИИ

В статье представлена характеристика селенгинско-даурской культуры эпохи энеолита и ранней бронзы. Датируется концом III – серединой II тыс. до н. э. Приведены сведения о разных типах памятников: поселениях, стоянках, погребениях, наскальных рисунках. Дана характеристика материальной культуры, в том числе глиняной посуды. Палеоэкономика сочетала отрасли развитого присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) и набиравшего силу производящего хозяйства (скотоводство и земледелие). Они дополнялись появившейся металлургией. Развитие экономики шло в направлении укрепления производящих отраслей, которые уменьшали значение присваивающих отраслей. Данная тенденция в развитии палеоэкономики нашла отражение в погребальном обряде и наскальном искусстве. Генезис культуры связан с трансформацией неолитической культуры Южного Забайкалья и Монголии в результате освоения металлургии меди и бронзы, а также укрепления производящего хозяйства. Население относилось к северной сибирской ветви большой монголоидной расы и своим происхождением было связано с неолитическим населением региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, энеолит, ранний бронзовый век, культурогенез.

Tsybiktarov Alexander Dondopovich
Doctor of Sciences in History
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

SELENGA-DAURIAN CULTURE OF THE SOUTHERN TRANSBAIKALIA AND MONGOLIA

This article is devoted to Selenga-Daurian Culture of the Eneolithic and Early Bronze Age in the late 3rd – mid 2nd millennium BC. The author describes different types of monuments: settlements, sites, burials, cave drawings, as well material culture, including pottery. In this period paleoeconomy combined the branches of a developed appropriating economy (hunting, fishing, gathering), developing producing economy (cattle breeding, agriculture). In addition, a new industry appeared – metallurgy. The producing economy was of the greatest importance, the role of the appropriating economy was decreasing. This trend influenced the funeral rite and cave art. The genesis of culture is associated with the transformation of Neolithic culture in Southern Transbaikalia and Mongolia as a result of development of copper and bronze metallurgy, the strengthening of the producing economy. Population of Selenga-Daurian Culture belonged to the northern large branch of the Mongoloid race and was associated with Neolithic people in Southern Transbaikalia and Mongolia.

Keywords: Central Asia, Eneolit, Early Bronze Age, cultural genesis.

Центральная Азия по праву считается одним из регионов земного шара, где зародилось кочевое скотоводство. Формирование этого хозяйственно-культурного типа в регионе Монголии и Южного Забайкалья было подготовлено достаточно длительным развитием производящего хозяйства в регионе, которое зародилось здесь еще в период развитого неолита у населения археологической культуры, имеющей двойное название: ононской в Южном Забайкалье (Окладников, Кириллов 1980) и тамцаг-булакской – в Монголии (Деревянко, Окладников 1969; Дорж 1971). Как и в других областях евразийских степей (см. Энеолит СССР 1982: 7), позиции производящего хозяйства в степях Монголии и Забайкалья должны были укрепиться в последующие периоды энеолита и ранней бронзы, которые долгое время были своего рода «белым пятном» на археологической карте региона. В начале 2000-х гг. обобщение материалов указанных периодов времени этих областей (см. Сосновский 1933; Деревянко, Окладников 1969; Дорж 1971; Волков 1975; Ивашина 1979; Окладников, Кириллов 1980; Мазин 1994; Кириллов 1994 и др.) поз-

волило выделить археологическую культуру, названную селенгинско-даурской (Цыбиктаров 2003: 16–17; 2006: 74–101). Применение двух географических названий (Селенги – крупнейшей реки Монголии и Даурии – названия в недавнем прошлом степных районов Южного Забайкалья) было использовано для избегания двух разных названий при обозначении данного культурного образования у отечественных и монгольских археологов, что случилось с неолитической культурой этих территорий, о чем писалось выше.

Селенгинско-даурская культура в территориальном отношении охватывала степи и лесостепи Восточной, Центральной Монголии и Южного Забайкалья, датируется концом III – серединой II тыс. до н. э. Ее памятники представлены стационарными поселениями, стоянками, погребениями, наскальными рисунками и многочисленными случайными находками разных предметов. Поселения (Нижняя Березовка – нижний слой, Кулькисон, Харга I, Дворцы, Ишахан – слой 2, Жигуржинка – слой 4, Кирочи, Хуйтын-Булак и др.) располагаются по берегам рек и озер. Культурные слои мощностью до 30–50 см свидетельствуют об оседлом образе жизни. Они содержали разнообразные артефакты из камня и кости, керамику, большое количество костей диких и домашних животных. Свидетельствами знакомства с металлом и начала его выплавки являются как отдельные изделия из него, в том числе в погребениях, так и медно-бронзовые шлаки и капельки металла, льячки, молоты с широкой ударной частью и пояском для крепления к рукоятке, песты, орудия, похожие на кирки.

Глиняная посуда изготавливалась методом выколачивания с помощью лопаточки, обмотанной нитями или пучком травы. Появляются сосуды с отогнутым наружу округлым венчиком и плоским дном. Нередко венчики имеют треугольные утолщения-карнизки. В орнаментации появляются простейшие геометрические узоры в виде треугольников, взаимопроникающих фигур. Но чаще наносились горизонтальные полосы. Орнамент выполнялся в накольчатой, отступающей и прочерченной технике. Орнаментировалась в основном верхняя часть сосудов, иногда – вся поверхность и внутренняя сторона венчиков. Появляются накладные рассеченные валики. Каменный и костяной инвентарь включал наконечники стрел, дротиков, скребки, вкладыши, проколки, скребла, ножевидные пластины, стерженьки рыболовных крючков, заготовки блесны в форме рыбки, молоты, песты, зернотерки, гарпуны, шилья, иглы, основы вкладышевых орудий и т.д. Следует особо отметить присутствие земледельческих орудий: колец-утяжелителей, каменных и костяных мотыг. Аналогии инвентарю известны в основном в степной и лесостепной зонах от Западной Сибири до Прибайкалья и Северо-Восточного Китая в памятниках периодов энеолита и ранней бронзы. Костные остатки принадлежали диким (косуля, лось, благородный олень-марал, кабан, сайга, заяц, утка и гусь) и домашним (лошадь, корова, длинноногий бык, овца) животным, а также рыбам (карась, плотва, окунь, щука).

Погребения классифицируются на три типа и демонстрируют эволюцию от практически не обозначенных на поверхности сидячих захоронений в ямах к невысоким овальным кладкам курганного типа длиной до 4–6 м, а от них – к кладкам прямоугольной формы толщиной до 70 см и длиной до 7,5 м. Под кладками второго типа в могильных ямах глубиной до 1 м производились захоронения на боку или спине с согнутыми в коленях ногами, реже в вытянутом, головой на восток. Под кладками третьего типа костяки лежали на спине вытянуто. Второй и особенно третий типы погребений с ориентацией на восточный сектор указывают на принципиальную смену, по сравнению с неолитическим временем, концепции погребального обряда степного населения региона в эпоху энеолита и бронзы, что характерно и для других областей евразийских степей (Энеолит СССР 1982: 326). В него также начинает входить ритуал использования мяса домашних животных, что, скорее всего, связано с процессом утверждения производящего хозяйства. В этих новациях проявились закономерности, выявленные для степных культур Евразии эпохи энеолита и ранней бронзы. Курганные захоронения повсеместно появляются именно в это время с переходом к производящему хозяйству. Происходившие изменения отразились также в облике и семантике петроглифов селенгинско-даурской культуры, в них появились сюжеты в виде пятен, в том числе систематизированных в ряды, человечков – одиночных или сгруппированных в ряды. Их семантика связана с культом плодородия домашних животных и посевов. Жертвенники в виде оградок, располагавшиеся рядом с ними, наряду с другими находками содержали кости домашних животных – челюсти коровы, овцы, лошади.

Палеэкономика селенгинско-даурской культуры носила комплексный характер, она сочетала отрасли развитого присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) и набиравшего силу производящего хозяйства (скотоводство и земледелие), зародившегося в регионе еще в период развитого

неолита в III тыс. до н.э. Они дополнялись появившейся металлургией. При этом прежние присваивающие виды занятий еще не отошли на второй план, а новые еще не стали ведущими отраслями. Рассматриваемое время было, по всей видимости, порой коренной ломки старых представлений и вхождения новых норм и устоев, обычаев и традиций в жизнь, быт, идеологические представления (наскальные рисунки, погребальный обряд) людей. Очевидно, во всех отношениях это время носило переходный характер. Были развиты и различные виды так называемого домашнего производства, связанные с обработкой камня, кости, дерева, продуктов хозяйства, изготовлением глиняной посуды и т.д. Общественный строй определяется как патриархально-родовой.

Формирование культуры произошло в конце III тыс. до н. э. вследствие трансформации неолитической онеонской (тамцаг-булакской) культуры Южного Забайкалья и Монголии в результате освоения металлургии меди и бронзы, а также усиления аридизации климата в конце III– начале II тыс. до н.э. (Цыбиктаров, 2006: 142–143). Она ухудшала условия для развития земледелия, несколько ограничила возможности охоты и рыболовства (происходило сокращение лесных массивов, пересыхали небольшие речки и озера). Расширение степных пространств – прекрасных пастбищ– стимулировало развитие скотоводства и постепенно выдвигало его на первый план. Однако трансформация климата происходила постепенно, поэтому изменение соотношения разных видов хозяйственной деятельности в пользу скотоводства происходило, вероятно, также достаточно плавно.

В антропологическом отношении носители селенгинско-даурской культуры относилось к северной сибирской ветви большой монголоидной расы и своим происхождением было связано с населением региона неолитического времени (см. Алексеев и др. 1987: 226).

Литература:

Алексеев В. П., Гохман И. И., Түмэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1987. С. 208–241.

Волков В. В. Погребение в Норовлин-уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1975. С. 76–79.

Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. Москва: Наука, 1981. 204 с.

Деревянко А. П., Окладников А. П. Древние культуры восточных районов МНР // СА. 1969. № 4. С. 141–156.

Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1971. 171 с.

Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1979. 158 с.

Кириллов О. И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.

Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, Сибир. издательская фирма, 1994. 241 с.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1980. 176 с.

Сосновский Г. П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье // Известия ГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 210–222.

Цыбиктаров А. Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.

Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 236 с.

Энеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1982. 359 с.

Варенов Андрей Васильевич
кандидат исторических наук
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
avvarenov@mail.ru

ДАТИРОВКА СЕЛЕНГИНСКИХ ПИСАНИЦ, ИХ СЕМАНТИКА И РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ РЕЛЬЕФАХ КИДАНЬСКИХ САРКОФАГОВ

Селенгинские писаницы с оградками – красочные наскальные изображения, состоящие из заполненной точками «оградки», над которой парит распростертая птица и рядом с которой или внутри которой могут быть несколько взявшихся за руки человеческих фигур. А. П. Окладников датировал их путем сопоставления с рисунками на рукоятках случайно найденных ножей «тагарского облика». Он пришел к выводу, что писаницы селенгинской группы появляются и существуют в одно время с плиточными могилами со второй половины II тыс. до н.э., вплоть до гуннского времени. И. И. Кириллов сопоставлял бляхи с птицами дворцовой культуры, которая предшествует культуре плиточных могил, с наскальными рисунками «селенгинского» стиля. На зеркале из Шанцуньлина отлита сцена терзания, сходная с выбивкой на оленном камне № 15 из Ушкийн-Увэра, а ниже нее показана «распростертая» птица. Многочисленные аналогии «распростертым» птицам встречаются и в культуре Верхнего слоя Сяцзядянь (она же – «тип Наньшаньгэнь») IX–VIII (VII) вв. до н.э.

Ключевые слова: петроглифы, «распростертые» птицы, аналогии, датировка, семантика.

Varenov Andrei Vasilievich
Candidate of Sciences in History
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

DATING OF SELENGA PETROGLYPHS, THEIR SEMANTICS AND REMINISCENCES IN BURIAL RELIEFS OF QIDAN SARCOPHAGI

Selenga petroglyphs with fences are rock paintings, consisting of “fence” filled with dots, a bird with spread wings, flying over it and several human figures inside it or near it. A. P. Okladnikov dated these petroglyphs by comparing them with drawings on the handles of “Tagar-shaped” bronze knives from stray finds. He came to the conclusion that petroglyphs of Selenga group appear at the same time and coexist with slab stone graves since the second half of the II millennium B.C. till the xiongnu time. I. I. Kirillov had compared belt buckles with birds of Dvortsy culture, which precedes the slab stone graves culture, with rock paintings of Selenga style. A scene cast on the back surface of Shangcunling mirror is similar to the scene on stag atone No 15 from Ushkiin-Uver. Below it is a bird with spread wings. Multiple analogies to the birds with spread wings are also met in the Xiajiadian Upper Layer culture (“Nanshangen type”) of the IX–VIII (VII) centuries B. C.

Keywords: petroglyphs, birds with spread wings, analogies, dating, semantics.

«Селенгинские» писаницы или писаницы «с оградками» – красочные наскальные изображения, состоящие из заполненной точками подквадратной (очень редко, округлой) «оградки», над которой парит распростертая в полете птица и рядом с которой или внутри которой могут быть изображены несколько взявшихся за руки человеческих фигур. А. П. Окладников датировал селенгинские писаницы за счет сопоставления фигурок «распростертых» птиц и изображений, отлитых на рукоятках бронзовых ножей «тагарского облика». Правда, все эти ножи происходили из случайных находок, а не из комплексов. В результате исследователь пришел к выводу, что «писаницы селенгинской группы появляются в одно время с плиточными могилами Забайкалья и Монголии, по-видимому, еще во второй половине II тыс. до н.э., а затем продолжают бытовать в первой половине I тыс. до н.э., вплоть до гуннского времени» (Окладников, Запорожская 1970: 89).

В 1979 г. И. И. Кириллов выделяет в Восточном Забайкалье памятники новой, «дворцовой» культуры, которую он отнес к «карасукскому времени», предшествующему культуре плиточных могил (Кириллов 1979: 137). Одной из специфических черт новой культуры оказались бронзовые поясные бляхи с изображениями четырех птиц с расправленными крыльями, которых автор сопоставил с наскальными рисунками «селенгинского» стиля. По мнению И. И. Кириллова, позже «в период существования культуры плиточных могил происходит отождествление (слияние) образа орла с образом оленя», получившее воплощение в оленных камнях монголо-забайкальского стиля (Кириллов 1979: 139).

Заметим со своей стороны, что на оленном камне № 15 из Ушкийн-Увэра в Монголии выбита «сцена с кошачьими хищниками, съедающими коня» (Волков, Новгородова 1975: 81–82). В то же время на тыльной стороне бронзового зеркала из погребения M1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань КНР отлита сцена, композиционно сходная с выбивкой из Ушкийн-Увэра. Она изображает двух хищных зверей, готовых растерзать (или сцепиться из-за) травоядного, а ниже показана распростертая в полете птица (上村嶺 1959: 27).

По нашему мнению, это свидетельствует о принципиальной синхронности «распростертых» птиц и оленных камней монголо-забайкальского стиля (Варенов 1984: 47–48; 2018: 21, 24–25). Шанцуньлин служил кладбищем для верхушки древнекитайского царства Го. В 655 г. до н.э. Го было захвачено другим царством – Цзинь, а его знать депортирована. Поэтому ни одна могила Шанцуньлина не может быть позднее середины VII в. до н.э. Большинство его погребений датируется одним временем – второй половиной IX – первой половиной VIII вв. до н.э. (Комиссаров 1985: 9–10).

Еще более многочисленные аналогии «распростертым» птицам встречаются в культуре Верхнего слоя Сяцзядянь (она же – «тип Наньшаньгэнь») (Ковалев 1998). Это не только достаточно известные отливки бляшек или подвесок в виде «распростертых» птиц, но и рельефные изображения таких птиц на поверхности бронзовых сосудов, и оформленные как птицы бронзовые распределители ремней конской узды. Культура верхнего слоя Сяцзядянь (тип Наньшаньгэнь) также датируется IX–VIII (VII) вв. до н.э. (小黑石沟 2009).

Корни традиции изображать «распростертых» птиц уходят в Китае не только в эпоху ранней бронзы (они встречаются в виде гравировок на костяных трубочках в культуре Цяю / Каюэ II тыс. до н.э., в которой А. А. Ковалев (Ковалев 2000) видит истоки оленных камней), но и в позднеолитическую культуру Хуншань, распространенную в том же районе Южной Маньчжурии, что и «тип Наньшаньгэнь». На памятниках этой культуры III тыс. до н.э. встречена целая серия изготовленных из нефрита, бирюзы и других ценных пород камня подвесок (или нашивных бляшек) в виде «распростертых» птичек.

По поводу семантики селенгинских писаниц А. П. Окладников отмечал, что нарисованные оградки в большинстве квадратные, как и плиточные могилы, а значит, отражают представления космического характера, культ неба и земли. В то же время, считал он, оградки символизируют не только Вселенную, но и род или племя, а помещенные внутри них человечки или пятна – членов этой общины, возможно, души людей и/или скота. Птицы, парящие над оградками, сопричастны небу, добрым силам вселенной, противодействующим силам зла (Окладников, Запорожская 1970: 91–92).

Позже А. В. Запорожченко и Д. В. Черемисин реконструировали общеиндоевропейскую мифологию, которая, на наш взгляд, хорошо объясняет возможный сюжет селенгинских писаниц: «На границе миров, в порубежном локусе, у входа в иной мир, который маркируется образом мировой горы ... или мировой реки ..., обитают тератологические существа – стражи подземных богатств и входа в «страну блаженных» (одноглазые великаны, безносые карлики ...). В «тот» мир совершают путешествия только фантастические гигантские птицы, вступающие в жестокие схватки с его охранниками. Птицы доставляют туда души умерших ..., а оттуда – новую жизнь, плодородие, души новорожденных» (Запорожченко, Черемисин 1997: 89).

Неожиданную аналогию композиции и семантике селенгинских писаниц представляет рельеф на торцовой стенке каменного саркофага из киданьского погребения рубежа X–XI вв., исследованного в Цяньчуньцунь уезда Чаоян пров. Ляонин в КНР (靳枫毅 1980). Он изображает двух гигантских стражников с дубинками по бокам от украшенной шляпками 18 гвоздей (?) закрытой на замок двухстворчатой двери (что очень напоминает квадратную оградку с точками внутри), над которой парит распростертая в полете птица.

Литература:

- Варенов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.
- Варенов А. В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, Вып. 10: Востоковедение. С. 9–29.
- Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 78–84.
- Запорожченко А. В., Черемисин Д. В. Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 83–90.
- Кириллов И. И. Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тезисы докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово: КемГУ, 1979. С. 136–139.
- Ковалев А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 122–131.
- Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 138–180.
- Комиссаров С. А. Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. М.: Наука, 1985. С. 3–12.
- Окладников А. П., Запорожская В. А. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.
- 小黑石沟 – 夏家店上层文化遗址发掘报告 [Сяохэйшигоу – отчет о раскопках памятника культуры верхнего слоя Сяцзядянь]. 北京: 科学出版社, 2009. 488 页。
- 靳枫毅。辽宁朝阳前窗户村辽墓 [Ляоское погребение из Цяньчуанхуцунь в уезде Чаоян пров. Ляонин] // 文物. 1980 年第 12 期, 第 17~29 页。
- 上村嶺號國墓地 [Могилиник царства Го в Шанцуньлине]. 北京: 科学出版社, 1959. 178 页。

Ожередов Юрий Иванович
кандидат исторических наук
Чукотский филиал Северо-Восточного
федерального университета им. М. К. Аммосова
Анадырь, Россия
nohoister@gmail.com

ЦВЕТНОЙ КАМЕНЬ В ДРЕВНИХ РИТУАЛАХ МОНГОЛЬСКОЙ РЕКИ ХОНГО-ГОЛ

Настоящее сообщение направлено на введение в научный оборот новых сведений о цвете как аспекте погребальных обрядов. Исследование основано на примере долины р. Хонго-гол в Западной Монголии, где в ритуале выявлено три цветовых компонента. Серо-черные горные пейзажи расцвечивают буро-красные граниты: красные горы и каменистая степь, усыпанная гранитной красной крошкой, придают пейзажу сюрреалистический колорит. Белый и синий цвета на керексурах в виде приношений цветных камней. Синие камни к тому же послужили материалом для стелы, святилища *обоо* и алтарей *индэр*. Скалы и камни имели символическое значение, обусловленное воззрениями носителей древних средневековых и недавних культур в части осмысления цветовой палитры, свойственной ойкумене погусторонних миров.

Ключевые слова: Монголия, Хонго-гол, погребальный обряд.

Ozheredov Yuriy Ivanovich
Candidate of Sciences in History
Chukotka Branch of the North-Eastern
Federal University M. K. Ammosov
Anadyr, Russia

COLORFUL STONES IN ANCIENT RITUALS AT MONGOLIAN RIVERKHONGO-GOL

The study brings attention to the issue of color as an aspect of burial rites. The research is based in the area of Khongo-Gol river in West Mongolia, where three color components of burial rites are identified. First is the gray and black landscape completed by brown-red granite formations. Second and third components are represented by white and blue stones added to mounts kerekursurs. Blue stones also serve as building material for a stela, an ovoos and altars inders. The symbolism of the colorful components is linked to the ancient and modern beliefs about the color representation of the other worlds.

Keywords: Mongolia, Khongo-Gol, color, burial rite.

Историко-культурные исследования долины р. Хонго-гол велись несколько сезонов, но наиболее интенсивно в 2007–2008 гг. Суммарно изучено более 2000 объектов: керексуры, поминальники, наскальные памятники, изваяния. В ходе работ выяснилось, что при размещении и устройстве объектов учитывались цветные особенности горных пород – скал и камней, образующих цветовую триаду – красный, синий и белый цвет.

Красный. Особенностью северо-восточной части сомона Эрдэнэ-Бурэн, куда стекает река Хонго-гол, является наличие буро-красных гранитов. Цепочки низких гор занимают пространство, покрытое красной крошкой выветренных скал, сквозь которую зеленью пробивается мелкая трава. Фантастический красный пейзаж невольно настраивает на ирреальное осмысление ландшафтного окружения, порождая варианты его толкования и адаптации. К примеру, появление топонимов с понятием красный (*улан*): горы *Ямаат-Улаан* ‘козлинная красная’, *Хойд-Улаан* ‘северная красная’ и *Урд-Улаан* ‘южная красная’, между которыми находится сомонный центр Эрдэнэ-Бурэн. Далее к востоку гора *Торх-Улаан* ‘красная бочка’ (Ожередов 2009: 456; Ожередов и др. 2010: 250).

Синий. На серокаменной наброске *керексуров* левобережья, вдоль подножия горы Хошэмбэл, встречаются обломки чужеродной для них грязно-синей породы, не перемешивающейся с базовыми серыми камнями. А на правом берегу Хонго-гол напротив горы Хошэмбэл установлена стела из «синего» кам-

ня, напоминающая олений камень без изображений со скошенной вершиной и сужением книзу. Примерно в 50 м к югу от стелы находится *обоо* высотой порядка 1,5 м, почти целиком из синей породы. Вершина уставлена ветками, увешанными синими «шарфами» *хадаг*, а у южного борта устроен алтарь с буддийскими изображениями и текстами тибетским шрифтом, иконой-танкой в «киоте» и бронзовой курильницей. К югу от *обоо* два круглых алтаря *индэр* из синих камней со следами сожжений на плоских вершинах. Данный комплекс из археологического и этнографических объектов замкнул преемственность тысячелетней традиции ритуального применения синих камней.

Белый. На некоторых насыпях вперемешку с синими иногда набросаны обломки белого кварца или полевого шпата. Белые и синие камни сблизают незначительные габариты, обусловленные, вероятно, трудностью доставки камня со стороны, так как близ насыпей таких пород нет. Тем более, это не строительный, а символический материал, где размеры не столь важны. Единственный пока разведанный источник синего сырья расположен примерно в 5–7 км от «оленного» камня на северном склоне горы Хошэмбэл.

Вопрос о мотивах, толкавших людей совершать ритуалы в «красном плэжере», бросать на насыпи цветные камни и строить «синие» объекты культа, прямого ответа не находит. Он из другой области знаний, а, следовательно, требует иного подхода, семиотического анализа названных объектов, группирующихся по двум основным параметрам: по принадлежности к иному миру и по сакральной расцветке. Первое определяет специальное назначение объектов, устроенных для контактов с потусторонними силами, будь то души предков или героев, добрые или злые духи. В отношении цветовых предпочтений требуется специальное исследование. Не имея такой возможности в рамках настоящего исследования, обозначу лишь общие контуры.

По мнению ряда исследователей, цвет является одним из средств постижения и упорядочивания мира. Словами Д. Тресиддера: «Цвета имеют обширный и сложный диапазон символических значений» (2001: 400). Символика цвета используется в целом ряде коммуникаций, визуализирующих образы, явления, понятия. При этом линия и цвет не всегда служат признаками того или иного предмета, но всегда знаменуют наличие некоей идеи. Анри Матисс говорил: «Когда я беру зеленую краску, это не значит, что я собираюсь рисовать траву» (Словарь символов и знаков 2006: 216). Каждый цвет при разных условиях имеет свои коннотации. В одних культурах цвет смерти – черный или синий, в других – белый, желтый (Штернберг 2012: 332). Красный цвет часто ассоциируется с кровью, жизнью, изобилием. «Красные вещи обладают силой...; кровь – это сила, потому что человек, животное, насекомое или птица должны иметь кровь, иначе они умрут». При этом многочисленны примеры захоронений, в которых костяки густо усыпаны охрой, символом крови (Тэрнер 1983: 99).

Синий цвет у многих народов признается добрым знаком, символизирующим небо, дух, истину. Но в мифологии южно-сибирских тюрков обнаруживается и другое мнение о синем. В преданиях о синем быке говорится о его контаминации с черным цветом, символизирующим подземный мир. По представлениям алтайцев и хакасов семантический ряд «предок – бык – гора» отражает три стадийных пласта в семантике культа Буха-Нойона... находит отражение в эпическом образе хозяина ... священного Алтая, который видится в образе синего быка (Павлов 2001: 133–134). В пантеоне тюрков «синий (черный) бык – символ Эрлика, владельца подземного мира, который ездил на черном (синем) быке. Часто синий бык – обитатель водного источника» (Традиционное мировоззрение...1988: 23). Авторы неоднократно указали на синонимичность синего и черного, их контаминацию в контексте инакового пространства и его обитателей. Виктор Тэрнер отметил, что «...цветовая триада белое–красное–черное везде имеет выдающееся значение... Однако археологи до сих пор не определили значение этих цветов» (1983: 99). То же самое в нашем случае, за исключением того, что хохгольская триада более всего имеет отношение к погребально-поминальным ритуалам. Во-первых, она связана с похоронными комплексами (керексуры, поминальник); во-вторых, со святилищами, убежищами потусторонних сил, так как *обоо* по сути дом инакового персонажа. Как, к примеру, *обоо* в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн, возведенное в память джунгарского Галдан-Бошогту-хана. По суждению олетов, в нем обитает дух героя (Ожередов 2008: 219–220). Другой причиной можно назвать домусульманские верования тюркоязычных обитателей Казахстана и Киргизии, полагавших, что возраст мужчины имеет три цвета: красный для юноши, черный для человека средних лет, белый для старика. Так маркировалось жилище умершего в период его похорон (Шишло 1975: 249).

Виктор Тэрнер, резюмируя исследование о цветовых предпочтениях людей, писал: «...я пытался показать, что в примитивных обществах три цвета – белый, красный и черный – являются не просто различиями в зрительном восприятии разных частей спектра; это сокращенные или концентрированные обозначения больших областей психобиологического опыта, затрагивающих как разум, так и все органы чувств, и связанных с первичными групповыми отношениями. Лишь в результате последующего абстрагирования от этих конфигураций возникают другие виды используемой человеком социальной классификации» (Тэрнер 1983:103). Вероятно, дальнейшие исследования вопросов символизма цвета необходимо ориентировать именно в этом направлении.

Литература:

Ожередов Ю. И. Сакральные сооружения в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн Ховдского аймака Западной Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2008. Вып. II. С. 219–232.

Ожередов Ю. И. Мифологический хищник на горе Хошэмбэл в Монгольском Алтае // *Homoeurasicus* у врат искусства. СПб.: Астерион, 2009. С. 455–469.

Ожередов Ю. И., Мунхбаяр Б. Ч., Ожередова А. Ю. Мифологический хищник на горе Хошэмбэл в Монгольском Алтае // Түүхийн товчоон. Т. V. Fasc. 1–43. Улаанбаатар, 2010. С. 249–263.

Павлов Е. В. Семантика изображений на западно-бурятском онгоне «Буха-Нойон Баабай» // Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона и Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СОРАН, 2001. С. 129–140.

Словарь символов и знаков / авт.-сост. В. В. Адамчик. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 240 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, Наука. 1988. 225 с.

Тресиддер Д. Словарь символов. М: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. М.: Главная редакция вост. лит. изд-ва Наука, 1983. 277 с.

Шишло Б. П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука. 1975. С. 248–261.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 592 с.

*Тишкин Алексей Алексеевич
доктор исторических наук
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
tishkin210@mail.ru*

*Свойский Юрий Михайлович
НИУ Высшая школа экономики
Москва, Россия
rutil28@gmail.com*

*Зиганшина Анна Алексеевна
Центр палеоискусства Института археологии РАН
Москва, Россия
ziganshina.anna.1961@gmail.com*

«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ НА АЛТАЕ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

На современном этапе изучения «оленных» камней Алтая обозначилась необходимость в систематизации информации о них с использованием возможностей всесторонней фиксации. Для этой цели авторами предложена универсальная методика фотограмметрического документирования с последующей визуализацией рельефа поверхности математическими алгоритмами. Описываются способы сбора данных и формирования трехмерных полигональных моделей, методы визуализации рельефа поверхности, способствующие лучшему проявлению изображений, в том числе выбивок плохой сохранности. Демонстрируются широкие возможности применения данной методики как при работе в музейных фондах, так и с камнями, находящимися «*in situ*». Указываются преимущества перед аналоговыми разработками. Рассмотрен опыт применения апробированной методики при документировании и исследовании изваяний, расположенных около с. Иня в Онгудайском районе Республики Алтай.

Ключевые слова: Алтай, «оленные» камни, документирование, современные цифровые технологии, фотограмметрия.

*Tishkin Aleksey Alekseyevich
Doctor of Sciences in History
Altai State University
Barnaul, Russia*

*Svoyski Yuriy Mikhaylovich
Higher School of Economics
Moscow, Russia*

*Ziganshina Anna Alekseyevna
Center of Paleoart IA RAS
Moscow, Russia*

“DEER” STONES IN ALTAI: THE EXPERIENCE OF MODERN DOCUMENTATION¹

At the present stage of the study of "deer" stones in the Altai there is a need for systematization of information about them using the possibilities of comprehensive fixation. For this purpose, the authors offer the universal technique of photogrammetric documentation with the subsequent visualization of a relief of a surface by mathematical algorithms. The methods of data acquisition and formation of three-dimensional polygonal models, methods of surface topography visualization contributing to better display of images, including poorly preserved knockouts, are described. The wide possibilities of applying this technique to museum collections as well as to stones in situ are demonstrated. The advantages over analogue developments are highlighted. The

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

experience of using the tested method for documenting and studying the statues located near the village of Inya in the Ongudai region of the Republic of Altai is considered.

Keywords: Altai, “deer” stones, documentation, modern digital technologies, photogrammetry.

С момента выхода монографии В. Д. Кубарева (1979), где впервые обстоятельно представлены находки «оленных» камней на Алтае, прошло уже много времени. За этот период открыто небольшое количество таких древних изваяний, которые, как и прежние, в основном демонстрировались в графическом исполнении путем копирования с фотографий или в виде зарисовок в масштабе. Опубликованные фотоснимки (черно-белые или цветные) отражали лишь общий вид или одну из сторон стелы. Специальное и всестороннее документирование такой важной категории источников пока не предпринималось. Микалентное копирование было выполнено для Чуйского оленного камня, но результаты такой работы остаются неопубликованными.

Попытку обобщения сведений об «оленных» камнях с территории Алтая недавно осуществили монгольские коллеги в третьем томе изданного каталога таких изваяний (Төрбат и др. 2021). Однако представленный там очерк лишь частично отразил имеющиеся материалы. В связи с кратко представленной ситуацией стоит обозначить назревшую проблему обобщения всех данных об «оленных» камнях Алтая. По нашему мнению, традиционные (аналоговые) методы документирования к настоящему времени практически исчерпали себя. Вследствие многочисленных ограничений они не позволяют полноценно решать задачи исследований и детально публиковать изваяния. Поэтому важно осуществить переход к методам, основывающимся на широком использовании современных цифровых технологий и позволяющим не только добиться более точного «копирования», но и изучать объекты с применением математических методов визуализации геометрии поверхности. Такая фиксация осуществляется посредством создания точного цифрового образа в форме трехмерной текстурированной полигональной модели, которая может быть создана различными способами (лазерное сканирование, сканирование структурированным светом, фотограмметрия). Каждый из них имеет свои преимущества, а также недостатки и ограничения.

Методика документирования «оленных» камней должна быть пригодной для применения в различных условиях. Часть изваяний хранится в музеях (в экспозициях и в фондах), другие располагаются «*in situ*» на памятнике, третьи произвольно установлены в вертикальном положении на месте их обнаружения. Есть поваленные и наклонные камни. Применяемое оборудование должно быть пригодным для работы в разных условиях, т.е. достаточно легким и компактным, чтобы фиксировать на высоте и в стесненных условиях. В рамках единого цифрового образа оно должно обеспечить документирование общей геометрии изваяния, детальное воспроизведение имеющихся изображений и корректный цвет поверхности изваяния (в том числе для изучения красочных пигментов). Математические алгоритмы визуализации (Авдеев, Свойский 2019) могут быть эффективно применены только на поверхностях, моделированных с высокой детальностью.

Авторами статьи была предпринята попытка разработки универсальной методики документирования, отвечающей вышеуказанным требованиям и оптимизированной для «оленных» камней. На протяжении нескольких лет она последовательно отработывалась на различных памятниках (Дэвлет и др. 2018; Тишкин и др. 2020), а затем была применена на отдельных «оленных» камнях Алтая. Методика основана на принципе создания трехмерных полигональных моделей фотограмметрическим способом – на основе цифровых снимков, сделанных с различных ракурсов. Фотосъемка выполнялась цифровой системной камерой с полнокадровой матрицей высокого разрешения и с одновременной подсветкой накамерным кольцевым осветителем. Положения камеры во время фотографирования выбиралось таким образом, чтобы обеспечить достаточно постоянный масштаб снимков (допускается вариативность расстояния $\pm 10\%$) и нормальное положение оптической оси фотосистемы к поверхности камня. Съемка велась с расстояния 40–60 см. Снимки собирались в сыром формате камеры и перед фотограмметрической обработкой подвергались цветокоррекции с применением предварительно сфотографированной калибровочной мишени. Для восприятия размеров модели использовался масштабный базис с автоматически распознаваемыми кодированными марками. Допустимая относительная погрешность масштабирования принята в 1%, т.е. 1 мм на 1 м. Как правило, удается получить меньшие значения погрешностей (в пределах 0,1%). Для фиксации «оленного» камня в зависимости от его размеров и сложности изображений необходимо от 200 до 1600 фотоснимков (в среднем требуется около 500). Такой подход к

фотографированию позволяет обеспечить достаточно высокую детальность первичной модели (порядка 10–20 тыс. полигонов на см²) и сформировать как общую модель «оленного» камня с несколько пониженной детальностью (1–5 тыс. полигонов на см²), так и частные модели отдельных поверхностей и их фрагментов с детальностью, соответствующей детальности исходной модели.

Фотограмметрическая обработка заключалась в последовательном выполнении увязки, масштабирования, формирования первичной полигональной модели, экспорта полигональной модели, очистки модели от дефектов фотограмметрического алгоритма, колорирования (присвоения цветового значения полигонам) и текстурирования (создания файла фотографической текстуры). При этом на основе первичной полигональной модели формировалась общая модель изваяния, веб-модель пониженной детальности, а также частные модели отдельных поверхностей и различные деривативные данные (карты высот, карты кривизны), пригодные для машинного анализа и, в частности, для алгоритмической визуализации рельефа поверхности псевдоцветами.

Представленная методика была апробирована при документировании двух изваяний, расположенных у с. Иня (Онгудайский район Республики Алтай). Для каждого из них (рис.) сделано в среднем около 800 снимков, на основе которых фотограмметрическим способом сформированы первичные модели с детальностью от 10 до 20 тыс. полигонов на 1 см² поверхности камня.

Изваяния у с. Иня (Алтай). Рендеры трехмерных полигональных моделей

Такие модели состоят из 169–416 млн. полигонов и технически могут быть просмотрены только в фотограмметрическом программном обеспечении, что не позволяет исследователю на обычном компьютере изучить общую геометрию камня и исследовать его поверхность с применением математических алгоритмов визуализации. Поэтому были сформированы модели с несколько сниженной детальностью (около 40–55 млн. полигонов), а также подготовлены облегченные варианты, пригодные для просмотра посредством Интернета (документирование, моделирование и подготовку иллюстраций выполнили Ю. М. Свойский, А. А. Зиганшина, Е. В. Романенко, М. Д. Дынин).

Опыт применения апробированной методики позволяет решать достаточно широкий спектр задач и может быть реализован при дальнейшем изучении «оленных» камней.

Литература:

Авдеев А. Г., Свойский Ю. М. Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках свода русских надписей (CIR) // Вопросы эпиграфики. Вып. 10. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. С. 229–260.

Дэвлет Е. Г., Свойский Ю. М., Ласкин А. Р., Романенко Е. В., Гринько А. Е. Новые результаты документирования петроглифов и моделирования сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2 (60). С. 244–255.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Тишкин А. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Зиганшина А. А., Идэрхангай Т.-О. Новые результаты документирования «оленных» камней у поселка Баянзурх (Монгольский Алтай) // Труды VI (XXII) Всерос. археологического съезда в Самаре. Самара: СГПУ, 2020. Т. III. С. 103–105.

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Монгол ба бус нутгийн буганхөшөөний соёл. Улаанбаатар: «Мөнхийн-Үсэг» ХХК, 2021. 448 х.

Мэндбазар Оюунтулга
Ph.D
Соёлын өвийн үндэсний төв
Улаанбаатар, Монгол Улс
ponyта49@yahoo.com

ЧУЛУУН СУУРЬТАЙ БАРИМТАТ ӨВИЙН ХАДГАЛАЛТ ХАМГААЛАЛТЫН ЗАРИМ АСУУДАЛД (ЦОГТЫН ХАДНЫ БИЧЭЭСИЙН ЖИШЭЭН ДЭЭР)

Монгол орны эрс тэс уур амьсгалтай цаг уурын нөлөөлөлд байгаль дээр ил хэлбэрээр хадгалагдан үлдсэн үл хөдлөх дурсгалын хадгалалт хамгаалалтын хүрээлэн буй орчны эрсдэлийн судалгааны ажил манай оронд нэн дутмаг байгаа билээ. Ялангуяа чулуун суурьтай баримтат өвийн материалын судалгааг хийж, чулуулгийн онцлогт таарсан хадгалалт хамгаалалтын тогтвортой орчин бүрдүүлэх болон эрсдэлээс урьдчилан сэргийлэх аргазүйг боловсруулах нэн шаардлагатай байна. Энэхүү судалгааны хүрээнд чулуулгийн төрөл зүй, чулуулгийн гадаргуу хэсгийн өөх тосны механик бохирдлыг цэвэрлэх арга хэмжээ авах аргазүйн талаар хийж гүйцэтгэв.

Түлхүүр үг: баримтат өв, чулуу, материал судлал, шар тос, цэвэрлэгээ.

Mendbazar Oyuntulga
Ph.D
National Center of Cultural Heritage
Ulaanbaatar, Mongolia

ON THE ISSUE OF THE PROTECTION OF THE STONE-BASED HERITAGE (ON EXAMPLE OF TSOGTYN KHAD'S WRITINGS)

Research about the environmental risks in Mongolia focused on the preservation of immovable monuments that are being exposed to the harsh climate of the outdoors is much needed. In particular, there is an urgent need to conduct research on stone-based heritage materials, develop a methodology to create a sustainable environment for the preservation and protection of rocks, and prevent risks. Within the scope of this study, the methodology of cleaning mechanical contamination of oil from the rock surface was developed.

Keywords: heritage, stone, material study, ghee, cleaning.

1. Удиртгал

Монгол орны уудам тал нутгийн эрс тэс уур амьсгалын нөхцөлд байгаль дээр ил хадгалагдан ирсэн түүх соёл, зан заншил, тухайн цаг үеийн аж ахуй, соёлын онцлогийг харуулах чулуун дээр сийлмэл хэлбэрээр үлдээсэн бичээсийн дурсгал багагүй олноор байгаа билээ. Үүний томоохон төлөөлөл болох нэг дурсгал нь Цогтын хадны бичээс юм. Цогтын хадны бичээс буюу Дуут хадны бичээс нь төв аймгийн Дэлгэрхаан сумын нутагт орших бөгөөд "Цагаан тахиа жилийн (1621 он) намрын эхэн сарын хорин нэгнээ Хангай ханы цэцэрлэгийн хойд ууланд авлан, хуягт халтраа унаад өндөр дээр гарч байхдаа зүүн зүг харан сэтгэлээ маш уярч Халуут авга эгчээ санаж ийн өгүүлээд уйллаа" хэмээгээд эгчдээ зориулан 7 бадаг шүлгийг өвөрмөц сонин тогтоц бүхий хадан дээр бичиж үлдээсэн дурсгал юм.

2. Цогтын хадны бичээс дээр үүссэн гэмтэл

Дурсгалын гадаргуу хэсгийг харлуулсан үе давхарга нь цагаан идээний төрөл шар тос болох нь тодорхой байсан тул 2010 оны үед тус төвөөс Цогтын хадны бичээс дээр ажиллаж байхдаа дээжлэн авсан чулуун дээжийн хэсэгт шар тос, өөхөн тос, зулын шар гэсэн 3 төрлийн тосон түрхлэг гадаргуу хэсэгт хийх механик гэмтэл үүсгэж, тосон бүрхүүлийг цэвэрлэх аргазүйн туршилт хийсэн.

3. Гадаргуу хэсэгт механик бохирдол үүсгэх болон цэвэрлэх үе шат

Дээжийн чулуу хэсгийг 3 хэсэгт хувааж, дээж 1 дээр шар тос, дээж 2 дээр өөхөн тос, дээж 3 дээр зулын шар тос гэсэн төрлөөр тус тус 100 гр түрхлэг хийж халаагч зуухан 90°C орчинд 48 цагийн хугацаатай хайлуулж чулуунд нэвчүүлэх ажилбар хийсэн. Бүрэн хайлж давхарга үүссэний дараа

цонхны хэсэгт нарны шууд тусгалд 7 хоногийн хугацаатай 15°C–25°C-ийн температурт байлгасны дараа тосны бохирдол арилгах органик уусгагчийг 6 төрлөөр туршиж үзсэн.

Гадаргуу хэсгийн гүн бохирдлыг 6 төрлийн бодисоор цэвэрлэх харьцуулсан арга зүйг турших ажилбар хийсэн. Цэвэрлэгээнд 1. этанол C₂H₅OH, 2. ацетон C₃H₆O, 3. КсилолC₈H₁₀, 4. толуол C₆H₅CH₃, 5. трилон Б-EDTA-C₁₀H₁₈N₂Na₂O₁₀ 1%, нэрмэл ус 99%, 6. растворитель гэх 6 төрлийн шингэн уусмал ашиглан тосон бүрхүүлийг арилгах сорилтыг хөвөн болон даавуунд шингээн арчих хэлбэрээр хийсэн. Чулуулгийн дээжүүдийн хувьд OLYMPUS-TOUGH TG-5 загварын аппаратаар 40 дахин томруулан зураглал хийж ажиглахад гадаргуу хэсэгт шар тосны түрхсэн дээжүүд бүрэн шингэсэн хайлсан байдалтай гадаргуу хэсгийг бага хэмжээний бараан болгосон байсан. Өөхөн тос болон зулын шар тосны хувьд чулуулгийн гадаргуу хэсэгт нэвчиж хайлсан байдалтай гадаргуу хэсгийг харлуулсан байдалтай байсан ба бүрэн хайлж нэвчилт өгөлгүй гадаргуу хэсэгт тоос шорооны бохирдолтой наалдаж, халуунд хайлж хүйтэнд царцах байдлаар үлдсэн байсан.

Чулуулгийн гадаргуу хэсгийн тосны бохирдлыг 6 төрлийн уусгагч бодисоор арчихад

1. Этанол C₂H₅OH нь гадаргуу хэсгийн тоос шорооны бохирдлыг бүрэн арилгаж байсан боловч тосны бохирдлыг арилгалгүй өтгөрүүлж зууралдуулах төлөвт шилжүүлж байсан.
2. Ацетон C₃H₆O нь гадаргуу хэсгийн тоос шорооны бохирдлыг бүрэн арилгаж байсан боловч тосны бохирдлыг арилгалгүй чулууны гадаргуу хэсгийг царцааж цайруулах үйлчилгээ үзүүлж байсан.
3. КсилолC₈H₁₀ нь гадаргуу хэсгийн тоос шорооны бохирдлыг бүрэн арилгаж байсан боловч тосны бохирдлыг арилгалгүй өтгөрүүлж загал бараан болгох төлөвт шилжиж байсан.
4. Толуол C₆H₅CH₃ нь гадаргуу хэсгийн тоос шорооны бохирдлыг бүрэн арилгаж, тосны бохирдлыг мөн адил бүрэн уусган задалж байсан.
5. Трилон Б-EDTA-C₁₀H₁₈N₂Na₂O₁₀ 1%, нэрмэл ус 99% нь гадаргуу хэсгийн тоос шорооны бохирдлыг бүрэн арилгаж байсан боловч тосны бохирдлыг арилгалгүй чулууны гадаргуу хэсэгт гялайлгах үйлчилгээ үзүүлж байсан.
6. Растворитель буюу будаг шингэлэгч нь гадаргуу хэсгийн тоос шорооны бохирдлыг бүрэн арилгаж байсан боловч тосны бохирдлыг арилгалгүй чулуулгийн гадаргуу хэсгийг харлуулах үйлчилгээ үзүүлж байсан.

Цэвэрлэгээнд ашигласан бодис хэрэглэгдэхүүний үр дүнгээс хархад тосны бохирдолд хамгийн сайн үйлчилгээ үзүүлсэн нь толуол C₆H₅CH₃ буюу үнэрт нүүрс ус төрөгчийн усанд уусдаггүй тосонд уусдаг уусгагч байсан бөгөөд чулуун гадаргуу хэсгийн тосыг бүрэн арилгасан. Толуол нь анхилуун үнэртэй нүүрс устөрөгчид хамаарах органик нэгдэл бөгөөд бензолын устөрөгчийн атомуудын нэгийг метилийн бүлгээр орлуулдаг бүтэцтэй бодис юм.

Туршилтын явц

Тос түрхсэн байдал

Тосны бохирдол цэвэрлэсэн байдал

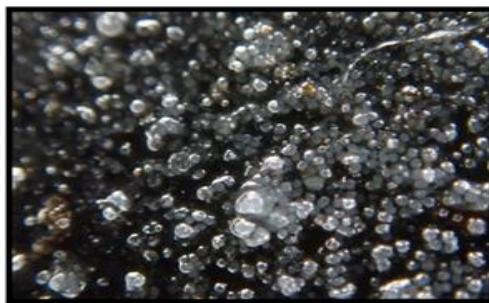
4. Чулуулгийн төрөл зүй ба онцлог

4.1. Чулуулгийн тосны шингэлт ажиглах туршилт

Цогтын хадны бичээсийн чулуулгийн хувьд гадаргуу хэсгийн тосны бохирдол нь толуол C6H5CH3 төрлийн уусгагч бодисонд бүрэн уусч задран чулуулгийн үндсэн өнгө шууд цэвэрлэгдэн гарч байсан. Тиймээс энэхүү чулуулгийн хувьд нягтшил сайтай сүвэрхэг байдал багатай нягт чулуу болох нь тодорхой болсон бөгөөд механик бохирдол үүсгэсэн дээжийн чулуу хэсэгт хөндлөн огтлол хийж нэвчилт өгсөн байдалд ажиглалт хийсэн.

Хөндлөн зүсэлт

Тосны царцах байдал

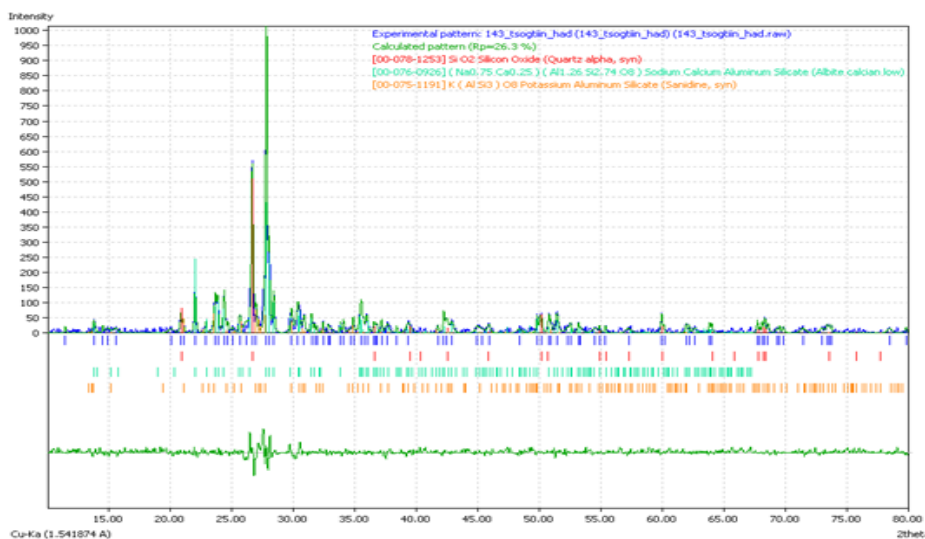
Чулуулгийн дээжид ажиглалт хийгдсэн хөндлөн зүсэлтийн зураг 4 дээрээс хархад улаан тойргоор тэмдэглэсэн хэсэг болох чулуун гадаргуу хэсгээс чулуулгийн гүнд тосны бохирдол нэвчилт огт өгөөгүй болох нь ажиглагдсан. Тосны бүрхүүлийн хувьд зөвхөн гадарга хэсэгт халуунд хайлж харлан, хүйтэнд царцаж байгаа нь туршилтын үр дүнгээс тодорхой болсон.

4.2 Чулуулгийн эрдэс найрлага ба төрөлзүй

Цогтын хадны бичээсийн дурсгалаас авсан дээж хэсэгт чулуулгийн эрдсийн найрлага, төрөлзүй тогтоох зорилгоор XRD буюу рентген дифракцын шинжилгээний аргагүй ашиглаж тодорхойлсон.

	Дээжний тодорхойлолт	Шинжилгээнд илэрсэн бодисын нэр	Химийн томьёо / Хэлбэлзлийн төрөл-функционал бүлэг	Агуулга (%)
	143_tsogtiin_had	Quartz	SiO ₂	15
		Albite,	NaAlSi ₃ O ₈	73.1
		Sanidine	K(AlSi ₃)O ₈	11.9

Эрдсийн найрлага

Эрдсийн анализ (пик)

Шинжилгээний үр дүнд боржин чулууны найрлага бүрдүүлэгч ерөнхий үндсэн эрдэс болох кварц, альбит, санидин төрлийн эрдэс давамгайлан илэрсэн.

- Кварц нь хатуу эрдэс шинж чанараараа корунд, алмаз, топазын дараа ордог. Кварц нь магмын гаралтай бөгөөд магмаас шууд талсжих замаар үүсдэг. Ийм талстууд нь бусад зүйлсийн дотор интрузив (боржин чулуу) ба шүүдэсжилтийн (риолит, дацит) чулуулгуудаас бүрддэг.

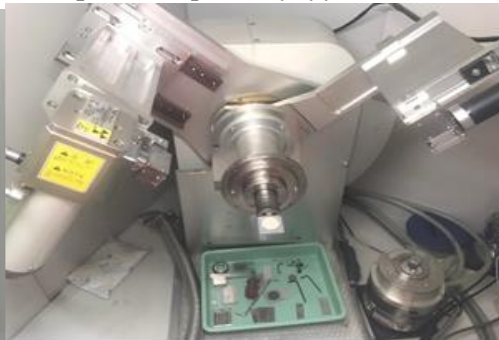
- Альбит нь хамгийн түгээмэл чулуулаг үүсгэгч эрдсийн нэг, силикат ангийн магма гаралтай цагаан натрийн хээрийн жонш, плагиоклазын бүлгийн алюмосиликат юм.

- Sanidine буюу Санидин нь Биотит, амфибол, пироксен зэрэг бага хэмжээний харанхуй эрдэс бодис агуулсан шүлтлэг хээрийн жоншноос бүрдэх трахит, цайвар өнгөтэй, маш нарийн ширхэгтэй шахмал магмын чулуулаг. Трахит бол чулуулгийн плутоник (интрузив) сиениттэй тэнцэх галт уул юм.

Эдгээр хээрийн жоншны найрлагаас хархад хатуулаг, нягт сайтай сүвэрхэг шинж чанар багатай хээрийн жонш бүхий магмын гаралтай интрузив төрлийн шүлтлэг боржин чулуу болох нь тогтоогдсон.

XRD

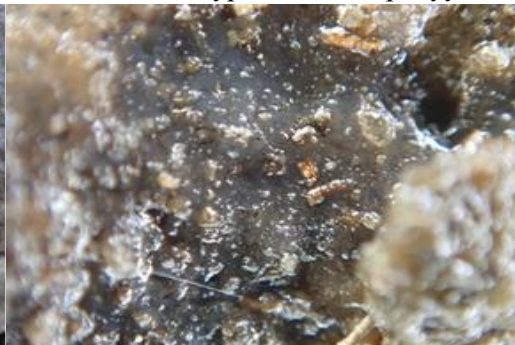
Дээж бэлдэц

5. Дурсгал дээр хийгдсэн цэвэрлэгээ

Лабораторийн судалгааны туршилт болон чулуулгийн эрдсийн төрөлзүйн найрлага дээр хийгдсэн судалгааны үр дүнд Цогтын хадны бичээсийн дурсгал дээр байдал ямар байгааг урьдчилан тодорхойлох боломж бүрдсэн бөгөөд цэвэрлэгээ хийж, чулуулгийн тосны гүн бохирдлыг арилгах аргазүйг судалгааны дүнд боловсруулагдсан аргачлалыг ашигласан. Эхний ээлжид дурсгалын чулуулгийн гадаргуу хэсэгт OLYMPUS-TOUGH TG-5 загварын аппаратаар 40 дахин томруулан зураглал хийж ажиглалт хийж лабораторийн үеийн дээжид хийгдсэн зураглалтай харьцуулсан.

Дурсгалын гадаргуу хэсэг

Чулуулгийн тосны хэсэг

Харьцуулсан зураглалаас хархад лабораторийн орчинд хийгдсэн туршилтын үр дүнтэй яг ижил зүйл дурсгалын гадаргуу хэсэгт явагдсан болох нь ажиглагдсан. Тиймээс лабораторийн орчинд боловсруулан ирсэн аргазүй болох:

1. Баримтжуулалт хийх
2. Хуурай цэвэрлэгээ хийх
3. Хүчил шүлт багатай чийгтэй цэвэрлэгээ хийх
4. Толуол C6H5CH3 ашиглан тос задлан цэвэрлэх
5. Баримтжуулалт хийх гэсэн дарааллын дагуу бүтэн өдрийн хугацаанд бичээс хэсгийн нийт 70%-ийг бүрхсэн тосны харласан гадаргуу хэсгийн цэвэрлэгээг бүрэн хийж дуусгасан.

Баримтжуулалт

Чийгтэй цэвэрлэгээ

Цэвэрлэгээний сорилт хэсэг

Цэвэрлэгээний явц

Цэвэрлэгээний өмнөх ба дараах байдал

6. Дүгнэлт

Энэ удаагийн гэмтлийн төрөл болох чулуулгийн гадаргуу хэсгийн бохирдол бүрэн арилж, дурсгалын эх төрхийг сэргээх боломж бүрдсэн хэдий ч чулуулгийн хатуулаг болон нягтшил сайтай шинж чанар нь дурсгалыг аварсан гэхэд хилстэхгүй. Учир нь тосны хайлсан хэсгүүд чулуулгийн гүнд нэвчилт өгөөгүй байсан нь гадаргуу хэсгээс тосны бохирдлыг арчих хэлбэрээр бүрэн цэвэрлэх боломжийг өгсөн. Магадгүй тунамал болон сүвэрхэг ихтэй өгөршил явагдсан чулуу болон хэд хэдэн удаагийн давтамжтай түрхлэг хийсэн, механик гэмтэлд тогтмол орсон тохиолдолд энэхүү аргазүйг ашиглаж 100% тосны бохирдол арилгах боломж магадлал багатай байлаа.

Тиймээс механик болон хими физик гэмтэл, байгалийн хүчин зүйл зэргээс хамаарах гэмтэл учруулах олон хүчин зүйлийн нөлөөллийн шалтгаанаас цаашид үл хөдлөх дурсгал гэмтэх эрсдэл өндөр байгаа тулчулуулгийн материалын судалгаа хийж, чулуулгийн онцлогт таарсан хадгалалт хамгаалалтын аргазүй авч хэрэгжүүлэх, хараа хяналт, арчилгаа тордлого, хүрээлэн буй орчны эрсдэлийн судалгаа, хадгалалт хамгаалалтын тогтвортой орчин бүрдүүлж гэмтлийн эрсдэлийг багасгах хадгалалт хамгаалалтын шинжлэх ухаанд суурилсан суурь судалгаа зайлшгүй шаардлагатай байна.

Ном зүй:

Mendbazar Oyuntulga 2010 Reserch Report of liaodynastys Castle Town site Chintolgoi, Mongolia, Nara University. The institute of Archeology of Academy of Sciences Mongolia,

メンドバザル オユントルガ 2016・「モンゴル国出土木製遺物の科学的保存処理研究」年奈良大学大学院研究年報第21号、

沢田昭 近未来社 文化財保存科学ノート

奈良文化財研究所埋蔵文化センター保存修復科学研究室 保存科学II

株式会社パレオ・ラボ Paleo Labo Co., Ltd 2021年8月、蛍光X線分析装置の用途（モンゴル文化財遺産センターの講演）

*Чадамба Лариса Дадар-ооловна
кандидат исторических наук
Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
Кызыл, Россия
chadamba2001@mail.ru*

ПЕТРОГЛИФЫ ЗАПАДНОЙ ТУВЫ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья посвящена истории изучения, а также современному состоянию наскальных изображений западной Тувы, где расположены многочисленные местонахождения с петроглифами. История изучения насчитывается более 100 лет, однако исследования были не систематическими и носили эпизодический характер, что обусловлено не только территориальной отдаленностью и труднодоступностью региона, но и бережным отношением местных жителей к своим святыням, которые неохотно рассказывали о памятниках исследователям. Однако традиция оберегать древние памятники была утрачена в советский период истории Тувы, когда на скалах с древними изображениями появлялись современные надписи и перекрывающие их рисунки.

Ключевые слова: Тува, петроглифы, Бижиктиг-Хая, Хая-Бажы.

*Chadamba Larisa Dadar-oolovna
Candidate of Sciences in History
Tuvan Institute of Humanities and Applied
Social and Economics Researches
Kyzyl, Russia*

PETROGLYPHS OF WESTERN TUVA: HISTORY OF RESEARCH AND THE PRESENT STATE

The article is devoted to the history of study, as well as the current state of rock carvings in western Tuva where numerous petroglyphs are located. The history of their study has lasted more than 100 years. The studies were sporadic and not systematic due to the difficult access to remote areas and also the careful attitude of local residents to petroglyphs as sacred things. People were reluctant to talk about the landmarks to researchers. However, the tradition of protecting ancient monuments was lost during the Soviet period in the history of Tuva. Nowadays, modern inscriptions and drawings appear on the ancient rock images and cover petroglyphs.

Keywords: Tuva, petroglyphs, Bizhiktig-Khaya, Khaya-Bazhy.

О наскальных изображениях, расположенных на западе Урянхайского края, впервые пишет в своих сообщениях сибирский археолог А. В. Адрианов, который Императорским Русским географическим обществом в 1881 г. был командирован на Алтай и за Саяны. В верховьях реки Хемчик он осмотрел и описал каменные изваяния и петроглифы на горе Бижиктиг-Хая. Оценивая петроглифы в качестве исторического источника, отражавшего жизнь ушедших поколений людей, Адрианов не ставил перед собой задач исторического анализа, видел свою миссию в сборе полевого материала. Он отмечал, что по сравнению с наскальными местонахождениями Минусинского края в Урянхайском крае их сравнительно немного. Вероятно, это объясняется тем фактом, что тувинцы неохотно показывали свои святыни исследователям (Адрианов 1888: 404).

На Бижиктиг-Хая в 1914 г. побывал С. Р. Минцлов (Минцлов 1916: 13). В 1942 г. экспедиция Государственного музея Тувинской Народной Республики провела обследование наскальных изображений на этой горе (Богатырев, 1942: 103, рис. 1. 2). В 1947 г. петроглифы горы Бижиктиг-Хая были обследованы Саяно-Алтайской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного исторического музея под руководством С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой, а в 1949 г. экспеди-

цией Института этнографии АН СССР, руководимой Л. П. Потаповым, а также Тувинским отрядом Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН ССР под руководством А. Д. Грача.

Еще одним местонахождением с петроглифами, привлекавшим внимание исследователей, является утес Хая-Бажы на Хемчике. Изображения животных, а также рунические надписи на Хая-Бажы также впервые были описаны А. В. Адриановым. Эти же изображения позже были скопированы горным инженером И. С. Боголюбским. Более того, он опубликовал заметку о петроглифах и каменных изваяниях западной Тувы по сведениям А. В. Адрианова (Боголюбский 1881: 45; 1882: 13–15).

Новая страница поисков и исследований местонахождений с петроглифами как на всей территории Тувы, так и на западе республики происходит только в середине XX в., и связана с именем ленинградского археолога А. Д. Грача. Возглавив археологический отряд Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953–1955 гг., он начинает поиск местонахождений наскального искусства на западе и юге республики. В этой экспедиции участвовали будущие известные исследователи Тувы М. Х. Маннай-ооли и И. У. Самбу.

В 1953 г. экспедицией открыты и опубликованы пять пунктов скопления петроглифов, таких как Чуруктуг-Кырлан, Чурук-Малдыг-Хая, Кызыл-Тей, Биче-Хая, Теве-Хая. А. Д. Грач из большого массива изображений горных козлов выделил фигуры животных, выполненные в весьма условной, оригинальной стилизованной манере исполнения, без передачи объемности фигур в подходящих пропорциях, сделанные лишь условными линиями. Подобного вида фигуры из-за многочисленности на скалах Чуруктуг-Кырлан названы им изображениями «типа Чуруктуг-Кырлан» (Грач 1957: 387–388).

На местонахождении Чурук-Малдыг-Хая в Эдегейской степи исследователем подробно описана одна скальная плоскость с шириной 14 м и высотой 4,4 м, на которой он выделил три группы изображений: к первой группе он отнес реалистически исполненные изображения диких животных, ко второй – схематические изображения животных и к третьей группе – схематические изображения людей и домашних животных (Грач 1957: 394–398).

В данной местности нами зафиксированы и другие скальные выходы с изображениями, которые хронологически можно отнести к эпохе бронзы. Скорее всего, в связи с тем, что работы А. Д. Грача проводились в холодное время года, исследование на Чурук-Малдыг-Хая ограничилось лишь одной плоскостью, привлекавшей наибольшее внимание своим размером и многочисленностью рисунков. После исследований А. Д. Грача вплоть до 80-х гг. XX в. поиском и изучением петроглифов на западе Тувы никто не занимался.

Современный период изучения петроглифов Тувы связан с Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) под руководством В. А. Семенова и М. Е. Килуновской. Экспедицией открыты и введены в научный оборот ранее неизвестные местонахождения петроглифов: Шанчиг, Сарыг-Даш, Саамчыыр-Ужу, Хорум-Даг и др. (Килуновская 1995: 166–169; 1998: 28–30; 2008: 124–130).

Самым многочисленным по количеству петроглифов (более 800) на западе Тувы является памятник Шанчиг, расположенный в долине реки Чыргака. Впервые петроглифы были обнаружены геологом Тувинской геологоразведочной экспедиции В. А. Поповым, а в 1997–1999 гг. обследованы М. Е. Килуновской, В. А. Семеновым и Е. А. Миклашевич (Килуновская 1998: 28–30; 2004: 29–31). На этой горе среди многочисленных изображений выделялась группа рисунков, выполненная в своеобразной манере, названной исследователями «чыргакской», когда фигуры оленей переданы с ветвистыми рогами, которые перекрещиваясь образуют крест.

Еще одним местонахождением с большим количеством петроглифов (изображения быков, оленей, сцены охоты) является гора Саамчыыр-Ужу, обследованная в 2007 г. М. Е. Килуновской, М. П. Слободзяном, П. М. Леусом и автором статьи (Килуновская 2008: 124–130).

В конце 80-х гг. XX в. проводилась работа по паспортизации объектов археологии. Экспедицией Кемеровского университета под руководством Я. А. Шера открыты новые местонахождения с петроглифами: Кызыл-Тей, пункты Каттын-Шат, Кызыл-Мажалык. Вся информация о новых памятниках была включена в Свод археологических памятников Республики Тыва, составленный И. У. Самбу, а также поставлены на государственную охрану.

В настоящее время остро стоит вопрос сохранности наскальных изображений. Многолетний мониторинг, проводимый автором статьи, показывает, что наскальные изображения в основном разрушаются в силу естественных природных факторов, но не исключаются и антропогенные воздействия на древние изображения.

На черно-белых фотографиях петроглифов Бижиктиг-Хая, сделанных А. Д. Грачом очень четко «читаются» изображения животных, личин и большой птицы. Однако в настоящее время скальные поверхности с петроглифами интенсивно расслаиваются. Близкое расположение горы к населенному пункту также сказалось на сохранности. В таком же состоянии находятся и скалы с петроглифами, расположенные рядом с пос. Кызыл-Мажалык и с г. Ак-Довурак, где на скалах изобилуют посетительские надписи, сделанные в конце XX в.

Таким образом, наскальное искусство западной Тувы исследуется и изучается более века. Хотя исследования носили в основном эпизодический характер, открытые и введенные в научный оборот изображения являются ценным материалом для понимания различных сторон жизни древнего населения этого региона Тувы.

Литература:

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Записки Русского географического общества. СПб., 1888. Т. II. С. 403–404.

Богатырев Н. Г. О тувинских памятниках древности // Под знаменем Ленина-Сталина. № 2. Кызыл, 1942. С. 97–104.

Боголюбовский И. С. Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губернии в 1881 г // Изв. ВСОРГО. Т. 13, № 3. Иркутск, 1882. 45 с.

Грач А. Д. Петроглифы Тувы. I. (Проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ. М.-Л.: 1957. Т. XVII. С. 385–427.

Килуновская М. Е. Петроглифы на реке Чыргака // Вестник САИПИ. Вып. 1. Кемерово, 1998. С. 28–30.

Килуновская М. Е., Семенов В. А. Петроглифы Сарыг-Даша // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб., 1996. С. 29–32.

Килуновская М. Е., Миклашевич Е. А., Попов В. А., Семенов В. А. Петроглифы на реке Чыргака (Западная Тува) // Вестник САИПИ. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. Вып. 1. С. 28–29.

Килуновская М. Е. Памятники Тувы (Республика Тыва) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы, 2004. С. 29–37.

Килуновская М. Е. Быки Саамчыра // Тропюю тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 124–130.

Минцлов С. Р. Памятник древности в Урянхайском крае. Зап. Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXIII. 1916.

Свод археологических памятников Республики Тыва / сост. И. У. Самбу. Кызыл: Изд-во: ТувНИИЯ-ЛИ, 1994. 192 с.

Тишкин Алексей Алексеевич
доктор исторических наук
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
tishkin210@mail.ru

Пластеева Наталья Алексеевна
кандидат биологических наук
Институт экологии растений и животных УрО РАН
Екатеринбург, Россия
natalya-plasteeva@yandex.ru

Төмөр-Очир Идэрхангай
кандидат исторических наук
Улаанбаатарский государственный университет
Улаабаатар, Монголия
iderkhangai83@gmail.com

ЛОШАДИ ИЗ ЖЕРТВЕННИКОВ У ХЕРЕКСУРОВ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ¹

В ходе раскопок в долине реки Эгийн-Гол (Северная Монголия) трех археологических памятников исследовались херексуры, рядом с которыми традиционно располагались жертвенники. Под небольшими выкладками обнаружены кости древних домашних лошадей. В данной публикации кратко представлены результаты археологического изучения объектов и выполненных археозоологических определений. Сохранность остеологического материала не позволила получить обширные сведения для комплексного анализа необходимых показателей при реконструкции особенностей коневодства. Однако для многих жертвенных животных удалось установить возраст и пол, а также описать состав найденных костей. Эти данные существенным образом дополняют ранее сделанные наблюдения при изучении культуры херексуров и «оленных» камней. Публикуемые материалы требуют дальнейших исследований. Необходимо получение данных радиоуглеродного датирования, палеогенетических и других современных научных заключений.

Ключевые слова: Северная Монголия, херексур, жертвенник, археологические раскопки, кости лошади, археозоология.

Tishkin Aleksey Alekseyevich
Doctor of Sciences in History
Altai State University
Barnaul, Russia

Plasteeva Natalya Alekseevna
Candidate of Sciences in Biology
Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia

Tumur-Ochir Iderkhangai
Candidate of Sciences in History
Ulaanbaatar State University
Ulaanbaatar, Mongolia

HORSES FROM SACRIFICIAL SITES WITH KHIRIGSUURS OF NORTHERN MONGOLIA

Three archaeological sites with khirigsuurs, which traditionally surrounded by sacrificial burials, were investigated during the archaeological fieldwork at the valley of the Egyin-Gol River (Northern Mongolia). In

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

each burial the partial skeletons of domestic horse were found underneath small stone mound. Horse remains included the bones of the head, neck and hooves. This article briefly presents the results of the archaeological and archaeozoological study of the khirigsuurs sites. The fragmentation and poor preservation of skeletal remains made it impossible to carry out detailed osteological analysis and investigate the butchery evidence from horse burials. The authors identified the age, sex of horse individuals, and analyzed the mortality pattern of sacrificed horses. The results add to the data from similar sites of the khirigsuur and «deer» stone culture. The presented material requires further radiocarbon and paleogenetic research.

Keywords: Northern Mongolia, khirigsuur, sacrificial site, archaeological excavations, horse remains, archaeozoology.

В 2014 и 2015 гг. археологическая экспедиция Улан-Баторского университета под руководством Т.-О. Идэрхангая осуществляла раскопки в долине р. Эгийн-Гол (Северная Монголия). Эти работы были связаны с реализацией проекта строительства гидроэлектростанции на территории Булганского аймака и носили аварийный характер. При исследовании трех комплексов, получивших обозначения по названиям местности (Ганга цагаан эрэг, Хантайн төв и Моностойн нуга), зафиксированы многочисленные жертвенники в виде небольших каменных выкладок, под которыми находились кости лошадей. Полученные материалы нашли отражение в полевом отчете (Идэрхангай и др. 2015). Основная цель данной публикации – кратко представить результаты исследований, уделив особое внимание выполненным археозоологическим определениям.

На памятнике Ганга цагаанэрэг (GPS-координаты: N – 49°34'1.29"; E – 103°15'32.56") раскопаны следующие херексуры: № 1-077, 1-078, 1-079, 1-081, 1-082, 1-083, 1-086, 1-087. Они представляли собой типичные каменные конструкции. Находки получены только из жертвенников.

Памятник Хантайн төв обнаружен неподалеку от предыдущего комплекса. Зафиксированы такие координаты места его расположения: N – 49°33'39.78"; E – 103°14'34.08". В ходе работ раскопан крупный херексур (№1-037), от которого сохранились остатки округлой ограды диаметром 36 м, а в центре возвышалась каменная насыпь диаметром 26 м. Рядом зафиксированы 58 жертвенников и поминальников. Основная часть этих сооружений располагалась двумя дугами в восточной и юго-восточной стороне. Семь колец-поминальников были оформлены северо-запада.

На памятнике Моностойн нуга (GPS-координаты: N – 49° 32.787'; E – 103° 16.710') находились три кургана. Лучше всего кости лошадей сохранились в жертвенниках у херексура № 1-094. Этот объект имел такое устройство: в центре почти квадратной ограды из камней размерами 22,3×21,3 м находилась насыпь диаметром 11,3 м. Никаких находок там не оказалось. К югу и юго-западу от ограды располагались 10 небольших выкладок из камней.

Перечисленные памятники могут быть отнесены к «культуре херексуров и оленных камней», которая была выделена условно, но в определенной мере отражает существование общности в виде архаичной кочевой империи (Тишкин 2017). Для исследованных курганов характерно наличие жертвенников. В каждой яме под такой выкладкой располагался неполный скелет от одной особи лошади: череп с нижней челюстью, шейные позвонки и копытные фаланги. Шейные позвонки лежали в анатомическом порядке. Отсутствие костей туловища и конечностей выше копытных фаланг указывает на их отделение до захоронения. Черепа и нижние челюсти оказались сильно разрушены, сохранились лишь изолированные зубы. На основе имеющихся костных остатков можно заключить, что во время ритуала в яму укладывали шкуру лошади с оставшимися в ней костями головы и шеи, а также с копытами. Это символическое действие подразумевало сопроводительное захоронение коня для потусторонней жизни и оформлено по принципу «Часть вместо целого (*pars pro toto*)». Данное заключение находит подтверждение при раскопках курганов того же времени на территории Алтая, когда в восточной стороне находят полные скелеты лошадей или их части с конским снаряжением. Во Внутренней Азии в рассматриваемый период существовала несколько иная практика, когда сначала вывешивалась шкура жертвенной лошади (с головой и копытами), а потом через определенное время она закапывалась под каменной выкладкой. Такой обряд в разных вариантах использовался и позднее.

Население, оставившее указанные памятники в долине р. Эгийн-Гол, было кочевым. Люди в большом количестве разводили лошадей. Поселений не обнаружено. Находки в херексурах фиксируются крайне редко, так как значительное большинство погребений ограблено в древности или являются кенотафами. При раскопках памятников Ганга цагаан эрэг, Хантайн төв и Моностойн нуга не обнаружены «оленные» камни. Данная ситуация отражает хронологические и территориальные особенности распространения разных типов херексуров.

Проанализированные остеологические материалы от лошадей происходят из 51 жертвенника. У херексуров № 1-078, 1-079, 1-082 и 1-087 археологического комплекса Ганга цагаан эрэг обнаружены со-

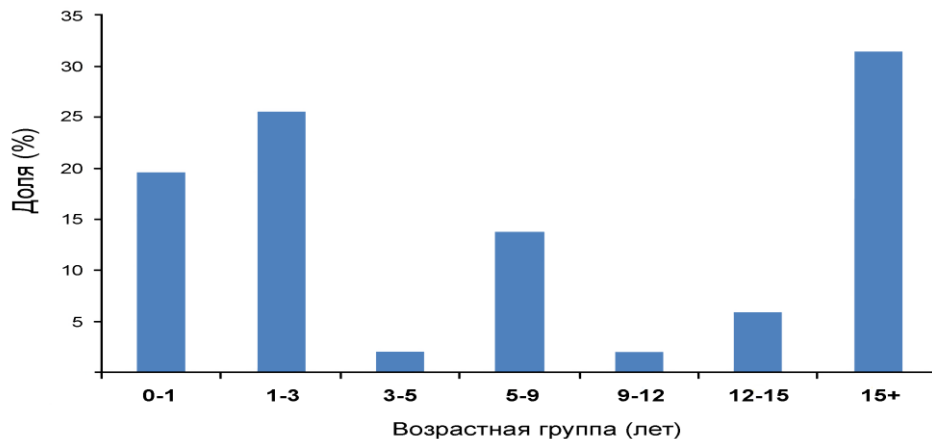
хранившиеся остатки от 25 лошадей. От 13 особей зафиксированы кости в жертвенниках у херексура 1-037 памятника Хантайн төв. Остальные соотносятся с объектами № 1-092, 1-093 и 1-094 некрополя Моностойн нуга.

Для каждой особи был установлен индивидуальный возраст и, по возможности, пол. Возраст лошадей определялся по времени прорезывания и степени стертости зубов (Silver 1969; Levine 1982). Для изучения характера использования лошадей в ритуале сформированы возрастные профили забитых животных (Levine 1999). Они состоят из семи возрастных групп: 0–1 год; 1–3 года; 3–5 лет; 5–9 лет; 9–12 лет; 12–15 лет; 15+ лет.

Из-за плохой сохранности материала удалось определить пол лишь для части особей. Среди жертвенных лошадей представлены как самцы, так и самки. Это указывает на отсутствие специального отбора животных по полу.

Возрастной профиль забитых лошадей (рис.) демонстрирует присутствие всех указанных групп – от годовалых жеребят до старых особей. Преобладают неполовозрелые (до 3 лет) и старые (более 15 лет) животные. Среди взрослых лошадей больше всего представлены особи 5–9 лет, а доли остальных возрастных категорий малы. Данный профиль может указывать на специальный отбор животных по возрасту: преимущественное использование в жертвенной практике молодых и старых коней. Высокие доли этих возрастных групп в жертвенниках у херексуров наиболее вероятно отражают забой «лишних» особей при учете воспроизводства и хозяйственных нужд. Указанная возрастная структура совпадает с аналогичной ситуацией, имевшей место в традиционной модели экономики в Монголии. В таком типе хозяйства смертность низка среди взрослых лошадей в их наиболее продуктивные годы жизни и высока для молодых и старых особей (Levine 1999). Поэтому была характерной ликвидация излишков молодых животных в возрасте 2–4 лет и старых. Среди особей, которых забивали в молодом возрасте, преобладают самцы. Самок оставляли для получения молока и потомства.

Возрастной профиль для исследованных костных остатков лошадей

В отличие от возрастной структуры, характерной для хозяйственного использования монгольских лошадей, в жертвенниках у херексуров среди забитых животных отмечается достаточно высокая доля взрослых особей в их молодые годы. Забой таких коней в данном случае может указывать на особое ритуальное значение.

Литература:

Тишкин А. А. «Оленные» камни Монголии и сопредельных территорий как один из показателей архаичной кочевой империи (к постановке вопроса) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: электронное издание. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 1026.

Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Галбадрах Б., Эрдэнэ Ж., Өнөрбаяр Б., Энхмагнай Г. Булган аймгийн Хутаг-Өндөр сумын нутаг Эгийн голын усан цахилгаан станцын усан сангийн талбайд явуулсан археологийн авран хамгаалах малтлага судалгааны ажлын 2015 оны ажлын тайлан. Улаанбаатар, 2015. С. 67–150, 248–370-р тал.

Levine M. A. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Aging and sexing animal bones from archaeological sites. Oxford, 1982. P. 223–250.

Levine M. A. Botai and the origins of horse domestication // Journal of Anthropological Archaeology. 1999. Vol. 18 (1). P. 29–78.

Silver I. A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. New-York, 1969. P. 283–302.

*Сенотрусова Полина Олеговна
кандидат исторических наук
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
Pollina1987@rambler.ru*

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ В ФИНАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА¹

В статье представлены первые результаты изучения коллекции железных наконечников стрел из могильника финала раннего железного века Пинчуга-6. Выделено шесть типов проникателей. Среди них имеются трехлопастные, плоские и бронебойные наконечники стрел, которые входили в оружейные наборы населения Центральной Азии и Южной Сибири в I тыс. н.э. Ангарские железные наконечники стрел сопоставляются и с многочисленными изделиями из памятников лесной зоны Западной Сибири, Тувы, Хакаско-Минусинской котловины и Алтая. Хронология коллекции наконечников стрел некрополя укладывается в диапазон III–V вв. н.э. Наконечники стрел найдены примерно в трети погребений некрополя, преимущественно во взрослых погребениях. На части предметов коллекции есть следы окалины.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, финал раннего железного века, наконечники стрел, типология, хронология.

*Senotrusova Polina Olegovna
Candidate of Sciences in History
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia*

IRON ARROWHEADS OF THE POPULATION OF THE LOWER ANGARA REGION IN THE FINALE OF THE EARLY IRON AGE

The article presents the first results of studying the collection of iron arrowheads from the burial ground of the Finale of the Early Iron Age Pinchuga-6. Six types of arrows were identified. Among them there are three-bladed, flat and armor-piercing arrowheads, which were included in the weapon sets of the population of Central Asia and Southern Siberia in the I millennium AD. Angara iron arrowheads are also compared with numerous products from the monuments of the forest zone of Western Siberia, Tuva, Khakassia and Altai. The chronology of the collection of necropolis arrowheads fits into the range of the III–V centuries AD.

Keywords: Lower Angara region, the Finale of the Early Iron Age, arrowheads, typology, chronology.

Вопросы развития военного дела населения Нижнего Приангарья в первой половине I тыс. н.э. практически не исследованы. Работы последних лет на могильнике Пинчуга-6 позволили впервые получить сколько-нибудь представительную коллекцию предметов вооружения этого периода.

На памятнике выявлено 16 относительно одновременных погребений, выполненных по обряду трупопожжения на стороне, содержащих разнообразный инвентарь. В настоящей публикации впервые отдельно рассматривается коллекция железных наконечников стрел из могильника Пинчуга-6.

На вскрытой части некрополя зафиксировано 34 железных наконечника стрел. В двух погребениях найдено по одному или два изделия. В трех погребениях со стрелами захоронены останки взрослых индивидов. Один наконечник найден в погребении, где залегали обожженные фрагменты костей трех детей. Больше всего наконечников стрел (20 экз.) найдено в погребении № 16, здесь захоронены останки не менее чем от пяти индивидов, двое из которых дети. Один наконечник стрелы очень плохой сохранности отмечен в межмогильном пространстве.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Все наконечники стрел корродированы, многие со следами пребывания в огне, часть повреждены современными грабителями. В типологической схеме учитывались только те изделия, сохранность которых позволяла определить необходимые морфологические характеристики.

Рассматриваемые наконечники относятся к группе железных, разряду черешковых. Отделы выделены по сечению пера, типы – по форме пера, варианты – по длине черешка (табл. 1).

Отдел 1. Четырехугольные (1 экз.).

Тип 1.1 (1 экз.) Стержневидный наконечник стрелы с упором. Перо вытянутое, с выделенной головкой, шейка в сечении – круглая, головка четырехугольная, заостренная. Черешок в сечении квадратный. Размеры изделия 7,8×0,5×0,5 см.

На Алтае такие бронебойные наконечники получают распространение в период второй половины IV–V вв. н.э. (Серегин и др. 2020: 110). Известны стрелы этого типа и в материалах фоминской культуры Кузнецкой котловины (Шири́н 2003: 63).

Отдел 2. Трехлопастные (всего 9 экз., один предмет плохой сохранности не отнесен к конкретному типу).

Тип 2.1 (4 экз.) Наконечники с пером вытянутой шестиугольной формы, отличаются пропорциями, черешок круглый или квадратный в сечении. Практически все плохой сохранности, что не позволяет точно определить размеры и особенности оформления. Размеры целого изделия 8,0×1,4×0,6 см.

Подобные наконечники стрел получили широкое распространение в Центральной Азии и Саяно-Алтайском нагорье в саяно-бийское время (Худяков 1990).

Тип. 2.2 (2 экз.) Наконечники с пером вытянутой ромбической формы, черешок квадратный в сечении. Размеры сохранившихся фрагментов от 4,9×2,5×2,0 см до 6,8×1,5×1,1 см.

Наконечники стрел найдены в кокэльских погребениях кургана Туннуг 1, которые датируются серединой III–IV вв. н.э. (Sadykov etc. 2021, fig., 12, 13). Находки изделий этого типа известны в Айдашинской пещере (Молодин, Бобров, Равнушкин 1980: 79). Присутствуют они в забайкальских материалах I тыс. н.э. и таштыкских комплексах (Худяков 1990). На Алтае они бытуют в интервале III–V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт 2018: 54).

Тип 2.3 (1 экз.). Ярусный наконечник стрелы, с ассиметрично ромбическим пером. В нижней трети пера, на лопастях расположены отверстия в виде перевернутой «запятой». Черешок круглый в сечении, с небольшим упором. Размеры изделия 13,5×2,7×2,7 см.

Ярусные наконечники стрел с аналогичными отверстиями отмечены в Айдашинской пещере (Молодин, Бобров, Равнушкин 1980: 76), есть схожие экземпляры в фоминских комплексах Кузнецкой котловины (Шири́н 2003: 60).

Тип 2.4 (1 экз.). Миниатюрный наконечник с треугольным пером, черешок круглый в сечении, без упора. Размер 5,0×1,3×1,2 см.

Аналогичные изделия зафиксированы в Туве на городище Катлыгы 5 (вторая половина III – первая половина IV в. н.э.) (Садыков 2018: 82). Известны такие наконечники и в Забайкалье в I тыс. н.э., есть они в составе Холмогорской коллекции III–IV вв. н.э. (Зыков, Федорова 2001: 122).

Отдел 3. Плоские (всего 24 экз.).

Тип 3.1 (24 экз.). Наконечники с треугольным пером, небольшими оттянутыми шипами и черешком без упора. По длине черешка можно разделить на два варианта.

Первый – это кованые изделия с длинными черешковыми насадами, длина которых равна или несколько больше длины пера. К этому варианту относятся два наконечника, размерами 9,0×1,3×0,4 см и 8,0×1,8×0,4 см, размер насада 5, 0 и 4,4 см соответственно.

В Западной Сибири такие стрелы известны в могильнике у Архиерейской заимки и в составе Холмогорской коллекции III–IV вв. н.э. (Беликова, Плетнева 1983, рис. 77; Зыков, Федорова 2001: 122).

Ко второму варианту относятся изделия с коротким черешком. Два наконечника кованые, остальные вырезаны из тонкого листа железа с последующей доработкой и заточкой. Размеры наконечников этого варианта невелики от 2,0×1,1×0,1 см до 7,4×2,0×0,2 см, преобладают изделия длиной 3,0–4,0 см. Размеры черешков варьируют от 0,4 до 2,5 см.

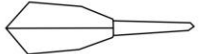

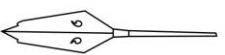
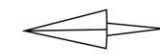

Аналогичные стрелы, вырезанные из листа железа, найдены в V культурном слое (110 г. до н.э. – 350 г. н.э.) поселения Улахан Сегеленнях (Алексеев 2013: 69). В Западной Сибири такие стрелы известны в материалах Томского могильника, Ишимской и Парабельской коллекций (Комарова 1952, рис. 27).

В Нижнем Приангарье наконечники этого типа найдены на стоянке Чадобец и на металлургической площадке III–IV вв. н.э. стоянки Итомиура. Один такой наконечник встречен на могильнике начала II тыс. н.э. Проспихинская Шивера-IV. В силу простоты изготовления и универсального характера формы подобных стрел они использовались в лесной зоне Сибири с рубежа эр и до начала II тыс. н.э.

На могильнике Пинчуга-6 найдено шесть типов железных проникателей. Хронология железных наконечников стрел могильника Пинчуга-6 укладывается в рамки III–V вв. н.э., что полностью соответствует датировке некрополя по другим материалам.

Таблица 1

Типология железных наконечников стрел могильника Пинчуга-6

группа	разряд	отдел	тип/вариант	датировка
железные	черешковые	■		IV – V вв. н.э.
		Y		III – V вв. н.э.
				III – V вв. н.э.
				первая половина I тыс. н.э.
				III – IV вв. н.э.
		—		I – начало II тыс. н.э.
				

Литература:

Алексеев А. Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 5. С. 62–69.

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 248 с.

Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 176 с.

Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 24. Т. 1. М., 1952. С. 7–50.

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.

Садыков Т. Р. Костяные наконечники стрел первой половины I тыс. н.э. в Туве // Записки Института истории материальной культуры. 2018. № 18. С. 80–88.

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Новые материалы для изучения оружия Дальнего боя у населения Северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3(31). С. 99–118.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. 368 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н.э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: кооператив «Полиграф» при ИЭОПП СО АН СССР, 1990. С. 44–60.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.

Sadykov T., Blochin J., Caspari G. The Kokel of southern Siberia: New data on a post-Xiongnu material culture // PLoS ONE. 2021. Vol. 16. No 7 July. P. e0254545.

*Губенко Екатерина Викторовна
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
e.gubenko@g.nsu.ru*

*Митько Олег Андреевич
кандидат исторических наук
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
omitis@gf.nsu.ru*

**КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ
В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ КАМЕННЫХ БУСИН
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)¹**

В данной работе приводятся результаты обзора источниковой базы находок бусин раннего железного века степной зоны Верхнего и Среднего Енисея. Всего насчитывается более 3,6 тыс. экз. из 28 археологических памятников. На территории Центрально-Тувинской котловины в 9 могильниках зафиксировано более 3500 каменных бусин. Не менее 100 бусин из камня обнаружено в 16 памятниках тагарской культуры. Однако, при схожести формы, цветовой гаммы и размеров, бусинные наборы их этих двух регионов отличались по материалу изготовления. Подсчеты процентного соотношения показывают, что среди населения Центрально-Тувинской котловины были популярны бусы, изготовленные из бирюзы и янтаря, более ценных минералов, а среди населения тагарской культуры из аргиллита и сердолика. Комплексы украшений сформировались в результате торговых и культурных связей с представителями Средней Азии, которые выступали как посредники в эстафетной торговле престижными товарами.

Ключевые слова: Саяно-Алтайский регион, ранний железный век, межкультурные контакты, бусы.

*Gubenko Ekaterina Viktorovna
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

*Mitko Oleg Andreevich
Candidate of Sciences in History
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

**CULTURAL RELATIONS OF THE POPULATION OF THE UPPER AND MIDDLE YENISEI IN
THE EARLY IRON AGE (BY THE MATERIALS OF COLLECTIONS OF STONE BEADS
FROM ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS)**

In that work presents the results of a review of the source base of finds of beads of the early Iron Age from the steppe zone of the Upper and Middle Yenisei. In total, there are more than 3.6 thousand copies from 28 archaeological sites. On the territory of the Central Tuva basin, more then 3,500 stone beads are recorded in 9 burial grounds. At least 100 stone beads were found in 19 sites of the Tagar culture. However, despite the similarity of shape, colors and sizes, the bead sets from these two regions differed in the material of manufacture. Estimates of the percentage ratio show that among the population of the Central Tuva basin, beads made of turquoise and amber, more valuable minerals, and among the population of the Tagar culture from argillite and heartland, were popular. Jewelry complexes were formed as a result of trade and cultural relations with representatives of Central Asia, who acted as intermediaries in the relay trade of prestigious goods.

Keywords: Sayano-Altai region, early Iron Age, intercultural contacts, beads.

¹ Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00111.

Начиная с эпохи ранней бронзы степная зона Верхнего и Среднего Енисея была частью обширной культурно-исторической общности центральноазиатских скотоводов, высоко мобильных и способных адаптироваться к изменениям окружающей среды. Высокая концентрация археологических памятников во многом объясняется природно-географической уникальностью региона. Накопленный археологический материал дает возможность изучить различные исторические аспекты: миграцию носителей идей и технологий, их культурные контакты, распространение уникальных и престижных в кочевом мире изделий. В степных долинах Енисея, начиная с самого раннего этапа культуругенеза и в течение длительного времени, формировались различные культурные традиции, обусловившие своеобразие восточной части «скифского» мира (Савинов 2002: 154).

Одними из экономических стимулов развития «непостоянно оседлых» скотоводов являлись региональная торговля и прямой межгрупповой обмен товарами различного рода: меха, ткани, предметы из металла, поделочных камней и минералов, а также украшения разных типов, включая бусы. Бусины и бисер играли особую роль в системе культурных и экономических связей древнего населения. В археологических памятниках VII–III вв. до н.э., в первую очередь, в погребальных сооружениях и кладах, они составляют одну из распространенных категорий находок. Помимо прямого функционального назначения – эстетического (украшения тела, головных уборов, одежды, обуви, сумок из органических материалов), они служили оберегами и маркерами социального статуса. В литературе отмечалось, что у древнего населения Енисея бусины считались личными украшениями, и только в отдельных случаях их находки можно отнести к сопроводительному инвентарю коллективных захоронений (Николаев 1983). По наблюдениям аль-Бируни сердоликовые украшения разделялись на мужские (более темного цвета) и женские (имевшие светлые тона) (аль-Бируни 1963: 381–382).

Ранний железный век на территории Хакасско-Минусинской и Центрально-Тувинской котловин – это время существования тагарской, алды-бельской и уюкско-саглынской археологических культур. Источниковая база по изучению находок бусин из камней-самоцветов в памятниках этих культур составляет более 3,6 тыс. экз. (3663 экз. из 28 учтенных нами памятников). Данные собраны по сведениям из публикаций и очевидно, что абсолютно точное количество определить невозможно. Часто в полевой документации, отчетах отсутствуют их число и подробные описания обстоятельств находок, определение материала изготовления.

На территории Центрально-Тувинской котловины каменные бусины были обнаружены в девяти могильниках (Грязнов 1980; Семенов 2003; Чугунов, Парцингер, Наглер 2017). Всего насчитывается не менее 3563 экз. из бирюзы, янтаря, аргиллита, сердолика, яшмы, нефрита, гагата, мрамора, кальцита, пирита, диорита. В количественном соотношении преобладают бирюзовые бусины (не менее 2817 экз.; 79%). Формы каменных изделий, характерные для территории Тувинской котловины, самые разнообразные: цилиндрическая, бочонковидная, кольцевидная, прямоугольная, дисковидная.

По опубликованным данным каменные бусины были зафиксированы в 16 памятниках тагарской культуры (Александров, Паульс, Подольский 2001; Максименков 2003). В 2020 и 2021 гг. коллекция пополнилась материалами из раскопок подгорновских и сарагашенских курганов могильников Казановка-6, Скальная-5 и Сагайская Протока-12.

Общее количество зафиксированных находок – не менее 100 экз., из них сердоликовых бусин насчитывается не менее 46 экз. (46%), а украшений из аргиллита – не менее 25 экз. (25%). Наиболее распространенные формы каменных бусин, встречаемых в памятниках Минусинской котловины VII–III вв. до н.э.: цилиндрические, зонные, бочонковидные, дисковидные.

Расчеты процентного соотношения бусин из поделочного камня с территории Среднего и Верхнего Енисея показывают, что к настоящему времени известно не менее 2812 экз. из бирюзы (77%); не менее 544 экз. из янтаря (15%); аргиллита 160 экз. (4%); из сердолика не менее 88 экз. (2%). Остальные 2% представляют собой изделия из других материалов. Однако, при схожести формы, цветовой гаммы и размеров, бусинные наборы отличались по материалу изготовления. Можно предположить, что среди населения Центрально-Тувинской котловины были популярны бусы, изготовленные из бирюзы и янтаря, а среди населения тагарской культуры из аргиллита и сердолика. Отметим, что в хронологическом отношении становление и развитие культур раннего железного века на территории Верхнего и Среднего Енисея было синхронным.

Необходимо подчеркнуть, что из 88 сердоликовых бусин 32 изделия гравированы орнаментом, который наносился раствором щелочи с последующим нагреванием. Большая часть подобных находок происходит из «царского» кургана Аржан-2. Описание технологии орнаментации сердоликовых бусин упоминается в дошедшем до нас средневековом источнике – трактате персидского ученого-энциклопедиста ал-Бируни (ал-Бируни 1963). Связанная с их изготовлением технологическая традиция восходит к временам цивилизации Хараппы и сохранилась у ювелиров Индии и Ирана. Аналогии гравированным изделиям из сердолика встречаются в Восточном Памире, Хорезме, Мерве, Семиречье, в Центральном Казахстане и Закавказье (Литвинский 1972: 79–81).

Городская культура является благоприятной средой для развития ремесленного производства, особенно высокотехнологичного, требующего специальных знаний, умений, специализированных инструментов и организации мастерских, где выполнялись операции по шлифовке и сверлению (Губенко 2021: 143–144). Экономически активные представители племен Средней Азии выступали как посредники в эстафетной торговле престижными товарами, которые было сравнительно легко транспортировать на дальние расстояния.

К настоящему времени на территории в Сибири не зафиксированы мастерские по изготовлению каменных бус. Возможно, это произойдет в ходе будущих исследований, а пока наиболее продуктивным может быть пополнение источниковой базы новыми находками с территории Верхнего и Среднего Енисея.

Литература:

Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб.: [Б. и.], 2001. 99 с.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., Наука, 1980. 64 с.

Губенко Е. В. Технология сверления каменных бус (по письменным источникам) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 143–144.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. С. 78–82.

Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб., «Петербургское востоковедение», 2003. 192 с.

Николаев Р. В. Раскопки древних могил в горах Оглахты // Археология Южной Сибири. 1983. Вып. 12. С. 86–94.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.

Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.

Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни; Пер. А. М. Беленицкого; Ред. проф. Г. Г. Леммлейна и др.; Статьи и примеч. А. А. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 518 с.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

*Дьякова Ольга Васильевна
доктор исторических наук
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия
Emelianova49@mail.ru*

О ТРАНСФОРМАЦИИ ГОНЧАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ХУННУ

Статья посвящена проблеме замещения (вытеснения) ручного гончарства в культуре хунну на чужеродное ремесленное. В культуре хунну выявлены две группы керамики. В первой группе сохраняются хуннские (аборигенные) традиции в форме изделий, в формовке выбивкой с желобчато-вафельным декором, ручным заглаживанием поверхностей, окислительным режимом обжига, отсутствием тамгообразных знаков. При этом они выполнены на базе инородной круговой технологии: спирально-жгутовым налепом, с отпечатком на дне сосудов квадратного оттиска оси круга. Следовательно, инородное ремесленное гончарство учитывало традиционные запросы хуннского населения, но при этом происходило замещение собственного хуннского гончарства на ремесленное производство. Вторая группа (сероглиняная посуда) по технико-технологической характеристике полностью соответствует керамике, уходящей своими истоками в гончарство Хань.

Ключевые слова: Евразия, хунну, гончарство, технология, Китай, ремесло.

*Dyakova Olga Vasilyevna
Doctor of Sciences in History
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russia*

ON THE TRANSFORMATION OF THE XIONGNU POTTERY TRADITIONS

The article is devoted to the problem of substitution (displacement) of manual pottery in the Xiongnu culture for foreign handicraft. Two groups of ceramics have been identified in the Xiongnu culture. In the first group, the Hunnic (aboriginal) traditions are preserved in the form of products, in the form of embossing with grooved-waffle decor, manual smoothing of surfaces, oxidative firing mode, the absence of tamgo-like signs. At the same time, they are made on the basis of a foreign circular technology: spiral-plaited adhesive, with an imprint on the bottom of the vessels of a square impression of the axis of the circle. Consequently, foreign handicraft pottery took into account the traditional needs of the Hunnic population, but at the same time there was a substitution of their own Hunnic pottery for handicraft production. The second group (gray clay tableware) in terms of technical and technological characteristics fully corresponds to ceramics, which has its origins in Han pottery.

Keywords: Eurasia, Xiongnu, pottery, technology, China, craft.

Переход от ручного гончарства к ремесленному (от лепной аборигенной керамики к круговой) в археологических культурах Евразии происходил по-разному. Классический эволюционный путь характерен лишь для небольшого числа культур. Примером этому служит гончарство древнего и средневекового Китая, где лепная керамика при появлении технических приспособлений в виде круга не утрачивала свои исконные традиции, не вытеснялась, а постепенно переходила на новый технологический уровень, при этом активно заимствуя инородные (чужие) формы керамических изделий, декор. В кочевых культурах Евразии при взаимодействии с государственными образованиями, как правило, ручное аборигенное гончарство замещалось чужеродным ремесленным производством. Гончарство культуры хунну не исключение. Исследователи, работавшие с глиняной посудой хунну, отмечали, что «у хунну существовало собственное производство керамики, аккумулировавшее в себе традиции как предшествующих народов Центральной Азии, так и современных им земледельческих культур сопредельных территорий» (Конова-

лов 1985: 41–50). К привнесенным земледельческими культурами традициям отнесены сосуды грушевидной формы с широкой и узкой горловиной, преимущественно украшенные лощеными полосами (Давыдова 1985: 38–43). Анализ хуннской керамики в данной статье осуществлялся внутри этих двух групп. В первую группу вошли горшковидные сосуды с ребристой поверхностью, во вторую – сероглиняная посуда различных форм. Керамика обеих групп выполнена с применением круга, особенностью которого была возвышающаяся над плоскостью ось квадратной, или прямоугольной формы (Дьякова 1993: 264–276).

Группа I. Тип 1. *Горшки с ребристой поверхностью* имеют плоское дно, тулово яйцевидной формы, слабо выраженные плечики, широкую горловину и округлый, отогнутый наружу венчик. Особенностью плоского дна является наличие в центре вогнутости в виде квадрата или прямоугольника – отиска выступающей оси круга. Минимальная высота горшков – 21 см, максимальная – 30 см, диаметр венчиков 16,5–20 см, диаметр днищ 11–14 см. Техничко-технологическая характеристика изделий содержит следующие признаки: 1) наличие песка в теста как обязательного компонента; 2) лепка на круге спирально-жгутовым способом всех частей горшков; 3) квадратный отиск оси круга на дне; 4) формовка выбивкой основной части тулова; 5) желобчато-вафельный орнамент (результат выбивки) и волнообразная борозда под венчиком; 6) сочетание ручной и круговой обработки поверхностей; 7) левосторонняя ориентация декора: гребней волнообразных борозд, желобчато-вафельных оттисков, а также следов выглаживания внутренней поверхности; 8) окислительный режим обжига; 9) использование посуды для варки; 10) отсутствие тамгообразных знаков.

Следовательно, помимо единой формы керамика I группы хуннской культуры имеет устойчивый набор технико-технологических признаков, сочетающих две различные гончарные традиции. Одна традиция связана с приемами ручной лепки, другая – с хорошо отработанными, стандартными навыками круговой выделки.

II группа. *Сероглиняная керамика*. Сюда входят хумы (грушевидные по другим классификациям), вазовидные сосуды, миски, горшки с выпуклым туловом и выделенной шейкой. Объединяющим для них является единая технико-технологическая характеристика продукции с устойчивыми, отработанными, стандартными ремесленными традициями, проявляющимися буквально во всех чертах: 1) в стандартных формах сосудов, широко распространенных на территории Евразии; 2) в приемах лепки – изготовление сосудов по частям, с использованием круга с выступающей квадратной осью, конструирование сосуда спирально-жгутовым налепом, применение донного и донно-емкостного начина; 3) в стандартном составе теста с обязательным включением двух разных сортов глин; 4) в машинной обработке внешней и внутренней поверхности; 5) в восстановительном режиме высокотемпературного обжига; 6) в круговой прочерченной орнаментике в виде дуг и борозд; в композициях лощеных узоров, повторяющих рисованный красками орнамент, характерный для посуды эпохи Хань (Чжан Вэй 1985: 34; Изучение древней керамики 1985: 266; Керамические изделия 1964: 125).

Анализ сероглиняной керамики хуннских комплексов Забайкалья позволяет вернуться к вопросу о происхождении и формировании гончарных традиций данной культуры. Две традиции, представленные двумя группами керамики, безусловно, имеют разные истоки. Ремесленная традиция, связанная с сероглиняной керамикой, является естественным продолжением гончарства эпохи Хань. Достаточно очевидно это прослеживается по материалам памятников Западной Хань, датируемых I в. до н.э. Прямое сходство наблюдается между сосудами "ху" Западной Хань и вазами хунну. Главным различием является техника исполнения: крашенные рисунки заменяются лощением. Техничко-технологическая характеристика сосудов "ху" полностью соответствует данным сероглиняной керамики хуннов. Ремесленная традиция, связанная с сероглиняной керамикой, своими истоками уходит в гончарство Хань, где она вызрела, и уже в готовом виде, со своей технологией и отчасти формами и декором появилась у хунну, когда возникла необходимость в создании собственных производственных отраслей. Метаморфоза, случившаяся с хуннским гончарством, представленным горшковидными сосудами с ребристой поверхностью, имеющими глубоко местные корни (Коновалов 1976:193–198) и известными как "хуннские", показывает, что древняя местная традиция практически оказалась замещена ремесленной. При этом инородное ремесленное гончарство активно реагировало на запросы хуннского населения и копировало традиционные хуннские формы сосудов и декор, но конструировало посуду по своей традиционной технологии.

Литература:

Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)- памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.

Дьякова О. В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993. 408 с.

Изучение древней керамики Китая. Пекин, 1982. № 1–2. 266 с.

Керамические изделия периода династий Цинь и Хань. Ритуальная утварь. Альбом. Пекин, 1964.

Коновалов П. Б. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 41–50.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.

Чжан Вэй. Искусство китайской расписной керамики. Шанхай, 1985.

РАЗДЕЛ 2
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – НОВОЕ ВРЕМЯ)

DOI: 10.53954/9785604788981_43

Мищенко Мария Сергеевна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
markuz97@mail.ru

КИТАЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОФУН
НА ЯПОНСКОМ АРХИПЕЛАГЕ (III–VII вв. н.э.)

В статье рассматривается проблема влияния Китая на формирование и развитие курганной культуры (Кофун) на японских островах в III–VII вв. н.э. Внимание акцентируется на схожести форм японских и китайских курганов, а также китайском происхождении элементов погребального инвентаря в японских захоронениях, например, бронзовых зеркал. В статье также приводятся краткие характеристики развития курганной культуры в Китае и Японии: в Китае традиция возведения курганов, в отличие от Японии, насчитывает много веков. В результате сделан вывод, что культура Кофун, несмотря на несомненное влияние китайской курганной культуры, имеет собственный путь развития и характеризуется большим разнообразием форм курганов и вариантов их оформления, чем китайская и корейская культуры.

Ключевые слова: кофун, курган, история Японии, археология Японии, китайское влияние.

Mishchenkova Maria Sergeevna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

CHINESE INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF KOFUN CULTURE
IN THE JAPANESE ARCHIPELAGO (3RD–7TH CENTURIES AD)

The article deals with the problem of China's influence on the formation and development of the kurgan culture (Kofun) on the Japanese islands in the 3rd–7th centuries AD. Attention is focused on the similarity of the forms of Japanese and Chinese mounds, as well as the Chinese origin of the elements of grave goods in Japanese burials, for example, bronze mirrors. The article also provides brief characteristics of the development of the kurgan culture in China and Japan: in China, the tradition of building mounds, unlike Japan, goes back many centuries. As a result, it was concluded that the Kofun culture, despite the undoubted influence of the Chinese kurgan culture, has its own way of development and is characterized by a greater variety of mound shapes and design options than the Chinese and Korean cultures.

Keywords: Kofun, kurgan, history of Japan, archeology of Japan, Chinese influence.

В III–VII вв. н.э. на территории японского архипелага проходило развитие курганной культуры Кофун (в переводе с японского языка ‘древний курган’). Много в культуре Кофун (например, курганы в форме замочной скважины) не имеет аналогов во всем мире, однако курганная культура гораздо раньше появились на материке, в том числе на территории Китая и Кореи. Уже с начала XX в. Ученые занялись проблемой происхождения культуры Кофун в попытке оценить степень материкового влияния и культур отдельных территорий на культуру Кофун.

В то время, когда на территории современной Японии только начали появляться зачатки государственности, Китай уже имел многовековую историю. Япония находилась на периферии этой империи,

впитывая достижения материковой культуры благодаря переселенцам из Китая и корейских государств, а также посредством дипломатических миссий. Основная сложность, с которой сталкивается исследователь в попытке изучения культурных связей Китая и первого японского государства (Ямато), заключается в легендарном характере древнеяпонских письменных источников, составленных в начале VIII в. Данные хроники содержат в себе немало информации о взаимоотношениях Ямато и народов с материка, однако хронология событий, которой придерживались составители, вызывает большие сомнения у специалистов. Для Китая Ямато было настолько далеким, что редко можно найти в китайских династических хрониках даже упоминания о взаимодействии с людьми «вэ», как их называли китайцы.

Однако, несмотря на скудность информации, которую можно получить из письменных источников, китайское влияние на развитие курганной культуры нетрудно проследить по археологическим данным. В первую очередь, в данном вопросе необходимо обращать внимание на формы и размеры курганов, воздвигаемых на территории Японии, а также на погребальный инвентарь и особенности устройства гробниц (коридорные гробницы, вертикальные и горизонтальные виды гробниц, внешний вид саркофагов и т.д.).

Исследователи периода Кофун при рассмотрении вопроса происхождения курганной культуры на японских островах придерживаются, как правило, одной из следующих теорий: автохтонного (местного), китайского, корейского либо сибирского происхождения Кофун. Китайская теория имеет большое число последователей. Например, Наталия Иофан отмечала, что наиболее обоснованной версией возникновения культуры Кофун является теория о чисто китайском заимствовании (Иофан 2020: 37).

Даже при возможности местного происхождения Кофун ученые всегда акцентируют внимание на большом культурном влиянии с материка. Например, Дж. Барнс пишет, что уже во II–III вв. н.э. между японскими протогосударственными образованиями и китайскими государствами Хань и Вэй осуществлялся культурный обмен: в качестве даров, принимаемых японской правительницей Химико, были изделия из железа и бронзовые зеркала, которые находят в погребальном инвентаре Кофун. Барнс также указывает на то, что в древнейших курганах на острове Кюсю погребальный инвентарь состоит из предметов, имевших ханьское происхождение (Barnes 2015: 346).

Остров Кюсю был своеобразным мостом между Китаем и японским островом Хонсю, на котором курганная культура получила наибольшее развитие. Строительство первых курганов в Центральной Японии совпало по времени с вторжением на эти территории племен Северного Кюсю (Иофан 2020: 37), на которые оказывалось сильное материковое влияние. Погребальный инвентарь курганов, построенных в III–IV вв. даже в Центральной Японии, несет на себе глубокий отпечаток китайского влияния: помимо бронзовых зеркал были найдены зеркала в треугольной оправе с изображением китайских божеств (Barnes 2015: 348–349). Кодзи Мидзогути рассматривает китайское влияние как определяющий фактор при переходе от культуры Яёй к культуре Кофун на японских островах. По мнению исследователя, политические беспорядки, происходившие в Китае в поздний период существования Империи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), совместно с климатическими изменениями послужили катализатором переселения части населения острова Кюсю в Центральную Японию (Mizoguchi 2017: 582).

Китайское влияние прослеживается не только в появлении традиции возводить курганы, но и в постройке курганов конкретных форм в различных регионах Ямато. На территории японских островов наблюдается большое разнообразие форм курганов, в том числе близких к мавзолеям китайских императоров. Для гробниц древнего Китая характерна квадратная и квадратно-квадратная форма. Кроме того, именно из Китая, судя по всему, была воспринята традиция облицовки поверхности курганов каменной кладкой для укрепления кургана и его долговечности. На северо-востоке Китая курганы с подобной техникой оформления возводились уже около 5 тыс. лет назад (Кофунздай-но кэнкю: 1993: 25).

Курганная традиция в Китае, таким образом, имеет историю длиной в несколько тысячелетий: в V в. до н.э. в царстве Цинь также возводились квадратные курганы с каменной кладкой. В период Воюющих царств в Китае (V–III вв. до н.э.) начали появляться многоярусные курганы, форма сохранялась прежней – усеченная пирамида с квадратным основанием (Кофунздай-но кэнкю: 1993: 29, 40). Мавзолеи китайских правителей Империи Хань по форме и особенностям внутреннего и внешнего устройства сопоставимы с японскими квадратными курганами IV–VII вв. (Сяофэнь 2003: 128, 146). Во внутреннем оформлении кофун также использовались специфические китайские красители (История Японии 1998: 55).

Кофун часто окружали ряды глиняных фигурок ханива, которые могли иметь как простую форму цилиндра, так и принимать антропо-, зооморфные формы, изображать дома, лодки, предметы домашней утвари. В Китае традиция окружения покойного глиняными фигурами также имела место, стоит упомянуть только гробницу Цинь Шихуанди, в которой усопшего императора сопровождала целая терракотовая армия. Японские ханива не имели такой детальной проработки и таких масштабов, однако выполняли схожие функции. На китайское влияние указывают многочисленные находки ханива ума (лошади): лошади были завезены на японские острова в период Кофун с материка и быстро стали играть важную роль в жизни японского народа (Ханива ума 2005: 5).

Культура Кофун на японских островах, без сомнения, испытала большое влияние материковых культур, в том числе китайской. Китай с его многовековой историей был для японцев ориентиром в политической и культурной сферах. При этом жители Ямато, заимствуя материковые модели культуры, никогда не оставляли их в изначальном виде, а творчески дорабатывали. В связи с этим, несмотря на большую роль Китая в формировании и развитии культуры Кофун, курганная культура Японии не повторяет китайскую или корейскую, а характеризуется большим разнообразием форм, размеров и вариантов оформления курганов.

Литература:

Иофан Н. Культура древней Японии. М.: Ломоносовъ, 2020. 224 с.

История Японии: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г. / отв. ред. А. Е. Жуков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 659 с.

Barnes G.L. *Archaeology of East Asia: the rise of civilization in China, Korea and Japan*. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2015. 492 p.

Mizoguchi K. *The Yayoi and Kofun Periods of Japan* // *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New-York: Springer, 2017. Pp. 561–601.

Кофундзидай-но кэнкю: [Исследования периода Кофун]: в 13 т. Т. 13: Хигаси Адзиа-но нака-но кофунбунка [Культура Кофун Восточной Азии]. Ред. Хиронобу Исино [и др.]. Токио: Ю:дзанкаку сьуппан, 1993. 190 с. (на яп. яз.).

Сяофэнь Х. Ханьму дэ каогусяэ яньцзю [Археологические исследования императорских захоронений времен династии Хань]. Чанша: Юэлушушэ, 2003. 307 с. (на кит. яз.).

Ханива ума [Ханива в виде лошади]. Иокогама: Бадзibunкадзайдан, 2005. 52 с. (на яп. яз.)

Батсуурь Анхбаяр

Ph.D

Монгол улсын Шинжлэх ухааны академийн Археологийн хүрээлэн

Улаанбаатар, Монгол Улс

b.ankhaa@gmail.com

Басандорж Буян-Орших

Монгол улсын Шинжлэх ухааны академийн Археологийн хүрээлэн

Улаанбаатар, Монгол Улс

bbyunorshikh@gmail.com

ЖУЖАНЫ ҮЕИЙН БУЛШНААС ОЛДСОН НЭГЭН ХАВТАГА ТҮҮНИЙ ЗОРИУЛАЛТ, УЛАМЖЛАЛ

2014 онд Монгол улсын Архангай аймгийн нутаг Талын гурван хэрмийг матлан судлах явцад Жужаны үеийн булшнаас гарсан ширэн хавтага нь өнөөгийн байдлаар Монголын нутагт малтан судалсан булш оршуулгын дурсгалаас гарсан хамгийн эртний баримт болж байна. Энэ нь монгол нутаг дээрх эртний нүүдэлчдийн хувьд наад захдаа 1600 орчим жилийн тэртээгээс хавтагыг хэрэглэж байсныг илтгэнэ. Хавтага нь нүүдэлчдийн хувьд өдөр тутмын хэрэглээний зүйлийг биедээ авч явах уут сав, тусгай хэрэглээний тоног, хувцас хэрэглээний салшгүй хэсэг болон төгөлдөржихдөө нийгмийн гарал, нас хүйс хамаарахгүйгээр хэрэглэж хэлбэр хийц, эд материалын хувьд онцын өөрчлөлтгүйгээр Түрэг, Уйгур, Кидан, Монголчуудад уламжлагдан өнөө үе хүрчээ.

Түлхүүр үг: хавтага, Жужаны үе, нүүдэлчид, монгол нутаг, уламжлал.

Batsuuri Ankhbayar

Ph.D

Institute of Archeology of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

Basandorj Buyan-Orshikh

Institute of Archeology of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

A SNUFF BOTTLE POUCH FOUND IN THE GRAVE RELATED TO THE JUJAN PERIOD, ITS PURPOSE AND TRADITION

In 2014, during the excavation of Talyin Gurvan Kherem site of Arkhangai aimag in Mongolia, we have revealed a leather pouch of snuff bottle. As of today, it is the oldest-known finding discovered in the burial sites of Mongolia. This shows that the Mongolian ancient nomads used the leather pouch of snuff bottle at least about 1,600 years ago. As for nomads, the pouch of snuff bottle became an integral part of the daily life of the Mongols in terms of carrying items as well as it became as special things and clothing for nomads. Perhaps just as importantly, the snuff bottle, and its accompanying bag or pouch, stand as rich vessels of the artistic and cultural history of Mongolia. Moreover, the pouch of snuff bottle has been hand down on the Turks, Uighurs, Khitans, and Mongols without any significant changes in design or material, using it regardless of their social origin, age or gender.

Keywords: Bottle (Khavtaga), Jujan period, Nomads, Mongolia, Tradition

Нүүдэлчид эрт үеэс хэт цахиур, аяга, сам, толь зэрэг ахуйн жижиг хэрэгслээ зориулалтын уут саванд хийж биедээ авч явдаг байсан нь археологийн малтлагаар олдсон олдвор хэрэглэгдэхүүн болон хүн чулуун хөшөөний дүрслэлээс харагддаг. Энэ удаад бид Жужаны үед холбогдох нэгэн арьсан хавтага ба түүний үүрэг зориулалт, уламжлалын тухай тодруулан өгүүлэхийг зорилоо. Өнөөгийн Монгол болон

хил залгаа бүс нутгийн археологийн дурсгалаас олдсон олдворыг нэгтгэн дүн шинжилгээ хийх, тэдгээрийн төрөл, хэлбэр хийц, тархалт, үүсэл хөгжлийг тодруулахад судалгааны зорилго оршино.

Монгол улсын Архангай аймгийн Өгийнуур сумын нутаг Тамирын гол хойд эрэгт буй цувраа гурван хэрмийг “Талын гурван хэрэм” хэмээн нэрлэдэг. Энэхүү дурсгалыг анх XIX зууны сүүлчээр Оросын эрдэмтэн Д. Клеменц олж үзээд, нутгийн ардын дунд тархсан домгийг үндэслэн Хэрэйд (аймаг)-д холбогдуулж болох юм (Пэрлээ 1961: 40) гэжээ. XX зууны 50-аад оны үед Монголын ууган археологич Х. Пэрлээ (Пэрлээ 1961: 41), Ц. Доржсүрэн (Доржсүрэн 2003: 123–124) нар удаа дараа ирж дурсгалыг тойм байдлаар судлан шинжлээд “Эртний нэгэн хот” хэмээн тэмдэглэсэн байна. 2001, 2005 онд археологич З.Батсайхан, Ё.Баатарбилэг нар тус дурсгалд бага хэмжээний сорилын малтлага хийж, Хүннүгийн үеийн хот байж болох тухай анхны таамаг дэвшүүлжээ (Батсайхан, Баатарбилэг 2002: 36–38). Дараа нь 2014–2019 онд Монгол-Хятадын хамтарсан археологийн хээрийн шинжилгээний анги Баруун, Төв хэрмийн орчимд малтлага судалгаа хийж, Хүннүгийн үед холбогдох судлаачдын саналыг дэмжээдхарин хүннүгийн хотуудаас өөр, өвөрмөц бүтэц, зохион байгуулалттай, нийтийн тахил тайлга үйлддэг зориулалт бүхий нүсэр байгууламж бололтой (Очир 2017) хэмээн үзсэн юм. (Зураг 1)

Дээрх судалгааны анги Талын гурван хэрмийн Дунд хэрмийн төвдбуй барилгыг малтах явцад нэгэн оруулга булш илэрснийг Жужаны үед холбон үзжээ. (Зураг 2) Тодруулбал, Талын гурван хэрмийг хулширсны дараа дээрх булшийг үйлдсэн болохыг ХБНГУ-ын Кельний их сургуульд хийгдсэн лабораторийн нас тогтоох судалгаагаар НТ 335–535 оны үед үйлдсэн болохыг тогтоосноор (Очир 2015) Талын гурван хэрэм болон энэ булшны он цагийн асуудлыг нэг тийш болгосон гэж хэлж болно.

Тус оршуулгыг шороо дагтаршуулан дэлдсэн барилга дээр баруун хойд зүгт чиглүүлэн 160 см гүн нүх ухаж, банз модон авсанд нас барагчийг тэнэгэр байдлаар тавьж оршуулжээ. Булш тоногдож сүйдээгүй бүтэн тул тэндээс илэрсэн хэрэглэгдэхүүн чухал мэдээллийг өгсөн билээ. Оршуулгаас хүрэл тээгтэй алтан чимэглэл, хээтэй хүрэл зүүлт, нумын ясан наалт, бүсний төмөр аралтай чимэглэл, ширэн хавтагатай цутгамал хүрэл шагай, шавар сав, төмөр зэвүүд, төмөр хутга, хүрэл бугуйвч, хүрэл бөгж, гоо заслын хүрэл багаж зэрэг эд зүйл илэрсэн юм. Бид энэ удаагийн судалгаанд тус оршуулгаас гарсан модон чагт бүхий арьсан хавтага хүрэл шагай зэргийг тусгайлан авч үзэх болно.

Арьсан хавтага: Хүний баруун ташааны орчмоос атирч хумигдсан, арьсан эдлэл олдсон байна. Хожим сэргээн засварлахад уг эдлэл нь бор даавуугаар ороосон арьсан хавтага болох нь мэдэгдэв. Бог малын арьсыг боловсруулаад, жижгэвтэр дөрвөлжин засаж бэлтгэсний дараа малын ноосоор нийтгэсэн утсаар хооронд нь нийлүүлэн оёод, дотор нь 1 ширхэг хүрэл шагай хийсэн арьсан хавтагыг дундуур нь нугалж битүүлээд, захыг нь хөвөөлдөн хооронд нь ноосон утсаар оёж бөхөлжээ. Уг арьсан хавтганы амсрын гадна талд утсаар оёж тогтоосон 1 модон хавчаартай. Модон хавчаар нь 7.87см урт, 0.48 см өргөн, 0.25 см зузаан. Хавчаар модны хоёр үзүүрт нүхтэй. Тэр нүхнүүдээр утас мэт нарийн зүйлийг нэвт сүвлэн татаж чангалан, хавтаганы амыг хамхиж хаадаг бололтой. Арьсан хавтаганы гадуур байсан бор даавуу нь үжирч муудсан учир хэлбэрийг тодорхойлох боломжгүй болсон одоо үлдсэн нь 11×8 см орчим хэмжээтэй. (Зураг 3)

Хүрэл шагай. Хэвд хүрлээр цутгасан, бог малын шагайнаас арай жижиг хүрэл шагай. Уг шагай нь морь буух тал болон тэмээ буух босоо талаасаа ихэд элэгдсэн. Энэ элэгдэлт зориуд үрж улласан мэт сэтгэгдэл төрүүлдэг. Хадгалалт дунд зэрэг. Хэмжээ нь 2.54 см урт, 2 см өргөн, 1.25 см зузаан, жин 17.36 гр.

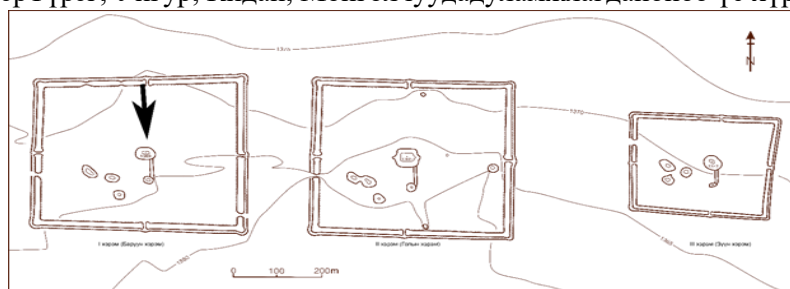
Үүрэг зориулалт хийгээд уламжлалын тухай. Хавтага нь нүүдэлчдийн эдийн соёлын нэгэн чухал хэрэглэгдэхүүн болдог. Үүрэг зориулалтын хувьд нэг талаараа гоёл чимэглэл нөгөө талаараа эд зүйлс агуулах сав, зэрэг зиндаа болон он цагаас хамаарч дүр дүрсэлбэр, хэлбэр хийцээрээ өөр хоорондоо ялгаатай байдаг. Монгол нутагт болон хөрш зэргэлдээ бүс нутагт явуулсан археологийн судалгаагаар хавтага булш оршуулгад илэрсэн тохиолдол цөөнгүй бөгөөд хүн чулуунд түгээмэл дүрсэлжээ. Ялангуяа Төв Азийн өндөрлөгт тархсан дундад эртний үед холбогдох хүн чулуудад бараг бүгдэд хавтага дүрсэлжээ. Эдгээр хавтага нь хэлбэр хэмжээ, хийц харилцан адилгүй аж. Тухайлбал Монгол Алтайд судалсан 90 орчим хүн чулуудын 19 хүн чулуунд (Баяр, Эрдэнэбаатар 1999: 66), төв Монголын нутагт судалсан 130 хүн чулууны 30-д хавтага бий (Баяр 1997: 60). Түүнчлэн Ховд аймгийн Мөнххайрхан сумын Үзүүр Гялан хэмээх газар малтан судалсан Киданы үед холбогдох нэгэн хадны оршуулгаас арьсан хавтага (Мөнхбаяр 2016: 5), Ховд аймгийн Булган сумын Чонот ууланд малтан судалсан хадны оршуулгаас загасны арьсаар хийсэн хавтага, модон чагт, бог малын шагайны хамт (Төрбат 2008), Баянхонгор аймгийн Бөмбөгөр сум Муруйн амны хадны оршуулгаас ширэн хавтага,

төмөр хэтний хамт (Түвшинжаргал 2013: 70), Өмнөговь аймгийн Ноён сумын Цагаан ханангийн агуйн оршуулгаас торгон эдээр хийсэн том жижиг хоёр хавтага тус бүр олджээ (Баяр, Эрдэнэбат 2004). Хил залгаа бүс нутгийн хувьд ОХУ-ын Чит муж, Онон мөрний сав Окошки (Баянхар) ууланд малтсан дундад зууны үеийн язгууртны булшнаас бүсэнд зүүлттэй хоёр хавтага (Баяр 2000), Кочкарскийн хөндийн Орта-токойн 14-р булшнаас нас барагчийн баруун талаас, 16-р булшинд нас барагчийн биеийн зүүн талаас дотроо цахиуртай арьсан хавтага тус бүр олдож байжээ. Мөн Киргизстан улсын Ат-Бешинском мужийн Тянь-Шань хэмээх газрын Секи I оршуулгын газрын 6-р булшнаас гарсан ширэн хавтагатай төмөр цохилуур, цахиур гарчээ (Митько 2012). Дорноговь аймгийн Дэлгэрэх сумын нутаг Чандмань Хар уулын 77-р булшнаас арьсан хавтага олдсон байна (Амартүвшин 2015). (Зураг 4)

Эртний нүүдэлчдийн эдийн соёлын нэгэн чухал хэрэглэгдэхүүн хавтага юм. Жужанчуудыг хавтага хэрэглэж байсныг илтгэх сурвалжийн мэдээ тэмдэглэгдэн үлджээ. Тухайлбал “*Луоян хотод очсон нирун хүнийг хөдсөн дээлт гэсэн нь нирунчуудын ерийн хувцас. Тэр нирун хүний бүсэнд ширэн хавтага байсан гэнэ*” (Сүхбаатар 1992: 158). Дээрх сурвалжийн мэдээг археологийн хэрэглэгдэхүүн давхар баталж буй мэт. Хавтаганы үүрэг зориулалтын хувьд судлаач Т.Түвшинжаргал хэт цахиур агуулах сав хэмээн сонирхолтой санал дэвшүүлсэн байдаг (Түвшинжаргал 2015: 70). Судалгаанаас үзэхэд хавтагыг ихэвчлэн эрэгтэй хүнд дагалдуулж байна. Харин Ховд аймгийн Мөнххайрхан сумын Үзүүр Гялангийн хадны оршуулгад эмэгтэй хүнд арьсан хавтага дагалдуулжээ. Үүнээс үзэхэд эртний нүүдэлчид эрэгтэй эмэгтэй хүйс ялгахгүйгээр хавтага хэргэлдэг байсан бололтой. Угсаатан зүйн мэдээнээс үзэхэд өнөө хир Монголчууд ахуй амьдралдаа хавтагыг өргөн хэрэглэсээр байна. (Зураг 5)

Талын гурван хэрмийн Жужан булшнаас хавтагатай хамт илэрсэн нэгэн сонирхол татахуйц олдвор бол цутгаж хийсэн хүрэл шагай юм. Шагайг монголчууд эртнээс эрхэмлэн, тоглоомын нэгэн төрөл болгосоор ирсэн бөгөөд шагайг төрөл бүрийн эдээр хийж байжээ. Үүний нэг жишээ бол аливаа металаар хийсэн шагайг “Аргалцаг” хэмээн нэрлэдгээс үзвэл шагайг чухам юунд хэрэглэхээс үүдэн төрөл бүрийн эд зүйлээр хийж байсныг илтгэнэ. Түүнчлэн Хүннү, Хятан, Монголын эзэнт улсын үеийн археологийн дурсгалаас мал, амьтны шагай түгээмэл олддог. Ховд аймгийн Булган сумын Чонот уулын хадны оршуулгаас загасны арьсаар хийсэн хавтага шагайны хамт илэрсэн нь эртний нүүдэлчид хавтаганд шагай агуулж явдаг байсныг гэрчлэх баримт юм. Монголчууд шагайнд аливаа мал, амьтны буян хишиг нь оршдог хэмээн, түүний дөрвөн талыг дөрвөн зүсэм малын нэрээр нэрлэнэ. Шагай нь аливаа муу зүйлээс хамгаалдаг, хийморь зоригийг хөгжөөдөг гэж монголчууд ойлгодог. Угсаатан зүйн мэдээнээс үзэхэд баруун Монголчуудын хуримын зан үйлд шагай, болон шагайт чөмөг томоохон байр суурь эзэлдэг. Талын гурван хэрмийн Жужаны үеийн булшнаас тусгай арьсан хавтагатай хүрэл шагай олдсон нь түүний эзэн шагай эрхэмлэдэг байсныг илтгэж байна. Тэрчлэн хүрэл шагай нэлээд элэгдсэн нь түүнийг байнга эдэлж хэрэглэдэг байсных буй за. Эл хүрэл шагайг бид мэргийн шагай байсан хэмээн төсөөлж байна. Шагайгаар мэргэлэх ёс монголчуудын дунд эртнээс байсан бөгөөд одоо ч байсаар байна. Тухайлбал, хамгийн түгээмэл буюу нийтээр мэргэлдэг жишээг бид монголчууд цагаан сарын шинийн нэгэнд ахмад настан эцэг эхийнхдээ орж золгохдоо 4 шагайг мөнгөн аяганд эсвэл тусгайлан бэлдсэн буудалдорхиж тухайн жилийнхээ өнгө, аз хийморийг үздэг байна.

Талын гурван хэрмийн Жужаны үеийн булшнаас гарсан ширэн хавтага нь өнөөгийн байдлаар Монголын нутагт малтан судалсан булш оршуулгын дурсгалаас гарсан хамгийн эртний баримт болж байна. Энэ нь монгол нутаг дээрх эртний нүүдэлчдийн хувьднаад захдаа 1600 орчим жилийн тэртээгээс хавтагыг хэрэглэж байсныг илтгэнэ. Хавтага нь нүүдэлчдийн хувьд өдөр тутмын хэрэглээний зүйлийг биедээ авч явах уут сав, тусгай хэрэглээний тоног, хувцас хэрэглэлийн салшгүй хэсэг болон төгөлдөржихдөөнийгмийн гарал, нас хүйс хамаарахгүйгээр хэрэглэж хэлбэр хийц, эд материалын хувьд онцын өөрчлөлтгүйгээр Түрэг, Уйгур, Кидан, Монголчуудад уламжлагдан өнөө үе хүрчээ.

Зураг 1. Талын гурван хэрэм хийгээд булшны байршил

Зураг 2.Талын гурван хэрмээс илэрсэн Жужан булшны оршуулга

Зураг 3. Талын гурван хэрмийн Жужаны үеийн булшнаас илэрсэн хавтаганы гэрэл болон гар зураг

Зураг 4. Дундад эртний нүүдэлчдийн булш оршуулга хийгээд хүн чулууны хавтага (1–Архангай аймаг Батцэнгэл сум Цагд уулын хүн чулууны хавтага, 2–Сүхбаатар аймаг Дарьганга сум Таван толгойн хүн чулууны хавтага, 3–Ховд аймгийн Мөнххайрхан сум Үзүүн гялангийн хадны оршуулгаас илэрсэн хавтага, 4–Ховд аймгийн Булган сум Чонот уулын хадны оршуулгаас илэрсэн хавтага, 5–Өмнөговь аймгийн Ноён сум Цагаан ханангийн хадны оршуулгаас илэрсэн хавтага, 6–Баянхонгор аймгийн Бөмбөгөр сум Муруйн амны хадны оршуулгаас илэрсэн хавтага)

Зураг 5. Монголчуудын хавтага 1–Тамхины хавтага 2–Өөлд авгайн бэл хавтага

Ном зүй:

Амартүвшин Ч., Батболд Н., Эрэгзэн Г., Батдалай Б. Чандмань Хар уулын археологийн дурсгал I. Улаанбаатар: «Мөнхийн-Үсэг» ХХК, 2015. 347 х.

Батсайхан З., Баатарбилэг Ё. Архангай аймгийн Өгийнуур сумын нутагт шинээр олдсон гурван хэрэм // МУИС-ийн ЭШБ. Археологи, Антропологи, Угсаатан судлал. 2002. № 187(13). 36х.

Баяр Д. Монголын төв нутаг дахь түрэгийн хүн чулуу. Улаанбаатар: Адмон, 1997. 148 х.

Баяр Д. Алтан ургийн язгууртаны нэгэн булшийг судалсан нь. Улаанбаатар: «Admon» ХХК, 2000. 33 х.

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулуун хөшөө. Улаанбаатар: «Admon» ХХК, 1999. 166 х.

Баяр Д., Эрдэнэбат У. Дундад зууны монголчууд бунханы ханын зурагт // Studia Archaeologica. 2004. Tomus (II) XXII, fasc. 18. 208–231-р тал.

Доржсүрэн Ц. 1956–1957 онуудад Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн нь. Ц. Доржсүрэнгийн эрдэм шинжилгээний бүтээлийн эмхтгэл. Улаанбаатар: «Admon» ХХК, 2003. 370 х.

Митько О А. Поясные кресальные сумки центральноазиатских кочевников в развитом средневековье // Монгол болон байгал нуур орчмын сибирийн эртний соёл: Олон улсын эрдэм шинжилгээний III хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Дэд дэвтэр. Улаанбаатар, 2012. 387–392-р тал.

Мөнхбаяр Ч. Үзүүр Гялангийн хадны оршуулгын археологийн малтлага судалгаа // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар: «Мөнхийн-Үсэг» ХХК, 2016. 31–35-р тал.

Очир А., Чэн Ёнжи, Анхбаяр Б., Цэрэнбямба Х., Саранбилэг, Чен Пэнфэй, Дандар. Талын гурван хэрмийн Жужан булш // Археологийн судлал. 2015. Tomus XXXV. Fasc 25. 380–404-р тал.

Очир А., Чэн Ёнжи, Анхбаяр Б., Саранбилэг, Чен Пенфэй, Дандар. Шинэ олдсон хүннүгийн тахилгын байгууламжууд // Nomadic Studies. 2017. № 24, Vol. 17. 20–61-р тал.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар: «Сүхбаатарын нэрэмжит хэвлэлийн комбинат», 1961. 157 х.

Сүхбаатар Г. Монгол нирун улс (330–555). Монголын эртний түүх судлал. III боть. Улаанбаатар: «Бемби сан» ХХК, 1992. 342 х.

Түвшинжаргал Т. Дундад зууны үеийн хавтага хэтний тухай // Нүүдэлчдийн өв судлал. 2013. Tomus XV, fasc. 9.

Төрбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхүү Н., Идэрхангай Т. Монгол Алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Studia Archaeologica. 2008. Tomus (VI) XXVI, fasc. 14. 274–292 х.

СерEGIN Николай Николаевич
доктор исторических наук
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
nikolay-seregin@mail.ru

**ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
 РАННЕГО ЭТАПА КУЛЬТУРЫ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
 ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹**

Археологические комплексы начального этапа в истории тюрков Центральной Азии (до создания Первого каганата) весьма немногочисленны. Вместе с тем анализ имеющихся материалов позволяет рассматривать различные аспекты их материальной и духовной культуры. В статье представлена характеристика предметного комплекса, зафиксированного в ходе раскопок памятников тюрков Алтая второй половины V – первой половины VI вв. н.э. Выделены две группы вещей, первая из которых отражает влияние традиций населения предтюркского времени, а вторая демонстрирует приход в регион новой группы населения в середине I тыс. н.э. Эти наблюдения могут быть, с известной степенью условности, сопоставлены со сведениями письменных источников о переселении на Алтай племени Ашина.

Ключевые слова: тюрки, Центральная Азия, Алтай, ранняя история, предметный комплекс, археологические памятники.

Seregin Nikolay Nikolaevich
Doctor of Sciences in History
Altai State University
Barnaul, Russia

**COMPLEX OF ITEMS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES
 OF EARLY STAGE OF CULTURE OF THE TURKS IN CENTRAL ASIA:
 MAIN CHARACTERISTICS**

Archaeological complexes of the early stage in the history of the Turks of Central Asia (before the creation of the First Khaganate) are very few. At the same time, the analysis of the available materials allows us to consider various aspects of their material and spiritual culture. The article presents the characteristics of the complex of items, recorded during the excavations of the sites of the Altai Turks of the second half of the 5th– the first half of the 6th centuries AD. Two groups of things are distinguished, the first of which reflects the influence of the traditions of the population of the pre-Turkic period, and the second demonstrates the arrival of a new population group in the region in the middle of the 1st millennium AD. These observations can be, with a certain degree of conventionality, compared with the information from written sources about the resettlement of the Ashina tribe in the Altai.

Keywords: Turks, Central Asia, Altai, early history, complex of items, archaeological sites.

Несмотря на сохраняющуюся ограниченность источниковой базы, демонстрирующей процессы сложения и начальной эволюции общности раннесредневековых тюрков Центральной Азии, имеющиеся материалы раскопок археологических памятников позволяют рассматривать различные аспекты ранней истории кочевников. Наиболее информативными выступают результаты исследований «поминальных» комплексов. Объекты, относящиеся к раннему этапу в развитии археологической культуры тюрков до создания Первого каганата (вторая половина V – первая половина VI вв. н.э.), на сегодняшний день раскопаны на территории Российского и в меньшей степени Монгольского Алтая (Могильников 1994; Со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

енов, Эбель 1996; Илюшин 2000; Төрбат и др., 2016; Серегин, Васютин 2021; и др.). Именно эти памятники выступают основой для характеристики материальной культуры кочевников.

Рассматривая в целом предметный комплекс из памятников начального этапа культуры раннесредневековых тюрок, следует обратить внимание на его гораздо меньшее разнообразие, по сравнению с материалами данной общности более позднего времени. В «поминальных» объектах Алтая второй половины V – первой половины VI вв. почти полностью отсутствуют украшения, предметы торевтики, изделия из цветных и драгоценных металлов, импорт. Судя по всему, это отражает специфику положения тюрок до создания Первого каганата в условиях определенной зависимости от Жужанской державы, ограниченности внешних контактов и др. Возможно, подобная ситуация обусловлена небольшим количеством раскопанных комплексов, и дальнейшие исследования позволят скорректировать сделанные наблюдения.

Вместе с тем набор предметов из памятников Алтая второй половины V – первой половины VI вв. достаточно выразителен для определения хронологии объектов. В составе инвентаря из археологических комплексов раннего этапа культуры тюрок представляется возможным выделить две основные группы вещей. Первая отражает окончание традиций предтюркского времени, представленным главным образом в материалах раскопок памятников булан-кобинской культуры, и особенно погребений ее позднего (верх-уймонского) этапа (вторая половина IV – V вв. н.э.).

К первой группе предметов относятся роговые стержневые и изогнутые псалии, большие кольчатые витые (ложновитые) псалии, восьмерковидные гладкие и витые обоймы, круглые бляхи-накладки «умбоном», бронзовые пряжки со шпеньком и дополнительными поперечно расположенными рамками, колчаные крюки с поперечной планкой, костяные наконечники стрел с втульчатым или раздвоенным насадом, серповидные ножи, «ярусные» наконечники стрел, мечи с крюковым навершием, боевые ножи с череном, наклоненным в сторону лезвия, а также вотивные копии предметов вооружения. Часть обозначенных изделий уже не встречается в памятниках кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина VI – первая половина VII вв.), другие же находки фиксируются, но представляют собой постепенно исчезающие формы вещей.

Вторая группа предметов сопроводительного инвентаря включает серию «новаций» в материальной культуре населения Алтая середины I тыс. н.э. Отметим следующие изделия: пластинчатые и петельчатые стремена (причем последние, судя по имеющимся данным, могут являться «изобретением» ранних тюрок Алтая), «блоки для чумбура» определенных форм, прямоугольные бронзовые бляхи-накладки, более короткие накладки на лук и комплекты только из срединных накладок, наконечники стрел крупных пропорций с новыми формами пера. Перечисленные предметы не известны в памятниках рассматриваемого региона предтюркского времени и получили дальнейшее развитие в объектах кудыргинского и последующего этапов культуры тюрок.

Среди «новых» характеристик предметного комплекса тюрок отметим также появление серии «вотивных» предметов. На сегодняшний день сформирована небольшая коллекция подобных находок из тюркских оградок и «ритуальных» курганов, раскопанных на территории Алтая (Соенов, Эбель 1996, рис. 3; Бобров и др. 2003, рис. 53; Кубарев 2018: 85–86; Серегин, Васютин 2021, рис. 83; и др.). Практически все эти объекты, за редким исключением, относятся к начальным этапам развития материальной культуры кочевников и датируются в рамках второй половины V – VI вв. н.э. Имеются также примеры из памятников на сопредельных территориях (Кубарев 2016: 430–451). Показательным является то, что феномен создания миниатюрных копий изделий совершенно не был характерен для погребальной практики населения булан-кобинской культуры предтюркского времени и является на Алтае своего рода «новацией».

В целом, имеющиеся материалы отражают участие в процессе формирования культуры раннесредневековых тюрок двух основных компонентов – местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры предтюркского времени, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого не обеспечена пока археологическими материалами. Вполне вероятно, что следы этой группы будут зафиксированы в ходе целенаправленных археологических исследований на территории Синьцзяна.

Представленные наблюдения демонстрируют приход на Алтай нового населения и могут быть, с известной степенью условности, сопоставлены со сведениями письменных источников. Согласно информации, приведенной в китайских летописях, в 460 г. жуань-жуани переселили на Алтай племя Ашина.

Имеются основания для утверждения о том, что это и было пришлое население, составившее основу для формирования новой общности – культуры раннесредневековых тюрок.

Учитывая уже отмеченную фрагментарность имеющихся источников, определяющее значение для дальнейшего изучения начальных этапов истории тюрок Центральной Азии имеют раскопки археологических комплексов данного периода. Нельзя исключать, что новые материалы скорректируют сложившиеся представления и позволят по-иному взглянуть на процессы, происходившие в обозначенном регионе в середине I тыс. н.э.

Литература:

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Илюшин А. М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 157–169.

Кубарев Г. В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2. С. 79–89.

Кубарев Г. В. Мир в миниатюре: традиция помещения votivных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 429–479.

Могильников В. А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Серегин Н. Н., Васютин С. А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А. С. Васютина). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. 296 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернад В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176.

Казаков Александр Альбертович
кандидат исторических наук
Барнаульский юридический институт МВД России
Барнаул, Россия
kaa-2862@mail.ru

ОБ ИСТОКАХ МЕСТНОЙ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

В работе тезисно рассматриваются вопросы общетеоретического характера, связанные с проблемой определения местных культурных традиций, дается краткая характеристика заселения лесостепного Алтая племенами кулайской археологической культуры, которые являются базой для формирования алтайского варианта этой культуры. Это заселение связано на первых порах с инфильтрацией в местную среду небольших групп населения новосибирского варианта кулайской культуры, затем с миграционными потоками с территорий Томского Приобья представителей саровского этапа кулайской культуры, что привело к изменению культурного субстрата, который можно ассоциировать саборигенным населением. Определена хронологическая граница смены местных культурных субстратов (II в. н.э.). Дается характеристика основных черт погребально-поминальной обрядности нового населения, которое с этого момента можно рассматривать как местное. Эти традиции можно считать базовыми, истоками дальнейшего развития и трансформации погребально-поминальных традиций лесостепного Алтая на протяжении всего I тысячелетия.

Ключевые слова: культура, взаимодействие, первое тысячелетие, лесостепной Алтай, аборигены, инновация.

Kazakov Alexander Albertovich
Candidate of Sciences in History
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Barnaul, Russia

ABOUT THE ORIGINS OF THE LOCAL LINE OF DEVELOPMENT OF FUNERAL AND MEMORIAL RITES IN THE FOREST-STEPPE ALTAI IN THE FIRST MILLENNIUM

The paper deals with the issues of a general theoretical nature related to the problem of determining local cultural traditions with a brief description of settling the forest-steppe Altai by the tribes of the Kulaiskaya archaeological culture, which were the basis for the formation of the Altai version of the culture. This settlement was connected, at first, with small population groups of the Novosibirsk variant of the Kulaiskaya culture infiltrating into the local environment, then, with migration flows from the territories of the Tomsk Ob region of the representatives of the Sarovskii stage of the Kulaiskaya culture, which led to a change in the cultural substrate associated with the aboriginal population. The chronological boundary of the change in local cultural substrates (2nd century AD) has been determined. The main modal features of the funeral and memorial rites of the new population, which from that moment could be considered local, has been characterized. Those traditions can be considered basic, the sources for further development and transformation of funeral and memorial traditions of the forest-steppe Altai throughout the 1st millennium.

Keywords: culture, interaction, the 1st millennium, forest-steppe Altai, aborigines, innovation.

Эволюция культуры является следствием внедрения различных инноваций, при эволюционном развитии определение базового субстрата не вызывает затруднений. Сложности возникают при определении базового культурного субстрата при слабой изученности исследуемого региона или при миграционных процессах, которые порой радикально меняют культурный облик региона.

Базовый культурный субстрат определяется как местное или аборигенное население, культура которого при взаимодействии с представителями других культур либо трансформируется, либо замещается. Иногда определение культурных традиций аборигенного населения вызывает определенные затруднения.

С подобным положением мы сталкиваемся при определении аборигенного населения лесостепного Алтая или местного культурного субстрата на рубеже эпох и в начале I тыс., который становится базовым для после-

дующей истории этого региона. Это связано с миграцией нового населения на территорию лесостепного Алтая. Первым исследователем, выдвинувшим это положение, является М. П. Грязнов, который выдвинул гипотезу о полной смене культурного облика лесостепного Алтая во II в. н.э. (Грязнов 1956: 99). Многие положения М. П. Грязнова были пересмотрены или скорректированы, в научном сообществе сложились определенные представления о процессах, проходящих в I тыс. н.э. на территории Западной Сибири, в том числе и лесостепном Алтае, изложенные в монографиях Т. Н. Троицкой (Троицкая 1979; Троицкая Новиков 1998), Л. А. Чиндиной (Чиндина 1984) и Ю. В. Ширина (Ширин 2003), однако положение М. П. Грязнова о миграции населения из «...северных лесов» (Грязнов 1956: 116), приведшей к смене культурного облика, остается неизменным и поныне.

Важнейшим вопросом является проникновения новых культурных традиций в этот регион, так как последующая история связана с этим населением, которое теперь можем называть аборигенным, и традиции которого становятся базовым культурным субстратом.

Накопление источниковой базы позволило скорректировать время появления нового населения на территории лесостепного Алтая уже в IV–III вв. до н.э. (Бородаев 1987: 111; Абдулганеев, Казаков 1994) и выделить наиболее ранний этап развития алтайского варианта кулайской культуры – бочанцевский, с хронологическими рамками IV–III – II вв. до н.э. (Казаков 2021). Характер взаимодействия с местным населением, представителями каменской и староалейской культур, не позволяет говорить о их замещении новым культурным субстратом.

Исчезновение памятников аборигенов фиксируется только во II в. н.э. (Фролов 2008: 169). С этого момента можно говорить о новом культурном субстрате, который замещает ранее существующий и становится аборигенным, представленном носителями алтайского варианта кулайской культуры.

Следующим этапом была вторая миграционная волна населения саровского этапа кулайской культуры из Томского Приобья, которое также проживало в мирном соседстве со староалейским населением (Казаков 2020; Казаков 2020a). Представителей этой миграционной волны также аборигенным назвать нельзя.

Говорить о формировании самостоятельного культурного субстрата, заменившего пласт культуры племен скифо-сакского культурного круга (каменской и староалейской культур), можно лишь со II в. н.э., когда на основе смешения культурных традиций местного, староалейско-каменского населения с представителями саровского этапа кулайской культуры формируются погребальные традиции фоминского этапа кулайской культуры.

Анализ погребально-поминальных комплексов позволил выделить погребально-поминальные традиции нового культурного субстрата, ставшего аборигенным для всей последующей истории лесостепного Алтая. Это:

1. Места для могильников выбирались недалеко от воды, не очень высоко над водой, не выше уровня бортовой террасы.
2. Могильники грунтовые.
3. Характерен биритуализм. На одном могильном поле могут встречаться погребения, совершенные как способом ингумации, так и способом кремации.
4. На раннем этапе развития алтайского варианта кулайской культуры (саровском) погребения совершались способом ингумации, на заключительном (фоминском) способом кремации.
5. Преобладание СВ ориентации костяков на саровском этапе с сохранением этой ориентации длинной оси могильных ям на фоминском этапе.
6. Наличие в могильных ямах внутримогильных конструкций, состоящих из деревянных перекрытий и берестяных подстилок. Их количество по мере развития алтайского варианта кулайской культуры уменьшалось.
7. На фоминском этапе при сооружении внутримогильных конструкций начали использовать бересту, чего на ранних этапах не зафиксировано.
8. В погребально-поминальной практике нередко случаи использования огня.
9. Все костяки располагались вытянуто на спине.
10. Наличие в погребениях инвентаря.
11. Отсутствие на площади могильников следов поминальных тризн.

Литература:

- Абдулганеев М. Т., Казаков А. А. Поселение Чудацкая гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 111–115.
- Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 96–115.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 226 с. (Сер. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 48).
- Казаков А. А. Поселение кулайской культуры Круглое Озеро // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 2 (26). С. 107–114.
- Казаков А. А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. № 2 (30). С. 7–23.
- Казаков А. А. О времени проникновения кулайского населения на территорию лесостепного Алтая // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. 298 с. С. 32–37.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1979. 124 с.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
- Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. 256 с.
- Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Артемяева Надежда Григорьевна
кандидат исторических наук
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия
artemirva_tg@list.ru

КАЙЮАНЬ – ВЕРХНЯЯ СТОЛИЦА ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЕ СЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА)

Новые исследования Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) г. Кайюань, которая идентифицируется с Красноярским городищем, дали возможности выявить особенности фортификационных сооружений, архитектуры дворцовых, административных, жилых и хозяйственных объектов. Раскопки дворцового комплекса позволили определить особенности в планировке и архитектуре столичного города XIII в. Прослежено, что жилые дворцовые здания и павильоны образовывали единый архитектурный ансамбль. Выявлено, что при возведении жилых дворцов использовался новый архитектурный прием строительства стен – колоннадно-столбовой. В плане дворцы были прямоугольные. Двухскатные крыши покрывались черепицей. Конек оформлялся керамической плитой (*чивэй*) с головами драконов. Дворцовый ансамбль дополняли открытые павильоны с колодцами (водоемами). Перед дворцами находились большие площади, которые создавали открытую объемно-пространственную композицию. Выявлено, что зонирование города по высоте, регламентация были зависимы от функционального назначения здания или социального положения его владельца.

Ключевые слова: чжурчжэни, государство Восточное Ся, столица, дворцовый комплекс, архитектура, планиграфия.

Artemieva Nadezhda Grigorievna
Candidate of Sciences in History
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Peoples of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russia

KAIYUAN – THE UPPER CAPITAL OF THE EASTERN XIA STATE (BASED ON NEW ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

New studies of Kaiyuan, the Upper capital of the Jurchen state of the Eastern Xia (1215–1233), which is identified with the Krasnoyarskoye gorodishche, made it possible to identify the features of fortifications, architecture of palace, administrative, residential and economic objects. Excavations of the palace complex made allowed defining the features in the layout and architecture of the capital city of the 13th century. It is traced that residential palace buildings and pavilions formed a single architectural ensemble. It is revealed that during the construction of residential palaces, a new – columnar-pillar – architectural method of building walls was used. In plan, the palaces were rectangular. Gable roofs were covered with tiles. The ridgewas decorated with a paving-tile (*chiwei*) with the heads of dragons. The palace ensemble was complemented by open pavilions with wells (reservoirs). In front of the palaces there were large squares, which created an open volumetric-spatial composition. It is traced that the zoning of the city by height, regulation depended on the functional purpose of the building or the social position of its owner.

Keywords: Jurchen, Eastern Xia state, capital, palace complex, architecture, planigraphy.

Непременным атрибутом любого государства являлась столица. При создании политической власти во всех средневековых государствах Дальнего Востока учреждалось несколько столиц, для которых в соответствии со стороной света подбиралось удобное место, становившееся политическим и военным центром данного района. Дополнительные столицы обычно получали название по сторонам света, главную называли Верхней или Центральной.

В настоящий момент доказано, что Верхней столицей чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) являлся г. Кайюань. Название *Кайюань* имеет значение 'основатель государства, учредитель правления', использование этого топонима началось с государства Восточное Ся. В г. Кайюань Пусянь Ваньну основал государство, провозгласив себя императором. К названию города Кайюань было добавлено почетное звание Верхняя столица государства Восточное Ся (Чжао Минци 1985: 205). Местонахождение этого города идентифицируется с Красноярским городищем (Приморский край, РФ), где обнаружены эпиграфические материалы – печати, эталонные диски – с девизами правления императора Пусяня Ваньну (Артемьева, Ивлиев 1996; 2000). Кроме этого, основанием для отождествления послужила большая площадь памятника, его внутренняя планировка и фортификационные особенности.

Красноярское городище исследуется с 1995 г., вскрыто 14540 м². Работы проводились на территории Внешнего города и Внутреннего города, где исследовано 14 зданий колоннадного типа (дворцовые, административные, складские помещения), 6 зданий барачного типа, производственный комплекс – металлургическая мастерская, Редут – ставка военачальника города (Артемьева 2011). Большое внимание уделялось изучению фортификационным сооружения – башенным выступам, редану, валам, воротам.

Стратиграфически прослежено, что столичный город построен на месте более раннего городища периода империи Цзинь. Определена планиграфия памятника с выделением социально значимых зон (Артемьева 2013). Выявлены особенности фортификационных сооружений, архитектуры дворцовых, административных и жилых и хозяйственных объектов. На примере Красноярского городища изучена архитектура столичных городов XIII в. (Артемьева 2015).

Организацию территории столичного города всегда определяет дворцовый комплекс с его планировкой и архитектурой. На Красноярском городище он располагался в центральной части Запретного города (рис. 1). Обнесен земляными валами, вписанным в рельеф местности, по форме, приближенной к квадрату. Пространственно-планировочная среда этого места условно была разделена на две части: северную и южную. В первой располагались административные (официальные) палаты (склады, арсенал и т.д.), там же находились государственные мастерские.

Южная часть была занята резиденцией императора и его семьи. В плане она имеет форму прямоугольника, углами ориентированную по сторонам света, площадью около 9900 м² (110×90 м), она дополнительно укреплена земляными валами. Вся эта площадь спроектирована за счет искусственно созданных террасовидных площадок для строений, расположенных в шахматном порядке.

Дворец 1. Архитектура этого здания отличается от ранее раскопанных зданий колоннадного типа. Если черепичные крыши зданий колоннадного типа опирались на колонны, то в этой постройке опорами для нее служили колонны и каркас. За счет этого внутреннее пространство помещения не расчленилось, а имело свободную планировку интерьера. Фасадные колонны в композиционном смысле придавали зданию вид дворцового сооружения, а внутреннее пространство представляло собой жилое помещение, отапливаемое каном.

Площадь здания 132 м² (11×12 м), входом ориентировано на ЮЗ. По ЮЗ и СВ стенам располагались колонны по четыре с каждой стороны. Расстояние между ними около 3 м. В этих промежутках прослежены ямки от столбов каркаса стен. СВ и ЮЗ стены крепились на каркас (по шесть ямок каркаса с двух сторон). Расстояние между ямками около метра.

Колонны поддерживали черепичную крышу, украшенную *чивэй* в виде двух керамических панно с головами драконов, четырьмя головами драконов, которые устанавливали на скаты крыши, и карнизную черепицу с орнаментальными отливами. Внутри помещения находилась отопительная система *кан*.

Дворец 2 был построен северо-восточнее дворца 1, на вышерасположенной террасовидной площадке. По архитектурному решению эта здание аналогично дворцу 1. Площадь здания 60 м² (6×10 м).

Северо-восточнее дворца 2 располагалась еще одна террасовидная площадка, на которой обнаружены три павильона открытого типа, квадратные в плане, площадью 25 м² (5×5 м) с черепичной крышей и хозяйственное помещение.

Жилые дворцовые здания и павильоны образовывали единый архитектурный ансамбль. При возведении жилых дворцов использовался новый архитектурный прием строительства стен – колоннадно-столбовой.

Дворцовый ансамбль дополняли открытые павильоны с колодцами (водоемами). Перед дворцами находились большие не застроенные площади, которые создавали открытую объемно-

пространственную композицию. По планировке дворцового комплекса Верхней столицы государства Восточное Ся видно, что здания располагались в определенном порядке с соответствующей ориентацией. Они строились по северо-южной оси с обращением главного фасада на ЮЗ. В связи с тем, что чжурчжэни при строительстве вписывались в ландшафт местности, им приходилось использовать прием террасирования склона. Главное по значимости здание, т.е. дворец императора, находилось в центре, на возвышенной террасе. В объемно-пространственной системе города, так же, как и в планировке, хорошо видно зонирование города по высоте, регламентация находилась в зависимости от функционального назначения здания или социального положения его владельца.

У чжурчжэней времени существования государства Восточного Ся уже сложились собственные каноны при возведении дворцовых комплексов. Планировка дворцовых ансамблей отклонялась от строгого осевого размещения отдельных зданий, хотя симметрия прослеживалась. Особенность чжурчжэньских дворцовых сооружений заключалась в том, что светские (храмовые) здания строились на высокой платформе и массивном цоколе, а жилые дворцы – на искусственных террасовидных площадках. Отход от канонов прослеживается и в декоративной части. На коньках крыши и скатах появляются глиняные изображения голов драконов. Несмотря на это, следует подчеркнуть, что чжурчжэньская архитектура развивалась в общем русле дальневосточной архитектуры, образовав в ней своеобразное направление.

**План Краснояровского городища и раскоп на территории Дворцового комплекса
(вид с северо-запада)**

Литература:

Артемьева Н. Г. Итоги исследований Краснояровского городища Приморской археологической экспедицией // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: ДВФУ, 2011. С. 270–276.

Артемьева Н. Г. 20 лет исследований Краснояровского городища – Верхней столицы государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) // Вестник РГНФ. 2015. № 2(79). С. 218–230.

Артемьева Н. Г., Ивлиев А. Л. Новые факты в пользу отождествления Краснояровского городища с Верхней столицей государства Восточное Ся // Дальний Восток России в контексте с мировой историей: от прошлого к будущему: тезисы докладов междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 1996. С. 101–102.

Артемьева Н. Г., Ивлиев А. Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска // Российская археология. 2000. № 2. С. 165–172.

Чжао Минци. Исследование Верхней столицы Кайюань государства Восточное Ся // Шэхуй кэсюэ чжань сянь. 1985. № 3. С. 203–212.

*Масловский Андрей Николаевич
кандидат исторических наук
Азовский музей-заповедник
Азов, Россия
maslovskiazak@mail.ru*

МОНГОЛЫ В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ В XIII–XIV вв.

Вопрос о численности монголов в Улусе Джучи – один из самых дискуссионных ввиду неоднозначности и скудости письменных и археологических источников. Преобладает мнение об их малочисленности и проживании только в Нижнем Поволжье. Данные итальянских нотариальных актов второй половины XIV в. указывают на значительное число монголов вокруг Азака, регионального центра Подонья. Здесь исследовано несколько десятков погребений с северной ориентировкой, со стандартным набором инвентаря (бокка, ритуальный набор из лопатки и голени барана). Большинство обнаружено на р. Сал и в Северном Приазовье. В городе раскопано несколько погребений с северной ориентировкой, в том числе одно воинское, 17 онгонов и костяные пластины с резным орнаментом, которые здесь и производились.

Ключевые слова: Улус Джучи, Азак, онгон, бокка, колчаные пластины.

*Maslovskiy Andrey Nikolaevich
Candidate of Sciences in History
Azov Museum-Reserve
Azov, Russia*

MONGOLS IN THE LOWER DON REGION IN 13TH – 14TH cc.

The question of the number of Mongols in the Ulus Jochi is one of the most debatable, due to the ambiguity and scarcity of written and archaeological sources. According to the prevailing opinion, they were few in number and lived only in the Lower Volga Region. The data of the Italian notarial deeds of the middle of the 14th century indicates a considerable number of Mongols around Azak, which was the Don regional center. Several dozens of burials with a northern orientation, with a standard set of equipment (a bocca, a ritual set of a ram's scapula and a shin) were discovered here. Most of them were found on the Sal River and in the Northern Azov Region. In the city we have several excavated burials with northern orientation, including one warrior's grave, 17 ongons and locally produced bone plates with carved ornaments.

Keywords: Ulus Jochi, Azak, ongon, bocca, quiver plates.

Вопрос о масштабах присутствия монголов в Восточной Европе в XIII–XIV вв. сложен. Традиционно обращаются к двум известиям. Согласно Рашид ад-Дину, Джучи получил в удел 4 тыс. человек (Тизенгаузен 1941: 33). Это объясняет, почему, согласно ал-Омари, «все они стали точно кипчаки» (Тизенгаузен 1884: 235). Сопоставление данных позволило Г. А. Федорову-Давыдову прийти к выводу об отсутствии «памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт», а отдельные элементы рассеяны на востоке европейских степей. Монгольский элемент в Золотой Орде незначителен и быстро растворился (Федоров-Давыдов 1966: 157–158). Этому противоречит распространение погребений с С ориентировкой (8 % по данным Г. А. Федорова-Давыдова). Логично связывать их с монголами, поскольку у них был развит культ юга (Федоров-Давыдов 1966: 159). Вес ориентировки представляется значимее, чем у отдельной категории инвентаря.

Турки составляли большинство кочевников, но столь ли незначительна была роль монголов? Письменные источники не столь однозначны. Ибн-Баттута называет среди этносов Сарая, наряду с кипчаками, монголов в качестве владык страны (Тизенгаузен 1884: 306). Сообщение ал-Омари отражает жизнь мамлюкской державы, а не Улуса Джучи (Костюков 2005: 170–174). Неоднозначны данные других письменных источников и этнонимов кочевых племен (Горелик 2009: 124–126). Монгольский язык был языком переписки в XIII в. (Тизенгаузен 1884: 435), и во времена Узбека (Тизенгаузен 1884: 251). В

итальянских нотариальных актах 1359–1385 гг. из Таны среди рабов, выходцев из степи, монголы составляют около 10 % (21 из 221 человека) (Карпов 2021: 281).

Обратимся к археологии. Среди новаций, принесенных монголами или другими племенами с востока: бокка, онгоны, широкие колчаные пластины со сложным орнаментом, северная ориентировка, подбои, насыпи из камня (Федоров-Давыдов 1966: 30–31, 36–37, 120, 157–159). По данным раскопок на территории расселения монгольских племен, наряду с С или СВ ориентировкой, каменными выкладками, внутримогильными деревянными конструкциями, часто (50 %) в погребении встречается набор из костей барана (берцовая, лопатка, реже позвонки) (Харинский 2015: 161–164).

В Нижнем Подонье раскопаны десятки захоронений с ориентировкой в северный сектор. На могильнике у х. Семенкинна р. Сал исследовано 10 языческих погребений (Ларенок 1992). Ямы с заплечиками ориентированы на С или СВ. Более половины комплексов содержат упряжь в изголовье. В восьми погребениях набор из лопатки и берцовой кости овцы с ножом. Все мужские захоронения содержат оружие (колчаны со стрелами, боевой нож и кинжал), небольшие металлические сосудики и железные конусы. В женских погребениях встречены бокки(?). Зеркала и прочие женские аксессуары помещены на бок.

Больше всего захоронений с северной ориентировкой встречено на правом берегу р. Северский Донец. Типичны 2 погребения мог. Аглосс (Гармашов 2002: 207–210) и кур. 8 мог. Красный IV (Власкин 210: 110–111). Погребения мог. Аглосс разрушены. Фиксируется ориентировка на СВ. В заполнении обнаружены сбруя, стрелы, железные конусы и плошка. В обоих комплексах найдены дирхемы Узбека. Погребение мог. Красный IV ориентировано головой на СЗ. В инвентаре: колчан с широкими костяными пластинами, железные плошка и конус, 5 дирхемов Узбека. Из ритуального набора костей оставлен нож поверх гроба. Особенностью является погребение коня в отдельной яме.

Погребения с монетами определяют верхнюю хронологическую границу существования группы третьей четверти XIV в. Часть комплексов ориентированы широтно, но содержат специфический инвентарь. В пог. 1 кур. 6 гр. Мухин I встречен набор из берцовой кости и лопатки овцы с ножом (Гармашов 2002: 211). Погребения с СВ ориентировкой встречены на сельских могильниках, что говорит о включении монголов в состав оседлого населения. Они могут содержать часть сбруи, стрелы, лопатку овцы, медный сосуд (Ларенок 1987:27), железную плошку и монету (Гармашов 2002: 213).

Погребения с северной ориентировкой известны в Азаке. Пог. № 9 Красноармейский, 56 (Масловский 2013: рис. 3) грунтовое, но типично по обряду для подкурганых захоронений Подонья с полным набором инвентаря (упряжь, седло с высокой передней лукой, с костяным кантом, стрелы, боевой нож, кресало и др.). Судя по фрагментам керамики в заполнении, оно датируется концом XIII – началом XIV вв.

В могильнике у Кирсановой балки встречены 2 погребения с ориентировкой на СВ с обедненным инвентарем без упряжи и оружия (кресало с кремнем и нож, серьга, перстень, ножницы и обломок зеркала). Несмотря на исчезновение признаков принадлежности к кочевникам, они выделяются разнообразием инвентаря и ориентировкой. Могильник датирован первой половиной – третьей четвертью XIV в. На Достоевского, 54 исследовано одиночное погребение с северо-западной ориентировкой (Харенко 2022: рис. 8, 1–4) с бронзовым перстнем, двумя поясными кольцами, ножом идирхемом Тохтамышша.

О присутствии монголов в Азаке свидетельствует еще две категории находок. Найдено 17 медных онгонов. Самые поздние датируются третьей четвертью XIV в. На Селитренном городище их 10 (Пигарев 2017). Кроме двух, онгоны были встречены в ЮВ районе города. Один найден там же, где и погребение кочевника. Факт проживания здесь бывших кочевников подтверждают данные археозоологии (Яворская 2019: 296). В Азаке неоднократно находки широких костяных колчаных пластин. На раскопе Социалистический, 53 помимо готовых изделий (Юдин 2016: 131, рис. 7), обнаружена заготовка.

Сопоставление различных источников показывает, что в Нижнем Подонье проживали значительные группы монголов со своим погребальным обрядом. Нельзя говорить об их быстрой ассимиляции. Они сохраняли свое самосознание более 100 лет после завоевания Восточной Европы, даже будучи горожанами.

Литература:

- Власкин М. В., Зоров Ю. Н., Науменко С. А. Исследования в Аксайском районе Ростовской области в 2007 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 24. Азов, 2010. С. 106–111.
- Гармашов А. И. О некоторых памятниках XIV в. в Аксайском районе // Аксайские древности / Отв. ред. Л. С. Ильюков. Ростов/Дон, 2002. С. 207–223.
- Горелик М. В. «Монгольскость» и «тюркскость» в Улусе Джучи // Донские древности. Вып. 10. Азов, 2009. С. 122–128.
- Карпов С. П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.
- Костюков В. П. О кыпчаках в джучидском государстве // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 169–198.
- Ларенок В. А. Кочевнические могильники золотоордынского времени в низовьях Дона // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году (Тезисы докладов к областному семинару). Азов, 1987. С. 27–29.
- Ларенок В. А. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семенкин // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992. С. 158–189.
- Масловский А. Н. Кочевники в золотоордынском Азаке // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Труды ГИМ. 2013. Вып. 184. С. 121–127.
- Пигарев Е. М. Коллекция ильтаханов с Селитренного городища // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. III–IV (12–13). С. 34–42.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. 563 с.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Том II. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 305 с.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 276 с.
- Харенко М. В. Археологические исследования в г. Азове в 2017 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 31. Азов, 2022.
- Харинский А. В. Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. II. Хух-Хото: SciencePress, 2015. С. 531–538.
- Юдин Н. И. Археологические раскопки в городе Азове в 2014 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 29. Азов, 2016. С. 127–144.
- Яворская Л. В. Продукция скотоводства в золотоордынском Азаке: мясные продукты и ремесленные производства // Донские древности. Вып. 12. Азов, 2019. С. 294–298.

*Бочаров Сергей Геннадиевич
кандидат исторических наук
Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия
sgbotcharov@mail.ru*

*Обухов Юрий Дмитриевич
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Элиста, Россия
obukhova_t@inbox.ru*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ В XIV В. НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАР (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)¹

В статье рассмотрены археологические свидетельства торговых связей главного золотоордынского центра на Северном Кавказе города Маджар с городскими центрами Центральной Азии. Выявлена роль и место городов Золотоордынского государства в трансконтинентальной торговле между городами Средней Азии и Восточной Европы на примере археологических находок в культурных слоях Маджарского городища. Маджарское городище расположено в Ставропольском крае (Российская Федерация). Эти связи проиллюстрированы на примере категории массовых археологических находок – керамики среднеазиатского происхождения, зафиксированной на территории города Золотой Орды Маджара. На Маджарском городище обнаружены образцы каменных котлов и пяти групп керамики, изготовленные в различных производственных центрах Средней Азии. Наличие среднеазиатской керамики в составе бытового комплекса предметов одного из крупнейших городов Золотой Орды иллюстрирует активность торговых связей, реализуемых по Великому шелковому пути. В пользу их интенсивности свидетельствует наличие такой ординарной и хрупкой категории находок, как керамика, которая транспортируется на такое значительное расстояние и фиксируется в комплексе массовых находок как Маджарского городища, так и других золотоордынских городов.

Ключевые слова: Центральная Азия, Золотая Орда, золотоордынский город Маджар, археология, керамология, торговые связи.

*Bocharov Sergej Gennadievich
Candidate of Sciences in History
Sevastopol State University
Sevastopol, Russia*

*Obukhov Yuriy Dmitrievich
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University
Elista, Russia*

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF TRADE RELATIONS BETWEEN CENTRAL ASIA AND EASTERN EUROPE IN THE 14TH CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE MATERIAL COMPLEX OF THE GOLDEN HORDE TOWN OF MADZHAR (NORTH CAUCASUS REGION)

The paper considers archaeological evidence of trade relations between the main Golden Horde center in the North Caucasus Region town of Madzhar with centers of Central Asia. Revealed the role and place of the towns of the Golden Horde State in the transcontinental trade between the towns of Central Asia and Eastern Europe

¹ С.Г. Бочаровым работа над статьей была выполнена при поддержке программы Приоритет–2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5). Ю.Д. Обуховым работа над статьей была выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-39-90023 «Золотоордынский город Маджар и его возможная округа – Верхний Маджар и Нижний Маджар, входившие в систему Маджарской агломерации».

on the example of archaeological finds in the cultural layers of the Madzhar archaeological site. The Madzhar archaeological site is located in the Stavropol Territory (Russian Federation). These connections are illustrated by the category of mass archaeological finds – pottery of Central Asian origin, recorded in the territory of the Golden Horde town of Madzhar. The samples of six groups of artifacts made in various production centers of Central Asia found on the Madzhar archaeological site. Presence of the Central Asian pottery as a part of a household complex of subjects of one of the largest towns of the Golden Horde illustrates activity of the trade communications carried out along the Great Silk Road. In favor of their intensity testifies the presence of such an ordinary and fragile category of finds as the ceramics transported on such considerable distance and which is fixed in a complex of mass finds both the Madzhar archaeological site and other towns of Golden Horde State.

Keywords: Central Asia, Golden Horde, Golden Horde's town of Madzhar, archaeology, ceramology, trade activities.

В докладе на международной научной конференции «Мир Центральной Азии–V», посвященной 100-летию Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН нам хотелось бы продемонстрировать роль и место городов Золотой Орды XIV в. в международной торговле между регионом Средней Азии и Восточной Европы. Попытаемся показать этот процесс на базе анализа массового археологического материала, составляющего основу наполнения культурных слоев золотоордынских городов. В качестве источниковой основы рассмотрим керамический комплекс одного из крупнейших городов Золотой Орды – Маджарского городища. Определим в общем массиве артефактов керамику среднеазиатского производства, найденную при археологических разведках и сборах на территории этого крупного золотоордынского города XIV в.

Показательным примером для выделения среднеазиатской керамики в контексте массовых находок золотоордынского города выбрано Маджарское городище (рис. 1). Маджарское городище является остатками золотоордынского города Маджар и расположено у современного города Буденновск Ставропольского края. Современное русло реки Кума делит его на две неравные части. Меньшая левобережная часть находится под застройкой юго-восточной окраины современного города. Большая правобережная часть занимает земли сельскохозяйственного назначения Буденновского муниципального округа в границах сел Покойное и Прасковья. Ориентировочная площадь городища около 1100 га (рис.2). Город Маджар был главным административным и торговым центром этого государства на Северном Кавказе и входил в число джучидских городов, имевших право чеканить свою монету.

Фрагменты находок центрально-азиатского происхождения, публикуемые в настоящей статье, хранятся в коллекции формирующегося фонда Маджарского археологического музея, скомплектованного в результате многолетних сборов подъемного материала на территории городища. Отдельные группы археологических материалов из этой коллекции уже введены в научный оборот (Бочаров, Масловский 2016; Волков 2016; Бочаров, Ситдииков 2016; Обухов, Бочаров 2018; Бочаров, Обухов 2021; Bocharov, Maslovskiy 2018), в том числе и керамические сосуды среднеазиатского происхождения (Волков 2016: 202–207).

Среди всего объема коллекции формирующегося фонда Маджарского археологического музея, были выделены фрагменты шести групп находок. Первая группа – каменные котлы (рис. 3, 1–2) – представлена 5 фрагментами венчиков, 5 стенками и 5 фрагментами доньев, а также одним фрагментом каменного светильника (Волков 2016: рис. 2). Вторая группа – сероглиняные штампованные сосуды преимущественно закрытых форм (Волков 2016: 182) – содержит кувшины – 8 доньев, 62 фрагмента стенок 7 фрагментов горловин, плоскодонные фляги 6 фрагментов и двояковыпуклые фляги – 4 фрагмента, 1 крышка сосуда (рис. 3, 3–5). Третья группа – сероглиняные лощеные столовые сосуды с врезным орнаментом – включает два фрагмента венчиков, два фрагмента от крышек, два фрагмента стенок сосудов и два фрагмента доньев. В четвертую группу входят сероглиняные сфероконические сосуды (Волков 2016: рис. 71, 1) (три фрагмента стенок). Пятая группа представлена находками одного поддона и фрагмента стекиполивных чаш с поглазурной росписью (Волков 2016: рис. 70, 2, 3). Шестую группу формируют полихромные поливные чаши с орнаментом сграффито, нанесенным очень тонким резцом (фрагменты трех стенок) (рис. 3, 6–8). Предметы первых четырех групп традиционно связывают с территорией Хорезма, происхождение пятой и шестой групп поливной керамики сегодня однозначно не определено (Волоков 2016: 202, 206).

В заключении заметим, что находки центрально-азиатских материалов фиксируются и в других городских центрах золотоордынского государства, и культурные напластования Маджара не являются здесь исключением (Полубояринова 2004), например, в Азаке представлен сходный спектр центрально-азиатских импортов (Бочаров, Масловский 2015). Массовые археологические материалы XIV в. Маджарского городища, как и других центров Золотой Орды (Бочаров 2021), показывают, что эти города играли не только роль важных посреднических центров на Великом Шелковом пути и участвовали в обеспечении товарного потока из Центральной Азии в страны Восточной Европы, но и сами были активными потребителями даже такой бытовой продукции как каменные котлы и керамика центрально-азиатского происхождения, активно используя ее в повседневной жизни.

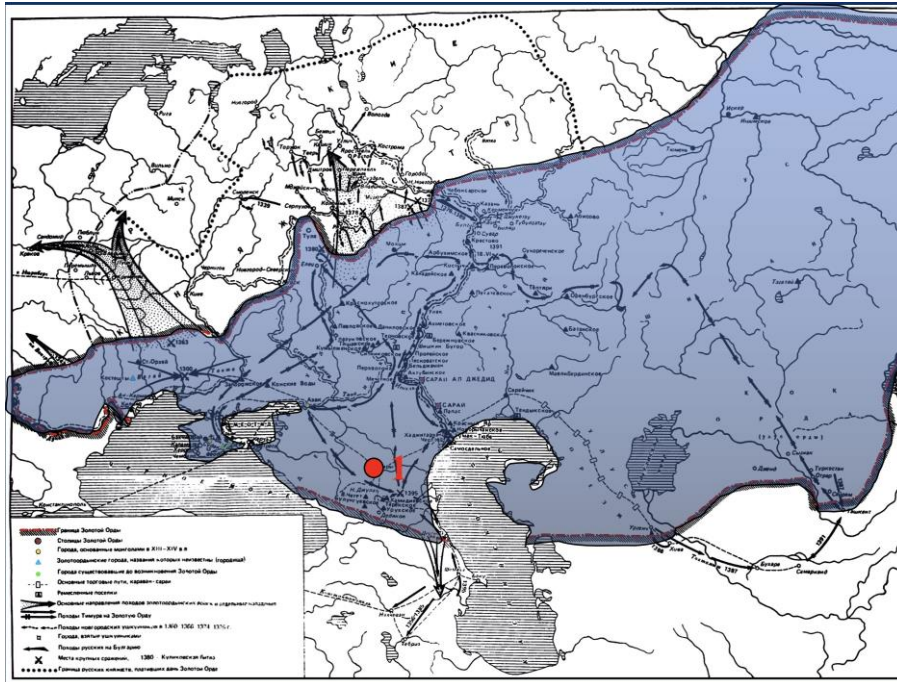

Рис. 1. Карта Золотой Орды (по: Егоров, 1985, карта 2). 1 – Маджарское городище.

Рис. 2. План Маджарского городища с нанесением раскопов и шурфов, исследованных археологической экспедицией «Каффа».

Рис. 3. Маджарское городище. Материалы центрально-азиатского происхождения.
1–2 – Первая группа – каменные котлы; 3–5 – Вторая группа сероглиняные штампованные сосуды;
6–8 – Шестая группа – полихромная поливная керамика с орнаментом сграфитто.

Литература:

Бочаров С. Г. Китайская керамика XIV в. в материальном комплексе второй столицы Золотой Орды (Царевское городище) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI междунар. науч. конф., 08-11 сент. 2021 г., г. Абакан. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 212–217.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Керамика Хорезма в западных регионах Золотой Орды // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 4. Ч. 2. С. 22–26.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Археология Евразийских степей. Вып. 23. Материалы Первого Маджарского археологического форума. Казань: Изд. дом Казанская недвижимость, 2016. С. 20–39.

Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ). // Материалы V междунар. Нижневолжской археологической конференции. Элиста: Изд. Калм. гос. ун-та, 2016. С. 192–197.

Бочаров С. Г., Обухов Ю. Д. Город Маджар в контексте связей Византии и Золотой Орды. Археологические свидетельства // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 212–222.

Волков И. В. Керамика Золотоордынского города Маджар // Археология Евразийских степей. Вып. 23. Материалы Первого Маджарского археологического форума. Казань: Изд. дом Казанская недвижимость, 2016. С. 139–221.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

Обухов Ю. Д., Бочаров С. Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 125–133.

Полубояринова М. Д. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 316–323.

Bocharov S., Maslovskiy A. Pottery decorated with splashes of brown (manganese) color in Bizantium, Northern Black Sea Region and Eastern Europe in 13th–14th centuries // 12th Congress on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Abstracts. Athens: National Center of Scientifics Research, 2018. P. 24.

*Яворская Лилия Вячеславовна
кандидат исторических наук
Институт археологии РАН
Москва, Россия
lv.yavorskaya@gmail.com*

МЯСНЫЕ ПРОДУКТЫ В ГОРОДАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Археозоологические исследования, проведенные по методической схеме ИА РАН на материалах, полученных из раскопок девяти городов и пяти сельских поселений, позволили прояснить ряд аспектов в реконструкции экономической системы Золотой Орды. Исследованием установлено, что основным мясным продуктом в золотоордынских городах являлась говядина, которую поставляли сельские поселения. Изучение скоплений костных остатков выявило наличие в городах ремесленных производств, обрабатывающих животное сырье – шкуры домашнего скота. Это прояснило роль степных кочевников в экономической системе, которая сводилась к эпизодическим пригонам больших стад домашних копытных в города на убой для получения шкур.

Ключевые слова: археозоология, Золотая Орда, мясные продукты, сельские поселения, кочевое скотоводство, выделка шкур.

*Liliya Vyacheslavovna Yavorskaya
Candidate of Sciences in History
Institute of Archeology RAS
Moscow, Russia*

MEAT PRODUCTS IN THE CITIES OF THE GOLDEN HORDE: METHODOLOGICAL ASPECTS OF ARCHAEOZOOLOGICAL RESEARCH

Archaeozoological studies carried out according to the methodological scheme of the IA RAS on materials obtained from excavations of nine cities and five rural settlements, made it possible to clarify a number of aspects in the reconstruction of the economic system of the Golden Horde. The study found that the main meat product in the Golden Horde cities was beef, which was supplied by rural settlements. The study of accumulations of bone remains revealed the presence in the cities of handicraft industries that process animal raw materials - the skins of livestock. This clarified the role of steppe nomads in the economic system, which was reduced to episodic drives of large herds of domestic ungulates to cities for slaughter for skins.

Keywords: archaeozoology, Golden Horde, meat products, rural settlements, nomadic cattle breeding, processing of animal skins.

Изучение археозоологических коллекций из раскопок золотоордынских городов дает новую информацию к реконструкции экономических процессов в этом государстве, дополняющую сведения письменных источников. Исследованиями коллекций костей животных из раскопок золотоордынских памятников занимались во второй половине XX и в XXI вв. лучшие специалисты-зоологи: В. И. Цалкин, А. Г. Петренко, современные специалисты Г. Ш. Асылгараева, Г. И. Тимонина, Ю. Я Мягкова. Эти работы создали фундамент наших знаний основного видового набора домашних и диких видов животных, размерные характеристики домашних копытных для памятников этого культурного круга.

Современные археозоологические исследования, которые проводятся по методической схеме, разработанной в ИА РАН (Антипина 2004), ставят задачи реконструкции экономических процессов. В исследовательском арсенале имеются представительные коллекции из девяти золотоордынских городов. Семь из них расположены в Поволжье – от среднего до нижнего течения Волги, еще по одному городу на Нижнем Дону и Северном Кавказе (табл. 1). Важный методический вопрос – могут ли кости живот-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00310.

ных, полученные из раскопок городов, стать источником информации для реконструкции экономических процессов в степном скотоводстве?

Совокупная доля остатков диких животных не достигает в городских коллекциях даже 1%, а доли остатков птиц и рыб варьируют в различных районах, в среднем составляя по птицам 1,5%, по рыбам около 5%. Численность костных остатков животных-помощников человека – собак и кошек – в городах также невелика – не более 1%. Кости транспортных животных – верблюдов и ослов – единичны. Основной мясного рациона жителей было мясо домашних копытных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, совокупная доля их определимых остатков в городах составляет не менее 80%. Важной задачей в такой ситуации будет реконструкция источников и системы обеспечения мясными продуктами городов Золотой Орды. Она разбивается на три составляющих: 1. Каковы пропорции потребления разных видов мяса домашних животных в городах? 2. Откуда производились поставки мясных продуктов: из кочевой степи или сельских поселений? 3. Какие дополнительные факторы оказывали влияние на процесс обеспечения населения мясными продуктами и специфику мясного потребления?

Расчет объемов потребления мяса домашних копытных по кратности их весовых показателей проводится по методике, применяемой в ИА РАН (Антипина 2005: 186).

Таблица 1

Мясное потребление в городах Золотой Орды (%)

городские поселения	природные зоны	мясные продукты			
		говядина	конина	баранина	свинина
Поволжье					
Болгар (XIII в.)	<i>лесостепь</i>	62,1	10,1	27,4	0,4
Болгар (XIV в.)	<i>лесостепь</i>	69,2	7,4	23,0	0,4
Укек (XIII в.)	<i>степь</i>	56,3	2,2	41	0,5
Укек (XIV в.)	<i>степь</i>	79,3	9,1	11,4	0,1
Водянское (XIV в.)	<i>степь</i>	63,7	12,8	22,8	0,7
Царевское (XIV в.)	<i>степь</i>	59,3	18,2	22,4	0,1
Селитренное (XIV в.)	<i>степь</i>	56,4	18,2	25	0,4
Мошаик (XIII в.)	<i>полупустыня (дельта)</i>	50,5	22,5	26,8	0,2
Мошаик (XIV в.)	<i>полупустыня (дельта)</i>	57,4	9,2	33,1	0,3
Самосдельское (XIII в.)	<i>полупустыня (дельта)</i>	56,7	20,1	23	0,2
Самосдельское (XIV в.)	<i>полупустыня (дельта)</i>	61,3	14,2	24,2	0,3
Нижний Дон и Предкавказье					
Азак (XIV в.) Центр	<i>степь</i>	76,4	5,2	18,3	0,1
Азак (XIV в.) Восточный	<i>степь</i>	76,0	18,3	5,5	0,2
Маджар (XIV в.)	<i>степь</i>	79,7	8,8	11,4	0,1

Основным мясным продуктом в городах Золотой Орды является говядина, доля которой составляет в Поволжье 50–69%, на отдельных раскопках, датирующихся XIV в. эта цифра превышает 70%. В городах, расположенных на Нижнем Дону и Северном Кавказе доля говядины выше – 76–79% (табл. 1). Следующую «позицию» в мясном потреблении городов занимает баранина – 5,5–41% (табл. 1). Доля конины варьирует от 2 до 22%. Свинина, с долей 0,1 до 0,7%, существенного места в мясном потреблении городов не занимает. Откуда поставлялся в города скот на мясо – из кочевой степи или из ближайшей сельской округи? Кочевники постоянно передвигаются и не могут осуществлять регулярные поставки партий крупного рогатого скота на убой. По-видимому, основной мясной продукт поставлялся в города из

сельских поселений округа, где оседлое население содержало и разводило крупный рогатый скот. Немногочисленные исследования археозоологических материалов из сельских поселений вблизи крупных городов подтверждают это предположение (Яворская 2021). Практически для всех городов, где исследовались коллекции с материалами как XIII, так и XIV вв., можно отметить, что доля говядины в мясном рационе жителей в XIV в. возрастает (табл. 1). Наиболее вероятное объяснение, что с формированием сельской округи постепенно увеличивались поставки говядины в город.

Доля говядины в городах Нижнего Поволжья особенно на дельтовых памятниках (57–61%), несколько ниже, чем на Нижнем Дону и Северном Кавказе (76–79%) (табл. 1). В свою очередь совокупная доля баранины и конины на Нижней Волге 35–49%, а в Азаке и Маджаре не превышает 23% (табл. 1). По-видимому, существенную роль играют природные условия, возможности ресурсной зоны содержать большое количество крупного рогатого скота (Яворская 2021). Неширокая полоса аazonальных ландшафтов Нижнего Поволжья существенно ограничивала выпас КРС, соответственно, на всех памятниках этого региона продукция степного скотоводства – баранина и конина – восполняли недостаток говядины. Этой проблемы не наблюдается в городах Нижнего Дона и Северного Кавказа: возможности выпаса КРС в округе городов ничем не ограничены, соответственно, доля говядины здесь приближается к 80%. Это предположение согласуется с высказанной ранее гипотезой, что важнейшим поставщиком мясных продуктов в города являлась не кочевая степь, а сельские поселения.

Существенное влияние на заполнение костными остатками домашних копытных оказывают ремесленные производства, перерабатывающие животное сырье в больших объемах. С 2018 г. археозоологические исследования скоплений костных остатков в золотоордынских городах позволили установить наличие таких производств и их маркеры (Яворская 2021). Масштабные заборы существенно изменяли структуру мясного потребления в ремесленных районах и при археозоологическом исследовании необходимо учитывать место расположения раскопа в городе. Атрибуция ремесленных производств, обрабатывающих животное сырье в городах, позволяет достроить экономическую систему. Наше исследование показало, что в структуре мясного обеспечения золотоордынских городов ведущую роль играли сельские поселения, поставлявшие говядину. Анализ скоплений позволяет реконструировать истинную роль кочевников в экономике: они эпизодически пригоняли стада преимущественно мелкого рогатого скота на убой для получения шкур. Таким образом, археозоологические материалы, полученные из раскопок городов, исследованные по методической схеме ИА РАН, проясняют структуру скотоводческой экономики Золотой Орды.

Литература:

Антипина Е. Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 182–248.

Антипина Е. Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 181–190.

Яворская Л. В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитическое исследование Лаборатории естественнонаучных методов. Вып. V, М: ИА РАН. 2021. С.216–226.

*Кызласов Игорь Леонидович
доктор исторических наук
Институт археологии РАН
Москва, Россия
kyzlasovil@mail.ru*

ЛИЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ЗНАКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. К УЧЕНИЮ О ТАМГАХ¹

Сбор и систематизация тамговых знаков указывают на их лично-семейную принадлежность у каждого правящего рода Южной Сибири и Центральной Азии VIII–X вв.: Ашина, Яглокар, Кыргыз. К такой лично-семейной символике относятся и знаки рода Рюриковичей в Древней Руси. Геральдика изучает европейскую традицию, в ней гербы несут лишь признаки фамилии в целом и лишены отличий каждого члена рода. Тамговедение изучает семейные знаки, наделенные признаками лиц всех мужских поколений.

Ключевые слова: лично-семейные тамги, Восточнотюркский, Уйгурский, Древнехакасский каганаты.

*Kyzlasov Igor Leonidovich
Doctor of Sciences in History
Institute of Archeology RAS
Moscow, Russia*

PERSONAL-FAMILY SIGNS OF THE MIDDLE AGES. TO THE DOCTRINE ABOUT TAMGAS

The collection and systematization of tamga signs indicate their personal family affiliation with each ruling clan of Southern Siberia and Central Asia in the 8th–10th centuries: Ashina, Yaglokar, Kyrgyz. Such personal-family symbolism also includes the signs of the Rurik family in Ancient Russia. Heraldry studies the European tradition, in which the coats of arms bear only signs of the family name as a whole and are devoid of the differences of each member of the genus. Tamgovedenie studies family signs, endowed with signs of faces of all male generations.

Keywords: personal and family tamgas, East Turkic, Uigur and Ancient Khakass kaganates.

300 лет назад, в августе 1721 г. Д. Г. Мессершмидт открыл в Хакасии енисейское руноподобное письмо. 170 лет спустя, в 1889 г. Н. М. Ядринцев обнаружил в Монголии родственные орхонские письмена. Надписи на стелах именовали и славили воинов-аристократов VIII – начала XI вв., там же вырезались их гербовые знаки. Понять статус, назначение и законы их изменений, как и разделить их по облику меж странами Южной Сибири и Центральной Азии того времени, довелось через 240 лет археологу Л. Р. Кызласову. В фундаментальных статьях им были изложены основы учения о тамгах раннего средневековья.

Сопоставив имена, ученый нашел енисейские эпитафии отцов и сыновей, однажды – деда, отца и внука, сравнив их тамги, заметил законы развития знаков по поколениям, установил *лично-семейную принадлежность* 6 групп таких символов. Тамги составили генеалогические древа до 6–7 поколений, указали родственные связи и места, откуда пришли в Туву князья-основатели этих династий (рис. 1). Картографирование тамговых типов обрисовало на Верхнем Енисее земли 6 наследственных владений IX–X вв. (рис. 2) (Кызласов 1960; 1965).

Дело решила найденная Л. Р. Кызласовым особенность древнехакасской символики: каждый сын сохранял тамгу отца, дополняя ее одним элементом, обычно новым штрихом. В созданной типологии любая найденная тамга занимала свое место, а облик недостающей надежно восстанавливался (рис. 1, в квадратах; рис. 3, пунктирны).

Представления о племенных и родовых тамгах раннего средневековья, порожденные поздними этнографическими данными, ушли в прошлое науки. Устарело определение самого назначения тамги как

¹ Работа выполнена по государственному заданию ИА РАН № НИОКТР 122011200266-3.

знака собственности. Тамга изучаемой эпохи была графическим символом конкретной личности (и ее, по-русски говоря, отчества), и, в силу этого, владельческой отметкой.

Учение о тамгах побудило к дальнейшему сбору и систематизации лично-семейных знаков. Выделение на Среднем Енисее их групп до 7–8 поколений в каждой (рис. 3) также очертило границы княжеств IX–X вв., вновь указало родственные связи князей Хакасии и Тувы того времени (Кызласов 2019а: 170–173). Начато изучение тамг тюркоязычного населения VIII–X вв. Алтая и Монголии (Кызласов 2004: 115, 116).

Тамги орхонских памятников II Восточнотюркского каганата (682–745) также имели лично-семейный характер. Знаки в виде козликов отмечают семейную линию Кюль-тегина (КТ) и Бильге-кагана (БК). Меняясь по известному нам закону, эти тамги выстроили родословное древо в 4–5 поколений (рис. 4), открыв кровные связи с князьями Онгинского (О) мемориала и указав тамгу Ильтерес-кагана, возродившего Тюркское государство (рис. 4, 1).

Определилась и лично-семейная принадлежность тамг Уйгурского каганата (745–840). Каганская бутонovidная тамга венчает стелу Моюн-чура (МЧ) (рис. 5, I), этим знаком владыка отметился и на плите Шивет-Улана. Там вырезал знак его потомок, добавив новый элемент к символу отца (Кызласов И. 2019 б: 274–276).

Вместе со стелами Терхинской и МЧ (Кляшторный 1980: табл. 1; 1987: табл. 2) и скалы Дэл-ула (ДУ) получаем тамги 4-х поколений наследственных создателей орхонских стел (рис. 5, II). Знак третьего типа (рис. 5, I, III, 9) высечен позднее каганской тамги на той же стеле МЧ. Он перекрыл ее линовку и занял оставшийся тесный участок. Тамги этой семьи ныне представляют пять поколений (рис. 5, III) (Кызласов И. 2004: 115–117).

Датировав и упорядочив древнехакасские тамги Тувы, Л. Р. Кызласов отметил, что «эти знаки являются личными и что их эволюция в своих основах совпадает с классификационным принципом известных, распространенных в синхронное время (X–XII вв.) на Руси княжеских знаков – так называемых “знаков Рюриковичей”». Принцип изменения их по поколениям пояснен приведенными ученым словами В. Л. Янина: «Каждый знак должен состоять из двух разнородных частей: знака предшественника и “отпятныша” (одного или нескольких в зависимости от числа наследников) ... Необходимо учитывать по крайней мере следующие обстоятельства: 1) связь знаков деда и внука должна быть эволюционно опосредованной знаком отца; 2) при большом числе наследников знаки младших братьев основываются не только на отцовском, но и учитываются особенности знаков старших братьев, во избежание возможного повторения». Вслед за сибиреведом скажем: именно такая «взаимосвязь и типологический генезис знаков отца, сыновей и братьев ясно выступает на представленных таблицах» (Кызласов 1960: 105–107), дополнив их новыми семейно-личными древам тамг Южной Сибири и Монголии.

В нашей науке самостоятельно возникли три центра изучения тамгообразных гербовых знаков как лично-семейных символов: 1) Давнее отслеживание и поименное определение древнерусских родовых и лично-родовых знаков Рюриковичей; 2) Разработанное к 1960 г. тамговедение Древнехакасского государства, указавшее на общие закономерности гербовых систем II Восточнотюркского и Уйгурского каганатов (Кызласов 1960: прим. 61). Сформированные к 1904 г. основы эмблематики традиционной культуры башкирского народа (Соколов 1904; Кызласов 1979: 132, 133). Сохранение ранней социальной реалии в живой народной культуре требует дальнейших исследований.

Лично-семейный статус и нормы изменения аристократических знаков в раннесредневековых государствах Южной Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы были одинаковы.

Искушенный специалист заключает полную современную сводку знаков Рюриковичей (рис. 6) словами: «Социально престижный изобразительный символ в виде двузубца (из которого развился трезубец. – И.К.) не был принесен первым династом из-за моря, а появился уже в Восточной Европе. ... Я не исключаю, что тип социально престижного изобразительного символа в форме двузубца был заимствован Рюриком именно от Хазарского каганата» (Белецкий 2012: 458).

Гербовая лично-семейная традиция увязывается со степной и лесостепной Евразией. Вероятно, неслучайно графически простые фигуры, изменяющиеся подобно тамгам, проникают на шляхетские гербы Польши (Gail 2007). Этим они кардинально отличаются от рыцарских эмблем Западной Европы, неизменно сохранявших лишенный личных признаков первоначальный фамильный облик (рис. 7).

Геральдика как особая историческая дисциплина выросла на западноевропейской средневековой основе и ныне следует принципам ее символики, наделенной признаками аристократической фамилии в

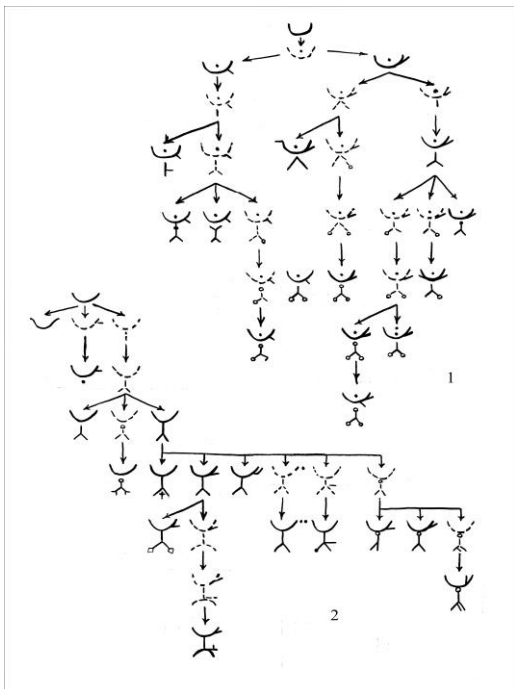

Рис. 3. Северная Хакасия.
Пример двух деревьев
лично-семейных тамг,
восходящих к общему предку.

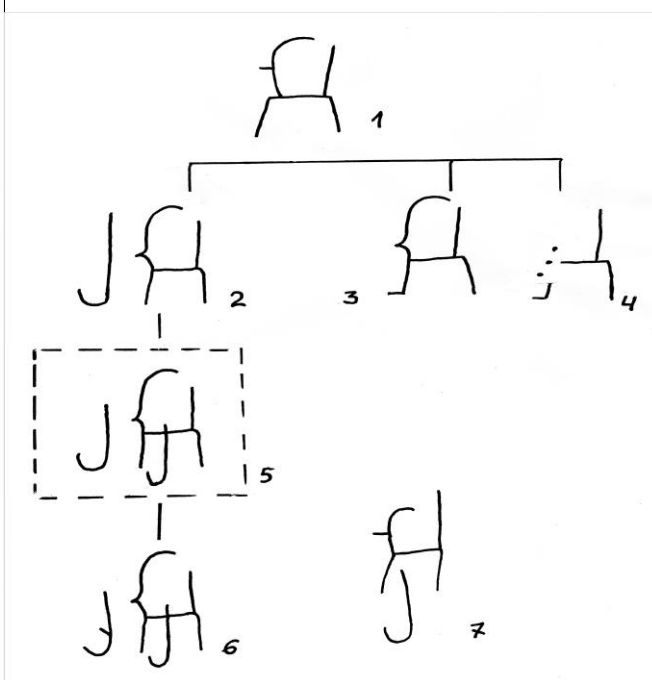

Рис. 4. Второй Восточнотюркский каганат.
Генеалогическое дерево рода Ашина. Мемориалы:
1 – Унгету; Шивет-Улан, лев; О, скульптура (ск);
КТ, ск; Асхете; 2 – О, малая стела (ст) (дважды);
балбал; 3 – КТ, ст; Кошо-Цайдам (КЦ) III, ск;
4 – БК, ст (повреждена); 5 – реконструкция автора;
6 – О, большая ст; 7 – КЦ III, ск (Радлов 1892; 1896).

Литература:

Белецкий С. В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. Пер. Д. С. Лихачева и О. В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 431–463.

Кляшторный С. Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.

Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С. 19–37.

Кызласов И. Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-Ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 104–122.

Кызласов И. Л. Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань, Кишинев: Stratum Plus, 2019 а. С. 157–177.

Кызласов И. Л. Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письмена. М.: ИА РАН, 2019 б. С. 251–290.

Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3. С. 93–120.

Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38–49.

Кызласов Л. Р. О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979. С. 130–136.

Соколов Д. Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIII. Оренбург, 1904. 100 с. <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/44332-vyp-13-o-bashkirskih-tamgah-1904>

Gajl T. Herbarz polski od średniowiecza do XX wieku. Gdańsk: L&L, 2007. 543 s.

Митько Олег Андреевич
 кандидат исторических наук
 Новосибирский государственный университет
 Новосибирск, Россия
 omitis@gf.nsu.ru

ОГНИВА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО ТИПА: ПРЕСТИЖ, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ¹

В эпоху позднего средневековья и в Новое время огневые в культуре скотоводов приборы тюрко-монгольского типа являлись обязательной принадлежностью праздничного мужского костюма и свидетельством социального статуса. Наиболее высоким уровнем престижности обладали богато декорированные огнива. Особой популярностью у населения Монголии и Забайкалья пользовались огнива китайских мастеров. Их продукция отличалась оформлением украшений с китайской символикой, наличием клейма с девизом мастерских и «подписей» мастеров, благопожелательными надписями. Китайское влияние проявляется в наличии ножа и палочек для еды, вложенных в ножны, составляющих вместе с огнивами единый художественный ансамбль. Еще одним символом статуса являлись подвески серебряных слитков – лянов и «китайские доллары». У алтайцев, хакасов и тувинцев были распространены огнива, которые можно отнести к престижности второго уровня. Сведения о коллекциях огнив тюрко-монгольского типа у других тюркских народов неполные, что не позволяет выделить среди них престижные образцы.

Ключевые слова: Новое время, Монголия, Южная Сибирь, огнива, социальный статус.

Mitko Oleg Andreevich
 Candidate of Sciences in History
 Novosibirsk State University
 Novosibirsk, Russia

TURKO-MONGOLIAN FIER STEELS: PRESTIGE, SOCIAL STATUS, INTERCULTURAL CONTACTS

In the era of the late Middle Ages and in the New Age, in the culture of pastoralists, fire devices of the Turkic-Mongolian type were an obligatory accessory of a festive men's costume and evidence of social status. Richly decorated flint and flint had the highest level of prestige. The steel made by Chinese masters was especially popular among the population of Mongolia and Transbaikalia. Their products were distinguished by the design of jewelry with Chinese symbols, the presence of a brand with the motto of the workshops and the “signatures” of the masters, and well-wishing inscriptions. The Chinese influence is manifested in the presence of a knife and chopsticks sheathed, which, together with flint and flint, form a single artistic ensemble. Another symbol of status was the pendants of silver bars – liang and “Chinese dollars”. Among the Altaians, Khakasses and Tuvinians, steel was common, which can be attributed to the prestige of the second level. Information about the collections of flints of the Turkic-Mongolian type among other Turkic peoples is incomplete, which does not allow us to single out prestigious examples among them.

Keywords: New time, Mongolia, Southern Siberia, steel, social status.

В эпоху позднего средневековья и в Новое время огневые приборы в культуре скотоводов тюрко-монгольского типа являлись обязательной принадлежностью праздничного мужского костюма и свидетельством социального статуса. Как и в раннее время, имущественный достаток и общественное положение (достигаемое или предписанное по факту рождения) определяли внутригрупповую иерархичность и субординацию, что находило отражение в наглядно-образной атрибутике, в первую очередь, оружии, убранстве верхового коня, одежде и ее аксессуарах. Каждый из этих атрибутов имел свою ценность на шкале рангов и подчеркивал социальный статус.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00111).

Особое внимание уделялось поясу с прикрепленным к нему огнивом. Огневые приборы тюрко-монгольского типа разделялись на повседневные (утилитарно-бытовые) и праздничные огнива, функционирующие в ритуально-праздничной сфере культуры. Повседневные огнива использовались в бытовой жизни и в Новое время получили широкое распространение вместе с развитием табакокурения (Шаповалов 2002). Они характеризуются простотой отделки и различными признаками интенсивного использования.

У монголоязычных народов, прежде всего монголов и бурят, обязательным элементом праздничного мужского костюма являлись огнива, которые с позиций престижности можно отнести к огневым приборам высшего уровня. По технологическим и художественным характеристикам они относятся к изделиям, изготовленным по престижным технологиям (Hayden 1998). Исключение составляют калмыки, о которых по этнографическим источникам известно, что у ушедших на подвластные России земли ойратов сохранилась традиция украшать пояс ножом с огнивом (Эрдниев 1985: 98). Изящные и декоративные, с особым искусством украшенные накладками из серебра и камнями-самоцветами праздничные кресала являлись высокостатусным показателем социального положения владельца. У забайкальских бурят вплоть до недавнего времени их изготовление шло в рамках различных художественно-стилистических направлений, в школах и центрах декоративно-прикладного искусства (Соктоева, Бадмаева 1971: 6–7; Кочешков 1979: 28–29).

Помимо этого, особой популярностью в среде элитных групп скотоводческого населения Монголии и Забайкалья пользовались огнива китайских мастеров, ориентируясь на которые местные кузнецы-ювелиры изготавливали высококачественные реплики. Их продукция заметно выделяется композиционным оформлением украшений кожаных сумочек, орнаментацией, наличием буддийских персонажей и образов, китайскими художественными мотивами и символикой (Неглинская 1999).

Китайское влияние проявляется в наличии палочек для еды, вложенных в ножны, составляющих вместе с огнивами единый художественный ансамбль. При этом на очевидное импортное происхождение указывают клейма с девизом мастерских на боковых металлических обкладках, иероглифы, выбитые на стальных ударных лезвиях огнив, и декоративное оформление благопожелательными надписями (Митько, Ван Пэн, Нулицзяцзы Байкэн 2014; Митько 2016). Особенно показательны огниво, на фигурной накладке которого нанесена надпись «*Shēng zhī rì rù rín yì cháo dāng*», которую можно перевести как: «При царствующей династии первый чиновничий ранг возвышает (человека) так же хорошо, как солнце на небе». На наш взгляд огневой прибор мог быть изготовлен китайским мастером на заказ и подарен выдержавшему имперский экзамен претенденту на государственную службу.

Статусный характер имели и огнива, украшенные серебряной накладкой со знаком, сочетающим два иероглифа, которые переводятся как «три вида государственных экзаменов». Прохождение трех ступеней сложных государственных экзаменов давало возможность достигнуть высоких чиновничьих должностей в административном аппарате империи (Сидихменов 1987: 404–415). Не исключено, что среди выдержавших экзамен были выходцы и из тюрко-монгольских этнических групп.

Еще одним символом богатства, подчеркивающим статус владельца, являлись подвески серебряных слитков – лянов, которые крепились ремнем к огниву и подвешивались на пояс. Очевидно, китайское влияние, прямое и опосредованное, можно объяснить не только межкультурными контактами, но и вхождением монголов в состав маньчжурской династии Цин (1644–1911 гг.). Административный аппарат жестко контролировал все стороны жизни подданных империи, включая и регламент ношения одежды определенного типа. После 2011 г. в качестве подвесок стали использовать «китайские доллары» различной номинации и выпуска (с драконами, семибуквенными и шестибуквенными янчанами с изображением Юан Шикая).

У тюркоязычных народов Южной Сибири были распространены огнива, которые можно отнести к престижности второго уровня. Ножи в декоративно украшенных ножнах не входили в один комплект с огнивами, при изготовлении накладных пластин использовали в основном серебро медь и латунь. Среди орнаментальных мотивов преобладает геометрический и растительный орнамент, известный еще с эпохи средневековья, рисунок лаконичен, ведущими элементами являются солярные символы, переданные в различных формах, китайская символика благопожелания счастья и благополучия отсутствует (Митько 2021). Стоит отметить, что в художественном отношении наибольшая близость праздничных огнив прослеживается у хакасов и алтайцев. Они отличаются от тувинских огневых приборов, в оформлении которых наряду со степным орнаментализмом прослеживаются элементы буддистской (ламаистской) художественной традиции.

Сведения о якутских, киргизских, узбекских, уйгурских, афганских, тибетских и непальских коллекциях огнив тюрко-монгольского типа неполные, что не позволяет выделить среди них престижные образцы. Отдельно стоит вопрос об огнивах в культуре казахов. С древнетюркского времени у них свою значимость сохранил украшенный бляхами кожаный пояс, к которому крепилась кисе – сумочка для мелких вещей, в том числе металлическое огниво с кремнем.

Литература:

Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX вв. М.: Наука, 1979. 208 с.

Митько О. А. Благопожелательные китайские надписи на огнивах тюрко-монгольского типа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 4. Востоковедение. С. 120–128.

Митько О. А. Огневые приборы населения Минусинской котловины в Новое время // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сб. науч. ст. В 2 т. Т. 2 / под ред. Л. В. Татауровой. Омск; Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 149–154.

Митько О. А., Ван Пэн, Нулицзяцзы Байкэнь. Огнива тюрко-монгольского типа с китайскими благопожелательными надписями и символами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4. Востоковедение. С. 50–59.

Неглинская М. А. Китайские ювелирные украшения периода Цин (XVII – начало XX вв.). История, семантика, эстетика. М.: [Б. и.], 1999. 262 с.

Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. М.: ГРВЛ, 1987. 448 с.

Соктоева И. И., Бадмаева Р. Д. Бурятский художественный металл. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 83 с.

Шаповалов А. В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири. XVII – первая половина XX вв. Новосибирск: Прогресс-сервис, 2002. 257 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. 1998. Vol. 5. No. 1. P. 1–55.

Нарожный Евгений Иванович
доктор исторических наук
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева
Карачаевск, Россия
zai_ein@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XIII–XIV вв.): ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В статье предпринята попытка обобщения некоторых известных письменных свидетельств о драматических событиях XIII в. на Северном Кавказе. Наряду с описанием гибели «государя черкесов» и взятия столицы аланов г. Магаса привлекаются и другие данные. Археологические материалы двух разрушенных комплексов (Гашун-Уста и Семеновод) вместе с известными кочевническими захоронениями с северной ориентировкой погребенных рассматриваются как центральноазиатские (монгольские). Однако известны и случаи фиксации «монгольских» захоронений уже с западной ориентацией, что ставится в прямую связь с внутривосточными изменениями в Золотой Орде, этнокультурным смешением, а затем и их исламизацией.

Ключевые слова: Центральная Азия, Северный Кавказ, монгольское нашествие, Золотая Орда, этнокультурное смешение.

Narozhny Evgeny Ivanovich
Doctor of Sciences in History
U. D. Aliyev Karachay-Cherkess State University
Karachayevsk, Russia

THE CENTRAL ASIAN TRACE IN THE HISTORY OF THE NORTH CAUCASUS (13TH – 14TH CENTURIES): HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL OBSERVATIONS

The author attempts to generalize some well-known written evidence about the dramatic events of the 13th century in the North Caucasus. Along with the description of the death of the "sovereign of the Circassians" and the capture of Magas, the capital of the Alans other data is also involved. Archaeological materials of two destroyed complexes (Gashun-Usta and Semyonovod) with well-known nomadic burials with a northern orientation of the buried are considered as Central Asian (Mongolian). However, there are also cases of fixing Mongolian burials already with a Western orientation, which is connected with internal political changes in the Golden Horde, ethno-cultural mixing, and then their Islamization.

Keywords: Central Asia, North Caucasus, Mongol invasion, Golden Horde, ethnocultural mixing.

Сведения о событиях XIII–XIV вв. на Северном Кавказе, так или иначе связанные с появлением и распространением в регионе разноэтничных представителей Центральной Азии, немногочисленны и лаконичны. Первые такие свидетельства повествуют о появлении монголо-татарских отрядов в регионе, о событиях 1222 г. Затронув в основном лишь степную зону региона, через территорию половецких владений (Нарожный, Соков 2016: 232–237, рис. 1) они выходят к р. Калке. Поход 1222 г., вопреки распространенной точке зрения, не привел к полной катастрофе, так как в регионе весьма быстро восстанавливаются прерванные на некоторое время торгово-экономические отношения, в первую очередь, с Закавказьем, что документируется находками единичных монет грузинской царицы Русудан и двумя их крупными кладками (Нарожный, Цуциев 2016: 247–268). Лишь новое вторжение конца 1230-х гг., хотя и не сразу, привело к включению значительной части степной и равнинно-предгорной зон региона в систему установившегося политико-экономического диктата Золотой Орды.

Недостаточно полно освещены в письменных источниках события конца 1230-х – нач. 1240-х гг. на Северном Кавказе. Лаконичные и недостаточно документируемые археологическими материалами эти события и их последствия сильно затрудняют реконструкцию содержания указанного периода. Письменные источники акцентируют внимание в основном на двух драматических событиях этого времени, первое из которых сражение на Северо-Западном Кавказе против черкесов, завершившееся гибелью

«государя черкесов»¹. Вторым событием стало взятие после полуторамесячной осады столицы северокавказской Алании г. Магаса². Для подсчета количества защитников города было приказано отрезать у каждого из них по правому уху³. Оставив в Предкавказье, как отмечал ал-Омари⁴, «царей» у «черкесов и аланов», осуществлявших опосредованную власть монголов в предгорной и равнинной зонах региона⁵, чингизиды уходят «в свои орды», хотя за Тереком (степная зона региона) источники упоминают оставшиеся здесь зимники и пастбища некоего Тамма-Токдая. Э. В. Ртвеладзе с территорией другого владельца на р. Куме – Маджара связывает возникновение одноименного города. Вероятно, такими же владельцами в регионе являлись и другие монголы, с которыми ныне связываются, к сожалению, разрушенные археологические комплексы из местечка Гашун-Уста⁶ (Крамаровский 1995: 193–200) и окрестностей пос. Семеновод (Урожайное) на Ставрополье (Горелик, Отюцкий, Охонько 2010: 97–100). Количество других центральноазиатских по происхождению погребальных комплексов с северной либо с сезонными отклонениями от нее ориентировками погребенных (Нарожный 2008: 142–146) немногочисленны⁷, что заставляет мобилизовывать иные возможности в поисках следов центральноазиатского населения в регионе.

Сведения «Хронографа» о жене грузинского царя в соседнем Хулагуидском государстве, монголке по происхождению, как и сведения ал-Омари о смешении монголов с половцами-кипчаками, свидетельствуют не только об уходе от известной этнической замкнутости. Ситуация сразу с тремя впускными синхронными захоронениями в одном слое кургана № 1 группы 4 у ст. Калиновская (в Чечне) документирует, на наш взгляд, момент перехода от захоронений с традиционной северной ориентировкой погребенных к «всеобщей» и новационной в условиях Золотой Орды ориентировкой головой на запад (Нарожный 2005: 53–67, рис. 24, 27, 29, 31). Подобные изменения подтверждают и некоторые кочевнические захоронения курганного Новопавловского могильника на Ставрополье, на котором указанный процесс иллюстрирует, например, погребение № 10 с остатками женского головного убора. В захоронении с западной ориентировкой погребенной и фрагментами ее шелковых одежд были и остатки типичной бокки (Нарожный, Охонько 2007: 18–19; Макласова 2020: 26–28). Есть основания видеть в отдельных захоронениях кочевников и смешанные типы тюрко-монгольских погребальных комплексов (Нарожный 2020: 202–205), а также и более поздние варианты, оставленные в регионе, скорее всего, после их исламизации (Нарожный 2005).

Дальнейшее изучение имеющихся ныне материалов, вероятно, позволит еще глубже разобраться в сложной этнокультурной ситуации, представляемой имеющимися погребальными памятниками Северного Кавказа рассматриваемого отрезка времени.

¹ Как считается ныне, подобные свидетельства вряд ли являлись лишь прямой констатацией факта такой гибели в прямых и непосредственных боестолкновениях. Обычно такую гибель расценивают как «наказание» за ожесточенное сопротивление монголо-татарам (Майоров 2016: 94–95; Нарожный 2021в: 142).

² Несмотря на наличие разных точек зрения относительно возможной и реальной локализации этого города (их обзор см.: Нарожный 2021а: 39–50; 2021б: 144–147; 2021: 141–153), наиболее вероятной является его локализации на территории городища с искусственным названием «Нижний Джулат» в Кабардино-Балкарии. Именно здесь прослежены следы намеренного срытия в первой половине XIII в. фортификационных сооружений, восстановленных уже в период «Великой замятни».

³ Насчитано было 270 000 ушей, что является явным преувеличением даже не в 10 раз. Судя по аналогичному методу «подсчета», источниками зафиксированное в 1241 г. под польской Легнице, аналогичное действие было совершено по отношению к убитым защитникам Легницы (Пашуто 1977: 21; Нарожный 2021в: 145). Вполне вероятно, что источник упомянул не живых защитников города Магаса, а погибших при его защите; преувеличение же их количества примерно в 100 раз, свидетельствует лишь о сильном сопротивлении горожан.

⁴ Существует версия покойного В. П. Костюкова о том, что сведениям ал-Омари доверять трудно (Костюков 2005: 169–198с); предположение разделил и М. В. Горелик (Горелик 2011: 77–90). На наш взгляд, сомнения эти беспочвенны.

⁵ Сведения ал-Омари применительно к Предкавказью подтверждает и анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. (Цулая 1980: 193–208).

⁶ В состав комплекса входит и поясная привеска с изображением «тамги Дома Бату».

⁷ Как известно, с монголами ныне связывают приток не только занесенных ими сюда целого набора разнообразных дальневосточных (чжурчженских) предметов материальной культуры (Нарожный 2007: 60–67), но и китайских монет (Нарожный, Нарожная 2009: 52–61; Нарожный 2015: 64–68).

Литература:

Горелик М. В. Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение) // Золотоордынское наследие: материалы второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М. А. Усманова, Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», 2011. Вып. 2. С. 77–90.

Горелик М. В., Отоцкий И. В., Охонько Н. А. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. М. 2010. № 1. С. 97–100.

Костюков В. П. О кыпчаках в Джучидском государстве // МИА Северного Кавказа. Армавир: РИЦ АГПУ, 2005. Вып. 5. С. 169–198.

Крамаровский М. Г. Монгольская золотая пластинка из коллекции Халили // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В. Г. Луконина (21.I.1932 – 10.IX.1984). СПб.: ГЭ, 1995. С. 193–200.

Майоров А. В. Завоевание русских земель в 1237–1240-х гг. // Золотая Орда в мировой истории. Казань: ИИ АН РТ, 2016. С. 89–113.

Макласова Л. Э. Анализ женского головного убора из погребения № 10 Новопавловского могильника // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Труды съезда. В 3-х т. Самара, 2020. С. 26–28.

Нарожный Е. И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия). Армавир: ЦАИ АГИ, 2005. 220 с.

Нарожный Е. И. Чжурчженские предметы эпохи средневековья на территории Северного Кавказа // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Сиб. отд-е РАН, ИАиЭ СО РАН, 2007. № 4 (32). С. 60–67.

Нарожный Е. И. Этнографо-археологические признаки «монгольских» погребальных комплексов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2008. С. 142–146.

Нарожный Е. И. Вновь о находках китайских монет XIII в. на Северном Кавказе // Вестник АН ЧР. № 4. Грозный, 2015. С. 64–68.

Нарожный Е. И. Где же находился город Магас? // Магас: древний и современный: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 2021а. С. 39–50.

Нарожный Е. И. О «новом предложении» локализации столицы средневековой Алании – «потерянного» города Магаса (Версия J. E. Latham-Sprinkke, University of Ghent в Бельгии) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Барнаул, 2021б. С. 144–147.

Нарожный Е. И. Половцы, потомки монголов или же «адыги»? // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2020. С. 202–205.

Нарожный Е. И. События 1230–1240-х гг. на Северном Кавказе и о «потерянном» Магасе // Золотоордынское наследие: сб. ст. междунар. науч. конф., посв. 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сарай и заседаний триптиха. Казань: ИИ АН РТ, 2021в. С. 141–153.

Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б. Евразийские монеты XIII в. с территории Северного Кавказа. Историко-археологические этюды // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Сиб. отд-ние РАН, ИАиЭ СО РАН, 2009. № 1(37). С. 52–61.

Нарожный Е. И., Охонько Н. А. Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей. Армавир-Ставрополь. 2007. 173 с.

Нарожный Е. И., Соков П. В. География события 1222 года на Северном Кавказе // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы седьмой междунар. конф., посв. памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 232–237.

Нарожный Е. И., Цуциев А. А. Северный Кавказ в период с 1222 г. по конец 1230-х гг. (по грузинским монетным находкам) // Stratum plus. СПб.–Одесса–Кишинев–Бухарест, 2016. № 6. С. 247–268.

Пашуто В. Т. Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М.: Наука. 1977. С. 210–228.

Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. Вып. VII. М.: Наука, 1980. С. 193–208.

Кольцов Петр Михайлович
доктор исторических наук
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Элиста, Россия
petrkoltsov52@mail.ru

Кипиев Мухамбеткали Куанышкалиевич
Центр исследования историко-культурного наследия Атырауской области
Атырау, Казахстан
mkipiev@yandex.ru

Обухов Юрий Дмитриевич
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Элиста, Россия
obukhova_t@inbox.ru

КАРАВАН-САРАЙ ТАСКЕШУ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2021 г.)¹

В статье рассматривается историография изучения караван-сарая Таскешу на реке Сагыз в Западном Казахстане, известного по письменным источникам, в том числе и средневековым. Подробно представлена история изучения караван-сарая и даны краткие результаты исследований столь уникального памятника, которые позволили в некоторой степени реконструировать облик и структуру караван-сарая, рассредоточенных в золотоордынское время на пути к Сарайчику и от него к Ургенчу. Архитектура памятника и большое количество фрагментов импортной керамической посуды дают широкие возможности для изучения экономических и культурных связей населения Западного Казахстана в XIV в.

Ключевые слова: караван-сарай, Западный Казахстан, раскопки, Таскешу, брод.

Koltsov Petr Mikhailovich
Doctor of Sciences in History
B. B. Gorodovikov Kalmyk State University
Elista, Russia

Kipiev Muhambetkali Kuanyshtkalievich
Center for the Study of Historical and Cultural Heritage of Atyrau region
Atyrau, Kazakhstan

Obukhov Yuriy Dmitrievich
B. B. Gorodovikov Kalmyk State University
Elista, Russia

TASKESHU CARAVANSERAI IN WESTERN KAZAKHSTAN (BASED ON THE MATERIALS OF THE EXCAVATIONS OF 2021)

The article examines the historiography of the study of the Taskeshu caravanserai on the Sagyz River in Western Kazakhstan, known from written sources, including medieval ones. The history of the study of the caravanserai is presented in detail and brief research results of such a unique monument are given, which allowed to some extent reconstruct the appearance and structure of the caravanserais dispersed in the Golden Horde time on the way to the Saraychik and from it to Urgench. The architecture of the monument and a large number

¹ Ю. Д. Обуховым работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-39-90023.

of fragments of imported ceramic tableware provide manifold opportunities for studying the economic and cultural ties of the population of Western Kazakhstan in the 14th century.

Keywords: caravanserai, Western Kazakhstan, excavations, Taskeshu, ford.

С образованием в середине XIII в. Золотоордынского государства в Западном Казахстане и Нижнем Поволжье начинают строиться города. Расцвет градостроительства приходится на период правления ханов Узбека и Джанибека и связан с политической стабильностью и экономическим подъемом на территории Золотой Орды. Сухопутные дороги пролегали по степным и полупустынным пространствам Прикаспия, иногда они соединялись, в местах перехода через реку по мелководью. К числу таких мест можно отнести брод через реку Сагыз, где в средневековье был построен караван-сарай, который в исторической литературе получил название Таскешу.

Сведения об ответвлениях Великого Шелкового пути, проходивших через Западный Казахстан, впервые встречаются в XIII в. в путевых заметках путешественника Ибн Фадлана. О караванных маршрутах в Северо-Каспийском регионе в XIII в. писали такие путешественники, как Г. Рубрук, Плано Карпини, в XIV в. – Ибн Батута, Франческо Бальдуччи Пеголотти и др. Позже о караван-сараях писали такие исследователи, как Л. Мейер (Мейер 2007: 139), А. И. Левшин (Левшин 1982), А. П. Чулошников (Чулошников 1924).

Археологи и архитекторы, исследовавшие большинство памятников, называют «крепость Узунтам» (по Левшину) караван-сараям (Толстов 1953; Маньолов, Юсупов 1982; Мендикулов 1987). В 1950 г. академик Алькей Хаканович Маргулан впервые исследовал караван-сарай Таскешу и составил его топоплан. В том же, 1950 г. караван-сарай Таскешу был исследован разведочным маршрутом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Из краткого отчета С. П. Толстова мы узнаем, что на речке Сагыз были обследованы развалины искусственного брода – каменной плотины и караван-сарая, сложенного из крупного обожженного кирпича (Толстов 1953: 301–305). В 1973 г. караван-сарай Таскешу посетил М. Мендикулов, оставивший сведения о переправе через р. Сагыз (Мендикулов 1987).

В 2005 г. переправу через р. Сагыз у караван-сарая Таскешу исследовал М. С. Касенов (Касенов 2006). В период с 2008–2013 гг. сначала «Атырауский областной центр истории и археологии», позже археологическая экспедиция Атырауского областного историко-краеведческого музея под руководством В. В. Плахова проводят исследования караван-сарая Таскешу (Кольцов и др. 2012: 25–33). Следующая страница в истории исследования городища Таскешу началась в июне 2010 г. с работы международной археологической экспедиции в составе Атырауского областного центра истории и археологии, Атырауского госуниверситета им. Х. Досмухамедова и Калмыцкого госуниверситета (Гарифолла, Кольцов 2010: 25–28; Кольцов и др. 2011: 25–33). В результате раскопок М. С. Касенова в 2012–2013 гг. исследована южная часть памятника, которая, вероятно, зеркально повторяет северную сторону.

В 2021 г. археологическая экспедиция под руководством М. Д. Калменова, при участии П. М. Кольцова продолжила изучение средневекового памятника Таскешу (Калменов, Кольцов 2021). Результаты полевых работ 2021 г. позволили существенно дополнить имеющиеся данные по стратиграфической картине южного участка караван-сарая. Были исследованы южные ворота и сторожевая башня на стыке восточной и южной стен средневекового городища.

Культурный слой на этом участке содержал стекло, кости животных, металлические изделия, многочисленный керамический материал: полихромную кашинную керамику с подглазурной росписью ангобом, а также синей и черной красками с рельефом и без него, фрагмент керамики производства Ширвана, фрагмент чаши т.н. псевдосадаона из кашина с монохромной зеленоватой глухой глазурью, а также красноглиняной с белой глухой и зеленой поливой, имеющей аналогии в Поволжье, Юго-Восточном Крыму и Северном Кавказе. К важным находкам следует отнести монеты, чеканенные при ханах Узбеке (712–41 г.х.) и Джанибеке (742–57 г.х.).

Следует отметить, что раскопки столь уникального памятника позволили в некоторой степени реконструировать облик и структуру караван-сарая. Городище Таскешу в плане имеет правильную четырехугольную форму площадью 55×55 м. Фасадные углы и плоскости стен укреплены округлыми башнями. В центре памятника зафиксирован четырехугольный внутренний двор площадью 30×30 м. Вдоль западной и восточной стен расположены жилые комнаты. У северной стены караван-сарая находились длинные хозяйственные помещения. Кроме жилых комнат были обнаружены ямы для бы-

товых отходов и складское помещение размером 3,9×3,9 м. Вход в него находился сразу за порталом ворот. С трех сторон городища отмечены следы оборонительного рва. Въезд располагался на южной стороне караван-сарая, где обнаружены ворота шириной 4 м, которые, вероятно, имели форму арки.

Архитектура памятника и большое количество импортной керамической посуды дают широкие возможности для изучения экономических и культурных связей населения Западного Казахстана в XIV в. Раскопками также установлено, что люди покинули караван-сарай неспешно, унося с собой большую часть необходимых вещей. На это указывают отсутствие следов погромов и большого пожара, целых бытовых предметов и украшений. На исход населения из городища Таскешу повлияла, вероятно, изменившаяся политическая и экономическая ситуация в регионе.

Литература:

Гарифолла А. Г., Кольцов П. М. Археологические раскопки средневекового городища Таскешу // Материалы междунар. конф., посв. юбилею Атырауского гос. ун-та. Атырау, 2010. С. 25–28.

Калменов М. Д., Кольцов П. М. Отчет об археологических исследованиях караван-сарая Таскешу в 2021 г. // Архив Центра исследования историко-культурного наследия Атырауской области. Атырау, 2021.

Касенов М. С. Атырау аймағындағы Таскешу керуен сарайы. // «Каспий-Еуразия халықтар тағдырында: тарихы және ынтымақтасу болашағы» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдар жинағы. Атырау, 2006.

Кольцов П. М., Кольцова К. П., Касенов М. С. и др. Раскопки международной археологической экспедиции средневекового караван-сарая Таскешу в Западном Казахстане // Научный журнал. Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. Вып. 3. Элиста, 2012. С. 25–33.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1982. 264 с.

Маньолов Ю. П., Юсупов Н. Ю. Караван сарай Центрального Устюрта // СА. 1982. № 1. С. 170–182.

Мендикулов М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1987. 160 с.

Мейер Л. Казахская степь Оренбургского ведомства. Астана: Алтын Кітап, 2007. 193 с.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г. // Советская археология: сб. ст. М., 1953. Т. XVIII. С. 301–325.

Чулошников А. П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. 292 с.

Мягмар Эрдэнэ

Ph.D

Монгол Улсын их сургууль

Улаанбаатар, Монгол Улс

merdene@num.edu.mn

Содном Өлзийбаяр

Ph.D

Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Археологийн хүрээлэн

Улаанбаатар, Монгол Улс

ulziibayars@yahoo.com

Баттулга Очир

Ph.D

Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэн

Улаанбаатар, Монгол Улс

chenlygutu8888@gmail.com

ОНГОН ТАВАН ТОЛГОЙН ЗҮЛДЭЛСЭН МОРЬТ ОРШУУЛГА

МУИС-ийн ХУС, ШУА-ийн ТУЗХ хамтарсан “Тавантолгой–2021” экспедиц 2021 онд Сүхбаатар аймгийн Онгон сумын нутаг Тавантолгой дахь дундад зууны язгууртны оршуулгын дурсгалт газар адуу зүлдлэн хойлголсон зан үйл бүхий булш малтан судалсан байна. Энэ нь уг дурсгалт газар тэмдэглэгдэж буй хоёр дахь тохиолдол болох төдийгүй нөгөө талаар Тавантолгой орчимд дундад зууны монголчуудын нэгэн бие даасан археологийн соёл байж болох тухай таамаглалыг лавшруулах үнэтэйхэрэглэгдэхүүн болно.

Түлхүүр үг: Тавантолгой, монгол морьт оршуулга, зүлд, урлагийн бүтээл, мөнгөн бүс.

Myagmar Erdene

Ph.D

Mongolian State University

Ulaanbaatar, Mongolia

Sodnom Ulziibayar

Ph.D

Institute of Archeology of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

Battulga Ochir

Ph.D

Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

TAVAN TOLGOI'S BURIALS WITH HORSE

In 2021, a joint expedition "Tavan Tolgoi-2021" of the National University of Mongolia and the Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences conducted excavations of medieval aristocratic burials at the site Tavan-Tolgoi in the Eastern Mongolia. Excavations revealed burials with the horse in the ritual "Zuld" (Ritual of laying of skins, four limbs and the head of the horse in the burial). The burial rite with a horse "Zuld" was marked at the first excavations on this monument in 2004-2007 and 2010, which provides the basis for the assumptions about the existence of the independent culture of Tavan-Tolgoi in medieval archaeology of Mongolia.

Keywords: Tavan-Tolgoi, horse burial, “zuld” rite, art work, silver belt.

Сүхбаатар аймгийн Онгон сумын нутаг Тавантолгой хэмээх газар Д.Навааны удирдсан МУИС-ийн “Дорнод Монгол” төслийн баг 2004, 2005, 2007 онд нийтдээ 10 гаруй булш малтан, зарим булшны он цагийг 1130-1250 оноор тогтоожээ (Наваан, Мөнхдэлгэр 2006: 10–28; Өлзийбаяр нар 2007; Youn et al. 2007). Малтлагаар шашны болон ахуйн хэрэглээний давтагдашгүй хийц бүхийэд өлгийн зүйлсийн зэрэгцээ морийг бүтнээр болон төлөөлүүлэн тавих ёс малтсан бүх монгол булшинд тэмдэглэгдсэн байна. Тэдгээр булшны байрлал, дотоод бүтцийн онцлог шинжид тулгуурлан “Тавантолгойн соёл” хэмээн нэрлэх санал дэвшүүлж байсан болно (Өлзийбаяр нар 2010: 221–234). 2010 онд Ц.Төрбатын удирдсан ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн баг дундад зууны монгол морьт булш 3-ыг малтаж, XIII-XV зуунд холбогдохыглабораторийн шинжилгээгээр тогтоожээ (Төрбат нар 2015: 189–204).

2021 онд М. Эрдэнэ, С. Өлзийбаяр нарын удирдсан МУИС-ийн ШУС-ийн НУС, ШУА-ийн ТУЗХ хамтарсан “Тавантолгой 2021” экспедиц энэ дурсгалт газар морьт оршуулгын соёлын тархсан нутаг дэвсгэрийн хүрээг тодруулах зорилгоор малтлага хийв. Дунд овоо (язгууртны булш илэрч байсан)-оос зүүн, зүүн урагш, баруун чигт тус бүр 3-4 км зайтай газруудад 5 монгол булш малтсаны 3 нь морьт оршуулга болно. Эдгээрээс №15-р булш нь эд өлгийн төдийгүй зан үйлийн хувьд өвөрмөц шинжтэй ажээ (Зураг 1. Дэвсгэр зураг).

Були-15. Дунд овооноос зүүн урагш 3 км зайд нэгэн жижиг толгойн зүүн урд налуу энгэрт байрлах ба 4 м голчтой, цагариг хэлбэрийн чулуун дараастай. 2 м гүнд цагираг зуузай бүхий төмөр чөмөгтэй амгай зуулттай адууны шатаасан толгой, бугалга (humerus), богтос (radius), шилбэ (cannon), урт, богино сагаг (pastern), туурай (coffin) зэрэг бүрэн хэлхээ өрөөсөн урд мөчийг үе тус бүрээр нугалан тавьжээ. Өргөн далбагар модон суудал (хойд бүүрэг) нь налан унасан, урд бүүрэггүй, төмөр дөрөөг нь дээш шууж суудал дээр тавьсан, үйс давхарлан хийсэн хавтас бүхий өвөрмөц эмээлийн мод илрэв. Эмээлийн дор адууны хос тахилзуур (fibula) хойд мөчийгзэрэгцүүлэн байрлуулжээ. Адууны ясны баруун талд түүнээс доош 50 см гүний түвшинд баруун хойд зүгт хандуулсан гоёмсог хээлэн, будаж чимэглэсэн модон авсанд голд нь овоолон хаясан хүний араг яс мэдэгдсэн ба дунд чөмөг, баруун бугалга зэрэг зарим урт ясны байрлалаас үзэхэд шарилыг тэнэгэр байдалтай тавьсан байсан бололтой. Үзүүрийг дээш харуулан дүрсэн сум бүхий үйсэн хоромсого авсны баруун хойд ханын гадна талд түшүүлэн тавьсан нь авсны дээд ирмэгээс 10 см орчим илүү гарсан байна. Хонины өрөөсөн шагайт чөмөг авсны хана түшүүлэн босгож тавьжээ. Хүний яс дундаас луу, цэцгийн дүрс бүхий мөнгөн хөөмөл эдлэл 10 ш, үүнээс суран эд дээр зүүлтэй хэвээр үлдсэн 2 тоног, хутга, хэт зэргийг зүүхэд зориулагдсан сэнж бүхий 3 ш мөнгөн бэл илэрсэн нь агсарга бүсний чимэглэл болно (Зураг 2. Бүсний мөнгөн чимэг). Бүсэнд зүүлтэй байсан бололтой ширэн хавтага дотор нандигнан боож, уяж бэхэлсэн бөс даавуу гадартай эсгий хэтэвч бүхий төмөр хэт олдов(Зураг 3. Хэтэвчний ар талын хээ чимэглэл). Адууны ясны дороос эмээлийн хавтас харалдаа гоёмсог алхан хээгээр чимэглэсэн эсгий тохмын ирмэг хэсэг хадгалагдан үлджээ. Авсыг торгомсог эдээр доторлосон байсныг илтгэх хээ чимэглэл нь арилж үгүй болсон бөс даавууны өөдөс модон гадаргууд наалдсан байна. Түүний ёроолыг хус модны нарийн мөчрийг эгнүүлэн савхлан хийжээ. Оршуулгын нүхний толгой талын ханыг хөндийлөн ухааж, зай гаргаад түүндээ тагалцаг, туур бүхий хонины баруун урд өрөөл мөчийг бүтнээр нь нугалан тавьжээ. Түүний дэргэдээс толгой саримс олдсон нь эрт цагаас нүүдэлчдийн хүнсний хэрэгцээнд таримал ургамал байсаар байсныг харуулах чухал хэрэглэгдэхүүн болно. Өрөөл мөчний хамт хөвөөлдөн ширсэн эвэр хээ, 8 тал замбага цэцгийн дэлбээг давхар зураасаар оёж, дотор талд нь туулай, ургамлын хос мөчрийг ширж товойлгосон чимэгтэй арьсан саадагны үлдэц байна (Зураг 4. Саадагны чимэглэл). Мөн хутганых бололтой 10-аад см урт төмөрлөг эдлэл тавьжээ. Хүний хөлийн тавхай хэсэгт гутлын хоншоорын эсгүүр мэт хэлбэртэй хос үйсэн эд үлджээ.

2007 онд малтан судалсан Тавантолгойн 9-р булшнаас тусгай тавцан дээр хазаар зуулгасан, шатаасан толгой, дөрвөн мөчийг тавиад, түүний дээр модон эмээл байрлуулсан адууны яс илэрсэн юм (Өлзийбаяр нар 2010: 221–234). Тавантолгойн дурсгалт газраас адууны толгойг шатааж, түүнд хазаар зуулгадаг, дөрвөн мөчөөр бүтэн адууг төлөөлүүлэх өвөрмөц зан үйл ийнхүү хоёр дахь удаагаа тэмдэглэгдэв.

ОХУ-ын Өвөрбайгалын Бооржийн ам (Усть-Борзя)-ны Өлгий хэмээх газар 1984 онд малтсан 2 монгол булшнаас ялимгүй баруун хойш хазайсан чиглэлтэй, банзан австай оршуулгын хамт адууны толгой, дөрвөн мөчийг зэрэгцүүлэн түүний дээр модон эмээл тавьсан өвөрмөц “морьт” оршуулга илэрчээ. Банзан авсыг улаанаар будаж, ёроолыг нь нарийн савхан мод эгнүүлэн битүүлсэн бөгөөд булангуудыг нь дотор хүрээ модонд модон шаантаг хадаасаар тогтоосон байжээ. Авсны дээр сум дүрээтэй үйсэн

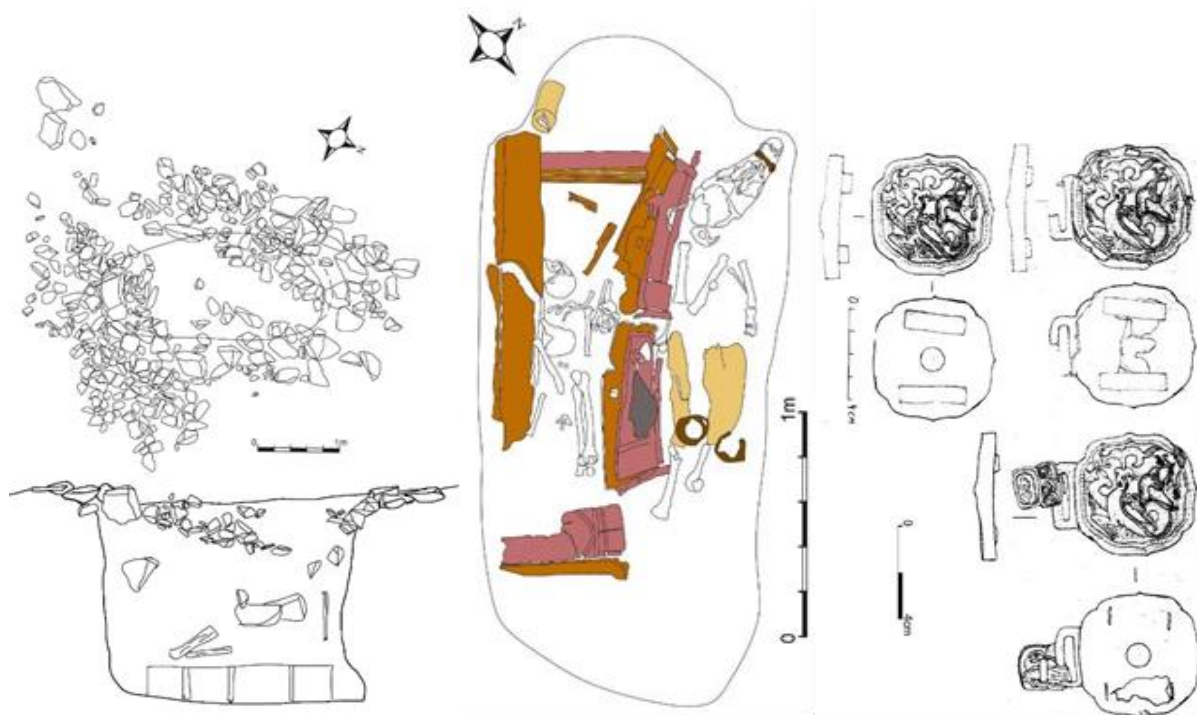
хоромсого, хүний толгой талд хонины шаант чөмөг тавьсан байжээ (Ковычев, Беломестнов 1988: 142–155).

Тавантолгой болон Өлгийн дурсгалт газар өөр хоорондоо 600 гаран км алслагдсан хэдий ч оршуулгын зан үйлийн хувьд маш төстэй байна. Монгол оршуулгын нийтлэг зан үйлийн илрэл болох хүнээ тавьсан байдал, хонины шагайт чөмөг дагалдуулсан төдийгүй морь зүлдэлсэн хэлбэр, банзан авсны хийц болон дагалдуулсан эд өлгийн хувьд ч олон талаар адилсаж байна. Ялангуяа, бүтэн морийг төлөөлүүлэн зүдлэн тавих зан үйл монгол оршуулгын соёлын хүрээнд ийнхүү мэдэгдсэн нь эдгээрийг монгол угсааны нэг аймгийн үлдээсэн дурсгал байж болохыг харуулах юм. Монгол оронд Шарын шашин, суртал нэвтрэн дэлгэрэхээс өмнө үхэгсдийн зан үйлд унаж байсан морийг нь дагалдуулах ёс ихэд дэлгэрээд байсан талаар монгол бичгийн сурвалжид дурдсан байдаг билээ.

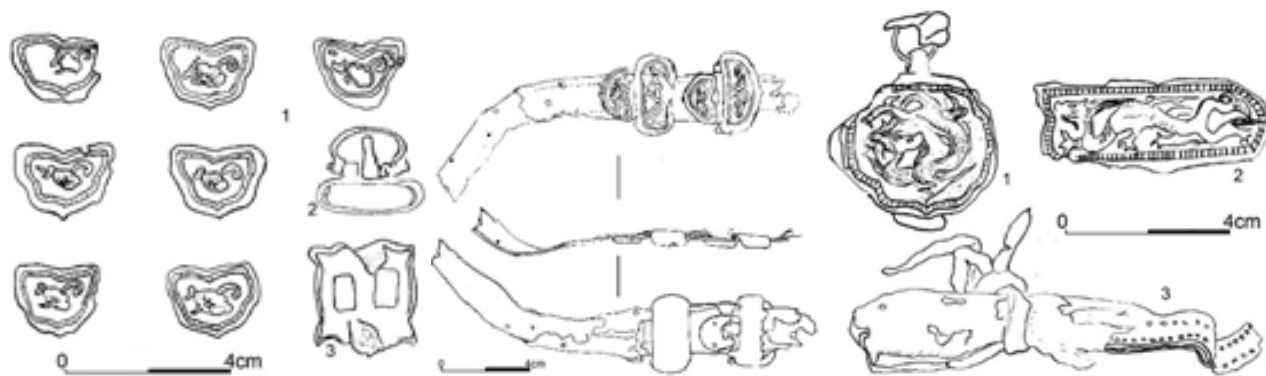
Дүгнэлт

Онгон Тавантолгой дахь дундад зууны Монголын үед холбогдох дурсгалт газар нь унасан морийг эзэнтэй нь хамт оршуулдаг өвөрмөц зан үйл бүхий монгол угсааны нэгэн аймгийн үлдээсэн дурсгал болно. Адууны толгой, дөрвөн мөч тэргүүтнийг төлөөлүүлэн зүдлэх ёс Тавантолгойн морьт оршуулгын соёлын нэгэн төрөл болох ажээ. Зөвхөн зан үйлийн хувьд өвөрмөц шинжтэй байхаас гадна дүрслэх урлагийн өндөр түвшинд хийгдсэн эд өлгийн зүйлс өмнөх жилүүдэд цөөнгүй илэрсэн. Мөн 15-р булшны мөнгөн чимэглэлтэй бүс, авсны хээ нь Тавантолгой орчмын урлагийн түвшний илэрхийлэл болно. Тиймээс хожмын “Дарьганга” хийц хэмээн алдаршихад хүрсэн энэ нутгийн дархны дэг сургууль нь энэхүү Тавантолгойн соёлын чимэглэх урлагаас үүдэлтэй байж болох билээ.

Адууг зүлдэлсэн монгол булш илэрсэн Боорж гол, Тавантолгой хоёрын дунд Рашид ад Диний мэдээгээр Татар аймгийн үндсэн нутаг болох Буйр нуур оршино. Эдгээр зүлдэлсэн морьт оршуулгууд илэрсэн газар нь урьдын Татар аймгийн хойд, урд хязгаар нутаг болох ба түүний суурин дээр төлөвшсөн соёлын нийтлэгийн төлөөлөл хэмээн үзэж байна.

Зураг 1. 15-р булшны дэвсгэр зураг

Зураг 2. Бүсний мөнгөн чимэг

Зураг 3. Хэтэвч (Гар зургуудыг Д. Бямбацогзол зурав).

Зураг 4. Саадагны чимэг (Гар зургуудыг Д. Бямбацогзол зурав).

Ном зүй:

Ковычев Е. В., Беломестнов Г. И. Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлежность // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ, 1988. С. 142–155.

Наваан Д., Мөнхдэлгэр Ж. Сүхбаатар аймгийн Онгон сумын Тавантолгойн тавдугаар булш ба Монголын язгууртны булш судлах асуудалд // Mongolian Journal of Anthropology, Archeology and Ethnology. 2006. Vol. 2. No. 1(254). 10–28-р тал.

Өлзийбаяр С., Наваан Д., Эрдэнэ М. Сүхбаатар аймгийн нутагт хийсэн археологийн судалгаа (2007) // Mongolian Journal of Anthropology, Archeology and Ethnology. 2007. Vol. 3. No.1 (287). Т. 60–76.

Төрбат Ц., Батсүх Д., Баярхүү Н. Тавантолгойн монгол язгууртны булшнууд // Хубилай сэцэн хаан ба Монголын Юань улс. ОУЭШХ-ын эмхэтгэл. Адмон принт. УБ., 2015. Т. 189–204.

Өлзийбаяр С., Наваан Д., Эрдэнэ М. Захоронения Тавантолгойской культуры Восточной Монголии // Известия лаборатории древних технологий. 2010. Вып 8. С. 221–234.

Youn M., Kim J. V., Kim H. H., Tumen D., Navaan D., Erdene M. Dating the Tavan Tolgoi site, Mongolia: Burials of the Nobility from Genghis Han's Era // Radiocarbon, 2007. Vol. 49, No. 2. p. 685–691.

Бураев Алексей Игнатьевич
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
buraev1961@mail.ru

Дикий Ярослав Витальевич
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
yaroslavdikii@gmail.com

Рыкун Марина Петровна
кандидат исторических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
m_rykun@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ БУРЯТИИ

В данном сообщении рассматриваются насущные проблемы палеоантропологии Бурятии. Роль палеоантропологии в познании древней и средневековой истории Центральной Азии не вызывает сомнений. Современный уровень науки позволяет исследовать широкий круг вопросов, связанных с физическими и расовыми особенностями этнических групп, проживавших на территории региона. Для историков и археологов изучение палеоантропологических материалов является необходимым источником для выяснения этногенеза современных народов исследуемой территории.

Ключевые слова: палеоантропология, археология, Центральная Азия, Бурятия.

Buraev Alexey Ignatievich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia

Dikii Yaroslav Vitalievich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia

Rykun Marina Petrovna
Candidate of Sciences in History
National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

PROBLEMS OF PALEOANTHROPOLOGY IN BURYATIA

This report discusses the pressing problems of paleoanthropology in Buryatia. The role of paleoanthropology in the knowledge of the ancient and medieval history of Central Asia is beyond doubt. The modern level of science allows us to explore a wide range of issues related to the physical and racial characteristics of the ethnic groups living in the region. For historians and archaeologists, the study of paleoanthropological materials is a necessary source for clarifying the ethnogenesis of modern peoples of the study area.

Keywords: paleoanthropology, archeology, Central Asia, Buryatia.

Краниология

Для палеоантропологии Центральной Азии, как и для любого другого региона, главной проблемой является нехватка материалов по отдельным эпохам, что не позволяет проследить этногенетическую историю в полном объеме.

В данном случае авторы сообщения попытались связать восточно-сибирские материалы с западно-сибирскими. Вслед за А. Г. Козинцевым (Козинцев 2021), М. П. Рыкун определяет основное направление движения популяций Западной Сибири в западном направлении. В то же время данные палеоантропологии из Восточной Сибири отчетливо указывают на центрально-азиатское направление генетических связей древнего населения региона. Хотя в последнее время возникает предположение об автохтонном существовании европеоидных популяций на территории Байкальской Сибири.

По краниологическим данным древние и средневековые популяции с территории исследования относятся к байкальской и центрально-азиатской группам. Их развитие привело к формированию монголов, бурят и эвенков. При этом отметим, что пути становления монголов и бурят никак не связаны с генезисом тунгусоязычных народов региона.

Задача определения степени метисации или полной смены антропологического состава в связи с особой динамичностью охотничьих и кочевых объединений приобретает для рассматриваемой территории первостепенное значение. Отсюда непреходящий интерес антропологов к генезису населения этой территории. Начало антропологическому изучению байкальского региона было положено в конце XIX в. Ю. Д. Талько-Грынцевичем (1900). В дальнейшем свой вклад в антропологию байкальского региона внесли Г. Ф. Дебец (1948), М. М. Герасимов (1975), М. Г. Левин (1958), И. М. Золотарева (1960), Н. Н. Мамонова (1961), И. И. Гохман (1980), А. И. Бураев (2006). Исследователями были введены в научный оборот репрезентативные антропологические материалы, дана историческая и расогенетическая интерпретация полученных данных.

Анализ материалов дает возможность сделать вывод об одновременном существовании различных расовых типов на территории Байкальской Сибири в хуннское время. Как представляется, европеоиды, дальневосточные монголоиды и автохтонное население региона боролись за гегемонию между собой на всем протяжении I тыс. до н.э. и в первые века н.э. Таким образом, байкальский регион являлся маргинальным для монголоидных и европеоидных популяций. В то же время процесс формирования центральноазиатской расы (как представлялось, выраженно монголоидной группы популяций) проходил, вне всякого сомнения, на территории циркумбайкальского региона.

Антропологический состав древнего и средневекового населения региона позволяет сделать вывод о наличии европеоидного влияния и соответственно о возможности такового у современных представителей центральноазиатской расы.

Посткраниальные материалы

Изучение посткраниальных скелетов из археологических объектов Бурятии проводилось, но в гораздо меньшем объеме, чем черепа, и этих исследований явно недостаточно для качественного анализа.

Неоднократно исследовались палеоантропологические материалы Фофановского могильника (неолит-ранняя бронза): М. М. Герасимова, С. Б. Боруцкая, С. В. Васильев, С. Ю. Фризен (2008, 2010); одонтологическую характеристику сделала Н. А. Лейбова (2019). Кроме того, по черепам мужчины и женщины из фофановского могильника Г.В. Лебединской выполнены скульптурные реконструкции (1988).

Хуннские костяки также подвергались антропологическому анализу. Первые данные по посткраниальному скелету хунну были опубликованы Н. Н. Мамоновой (1974) по материалам из могильника Черемуховая падь на юге Бурятии. А. Б. Радзюн, основываясь на костных материалах из Иволгинского могильника, а также используя данные Н. Н. Мамоновой, опубликовала статью, в которой рассматривается эпохальная динамика посткраниального скелета древнего населения Забайкалья. Всего опубликованы измерения 16 мужских и 12 женских скелетов хунну Забайкалья, проведена рентгенография длинных костей (Радзюн 1980: 52).

Кроме того, данные по посткраниальному скелету хунну приводятся в коллективной статье под руководством А. В. Громова, базирующейся на измерениях посткраниальных скелетов из могильников VII вв. до н.э. – III вв. н.э. Минусинской котловины, Тувы, Верхнего Приобья, Западной Монголии и Забайкалья. В ней проведена корреляция краниометрических и остеометрических показателей. Выявлено, что хуннское население достоверно отличается от групп скифского времени и по размерам длинных

костей, и по морфологии черепа. У хунну короче голень и более массивна бедренная кость (Громов и др. 2015: 90).

Слабая степень изученности древних посткраниальных материалов – очевидная проблема палеоантропологии Бурятии. К сожалению, существует недостаток материала для исследования; исторические эпохи представлены разным количеством материала различной сохранности.

В археологических коллекциях ИМБТ СО РАН и Музея БНЦ СО РАН содержатся материалы 232 погребений из 50 археологических памятников. Из них к неолиту относятся 20 костяков (вместе с фофановскими материалами музея БНЦ СО РАН), бронзовый век – 16, хунну – 25 костяков, средневековье – 107, новое время – 3. Эпохальная принадлежность не установлена у 68 костяков. Приведенные данные убедительно показывают, что недостаточное количество костяков по некоторым историческим периодам не позволяет провести качественный анализ и сделать максимально обоснованные выводы о древнем и средневековом населении Бурятии.

Литература:

Антропологические типы древнего населения на территории СССР. М.: Наука, 1988. 208 с. (Скульптурная реконструкция Г. В. Лебединской стр. 102–103, таб. VIII–IX).

Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С.23–48.

Герасимова М. М., Васильев С. В., Фризен С. Ю., Борущкая С. Б., Жамбалтарова Е. Д. Палеоантропологическое исследование Фофановского могильника (Забайкалье) эпохи неолита-энеолита // Вестник антропологии. 2010. Вып. 18. С. 113–127.

Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т.36. Л., 1980.

Громов А. В., Радзюн А. Б., Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Лазаретова Н. И. Население юга Сибири в VII в. до н.э. – III в. н.э. по данным остеометрии и краниометрии // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 2. Вып. 3. 2015. С.77–90.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР / ТИЭ. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 389 с.

Золотарева И. М. Этническая антропология бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 11–44.

Козинцев А. Г. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49, № 4. 2021. С. 140–151.

Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Труды Института этнографии АН СССР. Т.36. М., 1958. С.155–177.

Лейбова Н. А. Одонтологическое исследование материалов из Фофановского могильника (Юго-Восточное Прибайкалье) // Сб. ст. к юбилею Маргариты Михайловны Герасимовой. М.: БукиВеди. 2019. С. 86–99.

Мамонова Н. Н. Кочевники Забайкалья IX–XIII вв. по данным палеоантропологии // Антропологический сборник. М., 1961. Т. LXXI. С. 207–241. (Тр. Ин-та этногр. Нов. сер.).

Радзюн А. Б. Эпохальные вариации элементов посткраниального скелета у населения Забайкалья // Сборник МАЭ. XXXVI. С.48–59.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. III // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. Русского географического о-ва. М., 1900. Т. 1, вып. 3. С. 35–76.

*Елихина Юлия Игоревна
кандидат исторических наук
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия
julia-elikhina@yandex.ru*

КОЛЛЕКЦИИ И ПРЕДМЕТЫ ИЗ БУРЯТИИ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В статье приведены краткие сведения об археологических коллекциях, собранных на территории современной Бурятии в 1925, 1927, 1934, 1936 и 1937 гг. Эти собрания хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Автор кратко перечисляет основных исследователей, проводивших раскопки и собиравших подъемный и этнографический материалы. Среди них можно перечислить такие имена, как В. А. Казакевич, Б. Э. Петри, Э. Р. Рыгдылон, С. В. Киселев, М. М. Герасимов и др. Эти исследователи раскапывали могильники, городища Хирхиру и Кондуй. Находки датируются периодом, начиная с неолита и заканчивая началом XX в. Если некоторые артефакты были много раз опубликованы, то большая часть этого материала до сих пор не введена в научный оборот.

Ключевые слова: могильники, подъемный материал, археологические находки, Бурятия, Эрмитаж.

*Elikhina Julia Igorevna
Candidate of Sciences in History
State Hermitage
Saint-Petersburg, Russia*

COLLECTIONS AND OBJECTS FROM BURYATIA IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE

The article provides brief information about the archaeological collections collected on the territory of modern Buryatia in 1925, 1927, 1934, 1936 and 1937. These collections are kept in the Oriental Department of the State Hermitage. The author briefly lists the main researchers who carried out excavations and collected elevating and ethnographic materials. Among them, one can list such names as V.A. Kazakevich, B. E. Petri, E. R. Rygdylon, S. V. Kiselev, M. M. Gerasimov and others. These researchers dug out burial grounds, settlements Khirkhira and Kondui. The finds date from the period from the Neolithic to the beginning of the 20th century. If some artifacts have been published many times, then most of this material has not yet been introduced into scientific circulation.

Keywords: burial grounds, recovered material, archaeological finds, Buryatia, the State Hermitage.

В собрании Государственного Эрмитажа находятся разные археологические коллекции и буддийские предметы, привезенные с территории Бурятии. Некоторые из них хранятся в Отделе Востока¹.

Большой вклад в формирование археологических коллекций в Государственном Эрмитаже внес В. А. Казакевич (1896–1937), советский востоковед-монголовед, специалист по истории Монголии и лексикологии монгольского языка, этнограф, музеевед. Он работал в Институте востоковедения АН СССР, Ленинградском Восточном институте, Государственном Эрмитаже и Этнографическом отделе Русского музея, являлся сотрудником Ученого Комитета Монголии (1922–1927 гг.) и полпредства СССР в МНР, участвовал в работе Монгольской комиссии АН СССР, в Институте был секретарем Ассоциации монголоведения, ездил в экспедиции и научные командировки. Он был арестован 30 августа 1937 г. как японский шпион, 20 декабря 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

Археологические находки В. А. Казакевича, хранящиеся в Эрмитаже, представляют собой результаты раскопок погребений разного времени, произведенных им в Бурятии. Кроме того, имеются и архео-

¹ Часть археологических коллекций хранится в Отделе Археологии Государственного Эрмитажа, например, находки Г. И. Сосновского из Черемуховой пади и др.

логические находки, происходящие из Кондуйского городища. В письме к В. Л. Котвичу от 27 августа 1936 г. он пишет: «...я уже около двух лет служу в секторе Востока Государственного Эрмитажа, где заведу Монгольским отделением, созданным мной по предложению директора И. А. Орбели» (Котвич 2011: 275).

В. А. Казакевич проводил раскопки в Бурятии в 1934 г. в Кяхтинском аймаке. Им были раскопаны шесть могил в южной части возвышенности к востоку от г. Кяхты. Эти находки поступили в Эрмитаж в 1936 г. из Института востоковедения АН СССР. Они представляют собой фрагменты керамики, костей, бусины, шлака и несколько изделий из металла. В могиле № 7 были найдены фрагменты керамики и костей. В этой могиле обнаружена керамика усть-бельского типа, относящаяся к позднему неолиту. Однако на керамику усть-бельского типа повлияла местная традиция, в результате которой стенки изделий стали тоньше и добавились штриховые отпечатки (История т. I: 101).

Кроме того, В. А. Казакевич в Кяхтинском аймаке раскопал стоянку на восточном склоне возвышенности к востоку от г. Кяхты. Он сделал три раскопа, рядом с третьим раскопом собрал подъемный материал. Им был собран и подъемный материал на выдувах и оврагах Монастырской пади к востоку от г. Кяхты.

В. А. Казакевич раскопал могилу саяно-алтайского типа в верховьях Монастырской пади к северо-востоку от г. Кяхты. Из нее были извлечены фрагменты бронзовых изделий и кости. Всего 155 предметов.

Летом 1934 г. в Борзинском районе Читинской области В. А. Казакевич раскапывал Кондуйский городок. Из его развалин в Эрмитаж в 1935 г. поступили 65 находок. Две фигуры дракона поступили в Эрмитаж в 1936 г. из Государственного краевого музея г. Иркутска. Они относятся к находкам из раскопок А. Павлуцкого.

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся артефакты из Кондуя, представляющие собой подъемный материал и находки археологических экспедиций. Всего 277 экспонатов.

Подъемный материал, собранный на городище Кондуй Ф. М. Морозовым в 1940 г., насчитывает 12 предметов. К нему относится также гранитная голова дракона, декоративные кирпичи, фрагменты черепицы. Основу коллекции артефактов из Кондуя составляют находки экспедиции 1957–1958 гг. С. В. Киселева, всего 187 предметов. Они представляют собой преимущественно архитектурные фрагменты, части кровельных украшений, черепицу, кирпичи, среди этих находок следует отметить голову дракона, украшавшую конек крыши. Часть находок экспедиции под руководством С. В. Киселева в 1957–1959 гг. из Хирхиры была передана в Государственный Эрмитаж. Всего 20 предметов, включающих черепицу, строительные материалы и керамику.

В 1936 г. В. А. Казакевич возглавлял экспедицию Государственного Эрмитажа в Восточносибирский край, где провел раскопки в Аларском аймаке, раскопал три могилы и собрал подъемный материал. Здесь были найдены фрагменты деревянного остова седла, его металлические обкладки, стремя, удила, пряжки конской упряжи и некоторые другие предметы. Всего 77 артефактов, они датируются XIX в. Эти находки поступили в Эрмитаж в 1936 г.

8 предметов представляют собой этнографический материал XVIII–XIX вв. и являются обкладками седел. Некоторые из них инкрустированы кораллом. Они были приобретены В. А. Казакевичем в 1936 г. в Бурятии, в Аларском аймаке, улусе Болтогуй на р. Унга. Кроме того, В. А. Казакевич передал в Государственный Эрмитаж три буддийских бурятских миниатюры начала XX в.¹

Некоторые археологические материалы В. А. Казакевич приобрел в Иркутске в 1936 г. у Б. Э. Петри (1884–1937), выдающегося этнографа и антрополога. Эти находки относятся к сборам Б. Э. Петри², 1925 и 1927 гг., являются подъемным материалом и происходят из Тункинского аймака, собранные на выдувах в окрестностях с. Тунки и из развезанной могилы. Всего 48 предметов.

¹ См. Елихина Ю. И. Буддийские предметы из коллекции В. А. Казакевича, хранящиеся в Эрмитаже // *Mongolica*. Том XXIV. 2021. № 3. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 58–62.

² Основная часть коллекций Б. Э. Петри хранится в г. Иркутске. См. Шергин Д. Л. Коллекции археологического материала Б. Э. Петри по фондам Иркутского областного краеведческого музея // *Вузовская научная археология этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Всероссийский семинар, посв. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 2009. С. 107–117.*

В 1924 г. внимание Б. Э. Петри привлекают древности Тункинской долины. Здесь он открывает и исследует неолитические стоянки и раннебурятские могильники (Памятники 2011: 8; Сирина 2002: 57–80).

Еще одним исследователем древностей Бурятии являлся Э. Р. Рыгдылон (1906–1957), первый бурятский археолог. В 1935–1936 гг. он совершил разведку по долине р. Уды, раскопал несколько плиточных могил в Селенгинском аймаке, провел раскопки памятников эпохи от бронзы до средневековья на территории Бурят-Монгольской АССР, обследовал культурные слои Нижне-Березовской стоянки.

Находки происходят из Читинской области, Хилокского района, где в урочище Закульта Э. Р. Рыгдылон раскопал два погребения. В урочище Шара-Хундуй (?) Мухоршибирского района он раскопал еще три погребения. Находки разного времени, к ним относятся наконечники стрел, металлические пластинки, фрагменты тканей, человеческие кости.

В коллекции Эрмитажа имеется 58 артефактов из его находок. Они поступили в 1937 г. из Института истории материальной культуры, где Э. Р. Рыгдылон обучался в аспирантуре.

Определенный вклад в собрание Государственного Эрмитажа внес знаменитый антрополог М. М. Герасимов (1907–1970). Он принимал участие в Восточносибирской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1936–1937 гг. Он раскопал погребение к востоку от д. Большое Колесово, собирал подъемный материал на выдувах близ д. Малое Колесово. Всего 24 артефакта.

В Кабанском районе М. М. Герасимов собирал подъемный материал близ деревень Творогово и Шагаево, а также раскопал 8 погребений около деревни Творогово. Всего 350 артефактов. В 1937 г. в Кабанском районе М. М. Герасимов раскопал знаменитое погребение около деревни Фофаново. В коллекции Эрмитажа имеются 2 находки и человеческие кости.

Таким образом, в коллекции Эрмитажа представлены собрания и археологические находки, происходящие с территории современной Бурятии, начиная с глубокой древности и заканчивая этнографическими и буддийскими предметами начала XX в.

Литература:

История Бурятии. Древность и средневековья. Т. I / под ред. Б. В. Банзарова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.

Котвич В. Л. Из эпистолярного наследия / сост. Ч. Дашдаваа, С. Цолмон, Д. Наранжаргал, Ц. Цогзолмаа. Улаанбаатар: Бэмбисан, 2011. 416 с.

Памятники археологии. Т. II. Свод объектов культурного наследия республики Бурятия / науч. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: ООО НоваПринт, 2011. 392 с.

Сирина А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. I / сост. Д. Д. Тумаркин. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. С. 57–80.

К ВОПРОСУ О КИТАЙСКОМ ФАРФОРЕ В СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ)

Археологические находки китайского фарфора на памятниках Сибири отражают историю этнокультурных контактов этого региона с Центральной Азией по северным ответвлениям Великого Шелкового Пути. Автор дает предварительные результаты сравнительного анализа археологических находок китайского фарфора с четырех русских поселений в Сибири – Тобольске, Кузнецке, Малово-I и Ильинка-V. Найденный фарфор был произведен в системе печей Цзиндечжэнь. Аналогичные предметы были найдены в музейных собраниях Ближнего Востока, Европы и Америки, а также на затонувших торговых судах в юго-восточной Азии. Большая часть находок из Сибири не получила научного освещения и представляет большой интерес для изучения торговых процессов и межкультурных взаимодействий в Центральной Азии, Сибири и Китае.

Ключевые слова: китайский фарфор, Сибирь, археология, Центральная Азия.

*Ozheredova Alina Yurievna
 Feng Chia University
 Taichung, Taiwan*

CHINESE PORCELAIN IN SIBERIA (ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE)

Chinese porcelain excavated in Siberia reflects ethnocultural exchange between this region and Central Asia along the northern branches of the Great Silk Route. Author analyzes Chinese porcelain shards excavated at four archaeological sites in Siberia – Tobolsk, Kuznetsk, Malovo-I and Yil'yinka-V. These fragments were produced at Jingdezhen. Similar objects were found in museum collections in Europe and America and at archaeological shipwreck sites in south-east Asia. Most of the Chinese porcelain excavated in Siberia is unpublished and represents an important material for further systematic study of Chinese porcelain trade and the cultural interactions in Central Asia, Siberia and China.

Keywords: Chinese porcelain, Siberia, archaeology, Central Asia.

Начало этнокультурного сближения пограничных районов Центральной Азии и Сибири приходится уже на эпоху палеолита (Матющенко 1997: 43–46). Развитие и углубление торговых и политических связей способствовало прокладке торговых путей, стабильно функционирующих со второй половины I тыс. до н. э. (Вилков 1990: 83). Караванные дороги прокладывались по максимально коротким и удобным в географическом отношении проходам в Центральной Азии. Постепенно они объединились в систему маршрутов под общим названием Великий Шелковый путь, основным товаром на котором был китайский шелк, транспортируемый из Китая. Однако помимо шелка уже с VIII в. важное место среди товаров на этих маршрутах занимала китайская керамика и фарфор (Raby 1986: 55).

Главные торговые пути, протянувшиеся в широтном направлении, со временем получили меридиональные ответвления и развились в систему «северного Шелкового Пути». По ней с середины XIII в. китайский фарфор проникал в Чернигов, Владимир, Великий Новгород, Москву и Нижний Новгород (Коваль 2010: 196).

Одновременно взаимодействие Центральной Азии и Западной Сибири происходило в контексте общетюркской истории и культуры вплоть до XVI в. На это указывают археологические находки изделий бактрийского, хорезмского и иранского производства в Прииртышье. Китайский фарфор был найден в границах столицы Сибирского ханства (Зыков, Косинцев 2017: 230–232). Появление китайского фарфора в Сибири предшествовало масштабному освоению этих территорий русскими.

В XVI–XVII вв. по мере формирования Московского государства и расширения его на восток эти изделия продолжают проникать в Сибирь при посредничестве бухарских купцов, которые следовали из Центральной Азии торговыми маршрутами вдоль Иртыша (Коваль 2010: 199).

На транспортировку китайского фарфора через Центральную Азию указывают его находки на территории Казахстана в Тальхире (Савельева 2008:54), в Западной Монголии – в районе горы Ошигиин-ула (Ozheredova, Ozheredov 2011: 1–8), на китайской крепости Кобдо (Ожередова, Ожередов 2011: 546–555), и на руинах дацана Шар-Сум (Ожередова, Ожередов 2012: 409–419).

В связи с этим вполне понятно нахождение фрагментов китайского фарфора в русских поселениях Сибири в XVII–XIX вв. В XVII в. существовали торговые пути, соединяющие Томск с Китаем, Тобольск с Калмыкией, Казачьей Ордой, Бухарией, Джунгарией и Пекином (Матвеев 2003: 163–166).

По мере освоения Сибири русское купечество осваивало существующие маршруты и проникало в приграничные с Северной Монголией районы и в конечные пункты Чуйского тракта. В начале XIX в. бийские купцы вели торговлю с китайцами в монгольских городах Кобдо и Улясутай (Подрезов 2018: 69). Вовлечение Центральной Азии в процесс распространения китайского фарфора по «северному шелковому пути» сохраняется вплоть до XIX в. и расширяется на западные территории, смежные с Монголией.

Единичные находки китайского фарфора на территории Сибири делаются в конце XIX в. Более массовые обнаружения приходятся на стационарные исследования Искера (Зыков, Косинцев 2017:230–232) и ряда русских городов, отстроенных в конце XVI – середине XVII вв. Среди них нужно выделить Тобольск¹, Кузнецк, Енисейск², а также русские сельские поселения Малово-I, Ильинка-V³ и Ананьино-I.

Данные материалы частично освещены в научной литературе. Они опубликованы вместе с русским фарфором и фаянсом, обнаруженными в русских городах Прииртышья (Татаурова, Татауров 2010: 285–288; Матвеев и др. 2011: 116–224; Татауров 2011: 383–388; Аношко 2021: 204–209). Также часть фрагментов представлена в общем обзоре археологических работ в Кузнецке (Ширин 2018: 27–78). Некоторые исследования затрагивают проблему датировки китайского фарфора (Загваздина 2017: 463–465). В работе Е. И. Бурдинской дана типология китайского фарфора с археологических памятников Притомья (Бурдинская 2006: 214–217). Тобольский материал анализируется в контексте культуры чаепития (Аношко 2021: 204–209). Фрагменты с Прииртышья рассматриваются как часть изменений в материальной культуре русского населения Сибири (Татауров 2017: 347–351).

На основе сравнительного анализа фрагментов китайского фарфора с упомянутых поселений, можно сделать предварительные выводы. Китайский фарфор представлен предметами, выполненными в техниках, характерных для высокоразвитого производства системы печей Цзиндечжэнь. Среди представленных фрагментов можно выделить группу с подглазурной росписью кобальтом *цин-хуа*, надглазурной эмалевой росписью в гаммах зеленого семейства *ву-цай* и розового семейства *фэн-цай*. В Сибирь также поступал монокромный фарфор–кобальтовый в технике *bluepoudre*, желтый и коричневая глазурь в стиле “Батавия”.

Сильная фрагментированность материала не позволяет однозначно оценить формы изделий, однако среди имеющихся крупных фрагментов преобладают формы утилитарного характера, а именно чашки и блюдца. Использовались ли эти предметы по назначению или же являлись статусными предметами украшения интерьера представляет собой тему отдельного исследования.

Предварительный анализ озвученного материала указывает на транспортировку аналогичных, а в отдельных случаях идентичных изделий в разные населенные пункты Сибири. Аналогии этим предметам обнаруживаются в археологическом материале Поволжья, в музейных коллекциях Ближнего Востока, Европы и Америки, а также на затонувших торговых судах в юго-восточной Азии. Становится очевидным, что Сибирь и Центральная Азия были частью общемирового рынка сбыта и культуры применения китайского фарфора.

Системный подход к изучению фарфора, обнаруженного в центрах его производства, на затонувших торговых судах, в центрах торговли и конечных пунктах применения и хранения позволит сформиро-

¹ Автор выражает благодарность сотруднику Тюменского научного центра СО РАН, О. М. Аношко за предоставленный материал.

² Из личного архива автора.

³ Автор выражает благодарность руководителю археологических работ на памятниках Кузнецк, Малово-I, Ильинка-V Ю. В. Ширину за предоставленный материал.

вать более точную картину торговых процессов и межкультурных взаимодействий различных регионов. Археологические находки китайского фарфора в Сибири и Центральной Азии, безусловно, предоставят больше возможностей для понимания всех этих процессов.

Литература:

Аношко О. М. Культура чаепития жителей Тобольска по археологическим и историческим данным // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сборник научных статей. В 2 т. Том 1. 2021. С. 204–209.

Бурдинская Е. И. Китайский фарфор в поселенческих памятниках русского времени на территории Притомья XVII–XVIII вв. // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: материалы тематической науч. конф. 2006. С. 214–217.

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири к. XVI–нач. XVIII вв. Новосибирск: Наука. 1990. 368 с.

Загваздина Я. Г. Находки китайского фарфора из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях. 2017. С. 463–465.

Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука, 2017. 559 с.

Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Матвеев А. В. Сухопутные маршруты передвижения населения Среднего Прииртышья XVII – первой трети XVIII вв. по данным письменных, картографических источников и этнографии // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея № 10: историческая литература. 2003. С. 163–169.

Матвеев А. В., Аношко О. М., Сирюшова Н. Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2(15). С. 116–124.

Матющенко В. И. Западная Сибирь в системе древних культур Евразии // Вестник Омского университета. 1997. Вып.2. С. 43–46.

Подрезов М. В. Чуйский вьючный путь: конец XVIII – первая половина XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С.69–72.

Ожередова А. Ю., Ожередов Ю. И. Фарфор китайской крепости Хобдо // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. 2011. Вып. 2. С. 546–555.

Ожередова А. Ю., Ожередов Ю. И. Китайский фарфор на развалинах монастырского комплекса Шар-Сум в Западной Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. 2012. Вып. 3. С. 409–419.

Савельева Т. В., Зиняков Н. М. Тальхир–торговый центр на великом шелковом пути в Илийской долине // Археология степной Евразии: международный сборник научных трудов. 2008. С.49–55.

Татаурова Л. В., Татауров Ф. С. Возможности “археологического” фарфора как источника // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. 2010. С. 285–288.

Татауров Ф. С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. 2011. С. 383–388.

Татауров Ф. С. Новации в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. (по материалам археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях. Наука, 2017. С. 347–352.

Ширин Ю. В. Археологическое изучение Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. 2018. С. 27–78.

オージエドヴァ (Ozheredova) A.Yu., オージエドフ (Ozheredov) Yu.I. バルンフウライ遺跡出土中國陶磁器。ホブド中國城塞出土陶磁器 [Chinese porcelain excavated at Barun Khurai tract. Chinese porcelain excavated in Hovd] 小谷城郷土館 [Bulletin of the Kotani Museum] (大阪: 中國古窯調査研究会), 2011.

Raby J. The porcelain trade routes in Regina Krahl, Chinese Ceramics in the Topkapı Saray Museum. Istanbul. 1986. V.1. Pp. 55–63.

*Клементьев Алексей Михайлович
кандидат географических наук
Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия*

*НПО «Археологическое проектирование и изыскания»
Красноярск, Россия
klem-al@bk.ru*

ОТ ШИЛКИ ДО ЕНИСЕЯ: АРХЕОЗОЛОГИЯ РУССКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

За последние 20 лет автором обработаны многочисленные археозоологические коллекции из раскопок археологических объектов Южной Сибири имперского периода. Обработка материалов Нерчинского, Удинского, Красноярского острогов, деревенских слоев Приангарья, городских и загородных усадеб Енисейска и Красноярска показала общие и частные характеристики костных спектров, питания, стада домашних копытных, промысловой деятельности. Универсальным видом среди стада был крупный рогатый скот, который доминирует на каждом русском объекте. Мелкий рогатый скот и свинья встречаются значительно реже в силу разных причин. Городские служилые люди (Нерчинский и Удинский остроги) и обыватели (Иркутск, Енисейск, Красноярск) лишь изредка пользовались продукцией охоты, в отличие от таежных жителей ангарских деревень.

Ключевые слова: Нерчинский острог, Удинский острог, исторический центр Иркутска, Енисейск, Красноярский острог, археозоология, костный спектр, крупный рогатый скот.

*Klementiev Alexey Mikhailovich
Candidate of Sciences in Geography
Institute of the Earth's Crust
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Irkutsk, Russia
LLC «Scientific and Production Association «Archaeological Design and Survey»
Krasnoyarsk, Russia*

FROM SHILKA TO YENISEI: ARCHEOZOLOGY OF RUSSIAN SETTLEMENTS IN SOUTH SIBERIA

The archeozoological collections was explored from Nerchinsky, Udinsky, Krasnoyarsky forts, village layers of Priangarye, country estates of Irkutsk, Yeniseisk and Krasnoyarsk. The cattle were dominant among domestic animals of the Russian period in Siberia. The sizes of cattle were small and fit into the range of variability of indigenous breeds. The food spectrum indicates aflesh diet of the inhabitants of the Russian settlements. Pig and ram were typical breeds, but they were few in number. The game species were mainly represented in the cities by roe deer, and in the Angaravillages the white hare and elk dominate among the species.

Keywords: Nerchinskyostrog, Udinskyostrog, historical center of Irkutsk, Yeniseisk, Krasnoyarskyostrog, archaeozoology, bone spectrum, cattle

Проводимые автором в последние два десятилетия археозоологические исследования периода русского освоения Сибири касаются главным образом объектов на территории Южной Сибири. Большинство археологических работ было обусловлено юбилейными датами (Иркутск, Енисейск, Улан-Удэ), остальные связаны с реконструкцией и новостроечным освоением. Здесь представлена попытка обобщения накопленных сведений по обработанным коллекциям из Забайкалья, Прибайкалья, Приангарья и области Среднего Енисея. Среди представляемых объектов имеются остроги, деревни, монастыри, отдельные городские и загородные усадьбы. Логика географического изложения материала с востока на запад обусловлена увеличением репрезентативности выборок с востока на запад, связанным с интенсивностью археологических работ.

Забайкалье. Археологические работы на предположительном месте существования Нерчинского острога в селе Калинино Забайкальского края, на реке Шилка, проводились в 2016–2017 гг. и 2019 г. (Константинов 2017). Были исследованы костные материалы из раскопок 2019 г. В результате определения остеологического материала было установлено присутствие домашних и промысловых видов млекопитающих, встречены единичные остатки птиц и рыб. Среди промысловых зверей определены до сих пор обычные для окрестностей Нерчинска косуля и заяц-беляк. Размеры косули некрупные, характерные для субфоссиальной (Васильев, Алкин 2017; Бурова, Сизов 2019) и современной забайкальской популяции. Кости зайца принадлежали молодым особям, поэтому логична их добыча в летне-осенний период. Домашние виды представлены домашней свиньей, крупным рогатым скотом и домашним бараном. Доминирующую роль в костном спектре занимает мелкая форма КРС. Кости свиньи и домашнего барана единичны.

При раскопках участка тарасной конструкции Удинского острога конца XVII – начала XIX вв. было изучено почти 3 тыс. экземпляров костей, из которых удалось определить домашних и промысловых животных. Установлено доминирование крупного рогатого скота. Проведение морфометрического анализа позволило установить небольшие размеры костей КРС, получить отдельные данные по другим видам млекопитающих. Доминирующим мясным источником пищи была говядина. Сохранность костей весьма специфична; в условиях сухого песчаного грунта локальной возвышенности и сухого климата кости легкие, нередко несут следы обильного омарганцевания (Клементьев и др. 2019).

Прибайкалье. Посольский монастырь находится на берегу Байкала, был основан в 1682 г. Проводившиеся в 2002 г. охранные работы на его территории (Лбова, 2003) предоставили небольшое количество остатков млекопитающих. При раскопках западины на месте часовни над могилой Г. А. Осколкова были обнаружены кости КРС и свиньи, со следами грубой разделки. При расчистке руинированных остатков северной башни были найдены остатки КРС, барана и домашней кошки.

Многочисленные археозоологические материалы, полученные накануне 350-летия Иркутска, представлены научному сообществу лишь частично (Исаев и др. 2011, Номоконова и др. 2012). Для исторического центра города была выявлена мощная толща селитебных напластований (Воробьева, Бердникова 2003), накопившаяся непосредственно со времени начала функционирования острога и до промышленного рывка 1930-х гг. (Харинский, Исаев, Стерхова и др. 2008). Изолированность участков раскопочных работ позволила только локально установить последовательность накопления этих напластований. При раскопках в квартале 52а массовый материал был получен из слоев XVIII–XIX вв. Наиболее многочисленными видами домашних животных являлись крупный рогатый скот, свинья и курица. Мелкий рогатый скот, лошадь и гусь представлены редкими находками. Из промысловой фауны наиболее многочисленны остатки боровой дичи (рябчик, тетерев, глухарь); кости водоплавающих, околводных птиц, промысловых млекопитающих и рыб единичны (Исаев и др. 2011). Особенностью городского слоя является наличие хорошо выраженных «хозяйственных» ям. Они представляют собой закрытые комплексы, существовавшие ограниченное время и узко датируемые по нумизматике и керамическим изделиям. В таких отлично сохраняются не только крупные, плотные кости взрослых копытных, но и мелкие, хрупкие кости молодых животных, птиц и рыб. При заполнении ям, даже в условиях влажного грунта низинного центра Иркутска, органическое вещество образует «выпоты карбонатов» по стенкам и отлично консервирует содержимое. С подобной ситуацией сохранности автор столкнулся при раскопках на территории бывшей деревни Кузьмиха (теперь в черте Иркутска) в 2008 г. (раскопки В. С. Николаева). Деревенский культурный слой представлен небольшими пятнами в связи с активным промышленным освоением, но хорошо сохранилась «законсервированная» хозяйственная яма. Среди материала присутствовали определяемые кости свиньи, КРС, собаки. По личным наблюдениям автора необходимо отметить также обычное присутствие костей домашней лошади в слоях загородных деревень окрестностей Иркутска, в отличие от городского центра. Кроме слоев Кузьмихинской деревни, кости домашних лошадей найдены при раскопках объекта Мост-Левый берег, где была расположена деревня Титово.

Мощные селитебные напластования в историческом центре Иркутска были также исследованы на участках по ул. П. Осипенко (раскопки М. Ю. Семина), ул. Бурлова (раскопки М. С. Кустова) и в пределах стоянки Усть-Ушаковка (Краснощеков 2013). Среди материалов по ул. П. Осипенко доминирующим видом является крупный рогатый скот мелкой породы. Разделить археозоологические материалы по хронологическим пластам не удалось. В результате обработки костных остатков из раскопок на ул. Бурлова было установлено присутствие домашних (крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот (в том

числе овца), свинья, собака, кошка, курица, гусь) и промысловых (косуля, глухарь) видов. К видовому списку дополнительно определен мамонт, представленный фрагментом бивня со следами пиления. Распределение количества костей по культурным образованиям крайне неравномерно. В первом горизонте и хозяйственной яме (рубеж XIX–XX вв.), найдено менее 7% материала, среди которого выявлены остатки собаки, свиньи, КРС и гуся. Во втором уровне (XVIII–XIX вв.) обнаружено более 90% материала (>500 экземпляров), из которых 54% составили определяемые кости. Существенно преобладают кости КРС (88%). Первые фаланги этого вида использовались как игральные кости. Некоторые из них несут в середине верхней суставной поверхности сквозные отверстия округлой формы. Через сквозные отверстия, в полую часть кости заливался легкоплавкий металл (олово или свинец), с помощью которого происходило утяжеление. Такие кости использовались для бросков при игре в бабки. Малочисленность костей и особей других видов позволяет охарактеризовать их лишь в общих чертах. Среди костей птиц определены курица, гусь, глухарь (определение Н. В. Мартыновича).

В пределах раскопной площади Московских ворот (Краснощеков, 2013) кости из культурного слоя представлены тремя выборками: XVIII в. (основной культурный слой), угольного слоя (начало XX в.) и мостовой 1939 г. Последняя играла роль консервирующего слоя для подстилающих отложений. Среди костей угольного слоя значительно преобладают плотные прочные кости дистальных отделов конечностей КРС. Но даже они несут следы сильного давления (трамплинга), по-видимому, от нагрузки тяжелого тяглогового транспорта, перевозящего уголь. Угольный слой все же достаточно стерил в отношении фаунистических материалов, поскольку проезжая часть периодически очищалась от мусора. Этот слой также является консервирующим для нижележащего слоя, датированного по найденным монетам XVIII веком. В этом слое доминирующим видом является КРС–67,2% определяемого материала. Второй по численности является свинья, доля костей составляет 24,5%. Домашний баран малочислен (4,6%). Немногочисленные остатки косули и лося являются свидетельством промысловой активности, но не могут дать подробных сведений о ней. Интересные наблюдения были сделаны для ямы № 5. Среди остатков лишь 15,3% составили определяемые экземпляры, найдено очень много мелких фрагментов. Ребра, черепные фрагменты, позвонки свиньи и крупного рогатого скота несут следы разделки, в основном грубой (топором). Из десяти экземпляров полных первых фаланг КРС два экземпляра использовались для игры в бабки. Они интерпретируются как «биток»: сухожильные бугры для крепления связок сильно обкатаны у обеих. Первый из экземпляров несет посередине верхней суставной поверхности сверленное отверстие диаметром 3,9 мм. Вторая кость имеет также отверстие, диаметром у основания 6,2 мм, сужающееся в глубь кости на конус. Необходимо отметить, что количество первых фаланг КРС из слоя и сооружений превышает в 2,2 раза количество вторых фаланг, хотя в скелете животного их количество равно и при использовании в пищу обычно чаще разрушаются первые фаланги. Этот факт интерпретируется как накопление именно первых фаланг для игровой деятельности.

Приангарье. Следующей группой объектов русских старожилов Сибири, где исследованы археозоологические материалы, являются ангарские деревни. Охранно-спасательные работы в ложе Богучанской ГЭС предоставили большой массив данных по не только по древнейшим периодам заселения долины Ангары, но и по деревенским слоям Усть-Ёдармы-II, деревни Мартынова, Усть-Жевакану, Усть-Кеулю (Клементьев 2013). Здесь наряду с обычными домашними собакой, кошкой и копытными, широко представлен спектр таежных видов. Среди домашних видов либо доминируют кости КРС (Клементьев 2012), либо они же делят первенство с костями свиньи (Клементьев, Новосельцева 2013). В силу таежного местоположения и большой роли охоты у местного старожильского населения, в деревенских слоях найдено большое количество костей зайца-беляка и лося. Определены также волк, медведь, соболь, лисица, колонок, косуля, марал и северный олень. Рыболовство также было важной отраслью хозяйственной деятельности. Среди остатков рыб были определены щука, налим, окунь, нельма, осетровые (Мамонтов, Лохов 2013).

Средний Енисей. Несмотря на дислокацию Енисейска заметно севернее гор юга Сибири, этот населенный пункт связан с Красноярской лесостепью, пригодной для пашенного земледелия. 400-летие Енисейска ознаменовалось масштабными раскопными работами, которые предоставили огромный объем археологического материала (Татаурова и др. 2018). Предварительные (Клементьев и др. 2016), либо адресные археозоологические работы были опубликованы, но основная масса материала находится в обработке. В Енисейске представлены разнообразные типы поселенческих памятников (острог, храмовые дворы, усадьбы), которые материально отражают историю города. Смена хозяйственной дея-

тельности на городских участках улавливается и на археозоологическом материале (Клементьев, Лысенко 2019; Бачура и др. 2020).

Еще одним важнейшим центром поступления археозоологического материала являются городские слои Красноярска. Современный рост города и реконструкция исторического центра вовлекают в охранно-спасательные работы все большие территории, растут и полученные коллекции. На сегодняшний день исследованы несколько археозоологических выборок. Некоторые из них опубликованы, другие пока не нашли своего места в системе подачи материала, третьи находятся в обработке. Для загородной усадьбы конца XIX в. было установлено наличие собаки, кролика, лошади, КРС, МРС и свиньи, зайца, лося и косули (изучено свыше 2000 экз. костей). На усадьбедоминирующим был крупный рогатый скот, в основном коровы. Свинья была также обычным видом. В усадьбе наблюдается высокая доля костей лошади. Охотничья деятельность, как и для городских жителей, была сопутствующей. В спектре мясного потребления доминировала говядина (Клементьев, Галухин 2019). Среди новейших работ интересны материалы локальных раскопок Красноярского острога в районе стрелки Енисея и Качи. Предварительные определения позволили констатировать доминирование остатков КРС, большое количество костей молочных поросят, птиц и рыб. Время накопления костных остатков относится к первой половине XIX в., и подробное описание этого материала впоследствии предоставит еще одну страницу жизни красноярских обывателей.

Полученные сведения позволяют с высокой степенью достоверности коррелировать полученные археозоологические материалы с обыденным бытом русского населения. На сегодняшний момент изучено десятки тысяч остатков домашних и промысловых животных. Универсальным животным земледельческого русского населения был крупный рогатый скот. Он разводился в городах, пригородах и в таежном Приангарье. По своим характеристикам КРС не отличался от местных аборигенных пород экстенсивного разведения. Свинья была также обычным домашним животным. Немногочисленность ее остатков допустимо связывать с ранним забоем молодняка, кости которого рыхлые и быстро уничтожаются собаками. Малочисленность остатков МРС связано с особенностями хозяйств земледельческих общин, где коз и овец содержат лишь в малом числе. Прослеживаются некоторые размерные и/или вековые отличия домашних баранов различных районов Сибири, что требует дальнейшего накопления данных. Скучные остатки лошадей не позволяют дать им подробную характеристику. Охотничья деятельность была сопутствующей для городского и пригородного населения, в ангарской же тайге она давала значительный продуктовый и торговый прирост. Рыболовство играло заметную роль в питании деревенского населения на крупных реках и служило поставщиком ценных пород рыб для высокопоставленных чиновников и купечества. В спектре мясного потребления всех русских поселений Южной Сибири доминировала говядина. Костные спектры показывают сходство сибирских объектов таежной и лесостепной зоны времени русского освоения в Западной и Южной Сибири.

Литература:

Бачура О. П., Лобанова Т. В., Визгалов Г. П., Мартынович Н. В., Гимранов Д. О. Хозяйственные аспекты жизнедеятельности населения города Енисейска в XVII–XIX вв. (по остеологическим материалам из усадьбы Баландина) // Поволжская археология. 2020. № 1(31). С. 184–196.

Бурова В. В., Сизов А. В. Предварительная палеофаунистическая характеристика пещеры Гранинская (Забайкальский край) // Записки Забайкальского отделения РГО. 2019. № СXXXVI. С. 185–191.

Васильев С. К., Алкин С. В. Фаунистические остатки из средневекового Усть-Чернинского городища в Юго-Восточном Забайкалье // *UniversumGumanitarium*. 2017. № 2. С. 150–162.

Воробьева Г. А., Бердникова Н. Е. Реконструкция природных и культурных событий на территории Иркутска: научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. Иркутск, 2003. 90 с.

Исаев А. Ю., Клементьев А. М., Мартынович Н. В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал. 2011. № 2(7). С. 5–10.

Клементьев А. М. Предварительные данные по фауне голоцена Северного Приангарья (материалы объекта Усть-Ёдарма-II) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 94–105.

Клементьев А. М. Голоценовые фаунистические группировки Северного Приангарья // Динамика современных экосистем в голоцене: материалы ШВСерос. науч. конф., 12–15 марта 2013 г. Казань: Отечество, 2013. С. 182–185.

Клементьев А. М., Новосельцева В. М. Фауна георхеологического объекта Усть-Кеуль-I (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Георхеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2(3). С. 3–14.

Клементьев А. М., Базаров Б. А., Миягашев Д. А., Именохоев Н. В., Дикий Я. В. Локальная археозоология Удинского острога: содержимое тарасной конструкции // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3(32). С. 84–102.

Клементьев А. М., Лысенко Д. Н., Мартынович Н. В. Остатки млекопитающих и птиц из археологических раскопок Енисейска (XVII–XIX вв.) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII междунар. науч. конф. Т. 2. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. С. 240–248.

Клементьев А. М., Лысенко Д. Н. Животные в городской усадьбе Енисейска в XVII–XVIII вв. (по археозоологическим материалам из раскопок усадьбы Евсеева) // Преодоление времени и пространства: статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 145–152.

Константинов А. В. Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 128–136.

Краснощеков В. В. О раскопках археологического объекта Усть-Ушаковка и фундамента Московских ворот // Земля Иркутская. 2013. № 2. С. 66–72.

Лбова Л. В. Результаты археологической экспертизы территории Посольского Спасо-Преображенского монастыря (2002 г.) // Русская православная церковь в Сибири: история и современность: материалы конф., посв. 350-летию основания с. Посольское и Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 78–84.

Мамонтов А. М., Лохов Д. Н. Динамика видового состава рыб в голоценовых комплексах георхеологического местонахождения Усть-Ёдарма II (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. Вып. 2: Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультур Евразии. Смена парадигм. С. 126–133.

Номоконова Т. Ю., Батракова Н. А., Татаурова Л. В. Перспективы применения зоорхеологических методов к археологическим комплексам русского населения Сибири XVII–XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2(17). С. 132–136.

Татаурова Л. В., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л. VI Международная научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях»: новый вклад в развитие научного направления (к юбилею г. Енисейска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 156–162.

Харинский А. В., Исаев А. Ю., Стерхова И. В., Клементьев А. М., Мак Махэн Д., Диллиплане Т. Л. Исторический центр Иркутска и перспективы его археологического изучения // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 106–114.

Стручкова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия
struna2006@mail.ru

Ермолаева Юлия Никифоровна
кандидат исторических наук
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия
ermolaeva_yuliya@mail.ru

Аргунов Валерий Георгиевич
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия
kaf-arkh@mail.ru

Пестерева Кюннэй Айдааровна
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия
pestereva17@gmail.com

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СЕТЕВОЙ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» В СВФУ ИМ М. К. АММОСОВА

В статье описан опыт реализации сетевой программы двойного дипломирования, разработанной в результате совместной работы СВФУ им. М. К. Аммосова и ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. Сетевая магистратура спроектирована с учетом особенностей образовательных стандартов Казахстана и России, одним из ключевых факторов стала возможность взаимного зачета кредитной системы участников сетевой программы. При создании учебного плана разработчики делали упор на актуальные требования к профессиональной деятельности выпускников, в учебный план были добавлены дисциплины, раскрывающие междисциплинарный аспект программы. В статье рассмотрена необходимая корректировка учебного процесса и переход на дистанционное обучение в связи с пандемией. Авторы приводят преимущества международной сетевой программы магистратуры двойного дипломирования «Археология и этнология Северной и Центральной Азии».

Ключевые слова: сетевая магистратура, дистанционное образование, Северная Азия, Центральная Азия, учебная программа, образование.

Struchkova Natalia Anatolyevna
Candidate of Sciences in History
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia

Ermolaeva Julia Nikiforovna
Candidate of Sciences in History
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia

Argunov Valery Georgievich
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia

Pestereva Kunney Aidarovna
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia

**EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE DOUBLE-DEGREE MASTER'S PROGRAM
«ARCHEOLOGY AND ETHNOLOGY OF NORTH AND CENTRAL ASIA»
AT NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY**

The article describes the experience of implementing the double-degree master's program "Archeology and ethnology of North and Central Asia" at M. K. Ammosov North-Eastern Federal University developed jointly with L. N. Gumilyov Eurasian National University. The Master's degree is designed taking into account the features of educational standards of Kazakhstan and Russia. The article considers the necessary adjustment of the educational process and the transition to distance learning caused by the pandemic. During the entire period of the program, teachers and students continuously communicated with each other. Authors describe the advantages of the international master's degree program «Archaeology and Ethnology of North and Central Asia».

Keywords: educational process, double-degree master's program, educational program, North Asia, Central Asia, education.

На протяжении последних лет российская система высшего образования в России переживает сложный этап модернизации, необходимость осуществления которой предопределили такие общемировые тенденции, как становление принципиально новой экономики, объектом которой становятся знания, глобализация всех сфер жизнедеятельности, рост и внедрение новых информационных и коммуникационных технологий. В этой связи одной из приоритетных задач университетов стало, согласно положениям Болонского процесса, широкое внедрение процессов интернационализации учебного процесса, в рамках которого главное место занимает разработка и реализация образовательных программ в сетевом формате. Ввиду этого особенно актуальными и востребованными в системе высшего образования становятся сетевые программы магистратуры. В связи с этим на базе исторических факультетов СВФУ им. М. К. Аммосова и ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (Казахстан) в 2019–2021 гг. была разработана и реализована сетевая магистерская программа «Археология и этнология Северной и Центральной Азии» по программе двойного дипломирования по направлению подготовки 46.04.03 «Антропология и этнология». Выбор партнера для разработки международной сетевой программы был определен тем, что между ЕНУ и СВФУ с 2014 г. сложилось результативное сотрудничество в научно-образовательной деятельности, были разработаны траектории обучения по академической мобильности студентов и магистрантов, проводились совместные научные исследования.

Основным документом в разработке программы магистратуры явилась Совместная образовательная программа (СОП). В процессе подготовки СОП был учтен ряд факторов: особенности условий организации научно-исследовательской деятельности обучающихся в магистратуре каждой из сторон сетевой магистратуры; возможность реализации академической мобильности обучающихся и профессорско-преподавательского состава; финансово-экономические показатели сторон и возможности финансового обеспечения процесса реализации сетевой программы; разработка модулей дисциплин, учитывающих профессиональную специфику; возможность взаимного зачета кредитной системы участников в Совместной образовательной программе (ECTS credits и ЗЕТ).

Область профессиональной деятельности выпускников данной программы магистратуры включает работу в архивах, музеях, научно-исследовательских институтах, государственных и общественных организациях. В научно-исследовательской деятельности выпускник магистратуры готов проводить исследования на основе современных междисциплинарных подходов, использовать актуальное программное обеспечение. Так, во время разработки данной программы были учтены требования к профессиональной деятельности выпускников, в программу были включены дисциплины, формирующие компетенции, решающие междисциплинарные задачи: «Геоинформационные технологии в исторических исследованиях», «Фауна плейстоцена и раннего голоцена Северной Азии», «Стратиграфия и геохронология плейстоцена и раннего голоцена Северо-Востока России» и др. Модуль дисциплин по археологии и этнологии Якутии, Северо-Востока Азии и Казахстана позволил магистрантам интегрироваться в международную научную и образовательную деятельность.

Во время обучения по программе целью научно-исследовательской работы магистрантов программы является освоение методики научных исследований, «сбора, анализа и обобщения исследовательского материала, разработки оригинальных научных предложений и идей для подготовки магистерской дис-

сертации, получение навыков самостоятельной научно-исследовательской деятельности, практического участия в научной работе коллектива исследователей» (Глузман 2018: 139). Практическая подготовка магистров по сетевым образовательным программам позволила сформировать практические компетенции обучающихся, используя ресурсные возможности вузов-партнеров, а также многолетний опыт ведущих ученых и специалистов университетов. Данный опыт позволил обратить внимание коллег на единство целеполагания и общий замысел при сетевом взаимодействии. Под сетевым взаимодействием понимается система горизонтальных и вертикальных связей, которая обеспечивает доступность качественного образования, вариативность образования, открытость образовательных организаций, повышение профессиональной компетентности педагогов и использование современных технологий (Федорова 2015: 115).

Наиболее привлекательная для студентов часть обучения – академический обмен во время семестрового обучения – сильно корректируется мировой ситуацией, связанной с распространением COVID-19. Новые вызовы, стоящие сейчас перед вузами, требуют обеспечения мобильности и гибкости образования (Волков 2015: 249). В связи с закрытием границ для иностранных студентов занятия велись в дистанционном режиме. Идея внедрения технологий онлайн-обучения в образовательных учреждениях не нова, но подобные формы проведения занятий использовались преподавателями с целью дополнить образовательный процесс. Резкий переход образовательных учреждений в 2020 г. на дистанционную работу подразумевал оперативную подготовку технической и методической базы для обеспечения непрерывности процесса обучения (Ракачев 2020:103). Обучение магистрантов по программе «Археология и этнология Северной и Центральной Азии» велось на платформах Microsoft Teams, Zoom, Moodle. Данные сервисы являются наиболее подходящими, на наш взгляд, для проведения онлайн-занятий и обеспечивают непрерывную коммуникацию между преподавателями и учащимися во время всего периода реализации программы.

Защита выпускных квалификационных работ была проведена дистанционно. Магистранты в своих выпускных квалификационных работах исследовали особенности тюркских элементов в материальной и духовной культуре народов Центральной и Северной Азии, представили новые материалы в изучении археологических культур Казахстана и Якутии. Среди представленных к защите работ выделились перспективные для дальнейшего исследования темы. Подготовленные к защите магистерские диссертации показали высокую степень овладения магистрантами фундаментальными и специальными научными знаниями, достаточными для осуществления самостоятельной научно-практической деятельности, что было отмечено совместной аттестационной комиссией.

Данная международная программа сетевой магистратуры «Археология и этнология Северной и Центральной Азии» дает универсальные знания об основах жизни евразийских обществ и эти знания востребованы в науке и образовании, в области охраны памятников историко-культурного наследия в России и за ее пределами.

Литература:

Волков А. В. Опыт разработки сетевых образовательных программ с применением онлайн-курсов // Новые образовательные технологии в вузе: материалы XII международной научно-методической конференции (НОТВ-2015). Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 245–250.

Глузман Ю. В. Практическая подготовка студентов в рамках сетевой магистерской программы // Гуманитарные науки. 2018. № 1 (41). С. 135–141.

Ракачев Д. Н. Вуз в условиях пандемии: дистанционное обучение в оценках преподавателей и студентов // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 4. С. 103–120.

Федорова Н. М. Сетевая магистерская программа: замысел, реализация, социальные эффекты // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. № 177. С. 114–119.

РАЗДЕЛ 3
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОЧНИКИ,
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА

DOI: 10.53954/9785604788981_104

Базаров Борис Ванданович
академик РАН, доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
bazarov60@mail.ru

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
plehanova.am@mail.ru

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИМБТ СО РАН¹

В статье прослежена история реорганизаций первого научного учреждения Бурятии – Бурят-Монгольского ученого комитета; представлен обзор основных исследовательских направлений Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук – крупного востоковедного центра на рубеже геополитического взаимодействия России с Центральной и Восточной Азией.

Ключевые слова: Буручком, ИМБТ СО РАН, Центральная и Восточная Азия, востоковедение, история науки.

Bazarov Boris Vandanovich
Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Plekhanova Anna Maksimovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

HISTORY AND CULTURE OF THE PEOPLES OF CENTRAL AND EAST ASIA
IN RESEARCHES OF THE IMBTS SB RAS

The article traces the history of reorganization of the first academic institution of Buryatia – the Buryat-Mongolian Academic Committee and presents a review of the main research areas of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, one of the major centers of Oriental studies at the border of Russia's geopolitical interaction with Central and East Asia.

Keywords: Buruchkom, IMBTS SB RAS, Central and East Asia, Oriental Studies, History of Science.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5).

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН – один из крупнейших российских центров востоковедения, история которого началась в 1922 г. с организации Бурятского ученого комитета. Буручком был создан в рамках национальных бурят-монгольских автономий – БМАО ДВР и БМАО РСФСР, а через год – с образованием Бурят-Монгольской АССР – его деятельность была полностью поддержана государственностью РСФСР. Ученый комитет стал первой научной организацией в Бурятии, перед которой был поставлен широкий круг научно-исследовательских задач: изучение национальной культуры, языка, литературы и истории. В качестве приоритетного направления рассматривалась необходимость исследования «Монголо-Тибетского Востока, значение которого в политическом и культурно-географическом отношении чрезвычайно важно не только для Бурятии, но и для всего Союза ССР» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 58. Л. 66].

В дальнейшем первое научное учреждение Бурятии пережило ряд реорганизаций и переименований, которые отражали основные запросы со стороны государства и партийного руководства, а также определяли направления научно-исследовательских работ. В 1929 г. Буручком был переименован в Бурят-Монгольский государственный институт культуры (БМГИК), в 1936 г. – в Государственный институт языка, литературы и истории (ГИЯЛИ), в 1944 г. – в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (БМНИИКЭ), в 1949 г. – в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры (БМНИИК). Новый этап в развитии института связан с переименованием в 1958 г. БМНИИК в Бурятский комплексный научно-исследовательский институт (БКНИИ) и его вхождением в состав Сибирского отделения АН СССР. С этого момента институт приобрел статус академического научного учреждения. В 1966 г. БКНИИ СО АН СССР был преобразован в Бурятский филиал СО АН СССР, одним из двух крупных подразделений которого стал Бурятский институт общественных наук СО АН СССР (БИОН БФ СО АН СССР). В 1997 г. Президиум Сибирского отделения РАН принял постановление, согласно которому БИОН СО РАН был преобразован в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН). Изменение названия института было связано с возросшим уровнем исследований, преодолением региональной научной повестки и расширением научных направлений, которые охватили изучение истории и культуры народов Центральной и Восточной Азии (Базаров и др. 2021: 132).

Сегодня институт осуществляет многоплановые научные исследования социально-экономического и межкультурного взаимодействия в Центральной и Восточной Азии, в том числе в полиэтничных регионах трансграничья России, Монголии и Китая.

Наличие в составе ИМБТ СО РАН Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК), в котором хранится одно из крупнейших в мире собраний раритетных рукописей и ксилографов на восточных языках, предопределило развитие источниковедческого направления. Фонды ЦВРК разделены на тибетский, монгольский и общий архивный. Самой крупной является коллекция сочинений на тибетском языке (более 100 тыс. ед. хр.), включающая ксилографические и рукописные издания буддийского канона, собрания сочинений выдающихся религиозных деятелей Тибета и Монголии (сумбумы). Особого интереса заслуживают издания бурятских дацанов, отражающие региональную специфику истории буддизма и буддийских наук и их инкультурацию в составе России, истории бурятского монастырского книгопечатания и рукописной книги. В монгольской коллекции (более 6000 ед. хр.) представлены все жанры монгольской и бурятской литературы, отражающие многообразную духовную жизнь азиатских народов. Особую ценность представляют бурятские и монгольские исторические летописи и хроники, родословные и генеалогические таблицы, уникальный, единственный в мире комплект рукописного буддийского канона Ганджур на монгольском языке. Огромной научной и общественной значимостью обладают архивные фонды, состоящие из общего архивного фонда, содержащего документы самого разнообразного характера (2800 ед. хр.), и личных архивов 46 видных деятелей науки и культуры Бурятии, просветителей и религиозных деятелей (15183 ед. хр.). В этом фонде хранятся разнообразнейшие записи почти всех жанров устного народного творчества бурятского, монгольского и русского народов. Коллективом Центра проводится планомерная работа по сохранению раритетных материалов, научному описанию, аннотированию коллекций и архивных фондов. Важным направлением деятельности является разработка методов и средств цифрового представления историко-культурной информации, в том числе онлайн-овых. ИМБТ СО РАН в сотрудничестве с Новосибирским государственным университетом смог обеспечить прорыв в дешифровке тибетских рукописей с помощью искусственного интеллекта с точностью 94%.

По традиции, заложенной отцами-основателями Бурятского ученого комитета, ученые института проводят большую работу по исследованию и адаптации тибетских текстов. Одним из приоритетных направлений деятельности является изучение уникального корпуса раритетной литературы по тибетской медицине. Изданы фундаментальные труды, основанные на переводе первоисточников с тибетского языка и санскрита, которые являются основополагающими для восточно-медицинского направления в стране: «Атлас тибетской медицины», «Кхогбуг», «Вайдурья онбо. Комментарий к “Чжуд-ши”», «Шел пхренг». Намечены выходы тибетологических исследований в сферу естественных наук, прежде всего по широкому комплексу биолого-медицинских исследований. Институт является инициатором крупного междисциплинарного проекта «полного цикла» по созданию научно-технологической базы для формирования Восточно-медицинского биофармацевтического кластера, ориентированного на создание лекарственных средств на основе рецептуры восточных медицинских систем и обоснование системного подхода к фармакотерапии распространенных заболеваний с учетом опыта и предпосылок традиционной медицины.

Философские исследования Института развиваются в рамках буддологии по страноведческому принципу. Это китаеведное (дальневосточное), тибетологическое (индо-тибетское), монголоведное, российское (на примере буддизма Бурятии). В русле китаеведной буддологии исследуются процессы становления праджняпарамитских традиций в Китае и формирования дальневосточного направления в буддизме, выявляются место и роль абхидхармических принципов в китайском буддизме в сравнительном контексте с индийской и тибетской йогачарой. Большое внимание уделяется истории распространения буддизма в Китае. «Параллельное развитие в отделе китаеведного и тибетологического направлений позволило исследовать особенности философских учений буддизма в Китае и Тибете, базирующихся на сотериологических постулатах мгновенного пути в Китае и постепенного пути в Тибете, получивших свое отражение в содержании категорий и понятий буддизма, характеризующихся полисемантизмом, с одной стороны, и семантической тождественностью – с другой» (Янгутов 2021: 145). В рамках тибетологического направления значительное внимание уделяется исследованию и переводу классических текстов буддизма, анализу живой традиции тибетского буддизма, а также его роли и места в современном мире. Значительное место занимает монголоведное направление, в котором исследуются место и роль буддизма в истории и культуре монгольских народов, их религиозная культура в векторе буддийских традиций. Взаимоотношения буддизма и светской власти являются важной частью российского направления буддологических исследований Института. Большое внимание уделяется проблемам секуляризации и десекуляризации в бурятском буддизме. Важным объектом исследования являются буддийские монастыри Бурятии – дацаны, играющие значимую роль в общественной жизни бурятского народа.

В Институте накоплен значительный опыт по изучению, переводу и интерпретации буддийских канонов и философских трудов мыслителей в самом широком диапазоне и географическом представительстве. На сегодняшний день издается серийный альманах «Буддологические исследования», а также опубликованы такие важные для российской и мировой буддологии труды, как «Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны», «Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики», «Сутра Праджня-парамита восьмитысячная аштасакрасрика», «Всепроникающий Звук Барабана Совершенного Освобождения Могущественного Мастера Тантры» и др.

Приоритетным направлением археологических исследований института является масштабное изучение различных типов археологических памятников, оставленных кочевой империей хунну. Значимость этих изысканий заключается в том, что в свете новых археологических данных становится возможным более глубокое понимание закономерностей исторического развития кочевых народов евразийских степей. Благодаря развитию данного направления Институт вносит весомый вклад в обобщение и обсуждение результатов передовых научных исследований, формирование представлений о современном состоянии, перспективах и ориентирах археологических и междисциплинарных исследований истории в пространстве Внутренней Азии. Изучение археологических объектов, относящихся к Новой истории, связано с работами на Удинском остроге. В ходе исследования, приуроченного к юбилейным мероприятиям в рамках празднования 350-летия г. Улан-Удэ, был изучен культурный слой XVII–XIX вв., давший несколько тысяч единиц находок в камерах оборонительной конструкции и внутри острога.

В 2017 г. Институт стал победителем конкурса грантов Правительства Российской Федерации с проектом «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии». В составе Института была образо-

вана Лаборатория археологии, этнологии и антропологии. Возглавил ее приглашенный ученый, член-корреспондент РАН, ведущий специалист в области археологии и кочевниковедения Н. Н. Крадин. Полученное финансирование позволило решить вопросы материально-технического оснащения археологических исследований, увеличить интенсивность и географию археологических экспедиций. Создание Лаборатории в рамках мегагранта и оснащение ее высокотехнологичным современным оборудованием способствовало развитию мультидисциплинарных исследований. Стало возможным изучение истории Центрально-Азиатского региона в контексте не только социокультурных, но и природных процессов. В рамках археологических исследований проводится комплекс биолого-химических, физических исследований, позволяющих выявить особенности адаптации древнего населения Центральной Азии к экологическим изменениям, реконструировать палеотические конструкции. Так, одним из актуальных направлений стало изучение палеодиеты. Результаты исследовательских работ по гранту нашли отражение в ряде крупных изданий, в том числе монографии «Кочевые империи Евразии».

Актуальным направлением деятельности Института на протяжении всей его истории являются этнографические исследования, в рамках которых изучался широкий спектр тем: хозяйство и материальная культура, семья и семейный быт, обычаи и традиции, шаманизм, буддизм и православие. Этногенез и этническая история народов Байкальского региона и сопредельных территорий всегда были в фокусе внимания этнологов Института. В современный период этнологами института разрабатывается тема этнической истории древних, средневековых и современных народов Байкальской Азии; предложены модели генезиса материальной и духовной культуры кочевых социумов, населявших территорию Бурятии, на фоне изменений климатических условий на хронологическом промежутке 5 тыс. лет.

Историческая наука в институте никогда не останавливалась в своем движении. События с постоянно меняющимся ритмом, масштабом изменений, совершенствованием общественных представлений позволяли ей накапливать силы и оттачивать аппарат исследования. Соединение интеллектуального и образовательного наследия Б. Б. Барадина, Ц. Ж. Жамцарано, Г. Ц. Цыбикова и др., а также творческой энергии молодых одаренных историков П. Т. Хаптаева, Б. Д. Цыбикова позволило институту уже к середине 1930-х гг. стать одним из центров развития исторической науки в регионе (Балдано 2012: 66). Дальнейшему укреплению исторических исследований в Институте сильно помешали громадные трудности второй половины 1930-х гг., когда кампания борьбы с так называемым буржуазным национализмом и пангоманизмом значительно затормозила научные изыскания. Тем не менее, социально-политическая, аграрная, экономическая, культурная история Бурятии продолжали оставаться в фокусе исследований Института.

На пороге знакового события – 350-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства – была проведена масштабная работа по подготовке и изданию трехтомной «Истории Бурятии». Данный труд сохранил преемственность с двухтомной «Историей Бурятской АССР», изданной в 50-е гг. прошлого столетия. И в то же время этот капитальный труд стал новым ориентиром для всех ученых, изучающих историю и культуру Бурятии, существенно расширил источниковую базу по широкому кругу проблем региональной истории. В нем впервые были «переосмыслены происшедшие перемены, с одной стороны, позволившие нам интегрироваться в современное цивилизованное общество, с другой – повлекшие разрушение некоторых общественных ценностей, ушедших вместе с ликвидацией советской политической системы. Коренному пересмотру подверглись переломные моменты истории республики, объективному анализу которых ранее препятствовали идеологизация общественных наук, недоступность многих источников».

В настоящее время готовится к изданию «История Республики Бурятия в XX–XXI вв. Хроника событий, комментарии» в двух томах, в которой дополнительное освещение получит процесс национально-государственного строительства, особенности геополитической роли Бурятии, будет дана взвешенная оценка положению республики в российской социально-политической системе. Ее публикация планируется к 100-летию юбилею Республики Бурятия, который мы будем отмечать в 2023 г.

Роль ИМБТ как востоковедного центра обязывает изучать весь монгольский мир. Новое направление научных изысканий заключается в комплексном анализе динамики геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия России со странами Внутренней Азии (Китаем и Монголией) в условиях трансграничья в XVII – XXI вв. Исследование исторического опыта монгольского мира, безусловно, расширяет представления об эволюционной парадигме, свидетельствуя о множестве альтернативных путей и направлений общественного прогресса.

Важным направлением научного поиска является изучение истории Монголии, которая как оплот кочевой культуры, безусловно, представляет большой интерес для фундаментальных академических исследований особенно с точки зрения мир-системного и цивилизационного подходов. Монголия является уникальным культурным регионом, исторический опыт которого вмещает процессы от освоения древнейшими популяциями аридных зон монгольского плато до переломных моментов кардинальной смены общественно-политического строя в XX–XXI вв. В настоящее время учеными института готовится к публикации научное издание «Очерки истории Монголии», в котором на основе анализа накопленных данных и новых источников будет дано целостное представление об истории соседней страны.

Начало социологическим исследованиям в Бурятии было положено в середине 60-х гг. XX столетия. С начала 1980-х гг. они заметно активизировались и приобрели более широкий и системный характер. «Основным их направлением стало изучение взаимодействия научно-технического и социального прогресса в условиях национального региона Сибири, каким является Бурятия. Была предпринята попытка создания концепции единой социальной системы республики с четко очерченными границами и присущими ей свойствами и признаками» (Рандалов, Жалсанова 2012: 133). В 2000-е гг. началось изучение особенностей постсоциалистической социальной трансформации в республике. Полиэтнический состав населения Бурятии актуализировал исследования этносоциальных процессов, состояния межнациональных отношений, языковой ситуации. В последние годы группа социологов института реализует новый вектор, а именно пытается рассмотреть комплекс социальных процессов, протекающих в монгольском мире в современную эпоху, и определить их влияние на формирование социального и этнического пространства в трансграничье России, Монголии и Китая.

Институт на всех этапах своего развития принимал активное участие в процессах языкового строительства. Еще в период Буручкома основными лингвистическими задачами были проведение национализации школы, введение делопроизводства, издательского дела на бурятском языке и т.д. На сегодня в Институте фундаментальное исследование бурятского языка проводится по всем направлениям. Помимо лингвистического изучения строя бурятского языка ведется работа по составлению словарей. Изданы бурятско-русский и русско-бурятский словари, подготовлен к изданию Большой орфографический словарь, первый том Толкового словаря, на очереди к изданию Орфоэпический словарь.

Значительным шагом в развитии лексикологических и в целом лингвистических исследований явилось создание Корпуса бурятского языка. В рамках корпусных исследований впервые была разработана концепция словаря-конкорданса для исследований лексико-семантических процессов в бурятском языке, выполнены разработки для интегрирования бурятского языка в информационно-поисковую систему, которая приведет к модернизации его исследования, изучения и сохранения. В настоящее время объем Корпуса составляет 2,5 млн словоупотреблений.

В начале 2000-х гг. лексикография вышла из практической области в теоретическую, объектом исследования является уже не только бурятский язык, но и вся группа монгольских языков в России, Монголии и Китае, а также языки народов Сибири (тувинский язык). Исследования отдела языкознания представляют интерес с точки зрения исторического развития монгольских языков, их лексики, морфологии, трансформационных и эволюционных процессов.

В круг исследовательских проблем отдела литературоведения и фольклористики входят сбор, систематизация, издание богатого фольклорного наследия бурят и русских Забайкалья. Фольклористами института зафиксированы и опубликованы эпосы, сказки, легенды, предания и другие фольклорные произведения на бурятском языке. Институт участвует в публикации памятников устного народного творчества в фундаментальной академической серии издательства «Наука» «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (в 60 томах) и в научной серии ИМЛИ РАН «Памятники фольклора монгольских народов» (в 10 томах). Анализ и обобщение фольклорного материала в сравнительно-историческом освещении, типологические сопоставления с фольклорными традициями тюрко-монгольских и других народов способствуют установлению важнейших периодов в развитии бурятского устнопоэтического творчества. Исследование фундаментальной проблемы сохранности и трансформации фольклора и культуры бурят традиционно решается на результатах комплексных теоретических, архивных и экспедиционных исследований фольклора, мифа и языка бурят в сравнении с другими тюрко-монгольскими народами. Из текущих проектов выделим активную работу по сбору фольклорных материалов в России, Монголии и Китае. На примере трех ветвей бурятского этноса в разной языковой среде исследуются проблемы эволюции, преемственности, наследования традиций в культурной и ду-

ховной сфере. Экспедиционные материалы дали основу для трех научных монографий «Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР».

Особо отметим одно из приоритетных направлений – изучение бурятской Гэсэриады, история исследования которой насчитывает более столетия. Знаменательным изданием стал первый в истории российского эпосоведения международный гэсэроведческий сборник «Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции» (2009). В 2020 г. проведена международная научная конференция «Эпос “Гэсэр” – духовное наследие народов Центральной Азии».

Сегодня к числу приоритетных исследовательских задач относится дальнейшее углубленное изучение региональных экономических, социально-политических и культурных процессов, исследование межрегионального взаимодействия и взаимовлияния культур региона и сопредельных территорий, по отношению к которым Байкальская Азия выступает в качестве трансконтинентального перекрестка. Изучение этого комплекса задач позволит сделать еще один важный шаг к научному освоению востоковедного пространства, что в конечном итоге будет способствовать позитивному диалогу Запада и Востока.

Литература:

Базаров Б. В., Ванчикова Ц. П., Плеханова А. М., Чимитдоржиева Г. Н. От Ученого комитета к академическому институту: к 100-летию юбилею Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 127–132.

Балдано М. Н. Бурятская историческая наука: от Буручкама до Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 3 (7). С. 65–83.

Рандалов Ю. Б., Жалсанова В. Г. Становление и развитие социологических исследований в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 3 (7). С. 132–141.

Янгутов Л. Е. Буддологические, востоковедные и философские исследования в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 140–147.

*Кузьмин Юрий Васильевич
доктор исторических наук
Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия
kuzminuv@yandex.ru*

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ И РОССИЙСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ¹

В докладе представлена общая характеристика современного монголоведения России, его основных научных центров и университетов. Основное внимание уделено дискуссионным проблемам истории Монголии, истории российского монголоведения. Показана изученность истории Монголии XX в. в российской историографии, проблемы, требующие дальнейшего исследования. Предложена идея создания биобиблиографического справочника российского и мирового монголоведения, подготовка аналитической и критической истории российского монголоведения. Обозначена необходимость создания коллективной работы по истории Монголии, особенно истории XX в., а также истории российско-монгольских отношений. Отмечается слабый интерес современного монголоведения к теоретическим и методологическим и концептуальным проблемам истории Монголии. Наиболее успешно изучается историография и источниковедение Монголии и монгольских народов.

Ключевые слова: История Монголии, российское монголоведение, историография, справочник.

*Kuzmin Yuriy Vasilievich
Doctor of Sciences in History
Baikal State University
Irkutsk, Russia*

DEBATABLE PROBLEMS OF THE HISTORY OF MONGOLIA AND RUSSIAN MONGOL STUDIES

The report presents a general description of modern Mongolian studies in Russia, its main research centers and universities. The main attention is paid to the debatable problems of the history of Mongolia, the history of Russian Mongolian studies. The study of the history of Mongolia of the twentieth century in Russian historiography, problems requiring further research, is shown. The idea of creating a bio-bibliographic reference book of Russian and world Mongolian studies is proposed, preparation of an analytical and critical history of Russian Mongol studies. The necessity of creating a collective work on the history of Mongolia, especially the history of the twentieth century, as well as the history of Russian-Mongolian relations is indicated. There is a weak interest of modern Mongolian studies in the theoretical and methodological and conceptual problems of the history of Mongolia. The historiography and source studies of Mongolia and the Mongolian peoples are most successfully studied.

Keywords: History of Mongolia, Russian Mongol studies, historiography, reference book.

Современное российское востоковедение и монголоведение за последние 30 лет добилось существенных и позитивных научных успехов. Появились новые центры исследования истории и культуры Монголии, новые монголоведческие издания, опубликовано значительное число исторических источников и исследовательской литературы.

Российское монголоведение вводит в научный оборот значительное число исторических источников, архивные документы, документальные сборники и происходит накопление ценного архивного и документального материала. Опубликованы фундаментальные исследования Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Н. Л. Жуковской, Т. Д. Скрынниковой, А. Д. Цендиной, Л. В. Кураса, Ц. П. Ванчиковой,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 20-59-44008 Монг_а «Мировое на российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

Л. Л. Абаевой, И. В. Кульганек, В. Д. Дугарова, М. И. Гольмана, В. В. Грайворонского, В. Г. Дацшена, А. С. Железнякова, С. Г. Кляшторного, П. Б. Коновалова, С. А. Крылова и др., которые вошли в «золотой» фонд монголоведения XX в.

К сожалению, в российской историографии до сих пор отсутствует обобщающая работа по истории Монголии. Как известно, советская историческая наука в 1954, 1967, 1983 гг. подготовила коллективными усилиями советских и монгольских историков однотомную «Историю МНР», которая включала материал всех этапов исторического развития страны. В постсоветский период, за последние 30 лет развития российского монголоведения не сделано попыток создать подобный труд. Монгольские историки создали пятитомную историю Монголии, издали многотомные собрания сочинений ведущих монгольских историков Б. Ширендыба, Ш. Бира, Ц. Дамдинсурэна, Ш. Нацагдоржа, Ж. Болдбаатара и др. Однотомные коллективные работы российских историков по истории российско-монгольских отношений лишь частично закрывают проблему. Ослабление роли сектора Монголии Института востоковедения РАН в координации монголоведения, сокращение численности специалистов, отсутствие заказа и финансирования привели к ослаблению коллективных работ.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН проделал колоссальную работу по изучению древней, средневековой, новой и новейшей истории Монголии, монгольского источниковедения и историографии. По сути, ИМБТ СО РАН выполняет в настоящее время роль российского и мирового центра монголоведческих исследований. Об этом свидетельствуют опубликованные документальные сборники и коллективные монографии, такие как «История Бурятии» в 3-х томах (2011), том «Буряты» (2004), «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» (2016), «Буддизм. Каноны. История. Искусство» (2006), уникальные сборники документов «Монголия в документах Коминтерна. 1919–1934», «Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946» и др.

Значительная исследовательская работа проделана за последние 30 лет по истории российского и мирового монголоведения [Гольман 2004]. Подготовлены обобщающие работы, монографии и статьи, посвященные крупным ученым, забытым и репрессированным монголоведам [Дугаров 2014]. Воссоздана полная без изъятий картина становления и развития российского монголоведения за 300 лет [Улымжиев 1997]. Проводятся специализированные научные конференции памяти выдающихся российских монголоведов: «Банзаровские чтения», «Цыбиковские чтения», «Владимирцовские чтения», «Санжеевские чтения», «Найдаковские чтения» и др. Тем не менее, в области историографических исследований также есть проблема. Необходимо преодолеть уровень описательности и перейти на уровень критического анализа научного вклада отдельных ученых, выявления особенностей научных взаимоотношений и показа динамики исследования наиболее сложных и спорных проблем монголоведения [Полянская 2019].

Современная историческая наука и монголоведение на современном этапе, к сожалению, избегают теоретических, методологических и концептуальных дискуссий, которыми так была известна советская историческая школа. Советское востоковедение занимало лидирующие позиции в научных дискуссиях по теории формаций, кочевого феодализма, роли городов на Востоке, особенности социальной структуры восточных стран. Произошел отказ от единой методологии и переход к плюрализму методики и методологии научных поисков и исследований. Видимо, происходит накопление конкретно-исторического материала, ввод в научный оборот значительного числа оригинальных исторических источников, которые в перспективе приведут к новым оригинальным концептуальным выводам об особенностях исторического развития восточных цивилизаций и обществ. Можно только констатировать, что археологи и этнологи сохраняют интерес к методологическим вопросам исторического процесса.

Как известно, монголоведение – это комплексная наука, которая включает в свой состав лингвистические, литературоведческие, исторические, этнологические, археологические, источниковедческие и историографические исследования. Российские ученые-монголоведы начала XX в. были специалистами универсальных знаний (А. М. Позднеев, Б. Я. Владимирцов, В. В. Бартольд, В. Л. Котвич). Современное монголоведение разделилось на отдельные области знаний, которые все более отдаляются друг от друга. Разумеется, это логика развития науки, требующая высокой специализации. Правда, сегодня научные прорывы происходят чаще всего на стыке смежных наук.

Хочется верить, что со временем вырастет новое поколение универсальных исследователей одновременно при высокой и узкой специализации.

Политическая история Монголии XX в. серьезно изучается в Монголии и России, ряд вопросов получили новое освещение и анализ в исторической литературе. Особенно основательно изучались вопросы история буддийской церкви Монголии, роль Коминтерна и СССР, российско-монгольские отношения. К сожалению, в российской историографии до сих отсутствует комплексная характеристика политической и экономической истории Монголии XX в., подготовленной усилиями ведущих историков и политологов России. Российско-монгольские отношения также нуждаются в дальнейшем изучении историков, экономистов, юристов, особенно роль СССР в создании современной экономической инфраструктуры Монголии, которая до сих пор успешно работает в национальных интересах кочевой страны. В Байкальском государственном университете (Иркутск) в 2013–2016 гг. был выполнен международный проект «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений XX века: история, политика, экономика» в 7 томах.

В современном монголоведении назрела необходимость создания и публикации энциклопедического словаря российского и мирового монголоведения [Милибанд 1995]. Российское монголоведение насчитывает 300 лет успешного развития и нуждается в обобщающей работе, полной библиографии исследователей, которая будет полезна большому кругу специалистов, особенно начинающим специалистам. В настоящее время подготовлен к печати первый том «Российские исследователи Монголии XIX–XXI вв.: Библиографический справочник» (более 650 страниц) и продолжается дальнейшая работа по теме.

В современном российском монголоведении происходит смена поколений исследователей – монголоведов. В этих условиях очень важно сохранить преемственность исследований, в востоковедении это особенно важно [Дацышен 2016]. Необходимо собрать и издать устную историю монголоведения, творческие биографии ее крупных представителей. Современные китаеведы собрали и опубликовали уже 4 тома устной истории российского китаеведения. Можно последовать эту доброму примеру более развитой сферы российского востоковедения.

Литература:

Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х гг. XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 334 с.

Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М.: Проспект, 2016. 192 с.

Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 376 с.

Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Кн. 1. А–Л. М.: Наука, 1995. 702 с.

Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Книга 1. М–Я. М.: Наука, 1995. 765 с.

Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2019. 324 с.

Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения. – Улан-Удэ, 1997. 216 с.

Пиков Геннадий Геннадьевич
доктор исторических наук, доктор культурологии
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
gennadij-pikov@yandex.ru

Пикова Светлана Александровна
Новосибирск, Россия

О СПЕЦИФИКЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КИДАНЬСКОМ ПРАВЕ

Данная статья посвящена одной из страниц истории восточноазиатского права и рассматривает специфику уголовного законодательства кочевой империи киданей Ляо («Серебряная», 907–1125). Источником информации служит династийная история «Ляо ши» (История династии Ляо), главы 61–62. Образцом для подражания стало китайское право как эффективный механизм создания единого правового пространства и средство конструирования могущественной империи. Киданьское право можно понимать, скорее, как процесс принятия непротиворечивых решений в полиморфном сообществе, нежели как определенную совокупность юридических норм. Имперское право как инструмент выработки общественного согласия осознанно делало акцент на уголовном аспекте. В нем содержится детальная классификация преступлений и разрабатывается система соответствующих им наказаний. В основе киданьского права была закреплена идея законности наказания. Киданьское право обязательно учитывало условия и мотивы совершения преступления.

Ключевые слова: уголовное законодательство, право, империя Ляо, кидани, Восточная Азия, преступление.

Pikov Gennady Gennadievich
Doctor of Sciences in History, Doctor of Sciences in Culture Studies
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

Pikova Svetlana Alexandrovna
Novosibirsk, Russia

ABOUT THE SPECIFICS OF CRIMINAL LEGISLATION IN CHITAN LAW

This article is devoted to one of the pages of the history of East Asian law and examines the specifics of the criminal legislation of the nomadic empire of the Chitan Liao ("Silver", 907–1125). The source of information is the dynastic history "Liao shi" (History of the Liao Dynasty), chapters 61–62. Chinese law has become a role model, as an effective mechanism for creating a unified legal space and a means of constructing a powerful empire. Chitan law can be understood as a process of making consistent decisions in a polymorphic community, rather than just a certain set of legal norms. Imperial law, as a tool for developing public consent, consciously emphasized the criminal aspect. It contains a detailed classification of crimes and develops a system of appropriate penalties. The idea of the legality of punishment was fixed in the basis of the Chitan law. Chitan law necessarily took into account the conditions and motives for committing a crime.

Keywords: criminal law, law, Liao Empire, Chitan, East Asia, crime.

История киданьского права – история непрерывной и все более совершенствующей свою эффективность социальной инженерии. Право воспринималось киданями как один из инструментов выработки общественного согласия и достижения консенсуса между различными жизненными и самоосознанными интересами, сосуществующими и сталкивающимися на территории империи. Складывание правовых кодексов начинается после достижения пределов жизненного пространства. Судившие должны были учитывать социальную реальность, а это означает, что неизбежно шла эволюция правовой системы и

увеличивалось влияние на правовой процесс социально-политических факторов. На эволюцию правовой системы оказывали влияние не столько формальные принципы и нормы государственного управления, сколько то, что можно назвать «реальной» или живой» конституцией, а именно социальные факторы, реагирующие и воздействующие на эти принципы и нормы. Таким образом, киданское право можно, скорее, понимать как процесс принятия непротиворечивых решений в полиморфном сообществе, нежели как определенную совокупность юридических норм.

Необходимо особо отметить, что в киданских юридических текстах содержались лишь административные предписания или нормы, относящиеся к уголовному праву; гражданско-правовые правила попадали в них лишь тогда, когда нарушение норм обычая влекло уголовные санкции. Наиболее полным источником сведений о киданском уголовном праве является династийная история «Ляо ши» (История государства Ляо), особенно ее главы 61 и 62, объединенные общим названием «Син фа чжи» (Трактат о наказаниях). В этих главах в хронологическом порядке излагаются сведения о киданском праве, заимствованные из различных разделов «Ляо ши», прежде всего из «Бэнь цзи» (Основные записи) и биографий членов правящего рода различных известных государственных деятелей империи.

Большинство племен и народов, в том числе и самих киданей и родственных им си, устраивало обычное право, хотя оно уже начинает в ряде аспектов изменяться, но для бохайцев и китайцев, составляющих вместе значительную часть населения империи, это был пройденный этап. Правовые порядки общества, живущего в таких политических условиях, принимали своеобразный характер: правовое поле оказалось предельно децентрализованным. Существовало не только территориальное правовое различие в правах, но и многочисленные вариации, зависевшие от различий в социальном положении отдельных носителей права.

В конце I тыс. н. э. общественная и экономическая жизнь восточноазиатских племен усложнялась, и, естественно, «обыкновения и нравы мало-помалу повредились», а это привело к тому, что «законы также ослабели и умножень». Это приводило к складыванию ситуации своего рода «правового вакуума». Недаром необходимость правовой реформы киданские сановники связывали с осложнением общей ситуации. Елюй Ходу, «уговаривая» Елюй Апоки взойти на трон, отмечал, что «уголовные законы пришли в упадок, народ изнемог».

Образцом для подражания стало китайское право, оправдавшее себя и в качестве механизма решения проблемы создания единого правового пространства на просторах ханьского «мира», и, что особенно важно для киданей, в качестве эффективного средства конструирования могущественной империи. Именно этим объясняется начатая в 983 г. работа по переводу на киданский язык кодекса китайской империи Тан (618–907 гг.) «Тан люй шу и» (Уголовные установления Тан с разъяснениями), принятого в 653 г. В качестве «образца для подражания» он был в то время незаменим: детален, тщательно разработан, содержал в системе огромную сумму прецедентов; кроме того, кидани нуждались в нем как своего рода «учебном пособии по управлению государством». Китайское право привлекало императоров Ляо, вероятно, еще и тем, что оно к X в. в результате сложнейшей и длительной эволюции, по сути, стало универсальной в теоретическом отношении системой, ибо в нем были выработаны такие базисные понятия, как «право», «закон», «обычай» и др., создана такая всеохватывающая и емкая форма, как «кодекс», обобщена самая мощная на Дальнем и Среднем Востоке правовая традиция.

Как видно на примере указа 994 г., кидани переняли китайское понятие «десяти зол» («ши э»), которые разрушали социальный порядок и подрывали моральные устои общества. Эти самые страшные преступления, рассматривавшиеся в китайских кодексах первыми, не подлежали обычной амнистии. В эти «десять зол» включались преступления, которые носят не только уголовный, но и политический характер, направлены также против уже сложившихся в киданском обществе моральных установок.

Уже в начале своего правления Апоки, перед которым стояли две задачи – принуждение недовольных его правлением и привлечение на свою сторону колеблющихся, придавал большое значение приведению наказаний в систему. Еще до появления первого кодекса император Син-цзун попытался привести в систему наказания за особо опасные преступления. В следующем, 1033 г. вышел особый указ, разъясняющий декрет. Но в окончательном виде система наказаний была представлена в кодексе 1036 г. Она включала пять классов: смерть, ссылка, битье (толстыми и тонкими палками) и каторга трех степеней.

«Трактат о наказаниях» сообщает о наказании по количеству преступлений. Этот принцип обычного права был еще весьма живуч в среде киданей, кроме того, он менее разрушительно воздействовал на

семью как ячейку общества. «Трактат о наказаниях» в другом месте свидетельствует и о втором принципе наказания воровства: в соответствии со стоимостью вещей. Еще в 1032 г. был издан указ, карающий смертью за воровство вещей стоимостью 20 денежных шнуров и более.

В основе киданьского права была идея законности наказания. Так, в одном из императорских декретов говорилось, что «законы, будучи основой управления и связанные с человеческой жизнью, не должны находиться в небрежении. Вы должны взвешивать легкость и тяжесть для того, чтобы приводить их в соответствие с целесообразностью». Отсюда вытекала еще одна особенность киданьского права – наличие права на смягчение наказания и на помилование. Это право тесно смыкалось с правом отдельных сословий на привилегии.

Люди, получавшие так называемую железную грамоту (за особые заслуги, независимо от национальности), либо вовсе освобождались от наказаний, либо подвергались меньшему наказанию в случае совершения преступления. За «административные способности» освобождались от смертной казни чиновники.

Киданьское право вообще учитывало условия и мотивы совершения преступления: заранее обдуманное, с целью ограбления, непреднамеренное, случайное, во время драки, в ходе поединка, убийство мужа женой, убийство посла, убийство господина рабом и т.д. Любопытно, кстати, что у киданей сохранялся древний обычай, бытовавший у всех степных народов, не разнимать дерущихся, а, образовав круг, досмотреть это «зрелище» до конца. При определении меры наказания учитывалась стадия, на которой раскрыто преступление: замысел, подготовка, покушение, совершение преступления. Столь же детально определялась степень участия обвиняемого в преступлении: организация, подстрекательство, исполнение, с умыслом или без. Выделялись главари, исполнители, простые соучастники в коллективных преступлениях.

Особая роль в семье принадлежала старшим родственникам. Самой серьезной провинностью с точки зрения киданьского семейного права считалось несоблюдение сыновней почтительности. Пять из «Десяти зол» трактовались киданями как преступления против старших в семье. Старшими у кочевников Азии считались вообще те люди, которые достигли 45 лет, т.е. возраста, «когда можно иметь пятерых детей». Они пользовались всеобщим уважением, и любые действия против них строго осуждались.

В целом, киданьское право в истории восточноазиатского метарегиона занимает не исключительное, но весьма заметное место. Оно пережило создавший его народ, но не исчезло полностью, а сохранилось в практике и традициях сменивших их новых хозяев этого «мира» (чжурчжэней, монголов, маньчжуров).

Литература:

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 2. 334 с.

Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: Изд-во «Наука». Главная редакция вост. лит., 1986. 264 с.

Пиков Г. Г. К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 84–93.

Пиков Г. Г. Семейно-брачное право у киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990. С. 25–42.

Почекаев Роман Юлианович
доктор исторических наук, кандидат юридических наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия
rpochekaev@hse.ru

МОНГОЛО-МАНЬЧЖУРСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ ЦИН (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ ОБ УБИЙСТВЕ В ХАЛХЕ КОНЦА XVIII в.)

Акты правоприменительной (в первую очередь – судебной) практики являются важнейшим источником по правовой ситуации в Монголии эпохи империи Цин. Одной из основных тенденций в правовой и процессуальной сфере стало распространение влияния китайско-маньчжурских принципов и норм в монгольской законодательной и судебной практике. В статье на примере двух дел об убийстве, имевших место в Халхе в конце XVIII в., анализируются конкретные примеры такого влияния на организацию и деятельность судов, процедуру и результаты судебного разбирательства. Автор приходит к выводу, что цинские процессуальные традиции оказали значительное влияние на монгольское правосудие, его форму и содержание, при этом не вытеснив, впрочем, и монгольские традиции в процессуальной сфере.

Ключевые слова: Внешняя Монголия, империя Цин, процессуальное право, судебная система, правовая интерференция.

Pochekaev Roman Yulianovich
Doctor of Sciences in History, Candidate of Sciences in Jurisprudence
National Research University Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russia

MONGOL-MANCHU PROCEDURAL INTERFERENCE DURING THE EPOCH OF THE QING EMPIRE (BY THE EXAMPLE OF CASES OF MURDER IN KHALKHA AT THE END OF THE 18TH CENTURY)

Legal enforcement acts are important source in specific features of legal situation in Mongolian during the Qing epoch. One of the main trends in the legal and procedural areas was an increasing of influence of Chinese-Manchu legal principles and rules in the Mongolian legislative and judiciary practice. The article is an attempt to analyze examples of this interference on a base of two cases of murder, which took place in Khalkha at the end of the 18th century. Author finds that Qing procedural traditions influenced substantially on the Mongolian justice, but at that national procedural traditions were not forced out.

Keywords: Outer Mongolia, Qing Empire, procedural law, judiciary system, legal interference.

Маньчжурское господство оказало значительное влияние на различные аспекты жизни монголов, включая правовую и судебную. Основными источниками наших знаний о правовой ситуации в Монголии в эпоху Цин являются кодификации этого периода – монгольские («Халха Джирум», «Улаан Хацарт» и др.), и маньчжурские («Цааджин Бичиг» и «Лифаньюань цзэли»). Однако они отражают лишь официальную позицию властей, а не реально складывавшиеся отношения. Гораздо более объективную картину позволяют сформировать акты административной и судебной практики, показывающие, насколько писанные правовые акты были востребованы на практике, каково было соотношение монгольского национального и маньчжурского имперского права. Исследователи изучают такие документы, созданные во Внутренней Монголии (Erdenchuluu 2016). Однако и во Внешней Монголии цинские власти со временем стали распространять свое влияние на судебную власть.

В статье анализируется проявление этого влияния на примере двух конкретных дел конца XVIII в., имевших место в хошуне князя Уржинжава, входившем в Тушетуханский аймак. В рамках первого разбирательства (1780) расследовалось убийство матерью малолетнего сына. Второе разбирательство (1790) касалось попытки убийства служанкой самого князя Уржинжава. Оба дела были детально изучены с точки зрения содержания и терминологии Ч. Р. Боуденом (Bawden 1969a; 1969b), результаты исследований которого позволяют

провести историко-процессуальный анализ этих актов, выявив степень влияния маньчжурской правовой традиции на отправление правосудия в Халхе рассматриваемого периода.

Главной причиной влияния маньчжурских властей и правовых предписаний на процессуальную сферу Халхи стала неотделимость судебной власти от административной. Правосудие осуществляли хошунные князья, ханы аймаков, сеймы (чуулганы), контроль маньчжурских властей над которыми все более расширялся по мере интеграции Внешней Монголии в цинское политико-правовое пространство (Рязановский 1931: 92; Constant 2007: 252–253; Heuschert-Laage 2017: 235–236; Legrand 2018: 136). Неудивительно, что процедура судебных разбирательств нашла законодательное закрепление в вышеупомянутых «Цааджин бичиг» и «Лифаньюань цзэли» и, как показывают анализируемые дела, действовала на практике. Первоначальное следствие осуществляла администрация хошуна, в котором было совершено преступление, затем результаты расследования передавались в ямынь аймачного сейма, руководство которого оценивало собранные доказательства и принимало решение, которое направляло на согласование в палату Лифаньюань, которая должна была передать судебное решение для утверждения самому императору (Bawden 1969b: 590).

Вся эта согласительная процедура не была простой формальностью: чиновники Лифаньюань, не ограничиваясь просто утверждением присланного им решения сейма Тушетуханского аймака, проводили собственный анализ дела. Так, по итогам рассмотрения первого дела они существенно изменили наказания, определенные сеймом, и, более того, признали виновными также аймачные власти, лишив председателя сейма и хошунного князя Уржинжава жалования на определенный период времени за то, что в их владениях были совершены преступления (Bawden 1969a: 87–88), что соответствовало положениям «Лифаньюань цзэли» (Legrand 2018: 135). При рассмотрении второго дела маньчжурское ведомство, усмотрев в материалах сейма халатное отношение к разбирательству, перенаправило дело для рассмотрения амбаням Урги, хотя они не являлись вышестоящей судебной инстанцией для Тушетуханского аймака (Bawden 1969b: 576). Это подтверждает свободу усмотрения цинских властей в организации судебного процесса во Внешней Монголии и урезание самостоятельности местных судов (Heuschert-Laage 2017: 240–245).

Палата Лифаньюань при принятии решения по данным делам никак не учитывала монгольское законодательство – ведь, например, в «Халха Джирум» правители хошунов и аймаков определялись как высшие судебные инстанции в своих владениях (Legrand 2018: 135). Поэтому основными источниками для заключений чиновников палаты были «Цааджин Бичиг» и «Лифаньюань цзэли». Из содержания их заключений становится очевидной причина принятия последнего акта: первый, созданный еще в XVII в., не отражал реальной ситуации конца следующего столетия, и к тому же касался более уголовных и менее процессуальных отношений (Рязановский 1931: 84). Принятие «Лифаньюань цзэли» преследовало цель заполнить этот пробел и законодательно закрепить судебную подчиненность монголов маньчжурским властям, поэтому содержало значительное число норм процессуального права (Тутаев 2021; Constant 2007: 250).

К числу других проявлений китайско-маньчжурского влияния в процессуальной сфере следует отнести саму организацию следствия и судебного разбирательства: все действия должностных лиц и полученные доказательства подробно протоколировались. Ч. Р. Боудэн обратил внимание, что в некоторых случаях показания разных участников процесса совпадали дословно, сделав вывод, что секретари, следуя требованию письменной фиксации процесса, порой просто многократно воспроизводили однажды записанное свидетельство (Bawden 1969a: 77). Таким образом, монгольские судебные чиновники в рассматриваемый период следовали в большей степени букве, нежели духу требований, предъявляемых маньчжурами к организации судебного процесса в Халхе.

Но мы не разделяем вывода Ч. Р. Боудэна о том, что в Монголии не было развитых процессуальных отношений (Bawden 1969a: 90). Знакомство с материалами анализируемых дел убеждает нас, что власти Халхи соблюдали основные стадии процесса: возбуждение дела, предварительное следствие, оценка доказательств, судебное разбирательство и вынесение приговора. Также применялись разнообразные виды доказательств: показания участников процесса и свидетелей, осмотр места происшествия и тела потерпевшего и пр. Все эти элементы процессуальных отношений находят отражение в более ранних памятниках монгольского права (Почекаев 2021) и, следовательно, не являются следствием влияния маньчжурского права.

Литература:

Почекаев Р. Ю. Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв. (опыт сравнительно-правового анализа) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 8–21.

Рязановский В. А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Тип. Н.Е. Чинарева, 1931. 306 с.

Тутаев И. В. Институты процессуального права в соответствии с Уложением китайской палаты внешних сношений // История государства и права. 2021. № 9. С. 51–55.

Bawden Ch. R. A Case of Murder in Eighteenth-Century Mongolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 32. 1969. No. 1. P. 71–90.

Bawden Ch. R. The Investigation of a Case of Attempted Murder in Eighteenth-Century Mongolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 32. 1969. No. 3. P. 571–592.

Constant F. Questions autour du pluralisme juridique sous la dynastie des Qing a travers l'exemple mongol // Etudes chinoises. Vol. XXVI. 2007. P. 245–255.

Erdenchuluu Kh. The Study of Mongolian Legal History: new Approaches on the Basis of Local Documents // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора: материалы междунар. конф., 19–20 апреля 2013 г., Санкт-Петербург. СПб.; Улан-Батор, 2014. С. 40–53.

Heuschert-Laage D. Manchu-Mongolian controversies over judicial competence and the formation of the Lifanyuan // Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited / Ed. by D. Schorkowitz and Ch. Ning. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 224–253.

Legrand J. L'Administration dans la domination Sino-Mandchoue en Mongolie Qalq-a. Version mongole du Lifan Yuan Zeli. Paris: College de France, 2018. 270 p.

Гарри Ирина Регбиевна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
irina.garri@imbt.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ИМПЕРИИ ЦИН

В статье анализируются традиционные политические концепции, существовавшие в империи Цин, как-то: «мир Китая и варваров» (*хуа-и*), «буддийский наставник и светский покровитель» (*mchod-yon*), «единение религии и политики» (*chossridzung 'brel*) и «наша великая Цин» (*Manu yeke Cing*).

Ключевые слова: Тибет, Китай, Монголия, империя Цин, Далай-лама, тибетский буддизм, сино-тибетские взаимоотношения.

Garri Irina Regbievna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

TRADITIONAL POLITICAL CONCEPTIONS IN THE QING EMPIRE

The author analyzes the traditional political concepts that existed in the Qing empire, such as: “the world of China and barbarians” (*hua-yi*), “Buddhist master and secular patron” (*mchod-yon*), “unity of religion and politics” (*chossridzung 'brel*) and “our great Qing” (*Manu yeke Cing*).

Keywords: Tibet, China, Mongolia, Qing empire, Dalai Lamas, Tibetan Buddhism, Sino-Tibetan relations.

Мир Китая и варваров (hua-yi)

В 1644 г. на смену династии китайских императоров – Мин (1368–1644) пришла династия маньчжурских императоров – Цин, правившая Китаем до 1911 г. Маньчжурский двор воспринял от предшествующих династий традиционную политическую доктрину, суть которой заключалась в постулировании универсальной, благотворной и мироустроительной власти китайского императора во всей Поднебесной империи, данной ему от неба в виде мандата – *тяньмин*. Поднебесная, согласно этой доктрине, подразделялась на две части: процветающий, цивилизованный центр, срединное государство Китай, и нецивилизованная периферия, «варвары», что стало принято обозначать в исторической литературе как «мир *хуа-и*». Эта концепция универсальной власти императора просуществовала без особых изменений начиная с эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и вплоть до второй половины XIX в. Она хорошо отражается в декларации минского императора, написанной по случаю присвоения должностей местным тибетским предводителям: «Я, [император], получил мандат Неба и властвую над Китаем и варварами и всеми своими действиями стремлюсь водворить мир в народе» (Цит. по: Мартынов 1978: 41).

«Варварами» центр управлял через местных правителей (кит. *тусы*) в соответствии с древней китайской стратегемой «управлять варварами руками варваров» (кит. *и ичжи и*). Тусы должны были периодически являться ко двору с данью (кит. *чаогун*), за что получали от императора титулы и должности, таким образом легитимизируясь в системе непрямого имперского управления. Буддийское духовенство находилось в одном ряду с тусы и получало различные титулы с буддийской коннотацией, как-то: *фаван*, *хофо*, *номунь-хан*, *хутухту*, *тулку*, *ринпоче* и т.д., и было едва ли не лучшим союзником императорского правительства в деле поддержания спокойствия на тибето-монгольской периферии. Понятно, что в этой системе государственная власть имела безусловное верховенство над религиозными учениями и их иерархами.

Буддийский наставник и светский покровитель (mchod-yon)

Тибетцы изобрели иной концепт взаимоотношений со своими соседями. Назывался он *чойон* (тиб. *mchod-yon* ‘лама-покровитель’) и базировался на древних индийских идеях царя веры – *дхармараджи* и

правителя-чакравартина как покровителей буддийской монашеской общины. Спецификой Внутренней Азии было то, что он в основном применялся к тибето-монгольскому культурному альянсу, что сложилось между тибетскими ламами и монгольскими ханами, благодаря которому доминирующей культурой во Внутренней Азии стала тибетская буддийская, а не китайская конфуцианская или мусульманская (Besckwith 1987). Классическими примерами такого альянса были апокрифическое обращение в буддизм Чингисхана (1155–1227) – Сакья-пандитой (1182–1251) и реальные обращения Хубилай-хана (1215–1294), Алтан-хана (1507–1582) и Гуши-хана (1582–1654) – Пагба-ламой (1235–1280), Далай-ламой III (1543–1588) и Далай-ламой V (1617–1682) соответственно. Сейфорд Руэгг назвал эту интерпретацию древней идеи «ad hoc политико-дипломатической фикцией, изобретенной тибетцами» (Ruegg 1991: 452). Действительно, концепт этот, под которым подразумевалось обращение монголов в буддизм тибетскими ламами, недвусмысленно указывал на превосходство духовного над светским, а, следовательно, тибетского над монгольским.

Единство религии и политики (chosridzung 'brel)

Эта концепция, как и многие другие примечательные характеристики тибетской политической культуры, появилась в период правления Далай-ламы V. Формула *chosridzung 'brel* означает ‘единство религии и политики’, в политическом смысле – объединение религиозной и светской власти в лице теократического правителя. Идеальным воплощением этой системы власти стало считаться правление Далай-ламы и его буддийского правительства в лице гелукпинского монашества. И хотя всего лишь два Далай-ламы – Пятый (1617–1682) и ринадцатый (1876–1933) – были реальными правителями Тибета, понимание Тибета как государства религиозного стало центральным в конструировании тибетской национальной идентичности в эпоху модерна. Сила и притягательность этой формы правления были обусловлены обращением к культу бодхисаттвы сострадания Авалокитешкары, воплощением которого стали считаться последовательные реинкарнации Далай-лам. Согласно одному из важнейших текстов тибетской буддийской традиции Мани-Кабум, Авалокитешвара является прародителем тибетского народа и приходит ему на выручку на протяжении всей его истории (Гарри 2020). Этот культ стал духовной предтечей тибетского национализма. Он не только ассоциировал Тибет или, по крайней мере, Уй-Цзан, с государством Далай-лам, но и способствовал появлению у тибетцев идеи их *избранности*-бодхисаттвой и единственного держателя истинной традиции буддизма Махаяны, сохранившего ее в аутентичной и непрерывной форме (Schwieger 2013: 68).

Наша великая Цин (Manu yeke Cing)

Примечательны монголо-маньчжурские взаимоотношения. Маньчжуры в отличие от предшествующих китайских династий считали монголов не врагами, а союзниками. Еще на заре возвышения маньчжуров основоположник будущей империи Нурхаци заключил в 1626 г/ клятвенный союз (кит. *мэн*) с предводителем племени хорчинов – Ооба-хунтайджи. Хорчины обратились к Нурхаци для того, чтобы он помог им защититься от чахаров и халхов. В результате «политически независимые “шаманисты” хорчинского улуса стали монгольскими буддистами, воинами знаменного войска, готовыми сражаться и умирать за “Нашу Великую Цин” (*Manu yeke Cing*)» (Elverskog 2006: 6). Халхи, в свою очередь, просили императора Канси помочь им в войне с джунгарами. В обмен на помощь они безоговорочно подчинились маньчжурам в 1691 г. в Доллоноре. Последовавший разгром единственного не подчинившегося маньчжурам джунгарского ханства положил конец свободной степи. Уделы монгольских ханов были преобразованы в знамена (кит. *ци*, монг. *хошуун*), военно-административные единицы со строго фиксированной территорией, и напрямую подчинены правительству в Пекине. Та же политика осуществлялась и в отношении буддийских монастырей и крупных резиденций монгольских хубилганов.

Pax Manjurica

В последнее время вновь активизировался интерес к истории Цин. Среди новых взглядов выделяется концепция цинского космополитизма – *Pax Manjurica*, придающая особое внимание межэтническому культурному обмену в период Цин, который стал возможен благодаря покровительству буддизма цинскими императорами и воцарению в империи относительного мира и спокойствия (Elliot 2001). Думается, что эта концепция весьма продуктивна в исследовательском плане. Ведь, действительно, в результате покровительства цинской империи тибетскому буддизму вкупе с активностью самих буддистов к началу XX в. во Внутренней Азии сложилось огромное пространство тибето-монгольского буддизма с религиозными центрами в Лхасе, Пекине и Урге. Несмотря на то, что эта буддийская традиция не являлась единым организационным целым, она представляла собой безусловную культурную целостность,

основанием которой являлись авторитет школы гелукпа и ее главных иерархов Далай-лам, Панчен-лам и Джебдзундамба-хутухт, монастырская система школы, институт лам-перерожденцев, тибетский язык и тибетский буддийский канон. Олицетворением этой традиции на рубеже веков была раскинувшаяся по всей Внутренней Азии сеть монастырей гелукпы с ее учебными центрами и караваны буддийских паломников, идущих на поклонение и учебу в религиозные центры, среди которых немалое количество составляли буряты и калмыки из далекой России.

Литература:

Гарри И. Культ Авалокитешвары и конкурирующие национализмы сино-тибетского пограничья (1991–1951 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). С. 13–36.

Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М.: Главная редакция вост. лит. изд-ва «Наука», 1978. 282 с.

Yudru Tsomu (2014) *The Rise of Gönpö Namgyal in Kham: The Blind Warrior of Nyarong*. Lexington Books.

Ruegg, S. (1991) “Mchod yon, yon mchod and mchodgnas / yon gnas. On the Historiography and Semantics of a Tibetan Religio-Political Concept”, in *Tibetan History and Language: Studies dedicated to UrayGeza on his Seventieth Birthday*, pp. 441–453. Vienna: ATBSC.

Schwieger, P (2013) “History as Myth: On the Appropriation of the Past in Tibetan Culture: An Essay in Cultural Studies”, in G. Tuttle, K. Schaeffer (eds) *The Tibetan History Reader*, pp. 64–85. New York: Columbia University Press.

Elverskog, J. (2006) *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Elliott, M. (2001) *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press, 2001.

Khaljan Orkhonchimeg
Ph.D
Institute for Defense studies of Mongolia
Ulaanbaatar, Mongolia
orkhonchimeg0713@gmail.com

Bayarmagnai Ochirsuren
Institute for Defense studies of Mongolia
Ulaanbaatar, Mongolia

SOME RELATED FACTS AND FACTORS INFLUENCED THE FORMATION OF MODERN MILITARY TRAINING IN MONGOLIA

Military education plays an important role in educating citizens in the defense of the country's independence and security. It is important to study the process that formed the basis of modern military professional education in our country. In general, it is necessary to thoroughly study the origins of modern military training. The beginning of the 20th century was a time of struggle for the restoration of Mongolia's independence, roots, language, culture and traditions, and in many ways the process of combining traditions and innovations was continuous. In particular, in order to strengthen and defend our national independence, there was a great need to train well-organized and well-trained soldiers. At this time, the process of laying the foundations for modern military training was in full swing, and it is important to examine the factors that contributed to this for future research, based on relevant evidence. Therefore, this article is aimed to clarify the factors that influenced the establishment of modern military education in Mongolia and some relevant facts.

Keywords: Military training, factors, facts, military training of Khoshuus.

The aim of this paper is to identify a number of factors that influenced the formation of modern military training in Mongolia based on relevant archival documents. These include:

1. One of the major factors influencing the formation of modern military training in Mongolia was the military training based on the tradition of training soldiers at the local level. It can be said that this eventually became the basis for modern military training in Mongolia. Let's take an example at the relevant facts.

The issue of military training and education was vital for the restoration of the country's independence. In particular, local armies were the mainstay of the Bogd Khanate's military organization in Mongolia.

“Military training in aimags and khoshuus was not only the primary unit of education, but also the basis for the formation of a military training system. The document on how the khoshuu's troops were trained states “the lists for the chairmen of the aimags were sent the names and ages from the officers and instructors in charge of the soldiers trained in the territory of the khoshuu, Letter to the Deputy Minister, the General Minister in charge of all ministers, the Speaker of the Assembly, Sain Noyon Khan, the Prime Minister, the Minister of the Ministry of Defense, the Speaker of the Assembly, Mr. Sain Tumenkhen, and the Assistant to the Chief of Staff. The Commander-in-Chief, Prince and the Speaker of the Assembly, offered it to you. Under the instruction of the interrogated generals and the chairmen of the Assembly who have repeatedly instructed you to do so General Chin Vang, the head of the Assembly, submitted to you a question about the number of officers and commanders in charge of the thirty soldiers who had been trained in the province, and the number of those who had been trained. We have prepared for the presentation to the head of education, and the number of those who have been trained in the middle and last level”. From this, it can be seen that the soldiers who were trained in the khoshuus were strictly trained, and how they learned was assessed as advanced, intermediate, and low (Mongolian National Central Archive of (MNCA). FundA59. Series1. File20. P. 74–76).

Manuscripts written by the famous Mongol scholar S. A. Kozin during his work in the Bogd Khanate of Mongolia are now preserved in the archives of St. Petersburg. Here is a document about the military training of the Khoshuu at that time: "The Khoshuu has a total of 134 troops, but with the exception of the elderly and the sick, it can attract 90 troops," he said. According to the decision of the Aimag General, 15 of these soldiers are trained to march in the province. The other soldiers are at home during this time. According to the general's decision, there were 12 infantrymen in Urguu, 2 cavalrymen in Khujirbulan, and 6 soldiers in the camp. If necessary, additional troops are deployed for border guards and security guards. They are armed with guns, spears

and swords” (Foreign Policy Archive of Imperial Russia. F. 427.S. 27) this is further evidence that a number of soldiers were being trained in the aimag.

2. Another major factor influencing the formation of modern military training in Mongolia was the opening of a military school with the participation of Russian military instructors to train local soldiers.

The foundations for the success of the Khujirbulan military training had laid, and retraining has been successfully conducted, and trained graduates was sent to local primary training as teachers. According to the archives document: “It has been almost two years since the training, and many ministries in our four aimags have been ordered to train soldiers. It's was very useful, we trained his own Mongolian soldiers year after year by Russian trainers Khujirbulan school, which is probably due to the fact that received a lot of benefits from studying until completed military studies. Now local military training was of this training guideline. This will be very helpful in the future. Lunar New Year. 22” (Mongolyn Undusunu Tov Arkhiv.FondA49, Dans1, Kh/N36)

Thus, the role of Russian trainers in establishing and strengthening the foundations of modern military training in Mongolia was high.

3. The next major factor that formed the basis of modern military training in Mongolia was the establishment of the “Military Rules of Autonomous Mongolia” (MNCA.F. A5. S. 1. File 9a. P.12) and the successful organization of military training in accordance with it.

The relevant document on the rules and regulations of the army states: “Olnoo Urgugdsen thirth year, Lunar new year, 22, from the legal documents of the Ministry of Military of Mongolia established by the decree. Clause. Divide the troops sent by the Niislel khuree to defend the great land of Mongolia and form a committee of two hundred men. As soon as the soldiers saw the enemy's goods, the officer immediately blew the trumpet and waited for the announcement to stop the movement of many soldiers and make no noise” (MNCA.F. A5. S.1. File 9a. P. 12).

Thus, the major factors influencing the formation of the foundations of modern military training in Mongolia have been clarified by the relevant archival documents.

In conclusion,

1. In Mongolia, the modern form of tiered military education has been established since the time of the Bogd Khanate of Mongolia, and local military training is a unit in that it is a form of primary education. The armies of the provinces and khoshuus established on a local basis were the main basis for the military organization of the Bogd Khanate of Mongolia. Archival documents show that were selected from among military soldiers and gradually prepared for training at the next level military school. The military training of the Khoshuus was not only the primary unit of military professional education, but also laid the foundation for the formation of the military training system. All these marked the beginning of a new stage in the development of military professional education of officers.

2. One of the major factors influencing the formation of modern military training in Mongolia was the opening of a military school with the participation of Russian military leaders and the training of local soldiers. In 1912, a school for junior military commanders was opened in Khujirbulan with the participation of Russian trainers to train Mongolians in military affairs. This school played an important role in establishing a modern military base in Mongolia. The foundation for the success of Khujirbulan's military training has been laid, and the successful conduct of retraining and the sending of graduates as teachers to local primary schools has had a significant impact on the transition to regular military training.

3. The next major factor that forms the basis of modern military training in Mongolia is the establishment of the “Military Rules of Autonomous Mongolia” and the successful organization of military training in accordance with it. The establishment of military rules and regulations has created a legal environment for training.

Thus, the above factors have had a significant impact on the formation of the basis of modern military training in Mongolia, also the identification of relevant archival documents is of great importance for further research.

Bibliography:

Orkhonchimeg Kh. Bogd Khanate on military training and education in Mongolia // Bogd Khan-150.History, culture and heritage. Proceedings of the International Scientific Conference. Ulaanbaatar, 2019.Pp. 365–377.

Orkhonchimeg Kh., Ochirsuren B., Mandriya M. B., Zakharova I. M. Forming the basis of modern military training // Proceedings of the scientific conference "100 years of the National Defense University". Ulaanbaatar, 2021. Pp. 72–77.

*Лыскова Вера Цэдашиевна
доктор исторических наук
Бурятский научный центр СО РАН
Улан-Удэ, Россия
lverased@yandex.ru*

К ИСТОРИИ БУДДИЙСКОЙ КНИЖНОСТИ: ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКЛАДА КОМИССИИ ПО ОТБОРУ ЛАМАИСТСКИХ КНИГ

В работе представлен доклад Комиссии по вопросам культа при ЦИК БМАССР, отражающий сведения о состоянии буддийских книг, находящихся в дацанах и у частных лиц в 1930-е гг.

Ключевые слова: Бурятия, буддизм, дацан, книги, Ганджур, Данжур.

*Lyksokova Vera Tsedashievna
Doctor of Sciences in History
Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russia*

TO THE HISTORY OF BUDDHIST BOOKLORE: FROM THE INFORMATION REPORT OF THE COMMISSION ON THE SELECTION OF LAMAIST BOOKS

This paper presents the report of the Commission on the Cult Issues at the Central Executive Committee of the Buryat-Mongolian ASSR with the information on the condition of Buddhist books kept in the datsans and in private hands in the 1930s.

Keywords: Buryatia, Buddhism, datsan, books, Gandzhur, Danzhur.

Хранение, сохранение, изучение книг и документов всех религиозных конфессий является исключительно благочестивым делом. На протяжении своей истории формирования тибетского, монгольского и архивного фондов Центр восточных рукописей ИМБТ СО РАН (бывшие рукописный отдел (РО), отдел памятников письменности (ОПП), отдел памятников письменности Востока (ОППВ) БКНИИ, БИОН) прилагал немалые усилия по сбору, комплектации и исследованию собраний уникальных памятников историко-культурного наследия народов Центральной Азии. К сожалению, до сегодняшнего дня не представляется возможным сослаться на точную документацию, которая позволила бы установить полную предысторию поступления и формирования фондов. Нам неизвестны даты поступления, отсутствуют акты передачи, описи и другие подтверждающие документы о приеме-передаче рукописей и ксилографов физическими или юридическими лицами в прошлом веке.

Известно, что организатором сбора рукописных материалов был Бурятский ученый комитет (Буручком) в период своей деятельности в 1922–1929 гг. Как пишет востоковед Х. Ж. Гармаева (главный хранитель фондов в 1980–2006-е гг.), «в этот период было собрано свыше 700 ед. хр. тибетских рукописей и ксилографов. У истоков формирования тибетского фонда стояли известные ученые-востоковеды Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадин, Ц. Ж. Жамцарано, А. И. Востриков, краевед И. Я. Кондаков и др.» (Гармаева, 2004: 161). Далее исследователь отмечает, что «самое большое поступление в Рукописный отдел БКНИИ было отмечено в 1958 г. В том году по постановлению Совета Министров Бурятской АССР в РО были переданы тибетские и монгольские книги, хранящиеся в Республиканском краеведческом музее (бывший Антирелигиозный музей)» (Гармаева: 2004: 162).

В данной статье дается попытка на основе некоторых документальных материалов изложить сведения об обследовании мест нахождения книг в 1930-е гг. в дацанах и у частных лиц, установлении приблизительного количества рукописных книг и общего состояния в целом, до передачи в Антирелигиозный музей г. Улан-Удэ, научную библиотеку Государственного института культуры (ГИК) Бурят-Монгольской АССР (БМАССР) и отправки в Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения АН СССР, предысторию приобретения книг дацанами и ламами.

В 1935 г. при ЦИК БМАССР была создана комиссия по вопросам культа в составе трех человек: двух научных сотрудников ГИК БМАССР Г.-Д. Нацова и А. Кочетова и ответственного секретаря по вопросам отбора культа Печеновой в целях подготовки материала для прибывающих членов постоянной комиссии ВЦИК по отбору ламаистских книг. Сотрудниками ГИК была сделана попытка изучить общее состояние книг в дацанах. В своем сообщении от 21 января 1935 г., направленном в постоянную комиссию по вопросам культа ВЦИК, заместитель председателя ЦИК БМАССР Д. К. Маслов докладывает следующее: «Находящиеся в дацанах книги разделяются на две категории: дацанские библиотеки, являющиеся государственной собственностью, и частные ламские библиотеки. В 27 действующих дацанах находится 150 тыс. книг. В ликвидированных и бездействующих 20 дацанах находилось в среднем по 5 тыс. книг. До 1929 г. ни сбора, ни систематизации книг при научной библиотеке не проводили. Лишь с 1929 г. научная библиотека ГИК начинает сбор дацанских книг по ламаизму. С организацией Антирелигиозного музея в г. Улан-Удэ и специально выделенного сотрудника, в 1934 г. начинается обращать более серьезное внимание на дацанские библиотеки, как историческую ценность» (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 21. Л. 39).

Определяя примерное количество всей литературы, Комиссия приходит к следующему выводу. В библиотеке Агинского дацана имелось 3350 томов Ганджура и Данжура, в том числе на монгольском языке 116 томов – переведенный при маньчжурской династии Хубилая хана XII–XIII вв. н.э. (вероятно, имеется в виду ксилографическое издание монгольского Ганджура, выполненное по указу маньчжурского императора Канси в 1720 г.), различных других сочинений до 5 тыс. томов в каждом дацане. Только в одном дугане Агинского дацана сосредоточено более 8 тыс. томов книг. Таким образом, комиссия делает вывод: «учитывая то, что в других дацанах меньшего размера в среднем находится около 5 тыс. книг, можно общую цифру томов библиотеки Агинского дацана указать в 15000 томов (не считая частных ламских книг)» (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 21. Л. 46).

Далее комиссия указывает, что одна из крупнейших частных ламских библиотек – библиотека Бандидо-Хамбо ламы буддийского духовенства Восточной Сибири Ч. Иролтуева, доставленная в научную библиотеку ГИК, – содержит более 1000 томов разных изданий. Исходя из этого, комиссия определяет: «общее количество книг в дацанах Бурятии из расчета того, что в 1914 г. существовало 40 основных дацанов и в каждом дацане имелось по 5 тыс. томов в среднем; в каждом дацане имелось 120 крупнейших лам, имеющих по 1 тыс. томов в среднем; у 13000 родовых лам имелось по 10 томов, тогда получается общая цифра до 450000 томов (взятые допущенные можно считать минимальными)» (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 21. Л. 46).

Далее в сообщении указано, что «с 1929 г. Институтом культуры было начато собирание буддийской литературы. До последнего времени оно велось от случая к случаю, без всякой системы. Так в 1927 г. Барадиным, Дамбиновым и другими собраны ряд книг, поступившие в русскоименный отдел Научной библиотеки. В 1928 г. из Чесанского дацана был привезен Хоса Намсараевым в Институт культуры Ганджур полностью 110 томов на монгольском языке, оцененный по описи в 50000 золотом.

В 1930 г. Нацовым из Эгейтуйского дацана привезено около 700 томов различных книг и в 1934 г. из Челутайского дацана им же доставлена библиотека Хамбо-ламы Иролтуева (более 1000 томов, из них 100 томов из отсутствия транспортировочных средств находятся в Ацагатском сельсовете)» (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 21. Л. 48).

Так, в 1930 г. из Аларского дацана было вывезено Институтом культуры 100-томное собрание канонических буддийских текстов серебряного Ганджура, приобретенного ширетумом Дагбой Доржиевым для дацана в 1920-х гг., и передано на хранение в Краевой музей. К сожалению, книга была уничтожена во время занятия помещения музея другими организациями в 1932–1933 гг., а ее остатки использовались музеем на изделия из папье-маше (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 21. Л. 46).

По итогам экспедиции по обследованию реликвий и имущества дацанов в Бурят-Монголии и в Агинском округе, организованной Институтом востоковедения АН СССР в 1937–1938 гг., сотрудник института, историк Е. М. Залкинд в своем отчете писал: «Всего по Бурятии было собрано 328 ящиков книг и 160 ящиков различных коллекций, в том числе комплект 1000 будд... Два вагона отправлены со станции Ага в Ленинград. Один, посланный в адрес Института востоковедения, гружен исключительно буддийскими книгами, во втором отправилась в свое последнее путешествие (как оказалось, не последнее) разобранная на части 15-метровая статуя Майдари, адресованная МИРУ» (Ломакина, 2001: 154–155).

Прежде чем обратиться к оценке буддийской литературы, Комиссия описывает пути их приобретения ламами 60-70 лет тому назад и стоимость книг. Отмечается, что «ламы редко привозили литературу из Тибета. Она большею частью покупалась в ближайших к Бурятии дацанах по очень высокой цене. Например, в 1871 г. Агинский дацан купил в Арья-Бандид-ихновском хурэне (имеется в виду монастырь Арья-Бандиты хутухты – В. Л.) внутренний монгольский Ганджур и Данжур тибетской (нартанской) ксилографической печати, в общей сложности 250 томов, было уплачено 700 взрослых лошадей. В 1835 г. Гунэйский дацан купил в том же хурэне 110 томов за 30 взрослых быков, 100 лошадей и 30 баранов. В последующие годы с 1880-х гг. бурятские ламы более широко начинают привозку литературы непосредственно из Тибета. Один из многочисленных Ганджуров Агинского дацана был доставлен из Тибета в 1884 г. по цене 15 руб. за том (1650 руб.). В Ирлотуевской библиотеке имеется собрание сочинений Цзонхавы (45 томов), приобретенное в 1913 г. у доромба Иванова по 12 руб. за том (540 руб.)» (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 21. Л. 46 об.).

В ценах 1914 г. стоимость каждого тома (во всех расчетах принимается в среднем по 400 страниц, печатанные ксилографическим путем в Тибете, Монголии и Бурятии) составляла не менее десяти золотых дореволюционных рублей. Таким образом, общая сумма составляла 4,5 млн руб. (в ценах 1914 г.)

В отдельных дацанах имелись особо ценные издания, художественно переписанные «девятью драгоценностями» (золото, серебро, медь, железо, коралл, жемчуга, раковина, бирюза, лазурит) на черной бумаге, изготовленной специальным способом. Например, в Кыренском дацане Тункинском аймака и в нескольких дацанах Селенгинского аймака имелись Ганджуры, написанные «девятью драгоценностями». Как отмечено в документе: «Переписка каждой страницы Тункинском Ганджура, не считая стоимости красок и бумаги, обходилась в 1 руб. 15 коп. в ценах 1909–1910 гг., каждый том содержит не менее 500 страниц. Таким образом, одна переписка этого Ганджура обошлась в 63250 руб. Двусторонний переплет обошелся не менее 10 руб. на том (1100 руб.). Каждый том обернут в три обертки из китайского шелка по 1 м каждая (около 650 руб.). В итоге эти расходы составляют (получается) без бумаги и красок на сумму 65000 руб.» (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 21. Л. 47).

Ганджур, написанный серебром, находящийся в Челутайском дацане, был приобретен Агваном Доржиевым в Потале – Дворце Далай-ламы. В начале XX в. А. Доржиевым в Бурятии и Калмыкии было собрано несколько сот тысяч рублей, на которые он съездил в Тибет, сделал подарок Далай-ламе и в ответ получил полное собрание Ганджура. В период обследования комиссией дацана данный Ганджур хранился в деревянном здании, один из его томов находился в Ацагатском мамба-дацане.

Таким образом, предварительные данные, выявленные комиссией, отражают общее состояние буддийских книг в I четверти XX в. и раскрывают новые горизонты в исследовании книжной культуры бурятского буддизма.

Литература:

Гармаева Х. Ж. Тибетский фонд ОПП ИМБТ СО РАН: история формирования, структура, содержание // Письменное наследие монгольских народов: материалы I междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 161–176.

Ломакина И. И. О судьбе реликвий агинских дацанов в годы сталинизма // Мир буддийской культуры. Агинское-Чита-Улан-Удэ, 2001. С. 154–155.

Ванчикова Цымжит Пурбуевна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
vanchikova2@yandex.ru

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ИСТОРИИ ПОСТУПЛЕНИЯ МОНГОЛЯЗЫЧНОГО РУКОПИСНОГО ГАНДЖУРА В ФОНДЫ ЦВРК ИМБТ СО РАН¹

В статье на основе архивных документов, хранящихся в ЦВРК, рассмотрена история поступления и приобретения Бурятским Ученым комитетом уникального комплекта рукописного монгольязычного Ганджура. Достоверных сведений о том, где он был составлен, где хранился ранее, об истории его приобретения, когда, кем и как он был привезен в Бурятию, пока не обнаружено. Предположительно он был привезен из Пекина в начале прошлого века и до 1929 г. хранился в Чесанском дацане Кижингинского района. Дана краткая история формирования канонических сводов и их переводов на монгольский язык. Изложены сведения о составе и структуре данного комплекта, о его датировке, отличительных особенностях.

Ключевые слова: Бурятский ученый комитет, рукописный монгольязычный Ганджур.

Vanchikova Tsymzhit Purbuevna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

ARCHIVAL DOCUMENTS ON THE HISTORY OF ACQUISITION OF THE MONGOLIAN HANDWRITTEN GANJUR BY THE CENTRE OF MANUSCRIPTS AND XYLOGRAPHS OF IMBT SB RAS

The author considers the history of the receipt and acquisition by the Buryat Scientific Committee of a unique set of handwritten Mongolian Ganjur on the basis of archival documents stored in the COMX. Reliable information about where it was compiled, where it was stored earlier, about the history of its acquisition, when, by whom and how it was brought to Buryatia has not yet been found. Presumably, it was brought from Beijing at the beginning of the last century and was stored in the Chesandatsan of the Kizhinga district until 1929. A brief history of the formation of canonical codes and their translations into the Mongolian language is given. The information about the composition and structure of this set, its dating, distinctive features are presented.

Keywords: Buryat Scientific Committee, handwritten Mongolian Ganjur.

История канона связана с историей буддизма, его учением, буддийской философией и восходит к VI в. до н. э., к первому буддистскому собору, на котором согласно буддистской традиции были подняты проблема сохранения учения Будды передачи его последующим поколениям, в связи с чем наставления Будды были собраны и пересказаны его старшими учениками для заучивания монахами, что позволило сформировать ядро будущего канонического собрания. На протяжении долгого времени ученики Будды сохраняли проповеди путем заучивания наизусть и передавали их методом «от учителя к ученику», вплоть до конца I в. н.э. Смысл и содержание его проповедей адаптировались в зависимости от состава слушателей, потому в последствии появились разные версии, что потребовало их унификации. Со временем с буддийскими монахами в разные страны стали проникать и буддийская литература, и культура. В большой степени именно благодаря миссионерской деятельности буддизм получил столь широкое распространение.

В Тибете буддийская литература появилась в VII в. одновременно со становлением тибетской государственности, распространением буддизма и наряду с созданием тибетской письменности. Появление

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-18-20001 «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас».

первых канонических сводов относится к XIII–XIV вв. В Тибете они оформились в виде двух крупных собраний: Ганджур и Данджур. Существует более 15 разных изданий Ганджура и Данджура на тибетском языке, как рукописных, так и печатных, называемых по имени монастырей, в которых они были напечатаны или созданы. Первый комплект появился в начале XIV в. Они отличаются друг от друга как по времени и месту составления, так и по количеству томов и сочинений в них, по количеству разделов, расположением разделов и сочинений (The Tibetan Buddhist Canon). В тибетском Ганджуре и Данджуре содержится наиболее полное изложение индийской буддийской традиции, что особенно ценно, так как, начиная с XII–XIII вв. буддизм в самой Индии потерял влияние. Большинство утраченных санскритских подлинников сохранилось исключительно в тибетских переводах. Великий вклад тибетцев в буддизм состоит также в том, что они разработали способы раскрытия содержания всех основных текстов, системы толкования и обучения.

Переводческая деятельность монгольских лам, начавшаяся еще в юаньский период во время правления Хайсан Хулук-хана (1307–1311), завершилась формированием Ганджура на монгольском языке в 1628–1629 гг., названного «Золотым». Ксилографическое издание Ганджура в 108 тт. («Красное») издано в 1718–1720 гг. в Пекине. Согласно указу императора, его экземпляры были подарены многим крупным монгольским монастырям (Kesigtoytaqu 2013).

Общеизвестно о двух изданиях монгольского Ганджура: «Золотом» и «Красном», экземпляры которых в разной комплектности хранятся в архивах и библиотеках России, Монголии и КНР (Введение 1989).

Отдельные тома или комплекты рукописного монгольского Ганджура представлены: 1) в библиотеке АОН Внутренней Монголии в г. Хух-Хото–20 томов «Золотого» Ганджура; 2) в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ– 113 томов; 3) в библиотеке Академии наук Внутренней Монголии в г. Хух-Хото (не комплектный); 4) в Государственной публичной библиотеке Монголии в Улан-Баторе (не комплектный); 5) в ЦВРК ИМБТ СО РАН –109 томов.

В Бурятию буддистская литература и канон стали проникать с распространением буддизма среди бурятского населения с XVII в. Со временем каждый дацан считал необходимым иметь комплекты Ганджура. Самыми распространенными были комплекты на тибетском языке, как печатные, так и рукописные. А из комплектов Ганджура на монгольском языке встречались отдельные тома Пекинского издания. Уникальным является единственное рукописное собрание Ганджура на монгольской письменности, хранящееся в монгольской коллекции ЦВРК.

В личном архиве Х. Н. Намсараева¹ (Описание 1989) хранятся пять документов, связанных с историей поступления комплекта рукописного монгольского Ганджура в фонды Бурятского Ученого комитета (БУК, сейчас ИМБТ) в 1929 г., из них самый ранний документ – это командировочное удостоверение, выданное Х. Намсараеву 15 июня 1929 г. под номером 667: *«Бурят-монгольский Ученый комитет действительно поручает предъявителю сего научному сотруднику Х. НАМСАРАЕВУ вести переговоры о передаче в ведение Ученого комитета сочинения «ГАНЖУР» на монгольском языке»,* подписанное Л. Ескевич (Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК). ЛАФ № 9.Д.57.Л.41). В удостоверении не указано место командирования, но из последующих документов уточняется, что он был командирован в Хоринский аймак, с. Чесан, конкретнее в Чесанский дацан, где хранился этот комплект Ганджура.

Два документа–две расписки: 1) от 29 августа о получении денег за доставку двух томов из Эгитуйского дацана в с. Хоринск Гатабом Дамбиевым от инструктора ХорАИК Ц. Ринчино; 2) на старомонгольской письменности от 30 августа, данная Цэдэбом Ринчино Хоца Намсараеву в том, что им получено от последнего 3 рубля за оплату доставки двух томов Ганджура (Там же. Л. 86а–86б). Эти расписки свидетельствуют о том, что переговоры были успешно проведены, более того, Х. Н. Намсараев на месте с помощью лам, сверив комплектность Ганджура, установил, что в нем отсутствуют 11 томов.

¹ Намсараев Хоца Намсараевич (1889–1959). Родился в с. Верхняя Кижинга Верхнеудинского округа Забайкальской области (Хоринская степная дума). Один из основоположников бурятской советской литературы, прозаик, драматург. Заслуженный деятель искусств Бурят-Монгольской АССР. Депутат Верховного Совета СССР. Награжден Орденом Ленина, Орденом Трудового Красного знамени. В 1928–1929 гг. был сотрудником Буручкома/ГИЯЛИ.

Два тома из отсутствующих были обнаружены в Эгитуйском дацане и возвращены в Чесанский дацан (Там же. Л. 86а–86б).

Следующие два документа № 888:1) командировочное удостоверение от 7 сентября 1929 г.: «*Научный сотрудник Бурят-Монгольского Ученого Комитета тов. НАМСАРАЕВ Хуца командирован в Хоринский, Еравнинский аймаки и в район ст. Могзон Заб. ж. д. Читинского окр(уга) для получения находящихся у отдельных гр-н девяти томов Монгольского Ганджура из библиотеки Чесанского дацана, которые были взяты этими гражданами на временное пользование. Эти недостающие тома должны быть представлены т. Намсараевым в Буручком и присоединены к остальным томам, находящимся во временном пользовании Ученого комитета для пользования Ганджуrom в полном объеме. В виду этого Ученый комитет просит учреждения и гр-н оказать т. Намсараеву полное содействие к выполнению возложенного на него поручения*» (Там же. Л. 45). Удостоверение подписано Председателем (БУК) Б. Барадиными заверено печатью. В деле также хранится и его копия на старомонгольской графике, подписанная секретарем Федотовым (Там же. Л. 46).

Большую ценность представляет акт о доставке Ганджура в БУК: «*АКТ. 1929 г. 21 сентября составлен настоящий акт в том, что сотрудником Буручком НАМСАРАЕВЫМ Хуца в библиотеку Буручком сдано 110 томов «Ганджура» на монгольском языке, привезенные из Чесанского дацана*». Также согласно Акту Намсараевым были сданы: «*семейный архив одного из родственников Хоринских тайшей (Жигжид Доржиева) в 4-х папках¹ и 26 связок архивных документов Галзутской управы*». Акт сдачи-приемки подписан Х. Намсараевым и библиотекарем БУКа (подпись неразборчивая – Ц. В.) (Там же. Л. 150).

Из анализа этих документов явствует следующее: 1) переговоры проводились с руководителями (настоятелем) Чесанского дацана; 2) была проверена комплектность Ганджура, обнаружившая отсутствие 11-ти томов; 3) был послан нарочный за двумя томами в Эгитуйский дацан, которые были возвращены 29–30 августа; 4) уже 7 сентября Х. Намсараев был командирован на поиски недостающих 9-ти томов; 5) между дацанами существовал широкий книгообмен; 6) исходя из того, что в комплекте ЦВРК отсутствуют 4 тома, становится ясно, что Х. Намсараев смог обнаружить 7 томов из 11-ти отсутствующих, которые были добавлены к основному комплекту. 4 тома так и остались не найденными. Согласно информации Л. Я. Ямпилова (1910–1993), эти тома хранятся в частной библиотеке в с. Ульдурга Еравнинского района. 7) Эти документы свидетельствуют о том, что не во всех дацанах были комплекты канона, что существовала активная практика предоставления отдельных томов другим дацанам для проведения хуралов почитания Ганджура и отдельным людям для переписки томов.

При последней инвентаризации было обнаружено, что в комплект был включен том Ка из раздела Юмиз другого неустановленного рукописного комплекта (ЦВРК, МГ – 111. Yum, vol. Ka). Таким образом, хранящийся у нас комплект состоит из 109, а не 110 томов, как отмечено в выше упомянутом акте приема. Полный корпус первоначально состоял из 113 томов, из которых отсутствуют 4 тома: т. Га из раздела 25-тысячной, т. Ка из раздела Виная и 2 тома из раздела Элдэб.

Сличение особенностей языка, сведений из колофонов позволяет предположить, что наш комплект является относительно ранним, составленным во второй половине XVII – начале XVIII в. и восходящим к «Золотому» Ганджуру 1628–1629 гг. из 113 томов.

Благодаря усилиям сотрудников БУКа этот уникальный рукописный монгольязычный комплект, возможно, был спасен от уничтожения в период атеистической борьбы, а наш институт сейчас обладает уникальным комплектом Ганджура, являющимся предметом гордости института.

Литература:

Введение в изучение Ганджура и Данчжура: ист.-библиографический очерк / Болсохоева Н. Д., Ванчикова Ц. П. и др. Новосибирск: Наука, 1989. 199 с.

Описание архива Хоца Намсараева / Ц.-А. Дугар-Нимаев, Т. Ц. Туденова, Б. Д. Даксанова, Г. Н. Очирова. Улан-Удэ, 1969. 85с.

Kesigtoytaqu. Ganjuur-un Mongyolorčiγuly-a-yin teükentoyimu // The Collected works of Kesigtoytaqu. In 3 vol. Huhhot, 2013. Vol. 2. Pp. 516–571.

The Tibetan Buddhist Canon [Электронный ресурс] // URL: <http://www.thlib.org/encyclopedias/literary/canons/index.php#!essay> (дата обращения: 27.03.2022).

¹ В фонде хранится 2 дела хоринских тайшей, которые будут рассмотрены в отдельной статье.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОНГОЛЬСКОГО ЭТНОСА В СОЧИНЕНИЯХ ИСТОРИКА СИРАТОРИ КУРАКИТИ

Рассмотрен вклад японского исследователя Сиратори Куракити в изучение происхождения монгольских народов. Академик Сиратори Куракити (1865–1942) – японский исследователь и педагог, представитель первого поколения выпускников и профессор Токийского императорского университета. Изучение прошлого монгольских народов было одной из основных тем научного творчества Сиратори Куракити. В ходе многолетних исследований Сиратори пришел к выводу, что происхождение монголов уходит корнями в историю сюнну, создателей первой кочевой империи. Научная позиция Сиратори неотрывно связана с политическими воззрениями академика, его взглядами на общемировые исторические процессы и с главными тенденциями в японской науке начала XX в. Монголоведческие исследования академика Сиратори в этом контексте выступают важной частью глобальной исторической картины связей между Азией и Европой.

Ключевые слова: Сиратори Куракити, монголы, сюнну, история востоковедения.

Sokolov Danil Vladimirovich
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF MONGOLS IN WRITINGS OF SHIRATORI KURAKICHI

Shiratori Kurakichi (1865–1942) was a Japanese researcher and educator, a prominent representative of the first generation of graduates and later a professor at Tokyo Imperial University. The study of the past of the Mongolian peoples was one of the main focuses of Shiratori's work. After decades of study, Shiratori came to the conclusion that roots of the origin of the Mongols go back to the Xiongnu, the creators of the first nomadic empire. Shiratori's position is inextricably linked with his political views, his views on global historical processes and with the trends dominating the Japanese academic community back to the beginning of the 20th century. In this context Shiratori's studies committed to Mongolian peoples are an important part of his original view of the relationship between Asia and Europe from a historical perspective.

Keywords: Shiratori Kurakichi, Mongols, Xiongnu, Oriental Studies.

Историк и филолог Сиратори Куракити (яп. 白鳥庫吉) известен в Японии и в мире как один из исследователей-пионеров, заложивших основы японской исторической науки в ее современном виде. Сиратори посвятил свою жизнь изучению истории, языков, мифов народов Азии: от ханьцев и корейцев до аборигенов Тайваня и тунгусо-маньчжурских племен охотников и собирателей. Обширен вклад исследователя в изучение истории монгольского этноса. На протяжении более чем трех десятилетий Сиратори Куракити изучал китайские исторические сочинения («Хань шу» 漢書, «Ши цзи» 史記 и др.) в поисках сведений о предках современных монголов и подвергал собранные данные текстологической критике.

Выводы о происхождении той или иной этнической общности, в частности, Сиратори делал на основе анализа языкового материала, дошедшей через китайские тексты лексики и данных различных китайских историко-географических сочинений, например, таких как географический трактат «Цяньхань шу» 前漢書 и т.д. Кроме того, интересно этнографическое исследование Сиратори, посвященное изучению причесок кочевников – от сюнну до киданей и монголов по сведениям из «Вэйчжи» 魏志, «Сань-го чжи» 三國志, «Ляочжи» 遼志 и других текстов. Он попытался отследить преемственность причесок этих народов и сделать выводы насчет их генеалогических связей, подкрепить результаты своих других исследований, посвященных происхождению монголов (Сиратори 1926).

В результате долгих лет исследований корни монголов Сиратори возвел к древним народам сюнну и дунху. Ведущую роль в вопросе установления родства с той или иной семьей народов сыграли его исследования в области сравнительно-исторического языкознания. Изначально он считал, что сюнну говорили на тюркском языке, а дунху – на смешанном монголо-тунгусо-маньчжурском наречии. Однако несколько раз пересмотрев результаты своего анализа и сконструировав оригинальную картину связей между кочевыми народами Северного Китая на протяжении первого тысячелетия нашей эры, Сиратори отказался от первоначальной позиции и заявил, что склонен считать, что большая часть проанализированной им лексики языка сюнну – монгольская по происхождению (Shiratori 1923: 71).

Согласно представлениям Сиратори, сюнну и дунху говорили на языках, основную часть лексики которых он интерпретировал как монгольскую, а различались эти языки степенью тунгусо-маньчжурского влияния: дунху (и их потомки сяньби, ухуань, шивэй, кумоси, кидани; проанализировано больше 140 слов), населяющие земли к востоку от хребта Большой Хинган, были сильнее подвержены этому влиянию, а живущие к западу от них сюнну (и их потомки тоба, жуань-жуань; проанализировано больше 80 лексических единиц) подверглись ему в меньшей степени (Там же).

Говоря о недостатках аналитического метода Сиратори, нельзя не отметить, что, хотя исследователь стремился как можно более точно реконструировать слова из древних языков, записанные иероглифами, и для этого, используя сообразные китайские словари рифм, воссоздавал архаичные чтения иероглифов, однако сравнивал эти реконструированные слова он в основном со словами из современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, что, конечно, наносит ущерб точности реконструкции.

Определить истинную природу древних языков, от которых дошло лишь несколько десятков или даже единиц иероглифических транскрипций слов крайне сложно. Так, единого мнения по поводу принадлежности языка сюнну не существует до сих пор, хотя в отечественной науке есть тенденция рассматривать язык сюнну как один из тюркских (Дыбо 2007: 75).

Помимо этого, с увеличением числа исследований в области археологии и генетики сюнну яснее становится расовое, этническое, и, как следствие, возможное лингвистическое разнообразие таких древних народов, как сюнну (Крадин, Кан 2013: 330–331). Возможно, сюнну никогда не говорили на каком-то едином языке. Многие важные открытия в области археологии, сравнительного языкознания, не говоря уже о генетике, совершили лишь после смерти Сиратори.

Однако, вне зависимости от вышеописанных методических недостатков исследований академика, тот факт, что Сиратори решил связать сюнну, создателей первой кочевой империи, с монголами, завоевавшими обширные пространства Евразии под предводительством Чингисхана, может объяснить, как академик видел желаемый исторический дискурс. Следует осознавать, что исследования Сиратори тесно связаны с временным контекстом. Сиратори жил в период становления Японии как великой державы, превращения бывшей полуколонии в колониальную империю. Будучи большим патриотом, человеком, приближенным к императорской семье (Сиратори преподавал историю юному наследному принцу – будущему императору Сёва), он верил в особую миссию Японии – как в политическую, так и научную. Необходимость изучать прошлое и настоящее монгольских народов Сиратори аргументировал сообразно японской мессианской идее.

Во-первых, вдохновленный победой Японии в Русско-японской войне и усилением позиций Японии на материке Сиратори отмечал, что в перспективе монгольское государство, освобожденное из-под владычества Российской империи и империи Цин, стало бы полезным союзником Японии, а потому следует углублять монгольско-японские связи, изучать монгольскую историю (Сиратори 1907: 23–24). Во-вторых, Сиратори считал, что японские ученые обладают широким исследовательским потенциалом: по сравнению с западными исследователями они имеют фору в виде сильной традиционной синологической школы, превосходно знают китайский язык, а потому должны мобилизоваться и занять главенствующие позиции в поле изучения народов Азии, потеснив европейских коллег на научном поприще (Эгами 1992: 45–46).

Интересно осмысляет итог монголоведческих исследований Сиратори американский историк японского происхождения Стефан Танака, автор исследования, посвященного во многом именно интерпретации научного вклада Сиратори и его роли в развитии японского конструкта «Востока». Пересмотрев родословную монголов, удлинив ее до глубокой древности, времен становления империи сюнну, Сиратори обращает внимание ученой публики на то, что именно кочевые азиатские народы (монголы, сюнну) повлияли на исторические процессы, сформировавшие Европу и ее цивилизацию в существующем виде, катализировав Великое переселение народов, установив новый мировой порядок – *Pax Mongolica* (Tanaka 2005: 87–89). С этой точки зрения, в своем историческом нарративе Сиратори поставил в центре хода истории азиатские народы в пике европоцентрист-

ским представлениям западных исследователей и таким образом выразил свою идеологическую позицию, попытавшись инициировать дискуссию между учеными Востока и Запада.

Литература:

Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 222 с.

Крадин Н. Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. С. 11–31.

Сиратори Куракити. Адзиа хокудзоку-но бэмпацу-ни цуитэ [亜細亜北族の辮髪に就いて] О косе у северных народов Азии (1926) // Полное собрание сочинений Сиратори Куракити: в 10 т. Токио, Иванами бунко, 1969–1971. Т. V. 1970. С. 231–301.

Сиратори Куракити. Мо:ко: миндзоку-но кигэн [蒙古民族の起源] Происхождение монгольского народа (1907) // Полное собрание сочинений Сиратори Куракити: в 10 т. Токио, Иванами бунко, 1969–1971. Т. IV. 1970. С. 23–61.

Эгами Намио и др. То:е:гаку но кэйфу [東洋学の系譜] Генеалогия востоковедения. Токио: Тайсюкан, 1992. 283 с.

Tanaka Stefan. Japan's Orient: Rendering Pasts into History. University of California press, 1995. 305 p.

Shiratori Kurakichi. Sur l'origine des Hiong-nou // Journal Asiatique, 1923. No. 1. Pp. 71–81.

*Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна
доктор исторических наук
Государственный архив Республики Бурятия
Улан-Удэ, Россия
butit62@mail.ru*

**ФОНД 357 ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
«МИХАЙЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1870–1923) – КУПЕЦ 2-Й ГИЛЬДИИ,
СТАРОСТА АШЕХАБАТСКОГО РОДА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО
ИСТОРИИ БУРЯТСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

Частные письма являются уникальным видом исторических источников личного происхождения. Как разновидность эпистолярного жанра, частные письма писались родным, друзьям, знакомым, в них рассказывали о происходивших важных событиях в мире, стране и в местности, в которой проживали, о деятельности, а также излагались мысли, переживания, чувства авторов письма. С каждым годом возрастает ценность частных писем, во-первых, это связано с тем, они хранятся в частных семейных архивах и к ним нет доступа исследователей; во-вторых, частные письма в связи с техническим прогрессом в последние два десятилетия фактически вырождаются, уступив место телефонным перепискам. Частная переписка конца XIX – начала XX вв. Андрея Михайлова (Алсыкова), видного бурятского общественного деятеля из Кудинского ведомства, имеет большую ценность как исторический источник: сохранились подлинные письма Цыбена Жамцарано, Бернгарда Петри, Василия Михайлова и др.

Ключевые слова: частное письмо, исторический источник, Андрей Михайлов, Василий Михайлов, Цыбен Жамцарано, Бернгард Петри.

*Zhalsanova Butit Tsydypmunkuevna
Doctor of Sciences in History
State Archive of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia*

**FUND 357 OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
«MIKHAILOV ANDREY MIKHAILOVICH (1870–1923) – MERCHANT OF THE 2ND GUILD,
HEADMAN OF THE ASHEKHABAT FAMILY OF IRKUTSK PROVINCE» AS A SOURCE ON THE
HISTORY OF BURYAT SOCIETIES IN THE LATE 19TH– EARLY 20TH CENTURIES**

Private letters are a unique type of historical sources of personal origin. As a kind of epistolary genre, private letters were written to relatives, friends, acquaintances, they told about important events in the world, the country and the locality in which they lived, about their activities, and also expressed the thoughts, experiences, feelings of the authors of the letter. The value of private letters increases every year, firstly, this is due to the fact that they are stored in private family archives and there is no access to them by researchers; Secondly, private letters in connection with technological progress in the last two decades have actually degenerated, giving way to telephone correspondence. Private correspondence of the late XIX - early XX centuries. Andrey Mikhailov (Alsykov), a prominent Buryat public figure from the Kudinsky department, is of great value as a historical source: original letters of Tsyben Zhamtsarano, Bernhard Petri, Vasily Mikhailov and others have been preserved.

Keywords: private letter, historical source, Andrey Mikhailov, Vasily Mikhailov, Tsyben Zhamtsarano, Bernhard Petri.

Частные письма являются уникальным видом исторических источников личного происхождения (Источникведение 1998: 640–641). С каждым годом возрастает их ценность, во-первых, это связано с тем, частная переписка редко попадает в архивы, они хранятся в частных семейных архивах и к ним нет доступа исследователей; во-вторых, частные письма в связи с техническим прогрессом в последние два десятилетия фактически вырождаются, уступив место телефонным перепискам. Именно поэтому со-

хранившаяся частная переписка конца XIX – начала XX вв. семьи видного бурятского общественного деятеля из Кудинского ведомства Андрея Михайлова (Алсыкова), которая хранится в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ), имеет большую ценность как исторический источник.

В фонде всего два дела, неизвестно, каким образом документы поступили на государственное хранение в архив, но первая учетная запись появляется в 1944 г. На письме Бернгарда Петри Андрею Михайлову от 24 апреля 1913 г. написано: «5/VII.30. Усть-Орда. Представителем Бурят-Монгольской секции ВСОРГО Хаптаевым П. Т. изъято из архива Михайловых» (ГАРБ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.193об.). Запись позволяет предположить, что в 1930 г. П. Т. Хаптаев изъял письма из семейного архива Михайловых в Усть-Орде и вывез в г. Верхнеудинск, таким образом, эти письма оказались в архиве Бурят-Монгольской АССР.

Надо отметить, что в архиве Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН хранится еще один личный фонд семьи Михайловых (№ 2) из 16 дел за 1852–1925 гг.: это личные документы, фольклорные и этнографические материалы, материалы по шаманистской мифологии, об обрядах, жертвоприношениях и т.д., документы по политическим, социально-экономическим вопросам бурят Иркутской губернии в XIX – начале XX вв. и др. (Межархивный (электронный) справочник 2015: 115–116).

Андрей Михайлов, староста 2-го Ашехабатского рода, жил в Хандатском улусе Кудинского ведомства. В 1878 г. за усердие в службе был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на груди, в 1896 г. представлен к золотой медали (ГАРБ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 13. Л. 1об.). Он являлся активным участником решения «бурятских вопросов» в конце XIX – начале XX вв. Его сын Василий Михайлов также стал известным общественным деятелем, одним из тех, кто внес определенный вклад в развитие бурятской науки и культуры. Он окончил Иркутскую гимназию и в 1903 г. поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Выдающиеся ученые В. В. Радлов, В. Л. Котвич, Л. Я. Штернберг обратили внимание на способного студента. Василию Михайлову удалось написать и опубликовать несколько интересных работ, представляющих научный интерес для исследователей. Кроме хозяйственной деятельности, Василий Михайлов занимал разные выборные должности, об этом подробно описано в предисловии к изданию его работы «Религиозная мифология» (Михайлов 1996: 3–9).

Многогранная личность Андрея и Василия Михайловых, их интерес к научным исследованиям, общественная и коммерческая деятельность послужили основой для создания семейного архива писем, часть которого оказалась в Госархиве Бурятии. В двух делах хранится 205 документов, из них в первом деле 189, во втором 16.

Письма фонда можно классифицировать на делопроизводственные и частные, в то же время надо отметить, что невозможно их четко разделить, так как служебная переписка велась с деловыми партнерами, которые одновременно являлись родственниками, друзьями, в них содержится личная информация. Все письма, кроме нескольких, атрибутированы. Кроме писем, в делах также подшиты такие документы, как приглашения от группы сибирских депутатов 3-й Государственной думы на свои собрания в Санкт-Петербурге, квитанции, счета.

На основе анализа содержания писем к частным можно отнести 85 писем, в свою очередь, их можно условно разделить на несколько групп:

- 1) 26 писем членов семьи;
- 2) 26 писем ученых и общественных деятелей Михайловым;
- 3) восемь писем земляков с Русско-японской войны;
- 4) 25 писем реквизированных бурят.

Семейная переписка семьи Михайловых свидетельствует об их повседневной жизни и показывает, что это была семья любящих людей, отношения в семье были уважительными. Переписка представлена письмами членов семьи: 11 писем от членов семьи Павлу Михайлову за 1898 г., когда он находился в Туркинских минеральных водах на лечении; 10 писем Василия Михайлова отцу, написанные во время учебы в Санкт-Петербурге (1903–1905 гг.), а также в период работы в г. Верхнеудинске (1923 г.); три письма и телеграммы Андрея Михайлова сыну Василию; два письма племянника Сергея Нефедова за 1916 г.

Особую источниковую ценность для изучения истории бурятских обществ в конце XIX – начале XX вв. представляют письма известных ученых и общественных деятелей. Это четыре письма ученого эт-

нографа Бернгарда Петри, шесть писем Цыбена Жамцарано, письма Д. П. Першина, буддийских деятелей Агвана Доржиева, Чойнзон-Доржи Иролтуева, общественных деятелей Николая Ханхасаева и др. Например, письма Б. Петри свидетельствуют не только о его научных исследованиях, но и о повседневной жизни жителей Петрограда в годы Первой мировой войны: в письме от 29 сентября 1914 г. он пишет: «Мы теперь только и живем войной. Чуть утро – уже сидим за газетами. Газеты выходят у нас 5 раз в день. Утром, в час дня, в 4 часа дня, в 7 часов вечера и 10 часов вечера. Только и делаем, что читаем газеты да говорим о войне. Кроме того, у каждого забота: то хлопочем в лазарете для раненых, то по сбору белья для солдат, то для разоренной Польши собирают теплые вещи, то устраиваю концерт для нужд войны» (ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 206).

Письма М. Бушкова рассказывают об обстановке на русско-японской войне с точки зрения солдата. Например, 1 января 1905 г. он пишет осаде Порт-Артура: «Японцы Порт-Артур взяли, 18 декабря вошли в него. Так герои Порт-Артура защищались свыше человеческих сил и вот, благодаря несчастному случаю, что неоткуда было доставить снарядов, не только продуктов, и вот по несчастному случаю пришлось сдать Герою Порт-Артур» (ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 116 об.), называя героем генерала А. Р. Стесселя, впоследствии обвиненного в сдаче Порт-Артура. Но в глазах солдат, оборонявших Порт-Артур, он остался героем.

Безусловно, 25 писем реквизированных бурят дают ценный фактический материал об истории реквизиции бурят во время Первой мировой войны, которые оказались в Архангельске, Вологде и других местностях.

Таким образом, переписка семьи Михайловых представляет ценный источниковый материал для исследователей истории страны в конце XIX – начале XX вв. и требует дальнейшего серьезного изучения.

Литература:

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 702 с.

Межархивный (электронный) справочник по фондам личного происхождения (на 1 января 2015 г.) / составители Б. Ц. Жалсанова, Н. А. Ильина, Е. Ю. Шаповал, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ, 2015. 171 с. // URL: <http://www.gbu-garb.ru/assets/files/Megharhiv%202015-%2027.12.2015.doc> (дата обращения: 09.04.2022).

Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 112 с.

Смирнов Николай Юрьевич
кандидат исторических наук
Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
kolaksais@yandex.ru

**ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ АРХЕОЛОГИ В МОНГОЛИИ
(Г. И. БОРОВКА И С. А. ТЕПЛОУХОВ): НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ¹**

В 1924–1927 гг. в Монголии сначала в рамках Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества, а затем экспедиций Монгольской комиссии СНК и Академии наук в сотрудничестве с Ученым комитетом Монголии работали или планировали вести археологические исследования два крупных советских археолога – Сергей Александрович Теплоухов и Григорий Иосифович Боровка. В статье рассматриваются недавно выявленные, либо ранее не привлекавшиеся к рассмотрению архивные материалы, связанные с их работами в качестве руководителей первых советских археологических экспедиций на территории МНР.

Ключевые слова: первые советские археологические экспедиции в Монголии, Г. И. Боровка, С. А. Теплоухов, Ноин-Ула.

Smirnov Nikolay Yurievich
Candidate of Sciences in History
The Institute for the History of Material Culture RAS
St. Petersburg, Russia

**THE FIRST SOVIET ARCHAEOLOGISTS IN MONGOLIA
(S. A. TEPLOUKHOV AND G. I. BOROVKA): NEW ARCHIVE MATERIALS**

In 1924–1927, initially within the frame of the Mongol-Tibetan expedition of the Russian Geographic Society and afterwards within the frame of expeditions of the Mongolian Commission at the Council of the Peoples' Commissars, USSR and the Academy of Sciences of the USSR in collaboration with the Scientific Committee of Mongolia, two prominent Soviet archaeologists Sergey Aleksandrovich Teploukhov and Grigoriy Iosifovich Borovka were working or planning to conduct archaeological investigations in Mongolia. This paper considers the recently revealed or never earlier discussed archive documents concerned with their activities as the leaders of the first Soviet archaeological expeditions in the territory of the Mongolian People's Republic.

Keywords: first Soviet archaeological expeditions in Mongolia, G. I. Borovka, S. A. Teploukhov, Noin-Ula.

Первые профессиональные археологические исследования в МНР связаны с именами двух крупных советских специалистов – С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, работавших в 1924 г. в составе Монголо-Тибетской экспедиции РГО под общим руководством П. К. Козлова, а в 1925–1927 гг. проводивших или планировавших проводить свои исследования в рамках взаимодействия Комиссии СНК по научному исследованию Монголии (далее – Монгольская комиссия) и Академии наук, с одной стороны, и Ученого комитета Монголии, с другой (Боровка 1925, 1927; Козлов 1925; Теплоухов 1925).

История их совместной работы с П. К. Козловым и деятельность в Монгольской комиссии в значительной степени освещены в литературе (Козлов 2003; Юсупова 2011, 2018; Елихина 2015). Сведения о

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005. Частично (в части, касающейся экспедиционных планов С. А. Теплоухова 1925–1927 гг.) – в рамках исполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

разведках и раскопках Г. И. Боровки в МНР в 1925–1926 гг. также опубликованы (Боровка 1927; Медведева, Чулуун 2017; Юсупова 2018: 92).

Иная картина складывается с предполагаемыми работами С. А. Теплоухова в 1925–1927 гг., никаких внятных сведений о них в литературе не имеется. Более того, речь всегда идет только о работах в Танну-Туве или даже прямо утверждается, что С. А. Теплоухов после 1924 г. в Монголии не бывал (например, Юсупова 2006: 86; Китова 2015: 980, 982; Медведева, Чулуун 2017: 19). Однако некоторые архивные документы, ранее не привлекавшиеся к анализу, могут пролить свет на эти все еще темные начальные страницы истории археологического сотрудничества СССР и МНР.

Научная деятельность Г. И. Боровки и С. А. Теплоухова в Монголии четко делится на два этапа. Первый (октябрь–ноябрь 1924 г.) охватывает сотрудничество с П. К. Козловым и С. А. Кондратьевым в Ноин-Уле. Исследователи возглавляют археологический отряд, снаряженный по настоянию Академии наук для ревизии полевых работ П. К. Козлова. Условия их работы — «авральные», решение о раскопках кургана № 24 принимается на месте, с целью образцово исследовать хотя бы один памятник в Ноин-Уле (Юсупова 2006: 40; 2011; Елихина 2015; Смирнов 2022). Второй этап (1925–1927 гг.) – самостоятельная и независимая друг от друга работа в рамках проекта по научному изучению Монголии, а затем и Танну-Тувы. Экспедиционным исследованиям предшествуют дипломатические переговоры, обсуждения в Монгольской комиссии, утверждение на уровне СНК планов научных работ экспедиций (Юсупова 2006, 2018; Медведева, Чулуун 2017).

Из новых архивных документов, имеющих отношение к первому этапу работ, следует упомянуть пять полевых дневников (Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 58, 60, 63, 64, 148), документально фиксирующих процесс раскопок кургана № 24 в Ноин-Уле (Сутягина, Смирнов 2021; Смирнов 2022), а также коллекцию фотоснимков (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 64–71), сделанных С. А. Теплоуховым в экспедиции (Смирнов 2022).

Новые источники дополняют наши представления об условиях и процессе исследования кургана № 24 и позволяют уточнить детали, важные для научной реконструкции погребального обряда (Сутягина, Смирнов 2021).

Из новых архивных документов, характеризующих второй этап работ советских исследователей, большинство связано с экспедиционной деятельностью С. А. Теплоухова – это планы и сметы будущих работ и переписка по организационным вопросам. В 1925 г. С. А. Теплоухов не смог поехать в Монголию и обратился к заместителю председателя Монгольской комиссии, С. Ф. Ольденбургу с просьбой перенести его работы на 1926 г. (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 13). Об исследованиях С. А. Теплоухова в Северо-Западной Монголии в 1926–1927 гг. мы знаем только из официальных документов – переписки между Монгольской комиссией, Ученым комитетом Монголии, полпредствами СССР и правительствами МНР и Танну-Тувы, а также планов и смет, составленных самим С. А. Теплоуховым. Именно Монголия должна была стать основной территорией работ С. А. Теплоухова в 1926–1927 гг. (Юсупова 2006: 82), а не Тува, «рекогносцировочное исследование» которой планировалось «по пути» в Монголию (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 35. Л. 50, 51, 53). Именно об этом свидетельствуют все доступные источники (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 21–23 об., 30, 65; Д. 35. Л. 50–56, 83; Д. 38. Л. 12–13 об., 57–59; Д. 39. Л. 152–155 и др.)¹.

О результатах работ С. А. Теплоухова в Монголии в 1926–1927 гг. до недавнего времени вообще ничего не было известно. Однако в АРЭМ мне удалось обнаружить фотоснимки, недвусмысленно свидетельствующие о том, что экспедиция под его руководством как минимум летом 1926 г. все же побывала в Северо-Западной Монголии (АРЭМ. Ф. 3, оп. 1, д. 147, л. 1–34). Это подтверждается и кратким упоминанием того, что «прошлым летом сделано было в этом отношении только разведка...» в записке о плане обследования Северо-Западной Монголии на 1927 г., направленной С. А. Теплоуховым в Монгольскую комиссию (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 23 об.). Упомянутые фотографии являются пока единственным материальным свидетельством пребывания С. А. Теплоухова и его отряда в МНР в 1926 г. Известно также, что С. А. Теплоухов планировал продолжить работы в Монголии в 1927–1928 гг., и на них выделялось государственное финансирование.

¹ Приношу свою искреннюю благодарность Н. А. Сутягиной, вовремя указавшей мне на этот корпус документов.

Литература:

Боровка Г. И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 23–40.

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Т. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Елихина Ю. И. Раскопки С. А. Теплоуховым кургана № 12(24) в Ноин-Уле в 1924 г. // Б. Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX в. Сб. ст. Мат-лы российско-монгольской науч. конф. (6–8 окт. 2014 г., Санкт-Петербург) / гл. ред. С. Чулуун. СПб.; Улан-Батор: [б. и.], 2015. С. 79–91.

Китова Л. Ю. Архивные материалы об исследованиях С. А. Теплоухова в Монголии и Туве // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. В 3-х т. Пекин: Science Press, 2015. Т. 3. С. 980–984.

Козлов П. К. Северная Монголия – Ноинулинские памятники // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 1–12.

Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926 / ред.-сост. Т. И. Юсупова. СПб.: Наука, 2003. 1039 с. (Научное наследство. Т. 30).

Медведева М. В., Чулуун С. Монголия и мир монголов 1920-х гг. / сост. М. В. Медведева, С. Чулуун. СПб.; Улан-Батор: Изд-во «Адмон принтинг», 2017. С. 18–23. (Монголия и монголы. Вып. 3).

Смирнов Н. Ю. Работа С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в составе Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством П. К. Козлова в 1924 г. Новые архивные материалы // Археологические вести. 2022. Вып. 34. С. 340–356.

Сутягина Н. А., Смирнов Н. Ю. Новые материалы о раскопках кургана № 24 в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: материалы междунар. науч. конф., посв. 85-летию д.и.н. Э. Б. Вадецкой (1936–2018) и 90-летию д.и.н. Г. А. Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 96–99.

Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.

Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953 гг.). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. 280 с.

Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Н. В. Полосьмак, Е. С. Богданов, Цэвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 9–51.

Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

Список сокращений

АВ – Археологические вести. СПб.

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

РГО — Русское географическое общество

РЭМ — Российский этнографический музей

СНК — Совет Народных Комиссаров

Полянская Оксана Николаевна
кандидат исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
polgrab@mail.ru

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В ТРУДАХ ВОСТОКОВЕДА А. М. ПОЗДНЕЕВА (1851–1920)¹

Статья отражает одно из направлений многогранной деятельности выдающегося российского монголооведа Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920) – собрание, систематизация, перевод летописного наследия монгольских народов. Особый интерес для написания истории Северной Монголии (Халхи) представляет летопись «Эрдэнийнэрихэ», обнаруженная ученым во время экспедиции по территории Монголии в 1879 г., публикация которой в 1883 г. вызвала появление критической рецензии Н. И. Веселовского, довольно широко используемой исследователями биографии и научного наследия монголооведа А. М. Позднеева, забыв об основательном ответе востоковеда на критику. Автором данной статьи приводятся выдержки из материалов, опубликованных монголоведом на критику в свой адрес, по поводу публикации части летописи, во многом объясняющие позицию А. М. Позднеева по написанию истории Халхи, используя летописи, его взвешенную оценку монгольской литературы в целом, а не негативную, как представляли рецензенты. Богатейшие коллекции рукописей и ксилографов, составившие «Фонд А. М. Позднеева» научной библиотеки Санкт-Петербургского университета, способствовали формированию новых направлений в монголоведении – лингвистическому, сравнительно-историческому, стали основой для фундаментальных работ по истории и культуре кочевой цивилизации.

Ключевые слова: монголоведение в России, А. М. Позднеев, Санкт-Петербургский университет, Монголия, летописи, Н. И. Веселовский.

Polyanskaya Oksana Nikolaevna
Candidate of Sciences in History
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

HISTORY OF LITERATURE OF THE MONGOLIC PEOPLES IN THE WORKS BY ORIENTALIST A. M. POZDNEYEV (1851–1920)

The article analyzes one of the areas of the multifarious activities of an outstanding Russian specialist in Mongolian Studies Aleksey Matveyevich Pozdnev (1851–1920). It is collection, systematization, and translation of the annalistic heritage of the Mongolic peoples. A. M. Pozdnev is a researcher of the greatest monument of ancient Mongolian literature “The Secret History of the Mongols”. The chronicle “Erdeniin erikhe (The Precious Beads)”, discovered by a scientist during an expedition through the territory of Mongolia in 1879 was of particular interest for writing the history of Northern Mongolia (Khalkha). Its publication in 1883 draw criticism by N. I. Veselovsky, and researchers of the biography and scientific works by A. M. Pozdnev widely used that critical review, having forgotten the thorough response of the Orientalist to criticism. In this paper the author quotes extracts from the materials published by the Mongolian scholar in response to criticism in his address, which largely explain A. M. Pozdnev’s view on writing the history of Khalkha using chronicles, his balanced assessment of the Mongolian literature in general, not negative, as the reviewers presented. Further research of the manuscripts and xylographs that enlarged “A. M. Pozdnev’s Collection” in the scientific library of St. Petersburg University contributed to the development of new trends in Mongolian Studies – lin-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

guistic, comparative and historical, and became the blueprint for fundamental works on the history and culture of nomadic civilization.

Keywords: Mongolian studies in Russia, A. M. Pozdneev, St. Petersburg University, Mongolia, annals, N. I. Veselovsky.

Научная деятельность монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева началась в 70-гг. XIX в. – студенческие годы исследователя, которые прошли в стенах Санкт-Петербургского университета. По инициативе руководства университета состоялись и первые научные командировки А. Позднеева, сначала в калмыцкие степи, а затем в Монголию, Китай. Одним из результатов экспедиций является богатейшая коллекция монгольских, калмыцких, тибетских, маньчжурских и китайских книг, которые сейчас хранятся в библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Успенский 2003: 19). Богатство восточной коллекции – это труд нескольких поколений монголоведов, по объему и разнообразию представленных произведений особенно выделяются собрания О. М. Ковалевского и А. М. Позднеева.

А. М. Позднеев ставил перед собой задачи не только сбора рукописей, летописей монголов, но и проводил большую работу по подготовке этих материалов для публикации. Летописи – это важный источник для написания истории Халхи, написать которую (к 1880-м гг.) еще, по мнению А. М. Позднеева, не было возможности. Он предлагал издать материалы для написания этой истории «то есть, представить точные выписки из летописных и исторических монгольских, маньчжурских и китайских сочинений, приведя их, конечно, в соответствующий хронологический порядок» (Позднеев 1884: 275), для этого все факты сопоставлял со сведениями, представленными в китайских источниках, «в большинстве случаев они составляют именно дословный перевод их», – пишет А. М. Позднеев. Публикация летописи «Эрдэнийн эрхэ» вводит «новые данные для истории, передать своим читателям сведения, взгляды и понятия Востока» (Позднеев 1884: 278).

Точный перевод представлял собой определенную трудность: «Язык, на котором написаны летописи монголов, на столько отличны от литературного и разговорного языка монголов, что знающий все ... все-таки не будет в состоянии правильно прочесть представленных летописей. Этот язык, как например, и язык современных монгольских законов, воспринял в себе столько китаизма по словоупотреблению, по конструкции речи и всему прочему, что понимать его можно не иначе, как зная китайский язык и усвоив себе отношение китайского языка к монгольскому» (Позднеев 1884: 303). С этой стороны работа А. М. Позднеева по переводу, подготовке к публикации, летописи «Эрдэнийн эрхэ» имела важное значение для дальнейшего изучения истории Монголии: «разбирать данные восточных историков, слышать их хотя бы с показаниями европейских путешественников или какими-либо сведениями, добываемыми из архивов, оценивать по достоинству то или другое известие ... – это уже легче» (Позднеев 1884: 278). Данные выдержки из ответа А. Позднеева на критику Н. И. Веселовского показывают основную цель издания летописи – предоставить материал, а не писать историю. Критик обвиняет монголоведа в допущении неточностей, неправильной интерпретации исторических событий (Веселовский 1884: 258), что тоже представляется несостоятельным после скрупулезного анализа А. Позднеевым каждого замечания.

Из «Ответа Н. И. Веселовскому» можно узнать и оценку монголоведом Позднеевым в целом монгольской литературы и, в частности, летописи «Эрдэнийн эрхэ», благодаря находке которой «теперь мы можем указать на все главнейшие события, случившиеся за это время в жизни халхасов» (Позднеев 1884: 270–271). Дав высокую оценку летописи Галдана, монголоведа говорит о ее документальной основе: «не только множество печатных и рукописных исторических сочинений, но и еще архивные бумаги» «из главнейших монгольских архивов» – ургинского, улясутаевского и кобдоского. Эти факты приводит А. М. Позднеев на возражения Н. И. Веселовского о значимости летописи, ее необходимом изучении и уникальности как источника, последний же указывал на ее краткость (Веселовский 1884: 239). Алексей Матвеевич называет летопись Галдана малосодержательной, объясняя это отсутствием в летописи подробного описания событий, но это не дает право относить ее к малозначимым, как и все другие летописи монголов (Позднеев 1884: 274–275), «По массе занесенных в нее событий она является несомненно превосходящею все другие памятники монгольской историографии» (Позднеев 1884: 274–275).

Рассмотрение «Ответа Н. И. Веселовскому» А. М. Позднеева позволяет более подробно увидеть историю изучения монгольских летописей как важную составляющую развития монголоведения в России,

создание источниковой базы по истории и культуре монгольских народов, ставшей предтечей многих фундаментальных работ в дальнейшем. И ключевая роль в формировании коллекции рукописей на восточных языках, их переводы, публикация принадлежит А. М. Поздневу. Несмотря на критику в его адрес, последующие поколения монголоведов будут проводить исследования, основываясь на материалах из его экспедиций. Критик Н. И. Веселовский в предисловии к хрестоматии А. М. Позднеева в последствии напишет: «стало быть А. М. Позднеев открыл такие произведения монгольской литературы, о существовании которых до него никто и не подозревал, и поместил их в своей Хрестоматии, которая ... не только принадлежит к числу учебных пособий, но является прямо научным вкладом» (Монгольская хрестоматия ... 1900: 18).

Литература:

Веселовский Н. И. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себематериалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. А. Позднеева. СПб. 1883 // Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. 1884. Ч. ССXXXVI. С. 237–262.

Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым, бывшим ординарным профессором С.-Петербургского университета, ныне директором Восточного института в г. Владивостоке. С предисловием профессора Н. И. Веселовского. СПб., 1900. 416 с.

Позднеев А. М. Ответ Н. И. Веселовскому // Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. 1884. Ч. ССXXXIII. С. 269–304.

Успенский В. Л. Монгольские, ойрастские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева // *Mongolica*–VI: сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 19–23.

*Лиштованный Евгений Иванович
доктор исторических наук
Иркутск, Россия
evgenilishtovanni@mail.ru*

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНУМОВ ЦК МНРП КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ 1940-х гг.

В статье решения пленумов ЦК МНРП военных лет рассматриваются в качестве исторического источника социально-политической и экономической жизни Монголии в период 1941–1945 гг. Для примера взяты материалы пленума ЦК МНРП 1941 г., сыгравшего исключительно важную роль в кадровом укреплении МНРП и переводе народного хозяйства страны на военные рельсы.

Ключевые слова: Монголия, пленумы партии, социально-политическая история.

*Lishtovanni Evgeny Ivanovich
Doctor of Sciences in History
Irkutsk, Russia*

MATERIALS OF THE PLENUMS OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE MPRP AS A SOURCE ON SOCIO-POLITICAL HISTORY OF MONGOLIA 1940-s

In the article the decisions of the plenums of the Central Committee of the MPRP of the war years are considered as a historical source of the socio-political and economic life of Mongolia in the period 1941–1945. As an example, materials are taken from the Plenum of the Central Committee of the MPRP in 1941, which played an exceptionally important role in strengthening the personnel of the MPRP and transferring the national economy of the country to a military footing.

Keywords: Mongolia, party plenums, social and political history.

Во время работы советником по политическим вопросам Посольства России в Монголии мне удалось ознакомиться с весьма интересными документами – копиями материалов пленумов ЦК МНРП 1940-х гг., а также статистическими данными по выполнению годовых народнохозяйственных планов военных лет. Ценность такого рода источников состоит в том, что с пометкой «для служебного пользования» материалы на русском языке сохранились без каких-либо купюр и представляют безусловный интерес для специалистов самых разных областей. Кроме того, в качестве приложения присутствуют подробные дневники пленумов с поименным списком и указанием должностей выступивших.

В начале 1940-х гг. к власти в Монголии пришло новое поколение политиков. Как отмечают исследователи, «самой заметной фигурой среди них был 24-летний Ю. Цеденбал, избранный в апреле 1940 г. генеральным секретарем ЦК МНРП. Вторым секретарем ЦК МНРП был избран Ч. Сурэнжав... Приход молодых партийцев в руководство страной привел к новой кадровой политике» (Монголия во Второй Мировой войне 2011: 4). Именно этим двум партийным функционерам Х. Чойбалсан доверил организацию и проведение ноябрьского пленума ЦК МНРП 1941 г.

Первым выступил Ю. Цеденбал с докладом «О проведении и обмене партийных документов членов и кандидатов МНРП». Вторым заслушали Ч. Сурэнжава с докладом «О повышении качества агитационно-массовой работы партийных организаций и изменении форм и методов их в соответствии с текущим моментом». Подытожил пленарные выступления сам Х. Чойбалсан, заострив внимание делегатов на теме использования местных ресурсов МНР в производстве товаров широкого потребления. Пленум собрался во время, когда Советский Союз ценою огромных жертв сдерживал наступление немецких войск под Москвой. В этой связи почти каждый выступавший на пленуме (всего в прениях выступило 112 человек) считал своим долгом выразить поддержку борьбе советского народа.

Партийный форум стал важнейшей вехой в деле укрепления позиций МНРП в стране. Ю. Цеденбал, в своем 23-страничном докладе подверг резкой критике состояние дел в сфере учета партийных кадров. Был сделан акцент на не оправдавшей себя практике массового приема в партию в период 1920–1930-х гг. По словам Ю. Цеденбала, в ряде парторганизаций партучет не проводился вовсе, а желающие «приобщиться» к партии просто на словах или по письменному подтверждению знакомого человека могли объявить себя членами МНРП. Как выразился докладчик, «у нас есть идиотская болезнь доверять любой бумажке и всяким заявлениям каждого» (Пленум ЦК МНРП: 4).

По докладу была принята резолюция, которая предельно жестко регламентировала весь процесс кадровой работы. Был разработан новый образец партбилета и кандидатской карточки, определены условия их выдачи и хранения, пошагово расписаны действия местных и центральных партийных органов, направленные на наведение порядка в деле учета членов МНРП. Пленум дал старт обмену партийных документов, о чем было заявлено в решении ЦК МНРП еще в феврале 1941 г. В деле партстроительства Ю. Цеденбал успешно использовал советский опыт, в кратчайшие сроки став одним из самых грамотных партийных функционеров в стране, что в немалой степени в дальнейшем повлияет на его долголетие в качестве лидера МНРП и руководителя государства.

С характеристики текущей международной обстановки начал свой доклад второй секретарь МНРП Ч. Сурэнжав, подчеркнув, что времени на перестройку всего хозяйства на военный лад остается все меньше – «опасность войны вплотную приблизилась к Монголии» (Пленум ЦК МНРП: 2). Весьма пространный (32 страницы) доклад партийного идеолога продемонстрировал многочисленные упущения в агитационно-массовой работе парторганизаций с населением. Так отмечалось, что из 15400 агитаторов 25% «не умеют даже читать и писать» (Там же: 58), а руководящие работники ряда аймаков вообще не читают ни газет, ни журналов. Бытовала, по словам Ч. Сурэнжава, «теория» о том, что неграмотные пропагандисты даже лучше – они более исполнительные и аккуратные. Очевидно в силу этой «теории», подчеркивал докладчик, из 3875 врачей, учителей, агрономов и других работников «интеллигентного» труда, способных быть агитаторами, к агитработе привлечено только 1218 человек (Там же: 59).

Ч. Сурэнжав констатировал, что крайне слаба агитационно-массовая работа среди различных национальностей, населяющих Монголию. Нет газеты на казахском языке, а среди китайцев айкомы и горкомы вовсе не ведут пропагандистской деятельности. Предлагалось наладить работу с русскими и бурятами. В докладе подчеркивалось, что «это население в совершенстве знает сельское хозяйство, умеет пахать, сеять, выращивать овощи и может принести очень большую пользу в выполнении народно-хозяйственных планов» (Пленум ЦК МНРП: 61–62). В ряде выступлений был затронут религиозный вопрос. Так представитель от МВД подверг критике существующие традиционные обряды. Он сетовал, например, что в праздник «Зул» на 300 дворов для сжигания в лампадах расходуется около 2 тонн топленого масла – в масштабах страны наносится колоссальный ущерб государству (Там же: 254).

Серьезные недочеты в агитработе выявились также среди женщин, ревсомольцев, членов кустарно-промышленной и потребительской кооперации. Выход виделся в ликвидации неграмотности, увеличении выпуска художественной литературы, усилении работы народных театров, кинопередвижек, «красных» юрт, увеличении количества радиоточек и протяженности телеграфных линий. По данным Управления планирования, учета и контроля при Совете министров МНР, в 1941 г. протяженность телеграфных линий в стране составляла 11312 км, насчитывалось 12 радиоузлов, 5500 радиоточек, действовало 16 аймачных и городских клубов, 21 кинопередвижка, 23 «красных» юрты (Выполнение плана развития: 84, 149).

С заключительным докладом выступил Х. Чойбалсан. Маршал нацелил партийцев на обязательное, но одновременно и рачительное использование местных ресурсов для производства товаров ширпотреба. Доклад красной нитью пронизывала идея о необходимости поэтапного отказа от импорта, естественно, главным образом советского. Только за период 1935–1940 гг. объем товаров, поставляющихся из СССР, возрос в 5 раз (История Монгольской Народной Республики 1983: 383).

Надо сказать, что определенные успехи в создании национальной промышленности были достигнуты уже к началу 1940-х гг. Х. Чойбалсан доложил об освоении предприятиями кустарно-промышленной кооперации производства более 60 видов новых товаров. Предприятиями Минпромстроя также было освоено более 35 новых видов изделий. Среди них седла, хомуты, печные приборы, мужская, женская и детская обувь, детские костюмы и многое другое (Пленум ЦК МНРП: 91). Примечательно, что практически все эти товары в Монголии прежде не производились.

По сути, в условиях военного времени пленум сформулировал задачи коренной перестройки народного хозяйства страны. Начавшееся в Монголии движение по оказанию помощи Советскому Союзу стимулировало и поиск путей для увеличения собственного производства.

Литература:

Выполнение плана развития народного хозяйства МНР за 1941 г. и план на 1942 г. Посольство СССР в МНР, 1942. 179 с.

История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983. 661 с.

Монголия во Второй мировой войне: Фотоальбом / Науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2011. 96 с.

Пленум ЦК МНРП 17–22 ноября 1941 г. Посольство СССР в МНР, 1941. 405 с.

Курас Леонид Владимирович
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
kuraslv@yandex.ru

Цыбенев Базар Догсонович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
bazar75@mail.ru

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ О. И. МАКСТЕНЕКА¹

Статья посвящена изучению архивных материалов, связанных с революционной деятельностью советского дипломата, первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека, внесшего существенный вклад в осуществление Монгольской революции 1921 г. Авторами проведен анализ архивных дел, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). В работе исследованы также документы из фондов зарубежных архивов: архива Министерства иностранных дел Монголии (АВМД), Государственного исторического архива Латвийского Национального архива (ЛНА). Архивные документы дают детальное представление о жизни и деятельности Макстенека и в целом о революционных событиях первой четверти XX в. в Лифляндии, Иркутской губернии, Забайкалье и Монголии.

Ключевые слова: О. И. Макстенок, архивные материалы, революционная деятельность, Троицкосавск.

Kuras Leonid Vladimirovich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Tsybenov Bazar Dogsonovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

NEW ARCHIVE DOCUMENTS ON THE REVOLUTIONARY ACTIVITIES OF O. I. MAKSTENEK

The article is devoted to the study of archival materials related to the revolutionary activities of the Soviet diplomat, the first authorized People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek, who made a significant contribution to the implementation of the Mongolian revolution of 1921. The authors analyzed archival documents stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation (GA RF), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF), the State Archive of the Khabarovsk Territory (GANK). The work also examined documents from the funds of foreign archives: the archive of the Ministry of Foreign Affairs of Mongolia (AMFM), the State Historical Archive of the Latvian National Archives (LNA). Archival documents kept the memory of

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МинОКН) в рамках научно-исследовательского проекта № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)».

the life and work of Makstenek, who participated in the revolutionary events in Livonia, the Irkutsk province, Transbaikalia and Mongolia in the first quarter of the 20th century.

Keywords: O. I. Makstenek, archival materials, revolutionary activity, Troitskosavsk.

Революционная деятельность О. И. Макстенека, первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии (1920–1921 гг.), до последнего времени была малоизученной российской исторической наукой. Прорывным в изучении и оценке деятельности Макстенека стал 2020 г., когда в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» сотрудниками ИМБТ СО РАН и Института истории и этнологии Монгольской академии наук стали проводиться планомерные исследования. Российско-монгольским научным коллективом было выяснено, что основная масса информации о нем хранится в фондах российских и зарубежных архивохранилищ. Первым архивным документом, положившим начало дальнейшим изысканиям, стали «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.». Источник находится на хранении в архиве Министерства иностранных дел Монголии (АМИДМ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57). Этот документ позволил составить портрет О. И. Макстенека как советского дипломата и проследить особенности его многосторонней деятельности в Троицкосавске. Итоги этого нашли отражение в научной периодике, сборниках статей, разделах коллективных монографий (Хишигт и др. 2020: 305–317; Курас, Цыбенков 2020: 83–90; Курас, Цыбенков 2021б: 42–47; Курас, Цыбенков 2021а: 113–121; Цыбенков, Курас 2021: 63–69).

Особую ценность представляют документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Национального архива Латвии (ЛНА), в которых раскрывается революционная деятельность нашего героя. В своей автобиографии Макстенека указывал, что родился в 1875 г. в Лифляндии (территория на границе Латвии и Эстонии). Его отец работал в Стомерском волостном правлении Залкского уезда рассыльным, разносил по волости повестки, бумаги и почту. Родители рано научили его грамоте и когда ему было семь лет, он уже читал книги. В девятилетнем возрасте Макстенека был определен в сельское училище. И поскольку занятия в сельских школах проводились только зимой, он прошел так называемый «трехзимний» курс обучения. Русский язык в школе не учили. Отец Макстенека не мог содержать семью на одно жалованье, поэтому подрабатывал в свободные часы и по ночам, столярничал (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 13). В 1902 г. Макстенека, работавший писарем в волостном суде, впервые ознакомился с нелегальной революционной литературой. В 1905–1906 гг. он принял активное участие в революционных событиях, был председателем революционного комитета, действовавшего в Крауклинской волости (ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 130). Скрываясь от властей, он был вынужден переехать в Ригу и затем в Санкт-Петербург (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 11–12). С 1906 г. работал в канцелярии Санкт-Петербургского окружного суда, участвовал в организации социал-демократической латышской группы (ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 130). 12 августа 1908 г. Макстенека был арестован в Санкт-Петербурге. В начале мая 1909 г. Военным судом г. Ревеле он был приговорен к каторге. 30 июля 1909 г. Макстенека подал прошение о помиловании по случаю приезда в Ревель императора Николая II (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 85 об.).

В каторжной тюрьме он находился с 1909 г. по конец 1913 г.: из Ревеля был переведен в Рижский централ, оттуда в Бутырскую тюрьму в Москве. В ноябре 1913 г. Макстенека прибыл на поселение в село Знаменское Иркутской губернии. Весной 1914 г. тайно прибыл в Читу по чужому паспорту, устроился практикантом в магазин К-о Зингера. Осенью 1914 г. в Троицкосавске он был изобличен как беглый ссыльнопоселенец и выслан обратно в с. Знаменское. Однако вскоре Макстенека снова бежал в г. Иркутск, где получил право на официальное проживание в с. Тальцы Иркутской губернии. С 1916 по 1918 гг. Макстенека работал на Покровском стекольном заводе на должностях бухгалтера, счетовода, кассира. В январе 1918 г. он был вызван Иркутским губисполкомом и назначен комиссаром акцизного управления Иркутской губернии и Якутской области. С конца 1918 по 1920 гг. находился вместе с бывшим секретарем Иркутского губкома К. К. Некунде (впоследствии известным руководителем партизанского отряда К. К. Байкаловым – *авт.*), помогал в создании отряда, заведовал хозяйственной частью (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 9–10, 51).

Апогеем, своеобразной кульминацией революционной деятельности О. И. Макстенека по праву можно считать работу на посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии. Она подробно изложена в документе «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», хранящемся в архиве Министерства иностранных дел Монголии (АМИДМ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57), который был введен нами в научный оборот (Хишигт и др. 2020: 305–317).

Деятельность О. И. Макстенека на посту уполномоченного находит отражение в документах Архива внешней политики России (АВП РФ). В одной из докладных записок вышестоящему начальству Макстенека, остановившийся в Троицкосавске, отмечал, что «в течение лета много проследовало конспиративно советских работников, тайных агентов, членов монгольской организации и других на восток и с востока... Я давал практические указания, устраивал с надежными ямщиками, отправлял информацию и пр.» (АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 1. Пор. № 1. Папка 101. Л. 149 об.). Связи Макстенека с монгольскими революционерами были тесными и дружескими, о чем свидетельствует первый учредительный съезд Монгольской народной партии в марте 1921 г., состоявшийся в его служебном кабинете. В то же время деятельность уполномоченного НКВД РСФСР и его позиция по ряду вопросов обострили отношения с руководством ДВР и троицкосавскими коммунистами. Так, в апреле 1921 г. было вынесено постановление об отзыве О. И. Макстенека с занимаемой должности (ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 283. Л. 53).

Таким образом, нами впервые введен в научный оборот комплекс архивных документов, хранящихся в архивохранилищах России, Монголии и Латвии, связанных с именем О. И. Макстенека, охвативших период его революционной и дипломатической деятельности.

Литература:

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенека: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 83–90.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Первый уполномоченный НКВД РСФСР О. И. Макстенека в Монголии: к 100-летию Монгольской революции 1921 г. // 1921 оны ардын хувьсгал – 100 жил: түүх ба орчин үе (Народной революции 1921 г. – 100 лет: история и современность) / эмхэтгэсэн: Н. Хишигт, Ч. Батдорж, Г. Цэрэндорж, Ц. Энхжаргал. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021а. С. 113–121.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. У истоков двусторонних отношений России и Монголии: деятельность О. И. Макстенека, первого Уполномоченного Наркоминдел в Монголии // Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества / сост. и отв. ред. И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021б. С. 42–47.

Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенека: у истоков монгольской революции 1921 г. // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.

Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. «Как-то странно звучит слово “дипломатия” в устах коммуниста...»: о дипломатической деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека // Россия – Монголия: 100 лет вместе: материалы межд. науч. конф., посв. 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 63–69.

*Матвеев Алексей Андреевич
Иркутский областной краеведческий музей
Иркутск, Россия
aleksei.matveev01@yandex.ru*

РОЛЬ БАРОНА Р. Ф. УНГЕРНА В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ МОНГОЛИИ В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматривается роль Р. Ф. Унгерна в борьбе за независимость Монголии по мнению советских и российских исследователей.

Ключевые слова: Р. Ф. Унгерн, Коминтерн, Монгольская революция, ДВР, Монголия.

*Matveev Alexey Andreevich
Irkutsk Regional Museum of Local Lore
Irkutsk, Russia*

THE ROLE OF BARON R.F. UNGERN IN THE STRUGGLE FOR THE INDEPENDENCE OF MONGOLIA IN THE ASSESSMENTS OF SOVIET AND RUSSIAN RESEARCHERS

The article discusses the role of R. F. Ungern in the struggle for the independence of Mongolia according to Soviet and Russian researchers.

Keywords: R.F. Ungern, Comintern, Mongolian Revolution, FER, Mongolia.

В российской исторической науке происходит переосмысление событий Монгольской революции 1921 г. и Гражданской войны в России. Самой неоднозначной фигурой этого периода является Р.Ф. Унгерн. Уже в советское время среди исследователей появилось мнение, что его поход на Ургу способствовал в приобретению Монголией независимости в 1921 г.

Поход Р.Ф. Унгерна в Монголию в советской научной литературе описывался как операция японской агентурной сети или психическое сумасшествие самого барона. Такой тон был задан советской агитацией еще в 1920-х гг., в разведсводках 5 армии, аналитической литературе издаваемой Дальневосточным Секретариатом Коминтерна в журнале «Народы Дальнего Востока» и «Бюллетене Дальневосточного Секретариата Коминтерна» под руководством Б. З. Шумяцкого.

С августа 1921 г. в газете «Дальне-Восточный телеграф» на некоторое время была введена рубрика «Унгеровщина» (Унгерновщина 1921: 3). Агитационная машина молодого советского государства хотела донести до граждан принципиальную идею о том, что Унгерн – бандит и японская марионетка.

В 1922 г. в Петербурге вышла работа Е. М. Ярославского «Барон Роман Унгерн-фон-Штернберг», где, автор, ссылаясь на письма барона и другие источники, рассматривал панasiatские и монархические идеи Р.Ф. Унгерна. В трудах Е. М. Ярославского продолжается линия Унгерн – бандит – марионетка Японии. Освященные им темы в дальнейшем получают развитие в более поздних советских и российских исследованиях (Ярославский 1922: 16).

Барону Р. Ф. Унгерну посвящены журнальные статьи советских историков: И. Строда (Строд 1926), А. Н. Кислова. По большей части все они соответствуют курсу, начатому Б. З. Шумяцким. Публикация А. Н. Кислова «Разгром Унгерна» была издана в журнале «Война и революция», где на основе архивных документов, разведсводок 5 армии впервые были приведены данные о составе и численности войск Р. Ф. Унгерна, обозначив эту цифру в 10,5 тыс. человек (Кислов 1931: 30). Приведенные данные о численности белогвардейских войск будут растиражированы в последующих публикациях. В 1964 г. этот труд вышел уже в виде монографии, где более детально рассматривались зверства войск Р. Ф. Унгерна.

Нельзя не упомянуть мемуары, изданные участниками тех событий, к которым относятся Д. П. Першин и офицеры Конно-Азиатской дивизии Ф. А. Осендовский (Осендовский 1922: 261), А. С. Макеев (Макеев 1934: 143), Н. Н. Князев, М.Г. Торновский (Князев 2016: 323). Всех этих авторов связывает признание роли Р.Ф. Унгерна как фигуры, способствовавшей приобретению Монголией независимости от Китая в 1921 г.

В первой половине XX в. в исторических исследованиях, посвященных Гражданской войне и революции в Монголии Р. Ф. Унгерн рассматривался как часть японского плана по захвату Дальнего Востока. Всякое упоминание и намеки, рассматривающие его борьбу с китайским корпусом в Урге, дающие его личностные характеристики, нередко подвергались критике.

В монографии Б. Д. Цибилова «Разгром унгеровщины», вышедшей в 1947 г., достаточно ярко представлен политический портрет Р. Ф. Унгерна (Цибилов 1947: 180). Эта работа хоть и соответствовала общим идеологическим настроениям того времени, но в 1948 г. получила критику в авторитетном советском журнале «Вопросы истории». Рецензент Г. Е. Рейхберг упрекал Б. Д. Цибилова: «В последующих главах автор должен был шире обрисовать международную обстановку и планы интервентов в отношении Советской России в 1921 году. <...> Именно на это и должен был сделать упор автор в своей книге и меньше уделять внимание фигуре самого Унгерна, типичной марионетки в руках японских милитаристов» (Рейхберг 1948: 151).

Оценка деятельности Р. Ф. Унгерна и отсутствие плюрализма в исторической науке отразились на всех последующих исследованиях. Одним из первых авторов, признавших его роль в приобретении Монголией независимости, является А. В. Бурдуков. Он занимает особое место среди участников монгольской революции 1921 г. и свидетелей походов Р. Ф. Унгерна. Его работа «В старой и новой Монголии» была написана в 1920-е гг., но опубликована лишь в 1969 г. Она была издана при непосредственном участии иркутского историка-монголоведа Е. М. Даревской. Автор признает, что Р. Ф. Унгерн восстановил монархию, но настоящую независимость народу Монголии принесла лишь революция (Бурдуков 1969: 419). Из наиболее известных также следует выделить работы Г. Ф. Кунгурова и И. А. Сороковикова «Аратская революция» 1946 и 1957 г. И. А. Сороковиков был участником Монгольской революции 1921 г. (Кунгуров 1957: 208).

В России новый взгляд на Р. Ф. Унгерна появился в 90-е гг. XX столетия, авторы постсоветского периода имели возможность использовать ранее недоступные источники. Следует отметить Е. А. Белова, который при всем негативе к Унгерну в своем исследовании «Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг.» признает, что он восстановил монархию в Монголии и отрицает его зависимость от японского командования (Белов 2003: 319).

Религиозные оккультизм, созданный вокруг личности барона Р. Ф. Унгерна, наиболее широко рассматривается в книге И. И. Ломакиной «Грозные махакалы Востока» вышедшей в 2003 г. (Ломакина 2004). Колоссальную работу в деле изучения Р. Ф. Унгерна проделал С. Л. Кузьмин. В 2004 г. выходит его труд «Барон Унгерн в документах и мемуарах», в 2013 г. расширенная работа «Барон Унгерн: опыт реконструкции», общим объемом в 1300 страниц, где кроме новых архивных материалов о бароне были опубликованы данные о Богдо-Гэгэне VIII, белогвардейских отрядах в Монголии. Он признает вклад Р. Ф. Унгерна в дело независимости Монголии, что подкрепляется мощной источниковой базой (Кузьмин 2011).

Отдельную статью панмонголистским идеям Г. М. Семенова и Р. Ф. Унгерна посвятил Л. В. Курас. Автор указывает, что план Р. Ф. Унгерна в создании панмонгольского государства был провален в связи с его аморфностью, он не учитывал интересов монголов, призывая восстановить Маньчжурскую империю, что подразумевало ликвидацию независимости Монголии (Курас 2011).

Десятки статей российских ученых были посвящены различным аспектам пребывания Р. Ф. Унгерна в Монголии и его Конно-Азиатской дивизии: Каревский А. А. «Символика Азиатской конной дивизии» (Каревский 2005); Михалев А. В. «Бог войны, или память о “черном бароне” в правом дискурсе современной России» (Михалев 2018), Уланов М. С. «Барон Унгерн и буддизм» (Уланов 2006) и др.

Современные российские историки предпочитают рассматривать Р. Ф. Унгерна как монархиста, евразийца, предвестника фашизма, наиболее распространенной темой исследований являются мифы и факты о белогвардейском лидере. Практически все авторы признают его ключевую роль в приобретении Монголией независимости.

Литература:

Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М.: Аграф, 2003. 238 с.

Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии: Воспоминания. Письма / комм. Е. М. Даревской. М.: Наука, 1969. 418 с.

- Каревский А. А. К вопросу о символике Азиатской дивизии // Белая гвардия. №8. Казачество России в Белом движении. 2005. С. 185–192.
- Кислов А. Н. Ликвидация Унгерна // Война и революция. 1931. Кн. 3.
- Князев Н. Н. Легендарный барон. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 323 с.
- Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. Товарищество научных изданий КМК. М, 2011. 660 с.
- Кунгуров Г. Ф., Сороковиков И. А. Аратская революция: исторический очерк. Иркутск: Иркутскоблиздат, 1957. 208 с.
- Курас Л. В. Атаман Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 167–172.
- Ломакина И. И. Грозные Махакалы Востока. М.: Эксмо, 2004. 384 с.
- Макеев А. С. Бог Войны-Барон Унгерн. Шанхай: Книгоизд-во А. П. Малык и В. П. Камкина, 1934. С. 145 с.
- Михалев А. В. Бог войны, или Память о «Черном бароне» в правом дискурсе современной России // Политическая наука. 2018. № 3. С. 129–146.
- Оссендовский Ф. И. Люди, и звери, и боги. М.: Академия, 1994. 328 с.
- Рейхберг Г. Е. Рецензия на книгу Б. Цибикова «Разгром Унгерновщины» // Вопросы истории. 1948. №12. С. 151–152.
- Строд И. Я. Унгерновщина и Семеновщина // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 98–149.
- Уланов М. С. Барон Унгерн и буддизм // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2008. С. 31–36.
- Унгерновщина // Дальне-Восточный телеграф. Чита. 1921. № 41.
- Цибиков Б. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1947. 160 с.
- Ярославский Е. М. Барон Роман Унгерн-фон-Штернберг. СПб., 1922.

АРХИВ КАК ЗЕРКАЛО ТУВИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье представлены главные архивные документы Тувы, отражающие важнейшие исторические моменты по становлению и развитию Тувинской Аратской Республики, Тувинской автономной области в составе СССР, Тувинской АССР, Республики Тыва. Источниковой базой послужили документальные материалы из фондов Национального архива Республики Тыва, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Ключевые слова: архив, история архивного дела, Тувинская Народная Республика, Национальный архив Республики Тыва.

Munge Belekmaa Vladimirovna
National Archives of the Republic of Tyva
Kyzyl, Russia

ARCHIVE AS A REFLECTOR OF TUVAN STATEHOOD

The paper presents major archival documents of Tuva reflecting landmark moments in the rise and development of the Tuvan People's Republic, Tuvan Autonomous Oblast as a part of the USSR, Tuvan ASSR, and the Republic of Tyva. The author used documents from the funds of the National Archive of the Republic of Tyva, Russian State Archive of Socio-Political History, and Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.

Keywords: archive, history of archival affairs, Tuvan People's Republic, National Archive of the Republic of Tyva.

Исторически сложилось, что возникновение архивов тесно связано с появлением государства и началом его хозяйственной деятельности. Хозяйственные архивы, хранившие материальные документы, постепенно эволюционировали в архивы управления и канцелярии. Современные архивы, являясь основным хранилищем документального наследия, выступают атрибутом государственности, ее правовым гарантом.

Начиная с середины XVIII в. до 1911 г. Тува находилась под властью императорского Китая маньчжурской династии Цин. Маньчжурские правители свое руководство Тувой осуществляли через главного правителя Танну-Урянхая, который действовал через хошунные канцелярии (*чазан*), где имелись свои писари (*бижээчи*). Все делопроизводство Управления амбын-нойона велось на старописьменном монгольском языке, которым владели ламы, представители верховной власти. Также хранилищами документальных материалов являлись *хурээ* – буддийские монастыри, в стенах которых были собраны рукописи и книги на тибетском языке (Мунге и др. 2020).

В Национальном архиве Республики Тыва (далее – НА РТ) по этому историческому периоду Тувы сохранились более 1800 единиц хранения, написанные на китайской бумаге старомонгольской письменностью. В основном эти документальные материалы собраны в фонде «Управление амбын-нойона Танну-Урянхая» (НА РТ. Ф. 115.339 ед. хр. 1715–1933 гг.), они содержат исторические сведения о антифеодальном и национально-освободительном движении тувинцев, развитии экономических и культурных связей с Россией. В фонде сохранились также административно-распорядительные документы (приказы, указания, распоряжения) амбын-нойонов, адресованные хошунным правителям.

Наиболее ранними документами, отражающими государственно-политические события, являются тувинские рукописи, написанные на старомонгольском языке, датируемые 1715 г. Это прошение императору Китая маньчжурской династии Цин от потомка Алтын-Ханов Бубеяи рукопись «Краткая исто-

рия тувинского народа», датированная 1756 г. (НА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–23). В этой рукописи отражена история происхождения танну-урянхайских ухер-да пяти хошунов, которая свидетельствует о существовании летописной традиции у тувинцев.

С изменением политической ситуации в Центральной Азии меняется и обстановка на территории Тувы. Начиная еще с царской России, Тува была объектом колонизации и хозяйственного освоения не только Монголии, но и России. Для Тувы наступает время принятия решения о дальнейшем государственном самоопределении. Исторический выбор сделал правитель Даа-Хошууна Буяна-Бадыргы, отправивший «Прошение Заведующего тувинцами Даа-хошуна Гуна Буяна-Бадыргы на имя Императора Николая По принятии хошуна в состав России под Высокую Державную руку и покровительство (перевод с монгольского языка), датированное 26 октября 1913 г. (НА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–13, копия). В докладной записке министра иностранных дел России С. Д. Сазонова по вопросу о принятии пяти хошунов Урянхайского края под покровительство Российского правительства император Николай II выразил свою волю, написав: «Согласен. Ливадия. 4 апреля 1914 года» (АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3113. Л. 69–70, черновик Л. 71–71 об.).

События Октябрьской революции 1917 г. в России, гражданская война в русской колонии, военно-политическая ситуация в Туве отложили вопрос о принятии тувинцами российского подданства. Так, после к 1921 г. Тува оказалась перед выбором своей дальнейшей судьбы (История Тувы, 2007:119).

13–16 августа 1921 г. в местности Суг-Бажы состоялся Всетувинский учредительный хурал (съезд), провозгласивший образование Народной Республики Танну-Тува (Танну-Тыва Улус). В документах НА РТ в фонде «Президиум Малого хурала ТНР» (НА РТ. Ф. 93. 561 ед. хр., 1921–1944 гг.) хранится протокол этого революционного съезда представителей 9 хошунов Тувы, в работе которого приняли участие 62 представителя от 7 хошунов Тувы. Также присутствовали от советской делегации 17 человек, от монгольской – 2, от корейской – 1 человек (НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–15).

15 августа 1921 г. на третьем заседании съезда был принят главный документ – первая Конституция Республики Танну-Тува Улус. В первом параграфе Конституции говорится: «Республика Танну-Тува Улус является свободным, ни от кого независимым в своих внутренних делах самоуправлением народа Танну Тува. В международных отношениях республика выступает под покровительством Советской России» (НА РТ. ФП-1. Оп. 1, Д. 26). Таким образом, в основной закон Тувы вошло положение о протекторате 1914 г. (По пути народовластия... 2021:21). В основу первой Конституции Тувы легли предложения советской делегации и вариант хемчикских делегатов (История Тувы 2007:128). На протяжении 100 лет специалисты архива и историки пытались найти вариант Конституции на старомонгольском языке, и только в 2021 г. была найдена рукопись, подготовленная группой тувинских участников во главе с Буяном-Бадыргы (Самдан и др. 2021).

Конституции последующих лет (1924, 1926, 1930, 1941, 1978, 1993, 2001 гг.) соответствовали политике и идеологии своего времени. В Конституции 1924 г. впервые появляется понятие народа, принадлежность власти народу, народный характер управления и интересы народа в основе государства. (Конституции Тувы 1999:35). В разделе «О выборах» впервые закреплены избирательные права граждан, достигших 22-летнего возраста, кроме «лиц, совершивших преступления, находящихся под судом, осужденных и не отбывших наказания, престарелых и слабоумных» (НА РТ. ФП-1. Оп. 1. Д. 88).

Для Тувы одним из главных исторических документов, повлиявших на дальнейшее развитие молодого государства, стало Постановление Правительства Тувинской Народной Республики (далее – ТНР) № 60 от 28 июня 1930 г. «О принятии тувинской письменности». Создание тувинской национальной письменности, основанной на новотюркском латинизированном алфавите, послужило толчком для развития периодической печати и литературы на родном языке, начала творческой деятельности тувинского народа.

Становление и развитие отраслей народного хозяйства и культуры шло по советской модели, первые тувинцы, прошедшие обучение в СССР, встали в эшелонах власти Тувы. Многосторонние советско-тувинские отношения провели коренные изменения в жизни тувинского общества, которая приблизила их к советским стандартам.

С самого начала Великой Отечественной войны Тува стала первым иностранным союзником Советского Союза в борьбе с фашистской Германией. В исторической Декларации X Великого Хурала трудящихся ТНР, созванного 22 июня 1941 г., говорится: «Тувинский народ ... не щадя жизни, готов всеми

силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним» (НА РТ. Газета «Вперед» от 23 июня 1941 г.).

Добровольное вхождение Тувы в состав СССР стал ожидаемым и закономерным волеизъявлением большей части населения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1944 г. «О принятии Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик» начался новый этап в истории Тувы с преобразованием всей общественно-политической системы, с новым конституционно-правовым статусом (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1422. Л. 14; НА РТ. Газета «Тувинская правда» от 2 ноября 1944 г.).

В 1961 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1961 г. «О преобразовании Тувинской автономной области в Тувинскую Автономную Социалистическую Республику» стал историческим событием, создавшим благоприятные условия для дальнейшего социально-экономического, политического и культурного развития тувинского народа (НА РТ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 778. Л. 333). Повышение статуса органов законодательной, исполнительной и судебной власти было закреплено в основополагающих законах (1962 г.), а затем и в Конституции Тувинской АССР (НА РТ. Ф. 285. Д. 585; Газета «Тувинская правда» от 1 июня 1978 г.).

В 1990-е гг. в постсоветском пространстве развернулась череда событий и процессов («парад суверенитетов», активизация общественно-политической жизни, возрождение традиционной культуры и пр.). В жизни Тувы, как и в большинстве национальных республик, появляются новые формы: принимается Декларация о суверенитете, закон Тувинской АССР «О языках Тувинской АССР», Конституция Республики Тува (НА РТ, научная библиотека). В новой Конституции республика стала называться «Тыва», утверждалась президентская форма правления. Законом Республики Тыва «О государственных символах Республики Тыва» была введена государственная символика (НА РТ, научная библиотека).

Действующая Конституция Республики Тыва была принята 6 мая 2001 г., где названия республики «Тыва» и «Тува» стали равнозначными, парламентская форма правления сменила президентскую. Принятие новой Конституции устранило многие противоречия с Конституцией Российской Федерации (НА РТ, научная библиотека). Таким образом, Национальный архив Республики Тыва является уникальным учреждением, хранящим главные раритеты тувинской государственности.

Литература:

История Тувы. Т. 2. Новосибирск: Наука, 2007. С 119.

Конституции Тувы 1921–1993 гг.: сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1999. 216 с.

Мунге Б. В., Куулар М. Ш., Ламажаа Ч. К. История архивного дела Тувы: социально-философский анализ // Новые исследования Тувы. 2020. № 2. С. 4–31.

Самдан А. А., Мунге Б. В., Седип-оол М. М. Неизвестный вариант первой Конституции Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 5–14.

Одорова Татьяна Леонтьевна
кандидат исторических наук
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Улан-Удэ, Россия
otl04@mail.ru

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК БУРЯТИИ

В статье представлены направления историко-краеведческой работы общедоступных библиотек республики на современном этапе. Приведены сведения о программах и проектах библиотек в области краеведения, разных видах краеведческой информационной продукции, среди которых: полнотекстовые, фактографические, библиографические базы данных, электронные коллекции, электронные и печатные книги, Книги памяти, летописи поселений. Освещены содержание и методика составления летописей поселений. Краеведческая работа библиотек осуществляется во взаимодействии с музеями, школами, общественными организациями поселения. Создание уникальных краеведческих продуктов позволяет занять библиотекам достойное место на информационном рынке, внести свой вклад в сохранение исторического и культурного наследия края.

Ключевые слова: общедоступная библиотека, Бурятия, краеведческие информационные продукты, историческое краеведение.

Odorova Tatyana Leontievna
Candidate of Sciences in History
East Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russia

LOCAL LORE ACTIVITIES OF THE LIBRARIES OF BURYATIA

The article presents the directions of local lorehistory work of public libraries of the republic at the present stage. Information is given about the programs and projects of libraries in the field of local history, various types of local history information products, including full-text, factographic, bibliographic databases, electronic collections, electronic and printed books, memory books, annals of settlements. The content and methods of preparing chronicles of settlements are highlighted. Local history work of libraries is carried out in cooperation with museums, schools, public organizations of the settlement. The creation of unique local history products allows libraries to take their rightful place in the information market, to contribute to the preservation of the historical and cultural heritage of the region.

Keywords: public library, Buryatia, local history information products, locallorehistory activities.

Краеведческая деятельность библиотек Бурятии осуществляется в русле реализации республиканских и районных целевых программ по сохранению, продвижению русской, старообрядческой (семейской), казачьей, эвенкийской, бурятской культуры, развитию бурятского языка, изучению истории библиотечного дела. Наибольшее распространение приобрели такие направления библиотечного краеведения, как историческое, литературное, экологическое, в помощь развитию туризма.

В рамках исторического краеведения библиотеки организуют соответствующий документный фонд, справочно-поисковый аппарат, информационное обслуживание, культурно-просветительскую работу, создают и продвигают информационные продукты, посвященные различным аспектам общественной жизни: истории населенных пунктов, предприятий, религиозных организаций, известным людям, юбилейным датам и т.д.

Особое место среди краеведческих проектов занимают работы, связанные с темой Великой Отечественной войны. В рамках празднования 75-летия Великой Победы муниципальные библиотеки республики вместе с ветеранскими организациями, краеведами, трудовыми коллективами, активистами подготовили и издали книги, посвященные землякам – участникам войны, например, «Книгу памяти Тарбагатайского района» (в которую вошли около 6 тыс. имен). Издание, подготовленное совместно с

исследователем А. В. Пашининым, содержит статистико-аналитический обзор, списки, приложения: «Восточно-Сибирская» дивизия, женщины-воины, фотодокументы и схемы Министерства обороны России, фотографии и рисованные портреты. Собранный в Тарбагатайской межпоселенческой центральной библиотеке (МЦБ) материал сформирован в полнотекстовую базу данных «Не забывайте нас...».

В Бичурской МЦБ реализуется проект создания Книг памяти каждого поселения и электронной Книги памяти района. МЦБ разработано Положение о создании Книг памяти поселений (в котором отмечается необходимость соблюдения таких требований, как единый стиль, наличие условных обозначений, краткой аналитической справки о количественном составе населения до начала войны, сведений об ответственных за проект, о сроках выполнения работы и т. д.) (Ежегодный доклад 2021: 94).

При подготовке книги «Орденосцы Баунта» к поисковой работе подключились все библиотеки Баунтовского района. Кабанской межпоселенческой библиотекой создана электронная коллекция документов «Как на фронте, так и в тылу. Кабанский район в годы Великой Отечественной войны» на основе материалов районного архива 1941–1945 гг. В электронной книге Хоринской МЦБ «Дети войны» собраны биографии и воспоминания более 50 уроженцев района. Результатом поисково-исследовательской работы учителей, старост сел, краеведов, ветеранов, старожил сел, родственников участников войны, работников военкомата, библиотеки стало создание электронной Книги памяти.

Многие краеведческие проекты сегодня предоставлены вниманию населения республики в онлайн формате. Информационный проект «Этот день в истории: события, факты, люди. Верхнеудинск – Улан-Удэ», размещенный в социальных сетях, библиотечном сайте, осуществляют специалисты Центральной городской библиотеки им. И. К. Калашникова совместно с администрацией г. Улан-Удэ. Факты из истории города, фотографии отражают неповторимый дух минувшего времени (Ежегодный доклад 2021:10).

Приведем некоторые примеры, дающие представление о разнообразии краеведческих информационных продуктов библиотек сельских районов республики: база данных «Моя фамилия в истории Баргузина», о родословных, прославивших Баргузинскую землю (Баргузинский р-н). Фактографические банки данных: «Эвенки: история, этнография, культура», библиографическая база данных «Эвентика» (включает более 1500 записей) (Баунтовский р-н). Исследовательские проекты «Вот моя деревня...» (о 16 исчезнувших деревнях Бичурского района); «Борцы за власть Советов в Бичуре» (Исторические моменты в летописи Бичуры); проект «История библиотек поселения» Ара-Киретской сельской библиотеки, размещенный в местном Viber-чате (Бичурский р-н).

Результатами реализации социального проекта для молодежи «Курс молодого краеведа “И в тылу ковалась Победа!”» стали: полнотекстовая база данных по истории Джидинского вольфрамомолибденового комбината; победа МЦБ в конкурсе Министерства спорта и молодежной политики Республики Бурятия; книга «Михайловка–Цэжэйский край» библиотекаря Е. Д. Дахалаевой, по материалам летописи села Михайловка и воспоминаниям земляков (Закаменский район); историко-краеведческий сборник о жизни первопоселенцев «Поселенцы Муйской долины», созданный в партнерстве с городской библиотекой п. Таксимо на основе материалов архивов и воспоминаний очевидцев (Муйский р-н); «Летопись села Турунтаево», «Летопись села Троицкое» (Прибайкальский р-н).

Фактографическая база данных «Галерея ветеранов» библиотечного дела района включает сведения, фотографии о селенгинских библиотекарях (около 40 человек) (Селенгинский р-н). Вторые литературно-краеведческие Болоневские чтения «Здесь край мой, исток мой, дорога моя...» к 85-летию со дня рождения Ф. Ф. Болонева (в онлайн-режиме); II межрайонный конкурс историко-краеведческих исследовательских работ «Хранители истоков», с участием Мухоршибирского и Бичурского районов (Тарбагатайский р-н). Реализованы долговременные краеведческие программы «История библиотек района: взгляд из библиотеки», «Край родной – история живая», «Летопись села» (Тункинский р-н). Летопись села «Край белых лебедей» (Хоринский р-н) (Ежегодный доклад 2021: 97–107).

Разработка хроники жизни края – актуальное направление краеведческой работы библиотек, организуемое и методически поддерживаемое Национальной библиотекой Республики Бурятия. В летописи фиксируются сведения об общественно-значимых, политических, экономических, культурно-бытовых событиях: статданные о населении; сведения о руководителях учреждений и организаций; трудовые, боевые, учебные и иные общественно-значимые достижения жителей; решения сельской и вышестоящих администраций; публикации в средствах массовой информации и др.

Летопись, как правило, включает два основных раздела, посвященных истории населенного пункта, и непосредственно саму летопись (хронику событий) населенного пункта. Сбор материалов предполагает выявление сведений из книг, журналов, газет, библиографических указателей. Источники информации – официальные и неофициальные, письменные и устные, документальные источники, полученные из архивов и музеев, фото-, видео- и аудиозаписи. Даже табличка на могильном памятнике может предоставить недостающие данные. Создатели летописи стремятся восполнить «белые пятна» в истории населенного пункта, с наибольшей полнотой запечатлеть знания односельчан о своем селе и довести их до потомков (Как составить летопись...).

Представляет интерес опыт создания летописи села Кабанского района «Малая Родина – теплый Дулан». Летопись явилась результатом большого труда, усилий разных людей. В семьях собирали истории, воспоминания, подбирали фотографии. Каждая страница наполнена теплом и любовью к своей родной земле, ее истории, природе и замечательным людям. Летопись улуса Дулан – уникальный краеведческий документ, подробный рассказ об истории села, повседневной деятельности его жителей, достижениях, радостях и тревогах, об изменениях в жизни местного сообщества, о подрастающем поколении дуланцев (Составлена летопись...). Проекты, издания библиотеки, в которых отражены события, связанные с малой родиной, земляками, вызывают неподдельный интерес, затрагивают чувства человека, формируют гражданско-патриотическую позицию личности.

Создание информационных продуктов в области исторического краеведения является сегодня одним из востребованных и перспективных направлений деятельности библиотек, вызывает большой интерес, творческое вдохновение у библиотечных сотрудников, способствует росту их профессионального уровня, повышает имидж библиотеки. Подготовка информационных продуктов возможна в условиях проведения кропотливой научно-исследовательской, поисковой работы, активного социального партнерства. Историко-краеведческая работа библиотеки, полезная для исследователей, преподавателей, краеведов, студентов, школьников, содействует сохранению исторической памяти в обществе.

Литература:

Ежегодный доклад о деятельности муниципальных библиотек Республики Бурятия в 2020 г. / Нац. б-ка Республики Бурятия (отв. за вып. Э. С. Очирова). Улан-Удэ, 2021. 126 с.

Как составить летопись своего села: метод. рекомендации / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова; сост.: Л. И. Лукьянова, Е. М. Терентьева; отв. за вып. Л. В. Фарафонова. Барнаул: РИО АКУНБ, 2011. 12 с.

Составлена летопись села Дулан Кабанского района [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Республики Бурятия: [веб-сайт]. URL: <http://nrb.ru/?p=21820> (дата обращения: 27.01.2022).

Петрушин Юрий Александрович
доктор исторических наук
Иркутский государственный университет путей сообщения
Иркутск, Россия
yurypetrshin@mail.ru

МЕМУАРЫ ПРОФЕССОРА Б. С. САНЖИЕВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ В ГИЯЛИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В данной работе рассматривается творческая лаборатория профессора Б. С. Санжиева по овладению методологией исторического познания. Предметом выступают его мемуары. Отражена его научная деятельность в Государственном Институте языка литературы и истории (ГИЯЛИ).

Ключевые слова: история, методология, классовая борьба, Бурятия, марксизм.

Petrushin Yuriy Alexandrovich
Doctor of Sciences in History
Irkutsk State University of Railway Transport
Irkutsk, Russia

MEMOIRS OF PROFESSOR B. S. SANZHIEV AS A SOURCE OF STUDYING THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE HISTORICAL PROCESS IN STATE INSTITUTE OF LANGUAGE LITERATURE AND HISTORY

The author considers the laboratory of prof. B. S. Sanzhiev, which main research field is methodology of history. The subject of study is memoirs of B. S. Sanzhiev, where he describes own work and research in the State institute of language, literature and history.

Keywords: history, methodology, class struggle, Buryatia, Marxism.

Буянто Сайнцакович Санжиев родился в 1912 г. в Ноёхонском сомоне Селенгинского аймака Бурятии. Создание начальной школы в родном сомоне открыло Б. С. Санжиеву путь в мир знаний.

Формирование основ профессионализма и овладение методологией исторического познания начались в начале 1930-х гг. В 1933 г. окончив педагогический техникум, он короткое время работал инструктором Кяхтинского райкома партии и зав. монгольской секции педагогического техникума (Кяхта). Затем 22-летним молодым человеком он поступает в Московский государственный педагогический институт (МППИ), ныне педагогический университет. Как признавался сам Б. С. Санжиев, годы студенчества стали самой интересной и незабываемой порой его жизни.

Деканом исторического факультета был профессор А. З. Иоаннисиани, он же заведовал кафедрой истории Запада и Востока. Заведующим кафедрой истории народов СССР был профессор Ю. М. Бочаров, внук художника Саврасова, ученик известного историка Герье. Профессор Ю. М. Бочаров был автором фундаментального 621-страничного учебника по истории классовой борьбы, выдержавшего 6 изданий. Он был ответственным секретарем журнала «Историк – марксист». Ю. М. Бочарова на посту заведующего кафедрой сменил член-корреспондент АН СССР А. В. Шестаков, под руководством которого в МППИ был создан школьный учебник истории, заменивший учебник М. Н. Покровского и ставший на долгие годы основным учебным пособием истории в советской школе. Интересно, что с А. В. Шестаковым во всесоюзном конкурсе школьных учебников по истории участвовал иркутский историк М. А. Гудошников, получивший поощрительную премию – 5 тыс. руб. В это время работал на факультете и академик В. И. Пичета, распутывавший хитросплетения национальной истории России, Украины, Белоруссии, Польши и стран Прибалтики. На его лекциях у Б. С. Санжиева формировался интерес к изучению национального вопроса. Б. С. Санжиев в своих мемуарах пишет, что с большим интересом и вниманием слушал и записывал основные мысли и положения лекций ученых-профессионалов.

Особое внимание студент Б. С. Санжиев уделял самостоятельной работе, но всегда выкраивал время на посещение лекций Е. Ярославского, В. Колларова, Г. Димитрова, К. Радека, Г. Кржижановского, О. Ю. Шмидта и других видных общественных деятелей и ученых. Такой профессиональной исторической подготовке сегодня можно только позавидовать. Б. С. Санжиев успевал много читать историче-

ской и художественной литературы, посещать театры, музеи, даже сдал экзамен на значок «Ворошиловский стрелок».

Учеба Б. С. Санжиева в МГПИ совпала с новым этапом становления советской историографии. Классовый подход к анализу исторических явлений становится определяющей аксиомой историков революционной волны. Марксистско-ленинская методология казалась им уникальным инструментом познания действительности. Новое поколение историков, в их числе Б. С. Санжиев, получало свое идейное воспитание как специалисты в этом направлении. С учетом такого подхода мы и должны рассматривать личные судьбы и особенности профессиональной деятельности историков этой поры, в контексте судеб российской интеллигенции и советского общества 1930-х гг. Государственническая, охранительная концепция становится главенствующей в политической жизни и общественном сознании. Эта тенденция закрепилась в годы Великой Отечественной войны и сохранила свое значение в послевоенные десятилетия.

Так молодой историк Б. С. Санжиев оказался в эпицентре событий, когда партийные и государственные структуры решали задачу: опираясь на критику прошлого государственного опыта, построить принципиально иную модель функционирования общества в рамках новой социалистической государственности. В 1938 г. выходит «История ВКП(б). Краткий курс». В обществе и в исторической науке появилась определенная система координат, закрепляющая государственную, охранительную позицию. В своих воспоминаниях Б. С. Санжиев отозвался об этом периоде как о безусловном утверждении марксистско-ленинской концепции в исторической науке, которой он оставался верен до конца своих дней.

Будучи студентом крупного московского вуза, Б. С. Санжиев внимательно следил за жизнью в родной республике, радовался успехам, огорчался ее бедам, встречался со своими товарищами, учившимися в других вузах столицы, активно интересовался историей Бурят-Монголии, участвовал в дискуссиях, проходивших в 1930-е гг. в московских научных учреждениях по этим вопросам. Он глубоко переживал потери людей и руководящих кадров Бурятии вследствие незаконных репрессий, но до конца своих дней считал, что культ личности не мог изменить природу социализма, созидательную силу народа. Оставаясь убежденным марксистом, Б. С. Санжиев отстаивал принцип: народ – творец истории, а социализм – творение народа, его созидательного труда. Видимо, эти убеждения у него в основном сложились к концу 1930-х гг. Во всяком случае, годы учебы и пребывания в столице сформировали в нем черты интеллектуала новой социалистической волны.

В этот период начинается первое научное осмысление Б. С. Санжиевым исторического процесса применительно к истории Бурят-Монголии. Он внимательно следил за изучением истории своего региона, присутствовал в Комакадемии (1935 г.) на совещании по спорным вопросам истории республики. Б. С. Санжиев регулярно знакомился с центральной прессой, освещавшей жизнь республик Советского Востока. Его переполняло чувство гордости за Бурят-Монгольскую республику, которая превращалась в передовой индустриально-аграрный район на востоке страны (Санжиев 1995: 29).

В середине 1930-х гг. в жизни республики проходили большие события общесоюзного значения. Б. С. Санжиев освещает в своих мемуарах события, связанные с работой Первого съезда писателей республики (март 1934 г.), который избрал руководство Союза советских писателей и делегатов на Первый Всесоюзный съезд писателей и делегатов на этот форум в составе Солбонэ-Туя, С. Широнова и Елены Хоринской. Как известно, писателей республики после съезда тепло принял М. Горький, который советовал им активно «вторгаться в жизнь заводов и колхозов, правдиво и ярко освещать то новое, передовое, что рождает социализм» (Санжиев 1995: 29).

Внимание молодого исследователя, пока еще студента, привлекла первая конференция по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР, состоявшаяся в апреле 1934 г. Его особо заинтересовали вопросы обсуждения актуальных проблем национально-культурного строительства республики.

В 1935 г. в Москве при Комакадемии состоялось совещание историков, посвященное итогам дискуссии по спорным вопросам истории Бурят-Монголии. На нем присутствовал студент Б. Санжиев. С докладом выступал профессор А. В. Шестаков, который в это время учил Б. Санжиева. Тогда в научных дискуссиях еще высказывались альтернативные точки зрения на развитие исторического процесса. В своих мемуарах профессор Б. С. Санжиев солидаризировался с рядом выводов А. В. Шестакова, стоящего на марксистских позициях и утверждавшего, что на Востоке и в Бурятии развивался феодализм, а также, что преодоление буржуазной историографии, борьба с нацдемовщиной на историческом фронте не могут быть сняты с повестки дня (Санжиев 1995: 31).

В 1936 г. студент исторического факультета Б. Санжиев по решению бюро Бурят-Монгольского обкома РКП(б), одновременно был принят слушателем Центральных курсов переводчиков трудов классиков марксизма-ленинизма при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), учебном заведении Коминтерна. Здесь он слушал лекции академика Б. Д. Грекова, профессоров А. Б. Шапира, А. В. Шестакова и др.

В то же время, как пишет Б. С. Санжиев, успехи национально-культурного строительства в республике были омрачены. Незаконные репрессии 1937 г. нанесли тяжелый ущерб развитию экономики, культуры и науки. Верные социализму, преданные Советской власти кадры стали жертвой беззакония, клеветы и произвола. Это руководитель областной парторганизации М. Н. Ербанов и многие другие верные сыны республики (Санжиев 1995: 36). В своих мемуарах Б. С. Санжиев дает оценку этим трагическим событиям.

В 1938 г. 26-летний Б. С. Санжиев с отличием окончил московский вуз, вернулся на родину, в Бурятию, и приступил к самостоятельной научно-педагогической работе. Вначале он был зав. сектором истории Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ), затем зав. отделом печати, зав. отделом школ и науки, старшим преподавателем Бурятского пединститута, зам. директора ГИЯЛИ, отв. редактором «Буряад-Монголой үнэн». К этому времени в списке печатных работ Б. С. Санжиева насчитывалось 15 публикаций, вышедших с 1933 по октябрь 1941 г. В их числе были газетные статьи, а с 1940 г. появились первые исторические публикации в «Записках» Государственного Института языка, литературы и истории. Это были статьи о первом бурятском революционере Ц. Ц. Ранжурове, о Д. Банзарове и деятельности ГИЯЛИ. Он также опубликовал краткий исторический обзор БМ АССР в издательстве АН СССР в Москве.

Основное внимание Б. С. Санжиев уделяет краткому анализу научной деятельности ГИЯЛИ. Здесь отмечалась работа по исследованию Гэсэриады, опубликование орфографического словаря. В области истории он особое внимание уделил публикации исследования кандидата исторических наук П. Т. Хаптаева «Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции», а также трудов В. П. Гирченко «Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.)» и Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа (от XXII в. до 60-х гг. XIX в.)». Б. С. Санжиев подчеркивал важность подготовки к публикации исторических документов и материалов, которая даст серьезное приращение новых знаний истории Бурят-Монголии. К недостаткам научно-исследовательской деятельности ГИЯЛИ он отнес низкий рост кадров, слабую критико-библиографическую работу и рецензирование.

Пытаясь преодолеть эти недостатки, Б. С. Санжиев публикует большую рецензию на книгу Ф. А. Кудрявцева «История Бурят-Монгольского народа» под названием «Крупное исследование по истории Бурят-Монгольского народа». Рецензент отметил солидную источниковую основу этого труда, марксистско-ленинский анализ исторических фактов, а также классовый принцип познания бурятского общества, характерные для раннего периода феодализма. Как видим, он использовал методологический подход в духе того времени. Б. С. Санжиев заметил, что в работе Ф. А. Кудрявцева акцент сделан на истории завоевания Россией Бурятии, когда бурятские племена оказывали сопротивление этому процессу. Подобная оценка резко диссонирует с современной концепцией (фронтира), о мирном продвижении русских на восток, когда почти отрицается насилие, экономическое и внеэкономическое принуждение царскими властями инородцев. Рецензент замечает, что не случайно Прибайкалье стало краем каторги и ссылки борцов за счастье русского и бурятского народов. К существенным недостаткам работы Ф. А. Кудрявцева Б. С. Санжиев отнес отсутствие в этом труде обзора источников и литературы, свидетельствующее об отсутствии историографической школы в регионе.

В целом, оценивая творчество профессора Б. С. Санжиева, отраженное в его мемуарах мы можем сказать, что он внес большой вклад в изучение и освещение истории Республики Бурятия. Его научная деятельность в ГИЯЛИ явилась первым этапом теоретико-методологического осмысления исторического процесса в целом и национальных окраин в частности. На этой основе современные исследователи продвинулись дальше в познании этой проблематики.

Литература:

Санжиев Б. С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и годы Великой Отечественной войны. (Странички воспоминаний: люди и события). Иркутск, 1995. 180 с.

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
plehanova.am@mail.ru

ТРУДНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БУРЯТИИ В 1930-е гг.¹

Материалом для работы послужили неопубликованные документы Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН – ежегодные планы и отчеты о научно-исследовательской работе Бурят-Монгольского государственного института культуры (1929–1936 гг.) / Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории (1936–1944 гг.), протоколы заседаний дирекции, доклады, тезисы и протоколы заседаний конференций, переписка с различными организациями и учреждениями и другие делопроизводственные материалы. На основе их анализа были выявлены трудности и проблемы в организации и проведении гуманитарных научных исследований в 1930-е гг.

Ключевые слова: Бурят-Монгольский государственный институт культуры (БМГИК), Государственный институт языка, литературы и истории (ГИЯЛИ), научное учреждение, история науки.

Plekhanova Anna Maksimovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

DIFFICULTIES AND PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF SCHOLARLY RESEARCH IN BURYATIA IN THE 1930-s

The article traces difficulties and problems in organizing and conducting of the Humanities research in the 1930s based on the analysis of unpublished documents of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the IMBTS SB RAS including annual plans and reports on the research work of the Buryat-Mongolian State Institute of Culture (1929–1936) / Buryat-Mongolian State Institute of Language, Literature and History (1936–1944); records of directorate meetings; reports, abstracts and records of conferences; correspondence with various organizations and institutions; and other record keeping documents.

Keywords: Buryat-Mongolian State Institute of Culture, State Institute of Language, Literature and History, academic institution, history of science.

В 2022 г. исполняется 100 лет Институту монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, начавшему свою историю с Бурятского ученого комитета, перед которым был поставлен широкий круг научно-исследовательских задач: изучение национальной культуры, языка, литературы и истории. Несмотря на ограниченность бюджетного финансирования и острый дефицит научных кадров, Буручком достаточно успешно занимался организацией и проведением научных исследований, решая важную задачу создания основ гуманитарных научных исследований в Бурят-Монголии. Несмотря на реорганизацию и переименование в 1929 г. Буручком в Бурят-Монгольский государственный институт культуры, в 1936 г. – в Бурят-Монгольский государственный институт языка, литературы и истории, основными направлениями научного поиска оставались разработка вопросов истории, языка, литературы и искусства.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43092 «Советская модернизация бурятского общества в 1920–30-е годы».

Археологические экспедиции, организованные в 1930-е гг., позволили дать общую характеристику древнейшей истории Бурятии, сформировать первые культурно-исторические схемы. Усилиями историков был собран значительный объем документов по истории бурят-монгольского народа, опубликованы материалы по отдельным проблемам дореволюционной Бурят-Монголии, революционного движения и гражданской войны, культуры и просвещения, изданы монографии, составившие классику научных трудов по истории Бурятии. В 1934 г. в рамках утвердившихся классово-идеологических установок была проведена дискуссия по спорным вопросам истории Бурят-Монголии, закрепившая однолинейность исторического процесса в бурятоведческих исследованиях. Благодаря успехам бурятского языкознания проведена реформа бурят-монгольской письменности сначала на основе латиницы, а затем – кириллицы. Языковедами Института был внесен определяющий вклад в создание литературного бурятского языка, обогащение его лексического состава, установление единых норм орфографии и грамматики. Сбор, систематизация и изучение устного народного творчества и музыкального фольклора, пополнение фондов рукописного отдела Института рукописями и ксилографами на тибетском, монгольском, бурят-монгольском языках, улигерами, бурятскими летописями и другими историко-литературными памятниками, переводческая работа – эти и другие направления научно-исследовательской деятельности определяли развитие гуманитарных наук в Бурятии в 1930-е гг.

Значительные научные результаты были достигнуты благодаря усилиям коллектива научных сотрудников, ставших известными учеными. Среди них – историки П. Т. Хаптаев, Б. Д. Цибилов; языковеды Т. А. Бертагаев, Д. А. Абашеев, Д. Д. Амоголонов; литераторы и писатели Х. Н. Намсараев, Б. Д. Абидаев, А. М. Хамгашалов и другие ученые.

Наряду с достижениями Институт испытывал определенные трудности в организации научных исследований, в выполнении плана научно-исследовательской работы. В 1936 г. ЦИК БМАССР, заслушав отчетный доклад директора Института Д. Д. Донгидона, отметил неудовлетворительное – всего на 23% – выполнение годового плана (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 188. Л. 1). Одной из главных причин трудностей являлась недостаточная квалификация научных работников. В 1935 г. в штате не было ни одного сотрудника, имеющего ученую степень кандидата или доктора наук. В соответствии с Постановлением СНК БМАССР № 271 от 17 апреля 1935 г. при Институте была организована аспирантура по подготовке научных кадров по истории, лингвистике и искусству (Там же. Д. 155. Л. 19). Из 14 штатных сотрудников три человека обучались в аспирантуре, шесть имели высшее образование, пять не имели высшего образования. Только один научный сотрудник имел научный стаж свыше пяти лет, восемь – от трех до пяти лет, пять не имели научного стажа (Там же. Д. 163. Л. 36). Три человека составляли руководящий персонал учреждения, двое занимали должности старших научных сотрудников, девять – научных сотрудников (Там же. Д. 164. Л. 48). Большая часть научно-исследовательских работ выполнялась внештатными сотрудниками (из запланированной к разработке в 1937 г. 31 темы (444 авторских листов) на долю внештатных сотрудников приходилось 16 тем (375 авторских листов) (Там же. Д. 167. Л. 36). Решить кадровую и другие проблемы, по мнению руководства института, можно было, встроив учреждение в систему централизованного научно-организационного руководства путем открытия в БМАССР филиала Академии наук СССР или включения в состав Института национальностей при ЦИК СССР (Там же. Д. 163. Л. 36, 38).

Решение кадровой проблемы наталкивалось на «квартирный вопрос», обострившийся в 1930-е гг. в связи с развернувшимся в Верхнеудинске / Улан-Удэ промышленным строительством и ростом городского населения. Обследование жилищных условий научных сотрудников и служащих Института культуры, проведенное в марте 1935 г., выявило ряд серьезных проблем: из 22 человек пятеро работников не имели никакого жилья, трое проживали в неудовлетворительных условиях (Там же. Д. 160. Л. 73 об). Не во всех квартирах сотрудников имелось электричество («отсутствует электроосвещение у Ц. Сампилова, занимающегося художественным творчеством» (Там же. Л. 71). Отсутствовали необходимые предметы мебели («сотрудник сектора антирелигиозной пропаганды Кочетов проживает в комнате, 6 кв.м., тут же умывальник, книжная полка и столовая ... кровати нет, заменена досками на ящиках» (Там же. Л. 71 об). В самый разгар реформы письменности «ушел с работы, мотивируя отсутствием квартиры» сотрудник отдела языка Т. А. Бертагаев (Там же. Д. 167. Л. 38–39). Для снижения остроты вопроса постановлением ЦИК БМАССР № 359 от 17 февраля 1937 г. Институту в новом строящемся доме Союза писателей было выделено четыре квартиры (Там же. Л. 58).

На эффективности рабочего процесса научного учреждения сказывалась частая смена руководящего состава. Директором института в 1929–1931 гг. был И. П. Хабаев, в 1931–1933 гг. – Б.-Д. Тогмитов, в 1933–1937 гг. – Ж. Раднабазарон, в 1937 г. – Д. Д. Донгидон, затем Г. Ц. Бельгаев, в 1938 г. – П. И. Ханхаев, в 1939–1940 гг. – П. И. Буртонова, в 1939–1942 гг. – Г. Ц. Бельгаев.

Институт испытывал большие трудности, вызванные развернувшейся кампанией борьбы с буржуазным национализмом, репрессиями по отношению ко многим научным сотрудникам. Особенности реализации репрессивной политики государства в Бурят-Монгольской ССР были обусловлены этнонациональной спецификой республики. Любые кампании всесоюзного масштаба приобретали здесь еще и националистическую окраску. Уже в 1931 г. бюро обкома ВКП(б) подвергло критике работу Института культуры «за допущение ряда извращений в разработке вопросов языка и искусства, выражавшихся в националистическом уклоне, ориентации отдельных деятелей на теократический Тибет и дореволюционную хановскую Монголию с их феодально-теократической культурой» (Сборник 1932: 24).

В 1937 г. в Бурят-Монголии органами НКВД было инспирировано широко известное дело о так называемой «панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организации», по делу которой на 15 февраля 1938 г. было арестовано 2026 человек (Базаров 2007: 10). Им вменялись в вину подготовка государственного переворота и националистическая обработка населения республики на антисоветской основе, попытка отторгнуть БМАССР от СССР и создать Великое Монгольское государство под протекторатом Японии. Наряду с руководителями республики всех рангов были репрессированы первый директор Буручкама Б. Б. Барадин (на момент ареста – преподаватель монгольского языка Ленинградского института философии, литературы и истории), бывший директор Института (на момент ареста – нарком просвещения БМАССР) Д. Д. Донгидон, бывший директор Института Ж. Раднабазарон и Б. Тогмитов, бывший заместитель директора Института С. Ш. Ширабон, бывший сотрудник Института (на момент ареста – сотрудник газеты «Бурят-Монголой Унэн») Д. Ардин, аспирант АН СССР Б. Болодон и другие ученые, имена которых на протяжении долгого времени были преданы поруганию и забвению. Впоследствии все они были реабилитированы.

Клеветническое обвинение в буржуазном национализме и панмонголизме вызвало глубокое потрясение среди научной интеллигенции. По справедливому мнению В. Ц. Найдакова, «особенно тяжко пострадали восточные народы и их интеллигенция, связанная с цивилизацией и культурой Востока. Они вынуждены были во многом отказаться от национальных корней, от своих традиций, верований, обычаев. Многие из культурного наследия, национальных обычаев, традиций было объявлено буржуазным, националистическим, поставлено вне закона» (Найдаков 1995: 8).

Трудно согласиться с выводами, содержащимися в отчете Института за 1937 г.: «В институте орудовали в течение многих лет враги народа, которые проводили вредительскую работу на культурном фронте и немало навредили работе Института. Врагами народа развалена работа Института. Институт, являясь учреждением, разрабатывающим проблемы языка, литературы и истории, не только не дал за время своего существования ни одной сколько-нибудь серьезной работы научного характера, но и не дал ни одного идеологически выдержанного учебного пособия для школ Республики. Научно-исследовательский план из года в год не выполнялся. Это происходило из-за того, что не было руководства работой научных сотрудников и контроля за выполнением работ. Работы кочевали из плана в план и никогда не выходили в свет. Те немногие работы, которые увидели свет, представляют собой идеологический брак, дезориентировавший широкую общественность» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 194. Л. 1).

В «Кратких пояснениях к плану на 1938 г.» безжалостно констатировалось: «Институт языка, литературы и истории являлся одним из центров, вокруг которого группировались враги народа. В нем в разное время на руководящих постах в качестве научных работников работало свыше 10 человек, облаченных как враги народа (Барадин, Тогмитов, Мункин, Дамбинов, Ардин, Базарон, Ванданов, Убугунэ, Болодон и др.) Работы, выполненные буржуазными контрреволюционными националистами, были забракованы и сняты либо до печатания, либо в процессе печатания. Ряд работ, содержавших ошибочную трактовку вопросов или с просочившимся в них влиянием контрреволюционных националистических концепций, также оказался либо забракованным и снятым, либо задержанным для дополнительного редактирования и просмотра» (Там же. Д. 167. Л. 108). Основными задачами Института на ближайшее время были определены «ликвидация последствий вредительства врагов народа в научной работе и определение четкой большевистской линии научной деятельности» (Там же).

В результате чисток и репрессий на 1 января 1938 г. в штате Института состояло пять человек: директор, заместитель директора, два сотрудника сектора истории, один сотрудник сектора языка (сектор литературы и фольклора остался без штатных сотрудников) (Там же. Д. 194. Л. 2, 4).

Дальнейшее развитие Института было сопряжено с трудностями, обусловленными Великой Отечественной войной. Но даже в годы военных испытаний Институт продолжил свою деятельность. Более того, в 1944 г. был открыт сектор экономики и ГИЯЛИ по постановлению Совета народных комиссаров БМАССР преобразован в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (БМНИИКЭ).

В сложных условиях гонений и репрессий, кадрового дефицита, бытовых проблем сотрудники Института продолжали научный поиск, проводя масштабные исследования социально-политической и экономической истории, культуры и искусства Бурятии. Направления и тематика научных исследований БМГИК / БМГИЯЛИ сегодня продолжают активно разрабатываться сотрудниками Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Литература:

Базаров Б. В., Курас Л. В., Петрушин Ю. А. Репрессивная политика Советского государства в 20–30-е годы XX века (на материалах БМАССР) // Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. Т. 1. Улан-Удэ, 2007. С. 5–15.

Найдаков В. Ц. О сущности и истории интеллигенции (в порядке дискуссии) // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ: ТОО «Олзон», 1995. С. 7–10.

Сборник директив Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) по вопросам национально-культурного строительства. Верхнеудинск: Бургиз, 1932. 52 с.

Дашибалова Ирина Николаевна
кандидат философских наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
dashibalonirina@gmail.com

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БУРЯТСКИХ УЧЕНЫХ В КИНОИСТОЧНИКАХ 1950–1990-х гг.

Статья посвящена отражению образов бурятских ученых в советских документальных фильмах и кинохронике в соответствии со спецификой кино съемок в различные периоды. Применены методы: сравнительно-исторический и контент-анализ киноисточников, находящихся в трех основных российских кинохранилищах. В рамках жанровых особенностей кинолента выявлен историко-культурный и социальный контексты деятельности ученых. Описаны известные персоналии – участники кино съемок. Обнаружено, что документальные кинонарративы дополняют канонический портрет советского ученого с помощью демонстрации формальных внешних атрибутов научной деятельности, мест съемок. Но вместе с тем советские кинодокументалисты нашли специфическую нишу съемок бурятских ученых, изучающих тибетские ксилографы.

Ключевые слова: бурятские ученые, БИОН СО АН СССР, кинодокументы, визуальные образы, Восточно-Сибирская студия кинохроники.

Dashibalova Irina Nikolayevna
Candidate of Sciences in Philosophy
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

VISUALIZATION OF BURYAT SCIENTISTS IN FILM SOURCES OF THE 1950–1990-s.

The article is devoted to the reflection of the images of Buryat scientists in Soviet documentaries and newsreels in accordance with the specifics of filming in different periods. The author used comparative-historical method and content analysis of film sources located in the three main Russian film repositories. Within the framework of the genre features of films, the historical, cultural and social contexts of the activities of scientists are revealed. Well-known personalities-participants in filming are described. It was found that documentary film narratives complement the canonical portrait of the Soviet scientist by demonstrating the formal external attributes of scientific activity, filming locations. But at the same time, Soviet documentary filmmakers found a specific niche for filming Buryat scientists studying Tibetan woodcuts.

Keywords: Buryat scientists, Buryat Institute of Social Sciences SB AS USSR, film documents, visual images, East Siberian newsreel studio.

Обращение к визуальным источникам советского периода представляет собой один из возможных способов изучения социальной реальности. Визуальный анализ позволяет условно расслоить пространство кинофильма, определить конструирующую, побуждающую силу киноискусства или в зависимости от задач фильма, вычленив авторский взгляд кинорежиссера. Различные профессиональные, социальные группы, известные персоналии регулярно становились объектом документальных кино съемок. Нас заинтересовал характер отражения визуальных образов крупных деятелей науки Бурятии в советских кинодокументах.

Применен метод контент-анализа киноисточников, находящихся в трех основных государственных кинохранилищах РФ. Количественный анализ позволил определить выборочную совокупность кинодокументов по критерию «бурятские ученые», хранящихся в Иркутском облкинофонде, в объеме 26 сюжетов киножурнала «Восточная Сибирь», снятого в период 1950–1990-х гг., из них – 6 киносюжетов, посвящены БМНИИК–БМКНИИ СО АН СССР–БИОН БФ СО АН СССР. К киноисточникам, произведенным на Восточно-Сибирской студии кинохроники, в которых сняты бурятские ученые, относятся

документальные фильмы: «Весна Бурятии» (1970), цветной, в 3 частях; «Художник Сампилов» (1971), цветной, в 3 частях; «Пламень багульника» (1975), цветной, в 3 частях; «Колос Анны Дубровской» (1984), цветной, 1 часть; «Буддисты СССР за мир» (1985), цветной, в 3 частях; «Багша» (1989), цветной, в 3 частях; «Круг Сансары» (1990), цветной, в 7 частях.

Следующим крупным федеральным архивом, в котором хранятся кинодокументы советского периода, является Госфильмофонд России. Выявлено 4 атрибутированных киноисточника по контенту «бурятские ученые»: фильм «Бурятия. День республики» (1983), производство Свердловской студии кинохроники, цветной, в 5 частях; фильм «Тайны тибетской медицины» (1984), цветной, в 2 частях, производство Свердловской студии кинохроники; киножурнал «Новости дня. Хроника наших дней» № 24, 1987, сюжет № 3 «Из глубины веков», производство ЦСДФ и киножурнал «Россияне» № 14, 1992, цветной, 1 часть, производство г. Екатеринбург.

Российский государственный архив кинофотодокументов (г. Красногорск) является ведущим фондом, аккумулирующим все произведенные кинодокументы дореволюционного и советского периодов. Вместе с тем поиск по контенту «бурятские ученые» показал, что в нем хранятся только 4 киноисточника по интересующей нас теме, не менее ценных по своей уникальности. Редким кинодокументом из фонда РГАКФД является фильм «Буддисты в Советском Союзе» (1960 г.), черно-белый, в 3 частях, производства ЦСДФ. В фильме сняты известные историки, философы, буддологи П. И. Хадалов, Р. Е. Пубаев, К. М. Герасимова, Г. Н. Румянцев. В 1968 г. выпущен фильм «С песнями бурятских улигершин», черно-белый, в 2 частях, производства Восточно-Сибирской студии кинохроники. В данном фильме снят ректор Бурятского сельскохозяйственного института В. Р. Филиппов. В 1969 г. в киножурнале «Новости дня», № 39, черно-белый, производство студии ЦСДФ сюжет посвящен Г. Л. Ленхобоеву, лекарю-тибетологу. В 1990 г. студией «Центрнаучфильм» произведен фильм «Земля Гэсэра», в 7 частях. Он посвящен 1000-летию героического эпоса «Гэсэр», сняты свадебный обряд, ритуал поклонения местности, природные и исторические объекты. Комментарий к сюжету дают бурятские фольклористы М. П. Хомонов, А. И. Уланов. Таким образом, всего в кинофондах определен 41 киноисточник по теме «бурятские ученые».

В ходе отбора и сплошного просмотра кинохроники выделены конкретные персоналии, снятые в советских кинодокументах: Ц. С. Сампилов, Х. Н. Намсараев, Г. Н. Румянцев, С. П. Балдаев, П. И. Хадалов, Р. Е. Пубаев, Д. Д. Лубсанов, В. Ц. Найдаков, Ц.-А. Н. Дугар-Нимаев, С. Ш. Чагдууров, М. П. Хомонов, А. И. Уланов, К. М. Герасимова, И. И. Соктоева, Б. Б. Бадараев, Э. Г. Базарон, Д. Б. Дашиев, С. Г. Жамбалова, И. С. Урбанаева, В. Р. Филиппов, В. И. Дугаров, М. А. Рампилова, М. В. Мохосоев, А. А. Изынеев, Н. Б. Чимитдоржиев, А. Ц. Балдуев, Ч. Ц. Цыдыпов, Л. Л. Хунданова, Ц. А. Найдакова.

Бурятские ученые, помимо того, что являлись участниками и героями съемок, приглашались научными консультантами ряда кинолент. В частности, это Р. Е. Пубаев, Ц.-А. Н. Дугар-Нимаев, В. Ц. Найдаков.

Использован сравнительно-исторический метод, позволяющий обнаружить смену визуальных образов бурятских ученых в течение 1950–1990-х гг. Выделяются три ключевых формата киносъемок ученых: послевоенный, обезличенно-пафосный взгляд, делящий мир на «мы» и «они»; «оттепельный», формирующий взгляд о «правде жизни» и стиль позднего социализма с парадигмой научно-технического прогресса. Для всех перечисленных направлений характерна репрезентация социального типажа советского человека в строгом классическом костюме, иногда в лабораторном белом халате, в обстановке рабочих кабинетов, со строгим лицом в очках в толстой роговой оправе, с сигаретой и сосредоточенно выполняющего исследовательскую работу. Также для визуальных приемов характерна индивидуализация персонажей, особенно в период 1960–1970-х гг., наплыв камеры с акцентом на лицо (портретирование), крупные кадры деятелей науки, демонстрация их личных вещей, повседневной деятельности, рассказ об их научных открытиях, хотя за кадром озвучивается текст, посвященный коллективной деятельности бурятских ученых в целом.

Обратим внимание на жанровые особенности киноисточника «Даши Лубсанов – бурятский ученый», которые фактически не встречаются ни ранее, ни в дальнейшем в отражении визуальных образов бурятских деятелей науки и образования. Сюжет был снят в 1960 г. Кандидат философских наук, директор Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР Д. Д. Лубсанов представлен не только, даже не столько на рабочем месте, а в большей степени в домашней обстановке. Ре-

жиссерский взгляд показал нам его как живого собеседника, заботливого отца, занимающегося с детьми. Вместе с тем постановочно выглядит статичная поза героя сюжета с чтением томика В. Ленина.

Уникальным кинодокументом, в котором зафиксировано руководство археологическими раскопками доктора исторических наук А. П. Окладникова, посвятившего свою научную деятельность истории Бурятии, является киноисточник «В глубь веков», 1952 г. производства (киножурнал «Восточная Сибирь» № 33, сюжет № 3. В кинодокументе снята долина р. Селенги и объект раскопок возле с. Ошурково. В 1972 г. кинодокументалисты вновь заинтересовались деятельностью археологов и зафиксировали экспедицию в Ильмовой пади под руководством П. Б. Коновалова. Раскопки гуннского могильника как археологического памятника, как и сам кинодокумент, воссоздают для нас историю научных исследований Бурятии.

Внимание кинодокументалистов заслуженно обращено к гуманитарным ценностям бурятского народа и его национальной культуре. В 1970 г. снят выдающийся исследователь бурятского фольклора С. П. Балдаев в сюжете «Бурятские сказания» (киножурнал «Восточная Сибирь», № 26).

Выявлена специфика образа бурятских ученых, изучающих тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН. Следующие кинодокументы: «У бурятских ученых» (1978), «Под небом Бурятии» (1982), «Рецепты тибетской аптеки» (1982), «Тайны тибетской медицины» (1984), «Буддисты СССР за мир» (1985), «Из глубины веков» (1987), «Фондохранилище» (1988), спецвыпуск № 14, посвященный Бурятии (1990), «Круг Сансары» (1990) демонстрируют работу тибетологов по расшифровке ксилографов.

Итак, изучение документальных кинонарративов показало, что они дополняют канонический портрет советского ученого с помощью демонстрации формальных внешних атрибутов научной деятельности, мест съемок. Но вместе с тем советские кинодокументалисты нашли специфическую нишу съемок бурятских ученых, изучающих тибетские ксилографы.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЛИЧНОМ АРХИВЕ К. М. ГЕРАСИМОВОЙ

В работе рассмотрены изобразительно-графические материалы из личного архива К. М. Герасимовой. Представлены 6 групп картографических изображений: карты исследования Центральной Азии российскими учеными, исторические процессы на территории Европы и Азии, история России, Сибири, современные карты государств Азии. Сделан вывод о том, что в исследованиях К. М. Герасимовой карты стали и способом визуализации материала, и средством его анализа. Они в полной мере отражают широту исследовательских интересов ученого.

Ключевые слова: источниковедение, изобразительно-графические источники, карты, личный архив, К. М. Герасимова.

*Erdyneeva Snezhana Eduardovna
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia*

GRAPHIC MATERIALS IN THE PERSONAL ARCHIVE OF K. M. GERASIMOVA

The paper deals with visual and graphic materials from the personal archive of K. M. Gerasimova. Six groups of cartographic images are presented. There are maps of the study of Central Asia by Russian scientists, historical processes in Europe and Asia, the history of Russia, Siberia, modern maps of Asian states. It is concluded that in the studies of K. M. Gerasimova's maps became both a way of visualizing the material and a means of its analysis. They fully reflect the breadth of the scientist's research interests.

Keywords: source study, visual and graphic sources, maps, personal archive, K. M. Gerasimova.

Изобразительные источники – исторические объекты, сохранившиеся в специфической форме: рисунки (в том числе наскальные, наиболее древние), эскизы и картины, схемы, таблицы и чертежи, географические и иные карты, зарисовки танцев, обрядов, костюмов и др. Информация в этих источниках передается своеобразными средствами: цветовыми пятнами, линиями, точками, расположенными в нужном автору порядке (Георгиева 2017: 7). Географические карты – особый вид изобразительно-графических источников, содержащий информацию об особенностях пространственного размещения объектов, состоянии и взаимосвязях различных явлений, их изменениях во времени. Благодаря этому картографическая информация имеет долговременное значение.

В этом отношении интересен и познавателен малоизвестный сегмент личного архива К. М. Герасимовой – карты и диаграммы. Здесь аккумулированы материалы о Китае, Тибете, Индии, Восточной Европе IX – первой половины XIII вв., политические карты МНР, Китая, тематические карты народов и государств на юге нашей страны в древнейшую эпоху. Кратко рассмотрим несколько групп картографических материалов.

Первая группа связана с исследованиями российских ученых в Центральной Азии. В нее входят карта маршрутно-глазомерной съемки второго (1873, 1877) и третьего (1879, 1880) путешествий Н. М. Пржевальского в Центральной Азии; схематическая карта маршрутов Н. М. Пржевальского (Монгольское путешествие, Лоб-норское и Джунгарское, 1-ое и 2-ое Тибетские); карта «Маршрут третьего путешествия (Первого Тибетского) Н. М. Пржевальского в Центральной Азии в 1839–1880 гг.»; карта «Маршрут четвертого путешествия (второго Тибетского) Н. М. Пржевальского в Центральной Азии в 1883–1885 гг.»; карта территории Китая и Тибета; карта «Путешествия Н. М. Пржевальского»;

карта «Маршрутно-глазомерной съемки путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной Нагорной Азии в 1871, 1872 и 1873 гг.» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1046).

На картах обозначены города, деревни, кумирни, колодцы, ключи, пески, солончаки, болота; высоты над уровнем моря даны в футах. Масштаб нескольких карт дан в верстах. На некоторых картах есть заметки К. М. Герасимовой: «Лаврен 1710», «Чжона», «Ра-чжа». Отмечены пути от г. Зайсан через хребет Байтык-Богдо, затем до г. Сачжеу, через хребет Гумбольдта до г. Дзун-Засак, оттуда до г. Бумза и до г. Кяхта через хребты Тангла, Думбуре, Уэнь-Лунь, до г. Дулан, Синин, Чейбсен, Чартынтон, Даджин и Улан-Батор. Путешествие из г. Кяхта шло через г. Улан-Батор, пустыню Гоби, г. Пинфань, Чартынтон, Чейбсен, Дулань, Хаджар (Гаджир), Чон-Яр, Чарлык, Ваш-Шари, Черчен, Ясулгун, Хотан, Ак-су и до г. Пржевальск (Каракол).

Вторая группа карт связана с историей Монголии в средние века. Карта «Раннефеодальные государства на территории Монголии» в масштабе 1:120 км дает представление о границах государств Жужаней и Тоба-Вэй (IV–VI вв.), Западно-Тюркского и Восточно-Тюркского каганатов 546–745 гг., территории государства киданей X–XI вв. Отмечены названия племен, тюркские и уйгурские могильники и курганы, Великая Китайская стена, Великий Шелковый путь и столицы государств.

Карта «Монгольские государства в XIII веке» в масштабе 1:750 км представляет границы времени монгольского завоевания государств Хорезмшахов, Грузии, русских земель и княжеств. Стрелками отмечены направления походов Чингис-хана и его полководцев в Среднюю Азию и Восточную Европу в 1219–1223 гг., приблизительная южная граница державы Чингис-хана ко времени его смерти (1227 г.) и показаны монгольские государства после смерти Чингис-хана: Собственный улус Великого Хана, Государство хулагинов с его вассалами, Чагатайский улус, Золотая Орда, подвластная Орде территория Руси. Также карта имеет обозначения путешествия Марко Поло в 1271–1295 гг.

Карта «Монгольское государство в XIII–XIV вв.» выполнена в масштабе 1:400 км. На карте условно обозначены походы Темучина (до 1206 г.), район кочеваний Темучина до 1206 г., походы Чингисхана (1211–1226 гг.), походы Джучи, Чагатая, Джебе, Субедея и Хулагу, границы объединенной Монголии (1206 г.), границы Монгольского государства (1226 г.), походы Угэдэй-хана (1231 г.), походы Батые и его полководцев (1236–1241 гг.), походы на Китай, Юго-Восточную Азию и Японию, территория Руси, подвластная Золотой Орде, а также границы государств и мест главных сражений. К этой группе относится и карта «Центральная Гоби по съемке П. К. Козлова. Ноябрь 1899 – январь 1900 и сентябрь–ноябрь 1901 г.» в масштабе 1:20 верст (на 2 листах) (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1045).

Третий блок изобразительно-графических материалов составляют исторические карты: «Древний мир в начале II в. н.э.» с указанием государств, границ, Великого Шелкового пути, укрепленных валов и стен. На карте «Арабы в Средней Азии и Закавказье в VIII–IX вв.» указаны границы арабских завоеваний к середине VII и VIII вв., арабский торговый путь в Восточную Европу, племена и народы Восточной Европы, платившие дань хазарам в VIII и первой половине IX вв. Сюда же нами отнесены карты «Восточная Европа в XI–XII вв. (до 1054 г.); «Восточная Европа в XII и первой половине XIII вв.»; «Украинское восстание под руководством Б. Хмельницкого»; карта Швеции (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1049) и др.

Отдельную группу представляют картографические источники по истории Российского государства: «Народы и государства на юге нашей страны в древнейшую эпоху (в I-м тыс. до н.э. и I-м столетии н.э.)», «Рост Московского княжества в 1300–1462 гг.», «Московское и Литовское государства в XIV–XVI вв.», «Государства и народы на территории СССР в конце XV – начале XVI вв.», «Империя Петра I (1689–1725 гг.)», «Российская Империя в 1725–1800 гг.» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1051). Собранные К. М. Герасимовой материалы позволяют наглядно проследить динамику развития страны. Так, на карте «Русское государство в XVII в. (1600–1694 гг.)» отмечены границы государств в 1600 г., приблизительные пределы турецких завоеваний в Закавказье к началу XVIII в., территории Русского государства и полузависимых от него земель к началу XVII в., территория, отошедшая от Москвы к Швеции по Столбовскому миру 1617 г., пункты городских восстаний в 1648–1650 гг., походы С. Разина на Каспийское море и Среднее Поволжье, границы Швеции, Речи Посполитой, Персии, Турции, королевства Польского по Люблинской унии к концу XVII в. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1049).

В пятую группу собраны карты, отражающие историю Сибири и Байкальского региона: «Сибирь в XVI–XVIII вв.» – границы, присоединенные земли XVI–XVIII вв., пути в Западную Сибирь и важней-

шие экспедиции на Амур и к океанам; «Чертеж земли Иркутской»; современные рекреационная схема «Байкал» и физическая карта Бурятии (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1052).

Заключительный блок составляют физические и политические карты государств современной Азии: «Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс» (физическая карта Монголии с обозначениями полезных ископаемых, крупных городов, рек, озер, пустыней, болот) (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1048); «Схематическая политическая карта Китая», «Китай»; фрагмент политической карты мира (Азия); карта Китая и Тибета на немецком языке (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 41. Оп. 1. Д. 1047).

Источники подобного типа расширяют возможности обогащения существующих исторических знаний пространственными суждениями через возможности описания новыми способами месторасположения объекта в пространстве и его атрибутов. В исследованиях К. М. Герасимовой карты стали и способом визуализации материала, и средством его анализа. Они в полной мере отражают широту исследовательских интересов ученого.

Литература:

Георгиева Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 1. С. 7–19.

РАЗДЕЛ 4
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВ И ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI: 10.53954/9785604788981_169

Тимохин Дмитрий Михайлович
кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
horezm83@mail.ru

**ХОРЕЗМ И ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА ДЕШТ-И КЫПЧАКА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ
ХОРЕЗМШАХА АТСЫЗА (1127–1156)**

В представленном докладе мы постараемся рассмотреть внешнюю политику Хорезма в годы ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127–1256) в отношении кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака. Несмотря на скудость сведений по этому поводу в мусульманских исторических и географических сочинениях XII в. мы постараемся реконструировать военное и политическое влияние Хорезмийской державы на данный регион. Также для этого нами будут использованы и более поздние образцы мусульманской историографии, что позволит несколько лучше понимать, какие цели преследовал хорезмшах Атсыз в данном случае и каких результатов ему удалось добиться. Все это позволит наилучшим образом понять формирование взаимодействия между Хорезмом и кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака, которое еще ярче проявится во второй половине XII – начале XIII в.

Ключевые слова: Хорезм, Атсыз, тюркские племена, Дешт-и Кыпчак.

Timokhin Dmitry Mikhailovich
Candidate of Sciences in History
Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

**Khorezm and the Turkic Tribes of Desht-i Qipchak during the reign of
Khorezmshah Atsyz (1127–1156).**

In the presented report, we will try to consider the foreign policy of Khorezm during the years of ‘Ala’ ad-Din Atsyz (1127–1256) in relation to the nomadic Turkic tribes of the eastern Desht-i Qipchak. Despite the paucity of information on this subject in Muslim historical and geographical writings of the 12th century, we will try to reconstruct the military and political influence of the Khorezm power on this region. We will also use later samples of Muslim historiography for this purpose, which will allow us to understand somewhat better what goals Khorezmshah Atsyz pursued in this case, and what results he managed to achieve. All this will make it possible to best understand the formation of interaction between Khorezm and the nomadic Turkic tribes of the eastern Desht-i Qipchak, which will manifest itself even more vividly in the second half of the 12th – early 13th centuries.

Keywords: Khorezm, Atsyz, Turkic tribes, Desht-i Qipchak.

История правления в Хорезме ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127–1256) напрямую связана с усилением этого регионального образования и освобождением от сельджукской зависимости. Исследователи обычно сосредотачивали свое внимание именно на последнем процессе, детально описывая противостояние Атсыза и сельджукского султана Санджара (Буниятов, 1986). Однако наше внимание будет сосредоточено на другом аспекте внешней политики Хорезма в этот период: выстраивание взаимоотношений с кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака. Именно Атсыз станет первым представителем династии Ануштегинидов, который с одной стороны начнет вести активную завоевательную политику в этом направлении, но с другой – налаживать торговые контакты и призывать представителей тюркских племен на хорезмийскую службу. В частности, уже Ибн ал-Амсир отмечает, что

еще до того, как стать независимым правителем Хорезма, Атсыз проводил активную завоевательную политику в отношении земель восточного Дешт-и Кыпчака и населяющих его племен. «Когда хорезмшах умер, на его место вступил сын его Атсыз, который распространил тень безопасности и справедливости. При отце он командовал армией, отправлялся в страны врагов, вступил с ними в войну и овладел городом Мангышлаком» (Ибн ал-Асир 2006: 233).

Последующие военные кампании хорезмшаха Атсыза имели несколько важных направлений, первое из которых связано с Мангышлаком и населяющим его племенем кочевых тюрок. Об этом завоевательном походе упоминает Йакут ал-Хамави, в сообщении которого речь идет, впрочем, не о полуострове, а о крепости с одноименным названием (Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939: 435). Гораздо важнее отметить захват хорезмийцами Дженда, который являлся важнейшим городом для торговли с восточным Дешт-и Кыпчаком: о его торговом потенциале сообщает нам анонимный автор «'Аджа'иб ад-дунйа» («Диковинки мира»). «Это город в Туркестане. Его товары: лошади, мулы, колчаны, хорошие футляры для луков, древесина белого тополя, соболь, белка, горностаи, рабы и рабыни, соколы, белые соколы, соколы "тугрил", костяные шарики» (Аджаиб ад-дунйа, 1993: 195). Значимость этого города для Хорезма подчеркивает и тот факт, что именно туда отправляет Атсыз своего старшего сына и наследника, Абу-л-Фатха Ил-Арслана. «И когда Дженд был очищен от мятежников, Атсыз послал туда Абу-л-Фатха Ил-Арслана и поставил его над той областью» (Джувеини 2004: 197).

Однако на этом активные действия Атсыза против кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака отнюдь не закончились: по данным некоторых мусульманских источников им также был совершен поход вглубь степных территорий к северу от Дженда, который также окончился для хорезмшаха победоносно. «Для этой цели он занял местности, именно Дженд, т.е. низовья Сырдарьи и полуостров Мангашлык. Из Дженда он совершил поход вглубь Туркестана и одержал победу над «царем и предводителем, который среди неверных пользовался самым большим уважением» (Бартольд, 1963: 388). С нашей точки зрения, целью хорезмийских походов было, прежде всего, не завоевание конкретных степных территорий, а захват ключевых торговых поселений, через которые велись торговые отношения кочевниками восточного Дешт-и Кыпчака. Однако искать здесь следует не только торговую, но и политическую выгоду, которую преследовал как сам Атсыз, так и его потомки.

Контроль над приграничными с Дешт-и Кыпчаком регионами обеспечивал хорезмшахов возможностью активно заключить военные союзы с отдельными тюркскими племенами. Этот процесс особенно ярко проявляет себя в годы правления потомков хорезмшаха Атсыза: в частности, упомянутый нами выше Ил-Арслан принимает на хорезмийскую службу представителей карлукской знати, о чем свидетельствует Садр ад-Дин ал-Хусайни. «Что касается Инанджа, то хорезмшах Ил-Арслан отправил к нему большую часть своего войска и приказал провести весну в Джурджане, пока кони не будут откормлены, а затем двинуться в Ирак. Он назначил командиром войск Шамс ал-Мулка сына Хусайна 'Айяр-бека – одного из карлукских эмиров и кочевников Мавераннахра. Его отец захватил Самарканд, а затем подвергся нападению кочевников хитая. В сражении он был убит, а этот его сын бежал в Хорезм. Хорезмшах встретил его с честью и почетом, окружил его вниманием и милостью. Он выдал за него свою сестру и сделал его командующим своих войск» (ал-Хусайни 1980: 131–132). Такая поддержка карлуков в итоге привела Хорезм к столкновению с державой кара-китаев, которая так же пыталась распространить свое влияние на кочевые тюркские племена восточного Дешт-и Кыпчака. «В этом году хитая переправились через реку Джайхун, желая напасть на Хорезм. Владелец его хорезмшах Иль-Арслан ибн Атсыз услышал об этом, собрал войска и направился в Амую, дабы сразиться с ними и отбросить их. Но он заболел и остановился в нем. Он направил против них часть своего войска во главе с главным эмиром. Тот встретился с ними, и между ними произошло жестокое сражение. Хорезмийцы бежали, и их предводитель был взят в плен. Хитая вернулись в Мавераннахр, а хорезмшах, будучи больным, – в Хорезм» (Ибн ал-Асир 2006: 270).

Последующие правители Хорезма будут также выстраивать политические и военные связи с кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака, что обеспечит, в свою очередь, доминирование хорезмшахов и их победу над региональными противниками. Можно считать, что именно активное взаимодействие с указанными племенами и племенными объединениями, которая заметна еще в годы правления Атсыза, станет основой хорезмийского могущества и поможет представителям династии Ануштегинидов создать могучую империю в начале XIII в., разрушенную впоследствии монгольскими завоевателями.

Литература:

- Аджаиб ад-дунйа (Чудеса мира) / Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указатели Л. П. Смирновой. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 541 с.
- Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006. 560 с.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 45–597.
- Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М.: Наука, 1986. 251 с.
- Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира / пер. Е.Е. Харитонова. М.: Магистр-Пресс, 2004. 688 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. 612 с.
- Садр ад-Дин ‘Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях») / пер. З. М. Буниятова. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1980.

*Беляков Андрей Васильевич
доктор исторических наук
Институт российской истории РАН
Москва, Россия
belafeb@gmail.com*

ОРДЫНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ (БАКШЕИ, БЕГОУЛИ, ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ЗА ЗОЛОТОЙ ПЕЧАТЬЮ)

Русские архивы до начала XVII в. имеют крайне слабую сохранность. Но, несмотря на это, имеется возможность реконструировать процессы складывания дипломатической службы в Москве в XIII – XV вв. Во многом данное явление было обусловлено необходимостью регулярных контактов с Золотой Ордой. Поэтому абсолютно логично, что ряд терминов русской стороной был позаимствован на Востоке. Это, прежде всего бакшеи, бегоули, толмачи. Другое заимствование, жалованные грамоты за золотой печатью, имеет не столь явное восточное влияние. Однако практика их использования явно была позаимствована из ордынской канцелярии. Сделанные наблюдения позволяют не только раскрыть логику складывания русской посольской службы, но и дополнить представления о том, как функционировали подобные институты в Орде.

Ключевые слова: дипломатическая служба, бакшеи, бегоули, жалованные грамоты за золотой печатью, Золотая Орда, русские княжества XIII–XV вв.

*Belyakov Andrey Vasilievich
Doctor of Sciences in History
Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

HORDE'S INFLUENCE ON THE FORMATION OF RUSSIAN DIPLOMATIC PRACTICE (BAKSHEYS, BEGOULI, GOLDEN SEALED LETTERS OF HONOR)

Russian archives until the beginning of the 17th century are extremely poorly preserved. But, despite this, there is the opportunity to reconstruct the processes of the formation of the diplomatic service in Moscow in the 13th – 15th centuries. This phenomenon was largely due to the need for regular contacts with the Golden Horde. Therefore, it is absolutely logical that a number of terms were borrowed by the Russian side in the East. These are, first of all, bakshei, begouli, tolmachi. Other borrowings, letters of honor with a gold seal, have a less pronounced Eastern influence. However, the practice of using them was clearly borrowed from the Horde office. The observations made it possible not only to reveal the logic of the formation of the Russian embassy service, but also to supplement ideas about how such institutions functioned in the Horde.

Keywords: diplomatic service, bakshei, behouli, letters of honor with a gold seal, Golden Horde, Russian principalities of the 13th – 15th centuries.

О природе русского посольского церемониала писали неоднократно (Веселовский 1911; Рихтер 1825; Савва 1901; Семенов 2007). Вопросы же формирования собственно дипломатической службы на раннем этапе, как правило, остается за рамками интересов исследователей. Хотя и здесь имеются отдельные работы (Горский 2018; Беляков 2021). Причину сложившейся ситуации следует искать в плохой сохранности документов. Чем дальше мы будем углубляться в прошлое, тем меньше документов по русской истории сохранилось до нашего времени. Однако даже немногочисленные сохранившиеся свидетельства позволяют сделать некоторые наблюдения. Помогает в решение сложившейся проблемы и экстраполяция свидетельств XVI–XVII вв. на более ранний период.

В настоящее время можно утверждать, что ряд элементов организации посольской службы конца XV–XVII вв. имеет свои корни в потребностях осуществления регулярных контактов русских княжеств с правителями Золотой Орды. Встреча и обслуживание ордынских послов, отвоз дани регулярные по-

ездки русских князей в Орду требовали наличия неких постоянно действующих структур, осуществляющих техническое обеспечение этих контактов. Как минимум с середины XIV в. этими функциями занимались великокняжеские служилые татары. Позднее они трансформируются в станичников Посольского приказа. Они в первую очередь обеспечивали охрану посольств и материальных ценностей. Но также среди великокняжеских татар постепенно выделилась группа специалистов по устному и письменному переводу – толмачей. Этот термин, по-видимому, также был позаимствован в Орде. В более поздний период такие толмачи, как правило, осуществляли перевод с русского на татарский. Однако длительное время официальные документы в ханской канцелярии составлялись уйгурским письмом. Специалистов, владевших им, называли бакшей (Бартольд 2002: 501). Имеются свидетельства о том, что в их руках находилась дипломатическая переписка (Абзалов 2011: 168). Вполне логично, что подобные лица появились и в русских землях. Однако здесь функции бакшеев оказались несколько шире. Они превратились в разновидность дьяков, отвечающих за поддержание контактов с Золотой Ордой. Кстати, русское понятие дьяк является фактически калькой определения бакшея, данного В. В. Бартольдом: служитель культа, связанный с пением, писец, делопроизводитель. Отметим, что бакшей также фиксируются в Ногайской Орде, Казанском и Крымском ханствах, возможно, в Великом княжестве Литовском. Со временем понятие бакшей начинает трансформироваться. В конце XV–XVI вв. так в Москве стали называть высококлассных специалистов по арабской графике.

Отдельные татарские толмачи помимо прочего выполняли обязанности приставов при посольствах (Полное собрание 2004: 254; Акты 1952: 261, 295; Акты 1956: 409). При этом изначально такие лица, похоже, назывались еще одним термином, позаимствованным в тюркском языке – бегоули (Акты 1964: 204; Срезневский 1893: 47; Веселовский 1917: 201-204; Сатыбалов 1958). Однако по неизвестным причинам он не закрепился в русской практике, хотя на русском севере встречается еще в конце XVI в. (Словарь 1975: 85).

Другое явление из русского дипломатического обычая – жалованные грамоты за золотой печатью. Они широко раздавались Москвой на протяжении XVI и отчасти XVII вв. Они выдавались тем народам на постордынском пространстве, власть над которыми русского монарха была не прочна, а порой и эфемерна (Югра, Сибирское ханство, Грузия, Черкесия, иные государства Северного Кавказа и народы Среднего Поволжья, Алтын-хан, калмыки) (Беляков 2022). Москва воспринимала выдачу подобных документов как факт безусловного вступления этих народов в русское подданство, что находило свое отражение во все возрастающем титуле русского царя. Хотя у народов, получающих подобные документы, было несколько иное видение. В. В. Трепавлов отмечал, что на постордынском (он говорил о башкирах и Сибирском ханстве) еще в XVI в. существовал представление о том, что легитимность земельного владения обеспечивалась только пожалованием от монарха (Трепавлов 2018: 183–185). Первоначально это был монгольский хан, затем хан Золотой Орды. Далее эти функции перешли ханам Астраханского и Казанского ханств. Но постепенно, в том числе, благодаря завоеванию поволжских царств, подобные пожалования стал осуществлять и московский правитель. В тексте этих грамот русскому государю отдавались те или иные земли. Он же со своей стороны жаловал их за службу прежним владельцам. По-видимому, подобное оформление документов возникло благодаря объединению двух атрибутов власти ордынских наместников, назначаемых управлять той или иной территорией: ханской грамоты (ярлыка) и пайцзы.

Таким образом, ордынское влияние на становление русской дипломатической практики, безусловно. Конечно же, со временем заимствованные элементы на русской почве значительно трансформировались. Однако исходные явления все же вполне надежно считываются. Сделанные наблюдения также показывают, что когда в конце XV в. Московское княжество стало развивать дипломатические контакты со странами Европы, то для этого использовались уже вполне сложившиеся институты обеспечивающие контакты со странами Востока. Хотя, конечно же, их требовалось несколько модернизировать.

Литература:

Абзалов Л. Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 251 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М.: Академия наук СССР, 1952. Т. I. 803 с.

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М.: Наука, 1964. Т. III. 686 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Академия наук СССР, 1951. Т. I. 400 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Академия наук СССР, 1956. Т. II. 727 с.
- Бартольд В. В. Собрание сочинений. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 754 с.
- Беляков А. В. Бакшей – трансформация понятия // Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность. 2021. № 4. С. 60–71.
- Беляков А. В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. № 1. С. 184–211.
- Веселовский Н. Мнимая должность букаульного тамговщика в Империи Чингиз-хана // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. 1916. Пг.: Гос. изд-во, 1917. Т. 26. С. 201–204.
- Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1911. 24 с.
- Горский А. А. Московские «ордынцы» и «делюи» // Вертоград многоцветный: сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 173–179.
- Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
- Рихтер А. Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Ч. XXII. № 62.
- Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и Сыновья, 1901. 265 с.
- Сатыбалов А. А. Социально-политические термины тюркоязычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанский филиал АН СССР. Махачкала: [б. и.], 1958. Т. 5. С. 180–191.
- Семенов И. Н. Традиции кремлевского дипломатического протокола (посольского обычая) XV – XVII вв. и их современное значение: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 205 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. Т. I. 771 с.
- Трепавлов В. В. Символы и Ритуалы в этнической политике России XVI – XIX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.

Лушников Олег Вадимович
кандидат исторических наук
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
oleglushnikov@ya.ru

ВЕЛИКАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК МИР-СИСТЕМА XIII–XV ВВ.

Мир-системный подход – перспективная методология для описания крупномасштабных исторических процессов, анализа закономерностей экономических и политических циклов. Период Великой Монгольской империи является важнейшим этапом в становлении евразийской цивилизации. Монгольская империя способствовала развитию этнокультурных процессов в Евразии благодаря как торговле, так и культурному обмену, передаче технологий и интеллектуальному взаимодействию между народами Евразии, а также синтезу кочевой и оседлой цивилизаций. Анализ экономического и культурного взаимодействия в Монгольской империи и ее улусах дает богатый материал для понимания механизмов интеграции евразийской цивилизационной общности, таких как этническая и религиозная толерантность, этнокультурная автономия, сочетание принципов вертикали власти и федерализма, развитие экономического сотрудничества в трансевразийском масштабе. Этот самый амбициозный интеграционный проект за весь период Античности и Средневековья стал краеугольным камнем для накопления опыта и выявления эффективных принципов евразийской интеграции и в XXI в.

Ключевые слова: Монгольская империя, политико-экономические и культурно-исторические процессы.

Lushnikov Oleg Vadimovich
Candidate of Sciences in History
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
Perm, Russia

THE GREAT MONGOLIAN EMPIRE AS THE WORLD-SYSTEM OF THE 13TH– 15TH CENTURIES

The world-system approach is a promising methodology for describing large-scale historical processes, analyzing patterns of economic and political cycles. The period of the Mongol Empire is the most important stage in the formation of the Eurasian civilization. The Mongol Empire contributed to the development of ethno-cultural processes in Eurasia thanks not only to trade, but also to cultural exchanges, translational technologies and intellectual interaction between the peoples of Eurasia, as well as the synthesis of nomadic and sedentary civilizations. An analysis of economic and cultural interaction in the Mongol Empire provides rich material for understanding the mechanisms of integration of the Eurasian civilizational community, such as ethnic and religious tolerance, ethno-cultural autonomy, a combination of the principles of the vertical of power and federalism, the development of economic cooperation on a trans-Eurasian scale. This most ambitious integration project for the entire period of Antiquity and the Middle Ages became a cornerstone for the accumulation of experience through which we can determine the basic principles of Eurasian integration in the 21st century.

Keywords: The Mongol Empire, cultural, ethnic and political processes.

Мир-система представляет собой системы обществ, объединенных тесными экономическими связями, выступающие в качестве определенных эволюционирующих единиц, но не всегда объединенные в единое политическое образование. Торговые коммуникации связывают разные регионы и культуры в единое макроэкономическое пространство (Абу-Луход 2001: 450).

Мир-система прошла несколько стадий производства-распределения:

- а) родственные связи и взаимобмен, вождество, предгосударство;
- б) мир-империя – «цивилизация», данничество, выкачивание ресурсов из колоний, административная централизация, доминирование политики над экономикой;

в) мир-экономика – «капитализм», глобализация, ТНК, экономика доминирует над политикой.

В мир-системе есть экономический центр и периферия. В ходе эволюции мир-системы ее центр неоднократно перемещался: Ближний Восток, Дальний Восток, Евразия, Европа, Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

В XIII в. в период Монгольской империи можно говорить о создании «Евразийской мир-системы». *Rax Mongolica* состояла из пяти независимых «ядер»: 1) Западная Европа; 2) Арабский мир; 3) зона Индийского океана; 4) Китай и Великая степь, объединенная монголами в единое макрополитическое пространство (Коротаев 2005: 7).

Монголы организовали самый масштабный торговый путь из Китая в Европу, способствовали росту трансконтинентальной торговли, притоку инноваций в Европу, включению Индии в более тесные взаимоотношения с другими частями мир-системы (Крадин, Скрынникова 2006: 326).

Мир-система строится на трех видах социальных связей: 1) экономические – обмен товаров (престижных и массовых); 2) информационные – обмен информацией и технологиями; 3) безопасность – военно-политический союз. Это фактически совпадает с принципами построения евразийской интеграции Чингисидов: 1) безопасность внешних границ и внутренний порядок; 2) экономический рост от интеграции, стимулирование экономики территорий, вошедших в *Rax Mongolica* через финансовую политику (налоги, таможенные сборы, чеканка «конвертируемой» монеты, кредиты, векселя), развитие торговых путей и флота, городов и инфраструктуры (ямы, караван-сарай и т.п.), создание трансконтинентальных торговых товариществ – «уртаков»; 3) сохранение культур и религий при интенсивном межкультурном обмене идей, технологий, ремесел, наук, моды, искусств, кухни, литературы, живописи, музыки, быта, одежды, формировали процесс становления общеимперской культуры.

Функционирование *Rax Mongolica* – это не только бурное развитие ремесел и торговли, но и межкультурный обмен, и трансляция технологий, и интеллектуальное взаимодействие народов Евразии. Происходил синтез кочевой и оседлой цивилизаций (Пиков 2009: 8). Этому способствовала политика империи. Духовенство всех религий и церковное имущество были освобождены от налогов. Политика веротерпимости сохранялась даже при переходе ханов в буддизм в Китае или в ислам в Иране, Средней Азии и Золотой Орде. Факты мирного сосуществования в империи ислама, христианства разных конфессий, буддизма, конфуцианства и тенгрианства свидетельствуют, что независимо от национальности и вероисповедания можно было сделать карьеру в армии или в имперской администрации (Сочнев 2003: 66).

Археологические исследования выявили возрождение городов в Монгольской империи (в том числе пострадавших в 1220-е гг. Отрар, Ургенчи др.), восстановление экономических связей в регионах и рост международной торговли уже с середины XIII в. (Егоров 1985: 234). Так экспорт Улуса Джучив Китай, Европу, Иран, Египет, Индию был представлен пушниной, зерном, солью, скотом, рыбой, кожей, керамикой. Импорт превышал 40 статей (ткани, пряности, лекарства, декоративные и ювелирные изделия, ковры, зеркала, утварь, кони) (Калан 2012: 143). Пик интенсивности Евразийской мир-системы приходится на XIV в.

В Улусе Джучи можно выделить зоны сплошной оседлости более 100 городов – Поволжье, Крым, Приаралье, Приднепровье, Приднестровье, предгорья Северного Кавказа. Налицо общий имперский стиль городов, унификация строительного материала. И даже планировка Сарая во многом похожа на планировку Каракорума (Измайлов 2010: 223).

Имперские столицы и крупные торговые центры (Каракорум, Ханбалык, Тебриз, Самарканд, Сарай и др.) стали местом переплетения культур, языков, обычаев, архитектурных решений и стилей, сосредоточием ремесел, изящных искусств, храмов, академий, обсерваторий, мавзолеев, шедевров архитектуры (Федоров-Давыдов 1994: 43). Города имели также искусственные озера, подземные водопровод и канализацию (Зиливинская 2014: 185).

Проблему мультилингвизма в империи помогали решать многочисленные переводчики. Для делопроизводства и дипломатии, науки и культуры использовались уйгурская письменность, «квадратное письмо» (Юань), «чагатайский тюрки» (Средняя Азия, Крым, Поволжье, Восточный Туркестан, Хорасан, Индия и Малая Азия) (Бейсембиев 2008: 77).

Культура, наука, литература, искусство *Rax Mongolica* получили дальнейшее развитие, впитав в себя традиции всех народов империи (Васильев 1993: 43). В городах процветали науки: медицина, история, математика, астрология. В Китае трудились мусульманские врачи и астрономы из Ирана, а китайские

специалисты передавали свой опыт на Ближнем Востоке (Кадырбаев 2005: 218). Особое место в имперском наследии занимают персидская миниатюра и юаньская живопись. Проявлялась имперская культура также в кругу социально престижных изделий, в одежде знати – в костюме, пайцзах, поясном гарнитуре, оружии, конской сбруе, аксессуарах, и даже в стиле мужской и женской прически (Крамаровский 2000: 132).

Анализ мир-системы *Rax Mongolica* позволяет выделить эффективные механизмы евразийской интеграции – этно-конфессиональная толерантность, этнокультурная автономия, континентальное экономическое взаимодействие.

Литература:

Абу-Луход Ж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // *Время мира*. Вып. 2: Структуры истории / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 449–461.

Бейсембиев Т. К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии // *Тюркологический сборник*. М.: ИВ РАН, 2008. С. 77–94.

Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // *Из Истории Золотой Орды*. Казань, 1993. С. 33–44.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 243 с.

Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. М.-Казань: Отечество, 2014. 228 с.

Измайлов И. Л., Зеленева Ю. С. Нижнее Поволжье и столицы // *История татар с древнейших времен в 7 т. Т. 3*. Казань, 2010. С. 215–225.

Кадырбаев А. Ш. Ислам и мусульмане в истории монголов XIII–XV вв. // *Монгольская империя и кочевой мир*. Т. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 206–219.

Калан Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012. 156 с.

Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005. 344 с.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., РАН, 2006. 557 с.

Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов // *Сокровища Золотой Орды*. СПб., 2000. С. 132–201.

Пиков Г. Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи» // *Вестник НГУ. Серия: история, филология*. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 4–10.

Сочнев Ю. В. Характеристика общих принципов религиозной политики монгольских властителей в XIII–XIV вв. // *Мининские чтения*. Н.-Н., 2003. С. 59–68.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Зуев Андрей Сергеевич
доктор исторических наук
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
zuev.nsu@gmail.com

ШЕРТИ-ПРИСЯГИ МОНГОЛЬСКИХ ТАЙШЕЙ И ТАБУНГУТСКИХ САЙТОВ РОССИЙСКИМ МОНАРХАМ В 1689 г.

В статье излагаются результаты дипломатического и содержательного анализа документов, оформивших принятие российского подданства представителями монгольской политической элиты в 1689 г. Делается вывод, что эти документы, традиционно квалифицируемые в историографии как «договоры», являются по своим основным характеристикам шертовальными записями – правовыми актами, фиксирующими обязательства подданных перед российскими монархами.

Ключевые слова: русско-монгольские отношения, шертовальные записи, российское подданство.

Zuev Andrey Sergeevich
Doctor of Sciences in History
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

OATHS OF ALLEGIANCE (SHERT) OF MONGOLIAN TAISHI AND TABUNGUT SAYIDS TO THE RUSSIAN MONARCHS IN 1689

The article presents the results of diplomatic analysis and study of the content of documents that formalized the fact of subjugating the representatives of Mongolian political elites to Russian authorities in 1689. It argues that all these documents, which are traditionally defined in Russian historiography as “treaties”, in their nature are nothing else but oath (shert) records, i.e. legal documents establishing obligations of subjects to the Russian monarchs.

Keywords: Russian-Mongolian relations, oath (shert) records, Russian citizenship.

В 1689 г. ряд монгольских предводителей, перекочевавших со своими улусными людьми в Забайкалье, приняли российское подданство. Историки неоднократно обращали внимание на это событие, однако не пытались проанализировать формуляр и содержание тех документов, которыми это подданство было оформлено. В результате допускались неточности и ошибки в их интерпретации и характеристике. Внимательный же дипломатический и содержательный анализ означенных документов позволяет более точно осуществить их историко-правовую классификацию.

Для начала заметим, что в текстах самих документов отсутствуют какие-либо их «классификационные» наименования, а подлинники обоих документов до сих не обнаружены. В распоряжении исследователей имеются лишь их копии, сделанные в XVIII – начале XIX вв. и хранящиеся в архивах. Эти копии озаглавлены (архивистами начала XIX в.) как «договоры о вечном подданстве»: первый – с монгольскими тайшами (датирован 15 января 1689 г.), второй – с табунгутскими сайтами (12 марта 1689 г.). Оба «договора» были заключены при участии полномочного посла, окольного Ф. А. Головина, посланного из Москвы в Забайкалье на переговоры с маньчжурами, и оба имеют адресатами царей Ивана и Петра Алексеевичей (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 126. Оп. 2. Д. 10, 11; Российский государственный исторический архив. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 320). Все неоднократные публикации данных документов также содержат в их названии классификационный маркер «договор» (Полное собрание... 1830. Т. 3: 4–7, 15–17; Сборник... 1960: 326–333; Исторический выбор... 2014: 328–332; и др.). Соответственно, и исследователи определяли эти документы «договорами» или «договорными статьями» (Кудрявцев 1940: 52–53; Шастина 1958: 157–158; Залкинд 1958: 80; Чимитдоржиев 1978: 84–85; Павлинская 2008: 190; и др.). И лишь И. Н. Шагдунова указала на их содержательное сходство с присягами-шертями (Шагдунова 2012: 214). Наименование же документов «договорами» в

понятийно-терминологическом отношении придает им значение двусторонних международных (межгосударственных) нормативно-правовых актов. Однако такая классификация не соответствует целевой установке и смысловому наполнению обоих документов. Их рассмотрение в контексте практиковавшихся русской властью на протяжении всего XVII в. процедур оформления подданства народов Северной и Центральной Азии правителю России показывает, что они по своим характерным признакам в большей или меньшей степени соответствуют шертовальным записям – документам, в которых фиксировались обязательства подданных перед монархом.

Документ, составленный от имени табунгутских сайтов (сайдов – «лучших», «знатных» людей, среди которых было несколько зайсанов) и шуленг, в полной мере по своему содержанию и формулярной структуре является шертовальной записью. В ней изложены почти исключительно односторонние обязательства табунгутов, являвшихся «родовым» подразделением халха-монголов. И эти обязательства представляют собой набор тех основных обязанностей, которые излагались в шертовальных записях, предназначавшихся иноземцам, вступавшим в подданство русскому царю. Помимо основных обязанностей, табунгутская запись, как и любая иная шертовальная запись, содержит вариативные обязанности, которые соответствовали кочевому образу жизни табунгутов и политическим реалиям, имевшим место в Забайкалье в конце 1680-х гг. Лишь два обстоятельства отличают табунгутскую шертовальную запись от прочих аналогичных документов. Первое – деление ее текста на пронумерованные статьи, в каждой из которых прописана определенная обязанность. Второе – наличие в одной из статей формулировки, сообщающей о том, что «великие государи своим ратным людем от нашедших неприятельских людей их, сайтов и шуленг и улусных людей, оборонять повелят». Однако эта формулировка по своему смыслу означала не столько обязанность, сколько возможное благодеяние, которое всегда озвучивалось во время призыва иноземцев в подданство (см. ниже).

На шертовальной записи предводители табунгутов, поименно в ней перечисленные, дали шерть-присягу за себя, своих детей и улусных людей, а также поставили свои «подписи»: «и впредь для подтверждения к сим статьям они, сайты, руками своими закрепили». Процедура шертования проходила в присутствии представителей русской власти – сына боярского П. Многогрешного и подьячего Ф. Удачина (РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–5 об.). Следует особо отметить, что главные «родоначальники» табунгутов – тайши – шертовали отдельно от сайтов и шуленг, причем перед Ф. А. Головиным и на том «договоре», который был предложен прочим монгольским тайшам (Русско-китайские отношения... 1972: 436–437).

Второй документ – «договор», заключенный по поручению Ф. А. Головина служилым человеком И. Р. Качановым с монгольскими (халхаскими и хотогойтскими) тайшами не столь однозначен. По формальным признакам и содержанию он заметно отличается от шертовальных записей. Наряду с обязательствами монгольской стороны в нем также присутствуют обязательства русской стороны, что придает документу сходство с двухсторонним договором. Однако он все же не является таковым.

Во-первых, если обязательства тайшей подробно расписаны во всех статьях документа, то обязательства русской стороны зафиксированы лишь в некоторых из них. Причем в ряде статей излагались те русские обязательства, которые, как правило, всегда доводились до сведения иноземцев при приеме их в российское подданство. Но обычно они присутствовали в «жалованных словах», устно оглашаемых представителями русской власти тем иноземцам, которые приводились к присяге-шерти на верность царю. Эти обязательства «гарантировали» подданным царскую милость за верную службу, обеспечение защиты от внешнего неприятеля и наказание преступников. И лишь обещания русской стороны не принуждать монголов к крещению в православие, не облагать их ясаком, выдавать беглых улусных людей и казнить преступников, убивших «без всякие причины» кого-либо из людей, подвластных тайшам, являлись неординарными для документов, оформлявших российское подданство иноземцев. Необходимо, правда, заметить, что отказ от ясачного обложения русская власть периодически практиковала в отношениях со всеми кочевниками, обитавшими на севере Центральной Азии, когда стремилась постепенно превратить их в своих подданных, а принуждение к крещению вообще никогда не фигурировало как непереносимое условие принятия азиатскими народами российского подданства.

Во-вторых, в документе указано, что только тайши «на сих вышеименованных статьях учинили ... во всякой верности по своей вере шерть», и только они скрепили документ своими подписями и печатями. Представители русской стороны, сначала И. Р. Качанов, затем Ф. А. Головин также дали устную клятву: «против договорных статей» «божились» (Русско-китайские отношения... 1972: 421, 424). Од-

нако в самом документе этот факт не был письменно зафиксирован. Соответственно, можно считать, что документ и формально, и фактически утверждал лишь односторонние обязательства монгольской стороны, а обязательства их контрагентов становились фикцией.

Таким образом, «договорные статьи» с монгольскими тайшами, несмотря на наличие в них ряда обязательств русской стороны, являлись по своей сути правовым актом, фиксирующим российское подданство, и поэтому их вполне можно рассматривать не как договор, а как один из вариантов шертовальных записей, пусть и весьма специфический.

Литература:

Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 320 с.

Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII вв.: документы и материалы. Иркутск: Отгиск, 2014. 784 с.

Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.

Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб.: Европейский дом, 2008. 256 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II-го Отд-ия собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 3. 690, [1] с.

Русско-китайские отношения в XVII веке. М.: Наука, 1972. Т. 2. 834 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Вып. 1. 493 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 215 с.

Шагдурова И. Н. Правовое регулирование административного и судебного устройства бурят в период Российской империи // Известия Иркут. гос. экон. академии. 2012. № 2. С. 213–217.

Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 182 с.

Китинов Баатр Учаевич
 доктор исторических наук
 Институт востоковедения РАН
 Москва, Россия
 kitinov@mail.ru

ХОШУТСКИЙ ЛИДЕР ОЧИРТУ: ТАЙДЖИ-ЧИНГИСИД И МУДРЫЙ ВСЕОЙРАТСКИЙ ХАН

Очирту был одним из лидеров ойратов-хошутов в сер. XVII в. Специалисты обычно уделяют внимание его борьбе с Аблай-тайши и Галдан-хунтайджи, оставляя в стороне интересный вопрос увязки его судьбы с титулами, которыми он был облечен. Очирту известен как *тайджи* – этот титул получали только чингисиды, и *хан* (Сэцэн-гьялпо) – его вручал Далай-лама. Первый титул оказал определенное влияние на утверждение Очирту себя на посту главы всеойратского чуулгана, второй – на укрепление позиций ойратов на международной арене. Однако Галдан-хунтайджи разбил войско старого хана, тем самым покончив со значением чингисидства среди ойратов и утвердив свой род чоросов как правящий, обладающий особыми отношениями с тибетскими иерархами.

Ключевые слова: Очирту, тайджи, Сэцэн-хан, чуулган, Галдан-хунтайджи, Далай-лама.

Kitinov Baatr Uchaevich
 Institute of Oriental Studies
 of the Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russia

KHOSHUT LEADER OCHIRTU: THAJI-CHINGHISID AND THE WISE ALL-OIRAT KHAN

Ochirtu was one of the leaders of the Khoshut Oirats in mid. 17th century. Specialists usually pay attention to his struggle with Ablai-Taishi and Galdan-Khuntaiji, leaving aside the interesting issue of linking his fate with the titles, which he obtained. Ochirtu is known as Taiji, this title was received only by Genghisids. Another title is Khan (Setsen-gyalpo), which was given by the Dalai Lama. The first title had a certain impact on Ochirtu's assertion of himself as head of the all-Oirat chuulgan, the second one strengthened the position of Oirats in the international arena. However, Galdan-Khuntaiji, who aspired to centralized power among the Oirats, defeated the army of the old Khan, thereby putting an end to the significance of Genghisidism among Oirats and establishing his family of Choros as the ruling one, having special relations with the Tibetan hierarchs.

Keywords: Ochirtu, Thaiji, Setsen Khan, chuulgan, Galdan-Khuntaiji, Dalai Lama.

Очирту (? – ок. 1676) был известным хошутскими ойратским лидером. Обычно Очирту упоминается как обладающий двумя титулами: *тайджи* и *хан* (Сэцэн-хан), даже высказывается мнение, что благодаря последнему титулу возникло особое Хошутское ханство в Верхнем Прииртышье. Однако обладание ханским титулом не всегда обозначает образование ханства, изучение исторических условий раскрывает тонкости политической культуры этих кочевников.

Далай-лама в 1666 г. предоставил титул хана (*Сэцэн гьялпо*, т.е. Сэцэн-хан) Очирту-тайджи (Норбо 1999: 102; Ishihama 1992: 503), который он высоко оценивал (описаны события после 1668 г.): «Из ойратов, по приказанию Очирту-тайджи, прибыли его посланники. Гьялпо (хан – Б. К.) ведет жизнь пандиты» (Ngagdbang 2012: 583–584). В данном отрывке внимание привлекает упоминание им обоих титулов Очирту – бывший (*тайджи*) и современный (*хан*). Почему Далай-лама указал оба титула?

После передачи в 1638 г. титула *Тензинчокьи гьялпо* Гуши-хану, дяде Очирту, ближе к середине 1650-х гг. Далай-лама присвоил ханский титул лидеру торгутов Дайчину. Ю. Ишихама пишет: «ханы (получившие титул без приставки *Тензин*, как Дайчин. – Б. К.) имели большую власть над всеми четырьмя ойратами и... они рассматривались как ханы (всех) ойратов» (Ishihama 1992: 508). Она допускает, что титул *хан*, полученный от Далай-ламы, подразумевал *всеойратского* хана (Ibid.). По Дж. Миява-

ки, ойратским лидерам следовало дать ханский титул, и кандидатура Гуши-хана подходила идеально – он был чингисидом, признан императором и ойратами (Miyawaki 1992: 269). А Очирту был его племянником.

Значит, лицо, получившее «обычный» титул от Далай-ламы, считался ханом над всеми ойратами, кем и стал Очирту-тайджи. В этом контексте интересна информация о положении среди ойратов его матери Гунджи, высказанная ее послами тобольскому воеводе В. Шереметеву в начале 1652 г.: «... калмыцкие де люди все ее почитают и слушают и называют ее матерью» (Материалы 1974: 376). Гунджи фактически считалась всеойратской правительницей. Это было возможно, если она стояла во главе чуулгана.

Пять поколений семьи Очирту возглавляли всеойратский чуулган, но Очирту стал первым, кто получил ханский титул от внешнего авторитета. В то время имели место новые политические реалии – правление Далай-ламы в Тибете, который увеличивал свое влияние на ойратов. Положение Очирту укрепилось, хотя фактически он оставался *primus inter pares*, как и прежде. Вероятно, поэтому он сохранял прежний свой титул. Могла быть и иная причина: бывший у ойратов титул *тайша* был упразднен Даян-хаганом к 1510 г., он взамен создал чингисидский титул *тайджи*. Титул *тайша* был возвращен ойратам Алтан-ханом около 1570-х гг. Но было исключение – семья Очирту обладала титулом *тайджи*, как относящаяся к чингисидам.

Очирту широко стал использовать ханский титул не ранее 1668–1669 гг. Почему? Он, хотя и возглавил ойратов после смерти Гунджи в начале 1653 г., был лишен ее улуса, которым завладел Аблай, ее пасынок (Материалы 1974: 399), поэтому Очирту вступил с ним в борьбу. Ситуация ухудшилась смертью джунгарского Батур-хунтайджи в 1654 г., однако вручение ханского титула Очирту показало всем, на чьей стороне Далай-лама. В 1668 г. Очирту, поддержанный Сэнгэ, новым правителем джунгаров, напал на Аблая. Последний, не найдя поддержки, бросил родные кочевья и ушел в сторону калмыков.

В таком случае упоминавшееся выше посольство 1668–1669 гг. к Далай-ламе прибыло от Очирту в том числе с сообщением, что отныне он де-факто возглавил всех ойратов. Поэтому Далай-лама и написал, что посольство прибыло «из ойратов», а не от хошутов, «по приказанию Очирту тайджи», который и есть хан (*гьялто*). По крайней мере, отправленное в 1669 г. посольство к царю Алексею Михайловичу сообщило такие новости: «наперед де сего калмыцкими улусами владела мать ево Учюрты-хана. А ныне матери ево не стало и после ее улусами владеет он, Учюрты-хан, и для того послов к великому государю челом ударить и прислал, чтоб ему, великому государю, про его владенье было известно» (Материалы 1996: 212). Царю было сообщено, что «Очюрты де – хан, а не тайша, в потому хан, что де над тайши начальствует, и тайши всем ему повинны» (Материалы 1996: 215).

Итак, Очирту Сэцэн-хану подчинялись все ойратские правители, включая, конечно, и джунгарского. О том, что Очирту стал ханом, Цаган, сын Аблая, сообщил царю еще в конце 1667 г. Начало его письма весьма показательно: «Китайской царь Дабунган, з другой стороны бухарской Абдулазиз-хан, еркенский царь Абдула-хан, наш хан Учорта Чичан-хан» (Материалы 1996: 191). Цаган упоминает «китайского царя» по имени Дабунган. По мнению специалистов, это общее «наименование правителей минского Китая, хотя монголам... было известно о маньчжурском нашествии» (Материалы 1996: 475). На наш взгляд, упоминание такого «царя» собирательным именем всех минских императоров означает, что тогда ойраты еще не признавали маньчжуров (династия Цин) правителями Китая. Таким образом, эти слова свидетельствуют о тонкостях политической культуры кочевников в условиях смены правящей династии в Китае (речь идет о 1660-х гг.), когда между ними еще не было официальных отношений. С формальной точки зрения для ойратов (вероятно, и для большинства кочевых соседей Китая) династия Мин, павшая в 1644 г., все еще существовала, а династия Цин еще не была признана.

Абдулазиз-хан – это узбекский правитель из Аштарханидов, правивший в 1645–1681 гг. в Бухарском ханстве. Абдула-хан – это Абдаллах, правитель Аксу. Упоминание Цаганом как «нашего хана» Очирту указывает, что для ойратов было важно обладать ханским титулом, чтобы «уровняться» с соседними лидерами. Очирту показан как всеойратский хан – единственный из всех ойратских правителей, обладавший таким титулом в то время.

Тем временем в 1671 г. джунгаров возглавил Галдан, сын Батур-хунтайджи, брат Сэнгэ и тулку Энса-хутухту. Между Очирту и Галданом возникли трения, которые вскоре привели в военному столкновению, и летом 1675 г. Сэцэн-хан был разгромлен. Старый хан оказался в крайне стесненном положении и вскоре скончался. Так пало правление хошутского дома над всеми ойратами, начатое в 1541 г.

Хошутский лидер Очирту был единственным ойратским правителем с двумя важными титулами – *тайджи* и *хан*. Изучение исторических обстоятельств позволяет понять значение титулов в сфере политического у ойратов, а также подтвердить особенное положение хошуты как среди ойратов, так и в системе международных отношений. Становится очевидным, что, хотя обладание ханским титулом не всегда приводит к появлению ханства, оно все же ставит обладателя на особую ступень – последнее еще более актуализируется принадлежностью к чингисидам (подчеркивается наличием титула *тайджи*).

Литература:

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: ГРВЛ, 1974.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: сборник документов / Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит. РАН, 1996.

Норбо Ш. Зая-Пандита (материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.

Ishihama Y. A Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Naritasan shinshoji 1992. Vol. 2. P. 501–514.

Miyawaki J. The Chinggisid Principle in Russia // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1/4. P. 261–277.

Ngag dbang blo bzang rgya mtsho mdzad. Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang [Обернутое в превосходный шелк жизнеописание Пятого Далай-ламы Нгаванга Лобсан Гьяцо]. Vol. 1. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012.

Пиков Геннадий Геннадьевич
доктор исторических наук, доктор культурологии
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
gennadij-pikov@yandex.ru

ПОЧЕМУ ЗАПАДНЫХ КИДАНЕЙ НАЗЫВАЛИ КАРА-КИТАЯМИ?

Статья посвящена одной из страниц этнополитической истории Восточной и Центральной Азии в XII–XIII вв. После разгрома империи Ляо часть населявших ее киданей переместилась в районы Центральной Азии, где основала новое государство Си Ляо (Западное Ляо). Среди тех этнонимов, которые связаны с ними, есть и термин «кара-китай», проблема происхождения которого до сих пор не решена. В статье делается попытка выяснить это. «Китай» как часть этнонима обозначают принадлежность пришельцев к восточноазиатскому миру. «Кара» может быть объяснена с учетом того, что этот термин впервые появился в трудах арабо-персидских авторов. Еще в древней Персии появилось базовое значение этого понятия – «народ-войско». Именно оно использовалось персидскими авторами для этнополитической идентификации пришедших киданей. Впоследствии термин «кара-китай» стал толковаться с учетом семантики в языках населявших регион народов.

Ключевые слова: западные кидани, кара-китай, империя Ляо, китай, кара.

Pikov Gennady Gennadievich
Doctor of Sciences in History, Doctor of Sciences in Culture Studies
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

WHY WERE WESTERN CHITANS CALLED KARA-KITAI?

The article is devoted to one of the pages of the ethno-political history of East and Central Asia in the 12th – 13th centuries. After the defeat of the Liao Empire, some of the Chitan who inhabited it moved to the regions of Central Asia, where they founded the new state of Xi Liao (Western Liao). Among those ethnonyms that are associated with them, there is also the term "kara-kitai", the problem of the origin of which has not yet been solved. The article attempts to find out this. "Kitai" as part of the ethnonym denotes the aliens belonging to the East Asian world. "Kara" can be explained taking into account the fact that this term first appeared in the works of Arab-Persian authors. Even in ancient Persia, the basic meaning of this concept appeared – "people-army". It was used by Persian authors for the ethno-political identification of the Chitan who came. Subsequently, the term "kara-kitai" began to be interpreted taking into account the semantics in the languages of the peoples inhabiting the region.

Keywords: Western Chitan, Kara-kitai, Liao Empire, Kitai, Kara.

В первой четверти XII в. перестало существовать одно из самых могущественных государств Восточной Азии – кочевая империя киданей Ляо («Серебряная», 907–1125 гг.). Ее территория была завоевана чжурчжэнями, представителями тунгусо-маньчжурского населения региона. Часть населения империи, не желая подчиняться завоевателям, ушла на запад, некоторое время боролась с новой империей Цзинь («Золотая», 1115–1234 гг.), опираясь на поддержку монгольских племен и родов, а потом ушла в районы современного Казахстана и Кыргызстана. Там появилось новое киданьское государство – Си Ляо (Западное Ляо, 1128–1218 гг.). Мигрантов называли по-разному, но на западе за ними сразу же закрепилось наименование «кара-китай», получившее впоследствии различные объяснения, хотя общепринятого не существует до сих пор.

Между тем, есть некоторые основания все же решить эту проблему.

Что означает слово *китай*?

Данное слово опирается на этноним *кидань*, у которого есть ряд вариантов написания и произношения. В «Сокровенном Сказании» кидани именуются *хитад*. Иногда даже столица киданьской империи

именовалась так же, как и сам народ – *Kuma / Xuma*. *Kuma* – тюркизированная версия, а для монгольских языков характерно начальное *x*.

Сам этноним *цидань* не являлся изначально самоназванием киданей. Он появился случайно. Это видно из его анализа, предпринятого в свое время Г. Г. Стратановичем (Стратанович 1964). Иероглиф *ци* среди прочих имеет и такие важные значения, как ‘уговор’, ‘договор’, ‘условие’. Помимо таких значений, как ‘красный цвет’, ‘киноварь’, иероглиф *дань* означает также ‘область’, ‘преданный’, ‘искренний’. Если суммировать, то получается, что речь идет о территории, которую некие роды (мы не знаем, как называли себя в то время кидани) заняли на основе определенного («искренного») договора с теми племенами и народностями, которые составляли так называемый китаезычный регион. К XII в. название «Китай» окончательно начинает применяться и по отношению ко всему северному сегменту восточно-азиатского ареала, иначе говоря, окончательно складывается представление о двух «Китаях».

Мусульмане, очень внимательно следившие за ситуацией на востоке, не могли не заметить дуализма восточноазиатского мира. В 1206 г. Фахр ал-Дин Мубарак Шах назвал Китай частью Туркестана. Мусульманские авторы различали внутренний Китай на востоке и внешний. Соответственно, кидани воспринимались как выходцы из «северного» Китая.

Очень важной представляется первая часть термина – *кара*.

Если исходить из того, что первая информация о западных киданях содержалась в работах именно персоязычных авторов, то первоначальное его значение надо искать именно в персидской историографии. Речь идет, прежде всего, о таких широко известных историках, как Изз ад-Дин Абу-ль-Хасан Али ибн Мухаммед ал-Асир (1160–1233 или 1234), Алаэддин Ата Мелик Джувейни (1226–1283), написавший «Та’рих-и джахангушай» (История завоевателя мира), где очень подробно рассказывает о завоевании киданями Средней Азии, и в определенной мере Фазлаллах Рашид ад-Дин (1247–18.VII.1318) со своим сочинением «Джами’ат-таварих» (Сборник летописей).

Термин *кара* (*kāra*) хорошо известен. Он и его различные производные встречаются уже в Бехистунской надписи Дария I (VI в. до н. э.). Он имеет два базовых значения ‘народ’ и ‘войско, армия’, восходящие к индоевропейской основе *koro-s, korios* ‘война; военный отряд, войско; армия’ (см. Расторгуева, Эдельман 2011: 389–390; Струве 1956: 21; Струве 1968: 236; Алиев 1960: 276; Словарь... 1995: 89).

М. А. Дандамаев считал, что «народ-войско», находящийся при Дарии I, представлял собой оторванную от непосредственного производства регулярную армию (Дандамаев 1963: 199–201). В Бехистунской надписи Дарий I использует этот термин для обозначения «аристократии», а после расширения империи *kāra* составляет основу царского войска и вскоре превращается в профессиональную армию (Wiesehöfer: 2001: 89). Важно, что в древнеперсидской версии Бехистунской надписи слово *kāra* означает как верное Дарию I войско, так и вражеское (Орлов 2019: 104). Английский исследователь Р. Фрай указывал, что древнеперсидская *kāra* представляла собой разновидность военной силы кочевников, аналогичную орде тюркских племен (Frye 1983: 119).

В результате резонным представляется предположить, что персидские политические деятели и историки первыми обратили внимание на то, что в мусульманские районы пришли не просто беглые киданьские аристократы, а часть народа киданей. К тому же это была организованная и структурированная в политическом, социальном и военном отношении сила.

Вместе с членом императорского рода Елюй Даши на запад ушло очень много представителей именно элиты. Сообщается, что его сопровождали 200 человек. Понятно, что речь идет не о рядовых воинах, а именно о представителях киданьской элиты. С элитой уходили и многие аристократы, и даже знать. Это действительно был уход значительной части населения. Вполне можно предположить, поскольку информация о представителях императорских родов Елюй и Сяо при чжурчжэнях резко сокращается, что ушла, возможно, большая часть элиты. Естественно, происходила милитаризация их общества и в Туркестан действительно пришел «народ-войско» именно из «застенного» «Китая» («кара-китай»).

Дальнейшая судьба термина «кара-китай» связана с появлением различных его трактовок. Не нашедшие себе места в новой этнополитической атмосфере, кидани стали именоваться «западными» или «черными» (кара-китай, кара-хитай) в отличие от оставшихся на востоке («белых»). Отколовшиеся роды в Азии часто именовались «черными». Постепенно, однако, оформилось иное понимание термина «кара-китай». Если исходить из того, что термин *кара* в тюркских языках имеет также значение ‘народ, масса’, то сочетание *каракита* стали объяснять как ‘народ китаев’.

Литература:

- Алиев И. Г. История Мидии. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1960. 491 с.
- Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 292 с.
- Дьяконов И. М. История Мидии. Т. 2. Баку: Нагыл Еви, 2012. 186 с.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука, 1973. 280 с.
- Орлов В. П. Персидская аристократия в Ахеменидской империи: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 4 (i–k). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. 416 с.
- Словарь индоевропейских социальных терминов. Т. I: Хозяйство, семья, общество. Т. II: Власть, право, религия / пер. с фр. Н. Н. Казанского, Б. П. Нарумова, С. Г. Проскурина, О. М. Савельевой, Н. Л. Сухачева. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
- Стратанович Г. Г. К вопросу о наименовании государства Кидань и Ляо // Топонимика Востока: новые исследования. М., 1964. С. 92–101.
- Струве В. В. Первые завоевательные походы Кира // Всемирная история. В 10 т. Т. 2. / гл. ред. Е. М. Жуков. М., 1956.
- Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968. 355 с.
- Христианский мир и «Великая монгольская империя»: материалы францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002.
- Frye R. The History of Ancient Iran. München, 1983.
- Wiesehöfer J. Ancient Persia from 550 BC to 650 AD. London; New York, 2001.

THE CONTENT AND VALUE OF THE MONGOLIAN ARCHIVAL DOCUMENT “THE BIOGRAPHIES OF THE PRINCES AND NOBLES OF THE JIRIM LEAGUE”

The paper reveals the content, the value, and the history of creation of “The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League”, manuscript written in Mongolian and containing information on nobles of the Jirim region from early Qing dynasty to the beginning of the XXth century.

Keywords: “Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League”, officials of the Jirim League, history of the Jirim League, mongolian manuscript, Wangragpaljai.

“The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League” is a manuscript in Mongolian, now kept in the collection of the Cleaves’ Library in New Hampshire, USA.

In August 2018, I was invited by Mr. Earnest Bolduc (the brother of the late priest in the church where the Cleaves’ Library is located) and Mr. F.W. Cleaves’ disciple Mrs. Yuanzhu Lam, for conducting research there.

“The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League” is a biographical document of the princes and nobles of the league reported to Ministry of Minorities Affairs in 1904 by Wangragpaljai who was the chief of the league then. The original text is in Mongolian, and the title is in Chinese written at the beginning of the volume.

The biographical document was requested by the Ministry of Minorities Affairs in the Qing Dynasty, and distributed among the people during the Republic of China period, later it was acquired by Mr. F.W. Cleaves, a famous Mongolist scholar of the United States and a professor at Harvard University.

The manuscript is written on fibrous papers and packed in a roll, with a width of about 60 centimeters, a length of about 150 meters. The handwriting is neat. At the beginning of the document there was a seal of the Ministry of Minorities Affairs, and the seal of the chief of the Jirim League was put on in many places.

Judging from the information provided in this archival document, Wangragpaljai ordered each banner to compile and submit the biographies of the princes and nobles in accordance with the unified form of the Ministry of Minorities Affairs. When all the biographies were submitted to the League and summarized, he submitted it to the Ministry of Minorities Affairs in the winter of 1904.

The document presents the resumes and rosters of the princes and nobles of the ten banners of the Jirim League. However, the surviving document is damaged at the end, it ends in the part of Qorchin Left Wing Back Banner (incomplete), missing some parts of Qorchin Left Wing Front Banner and Qorlos Back Banner. The content of the report of the remaining eight banners differs in detail and style, and some banners are not written strictly in accordance with the requirements of the Ministry of Minorities Affairs. The content of the reports of Jalaid Banner, Qorchin Right Wing Central Banner, Qorchin Left Wing Central Banner, Qorchin Left Wing Rear (Back) Banner, and Qorchin Right Wing Front Banner is relatively detailed; the reports of Qorlos Front Banner, Qorchin Right Wing Rear Banner, and Dorbed Banner are less concise. The upper limit of the reports of some banners is the period of early Qing Dynasty, and the lower limit is the beginning of the 20th century, basically from the late Ming and early Qing dynasties when the leaders of the various branches of the Mongol Qorchin tribe were attached to the Aishin State – the Qing Dynasty, and accepted the establishment of banners and got knighthoods.

“The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League” is an important document, which records the lineage, succession, and occupation of ranks of the princes and nobles and officials of the Jirim League until the end of the Qing Dynasty, leaving valuable historical information and providing a reliable basis for carrying out relevant research. First of all, “The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League” is an official document, jasaq (official head) of each banner within the Jirim League was responsible for writing and reporting to the league chief, and the league chief had people sort out and compile a book, then he reported it to the Ministry of Minorities Affairs. The jasaqs of each banner paid great importance to this work and prepared it

conscientiously. We found their names appearing in the first person in the biography reports of the existing eight banners, except for Qorchin Right Wing Central Banner (its jasaq was young at the time) and Qorchin Left Wing Rear Banner. Secondly, “The Biographies of the Princes of Mongols and Uighurs compiled by Imperial Order” was written during the Qianlong period of the Qing Dynasty, and the final content of the existing continuation is up to 1845, while the content of “The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League” is as of 1904, which can make up for the lack of the information of the former one by materials of the Jirim League, and also it can be corroborated with the relevant records of the “Qing Shilu” (Factual Record of the Qing Dynasty). Third, the content of “The Biographies of Princes and Nobles of the Jirim League” covers a wide range, whether it is related to non-jasaq nobles, or the appointment of officials within the banners and other related situations, “The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League” provides unknown information. Therefore, this biographical document is a rare and important document that deserves serious study.

Танака Кацүхико
Doctor
Хитоцубаши их сургууль
Токио, Япон Улс
tanakabajkal@hotmail.co.jp

ОРОС УЛСАД АНХНЫ ЯПОН УЛСЫН ЭЛЧИН САЙДААР ТОМИЛОГДСОН ЭНОМОТОГИЙН 1878 ОНД БУРЯАДЫН ТУХАЙ ХИЙСЭН ЗАМЫН ТЭМДЭГЛЭЛЭЭС

ОХУ-д суугаа Японы анхны элчин сайд 1878 онд Санкт-Петербургт 4 жил суусны дараа ердийн далайн замаар биш, харин Сибирийн хуурай замаар Японд буцаж ирэв. Замдаа тэрээр Буриадад саатаж, Тамчин дацанд очиж, Хамбо лам Дампил Гомбоевтой Буриад, Японы буддизмын талаар ярилцав. Аялал жуулчлалын тэмдэглэл нь сонирхолтой мэдээлэл агуулна.

Түлхүүр үг: Орост суугаа Японы анхны элчин сайд, Тамчин дацан, Дампил Гомбоев.

Tanaka Katsukhiko
Doctor
Hitotsubashi University
Tokio, Japan

FROM THE NOTES OF THE FIRST JAPANESE AMBASSADOR IN RUSSIA ENEMOTO DURING THE TRAVEL IN BURYATIA IN 1878

The Japanese first ambassador to Russia, after 4 years stay in St. Petersburg, in the year of 1878, came back to Japan, not by a usual sea route but through the Siberian overland route. On the way he made a stay in Buryatia and visited Tamchinsky datsan, and there talked with Khambo-Lama Dampil Gomboev on the Buddhism in Buryatia and Japan. The travel note offers interesting information.

Keywords: the first Japanese ambassador to Russia, Tamchinsky Datsan, Dampil Gomboev.

19-р зууны үеийн сүүлчийн жилүүдэд хоёр гадаад хүн Буряад нутгаар явж тэр газарт үзэж мэдсэн хэргийг тэмдэглэсэн байна. Тэдний нэг нь Америкийн Георг Кеннан (1845–1924) бөгөөд, 1885 оны 5-р сарын 30-д Санкт Петербургээс поездээр мордоод Тюменьд хүрчээ. Тэндээс Омск, Томскаар дамжиж Иркутскэд хүрсэн. Кеннан Иркутскээс цааш Хиагт, Нерчинскээр дамжин Кара уурхайг үзэж, буцах замыг ирэхтэй адил замаар явж, дараах жил, 1886 оны 3-р сарын 19-д СПб-т эргэж ирсэн юм. Энэ замын тэмдэглэл нь 1891 онд “Siberia and Exile System” гэж хоёр боть ном болгон хэвлүүлжээ. Энэ ном бол Орос хэлнээс өөр, олон хэлэнд орчуулагдаад, бүх дэлхий даяар олон уншигчдад Сибирийн байдлыг танилцуулжээ. Жишээлбэл А. П. Чехов ч бас энэ Кеннангийн ном уншсан нөлөөгөөр Сахалинд аян хийхийг завдсан гэнэ.

Бас нэг гадаад хүн гэсэн бол Япон улсын ЭНОМОТО Такэаки (1836–1906) гэдэг мөн. Эномото угаасаа тэр үеийн Япон феодал засгийн харьяат түшмэл бөгөөд 1863 оноос 1864 он хүртэл Голландад сурснаас хойш Японд буцаж ирээд, Япон тэнгисийн хүчийг удрьтгах тушаалтай түшмэл болсон. 1868 онд феодалын засагийг түлхэн унаагаад, Эзэн Хааны шинэ засаг байгуулагдсанаас хойш, Эномото хуучин феодалын засагийн талыг хэвээр баримтласан бөгөөд, Эзэн Хааны эсрэг Хакодатэ гэж далайн боомт хот дахь Горёокаку гэдэг нэг цаазан хэрэмд зэвсэгтэй суурьшиж Эзэн Хааны эсрэг байлдсан нь нэртэй түүхийн үнэн мөн болно.

Эномото феодалын талыг баримтлаад дайнд дийлэгдсэнээс хойш шоронд хоригдсон, гэтэл 1872 онд чөлөөлгдөөд 1874 онд Эзэн Хааны шинэ засгаас шинэ засгийн тушаагаар генерал лейтенантаар томилогдов. Жич үүнээс хойш удалгүй Орост элчин сайдаар томилогджээ. Йокохама далайн боомтоос мордон гараад 3 сар далайг замнаж аялсаны дараа СПб-т хүрэлцэн очижээ.

Орос улсад Эномотогийн анхны бүтээсэн ажил гэвэл “Курил-Сахалинг солилцох” гэрээг Орос улстай байгуулсан хэрэг болно. Энэ гэрээ бол Япон, Орос хоёр улсын хооронд дайн дэгдэх аюулаас зайлуулахад дөхөмтэй гэж үзсэн учиртай болно.

Тэр үед, Европаас Япон руу эргэж буцах зам гэвэл, бүүр бүтээгүй байсан Сибирийн төмөр замаар биш, далайн замыг сонгосон бол илүү дээр, амархан байсан гэхдээ яагаад Сибирийн замыг сонгосон вэ гэдэг асуулт гарах магад. Энэ асуултын талаар Эномото өөрийн эхнэрт явуулсан захидал дээр тодорхойлж байсан. Тэр үеийн Япончууд Оросоос маш их эмээж байсан учраас, энэ хэвшсэн үзэл санааг өөрчлөхийн төлөө, өөрөө Сибириар аялж Сибирийн бодьт үнэн байдлыг Япончуудад тодорхой танилцуулах гэж зорилготой байжээ. Япон улсын засгийн газар ч гэсэн Эномотогийн энэ саналыг зөвшөөрч зохицон таарсан гэнэ.

Эномото гуай Байкал нуурийг гатлаж Сэлэнгинскэд хүрсэн нь 1878 оны 8-р сарын 31 өдөр, түүнээс дараа Галуут нуур дахь Тамчинский Дацанд айлчлан очижээ. 9-р сарын 4-д Хамбо-Лама Дампил Гомбоевтой нүүр учраад, хоёулаа Буряад Япон хоёрын Буддийн шашин тухай ярилцлаа. Хоёрыг харилцан үзээд ондоо адил талд сонирхож ярилцсан гэж тэмдэглэв.

Хамбо-ламын тухай Эномотогийн тэмдэглэсэн бол ийм. Тэр Лам гуайн нас 48-49 хиртэй, нүүр үзэмж нь энгийн монгол хүнээс ялгаваргүй, түүний ааш, зан байдал нь номхон, үнэнч хүндэтгэх ёстой лам гэж даруй мэдэгдэв. Намайг угтаад, түүний ёслол ямар үнэнч хүн гэдэг нь, Маймаачений Хятадийн түшмэлээс шар ондоо байсан. Нэг үзэхэд Хамбо-Ламын хүний авир зан бүр дээр гэдэгийг даруй мэдэгдэв.

Георг Кеннан, Эномотогийг энэ Тамчинский Дацанд ирснээс 3 жилийн хойно, мөн дацанд дайрч Хамбо-Ламтай уулзажээ. Гомбоев, Хамбо-тушаалд байсан нь 1878 оноос 1896 он хүтэл байсан[1] учраас, энэ Хамбо-Ламын нэрийг Кеннан өөрөө тодорхойлсонгүй гэхэд Дампил Гомбоевээс ондоо хүн биш гэдэг нь лавтай гэж санагдана. Гэсэн ч Кеннан бичсэн Гомбоевын тухай сэтгэгдэл нь Эномотогийн тэмдэглэснээс шар онлоо байна. Хамбо-Лам гуайг “юунд сонирхохгүй, гайхалын сэтгэл ил болгохгүй, залхуутай хүн шиг бичсэн байна. 3 жилийн дотор Гомбоев бүр хөгширсөн гэж санагдана.

Эномотогийн тэмдэглэлийн Кеннангийнхаас ялгавартай тал бас байдаг. Эномото Буряад хэлэнд ч сонирхож Буряад хэлний зарим үгнүүд, хэллэгээс 31-ийг тэмдэглэлээс гадна, монгол үсгээр бичиж авжээ. Эдгэр жишээ загвараас сонирхолтой нь *ha-* диалектын онцгойлогийг харуулж үзүүлсэн хэрэг болно. Зарим жишээг энд үзүүлэхэд, *халуун уһун, та хүдэн наһутай* гэх мэт.

Эномото бас Монгол, Буряад хоёрын ялгаварийн тухай сонирхож, Цицихар хотоос ирсэн нэгэн лам хүнээс энэ асуудлыг тавьсан. Энэ лам гуай шууд хариулсан нь “Буряад хүн, Монгол хүн, энэ хоёрт юуч ялгаагүй, Хятадын газарт суугчдыг Монгол хүн, Оросын газарт суугчдыг Буряад хүн гэж дуудна” гэж хариулсан гээд тэмдэглэжээ. Ер нь 19-р зууны үеийн энгийн Монгол хүний ухамсар ямар байснийг судлан танихад сонирхолтой ярия гэж санагдана.

Ном зүй:

Мордвина Л. Гусиноозёрскому дацану – 260 лет “Тамчинский дацан, время с богиней Балдан Лхамо”. Улан-Удэ, 2007.

*Головизнин Марк Васильевич
кандидат медицинских наук
Московский государственный медико-стоматологический университет
Москва, Россия
mvasilef@mail.ru*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МЕДИЦИНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ОТ МИСТИКИ К КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

В работе обсуждается вопрос о продуктивном синтезе античной медицины и восточных медий Азии в эпоху раннего средневековья, в частности, сведения о Галене в тибетских источниках, а также свидетельства о медицинской школе в Джундишапуре, где на протяжении веков работали индийские, греческие и персидские врачи.

Ключевые слова: Гален, тибетская медицина, медицинская школа в Джундишапуре.

*Goloviznin Mark Vasilievich
Candidate of Sciences in Medical
Moscow State University for Medicine and Dentistry
Moscow, Russia*

MEDIEVAL MEDICINE OF CENTRAL ASIA IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT: FROM MYSTICITY TO CONVENTIONALITY

The paper describes the issue of productive synthesis between the ancient and oriental Asian medicines in early Middle Ages. We discuss the information on “Galenos” in Tibetan tradition, and medieval sources about medical school in Jundishapur, where Indian, Greek and Persian doctors worked together for centuries.

Keywords: Galen, Tibetan medicine, Jundishapur medical school.

Традиционные медицинские системы Центральной Азии явились результатом длительного межкультурного и межконфессионального синтеза. В XX–XXI вв., повсеместно столкнувшись с современной биомедициной, они осуществили очередной виток развития, что проявилось в их рационализации и демистификации, а также в заимствовании ряда категорий биомедицины. Научная медицина, в свою очередь, акцептировала ряд традиционных лечебных практик, адаптировав их к «научному мышлению» и снабдив современными интерпретациями. В настоящей работе мы планируем показать, что продуктивный синтез медий Востока и Запада имеет давнюю традицию, восходящую к раннему средневековью. Медицина тогда явилась своеобразным двигателем межкультурных контактов. Как писал российский востоковед А. А. Эберман, интересная работа которого будет рассмотрена ниже: «Заинтересованные чисто практической стороной дела представители национальности, выступающей на арену умственно-культурной жизни, переводят на свой язык сначала сочинения по медицине, а потом одновременно начинается перевод сочинений по философии и другим отраслям науки. Затем постепенно совершается переход к оригинальной творческой работе; медицина теряет свое преобладающее значение, являясь таким образом, международным проводником умственной культуры» (Эберман 1925: 48).

Тибетский трактат XVI в., автором которого был Паво Цуглаг сообщает, что во времена царя Сонценгампо в Тибет были приглашены три врача: Бхарадваджа из Индии, Хань Ваньхань из Китая и Галенос из Персии. Другой тибетский автор Сангье Гьяцо (XVII в.), продолжая данную тему, пишет, что индийский и китайский врачи были отпущены домой, тогда как Галенос остался в Лхасе в качестве придворного врача, обзавелся семьей и прославился многочисленными сочинениями по медицине (Yoeli-Tlalim 2012: 356). Очевидно, что имя «персидского врача» Галенос вызывает ассоциации с Клавдием Галеном – выдающимся греко-римским медиком. Таким образом, источники дают понять, что уже на начальных этапах тибетская медицина представляла собой синтез греческой, китайской и индийской школ. При этом делается намек, что наследие «Галеноса» было ничуть не менее важным, чем вклад индийских и китайских врачей. Поскольку другие, более ранние источники ничего не сообщают о Галене

в Тибете, есть основания полагать, что сведения Паво Цуглага легендарны, однако, вопросы, могла ли античная медицина проникнуть в Тибет в VII в. или позже, и можно ли найти следы галеновского медицинского знания в ранней тибетской традиции, не являются праздными. Исследования последних лет позволяют ответить на них утвердительно. В одном из самых ранних тибетских медицинских текстов «Медицинский метод Лунного короля» (XII в. или ранее) обнаруживаются аналогии с «Каноном медицины» Авиценны, в частности, диагностика по моче, которая не встречается ни в китайской, ни в индийской медицине, но присутствует у античных авторов (Yoeli-Tlalim 2012: 357). Важные свидетельства о знакомстве тибетских врачей с греко-арабской медициной представляют медицинские рукописи V–XI вв. из Дуньхуана. Этот город служил воротами в Китай на Великом шелковом пути, где пересекались традиции и культуры разных народов. Здесь были обнаружены тексты на китайском, тибетском, согдийском, уйгурском, хотаносакском языках и санскрите.

Проникновение античных медицинских знаний в Тибет могло быть связано с так называемым «восточным христианством». Начиная с V в. на Великом Шелковом пути появляются несториане – изгнанные из Византии последователи патриарха Нестория, обвиненного в ереси. Археологические раскопки в Турфане в начале XX в. обнаружили много несторианских текстов IX–X вв., в том числе медицинских. Знание о Галене могло проникнуть в Тибет и позднее, во времена монгольской империи. Упомянутый нами текст Паво Цуглага позволяет предположить, что автор знал о присутствии несториан при монгольском дворе. Тибетское слово *er-ka-un*, которое он использует, заимствованное. Это слово, по-видимому, происходит от греческого слова *arkōn*, означающего ‘правлящий’ или ‘настоятель’ (Yoeli-Tlalim 2012: 363). Несториане, обосновавшиеся в государстве Сасанидов, принесли с собой медицинские труды Гиппократов и Галена. В 553 г. по настоянию шаха Хосрова I несторианским патриархом в Иране был назначен врач Иосиф, когда-то вылечивший его (Дашков 2008: 35). С именем другого врача-несторианина Бер Шеба было связано распространение несторианства в Средней Азии. Бер Шеба вылечил от болезни сестру шаха Шапура, которая познакомилась с христианским учением и приняла его. После этого шах распорядился выслать свою сестру и Бер Шеба в отдаленный город Мерв. Результатом этого стала миссионерская деятельность их обоих и создание Мервской несторианской епархии (Мирзоев 2016: 270). Несторианином был и один из учителей Ибн Сины (Авиценны) Абу Сахл Маслихи, автор труда «Сто книг по искусству медицины». Этот труд оказал существенное влияние на «Канон врачебной науки», написанный Авиценной позже (Абу Али Ибн Сина 1981: XXV).

В связи с выше указанным необходимо сказать о медицинской школе в персидском городе Джундишапуре / Гундишапуре (совр. иранская провинция Хузистан), где на протяжении нескольких столетий работали врачи из Индии, Сирии, Ирана, Греции и других стран, что создало благоприятные условия для обмена медицинскими знаниями и превращения средневековой медицины «из ремесла в науку». Единственная встретившаяся нам обобщающая работа о школе в Джундишапуре В. А. Эбермана была издана в 1925 г. в Ленинграде. Автор детально проанализировал средневековые тексты. Он сообщил, что основание школы было связано с поселением в Хузистане врача, выходца из Индии при сасанидском шахе Шапуре II. Страдавший многими болезнями шах «послал посольство к царю Хинда попросить его, чтобы он прислал врача. И тот лечил его, пока не окрепли его сухожилия и его кожа и усилилось его зрение, и он стал любезен к женщинам и в состоянии ездить верхом. (Шапур) облагодетельствовал за это врача и приказал ему выбрать город из всех его городов, чтобы поселиться в нем. И он избрал город Сус, (где) потом умер. А жители Суса унаследовали его медицину и стали врачами Фарса» (Эберман 1925: 52). Позже к индийским врачам добавились выходцы из Рима. Император Валериан, побежденный сасанидским шахом, заключил с ним мир и выдал за него свою дочь. В честь этого события шах построил город Джундишапур. «Аврелинус послал на службу своей дочери несколько греческих врачей, которые распространяли на востоке иппократову медицину. Опытные врачиначали учить юношей из числа местных жителей и составили каноны лечения. Есть люди, которые предпочитают их методы лечению греков и хиндов, ибо они взяли лучшие стороны каждой школы и прибавили к этому то, что извлекли из своего собственного опыта» (Эберман 1925: 52–53).

Рассматривая вопрос о влиянии греко-римской медицины, автор также говорит о несторианах. Воевавшие с Византией персидские шахи по политическим соображениям на первых порах разрешали им обосновываться в Иране. В хузистанском Джундишапуре появились свои митрополиты. Врачи принимали деятельное участие в жизни митрополии. «Рабочим языком» этого многонационального коллектива был, по-видимому, среднеперсидский язык. В. А. Эберман приходит к выводу, что медицинская

школа Джундишапура начала формироваться во времена Шапура II (309–379) под влиянием столкнувшихся на почве Джундишапура греческой и индийской медицины. В источниках говорится о конгрессе врачей, созванном по приказанию Хосроя (Ануширвана) на 20-м году его правления (551 г. от Р. Х.) (Эберман 1925: 57–58). В VII–VIII вв. н.э. по настоятельной просьбе арабских халифов врачи постепенно начали переезжать в Багдад и другие города халифата.

Поддерживая мысль автора, что «что медицина, попавшая в Персию, дав новые побег в Джундишапуре, расцвела на арабской почве, чтобы потом принести обильные плоды на Западе Европы» (Эберман 1925: 72), мы подчеркнем факт продуктивного синтеза античной и средневековой индийской медицины на рациональной, а не мистической почве, формирования общего языка науки между представителями казалось бы таких далеких культур, как рациональная греческая и индийская культура, которая зачастую представляется иррациональной. Думается, что дальнейшее изучение и комментированный перевод первоисточников (Ат-Табари, ибн-Убейди и др.) позволят раскрыть эту не до конца изученную тему.

Литература:

Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент, 1981. 550 с.

Дашков С. Б. Цари царей Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., 2008. 352 с.

Мирзоев Е. В. Шапур I Триумф над Римом. СПб., 2016. 352 с.

Эберман В. А. Медицинская школа в Джундишапуре // Записки коллегии востоковедов при азиатском музее Российской Академии Наук. Т. I. Л.: Главнаука, 1925. С. 47–72.

Yoeli-Tlalim R. Re-visiting ‘Galen in Tibet’ Med Hist. 2012. No. 56(3). P. 355–365.

*Дамешек Лев Михайлович
доктор исторических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
levdameshek@gmail.com*

*Дамешек Ирина Львовна
доктор исторических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
dameshek@rambler.ru*

ИМПЕРИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАРОДОВ СИБИРИ В СОСТАВЕ РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

В работе рассматриваются пути и методы инкорпорации народов Сибири в Россию на примере административной, налоговой, конфессиональной и землеустроительной политики.

Ключевые слова: Российская империя, народы Сибири, инкорпорация, исторические судьбы.

*Dameshek Lev Mikhailovich
Doctor of Sciences in History
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia*

*Dameshek Irina Lvovna
Doctor of Sciences in History
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia*

EMPIRE AND THE HISTORICAL FATE OF THE PEOPLES OF SIBERIA AS PART OF RUSSIA IN 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

The ways and methods of incorporation of the peoples of Siberia into Russia are considered on the example of administrative, tax, confessional and land management policy.

Keywords: Russian Empire, peoples of Siberia, incorporation, historical destinies.

Важнейшими особенностями исторического развития России были факторы ее огромности (евро-азиатское строение) и многонациональности. Исторический нарратив российской империи, которому в последнее время уделяется значительное внимание в современном историописании, не может быть создан путем рассказа об одном народе, минуя все многообразие этносов, проживающих на территории государства. Сибирь стала одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты.

Регионы России в силу их исторической специфики представляли собой различные варианты имперских процессов, что порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические и природно-климатические особенности территорий. Действие этнического фактора всегда имеет определенную временную, т.е. историческую и в то же время географическую локализацию. Имперский ракурс подхода к проблеме позволяет вписать его в новые властные отношения, показать его значение в колониционных проектах русской нации в плане инкорпорации Сибири в Россию, а в конечном итоге по-новому высветить тезис «сделать народы Сибири русскими», показать формы сотрудничества представителей

власти и сибирского, в том числе и инородческого общества в деле освоения и интеграции восточных территорий.

В дорусский период с экономической точки зрения аборигены освоили всю обширную территорию Сибири. Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить, как минимум, о трех составляющих этого процесса: политической, экономической и социокультурной. На востоке России сибирские аборигены и русские крестьяне-переселенцы рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колониационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, подчас противоречивым «втягиванием» в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходит рост численности коренного населения. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение между аборигенами земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35% всей численности коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты – 226,7 тыс. (27,55%), далее алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы) – 108,7 тыс. (13,21%), эвенки – 64,5 тыс. (7,84%), сибирские татары 53 тыс. (6,44%), ханты и манси – 27,7 тыс., ненцы – 9,4 тыс. и др. Русская колонизация оказала колоссальное влияние на развитие этнодемографических, экономических, социокультурных процессов за Уралом.

Процесс «собирания земель» привел к возникновению одной из важнейших исторических особенностей России – образованию диополя «Европа – Азия». Имперское ядро, зародившись на европейской части страны, шло на восток, а русские переселенцы, в отличие от западных мигрантов, не только не теряли связей со своим отечеством, но наоборот, способствовали большему сплочению окраин с «исторической» Россией. В Сибири русская и аборигенная цивилизация не просто существовали и развивались параллельно, а как бы проникали, входили друг в друга. Эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII–XIX вв. На протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства являлось стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства.

В имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию прямого колониального правления к системе управления, основанной по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М. М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав многонационального российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Основным содержанием их стали ясно видимые русификаторские черты.

Особенностью государственного строительства в Сибири являлось постоянное преобладание административно-политических целей над экономическими. Включая в свой состав новые территории на востоке, империя начинала их интеграцию именно с военно-административных и фискальных методов. Этот процесс имел длительную временную протяженность. Лишь после наступала эпоха экономической интеграции.

В ходе продвижения России на восток в условиях малочисленности русских поселений, зачастую враждебной политики сопредельных и иных государств правительство немаловажную роль отводило

аборигенному фактору. Вот почему инородческий вопрос в Сибири был важным аспектом российской политики в огромном зауральском крае. Эволюция этой политики в пореформенный период и в эпоху кризиса самодержавия отразилась не только в организации административного устройства и управления, но и во введении паспортной системы, конфессиональных подходах, изменения в налоговой, в том числе ясачной политике, попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, ликвидации порозрядной системы, введении института крестьянских и инородческих начальников, в землеустройстве народов Сибири по аналогии с русским крестьянским наделением.

Вплоть до середины XIX в. процесс инкорпорации Сибири в Россию носил преимущественно административный характер при сохранении ряда существенных особенностей в области административного устройства, управления, национальной политики, землепользования. В конце XIX в. стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии, в том числе и Сибири, а также к разработке единого законодательства, исключая какие-либо местные особенности. Не случайно именно в это время появляется такое понятие, как «Азиатская Россия». Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным Зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России.

Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал. Однако удаленность от центра страны, сравнительно слабое развитие системы коммуникаций, пестрый национальный и конфессиональный состав населения, наличие сильной генерал-губернаторской власти, значительного отряда политических ссыльных предопределили ряд существенных особенностей развития политических событий в регионе в начале XX в., которые, по словам Н. А. Бердяева, были не столько началом новой жизни, сколько концом старой.

Аюшеева Марина Васильевна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
ayagma@yandex.ru

РОЛЬ Л. Ф. ЕСКЕВИЧ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО УЧЕНОГО КОМИТЕТА – ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ¹

Бурят-Монгольский ученый комитет и его преемник Государственный институт культуры пережил ряд реорганизаций и преобразований в 20–30-е гг. XX в. В данный период проходил процесс формирования его организационной структуры, кадрового потенциала, определение круга задач и изучаемых вопросов. Одним из ответственных сотрудников, работающих в организационно-управленческом звене, являлась Лидия Федоровна Ескевич, ученый секретарь Государственного института культуры. За период работы в ГИКе она занималась широким кругом вопросов организационного, научного и общественного характера. Предпринятые ею инициативы по формированию научной библиотеки общего пользования, повышению эффективности научно-исследовательской деятельности и организационной структуры, внедрения плановости в организацию научно-исследовательских работ положительно повлияли на становление научной организации, укреплению ее кадрового и научно-технического потенциала.

Ключевые слова: Ескевич, наука Бурятии, библиотека, реорганизация, планирование, ЦВРК.

Ayusheeva Marina Vasilievna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE ACTIVITY VALUE OF L. F. YESKEVICH IN THE FUNCTIONING OF THE BURYAT-MONGOLIAN SCIENTIFIC COMMITTEE – STATE INSTITUTE OF CULTURE

The Buryat-Mongolian Scientific Committee and its successor, the State Institute of Culture, went through a number of reorganizations and transformations in the 20–30s of the 20th century. During this period, the process of forming its organizational structure, human resources, defining the range of tasks took place. The article examines the activities of Lidiya Fedorovna Yeskevich as a scientific secretary of the State Institute of Culture. She dealt with a wide range of organizational, scientific and social issues during the period of her work in Buruchkom and SIC. The initiatives taken by her to form a public scientific library, to increase the efficiency of research activities and organizational structure, to introduce planning into the research work had a positive impact on the formation of the State Institute of Culture, to strengthen its human resource and scientific and technical potential.

Keywords: Yeskevich, Buryat science, library, reorganization, planning, COMX.

С момента организации Бурят-Монгольского ученого комитета в 1922 г. он неоднократно подвергался реорганизации. В этот период изменялась его структура, уточнялись разрабатываемые проблемы. Перед руководством учреждения стояли задачи, требующие динамичного решения. В октябре 1928 г. на должность ученого секретаря Буручкома перешла научный сотрудник Госплана Лидия Федоровна Ескевич (1900–?). Согласно анкетным данным, Л. Ескевич родилась в 1900 г., по национальности русская, по социальному происхождению служащая, беспартийная, член профсоюза работников просвещения, имела высшее педагогическое образование, разговорным монгольским языком не владела. Трудовую деятельность начала с октября 1918 г. преподавателем Верхнеудинской женской гимназии, далее работала в разных учреждениях Иркутска и Верхнеудинска (Центр восточных рукописей и киелографов

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

ИМБТ. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 101. Л. 55). В 1937 г. переехала в г. Иркутск. Была репрессирована: «Л. Ф. Ескевич 1900 г. р., урож. г. Двинска Витебской губернии, проживала в г. Иркутске, работала преподавателем в 42-й железнодорожной школе, б/п, русская, арестована 08.05.38 г., постановлением тройки УНКВД Иркутской области от 31.07.38 г. по ст. ст. 58-1 «а», 58-2, 58-11 УК РСФСР подвергнута 10 годам лишения свободы, реабилитирована определением Военного трибунала ЗаБВО от 28.08.56 г.» (Ескевич...).

Должностные обязанности и круг выполняемой работы ученого секретаря кратко и емко сформулированы следующим образом: «Ведает планированием, учетом и организацией научной работы. Ведет общую переписку по научным вопросам, организует издание трудов научных сотрудников, разрабатывает общие вопросы подготовки экспедиционных работ, ведет протоколы дирекции и наблюдает за выполнением ее постановлений, прорабатывает общие вопросы реконструкции оргструктуры Института и улучшения постановки его работы» (ЦВРК ИМБТ. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 101. Л. 12). В этом же документе дана характеристика Л. Ескевич: «Энергичный, с инициативой и вполне преданный делу работник, как организационно-плановый работник ГИКа она вполне справляется со своей работой, в общественной работе активна» (Там же).

Помимо исполнения прямых обязанностей ученого секретаря, она временно совмещала должности заведующего по историко-этнологическому кабинету (в 1928–1929 гг. совместно с Б. Бамбаевым были проработаны архивные фонды по истории бурят). За время исполнения обязанностей по историко-этнологическому кабинету ей была определена научная тема о реквизиции бурят. В 1929–1930 гг. Лидия Федоровна была назначена временно исполняющим обязанности заведующего отделом экономики и изучения производительных сил. За свою трудовую деятельность в ГИКе Л. Ескевич являлась членом многих комиссий: библиотечной, редакционной комиссии, член СНР (секции научных работников) и др.

В своей статье «О постановке исследовательских работ в Бурятии» Л. Ескевич освещает вопросы организации и планирования научно-исследовательской работы. Говоря о важнейших экспедиционных изысканиях и первоочередных задачах, диктуемых промышленным освоением края, ею критично рассмотрена проводимая в целом экспедиционно-исследовательская работа как центральных, так и местных учреждений, прямо указаны «недочеты» в организации этого дела, среди которых «несистематичность, несогласованность, кустарность в проведении работы, не всегда достаточная обработка материалов, слабое их использование в практической работе и т.п.» (Ескевич 1930: 15). Реорганизация БУКа в ГИК мыслится как организация единого научно-исследовательского центра, сохраняющего преемственность в реализации проблем культурно-национального строительства. Л. Ескевич особо подчеркивала новые функции «планирования и учета исследовательских работ на территории края» и постановку новых исследовательских проблем (Там же: 16).

В статье «О работе Института культуры в 1932 г.» дана характеристика планируемой работы, раскрыты цели и задачи, стоящие перед Институтом культуры в свете реализации решения ОК ВКП(б) по работе Института Культуры (весна 1931 г.). Автор отмечает, что неукомплектация штата является наименьшей проблемой, в то время как следует уделить пристальное внимание на правильную постановку самой работы, на организацию труда. Отмечается, что в научной организации работы искореняются такие понятия, как «уравниловка» и «обезличка», вводится нормирование литературного труда и «социалистические методы труда: соцсоревнования и ударничество». При этом большую роль в выполнении плана будет играть методическое руководство (Ескевич 1932: 6). С 1932 г. укреплялись научные связи с центральными организациями, проводилась специальная подготовка научных сотрудников, организация аспирантуры.

Большая часть опубликованных работ Л. Ф. Ескевич имеет проблемный характер и касается организации научной, краеведческой деятельности, в них излагаются планы, отчеты о проделанной работе. Более ранние статьи основаны на статистических данных и посвящены проблемам национализации школы, педагогической и научной деятельности.

Профессиональную широту взглядов, принципиальность и хороший потенциал научного организатора демонстрируют архивные документы, среди которых памятки-наказы научным сотрудникам, командированным в Москву и Ленинград; переписка; докладные записки; информационные отчеты. Составленные Л. Ескевич памятки позволяют очертить круг насущных вопросов, который требовал неотложного реагирования и контроля со стороны ученого секретаря. Они состоят из более чем десятка пунктов: от выяснения вопросов редактирования, издания научных трудов Института до заказа импорт-

ного оборудования, комплектования библиотеки. Особо следует отметить ее роль в формировании научной библиотеки. В 1924–1925 гг. Л. Ф. Ескевич занимала должность заведующего Центральной областной библиотекой (Одорова 2019: 393). Она прекрасно понимала роль и значение научной библиотеки как прикладного звена в деятельности ГИКа. Неоднократно ею поднимался вопрос о необходимости комплектования библиотечных фондов, организации единой библиотеки общего пользования путем слияния библиотечных фондов разных организаций. По вопросам приобретения литературы широко привлекались специалисты из Москвы и Ленинграда, а также буряты-студенты и аспиранты столичных вузов.

Формирование библиотечного фонда, разработка ряда положений и инструкций, введение и контроль плановости, системности в научно-исследовательских, экспедиционных работах – это лишь малая часть реализованных Л. Ескевич инициатив. Архивные материалы, в той или иной степени освещающие и характеризующие деятельность Л. Ф. Ескевич, свидетельствуют о ее активной жизненной позиции, работоспособности и преданности своему делу.

Литература:

Ескевич Л.Ф. [Электронный ресурс] // URL: [https://ru.openlist.wiki/Ескевич_Лидия_Федоровна_\(1900\)](https://ru.openlist.wiki/Ескевич_Лидия_Федоровна_(1900)) (дата обращения 19.03.2022).

Ескевич Л. Ф. О постановке исследовательских работ в Бурятии // Бурятиеведение. 1930. Вып. III–IV (11–12) / Научно-краеведческий орган Буручкома и БМ НО им. Д. Банзарова. Верхнеудинск, 1930. С. 10–18.

Ескевич Л. О работе Института культуры в 1932 г. // Культура Бурятии. Орган Института культуры и Института здравоохранения БМАССР. 1932. № 1, январь. Верхнеудинск: Бургиз. С. 3–7.

Одорова Т. Л. Библиотечные кадры Бурятии (1920–1930-е гг.) // Библиотековедение. 2019. Т. 68. № 4. С. 391–401.

MONGOLIA IN 1910S: RESTORATION OF INDEPENDENCE AND STATEHOOD

This article is a result of efforts made to elucidate the pre-condition, process and culmination of Mongolia's National Revolution of 1911 and to show, as objectively as possible, the restoration of independence and statehood, relying on the historical sources preserved in the archives of Mongolia, Russia, Japan and other countries.

Keywords: Independence of Mongolia, national revolution of Mongolia in 1911, Bogdkhaan, History of Mongolia.

Mongolia's situation at the turn of 20-th century

Yakov Shishmarev wrote in 1885: "The Mongols remember their history. They have not forgotten the struggle that they had led for centuries against the Chinese and for their independent existence. The Mongols do not like to see themselves oppressed" (Shishmarev 1886: 154–160).

R. Rupen noted: "The main reason for the Mongolian national movement of the 20th century was the change in the long and tolerant attitude of both Russia and the Manchu towards their Mongolian subjects" (Rupen 2000: 12). He continued to write: "The policy of the Imperial Russian Government which gradually became harsh since 1880, was most oppressive in 1902–1904. For one, Russians and Ukrainians settled in Buriyatia, russified the region and tightened administrative control there. The Manchu changed in 1878 their previous policy to protect the Mongols from the Chinese. A new policy was developed fast and in a large scale during 1880–1890s and a decade from 1900 to 1910 saw a pinnacle of Sinification through steps such as allocating land plots in Mongolia to the Chinese. Even before 1880, Chinese farmers moved to Inner Mongolia beyond the Great Wall. Huc compared an advancing Chinese agriculture of 1840s to "a snake crawling into the gobi desert" (Rupen 2000: 12).

This idea was continued by Thomas E. Ewing 'Beginning from 1901 a host of reforms, collectively referred to as the New Administration (Hsin-cheng), were introduced; in 1906 the court was induced to order the reorganization of the central government and in 1908 a nine-year program of preparation for constitutional government was ordered' (Thomas E. Ewing 1980: 23–24). In 1909 the court announced that the New Administration would be extended to Outer Mongolia.

Baranov A. M., a Russian military specialist on Mongolia, who served in Russian military intelligence, wrote: "Mongolia enjoys a status of semi-independent nation. It is not occupied by China (Manchu Qing State-O.B.), but is associated with it. The Chinese intention and desire to unite Mongolia to themselves, led to the elimination of the Mongolian self-rule and gave rise to the issue of Mongolia" (Baranov 1907: 6). "Russia needs an independent Mongolia as a buffer-state. Russia will do a lot to strengthen this buffer" (Pershin 1910: 249).

Mongols' struggle against Manchu policies

Mongolian princes and nobles often discussed, in the presence of Jebtsundamba Khutuktu, about the present situation of and perspectives for Mongolia. Bogdo and princes, at that time, considered a special matter for the Manchu authorities, namely the demand of the Manchu Ministry of Finance put through their amban in Khuree that the Chairman of the Mongolian Chuulgan and hoshun governors give them a clear response to their following questions (Foreign Policy Archive of Russian Empire (FPARE), Fund: Chinese desk 143. O.491.D.644.P.18):

1. Why it is considered impossible to let into Mongolia, a vast territory with little population, Chinese citizens and let them engage in farming;
2. What, under the present conditions, prevents a construction of railway between Khaalgan and Khuree and what justifications are there;

3. If the Chinese settlement and their engagement in farming as well as the construction of rail way and auto vehicle roads are to negatively affect Mongolia's nomads and animal husbandry, why an engagement in mining is also considered to be negative.

Therefore, they had to thoroughly consider the questions and provide proper answers to them (FPARE, Fund: Chinese desk 143, O.491. D. 644. P. 18). The meeting of the Mongolian princes made all the participants to realize that Mongols' life was becoming precarious and that it required a lot of attention and efforts to protect it.

Lamas' riot in Khuree

The incident started on 26 March 1910 when three Mongolian intoxicated lamas entered into an argument and fight with salespersons of a Chinese shop. When Chinese troops acting for police arrested the lamas and attempted to take them to a police station, many Mongols who happened to be there on the street, attacked them and were said to have destroyed the Chinese company. The Manchu amban Sandowa hurried to the place of the incident to regulate it as soon as he got the news. Many Mongols who were hardly controlling their anger met the amban with shouts and threw stones at him when he was at some distance from his carriage. Sandowa could not do anything but go back to his carriage and drove away (FPARE, Fund: Chinese desk 143, O. 491. D.644. P. 34).

Manchu amban Sandowa, having been hurt during the riots, made great efforts to identify and arrest the main culprit of the event, arresting and imprisoning many lamas involved in the riots. He came, ultimately, to the conclusion that the main culprit was Khutuktu's assistant, his shanzodba (FPARE, Fund: Chinese desk 143. O.491. D. 644. P. 55).

The activities of the provisional administration for Khalkha Khuree affairs

A decision to increase the number of Chinese troops in Khalkha led to more discontent among the Mongols amidst the deepening of the conflict between the the Manchu authorities on one side and Bogdo Jebtsundamba and the Mongol princes on the other for and against the implementation of the new Manchu policy.

Mongolian princes, particularly Sainnoyon and 18 spiritual and secular figures separately made a report to the Bogdodogeen in the beginning of 1911. Since it was pointed in the report to the situation which became alarming and different as never before", the Bogdo Jebtsundamba baordered to convene princes' meeting under the pretext of holding danshig services.

The khans, princes and officials met in the summer of 1911 in Khuree under the pretext of holding, by Bogdo's decree, danshig services by many aimaks and shabi and discussed how to oppose to the 'new Manchu policy course' and restore Mongolia's independence.

It was decided by the princes' secret meeting to "send a special deputation to Great Russia, and to appointed chin wang Khanddorj, da lama Tserenchimed and official Khaisan as the deputation (Magsarjav 1994: 8).

The culmination of the Mongolian national revolution of 1911

On 29 December 1911 the Mongols seceded from the Manchu empire, proclaimed their independence and elevated their Bogdo Jebtsundamba Khutuktu as the Emperor of Mongolia. It was the culmination of the struggle they were waging at the initiative and under the leadership of the eighth Bogdo Jebtsundamba Khutuktu to get independent from the Manchu Ching state.

The restoration of Mongolia's independence as a remarkable exploit that led to Mongolia's cessation from the Manchu, the protection of her national identity and to the establishment of an independent Government in the international community.

Consul Lyuba noted: "At this historical time, the Khutuktu acutely felt the wishes and desires of his people and decided to sever Mongolia's ties with China. Having reached the pinnacle of his power, just the way Mongolia used to enjoy at one time in her history, he sought assistance from Great Russia" (Lomakina2006: 64). "The first modern revolution in Asia" and concluded that a brand new event had taken place in the continent with the liberation of the Mongols from the Manchu and Chinese domination and the establishment of their independence" (Urgunge O. and Derrick P. 1987: 9).

Having proclaimed her independence, Mongolia became one of the first independent nations born in early 20th century and her independence – a reality.

The Mongolian national revolution, thus, spread and began to affect the khoshuns of Barga and Inner Mongolia. In early 1912 Barga proclaimed in Khailaar its independence (FPARE, F. China desk 143, O. 491. D. 645. P. 35) and 38 of the 49 Inner Mongolian khoshuns expressed their desire to join the Government of Bogdo khan" (Urgedei 2006: 26).

The symbols of the new power

It was a long-held tradition for the Mongols to present nine white gifts during a state ceremony. In 1911 this tradition was followed with the application of some of symbols used in the stately customs of India and Tibet. When the Bogdo was enthroned, both Indian and Tibetan traditional symbols of royal power and ancient Mongolian stately customs were applied in the ceremony.

State flag

Since 1911 the Soyombo has been made a Mongolian state emblem and incorporated in the state flag.³⁰ December 1911 the Government of Mongolia sent the following telegram to Ministries of the Manchu state: "All elevated the Bogdo as the Emperor, kept the name of the state as it was, i.e., 'Mongolia' and thus, the original lord and master of the northern land seized what was his own and made it whole".

The West gher-palace as symbol of the foundation for Mongolian state

The custom and tradition of the ancient Mongolia for the respect of the hearth her state, have been preserved vis-à-vis the Western gher-palace or the hearth Gher-palace and the fire and incense of the Mongolian state have been set up here in this gher-palace until present.

Conclusion

The separation in 1911 of the Mongols from the Manchu Qing state and the proclamation of the restoration of their independence opened a new era in their history (Batsaikhan 2014: 566).

The Mongolian National Revolution of 1911 ought, in terms of its historic significance, to occupy a special place in the life of the Mongols as it restored the foundation of the Mongolian statehood and laid down the basis for both the further existence of the Mongolian nation and the promotion of the national tradition, customs and culture of the Mongols. The Mongolian statehood was called to play the main role in the realization of the possibility.

Bibliography:

- Baranov A.M. Materialy po Manchjurii i Mongolii. Vyp. 10. Severo-Vostochnyeseimy Mongolii. Harbin, 1907.
- Batsaikhan O. Poslednyi imperator Mongolii Bogdo Djebzundamba VIII: jizniilegdy. Ulaanbaatar: Soyombo, 2014. 690 p.
- Burdukov A. V. V staroiinovoii Mongolii. Vospominaniya, pisma. M.: Nauka, 1969. 418 p.
- Edinarhova N. E. Russkiikonsul v Mongolii. Irkutsk. 2001. 342 p.
- Elverskog Johan, Our Great Qing: The Mongols, Buddhism, and the State in Late Imperial China, Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. 242 p.
- Magsarjav N. Mongol Ulsyn Shine Tuuh. Ulaanbaatar: Admon, 1994.276p.
- Mongolyntuuhiin eh survalj (1911–1921). Ulaanbaatar: Admon, 2003. 385p.
- Otchet o 25 letneideyatelnosti Urginskogo konsulstva 1886 (Report on the 25 years of Activities of the Consulate in Khuree, 1886).
- Pershin D.P. Sovremennoe politicheskoe polozenie Khalkhaskoy Mongolii n siluety mongoliskoy nezavisimosti // Sibiri. 1910. №249.
- Rupen R. XX zuuny Mongolchuud. Ulaanbaatar: Monsudar, 2000.
- Thomas E. Ewing, Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian policies in Outer Mongolia, 1911–1921. Indiana University, Bloomington, 1980. 300 p.
- Urgunge Onon and Derrick Pritchatt, Asia's First Modern Revolution, Leiden: E. J. Brill, 1987. 203 p.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аграрный вопрос на протяжении многих десятилетий являлся одной из наиболее злободневных проблем внутренней жизни Российской империи. Попытка его разрешения отразилась на землепользовании и межэтнических отношениях на национальных окраинах. Земельный кризис на территории Казахстана достиг накала в тот период, когда царизм, стремясь отвести угрозу, нависшую над помещичьими землями, активизировал переселение крестьян из густонаселенных губерний Европейской России на территорию Степного края.

Ключевые слова: Казахстан, аграрный вопрос, Российская империя, переселенческая политика.

*Belous Svetlana Gennadievna**Ph.D**Abay Kazakh National Pedagogical University**Almaty, Kazakhstan***THE AGRARIAN QUESTION IN KAZAKHSTAN
AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The agrarian question was one of the most burning problems of domestic life of the Russian Empire for many decades. The attempt of solving it led to changes in the system of land use and inter-ethnic relations in the national outskirts. The land crisis in Kazakhstan reached its intensity at the time when the tsarist government, seeking to withdraw the threat to the landed property, activated the resettlement of peasants from densely populated provinces of European Russia to the territory of the Steppe region.

Keywords: Kazakhstan, agrarian question, Russian Empire, resettlement policy.

В конце XIX – начале XX вв. аграрный вопрос в казахской степи проявился с особой остротой. Это определяется рядом причин, прежде всего, переселением крестьян из центральных губерний Российской империи и изъятием для них земель из пользования коренного населения, сокращением земельных наделов казахов и ломкой традиционной системы землепользования. Другим следствием этой политики стал вынужденный переход казахов от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни. Под влиянием социально-экономических преобразований изменилась демографическая ситуация в крае.

Под аграрной политикой понимают систему государственных мероприятий, имеющих целью регулировать экономические отношения сельского хозяйства. Она складывается под влиянием государственных потребностей (Бруцкус 1922: 5). Неразрешенность аграрного вопроса тормозила развитие экономики империи, усиливала отставание от ведущих капиталистических держав. Отмена крепостного права в России не разрешила крестьянского вопроса. В этих условиях правительство приняло ряд мер, направленных на то, чтобы отвлечь население от революционного движения, – произвело переселение тысяч крестьян из густонаселенных губерний Европейской России на территорию Степного края. Земли изымались без учета естественно-географических условий Казахстана, не принимались в расчет особенности организации традиционного казахского хозяйства, игнорировался тот факт, что маршруты кочевания складывались в результате длительного приспособления к природно-географическим условиям (Малтусынов 2006: 76). Крестьянское заселение степи началось после реформ 1860-х гг. XIX в. Изначально этот процесс происходил постепенно и без насилия для местного населения. Но в начале XX в. ситуация стала меняться, когда власти стали активнее подталкивать крестьян к переселению. Транссибирская железная дорога, запущенная в 1891 г., помогала осуществлять эту политику (Edward Dennis Sokol 2016).

Включенная в состав Российской империи в 1860-х гг. территория Казахстана получила особое управление. Созданием Туркестанского генерал-губернаторства (впоследствии Туркестанского края) и Степного края «Положением» от 25 марта 1891 г. (из областей, входивших ранее в состав Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств, – Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской) преследовалась цель увеличения контроля над окраинами (Ерошкин 1983: 248). Создав законодательную базу, власти Российской империи приступили к проведению переселенческой политики на территории Казахстана, перейдя к интенсивному переселению крестьян в степь. Так или иначе, массовое изъятие казахских земель для переселенцев и возрастающее обнищание шаруа определили дальнейшее зарождение идей национально-освободительного движения (Койгелдиев 2008: 14).

Характерной чертой жизни империи на протяжении столетий являлась миграция как отражение стремления к экстенсивному использованию территории (Кудайбергенова 2014:56). В. О. Ключевский утверждал, что «переселение, колонизация страны были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты» (Малтусынов 2006: 10). По «Временным положениям...» и последующим законодательным актам, все земли в Казахстане объявлялись государственной собственностью, а казахам предоставлялись в общественное пользование (Полное собрание законов Российской империи 1894: 135). Нужно отметить, изначально отчуждение земель происходило вне каких-либо законодательных актов.

Переход к новым условиям хозяйствования для казахов оказался довольно трудным. Он был связан с ломкой привычного жизненного уклада, требовал физического приспособления к новому характеру труда. Присутствовал страх перед угрозой экспроприации оставшихся земель в распоряжении кочевников.

XX в. ознаменовался мощным социальным потрясением – Первой русской революцией. Аграрные волнения (1901–1906 гг.) показали, что «крестьянский вопрос» в аграрной стране является действительно центральным в политике, а его нерешенность может послужить детонатором, способным потрясти все общество и государство до основания (Малтусынов 2006:14). Выход снова искали в организации переселения. Вместе с тем, по сути, признавалось, что существовала ограниченность колонизационного земельного фонда.

В силу этого земельный вопрос не мог не оказаться в сфере внимания высшего законодательного органа России, выборы в который со всей полнотой вскрыли сложность и остроту проблемы, о чем свидетельствуют десятки наказов и проектов. Практически все свои заседания Государственная дума первого созыва посвятила этой ключевой проблеме. Депутат Государственной думы 1-го созыва А. Букейханов, критикуя колониальную политику царизма, писал: «Такие вопросы, как переселение и колонизация, не решаются чисто канцелярским путем, передвигая пальцем по карте Сибири тысячи живых людей. С одной стороны, чуть ли не массовое бегство переселенцев обратно в разоренные старые гнезда, а с другой – разорение туземного населения» (Букейханов 1995: 273–274). Передовая казахская и русская интеллигенция, выражая требования народа, настаивала на немедленной остановке переселения крестьян до полного землеустройства казахского населения и до окончательного законодательного его разрешения Государственной думой.

Движению на новые места способствовал комплекс различных льготных мер. Нельзя забывать о стремлении правящих кругов освободить Европейскую Россию от революционно настроенных слоев деревни отправкой их на поселение в Сибирь и Казахстан (Костанайская область: прошлое и настоящее 2003: 176). Реформа П. А. Столыпина дала новый импульс освоению окраин империи. Намеченные меры активизировали мобильность значительных слоев населения.

Происходило обострение национального вопроса. Переселенческая масса смотрела на вольные казахские земли как на свою собственность, завоеванную кровью дедов. В свою очередь, обиженные чиновниками, теряющие землю кочевники иногда переносили ненависть на русское население. Проявлением таковой стало национально-освободительное восстание 1916 г. – общее историческое событие для народов Центральной Азии, явившееся одним из ярких проявлений общего социально-политического и экономического кризиса в Российской империи.

Февральская революция 1917 г. была воспринята положительно в казахской степи, поскольку создала возможность установления в обществе гражданского мира, однако не оправдала возложенных на нее надежд. Революция не решила вопроса о войне и вопроса о земле, существенно подорвала позиции по-

мещиков, прервала практику изъятия земель, но не вернула те земли, что народ потерял в предыдущие десятилетия. Октябрьскую революцию большинство лидеров казахской интеллигенции не приняли.

Массовое изъятие земель из пользования казахов, пренебрежение насущными интересами населения не только тормозили развитие производительных сил сельского хозяйства, но и обусловили образование скрытого аграрного перенаселения (Дахшлейгер 1985:4). Правительство достигло, таким образом, только номинального подчинения народа, без всякой внутренней связи и доверия.

В целом, политика властей была определена лишь стратегически в виде основной линии – заселить казахскую степь «надежными хозяевами». Последовательные шаги империи были направлены на эскалацию своего влияния на окраинах. В зависимости от преобладавших в различные периоды у центральной и местной власти убеждений и социально-демографической ситуации крестьянские переселения рассматривались либо как нежелательный процесс, либо как вынужденная необходимость, а в начале XX в. – как позитивное во многих отношениях явление.

Литература:

Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Спб.: Право, 1922. 234 с.

Букейханов А. Кризис канцелярского переселения. Избранное. Алматы, 1995. С. 270–274.

Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Т.1. Алма-Ата: Наука, 1985. 247 с.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.

Койгелдиев М. К. Движение Алаш и Советская власть: различие позиций // Алаш және тәуелсіз Қазақстан: идеялар және ұстанымдар сабақтастығы. Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. 21 қараша 2008 жыл. Алматы: Абай атындағы ҚазҰПУ, 2008. 476 б.

Костанайская область: прошлое и настоящее. В 2 ч. / под ред. И. К. Тернового. Костанай, 2003. Ч. 1. 409 с.

Кудайбергенова Ж. А. Миграционные процессы в Казахстане: результаты и последствия (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы: Ұлағат, 2014. 272 с.

Малтусынов С. Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России (1906–1917 гг.). Алматы, 2006. 332 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. XI. Спб., 1894. С.135–147.

Edward Dennis Sokol. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Johns Hopkins University Press. Baltimore, 2016. 186 p.

Васильева Наталья Федоровна
кандидат исторических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
vasil.nf@mail.ru

ОПЫТ ИНКОРПОРАЦИИ БЫВШИХ ССЫЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СОВЕТСКУЮ СИСТЕМУ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

В советское время инкорпорация бывших революционеров в Сибири протекала в рамках общественно-политической, пропагандистской, архивной деятельности.

Ключевые слова: Сибирь, Общество политкаторжан, инкорпорация, советская система.

Vasilyeva Natalya Fedorovna
Candidate of Sciences in History
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

EXPERIENCE IN INCORPORATING FORMER EXILED REVOLUTIONARIES INTO THE SOVIET SYSTEM OF THE SIBERIAN REGION

In Soviet times, the incorporation of former revolutionaries in Siberia took place within the framework of socio-political, propaganda, archival activities.

Keywords: Siberia, Society of Political Prisoners, incorporation, Soviet system.

Сибирь – известное место ссылки оппонентов царской власти. Их революционная деятельность сформировала в Сибири целые корпорации удаленных от центра противников власти, настроенных на противостояние царской системе. Необходимость выживать в восточном регионе империи заставляла многих ссыльных революционеров инкорпорироваться в хозяйственную и социально-политическую жизнь отдаленного региона Российской империи. В 1921 г. бывшие репрессированные для оказания взаимопомощи, для увековечивания памяти погибших товарищей, для сбора, сохранения, разработки и публикации материалов, касающихся жизни и быта в ссылке и на каторге, создали Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПК). Однако советская система и центральные структуры ОПК ставили свои вопросы перед бывшими революционерами разнородной партийности: не был ли ты «выдаванцем» или «подаванцем» в царское время, насколько ты лоялен к руководящей партии и политической системе, насколько активно ты ведешь культурно-пропагандистскую работу в структуре Общества на «благо» нового общества и государства. Необходимо было доказывать политическую преданность системе, в появлении которой принимали участие бывшие репрессированные революционеры.

Условия советской власти давали возможность на первых порах бывшим революционерам инкорпорироваться в советскую систему. В Москве ОПК организовало центральные структуры и землячества по регионам ссылки, в регионах, где остались проживать после ссылки революционеры. Права и обязанности Общества постоянно расширялись. В Уставе, принятом I Всесоюзным съездом в 1924 г., задачи Общества были расширены: распространение материалов о каторге и ссылке и вообще революционном движении, историко-исследовательская деятельность, а в дальнейшем агитационно-пропагандистская и воспитательная работа. Центральный Совет с его руководящим органом – президиумом руководил разноплановой работой, не выходящей за рамки первоначальных задач. Агитационно-пропагандистской работой занималась комиссия Агитпропа Общества, созданная 18 марта 1924 г. (с 1929 г. Культпроп). Научно-исследовательская деятельность протекала под руководством литературно-исторической комиссии (далее НИИС). В составе семи секций, работавших под руководством ЦБ, насчитывалось 440 человек, из которых 233 (52,9%) не состояли членами Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Издательская деятельность Общества проходила под руко-

водством ЦБ НИИС, «Издательства Политкаторжан» и редколлегии журнала «Каторга и ссылка». Отделения на местах вели научную, музейную, архивную, библиографическую, пропагандистскую, хозяйственную работу. К 1925 г. насчитывалось 20 отделений, открытых в Ленинграде, Киеве, Чите, Иркутске, Томске, Одессе, Тбилиси, Харькове и т.д. Землячества, организованные в Москве и Ленинграде из бывших ссыльных и каторжан, Якутское, Иркутское, Енисейское, Нерчинское, Шлиссельбургское, Рижское, Центральные тюрем вели свою разнообразную деятельность. В 1928 г. уже числилось 50 отделений.

В Сибирском регионе, самом «востребованном» месте ссылки царского режима, существовало два основных центра ОПК: в Иркутске и Омске. Иркутское отделение было основано 6 марта 1922 г., избрано оргбюро в составе Бранецкого, Виноградова, Маямсина (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 6. Л. 106). В конце 1925 г. образовался постоянный состав Омского отделения ОПК из 18 человек. В 1925–1926 гг. появились и оформились группы в Новосибирске, Барнауле, Красноярске Томске, Минусинске, Бийске. Иркутское отделение руководило группами Читы, Якутска, Бодайбо, Киренска, Верхнеудинска. Сибирские организации входили в тройку самых крупных территориальных подразделений Общества.

Во всех вновь созданных отделениях работа строилась на основе Устава, инструкций и положений. В структуре отделения функционировала коммунистическая фракция, состоящая из старых проверенных большевиков, которые в то же время являлись членами Общества старых большевиков (ВОСБ). Старые большевики составляли руководящий состав отделений и имели преимущества в отношениях с партийными и советскими органами и общественными организациями. Алексей Никанорович Грецов был избран старостой Общества политкаторжан Восточно-Сибирского край отделения, в то же время выполнял партийную работу – был членом Президиума В. СС. Край КК и зам. ответственного секретаря парткомиссии. Его Общественная деятельность так же была разнообразной – кроме старосты ОПК, он был председателем крайкома МОПРа. Некоторое время исполнял обязанности председателя край комиссии ИСПАРТа. Члены ОПК зачастую имели высокие должности. Например, В. А. Кригер – председатель Горпотребсоюза, В. В. Партин – директор Льнопенькотреста. Работая в двух общественных организациях ОПК и ВОСБ, бывшие революционеры-коммунисты показывали свою политическую активность. Особенно ярко это проявлялось в политических компаниях – политических чистках. Старые коммунисты направлялись в качестве председателей комиссий и членов районных и ячейковых комиссий по партийной чистке в удаленные районы края. Например, «тов. Грецов чистил Красноярскую п/организацию с 16/XI по 14/XII, проверил 3 922 чел.». В 1938 г. был осужден как «правый троцкист».

Проверка и перерегистрация членов Общества с целью выяснить «современное политическое лицо» бывшего политкаторжанина проходила и в самом Обществе с января 1932 г. Учитывались отзывы партийных, общественных и хозяйственных органов. Проверке не подвергались только члены Общества старых большевиков и члены народовольческого кружка (ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 68. Л. 15–16).

Выйдя на новый уровень, казалось, Общество вписалось в потребности советской власти. Выполняя заказ политической системы, старые революционеры выступали с докладами, беседами, воспоминаниями на предприятиях, в клубах Общества, подшефных колхозах, перед учащейся молодежью. Выступления посвящались революционным знаменательным датам: "Февральская революция", "Ленский расстрел", "Классовая борьба в странах капитала", воспоминаниям о своей революционной деятельности, в том числе на каторге и в ссылке. В последнем отчете Культпропотдела Иркутского отделения приводятся следующие цифры: за 1 квартал 1935 г. члены общества участвовали в 46 массовых кампаниях, где обслужили 12600 человек.

Центрами, где проходила основная часть работы политкаторжан были Клубы каторги и ссылки». Здесь располагались библиотека, музей, работали кружки, проходили вечера с воспоминаниями и по случаю торжественных историко-революционных праздников. Здания клубов либо строились, либо снимались подходящие здания. Начиналось строительство Домов каторги и ссылки.

Активизировалась работа по линии МОПР, которая была создана по инициативе репрессированных революционеров. Все члены Общества были прикреплены к низовым ячейкам. Некоторые бывшие политкаторжане в порядке общественной нагрузки работали в крайкомах и горкомах МОПРа.

Свою лепту в архивную работу внесло Восточно-Сибирское краевое объединение, выявив архивные фонды 14 каторжных тюрем Восточно-Сибирского края; тюрем Нерчинской каторги; тюрем Красноярской губернии; архивов жандармских управлений: Енисейской, Иркутской и Забайкальских губернии;

архивов генерал-губернаторов этих же губерний, архивов полицейских управлений и округов, окружных и военных судов; колчаковской контрразведки, следственных комиссий и др.; провело обследование архивов в Чите, Красноярске, Канске, Улан-Удэ. Шефская работа также вписывалась в идеологические задачи власти. Иркутское отделение шефствовало над авиашколой, чаепрессовочной фабрикой, 15 школой, колхозом им. К. Е. Ворошилова, красноармейцами.

Инкорпорация ОПК в систему постоянно претерпевала изменения в исторических реалиях советского времени: лояльность системы в середине – конце 20-х гг. XX в. давала относительную свободу, ужесточение режима в начале 30-х гг. XX в. заставляло показывать свою преданность системе, что не спасло в дальнейшем от закрытия Общества. Развязанная атака на общественные организации и гонения на его членов закономерно закончились закрытием общественной организации, массовыми репрессиями его членов и забвением на долгие годы. В Иркутском отделении после закрытия Общества в 1935 г. было репрессировано в 1937–1938 гг. 30 членов из 58 состоящих, 22 из них были приговорены к высшей мере наказания. Даже членство в партии не давало гарантий от репрессий советской власти. Об этом говорит приговор, вынесенный Партину Венедикту Васильевичу, члену ВКП(б), возглавлявшему одно время Восточно-Сибирское краевое объединение и Иркутское отделение ОПК. Родился в 1888 г., в Екатеринбургском уезде Пермской губ.; русский, образование низшее; член ВКП(б); заведующий областным партархивом. Проживал: г. Иркутск. Арестован 8 июля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД Иркутской области 5 октября 1938 г., обв. ст. 9, 11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 14 октября 1938 г. Место захоронения – г. Иркутск. Все репрессированные были реабилитированы в 1957 г. определением Военного трибунала ЗабВО.

Литература:

От редакции // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С.21.

Хроника // Каторга и ссылка. 1925. № 1. С.281.

*Иванов Александр Александрович
доктор исторических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
ottisk@irmail.ru*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ НА ОХРАНЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена разноплановой деятельности жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. Охраняя дорогу с помощью хорошо обученного и подобранного личного состава, расквартированного на всех крупных станциях и разъездах дороги, управление выполняло функции как уголовной, так и политической полиции. Его работа по предотвращению беспорядков, краж и хищений из подвижного состава и полосы отчуждения, а также против многочисленных проявлений революционной агитации, экстремистских действий членов леворадикальных партий и групп, японских и китайских шпионов в период Русско-японской войны служила фактором стабильной и эффективной деятельности Забайкальской дороги, имевшей стратегическое значение и выполнявшей значительную военную, социальную и экономическую роль в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: жандармы, Забайкальская железная дорога, предотвращение преступлений.

*Ivanov Alexander Alexandrovich
Doctor of Sciences in History
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia*

POLITICAL POLICE ON THE PROTECTION OF THE TRANS-BAIKAL RAILWAY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article is devoted to the diverse activities of the gendarme police department of the Trans-Baikal Railway in the late 19th– early 20th centuries. Protecting the road with the help of well-trained and selected personnel stationed at all major stations and sidings of the road, the department performed the functions of both criminal and political police. His work to prevent riots, theft and theft from rolling stock and the right-of-way, as well as against numerous manifestations of revolutionary agitation, extremist actions of members of left-wing radical parties and groups, Japanese and Chinese spies during the Russo-Japanese War, served as a factor in the stable and effective activity of the Trans-Baikal the road, which was of strategic importance and played a significant military, social and economic role in Eastern Siberia and the Far East.

Keywords: gendarmes, Trans-Baikal Railway, crime prevention.

Современные исследователи уделяют постоянное внимание истории политической полиции Российской империи. Несмотря на это, данная тема изучена недостаточно глубоко. В первую очередь такой вывод можно сделать в отношении деятельности жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги. По данной теме имеется лишь несколько статей, носящих в большей степени обзорный или постановочный характер. В недостаточной изученности данной темы заключается ее актуальность и востребованность. Задача настоящей статьи – восполнить имеющийся в науке пробел.

Основным источником для ее написания стали материалы Государственного архива Республики Бурятия и Государственного архива Иркутской области. Между тем специфика жандармской службы, носившей закрытый характер, способствовала тому, что фонды этих архивов сохранили незначительное количество второстепенных материалов, которые не позволяют составить полное представление о механизме работы этой службы среди революционеров, политических ссыльных, местных рабочих и интеллигенции.

На Забайкальской железной дороге жандармы появились еще в ходе строительных работ. Большое количество привлекаемых уголовных ссыльных, каторжан Александровского централа, арестантов Иркутского тюремного замка, а также сезонных рабочих потребовало учреждения здесь уже в сентябре 1895 г. двух должностей земских заседателей и восьми должностей урядников. Заседатели занимались надзором за ссыльными, урядники осуществляли полицейские функции, однако этих сил, конечно же, было недостаточно (Стафеев 2014: 228).

В качестве отдельной службы на Забайкальской дороге жандармы оформились в конце января 1899 г. и стали именоваться «Жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги». Структура ЖПУ ЗЖД соответствовала подразделениям самой дороги, а Управление, возглавляемое начальником, неизменно располагалось в Иркутске. При этом на станциях были созданы отделения, дробившиеся на более мелкие участки и посты. Штаты самого управления включали всего две должности – начальника и адъютанта. Начальники отделений не имели штатных помощников, однако общая численность служащих, находившихся в подчинении ЖПУ ЗЖД, была весьма значительной и составляла, по нашим подсчетам, до 200 человек (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 113 об.). Это гораздо больше, чем, к примеру, имелось в Иркутском губернском жандармском управлении – 48 сотрудников на 1903 г. (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 112. Л. 16).

Железная дорога была стратегическим объектом, служила «главным инструментом интеграции забайкальской экономики в сибирское экономическое пространство» (Кальмина 2017: 88). Безопасный проезд и провоз грузов по дороге, надежную работу всех ее служб и подразделений и должны были обеспечить жандармы. Именно поэтому ЖПУ ЗЖД прежде всего выполняло функции общей полиции.

Управление обеспечивало охрану общественного порядка на станциях, вокзалах, в поездах и в полосе отчуждения дороги. Жандармы наблюдали за порядком среди публики, предотвращали преступления общеуголовного характера – кражи, убийства, поджоги, разбои. На каждом вокзале и крупной станции Забайкальской железной дороги имелось специальное помещение, в котором располагались начальник отделения и несколько унтер-офицеров. Унтер-офицеры несли непосредственное дежурство на перронах, контролировали соблюдение порядка при встрече и отправлении поездов. Кроме этого, жандармы проводили регулярное патрулирование станционного района, что предусматривало обход путей пассажирских и товарных вагонов, помещений депо, прилегающих магазинов и трактиров.

Борьба с хищениями железнодорожного имущества также значилась в числе обязанностей жандармов. Полицейская служба здесь была не из легких и подчас требовала немалого мужества. Вот пример: 29 ноября 1906 г. в отделение ЖПУ на станции Иркутск поступило заявление о хищении с открытой платформы шести пудов свинца. Дежуривший по станции унтер-офицер Якимчук, заподозрив в краже слесаря Макаренко, отправился к нему на квартиру, находившуюся вне полосы отчуждения, а посему подключил к расследованию стражников полицейской части. По прибытии на квартиру Якимчук стал проверять письменный вид Макаренко, непроизвольно повернулся к нему спиной, а тот выхватил из кармана висевшего на вешалке пальто браунинг, выстрелил и ранил Якимчука. Стражники и Якимчук, как следует из докладной, схватили Макаренко, но тот «стал сопротивляться и во время борьбы успел произвести еще три выстрела, из коих одним вторично ранил унтер-офицера, а последним – смертельно себя в висок на вылет...» (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Как видим, сотрудники ЖПУ ЗЖД с успехом выполняли обязанности уголовной полиции. Однако гораздо большее место в работе жандармов занимала «политика» – наблюдение за социал-демократами, эсерами и анархистами, контроль за рабочим движением, предотвращение забастовок, а также противодействие агентурной деятельности иностранных разведок. При этом порой рутинный осмотр поступающих грузов мог дать самые неожиданные результаты. Так, к примеру, 28 января 1908 г. на ст. Иркутск был задержан тюк, присланный из Томска на предьявителя, при осмотре которого оказались «преступные издания партии социалистов-революционеров: 26 изданий центральных органов в Петербурге, 2 в Томске и 1 в Новониколаевске» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1132. Л. 18).

Много хлопот железнодорожным жандармам доставляли политические ссыльные, бежавшие с территории Иркутской губернии и Забайкалья в 1910–1916 гг. в «массовом порядке». При этом, как правило, уездный полицейский исправник просил начальника ЖПУ ЗЖД «сделать распоряжение о производстве розысков бежавших с мест своих причислений...», дальше шел список беглецов. Таких обращений в архивах сохранилось множество, и на все следовало как-то реагировать (ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 108. Л. 25–45).

Нередко жандармы разыскивали хорошо известных революционеров. Вот телеграмма начальника ЖПУ ЗЖД от 21 ноября 1910 г.: «...бежавшая Киренска революционерка Брешко-Брешковская роста 2 аршина 4 вершка семидесяти трех лет глаза голубые лицо розовое сложения крепкого может проехать мужчиной под гримом обходить вагоны обращать внимание на стариков старух и больных, но возможно меньше беспокоить пассажиров особенно усилить наблюдение посадкой Иркутск Верхнеудинск и уч Татаурово» (ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 108. Л. 109).

Наиважнейшим делом жандармов всегда была проверка политической благонадежности лиц, поступавших на службу в структуры Забайкальской железной дороги. Всякий желающий служить, будь то инженер-строитель, начальник участка или рабочий-путеец, не мог быть принятым без одобрения жандармского ведомства. Служба начальника дороги обязана была письменно уведомить полицейское управление обо всех подавших документы независимо от конкретного места службы и должности. Согласно данным уведомлений, жандармы изучали сначала бумаги и послужные списки кандидатов, затем материалы своего архива, а если требовалось, запрашивали коллег из Иркутского губернского жандармского управления.

Анализ материалов ГАИО и ГАРБ говорит о высокой эффективности контрреволюционной деятельности жандармских служб: работа революционных организаций, любое проявление оппозиционных настроений в конечном счете становились известными и попадали под их контроль. Архивные источники свидетельствуют о высоком уровне профессиональной подготовки служащих ЖПУ ЗЖД, умении работать самостоятельно и инициативно, благодаря чему предотвращалось немало случаев криминальной и противоправительственной деятельности. Умелая организация каждодневной работы личного состава, оптимальная структура управления, высокая производственная дисциплина и готовность пополнять свои знания – все это делало работу ЖПУЗЖД весьма профессиональной и эффективной.

Литература:

Кальмина Л. В. Проекты железнодорожного строительства в планах интеграции Забайкалья в сибирское экономическое пространство в последней трети XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 82–88.

Стафеев Г. М. Полицейские органы на строительстве Забайкальской железной дороги (1895–1999) // 90 лет Забайкальской архивной службе: материалы науч.-практ. конф. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. С. 228–239.

Курас Леонид Владимирович
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
kuraslv@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИМПЕРИЯ ЦИН НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.¹

Статья посвящена оценке системы взаимоотношений Российской империи с империей Цин на рубеже XIX–XX вв. и в этой связи политике России на Дальнем Востоке. Необходимость этой оценки обусловлено тремя обстоятельствами: во-первых, 300-летним юбилеем Российской империи, отмеченным научной общественностью осенью 2021 г.; во-вторых, современным состоянием Дальнего Востока, чья экономика давно ориентируется на Японию, Китай и Корею; в-третьих, для понимания прошлого и оценки настоящего России и ее места в мировой истории.

Ключевые слова: Российская империя, империя Цин, окраинная политика, Маньчжурский фактор, трансграничье, приграничье.

Kuras Leonid Vladimirovich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

RUSSIAN EMPIRE AND THE QING EMPIRE AT THE TURN OF 19TH – 20TH CENTURIES

The article is devoted to the evaluation of the system of relationships between the Russian Empire and the Qing Empire at the turn of XIX–XX cc., and therefore the policy of Russia in the Far East. The necessity of the evaluation was based on three factors: first, the 300th anniversary of the Russian Empire, which was marked by the scientific society in autumn of 2021; second, the current situation of the Far East that economics has been oriented on Japan, China and Korea; third, for better understanding of the past and assessing of the present of Russia and its place in the world history.

Key words: The Russian Empire, the Qing Empire, marginal policy, Manchuria factor, transboundedness, border-zone.

В современной историографии «империя» объединена «высшей идеей так или иначе понятного Абсолюта, а потому имперская идея чужда расизму, национализму, разделению “коренного” и “иностранного” населения» (Пигров 2007: 3). То есть, империя – это фактор стабильности всей империи и каждого ее региона вне зависимости от его географии и для формирования «географии власти» (Туровский 1995). Россия в течение XIX в. уделяла внимание интеграции периферийных регионов в состав империи, поэтому важным было формирование не только внутренних, но и внешних границ. Не случайно последователи Н. Н. Муравьева-Амурского обдумывали идею смещения стратегических центров, где роль центров отводилась Порт-Артуру и Харбину (Ремнев 2004: 173). Именно поэтому мы уже обращали внимание на Маньчжурский территориальный фактор, ставший в конце XIX в. узлом международных противоречий (Курас 2021). Этот фактор получил в современной историографии оценку по политико-административному, военно-стратегическому и социально-экономическому параметрам (Пасмурцев 2011: 109). Кроме того, регион имел особое значение как прародина династии Цин и выполнял важную «трансфертную» функцию в ходе взаимодействия с Российской империей. То есть, имперская Рос-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

сия рассматривала Китай как важнейшее направление своей внешней политики (Романов 1928; Романова 1987; Курас и др. 2018).

Идея «распространения влияния на Китай» в противовес усилению там позиций британской империи была развернута переводчиком российского посольства в Пекине, титулярным советником А. Ф. Поповым в «Записке о Китайских делах» еще в 1862 г. (Лапин 2017). В дальнейшем Российская империя все время держала «в уме» Китай, рассматривая его и как торгового партнера, и как возможного противника в будущих военных действиях (Сборник 1891). Даже при планировании проведения Транссиба Комитет Сибирской железной дороги считал «вполне своевременным всестороннее ознакомление с условиями нашей торговли на крайнем Востоке», выражая уверенность, что магистраль сделает Китай доступным «как для сбыта отечественных продуктов, так и для вывоза к нам... предметов его производства». По мнению Комитета, открытие русским купцам китайских городов и гаваней для свободной торговли было бы выгодно в первую очередь Китаю, ибо это будет содействовать развитию и укреплению взаимных торговых связей «между двумя величайшими странами мира, границы коих соприкасаются на протяжении многих тысяч верст» (Курас и др. 2018: 17). Кроме того, к концу XIX в. имевшиеся трансграничные эмиграционные потоки и колониальная конкуренция британской, германской, российской и японской империй за Маньчжурию заставляли Российскую имперскую власть по-новому взглянуть на возможности расширения собственных территорий и задачу защиты своих границ от нежелательных сил.

В современной историографии истории взаимодействия императорской России и императорского Китая выделяется две концепции – трансграничье (Мещеряков, Антропов 2019) и приграничье (Туровский 1995).

Трансграничье – это регион, в котором на протяжении нескольких веков формировалась граница между государствами, велась активная межкультурная коммуникация между народами, происходил процесс культурной гибридизации, что возникает в результате перемещения этноса на новую для них территорию, т.е. в пространство чужой цивилизации (Антропов, Мещеряков 2018).

Приграничье – это территории, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями: а) отчужденные приграничные территории; б) сосуществующие приграничные территории; в) взаимозависимые приграничные территории; г) интегрированные приграничные территории (Арсентьева 2012).

На рубеже XIX–XX вв. для дальневосточной политики России было характерно активное продвижение империи в Китай: строительство Транссиба и КВЖД, аренда незамерзающих портов, создание банковской системы, наличие политического проекта Желтороссия (Ходяков 2018). Но в условиях Российской империи Маньчжурия стала и приграничным, и трансграничным пространством между Китаем и Россией, располагаясь рядом с Забайкальем, Приамурьем и Приморьем.

Продвижению России на восток предшествовала японо-китайской война 1894–1895 гг. Ее итогом стали поражение Китая и Симоносекский договор от 17 апреля 1895 г., по которому Японии отошли остров Тайвань (Формоза), архипелаг Пэнху (Пескадорские острова), а также южная часть Ляодунского полуострова, включая порты Далянь и Люйшунь (Порт-Артур) (Гримм 1927). И лишь «тройственная интервенция» России, Франции и Германии не позволили Японии осуществить задуманное. В мае 1896 г. Российская империя подписала русско-китайский союзный Договор, предусматривавший совместный отпор на случай агрессивных действий Японии и стала гарантом территориальной целостности цинского Китая. Но через три года после заключения Симоносекского договора Россия получила Порт-Артур в концессию на 25 лет и начала строительство железной дороги, поставив под контроль всю Восточную Маньчжурию вплоть до Харбина, которую Япония считала сферой своего влияния. Тогда же Германская империя арендовала Циндао, а Британская империя – Вэйхайвэй. Это привело к охлаждению в отношениях между Китаем и Россией, усилению территориальных претензий Японии, европейских государств и США, что сыграло ключевую роль в последующей Русско-японской войне 1904–1905 гг. Войне предшествовало «боксерское» восстание 1898–1901 гг. в Китае, что стало ключевым событием в истории русско-китайских отношений рубежа XIX–XX в., повлияв и на взаимоотношение между двумя государствами, и на дальнейшее развитие международных отношений на Дальнем Востоке (Курас, Кальмина 2019).

К началу XX в. идея освоения дальневосточных окраин была широко распространена в российском обществе. 27 октября 1909 г. при Совете министров был учрежден Комитет по заселению Дальнего Во-

стока, созданный для общего руководства деятельностью по дальнейшей колонизации Приамурского края (Рябцев 2018). Это привело к становлению новой формы взаимоотношений Российской империи и империи Цин, нового регионального порядка в Восточной Азии, нового принципа развития общества, иной модели колониального развития, у истоков которой стояла идея Российской империи реального проявления российской цивилизации, лишенной «имперских амбиций». Конечно, имперская политика – это и «чужие» территории, и «чужие» природные богатства на этих территориях, и «чужие» людские ресурсы, и военная мощь, как инструмент в имперских отношениях. Этот сегмент всегда был и всегда будет в имперских отношениях. Но главный вывод А. Тойнби состоит в том, что захваты и насилие – это успех эфемерный (Тойнби 1991). Главное достижение Российской империи на востоке выражается в «русском влиянии», в ее необходимости империи Цин, в создании глубинной привлекательности русской культуры, глубокой связи Китая с Россией.

Литература:

Антропов О. К., Мещеряков А. Ю. Сунгарийский город вне границы: культурная гибридность в условиях трансграничного пространства Харбина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 35–41.

Арсентьева И. И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 6 (85). С. 24–29.

Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) Т. VI. М.: Ин-т востоковедения, 1927. С. 94–97.

Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. 112 с.

Курас Л. В., Кальмина Л. В. Российская дальневосточная политика на рубеже XIX–XX вв. в военных мемуарах, дневниках и письмах // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 3 (35). С. 133–143.

Курас Л. В. Российская империя как фактор регионального порядка в Восточной Азии в конце XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 21–27.

Лапин П. А. Китаист А. Ф. Попов и его записки в МИД России // Восточный архив. 2017. № 1 (35). С. 14–20.

Мещеряков А. Ю., Антропов О.К. Особенности российской колонизации Маньчжурского края в конце XIX – начале XX в. // Грамота. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 35–40.

Пасмурцев В. А. Маньчжурские территории как фактор политики империи Цин (середина XVII – начало XX вв.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 108–117.

Пигров К.С. Империя как инновация или императив империй // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 3–11.

Ремнев А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX вв. // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М.: «Новое издательство», 2004. С. 168–187.

Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Гос. акад. тип., 1928. 605 с.

Романова Г. Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX вв. М.: Наука, 1987. 168 с.

Рябцев В. Н. Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки). М.: «АИРО-XXI». 2018. С. 186–235.

Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб.: Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, 1891. 282 с.

Тойнби А. Дж. Достижение истории / сост. А.П. Огурцов; пер. с англ. языка. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. №3. С. 33–44.

Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX – начала XX вв. в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.

Харунов Рамиль Шатмуратович
кандидат исторических наук
Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва
Кызыл, Россия
rkharunov@gmail.com

Харунова Марианна Монге-Байыровна
кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
ondar18@mail.ru

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА В 1921 г.

Коминтерн – это мощная международная организация, вершившая судьбы людских масс, направлявшая ход многих событий в первой половине XX в., но ее деятельность оставалась скрытой от людских глаз не только в течении всего времени существования, но и десятилетия после самоликвидации. Для подготовки иностранных специалистов была создана система специализированных учебных заведений под эгидой Коминтерна, наиболее известный из них – Коммунистический университет трудящихся Востока. В период 1920–1930-х гг. тысячи иностранных граждан, в том числе и будущие руководители государств и партий, получили идейно-теоретическое образование в СССР. Все они, вне зависимости от времени пребывания в Москве, испытали на себе влияние идеологии, что в конечном счете способствовало распространению коммунистического мировоззрения. Результаты были получены, и они показали эффективность советской системы политического образования для иностранных граждан.

Ключевые слова: Коминтерн, Советская Россия, Коммунистический университет трудящихся Востока, Азия, формирование интеллигенции.

Kharunov Ramil Shatmuratovich
Candidate of Sciences in History
Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva
Kyzyl, Russia

Kharunova Marianna Monge-Bayirovna
Candidate of Sciences in History
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science
Moscow, Russia

THE REASONS FOR THE ESTABLISHMENT OF THE COMMUNIST UNIVERSITY OF THE TOILERS OF THE EAST IN 1921

The Comintern was a powerful international organization that decided fates of masses of people and determined the course of events in the first half of the 20th century, but its activity was secretive not only during all the time of its existence but also for decades after its voluntary dissolution. A whole system of single-purpose institutions for training foreign specialists was established under the auspices of the Comintern organization. The most known of them was Communist University of the Toilers of the East. The 1920s – 1930s thousands of foreign citizens were trained in the USSR, including future statesmen and party leaders of different countries who received ideological and theoretical education in the USSR. All of them, no matter how much time they spent in Moscow, were ideologically affected, which, ultimately, contributed to the propagation of Communist outlooks. The obtained results demonstrated the efficiency of the Soviet political education for foreign citizens.

Keywords: Comintern, the Soviet Russia, Communist University of the Toilers of the East, Asia, formation of intelligentsia.

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика образовалась на территории бывшей Российской империи и состояла из целого конгломерата субъектов, в том числе национальных республик, которые разительно отличались по социально-экономическому развитию. Успешное национально-государственное строительство могло быть обеспечено только при условии активного участия коренного населения во всех преобразованиях, но низкий уровень грамотности на восточных окраинах зачастую приводил к непониманию или к негативному восприятию социалистических идеалов.

Два вывода можно было сделать из сложившегося положения: во-первых, если местных сил нет или мало, то придется создавать советскую власть за них и для них. Этот тезис противоречил смыслу и центральным идеям советской власти, которая изначально выстраивалась как организация трудящихся масс (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 8. Д. 230. Л. 210). Второй вывод основывался на положениях из резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (март 1921 г.), согласно которым, ставилась задача подготовки для окраин своих советских и партийных работников, близко знакомых с нуждами, интересами, бытом и психологией населения. Именно они должны были составить ряды национальной интеллигенции, адаптировать и донести до своих народов идеи социализма и претворить в жизнь начала советского и коммунистического строительства.

Работа партийных и советских органов в национальных республиках требовала глубоких знаний местных условий, для этого нужно было создать специальную школу партийных и советских работников для «трудящихся окраин восточных республик». Важным фактором было и то, что к 1921 г. надежды на мировую революцию в европейских странах не оправдались, эпоха «сабельных походов» закончилась, и для раздувания «мирового пожара» требовалась длительная и кропотливая работа по воспитанию новой элиты. Вектор революционной борьбы сместился на восток, и большие планы связывались с Китаем, Индией, Персией (Шашкова, Шпаковская 2018: 708).

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет издал 21 апреля 1921 г. постановление об учреждении Университета трудящихся Востока при Народном комиссариате по делам национальностей для подготовки политработников из среды трудящихся восточных автономных республик и автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств. Этому постановлению предшествовало создание еще в 1920 г. при коммунистическом университете им. Свердлова восточного сектора для подготовки кадров для национальных республик Советского Востока. Позднее в 1922 г. был создан Иностранский сектор (Спецсектор) для подготовки специалистов из зарубежных стран (Панин 2013: 201).

КУТВ должен был стать лабораторией по воспитанию коммунистов восточных окраин, он должен был сделать теорию и практику коммунизма доступной широким трудящимся массам Востока, заняться подготовкой учителей коммунизма с последующей разработкой ими политической литературы, отвечающей потребностям и интеллектуальному уровню трудящихся Востока. Власти требовались, прежде всего, преданные работники, исполнители ее интересов.

В своей речи 14 мая 1923 г. в день празднования двухлетнего существования КУТВ нарком иностранных дел Г. В. Чичерин отметил, что «Коммунистический университет, который назван специально в ноте Керзона (1923 г.), который обратил внимание высокопоставленного лорда на это маленькое учреждение, играет действительно историческую роль как питомник тех передовых бойцов, которые призваны сломить власть маркиза Керзона и всех ему подобных ... После того, как XII съезд нашей партии более широко и глубоко осветил значение национального вопроса, его мировое значение и отношение к национальному вопросу, коммунистической партии и советской власти теперь легче найти правильную почву, идти правильным путем в нашей совместной борьбе с народами Востока» (РГАСПИ.Ф. 532. Оп. 8. Д. 49. Л.1). Действительно, в Западной Европе уделяли серьезное внимание деятельности университета, и в 1924 г. в Париже на основании официальных документов было издано первое исследование, посвященное целям и задачам КУТВ (*The Destruction of the British Empire...* 1924: 21–24).

В 1925 г. И. В. Сталин четко сформулировал цель КУТВ, которая состояла в том, чтобы выковать настоящих революционеров, способных выполнить очередные задачи освободительного движения колоний и зависимых стран не за страх, а за совесть. В том же выступлении он отметил две основные линии работы университета: подготовка кадров для советских республик Востока и подготовка специали-

стов для обслуживания революционных потребностей трудящихся масс колониальных и зависимых стран Востока (Сталин 1947: 151).

Руководство СССР прекрасно понимало важность борьбы за умы. Помимо военной подготовки к «мировой революции» первостепенное значение придавалось формированию национальной интеллигенции для разных государств в учебных заведениях Советского Союза. Обучение иностранных студентов являлось составной частью геополитической и экономической стратегии. Первое социалистическое государство шло к грядущей мировой революции и втягивало в орбиту своей внешней политики новые территории. Уже к сентябрю 1921 г. КУТВ принял 600 студентов.

1927 г. был годом организации Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) как научной лаборатории КУТВ. В этом же году была образована аспирантура. В течение нескольких лет КУТВ вырос в серьезную партийную школу для подготовки партийных кадров республик. НИАНКП создала солидную научную базу по изучению экономики, культурного строительства и истории парторганизаций. КУТВ был призван готовить работников областных и центральных аппаратов (высшие кадры партработников).

В правилах приема на 1930–1931 уч. год уже указывалось, что КУТВ им. Сталина является высшей партийной школой, ставящей своей задачей подготовку из трудящихся восточных национальностей квалифицированных партийных работников, умеющих применять метод марксизма-ленинизма на практике революционной борьбы и социалистического строительства. Согласно правилам, в Университет принимались трудящиеся восточных национальностей, члены ВКП(б) с партийным стажем не менее трех лет и со стажем активной практической партийной, профессиональной или советской работы не менее трех лет, в возрасте не моложе 20 лет и не старше 32 лет (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р3316. Оп. 22. Д. 1069. Л. 1).

Сейчас, по прошествии многих лет, можно сказать, что Коммунистический университет справился со своими основными задачами как внутри страны, так и за рубежом. Народам Советской России в 1920-е гг. была предоставлена автономия в форме округов, областей и республик. Данная самостоятельность на первых порах не была формальной, а имела конкретное наполнение, способствовавшее политическому и культурному развитию. Ускоренно сформировалась национальная интеллигенция. Последняя как носительница этнической культуры способствовала восприятию и переработке социалистических идей, содействуя ускоренной интеграции коренного населения в советскую государственность. Выпускники университета заняли важнейшие партийные и государственные посты в национальных субъектах и способствовали укреплению советской власти на местах.

Помимо этого, Коммунистический университет трудящихся востока являлся важнейшим элементом системы подготовки иностранных специалистов (в реальности партийных работников). Подготовленная элита, придя к руководству, должна была привязать политическую и экономическую системы своих стран к политике Советского Союза. В ряде компартий бывшие студенты КУТВ составляли руководящее ядро, а в Монголии и Туве уже в 1930-х гг. представляли правящую элиту, которая полностью ориентировалась на внешнюю политику СССР.

Литература:

Панин Е. В. Коммунистический университет трудящихся востока // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 2. № 4 (18). С. 201–206.

Сталин И. В. Полн. собр. соч. Т.7. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. С. 151.

Шашкова О. А., Шпаковская М. А. Коммунистический университет трудящихся востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 704–716.

The Destruction of the British Empire (as planned by the Communist International). Published by the Russian National Students Association. Paris. 1924. 39 p.

МОНГОЛЫН ЭРТНИЙ УЛСУУДЫН ЦЭРЭГ

НТӨ 209 онд Хүннүгийн Модун шаньюй монгол угсаат олон овог аймгийг нэгэн жолоонд оруулан хүчирхэг Хүннү гүрнийг байгуулсан билээ. Хүннү нар хүчирхэгжихээсээ бүр өмнө хүчирхэг морьт цэрэгтэй байсан бөгөөд Хятадын Чжао улсын У-Лин ван Хүннү цэргийн жишгээр цэргийн зэвсэг, дээл хувцсандаа шинэчлэл хийж, цэргээ морь унах, харвах намнахад тусгайлан сургадаг байжээ. Хүннү улс аравтын тогтолцоонд суурилсан төр цэргийн нэгдсэн зохион байгуулалттай байсан учир улс орны амьдралд цэрэг онцгой үүрэг гүйцэтгэж байв. Сяньби, Жужаны байгуулсан улс нь төр, цэргийн нэгдсэн зохион байгуулалттай, хаант засаглалтай байсан бөгөөд хүннүгийн цэрэг захиргааны аравтын зохион байгуулалтыг уламжлан авчээ. Тэдний улс төрийн эрхтэн дархтнууд Хүннү улсын нэгэн адил цөм их бага хэмжээний цэрэг захирч цэргийн эрхтний үүрэг гүйцэтгэж байв.

Түлхүүр үг: Хүннү гүрэн, Хан улс, Модун шаньюй, Хүннү цэрэг, Сяньби цэрэг, Жужан цэрэг.

*Тогтуун Эрдэнэхишиг
Ph.D
Defense Research Institute
Ulaanbaatar, Mongolia*

SOLDIERS OF ANCIENT MONGOLIA

Modun Shanyu of the Xiongnu brought together many Mongol tribes to form a powerful Xiongnu Empire in 209 BCE. Even before their rise to power, the Xiongnu had a strong cavalry force, and Wu Lin Wang of the Zhao Dynasty of China upgraded his weapons and uniforms to the standards of the Hunnu, and trained his soldiers to ride horses and shoot arrows. The military played a special role in the life of the Xiongnu, as the state was based on a decimal system and had a unified military organization. The state founded by Xiangbi and Rouran had a unified state and military system, a monarchy, and inherited the Xiongnu military administration. Their political aristocracy, like that of the Xiongnu, ruled with a large and small army and acted as a military organ.

Keywords: Xiongnu Empire, Han Dynasty, Modun Shanyu, Xiongnu soldier, Xiangbi soldier, Rouran soldier.

Монголчууд хүн төрөлхтний хөгжил дэвшилд Грек, Ром, Хятад, Мисир ер нь аль ч улсаас дутаахааргүй хувь нэмэр оруулсан өнө эртний баялаг түүхтэй ард түмэн.

НТӨ 209 онд Хүннүгийн Модун шаньюй монгол угсаат олон овог аймгийг нэгэн жолоонд оруулан хүчирхэг Хүннү гүрнийг байгуулсан билээ.

Хүннү улс газар нутаг, засаг захиргааны хувьд зүүн, баруун, төв гэсэн гурван хэсэгт хуваагдах ба нийт 24 түмтээс бүрдэж байв. Хятадын түүхэнд тэмдэглэгдсэнийг үзвэл Хүннүгийн зүүн, баруун, төв хэмээх жигүүр нь тус бүр нэгэн жижиг улсын дайтай байсан байна.

Монголчуудын өвөг Хүннү нар НТӨ нэгдэх мянган жилийн сүүлээр Төв Азид өрнөж байсан олон угсаатны түүхийн үйл явцад идэвхитэй оролцон, өмнөд хөрш нангиад (хятад) аймгуудаас хүн хүчний тоогоор үлэмж дутуу буюу 1:20 гэсэн харьцаатай байсан хэдий ч нэгдсэн Хан улстай цэрэг зэвсгийн хүчээр эн тэнцэхээр барахгүй, зарим талаар илүү хүчтэй байж, ихэрхэг дээрэнгүй ханддаг Хан улсыг өмнөө өвдөг сөхрүүлж явсны тод жишээ бол түүхэнд “198 оны гэрээ” хэмээн нэрлэгдсэн гэрээ билээ. Уг гэрээгээр Хүн нар хятадуудаар нүүдэлчид, суурьшмал иргэдийн хоорондын тэгш эрхийг хүлээн зөвшөөрүүлж чадсан юм.

Хүннү нар хүчирхэгжихээсээ бүр өмнө хүчирхэг морьт цэрэгтэй байсан бөгөөд Хятадын Чжао улсын У-Лин ван Хүннү цэргийн жишгээр цэргийн зэвсэг, дээл хувцсандаа шинэчлэл хийж, цэргээ морь унах, харвах намнахад тусгайлан сургадаг байжээ. Энэ үеэс нилээд хожуу буюу 400 гаруй жилийн дараа Хан улсын У-Ди хуанди хүннүтэй байлдахын тулд тэрэгт болон явган цэргээ хүннүгийн жишгээр морьт цэрэг болгон өөрчлөхийн тулд маш их хэмжээний хүч хөрөнгө зарж байжээ.

Хүннү улс аравтын тогтолцоонд суурилсан төр цэргийн нэгдсэн зохион байгуулалттай байсан учир улс орны амьдралд цэрэг онцгой үүрэг гүйцэтгэж байв.

Модун шаньюй олон овог аймгийг нэгтгэх, хөрш зэргэлдээх олон улс орныг эзлэхэд хүннү цэрэг гол үүрэг гүйцэтгэсэн билээ. Тэрбээр “Цэрэг бол төр, улсын гол хэрэгсэл...” хэмээн үзэж улсдаа цэргийн шинэчлэл хийж, цэргүүдийг нэгэн удирдлага дор нэгтгэж, маш хатуу чанд сахилга баттай болгож чадсанаараа хүчирхэг байжээ.

Модун шаньюй юун түрүүнд бусадтай дайтах байлдахыг урьдал болгож байгаагүй бөгөөд өөрийн дорнод хөрш Дунху нартай эв найрамдалтай байхын тулд аргамаг сайн хүлэг, хайртай хатнаа найр тавин өгсөн мөртлөө хэсэг газар гуйхад нь “Газар бол улсын үндэс” хэмээн өгүүлээд өгөхийг зөвшөөрсөн түшмэдийнхээ толгойг авч байжээ. Модун шаньюй тэр нэгэн цагт хэлсэн энэ үг эдүүгээ ч гэсэн үнэ цэнээ алдаагүй байна.

Хүннү цэрэг нь тус тусын овог аймгийн цэрэг эр бус, улсын цэргийн нэгдсэн аравтын зохион байгуулалттай байсан бөгөөд улсын дэвсгэр нутгийг хятад болон бусад улс аймгийн түрэмгийллээс батлан хамгаалах, эсхүл бусад орныг довтлон эзлэх, дээрэмдэх үүрэгтэй байжээ.

Хүннү улсын цэргийн зохион байгуулалт нь дайны нөхцөлд дээд зэргээр зохицсон байсан ба дайн тулааны цаг болоход цэргүүд нь үтэр түргэн цуглаж нэгдсэн зохион байгуулалтанд орж чаддаг байжээ. Хүннүгийн цэргийн тоо зарим үед бараг хагас саяд хүрч байсан байна.

Хүннүгийн цэрэгт хараат орны иргэд ч алба хаадаг байв. Хүннүгийн засаг захиргааны үндсэн доод нэгж нь чжан буюу ло байв. Энэ нь нэг өрх айл гэсэн үг. ”Хожуу Хан улсын түүх. Баруун хилийн бүлэг”-т “...нэг өрх нь нөхөр, эхнэр, хүү, охин ойролцоогоор таван хүн байна” гэжээ. Хүннүгийн насанд хүрсэн залуу эрс цөм “Хуягт морьт цэрэг”-т тооцогдоно. Ихэвчлэн нэг өрхийн нэг залуу эр морьт цэрэг болж, арван өрхийн арван эр цэргийн доод нэгжийг бүрдүүлнэ. Тэдний дотроос нь аравтын даргыг томилно. Цэргийн доод нэгж нь нэгдэж 100 хүн болоход зуут болж, зуутын дарга захирна.

Ингэж зуутаас мянгат, мянгатаас түмт болох маягаар арми зохион байгуулагдана. Нэг аймагт ойролцоогоор 5000-6000 хүн байна. Тэд мянгат болж мянгатын дарга удирдана. Хүчтэй ван нь түмэн морьт цэрэгтэй, хүчгүй нь хэдэн мянган морьт цэргийг удирдана. Мөн жижиг ван сянбан, дувэй, данху, цецюй зэрэг доод тушаалын түшмэд байх ба тэд ванд захирагдана гэжээ (Сүхбаатар 1980: 69). Хүннүгийн түмт, мянгат, зуут, аравтын дарга нар цэргүүдийн байлдааны бэлэн байдлыг бүрэн хариуцдаг байв.

Хүннүгийн цэргийн цааз чанга, зөрчсөн тохиолдолд амиа алдах шийтгэлтэй байжээ. Тухайлбал, “Модун шаньюй мориндоо мордоод цэрэг татлагад хожимдогсодын толгойг авна гэж тушааж, дорно зүг хөдлөн, дунхуг гэнэт довтолжээ”(Сүхбаатар 1980: 69) гэж «Түүхийн тэмдэглэл»-д дурддаг. Хүннүд цэрэгт татах тодорхой тогтсон журам байснаас гадна татлагын газарт болзсон цагаас хоцорч очвол амийг нь авах хатуу хууль үйлчилж байсан байна.

Хятад сурвалжид өгүүлснээр Хүннү нар хятадуудтай тулалдахдаа давхилт дундаа алсын зайнаас харвахыг илүүд үздэг байсан ба тэд энэ эрдмийг бүр багаас эзэмшдэг агаад нас биед хүрэх үедээ харвах намнах чадвараар гойд сайн болсон байдаг байв. Энэ тухай “Түүхэн тэмдэглэл”-д «Хүүхэд дөнгөж хонь унаж чадах болмогцоо хулгана, зурам харвах ба нэлээд өсч ирэхлээрээ үнэг, туулай харваж иднэ. Нум хэрэглэж чадах хүн болгон цэрэг болно» гэсэн байна (史记: 2876). Ийнхүү дээр өгүүлсэнчилэн Хүннүгийн насанд хүрсэн эр хүн бүр “Хуягт морьт цэрэг болдог” (蒙古史论文选集 1983: 93) байсан ба Монгол, Өвөр-Байгальд явуулсан археологийн судалгаанаас үзвэл бараг эр хүн бүрийн булшинд зэр зэвсгийн зүйлийг дагуулан оршуулсан байна.

“Давс төмрийн маргаан”-д өгүүлснээр: “Айл өрх бүр шаардлагатай үед хэрэглэх зэвсэгтэй. Аюул тулгаран ирсэн цагт тэд нум сумаа шүүрэн авч, мориндоо мордоход л гүйцээ... хэдэн арван хоногоор хүрэлцэх хоол хүнс базаах боловч (цэргийн хоол хүнс) тэр нь нүдэнд анзаарагдахгүй, тэд уул, хад агуйг бэхлэлт хэрэм мэт ашиглаж, өвс, усыг үр тарианы агуулах мэт хэрэглэж чаддаг” гэжээ (ХуаньКуань 2001: 167).

Хүннүд хойт эх, бэр, бэргэнтэйгээ нөхрийн үхэхээр суух тэтгэх гэрлэлт (левират) (Сүхбаатар 2005: 155) болох овгийн байгууллын үеийн ёс заншил хадгалагдсаар ирсэн нь хүннү цэргийн байлдааны чадварт ихээр нөлөөлдөг байв. Учир нь цэрэг эр дайнд үрэгдэвч бэлбэсэн гэргий, үр хүүхэд нь өнчрөлийн зовлон амсдаггүй, эр цэрэг дайн тулаанд орохдоо ар гэртээ санаа зовохгүйгээр байлддаг нь хүннү цэргийн сэтгэл зүйн бэлтгэлийн хувьд шийдвэрлэгдсэн чухал асуудлын нэг байв. Хүннүд мөн цэргийн сэтгэл санааг дэмжиж урамшуулахын тулд “Дайсны толгойг авчирсан хүнийг нэг ваар дарсаар шагнаж, олсон олзыг нь бүгдийг өгдөг” байв (Худяков 1986: 52).

Хүннү “Намар адуу мал таргалах үеэр бүх хүмүүс ой модыг самнан ан хийдэг” (Бичурин 1950: 49–50) байсан ба энэ мэт зохион байгуулалттай ав хомрого нь нэг ёсны цэргийн сургууль болдог байв.

Хүннүд их цэрэг, цоохор цэрэг гэж хоёр төрлийн цэрэг байсан ба их цэрэг нь байнгын, цоохор цэрэг нь түр цэрэг байсан тухай сурвалжид гардаг байна (Доржсүрэн 1981: 87–88). Дээрхи хоёр төрлийн цэргээс гадна Хүннү улс хил хамгаалах цэрэгтэй байжээ. Энэ талаар Шицзи-д: ”Дунху Хүннүгийн хоорондох хүн нутагладаггүй орхигдсон эзэнгүй нутаг 1000 гаруй ли газар үргэлжилнэ, тус бүр хоёр захаар оуто болон нутаглана” (史记: 2889) гэсэн мэдээ байдгаас харахад дээрхи оуто гэгч нь хүннү, дунху хоёрт хоёуланд нь байжээ.

Хүннүгийн дараа монгол нутгаар төвлөрөн улс байгуулсан монгол угсаат Сяньби, Жужанчуудын цэргийн талаар сурвалжийн мэдээ маш бага байдаг.

Сяньби, Жужаны байгуулсан улс нь төр, цэргийн нэгдсэн зохион байгуулалттай, хаант засаглалтай байсан бөгөөд хүннүгийн цэрэг захиргааны аравтын зохион байгуулалтыг уламжлан авчээ. Тэдний улс төрийн эрхтэн дархтнууд Хүннү улсын нэгэн адил цөм их бага хэмжээний цэрэг захирч цэргийн эрхтний үүрэг гүйцэтгэж байв. Энэ талаар “Зинь улсын судар”-ын 108 дугаар бүлэг “Муюн Гүйн намтар”-т: Дунху нар “Хүннүтэй нэг зэрэг мандан гарсан бөгөөд нум сумт цэрэг хоёр зуу мянга гаруй буй. Зан заншил, түшмэдийн цол нь Хүннүтэй адил” гэжээ (Дэлгэржаргал 2017: 33). Хятад сурвалжид “Тэдний зэвсэг хурц, морь хурдан Хүннү улсаас нэн хэтэрчээ” (后汉书) хэмээн бичиж үлдээжээ.

Таньшихуай болон Кэбинэний үед сяньби нар 100 мянган цэрэгтэй болсон баримт бий. Нирун улсад хүнд хөнгөн хоёр төрлийн морьт цэрэг байжээ. Хүнд морин цэрэг нь хүн морь хоёр нь өвч хуягласныг хэлж байна. Үүнийг нотлох жишээг дурдвал: Бас нэгэн жишээ дурдахад 402 онд цагаан сарын үед Табгачийн улсын Хэту гэгч Сугуянийг довтлоход Нирун улсын Жарунь (Шэлунь) хаан Сугуянд туслахаар цэрэг илгээсэн боловч Хэтуд ялагдсан байжээ. Тэр үед Хэту Нируны 2000 гаруй хуяг бүхий агт олзолсон гэдэг (Хандсүрэн 1994: 36).

Нирун улс хилийн мөн цэрэгтэй байжээ. Энгүйдэй хааны үед өмнөд хилээрээ эргүүл хийж байсан 20 хүнийг Вэй улсын умард хилийн морьт харуулууд олзлон аваачиж байжээ (Сүхбаатар 1971: 111).

Нирунчууд тусгай цэргийн тагнуултай, чухал үед хэрэглэх шилмэл морьт цэрэгтэй байжээ.

Эцэст хэлэхэд, Монголын эртний улсуудын төр цэргийн зохион байгуулалт, байлдах арга ухаан дараа дараагын монголын төрт улсууд өвлөн авч улам бүр сайжруулан хөгжүүлжээ. Ганц жишээ хэлэхэд, Хүннүгийн үед хэрэглэж байсан “Өдөх” буюу “Өдөж хөдөлгөх” “Цацсан од мэт зүг зүгт тархан одох” гэх мэт байлдааны арга XIII зуун, бүр XX зууны эхэн хүртэл монгол цэрэгт уламжлагдан хэрэглэгдэж байсан нь хүннү цэргийн хөдөлгөөнт тактикийн олон арга зөвхөн тухайн цаг үедээ шилдэгт тооцогдож байсан төдийгүй эрин цаг, түүхийн шалгуурыг даах чадвартай байсныг илтгэж байна.

Монголын нүүдэлчид тухайн үедээ газар тариалангийн суурьшмал соёл иргэншилт орнуудаас хөдөлгөөнт чанар, зэр зэвсэг, цэргийн хэргийн мэдлэгээр илүү байсан учир тухайн үедээ бүс нутагтаа тэргүүлэх үүрэг гүйцэтгэж байсан нь судалгаанаас харагдаж байна.

Ном зүй:

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Хуань Куань. Спор о соли и железе. Т. 2. М., 2001. 831 с.

Ганболд Ж. Хүннүгийн цэргийн тогтолцоо. Монгол цэргийн түүх судлал, өнөө ба ирээдүй. Улаанбаатар, 1996.

Доржсүрэн Ж. Умард хүннү (эртний судлалын шинжилгээ). Улаанбаатар, 1981.

Дэлгэржаргал П. Сяньби. Монголын эртний түүх. Дэд боть. Улаанбаатар, 2017

Сүхбаатар Г. Монголчуудын эртний өвөг. Улаанбаатар, 1980.

Сүхбаатар Г. Монголын эртний түүх судлал. IV боть. (Эрдэм шинжилгээний илтгэл, өгүүллэйн эмхэтгэл). Улаанбаатар, 2005.

Сүхбаатар Г. Сяньби. Улаанбаатар, 1971. 217 х.

Хандсүрэн У. Жужаны хаант улс. Улаанбаатар: ШУХЭвлэлийн «Эрдэм» компани, 1994. 55 х.

后汉书. 卷九十. 中华民国六十三年

后汉书. 卷九十. 乌汉鲜卑列传第八十. 中华民国六十三年.

蒙古史论文选集. 第五. 呼和浩特, 1983.

Цыбенов Базар Догсонович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
bazar75@mail.ru

Курас Леонид Владимирович
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
kuraslv@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ДАУРСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СССР И МНР¹

Статья посвящена взаимодействию даурских революционеров с общественно-политическими деятелями СССР и МНР в 20–30-е гг. XX в. Основу работы составили уголовные дела Мэрсэ и Фуминтай, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России (ЦА ФСБ). Авторы изучили первые контакты лидеров молодежной организации Хулун-Буира с бурятскими национальными лидерами Э.-Д. Ринчино, Д. Сампилоном и др. в 1918 г. в г. Верхнеудинске. Политическое взаимодействие продолжилось в 1920 г., когда Ринчино отправил даурским революционерам письмо об освобождении монгольского народа революционным путем. Большое значение для роста революционных настроений в Барге и в целом во Внутренней Монголии имели последующие встречи Мэрсэ и Фуминтай с советскими и монгольскими общественно-политическими руководителями в Урге (Улан-Баторе) и Москве. Передовая даурская молодежь стала выезжать на учебу в СССР и МНР.

Ключевые слова: Мэрсэ, Фуминтай, Ринчино, СССР, МНР, революционная молодежь, учеба.

Tsybenov Bazar Dogsonovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Kuras Leonid Vladimirovich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

TO THE STUDY OF THE DAUR REVOLUTIONERS IN THE USSR AND MPR

The article is devoted to the interaction of the Daurian revolutionaries with the public and political figures of the USSR and the MPR in the 20–30s of the XX century. The publication analyzed the criminal cases of Mers and Mintai, stored in the Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation. The authors studied the first contacts of Merse and Fumintai, the leaders of the Hulun-Buir youth organization, with Buryat figures E.-D. Rinchino, D. Sampilon and others in 1918. In 1920, Rinchino sent a letter to the Daurian revolutionaries about the liberation of the Mongolian people by revolutionary means. Merse and Fumingtai met with Soviet and Mongolian public and political figures, members of the Comintern in Urga (Ulaanbaatar) and Moscow. Advanced Daurian youth studied in higher and secondary educational institutions of the USSR and the MPR.

Keywords: Merse, Fumintai, Rinchino, USSR, Mongolian People's Republic, revolutionary youth, study.

¹ Работа выполнена Б.Д. Цыбеновым в рамках государственного задания (проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»). Работа выполнена Л.В. Курасом в рамках проекта РФФИ-МинОКН Монголии № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)».

В первой трети XX в. своими националистическими и революционными настроениями в Хулун-Буире (Барге) выделялась передовая даурская молодежь. Некоторые из них получили хорошее образование в учебных заведениях Северо-Востока Китая и в Пекине. Отдельные студенты проходили обучение и в Японии. Интересовала молодежь и возможность обучения в России и Монголии.

После падения советской власти в Сибири и начала Гражданской войны дауры Мэрсэ и Фуминтай переходят к активным контактам с лидерами бурятского национального движения. В 1918 г. они приняли участие в работе съезда бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии, прошедшем в Верхнеудинске 20–24 ноября 1918 г. (ЦА ФСБ. Ф. Р-39318. Л. 16; Ф. 34587. Л. 3). Он проходил под сильным влиянием атамана Семенова, на которого, в свою очередь, Бурнардума возлагала определенные надежды по сохранению своих национальных органов самоуправления и в целом, интересов бурятского народа (Базаров, Жабаева 2008: 140).

На съезде Мэрсэ и Фуминтай представляли молодежную организацию Хулун-Буира. С ними находился представитель князя Шэньфу – Сулфанга. Все они были приглашены на съезд бурятским деятелем Ц.-Е. Цыдыповым. В качестве делегата от Внутренней Монголии на съезд прибыл Цэндэ-гун из Урги. От Внешней Монголии представителями Богдо-гэгэна были лама Балдан-гун и Чойбалсан. От имени атамана Семенова на съезде выступал полковник Шадрин (ЦА ФСБ. Ф. Р-39318. Л. 16, 28; Ф. 34587. Л. 3). В архивных документах отмечено имя Чойбалсана как делегата от Внешней Монголии. Из его биографии известно, что в 1914–1917 гг. он проходил обучение в учительском институте в г. Иркутск. Очевидно, в 1918 г. он проживал в России и находился во взаимодействии с правительством Богдо-гэгэна. Надо полагать, что уже в то время проявились лидерские качества молодого Чойбалсана, на которые обратили внимание монгольские власти. Таким образом, можно утверждать о знакомстве Мэрсэ и Фуминтая с Чойбалсаном на бурятском съезде. Представители делегаций от монгольских регионов – Внешней Монголии и Хулун-Буира не могли не познакомиться друг с другом.

Участие в съезде имело важное значение для становления политических взглядов Мэрсэ и Фуминтая. Они отмечали, что им удалось установить контакты с видными бурят-монгольскими политическими деятелями Э.-Д. Ринчино, Д. Сампилоном, Бимбаевым (очевидно, речь идет об отце Р. Бимбаева – *авт.*), Тумухиным и Ильиным (имена не выяснены – *авт.*) (ЦА ФСБ. Ф. Р-39318. Л. 28; Ф. 34587. Л. 4).

В 1920 г. Мэрсэ получил письмо из Иркутска от Э.-Д. Ринчино (тов. Ренчинов – в оригинальном тексте – *авт.*). Он писал, что освобождение монгольского народа должно идти революционным путем не с белыми, а только с красными. Поскольку письмо было отправлено с нарочным, Мэрсэ дал устный ответ, что вполне согласен с Ринчино (ЦА ФСБ. Ф. 34587. Л. 4). О получении Мэрсэ письма от Ринчино указывает и Фуминтай, в то же время отмечая, что письма получили он и Мэрсэ. Дата отправки письма Ринчино из Иркутска – 1921 г., указанная Фуминтаем (ЦА ФСБ. Ф. Р – 39318. Л. 30), вероятно, неточна. Мы склоняемся к мысли об отправке письма Ринчино в 1920 г., когда он плотно занимался вопросами монгольской делегации, прибывшей сначала в ДВР (гг. Троицкосавск, Верхнеудинск), а затем и в Советскую Россию (Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: 196–208; Курас, Цыбенков 2021: 194–208).

В 1922 г. Мэрсэ получил второе письмо от Ринчино, уже из Урги. Он писал, что во Внешней Монголии установлена народная власть и просил Мэрсэ приехать в Ургу. Однако Мэрсэ не мог попасть во Внешнюю Монголию, поскольку границы были закрыты. Приезд Мэрсэ в Ургу состоялся летом 1923 г. Имея визу, он выехал из Пекина через г. Калган. Предварительно он разговаривал с руководством Монгольско-тибетского института, где устроился на работу, о необходимости командировки во Внешнюю Монголию для набора учащихся (ЦА ФСБ. Ф. 34587. Л. 4).

Ц.-Е. Цыдыпов и Фуминтай, как и Мэрсэ, также выехали из Хайлара в официальную командировку. Администрация Хулун-Буира направила их в Ургу для установления дружественных контактов с Народным правительством Монголии и проведения предварительных переговоров (Базаров 2002: 45). Прибыв в Ургу, Мэрсэ не застал Ринчино, так как он в это время был в командировке в Москве. О приезде Мэрсэ в Ургу Ринчино было послано телеграфное сообщение Цыбенком Жамцарано. В ответном сообщении Ринчино попросил устроить поездку Мэрсэ в Москву для обсуждения вопроса о революционной работе во Внутренней Монголии и Хулун-Буире (ЦА ФСБ. Ф. 34587. Л. 4). Помощь в организации этой поездки оказали Ц. Жамцарано и зам. министра иностранных дел Монголии Б. Цэрэндорж. В Москве Мэрсэ жил в здании Монгольской миссии вместе с Ринчино. Им был подготовлен письменный доклад о положении Китая и через Ринчино передан в Коминтерн (ЦА ФСБ. Ф. 34587. Л. 4). Тем временем Цыдыпов и Фуминтай находились в Урге. В июле 1923 г. Фуминтай

от имени молодежной организации Хулун-Буира выступил с поздравительной речью на II съезде МНРП (Atwood 2002: 156). В Москве Мэрсэ пробыл около месяца и вместе с Ринчино выехал в Ургу. В этом же поезде ехал советский дипломат Л. М. Карахан, назначенный полпредом в Китай. Ринчино познакомил Мэрсэ с Караханом. Прибыв в Ургу, Мэрсэ пробыл там еще около 3 недель и выехал через Калган в Пекин. Перед отъездом состоялся его разговор с Ринчино. Мэрсэ договорился с ним о том, что он будет вести революционную работу среди молодежи и по налаживанию добрососедских отношений между Внешней Монголией, Внутренней Монголией и Баргой (Хулун-Буиром) (ЦА ФСБ. Ф. 34587. Л. 4).

Большое значение даурские революционеры придавали обучению хулун-буирской молодежи в СССР и МНР. В 1924 г. нелегально были отправлены на учебу в Ургу 4 чел.: Башоро (др. имя Бочиро – *авт.*), Хасбатор, Тынтай, Алинтай. Осенью того же года были посланы учиться в Ургу 8 чел., среди которых Мердин, Соелтай, Хоболо, Баянбатор, Чаганлама, Улгу и др. (ЦА ФСБ. Ф. 34587. Л. 5 об. – 6). Еще в 1918 г. Цэндэгуном была приглашена в Хулун-Буир учительница Софья Сахьянова, сестра бурятской революционерки М. Сахьяновой. С. Сахьянова расширила кругозор молодежи, открыла перед ней новые горизонты революционного мира. Когда она вернулась в БМАССР зимой 1924 г., за ней нелегально последовали в Верхнеудинск пять ее даурских учениц (Хайруи, Гуруй, Субад, Саран, Ринчин) и три юноши из других школ. Прибыв в СССР, ученицы С. Сахьяновой обучались в Бурятском педагогическом техникуме в г. Верхнеудинск, затем в 1928 г. выехали в Москву для обучения в Коммунистическом университете трудящихся востока (КУТВ) (Atwood 2002: 270). В целом, на учебу в СССР и МНР из числа дауров, эвенков и старых баргутов Хулун-Буира отправились, по разным данным, от 40 до 60 чел. Многие из них остались работать в МНР. Эти молодые специалисты (в основном учителя, врачи) с революционным энтузиазмом включились в становление сферы образования и здравоохранения молодого монгольского государства.

Литература:

Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.

Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.

Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 196–208.

Atwood C. P. Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p.

*Цэдэндамба Батбаяр
академик АНМ, доктор исторических наук
Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Түүхийн хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
mootonhargana@gmail.com*

БНМАУ-ЫН 3 БОТЬ ТҮҮХИЙГ БИЧИХ ГУРВАН ОРНЫ: ЗӨВЛӨЛТ, МОНГОЛ, ХЯТАДЫН ТҮҮХЧДИЙН ТӨСӨЛ (1950-ИАД ОНЫ СҮҮЛЧ – 1960-ААД ОНЫ ЭХ)

Энэ өгүүлэл “БНМАУ-ын түүх” 3 ботийг зохиох бэлтгэл ажил 1955–1958 онуудад нэлээд ээдрээтэй, төвөгтэй явцыг хамаарна.

Түлхүүр үг: 3 боть түүх, гурван орны төсөл, Улаанбаатарын Зөвлөлгөөн, Москвагийн Зөвлөлгөөн.

*Tsedendamba Batbayar
Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in History
Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia*

THE FAILED PROJECT OF SCIENTISTS FROM RUSSIA, MONGOLIA AND CHINA ON THE COMPILATION OF A THREE-VOLUME HISTORY OF MONGOLIA (LATE 1950S – EARLY 1960s)

This article covers a rather complex process of compiling “The history of the People’s Republic of Mongolia” in 3 volumes in 1955–1958.

Keywords: 3 volume history, three-country project, Ulaanbaatar meeting, Moscow meeting.

Нэг. Гурван орны түүхчдийн 2 удаагийн зөвлөлгөөн, түүний үр дүнгийн тухай

1950-иад оны дунд үеэс эхлэн Монгол, Зөвлөлтийн түүхчдийн хамтын хүчээр “БНМАУ-ын түүхийг” 3 ботиор зохиох ажил хоёр орны түүхчдийн уулзалт зөвлөлгөөний үеэр яригдаж эхэлжээ. ЗХУ-ын ШУА-ийн Тэргүүлэгчдийн хуралдаан 1954 оны 7 дугаар сарын 9-ний өдөр болж, БНМАУ-ын түүхийн нэг ботийн ажлыг дүгнэж хэлэлцсэн байна. БНМАУ-ын Шинжлэх ухааны Хүрээлэн /ШУХ/-гийн төлөөлөгчид Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж, Ц. Пунцагноров нарын оролцсон уг зөвлөгөөн дээр хоёр орны түүхчид нэг ботийг зохиосон жишгээр цаашид 3 ботийг хамтын хүчээр зохиох ажлыг анх сэдэж ярилцсан байна (ШУА-ийн Түүх, Угсаатны зүйн хүрээлэнгийн баримтын төв (ТУЗХБТ). Ф. 6. Д. 1. Хн. 70. Х. 206).

Хоёр орны эрдэмтэд “БНМАУ-ын түүх” 3 ботийг зохиох асуудлаар хамтарсан Зөвлөлгөөнийг Москвад 1955 оны 10 дугаар сарын 29-ны өдөр зохион байгуулжээ. Энэхүү хамтарсан зөвлөлгөөнд монголын талаас Б. Ширэндэв, Ц. Пунцагноров нар, зөвлөлтийн талаас ДДСХ-ийн орлогч захирал Е.Ф. Ковалев, Монгол, Солонгосын секторын эрхлэгч С. Д. Дылыков, секторын ажилтнууд оролцжээ. Зөвлөлгөөнөөр 3 ботийг хамтран зохиох тухай Б. Ширэндэв, С. Д. Дылыков нарын сонголыг хэлэлцэж, 3 ботийг зохиох ажлыг хоёр үе шаттайгаар, эхний үе 1956–1959 онд монгол, орос, хятад болон бусад хэлээрх эх сурвалжуудыг судалж хэвлэх, нэг сэдэвт зохиолуудыг зохиох, хоёрдахь үе 1960–1965 онд 3 ботийг бичих, хэлэлцэх, редакторлах ажлыг хийхээр тогтсон байна.

ШУХ-ийн дарга Н. Жагваралаас ЗХУ-ын ШУА-ийн Ерөнхийлөгч А.Н. Несмеяновт 1956 оны 2 дугаар сарын 18-нд явуулсан захидалд БНМАУ-ын ШУХ “манай орны түүхээр хоёрдахь томоохон академик бүтээл гаргахаар” болсныг бүрэн дүүрэн дэмжиж буйгаа мэдэгджээ. Тус захидалд 1956 онд Улаанбаатарт Зөвлөлт–Монголын түүхчдийн зөвлөлгөөнийг БНХАУ-ын түүхчдийг оролцуулан зохиох, тус зөвлөлгөөнөөр 3 ботийг зохиох ажлын тодорхой төлөвлөгөөг хэлэлцэх саналыг тавьсан байна (ТУЗХБТ. Ф. 6. Д.1. Хн. 70. Х. 210–211).

Ийнхүү БНМАУ-ын ШУХ-ийн санаачлагаар 3 орны түүхчдийн зөвлөлгөөнийг 1956 оны намар Улаанбаатарт хийх бэлтгэл ажлыг хийж, Монгол–Хятад–Зөвлөлтийн түүхчдийн Зөвлөлгөөнийг 1956

оны 11 дүгээр сарын 13–19-ны өдрүүдэд Улаанбаатарт зохион байгуулсан байна. Гурван улсын түүхчдийн Зөвлөлгөөний хэлэлцэх асуудлын төлөвлөгөөнд:

1. 3 боть зохиолын тойм төлөвлөгөө
2. 3 боть зохиолыг бичих ажлын хувиар ба хугацаа
3. Ойрын жилүүдэд зохион хэвлүүлэх зохиол ба сурвалж бичгийн тухай
4. Архивын материалыг боловсруулах ба архивын шинэ материал хайх
5. Боловсон хүчнийг бэлтгэх тухай саналаа солилцох гэжээ.

Зөвлөлгөөнөөр а) БНМАУ-ын түүхийн үечлэлийн асуудал, б) Монгол орон дахь эртний хотуудын тухай, в) Чингис хааныг хэрхэн үзэх тухай, г) Монголын соёлын уламжлалын тухай, д) Хувьсгалын өмнөх Монголын газрын харилцааны тухай, е) Хувьсгалын өмнөх Монголын шинэ үйлдвэрлэх хүчин ба хуучин үйлдвэрлэлийн харилцааны зөрчил болон 1921 оны хувьсгалын онцлогууд гэх мэт Монголын түүхийн зарим маргаантай асуудлаар гурван орны түүхчид саналаа солилцох нь зүйтэй гэж үзэж байжээ. 3 боть түүхийг бичихдээ Монгол, Хятад, Зөвлөлтийн түүхчид хамтран бичих бөгөөд харин бичих бүлгээ тус тусдаа биеэ дааж бичнэ, Хятадын түүхчдээр голчлон эртний буюу, эртний дундад зууны үеийн түүх бичүүлэх, зөвлөлтийн түүхчид нь голчлон шинэ үеэр ажиллах нь зүйтэй хэмээн үзэж байжээ.

1956 оны 11 дүгээр сард Монгол, Зөвлөлт, Хятадын түүхчдийн хамтарсан зөвлөлгөөн Улаанбаатар хотод болсон нь нийгмийн шинжлэх ухааны харилцаа ямар түвшинд хүрснийг илтгэсэн үйл явдал болсон юм. Монгол, Зөвлөлт, Хятадын түүхчдийн зөвлөлгөөнд БНМАУ-ын Шинжлэх Ухааны Хүрээлэнгийн жинхэнэ гишүүн Б. Ширэндэв, Н. Жагварал, Ш. Нацагдорж, Ц. Пунцагноров, Д. Төмөр-Очир, түүхч Д. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, Ц. Доржсүрэн, ЗХУ-ын талаас СССР-ийн ШУА-ийн сурвалжлагч гишүүн С. В. Киселев, түүхч И. Я. Златкин, П. П. Старицына, Н. П. Шастина, А. М. Печников, А. Т. Кимов, Хятадын талаас БНХАУ-ын ШУА-ийн Түүхийн хоёрдугаар Институтын Монголын түүхийн хэлтсийн эрхлэгч Вэнь Дүзян, Наньжингийн Их сургуулийн түүхийн ангийн декан, профессор Хан Жүлин, Бээжингийн Их сургуулийн шинэ түүхийн салбарын эрхлэгч, профессор Шао Сунжэнь нар тус тус оролцож, БНМАУ-ын түүхийн дэлгэрэнгүй бүрэн гурван боть зохиолыг хэрхэн яаж бичих тухай зохион байгуулалтын асуудал хэлэлцжээ. Уг зөвлөлгөөнд оролцсон түүхчид Монголын түүхийн 3 боть зохиолыг хэдэн бүлэгт хуваан бичих, балар эртний цагаас одоо хүртэлх үеийн Монголын түүхийг хэрхэн үечлэх, аль бүлэг хэсгийг чухам хэн нь хариуцаж бичих талаар хамтран тохиров.

“Үнэн” сонин “Монгол, Зөвлөлт, Хятадын түүхчид БНМАУ-ын түүхийн 3 боть зохиол бичих бэлтгэл ажлыг 1957–1960 онд хангаж, 1960–1965 онд бичиж дуусахаар төлөвлөж байна. Ах дүүгийн найрамдалт гурван улсын түүхчид дэлхийн түүхийн салшгүй хэсэг Монголын түүхийг хамтын хүчээр амжилттай бичиж, дэлхийн түүхийн шинжлэх ухаанд томоохон хувь нэмэр оруулах юм” гэж бичиж байлаа (Үнэн” сонин. 1956.11.18. № 272).

Гурван улсын түүхчдийн Зөвлөлгөөнөөс 1-р хавсралтаар “БНМАУ-ын 3 боть түүхийн Ерөнхий төлөвлөгөө”, 2-р хавсралтаар “3 боть зохиолын бүлгүүдийг хариуцан бичих хуваарь”-ийг тус тус баталж, Зөвлөлгөөний албан ёсны шийдвэрийг монгол, орос, хятад хэлээр үйлдэж, Н. Жагварал, С. В. Киселев, Вэнь Дүзян нар нарын үсэг зуржээ. Зөвлөлгөөнөөс 3 боть зохиолын Ерөнхий редакцийг Улаанбаатар хотод Шинжлэх Ухааны Хүрээлэнд төвлөрөхөөр тогтож, Ерөнхий редактороор ШУХ-ийн жинхэнэ гишүүн Б. Ширэндэвийг батлаж, Ерөнхий редакцид монголын талаас 6, зөвлөлт, хятадын талаас тус бүр 5 хүн оруулахаар батлажээ (ТУЗХБТ. Ф. 6. Д. 1. Хн. 70. Х. 252–264).

ШУХ-ийн дарга Н. Жагваралаас БНХАУ-ын ШУА-ийн Ерөнхийлөгч Го Можо-д 1957 оны 4 дүгээр сарын 4-ний өдөр захидал илгээж, “БНМАУ-ын ШУХ-ийн тэргүүлэгчид 3 улсын эрдэмтдийн Зөвлөлгөөний шийдвэрийг бүрэн сайшааж үзэхийн хамт “БНМАУ-ын түүх” 3 боть зохиолыг бичих ажилд Та бүхнээс оролцох гэж байгаа явдалд Хятад Ард Улсын ШУА-д гүн талархлаа илэрхийлж” буйгаа илтгэжээ (ТУЗХБТ. Ф. 6. Д. 1. Хн. 70. Х. 268–269).

ЗХУ-ын ШУА ч 1956 оны гурван улсын түүхчдийн зөвлөлгөөний шийдвэрийг хэрэгжүүлэх талаар олон талын бэлтгэл ажлыг хэрэгжүүлж байжээ. ЗХУ-ын ШУА-ийн Тэргүүлэгчид 1957 оны 2 дугаар сарын 8-ны өдөр хуралдаж, тус асуудлаар тогтоол гаргаж, ШУА-ийн Дорнодахины хүрээлэнд бүхий л бэлтгэл ажлыг 1957–1959 онд багтаан хэрэгжүүлэхийг даалгаж, 1957–1959 онд зөвлөлт-монголын хамтарсан археологийн экспедицийг ажиллуулах, 1957 ондоо багтаан “БНМАУ-ын түүх” 3 ботийн дэлгэрэнгүй төлөвлөгөөг зохиох үүргийг өгчээ.

ЗХУ-ын ШУА-ийн санаачлагаар ЗХУ, БНМАУ, БНХАУ-ын түүхчдийн хоёрдахь удаагийн Зөвлөлгөөнийг Москва хотод 1957 оны 12 дугаар сарын 9-нөөс 22-ний өдрүүдэд зохион байгуулжээ. Зөвлөлгөөнд ЗХУ-ын талаас ЗХУ-ын ШУА-аас А. Н. Несмеянов, К. В. Островитянов, Е. М. Жуков, С. В. Киселев, Дорнодахины хүрээлэнгээс А. А. Губер, Б. Г. Гафуров, мөн Монголын секторын С. Д. Дылыков нарын нийт 33 эрдэмтэд оролцжээ. БНХАУ-ын талаас өмнөх Улаанбаатарын зөвлөлгөөнд оролцсон Вэнь Дүзян, Хан Жулин, Шао Сунжэнь нарын 3 нэртэй түүхч оролцжээ. БНМАУ-ын талаас Б. Ширэндэв, Ц. Дамдинсүрэн, Ш. Нацагдорж, Д. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, Х.Гончигдорж нарын 6 хүнтэй төлөөлөгчид оролцсон байна.

Зөвлөлгөөн 12 дугаар сарын 9-18-ны өдрүүдэд “БНМАУ-ын түүх” 3 боть зохиолын ерөнхий бүтэц, дэлгэрэнгүй төлөвлөгөө зэргийг хэд хэдэн секцүүдэд хуваагдан нухацтай хэлэлцэж, 12 дугаар сарын 18-ны Зөвлөлгөөний нэгдсэн хуралдаанаар Дэлгэрэнгүй төлөвлөгөөг (орос хэлээр нийт 110 хуудас) эцэслэн баталсан байна. Төлөөлөгчид 12 дугаар сарын 19-22-ны өдрүүдэд Ленинград хотод зочилж архив, түүх дурсгалын газруудаар зочилжээ. Зөвлөлгөөний үеэр хоёр ч удаа нэгдсэн хуралдаан зохион байгуулж, 3 орны түүхчдээр Монголын түүхийн маргаантай, ээдрээтэй асуудлаар илтгэл, сонсгол бэлтгүүлж хэлэлцүүлсэн байна (ТУЗХБТ. Ф. 6. Д. 1. Хн. 70. Х. 143–149).

Хоёр. БНХАУ-ын тал БНМАУ-ын 3 ботийг хамтран бичих ажилд оролцохоос татгалзсан нь

ГЯЯ-ны Дорнод хэлтсийн эрхлэгч О.Хосбаяраас ШУДБХ-гийн дарга Д. Цэвэгмидэд 1958 оны 2 дугаар сарын 11-ний өдөр захидал ирүүлж, БНХАУ-ын Соёлын яамны орлогч сайд Ся Янь манай соёлын төлөөлөгчдийн тэргүүн н. Сосорбарамтай уулзаж “Монголын түүхийг Зөвлөлт, Хятад, Монголын эрдэмтэн нар хамтран бичихээр ярилцсан зүйл байгаа боловч түүнд манай тал оролцох нь тохиромжгүй байна. Учир нь нэг улсын түүхийг бичихэд нөгөө улс оролцох нь эвгүй явдал их байна. Харин танай түүхийг бичихэд холбогдолтой материалыг өгч туслахад болох байна” гэж мэдэгдсэн тухай өгүүлсэн байна (Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив (МУУТА). Ф. 549. Д. 01. Хн. 39. Х. 156).

Хятадын соёлын яамны орлогч сайд Ся Янь: “ЗХУ, Монгол, Хятад Ард Улсын шинжлэх ухааны байгууллагууд хүч хамтарч БНМАУ-ын түүх зохиох ажилд ороод явж байна. Энэ талаар бид хоёр зүйлийн санал хэлэх гэсэн юм.

1. Манай улсад их гүрний дээрэнгүй үзэл санаа байдаг. Бид үүнтэй тэмцэл явуулж байна.

2. Түүх бичнэ гэдэг бол тэр улсын туулж өнгөрүүлсэн түүхэн явцыг дэс дараатай, зөв дүгнэлттэй бичих явдлыг шаардана. Иймд хүч хамтарч түүх бичих нь ашигтай байна.

Гэтэл манай хүмүүсийн дотор түүхийн зарим чухал асуудлаар, тухайлбал феодализм, капитализмын байгуулал нь хэдийд эхэлж, хэдийд үеэ дуусгаж байсан бэ? гэх мэтийн зүйлээр маргаантай талууд гардаг. Манай улс нь өөрийн түүхийг ч одоо хүртэл бичиж эхлээгүй байна. Манай улс нь олон ястан үндэстэнтэй болохоор бичихэд амар хялбар биш юм.

Манай Ерөнхий сайд Жоу Энълай, орлогч сайд Чэнь И нар бидэнд хэлэхдээ:

“Монгол Улсын түүхийг гурван улс хамтарч бичихэд манай улс шууд оролцох нь тохирохгүй байна. Харин бид өөрт байгаа холбогдох материалын талаар хэрэгтэй бүхнийг өгөхөд бэлэн байна. Нэг улсын түүхийг нөгөө улсын түүхчид бичнэ гэдэг бол тэр улсын түүхэн явцыг зөвөөр, бүрэн дүгнэж чадахгүйд хүрэх юм. Үүнээс үндэслэн ард түмэнд зарим талаар буруу ойлголт төрүүлэхэд ч хүрч болох юм. Монгол улсын түүхийг бичихэд интернационалист үзэл, мөн Монголын өөрийнх нь үндэсний онцлог байдал энэ хоёрыг анхаарахгүй байж болохгүй гэдгийг дурьдаад манай талын энэ саналыг Танд дамжуулж ярихыг н. Чэнь И бид нарт анхааруулсан юм” гэжээ.

ЗХУ-ын ШУА-ийн дэд Ерөнхийлөгч К. В. Островитяновоос БНМАУ-ын ШУДБХ-ы нэр дээр албан захидал 1958 оны 10 дугаар сарын 24-ны өдөр ирсэн байна. Уг албан захидалд: “”БНМАУ-ын түүх” гурван боть зохиолыг бичихтэй холбогдсон асуудлуудыг хэлэлцэх явцад Зөвлөлтийн түүхчид бүлэг зүйлийг хамтран бичих, мөн Ерөнхий редакцийн гишүүд байх зэрэгт хэр оновчтой вэ гэдэгт бид эргэлзэх боллоо. БНМАУ-д өөрийн орны түүхийг бие даан боловсруулж чадах, хангалттай туршлагатай түүхч, эдийн засагч, хэл шинжээч болон бусад салбарын мэргэжлийн боловсон хүчинтэй болжээ. Түүнчлэн нэг орны албан ёсны түүхийг нөгөө орны түүхчид бичнэ гэдгийг зарчмын хувьд зөв зүйтэй гэж хүлээн зөвшөөрч болохгүй байна. Тийм учраас ЗХУ-ын ШУА энэхүү тодорхой ажлын хувьд монгол, зөвлөлтийн эрдэмтдийн хамтын ажиллагааны өмнөх хэлбэрийг өөрчлөх нь зүйтэй гэж үзэж байна. ЗХУ-ын ШУА монголын эрдэмтдэд өөрийн шинжлэх ухааны хүрээлэн газарт байгаа Монголын түүхтэй холбогдолтой материал сэлтийг гаргаж өгөхөөс гадна тэдэнд зөвлөгөө өгөх маягаар туслалцаа үзүүлэхэд бэлэн байна” гэжээ (ТУЗХБТ. Ф. 6. Д. 1. Хн. 70. Х. 237). Энэ албан захидал нь ЗХУ мөн

БНХАУ-ын адил БНМАУ-ын 3 боть түүх зохиох гурван улсын хамтарсан ажилд шууд оролцохоос татгалзсан гэсэн хэрэг байлаа.

Дүгнэлт:

“БНМАУ-ын түүх” 3 ботийг зохиох бэлтгэл ажил 1955–1958 онуудад нэлээд ээдрээтэй, төвөгтэй явцыг туулжээ.

БНМАУ-ын ШУХ-ийн санаачлагаар Монгол-Хятад-Зөвлөлтийн түүхчдийн Зөвлөлгөөнийг 1956 оны 11 дүгээр сарын 13-19-ны өдрүүдэд Улаанбаатарт зохион байгуулсан байна.

ЗХУ-ын ШУА-ийн санаачлагаар ЗХУ, БНМАУ, БНХАУ-ын түүхчдийн хоёрдахь удаагийн Зөвлөлгөөнийг Москва хотод 1957 оны 12 дугаар сарын 9-нөөс 22-ний өдрүүдэд зохион байгуулжээ. Тус Зөвлөлгөөний гол зорилго бол өмнөх жил Улаанбаатарт баталсан “БНМАУ-ын түүх” 3 боть зохиолын Ерөнхий төлөвлөгөөн дээр үндэслэн 3 боть зохиолын дэлгэрэнгүй төлөвлөгөөг (развернутый план) 3 орны түүхчдээр хэлэлцүүлэн эцэслэн батлах явдал байв.

Гэвч БНМАУ-ын түүх зохиох гурван улсын түүхч эрдэмтдийн хамтын ажиллагаанд 1958 онд огцом гэнэтийн өөрчлөлт орсон байна. Юуны өмнө Хятадын тал Төрийн Зөвлөлийн Ерөнхий сайд Жоу Эньлайн түвшинд асуудлыг хэлэлцэж “нэг улсын түүхийг нөгөө улсын түүхчид хамтран зохионо гэдэг нь зохимжгүй хэрэг” гэсэн дүгнэлтийг гаргасан байна.

ЗХУ-ын ШУА ч хятад нөхдийн энэ тайлбарыг авсны дараа хятад нөхдийн жишгээр “БНМАУ-ын түүх” гурван ботийг зохиох ажилд шууд хамтран оролцохоос татгалзаж, харин баримт материалаар туслах, монголын эрдэмтдэд зөвлөгөө өгөх хэлбэрээр туслалцаа үзүүлнэ гэсэн амлалтыг авчээ. Энэ бүх үйл явдал нь Монголын түүхчдийг БНМАУ-ын түүхийг гурван ботиор өөрсдийн хүчээр бичих ажилд сэтгэл шуудран ороход хүргэсэн байна.

Ном зүй:

Академич Н. Ишжамцын бүтээл туурвил: Тэргүүн дэвтэр / эмхэтгэсэн И. Саруул, Д. Шүрхүү, Улаанбаатар: “Бэмби сан” ХХК, 2011. 372 х.

Болдбаатар Ж. Түүх гэгээн, ид хав нэвт их эрдэмтэн. Улаанбаатар: “Соёмбо принтинг”, 2018. 223 х.

Монголын түүх судлалын голомт / ред. Ж. Болдбаатар, А. Очир, Ц. Цэрэндорж, Улаанбаатар: “Соёмбо принтинг”, 2021. 395 х.

XX зууны Монгол Улсын түүхийн судалгаа, түүх бичлэг / эрхлэн хэвлүүлсэн Ж. Болдбаатар. Улаанбаатар: “Соёмбо принтинг”, 2010. 858 х.

“Үнэн” сонин. 1956–1961 он.

Бадмаев Алдар Геннадьевич
кандидат географических наук
Байкальский институт природопользования СО РАН
Улан-Удэ, Россия
badmaev@binm.ru

АНАЛИЗ КРУПНЕЙШИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 100 ЛЕТ¹

Республике Бурятия в 2023 г. исполняется 100 лет со дня основания. Одной из ключевых сфер республики является экономическая деятельность, основанная на работе предприятий и организаций. Создание нового политического института со столицей в г. Улан-Удэ стало базисом для индустриализации республики. Для институциональной оценки полной картины нынешнего состояния экономики Бурятии, и промышленности в частности, необходим экскурс в историю развития предприятий. По прошествии ста лет есть возможность проанализировать, когда и на какие отрасли и предприятия были сделаны ставки для развития экономики, какое наследство нам досталось и сделать прогноз, в каком направлении будет развиваться промышленность Бурятии.

Ключевые слова: Республика Бурятия, промышленность, предприятие, динамика.

Badmaev Aldar Gennadievich
Candidate of Sciences in Geography
Baikal Institute of Nature Management
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

ANALYSIS OF THE LARGEST INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF BURYATIA OVER THE LAST HUNDRED YEARS

The Republic of Buryatia in 2023 marks one hundred years since its founding. One of the key areas of the republic is economic activity based on the work of enterprises and organizations. The creation of a new political institution with its capital in Ulan-Ude became the basis for the industrialization of the republic. For an institutional assessment of the full picture of the current state of the economy of Buryatia, and industry in particular, an excursion into the history of the development of enterprises is necessary. After a hundred years, there is an opportunity to analyze when and on what industries and enterprises bets were made for the development of the economy, what legacy we inherited and make a forecast in which direction the industry of Buryatia will develop.

Keywords: Republic of Buryatia, industry, enterprise, dynamics.

Целью исследования стоял анализ динамики развития крупнейших предприятий Республики Бурятия (создания и в некоторых случаях закрытия) по годам. Одной из задач является наглядный показ динамики развития и спада отраслей экономики. Для составления общей картины динамики развития промышленности Бурятии составлена таблица, разбитая на основные отрасли в столбцах и по десятилетиям, начиная с 1910-х гг. и ранее до настоящего времени в строках. Каждый из отраслевых столбцов разбит на три секции: созданные, ныне работающие и закрытые.

Методы и материалы исследования

При анализе применены исторический и статистико-экономический методы исследования. Сбор материала и его классификация заняли несколько лет, прежде чем мы приступили к оценке и обработке данных. При анализе развития промышленности Республики Бурятия рассмотрено 204 предприятия промышленности. Из 204 рассмотренных предприятий ныне 128 существуют (62,7% от рассмотренных) и 76 закрыто. Взяты предприятия, созданные в основном за последние 100 лет, за некоторыми исключе-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН № 122021800169-0.

ниями. Материалами исследования послужили данные сайтов крупнейших предприятий, Росстата, научные и исторические статьи, данные сайтов каталогов организаций.

Промышленные предприятия Бурятии

Создание промышленных предприятий

До революции частные предприниматели создавали предприятия пищевой промышленности, самыми известными из которых были: Николаевский спиртзавод, Госпивзавод Улан-Удэ, Улан-Удэнский ликеро-водочный завод. Созданные еще при царской власти эти предприятия были национализированы советской властью, и, пережив ее, прекратили существование только в 2000-е гг. с другими названиями.

После революции активно создавались предприятия лесной промышленности (леспромхозы и лесопильные заводы), а также предприятия машиностроения (завод «Механлит» (позже «Электромашина») и Судостроительный завод) и добывающей промышленности (Селенгинский сульфатный завод и Джидинский вольфрам-молибденовый комбинат). В годы индустриализации в 1930-е гг. активнее всего развивались машиностроение (ЛВРЗ, Улан-Удэнский авиазавод и Новобрянский ремзавод), лесная (создание леспромхозов) и пищевая промышленность (Улан-Удэнские хладокомбинат, хлебокомбинат, мясокомбинат, Унэгэтэйский консервный завод, Заудинский мелькомбинат и 5 рыбозаводов). В 1920–1930-х гг. лесная промышленность находится на подъеме и эти годы можно назвать пиком развития отрасли. Наряду с созданием предприятий рядом с ними строятся рабочие поселки. Для крупных предприятий Улан-Удэ создаются целые социальные городки со всей инфраструктурой: больницы, поликлиники, школы, детские сады, бани, кинотеатры, парки, скверы и т.п.

В 1940-е гг. продолжает активно развиваться пищевая промышленность (Хоринский и Бичурский маслозаводы, Бичурский сахарный завод, Иволгинская кондитерская фабрика, Улан-Удэнский гормолзавод, а также 5 рыбозаводов).

Послевоенные 1950-е гг. ознаменованы созданием большого количества строительных предприятий, самые крупные из которых: Тимлюйский цементный завод, Татауровский завод стройматериалов, Тимлюйский шиферный завод, Улан-Удэнский завод железобетонных изделий, «Буржелезобетон», Селенгинский завод железобетонных изделий и др. В 1960-е гг. активно развивается пищевая отрасль. Созданы такие предприятия, как Улан-Удэнский завод безалкогольных напитков (ныне «Аквабур»), Тарбагатайская кондитерская фабрика («Тарко»), Кижингинский маслосырзавод, Усть-Баргузинский мясокомбинат, Улан-Удэнская макаронная фабрика («Макбур»). Из них на сегодня работает только «Аквабур». Второе десятилетие подряд создаются строительные предприятия: «Дальстальконструкция», Улан-Удэнский завод крупнопанельного домостроения, ЗММК (ныне «Улан-Удэстальмост»), Силикатный завод.

Период 1970–1980-х гг. характеризуются стагнацией в развитии промышленности. Ни одна отрасль не является ведущей по числу созданных предприятий. Созданные в период индустриализации предприятия работают, но новые создаются не так активно. Из крупных проектов, созданных в 1970-е гг., следует выделить Улан-Удэнскую кондитерскую фабрику (ныне «Амта»), ТЭЦ Селенгинского ЦКК, «Промгражданстрой», завод «Бурятводмелиорация», Бурятферммаш, Гусиноозерскую ГРЭС и др. В 1980-е гг. создано еще меньше предприятий, самыми крупными из которых являются Шалутинский комбикормовый завод, Улан-Удэнская фабрика верхнего трикотажа, Тугнуйский угольный разрез, «Байкальская лесная компания» и Закаменский завод по ремонту горно-шахтного и обогатительного оборудования «Литейщик».

Развал СССР и последующий переход к рыночной системе и частной собственности привели к взрывному росту числа новых предприятий. Многие из них создавались на базе советских предприятий со сменой названия и формы собственности. Ведущими отраслями в создании новых компаний стали добывающая промышленность, строительная промышленность и машиностроение. В добывающей промышленности произошел «бум» на золотодобывающие предприятия, главным из которых является «Бурятзолото». Пара компаний специализировалась на переработке хвостов Джидинского вольфрам-молибденового завода. Еще одним экспортным предприятием стала «Дылача», добывавшая нефрит. В сфере строительства появились первые частные компании: дорожная компания «Икат-плюс», завод бетонных блоков, «Стамстрой», «Дарханивестстрой», Загорский кирпичный завод, «Смит-Инвест» и др. В машиностроении рост случился по причине того, что Улан-Удэнский авиационный завод в период с 1991 по 1997 гг. создал три дочерние компании: «Предприятие «Аэротех», «ВИК» и «Улан-Удэнский лопастной завод».

В 1990-е и особенно в 2000-е гг. своего расцвета достигает полиграфическая и рекламная отрасль. Создается около десятка типографий и десятки рекламных компаний. Самые крупные из них: «Полигран», «Жираф», «Домино», Вусович и К», «НоваПринт», «Зебра», «Экос», «Перец», «RedBox» и др. 2000-е гг. являются пиком создания средних и малых промышленных предприятий. Лидерами среди отраслей являются пищевая, строительная и добывающая промышленности. В добывающей промышленности идет развитие в сторону создания предприятий по добыче угля, разрабатывающих угольные месторождения, эксплуатируемые еще с советских времен. Легкая промышленность делает маленькие шаги к возрождению, создавая средние и мелкие производства («Буряттрикотаж», «Эльф», «Байкальский текстильный комбинат», швейная фабрика «Наран»), но масштабов крупных предприятий, созданных в 1940–1960-е гг., явно не достигает.

В 2000–2010-е гг. пищевая промышленность переживает ренессанс со времен 1930-40 гг. В эти годы создаются предприятия, не уступающие пищевым гигантам, основанным в советское время, и составляющие им конкуренцию: рыбозавод «Байкал», «Аква», «Катюша», БМПК, «Пиката», «Надежда», «Селенга», «Хоол+», «Берилл», «Кондитерские истории», «Ушхайта» и др. В это же время со времен строительного «бума» 1950-х гг. лучшие годы испытывает строительная отрасль. Создается десяток крупных строительных компаний («Бест-плюс», «Промстроймеханизация», «Улан-Удэнский завод железобетонных изделий», «Гевс-плюс», «Дюпон-Инвест», «Сити-Строй», «Завод окон», «Мир бетона», «Бургражданстрой», «Заиграевский кирпич», «Монолит», Бурятский и Селенгинский фанерный заводы и др.), которые, наряду с ранее созданными компаниями, формируют современный облик Улан-Удэ.

В 2017–2020 гг. резкий всплеск получило развитие возобновимой энергетики Бурятии. В частности, благодаря компаниям, входящим в структуру «Роснано», были построены 6 солнечных электростанций в Бичуре (самая первая в 2017 г.), Кяхте, Кабанске, Тарбагатае, Хоринске и Нижнем Торее (Джидинский район).

Закрытие промышленных предприятий

В таблице даны официальные годы ликвидации или банкротства предприятий. Фактические же даты остановки предприятий раньше официальных на 5–10 лет. Из 204 рассмотренных предприятий закрыты 76 (37,2%). Из них есть данные по году закрытия у 60-ти из них. Наибольший кризис с предприятиями случился в 2000–2010-е гг.

За период 1940–1990-х гг. закрылось 14 предприятий. Это был самый стабильный период развития промышленности Бурятии. За этот период не закрылось ни одного предприятия машиностроения, энергетики и лесной промышленности. Больше всего закрылось заводов пищевого сектора – 6 единиц.

В 2000-е гг. закрылось 27 предприятий, а в 2010-е гг. – 13. Сильнее всего кризис ударил по машиностроению – закрылись 7 предприятий: «Электромашина»; Судостроительный завод; «Бурятферммаш»; Илькинский, Новобрянский, Селендумский и Татауровский ремонтно-механические заводы. Пищевая индустрия потеряла 5 компаний (из них 3 алкогольных завода), кондитерскую фабрику «Иволкон», Шалутинский комбикормовый завод. В 2010-х гг. закрылось 13 предприятий, а в 2020-х гг. – 6. Лидерами по закрытию в 2010-х гг. стали строительная и пищевая отрасли – 5 и 4 предприятий соответственно.

Заключение

Анализ позволил оценить состояние предприятий по отраслям промышленности и их динамику по годам. Самыми стабильными отраслями промышленности можно назвать электроэнергетику – 92,8% созданных компаний существуют, строительство – 69,8% и добывающую промышленность – 61,5%. Самая возрастная отрасль промышленности – машиностроение и металлообработка: в среднем 49,7 лет на одно предприятие. Наименее возрастная отрасль – добывающая промышленность: в среднем 26,4 лет. Средний возраст промышленного предприятия – 36,7 лет.

Таблица 1

Предприятия промышленности

	Машиностроение и металлообработка			Электроэнергетика и теплоэнергетика			Добывающая			Лесная			Легкая и местная			Пищевая			Строительство и промышленность стройматериалов			Другие отрасли				
	созданы	из них работают	закрыты	созданы	из них работают	закрыты	созданы	из них работают	закрыты	созданы	из них работают	закрыты	созданы	из них работают	закрыты	созданы	из них работают	закрыты	созданы	из них работают	закрыты	созданы	из них работают	закрыты		
1910-е и ранее				1	1								1	0		3	0		1	0						
1920-е	2	0					2	0		3	0					1	0					2	1			
1930-е	3	2		1	1					5	1		1	1		10	5		2	0						
1940-е	1	0						1	2	0		2	0		10	2	2	1	1							
1950-е	2	1		2	2		1	1		2	1		2	0		3	3		7	6						
1960-е	2	1					3	2					3	0		5	1	2	4	2	1					
1970-е	1	0		2	2		1	0						1	1	1		2	0	1	1	0				
1980-е	1	1					1	1	1	1	1		1	0	2	1	0									
1990-е	5	5		1	1		9	5	1				2	2		3	2	2	6	4	1	3	3			
2000-е	1	1	7	1	0		7	4	3	2	1	3	3	3	4	13	13	5	10	7	4	6	6	1		
2010-е				5	5	1	2	2	3	1	1		2	2		5	5	4	9	9	5	2	2			
2020-е				1	1				1	1	1	1		1				1	1	1	1			1		
Итого создано: 204	18	11	7	14	13	1	26	16	10	17	6	11	17	8	9	55	32	23	43	30	13	14	12	2		
Итого работают: 128												(7 н/д)			(1 н/д)						(1 н/д)					
Итого закрыто: 76																										

Тихонов Алексей Леонидович
кандидат исторических наук
МАОУ «Гимназия № 14»
Улан-Удэ, Россия
lotr-ya@mail.ru

ДЕКОРАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЖИЛЫХ ДОМОВ МАССОВЫХ СЕРИЙ В 1960–1980-е гг. (НА ПРИМЕРЕ г. УЛАН-УДЭ)

В статье анализируются особенности эстетического оформления зданий, возводимых в период массового жилищного строительства. Признавая объективность суждений об однообразности архитектурных решений, автор акцентирует внимание на декоративных деталях, которые, несмотря на господствующий экономический прагматизм, использовались при строительстве кирпичных и панельных домов. Изучение жилищного фонда столицы Республики Бурятия позволяет найти примеры украшения однотипных домов узорами кирпичной кладки, различного оформления фасадов, декорирования железобетонных панелей. Приведенные факты позволили сделать вывод о том, что даже скупой арсенал советской прагматичной архитектуры позволял строителям украшать жилые дома в частности и городское пространство в целом.

Ключевые слова: строительство, массовые жилищные серии, экономический прагматизм, декор.

Tikhonov Alexey Leonidovich
Candidate of Sciences in History
Grammar School 14
Ulan-Ude, Russia

DECORATIVE DESIGN OF RESIDENTIAL BUILDINGS OF MASS SERIES IN 1960 – 1980 (ON THE EXAMPLE OF ULAN-UDE)

The article analyzes the aesthetic design of buildings erected during the mass housing construction. Taking into consideration the objectivity of judgments about monotonous architectural features, author draw attention to decorative parts used in construction of brick and panel houses notwithstanding, dominant economic efficiency. The research of Capital housing stock in the Republic of Buryatia allows us to find the embellishments of common buildings with brick masonry patterns, various facade designs, reinforced concrete decorations. Factual information indicated in the article lead us to conclude that yet misery stockpile of Soviet utilitarian architecture let constructors to decorate residential buildings in particular, and urban space in general.

Keywords: construction, mass housing series, economic pragmatism, decoration.

Эстетические потребности – неотъемлемый элемент жизнедеятельности человека. Стремление украсить свою среду обитания, жилище сопровождало человеческое общество от палеолитических пещер с петроглифами до современных городов «из стекла и бетона». В современном мире требование прекрасного становится более актуальным, поэтому логичным видится повышение интереса к художественному оформлению интерьера и экстерьера дома как места удовлетворения витальных потребностей, а также показателя статуса отдельного человека.

С конца 1950-х гг. в СССР осуществлялась программа массового жилищного строительства, целью которой было решение квартирного вопроса для широкого круга советских граждан. Главным плановым показателем стали квадратные метры возводимой жилой площади, а украшение домов, использование различных видов их декоративной отделки были признаны излишествами, которые с целью экономии предписывалось избегать (Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1958: 65).

Многоквартирные дома 1950–1960-х гг. – пример прагматизма, простоты формы и однообразия. Задача строить много, быстро и дешево отодвигала на второстепенные позиции проблемы эстетического оформления «хрущевок» и «брежневок». Распространенная оценка внешнего вида жилищного фонда, созданного в период массового государственного строительства, «эстетического тупика» (Калабин, Куковякин 2017: 56), отражает обобщенное восприятие жилых районов, возведенных в данный период.

Обоснованность данного суждения не подлежит сомнению, однако, несмотря на фетиш типизации в индустриальном домостроении, все-таки имели место различные декоративные приемы, которые нуждаются в изучении. Невозможность использования привычных методов украшения вновь возводимых строений заставляла советских проектировщиков и строителей находить новые способы эстетически оформлять жилые дома массовых серий.

С начала 1960-х гг. в Улан-Удэ – столице Бурятской АССР – появлялись новые жилые массивы, в которых преобладали пятиэтажные кирпичные, а с открытием домостроительного комбината и панельные дома. Распространенным способом оформления кирпичных домов стали различные комбинации двух основных кирпичных оттенков – красного и белого. С помощью этих цветов строители выкладывали на стенах домов полосы разных размеров – от широких в несколько этажей до очень узких в один ряд. Горизонтальные и вертикальные линии, выполненные кирпичной кладкой, расставляли акценты на здании, различные вариации которых придавали одинаковым по формам сооружениям индивидуальные декоративные особенности. Строились дома, на которых с помощью красно-белого кирпича выкладывали геометрические узоры, ромбы, «шахматки». Однако такие дома стали, скорее, исключением, чем правилом, так как повышенное внимание к деталям требовало времени, концентрации, что противоречило однообразной, конвейерной работе на стройке и увеличивало сроки возведения.

Распространенным элементом оформления с помощью основного строительного материала были карнизы домов. Выполненные декоративно-рельефной кладкой различные украшения также стали уникальными для многих жилых домов. Кроме того, на домах при помощи кирпича выкладывались лозунги и надписи, посвященные юбилейным датам. Зачастую именно такие «фасадные» дома стали особо украшенными. Яркими примерами являются дома на Проспекте 50-летия Октября, 11 и улице Чертенкова, 1.

Заметна эволюция кирпичных украшений на протяжении указанного периода. На зданиях, возведенных в 1970-е гг., помимо вышеперечисленного встречаются элементы национального орнамента. В 1980-е гг. в домах появляется все большее количество выступающей кладки, имитирующей колонны. У зданий этого периода фронтоны крыши тоже выполнены из кирпича, часто с использованием узоров, в то время как дома более ранней застройки фронтонов не имели вовсе, и вся конструкция была типовой, деревянной, неукрашенной. В дополнение глухие торцы многоквартирных кирпичных домов в 1980-е гг. оформлялись масштабной декоративно-рельефной кладкой. Примером вышеперечисленного могут служить дома на улицах Норильская, 2, Маяковского, 5, Гагарина, 64. «Советское кирпичное узорчье» 1960–1980-х гг. выделяло массовую застройку, придавая однотипным зданиям индивидуальный облик, при этом не сильно влияя на сроки и стоимость строительства. Такая техника вписывалась в строительный прагматизм.

Панельные дома – символ индустриального домостроения. Конвейерный характер строительства исключал широкие возможности декоративного оформления, однообразные элементы складывались в однообразные дома. Решением эстетического вопроса стал иной подход к созданию железобетонных конструкций. Наиболее широкое распространение получило цветное оформление плит: красные и белые, красные и оранжевые, кроме того, они часто покрывались крупной каменной крошкой темной и светлой фракции. Чередование таких пар не только в шахматной, но и в иных комбинациях декорировало облик типового жилья.

Дома из железобетонных конструкций имели в торце зданий на всю его высоту широкую в две или даже в четыре плиты стену без окон. Оставлять такое пространство на домах первых линий оживленных улиц столицы без оформления, даже несмотря на суровые принципы массовой архитектуры, было неправильным. Поэтому для таких объектов готовились плиты, украшенные узорами, которые получались при постановке в правильном порядке четырех плит. Рядом стоящие дома не повторяли рисунок соседей, каждое здание имело свой орнамент. Так были украшены дома на улицах Борсоева и Юных Коммунаров. Художники на домостроительном комбинате сумели перенести на типовые конструкции и более сложные изображения. На улице Бабушкина, 29 две плиты на уровне четвертого этажа украшены изображением скачущего оленя на фоне одинокого дерева (см. фото), а на доме 4 по бульвару Карла Маркса на четырех плитах, образующих квадрат, изображены В. И. Ленин, солнце и даты полувекового юбилея Октябрьской революции (см. фото)

Оформление дома по ул. Бабушкина, 29 Оформление дома по бульвару Карла Маркса, 4

В 1980-е гг. новым видом типовых жилых домов в Улан-Удэ стали семи- и десятиэтажные здания, во внешнем облике которых с самого начала использовались приемы, характерные для панельных пятиэтажек. Поэтому среди этих домов не найти совершенно блеклые параллелепипеды. Более того, на каждом здании для оформления балконных или подъездных линий использовались несплошные орнаментные плиты, боковые стены украшались различными узорами. Такие здания располагаются на ул. Добролюбова, Революции 1905 г. Сочетание комплекса декоративных решений позволяло жилым кварталам, застроенным высокоэтажными панельными домами в позднесоветский период, выглядеть эстетично. Примером такого района может служить проспект Строителей. Именно в панельном домостроении прослеживается постепенное увеличение внимания к художественным элементам: от полного отрицания до целого арсенала приемов в 1980-е гг. При этом стоит отметить, что большое значение имело месторасположение дома: чем ближе он находился к магистральной улице, тем вероятнее было его украшение.

Распространенным приемом в оформлении домов в советский период стала отделка балконных групп. Многие дома, построенные в монотонной гамме без намека на декоративные элементы, украшены различными орнаментами на стенках балкона. В городе можно увидеть около десяти различных решений, среди которых традиционные бурятские узоры, сочетание геометрических фигур, советская символика, «сообщество» идентичных балконов, что преображало фасады даже самых скучных домов. Признаем, что данный элемент является самым недолговечным, так как выполнен чаще всего из дерева, требует обновления, которое зачастую не происходило, что приводило к утрате облика. Кроме того, хозяева изменяли балкон, проводя его остекление и отделку. Долговечными и неизменяемыми выглядят балконы десятиэтажных жилых домов по улицам Рылеева и Солнечной, выполненные из бетонных плит и украшенные типовым орнаментом.

И все же вышеназванные декоративные решения уступают в своей художественной ценности мозаикам, которые выполнены на нескольких жилых домах в столице Бурятии. Самое большое изображение находится по адресу проспект 50-летия Октября, 3, на нем представлены дружба бурятского и русского народов и успехи родного края в промышленности и сельском хозяйстве. Другое полотно, посвященное железнодорожной тематике, располагается на торце общежития по улице Революции 1905 г., 68. Освоение космоса нашло отражение в малозаметной мозаике на доме по улице Октябрьской, 12. Украшение жилых домов таким приемом было редким явлением из-за дороговизны смальты и кропотливой работы. Чаще таким образом оформлялись Дома культуры или фойе учреждений, так что улан-удэнские дома – приятное исключение.

Постановление 1955 г. и вытекающие из него принципы индустриального домостроения фактически исключали широкие возможности для декорирования домов массовых серий. Сложившийся конструкт советской массовой архитектуры содержал ограниченные элементы эстетизма и художественной ценности. Однако следует признать, что, несмотря на преобладание прагматических решений, строители домов решали и другие задачи помимо сдачи жилой квадратуры. Благодаря этому целый ряд обычных жилых домов сложно назвать рядовыми. Архитекторы и проектировщики заботились о приемлемом внешнем облике центральных улиц, привносили идеологические элементы на фасады домов, украшали здания, имея ограниченный инструментарий.

Литература:

Калабин А. В., Куковякин А. Б. Массовая жилая застройка: проблемы и перспективы // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2017. № 3. С. 55–60.

Об устранении излишеств в проектировании и строительстве: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1871 от 4.11.1955 // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1958. С. 65.

Цыпилова Снежана Сергеевна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
tssnezhana@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В МНР¹

В данной работе рассматриваются некоторые аспекты государственных мероприятий, направленных на обеспечение здоровья матери и ребенка в социалистической Монголии. Государство приняло на себя ответственность за создание условий для освобождения женщины от непроизводительного домашнего труда и их вовлечение в общественное производство, в частности, путем создания и развития сети детских учреждений. С нуля была создана сеть родильных домов, акушерских пунктов, женских и детских консультаций, предприятий детского питания, яслей, детских садов. Активная политика государства в области социального обеспечения и здравоохранения способствовали увеличению продолжительности жизни женщин, снижению уровня заболеваемости женщин и детей. Уделяя внимание проблемам охраны материнства и младенчества, государственная политика была также направлена и на поддержку многодетных матерей.

Ключевые слова: Монголия, охрана материнства и детства, социальная политика.

Tsybilova Snezhana Sergeevna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

TO THE QUESTION ABOUT PROTECTION OF MATERNITY AND CHILDHOOD IN THE MPR

This paper discusses some aspects of state measures aimed at ensuring the health of mother and child in socialist Mongolia. The state assumed responsibility for creating conditions for the liberation of women from unproductive domestic labor and their involvement in social production, in particular, through the creation and development of a network of children's institutions. From scratch, a network of maternity hospitals, obstetric centers, women's and children's clinics, children's food enterprises, nurseries, and kindergartens was created. The active policy of the state in the field of social security and health care contributed to an increase in the life expectancy of women, a decrease in the incidence of women and children. Paying attention to the problems of motherhood and infancy, the state policy was also aimed at supporting mothers with many children.

Keywords: Mongolia, maternity and childhood protection, social policy.

Одной из значимых сфер социальной политики монгольского социалистического государства стала охрана материнства и детства. Начало работе по данному направлению было положено во время работы второй экспедиции Наркомздрава РСФСР в течение 10 месяцев 1927–1928 гг. После отбытия экспедиции первое время деятельность по охране материнства и младенчества осуществлялась при амбулатории Гражданской больницы г. Улан-Батор. В августе 1929 г. в г. Улан-Батор была впервые открыта консультация для детей отдельно от Гражданской больницы. Впоследствии консультация работала при Детском комбинате. В том же году был открыт дом матери и грудного ребенка, расположенный на той же территории, где и Деткомбинат. В 1930 г. при детской консультации была открыта первая в МНР молочная кухня (Десятилетие 1935: 15).

1931 г. стал годом открытий целого ряда детских учреждений как в г. Улан-Батор (ясли Монценкопа на 30 детей, консультация для детей при Поликлинике), так и в худонах, где были открыты 3 консуль-

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

тации для детей и женщин (Алтан-Булаг, Кобдо, Байнтумен) и 4 яслей – комбинатов (в тех же районах и Цецерлике). Однако к 1933 г. остались лишь три действующих учреждения: Деткомбинат в г. Улан-Батор, 2 ясли-комбината в Кобдо и Алтан-Булаге. В то же время наблюдался рост потребности населения в учреждениях подобного рода с соответствующим персоналом и оборудованием. К началу 1935 г. на Промкомбинате были открыты ясли на 15 детей, с июля того же года открыт детский сад на 25 детей, в октябре при амбулатории Промкомбината открыта консультация для детей; там же устроена выставка по охране материнства и младенчества (Беленький 1935: 53–54).

Особенно остро при решении проблем в области здравоохранения стоял вопрос о подготовке национальных медицинских кадров. Решался данный вопрос 3 способами: подготовка в Уланбаторском медицинском техникуме, подготовка сестер-практиканток в крупных медицинских учреждениях МНР, обучение в СССР. К 1935 г. национальные кадры в медицинских учреждениях составляли не менее 75%. Среди них было 24 фельдшера, 90 сестер, 45 сестер-практиканток (Беленький 1935: 69).

К началу 1940-х гг. было построено более 50 больниц в центре и на местах. Число медицинских работников составило 1937 человек (большой частью средний и младший персонал), для сравнения, в 1934–1935 гг. – 726 человек. Расширение сети лечебных учреждений, улучшение качества медицинского обслуживания способствовали снижению смертности, улучшению состояния здоровья населения. Значительно улучшились показатели по смертности, в том числе по детской. В 1972 г. на 1 тыс. жителей рождаемость составляла 39,3, общая смертность 10,8 (соответственно 25 и 30 в 1921 г.); детская смертность (1970 г.) 73,4 (500 в 1921 г.) на 1 тыс. живорожденных. Средняя продолжительность жизни увеличилась в 2 раза по сравнению с 1919 г. и составила в 1969 г. 64,5 года (мужчины – 62,5; женщины – 66,33) (Беленький 1935: 17).

В 1973 г. функционировало свыше 350 больничных учреждений с более чем 12 тыс. коек (в 1925 г. всего 1 больница на 15 коек). В 1971 г. функционировало 164 амбулаторно-поликлинических учреждений. Население госхозов, сельскохозяйственных объединений и труднодоступных районов обслуживалось, по данным на 1970 г., 97 врачебными и 846 фельдшерскими пунктами. Было вынесено постановление о строительстве родильных домов, мест отдыха, об оказании бесплатных медицинских услуг беременным и женщинам с маленькими детьми. В 1970 г. под диспансерным наблюдением находилось 92% беременных женщин и 94% детей до одного года. В 1973 г. появились детское лечебное и родильное отделения. К 1976 г. работало 296 послеродовых домов отдыха.

Благодаря принятым мерам увеличилась продолжительность жизни женщин. С 1970 г. беременные женщины стали рожать в роддомах. Два раза в год женщины проходили обследование, дети в возрасте до одного года были поставлены под медицинский контроль.

К 1985 г. увеличилось число учреждений здравоохранения, охраны материнства и младенчества, в том числе лечебных заведений больничного типа – 110, врачебных пунктов – 312, фельдшерских пунктов (преимущественно в сельской местности) – 1237. Возросло количество врачей и работников медицинского персонала – 4595 врачей и 15,2 тыс. работников или на 10 тыс. населения 24 врача и 79 работников среднего медицинского персонала (Цэцэгжаргал 2009: 288). В этот период по ряду показателей развития здравоохранения МНР опережала большинство развивающихся стран. Однако доступность и качество медицинского обслуживания населения, особенно в сельской местности, значительно отставали от мировых стандартов.

Уделяя внимание проблемам охраны материнства и младенчества, государственная политика была направлена и на поддержание многодетных матерей. В 1943 г. на съезде Малого Хурала МНР был рассмотрен вопрос о назначении пенсии многодетным матерям. Так, женщинам, родившим восьмерых и более детей, и если младшему ребенку было менее пяти лет, назначалась единовременная пенсия в размере 2000 тугриков, детям же в возрасте от одного года и до достижения пяти лет выплата в размере 1000 тугриков. Позже в 1952 г. Великим Народным Хуралом МНР был издан указ № 65 «О выплате государством пособий роженицам и многодетным матерям». В целях повышения численности населения и уровня рождаемости принимались такие меры, как взимание налога за бездетность. Так, данным налогом облагались холостые, бездетные мужчины в возрасте от 20–25 лет и незамужние, бездетные девушки в возрасте от 20 – 45 лет. Девушки в возрасте до 25 лет, находящиеся на срочной военной службе, учащиеся в средних и высших учебных заведениях, освобождались от уплаты данного налога (Гэрэлсүрэн 2008: 78–79).

3 апреля 1957 г. на внеочередном съезде Великого Народного Хурала МНР было принято решение о награждении многодетных матерей орденом. Начиная с 1958 г., в соответствии с указом Великого Народного Хурала женщины, родившие и воспитавшие восемь и более детей, награждались орденом «Материнской славы» первой степени и выплатой единовременного пособия в размере 200 тугриков. Женщины, родившие и воспитавшие от пяти до восьми детей, награждались орденом «Материнской славы» второй степени и выплатой единовременного пособия в размере 100 тугриков (Гэрэлсүрэн 2008:40).

В 1962 г. 42,5 тыс. многодетных матерей получили государственные пособия на общую сумму 22,4 млн. тугриков, а в 1979 г. численность многодетных матерей возросла до 89,9 тыс. человек, т.е. в 2 с лишним раза, а общая сумма пособий – до 82,2 млн. тугриков, или почти в 4 раза.

Монгольское государство проводило активную политику по защите интересов детей и матерей. Создавались комиссии в аймачных центрах, родильных домах, поликлиниках, составлялись списки болеющих детей, недостающего оборудования и лекарственных препаратов для беременных женщин. За годы социалистического развития была создана сеть родильных домов, акушерских пунктов, женских и детских консультаций, предприятий детского питания, яслей, детских садов.

Литература:

Беленький С. Проблемы здравоохранения в МНР // Современная Монголия. 1935. № 2 (9). С. 48–75.

Десятилетие здравоохранения МНР // Современная Монголия. 1935. № 4–6. С. 8–19.

Гэрэлсүрэн Н., Алтай Д. Монголын эмэгтэйчүүдийн байгууллага. Түүхэн товчоон 1924–2008. Улаанбаатар, 2008. 282 х.

Цэцэгжаргал Ц. Монголын эмэгтэйчүүд ХХ зүүнд: хувьсал, өөрчлөлт. Улаанбаатар, 2009. 147 х.

A CRITICAL REVIEW OF THE CENTRAL ASIAN SOCIETY HISTORY

Central Asia is located adjacent to the west of China. The stability of Central Asia is related to the stability of the region. This paper summarizes the definition of Central Asia from the aspects of geography, history and culture, introduces the history of Central Asia, and discusses the reasons for the historical and cultural migration of Central Asia from the aspects of politics, economy and natural environment. In addition, Central Asian countries have been trying to promote their own economic development through the development of regional economic integration for many years. Although many integration organizations have been established, the integration level of Central Asia has not been substantially improved, and Central Asian integration still faces many challenges.

Keywords: Central Asia, Historical changes, integration.

1. Introduction

After the collapse of the Soviet Union, the leaders of the independent Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan met in Tashkent and announced that the Central Asian region should include Kazakhstan. Since then, the five Central Asian countries have become the most commonly accepted definition in Central Asia. As the western neighbor of China, the distribution center of many nationalities and cultures in human history, and the transit station of the ancient Silk Road and the modern Eurasian Continental Bridge, Central Asia pays close attention to and studies its social development and changes. undoubtedly, it is of great significance to the construction and development of its neighboring countries, including China.

From a historical point of view, as the British scholar Hambury pointed out, Central Asia has played two unique roles in human history. On the one hand, the main role of Central Asia is to separate the civilizations around it such as China, India, Iran, Russia and so on. On the other hand, the ancient trade routes in Central Asia also provided a weak but continuous channel of contact for the surrounding civilizations.

From the perspective of geographical location, Central Asia is located in the center of Eurasia, the largest continuous land in the world, and has long played an important role in the history of world civilization as a bridge between East and West civilization in Eurasia. In modern times, the whole world power center gradually shifted from the land to the sea, and this region became the stage of the game among the world powers.

2. History of Central Asia

The process of social development and evolution in Central Asia can be divided into pre-Turkic-Islamization era, Turkic-Islamization era, Russianization era and post-Russianization era, and the disintegration of the Soviet Union. Central Asian society has once again embarked on the road of returning to the traditional Turkic Islamic culture. Due to the influence of climatic and geographical factors, the population distribution in Central Asia is uneven, and agricultural and nomadic peoples have coexisted for thousands of years. There has been a long-term conflict between the nomadic peoples of Central Asia and the farming peoples around them. The nomadic way of life was obviously more suitable for war, and the prairie cavalry was arguably the most powerful military unit in the world at that time. Once the great leader came to lead all the tribes, it would form a powerful and almost irresistible force.

During the period from the formation of the Xiongnu Empire in 300 BC to the demise of the Turks in 745, the social form of Central Asia changed from tribal system to semi-tribal and semi-feudal serfdom, and from the demise of the Turks in 745 to modern times. The social form of Central Asia has realized the transformation from semi-tribal and semi-feudal serfdom to feudal serfdom.

In the pre-Islamization period and the early Islamization period, Iranian-speaking peoples mainly lived in southern Central Asia, while the Scythians and the later Masagetys and Alan lived a semi-nomadic life. By the 5th century AD, the Turks began to move south from the grasslands of northern Central Asia. From the 10th century to the 13th century, the Turks became stronger and stronger, and Central Asia began the process of Turkization. Since then, the Mongols invaded, and most of Central Asia belonged to the Chahetai Khanate.

In the middle of the 14th century, the Turkic aristocrat Timur established a powerful Timur empire with Samarkand in Central Asia as the center, and fought and expanded everywhere. Under the rule of the Timur dynasty in the 15th century, the culture and art of Central Asia was once very prosperous, but the Uzbek Bukhara Khanate was established under the Uzbek people, replacing the rule of the Timur dynasty.

In the late 17th century, the dominance of nomads and semi-nomads in Central Asia came to an end, and the large-scale development of firearms and the improvement of military technology led to the domination of the settled peoples. In the 18th century, most of Central Asia became the sphere of influence of Persia. Since then, tsarist Russia came from behind and defeated Persia through the Russia-Iraq War. By the end of the 19th century, tsarist Russia had occupied most of the land in Central Asia.

The Central Asian region controlled by the Soviet Union carried out the process of industrialization and urbanization, but at the same time, it was accompanied by the suppression of local culture and environmental problems. After the disintegration of the Soviet Union, the five Central Asian countries gained independence.

3. The reasons for the Historical changes in Central Asia

Political migration. The alternating performance between the nomadic peoples of animal husbandry in Central Asia and the high agricultural culture on the edge of Asia has become the rhythm of Asian history. These nomadic groups set up tribes or countries that suddenly rose and soon weakened. A powerful nation moves part of its own nation or other ethnic groups away from their original place of residence and places them in another geographical area. But new wars may break out between the displaced and local ethnic groups.

The relocation of economy is the most fundamental reason for national migration. When human beings change from migration to agriculture and animal husbandry, they are affected by their different ways of economic activities. As the area of grassland that plays a decisive role in its economic development is basically fixed, the tribal metropolis will unite and expand outward, causing frequent and continuous ethnic migration on the grassland.

4. Integrated development of Central Asia Desert steppe

After 20 years of practice, the integration process of Central Asia has not only made no substantial progress, but also the cooperation among Central Asian countries has been gradually replaced by competition and prevention, showing a stagnant situation. The regional integration of religious culture in Central Asia is not high, which can not provide political ideas for regional integration; the domestic political culture of Central Asian countries hinders the interdependence among Central Asian countries; and Central Asian scholars lack theoretical research on regional integration. People lack "Central Asian identity".

On the road of social development in Central Asia, a variety of cultural and social forces will be gathered, and the collision of these factors will strongly affect the trend of political, economic and social development in Central Asia. and here deduce a communication and contest either overt or covert and sustainable into the future. With the development of high technology, various cultural and social forces in Central Asia do not rule out the possibility of armed confrontation while communicating peacefully.

Bibliography:

Geng Lu Research on the development of integration in Central Asia based on the theory of comparative advantage // China business theory. 2020. No. 17. Pp. 77–80.

Li Chao, Zeng Xianghong. On the influence of cultural factors on the integration of Central Asia // Russian research. 2014. No. 2. Pp. 24–52.

Wang Erjian. Ethnic changes in the history of Central Asia // Academic theory. 2011. No. 19. Pp. 39–40.

Wang Jinguo. Research on the development status and trend of Modern Central Asian society. Lanzhou University, 2003.

Yuan Jian. What is central Asia – Geographical identity, internal structure and double track history // Cultural aspect. 2020. No. 6. Pp. 133–140.

РАЗДЕЛ 5
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

DOI: 10.53954/9785604788981_240

Аманжолова Дина Ахметжановна
доктор исторических наук
Институт российской истории РАН
Москва, Россия
amanzholova19@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА
В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Нациестроительство в центральноазиатском регионе осуществлялось наиболее активно в 1920–1930-е гг. как одна из важнейших задач формирования советского федеративного государства, реализации основных направлений национальной политики и комплексной модернизации общества. Изучение связанных с этих проблем происходит разнонаправленно. В центре внимания чаще всего суть, механизмы реализации и последствия национально-территориального размежевания, формирование и деятельность представителей советской этнополитической элиты, некоторые формы и способы советских преобразований на пути народов региона от традиции к модерности. Автор обращает внимание на ключевые вопросы реформирования культурно сложных обществ в представлениях власти о принципах и инструментарии самоопределения наций, советизации и большевизации, национальном равенстве, противоречия и особенности данного курса.

Ключевые слова: советское нациестроительство, Центральная Азия, этнополитическая элита.

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna
Doctor of Sciences in History
The Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

SOME PROBLEMS OF SOVIET NATION-BUILDING IN THE CENTRAL ASIAN REGION

Nation-building in Central Asia was carried out most actively in the 1920s and 1930s as one of the most important tasks of the formation of the Soviet federal state, the implementation of the main directions of national policy and the comprehensive modernization of society. The study of related problems occurs in different directions. The focus is most often on the essence, mechanisms of implementation and consequences of national-territorial demarcation, the formation and activity of representatives of the Soviet ethno-political elite, some forms and methods of Soviet transformations on the way of the peoples of the region from tradition to modernity. The author draws attention to the key issues of reformatting culturally complex societies in the government's ideas about the principles and tools of self-determination of nations, Sovietization and Bolshevization, national equality, contradictions and features of this course.

Keywords: Soviet nation-building, Central Asia, ethno-political elite.

Этнополитика в СССР представляет интерес с точки зрения преемственности и модификации определенных моделей политики в постимперской ситуации. В СССР состоялась оригинальная, единая и непрерывная во взаимосвязи с прошлым и будущим история регионов, народов и страт как компонентов совместного социально-культурного и политического пространства. Советская система создавалась представителями всех народов для непосредственного встраивания самоопределившихся субъектов в политические и иные институты федерации, как и интернациональная номенклатура – ключевой фактор перехода народов СССР от традиции к модерности. Эту проблематику историки региона увязывают с актуальными этнополитическими установками, другие используют более разнообразные концепты и

фокусы проблематизации. Национализм трактуется широко: от эволюции традиционных обществ к обретению основных свойств современной нации по воле и под контролем государства до разнообразных событий, сопровождавших этот противоречивый процесс. Наиболее ценны труды Ш. Кадырова (Кадыров 2005), И. Оайон (Оайон 2009), А. Халида (Khalid 2015), Т. Ю. Красовицкой (Красовицкая 2007) и др.

Этнокультурная сложность общества была неустранима, она не позволяла лишь административными мерами обеспечивать национальное равенство и модернизационный рывок народов наряду с интеграцией. Власть искала способы объединения граждан, разделенных границами и администрациями субъектов федерации. В ходе размежевания член ЦК КПТ Ю. Абдрахманов выступал против включения Кара-Киргизской АО в состав Узбекской ССР, как и Казахской АССР, так как казахи будут иметь «преимущество в решении вопросов», предлагая вхождение Кара-Киргизии непосредственно в РСФСР (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 23. Л. 5-6). Лидеры КАССР инициировали ее раздел на три области для удобства управления, экономических связей, «концентрации и более рационального использования административных и политических сил» и бюджета. Дебатировался вопрос о столице. Но проект не получил развития (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 633. Л. 250). С. Д. Асфендиаров обращал внимание на связь экономики, административного порядка и управления: «с экономической точки зрения размежевание Средне-Азиатской Республики дало мало положительных результатов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 70–71, 73, 83).

В Каракалпакии государственность была «в зародышевом состоянии», и А. Досназаров предложил образовать АССР с включением непосредственно в состав СССР (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 23. Л. 1–7). Объективную слабость автономии подтверждали внутриэлитные конфликты, а ее место в федеративной иерархии уточнялось долго: в 1930 г. область перешла в непосредственное подчинение РСФСР, в 1932 г. стала АССР, в 1936 г. включена в состав УзССР. Лидеры Таджикской АССР убеждали центр в необходимости всесторонней помощи: «Зарубежный Восток, а с ним и наши басмачи вынуждены будут сложить свое оружие перед Красным Таджикистаном, который в период своего оформления строится и расцветает, и результаты рабоче-крестьянского правительства будут очевидны для всех» (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 215. Л. 1–25).

Но глава Госплана СССР Г. М. Кржижановский считал: «Чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, чем сложнее передаточная цепь управления, тем менее эффективно управление, тем большая затрата сил и меньший полезный результат» (ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос 2005). И национальные лидеры выступали за оптимизацию. Абдрахманов писал: «Мы являемся составной частью РСФСР», но «очутились в положении тройного “подданства”» – РСФСР, Средней Азии и СССР. В итоге автономии разрешили обращаться в СНК и СТО СССР (Абдрахманов 1991: 74–75, 77).

Сложными были кадровые проблемы. В 1925 г. Отдел национальностей ВЦИК предложил «более основательно поставить учебу ответ работников, не знающих местного языка, и в первую очередь националов, не владеющих родным языком... Выдвижение и вовлечение в государственную работу крестьян и рабочих идет в нацреспубликах и областях чрезвычайно медленно». Власть признавала: «в нацреспубликах ... нет правильного фракционного руководства партийных органов советами, а есть командование... В советских органах нацреспублик и областей происходят громадные злоупотребления (обогащение председателей советов и всего его рода). Нужно ...заострить вопрос о проведении революционной законности, о фактическом контроле масс и т.д.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 8, 17).

2 января 1926 г. ЦК ВКП(б) провел совещание глав парторганизаций Казахстана, Средней Азии и ряда автономий РСФСР о «большевизации национальных кадров». Обсуждались взаимодействие посланцев Москвы с традиционной элитой и интеллигенцией, прямо и опосредованно влиявших на местное чиновничество, характер и смысл преобразований, внутриэтнические противоречия. Трудности гармонизации межэтнических отношений и языковой политики усугубляли ситуацию. Высказывалась «обида на ЦК в отношении того, что вопросы, которые пытались ставить ...даже не встречают достаточного внимания к себе». В. М. Молотов признал сложности урегулирования прав и полномочий, взаимодействия с центром: «Создали Совет Национальностей, который ничего не делает. Это орган на 9/10 русский. Тут до известной степени националов обида сохранилась. Тут националы сидят, там русские сидят, ничто, конечно, не оживит межнациональные органы. Они национальные вопросы не решают,

партийные вопросы не решают, но массовые административные вопросы пусть националы решают» (Исторический архив 2015).

Родовые связи, клановые зависимости, недобросовестная конкуренция, субъективное распределение ресурсов и т.п. подрывали доверие населения к власти. Масштабные акции по ускоренному формированию новой элиты из рядов рабочих и крестьян были противоречивыми. Этноактивисты не возвращались на места, отвергали профсоюзную стезю, а слабость парторганизаций превращала комсомольцев в невольных лидеров социально-политической жизни в деревне. Выдвиженцы консолидировались в бюрократическое сословие, крепко связанное зависимостью от вышестоящих чиновников и структур, поверхностным образованием, стремлением сохранить и преумножить привилегии, незащищенностью в иерархии власти. Сохранялись межэтнические коллизии. Коллективизация и репрессии, кампания «борьбы с бюрократизмом» ускорили появление более образованных и благонадежных, менее амбициозных кадров.

Государство обеспечило несомненные позитивные результаты нацистроительства. Но политизация этничности создавала проблемы координации и распределения полномочий, средств, кадров, ресурсов и ответственности. Результаты этносоциального конструирования и гражданской консолидации не могли не быть противоречивыми.

Литература:

Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. 319 с.

«Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

Кадыров Ш. Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2005. № 4 (30). С. 202–235.

Красовицкая Т. Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.). М.: ИРИ РАН, 2007. 448 с.

Оайон И. Седентаризация казахов в СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.). Алматы: Санат, 2009. 365 с.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 784 с.

Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 415 p.

Бадлаева Татьяна Владимировна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
badlaeva_tv@imbt.ru

ПРОСВЕЩЕНИЕ БУРЯТ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В работе рассматривается состояние и развитие системы начальных школ, значение благотворительности и инициативы бурятского сообщества в организации учебных заведений, усилившаяся потребность бурятского народа в знаниях и образовании во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: буряты, просвещение, благотворительность.

Badlaeva Tatyana Vladimirovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE ENLIGHTENMENT OF BURYATS (SECOND HALF OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

The paper deals with state and development of system of primary Buryat schools, significance of charity and initiative of Buryats is examined in their organization, increasing need for knowledge and education in the second half of 19th – early 20th centuries.

Keywords: enlightenment, Buryats, charity, second half XIX th – early 20th centuries.

Сообщение подготовлено на основе документов из личного фонда известного бурятского фольклориста и этнографа С. П. Балдаева, хранящегося в архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Чтобы получить хотя бы начальное образование, буряты должны были интегрироваться в духовно-идеологическую систему Российской империи, стать полноправным членом социума, попасть в государственные учебные заведения, сделать карьеру, нужно было принимать православие. Еще одна причина – потребность в знании русского языка, который был необходим в быту, в общении и в обращении к официальным структурам.

В 1804 г. открылись первые бурятские училища (Онинское и Балаганское). В 1816 г. в Иркутской губернии были открыты Идинское, Братское, Черемховское и Мальтинское училища, в 1818 г. Селенгинское, в 1844 г. Баргузинское, в 1850 г. Кударинское училища. Организация сети этих школ среди бурят проходила в полной взаимосвязи с их христианизацией.

Следует подчеркнуть значение благотворительности, инициативы и настойчивости бурятского сообщества в открытии учебных заведений. Осознавая ценность просвещения, люди тратили весьма солидные деньги. В 1789 г. в г. Троицкосавске была открыта русско-монгольская школа. Среди бурят было много желающих отдать детей в эту школу. При ней не было общежития. Люди, живущие около Кяхты и Троицкосавска, собрали 1705 рублей на строительство общежития. Для хранения продуктов и школьного инвентаря не было амбара. Смотритель школы Н. Майдаров построил его на свои деньги. Это обошлось ему в 87 руб. 48 коп. серебром (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) Ф. 36. Оп. 1. Д. 1356. Л. 5; Д. 1357. Л. 39, 97).

Нужно сказать несколько слов о некоторых поборниках просвещения. В 1838 г. Б. Хосомов, родовой староста V хонгодорского рода, построил два больших дома, один длиной 12 сажень, или 26 м, под школу, мастерские: столярную, слесарную, сапожную, шорникскую, ювелирную, кузнечную и гончарную. Он выписал мастеров из числа каторжников Иркутской губернской тюрьмы. В 1846 г. Б. И. Кужи-

ков открыл начальное училище в Басайском улусе. В 1874 г. Ашадуев Зунгарского рода б. Балаганского уезда открыл в собственном доме на свои средства училище для девочек. Содержал учителя, обеспечивал отопление и уборку, покупал учебные пособия и учебники. В 1875 г. тайша Аларской степной думы Н. В. Матханов ходатайствовал об организации школы в улусе Ныгда, обещал жертвовать 450 р. / 250 р. на жалованье учителю, законоучителю – 50 р., учебные пособия – 30 р., освещение – 20 р. Представил общественный приговор в дирекцию народных училищ Иркутской губернии (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1354. Л. 5. Д. 1356. Л. 22; Д. 1357, Л. 45, 94).

В 1881 г. на организацию Читинской классической гимназии буряты Агинской степной думы пожертвовали 37224 руб., Хоринской – 60000 руб., Селенгинской 12115 руб., Баргузинской 4014 руб., Зугалайского и Могойтуйского сомонов 1800 руб., тунгусы Урульгинской думы 12558 руб. Кроме того, люди делали частные пожертвования. Ширетуи Худунского, Анинского, Хохюртаевского, Эгитуйского, Агинского дацанов внесли 1000 руб., ламы Цугольского и Агинского дацанов 1800 руб., хамбо-лама буддистов Восточной Сибири – 1774 руб. Селенгинский казак Лумбунов пожертвовал 500 руб., читинский 2-й гильдии купец Н. Очиров – 500 руб. и т. д. В целом на Читинскую гимназию агинские и хоринские буряты приговорами и индивидуально пожертвовали свыше 200000 рублей (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1354. Л. 5, 21; Д. 1357, Л. 7). В 1891 г. в Читинской гимназии обучалось 10 бурятских мальчиков. Было три стипендии для бурятских детей из неимущих семей, основанные в память генерал-губернатора Восточной Сибири.

Обычно люди сами содержали школы. Начальство контролировало и назначало учителей. Буряты Ольхонской думы на свои средства открыли приходское училище, отпуская на его содержание 400 рублей в год. Буряты Харбатовской инородной управы также организовали училище, на содержание вносили 510 рублей. Жители Хоготовского улуса тратили на училище 600 рублей в год (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1356. Л. 22).

В 1899 г. в Иркутской губернии было 118 школ грамоты. Из них 43 были передвижными, т.е. кочевали вместе с населением. Эти заведения преследовали исключительно миссионерские цели. Из 118 учителей 65 были ссыльнопоселенцами или бывшими каторжанами, которые едва владели грамотой и не имели малейшего представления о методике преподавания, дидактике и т.д. Люди не видели никакой пользы от таких школ, тем более, что эти заведения не могли удовлетворить потребности в образовании и знании русского языка. Вследствие этого с 1890–1895 гг. люди стали составлять прошения в дирекцию народных училищ. В ее архиве эти ходатайства лежали без движения 5–10 лет. Тем не менее, бурятское сообщество терпеливо настаивало об открытии школ. В этих приговорах указывались размер жалованья учителю, суммы для хозяйственных нужд, наем сторожа и т. д. Убедительные просьбы дали некоторые результаты, и в 1900 г. были открыты училища: Бахаевское, Кырменское (Верхоленский уезд), Усть-Хамхарское, Наймадаевское (Унга), Нельхайское (Аларь), Курумчинское (Куда), Идинское женское (Бохан) и т.д. До 1900 г. в Иркутской губернии было всего 14 начальных бурятских училищ и одно двухклассное в Бохане. В 1902 г. число училищ увеличилось до 41. Были открыты двухклассные училища: Идинское, Бильчирское, Кахинское, Харбатовское, Молькинское (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1357, Л. 99–100).

К началу XX в. в Забайкалье было 57 учителей-миссионеров. В коренизации педагогических кадров заметную роль играли второклассные училища, готовившие учителей для школ грамоты. В Иркутской губернии на территории этнического проживания бурят такие школы были в с. Ангинском (Верхоленский уезд), 99 учащихся, в с. Кутуликском (Балаганский уезд) мужская, 100 учеников, Малышевская женская, свыше 100 учениц. Ее закончили видные общественные и политические деятели Бурятии: Ф. М. Осодоева, М. М. Сахьянова. В Забайкальской области функционировали: Верхнеудинская, Цурухайтуйская школы, в том числе, Читинское миссионерское училище. Курс обучения в нем составлял 4 года. Впоследствии был организован педагогический класс. Организация системы этих школ, прежде всего, преследовала цель воспитания в духе государственной идеологии Российской империи – официальной триады (православия, самодержавия, народности).

В 1900-х гг. в Рабочей слободе при Князе-Владимирском монастыре г. Иркутска была открыта церковно-учительская семинария. В ней имелся образцовый учебный корпус с общежитием. Воспитанники пользовались питанием, обмундированием, учебными пособиями и учебниками, библиотекой. 100 человек ежегодно обучалось на стипендию. Проучившись три года, воспитанники получали звание учителя. Из бурят ее закончили 24 человека. Значительная часть бурятской молодежи поступала также в ду-

ховную семинарию и Жердовское сельскохозяйственное училище, так как в этих заведениях были бесплатное обучение, содержание и обмундирование. Например, в 1902 г. в нем училось свыше 50 бурят. В 1914 г. его закончил известный бурятский поэт П. Н. Дамбинов (Солбонэ Туя). В Иркутской духовно-учительской семинарии с 1872 по 1919 гг. училось 99 бурят. Среди них такие видные научные и общественно-политические деятели, как: М. Н. Амагаев, С. П. Балдаев, П. С. Балтахинов, Н. Ф. Бутуханов (Эрдэни Батухан), М. Н. Забанов, М. Н. Хангалов и т.д. (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1354. Л. 30). Дети из состоятельных семей учились в элитарных учебных заведениях, где обучение было платным, нужно было приобретать форменную одежду, снимать квартиру. Например, в 1916 г. в Жердовском училище было 72 ученика, в губернской классической гимназии 31, в промышленном училище 7, горном 5, в пехотно-юнкерском 5 (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1357. Л. 108, 109; Д. 1426. Л. 11).

Таким образом, национальное самосознание бурятского народа выражалось в благотворительности, в возросшей потребности в знаниях и образовании. В эти годы благодаря настойчивым просьбам общества увеличивается количество начальных школ, появляются кадры педагогов, переводчиков и служащих из бурят.

Санжиева Татьяна Ефремовна
доктор исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
sanj_te@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена политической ситуации, сложившейся в 1917–1920 гг. в Иркутской губернии. Иркутский отдел Бурнацкома стал первым органом управления бурятского народа, поставившим цель достижения автономии для защиты интересов бурят на буржуазно-демократической платформе. Бурятское население признало Бурнацком и не поддержало советскую власть. После установления советской власти в губернии была организована группа большевиков, сформировавшая Бурсекцию при Иркутском губкоме ВКП(б). Бурнацком занял позицию сотрудничества с советской властью. Часть членов Отдела вышла из его состава и вошла в советские органы. Закрытие Бурнардумы (Бурнацкома) в Чите, а также большевизация Иркутской губернии ослабили позиции Иркутского отдела. После гражданской войны вместо аймачного земского управления на местах были созданы революционные комитеты и установлена советская власть.

Ключевые слова: национальное движение, Иркутский отдел Бурнацкома, Бурсекция, советская власть.

Sanzhieva Tatyana Efremovna
Doctor of Sciences in History
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

PECULIARITIES OF THE BURYAT NATIONAL MOVEMENT IN THE IRKUTSK PROVINCE DURING THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET POWER

The article is devoted to the political situation in the Irkutsk province in 1917–1920. The Irkutsk branch of the Burnatskom Committee became the first governing body of the Buryat people, which set the goal of achieving autonomy to protect the interests of the Buryats on a bourgeois-democratic platform. The Buryat population recognized Burnatskom and did not support the Soviet government. After the establishment of Soviet power in the province, a group of Bolsheviks was formed, it became the Bursection under the Irkutsk Provincial Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Burnatskom took the position of cooperation with the Soviet authorities. Some of the members of the Department left it and entered the Soviet authorities. The closure of the Burnarduma (Burnatskom) in Chita, as well as the Bolshevization of the Irkutsk province weakened the positions of the Irkutsk department. After the civil war, revolutionary committees were created in the localities instead of the aimak's zemstvo administration and Soviet power was established.

Keywords: national movement, Irkutsk department of Burnatskom, Bursection, Soviet power.

Национальное движение в начале XX в. вошло яркой страницей в этническую историю бурят. Национальная интеллигенция после февральской революции под лозунгом единого национального фронта создала политический блок, в который вошли интеллигенция, буржуазия, духовенство и нойоны. Руководство национальным движением было сосредоточено в г. Чите – Временном организационном комитете. По решению Первого общенационального съезда (апрель 1917) в г. Иркутске был сформирован второй центр как отделение Центрального Бурнацкома (Отдел). Съезд постановил: «По вопросам внутренней жизни, т.е. по вопросам, касающимся устройства жизни бурят-монголов Иркутской губернии, Отдел действует вполне автономно и лишь осведомляет Центральный Национальный Комитет краткими 2-месячными отчетами. По вопросам же общеполитического и общенационального характера Отдел действует исключительно по соглашению с Центральным Национальным Комитетом» (Национальное движение 1994: 20). В отличие от Центрального Бурнацкома в Иркутский отдел вошли только интеллигенция и буржуазия.

Первым председателем Иркутского бурятского национального комитета стал И. Г. Салтыков, членами комитета – И. И. Тунуханов, А. И. Хазагаев, М. Н. Ербанов, А. Р. Коняев, М. П. Трубачева (Национальное движение 1994: 27). В мае 1917 г. А. Р. Коняев был направлен представителем в Бурятский училищный совет, секретарем Отдела становится М. Н. Ербанов. 28 августа 1917 г. на заседании комитета председателем был избран А. У. Убугунэ, товарищем председателя Цокто Алсаханов, инструктором И. С. Рампилов, секретарем А. С. Коняев, казначеем М. П. Трубачеева (ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 55. Л. 7). В декабре 1917 г. в него входили Д. В. Манзанов, Г. Г. Данчинов, М. Н. Забанов, В. Л. Егоров, И. И. Никоров, И. Н. Трубачеев, В. А. Михайлов (ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 55. Л. 20). В январе 1918 г. в Отдел вошли П. Н. Данбинов, Д. А. Абашеев и Д. Иванов (ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 55. Л. 22), позднее И. И. Дурхесанов, И. С. Вампилун, Б. В. Вампилун, А. П. Панзырев, И. С. Рампилов (ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 55. Л. 16), а также И. А. Ильин, С. П. Балдаев, Ц. Н. Найдаков, С. Романов, Ф. Х. Харахинов, А. И. Алексеев, С. Тулохонов.

Иркутский отдел стремился иметь своих представителей в учреждениях Временного правительства. Так, 23 мая 1917 г. Отдел постановил организовать при уездных комитетах особый бурятский отдел из представителей бурятского населения (Национальное движение 1994: 27). Сибирский областной съезд, состоявшийся в Томске в декабре 1917 г., принял решение о созыве Сибирской областной думы, членом которой стал И. И. Тунуханов. После того как в Иркутской губернии была сформирована земская структура, Иркутский отдел 8–11 декабря 1917 г. принял решение о введении аймачных земств, обладающих всеми правами уездного земства, выборах аймачных и губернских гласных (Национальное движение 1994: 86).

Установление советской власти в Иркутске привело к созданию бурятской группы большевиков, которую возглавила М. М. Сахьянова. Однако им не удалось привлечь на свою сторону бурятское население, так как советские органы управления им были неизвестны. Аймачные земские органы стояли на антибольшевистских позициях, а бурятское население поддерживало их. Одним из недостатков большевиков, как они сами отмечали, была нехватка «интеллигентских» кадров.

Стоявшие на буржуазной платформе члены Иркутского отдела в условиях советской власти заняли нейтральную позицию: советская власть была принята Отделом, но с оговорками. Впрочем, Иркутский отдел принимал решения, исходя из указаний Бурнацкома и сложившейся ситуации на местах (Санжиева 2017: 69).

По рекомендации Центрального Бурнацкома Иркутский отдел стал сотрудничать с органами советской власти. В Иркутский губернский совет рабочих и солдатских депутатов был направлен представитель от Иркутского отдела Бурнацкома. На заседании комитета от 11 января 1918 г. М. Н. Забанов предложил, чтобы представитель все бурятские дела, поступающие в Совет, направлял в Национальный комитет. Предложение было принято единогласно (ГАРБ. Ф. 438. Оп. 1. Д. 55. Л. 28). В январе 1918 г. председателем Иркутского отдела Бурнацкома становится Даши Сампилон.

Усиление большевиков обострило ситуацию и вызвало раскол Отдела. 10 марта прошло объединенное заседание Отдела и губернских земских гласных от бурятского населения. Некоторые члены комитета, такие как В. Егоров, И. И. Тунуханов, Р.-Д. Рампилун, П. Н. Данбинов, М. П. Трубачеева были также губернскими земскими гласными. На заседании присутствовали губернские земские гласные М. Онбоев и М. Амагаев. Большинством голосов 4 против 3 при одном воздержавшемся была принята резолюция В. Егорова: «В виду указаний Центрального бурятского национального комитета о более тесном контакте с Советскими организациями, Иркутский отдел Центрального бурятского комитета становится на эту платформу при условии сохранения существующих национальных органов управления» (ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 55. Л. 31). После голосования от имени противников принятой резолюции выступил Г. Данчинов: «Стоя на платформе признания советской власти и в виду неопределенной, двусмысленной политики Иркутского отдела Центрального бурятского комитета дальнейшую работу в отделе с остальными членами считаем невозможной, и будем работать для бурятского народа вне Отдела бурятского комитета» (ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 55. Л. 32). Из Иркутского отдела вышли Г. Г. Данчинов, И. С. Рампилов, М. Н. Забанов (Национальное движение 1994: 195), они вошли в подпольную группу бурятских коммунистов, в которой были М. М. Сахьянова, А. Маркизов, М. Атанов, С. Х. Николаев, А. П. Матханов, Ф. М. Сахалтуев и др. За ними последовали М. П. Трубачеева и левый эсер М. Н. Забанов, который отказался работать в земской комиссии, поскольку некоторые ее члены отрицательно относились к советской власти.

Начавшаяся гражданская война еще более осложнила ситуацию. Политическое кредо комитета было выражено в протоколе заседания от 4 января 1918 г.: «нейтральное положение бурятского народа в политической борьбе двух течений в русской демократии имеет чисто тактическое и практическое значение, ибо при малочисленности бурятского населения последнее не может принимать активного участия в политической борьбе, признавая в принципе однородно социалистическую власть» (ГАРБ. Ф. 438. Оп. 1, Д. 55. Л. 22). Иркутский отдел принял власть Сибирского временного правительства, сотрудничая с ним. Отдел сохранил аймачное управление, но не смог помешать изъятию земли у бурят в пользу генералов армии А. В. Колчака, сбору налогов, реквизиции скота и фуража и т.д.

На заседании комитета 3 сентября 1918 г. решался вопрос о новом председателе в связи с отъездом Д. Сампилона в Забайкалье, где он возглавил Центральный Бурнацком. Председателем Иркутского отдела был назначен А. П. Панзырев. В ноябре 1918 г. Центральный Бурнацком был переименован в Бурят-Монгольскую народную думу (Бурнардума), Иркутский отдел сохранил старое название.

Осенью 1919 г. Бурнардума потеряла политическое влияние, что отразилось и на положении Иркутского отдела, в то время как подпольная группа бурят-большевиков (А. Маркизов, М. Атанов, С. Николаев, Г. Данчинов и М. Ербанов) в ноябре 1919 г. в Иркутске провела собрание, на котором объявила себя Бурятской секцией Иркутской организации РКП(б) (Шулунов 1972: 49). В октябре 1920 г. Бурнардума объявила о своем закрытии, Иркутский отдел сохранился, но бездействовал.

В начале декабря 1920 г. Бурсекция категорически отказалась сотрудничать с Бурнацкомом, но и не выступила за ее закрытие (Санжиева 2018: 73). Постепенно аймачные земские управы были заменены на аймачные ревкомы: в декабре 1918 г. в Эхирит-Булагатском, 15 января 1920 г. в Ангарском, 25 января в Тункинском, в июне в Селенгинском аймаке. Таким образом, прежде единый национальный фронт распался на два непримиримых лагеря. Первый продолжил политику буржуазно-демократических преобразований, второй – перешел на марксистскую идеологию.

Основной особенностью политической ситуации в Иркутской губернии от Забайкальской области была сильная большевистская организация, которая смогла привлечь в свои ряды бурят. К концу гражданской войны, оказавшись без центрального управления, Иркутский отдел не смог удержать власть. Буряты-большевики совместно с левыми эсерами помогли установить советскую власть среди бурят. Бурятское население, не поддерживавшее советскую власть в 1918 г., тяжело пережило гражданскую войну, не получив поддержки Отдела, приняло советскую власть в 1920 г.

Литература:

Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. 198 с.

Санжиева Т. Е. Иркутский Бурятский национальный комитет в 1917–1919 гг. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Декабрь 2017 г. № 22. С. 69–71.

Санжиева Т. Е. 100 лет со времени организации Бурятской секции Иркутской организации РКП (б) // Бурятия: календарь знаменательных и памятных дат на 2019 год. Улан-Удэ, 2018. С. 71–73.

Шулунов Н.Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 492 с.

Шаповал Евгений Юрьевич
кандидат исторических наук
Государственный архив Республики Бурятия
Улан-Удэ, Россия
ewgen8282@inbox.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1920-е гг.

В статье рассматривается формирование механизмов управления Бурят-Монгольской автономной областью в 1920-е гг. (с 1923 г. Бурят-Монгольской автономной республики) на примере созданного при Народном комиссариате по делам национальностей (далее – Наркомнац) и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР (далее – ВЦИК) национального представительства Бурят-Монголии. На основании архивных документов Государственного архива Республики Бурятия определены этапы создания и становления, направления работы Бурят-Монгольского представительства, его роль и функции в вопросах политического, экономического и культурного развития автономии, а также приводятся доводы о том, что деятельность представительства как института власти оказала позитивное влияние на сферы социальной-экономической и национально-культурной жизни региона.

Ключевые слова: Бурят-Монгольское представительство, БМАССР, архивные документы.

Shapoval Evgeny Yurievich
Candidate of Sciences in History
State Archive of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE NATIONAL MISSION OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE 1920-s

The article discusses the formation of management mechanisms in the Buryat-Mongolian Autonomous Region (since 1923, the Buryat-Mongolian Autonomous Republic) in the 1920-s on the example of the National mission of Buryat-Mongolia created under the People's Commissariat for Nationalities and the All-Russian Central Executive Committee of the Russian Soviet Federated Socialist Republic. On the basis of archival documents of the State Archive of the Republic of Buryatia, the stages of creation and formation, the directions of work of the Buryat-Mongolian mission, its role and functions in matters of political, economic and cultural development of the autonomy are determined. The author gives arguments that the activities of the mission as an institution of power had a positive impact on the spheres of socio-economic and national-cultural life of the region.

Keywords: Buryat-Mongolian representative office, public utilities, BMASSR, archival documents.

Начальный период образования Бурятской республики в 1920-е гг., когда происходило формирование конструкций власти, представляет интерес для исследования. Руководство страны отводит важное место в советском строительстве национальной политике: в организованном Наркомнаце по делам национальностей РСФСР (1917–1924), задачей которого было политическое, экономическое и культурное развитие народов России, в качестве проводников этой политики создаются подведомственные учреждения – представительства договорных и автономных образований. 1 декабря 1920 г. учреждаются уполномоченные Наркомнаца при правительствах автономных и договорных республик и при исполкомах автономных областей, а в самом Наркомнаце был создан Совет национальностей из председателей национальных представительств (Жалсанова 2018: 450).

Согласно постановлению коллегии Наркомнаца 23 мая 1920 г. создавался Бурятский отдел, формирование и структура которого предусматривались Декретом ВЦИК о реорганизации Наркомнаца, но образование отдела в силу обстоятельств организационного характера затянулось и вместо него учреждается Бурят-Монгольское представительство (Шаповал 2018: 76).

В Государственном архиве Республики Бурятия на хранении находится фонд Р-250 «Бурят-Монгольское представительство при ВЦИК в г. Москва», документы которого позволяют изучить деятельность представительства и оценить его роль в национально-государственном строительстве.

На начальном этапе своего существования главный проект, который представительству Бурят-Монголии следовало воплотить в действительность был связан с образованием местной автономии. Принятое 21 апреля 1921 г. постановление ВЦИК и СНК РСФСР закрепило статус полномочных представительств автономий, в том числе и Бурят-Монгольского представительства при Наркомнаце.

В отчетах Бурят-Монгольского представительства перед Бурятским ревкомом указывается, что «в связи с вопросом об образовании Бурят-Монгольской автономной области так называемым Центральным Комитетом бурят-монголов Восточной Сибири в конце мая 1921 г. при Наркомнаце было учреждено политическое представительство бурят-монгольского народа и полномочным представителем был назначен тов[арищ] М. Е. Атанов. Начало[м] фактической работы Представительства надо считать июнь 1921 г. (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР. 477. Оп. 1. Д. 56. Л. 309).

К началу 1921 г. в Бурятском представительстве номинально значились общий, информационный и экономический отделы. В период с 1921 по 1922 гг. представительство начинает вести активную переписку с отделами Наркомнаца, центральными учреждениями, в соответствии со своими функциями ходатайствует в центральные органы о финансовой помощи, закреплении государственного и земельного имущества формирующейся автономной республики, увеличении кредитных норм и т.п. (ГАРБ. ФР. 250. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об.).

К концу 1921 г. постепенно налаживается делопроизводство представительства, расширяется переписка как с областью, так и с центральными учреждениями. На повестке стоит актуальная задача – образование Бурят-Монгольской автономной области. Так, 7 июня 1921 г. представитель М. Е. Атанов выступает на заседании коллегии Наркомнаца с докладом по вопросу о выделении бурят-монголов РСФСР в автономию. По этому докладу было вынесено постановление коллегии Наркомнаца: «1) принципиально признать необходимым выделение бурят-монгольского народа, входящего в состав РСФСР в автономную область; 2) составить проект декрета об автономной области бурят-монгольского народа и внести его на утверждение Президиума ВЦИК; 3) войти в Президиум ВЦИК с предложением об образовании комиссии для разработки проекта декрета об автономной области бурят-монгольского народа из представителей Наркомнаца, Наркомата внутренних дел, Наркомзема, Сибревкома и представителя от бурят; 4) центром проектируемой области признать г. Иркутск» (ГАРБ. ФР. 260. Оп. 1. Д. 3. Л. 190). В результате напряженной работы в скором времени появился декрет СНК РСФСР об образовании Бурят-Монгольской автономии. С октября 1921 г. представительство действовало как коллегиальное учреждение во главе уже с И. С. Архинчевым и его заместителем М. Е. Атановым, при этом штат состоял из трех человек.

Одна из важных задач, стоявших перед представительством в начальный период, было решение вопроса об организации и выработке «Положения о Центральном совете по культурным делам бурят-монголов РСФСР и ДВР» для наилучшего использования культурно-просветительских сил и единого руководства всеми мероприятиями бурят-монгольского населения на территории на тот момент еще не объединенных республик РСФСР и ДВР. 31 июля 1922 г. Положение о Бурмонсовкуде было утверждено Совнаркомом, а затем 15 августа 1922 г. утверждено Президиумом ВЦИК. 10 августа ВЦИК утвердил состав Центрального совета по культурным делам бурят-монголов РСФСР и ДВР из пяти человек.

К другим вопросам, которые пришлось решать Представительству в этот период, относятся организация самостоятельного Областного суда в Бурятской автономной области Дальнего Востока, утверждение штатов Бурятского финансового отдела, организация аймачных финотделов, подготовка заявок в Наркомат финансов РСФСР о денежном снабжении и др.

В 1923 г. с образованием Бурят-Монгольской автономной республики деятельность представительства принимает более системный характер. У представительства при Наркомнаце имеется штат, состоявший из представителя, его заместителя, секретаря представительства, бухгалтера и машинистки (ГАРБ. ФР. 2. Оп. 1. Д. 80. Л. 126). Представительство работает согласованно с правительством Бурятской республики, местными органами автономии и ЦИК и СНК РСФСР, участвует в разного рода заседаниях, совещаниях по бурят-монгольским вопросам, информировании центра о положении Бурятской республики во всех областях административно-политической, культурной и финансово-хозяйственной жизни.

В 1924 г. Наркомнац был упразднен, а его функции переданы ВЦИК. Передача представительств ВЦИКу оказала позитивное влияние на их работу. С этого времени деятельность Бурят-Монгольского представительства входит в активную фазу. Например, из отчета за 1925 г. следует, что через представительство прошли 93 ходатайства, из которых 58 получили положительный результат, 19 ходатайств были отклонены, 14 к тому времени находились в статусе разрешения. С каждым годом объемы переписки представительства возрастают, как и масштаб и значимость вопросов, которые решает представительство.

Небольшая по составу структура представительства курировала строительство заводов, энергообъектов, основных трактов, соединяющих сырьевые и промышленные районы Бурятии с железнодорожной магистралью, пунктов связи и коммуникаций республики (ГАРБ. ФР. 250. Оп. 1. Д. 110. Л. 28).

Резюмируя, стоит отметить, что деятельность Бурят-Монгольского представительства на начальном этапе имела важное значение в укреплении советской государственности в Бурят-Монголии и не ограничивалась рамками только политической сферы, она охватывала области социально-экономической и культурной жизни региона.

Литература:

Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В., Шаповал Е. Ю. Бурят-Монгольское представительство при ВЦИК РСФСР. К постановке проблемы // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. С. 449–455.

Шаповал Е. Ю. К вопросу о начальном этапе деятельности представительства Бурят-Монгольской области при ВЦИК РСФСР (1921–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Т. 25. Сер. История. 2018. С. 75–84.

*Данькина Надежда Анатольевна
кандидат исторических наук
Хакасский национальный краеведческий
музей им. Л. Р. Кызласова
Абакан, Россия
nadezhda.dankina@yandex.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БУРЯТИИ

В статье рассматривается современная историография бурятского панмонголизма начала XX в. Автор статьи приходит к выводу о складывании новой концепции в изучении панмонголизма на современном этапе отечественной историографии.

Ключевые слова: панмонголизм, бурятская интеллигенция, отечественная историография.

*Dankina Nadezhda Anatolyevna
Candidate of Sciences in History
Khakass National Museum
of Local Lore named after L. R. Kyzlasov
Abakan, Russia*

ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING THE FORMATION AND FORMATION OF THE INTELLIGENTSIA OF BURYATIA

The article examines the modern historiography of Buryat pan-mongolism of the early 20th century. The author comes to the conclusion about the formation of a new concept in the study of pan-mongolism at the present stage of Russian historiography.

Keywords: pan-mongolism, Buryat intelligentsia, Russian historiography.

К наиболее актуальным вопросам изучения проблемы формирования и становления интеллигенции Бурятии относятся идеология интеллигенции и связанные с ней репрессии конца 1930-х гг. Это касается, главным образом, становления панмонголизма в Бурятии и тотального уничтожения его приверженцев.

К настоящему времени существует только одно исследование, где сделана попытка охарактеризовать отечественную историографию феномена панмонголизма в национально-культурном строительстве Бурятии. Это диссертационное исследование Б. Б. Цыбеновой, которое было защищено в 2005 г. Она отмечает, что в дореволюционной историографии были заложены подходы и взгляды на проблему панмонголизма в национально-культурном строительстве. В советский период, по мнению Б. Б. Цыбеновой, панмонголизм рассматривался как реакционное течение, а не форма национального освобождения народов монгольских племен, а бурятская интеллигенция – как идеолог буржуазного национализма и панмонголизма, опиравшийся на поддержку Японии и атамана Семенова. Современную историографию Б. Б. Цыбенова охарактеризовала следующим образом: «Понятие “панмонголизм” из категории негативной переходит в позитивную и получает достаточное освещение в исторической литературе, для которой характерен широкий спектр оценок и суждений, происходит реабилитация лидеров национального движения» (Цыбенова 2005: 17).

Большая заслуга Б. Б. Цыбеновой заключается в определении актуальных вопросов в изучении панмонголизма: периодизация проблемы; внутренние и внешние причины возникновения панмонголизма; отношение к панмонголизму различных политических и культурных структур; авторские интерпретации концепции панмонголизма (Цыбенова 2005: 17).

С 2005 г. вышло значительное число работ о бурятском панмонголизме: Б. В. Базарова, Л. В. Кураса, М. Н. Балдано, С. В. Кириченко (Балдано), М. В. Амгалановой, П. К. Варнавского, Л. Б. Жабаевой и др., которые требуют историографического переосмысления. Ключевыми проблемами, выносимыми на об-

суждение, являются: время возникновения панмонголизма; эволюция и уничтожение панмонголизма, в том числе влияние первого культурно-национального совещания в Бурятии 1926 г. на судьбу национальной интеллигенции в целом.

По мнению большинства современных исследователей, панмонголизм зародился после 1905 г. Впервые эта идея была озвучена дореволюционным, а затем и советским общественным деятелем Н. Н. Козьминым, репрессированным в 1938 г. Она нашла отражение в его работе «1905 год и буряты (к постановке изучения эпохи)». По его мнению, споры о преимуществах монгольского или латинского алфавита разделили интеллигенцию на две части: ту, которая ориентировалась на западно-европейскую культуру, и ту, которая ориентировалась на культурное объединение с монголами. По мнению Н. Н. Козьмина, культурное объединение с монголами учитывает не только настоящее, «но и ту наследственную массу, которую оставила работа предшествующих монгольских поколений» (Козьмин 1929: 5).

Н. Н. Козьмина поддержали и другие общественные деятели, например, М. Н. Ербанов: «На первых порах этот кадр культурных сил в основном будет воспитан на русском языке и в русских учебных заведениях, а параллельно с этим будут расти культурные силы на бурят-монгольском языке, будет расти постепенно кадр своих ученых, разовьется язык, литература, возникнут учебные заведения и пр.» (Ербанов 1929: 7). Таким образом, в дореволюционный период, а затем в историографии 1920-х гг. были заложены основные подходы к бурятскому панмонголизму.

1905 г. явился отправным в формировании интеллигенции, придерживающейся панмонголизма. Эта дата нашла отражения в работах исследователей, которые занимаются изучением панмонголизма. Так, С. В. Кириченко (Балдано) считает, что в 1905 г. проявлением панмонголизма стало требование введения монгольского языка в школы и снятия ограничений на монгольские издания, однако радикальная часть бурятской интеллигенции начала движение созданию нового большого национального сообщества с опорой на монгольскую историко-культурную общность (Кириченко 2018: 64). Она соглашается с мнением ряда исследователей о том, что превращению панмонголизма из социокультурного в политическое направление способствовали гражданская война и иностранная интервенция в Бурятии.

Оценивая результаты первого культурно-национального совещания в Бурятии 1926 г., С. В. Кириченко полагает, что дискуссия по поводу алфавита завершилась поражением сторонников сохранения традиционных вариантов письменности, базировавшихся на старомонгольском алфавите (Кириченко 2018: 65). Она категорично заявляет, что «Дискуссия по поводу алфавита была последней, в которой национальная интеллигенция принимала участие как национальная группа, пытавшаяся руководствоваться в своих действиях стремлением к достижению определенных национальных целей» (Там же: 65). По мнению автора, атака на панмонголизм явилась поводом для уничтожения всей дооктябрьской интеллигенции к концу 1930-х гг.

Этой точки зрения придерживается М. В. Амгаланова, считающая, что это совещание стало причиной борьбы с панмонголизмом, так как была дана принципиальная марксистско-ленинская оценка вредному буржуазно-националистическому уклону (Амгаланова 2017: 208).

В качестве одной из причин репрессий интеллигенции П. К. Варнавский рассматривает панмонголизм. Он полагает, что «в период полного господства и тотального контроля коммунистов “панмонголизм” превратился в удобный и эффективный инструмент политической практики, с помощью которого культурных и политических процессов отстранялись соперники и неугодные участники» (Варнавский 2015: 43).

Также о репрессиях панмонголистов в 1937–1938 гг. пишет Э. Б. Цыжипов: «Участники «контрреволюционной панмонгольской, националистической, повстанческо-диверсионной, вредительской организации» обвинялись в создании контрреволюционной националистической панмонгольской организации, подготавливающей свержение Советской власти на территории БМАССР, и установлении буржуазного Панмонгольского государства под протекторатом Японии, в националистической обработке населения республики на антисоветской основе, во вредительстве на всех участках народного хозяйства; в связях с участниками антисоветской террористической организации правых, в том, что являлись агентами иностранных разведок и вели шпионскую политику (Цыжипов Э. Б. 2017: 38). На 15 февраля 1938 г., по подсчетам Э. Б. Цыжипова, по данному делу было арестовано 2026 человек (Там же: 22).

Большой вклад, на наш взгляд, в изучение панмонголизма и связанных с ним репрессий, внесла М. В. Амгаланова. Возникновение панмонголизма она относит к периоду первой русской революции,

когда стали активно обсуждаться вопросы возможных путей развития бурятского народа. Большая часть бурятской интеллигенции, по мнению М. В. Амгалановой, относила бурят в национально-языковом отношении к монгольской нации. Опираясь на мнение исследователей Б. В. Базарова, Л. В. Кураса, В. В. Бабакова, развитие панмонголизма как политической доктрины исследователь связывает с политикой царизма, а практическое воплощение идеи панмонголизма – с гражданской войной (Амгаланова 2017: 211).

Таким образом, исследователями бурятского панмонголизма решена проблема его периодизации: зарождение как социокультурного явления, перерастание его в политическое течение интеллигенции, упадок и уничтожение. Объяснены внутренние и внешние причины его возникновения. В основном можно говорить о формировании единой современной концепции в понимании панмонголизма в Бурятии начала XX в.

Литература:

Амгаланова М. В. Реализация культурных и политических форм концепции панмонголизма бурятской интеллигенцией // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 208–215.

Варнавский П. К. Бурятская этничность в политических проектах XX века: из империи в империю? // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 4. С. 41–47.

Ербанов М. Н. Вопросы культурно-национального строительства Бурятии: краткий очерк / предисл. М. Дворкина. Верхнеудинск: издание Бурбкома ВКП(б), 1926. III. 52 с.

Кириченко С. В. Бурятская интеллигенция: национализм и национальный вопрос // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 60–68.

Козьмин Н. Н. 1905годибуряты (к постановке изучения эпохи). Иркутск: [б.и.], 1926. 9 с.

Цыжипов Э. Б. Репрессии в Бурятии: сфабрикованные дела НКВД в 1930-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. Вып. 3. С. 38–41.

Цыбенова Б. Б. Бурятская национальная интеллигенция первой трети XX века. Историография проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 22 с.

Кискидосова Татьяна Александровна
кандидат исторических наук
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
tak_74@mail.ru

«НОВЫЙ БЫТ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ В 1930-е гг.

Статья посвящена истории проведения политики «нового быта» в городах Хакасии в 1930-е гг. Первоначально начавшееся движение по борьбе с неграмотностью распространилось на другие сферы жизни общества. В духе времени повсеместно стали внедряться социалистические принципы. В этих условиях происходило переустройство быта населения. Политика «нового быта» коснулась различных сторон повседневной жизни городского населения Хакасии: от санитарно-гигиенических мероприятий до антирелигиозной пропаганды. «Новый быт» был направлен на перевоспитание трудящихся масс, внедрение в жизнь общества новых советских праздников и решения поставленных задач советского здравоохранения. В результате проводимых мероприятий в Абакане сложилась система бытового обслуживания населения. В целом политика «нового быта» прочно вошла в жизнь городского населения Хакасии.

Ключевые слова: Хакасия, городское население, новый быт, материально-бытовое обслуживание.

Kiskidosova Tatyana Aleksandrovna
Candidate of Sciences in History
Khakass Research Institute
for Language, Literature and History
Abakan, Russia

“NEW LIFE” IN THE DAILY LIFE OF THE URBAN POPULATION OF KHAKASSIA IN THE 1930-s

The article is devoted to the history of the "new way of life" policy in the cities of Khakassia in the 1930s. Initially, the movement to combat illiteracy has spread to other areas of society. In the spirit of the times, socialist principles began to be introduced everywhere. In these conditions, the restructuring of the life of the population took place. The policy of the "new way of life" touched various aspects of the daily life of the urban population of Khakassia: from sanitary and hygienic measures to anti-religious propaganda. The "New Way of Life" was aimed at re-educating the working masses, introducing new Soviet holidays into society and solving the tasks of Soviet healthcare. As a result of the activities carried out in Abakan, a system of consumer services for the population has developed. In general, the policy of the "new way of life" has firmly entered the life of the urban population of Khakassia.

Keywords: Khakassia, urban population, new way of life, material and household services.

В современной отечественной историографии актуальной остается история быта рабочих в советский период. Бытовые условия, обеспечение, культурное обслуживание и другие вопросы повседневной жизни рабочих 1930-х гг. не были в полной мере освещены. В документах того времени не применялось понятие «социально-бытовая сфера». Обычно оно заменялось понятиями «бытовое обслуживание», «культурно-бытовое обслуживание», «материально-бытовое обеспечение». Однако по комплексу рассматриваемых вопросов и смыслу они не отличаются от социально-бытовой сферы в современном понимании.

Культурно-бытовой поход, начатый по инициативе комсомола после VIII съезда ВЛКСМ (май 1928 г.), вначале имел в качестве главного направления борьбу с неграмотностью, но по мере развертывания он охватил все более широкий круг вопросов, к нему присоединялось все большее количество

участников. Значительное внимание уделялось проблемам социалистической перестройки быта, предполагалось провести работы по наведению чистоты и порядка в местах проживания и общественного пользования (Исаев 1978: 76). Борьба за утверждение «нового быта» проходила под лозунгами «даешь умывание», «за чистое полотенце», «все на борьбу с неграмотностью и неряшливостью в личном и общественном быту». Центром практической работы стала активная борьба с грязью в старых рабочих казармах, пьянством и распушенностью. Повсеместно распространялась политика раскрепощения женщин в рамках существовавших тогда бытовых условий.

Н. К. Крупская писала о необходимости наведения чистоты в домах рабочих: «чтобы было чисто, все вовремя сделано, не было бы грязи, клопов, чтобы воздух был чистый, отдохнуть можно было бы дома» (Крупская 1959: 276). В общественном сознании того времени вопрос о чистоте и благоустройстве жилищно-бытовой среды увязывался с представлением о новом социалистическом быте. Идеологическая установка 1930-х гг. в стране была направлена на повсеместное освоение культуры. Профсоюзы призывали рабочих решительно перестраивать свой быт, приводить его в соответствие с нормами и принципами социализма. На многих предприятиях Сибири развернулось движение за культурное жилище. В рамках этого движения организовывались конкурсы на лучшее содержание жилищ, благоустраивались места проживания (Исаев 1987: 48–49).

Во время культурно-бытового похода получили распространение такие формы пропаганды «нового быта», как домашние митинги, беседы, обследования квартир. Городские жители активно обсуждали вопросы быта, брали обязательства сделать свой быт культурным. Во время проведения субботников горожане убирали дворы, красили стены домов, занимались посадкой деревьев на улицах и парках городов. Некоторые организации принудительно закрепляли рабочих по озеленению собственных усадеб (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 1495. Л. 7).

С населением проводились профилактические мероприятия. Для коренных жителей было выпущено специальное пособие «Борьба с насекомыми в жилищах» на хакасском языке. К предприятиям, организациям, учебным заведениям, детским садам, общежитиям прикреплялись врачи и медсестры с целью проведения медико-оздоровительных мероприятий и санитарно-профилактической работы (Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 353. Л. 99.)

Борьба за «новый быт» подразумевала искоренение мелкобуржуазного уклада жизни: безвкусицы, мещанства, мелкого, распыленного, раздробленного индивидуального хозяйства в быту. Одновременно предполагалось внедрять в быт населения коллективное питание, механизированные фабрики-кухни и столовые, прачечные, общественное воспитание детей, предполагалось обновление жилищных условий. В таких национальных регионах, как Хакасия, Бурятия, Якутия и др. борьбе за «новый быт» уделялось особое внимание. Н. К. Крупская считала, что в национальных областях и республиках «заводы и фабрики, а также коллективизация сельского хозяйства в корне подорвут старый быт. Необходимо вырвать с корнями пережитки старого в быту нацменов» (Крупская 1959: 254).

Постоянные призывы к улучшению бытового обслуживания трудящихся женщин, широкому использованию самодеятельности трудящихся в строительстве детских учреждений, столовых, прачечных указывают на остроту и нерешенность данной проблемы. Государственная идеология обращалась к традиционной модели семьи и основывалась на материнстве как естественной женской роли. В эпоху форсированной индустриализации происходили изменения не только в трудовых, но и в бытовых, семейных отношениях. Государство делало ставку на институт семьи, и вся мощь идеологической машины в условиях дефицита соответствующих материальных условий направлялась на придание священного статуса как семейным узам, так и их смысловому центру – образу матери (Романов, Ярская-Смирнова 2009: 292).

В условиях «нового быта» устойчивым стало мнение по поводу детских садов, что «подобные детские учреждения являются неотъемлемой частью советского быта, который должен дать возможность женщине – матери активно участвовать в социалистическом строительстве. Через ясли и детские сады воспитывать детей в советском духе, с колыбельного возраста выращивать будущих людей строителей новой жизни» (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 193. Л. 97).

В борьбе за «новый быт» большое значение придавалось антирелигиозной пропаганде. К «пережиткам старого быта» отнесли суеверия, родовые традиции, шаманизм, поповские праздники, пьянство и т.д. Обществу навязывалась идея, что «пережитки старого быта» появились в угоду частной собствен-

ности и капиталистических элементов эксплуататорского строя. «Новый быт» был направлен на перевоспитание трудящихся масс, внедрение в жизнь общества новых советских праздников и решение поставленных задач советского здравоохранения. В задачи трудящихся в области культуры входила активная борьба с религией, рассматриваемой как «орудие классового врага, направленное против власти трудящихся и социалистического строительства». На областных съездах воинствующих безбожников в Абакане неоднократно поднимался вопрос о шаманизме и методах борьбы с ним. При этом борьба с верующими часто носила агрессивный характер (Отдел документов новейшей истории Национального архива Республики Хакасия (ОДНИ НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 46). В 1937 г., по сведениям НКВД, была ликвидирована «контрреволюционная организация, проводившая антисоветскую борьбу под маской религиозной проповеди». Здание Абаканской церкви в 1939 г. городским исполнительным комитетом было передано областному краеведческому музею. Горисполком постановил провести там антирелигиозную выставку и разместить фонды музея (ОДНИ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 45).

Таким образом, политика «нового быта» в Хакасии в 1930-е гг. была направлена на искоренение старого быта и внедрение социалистического образа жизни. Введение «нового быта» подразумевало борьбу с классовым врагом, носителем буржуазной культуры и борьбу за нового человека. Повсеместно проводились разнообразные мероприятия с целью распространения новых жизненных принципов. Политика «нового быта» коснулась различных сторон повседневной жизни городского населения Хакасии.

Литература:

Исаев В. И. Социалистическое соревнование за переустройство быта рабочих Сибири в годы первой пятилетки // Социалистическое соревнование – творчество трудящихся масс. Барнаул, 1978. С. 75–78.

Исаев В. И. Формирование городского образа жизни рабочих Сибири в период социалистической реконструкции народного хозяйства // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 45–62.

Крупская Н. К. Вопросы семейного воспитания и быта. Педагогические сочинения в 10 т. Т. 7. М., 1959. 464 с.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917–1930-е гг. // Социальная история. Ежегодник. 2009. М.: РОССПЭН, 2010. С. 275–295.

*Крайнова Любовь Николаевна
кандидат исторических наук
Иркутский техникум экономики и права
Иркутск, Россия
krainovalyubov_75@mail.ru*

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ В МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Исторические события 1911 г., происходившие в Монголии, не знают аналогов в мировой истории. После провозглашения независимости от Цинской империи в Монголии, вопреки сложившимся тенденциям в мировой практике начала XX в., устанавливается теократическая монархия во главе с лидером буддистов Монголии Джебцун-Дамба-Хутухтой Богдо-гэгэном. Истоки этого события лежат в исторических событиях периода XVII – начала XX вв. и взаимоотношений с Цинской империей. Распространение буддизма, его поддержка со стороны цинских властей способствовали росту влияния и авторитета буддизма среди монголов.

Ключевые слова: буддизм, Монголия, Джебцун-Дамба-Хутухта, Богдо-гэгэн, теократическая монархия.

*Krainova Lyubov Nikolaevna
Candidate of Sciences in History
Irkutsk College of Economics and Law
Irkutsk, Russia*

THE ORIGINS OF THE FORMATION OF THE THEOCRATIC MONARCHY IN MONGOLIA IN THE EARLY 20TH CENTURY

The historical events of 1911 in Mongolia had no equivalents in world history. In opposite of the prevailing sentiments in the world practice on the beginning of the 20th century, after the declaration of independence from the Qing Empire, in Mongolia, a theocratic monarchy had been established, headed by the leader of the Buddhists of Mongolia, Bogdo Jebtsundamba Khutuktu. The origins of this event was connected with the historical events of the 17th – the beginning of the 20th centuries and relations with the Qing Empire. Support from the Qing Empire authorities contributed to the growth of the authority and influence of Buddhism among the Mongols.

Keywords: Buddhism, Mongolia, Jebtsundamba Khutuktu, Bogdo-Gegen, theocratic monarchy.

1 декабря 1911 г. Внешняя Монголия, находящаяся под властью Цинской империи, провозгласила свою независимость. 29 декабря 1911 г. состоялась пышная церемония возведения на престол «великого хана» Монголии Джебцун-Дамба-Хутухты Богдо-гэгэна, который получил титул «многими возведенного». «Тот факт, что страну возглавил не представитель рода Чингисхана, а другой человек, объяснялся глубокой религиозностью монгольского населения» (Дудин 2013: 158).

В освободительном движении Монголии начала XX в. центральную роль играл буддизм, консолидирующий нацию. Высшее духовенство активно поддержало идею восстановления монгольской государственности. Большое значение для распространения патриотических настроений во Внешней Монголии имела агитация такого харизматического лидера, как Далай-лама XIII (Курас 2015: 146). Этот исторический факт представляет собой беспрецедентный случай в истории, выбивающийся из общих мировых событий по формированию государственной независимости, характерных для первой половины XX в. Истоки данного исторического события лежат в исторических процессах, происходивших в Монголии начиная с XVII в.

Покорение Монголии маньчжурами происходило не только с помощью силы. Главным союзником в покорении Внешней Монголии являлся буддизм, в лице почитаемых хутухт и хубилганов. Закрепляя позиции духовенства на новых территориях, маньчжуры ставили духовенство в привилегированное по-

ложение, и институт буддизма превращается в мощную социально-политическую структуру, в которой духовенство Монголии охватывает треть всего мужского населения.

Существенным фактором укрепления духовенства стали нормы закона, сформированные для управления монголами. «Буддизм ... за короткий период смог распространиться среди народа и стать основной религией Халхи и Джунгарского ханства, что нашло официальное подтверждение в монголо-ойратских законах ... и других законодательных актах, благодаря которым монастыри и буддийское монашество получали особые права» (Ванчикова 2019: 50). Основные законы были сформированы еще в XVII в.: «Восемнадцать степных законов», «Монгольское уложение 1627–1694», «Халха Джирум». После полного подчинения Монголии был создан орган управления подвластными территориями – Палата внешних сношений и составлено Уложение Палаты внешних сношений – законы, по которым управлялись подвластные территории. За основу законов были взяты традиционные нормы права монголов.

В законах буддийское духовенство обозначается словами «ламы», «послушники», «тойны», которые занимали более привилегированное место, чем простолюдины (Ванчикова 2019: 43). Со стороны Пекина данная политика по укреплению положения духовенства была продуманной и направленной на ослабление власти светской аристократии как возможного лидера в борьбе за национальную независимость. Кроме этого, «новая вера (буддизм. – Л. К.) смирила воинственность наездников и из грозных завоевателей превратила их в мирных пастухов» (Коростовец 2013: 18).

С ростом политической значимости возрастала и экономическая мощь буддийской церкви Монголии, базировавшаяся на огромных земельных владениях, стадах скота и шабинарах – главным источником экономического благополучия и процветания. Численность шабинар была огромной и составляла большую часть населения: «по переписи 1862 г., шаби у хутухты было 70 372» (Пржевальский 2008: 319). «В 1919–1920 гг. общее число шабинцев достигало 86 тыс.» (Майский 1959: 225). Они были не только показателем богатства, но и постоянным источником прибыли в виде бесплатного труда и повинностей в пользу духовенства.

Кроме законодательной и экономической баз, укреплению буддийской церкви Монголии способствовало сложившаяся иерархическая система подчинения и соподчинения, что превратило ее в аналог государственной системы управления в противовес разрушенной светской власти. В соответствии с традицией буддизма, хубилганы – «живые боги» – занимали руководящее положение в монастырях, они составляли основу аристократии в среде буддийских феодалов и по происхождению были в большинстве своем выходцами из феодального класса.

Высшими лицами в иерархии буддийских монастырей Монголии являлись Ханбо-ламы, первенствующие лица в монастыре, Цоржи ламы – управляющие, Ширетуи или ширету-ламы – настоятели монастыря (Позднеев 1993: 218). Три этих должности в буддийских монастырях были самыми значимыми и почетными, их власть распространялась на шабинаров, прикрепленных к монастырям, в руках сосредоточивались и экономические блага. Зачастую эти должности принадлежали потомкам знатных князей, так как «у монголов существует обычай посвящать одного из сыновей в ламы» (Виленский-Сибиряков 1925: 41), и дети из княжеских родов ойратов были не исключение.

Далее шли должности второстепенные: Лацаб (или дэд-ширету-лама) – почетный помощник ширетуя. Гэбкуй наблюдал за порядком при богослужениях и нравственным поведением духовенства. Умзат вел службу согласно указаниям гэбкуя. Гэик следил за исполнением всех распоряжений старшего (гэбкуя). К низшим должностям относились должности тех лам, которые прислуживали при богослужениях: Тахильчи – распорядитель при жертвах и церемониях; Джама-лама – повар и стольничий; музыканты (Нил 1858: 103).

В каждом монастыре находились ламы-ученые: номун-лама (толкователь догматов веры), чойчжинсангасак (нечто среднее между буддийскими магами и шаманами); эмчи – монастырский лекарь, цзурухайчи – астролог, цзурачи – иконописцы, биликту – переводчики книг с тибетского, тойны – типографщики. За организацию хозяйственной деятельности отвечали нирба – казначей и его помощник – цзасак-лама, шанцотба – управляющий шабинарами. Высшей категорией в иерархии ламайского духовенства были хубилганы, т.е. перерожденцы «каких-либо прославившихся своей благотворною деятельностью на пользу буддизма лам» (Позднеев 1887: 168).

Самым почитаемым среди всех лам буддистов Халхи был глава буддистов Монголии – Джебцун-Дамба-Хутухта. «Как бы то ни было, а хутухта стоит выше всех властей. Простые монголы смотрят на

него не как на высшее духовное лицо, а как на настоящего Бога и воссылают в нему молитвы, называя богом «гыгэном». Кутухта имеет своих собственных подданных, которые называются шаби и не подведомственны светским властям» (Ровинский 2011). Именно он и возглавит государство после провозглашения независимости Монголии, сосредоточив в своих руках не только духовную, но и светскую власть: «общество было наиболее традиционным и религиозным, буддийская духовная иерархия наиболее централизована (под властью Богдо-гэгэна), теократия наиболее развита, а население наименее китаизировано среди всех монгольских земель. Буддийская духовная иерархия стала там самостоятельной экономической силой» (Кузьмин 2016: 139).

Таким образом, буддизм Монголии был строго иерархичен и являлся хорошо организованным институтом власти в отличие от светской власти, находящейся в состоянии феодальной раздробленности. «После провозглашения независимости в государстве установилась теократическая власть. На престол был возведен глава буддийской сангхи Богдо-гэгэн. ... Основные посты во вновь созданных министерствах занимали князь, ламы и грамотные чиновники. ... У нас нет данных о процентном соотношении лам и светских людей, но можно предположить, что поскольку ... ламы были самой образованной частью населения, то ... они и составляли большинство правительства. Так, например, заместителем премьер-министра, министром внутренних дел и религиозных был назначен Хурээ да лам Цэрэнчимэд» (Урангуа 2013: 35). Ламы играли существенную роль в управлении государством вплоть до 1938 г.

Литература:

- Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри: монография / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2019. 292 с.
- Виленский-Сибиряков В. Д. Современная Монголия. Харьков: Пролетарий, 1925. 62 с.
- Дудин П. Н. Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии в 1911–1924 гг. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 2. С. 156–161.
- Коростовец И. Я. От Чингис Хана до советской республики. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2013. 430 с.
- Кузьмин С. Л. Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX в. // Научный диалог. 2016. № 9(57). С. 136–148.
- Курас Л. В. Монголия в составе империи Цин в начале XX в // Власть. 2015. № 12. С. 143–148.
- Нил (Исакович Н. Ф.; архиеп. яросл.; 1799–1874). Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1858. 386 с.
- Майский И. М. Монголия накануне революции. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 310 с.
- Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 496 с.
- Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна тангутов. М.: Дрофа, 2008. 766 с.
- Ровинский П. А. Мои странствования по Монголии [Электронный ресурс] // URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rovinskij_P_A/text2.phtml?id=8087 (дата доступа 26.03.0222).
- Урангуа Ж. Внутренняя политика монгольского государства в первой четверти XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор-Иркутск, 2013. С. 35–43.

Тиникова Елена Евгеньевна
кандидат исторических наук
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
lena.tinikova@mail.ru

ГРАДООБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКАХ САЯНО-АЛТАЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Статья посвящена развитию градообразования в республиках Алтай, Хакасия и Тува в 1945–2020 гг. Автор анализирует динамику количественных показателей градообразования и рассматривает факторы, оказавшие влияние на численность городских поселений региона. В рассматриваемом регионе важнейшие факторы градообразования в середине XX в. носили экзогенный характер и были связаны с необходимостью его освоения, политикой индустриализации и переселения населения с целью обеспечения промышленных объектов квалифицированными кадрами и рабочими руками. На первом этапе урбанизации региона основу городского расселения составляли малые города и поселки городского типа. Советский период урбанизации характеризуется активным развитием численности городских поселений в регионе и ростом численности их жителей. В постсоветский период траектория развития процессов градообразования резко изменилась на противоположную, что выразилось в административной рурализации. Однако в целом вектор урбанизационного развития региона не изменился и шел в русле общемировых закономерностей современной урбанизации в развивающихся странах.

Ключевые слова: урбанизация, градообразование, Алтай, Тува, Хакасия, город.

Tinikova Elena Evgenievna
Candidate of Sciences in History
Khakass Research Institute
of Language, Literature and History
Abakan, Russia

TOWN FORMATION IN THE SAYAN-ALTAI REPUBLICS IN THE 20th – EARLY 21st CENTURIES

The article is devoted to the development of town formation in the republics of Altai, Khakassia, and Tuva in 1945–2020. The author analyzes the dynamics of quantitative indicators of town formation and considers the factors that influenced the number of urban settlements of the region. In the region under consideration, the most important factors of town formation in the middle of the 20th century were exogenous and were associated with the need for its development, the policy of industrialization and resettlement of the population in order to provide industrial facilities with qualified personnel and workers. At the first stage of the region's urbanization, small towns and urban-type settlements formed the basis for urban resettlement. The Soviet urbanization period is characterized by the active development of the number of urban settlements in the region and the growth of the number of their residents. During the post-Soviet period, the development trajectory of town formation processes changed dramatically to the opposite, which resulted in administrative ruralization. However, in general, the vector of urbanization development of the region has not changed and was in line with the global patterns of modern urbanization in developing countries.

Keywords: urbanization, town formation, Altai, Tuva, Khakassia, town.

В годы советской власти процесс градообразования в регионе не был линейным. Наибольший прирост городских поселений пришелся на вторую половину 1940-х – 1960-е гг., когда на карте Саяно-Алтая появилось 6 новых городов и 20 поселков городского типа.

К началу 1945 г. здесь существовало всего 15 городских поселений, самым «старым» из которых был город Кызыл, основанный в 1914 г. как Белоцарск (позднее Хем-Бельдир). Политика градообразования

с момента вхождения Тувы в состав Советской России и окончания Великой Отечественной войны до конца 1960-х гг. определялась необходимостью закрепления и хозяйственного освоения новой территории в составе государства, а также дальнейшим промышленным освоением богатого природными ресурсами региона. В 1945 г. столичный Кызыл стал городом областного подчинения, Туран, Чадан, Шагонар – городами районного подчинения, золотые прииски Бай-Сют, Нарын, Харал и Эми – рабочими поселками. К городским поселениям Тувы также были отнесены два поселка городского типа — Хову-Аксы в 1956 г. и Кызыл-Мажалык в 1959 г.

В годы семилетки (1959–1965 гг.) освоение рудных ископаемых кобальта и асбеста было выделено в качестве одного из приоритетных направлений совершенствования тувинской промышленности (Ковалева 1960: 15). В результате в связи со строительством комбината «Туваасбест» центр асбестодобывающей промышленности Ак-Довурак в 1964 г. получил статус города.

Именно в Туве отчетливее всего прослеживается политика советской власти, направленная на ужесточение контроля над территорией путем создания сети городских поселений. Помимо административных функций, они должны были являться оплотами советской власти, внутренней безопасности и даже внешней обороны, быть местами размещения производства. В результате в Туве сложилась уникальная ситуация. Численность населения всех городов региона, кроме столичного Кызыла (и Ак-Довурака лишь с середины 1970-х гг.), составляла менее 12 тыс. жителей, т.е. ниже принятой в стране квалитетической нормы городского поселения в статусе города. Такими методами государство пыталось укрепить свои позиции на присоединенной территории.

Политика массового градообразования в Сибири в послевоенный период затронула и Хакасскую автономную область: здесь в 1945–1959 гг. появилось 13 новых рабочих поселков (Тиникова 2017: 11). Это было связано с развитием промышленности, концентрацией населения и совершенствованием областной транспортной системы, что приводило в целом к росту значения части рабочих поселков в экономике региона. В 1966 г. поселки Дзержинский и Абаза были преобразованы в города районного подчинения – Сорск и Абазу. Немного ранее, в 1962 г. села Копьево, Бискамажа и Бельтырское получили статус поселков городского типа.

С начала 1970-х гг. наступил новый этап промышленного освоения Хакасии в связи со строительством Саянского ТПК. Бурное экономическое развитие региона повлекло за собой увеличение притока трудовых ресурсов из других районов страны, возведение новых промышленных гигантов – появление новых городских поселений: города Саяногорска и поселка городского типа Пригорска. В целом в Хакасской автономной области по сравнению с южными соседями сложилась более развитая система городских поселений и по критерию их количества, и по росту численности городского населения, и по уровню его концентрации.

Совсем иная ситуация сложилась на Алтае. До середины 1960-х гг. здесь существовало единственное городское поселение – город Горно-Алтайск (до 1948 г. Ойрот-Тура). Затем статус поселков городского типа получили Акташ и Веселая Сейка. Развитие промышленности Горного Алтая шло значительно медленнее, чем у соседей (История... 1969: 297). В советский период Горно-Алтайская автономная область продолжала оставаться слабо урбанизированным регионом, что было обусловлено хозяйственной специализацией региона на отгонно-пастбищном животноводстве и особенностями организации сети населенных пунктов, многие из которых были сезоннообитаемыми. В результате в 1989 г. система городских поселений области была представлена двумя малочисленными (до 5 тыс. человек) поселками городского типа и одним малым (до 50 тыс. человек) городом.

В постсоветский период обозначился новый вектор развития процесса градообразования в республиках Саяно-Алтая – административная рурализация. В результате в настоящий момент городское население исследуемого региона проживает в 11 городах и 7 поселках городского типа. Во многом указанный процесс смены статуса городских населенных пунктов на сельский объясняется наличием льгот, предоставляемых жителям сельской местности (повышенная оплата работникам образования, сниженные тарифы на оплату коммунальных услуг и т.п.).

1990-е годы связаны с экономическим кризисом, катастрофическим снижением объемов производства и даже деиндустриализацией. Обозначенные процессы в большей степени отразились на хозяйственной жизни городов региона, являющихся их индустриальными центрами. Например, в Хакасии в особо тяжелом социально-экономическом положении оказались такие монопрофильные городские поселения, как города Сорск, Абаза и поселок Вершина Теи. Более стабильная ситуация сложилась в Сор-

ске после открытия в 2005 г. ферромолибденового завода, занимающегося переработкой продукции, производимой Сорским ГОКом и являющимся одним из крупнейших производителей ферромолибдена в России (Шулбаев 2015: 139).

Схожая ситуация характерна для моногородов Тувы. Сокращение производства и закрытие ряда предприятий, особенно градообразующего комбината «Тувакобальт», а также нестабильное развитие комбината «Туваасбест» ударили по социально-экономическому развитию города Ак-Довурака и поселка городского типа Хову-Аксы (Бегзи 2019: 55).

В 1994 г. на Алтае в статус сельских поселений были переведены поселки Акташ и Сейка. В связи с истощением месторождения ртути градообразующее предприятие поселка Акташ закрылось. Градообразующее предприятие села Сейка и в целом Чойского района ОАО «Рудник «Весёлый» успешно функционирует и сегодня.

Специфической чертой региона стало большое влияние кризиса на развитие столичных городов национальных республик, где, по сути, в этот период произошла их перепрофилизация. Абакан из крупного промышленного центра постепенно превратился в город торговый и индустриально-транспортный. Схожие процессы характерны для развития постсоветского Кызыла.

Таким образом, в рассматриваемом регионе важнейшие факторы градообразования в середине XX в. носили экзогенный характер и были связаны с необходимостью его освоения, политикой индустриализации и переселения населения с целью обеспечения промышленных объектов квалифицированными кадрами и рабочими руками. В постсоветский период траектория развития процессов градообразования резко изменилась на противоположную, что выразилось в административной рурализации.

Литература:

Бегзи А. Д. Основные факторы, этапы и особенности урбанизации в Туве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы III-й междунар. науч.-практ. конф. Кызыл: ФГБУН Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, 2019. С. 52–59.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / отв. ред. Г. А. Докучаев. Л.: Наука, 1969. Т. 5. 470 с.

Ковалева Н. Н. Тува в семилетке. Кызыл: Типография управления культуры, 1960. 43 с.

Тиникова Е. Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 гг.). Абакан: Бригантина, 2017. 126 с.

Шулбаев В. К. Размещение промышленности в Хакасии. Абакан: ООО «Кн. изд-во «Бригантина», 2015. 160 с.

*Яковлев Айтал Игоревич
кандидат исторических наук
Северо-Восточный федеральный университет
Якутск, Россия
aytalyakovlev@mail.ru*

ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯКУТИИ

В статье раскрывается многогранный процесс развития городского пространства Якутии, который можно характеризовать как процесс этнизации. Основную роль в этом процессе играют сельские мигранты, которые начинают менять городское пространство, опираясь на свои представления о современном городе. Новизной статьи является использование современных методов культурной антропологии, использования понятия «места памяти» в тандеме с понятиями этнокультурной идентичности, традиционализма. В статье описаны муралы, нарисованные не только в городе Якутске, но и в селах Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: Якутия, мурал, этнокультурная идентичность, геокультура, традиционализм, деколонизация.

*Yakovlev Aital Igorevich
Candidate of Sciences in History
Yakutsk State University
Yakutsk, Russia*

THE URBAN SPACE ETHNIZATION IN YAKUTIA

The author considers the complex process of development of the urban space of Yakutia, which can be designated as the process of ethnization. The main role in this process is played by rural migrants, who change the urban space according to their idea about a modern city. The novelty of the paper is the use of modern methods of cultural anthropology, the use of the concept of "places of memory" in tandem with the concepts of ethno-cultural identity, traditionalism. The article describes murals drawn not only in the city of Yakutsk, but also in the villages of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: Yakutia, mural, ethno-cultural identity, geoculture, traditionalism, decolonization

Проблема трансформации социокультурного пространства северных и арктических городов России, особенно в Якутии, стоит остро. Резкое увеличение количества городских жителей вызывает волну протестного, латентного агрессивного поведения, в некоторых моментах выливающегося в открытую конфронтацию между городскими сообществами и выходящими за пределы Якутии. Актуальность исследования также связана с тем, что в ДФО РФ Республика Саха (Якутия) сохраняется положительный демографический и миграционный фон, и ряд проведенных полевых исследований указывает, что внутренние мигранты оседают в Якутске, столице республики. Одну из причин такого явления можно объяснить с точки зрения исторической памяти, которая помогает местным коренным жителям видеть в городе Якутске центр якутского мира.

Историческая память воспринимается как некий «социальный генотип» (Шола 2017: 320), объединяющий людей, формирующий каркас социокультурной среды. Историческая память выступает своеобразной публичной памятью, которая, охватывая всех, удивительным образом отражается и на представлении о прошлом у индивида. Историческая память воспринимается в трех ипостасях: материальной, символической и функциональной. Также важно понятие «место памяти». «Например, архивное хранилище не является местом памяти, если воображение общества не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом

воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют» (Нора 1999: 40). Так, муралы, появляющиеся в городском и сельском ландшафте Якутии, вполне можно отнести к местам памяти, объектам исторической памяти, раскрывающим семантическую и гносеологические функции и качества исторической памяти.

Если посмотреть на развитие культурного ландшафта Якутии, то муралы встречаются повсеместно не только в Якутске, но и в районных центрах и поселках городского типа. Распространяются они массово с 80-х – 90-х гг. XX в. Основной темой муралов выступают типичная для советской агитационной культуры тема дружбы народов, символы советской власти, армии, памятные события из истории страны, или, как часто бывает, мурал, обрамленный большой надписью или лозунгом, связанным с местными производственными силами или памятной датой. Эти муралы можно расценивать как один из подвидов или видов сложной и тонкой системы советских агитационных приемов. Их можно отнести больше к плакатному искусству, нежели к монументальному городскому искусству. Это тенденция наблюдается по всему Советскому Союзу, а затем и в постсоветском пространстве. Историческая конъюнктура 1090-х – 2000-х гг. не давала возможность строителям и художникам массово обращаться к муралам как к приему украшения зданий, а речи о влиянии, взаимодействии строящегося или ремонтируемого здания с культурным ландшафтом не стояло.

В сибирском и дальневосточном регионах Российской Федерации в данный момент наблюдается процесс этнизации городской среды. Этот процесс начинает проявляться с 80-х гг. XX в., после развала Советского Союза он обретает всеохватывающий масштаб и силу, меняющую всю структуру социокультурной среды в российских городах и селах. Это привело к появлению сил и людей, которые начинают менять сложившуюся картину.

В Республике Саха (Якутия) фундаментом данного явления выступает, как и везде по Сибири и Дальнему Востоку, прежде всего процесс урбанизации. В настоящее время в республике это цифра колеблется от 65 до 67%. Особенностью региона является рост городского населения за счет внутренней миграции, в частности, из сел северных и арктических районов Якутии. Начинается меняться среда, люди нового поколения, как показывает статистика в Якутии, в большинстве выходцы из сельской среды, начинают менять городское пространство на свой вкус, так, каким они видят центр якутского мира. Этот процесс, называемый этнизацией городского пространства, и приводит к появлению ряда ярких муралов.

Сельская среда Якутии как место, где сохраняется традиционная культура, начинает за счет выходцев из сельской моноэтнической среды влиять на городскую мультикультурную среду. Сложность процесса обостряется давлением культурной глобализации (процесса стирания этнокультурной идентичности) и давлением в противовес глобализации, (регионализации) как ответной реакции на кризис этнокультурной идентичности.

Для человека, попавшего из монокультурной среды в поликультурную среду, нужны простые и понятные маркеры, определяющие его «этническое самосознание» и самоидентификацию. Появляется интерес к своей культуре, истории, происхождению, раскрывается полным цветом гносеологическая функция культуры, ограниченная образованием, профессией и уровнем культурного развития человека. Человек ищет в окружающем своем «профанном» и «сакральном» мире понятные для него символы, знаки, понятия и образы. Так актуализируется историческая память, так муралы становятся местом памяти как символы этнокультурной идентичности человека и пространства.

Муралы выступают в качестве маркеров, которые, трансформируя городскую среду, превращают «мертвые» с точки зрения этничности отдельные здания в сакральные локусы, места памяти, этнокультурные элементы в культурном ландшафте. В них не просто отражены этнические символы, но и наблюдается то, как меняется историческое сознание народа. В искусстве Якутии историческая память находит свое место и становится проводником связи поколений, общества и государства, культуры индивида и культуры масс.

Сельское и городское пространство в Якутии начинает развиваться в двух направлениях. Во-первых, традиционно советско-номенклатурным путем, когда ставят памятники, обновляют под «ново-старые» нужды площади (площади остаются местами для празднования номенклатурных праздников Первомая, различных шествий и парадов), а не местом, где отдыхают горожане с детьми. Во-вторых, путем актуального городского искусства, а именно муралами, новыми общественными пространствами. Когда ставят памятники (историческим личностям Дежневу, Бекетову, Барахову, Алексееву и др.), народ прини-

мает их сразу, они быстро ложатся в стандартные коды мировосприятия горожан, на что указывает быстро затухающие обсуждения в соцсетях Якутии. Муралы же, напротив, долго обсуждаются в интернет-пространстве, газетах и в живом общении людей. В этом можно отметить проявление мобилизации этничности: в современных муралах повсеместно преобладают этнические мотивы. Национальные якутские узоры ставятся во главу угла, этничность становится основным компонентом для характеристики ландшафта, идентичности места (геокультуры).

Если сравнивать с памятниками начала 00-х, первого 10-летия XXI в., то в муралах нигде не увидишь «колониального» мотива, великодержавности, освоения целины, тему освоения бесхозного, с точки зрения государства и Западной цивилизации, алмазного края. Наоборот, муралы выступают мягкой формой деколонизации (деколонизированного сознания), одной из форм развития традиционализма, понятной не только в российском обществе, но и за ее пределами. Так Якутск, как и другие города Якутии, из провинциального советского города на окраине страны превращается в культурную столицу национальной республики, и прежде всего это отражается в уличном, монументальном городском искусстве.

Литература:

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Шола С. Томислав. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий, 2017. 320 с.

Базарова Галина Дашиевна
кандидат исторических наук
Бурятский научный центр СО РАН
Улан-Удэ, Россия
gdbazarova@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
БУРЯТИИ В 60-80 гг. XX в.**

Создание научных учреждений в период 1960–1980-х гг., развитие вузовской науки, новых научных направлений показывают, что в исследуемый период впервые были развернуты фундаментальные научные исследования и получены значительные результаты, созданы капитальные научные труды. Наука в Бурятии внесла достойный вклад в развитие производительных сил края и культуры республики, оказала существенное влияние на социально-экономические, общественно-политические, образовательно-культурные процессы.

Ключевые слова: наука, фундаментальные исследования, научно-исследовательская работа, ученые, Бурятский филиал АН СССР, вузы.

Bazarova Galina Dashievna
Candidate of Sciences in History
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

**THE MAIN DIRECTIONS OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN THE DEVELOPMENT
OF SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL LIFE OF BURYATIA
IN THE 60-80 YEARS XX CENTURY**

The creation of scientific institutions in the period of the 60-80s, the development of university science, new scientific directions show that during the period under study fundamental scientific research was launched for the first time and significant results were obtained, capital scientific works were created. Science in Buryatia has made a worthy contribution to the development of the productive forces of the region and the culture of the republic, has had a significant impact on socio-economic, socio-political, educational and cultural processes.

Keywords: science, fundamental research, research work, scientists, Buryat Branch of the USSR Academy of Sciences, universities.

Социально-экономическое развитие Бурятии в 1960–1980-е гг. требовало значительного ускорения науки. Именно науке отводилась ведущая роль в преобразовании производительных сил края, интенсификации его экономики, а также в решении насущных социальных и культурных задач. За 1961–1975 гг. экономика Бурятской АССР развивалась более ускоренными темпами, чем экономика РСФСР и Восточной Сибири, в частности. Увеличились объемы промышленного и сельскохозяйственного производства. Основные фонды промышленности возросли за 8-ю пятилетку на 60,7%, колхозов и совхозов на 43%. Ускоренными темпами развивалась топливно-энергетическая база республики, машиностроение и металлообработки (Раднаев 1979: 172).

В реализации планов ускоренного развития производительных сил региона, в изучение культурных процессов республики большая роль принадлежала институтам и коллективам ученых Бурятского филиала СО АН СССР. За период 1971–1975 гг. научные исследования филиала проводились по 87 темам, входящим в 47 проблем, в том числе 21 тема выполнялась филиалом по заказу Государственного комитета по науке и технике (Научный архив Бурятского научного центра СО РАН (НА БНЦ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 1). За последующую пятилетку (1975–1980 гг.) в Бурятском филиале были завершены научно-исследовательские работы по 54 темам (НА БНЦ. Д. 340. Л.2). В 1980–1985 гг. научно-

исследовательские работы были закончены по 59 темам. Издано за 5 лет 111 монографий и сборников научных трудов (НА БНЦ. Д. 538. Л. 2).

В развитии научных исследований в Бурятии в этот период проявилась общая закономерность научного прогресса: где высок уровень фундаментальных разработок, там выше и практические результаты. Задача развития фундаментальных исследований возлагалась на Бурятский филиал СО АН СССР. Одним из приоритетных научных направлений в исследуемый период было изучение минерально-сырьевой базы региона. Эти исследования имели хорошо подготовленную научно-экспериментальную базу. Создание в 1973 г. Геологического института позволило поднять на новый качественный уровень тематику геологических исследований.

1960–1970-е гг. – время «большой химии» в промышленном развитии СССР. На академические учреждения легла задача обеспечить химическую промышленность новыми разработками. Многие проблемы решались на стыке наук. Высококвалифицированные научные кадры занимались исследованиями в области материаловедения, неорганической химии (синтез и соединения молибдена и вольфрама). Совместные исследования физиков и химиков привели к изобретениям, которые были высоко оценены в оптической и химической промышленности (создание новых полимеров) (Мазуревский 1982: 257).

Главным направлением биологов и почвоведов Института биологии явилось выявление земельных и растительных ресурсов различных территорий республики. Составленные карты «Почвенный покров бассейна озера Байкал», «Почвенный покров Забайкалья» дали полную информацию о почвах Бурятии. Уникальностью отличались разработки отдела индо-тибетской медицины. Изучение древних текстов тибетской медицины, лабораторные исследования рецептов привели к созданию некоторых новых лекарственных препаратов.

Гуманитарные исследования ведущих ученых Института общественных наук являлись их вкладом в национально-культурное строительство. Создание учебных пособий по языку, разработка общих проблем культуры, исследования в области литературного языка, письменности, литературы и искусства, истории Бурятии, современных процессов, в частности, межнациональных отношений получили высокую оценку научной общественности. Дальнейшее развитие получили востоковедение, тибетология, монголоведение. Важным направлением в работе ученых-буддологов являлась активизация историко-культурных исследований стран и районов распространения буддизма. Большую исследовательскую работу, имеющую научный и прикладной характер, проводили ученые-языковеды и литературоведы института.

Большой вклад в социально-экономическое развитие республики внесли и ученые высших учебных заведений и отраслевых учреждений. Основными направлениями в деятельности ученых Восточно-Сибирского технологического института являлись разработки и создание микро ЭВМ, промышленных роботов, безотходные технологии, создание новых композиционных материалов на основе порошковой металлургии, создание строительных конструкций, безопасных для сейсмической зоны, обоснование новых технологических процессов обработки кожи, меха и т.д.

С начала 1960-х гг. тематика научной работы ученых сельхозинститута стала полнее и разнообразнее. Не всегда деятельность ученых сельхозинститута находила отклик у руководителей хозяйств и партийных органов. В 1950-х – начале 1960-х гг. ректорат БСХИ несколько раз представлял в ОК КПСС справки об улучшении породности животных, но это не нашло должного отклика у руководителей республики (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5874. Л. 9).

В Бурятском государственном педагогическом институте ведущее место в научно-исследовательской работе занимали проблемы психолого-педагогического обучения и воспитания молодежи. В 60-70-х гг. XX в. активно велись гуманитарные исследования, связанные с изучением истории и культуры Бурятии. За исследуемый период на существенно новый уровень вышли исследования ученых пединститута по биолого-химическим и физическим наукам.

На протяжении 1970–1980 гг. сотрудниками Восточно-Сибирского института культуры были определены наиболее важные темы: социально-экономические проблемы развития учреждений культуры в сельской местности, вопросы истории Бурятской АССР, развитие духовной жизни и культуры бурятского народа за годы советской власти; изучение песенного творчества семейских; история бурятского национального театра; научная организация библиографической работы (ГАРБ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 1364. Л. 120). Значительное место отводилось разработке социально-экономических проблем.

Сотрудники отраслевых научно-исследовательских учреждений внесли также весомый вклад в социально-экономическое развитие региона. Ученые Бурятского научно-исследовательского института сельского хозяйства разрабатывали темы, ориентированные на решение задач применительно к условиям региона. Экономическая прибыль от внедрения новых сортов за 1 год превысила 10 млн рублей.

В целом, за исследуемый период ассигнования на развитие науки в целом по стране увеличились в 5,6 раза. Этого было явно недостаточно. Финансовые ресурсы неравномерно распределялись между фундаментальными и прикладными разработками. Многие институты Академии наук на 50% были загружены решением прикладных задач в интересах различных ведомств (Артемов 1990: 161). По ориентировочным данным ассигнования на бурятскую науку увеличились за 20 лет в 10 раз. Основные ассигнования вкладывались в развитие наук о Земле, что было связано с добычей и переработкой полезных ископаемых, и в исследования, связанные с использованием топливно-энергетических, минерально-сырьевых и биологических ресурсов, а также охраной окружающей среды. Такое финансирование как результат планирования развития науки нельзя считать достаточно перспективным. В Бурятии недостаточно велись исследования по таким определяющим направлениям, как вычислительная математика, информатика, микроэлектроника, радиобиология, машиноведение, биотехнология, генная инженерия.

Увеличение ассигнований на науку сопровождалось перераспределением средств по видам затрат. Значительная их часть шла на капитальное строительство, но постепенно увеличивалась доля, предназначенная на развитие фундаментальных исследований и развитие лабораторной базы. Значительную помощь в оснащении технических исследований на протяжении исследуемого периода вузам (ВСТИ) оказали промышленные предприятия республики (авиазавод, приборостроительное объединение, завод «Теплоприбор», тонкосуконный, мясоконсервный комбинаты).

Отмечая результаты научных исследований ученых Бурятии, следует заметить, что тематические разработки велись без соблюдения определенной пропорциональности в развитии научных направлений и тем. В целом, наблюдалось многообразие. Такая широта исследований при слабой материальной обеспеченности и малочисленности квалифицированных кадров снижала результативность исследований.

Наибольшее развитие получили исследования в области геолого-минералогии, химии, экономики, радиофизики, техники, а также истории, языкознания, литературоведения и востоковедения. Намного возросли прикладные исследования, особенно в высших учебных заведениях и отраслевых институтах. Наука в Бурятии внесла достойный вклад в развитие производительных сил края и культуры республики, оказала существенное влияние на социально-экономические, общественно-политические, образовательно-культурные процессы. Этот период можно назвать одним из плодотворных в развитии науки Бурятии.

Литература:

Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1990. 188 с.

Мазуревский В. П. Химические науки // Развитие науки в Бурятии. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1982. 278 с.

Раднаев Г. Ш. Народнохозяйственный комплекс Бурятской АССР. Новосибирск: Наука, 1979. 253 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН В ХАКАСИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х гг.¹

В статье рассматриваются основные направления реализации государственного контроля деятельности религиозных общин в Южной Сибири в первой половине 1980 гг. На основе анализа правовых документов и архивных данных были изучены вопросы регистрации и нелегального существования религиозных общин в регионе. В контексте этих процессов рассматривается деятельность комиссий содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства религиозных культурах. Члены таких комиссий способствовали легализации и упорядочиванию деятельности групп верующих, а с 1983–1984 гг. стали более активно заниматься совершенствованием атеистического воспитания трудящихся. Происходило постоянное усиление государственного контроля деятельности религиозных групп. Комиссии содействия исполкомам следовали государственной политике в отношении религии.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозные общины, Сибирь, Хакассия.

*Goncharova Natalya Sergeevna
Altay State University
Barnaul, Russia*

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF STATE CONTROL OF RELIGIOUS COMMUNITIES IN KHAKASSIA IN THE FIRST HALF OF THE 1980-s

The author considers the main directions of the implementation of state control over the activities of religious communities in Southern Siberia in the first half of the 1980s. Based on the analysis of legal documents and archival data, the issues of registration and illegal existence of religious communities in the region were studied. In the context of these processes, the work of the commissions to assist the executive committees of the Soviets of Working People's Deputies on the observance of legislation on religious cults is examined. Members of such commissions contributed to the legalization and streamlining of the activities of groups of believers, and from 1983–1984 began to work more actively to improve the atheistic education of the working people. There was a constant strengthening of state control over the activities of religious groups. The Commissions for Assistance to the Executive Committees followed the state policy in relation to religion.

Keywords: state-confessional relations, religious communities, Siberia, Khakassia.

Рост внимания научного сообщества к советскому периоду государственно-конфессиональных отношений активизировался с начала 90-х гг. XX в. Внимание исследователей, например, А. В. Горбатова, Л. И. Сосковец и др., привлекают изменения в законодательстве в отношении религии, которые ознаменовали начало нового периода государственно-конфессиональных отношений в Советском Союзе, в период руководства страной Л. И. Брежневым. Внесение правок в советское законодательство рассматриваемого периода было обусловлено подписанием Хельсинского Заключительного акта в 1975 г. В этом же году в СССР были внесены изменения в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». В новых условиях окончательное решение о возможности регистрации общины принимал Совет по делам религий при Совете Министров СССР (Сосковец, 2003:

¹ Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований (проект №21-011-44027) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект № НШ-63.2022.2).

314). В 1977 г. право на свободу совести было закреплено в новой Конституции СССР, однако оно было номинальным.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. в СССР была широко распространена нелегальная деятельность религиозных групп, особенно протестантской направленности (Никольская 2009: 216). Важным направлением государственно-конфессиональной политики СССР в этот период, наряду с контролем зарегистрированных религиозных общин, стала легализация деятельности незарегистрированных групп верующих.

Особый научный интерес представляет реализация этой политики в Сибири, на территории которой было большое количество незарегистрированных религиозных объединений (Горбатов 2009: 27). На территории Южной Сибири вопросы политики советского государства в отношении религии остаются слабо изученными. В этом отношении особую ценность представляют малоисследованные и не введенные в научный оборот архивные материалы по положению религиозных общин в Хакасии, которая в советское время входила в состав Красноярского края.

В 1981 г. Красноярский краевой Совет народных депутатов принял постановление «О мерах по усилению в крае контроля за соблюдением законодательства о религиозных культурах». На местах это постановление реализовывалось через деятельность комиссий содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культурах. Такие комиссии были созданы по всей стране еще в 1960-е гг. Они наблюдали за религиозной ситуацией на местах.

Для усиления престижа СССР было необходимо поощрение легальных форм религиозной жизни и устранение подпольной деятельности верующих (Сосковец 2003). Члены комиссий содействия исполкомам сел, районов и городов в Хакасской автономной области проверяли на предмет следования закону зарегистрированные религиозные общины и отслеживали деятельность религиозных групп, действующих нелегально. Они активно способствовали легализации и упорядочиванию деятельности групп верующих (Национальный архив Республики Хакассия (НАРХ). Ф. Р-39, Оп. 1. Д. 2067. Л. 46). При этом следуя политике государства в 1983–1984 г., в планах некоторых комиссий в качестве основной упоминается деятельность по совершенствованию атеистического воспитания трудящихся.

Особенно контролировали члены комиссии процесс введения новых обрядов (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2284. Л. 20–21). Много внимания этому инструменту преодоления религиозности населения уделялось и в других регионах Сибири и страны в целом. Так, широкое внедрение новых обрядов практиковалось в Новосибирской области (Беликов 2019: 105).

Помимо активного проведения заседаний регулярным стало и планирование действий комиссии, направленных на контроль соблюдения законодательства о культурах. Такая мера была призвана улучшить результаты их работы (Фаст 2009: 236). Религиозная обстановка изучалась членами комиссии с целью контроля над соблюдением законодательства о религиозных культурах. Большое внимание они уделяли изучению проповеднической деятельности служителей культа (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2284. Л. 37).

Значительное место в работе членов комиссии занимало выявление и предупреждение нарушений законодательства о религиозных культурах. Такие нарушения заканчивались предупреждениями или созданием актов, которые передавались в административную комиссию (НАРХ. Ф. Р-39. Исполнительный комитет Совета народных депутатов Хакасской автономной области Красноярского края. Оп. 1. Д. 2067. Л. 46).

К середине 1980-х в состав комиссий стали входить более компетентные и подготовленные специалисты (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 8). Основным направлением комиссии содействия в атеистической работе оставалась пропаганда атеистических и естественнонаучных знаний, современных праздников и обрядов.

Таким образом, комиссии содействия исполкомам контролировали соблюдение законодательства о культурах, следуя государственной политике в отношении религии. Они постоянно увеличивали контроль деятельности религиозных групп. Сведения, поступающие от комиссий содействия исполкомам в 1-й половине 80-х гг. XX в. продолжали оставаться одним из основных источников информации для формирования общей картины о соблюдении законодательства и религиозной ситуации в регионах СССР.

Литература:

Сосковец Л. И. Правовое положение религиозных организаций в Советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2003. № 1 (20). С. 310–321.

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2009. 356 с.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 51 с.

Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культах в Западной Сибири во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2019. Т. 19. № 2. С. 100–111.

Фаст А. А. Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. Документы и материалы. Барнаул: Алтай, 2009. 704 с.

Боронова Маргарита Максимовна
доктор исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
tboronova@yandex.ru

РЫНОЧНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: РЕАЛИИ И УРОКИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В статье рассматриваются последствия рыночной модернизации России за 30 лет постсоветской истории. Автор отмечает, что основным итогом рыночных реформ для экономики страны стала деиндустриализация, осуществленная на основе ошибочной стратегии перехода от планового хозяйства к рынку. На практике это привело к росту зависимости от импорта зарубежных товаров, особенно высокотехнологического производства, что делает внутренний рынок крайне уязвимым в условиях санкционного давления Запада. На примере промышленности Республики Бурятия показаны конкретные последствия деиндустриализации. В статье отмечается, что будущее России требует пересмотра парадигмы экономического развития, перехода к политике реиндустриализации, которая должна осуществляться при активном участии государства и отечественного бизнеса. С решением этой ключевой проблемы автор связывает возрождение всей экономики страны и обеспечение ее национальной безопасности в будущем.

Ключевые слова: индустрия, рынок, экономика, деиндустриализация, реиндустриализация, государство.

Boronova Margarita Maksimovna
Doctor of Sciences in History
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

MARKET MODERNIZATION OF THE POST-SOVIET DECADES: REALITIES AND LESSONS (BASED ON MATERIAL OF REPUBLIC OF BURYATIA)

The article reviews the consequences of Russia's market modernization over 30 years of post-Soviet history. The author notes that the main result of market reforms for the country's economy was deindustrialization, carried out on the basis of an erroneous strategy of transition from the planned economy to the market. In practice, it has led to an increase in dependence on imports of foreign goods, especially high-tech production, which makes the domestic market extremely vulnerable to Western sanctions pressure. The specific consequences of deindustrialization are shown on the example of the industry of the Buryat Republic. The article notes that the future of Russia requires a revision of the paradigm of economic development, the transition to a policy of reindustrialization, which should be carried out with the active participation of the state and domestic business. The author connects the revival of the entire economy of the country and ensuring its national security in the future with the solution of this key problem.

Keywords: industry, market, economy, deindustrialization, reindustrialization, state.

Рыночные трансформации постсоветского периода, насчитывающие уже более 30 лет, привели к весьма неоднозначным последствиям. С одной стороны, наиболее наглядным результатом шокового перехода к рыночным механизмам стала ликвидация товарного дефицита, являвшегося в свое время наиболее «узким» местом советской плановой экономики. Свобода предпринимательства привела к насыщению рынка товарами народного потребления по всей территории страны. Вместе с тем полноценного рыночного хозяйства за истекшие десятилетия так и не удалось создать. Более того, резко возросла зависимость страны от импорта зарубежных товаров, особенно высокотехнологического производства, что делает внутренний рынок крайне уязвимым в условиях санкционного давления Запада в

связи с украинским кризисом. В данной статье кратко остановимся на основных последствиях рыночных трансформаций последних 30 лет на материалах нашей республики.

Наиболее тяжелыми и разрушительными для всей постсоветской экономики были 1990-е годы. В истории они навсегда останутся «лихим» десятилетием хозяйственной разрухи, тотального развала и грабежа всего того, что было создано предшествующими поколениями. Реалии таковы, что надежды на создание рыночной экономики посредством «шоковой капитализации» довольно быстро рассеялись, и уже во второй половине 1990-х гг. стала очевидна их несостоятельность. Однако и в 2000-х, и в 2010-х гг. парадигма рыночных реформ, взятая за основу в начале 1990-х гг., не претерпела никаких существенных изменений. Приватизация бывшей госсобственности посредством акционирования и ваучеризации обернулась массовым банкротством предприятий и привела к разрушению производящего хозяйства в стране. Практика убедительно доказала правоту академика РАН Л. И. Абалкина, который в свое время выступал против «шоковой» политики, за поэтапный, постепенный переход к рынку (Рыжков 2016).

Как вспоминает бывший министр экономики Бурятии Н. И. Атанов, оставшиеся без госзаказа и централизованного материально-технического обеспечения местные производители обращались за поддержкой к правительству республики, однако оно не могло ничем помочь, так как федеральный закон гласил: «Государство, руки прочь от экономики!» (Информ Полис. 2016. 10 февр.).

В результате в Бурятии из 238 промышленных предприятий, представлявших 70 отраслей и подотраслей современной индустрии, «на плаву» с большими издержками остались лишь единицы (Халбаева 1999: 6). В числе тех, кто не пережил рыночных потрясений флагманы местной индустрии Улан-Удэнский судостроительный, стекольный заводы, Джидакомбинат, Забайкаллес, «Теплоприбор», «Электромашина», «Бурятферммаш», Тонкосуконный комбинат и многие другие. На сегодняшний день основными локомотивами местной промышленности остаются в основном предприятия ВПК, не прошедшие процедуру приватизации. Основным из них является Улан-Удэнский авиационный завод, выпускающий от 40% до 60% промышленной продукции республики. Предприятие обеспечивало и обеспечивает почти половину налоговых отчислений в местный бюджет (Информ Полис. 2014. 19 нояб.).

Сегодня в условиях резкого ухудшения международной обстановки и усиления конфронтации России со странами Запада актуализируется вопрос пересмотра стратегии и тактики рыночной модернизации российской экономики. Очевидно, что уроки 30-летней постсоветской истории демонстрируют ошибочность многих принятых решений по советам западных консультантов. Приватизация по Чубайсу обернулась деиндустриализацией страны и отбросила ее на десятилетия в прошлое. Ошибочной была и политика изоляции государства от реальной экономики, о чем говорят многие эксперты. Так, по мнению известного экономиста Н. П. Шмелева многие страны поднимали свое хозяйство при активном участии государства (Бурятия. 2002. 22 февр.). Примерами могут служить послевоенная Япония, Южная Корея, Сингапур, не говоря уже о Китае, добившиеся впечатляющих успехов. При этом их природно-ресурсная база либо существенно меньше российской, либо практически полностью отсутствует. Ученый также возражал против тотальной, необдуманной приватизации жизнеобеспечивающих отраслей экономики, гарантирующих национальную безопасность страны.

Сегодня Россия столкнулась с новыми внешними вызовами, представляющими экзистенциальную угрозу для ее будущего. Успешное противостояние этим угрозам во многом зависит от внутреннего состояния страны и, прежде, всего ее экономики, без которой невозможно повысить уровень жизни населения и решать многие другие задачи. Ключевым звеном в цепи экономических проблем должна стать реиндустриализация страны на современной технологической основе. Без решения этой задачи Россия не сможет обеспечить себе позиции одной из ведущих держав мира. Курс на реиндустриализацию требует изменения политической стратегии государства, его активного включения и непосредственного участия в экономических процессах. Как показала практика постсоветских десятилетий, Россия вряд ли дождется массового притока иностранного капитала. В силу разных внешних и внутренних причин иностранные инвесторы не готовы массово идти на российский рынок. Поэтому именно государство должно стать локомотивом нового экономического прорыва. При этом, безусловно, необходимо активно использовать разные формы государственного партнерства с собственно российским бизнесом, активы которого должны работать на интересы страны, а не храниться где-нибудь на Кипре и в других оффшорах. Необходимо создавать условия и находить разные формы заинтересованности отечественного бизнеса в развитии реальной экономики. Крупным ресурсом пополнения могут стать доходы тене-

вой экономики, легализация которых обеспечит госбюджет дополнительными источниками финансовых поступлений.

Хочется отметить, что при разработке новой стратегии экономического подъема России не обязательно «изобретать велосипед». Примером может служить опыт современного Китая, осуществившего настоящий прорыв в экономике и социальной сфере. Однако до сих пор этот опыт практически не изучен, очень мало аналитики в печатных изданиях, в том числе научных, ощущается дефицит квалифицированных специалистов, соответствующей литературы в переводах на русский язык и многое другое, что не позволяет всесторонне использовать этот опыт с учетом российской специфики. Между тем, по нашему мнению, это могло бы быть крайне полезным для России.

В результате должна сформироваться модель смешанной экономики с различными видами собственности. При этом экономическим «лицом» России будет не только сырьевой сектор и сельское хозяйство, но и продукция машиностроения, которое когда-то составляло костяк отечественной индустрии. Это позволит обеспечить реальный прорыв в экономике страны и создаст основу ее дальнейшего развития.

Для Республики Бурятия следует сосредоточить усилия на отдельных стратегических направлениях, которые станут структурообразующими для ее регионального хозяйства в среднесрочной и более отдаленной перспективе. Как отмечают специалисты, эти перспективные решения должны быть сфокусированы на тех секторах экономики, которые базируются на возобновляемых источниках и ресурсах. Это аграрный, лесной секторы, акваэкономика и туризм с использованием огромного потенциала природных лечебных источников. (Бурятия. 2015. 16 окт.). К ним, на наш взгляд, следует добавить уже существующий машиностроительный комплекс и традиционную тибетскую медицину, которые должны выйти на уровень современного производства товаров, препаратов и услуг с учетом новейших достижений техники и технологии.

Литература:

Академик Николай Шмелев. XXI в. для России нужен как время умеренного, трезвого изоляционизма // Бурятия. 2002. 22 февр.

Интервью Н. И. Рыжкова к 30-летию «Перестройки» новостному portalу // «Лента»: [веб-сайт]. URL: lenta.ru (дата обращения: 22.04.2016).

У спада промышленного производства объективные причины // Информ Полис. 2014. 19 нояб.

Сегодня большой дефицит здравого смысла // Информ Полис. 2016. 10 февр.

Стратегия-2030 – это повестка Республики Бурятия на весь XXI в. Будем ответственны за качество документа.

Халбаева М. М. Бурятия в 1960–1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. Улан-Удэ, 1999. 208 с.

*Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия
nataly.kuper@gmail.com*

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Изучение истории формирования и развития научно-образовательного потенциала регионов России является актуальной проблемой исследований. В региональных особенностях становления таких важных сфер социума, как наука и образование, отразились важнейшие направления государственной политики и деятельность Академии наук СССР / РАН по расширению и укреплению сети вузов и научно-исследовательских институтов, реализации крупных научно-технологических проектов. Современный научно-образовательный потенциал Республики Бурятия – результат усилий научного сообщества по его развитию в течение длительного исторического периода.

Ключевые слова: Республика Бурятия, научно-образовательный потенциал, академические институты, вузы.

*Kupershtokh Natalya Alexandrovna
Candidate of Sciences in History
Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia*

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BURYATIA: HISTORY AND CURRENT STATE

The study of the history of the formation and development of the scientific and educational potential of the regions of Russia is an urgent research problem. The regional features of the formation of such important areas of society as science and education reflected the most important directions of state policy and the activities of the Academy of Sciences of the USSR / RAS to expand and strengthen the network of universities and research institutes, the implementation of major scientific and technological projects. The modern scientific and educational potential of the Republic of Buryatia is the result of the efforts of the scientific community to develop it over a long historical period.

Keywords: The Republic of Buryatia, scientific and educational potential, academic institutions, universities.

Изучение истории формирования и развития научно-образовательного потенциала регионов России является актуальной проблемой исследований, поскольку вносит определенный вклад в представление о том, как в России формировались такие важные сферы социума, как наука и образование. Достижением историографии последних лет является четкое определение национальной инновационной системы (Унтура 2021: 54). НИИ и вузы являются неотъемлемым элементом этой системы с усложняющимися задачами деятельности в соответствии с трендами государственной политики. Понимание глубины и масштабов происходящих процессов является необходимой основой модернизации страны и выработки адекватной стратегии в сфере науки и образования (Ефимов, Лаптева 2010: 5), в том числе и на региональном уровне.

В третьем томе «Истории Бурятии» (2011) выявлены особенности становления и развития научно-образовательного потенциала в XX – начале XXI столетий. Анализ истории науки и образования Республики Бурятия дан в публикациях таких исследователей, как И. Х. Бальхаева, Л. Б. Иванова, С. В. Калмыков, Н. А. Куперштох и др. Тем не менее, проблема нуждается в дальнейшем изучении. В современный период изучение истории региональных научно-образовательных комплексов актуализи-

ровано разработкой стратегий развития субъектов РФ и приоритетных направлений региональной научно-технологической политики.

В ходе исследования установлено, что научно-образовательный потенциал Бурятии прошел длительный путь развития. Со второй половины XIX столетия в Бурятии начался процесс становления светского образования и науки. Носителями демократических идей в развитии культуры Бурятии явились просветители в лице последователей декабристов, ученых-востоковедов и формирующейся национальной интеллигенции (Иванова 2021: 29). С образованием Бурят-Монгольской АССР (1923) системную работу по изучению республики развернули Ученый комитет и Научное общество, которые взаимодействовали с академическими и отраслевыми экспедициями. Коллективными усилиями культурного сообщества Бурятии были подготовлены условия для открытия первых НИИ и вузов: с 1929 г. стал действовать Государственный институт культуры, реорганизованный в 1936 г. в Бурят-Монгольский институт языка, литературы, истории; с 1932 г. – Бурят-Монгольский агропединститут (История Бурятии 2011: 159–160, 162).

Сеть научно-образовательных учреждений Бурятии особенно активно формировалась во второй половине XX в. Важный этап в развитии академической науки в республике начался с организации Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР (1958), ставшего своеобразным инкубатором для целого ряда институтов, объединенных в Бурятский филиал СО АН (Куперштох 2017: 222). Со временем группа академических институтов Бурятии оформилась в Бурятский научный центр СО АН СССР (1988), а с появлением первого классического университета в Улан-Удэ (1995) и других вузов возникли предпосылки для деятельности научно-образовательного кластера.

Каков научно-образовательный потенциал республики в современный период? Высшая школа в Республике Бурятия представлена четырьмя вузами: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления; Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова; Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова; Восточно-Сибирский государственный институт культуры и искусств. Программы высшего образования реализуют филиалы других вузов: Иркутского государственного университета путей сообщения (Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта); Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Бурятский институт инфокоммуникаций).

Подготовка кадров в вузах Бурятии осуществляется в соответствии с учетом потребностей в специалистах с высшим образованием как для Республики Бурятия, так и для соседних регионов. Эксперты констатируют, что в настоящее время отмечается диспропорция потребностей в специалистах: так, среди абитуриентов высок спрос на специальности гуманитарно-экономического профиля, тогда как востребованы выпускники вузов инженерно-технического профиля (Стратегия 2019: 38).

Фундаментальную науку республики представляют учреждения, в названии которых сохранилось словосочетание «Сибирское отделение РАН», хотя на самом деле они уже находятся в составе Министерства науки и высшего образования РФ (Куперштох 2020: 64). Это Бурятский научный центр, сохранивший в своем составе несколько научно-исследовательских подразделений: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии; Институт физического материаловедения; Геологический институт; Байкальский институт природопользования; Институт общей и экспериментальной биологии; Бурятский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (последний вошел в группу академических институтов СО РАН после реформы РАН 2013 г.). Исследования в научных учреждениях проводятся в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований РФ на долгосрочный период, приоритетными направлениями Стратегии научно-технологического развития РФ, по программам РАН и грантам научных фондов. Наряду с фундаментальными изысканиями, изучаются природная территория республики и ее ресурсный потенциал, а также проблемы культуры, истории и экономики.

В настоящее время научный потенциал региона выступает как один из основных ресурсов диверсифицированного экономического роста. Поэтому Стратегия развития республики содержит пункт о поддержке научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития, способствующих решению актуальных для республики задач (Стратегия 2019: 40).

Этим целям полностью соответствует проект НОЦ «Байкал», который стал победителем в конкурсе проектов на создание научно-образовательных центров мирового уровня (2021). Проект подготовлен научным сообществом Республики Бурятия и Иркутской области при активной поддержке властных

структур, его участниками являются вузы и НИИ двух субъектов РФ. Основные направления проекта сформулированы следующим образом: переработка промышленных отходов; углубленная переработка возобновляемого сырья; экобиотехнологии и фармацевтика. Понятно, что такие сложные комплексные задачи можно решить только в тесной кооперации ученых и специалистов из различных сфер научного знания. Предполагается, что создание межрегионального научно-образовательного центра «Байкал» позволит объединить ресурсы науки, высшего образования и бизнеса для обеспечения точек роста экономики двух регионов, которые исторически тесно связаны между собой – Республики Бурятия и Иркутской области.

Таким образом, научно-образовательный потенциал Республики Бурятия, пройдя длительный исторический путь своего развития – от единичных научных ячеек до комплексного научно-образовательного центра, в настоящее время представляет собой сообщество ученых, способных решать самые актуальные задачи в интересах развития фундаментальной науки, подготовки квалифицированных специалистов, реализации современных научно-технологических проектов.

Литература:

Ефимов В. С., Лаптева А. В. Высшее образование в России: вызовы XXI века // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 4. С. 6–17.

Иванова Л. Б. История формирования основ высшего образования в Бурятии // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 27–34.

История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.

Куперштох Н. А. Бурятский научный центр в системе научных центров Сибирского отделения РАН // Мир Центральной Азии–IV: сб. науч. ст. / под ред. Б. В. Базарова. Иркутск: Отгиск, 2017. С. 222–225.

Куперштох Н. А. Реформа РАН 2013 г. и ее последствия для региональных научных центров (на примере Сибирского отделения РАН) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 54–68.

Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 г. Улан-Удэ, 2019.

Унтура Г. А. Интеграция науки и образования в университетах регионов: многоканальное финансирование и различные модели организации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 54. С. 53–92.

Аюшиева Ирина Гармаевна
кандидат исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
aig1973@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОНГОЛИИ (XX – НАЧАЛО XXI вв.)

В статье рассматривается эволюция стратегии национальной безопасности Монголии в социалистический и постсоциалистический период, плюсы и минусы современного понимания национальной безопасности, выразившегося в многоопорной внешнеполитической концепции. За 100 лет своей независимости Монголия в понимании своей национальной безопасности прошла путь от военно-политического союза с СССР до стремления превратиться в нейтральную страну.

Ключевые слова: Монголия, малые страны, национальная безопасность, внешняя политика.

Aiushieva Irina Garmaevna
Candidate of Sciences in History
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

EVOLUTION OF MONGOLIA'S NATIONAL SECURITY STRATEGY (XX – BEGINNING XXI CENTURIES)

The author examines the evolution of Mongolia's national security strategy in the socialist and post-socialist period, advantages and disadvantages of the modern understanding of national security, expressed in a multi-pillar foreign policy concept. During its hundred years of independence, Mongolia's concept of national security has evolved from a military and political alliance with the USSR to a desire to become a neutral country.

Keywords: Mongolia, small countries, national security, foreign policy.

Для малых стран, к каковым безусловно можно отнести Монголию, существует несколько путей обеспечения своей национальной безопасности. Во-первых, это обеспечение безопасности через военно-политический союз с сильным государством. Во-вторых, обеспечение безопасности с опорой на геополитически активное государство-лидера или группу таких государств. И, наконец, обеспечение безопасности через политику нейтралитета. За 100 лет своей независимости Монголия испробовала практически все эти возможные стратегии.

Начало монгольской государственности в XX в. было положено при активном участии сначала Российской империи, а затем Советской России. Провозглашение автономии при поддержке Российской империи, затем революция 1921 г. и активное в ней участие Советской России предопределили внешнеполитический вектор Монгольской Народной Республики. Понимая, что Китай был и остается угрозой для независимости Монголии, молодое монгольское государство сделало ставку на военно-политический союз с СССР. «Оборона Монголии социалистического периода была полностью увязана с советско-монгольским военно-политическим союзом» (Родионов 2013: 137).

Союзнические отношения были оформлены протоколом о взаимной помощи между СССР и МНР от 1936 г., в соответствии с которым в Монголии были развернуты части Красной Армии. В 1946 г. в связи с истечением срока действия протокола был подписан Договор о дружбе и взаимной помощи сроком на 10 лет. Он содержит те же обязательства, что и протокол 1936 г. В дальнейшем договор был пролонгирован на следующий десятилетний срок, а в 1966 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи сроком на 20 лет. Таким образом Монголия реализовала первую из возможных стратегий обеспечения своей безопасности, блокируясь с сильным государством. Советский Союз выступал гарантом суверенитета и безопасности Монголии.

Распад СССР и социалистического блока поставил Монголию перед выбором новой стратегии обеспечения безопасности. В начале 1990-х гг. Монголия, приняв новую конституцию, разрабатывает Концепцию внешней политики и Концепцию национальной безопасности, причем вторая пережила две редакции 1994 и 2010 гг. Новая внешнеполитическая стратегия получила название многоопорной и предполагала добрососедские отношения с Россией и Китаем, а также выстраивание отношений с коллективным «третьим соседом». Формула «30–30–40» определяла соотношение этого взаимодействия (Родионов 2013: 138). В рамках новой стратегии Монголия отказалась от вступления в военно-политические блоки и конституционно запретила размещать на своей территории иностранные военные базы. Так Монголия стала реализовывать второй вариант стратегии – с опорой на целую группу государств в различных сферах взаимодействия от военной и культурной. В такой многоопорной системе гарантом безопасности выступает баланс внешних сил и умение малого государства выстраивать отношения со всеми заинтересованными сторонами. И Монголия вполне успешно справлялась с поставленными задачами, по крайней мере серьезных угроз ее безопасности в 1990-е – начале 2000-х гг. не наблюдалось.

Наконец в 2015 г. Монголия устами своего президента Ц. Элбэгдоржа с трибуны Генассамблеи ООН провозгласила свой постоянный нейтралитет, сделав выбор в пользу еще одной стратегии обеспечения национальной безопасности. Однако государству недостаточно просто провозгласить себя нейтральным, необходимо соответствовать общепринятым требованиям. В международных отношениях под «постоянным нейтралитетом» подразумевается нейтралитет не только в период войны, но и в мирное время. При этом государство берет на себя целый ряд обязательств, как то: отказ от участия в войнах и военных конфликтах, отказ от предоставления своей территории для иностранных военных баз, запрет на транзит иностранных войск через свою территорию, отказ от ядерного оружия, от участия в экономических бойкотах и блокадах. Этим требованиям Монголия вполне соответствует, они прописаны в ее конституции и ряде специальных законов.

Однако, помимо этого, постоянно нейтральное государство должно обладать достаточно развитой экономикой и финансовой системой, способной обеспечить этому государству самостоятельное развитие, экономический суверенитет и обороноспособность. Иными словами, нейтральное государство не должно быть зависимо от зарубежной финансовой и экономической помощи, от поставок иностранных вооружений и военной техники (Самойленко). Как раз с этой стороны требований для нейтрального государства у Монголии есть определенные проблемы. И сможет ли Монголия им соответствовать и превратиться в «азиатскую Швейцарию» покажет только время.

Литература:

Родионов В. А. Национальная безопасность Монголии в контексте ее отношений с Россией // Власть, 2013. № 2. С. 137–140.

Самойленко В. В. Нейтралитет: актуальная потребность или рудимент прошлого? [Электронный ресурс] // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/neutralitet-aktualnaya-potrebnost-ili-rudiment-proshlogo/> (дата обращения: 20.03.2022).

РАЗДЕЛ 6
ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI: 10.53954/9785604788981_281

Нанзатов Баир Зориктоевич
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
nanzatov@yandex.ru

Тишин Владимир Владимирович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
tihij-511@mail.ru

ОБ ОДНОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ МИФЕ: БАЙЫРКУ И БАРГУ

В докладе предлагается специально обратиться к вопросу об укрепившемся в историографии отождествлению исторических сообществ, известных в разные эпохи под наименованиями *байырку* / *байарку* и *баргу*, основанном на сопоставлении ареалов их обитания и формальном созвучии самих этнонимов. Авторы показывают, что в пользу такого отождествления не существует ни исторических, ни лингвистических оснований. Главными доводами являются, во-первых, косвенно отмеченное источниками перемещение основного ареала активности носителей этнонима *байырку* / *байарку* в Восточный Туркестан, видимо, во второй половине VIII в., где они фиксируются, по меньшей мере, до X в., во-вторых, невозможность, с фонетической точки зрения, изменения формы *bajirqu* ~ *bajarqu* в *barqu* ~ *baryu*.

Ключевые слова: этноним, этническая история, Прибайкалье, Центральная Азия, историография.

Nanzatov Bair Zoriktoevich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Tishin Vladimir Vladimirovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

ON THE ONE HISTORIOGRAPHICAL: BAYĪRQU AND BARĜU

It is proposed in the paper to specifically consider the historiographical point on the identification of known in different periods historical communities had the names of *Bayirqu* ~ *Bayarqu* and *Barqu*, that based on a comparison of their habitation territory and the being only imaginary consonance of their ethnonyms. The authors show that there are neither historical nor linguistic arguments for such identification. The main arguments are as follows. Firstly, it was indirectly attested by written sources the movement of the main area of activity of the carriers of the ethnonym *Bayirqu* ~ *Bayarqu* to Eastern Turkestan, apparently in the second half of the 8th century A.D., where they had been recorded at least until the 10th century A.D. Secondly, it is impossible phonetically the transformation the form *Bayirqu* ~ *Bayarqu* into *Barqu* ~ *Barqu*.

Keywords: ethnonym, ethnic history, Baikal region, Central Asia, historiography.

В настоящее время фактически как в научных, так и в научно-популярных и справочных изданиях, прямо или опосредованно касающихся вопросов этнической истории Центральной Азии, Прибайкалья или бурятского народа, можно встретить декларативно преподносимую мысль о преемственности исторических сообществ, известных под названиями *байырку* / *байарку* и *баргу*, даже встречается утверждение о фонетической трансформации первого из упомянутых названий во второе. Будучи опосредованно высказанной на рубеже XIX–XX вв., эта точка зрения стала хрестоматийной и длительное время, вплоть до начала XXI в., почти не подвергалась никакой критике (за редкими исключениями, какими являются, например, работы А. К. Камалова и Б. З. Нанзатова (Kamalov 2001; Нанзатов 2002: 24; Нанзатов 2005: 20).

Изучение письменных источников и более внимательное отношение к лингвистическим вопросам позволяет не только поставить под сомнение, но и опровергнуть такой сложившийся взгляд на соотношение как обоих этнонимов, так и известных под ними исторических сообществ, признав его несостоятельным (Нанзатов, Тишин 2020).

Итак, доводов в пользу сложившегося соотношения двух этнонимов и, соответственно, связанных с ними, исторических сообществ два. Исторический состоит в возможности сопоставления географических ареалов, с которыми, следуя источникам, связывается территория проживания в VII–VIII вв. *байырку* / *байарку* и позже, по крайней мере, с XII в. *баргу*. Лингвистическая аргументация сводится к формальному сопоставлению обоих этнонимов, обнаруживающих внешнюю похожесть.

Контраргументы состоят в следующем. Исторический довод против соотношения двух сообществ может базироваться на сведениях, которые, как указал уже А. К. Камалов (Kamalov 2001), по крайней мере в VIII–X вв., связывают историю *байырку* / *байарку* с территорией Восточного Туркестана. Это, во-первых, тибетский документ № 1283 из коллекции П. Пельо; во-вторых, рукописный документ из Мирана из коллекции А. Стейна М. I. xxxii, 006 (Ог. 8212/76), выполненный на бумаге древнетюркским руническим письмом, не датированный, но, вероятно, не ранее IX в.; хотано-сакские документы – документ № 2471 из коллекции П. Пельо и так называемый «свиток Сталя-Гольштейна», датированный ок. 925 г. (см.: Нанзатов, Тишин 2020: 170–171). Ни в каких источниках *байырку* / *байарку* в связи с территорией Прибайкалья или хотя бы Монголии после середины VIII в. не упоминаются. Китайские династийные истории «Цзю у дай ши» 舊五代史 (Старая (официальная) история (периода) Пяти династий, цз. 25) и «Синь у дай ши» 新五代史 (Новая (официальная) история (периода) Пяти династий, цз. 4) приводят генеалогические сведения о возведении к *байырку* / *байарку* происхождения основателя династии Поздняя Тан в Китае (923–937), принадлежавшего к западно-тюркскому племени *ша-то* 沙陀. Несмотря на дискуссионность этих сведений, заслуживает внимание косвенное указание на связь *байырку* / *байарку* с Восточным Туркестаном.

Наименование *баргу* (bārgw) наиболее рано появляется в сочинении на персидском языке, известном как «Та'рих-и Мубāрак шāх» (История Мубāрак шāха), составленном в 1206 г., среди перечня тюркских племен (хотя, безусловно, не все из них являются тюркскими с точки зрения лингвистической идентификации) (Ta'rikh-i Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh 1927: 47 (л. 30b); Умняков 1938: 114–115). Ретроспективно упоминания этнонима *баргу* к началу XIII в. и уже в связи с территорией Прибайкалья и Монголии появляются в несколько более поздних источниках в монголизированных вариантах: «Тайной истории монголов» (§ 239, стк. 14b: *ба-эр-хунь* 巴兒渾 < **barqu/n*), в «Джāми ат-таварйх» (Сборник летописей) Рашйд ад-Дйна (среди прочих также в форме множ. ч. *баргут*) (Rashīd al-Dīn, 1373/1994, p. 2819 (Index)), в «Юань ши» 元史 («(Официальная) история (династии) Юань»), в транскрипции *ба-ла-ху* 八剌忽 (Histoire des campagnes... 1951: 289).

Лингвистический аргумент, препятствующий сопоставлению этнонимов *байырку* / *байарку* и *баргу*, состоит в следующем. Во-первых, форма *bajirqu* ~ *bajarqu*, как она зарегистрирована в древнетюркских памятниках и как реконструируется на основе записей в текстах на других языках, ни по каким фонетическим законам совершенно не может превратиться в *barqu* ~ *barqu* (см.: Нанзатов, Тишин 2020: 175–176). Во-вторых, для каждого из этих этнонимов может быть предложена собственная (хотя в разной степени надежная) этимология (см.: Нанзатов, Тишин 2020: 173–175, 176–182).

Исходя из совокупности исторических сведений и лингвистических данных, гипотезу, приобретающую статус аксиомы, о родстве этнонимов *байырку* / *байарку* и *баргу* как и об исторической преемственно-

сти известных под ними сообществ следует признать несостоятельной, основанной только на формальном созвучии гетерогенных слов и случайном сопоставлении территорий обитания этих сообществ.

Литература:

Нанзатов Б. З. Этническая история западных бурят (VI–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 190 с.

Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: Изд-во «Радиян», 2005. 160 с.

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. *Байырку* и *баргу*: конец одного мифа // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–189.

Умняков И. И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. № 1(2). С. 108–115.

Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E.J. Brill, 1951. Т. I. XXVII. 485 p.

Kamalov A. Some remarks on tribal attribution of the Turkic (Uighur) medieval archeological monuments of Zabaikal'ye in Siberia // Circle of Inner Asian Art, Newsletter of the Department of Art and Archeology, School of Oriental and African Studies University of London. 2001. Iss. 13. P. 16–19.

Rashīd al-Dīn Faḏl-āllāh Hamedānī. Jāmī al-Tawārīkh / publ. and comment. by Moḥammad Roshan, Mostafa Mousavi. Tehrān: Nashr āl-barz, 1373/1994. Vol. 1–4. 2977 p., 86 pl. (на перс. яз.).

Ta'rikh-i Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh, being the historical introduction to the book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh Marvar-rūdi completed in A.D. 1206 / Ed. from a unique Manuscript by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic society, 1927. XX, 84 p. (на перс. яз.).

Зориктуев Булат Раднаевич
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
enhe_z@mail.ru

ОТ БУРУЧКОМА ДО ИМБТ СО РАН: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ И БУРЯТ¹

Изложены итоги изучения наиболее важных проблем этнической истории монголов и бурят с начала XX в. до настоящего времени. Раскрыт вопрос о местонахождении первоначальной родины монголов Эргунэ-кун, который по своей научной значимости и масштабности является одним из ключевых в мировом монголоведении, выяснено время возникновения этнического наименования *монгол*, определена его семантика. Осуществлена этимологизация имени *бурят*, выявлен его архетип, установлено смысловое значение, что не удавалось предыдущим поколениям ученых. На этой основе с высокой степенью достоверности реконструирован процесс образования бурятской народности.

Ключевые слова: имя *монгол*, прародина Эргунэ-кун, северо-восточный Китай, степные монголы, самоназвание *бурят*, район Байкала.

Zoriktuev Bulat Radnaevich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

FROM BURUCHKOM TO IMBTS SB RAS: SOME RESULTS OF THE STUDY OF ETHNIC HISTORY OF MONGOLS AND BURYATS

The results of the study of the most important problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats from the beginning of the 20th century to the present are outlined. The question of the location of the original homeland of the Mongols Ergune-kun, which is one of the key in world Mongolian studies in terms of its scientific significance and scale, is revealed, the time of the origin of the ethnic name Mongol is clarified, its semantics is determined. The Buryat name is etymologized, its archetype is revealed, the semantic meaning is established, which was not possible for previous generations of scientists. On this basis, the process of formation of the Buryat people was reconstructed with a high degree of reliability.

Keywords: name Mongol, ancestral home of Ergune-kun, northeastern China, steppe Mongols, Buryat self-name, Baikal region.

Крупнейшим достижением в области изучения этнической истории монголов является определение местонахождения их первоначальной родины Эргунэ-кун. По источникам, она находилась на южном берегу Аргуни, исконное название которой Эргунэ (Рашид ад-дин 1952а: 153–154; Цзю Тан шу 1959: цз. 199, с. 5356). В 2004–2006 гг. объединенным отрядом ИМБТ, Института истории АН Монголии и Историко-краеведческого музея городского округа Хулун-Буир АРВМ КНР было проведено подробное обследование правобережья Аргуни. В ходе работы установлена местность, которая по устройству поверхности, топонимии, наличию археологических памятников и другим параметрам полностью соответствует описанию Эргунэ-куна в «Сборнике летописей». Инициатором и руководителем экспедиции был автор настоящей статьи.

Правый берег нижнего течения Аргуни называется Шивэй. Здесь на гребне невысокой горы сохранились остатки средневекового поселения, выполнявшего функцию наблюдательного пункта. Поселе-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

ние находилось между двумя высокими плато с располагавшимися на них городищами, соединяя их в единый комплекс. Одно плато находится на Аргуни, несколько ниже наблюдательного пункта по течению реки, другое – выше по Аргуни, в устье стекающего с Большого Хингана Цзилюхэ, главного притока Аргуни.

Проведенная в 1991 г. китайскими археологами разведка всех трех памятников при помощи шурфов дала совершенно одинаковый материал (фрагменты керамики, изделий из кости и др.), что говорит о том, что на плато обитали представители одной этнической группы. Этот материал идентичен артефактам, найденным в 1980-х гг. при раскопках двух могильников в местностях Баян-Узур и Шара-Тал на равнинной части Хулун-Буира вблизи г. Хайлара. Так как выявленные захоронения специалистами были определены как раннемонгольские, датируемых концом VII в. н. э., то справедливо выдвинутое ими предположение, что поселение и городища на Аргуни и в устье Цзилюхэ принадлежали этим же монголам (Чжао Юэ 2003: 58–62).

Словом *кун* средневековые монголы обозначали одиночные горы с крутыми склонами. О том, как они выглядели, дает представление описание горы Наху-кун, на которой Чингис-хан блокировал противостоявших ему найманов. «Так как была ночная пора и войско Таян-хана было разбито, – сообщает Рашид ад-дин, – а войско Чингиз-хана преследовало его, беглецы <...> бросились в трудно проходимые горы. Ночью многие из войска найманов соскальзывали, скатывались, низвергались вниз с крутых гор и трудно доступного косогора, название которого Наку-кун, и погибали» (Рашид ад-дин, 1952б, с. 148).

Такими же отдельными возвышенностями с крутыми склонами являются плато на Аргуни и в устье Цзилюхэ. Поскольку они назывались *кун*, то данное слово вместе с гидронимом *Эргунэ* составляло единый топоним *Эргунэ-кун*, который вошел в сочинение Рашид ад-дина. Это означает, что местность на правом берегу Аргуни, где работала трехсторонняя международная экспедиция, является тем самым Эргунэ-куном, где в начале второй половины I тыс. н. э. укрылись предки монголов.

Приток Аргуни Цзилюхэ до переименования китайцами назывался *Мангу*. Это тунгусское слово, имеющее то же значение, что и его китайская калька *Цзилюхэ*, – ‘быстрая река’. Наличие р. Мангу на правой стороне Аргуни является еще одним свидетельством обитания там ранних монголов. Так как в низовье Мангу жил вождь складывавшегося монгольского этноса, название этой реки было положено в основу имени *монгол*. Это доказывается архетипом данного этнонима, в монгольском тексте «Тайной истории монголов» переданного в форме *mangqol*. В живом монгольском языке данное слово несомненно произносилось *tangyol*, которое после XIII в. приняло современную форму *tongyol*. Поэтому архетипом имени *монгол* целесообразно считать слово *tangyol*. Оно состоит из корня *манго*, соотносимого с названием притока Аргуни р. Мангу, и суффикса множественности *-л*, обозначающего групповую совокупность людей. В сумме обе части дают значение ‘те, которые живут на реке Мангу’.

Анализ выявленного на Аргуни материала позволяет заключить, что после разгрома в середине VI в. тюрками каганата монголоязычных жужаней остатки последних ушли на р. Эргунэ и укрылись в местности Эргунэ-кун, внедрившись в среду шивэйских племен и получив от них имя *мангол*. Выход монголов из Эргунэ-куна относится к концу VII в. Первые их роды, как показывает анализ родословной Чингис-хана, появились у истока Онона в начале IX в. (Зориктуев 2011: 47–57).

Важнейшим итогом изучения этнической истории бурят является точная этимологизация их самоназвания, выявление его архетипа и семантики. С давних пор степные монголы называли живших по Ангаре и Верхней Лене булагатов, эхиритов и примкнувших к ним хонгодоров *бураад* (в русском написании *бурат*), что значит «лесные». Форма *бурат* является архетипом этнонима *бурят*, его существование доказывается большим числом письменных источников (Witsen 1785: 103).

Ориентиром для определения времени образования наименования *бурат* служит сочинение «Маджму ат-таварих». Оно показывает, что если в XVI в. вошедшая в состав узбеков группа предбайкальцев называлась *бурат*, то тогда возникновение этого имени ориентировочно можно отнести к рубежу XV–XVI вв. (Султанов 1977: 165).

Имя *бурат* сохранялось западнее Байкала почти до середины XVIII в. Но в начале этого века в регионе устойчиво функционировало новое имя *бурайд* [buræ:d] (в русском написании *бурэт*). Об этом свидетельствуют труды участников двух экспедиций Академии наук по Сибири. Ими указано, что самоназвание братских – *Burätten* (Gmelin 1751: 396).

В дальнейшем в Предбайкалье форма *бурэт* изменению не подверглась, что свидетельствовало о завершении консолидационных процессов в регионе. Однако они, успев набрать большой инерционный

ход, в начале XVIII в. выплеснулись в Забайкалье. Установление в 1727 г. русско-китайской границы привело к тому, что в орбиту объединительных процессов, вслед за хоринцами, вошли жившие по Селенге многочисленные монгольские роды. Это привело к тому, что в 30-х гг. XVIII в. на всей территории к западу и востоку от Байкала установилось имя *бурэт* (Georgi 1775: 58).

Опираясь на сообщение И. Георги, можно было бы предположить, что в 70-х гг. XVIII в. сложилась новая народность. Однако имя *бурэт* претерпело в Забайкалье дальнейшую эволюцию. Начиная с 40-х гг. XVIII в. оно у селенгинских монголов приобрело общеизвестную ныне форму *буряад* (в русском написании *бурят*), которой до этого у Байкала никогда не существовало. Наиболее ранним источником, в котором монголы называют себя *бурийад*, т.е. бурятами, является памятник их обычного права, датированный 1775 г. (Институт восточных рукописей РАН (ИВР). Н 1. Л. 18).

В 80-х гг. XVIII в. тенденция смены *бурэт* формой *бурят* приняла в Забайкалье необратимый характер. Об этом свидетельствуют три документа, датированных 1788, 1789 и 1800 гг., в которых хоринцы и селенгинцы именованы *бурятами* (ИВР. MsG84. Л. 5–8; Государственный архив Забайкальского края. Ф. 70. Ед. хр. 2. Д. 2. Л. 50, 201–202; Цибилов 1992: 124 (монг. текст)). Этот факт свидетельствовал о том, что к 80-м гг. XVIII в. консолидационные процессы за Байкалом, как ранее в Предбайкалье, получили завершение. Имя *бурят*, с самого своего возникновения получившее статус официального наименования складывавшегося этноса, скрепило воедино обе его части. Образовалась бурятская народность, обладавшая всеми характерными для данного типа этнической общности признаками.

Литература:

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Издат. фирма «Вост. литература» РАН, 2011. 278 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей: т. 1, кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952а. 221 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей: т. 1, кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952б. 315 с.

Султанов Т. И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 165–176.

Цибилов Б. Д. Обычное право хоринских бурят. Новосибирск: Наука, 1992. 311 с.

Лю Сюй. Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959. 5356 с.

Чжао Юэ. Кай у со тан (Сокровенный разговор). Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2003. 296 с.

Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Th. 3. Guttingen, 1751. 584 s.

Witsen N. Noord en Oost Tartaryen. Amsterdam, 1785. Deel. 1–2. 504, 464 p.

Гомбоев Баир Цыремпилович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
barguten@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ БАРГУТОВ КИТАЯ И МОНГОЛИИ: ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются религиозные верования и ритуальные практики баргутов, имеющих, в свою очередь, три локальные характеристики: а) почитание сакральных мест на исторической прародине в этнической Бурятии (Ольхон, Баргузин) на фоне бурятских и эвенкийских традиционных верований; б) в Хулун-Буирском аймаке в местах компактного проживания (Аймагийн обоо, Богдо-уул) на фоне дагурских, эвенкийских, монгольских, китайских, бурятских традиционных ритуалов; в) в Восточной Монголии (Цагаан Чулуутай обоо, Дэлгэр мүнхэ обоо) на фоне почитания общемонгольских обрядовых практик.

Ключевые слова: Баргуты Китая и Монголии, буддизм, шаманизм, этнокультурная идентичность.

Gomboev Bair Tsyrempilovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

RELIGIOUS BELIEFS OF THE BARGUTS OF CHINA AND MONGOLIA: ISSUES OF ETHNOCULTURAL IDENTITY

The paper deals with religious beliefs and ritual practices of the Barguts, which in turn have three local characteristics: a) veneration of sacred places on the historical ancestral homeland in ethnic Buryatia (Olkhon, Barguzin) against the background of Buryat and Evenki traditional beliefs; b) in the Khulun-Buir aimak in places of compact residence (Aimagiin oboo, Bogdo-uul) against the background of Dagur, Evenki, Mongolian, Chinese, Buryat traditional rituals; c) in Eastern Mongolia (Tsagaan Chuluutai oboo, Delger munkhe oboo) against the background of veneration of all-Mongolian ritual practices.

Keywords: Barguts of China and Mongolia, Buddhism, shamanism, ethnocultural identity.

Введение. В начале III тыс. н.э., по признанию И. Б. Малыгиной, человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров и, осознавая, переживая свою принадлежность к пересекающимся макрогрупповым множествам, становится носителем сложной, множественной идентичности (Малыгина 2005).

Религиозные верования баргутов Китая и Монголии занимают особое место в мировом этнокультурном пространстве монгольских народов, будучи связанными как с древними традиционными религиозными практиками до XVI в. (шаманизм), так и более поздней религиозной конфессией, которая получила распространение во внешней и внутренней Монголии после XVI в. (буддизм, махаяна). Религиозные верования как органический компонент духовной культуры баргутов, считающиеся одними из самых консервативных сторон жизни, на сегодня претерпевают едва заметные трансформации, упрощения обрядовой практики, замещения отдельными локальными буддийскими практиками. Тем не менее, традиционные религиозные верования, касающиеся обрядов жизненного цикла, календарно-праздничных и промыслово-хозяйственных ритуалов, а также поклонения небу и земле, домашнему очагу, святым местам и природным священным объектам, показывают относительную живучесть и высокую адаптивную способность в преодолении жизненных препятствий, решения как семейно-родственных, так и административно-территориальных вопросов экономического и хозяйственного циклов.

Традиционные религиозные верования занимают одну из самых консервативных, за исключением похоронной обрядности, форм сохранения и формирования этнокультурной идентичности. Н. Р. Красовская выделяет три основных критерия этнокультурной идентичности: территориальный, культурный и языковой. Современная культура характеризуется тем, что, с одной стороны, стираются различия между этносами, между индивидами, что приводит к возникновению кризиса идентичности, а с другой – наблюдается и процесс сохранения, и более того – рост этнического самосознания в связи с социальными трансформациями, что является основой формирования этнокультурной идентичности (Красовская 2020: 76).

При подготовке статьи мы опирались на следующие работы (Нимаев 1998; Малыгина 2005; Абаева 2012; Зориктуев 2012; Мягмарсамбуу 2018, Красовская 2020, Очиров 2021). Одной из самых последних фундаментальных работ является коллективная монография о баргутах Китая (Зориктуев и др. 2021), основанная на полевых материалах трехлетней этнографической экспедиции (2015–2017 гг.).

Историко-культурная специфика. Сложная этническая история баргутов, в частности, старых баргутов, несет глубокий отпечаток в истории становления этноса в контексте истории Центральной Азии. В культурном пространстве своего бытия монгольская метаэтническая общность, как правило, сакрализовала многие существовавшие вокруг ландшафтные и природные объекты – горы, озера, реки, деревья и т.д. К сакральным символам они относили также и небесную сферу, почитая Солнце, Луну, звезды, созвездия, небесные светила, Полярную звезду (*Алтан гадас*), Большую и Малую Медведицу (*Долоон Убгэн*), Млечный путь, Плеяды (*Мичид*), Венеру (*Цолмон*) (Абаева 2012: 472).

Традиционные верования монголов подразделяются не только на шаманизм (*бөөгийн шажин*), буддизм (*бурхан шажин*), но и представлены культом Чингисхана. Наряду с этим, у баргутов существуют локальные обрядовые особенности. Например, баргуты Китая на деревянный поднос складывали в один ряд ребра и берцовую кость, затем поверх клали лопатку, на которую устанавливали голову (Зориктуев и др. 2021: 129), а у баргутов Восточной Монголии (Гурбан Загал сомон) в ритуальном блюде обязательно должен быть бараний крестец (Гомбоев 2020: 102).

Вопросы этнокультурной идентичности баргутов в призме традиционных религиозных верований следует рассматривать в контексте общемонгольской культуры (Абаева 2012: 471). Отметим, что историческая прародина Баргуджин-токум, особенно остров Ольхон и Баргузинская долина, Хулун-Буирский аймак АРВМ Китая как современная территория компактного проживания старых и новых баргутов, отдельные ареалы проживания северо-востока Китая, Восточной и Центральной Монголии как периферийные зоны взаимосвязаны в исторических, этнокультурных, в частности, языковых аспектах. Язык старых баргутов имеет фонетические особенности, схожие с говорами кударинских (кабанских), баргузинских бурят: *загуун* ‘рыба’, *гутуун* ‘обувь’. По мнению Л. Б. Бадмаевой, параллели в языке баргутов и бурят показывают, что данные языки сформировались в рамках одной языковой баргутской общности, изначально на территории Прибайкалья (Бадмаева 2012: 162).

Заключение. В данной работе проанализированы некоторые аспекты этнической и национальной форм этнокультурной идентичности. Историко-культурная специфика баргутских этнических групп изначально исходит от общей этнической истории и становления монгольских, тунгусо-маньчжурских этносов. Традиционные религиозные верования баргутов во многом схожи с монгольской обрядовой культурой и подразделяются на шаманскую и буддийскую составляющие. Исключение составляет культ Чингисхана, распространенный на всей территории метаэтнической общности. Вслед за Б. Р. Зориктуевым (Зориктуев 2012: 31) отметим, что в приоритете до сих остаются составляющие неповторимую особенность монгольской ментальности – почитание Вечного Синего Неба, предков и родного кочевья, соблюдение законов родства и дружбы, забота о чистоте и сохранности окружающей природы, поддержание домашнего очага и добрых человеческих отношений.

Литература:

Абаева Л. Л. Мировые религии и локальные культы в локусе Центральной Азии // Мир Центральной Азии–3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Отгис, 2012. С. 469–473.

Бадмаева Л. Б. О баргу-бурятской языковой общности // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 155–162.

Гомбоев Б. Ц. Баргутские обоо в Восточной Монголии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 95–109.

Зориктуев Б. Р. Баргуты Китая / Б. Р. Зориктуев, Е. В. Сундуева, Д. М. Маншеев, С. Б. Болхосоев, Н. Н. Николаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. 282 с.

Зориктуев Б. Р. Монгольский суперэтнос в XIII в. // Мир Центральной Азии–3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. С. 29–31.

Красовская Н. Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. № 3. С. 75–81.

Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика: дисс. ... д. филос. наук. Москва. 2005. 305 с.

Нимаев Д. Д. Барга и баргуты // Цыбиковские чтения–7: материалы науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1998. С. 44–45.

Очиров Ц.С. Религиозные представления национальных меньшинств Хулун-Буира // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 302–305.

Мягмарсамбуу Т. Г. Баргын угсаатны зүй. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2018. 308 х.

Миягашева Суржана Борисовна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
surjana.miyagasheva@imbt.ru

ЭПИДЕМИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ¹

Статья посвящена изучению представлений об эпидемических заболеваниях у монгольских народов в XIX – первой половине XX в. Источниковую базу составили этнографические материалы и публикации авторов, содержащие ценные сведения по инфекционным заболеваниям у монголов и методам их лечения посредством народно-бытовой и тибетской медицины. Установлено, что у монгольских народов сложились определенные представления о природе инфекционных заболеваний и их происхождении, причинно-следственные связи которых описаны в мифологической форме. Эмпирическим путем, благодаря наблюдательности кочевников, у монголов сформировались вполне рациональные представления о природе происхождения тяжелых заболеваний, и были выработаны основные правила карантинных мероприятий.

Ключевые слова: инфекционные заболевания, народно-бытовая медицина, тибетская медицина, духи-хозяева болезней.

Miyagasheva Surzhana Borisovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

EPIDEMIC DISEASES IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE MONGOLIAN PEOPLES

The article is devoted to the study of ideas about epidemic diseases among the Mongolian peoples in the XIX – first half of the XX centuries. The source base consisted of ethnographic materials and publications of authors containing valuable information on infectious diseases among the Mongols and methods of their treatment through folk and Tibetan medicine. It is established that the mythological description of diseases reflects the real cause-and-effect relationships of the occurrence of epidemics. It is determined that due to the observation of nomads, the Mongols empirically formed quite rational ideas about the nature of the origin of severe diseases, and the basic rules of quarantine measures were developed.

Keywords: infectious diseases, folk medicine, Tibetan medicine, spirits of diseases.

У монгольских народов эпидемические заболевания обозначаются терминами монг. *тахал*, *цар тахал*, *хижиг*, бур. *тахал*, *хэжэг*. В XIX в. монгольским народам были известны такие сложные инфекционные заболевания, как оспа, сибирская язва, чума, бешенство, дизентерия, тиф, туберкулез, проказа, эпидемии которых периодически вспыхивали в монгольских степях и уносили множество жизней (Содномпилова 2019: 29).

Одним из наиболее опасных эпидемических заболеваний являлась чума. Согласно верованиям бурят, чуму вызывал дух-хозяин этой болезни, представлявший чудовищем Мила, имевшим на голове бесчисленное, как звезды, количество глаз, который вместе со своими дочерьми, свирепствовал, насылая чумную заразу (Нацов 1995: 90).

Кроме влияния сверхъестественных сил появление данного смертоносного заболевания связывалось с заражением от сурков тарбаганов, поэтому монголы называли ее тарбаганьей болезнью *тарваган та-*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-18-00031.

хал. Эмчи-ламы называли ее *нян хара убучин* (досл. ‘черная вирусная болезнь’), где семантика черного цвета связана с тем, что тела умерших от чумной бактерии быстро чернели. Также тибетские лекари называли чуму «червячковая черная болезнь», так как считалось, что особые червячки обитают в норах грызунов и на корневищах растения *хун-убусун* (букв. ‘человек-трава’), которым питались тарбаганы и сурки, и, заболев, передавали заразу людям (Скородумов 1926: 112).

Знания монгольских народов о роли тарбагана в качестве возбудителя чумы отражены в легенде, повествующей о том, что он являлся ловким стрелком, который за свою дерзость перед творцом был превращен в зверька, и пообещавшим, что его черная стрела (чума) будет убивать дерзких нарушителей его покоя (Там же). Также в народном фольклоре монголов существует множество мистифицированных представлений о том, что человек может заразиться чумой, если увидит своими глазами тарбагана, съевшего ядовитую траву, либо через свою тень, упавшую на больного тарбагана, и даже через его запах. Араты считали, что достаточно прикоснуться к больному тарбагану палкой или даже взглянуть на него, чтобы заразиться смертельной болезнью (Ибрагимов, Дэмбэрэл 1977: 230). Интересно отметить аналогичные представления в тибетских медицинских трактатах, где упоминается, что заражение чумным вирусом может произойти в случае, если ненароком услышать голос больного тарбагана («Онцар гадон дэр дзод» 1989: 72). Подобные традиционные представления о тарбагане и его норе как хранителя чумного вируса в природе вполне четко отражают природу появления данной смертоносной инфекции и находят подтверждение в научных данных по эпидемиологии чумы (Скородумов 1926: 113).

Часто монгольские кочевники страдали от эпидемий сибирской язвы *боомо*. Сибирская язва является особо опасной инфекционной болезнью, которой люди заражались, употребляя в пищу мясо больных сельскохозяйственных или диких животных. В Монголии очаги карбункула вспыхивали в результате бескормицы и эпизоотий. Монгольские араты расценивали гибель скота как неизбежное зло и кару небожителей. Например, у бурят божеством, насылающим на домашний скот сибирскую язву, считался Болот Сагаан нойон, или Бомон-хара тэнгри / Боомо тэнгэри, один из сорока четырех враждебных людям восточных тэнгриев (Манжигеев 1978: 23; Содномпилова 2019: 36).

Предбайкальские буряты верили, что *боомо* представляет собой большой каток всевозможных гадов, который бежит по росе, заражает траву, а от травы заражается скот (Жамцарано 2001: 64). Подобные мифологические верования имели под собой практическое основание, так как резервуаром возбудителя сибирской язвы служит почва, в которой при благоприятных условиях может происходить вегетация возбудителя данного заболевания путем разноса спор (Бадмаева 2017: 139).

Следующей болезнью, входившей в число наиболее хорошо известных монгольским кочевникам эпидемических заболеваний, являлась оспа. Учитывая, что она распространялась молниеносно, со скоростью ветра, мгновенно унося жизни людей, монголы называли ее *салхни цэцэг* ‘ветренная оспа’. Также в монгольском языке известны разные названия оспы – *цэцэг өвчин* ‘цветочная болезнь’, *боддоо*, *цагаан бурхан*, *эширгэнэ*, *хахай*.

В мировоззрении предбайкальских бурят божеством, посылающим эту смертельную болезнь, считался Нурэгэй бурхан, а в представлениях восточных бурят ее насылало божество Белый старец (Содномпилова 2019: 39). Буряты верили, что духи болезни насылали оспу в целях получения подати *албан* душами людей. Считалось, что во время эпидемии по улусам разъезжают маленькие люди, «тело их величиной с локоть, а лошади их величиной с зайца», которые собирали эту подать для духов-хозяев оспы, тем самым сеяли и распространяли болезнь (Хангалов 2021: 425).

Монгольские народы четко осознавали, что оспа настолько заразна, что человек мог подхватить инфекцию, войдя в помещение, где до него находился больной, поэтому наиболее распространенной практикой являлось избегание контакта с зараженными. Во время эпидемии оспы монголы удалялись в самые густые леса, чтобы их не мог найти «демон воспы» (Тибетская медицина 2008: 14).

Схожие меры предупреждения эпидемии соблюдали при вспышке тифа (монг. *хижиг өвчин*, бур. *Халуун үбшэн*). У бурят появление в улусе тифа, также как и оспы, означало, что прибыли эжины-хозяева этой болезни и требуют повинность душами людей. По словам шаманов, эти духи приезжают на повозках и останавливаются в доме, где есть больной тифом, они могут переселяться и в другие дома и распространять там болезни. Поэтому для пресечения такого нежелательного визита следовало принять меры: прекратить общение с домом, где находится больной, не брать из этого дома себе что-либо съедобное. Подобные меры безопасности являлись главными правилами избегания контакта с инфекционными пациентами во время эпидемии. Кроме строгой изоляции во время вспышки оспы и тифа необхо-

димо было соблюдать полную тишину и порядок во всем улусе, не говорить громко между собой, в особенности петь песни, нельзя приглашать шамана для совершения шаманского обряда, так как считалось, что шум, звуки, даже запахи могут привлечь туда эжинов тифа и навлечь эпидемию (Баторов 1979: 38).

Подобные мировоззренческие установки представляли собой основные меры предосторожности для избегания заражения эпидемическими заболеваниями. В целом, монгольские народы знали причины и способы распространения заразных болезней, что отражается в мифологическом аспекте традиционного мировоззрения.

Литература:

Бадмаева О. Б. Сибирская язва в Республике Бурятия и Монголии // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 6 (152). С. 138–144.

Баторов П. П. Материалы по народной медицине аларских бурят // Краеведение Бурятии. Улан-Удэ, 1979. С. 33–41.

Ибрагимов М. А., Дэмбэрэл Б. Очерки по истории развития здравоохранения Монгольской Народной Республики. М.: Медицина, 1977. 264 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.

Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.

«Онцаргадондэрдзод» – тибетский медицинский трактат / под ред. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1989. 161 с.

Скородумов А. М. Чума в Забайкалье и легенды о тарбагане // Жизнь Бурятии. Верхнеудинск, 1926. Вып. 4–6. С. 111–113.

Содномпилова М. М. Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М.: Наука. Вост. Лит., 2019. 206 с.

Тибетская медицина у бурят / ред. О. Д. Цыренжапова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 323 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 568 с.

Мурзакметов Абдымиталип Камытович
 кандидат исторических наук
 Ошский государственный университет
 Ош, Кыргызстан
 suzak65@mail.ru

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ БУРЯТ И КЫРГЫЗОВ

Всем известно, что рождение детей и их достойное воспитание являются одной из важнейших обязанностей любого сознательного общества. В связи с этим целый пласт обрядовой культуры связан с рождением, развитием и воспитанием ребенка. Изучая обряды, корни которых исходят из глубоких древних пластов духовной истории народа, мы получаем возможность для более объективного исследования жизни, быта, мировосприятия, сущности философско-религиозных понятий наших предков и современников. Автор статьи выявляет общие черты родильной обрядности у бурят и кыргызов.

Ключевые слова: буряты, кыргызы, ребенок, обряды, обычаи, поверья.

Murzakmetov Abdymitalip Kamytovich
 Candidate of Sciences in History
 Osh State University
 Osh, Kyrgyz Republic

BIRTHING RITES OF THE BURYATS AND KYRGYZ

The birth of children and their upbringing is one of the most important responsibility of any conscious society. Rituals accompanied a person from the moment of birth into the world, turning into an integral part of the worldview and life skills of each individual. The study of the history, traditional culture of the people, its ethnogenetic, ethnocultural relationship with kindred and other peoples is becoming one of the urgent tasks. In this article, the author concentrating on identifying the common features of maternity rituals among the Buryats and Kirghiz.

Keywords: Buryats, Kirghiz, child, rituals, customs, beliefs.

Хотя у каждого народа имеются свои представления о богатстве и ценностях, наверное, для всех дети считаются одной из главных ценностей, потому что ребенок – это будущее семьи, продолжатель рода, знак того, что человек прожил не зря на свете. «Идеология патриархального общества включает в себя требование, чтобы мужчина был не только богат скотом, но и богат детьми, особенно сыновьями. Идеалом семьи в таком обществе становится семья, имеющая многочисленное потомство. В этих условиях остающийся бездетным считает себя самым несчастным человеком» (Абрамзон, 1990: 277).

Такое естественное желание присуще и бурятам. Как единодушно отмечают дореволюционные исследователи Бурятии, «все помыслы бурят сосредоточены на надежде иметь детей», «их заветная мечта – окружить себя потомством», «бурят ничего так не желает, как иметь детей» и т.д. Родителям, имеющим много детей, оказывали почет и уважение. Если человек умирал бездетным, то говорили: «Огонь его потух». Самая страшная клятва заключалась в словах: «Пусть потухнет мой очаг!» (Басаева, 1974: 28–29). Тексты отдельных бурятских благопожеланий (*юрөөл*) во время свадебных обычаев гласят:

Газар хадарха гахайтай болооройт, Пусть у вас будет свинья, что роет землю,

Гагариндли хубүүтэй болооройт. Пусть у вас родится сын, как Гагарин.

Это благопожелание генетически восходит к традиционному благопожеланию, известному в народе в таком звучании:

Газар хадарха гахайтай болооройт, Пусть у вас будет свинья и роет землю,

Галабта дуулдаха хубүүтэй болооройт. Пусть у вас родится сын, что прославится на весь мир.

Фактический смысл этого благопожелания в новой интерпретации не подвергся существенному изменению. И в том, и в другом варианте содержится пожелание людям иметь прославленного, известного везде и всюду сына (Бардаханова 1981: 35). Образцы таких современных благопожеланий (*бата*) встречаются и в кыргызском фольклоре: *Бул балага Брежневдин кашын, Лениндин башын, Кожомкулдун билегин, Гагариндин жүрөгүн берсин* ‘Пусть бог даст этому ребенку брови Брежнева, голову (ум) Ленина, силу Кожомкула, сердце Гагарина’ (ПМА).

Согласно традиционным представлениям бурят, рождение человека и животных зависит от наличия жизненной силы (*һүлдэ* или *сүлдэ*). С просьбой даровать чадородие обращались к огню как к семейно-родовому гению-хранителю. При бездетности проводилось специальное моление огню. Существовало поверье, что после принесение жертвы огню обязательно родится ребенок (Галданова 1987: 43). Аналогичный обряд встречается и у кыргызов. «Бесплодие у киргизок в некоторых случаях пытались объяснить тем, что женщина однажды осквернила очаг свекра или непочтительно обошлась с самим свекром. В таких случаях кыргызы верили, что только специальный обряд поклонения к домашнему очагу может избавить женщину от этой участи» (Баялиева 1972: 17).

У бурят роды проходили обычно с помощью повивальной бабки. Ею могла быть только старая женщина (*үтэлһэн изы*), потерявшая способность к деторождению. Женщине же сравнительно молодой считалось неприличным быть повитухой. Потому и называли повитуху *төөдэй* ‘бабушка’. Перерезать пуповину и запеленать ребенка помогал муж. Однако чаще муж отсутствовал, так как собирались родственницы и соседки, исключительно замужние женщины (Басаева 1974: 31–32). У кыргызов роды *төрөт* проходили обычно в юрте. С приближением схваток *толгоо* все должны были покинуть жилище, оставались только несколько опытных многодетных женщин. У некоторых групп кыргызов во время родов присутствовал муж роженицы, при непредвиденных сложностях он мог помочь, кроме того, его присутствие отпугивало *албарсты* (женских демонических существ), от которых периодически страдала роженица (Кочкунов, Мурзакметов 2016: 325).

Появление ребенка всегда связано с тревогой родных за жизнь и судьбу новорожденного, с опасениями за его здоровье. «Первоначальным в комплексе магических обрядов и церемоний был обряд *тоонтолхо* – захоронение последа. По поверьям бурят, захоронение последа повсеместно имело важное значение для жизни ребенка. Уже будучи взрослым человеком, он посещал место захоронения последа (*тоонто газар*), чтобы причаститься к особой силе *тоонто*. Иногда, если в семье часто умирали дети, послед отдавали собаке. Считалось, что после того, как собака съест весь послед, он будет скрыт от злых духов, и жизнь ребенка будет сохранена (Басаева 1974: 33). Можно сказать, что обряд захоронения последа был обязательным ритуалом для тюрко-монгольских народов.

У кыргызов послед ребенка (*тон*) наряду с пуповиной считался важнейшей частью новорожденного. Повитуха (*аначы*), которая находилась рядом с роженицей и младенцем, в течение двух-трех дней внимательно следила за выпадением и последующими действиями по отношению к последу. Послед ребенка заворачивали в чистую тряпку или кошму и зарывали в землю так, чтобы собаки не достали (Абрамзон 1949: 101; Кочкунов 2013: 85). В некоторых случаях послед могли также отдать собакам. Это было связано с поверьем, что в данном случае ребенок будет живучим и у него будет многочисленное потомство, как у собаки (Мурзакметов 2005: 22).

Большое значение кыргызы придавали наречению именем (*ат коюу*). Имя давали только мужчины. Выбор имени зависел от места, времени, обстоятельства, особых примет на теле ребенка, от расположения звезд на небе, он мог быть связан со знаменательным событием, с приездом гостей. Если в семье часто умирали дети, новорожденному давали имя, способствующее сохранению его жизни (Кочкунов, Мурзакметов 2016: 329). Эти поверья также определяли смысл имени, которым называли младенца. Кыргызы давали своим детям «звериные» имена *Арстан* ‘лев’, *Жолборс* ‘тигр’, «птичьи» имена *Бүркүт* ‘беркут’ и пр., а такие неблагозвучные имена, как *Сасык* ‘вонючий’, *Бокбасар* ‘наступающий на фекалии’, *Тезекчи* ‘кизячник’ должны были охранять ребенка от сглаза, а также отвращать злые силы.

В родословной бурят очень много имен, восходящих к названиям диких и домашних животных (*Булган* ‘соболь’, *Шоно* ‘волк’, *Буха* ‘бык’), а также птиц (*Бургэд* ‘орел’), рыб (*Сордон* ‘щука’) и т.д. Происхождение подобных имен объясняется зооморфными представлениями древних народов, в данном случае монгольских племен (Алдарова 1989: 86–87). В семьях, где часто умирали дети, заведомо нарекали ребенка именем неблагозвучным, такими как *Тэнэг* ‘глупый’, *Муу Изы* ‘плохая баба’, чтобы таким образом отвлечь от него злых духов.

У кыргызов на пятый-седьмой день, а если имелась готовая старая колыбель, то на второй или третий, ребенка клали в колыбель. В этот день устраивалось особое угощение *бешик той* 'колыбельный пир', приглашались гости. Укладывание ребенка в колыбель сопровождалось особым ритуалом (Абрамзон 1990: 281). Бабушки и женщины, прожившие долгую жизнь, родившие и вырастившие благополучно много детей, окуривали можжевельником люльку снаружи и изнутри. Из-за того, что горный можжевельник живет несколько тысяч лет и имеет вечно зеленый цвет, люльки из древесины арчи ценились высоко, поскольку с ней связана мечта родителей о долголетию и крепком здоровье своих детей.

У бурят также к такому обряду готовилась колыбель-люлька, которая пользовалась особым почитанием и отношением к которой было весьма суеверным. Любая колыбель, старая или новая, перед обрядом первого пеленания ребенка в колыбели «очищалась» огнем и окуривалась дымом священных растений. Огонь и дым должны были очистить колыбель от нечистой силы (Басаева 1974: 35–37).

Резюмируя вышесказанное, можно с уверенностью отметить множество параллелей в родильной обрядности кыргызов и бурят. Сопоставление этих материалов выявляет много общего, указывающего на этнические и культурные общности предков данных народов.

Литература:

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.

Абрамзон С. М. Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаев и обрядов тьянь-шанских киргизов) // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XII. М.; Л.: Наука, 1949. С. 78–138.

Алдарова Н. Б. Буряты / Системы личных имен у народов мира. М.: Главная редакция вост. лит. изд-ва «Наука», 1989. С. 85–88.

Басаева К. Д. Традиционные обычаи и обряды западных бурят, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка / Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ: Бурят. филиал СО АН СССР, 1974. С. 28–43.

Бардаханова С. С. Малые жанры бурятского фольклора / Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: Калм. НИИ ИФЭ. БИОН БФ СО АН СССР, 1981. С. 27–40.

Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 170 с.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.

Кочкунов А. Этнические традиции кыргызского народа (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса). Бишкек, 2013. 320 с.

Кочкунов А. С., Мурзакметов А. К. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей / Кыргызы. М.: Наука, 2016. С. 322–334. (серия «Народы и культуры»).

Мурзакметов А. Кыргызские обряды. Ош, 2005. 108 с.

*Андреянова Елена Леонидовна
кандидат экономических наук
Иркутский научный центр СО РАН
Иркутск, Россия
elena_andreyanova@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ И ЭТНИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ ПРИБАЙКАЛЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В работе рассматривается трансформация занятости бурят в XIX – начале XX в. под влиянием этнического управления, закрепленного в «Уставе об управлении инородцев» М. М. Сперанского. Использование, кроме архивных материалов, личных исторических записок значительно дополняет существующие знания об изменении экономической сферы и управления бурят Прибайкалья в XIX – начале XX вв. Основные выводы работы сводятся к пониманию тесной взаимосвязи закрепленных положений этнического управления и трудовой деятельности коренных народов Сибири. В частности, трансформация этнического управления и занятости бурят Прибайкалья в указанный период проявилась в распространении земледелия и в закреплении земельного вопроса среди «инородцев», предпринимательских навыков, внедрении принципа выборности в систему местного самоуправления, экономической и социальной дифференциации.

Ключевые слова: этническое управление, этническая занятость, буряты, трансформация занятости, «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского.

*Andreyanova Elena Leonidovna
Candidate of Sciences in Economics
Irkutsk Scientific Center
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Irkutsk, Russia*

TRANSFORMATION OF EMPLOYMENT AND ETHNIC GOVERNANCE OF THE BAIKAL REGION BURYATS IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The paper examines the transformation of Buryat employment in the 19th and early 20th centuries. The “Charter on the management of foreigners” by Governor M. M. Speransky approved ethnic control over the indigenous peoples of Siberia in 1822. The article used personal historical notes of a local resident-local historian of the early 20th century. They made it possible to supplement the existing knowledge about the change in ethnic employment and management of the Buryats of the Baikal region in the 19th – early 20th centuries. The main conclusions of the work are reduced to an understanding of the close relationship between the fixed principles of ethnic management and the labor activity of the indigenous peoples of Siberia.

Keywords: ethnic management, ethnic employment, Buryats, «Charter on the management of foreigners» M. M. Speransky.

*К 100-летию Шарахерского булучного совета
(администрация МО «Гаханское»)*

В России 2022 г. знаменуется крупными юбилеями в научной среде и национально-государственном управлении. Одной из таких дат является 200-летие «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского, который заложил основы этнического принципа государственного регулирования в хозяйственной сфере, определил первые официальные органы местного управления на территории Сибири. В соответствии с ними региональная система управления состояла из многочисленных родовых управлений, инородных управ и высшей ступени – Степных дум. Как отмечают многие отечественные исследователи, таким способом российская империя стремилась постепенно интегрировать сибирских инородцев в

общероссийский механизм административной, экономической и правовой системы, сочетая нормы обычного права и канву российского законодательства.

Большую роль в становлении и развитии регионального источниковедения и темы этнического управления сибирских народов внесли такие ученые, как Л. М. Дамешек, Л. В. Курас, Б. Ц. Жалсанова, Ц. П. Ванчикова, Н. П. Матханова и др. Они отмечают, что необходимо целостное исследование системы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Использование авторами архивных материалов региона дало мощный импульс к изучению данной темы в разных плоскостях научных направлений, в том числе к ретроспективному анализу трансформации занятости коренных народов в связи с введением новых принципов регионального управления.

Одним из интересных ретроспективных методов исследования этнической занятости и ее трансформации является использование личных записок и наблюдений краеведов. В данной работе используются записи местного труженика, знатока легенд и родословных Петра Петровича Петрова. Он пишет о себе: «Родился я в сентябре 1892 года в улусе Гаханы Олзоновского рода Верхнекудинского ведомства Верхленского уезда Иркутской губернии в семье Даглаева Пихусая вторым ребенком» (Афиногорова 2021: 6). Сохранились его карандашные записи на листочках, датированные 1920-ми гг. Введение такого материала в научный оборот представляется ценным не только в целях сохранения культурного и национального наследия народов России, но и более разностороннего историко-экономического исследования трудовой деятельности этносов и ее трансформации.

Мы согласны с мнением А. М. Курьшова, что при смене внешних условий система традиционного хозяйства также изменяется, эволюционирует (Курьшов 2020: 115). Так, одним из крупных нововведений в рассматриваемый период явился «Устав об управлении инородцев» (1822 г.). Он изменил региональную систему управления, закрепил вопросы землепользования и выплаты ясака местным населением, что не могло не сказаться на системе занятости. Многими исследователями отмечается, что ясачная политика государства, распространенная в Сибири и на Дальнем Востоке, привела к изменению видов и характера деятельности местных народов. Свидетели так описывают этот процесс: «Буряты в большинстве кочевали. Полтора-два года назад занимались исключительно скотоводством и охотой из лука на дичь» (Афиногорова 2021: 91). Со временем «все больше стал востребованным пушной промысел. Охотились на зверя разными петлями и с луками, стреляли очень метко, лучше, чем потом из ружья. Убивали только на пропитание. После появления русских купцов, появились ружья – кремневки, пошла азартная охота на пушнину разного рода» (Там же: 85). «Пашнями в старину буряты не занимались, занимались скотоводством и давали на пропитание вместо хлеба мясо. Пашней стали заниматься после переселения русских народов, взяв пример у них. Понемногу стали пахать примерно с 1800 годов, в тяжелых гористых местностях» (Там же: 84).

Во второй половине XIX в. в социально-экономической жизни народов Сибири происходили общие процессы, связанные с разложением натурального хозяйства и развитием буржуазного уклада, которые были вызваны как эволюционным развитием народов, так и влиянием извне. Они стали основой для развития предпринимательства и торговли в национальной среде. Как отмечается в исторических записках, «развивалась торговля, по деревням ездили спекулянты. Осенью из Монголии пригоняли в Иркутск лошадей табунами и овец тысячами. Продавали монголоков за 12–25 рублей, баран 2–2,5 рубля. Большую часть скупали те же спекулянты, осенью продавали овцу по 5 руб. за голову. На месте в Монголии, говорили, овца стоила 50–75 копеек. Закончив страду, наш Эхирит-Булагат начинал ездить в город с сеном на базар без перерыва, редко кто возил муку и овес. Везде, повсюду была продажа-обмен. Кого надували, кто наживался» (Афиногорова 2021: 88). Развитие индивидуализма в экономической сфере привело к тому, что стала явно проявляться социально-экономическая дифференциация населения. «В каждом большом улусе население по имущественному признаку делилось следующим образом: богачи 1–2 %, зажиточные 5–10%, середняков 30–40% и батраки и бедняки 40–50%» (Там же: 83). Как мы видим, большая часть местного населения в данный период была бедна, тем не менее ценились конкретные навыки, оплата квалифицированного труда могла в пять раз превышать оплату труда чернорабочего.

Рассмотрев некоторые аспекты трансформации занятости бурят в XIX–XX вв. можно определить, что коренным народам присуща особенность хозяйственной деятельности, которая может быть выражена понятием «этническая занятость». Под ней автор понимает исторически сложившуюся своеобразную форму социально-экономических отношений, сформировавшихся на территории традиционного

проживания коренных народов и базирующихся на их традиционных основах хозяйствования, семейно-родственных отношениях, этнопсихологическом факторе и менталитете, проявляющихся в процессе трудовой деятельности (Трофимов, Андреева 2009).

Можно сделать вывод, что основные черты трансформации сферы занятости в рассматриваемый период выразились в хозяйственной ориентации с промыслового характера охоты на пушную торговлю, в социальной дифференциации местного населения, развитии торговли. В соответствии с Уставом появляются принцип коллегиальности и выборные должности, которые легли в основу современной системы местного самоуправления. Позже, в начале XX в. под влиянием геополитического фактора начались унификация системы управления коренным населением, стирание этнического фактора в экономической деятельности.

Литература:

Афиногенова О. И. Родословные легенды и предания моего рода. Материалы на русском и бурятском языках: ист. очерк. Иркутск: Типография «Форвард», 2021. 256 с.

Ванчикова Ц. П., Матханова Н. П. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в. в документах Государственного архива Республики Бурятия // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 4. С. 115–117.

Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2020. 740 с.

Жалсанова Б. Ц., Дамешек Л. М. Региональное источниковедение в современном сибиреведении (на материалах этнической истории бурят эпохи империи): к 70-летию профессора Л. В. Кураса // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 1 (41). С. 61–72.

Курышов А. М. К вопросу о предпосылках трансформации системы традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья в XVII – XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2020. С. 113–126.

Трофимов Е. А., Андреева Е. Л. Региональная этническая занятость. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 188 с.

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
zhambalovas@yandex.ru

УСТНЫЕ ИСТОРИИ РУССКИХ МОНГОЛИИ

В статье, базирующейся на литературных и электронных источниках, раскрывается значимость устных историй, нарративов как достоверных источников в публикациях исследователей Бурятии и Забайкалья о локальной истории русских Монголии. Проведен обзор публикаций этнологов С. Г. Жамбаловой, О. В. Бураевой и Д. Наранцэцэг, культуролога Д. Б. Сундуевой, политолога А. В. Михалева. Выявлено, что устные истории, записанные этнологами, представляют либо личные воспоминания о жизни в Монголии как об Эдеме, либо родословные, историю семьи и личные воспоминания. Д. Б. Сундуева, опираясь на нарративы, опубликовала историю и «жизненный мир» русской общины Монголии. А. В. Михалев, исследующий коммеморативную политику в отношении русских Монголии, на основе устных историй сформировал представление о проблеме, ее границах и хронологии. Значимость представленных устных историй как источников обусловлена искусством интервьюирования исследователей, знающих объект и предмет обсуждения, а также личностью респондента.

Ключевые слова: русские Монголии, устная история, источник, этнология, культурология, политология.

Zhambalova Sesegma Gendanovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

ORAL HISTORIES OF RUSSIAN MONGOLIA

The article is based on literary and electronic sources and reveals the significance of oral histories, narratives as reliable sources in the publications of researchers from Buryatia and Transbaikalia about the local history of Russians in Mongolia and represents the review of publications of ethnologists S. G. Zhambalova, O. V. Buraeva and D. Narantsetseg, culturologist D. B. Sundueva, political scientist A. V. Mikhalev. The article has revealed that the oral histories recorded by ethnologists represent, in one case, personal memories of life in Mongolia as of Eden, and in the other case, it is a genealogy, a family history and personal memories. D. B. Sundueva, relying on narratives, has published the history and “life world” of the Russian community in Mongolia. A. V. Mikhalev, who studies the commemorative policy towards Russians in Mongolia, has formed the problem, its boundaries and chronology on the basis of oral histories. The significance of the presented oral histories as sources is due to the researchers’ art of interviewing as they know the object and the subject of the discussion, as well as the personalities of the respondents.

Keywords: Russian Mongolians, oral history, source, ethnology, cultural studies, political science.

Актуальность статьи обусловлена развитием в России устной истории (oral history). Это метод исторического исследования, связанный с социальным и с академическим заказом: историография пересмотрела объект исследования—вместо фактов им стал человек во всех его проявлениях. Устная история, развитая в западных странах с середины XX в., в России в 1990-х – 2000-х гг. остается новаторским направлением (Ростовцев 2018: 522, 524, 526). Устные истории фиксируют субъективные воспоминания, личные переработки пережитого, толкование исторических процессов вместе с биографическими конструкциями и жизненными путями (Рождественская 2012: 48). Они – перспективные источники при изучении населенного пункта и локальной истории, поэтому в XXI в. направление получает развитие в Бурятии и Забайкалье при изучении русских Монголии. Этнографическая группа русских Монголии,

называемая с определенных пор «местнорусскими» для отличия от прикомандированных в страну советских специалистов, включает в себя потомков забайкальских казаков, старообрядцев, а также людей, бежавших от тотальной коллективизации, и других.

В статье проведен обзор публикаций С. Г. Жамбаловой (Жамбалова 2009), Д. Б. Сундуевой (Сундуева 2014), А. В. Михалева (Михалев 2015), О. В. Бураевой и Д. Наранцэцэг (Бураева, Наранцэцэг 2019). Ее цель – раскрыть значимость устных историй, нарративов как источников. Статья базируется на литературных и электронных источниках.

При сборе устных историй специалистами разных профилей имеется специфика. У этнографов доминирует антропологическое содержание исторической памяти, хранящейся в двух видах: «life story» респондентов, полученные путем опроса и фиксации нарратива, а также мифологизированные предания, семейные легенды и были (Щеглова 2017). Две устные истории, записанные этнологами, представляют оба вида жанра. Первая – это личные воспоминания о жизни в Монголии как об Эдеме, наполненные эпизодами повседневной жизни села этнографического характера (Жамбалова 2009). Вторая – родословная, история семьи и личные воспоминания информанта (Бураева, Наранцэцэг 2019).

В статье С. Г. Жамбаловой опубликовано интервью А. М. Черниговской (Куренкова), русской, семейской, проживающей в с. Оймур, родившейся в 1926 г. в МНР в с. Хондон. Личная история содержит информацию о материальной и духовной жизни семейских в с. Хондон в 1930-е гг., куда переехали родители информанта в 1914 г. из Окино-Ключей Бичурского р-на. Здесь сведения о материальной и духовной культуре семейской семьи и русского села, где проживали старообрядцы и русские старожилы, казаки, дружеских взаимовыгодных контактах семейских с монголами и их взаимоотношениях со старожилыми, а также исторические сведения о репрессии, о возвращении и жизни в СССР.

О. В. Бураева и Д. Наранцэцэг ввели в научный оборот устную историю о судьбах русских Монголии, рассказанную в 2019 г. в г. Улан-Батор «местнорусским» А. И. Масловым, 1953 г.р. Она базируется на материалах родословной по материнской и отцовской линии, ранее собранной информантом из семейных легенд и былей. Они перемежаются с личными воспоминаниями рассказчика. Она охватывает период с конца XIX в. до 1960-х гг., наполненный важными историческими событиями. Представленная история семьи выявляет новые нюансы в известных исторических событиях, конкретизирует их.

Устные истории позволили этнологам ввести в научный оборот ценные источниковые материалы о повседневной жизни русских Монголии. Субъективные воспоминания респондентов о пережитом явились важным ресурсом при изучении истории русских в Монголии. В устных историях имеются конкретные сведения, обладающие новизной, по материальной и духовной культуре русских Сибири, оказавшихся в пределах Монголии.

В круг научных интересов доктора культурологии Д. Б. Сундуевой входят культурная антропология, культурная идентичность малых этнических групп трансграничья. Опираясь на нарративы, собранные ею в г. Улан-Батор у «местнорусских», потомков русских старожилых Забайкалья, в 2011–2014 гг., она опубликовала историю и «жизненный мир» русской общины Монголии, среди 50 респондентов люди разных поколений, мужчины и женщины, гражданами РФ являлись 88%, Монголии – 12% (Сундуева 2014: 102). В публикацию включено 15 нарративов, охватывающих большой диахронический срез: они собраны у людей, родившихся, длительно или постоянно проживающих в Монголии. Каждый нарратив сопровождается историческим комментарием исследователя, воссоздающий историю русской общины в Монголии. Исследователь сумела задать респондентам канву вопросов, содержащих в себе индикаторы их социокультурных координат (Сундуева 2014: 101). Подход позволил ей описать современные мировоззренческие параметры данной группы и получить важные научные результаты.

Анализ собранных нарративов позволил Д. Б. Сундуевой исследовать «жизненный мир» русской общины Монголии. Она выявила, что «местнорусские» Монголии «сохраняют элементы традиционного хозяйствования и мироустройства, позиционируют билингвизм при сохранении русского родного языка с элементами консервации русских старожильческих говоров, православную религию ..., сохраняют память об источниках происхождения: территориальную, сословную ... идентификацию» (Сундуева 2014: 110).

Политолог А. В. Михалев, изучавший различные аспекты истории «местнорусских» в Монголии, в том числе коммеморативную политику в отношении русских Монголии, в рассматриваемой статье использует наряду с другими источниками материалы устной истории. Их сбор был начат в 2006 г. К 2015 г. было записано 47 интервью с «местнорусскими» и советскими специалистами, работавшими в

Монголии. Направленность и акценты интервью разных людей были каждый раз новые, но, как отмечает исследователь, «во всех присутствовал сюжет, связанный с “местнорусскими”. На основе этого материала было сформировано представление о проблеме, ее границах и хронологии» (Михалев 2015: 107). В статье он приводит 12 эпизодов из устных историй, содержащих «травматическую коллективную память об исходе из России/СССР, воспоминания, связанные с идентичностью и православием, а также стигму “метисности”» (Михалев 2015: 117).

Как видно, устная история – междисциплинарное исследование на стыке гуманитарных наук позволяет пополнять список источников нарративами, полученными благодаря сотрудничеству исследователя и респондента. Результат можно получить только при условии, что исследователи обладают искусством интервьюирования, позволяющим «существенное событие в жизни интервьюированного не задокументировать изолированно, а представить в системе значимых связей, эпизодов, информации при условии методического контроля за процессом интерпретации» (Рождественская 2012: 49). Значимость представленных устных историй как источников обусловлена подготовкой исследователей, знающих объект и предмет обсуждения, а также личностью респондента.

Литература:

Бураева О. В., Наранцэцэг Д. Русские в Монголии: свидетельство А. И. Маслова // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 167–176.

Жамбалова С. Г. Воспоминания об эдеме: история о жизни русских в Монголии // Россия-Монголия: история, современность, перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Батор, 2009. С. 34–38.

Михалев А. В. Создавая врага: «местнорусские» в Монголии // Обозреватель – Observer. 2015. № 9 (308). С. 105–119.

Профессор, педагог-культуролог [Электронный ресурс] // URL: <https://agamuzey.ru/novosti/professor-pedagog-kulturolog/> (дата обращения: 15.01.2022).

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.

Ростовцев Е. А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 522–545.

Сундуева Д. Б. Нарративная история и «жизненный мир» русской общины Монголии // Дискуссия. 2014. № 10 (51). С. 101–112.

Щеглова Т.К. Устная история (*oral history*) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 2017. С. 22–39 [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35679187_98105904.pdf. (дата обращения: 18.01.2022).

Васильев Валерий Егорович
кандидат исторических наук
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
valera305@mail.ru

КИТАЙСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕННОСТИ ХУННОВ

История и этнография народов Центральной Азии и сопредельных территорий интересны в плане сопоставления письменных источников с этнографическими данными, хранившими следы традиционной культуры номадов Великой степи. Историки и лингвисты считают, что предки этноса саха носили в себе хуннский компонент, унаследованный от тюркских племен Прибайкалья. Поэтому одной из интересных тем является сопоставление численности хуннов, вторгавшихся в Китай, со средней численностью народа саха в XIX–XX вв., сохранявшими полукочевой образ жизни скотоводов в долинах северных рек Лена, Вилюй, Яна и Колыма. Традиции родоплеменной системы управления уходят в глубь веков и показывают живучесть тюрко-монгольских племен, освоивших северо-восток Азии с эпохи средневековья до этнографического прошлого.

Ключевые слова: хунну, ханьцы, тюрки, монголы, саха, источники.

Vasilyev Valery Egorovich
Candidate of Sciences in History
Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia

CHINESE INFORMATION ON THE NUMBER OF THE XIONGNU

The history and ethnography of the peoples of Central Asia and adjacent territories are interesting in terms of comparing written sources with ethnographic data that preserved traces of the traditional culture of the nomads of the Great Steppe. Historians and linguists believe that the ancestors of the Sakha ethnic group carried a Xiongnu component inherited from the Turkic tribes of the Baikal region. Therefore, one of the interesting topics is the comparison of the number of the Xiongnu who invaded China with the average number of the Sakha people in the 19th – 20th centuries, who maintained a semi-nomadic lifestyle of pastoralists in the valleys of the northern Lena, Vilyu, Yana and Kolyma rivers. The traditions of the tribal management system go back centuries and show the vitality of the Turkic-Mongolian tribes who mastered the northeast of Asia from the Middle Ages to the ethnographic past.

Keywords: Xiongnu, Han Chinese, Turks, Mongols, Sakha, sources.

Мнения ученых в оценке роли кочевников Центральной Азии в судьбах многих народов и государств полярно разделяются. Одни представляют их как варваров, уничтожавших цивилизации Древнего мира, другие видят в них проводников культур между Востоком и Западом. При этом история номадов прошла в длительной борьбе против экспансии Китая, которая продолжалась до появления Российской империи. В силу кочевого уклада жизни тюркские и монгольские этносы сохранили свою культурную самобытность.

История народов Центральной Азии изучалась тенденциозно, с уклоном на европоцентризм (Антонов 1994: 6). Но в зените своей славы вожди хуннов настолько возвышались, что китайские правители вынуждены были платить им дань. Л. Н. Гумилев объяснял это многочисленностью хуннов, выставивших до 300 тыс. воинов. Тюрколог Н. К. Антонов писал, что в Монголии тогда могло обитать многомиллионное население (Антонов 1994: 20–23). Но такие цифры выглядят сильно преувеличенными. Могли ли степи Монголии, включая Ордос, прокормить столько орд? Для решения этого вопроса мы

используем источники Иакинфа Бичурина, переводы которого позже были переработаны и дополнены другими востоковедами.

Китайские сведения о численности хуннов отрывочны и фрагментарны. Судя по кратким сообщениям хроник, опыт управления империей научил придворных чиновников изумительной точности в описаниях событий. Правдивость сведений китайцев проверим на подсчетах численности населения Китая. Так, в Луньтайском указе отмечено, что во владении Цзюйли проживало 1480 душ, всего 130 дворов и 150 воинов (Таскин 1973: 117). Значит, одна семья состояла из 10 человек. Общинники с каждой семьи выставляли одного ополченца. Другие данные находим о хуннах, живших в Китае. По хронике «Хоухань-шу», в 90 г. н.э. южных хуннов было до 237300 человек, всего 34 тыс. семей. Они могли выставить 50170 отборных воинов (Таскин 1973: 84). Отсюда видно, что одна хуннская семья состояла из 5–7 человек. Для службы с каждой семьи могли выставлять 1–2 ополченцев. В начале XX в. средняя численность семьи саха тоже составляла пять человек, что было связано с коневодческим и скотоводческим укладом жизни народа.

В хронике «Цзинь-шу» записано материальное положение хуннов севера, перешедших в Китай. Орда численностью до 11500 человек пригнала с собой до 22 тыс. голов рогатого скота и 105 тыс. овец (Кюннер: 1961: 322). В этом случае на одного хунна приходится 1–2 головы рогатого скота и менее 10 овец. С учетом того, что все всадники имели ездовых, запасных и выючных коней, можно считать, что на одного хунна приходилось до 15 голов различного скота.

Хунны делились на десятки, сотни, тысячи и тумены. В центре владения располагалась ставка шаньюя, а по обеим сторонам находились левые и правые аймаки. Шаньюй в шатре восседал лицом на юг, поэтому восточное крыло называлось левым. Саха почитали восток как страну божеств. Они поклонялись и югу, о чем говорит глагол *юнк* – ‘молиться’, сходный с обозначением мужской половины юрты *юнгэ* ‘правый’ (Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН (РФ АЯНЦ СОРАН). Ф. 5. Оп. 3. Д. 418. Л. 1–4). О численности людей орды можно узнать из хроники «Хоухань-шу»: в 49 г. н.э. северный шаньюй был разбит в своей ставке. При этом в плен попали около 10 тыс. человек (Таскин 1973: 71). В 90 г. северная ставка вновь была разгромлена. Шаньюй с 1 тыс. воинов вступил в бой против 8 тыс. врагов. В ходе боя он был ранен, но прорвался с несколькими десятками легко вооруженных воинов. Победившие порубили 8 тыс. человек, несколько тысяч взяли в плен (Там же: 84). Из этой хроники видно, что орда составляла один тумен, в котором было всего 10 сотен латных воинов. С учетом численности семьи можно думать, что в орде имелось около 1,5–2 тыс. кибиток и юрт.

Есть основания считать тумен хуннов родоплеменным образованием. «Все (племена. – В. В.) имели поколения (роды. – В. В.), взаимно не смешиваясь. Тугэ было наиболее сильным и уважаемым. Поэтому оно могло делать шаньюя для общего управления над всеми племенами» (Кюннер 1961: 322). В источнике под названием «тугэ» отмечены тюрки. Систему управления у них показывает легенда о предках тюрков: Надулу имел 10 жен, сыновья которых основали 10 племен тюрков под главенством рода Ашина (Бичурин 1950: 222).

Интересно, что саха сохраняли ведение родословной до 12 поколения (РФ АЯНЦ СОРАН. Ф. 4. Оп. 14. Д. 51. Л. 173). Отцовский род Бюгюйэх состоял из 7 материнских родов (Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 595. Л. 17). Намский наслег также состоял из 7 родов, которые назывались *ат баса* (досл. ‘голова коня’) (Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 37. Л. 2). Стремление князей иметь до 7–9 жен объяснялось их желанием основать материнские роды, над которыми стояли отцовские предки.

Стройную систему представляли и два аймака хуннов. Они управлялись родственниками шаньюя – 10 «рогами» (Таскин 1973: 10–12). Пять сановников ведали левым аймаком, а другие пять – правым. Такая же система управления существовала у тюрков, которые делились на десять стрел (Бичурин 1950: 286). Ханьцы определяли численность сюннов в 200 тыс. человек. Оба крыла имели 8 тыс. воинов [Там же: 81, 84, 88]. С системой аймаков должны были считаться и китайцы. Так, в 121 г. до н.э. хуннский князь Хуньэ привел в Китай 40 тыс. сюннов, но выдал их за 100 тыс. (Таскин 1968: 54).

Легко понять, что 4 тыс. воинов со 100-тысячного аймака собирались с расчетом один воин с 5 кибиток. Всего аймак мог выставить 20 тыс. лучников. Ханьский ученый Цзя И (200–168 г. до н.э.) писал: «По моим подсчетам, у сюнну приблизительно 60 тыс. всадников, натягивающих лук. Поскольку один латник приходится на 5 человек, численность народа составляет 300 тыс., что меньше населения одного большого ханьского уезда...» (Таскин 1973: 5).

Эта версия ошибочна, так как 60 тыс. латных воинов не были ополченцами. Умножив 60 тыс. на 25 (пять семей), получим численность хуннов в 1,5 млн. человек. После распада государства 100 тыс. хуннов влились в состав сяньбийцев. Потомки хуннов жили на Алтае. По Л. Н. Гумилеву, тюрки ничего не знали о предках (Антонов 1994: 71). Могло ли такое случиться? Если тюрки вели родословную до 7–10-го поколения, то они должны были помнить предков до трех столетий, т.е. до истребления хуннов в Китае в 350 г. н.э. Стоит признать, что хунны создали систему управления, которая служила образцом государственности кочевников. Заслуживает внимания, что 1,5 млн. хуннов выдерживали 300-летнюю экспансию Китайской империи. По мнению Л. Н. Гумилева, в XIII в. в Монголии могло проживать около 1,3 млн. человек (Антонов 1994: 130–131).

Из всего этого приходим к выводу: совпадения в подсчетах численности у хуннов, тюрков, монголов и саха были обусловлены экологическими условиями среды обитания, пригодной для скотоводческого и коневодческого хозяйства. Отцовские роды кочевников состояли из материнских родов, которые позднее, объединившись, создавали новые племена. Именно поэтому кочевники считали родословные своих предков до 7-го или 9-го поколения.

Литература:

Антонов Н. К. Наследие предков. Якутск: Бичик, 1994. 200 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 292 с.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 351 с.

Таскин В. С. Материалы по истории сунну (по китайским источникам). Вып. 1. М.: Ин-т востоковедения, 1968. 177 с.

Таскин В. С. Материалы по истории сунну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Ин-т востоковедения, 1973. 171 с.

Бураева Ольга Владимировна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
olgaburaeva@mail.ru

КИТАЙЦЫ В ИСТОРИИ БАУНТА¹

Появление китайцев в Баргузинской тайге во второй половине XIX в. связано с развитием золотодобычи. Условия и образ жизни на стыке веков, социальная адаптация китайцев в советском обществе в первой половине XX в., создание семей с русскими женщинами, их участие в жизни общества стоят в центре внимания автора.

Ключевые слова: Россия, Китай, Баунт, золотодобыча, китайцы, русские, социальная адаптация.

Buraeva Olga Vladimirova
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

CHINESE IN HISTORY OF BAUNT

The appearance of the Chinese in the Barguzin taiga in the second half of the 19th century is associated with the development of gold mining. The conditions and way of life at the junction of centuries, the social adaptation of the Chinese in Soviet society in the first half of the 20th century, the creation of families with Russian women, their participation in society are the focus of the author.

Keywords: Russia, China, Baunt, gold minning, Russian, Chinese, social adaptation.

Баргузинская тайга. Так назывался крупнейший в Забайкалье золотопромышленный район. Прииски Баргузинской тайги были сосредоточены по притокам реки Витим. Начало золотодобычи в Баргузинской тайге относится к 1844 г., когда возникли прииски Иннокентьевский (на р. Бугарихте) и Мариинский (по р. Малый Бойчикон). Однако настоящая золотая лихорадка началась с 1857 г., когда были открыты россыпи в бассейнах рек Ципикан и Витимкан, Сивокон, Сиво, Ауник и др. История появления китайцев в Баунте связана непосредственно с историей развития золотодобычи. Возможность найти работу и природные богатства Баргузинской (Баунтовской) тайги привлекали не только русского крестьянина и ремесленника, но и восточных соседей (китайцев, корейцев).

Как следует из доклада Витимо-Витимканского совета рабочих депутатов Центрально-Сибирскому исполнительному комитету от 21 апреля 1918 г. до первой мировой войны в тайге было до 1500 человек русского населения, преимущественно рабочих, и от 3000 до 4000 китайцев. «Ко времени первого государственного переворота в тайге осталось до 800 русских рабочих, остальные были взяты в войска, а семьи выехали в жилые места. В настоящее время в тайге осталось около 300 человек русского населения, около 2000 китайцев» (Золотой клад Баунта 2010: 81). Причину уменьшения населения авторы доклада видели также в непомерных аппетитах к наживе владельцев приисков.

До революции 1917 г. в Баргузинской тайге располагалось 56 приисков, которые давали 25–30 пудов золота ежегодно. Из 56 приисков 40 принадлежало евреям-купцам: Фризеру, Бутлицкому, Новомейскому, Жидовецкому. Рабочими были в основном русские (66%), китайцы и корейцы (25%). Жизнь рабочих была весьма тяжелой. Недаром приисковая работа называлась вольной каторгой. Если в «1917 г. цены на золото доходили до 42 руб. за золотник, то от рабочих оно принималось не дороже 6 руб. Припасы были дешевого закупа, а отпускались рабочим в 3 и 4 раза дороже себестоимости. По самому ми-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5).

нимальному подсчету в 1917 г. золотопромышленниками получено до 4 миллионов пользы. В последнее время многие золотопромышленники, не находя большой пользы от русских рабочих, всеми мерами стараются применять китайский труд, как расы более забитой, которой не коснулось интернациональное рабочее движение, благодаря чему их можно эксплуатировать, вернее, обирать как хочется» (Золотой клад Баунта 2010: 81–82).

По воспоминаниям М. А. Новомейского, горного инженера, владельца и наследника приисков Баргузинской тайги, в Баргузинском уезде золото добывалось примитивным способом. «Кроме плановой эксплуатации новых участков, частью шахтным способом, частью в открытых карьерах, велась кустарная добыча в тайге: там старатели работали “от себя”, т.е. по договоренности с хозяином прииска, получали известную плату за каждый намытый золотник. Были это в основном китайцы: ежегодно они тысячами приходили в тайгу, большинство – из Ханкоя» (Ханькоу? – О. Б.) (Золотой клад Баунта 2010: 362).

Срок пребывания китайцев на золотых приисках Баргузина ограничивался четырьмя годами. «В их работе... было немало хорошего и поучительного. Поучительным было отношение старожилов, тех, кто уже проработал несколько лет, к новичкам. Как только китаец приходил на прииск (они всегда приходили одни, без жен), ему немедленно оказывалось гостеприимство в одном из барачков, где проживали его сородичи. На деньги, собранные по кругу, старожилы покупали новичку нехитрый старательский инструмент: кирку, две-три лопаты, лоток и тому подобное. Китайцы содержали и кормили новичка, пока он не начинал зарабатывать самостоятельно. После четырех лет, накопив необходимую сумму, он начинал готовиться к возвращению на родину. Прежде всего покупал лошадь, затем выезжал в тайгу и возвращал долги всем, у кого брал займы. Лишь после этого китаец возвращался на родину с тем, чтобы через год-два снова отправиться на заработки, на очередной четырехлетний срок» (Золотой клад Баунта 2010: 363).

«На ямных работах, которые проводились зимой, в большинстве бригадами были китайцы, опытные старатели и золотодобытчики. Они в совершенстве владели старательским ремеслом, имели богатый опыт добычи золота, постоянно хорошо намывали, постоянно имели бонны на хлеб насущный, но и мало-мало одевались. Термин “мало-мало” был у китайцев основным. У китайцев, работавших на старательских работах, будь то ямные работы, канавы или разрез, на вопрос “Как дела?” всегда был один ответ: “Мало-мало”. От них не услышишь, как от русского Ивана: “Хорошо или нормально”. Вот такой они народ, хотя и в общении, и в разговоре, казалось бы, весьма откровенны, а фактически скрытны и со своеобразной хитринкой» (Проскуряков 2007: 248).

Китайцы практически не говорили по-русски, создавая замкнутые сообщества. Приходили в Россию без жен, поэтому брали в жены русских женщин. В Баунте в 1940 г. зафиксирована одна семья, где жена – бурятка Дарима Ин Фунтан, 1909 г.р., доярка (Книга памяти 2014: 219). Тем не менее, через русских жен, русское окружение происходила постепенная адаптация китайцев в обществе.

К 1937 г. в Бурят-Монгольской АССР, по данным Всесоюзной переписи населения, насчитывалось 478 китайцев (в т.ч. 422 мужчины) (Мотревич 2014: 180). В именных списках жителей в 1940–1946 гг. Баунтовского аймака (района) (зафиксировано только взрослое население) записаны имена 117 китайцев, из 22 детей, рожденных в 1917–1929 гг., записаны русскими 17 (10 мужского пола и 7 – женского). Отцы-китайцы были рождены в 1876–1912 гг. (Книга памяти Баунтовского эвенкийского района 2014). Китайцы брали русские имена Василий, Владимир, Михаил, Иван, Андрей, Александр, Георгий. Поэтому их дети имели уже русские имена и отчества.

Среди профессий у китайцев упоминаются сапожник, калькулятор, монтажёр, рабочие промартели (закройщик, рабочий кирпичного цеха), зав. производством, огородники, рыбаки, чернорабочие, один сотрудник РО НКВД. В основном же они работали «золотничниками».

Старожилы помнят, что бригадами работали Иван Ван-мин, Володя Ван-Шин, Иван Лим-Бо. «Это были замечательные мужики, мастера и профессионалы старательских работ. Они были на приисках уважаемыми людьми. Добывая бригадой золото, они регулярно платили причитающуюся им долю, или, как ее еще называли, пайку. Эти бригады хорошо знали участки с неплохим содержанием золота, поэтому всегда знали, в каком месте можно мыть золото зимой, а в каком – летом. Сугубо положительной чертой бригадиров-китайцев было то, что на случай паводковых вод или продолжительных дождей, когда прекращались работы, они имели запас на черный день. Это очень нравилось членам бригады. Также была взаимовыручка между бригадами: когда у какой-то из бригад было крайне критическое финансовое положение, они делились своими запасами» (Там же).

В годы Великой Отечественной войны китайцы продолжали добывать золото, своим трудом приближая победу. Часть из них ушла на фронт и воевала на Ленинградском фронте, в Польше. Кто-то вернулся живым, кто-то погиб.

По воспоминаниям Г. И. Колмаковой, рабовшей в годы войны на шахтах прииска Троицкий, среди тружеников горного цеха были китайцы «Сан-Ди-Бо, Ольга Ли-У-Зу, Александр Хан-Ши-Сю, Александр Кон-Зи-Сю, Владимир Хан-Ши-Сю, Виктор Хин-Дун, Маля Чин-Чин-Сан, Владимир Хин-Дун, Виктор Ка-Ха-Чуй, Ли Си-По. ...Откатывали породу замечательные женщины... в том числе Антонида Ци-Фу-Ши. Пробщиками работали Федор Ли-Ван-Шу, Иван Ца-Ю-Шин, Василий Цю-Дин-Бо, Иван Си-Да-Фу» (Проскураков 2015: 49).

Большинство китайцев адаптировалось к советской действительности («осоветилось»). Дети и внуки от смешанных браков получили в послевоенное время среднее и высшее образование, работали и работают в разных сферах. Китайские фамилии остались только у мужчин, женщины, как правило, переходили на фамилию русского мужа или мужа-метиса с китайской фамилией. Поэтому можно констатировать, что потомки китайцев, пришедших в Россию в начале XX в., к середине XX в. стали полноправными членами советского общества.

Литература:

Золотой клад Баунта: Ист.-лит. сб. Чита: Изд-во «Экспресс», 2010. 432 с.

Книга памяти Баунтовского района. Улан-Удэ: ООО «НоваПринт», 2020. 507 с.

Книга памяти Баунтовского эвенкийского района. Багдарин; Чита: Изд-во «Экспресс», 2014. 319 с.

Мотревич В. П. Иностранцы граждане-китайцы в Советском Союзе по данным Всероссийской переписи населения СССР 1937 г. // Китай: история и современность: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 178–181.

Проскураков В. Золотой старательский Баунт. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2007. 344 с.

Проскураков В. Золотому Баунту 80 лет: очерки и воспоминания. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 260 с.

Рассадин Игорь Валентинович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
rassadin.73@mail.ru

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СОЙОТОВ ДО ПЕРЕХОДА НА ОСЕДЛОСТЬ

В статье автор пытается восстановить и показать основную хозяйственную деятельность сойотов, одного из малочисленных этносов Сибири. Судя по источникам, сойоты Бурятии в основном занимались оленеводством и охотой, однако с конца прошлого века и до нашего столетия наряду с оленеводством у них прослеживается табунное коневодство, заимствованное у монголов.

Ключевые слова: традиционное животноводство, оленеводство, сойоты Бурятии, хозяйственная деятельность, собирательство.

Rassadin Igor Valentinovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

TRADITIONAL LIVESTOCK OF THE SOYOTS BEFORE THE TRANSITION TO SETTLEMENT

The author tries to restore and show the main economic activity of the Soyots, one of the small ethnic groups of Siberia. According to sources, the Soyots of Buryatia were mainly engaged in reindeer husbandry and hunting, however, from the end of the last century to our century, along with reindeer husbandry, they have herd horse breeding borrowed from the Mongols.

Keywords: traditional animal husbandry, reindeer husbandry, Soyots of Buryatia, economic activity, gathering.

Предки современных сойотов были тюркоязычными оленеводами, родственными тувинцам-тоджинцам, тофаларам, а также цаатанам. Более 400 лет назад они переселились со своими оленями сначала в Тунку, затем в Оку из Монголии, из окрестностей озера Хубсугул, где они обитали в сомонах Ханх и Ринчинлхумбэ (Дугаров 1983: 97–98). Во время своей экспедиции проф. Б. Э. Петри, обследовавший сойотов, нашел их разбросанными в 12 различных местах: 1) Монды, 2) Ильчир, 3) Хоньчин, 4) Хамодон, 5) Сорок, 6) Буксон, 7) Хореты, 8) Улзето, 9) Долон-Турук, 10) Хозулхай и Диби, 11) Бурунгол, 12) Нурай. Он выявил у них несколько различных хозяйственных укладов – от чисто оленеводческого до земледельческого. При этом Б. Э. Петри утверждал, что именно группа сойотов, живущая вокруг озера Ильчир, в верховьях р. Иркут, на водораздельном хребте в высокогорной тундре, богатой ягельниками, занимается преимущественно оленеводством и пушным промыслом, добывает копытных зверей на мясо, продолжает жить в чумах и сохраняет кочевой образ жизни, свою традиционную культуру и язык (Петри 1927: 19). По своему происхождению и родовому составу окинские сойоты представляют собой сложное многокомпонентное этническое образование. Так, Б. С. Дугаров, изучавший историю населения Окинского района Бурятии, выделяет в их составе три самостоятельных рода: *хаасут*, *иркит* и *онхот* (Дугаров 1983: 98).

Сойоты Бурятии искони разводят оленей так называемой карагасской породы, принадлежащей к виду северных оленей. Карагасский олень более одомашнен, чем все другие породы северных оленей, и очень неприхотлив в пище (Керцелли 1925: 87–92). Места их проживания издавна были освоены людьми

ми – предками сойотов. Относительно происхождения оленеводства на Саянах Г. М. Василевич и М. Г. Левин приходят к выводу о том, что впервые оно развилось у самоедоязычных аборигенов тайги под влиянием их тюркоязычных соседей-скотоводов (Василевич, Левин 1951: 77–78). К такому же выводу приходит и С. И. Вайнштейн, анализируя историю появления оленеводства у тувинцев-тоджинцев (Вайнштейн 1961: 33). Относительно сойотов известно, что они происходят от тюркоязычных племен Саян (Дугаров 1983:97–100) и сами еще недавно были тюркоязычны, поэтому мы вправе предположить, что и у них оленеводство того же типа, что и у других тюркских народов Саян.

Оленеводство сойотов было основано на экстенсивном использовании пастбищных угодий и, как и охота, требовало постоянных сезонных перекочевок (Рассадин 2017: 191). Весь годовой хозяйственный цикл сойотов был связан с охотой в разные сезоны и со сменой оленьих пастбищ. Интересы оленеводства определяли строго сезонный цикл кочевок с заранее намеченными остановками в местах, наиболее благоприятных для пастьбы, гона, отела. Кроме того, маршруты и количество кочевок зависели и от требований охотпромысла и стремления создать наиболее благоприятные условия для охоты и охватить ею как можно большую территорию. Летом стойбища оленеводов находились на белогорье – плоских горных вершинах, покрытых ягелем, где всегда дул ветер и где не было мошки. Очень важным вопросом в деле пастьбы оленей летом является вопрос о выборе места для выгона. Оно должно отвечать целому ряду условий, из которых важнейшие – удобства для оленей, а уже второстепенные – для их хозяев. Самыми подходящими местами являются высокогорные луга с ягелем выше линии леса.

Только здесь олени летом чувствуют себя хорошо. Обычно летние пастбища располагаются в широких долинах, окруженных горами так, чтобы олени не смогли разбредаться в разные стороны: ведь они пасутся без присмотра пастухов и без пастушеских собак, самостоятельно. В принципе самым хлопотным и трудоемким для сойотов Бурятии процессом пастьбы оленей является их летний выпас, потому что в иные времена года, когда происходят различные перекочевки, олени работают и пасутся обычно там, где люди сделают стоянку, специального выпаса в это время нет. Оленухи в это время уже не доятся, и поэтому за ними нет специального ухода, как это происходит летом. Зато в летнее время, когда олени отдыхают, накапливая силы для предстоящей осенней и зимней работы на охотпромысле, начинается специальный выпас оленей.

Летом, когда все семьи сойотов, принадлежащие к одной патронимии, съезжались вместе на белогорье для пастьбы оленей, к ним обычно присоединялось несколько других аалов. Таким образом, на одном месте могли собираться до десятка и более чумов. На удобном, обычно это было заветренное место, склоне горы, предпочтительно террасе, на большой поляне чумы располагались кругом или полукругом, что зависело от их количества. Все олени собирались в одно большое стадо и отгонялись на выбранное пастбище. В разгар лета они питались травой и ягелем. В конце лета, когда появлялись грибы, они становились избранной пищей оленей. Настает самое трудное время для оленеводов, так как именно в этот период происходят значительные потери оленей.

Отел происходил обычно в самом конце апреля и в мае. В это время начинали доить важенок. С появлением телят их обычно на весь день пригоняли в стойбище, где в самом его центре были устроены специальные приспособления для привязи оленят в виде длинных жердей, положенных на землю, а также для привязи важенок в виде специальных односторонних козел. Если быки олени и подростки прошлогодний молодняк все лето пасется вольно, то дойных важенок специально выпасали. Утром в стойбище пригоняли оленят и важенок. Оленятам надевали специальные намордники, чтобы они не высасывали молоко у матух, и привязывали к лежащим жердям. Матух привязывали к козлам, чтобы они некоторое время выстаивались. Потом к матухе подводили ее олененка, давали ему сосать оба соска и отводили. В это время у важенки появлялось молоко, которое выдаивали в специальный сосуд в виде берестяной коробочки.

За один удой важенка давала обычно полстакана очень жирного снежно-белого по цвету молока. После утренней дойки оленух отпускали пастись. Они паслись неподалеку, боясь потерять своего теленка. За день от каждой матухи надаивали один-полтора стакана молока. После вечерней дойки оленух опять отпускали пастись. На этот раз вместе с оленятами. А утром все повторялось снова. В конце сентября – начале октября оленухи прекращали доиться. Длительность жизни оленей была сравнительно велика: хорошая важенка при надлежащем уходе жила до 20 лет и за свою жизнь приносила от 10 до 12 телят. Средняя важенка жила до 15 лет и соответственно меньше раз телилась. Быки при большой рабочей нагрузке более 10 лет не выдерживали, редко доживали до 15 лет. У многооленных хозяев олени жили

дольше, поскольку имелась возможность чаще сменять оленей в работе. Когда приближался конец жизни оленя, а это узнавалось по съеденным зубам, его старались откормить на осенней траве и ягеле, когда они еще мягкие, а потом оленя забивали на мясо (Рассадин 2012: 216). Олень, кроме молока, давал человеку после забоя мясо и кишки, которые варили и употребляли в пищу, шкуру, а также сухожилия, из которых ссучивали крепкие нитки. Таким образом, хозяйственная роль оленя в жизни сойотов была чрезвычайно велика, хотя на мясо своих оленей сойоты забивали редко, только по старости или в случае увечья. Мясо для пищи добывали в основном охотой.

Как видно из приведенного описания ведения оленеводства сойотами Бурятии, они создали уникальную культуру, позволившую им жить в условиях кочевой жизни в суровой высокогорной тайге Саян.

Литература:

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы / Историко-этнографические очерки. М.: Вост. лит., 1961. 217 с.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ, 1951. № 1. С. 63–87.

Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 90–101.

Керцелли С. И. Карагасский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. М., 1925. № 3. С. 87–92.

Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Вып. 12. 1927. С. 217–226.

Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4. С. 214–217.

Рассадин И. В. Животноводство у сойотов и бурят: сравнительно-сопоставительный анализ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 190–194.

Прокопьева Александра Николаевна
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
sendiele@gmail.com

**УКРАШЕНИЕ ТУОСАХТА И КУЛЬТ ЖЕНСКИХ БОЖЕСТВ
 (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ XV–XVIII ВВ.)**

В статье предлагается интерпретация нашивного украшения головного убора *туосахта* как символа женского божества Айыысыт/Иэйэхсит. Работа основана на анализе костюма из погребальных памятников Якутии XVII–XVIII вв. Из общего числа погребений были выделены те, где в составе костюма или сопроводительного инвентаря был обнаружен металлический диск *туосахта*. Проведен разбор материала изготовления, топографии в контексте погребальных памятников и анализ половозрастного состава погребенных в свете новых материалов. Полученные данные подтверждают прежние выводы о том, что в рассматриваемое время *туосахта* был универсальным украшением и мог указывать на социальный статус человека. Расположение на теле, присутствие при обряде проводов богини Айыысыт и фольклорные материалы могут указывать на связь украшения с женскими божествами. Ранее не упоминаемая исследователями утраченная символика диска может заключаться в изображении женской груди – символа богини плодородия.

Ключевые слова: якуты, костюм, нашивные украшения, обряды перехода.

Prokopenva Alexandra Nikolaevna
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia

**JEWELRY TUOSAKHTA AND THE CULT OF FEMALE DEITIES
 (BASED ON FUNERARY MONUMENTS OF THE 15TH–18TH CENTURIES)**

The article offers an interpretation of the sewn jewelry *tuosakhta* headdress as a symbol of the female deity Aiyysyt/Ieyehsit. The article is based on the analysis of the costume from the funerary monuments of Yakutia of the 17th – 18th centuries. The material of manufacture, the location of the decoration in the context of funerary monuments and the analysis of the sex and age composition of the buried were studied. The data obtained confirm the previous conclusions that at the time under consideration the *tuosakhta* was a universal decoration and could indicate a person's social status. The location on the body, the presence of the goddess Aiyysyt during the ceremony, and folklore materials may indicate the connection of jewelry with female deities. The lost symbolism of the disk, previously mentioned by researchers, could be connected to the image of a female breast – the symbol of the goddess of fertility.

Keywords: Yakuts, costume, sewn jewelry, funeral rite.

Материалы погребальных памятников якутов XV–XVIII вв. показывают, что в украшении костюма часто использовались нашивные украшения. Во всем комплексе украшений особняком стоит металлический диск *туосахта*, пришиваемый на головной убор. Исследователи культуры народа саха не раз задавались вопросом о значении этого украшения, но обобщающей работы, посвященной этой теме еще не было. За последние годы существенно пополнилась источниковая база изучения якутской культуры XV–XVIII вв., что связано с возобновлением систематического изучения погребальных памятников. В данной работе обобщены накопленные археологические материалы об украшении *туосахта* и на основании полученных данных сформирована гипотеза о более ранней символической роли диска.

Половозрастной анализ лиц, в погребениях которых были обнаружены диски *туосахта*, показывает, что украшения встречались в мужских и женских погребениях независимо от возраста, но чаще в жен-

ских, чем в мужских: по последним данным, это 33 женских и 20 мужских погребений. При этом все памятники с *туосахта* относятся к категориям «богатых» и «очень богатых» погребений с большим количеством состава костюма и сопроводительного инвентаря, что подтверждает мнение о том, что *туосахта* – атрибут особого общественного положения (Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 1413. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 5).

Большинство дисков из погребений конца XV–XVIII вв. изготовлены из низкопробного серебра или медного сплава, но за последние годы обнаружены диски из железа (Кириянов 2019: 134; ПМА 2021). Оба погребения определены как мужские и датируются XVII в.

Судя по сохранившимся образцам, диски пришивали к шапкам капоровидного типа в области темени. В случаях, где было надето два слоя головного убора, шапка с диском чаще всего была внешней. Но зафиксировано два женских погребения, когда диски были во внутренней части шапок (Константинов 1971: 48; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1, Д. 3140). В другом погребении диск оказался на затылке, потому что шапка была надета на покойную задом наперед (Срубéзу 2006: 38). Из стандартной топографии дисков выбиваются два погребения. Так, в погребении Джагарма на покойную было одето три слоя плечевой одежды: шуба, кафтан и платье, и под платьем на левой груди был уложен диск *туосахта* (Константинов 1971: 40). Похожий случай был зафиксирован в погребении юноши Куранах I: серебряный диск был найден под шубой поверх правой груди (Срубéзу 2011: 82).

Хронологическая принадлежность памятников показывает, что наиболее раннее погребение с диском Ат-Дабаан III датируется XIII–XV вв. и является мужским (Бравина, Дьяконов 2015). Чаще всего диски встречались в погребениях первой половины XVIII в., к началу XIX в. их стало гораздо меньше (Duchesne 2020: 174). Несомненно, это связано со сменой языческого погребального обряда на христианский, а не с исчезновением дисков как явления. На это могло оказать влияние и то, что постепенно диски вышли из комплекса украшений мужского костюма и сохранились только в контексте женского.

Исследователи якутской культуры отмечают, что вероятно диск утратил свою первоначальную функцию и значение еще к середине XIX в. (Саввинов 2001: 65) и продолжил свое бытование в качестве украшения женской шапки. Исходя из этнографических трудов XIX в., сложилась интерпретация диска как символа солнца, выполняющего апотропеистические функции (Там же: 110–111; Петрова 2019). Интересен тот факт, что *туосахта* фигурирует при исполнении родильного обряда проводов богини Айыысыт: женщины должны были надеть «старинную якутскую одежду», шапку с *туосахта* задом наперед, усесться возле огня и громко смеяться (Трощанский 1911: 15). А. И. Саввинов считает, что переворачивание шапки могло быть связано с представлением о том, что богиня будет отпугнута блеском серебра (Саввинов 2001: 111). Исходя из идеи полисемичности предметов, возможна и другая интерпретация: важным могло быть собственно наличие диска *туосахта*, внешне похожего на изображение женской груди, что является одним из символов богини Айыысыт. Богини Айыысыт/Иэйэхсит считались покровительницами и защитницами людей и всего живого на Среднем мире (Кулаковский 1979: 23–25; Худяков 2016: 273), но в последнее время сохраняется их интерпретация как божеств, связанных, прежде всего, с продолжением человеческого рода и покровительниц женщин. Так, в сюжетах устных сказаний прослеживается мотив, когда госпожа Создательница (в некоторых текстах госпожа Сильное солнце) дает герою насытиться молоком от своих грудей и тем самым спасает его (Худяков 2016: 275). Нагруженность наверх женской шапки мотивами плодородия не раз отмечалась исследователями, но чаще относилась к растительным мотивам (Петрова 2019).

Косвенно подтверждает нашу теорию представление якутов о рождении жизни: высшее божество передает душу ребенка богине Айыысыт, и она внедряет ее через темя мужчины, а от мужчины в момент зачатия душа передается в утробу женщины (Кулаковский 1979: 24). Возможно, что первоначальное расположение диска на темени не является простым совпадением.

Итак, обобщая вышесказанное, можно сделать выводы о том, что в контексте XVII–XVIII вв. *туосахта* был универсальным и не зависящим от пола украшением. Расположение диска на шапке или на груди в погребениях могут указывать на связь диска с культом богини Айыысыт. Возможно, именно со смещением акцента функций богинь на женскую производительность и связано постепенное исчезновение дисков из мужского костюма.

Литература:

- Бравина Р. И., Дьяконов В. М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.
- Кирьянов Н. С. Погребальный обряд и материальная культура населения Яно-Индибирского нагорья в XVII–XIX вв. (по результатам археологических исследований): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 337 с.
- Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск: Якутиздат, 1971. 212 с.
- Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 483 с.
- Петрова С. И. Отражение культа «айыы» в народной одежде // Айыытангара и кузнечный культ в тэнгрианстве: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Якутск, 2019. С. 134–138.
- Петрова С. И., Заболоцкая З. М. Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 207 с.
- Саввинов А. И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX вв.: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
- Трошанский В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1911. 144 с.
- Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. 2-е изд. Якутск: Бичик, 2016. 448с.
- Crubézy E. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2006 (Rapport). Toulouse: Université Paul Sabatier (Toulouse III), FRE 2960 du CNRS, 2008. 230 p.
- Crubézy E. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2011 (Rapport). Toulouse: Université Paul Sabatier (Toulouse III), FRE 2960 du CNRS, 2011. 152p.
- Duchesne S. Pratiques funéraires, Biologie humaine et diffusion culturelle en Iakoutie (16e – 19e siècles). Thèse en vue de l'obtention du doctorat de l'Université de Toulouse. Université Toulouse 3 – Paul Sabatier. 2020. 432 p.

Яковлева Капитолина Максимовна
кандидат исторических наук
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия
Kapa1985@list.ru

МАГИКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ФУНКЦИИ НАКОСНЫХ УКРАШЕНИЙ ЯКУТОВ

В статье рассматриваются магико-религиозные функции якутских накосных украшений. На основе ранее выделенных классификаций был проведен анализ бытования накосных украшений у якутов, проведены параллели с тюрко-многольскими народами Евразии. Накосные украшения можно разделить на два основных типа: косоплетка и накосник, которые имели разное значение и функции. Данное украшение носило не только утилитарную и эстетическую функцию, но и магико-религиозную. Рассмотрев накосные украшения в разном социально-статусном положении женщин, выделены апотрепическая и продуцирующая функция накосных украшений. Особую роль играла множительная функция, так как волосы женщины связывались с деторождением. В настоящее время сохранилась лишь охранительная функция украшений.

Ключевые слова: якуты, косы, украшения, магико-религиозные функции.

Yakovleva Kapitolina Maksimovna
Candidate of Sciences in History
M. K. Ammosov Northeast Federal University
Yakutsk, Russia

MAGIC-RELIGIOUS FUNCTIONS OF PLAITS DECORATION OF THE YAKUTS

The article discusses the magical and religious functions of Yakut decoration for plaits. On the basis of previous classifications the analysis of the existence of plaits decoration among the Yakuts was carried out, parallels with the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia were revealed. Decorations for plaits could be divided into two main types: "kosopletka" and "nakosnik", which had different meanings and functions. This decoration had not only a utilitarian and aesthetic function, but also a magico-religious one. Having considered the plaits decoration in different social-status status of women, the apothreptic and producing function of the plaits adornments is highlighted. A special role was played by the multiplying function, since women's hair were associated with childbirth. Currently, only the protective function of decorations has been preserved.

Keywords: Yakuts, plaits, decoration, magic-religious function.

В современном якутском обществе в период активного процесса возрождения утраченных культурных ценностей значительно возрастает интерес к магико-религиозным функциям аутентичных предметов материальной культуры, особенно украшений. По-разному трактуются магические свойства формы украшений, декора и металла изготовления. Накосные украшения являлись одним из самых ярких примеров маркирования половой стратификации и социально-возрастного статуса человека, обладая особыми магико-религиозными функциями.

Накосные украшения описаны Р. К. Маак (Маак 1994: 66), М. М. Носовым (Носов 1988: 50–51) и др. А. И. Саввинов в своей монографии о традиционных металлических украшениях рассмотрел функции накосных украшений с точки зрения социально-статусной и сакральной функции (Саввинов 2001: 39–44). Н. И. Ключева и Е. А. Михайлова, на основе материалов МАЭ (Кунсткамера) изучили накосные украшения сибирских народов (Ключева, Михайлова 1988). Из последних работ следует отметить статью А. Н. Прокопьевой, где автор связывает накосники с обрядами жизненного цикла якутов (Прокопьева 2019).

Материалы исследования опираются на классификацию накосных украшений якутов, выделенную нами в труде «Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв.» (Яковлева, Прокопьева 2000) а также на классификацию А. И. Саввинова (Саввинов 2001), на материалы Н. И. Ключевой и Е. А. Михайловой (Ключева,

Михайлова 1988). Рассматривая функции накосных украшений, мы опирались на статью Е. А. Михайловой «Съемные украшения народов Сибири», где автор выделяет основные функции украшений народов Сибири (Михайлова 2005).

Магико-религиозная функция украшений, как правило, делится на апотропическую, очистительную и продуцирующую (множительную). Накосные украшения в наибольшей степени связаны с множительной функцией, так как здесь рассматривается особая связь волос женщины с ее способностью и возможностью воспроизводить потомство. В архаическом мировоззрении ответственность в деторождении лежала только на плечах женщины, считалось, что длинные, густые волосы указывают на ее здоровье. В этом отношении характерно тюркское презрительное прозвище бесплодной женщины *куу баиш* 'высохший череп', т.е. 'женщина, лишенная волос' (Михайлова 2005), а также тот факт, что в якутских погребениях встречаются отрезанные волосы у молодых женщин. Данное явление могло быть связано с дуалистическим мировоззрением якутов. Согласно данной концепции, множительность может быть связана только с жизнью (Прокопьева 2019: 507). У современных якутов сохранилась табуированность по отношению к стрижке волос женщины во время беременности или после смерти близкого родственника (Яковлева, Яковлев 2021: 233).

Для удлинения и прибавления густоты волосам и появились накосные украшения. Например, у тувинцев, хакасов, алтайцев в косы вплетали бахрому, различные бусы, ложные косы (волосы родственников – мужа, посаженной матери или братьев (хакасы), своих волос (алтайцы, тувинцы, буряты) и т.д. Якутки же вплетали в косы ровдужные ленты с нашитыми на них пластинками, бусы, колокольчики. Вероятно, данные украшения носили девушки до замужества.

В отличие от косоплеток, накосники по своему функционалу должны были скрывать косу от чужого глаза. Подобные украшения можно выделить у алтайцев, бурят, татар. Накосники по конструктивным особенностям и функциям близки к начельнику *бастынга* и позже к наспинному украшению *кэлинкэбисэр*. Вероятно, позже, все эти украшения были заменены платками.

У тюрко-монгольских народов девичья прическа менялась на женскую во время свадебного обряда. Например, у народов Южной Сибири в этом мероприятии участвовали родственники не только со стороны невесты, но и жениха. Косу с правой стороны заплетала родственница девушки со словами «я даю ее», с левой – родственница жениха, произнося «я беру ее» (Дьяконова 1986: 36). У бурят во время обряда причесывания невесты гребень и украшения давала мать жениха, а девичьи украшения отдавали матери невесты (Бадмаева 1978). У тувинцев во время *тухтена*, убирая волосы по-женски, вплетали свадебные украшения *чавага*. Хакаские женщины после замужества должны были приплетать косоплетки в виде кисти, что символизировало связь с новым родом (Клюева, Михайлова 1988).

В якутской культуре не сохранились особые манипуляции с женскими волосами во время свадьбы. Но накосники из погребений чаще всего относят к женщинам фертильного возраста. Например, А. Н. Прокопьева выделила особую множительную функцию в орнаменте накосника из Оленекского историко-этнографического музея (Прокопьева 2019: 507).

В последнее время среди современных якутских женщин все более популярными становятся косоплетки и накосники. Данное украшение носят как праздничное во время летнего праздника *ысыах* в комплекте с серьгами и *илин-кэлинкэбиһэр*. Придается значение их магическим свойствам, связанным с апотропической функцией. Серебро – это белый металл, который своим блеском и звоном отпугивает всю негативную энергию. Также сакральными функциями наделяют декор накосных украшений. В основном применяется растительный орнамент, который содержит идею роста, изобилия и процветания. Например, якутами излюблен мотив процветающей лиры, которую связывают с почитанием богинь якутского пантеона: Айыысыт, Иэйэхсит и Аан Алахчын (Тишина 2005:109).

Накосные украшения как часть этнической материальной культуры якутов несут в себе не только эстетическую или утилитарную функцию, но и магико-религиозную, так как они несли особую знаковую нагрузку, связанную с обрядами жизненного цикла. Мы не располагаем достоверной информацией о социально-статусной и магико-религиозной функциях накосных украшений, можем лишь, исходя из приведенных параллелей и конструктивных особенностей изделий, сделать вывод, что накосные украшения обладали апотропической и продуцирующей функциями, которые частично сохранились и в наши дни. Манипуляции с волосами во время свадебного обряда рано изжили себя в якутской среде, хотя, вероятно, бытовали до формирования якутов как этноса. Сегодня больше сохраняется апотропичес-

ская функция накосных украшений, которая связана с почитанием богинь якутского религиозного пантеона.

Литература:

Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1978. 144 с.

Дьяконова В. П. Этнокультурные параллелик традиционным прическам теленгитов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1986. С. 32–39.

Клюева Н. И., Михайлова Е. А. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1988. Т. XLII. С. 113–128.

Маак Р. К. Вилюйский округ. М.: Яна, 1994. 592 с.

Носов М. М. Художественные бытовые изделия якутов XVIII – начала XIX вв. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1988. 103 с.

Прокопьева А. Н. Головное украшение XVIII в. из коллекции МАЭиВШ СВФУ // Эхо арктической одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 14–15 нояб. 2019 г. Якутск: Электронное изд-во НБ РС(Я), 2019. С. 504–508.

Саввинов А. И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.

Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири / Украшения народов Сибири: сб. МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2005. Т. LI. С. 12–119.

Тишина Т. П. Якутское орнаментальное искусство // Наука и техника в Якутии. 2005. № 1(8). С. 102–110.

Яковлева К. М., Прокопьева А. Н. Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв. Якутск: Изд-во СВФУ, 2020. 80 с.

Яковлева К. М., Яковлев А. И. Родильные обряды якутов: традиции и современность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2021. № 3. С. 231–239.

Карелина Екатерина Константиновна
доктор искусствоведения
Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки
Новосибирск, Россия
Ye_karelina@mail.ru

ТУВИНСКИЙ ХООМЕЙ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ

Статья посвящена анализу исторического развития искусства горлового пения тувинцев – хоомей. Отмечается особое положение хоомей в системе этнокультуры, его роль центрального элемента в «юрточной модели» жанров традиционной музыкальной культуры тувинцев. Выделяются три основных этапа в исторической эволюции тувинского хоомей. Первый (до 1960-х гг.) характеризуется полным соответствием хоомей типу устного профессионализма в системе фольклора, при этом, отличаясь от музыкального искусства родственных тюрко-монгольских народов отсутствием признаков ремесленности. Второй этап (с середины 1960-х до 1990-х гг.) демонстрирует новые формы бытования, инспирированные развитием художественной самодеятельности, также происходит презентация хоомей за пределами Саян, а также за рубежом. Третий этап (с 1990-х гг. до настоящего времени) отличается активным развитием музыкального профессионализма носителей традиции и научных исследований о хоомее; практика бытования характеризуется параллельным сосуществованием инновационных и традиционных форм хоомей.

Ключевые слова: Тува, горловое пение, хоомей, историческая эволюция.

Karelina Ekaterina Konstantinovna
Doctor of Sciences in Arts
M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory
Novosibirsk, Russia

TUVAN XÖÖMEI IN HISTORICAL AND CULTURAL DYNAMICS

The article is devoted to the analysis of the historical development of the art of throat singing of Tuvinians – xöömei. The author notes the special position of xöömei in the system of ethnoculture, its role as a central element in the "yurt model" of the genres of traditional musical culture of Tuvinians. There are three main stages in the historical evolution of the Tuvan xöömei. The first (until the 1960s) is characterized by a complete correspondence of xöömei to the type of oral professionalism in the folklore system, while differing from the musical art of related Turkic-Mongolian peoples by the absence of signs of handicraft. The second stage (from the mid-1960s to the 1990s) demonstrates new forms of existence inspired by the development of amateur art, and there is also a presentation of xöömei outside of Sayan, as well as abroad. The third stage (from the 1990s to the present) is characterized by the active development of the musical professionalism of the bearers of tradition and scientific research about xöömei; the practice of existence is characterized by the parallel coexistence of innovative and traditional forms of xöömei.

Тувинское горловое пение (тув. *хоомей*) уже более века волнует исследователей самого разного профиля – не только этнографов и музыковедов-фольклористов, но и философов, историков, филологов, педагогов, психологов, медиков, физиков-акустиков. Нами хоомей впервые избран в качестве объекта специального внимания в контексте исторического музыкознания на пересечении с музыкальной культурологией.

В тувинской культуре хоомей рассматривается и как вид народного искусства, и как жанр вокального творчества, и как один из стилей горлового пения. Есть точка зрения, что в тувинском фольклоре хоомей представляет собой наджанровое явление (Сыченко 2008: 61). По нашему убеждению, хоомей является центральным элементом системы жанров тувинской музыки, связывая между собой все сферы традиционных жанров в единую систему, своего рода «юрточную модель» (Карелина 2009: 101–104). В

статье предпринимается попытка осмысления исторической эволюции хоомея в контексте развития тувинской культуры.

Будучи явлением, глубоко укоренным в традиционный уклад жизни тувинцев, горловое пение до начала XX в. в полной мере вписывалось в систему устного фольклора, демонстрируя все признаки традиционного музыкального искусства (Галицкая 2015: 11). Тип устного профессионализма носителей традиции (хоомейжи) имел при этом свои особенности, отличаясь от родственных явлений в культуре других тюрко-монгольских народов (акынов, улигерчи и т.п.). Тувинские мастера хоомея не рассматривали свое искусство как ремесло и способ самообеспечения, заработка, оставаясь обычными араатами и занимаясь данным видом пения в свободное время, демонстрируя свое мастерство окружающим в рамках семейно-родовых празднеств. Достоверных сведений о проведении общенациональных состязаний хоомейжи в старой Туве не сохранилось.

В то же время на рубеже XIX–XX вв. интерес к тувинскому горловому пению начали проявлять иноземные путешественники, а позже советские исследователи. В тувинской среде явного обособления хоомея от других жанров устного народного творчества долгое время не наблюдалось. Хоомей оставался органичным элементом целостной музыкальной культуры этноса. В советский период истории Тувы (с момента вхождения Тувинской Народной Республики в 1944 г. в состав СССР) происходили существенные перемены в культурной жизни, повлекшие за собой новые формы организации народных талантов в рамках художественной самодеятельности. Так начал стимулироваться процесс постепенной концертизации хоомея, породивший его инновационные формы (ансамблевый, детский, женский хоомей). Вехами в этом процессе справедливо можно считать следующие события 1980-х гг.: проведение научно-практической конференции «Проблемы изучения и пропаганда искусства гортанного пения народов СССР» с привлечением специалистов из разных регионов страны (1981) и основание этномузыковедом Зоей Кыргыз фольклорно-этнографического ансамбля «Тыва» (1988). Ядро коллектива составляли далекие от сценической практики носители традиции «из глубинки». При этом последовавшая концертно-гастрольная деятельность ансамбля знаменовала собой начало процесса профессионализации хоомея, усилившегося в постсоветский период. В это же время стилистика горлового пения стала находить отражение в творчестве профессиональных композиторов Тувы.

Дальнейшие события в тувинской культуре логично продолжили означенные тенденции, а именно: основание Международного научного центра «Хоомей» (1993), регулярное проведение в Туве международных научных симпозиумов «Хоомей – феномен культуры народов Центральной Азии» (1992, 1995, 1998, 2003, 2008, 2013, 2018), международных и республиканских конкурсов исполнителей горлового пения, открытие классов хоомея в учебных заведениях Тувы и издание учебно-методических материалов (Карелина 2019: 211–215) и т.д. Все это стало свидетельством того, что художественная ценность хоомея в полной мере была осознана внутри самой этнической культуры и что сохранение и развитие искусства хоомея стало приоритетным направлением культурной политики в Республике Тыва.

Активная зарубежная гастрольная деятельность тувинских фольк-групп («Тыва», «Ят-Ха», «Хун-Хурту», «Чиргилчин», «Тыва кызы», «Алаш» и др.) еще больше укрепила статус хоомея как ярчайшего маркера этнокультуры тувинцев. С приобретением устно-письменных форм бытования и авторских композиций (как на фольклорной основе, так и собственно авторских) хоомей в полной мере перешел в сферу музыкального профессионализма. При этом народные формы фольклорного бытования не исчезли, но заметно отошли на второй план в общей культурной жизни республики. Ценность аутентичных форм горлового пения в противовес новым явлениям активно отстаивают ученые-этномузыкологи. Например, анализ проводимого в последние годы республиканского конкурса «Кошкун хоомей» (Кочующий хоомей) показал справедливую тревогу специалистов за опасность утраты локальных исполнительских школ и оригинальных манер исполнения (Бадыргы, Карелина 2021: 226).

Итак, анализ изменений бытования тувинского горлового пения в течение XX–XXI вв. позволяет нам выделить три основных этапа его исторического развития:

- 1) фольклорно-этнографический (до 1960-х гг.) – бытование хоомея исключительно в системе аутентичного устного народного творчества;
- 2) концертно-этнографический (с середины 1960-х до 1990-х гг.) – новые формы бытования в системе организованного массового народного творчества, экспонирование хоомея в пространство советской и мировой культуры;

3) концертно-исследовательский (с 1990-х гг. до настоящего времени) – развитие музыкального профессионализма и научной мысли, параллельное бытование хоомея в традиционных и инновационных формах.

Реорганизация Международного научного центра «Хоомей» в Международную Академию Хоомея в 2021 г. стала ожидаемым шагом на пути дальнейшего продвижения этнического искусства тувинцев в мировом культурном пространстве. Новым учреждением начал руководить не ученый-этномузыковед (директором МНЦ «Хоомей» бессменно была Зоя Кыргыз), а исполнитель-профессионал горлового пения – хоомейжи Бады-Доржу Ондар, что свидетельствует о некоторой смене приоритетов, однако, не умаляет значение научно-исследовательской миссии Академии, которая продолжается в условиях творческого освоения и развития различных форм хоомея как внутри Тувы, так и за ее пределами.

Литература:

Бадыргы М. М., Карелина Е. К. Современная культурная политика Тувы по сохранению традиций горлового пения (на примере проекта «Кошкун хоомей») // Вестник музыкальной науки: журнал Новосибирской гос. консерватории им. М.И. Глинки. 2021. Т.9, № 2. С. 218–232.

Галицкая С. П. О профессионализме в традиционной музыкальной культуре // Проблемы музыкальной науки. 2015. № 4. С. 6–14.

Карелина Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней. М.: Композитор, 2009. 552 с.

Карелина Е. К. Преподавание горлового пения в регионах Сибири: историко-теоретический аспект // История музыкального образования: новые исследования: материалы всерос. науч. семинара и симпозиума VII сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. Вологда; Пермь, 2019. С. 208–217.

Сыченко Г. Б. Региональные исследования в Южной Сибири и в Республике Тыва // Хоомей (горловое пение) – феномен культуры народов Центральной Азии: тезисы науч. докл. V-го междунар. этномузыкалогического симп. Кызыл, 2008. С. 60–66.

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна
доктор философских наук
Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия
lamazhaa@tuva.asia

ЮРТА В СОВРЕМЕННОЙ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

В докладе рассматриваются формы современного бытования юрты в социокультурной жизни Республики Тыва: в педагогике, в архитектуре, дизайне помещений, сувенирах и пр. Это общественно одобряемый культурный процесс, самостоятельно развернувшийся во всех областях жизни – общественной и личной. Он свидетельствует о том, что юрта как мобильное жилье кочевников-скотоводов снова стала ценностью культуры для их потомков, проживающих оседло.

Ключевые слова: тувинцы, Тува, юрта, тувинская культура, номад.

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna
Doctor of Sciences in Philosophy
Tuvan State University
Kyzyl, Russia

YURT IN CURREN TUVAN CULTURE

The report shows the forms of the modern existence of the yurt in the socio-cultural life of the Republic of Tuva: in Pedagogy, architecture, interior design, souvenirs, etc. This is a socially approved cultural process that has independently unfolded in all areas of life, public and personal. It shows that the yurt as a mobile dwelling of nomadic pastoralists has again become a cultural value for their descendants who live sedentary.

Keywords: Tuvans, Tuva, yurt, Tuvan culture, nomad.

Юрты были и остаются важной частью тувинской культуры и хозяйствования скотоводов (Вайнштейн 1991; Кенин-Лопсан 2006), которые продолжают заниматься традиционным животноводством. Однако число их невелико. Для них юрта – наиболее удобный вид жилища, который тем не менее уже имеет много новаций. Само слово в их языках имеет несколько значений, как и на древнетюркском языке. В тувинском языке слово *өг* ‘юрта’ имеет несколько показательных производных: *өг* в переносном смысле понимается и как ‘семья’ (Тувинско-русский ... 1968: 330), т.е. семантика слова *өг* тесно связана с представлениями о семье, с самым близким и родным кругом людей, и поэтому юрта (*өг*) в тувинской лингвокультуре имеет значение не просто дома, но дома, где живет семья.

Это показывает, что традиционное жилище скотоводов никогда не было просто жилищем, объектом, которое может быть за ненадобностью забыто. Общества евразийского континента конца XX в. после распада СССР пережили самый сложный этап социальных трансформаций. В нем также происходила актуализация архаических культурных и социальных практик (Ламажаа 2013). В этих условиях региональные сообщества и нации обратились к ценностям традиционной культуры, в том числе семейных ценностей, родственных уз. Этот же процесс привел если не к полному возврату к традиционным видам хозяйствования, то к возрождению памяти о ценностях кочевой культуры. В Туве своеобразным знакомым событием для этого стало научное мероприятие – международный конгресс «Юрта – традиционное жилище кочевых народов Азии» в 2004 г. (Юрта – традиционное жилище... 2004).

Абсолютное большинство населения Тувы – тувинцы (82%), поэтому юрта стала важнейшей частью современной культуры всей социокультурной жизни региона. Сегодня это выражается в педагогике, архитектуре, дизайне интерьеров, одежде, сувенирной продукции, питании и др.

¹ Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 21-18-00246 «Гезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)».

В современной культуре детства тувинцев, в которой сегодня взрослые снова пытаются детей воспитывать традиционным ценностям (Ламажаа 2021), тувинская юрта рассматривается как уменьшенная копия мира. Изучение этнокультурных традиций народа, семейного воспитания, семейных обрядов, родственных связей считается необходимой основой формирования этнопедагогической культуры. Этому специально обучают будущих педагогов на курсе «Этнопедагогика» Тувинского госуниверситета.

В образовательных учреждениях Тувы организуется много различных конкурсов (школьных, районных, республиканских) поделок самой юрты. Помимо этого, юрта выступает и объектом для обучения детей основам геометрии, математики, физики. В целом педагоги подчеркивают, что юрта является удачным средством нравственного воспитания учащихся этноэтикету, а также подготовке к семейной жизни (Волков, Салчак, Шаалы 2009: 107).

Комплексы юрт сами по себе стали достаточно популярной формой этноотелей в регионах кочевой культуры (и не только в них). В Туве наиболее известный подобный комплекс «Алдын-Булак» (Золотой источник) расположился на берегу Енисея в 45 километрах к западу от Кызыла. На его территории расположены юрты и чумы. Само их расположение имеет специальную круговую форму: в центре расположена самая большая юрта, где работает ресторан, ее окружают четыре «президентские» юрты, а их, в свою очередь, – семь юрт. Этот туристический комплекс содержит обрядовые места, а также является базой активного отдыха. Но он интересен не только для гостей республики. Сами кызыльчане здесь часто проводят различные торжественные церемонии – свадьбы, юбилеи, корпоративы.

Поскольку юрта прежде всего ассоциируется с гостеприимством, угощением, то самый распространенный вариант ее использования – место общественного питания. Юрты также устанавливаются и как придорожные кафе. Во время различных празднеств на площадях, перед зданиями в юртах организаторы могут принимать гостей, а также использовать данное мобильное помещение как хранилище разной рабочей утвари. Так, юрты – частые «гости» центральной площади Арата Кызыла, столицы Тувы, а также площади перед зданием Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Возобновилась практика и использования юрт как мобильных молитвенных домов как в советские годы (Путинцева, 2010). Что интересно, храм-юрта стала востребованной для православия в регионе. И это помимо юрточных городков, которые специально разворачиваются во время летнего праздника животноводов Наадым или встречи Нового года по лунному календарю Шагаа.

В летнее время белая юрта также пополняет собой число объектов территории набережной Енисея Кызыла и наряду с обелиском «Центр Азии» и скульптурной группой «Царская охота» становится одной из локаций для фотосессий, в том числе свадебных. Но порой юрты ставятся и как временные постройки для сезонных услуг.

Как «симбиотическое» архитектурное решение можно привести в качестве примера встраивание формы юрты в архитектуру нового здания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл). После землетрясения в Туве в 2011 г. здание института, построенное еще в советские годы, было признано аварийным. И почти десять лет администрация и часть коллектива были вынуждены работать в пристройке, остальные сотрудники – из дома. Рабочие совещания устраивались в разных помещениях, одно время даже в настоящей войлочной юрте, установленной во дворе. Но в новом построенном здании юрте тоже нашлось место: мансарда выполнена в форме стеклянной юрты-крыши для конференц-зала.

В интерьере помещений традиционное жилье тувинских скотоводов присутствует в разных формах: целиком или в виде отдельных, узнаваемых элементов. В первую очередь, поскольку в Туве есть несколько учреждений культуры со статусом «Национальный» (театр, музей, библиотека, архив и др.), то в их помещениях этот символ кочевой культуры присутствует практически как обязательный элемент. Например, целиком юрты устанавливают в просторных фойе больших строений. Одна юрта постоянно стоит в фойе Национального театра им. В. Кок-оола Республики Тыва, где зрители ожидают начала концертной программы или прогуливаются во время антрактов.

Еще часто встречаются два отдельных фрагмента строения юрты – круг верхнего дымохода *хараача* и стены *ханалар*. Например, круг *хараача* является важным украшением потолка главного зала заседаний Дома Правительства Республики Тыва. Это один из популярных вариантов вписывания образа юрты в пространство помещения. Еще один распространенный вариант — украшение стен помещений с помощью деревянных стен с рейками в виде стен юрты *ханалар*. Так декорируют обычно внутреннее

убранство рестораны, кафе. Некоторые хозяева таких заведений стараются использовать и *хараача*, и *ханалар*. Национальный музей РТ также использовал конструкцию в виде *ханалар* для выделения в фойе основного здания пространства сувенирного магазинчика.

В последние годы форма юрты используется очень часто в дизайне одежды и сувенирной продукции. Все это пользуется большой популярностью не только у туристов Тувы, но и у местного населения. Круглая конусообразная форма юрты сделала также ее востребованной у молодых предпринимателей-кондитеров Тувы, которые готовят юрты-торты. Образ юрты удобен и для изготовления сувенирных шкатулок, ключниц, брелоков преимущественно из дерева, иногда их делают из других материалов (агальматолита, бисера и др.). И кроме того, юрта часто изображается на картинах.

Перечисленные примеры бытования юрты в современной социокультурной жизни Тувы в самых разных формах не являются частью целенаправленной культурной политики в регионе. Это общественно одобряемый культурный процесс, самостоятельно развернувшийся во всех областях жизни – общественной и личной, который свидетельствует о том, что юрта как мобильное жилье кочевников-скотоводов снова стала ценностью культуры теперь для их потомков.

Литература:

Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 294 с.

Волков Г. Н., Салчак К. Б., Шаалы А. С. Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл: Билиг. 211 с.

Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 230 с.

Ламажаа Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 272 с.

Ламажаа Ч. К. Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 57–75.

Путинцева А. П. Дневники Красной юрты. Хабаровск: ХКМ, 2010. 349 с.

Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

Юрта – традиционное жилище кочевых народов Азии: тезисы междунар. конгресса. Кызыл, 14–18 июля 2004 г.: в 2 ч. / сост. Г. Д. Сундуй и др. Кызыл: Билиг, 2004. 336 + 83 с.

Майны Шенне Борисовна
кандидат культурологии
Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия
Shenne85@mail.ru

ТРАДИЦИЯ ПЕРЕДАЧИ ВЕЩЕЙ ЭРГИНДИ В КУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА ТУВИНЦЕВ¹

Доклад посвящен описанию традиции передачи вещей *эргинди* в современной детской культуре тувинцев. Рассмотрены комплекты передачи детских вещей в семье Майны, а также их различные формы и пути дарения между близкими родственниками. Традиция передачи детских вещей *эргинди* всегда существовала, детская одежда, переходя от старших к младшим сестрам и братьям, изнашивалась, но ее бережно хранили, реставрировали, поддерживали ее функциональность. Через обычай дарения *эргинди хеп* воплощали идею преемственности, передачи благ и ценностей от одного поколения к другому.

Ключевые слова: тувинцы, Тува, дети, старые вещи.

Mainy Shenne Borisovna
Candidate of Sciences in Culture Studies
Tuva State University
Kyzyl, Russia

TRADITION OF TRANSFER OF ITEMS TO ERGINDI IN THE CULTURE OF CHILDHOOD OF TUVANS

The report is devoted to the description of the tradition of transferring things *ergindi* in the modern children's culture of Tuvans. The sets of transferring children's things in the Mainy family, as well as their various forms and ways of donation between close relatives are considered. The tradition of handing over children's things *ergindi* has always existed, children's clothes, passing from older to younger sisters and brothers, wore out, but they were carefully stored, restored, saving their functionality. Through the custom of giving *ergindi khep* the idea of continuity, the transfer of goods and values from one generation to another has been embodying.

Keywords: Tuvans, Tuva, children, old things.

Уруглар, уруг-дары 'дети' считались одной из главных ценностей тувинской традиционной культуры, как и других культур (Ламажаа 2021: 58). Одежда детей занимает важное место в культуре детства тувинцев. Особенности детской одежды известны, но из поля зрения выпала культурная семантика, обычаи, связанные с ней. Наиболее широко распространена традиция передачи *эргинди* старых вещей в современной тувинской культуре, истоки которой восходят к традиционной культуре. Тем не менее за более чем вековой путь трансформации тувинского общества эти обычаи, связанные с детской одеждой, также трансформировались, в том числе вбирая в себя новшества в каждый исторический период. И сегодня традиция передачи вещей *эргинди*, напоминая тувинцам об их этнических корнях, тем не менее в значительной мере изменилась. На примере авторского материала, касающегося того, как сегодня передаются детские вещи в семье Майны, мы рассмотрим бытование данной традиции тувинцев во втором–третьем десятилетии XXI в. Целью доклада будет описание традиции *эргинди хеп* в современных условиях, которая была проведена с участием автора данного доклада в 2002–2022 г. в г. Кызыле.

Эргинди – группа материальных объектов, старых вещей, имеющих солидный материальный возраст, не обладающих антикварной ценностью, локализованных в пределах пространства родственной

¹ Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта грант № 21-18-00246 «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)».

группы (*төрөл бөлүк*) (Ламажаа 2021: 15). В эту группу входят одежда, инвентарь, книги, игрушки, посуда, мебель, техника и пр. Упоминания о традиции передачи *эргинди хеп* даны в этнографической литературе (Потапов 1969; Кенин-Лопсан 2006; Сиянбиль, Сиянбиль 2000). Современное модное направление повторного использования того, что уже когда-то было изготовлено, ресайклинг (от англ. *recycling* ‘переработка’) активно используется и современными тувинцами.

Традиция передачи детской старой одежды *эргинди хеп* в семье Майны

Каждая молодая тувинская семья старается для своего первенца купить новые детские вещи: детскую одежду, колыбель, игрушки, пеленки, коляску и т.д. В настоящее время актуальным становится приобретение молодыми родителями детских комплектов, вещей, приданных для новорожденных в национальном тувинском стиле с различными узорами. Когда рождается первый ребенок, близкие родственники дарят новые детские вещи, а также старые вещи своих детей. Поношенные детские вещи первенца молодые родители бережно хранят для своих следующих детей, так как современная тувинская молодежь помнит традицию дарения старой детской одежды, также им об этом напоминают их родители, родственники.

Дети в многодетных тувинских семьях очень хорошо понимают *эргинди хеп*. Как я помню, в нашей семье Майны, наши родители Б. С. Майны (пенсионер, 1958 г.р.) и Р. С. Майны (пенсионер, 1956 г.р.) всегда покупали новые вещи для старшей сестры, и мы донашивали ее вещи. И у нас не было никакой обиды на родителей. Сестра тоже очень аккуратно и бережно носила вещи, поддерживала их функциональность, так как она понимала, что ее вещи будут носить ее родные сестры и брат.

В нашей многодетной семье Майны пятеро детей: четыре сестры и один брат. Все четыре сестры имеют свои семьи (*өг-бүлө*). У моей старшей сестры Шончалай один сын, ему 8 лет, он является самым первым внуком моих родителей. Я имею троих детей: старшей дочери 6 лет, сыну 3 года, младшей дочери 1 год. Младше меня сестра Шораана имеет двоих детей: дочке 8 лет, сыну 6 лет, и в настоящее время она ждет третьего ребенка. Самая младшая сестра Надежда имеет двоих сыновей: старшему 7 лет, младшему 3 года. Младший брат Буян еще не обзавелся семьей. Всего восемь детей, самому старшему 9 лет, а самому младшему 1 годик. Четыре семьи родных сестер помогают друг другу, передавая детские вещи.

В настоящее время славная традиция передачи старой детской одежды сохранилась и в наших семьях. Все наши дети очень бережно относятся к своим игрушкам, одежде, обуви, книгам, они знают, что все эти вещи еще понадобятся нам. Мы покупаем детскую одежду в магазинах детской одежды, а также у нас есть общая страница интернет-магазина модной одежды и обуви *Wildberries*, оттуда мы заказываем и приобретаем детскую одежду, обувь, игрушки, канцелярские товары и т.д. Все приобретенные в магазинах детские вещи после ношения храним для передачи, дарения следующим нашим детям. Аккуратно складываем вещи по сезонам и храним в специальных сумках. Сильно изношенные детские вещи мы не выбрасываем, а, как нас учила мама, окуриваем можжевеловым (*артыш*) и сжигаем. Для нас, людей, выросших в многодетной семье, традиция дарения вещей считается вполне нормальной. Для меня, многодетной мамы, передача *эргинди хеп* очень практична и экономична.

Мы, четыре родные сестры, имеем три комплекта *эргинди хеп* детских старых, ношенных вещей:

- *общая сумка для беременной (иштигбей барбазы ‘сумка для беременной’)*, где есть все нужные вещи для беременных (специальная зимняя куртка для беременных, штаны, зимние и летние платья, зимние и летние рубашки, джемперы, спортивные костюмы, халаты, а также специальные вещи для родов: бандаж, компрессионные чулки и т.д.). Этой сумке уже 7–8 лет. Конечно, она обновляется новыми вещами каждый раз, когда одна из нас забеременеет. В данное время эта сумка с вещами у меня, сейчас я передаю эту сумку моей сестре Шораане, она рождает весной 2022 г. третьего ребенка.

- *детские вещи*: комплекты на выписку, наволочки, одеяла, комбинезоны, полотенца, боди, ползунки, футболки, колготки, носки, джемпера, шапки, куртки, варежки, школьные формы для девочек, для мальчиков, платья, кардиганы, обувь и т.д.

- *детский инвентарь*: кровать, тазы, детские игрушки, книги, велосипеды, коляски, детское автокресло, люльки и т.д.

Обычай одаривания старыми вещами происходит следующими путями:

1. Между родными сестрами детские *эргинди хеп* передаются по наследству от старших детей к младшим.

2. Близкие родственники приезжают в гости и просят детские *эргинди хеп*.

3. Близкие родственники просят детские *эргинди хеп* через онлайн-пространство (Ламажаа 2021), т.е. звонят по телефону, пишут сообщения по мессенджеру *Viber*.

Описанная традиция передачи вещей *эргинди* довольно типична для современных тувинцев. В тувинской культуре считается, что детей лучше растить в старой одежде, желательно переданной по наследству от старших детей, благополучно прошедших период отрочества. С помощью детской *эргинди хеп* ребенок охранялся от болезней, бед, сглаза, а также обеспечивался благополучным будущим.

Литература:

Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 230 с.

Ламажаа Ч. К. Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21.

Ламажаа Ч. К. Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 57–75.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.

Сиянбиль О. М., Сиянбиль А. А. Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл: Тип. Госкомитета по печати и массовой информации РТ, 2000. 72 с.

Шапошников Георгий Михайлович
кандидат экономических наук
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
khaltar1947@mail.ru

ДЕРЕВНЯ УСТЬ-КИНДИРЛА СЕГОДНЯ И 130 ЛЕТ НАЗАД СО ДНЯ ОПИСАНИЯ ЕЕ Н. Ф. КАТАНОВЫМ

В статье показано, кто такой Н. Ф. Катанов, и что он сделал для того чтобы весь мир узнал о тюрках центральной части Средней Азии, об их языке и фольклоре. Также в статье показано, как изменилась социально-экономическая обстановка на примере одного поселения в жизни коренного населения Хакасии.

Ключевые слова: Н. Ф. Катанов, деревня Киндирла, экономическая обстановка, личные подсобные хозяйства, безработица.

Shaposhnikov Georgy Mikhailovich
Candidate of Sciences in Economics
Khakas Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russia

VILLAGE UST-KINDIRLA TODAY AND 130 BACK FROM THE DATE OF ITS DESCRIPTION BY N. F. KATANOV

The paper shows who is N. F. Katanov, and what he did in order for the whole world to find out about the Turks of the central part of Central Asia, about their language and folklore. Also the author considers how the socio-economic situation has changed on the example of one settlement in the life of the indigenous population of Khakassia.

Keywords: N. F. Katanov, village of Kindyrla, economic situation, personal subsidiary farms, unemployment.

Н. Ф. Катанов родился 6 мая 1862 г. Это тюрколог с мировым именем, доктор сравнительного языкознания, профессор Императорского Казанского университета (1907), действительный член Российского Географического общества (1894), первый хакасский ученый. Катанов учился в Аскизском училище (1869–1876). После окончания с золотой медалью классической гимназии в Красноярске (1884) поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по разряду арабо-персидско-турецко-татарской словесности, который окончил со степенью кандидата (1888). Катанов получил специальную тюркологическую подготовку под руководством В. В. Радлова, в частном порядке изучал фонетику тюркских языков. После окончания университета указом императора Российской империи Александра III от 22 декабря 1888 г. кандидат Н. Ф. Катанов был командирован на два года за границу с ученой целью (Наследие 2017:17). Собранный и обработанный материал по языку, народному творчеству и этнографии тувинцев, карагасов, хакасов, казахов и уйгуров сохранил значение до наших дней.

После сдачи магистерского экзамена по турецко-татарской словесности (1893) Н. Ф. Катанов был назначен в Казанский университет экстраординарным профессором по кафедре турецко-татарских наречий. Магистерскую диссертацию «Опыт исследования урянхайского языка» защитил в Санкт-Петербурге 7 декабря 1903 г. Это исследование вошло в золотой фонд мировой тюркологии: оно содержит описание тувинского языка и материалы по сравнительной грамматике живых и мертвых тюркских языков; в него включены образцы фольклора, словарь с библиографией и указаниями. Степень доктора наук по сравнительному языкознанию ему была присуждена 15 декабря 1907 г. без защиты.

Позже Катанов преподавал в Казанском университете, Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте и других учебных заведениях (1911–1922). Опубликовал 382 работы (Энцикло-

педия 2007: 268). При этом использовал многие языки. О знании многих языков мира говорит тот факт, что «о лингвистических способностях Катанова-полиглота написано немало. Современники называли Катанова “лингвистической энциклопедией”. Он владел почти всеми европейскими языками, многими восточными, знал древние и мертвые классические языки, свободно читал тюркские руны, шумерскую клинопись, египетские и китайские иероглифы, санскритское письмо, арабскую вязь, древнеуйгурскую и арамейскую графику. В своих трудах он использовал 114 языков народов мира» (Кокова 2012:120).

В этом 2022 г. исполняется 160 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти Н. Ф. Катанова. Как известно, в период его научного путешествия в 1889–1892 гг. основным объектом комплексного исследования были «минусинские татары» – хакасы (Наследие 2017: 22).

В своей работе «Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии по статистическим данным, собранным в 1889 году» Н.Ф. Катанов описал 43 населенных пункта в границах современной Хакасии, в том числе два села, пять деревень, 34 улуса и две заимки (Катанов Н.Ф. 2004: 89). Все эти населенные пункты, где проживали инородцы (т.е. татары), входили в состав Аскизской инородной управы Минусинского округа Енисейской губернии. Центром этой управы было село Аскиз, где было всего 40 дворов. В двух населенных пунктах этой управы – в селах Аскиз и Усть-Есь – были церковь и при этих церквях школы, иных социально значимых учреждений на территории управы больше не было.

Из упомянутых в 1889 г. работе Н. Ф. Катанова 43 населенных пунктов на сегодня сохранилось 19 поселений, в том числе поселение Усть-Киндирла. В период описания Н. Ф. Катановым это был улус Усть-Кендырлинский, сейчас это деревня Усть-Киндирла (Списки 2014:10). В те годы в этом населенном пункте было 27 дворов. Проживало 182 человека. Лошадей содержалось в этом поселении 110 голов, коров – 46, а овец – 978 голов. Часть поселения занималась хлебопашеством, засевали 52 десятины яровым хлебом или 57 гектаров. В настоящее время в этом поселении 105 дворов или частных хозяйств, проживает 290 человек. В этом поселении в настоящее время содержат 287 голов крупного рогатого скота, 343 головы овец и 21 голова лошадей. Таким образом, видно, что за 130 лет со дня описания Н. Ф. Катановым сохранилось само поселение, что немаловажно. А население, также как 130 лет назад, занимается разведением скота и содержит небольшие огороды. У каждого около 20 соток, картофель сажают на площади около 22 га. В этом поселении есть восьмилетняя школа, где занимаются 48 учеников, есть фельдшерско-акушерский пункт и свой небольшой сельский дом культуры. В этом поселении родились Герой Советского Союза Михаил Иванович Чебодаев и чемпион мира 2005 г. по тайскому боксу Владимир Баяков (Славные 2009: 157).

Как видно из приведенных данных, население мало содержит лошадей по сравнению с концом XIX в. Оно и понятно. Все сельскохозяйственные угодья вокруг этого поселения в частных владениях – владеют ими фермеры или сами жители поселения. В этом поселении имеют земельные угодья от 12,5 до 100 га около 20 хозяев. В их руках около 20 тракторов. Между тем в данном поселении не держат скот в 15 частных подворьях или 15% от всех подворий. Уровень общей безработицы в данном поселении по итогам 2020 г. составил 51,3%, а уровень регистрируемой безработицы был 4,3%.

Из 290 человек, проживающих в данном поселении, 74% составляют экономически активную часть населения. И как видно, из них более 59% являются безработными. Однако зарегистрированы безработными только 4% от общего числа экономически активной части населения.

Многие просто не ездят на регистрацию, это 30 км до районного центра Бея, из них 13 км по гравийной дороге. Для безработных дорога на регистрацию весьма затратная. Надо отметить, что школа в этом поселении еще постройки 1950-х гг. Строительство новой школы не планируется.

Из изложенного материала можно сделать вывод, что спустя более чем 130 лет, с момента описания жизни людей в деревне Киндирла, люди по-прежнему живут за счет личных подсобных хозяйств. В конце 1980-х гг. деревня Киндирла была фермой № 2 Табатского совхоза Бейского района Хакасии. Там содержалось более 8000 голов овец, около 1000 голов крупного рогатого скота. Рабочие фермы засевали 4000 гектаров пашни. Но все это в прошлом. В настоящее время надо всем, кто содержит скот в сельской местности, доплачивать за содержание маточного поголовья скота.

Литература:

Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территорий / сост. С. А. Угдыжеков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 260 с.

Кокова И. Ф. Николай Федорович Катанов. Документальная повесть о выдающемся российском востоковеде. Изд. 2, доп. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2012. 172 с.

Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». «Дневник путешествий, совершенного по поручению Императорского Русского географического общества в 1890 гг. членом – сотрудником оною Н. Ф. Катановым» / отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и др. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. 734 с.

Славные люди хакасского народа / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: Диалог-Сибирь, 2009. 160 с.

Списки сельских населенных пунктов, постоянных хозяйств и численность населения по муниципальным районам Республики Хакасия на 1 января 2014 г. 22 с.

Энциклопедия Республики Хакасия. В 2 т. Т. 1. А–Н / гл. ред. В. А. Кузьмин. Красноярск: Поликор, 2007. 432 с.

Чебодаева Маина Петровна
кандидат искусствоведения
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
chebodaevamp@mail.ru

ДЕКОРАТИВНЫЙ ШОВ АРГАЗЫ В НАРОДНОЙ ВЫШИВКЕ ХАКАСОВ

В статье впервые рассматриваются философские основания хакасской орнаментики. Исследуя основные положения традиционного мировоззрения хакасов о трехчастной структуре мира применительно к шву *аргазы*, которым хакасы вышивали спинку на мужской и женской шубе *тон* и *ах тон* и женском халате-*сикпене*. Хакасская народная вышивка в традиционном костюме связана с мифологическими воззрениями народа и служила своеобразным оберегом. Главные орнаментальные мотивы в народной вышивке были связаны с пантеоном богов у хакасов, таких как Тенгри, Умай, От Иней, Чир-Су, Солнце и Луна.

Ключевые слова: хакасы, народная вышивка, декоративный шов *аргазы*, декоративно-прикладное искусство.

Chebodaeva Maina Petrovna
Candidate of Sciences in Arts
Khakass Research Institute
of Language, Literature and History
Abakan, Russia

DECORATIVE SEAM ARGAZY IN KHAKASS FOLK EMBROIDERY

The article discusses for the first time the philosophical foundations of Khakass ornamentation. Exploring the main provisions of the traditional worldview of the Khakas about the three-part structure of the world in relation to the seam of the *argazy*, which the Khakas embroidered the back on the male and female fur coat *ton* and *akh-ton* and the women's robe-*sikpen*. Khakass folk embroidery in a traditional costume had a mythological character and was a kind of human talisman. The main ornamental motifs in folk embroidery were associated with the pantheon of gods among the Khakas, such as Tengri, Umai, OtInei, Chir-Su, Sun and Moon.

Keywords: Khakass, folk embroidery, decorative seam *argazy*, decorative and applied art.

В последние годы возрос научный интерес к традиционной одежде народов Сибири, в том числе и хакасов, в аспекте материальной и духовной культуры. В связи с этим целью данной публикации является рассмотрение декоративного шва в вышивки *аргазы*, который использовался для украшения как мужской, так и женской одежды хакасов, который до настоящего времени еще не рассматривался в научной литературе.

Мотив шва *аргазы* был связан с мировоззрением хакасов, связанным с понятием о Верхнем, Среднем и Нижнем мирах, между которыми распределены живые существа, боги и духи. Данное понятие имеет общее с монгольской философской концепцией *аргабилиг*, согласно которой мир делится на два противоположных полюса: мужское и женское, день и ночь, вверх и низ, Солнце и Луна, Небо и Земля, лето и зима, внешнее и внутреннее. Философская концепция *аргабилиг* еще не получила достаточного освещения в русскоязычной научной литературе, и поэтому многие вопросы по проблематике орнаментики и традиционного мировоззрения народов Южной Сибири пока остаются не освещенными.

По мнению монгольского исследователя орнамента Д. Гантулги, «Эта же система (*аргабилиг* – М. Ч.) может быть выражена числом «3», которое имеет большое значение в монгольской культуре. Тройка – неделимое число, первое нечетное число – обладает некими основополагающими коренными свойствами. Однако ее основное значение – это символы *арга*, *билиг* и их взаимосвязи. Тройка всегда связана с *арга* (мужским началом), является воплощением трехчастной структуры мира. Существуют и обще-

культурные коннотации с тройкой. Так, например, монголы требовали каждое действие повторять трижды» (Гантулга 2019: 2).

Народная вышивка у хакасов стала одним из наиболее распространенных приемов украшения традиционной одежды. Шитьем украшали практически всю праздничную одежду: шубы, сикпены, сигедеки, платья и рубахи, мужские штаны, головные уборы и обувь. Данным ремеслом занимались исключительно женщины и девушки как члены семьи, располагающие свободным временем. Каждая хакасская женщина умела вышивать и в результате практики достигала известной степени мастерства в этом виде искусства. Почти в каждом улусе, состоящем из родственных 3–15 семей, имелась хотя бы одна мастерица, пользующаяся известностью.

Сибирский исследователь хакасской вышивки А. В. Адрианов отметил: «При самом поверхностном наблюдении над жизнью минусинских и ачинских инородцев бросается в глаза повсеместное распространение вышивок на костюмах. Ни у каких других народностей, с которыми мне приходилось иметь дело, каковы калмыки на Алтае, черневые татары в Кузнецком уезде, киргизы в Семипалатинской области, буряты в Иркутской губернии, остяки и самоеды на севере Томской губернии, наконец, сойоты по верхнему Енисею и монголы в Монголии, я нигде не видел такой любви к украшению одежды, как у инородцев Ачинского и Минусинского уезда» (Адрианов 1912: 1).

Хакасские орнаментальные узоры в народной вышивке были подразделены на геометрические, растительные, зооморфные и мифологические. Любой мотив орнамента на предмете, будь то геометрический или растительный, располагается не случайно, а в строгом соответствии с канонами. Произведения народного искусства замечательны прежде всего своей целесообразностью. Они дают наглядное представление о том, что люди, которые их создавали и ими пользовались, ощущали во всем мере прекрасного. Народная вышивка получила наибольшее развитие в украшении традиционного костюма хакасов. Существовали определенные каноны в народной вышивке. У каждой этнической группы хакасов, качинцев, сагайцев, койбалов и кызыльцев они имели свои локальные особенности.

Праздничные мужские шубы *кыскатадар тон* хакасов-качинцев украшались вышивкой *аргазы* на спинке шубы. По покрою мужская шуба *тон* была распашной. Шуба шилась длинной, заднюю часть ее делали длиннее, чем перед; от пояса шуба расклинивалась (от 3 до 7 клиньев); спинка шубы в зависимости от покроя пройм рукавов кроилась в узкую талию. Овчинные шубы – нагольные и крытые – были с круглым отложным воротником *мойдрых* из меха выдры или мерлушки; подол и левую полу оторачивали полосой меха, которая называлась *хума*, к концам рукавов пришивали специально выкрошенную опушку из меха выдры или мерлушки, отгибающуюся и прикрывающую тыльную сторону кисти руки. Шубу запахивали всегда слева направо. Существовали определенные каноны в размещении вышивки на мужской одежде. Хакасы-сагайцы украшали вышивкой рукава шубы орнаментом «розетка» – символом богини Солнца. Хакасы-качинцы рукава шубы украшали орнаментом «рога оленя» и крестом – символом бога Неба Тенгри. Средний шов по спине и шов, соединяющий рукав со спинкой, *аргазы* вышивались разноцветными шелковыми нитками в технике «алдрып» (козлик).

Покрой женской шубы *тон* был сходен с мужской шубой. Средним швом по спине и швом, соединяющим рукав со спинкой, *аргазы* на женских шубах *тон* и *ах тон* вышивали почти все этнические группы хакасов (койбалы, качинцы, шорцы), не делали *аргазы* только сагайцы и кызыльцы.

По покрою женский халат-*сикпен* был распашной и шился длинным, заднюю часть его делали длиннее, чем перед; от пояса *сикпен* расклинивался (от 3 до 7 клиньев); спинка *сикпена*, в зависимости от покроя пройм рукавов кроилась в узкую талию. Воротник делали отложной, шалью из сукна или ткани, в зависимости от этнической группы выбирался цвет воротника: качинцы и шорцы делали его красным или розовым, сагайцы – из золотистой или розовой парчи, кызыльцы одного цвета с самим *сикпеном* и с вышивкой растительного орнамента. Кроме того, качинцы и шорцы воротник декорировали перламутровыми пуговицами с мелкими красными кораллами, а сагайцы на полочке около ворота нашивали 2–3 ряда перламутровых пуговиц.

В советский период наиболее значимым изданием по традиционной одежде стала книга Ю. А. Шибаевой «Одежда хакасов» (1959), где был опубликован фактический материал этнографических экспедиций ХакНИИЯЛИ 1947 и 1948 гг. Автор проанализировала мужскую и женскую одежду, описала технику вышивки, остановилась на объяснении отдельных технических приемов. Ю. А. Шибаева сделала также замечания по локализации в одежде качинцев, сагайцев и кызыльцев. Монография до сих пор является важным исследованием, посвященным подробной разработке многих вопросов, связанных с

традиционным костюмом. Подвергнув анализу собранные материалы по женскому халату-*сикпену*, Ю. А. Шibaева отметила по поводу шва *аргазы* на женском *сикпене* следующее: «Но лучшим украшением сикпена являются вышитые цветными шелками узоры на спине по проймам «аргазы», поперек сикпена у талии, по воротнику, обшлагам и карманам. Вышивка на сикпене часто бывает очень богатой по размерам рисунка, тщательности выполнения и художественному подбору цветов различных шелков. Именно на сикпенах проявляется художественное мастерство и вкус хакасов» (Шibaева 1959: 3).

Таким образом, мотив орнамента *аргазы* был связан с мировоззренческими взглядами хакасов, связанных с понятием о трех мирах Верхнем, Среднем и Нижнем, между которыми распределены живые существа, боги и духи. Данное понятие *аргазы* имеет сходство с монгольской философской концепцией *аргабилиг*, которая еще не получила достаточного освещения в российской научной литературе. Многие вопросы по проблематике традиционного мировоззрения хакасов требуют дальнейшего изучения.

Литература:

Адрианов А. В. Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. СПб., 1911–1912. Т. 1. С. 102–108.

Гантулга Д. Монгольский традиционный орнамент мотива типа «арга» // Искусство Евразии. 2019. № 2. С. 42–49.

Шibaева Ю. А. Одежда хакасов. Сталинабад: Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина. 1959. 126 с.

Тадина Надежда Алексеевна
кандидат исторических наук
Горно-Алтайский государственный университет
Горно-Алтайск, Россия
ntadina@yandex.ru

Ябыштаев Тенгис Степанович
Горно-Алтайск, Россия
teng7891@mail.ru

АЛТАЙСКАЯ ЮРТА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МАРКЕР АЛТАЙЦЕВ

Традиционная юрта (*айыл*), признанная «пережитком» в советское время, продолжает бытовать в моноэтнических и смешанных русско-алтайских селах, в частном секторе г. Горно-Алтайска. *Айыл* во дворе дома является знаком проживания алтайской семьи. Авторами изложены причины сохранения и использования его. Основная причина необходимости юрты заключается в проведении ритуалов, которые следует совершать у огня очага, например, узловые обряды алтайской свадьбы. Обращено внимание на тот факт, что очаг, имеющийся в каждом летнем жилище *айыл*, в представлении алтайцев индивидуален, он принадлежит к роду *сеок* хозяина, главы семейства, в этом его отличие от другого огня. Это наиболее почитаемый объект в юрте, поэтому следует придерживаться устоявшихся запретов. Отмечено, что одним из первых маркеров идентичности алтайцев считается знание родного языка, которое влечет за собой соблюдение традиций, обрядов и предписаний, бурханистских в своей основе.

Ключевые слова: алтайцы, традиция, жилище-юрта, ритуал, этнокультурный маркер.

Tadina Nadezhda Alekseevna
Candidate of Sciences in History
Gorno-Altai State University
Gorno-Altai, Russia

Yabyshtaev Tengis Stepanovich
Independent Researcher
Gorno-Altai, Russia

ALTAI YURT AS AN ETHNOCULTURAL MARKER OF THE ALTAI

The traditional yurt (*aiyl*), recognized as a "relic", continues to exist in mono-ethnic and Russian-Altai villages, of the city of Gorno-Altai. The *aiyl* in the courtyard of the house is a sign of the Altai family residence. The main reason for having a yurt is conducting rituals that should be performed near the fire of the hearth, for example, the key rites of the Altai wedding. The hearth is available in each summer dwelling - *aiyl* and it is individual in the view of the Altaians, it belongs to the tribe-*seok* of the owner, the head of the family. This is revered object in the yurt, so you should keep well-established prohibitions. It is noted that one of the first markers of the Altaians' identity is the knowledge of the native language, which means the observance of traditions, rituals and prescriptions that are Burkhanist in their basis.

Keywords: Altaians, tradition, yurt dwelling, ritual, ethnocultural marker.

На основе накопленных сведений, собранных методом этнографических наблюдений, можно прийти к выводу о том, что традиционное жилище алтайцев является этнокультурным маркером. Об этом свидетельствуют следующие факты. Жилище, в котором проживала семья, и прилегающие к нему хозяйственные постройки обозначаются словом *юрт* (отсюда «юрта»), а само жилище, срубное или войлочное, называется *айыл*. В Горном Алтае в XIX в. стали появляться поселки русских переселенцев, в которые переселялись обнищавшие скотоводы после перевода алтайцев на оседлость. Обычно алтайская семья поселялась в избе, построенной по русскому образцу, а традиционное жилище *айыл* устанавлива-

лось рядом как временное летнее жилище. Современное популярное название его *чадыр* (отсюда «шатёр»).

Признанный в прошлом веке «пережитком» алтайский *айыл* продолжает бытовать особенно в моноэтнических алтайских селах, а также в смешанных русско-алтайских селах и в частном секторе г. Горно-Алтайска – столицы Республики Алтай. *Айыл* во дворе в качестве летнего жилища стал знаком того, что здесь проживает алтайская семья. Приобретший «вторую жизнь» *айыл* виден издали, его многогранная коническая крыша покрыта современным материалом, оттого имеет свой цвет – бордовый, синий, зеленый, придавая поселению новые краски. Интерес привлекает вопрос о причинах сохранения и использования традиционного *айыла* у алтайцев. Во-первых, в летнюю жару в нем прохладно, потому что пол земляной или покрыт лишь толем. Во-вторых, *айыл* приспособлен для приготовления традиционных молочных напитков, сыров, которые можно коптить над очагом. В-третьих, хотя *айыл* имеет атрибуты современной жизни – телевизор, холодильник, электрочайник и пр., он важен в ритуальной жизни алтайцев, особенно при женитьбе сына или выдаче дочери замуж.

В алтайских селах жилище-*айыл* остается неотъемлемой частью этнической культуры. Из него в годы советской власти окончательно исчезли ритуальные убранства у дверей и за очагом, святыня с березкой, верхушка которой выходила в дымоход (Данилин 1993: 157, 161). Несмотря на эти потери, ритуальные действия продолжают проводиться в *айыле* вокруг очага, находящегося в центре пространства, круглого в плане. В постсоветский период, когда началось этническое возрождение, возобновилась семейная обрядность. Основная причина необходимости *айыла* заключается в проведении ритуалов, которые следует совершать у огня очага, например, узловые обряды алтайской свадьбы. В некоторых юртах можно увидеть небольшую печку, установленную в стороне, на женской половине, а на время проведения сватовства или свадьбы в центре *айыла* устанавливают очаг для совершения ритуалов.

Юрта у алтайцев строго ориентирована по сторонам света, ее вход обращен на восток, что является древней традицией тюркских народов. Восток, где встает солнце, ассоциируется с жизнью и считается благоприятной стороной света. Внутри юрты, напротив дверей, находится почетное место (*төр*), эта сторона направлена на запад. Относительно человека, находящегося в юрте и обращенного к дверям, внутреннее пространство делится на правую и левую стороны как бы по оси «восток – запад»: правая – южная, мужская сторона, левая – северная, женская.

Одним из первых маркеров идентичности алтайцев считается знание родного языка, которое влечет за собой соблюдение традиций, обрядов и предписаний, бурханистских в своей основе. Бурханизм как базовая система представлений и верований сложился в начале прошлого века на основе традиционного мировоззрения алтайцев и явился «отреформированной» версией шаманизма. После запретных мер советского периода в условиях подпольного развития ритуалов и культов, стали стираться грани между бурханизмом и шаманизмом, но при этом бурханистские установки продолжали сохраняться. Следует обратить внимание на то, что внутриэтнический образ «настоящих», «истинных» алтайцев явился одним из следствий этноконсолидирующей роли бурханизма, и главным его критерием остается соблюдение основного обычая *бай* – обычая почитания огня домашнего очага (Тадина 2005: 42–43).

Очаг (*очок*), имеющийся в каждом *айыле*, в представлении алтайцев индивидуален, он принадлежит к роду-*сеоку* хозяина, главы семейства, в этом его отличие от другого огня (Дыренкова 1927: 77–78). Это наиболее почитаемый объект в юрте, поэтому придерживаются следующих запретов. В огонь очага нельзя лить молоко или воду, бросать мусор, плевать, мешать в нем золу, касаться огня ножом, гасить огонь в очаге, переступать его, выносить из жилища особенно в период убывания луны. Нарушение их могло предвещать падеж скота, распад семьи, вымирание рода и пр.

Очаг как семантический центр юрты организует ее внутреннее пространство по принципу «почетный – менее почетный» согласно традиции антропоморфизации огня очага. Об этом А. В. Анохин, собиратель алтайской этнографии начала прошлого столетия, писал: «В представлении алтайца огонь олицетворен. Он имеет голову, ноги и прочие атрибуты человека как вещественные, так и духовные. Огонь – антропоморфное существо. На этом основании в юрте огонь в сторону *төр* имеет голову (*оттын-базы*), а в сторону двери – ноги (*оттын-эдеги*). Зола (*күл*) – его постель, а пламя (*жалкын*) – его уши (*кулак*)... Там, где голова огня, нельзя ходить женщине и посторонним людям. Можно пройти только около его ног. Место между сидением хозяина и самим очагом – самое высокое и почетное место во всей юрте, потому что тут находится голова огня» (Архив МАЭ РАН. Ф. 11. О. 1. Д. 113. Л. 9). Другой показательный запрет проходить между очагом и сидящим возле него человеком был описан

еще в начале XIX в. (Спасский 1823: 29). В наши дни, если в *айыле* соблюдается запрет на проход между очагом и противоположной от входа стеной, это говорит о том, что данная семья соблюдает традиционные предписания (Тадина 2011: 133).

Огонь очага как покровитель семьи особо почитаем хозяйкой *айыла*, обычай «кормления» огня очага соблюдается с приходом новолуния. Если готовится новое угощение – свежее мясо, новый чай, или молочный напиток *аракы*, то четным количеством кусочков (ложек) первым «угощают» огонь очага. Если человек ест соленую пищу, то несолеными подношениями полагается угощать потусторонний мир, мир духов. Обычай «кормления» огня соблюдают и в избе (доме), когда семья проживает в ней в холодное время года. Прежде чем члены семьи попробуют гостинцы, хозяйка отламывает от каждого из них четное количество кусочков и дает «отведать» огню. Хозяйка мажет сажей лоб и кончик носа ребенка, впервые пришедшего в гости, чтобы жизнь его была благополучной. В наши дни соблюдение традиций считается хорошим тоном и одобряется старшими.

Литература:

Данилин А. Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 208 с.

Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник МАЭ. Л., 1927. Т. VI. С. 63–78.

Спасский Г. Путешествие к алтайским калмыкам // Сибирский вестник. СПб., 1823. Ч. 4. С. 23–40.

Тадина Н. А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 38–44.

Тадина Н. А. Бурханизм и этикет у алтайцев // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 127–140.

Торушев Эркем Геннадьевич
кандидат исторических наук
Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С.С. Суразакова
Горно-Алтайск, Россия
erktor@mail.ru

АДАПТАЦИЯ СИСТЕМ ЖИВОТНОВОДСТВА НИЗКОГОРЬЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ К НОВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ НАЧАЛА ХХІ в.¹

Природно-климатические условия низкогорья Горного Алтая не способствуют в полной мере заниматься животноводством. Здесь население традиционно занималось лесными промыслами и земледелием, в меньшей мере разведением домашних животных. Но в сегодняшние дни хозяйства низкогорья находят возможности повысить эффективность животноводства. Например, в 2000-х гг. в исследуемом регионе все больше хозяйств держат молочных коз. Главная причина распространения молочного козоводства – это экономическая выгода: коза в сравнении с коровой меньше употребляет сена. Значительные изменения произошли в птицеводстве. В сегодняшние дни в хозяйствах низкогорья Горного Алтая почти нет домашних птиц местных пород. В основном выращивают инкубаторских куриц, индюков, гусей и уток. В отдельных случаях хозяйства пытаются выращивать и экзотическую птицу, например, перепелов. При разведении свиней некоторые хозяйства для получения большей продукции покупают поросят породы ландрас.

Ключевые слова: Горный Алтай, адаптация, животноводство, козоводство, свиноводство, птицеводство.

Torushev Erkem Gennadievich
Candidate of Sciences in History
S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies
Gorno-Altai, Russia

ADAPTATION OF ANIMAL HUSBANDRY SYSTEMS OF LOWLANDS OF THE ALTAI REPUBLIC TO NEW ECONOMIC REALITIES OF THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

The natural and climatic conditions of lowlands of the Altai Mountains do not completely contribute to animal husbandry. The population was traditionally engaged more in forestry and agriculture than in breeding domestic animals. Nowadays, the lowland farms find opportunities to increase the efficiency of animal husbandry. For instance, in 2000s in the region under study, more and more farms are engaged in dairy goat breeding. Economic benefit is the main reason for distribution of dairy goat farming: a goat consumes far less hay than a cow. Significant changes have occurred in the poultry industry. There is almost no poultry of local breeds in the farms of lowlands of the Altai Mountains. They mainly keep hatchery chickens, turkeys, geese and ducks. In some cases, farmers try to keep exotic birds, such as quails. Some farmers buy Landrace pig breeds.

Keywords: Gorny Altai, adaptation, animal husbandry, goat breeding, pig breeding, poultry farming.

В этноантропологическом плане низкогорье Горного Алтая – это многонациональная территория, в которую входят Турочакский, Чойский и Майминский районы Республики Алтай. Согласно Всероссийской переписи 2010 г., в исследуемых районах в основном проживают русские (82,5%) и коренные жители Республики Алтай (16,2%). Изучаемый массив региона является местом компактного проживания таежных алтайцев, которые состоят из трех этнических групп: *тубаларов, челканцев и кумандинцев*. В

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Алтай в рамках научного проекта № 20-49-040009 p_a.

настоящее время они имеют статус коренных малочисленных народов Российской Федерации (Национальный состав ... 2013: 23).

Как и ранее в сегодняшние дни большой снежный покров зимой (каждый год более 1 метра), густая тайга и сырой климат ограничивают разведение травоядных копытных в исследуемом регионе Горного Алтая. Например, в 2019 г. в трех районах низкогорья проживало 55214 человек, они выращивали КРС – 9198 голов, в том числе коров – 3941 голов, лошадей – 2326 голов, овец и коз – 1511 голов (Инвестиционный паспорт).

Население исследуемого региона молоко традиционно получает с коров, но в 2000-х гг. некоторые хозяйства стали держать молочных породистых коз. Надо отметить, молочное козоводство для жителей низкогорья Горного Алтая – не традиционная отрасль, так, в 1897 г. они держали всего 38 голов коз (Швецов 2008: 323). Главная причина распространения молочного козоводства состоит в экономической выгоде: коза в сравнение с коровой употребляет меньше сена. Например, одна корова в условиях низкогорья Горного Алтая за холодный сезон съедает 30–45 ц сухого сена. Такой объем сена в сегодняшние дни купить или заготовить не под силу многим семьям. При этом одна взрослая коза за холодный сезон съедает в среднем 6 ц сухого сена (Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научной экспедиции (НА НИИА. МНЭ. Д. № 198. Сумачакова Н. Л. 1964 г. р., Шаляпина В. Н. 1978 г.р.). В нашей беседе житель с. Александровка Майминского района В. Б. Фефилов рассказал, что он на лето 2021 г. держит три дойные козы. Информант в среднем с одного животного выдаивает четыре литра молока, по два литра утром и вечером. У В. Б. Фефилова малолетние дети, и им нужно молоко. Также считается, что козье молоко полезней коровьего. Количество получаемого молока полностью удовлетворяет потребности его семьи, остаются даже излишки, из которых получают творог. Для семьи В. Б. Фефилова козы – и источник мяса, когда молодняк подрастает, их забивают на мясо. За год информант закалывает шесть животных (НА НИИА. МНЭ. Д. № 198. Фефилов В. Б. 1961 г. р.).

При разведении коз люди отдают предпочтение породистым особям. Так, летом 2021 г. была проведена беседа со специалистом отдела экономики и имущественного отдела администрации МО «Турочакский район» В. Н. Шаляпиной (информант по образованию ветеринар, в отделе отвечает за сельское хозяйство района). В интервью В. Н. Шаляпина отметила, что многие хозяйства в Турочакском районе покупают коз нубийской породы: «Сегодня на нубийскую породу нечто вроде моды, именно ее люди хотят купить, так как считается, что молоко нубийских коз не пахнет и очень жирное» (НА НИИА. МНЭ. Д. № 198. Шаляпина В. Н. 1978 г.р.).

В 1990-х – 2000-х гг. существенные изменения произошли в птицеводстве населения Горного Алтая. В исследуемом регионе почти не остается кур, гусей и уток местных пород. В наши дни в хозяйствах выращивают в основном инкубаторских птиц. При сборе полевого материала информаторы отметили, что инкубаторских птиц выгоднее содержать. Если это породы мясного направления, то они за сезон вырастают в разы крупнее местных. Если это яйценоские куры, то они больше несутся, и яйца крупнее, чем у местных несущек (НА НИИА. МНЭ. Д. № 198. Шаляпина В. Н. 1978 г.р., Эдокова А. А. 1979 г. р., Чунжекова Л. С. 1939 г. р. Изосимова А. А. 1980 г. р.).

В отдельных случаях хозяйства пытаются выращивать и экзотическую птицу. Так, в селе Сейка Чойского района в хозяйстве семьи Изосимовых вместе с утками, гусями и курами выращивают и перепелов. В беседе А. А. Изосимова отметила, что перепелами пока занимаются экспериментально. Самки перепелки хорошо несутся, с каждой в день по одному яйцу. Полученные яйца идут на питание семьи, но со временем попробуют реализовывать за деньги (НА НИИА. МНЭ. Д. № 198. Изосимова А. А. 1980 г. р.).

В свиноводстве низкогорье Горного Алтая, как и в случае с козоводством и птицеводством, население для получения большей продукции использует породистых животных. Так, в 2000-х гг. наряду с распространенными беспородными местными свиньями многие частники стали покупать поросят породы ландрас. Обычно покупают весной. Затем их кормят до осени шесть или девять месяцев и забивают. Ландрасов выращивать выгодно, так как полугодовалые животные в весе не уступают одногодичным местным свиньям. Еще одним из главных плюсов такого содержания то, что животных кормят с весны по осень. В условиях низкогорья Горного Алтая – это достаточно теплый период. Поэтому не нужно специализированного теплого свинарника. Также летом для поросят бывает много различного корма с

огородов и приусадебных участков (НА НИИА. МНЭ. Д. № 198. Галанов А. В. 1983 г. р., Тандыков Н. В. 1951 г. р.).

Таким образом, природно-климатические условия региона, невыгодные для животноводства, заставили местное население искать новые пути адаптации к современным условиям. Например, некоторым хозяйствам для получения молока, молочных продуктов и мяса экономически выгодно стало разводить породистых молочных коз.

В низкогорье Горного Алтая значительные изменения произошли в птицеводстве. В хозяйствах региона почти не осталось местных пород птиц. Так как экономически более выгодным стало разведение инкубаторских пород. В отдельных случаях хозяйства пытаются выращивать и экзотическую птицу, например, перепелов. При разведении свиней некоторые хозяйства для получения большей продукции покупают поросят породы ландрас.

Литература:

Инвестиционный паспорт муниципального образования «Майминский район» Республики Алтай [Электронный ресурс] // URL: <https://maima-altai.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

Инвестиционный паспорт муниципального образования «Турочакский район» [Электронный ресурс] // URL: <https://turochak-altai.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

Инвестиционный паспорт муниципального образования «Чойский район» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.choyskiy-район.рф/Administraciya/iесо 25-1-20.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).

Национальный состав и владение языками, гражданство: Стат. сб. Алтайстат. Горно-Алтайск, 2013. 419 с.

Швецов С. П. Горный Алтай его население. Т. I. Вып. I. Кочевники Бийского уезда; репринт. изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2008. 571 с.

Псянчин Айбулат Валиевич
доктор географических наук
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Россия
psyanchin@mail.ru

Мигранова Эльза Венеровна
кандидат исторических наук
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Россия
mig.el@mail.ru

Абсальямова Юлия Аликовна
кандидат исторических наук
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Россия
yulchi81@mail.ru

О ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БАШКИР¹

Традиционная культура, наряду с языком, является одним из главных способов репрезентации своей национальной идентичности. Для современного башкирского общества в условиях нарастающих процессов глобализации актуальным является вопрос сохранения и выражения своей этнической идентичности. Одной из форм ее репрезентации является использование ярких элементов традиционной культуры. В наши дни наиболее активно процесс трансформации и возрождения переживает башкирский национальный костюм. Это выражается как в реконструкции аутентичного костюма, так и в стилизации современной одежды с использованием этнических элементов. Другим направлением, которое активно развивается, является стрельба из традиционного лука. Участие в движении по развитию лучного дела позволяет башкирам ощутить свою причастность к героическому прошлому народа.

Ключевые слова: традиционная культура, башкиры, трансформация, этническая идентичность.

Psyanchin Aibulat Valievich
Doctor of Sciences in Geography
Institute of History, Language and Literature UFSC RAS
Ufa, Russia

Migranova Elza Venerovna
Candidate of Sciences in History
Institute of History, Language and Literature UFSC RAS
Ufa, Russia

Absalyamova Julia Alikovna
Candidate of Sciences in History
Institute of History, Language and Literature UFSC RAS
Ufa, Russia

¹ Исследование выполнено по проекту «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма» программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2020–2022 гг.

ON TRANSFORMATION OF TRADITIONAL CULTURE OF BASHKIRS

Traditional culture is, along with language, one of the main ways of representing one's ethnic identity. For the modern Bashkir society in the context of the growing processes of globalization, the issue of preserving and representing ethnic identity is relevant. There is a growing need to express and show one's own to the public. One of the forms of expression of ethnic identity became the use of bright elements of traditional culture. The Bashkir national costume is experiencing the most active process of revival and transformation. This is shown up in the reconstruction of an authentic costume, as well as the stylization of modern clothes using ethnic elements. Another area that is actively developing is traditional archery. Participation in the movement for the development of archery allows people to feel the involvement in the heroic past of the Bashkir people.

Keywords: traditional culture, Bashkirs, transformation, ethnic identity.

Традиционная культура является одним из способов выражения причастности к этносу. У современного человека она ассоциируется с «настоящей» жизнью народа и является одним из маркеров этнической идентичности. В век информационных технологий ее функциональное значение почти полностью утрачено, более важной становится роль традиционной этнокультуры в репрезентации этнической самоидентификации. Этническая идентичность в современных условиях выражается через определение связи индивида с этнокультурой своего народа, с ее отдельными элементами, демонстрация этой связи окружающим. Реакцией на стремительно глобализирующееся общество является тенденция «возврата к истокам», возрождению всего традиционного, чтобы не потерять нити, связывающие с прошлым.

В современном башкирском обществе также наблюдается рост интереса к традиционной этнической культуре как одной из важнейших составляющих национальной самоидентификации. Идет активное возрождение отдельных ее элементов. При этом элементы и образы традиционной этнической культуры, привлекаемые для современного массового потребления, в основном вторичны, они являются результатом трансформации. Шьются стилизованные предметы национального костюма, изготавливаются продукты национальной кухни по адаптированным технологиям, народная музыка получает новое звучание и т.д.

Репрезентация этнической идентичности большей частью визуальная, поэтому упор делается на яркие элементы народной культуры. Для башкир это, в первую очередь, образы курая, Салавата Юлаева, мотивы орнамента, которые органично вплетаются в разные сферы жизни современного человека – одежду, посуду и другие предметы повседневного употребления и т.д. Сам национальный костюм является наиболее яркой частью традиционной культуры, через которую народ может выразить свою этническую идентичность во всем мире. Это является причиной того, что башкирский национальный костюм в последние десятилетия переживает свое возрождение. Необходимо отметить, что в наши дни активно ведется деятельность по реконструкции аутентичного костюма.

В советское и постсоветское время башкирский костюм существовал практически только в сценическом виде (кроме музеев), это так называемый «концертный» вариант, который использовался на сцене, в различных мероприятиях. Теперь делается акцент на аутентичность костюма, ассоциирующуюся с «настоящестью». Важную роль в развитии этой темы играют соцсети, которые позволяют вовлекать в процесс значительную аудиторию. Основную деятельность по реконструкции как женского, так и мужского башкирского костюма начал Ильдар Гатауллин. В сети «ВКонтакте» он начал выкладывать свои работы – нагрудники, кашмау, еляны, платья и др., а также первые обучающие материалы по их изготовлению. Группа очень быстро набрала популярность, сейчас она переименована в «Millihasite» (8,6 тыс. подписчиков) и посвящена как башкирскому, так и татарскому костюму. Затем появилось много других групп со схожим контентом по реконструкции традиционной одежды и украшений (нагрудников, головного убора кашмау, ювелирных изделий и др.): «Хазина–творческое пространство. Башкирский костюм», «Башкортһакалдары, селтәрзәре», «Башкортмилликәйеме–Башкирский костюм», «Селтәр (Милли кейебез)» и др. С ростом популярности Инстаграма, часть из них завела там дублирующие аккаунты, а также появились новые аккаунты, посвященные башкирскому костюму. Во многих предлагаются услуги по пошиву их на заказ: millihasite, milyash_key, bogatstvo_nacii, idel_faritovich, seltar102, zanilya_yurta, ostabike, dilaraasainova, bashkort.tamga, minbahetle и др. В инстаграм-аккаунте bashkiriya_design представлены мастера, которые создают различные изделия в этнотематике в Республике Башкортостан.

С другой стороны, не менее активно проводится внедрение элементов башкирского костюма в современную одежду, ее стилизация, что позволяет выражать свою этническую идентичность в повседневной жизни. Используются отдельные элементы костюма, например, стилизованные нагрудники, а также башкирские орнаменты в современных вещах и т.д. В качестве примера можно привести деятельность девушек, ведущих аккаунт *min_zifa*, которые специализируются на пошиве современной одежды с этническими мотивами. Или аккаунт *maryamconcept*, который предлагает пошив стилизованных халатов-елянов.

Репрезентация этнической идентичности выражается и в участии в различных флешмобах с фотографиями в национальной одежде, которые регулярно проводятся в соцсетях. Проводится ежегодный конкурс мастеров башкирского национального костюма «Тамға», где есть номинации как по реконструкции аутентичного костюма, так и по современной стилизации. Популярностью пользуются фотосессии в национальных костюмах и с соответствующей атрибутикой (юрта, утварь, лошади, курай и др.). Аккаунты, предлагающие подобные услуги, также представлены в соцсетях. Также начинают появляться этнотуры с башкирской тематикой, которые включают в себя проживание в юрте, мастер-классы по элементам традиционной культуры, фотосессии в башкирских костюмах и др.

Другим очень ярким элементом этнокультуры башкир, переживающим возрождение, стала стрельба из традиционного лука. Это также общемировая тенденция – движение лучников с каждым годом растет как в западных, так и в азиатских странах. В Башкортостане движение лучников довольно стремительно набрало популярность в последние годы. Началось все с организации движения «Мэргэнуксы» (башк. *Меткий лучник*) (инстаграм-аккаунт *mergendar*, группа Вконтакте «Мэргэн уксы *Merganooksy*») в Уфе, в которое постепенно вовлекались различные районы республики. Первый республиканский фестиваль «Мэргэнуксы» был проведен в 2016 г. в деревне Имендяшево Гафурийского района, в последующие годы он получил статус международного. Одним из условий для участия в фестивале в республике, как и во всем мире в подобных мероприятиях, является наличие аутентичного традиционного костюма. Участниками его являются, конечно, представители разных национальностей, но преобладают башкиры, в силу того, что они воспринимают этот вид спорта как глубоко традиционный. Движение быстро разрослось, сейчас во многих районах, преимущественно с преобладанием башкирского населения, имеются объединения местных лучников, школьные кружки, в которых проводится обучение стрельбе из традиционного лука. Кроме международного фестиваля, регулярно проводятся местные состязания.

Национальный костюм и стрельба из лука стали наиболее популярными элементами традиционной культуры башкир, через причастность к ним выражается этническая идентичность. Но кроме них имеется и много других проявлений этничности, как например, КВН, Квизы на башкирском языке, проведение уфимской молодежью танцевально-музыкальных вечеров («Самауырлыритайым») и др.

Томилов Николай Аркадьевич
доктор исторических наук
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
n.a.tomilov@gmail.com

КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

В статье обоснована значимость изучения истории формирования и динамики культурного наследия и его роли в социокультурном развитии народов России, сформулирована цель данного исследования в определении направлений и результатов изучения омскими учеными традиционно-бытовой культуры и этнокультурных процессов в XVI – первых десятилетиях XXI в. у тюркских народов Сибири и Центральной Азии. В ней содержатся общие сведения о тематике научных работ ученых омского научного центра в изучении этнографии 15 тюркских народов и их публикациях по данной тематике в период последней четверти XX – первых десятилетий XXI в. Основное внимание уделено работам по изучению сфер традиционно-бытовой культуры тюркских народов, по исследованию этнокультурных процессов XVI–XX вв. у татар и казахов Западной Сибири. Сделан вывод о значительной роли этих процессов во вхождении названных народов в состав исторической общности россиян.

Ключевые слова: история науки, этнография, тюркские народы, традиционно-бытовая культура, этнокультурные процессы.

Tomilov Nikolay Arkadievich
Doctor of Sciences in History
Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology
Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russia

CULTURE OF THE TURKIC PEOPLES OF SIBERIA AND CENTRAL ASIA IN STUDIES OF THE OMSK ETHNOGRAPHIC INITIAL CENTER

The author proves the importance of studying the history of the formation and dynamics of cultural heritage and its role in the socio-cultural development of the peoples of Russia. He formulates the purpose of this study in determining the directions and results of the study by Omsk scientists of traditional everyday culture and ethno-cultural processes in the 16th – early decades of the 21st century among the Turkic peoples of Siberia and Central Asia. The paper contains general information about the topics of scientific work of scientists from the Omsk Scientific Center in the study of the ethnography of a dozen and a half Turkic peoples and their publications on this topic during the last quarter of the 20th – the first decades of the 21st century. The main attention is paid to works on the study of the spheres of the traditional everyday culture of the Turkic peoples, on the study of ethno-cultural processes of the 16th – 20th centuries among Tatars and Kazakhs of Western Siberia. The role of these processes in the entry of these peoples into the composition of the historical community of Russians is significant.

Keywords: history of science, ethnography, Turkic peoples, traditional everyday culture, ethno-cultural processes.

Актуальность изучения традиционно-бытовой культуры народов отдельных регионов и этнокультурных процессов в новое и новейшее время определяется существенной ролью этих явлений в формировании мировоззрения и в социокультурных сферах жизнедеятельности человечества и его сообществ. Целью данной работы является изучение культурного наследия и этнокультурных процессов у тюркских народов Сибири и Центральной Азии учеными Омского этнографического научного центра в по-

следней четверти XX – первых десятилетиях XXI в. Изучение этнографии тюркских народов омскими учеными развернулось сначала в рамках созданного в 1974 г. Омского государственного университета и расширилось с подключением к этим работам ученых созданных в 1991 г. Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и в 1993 г. Сибирского филиала Российского института культурологии. Объектами этнографического изучения первоначально стали сибирские татары, чулымские тюрки, казахи, шорцы, чуваша, бачатские телеуты, хакасы, несколько позднее алтайцы, тофалары, тувинцы, поволжские (казанские, астраханские, мишари) татары, по музейным материалам уйгуры и якуты и по архивным источникам сибирские бухарцы и каракалпаки, т.е. 15 этнических образований.

Существенно возрос и кадровый потенциал омских этнографов-тюркологов, в начале 2000-х гг. таких специалистов насчитывались десятки. В 1980-е – 2010-е гг. состоялись защиты четырех докторских диссертаций с материалами и научными интерпретациями по истории и этнографии тюркских этнических общностей Западной Сибири (работы Н. Ф. Емельянова, Д. Г. Коровушкина, В. П. Кривоногова и Н. А. Томилова) и 30 кандидатских диссертаций. Сведения об этом и о других сторонах изучения этнографии тюркских народов в полном объеме приведены в статье, в которой освещается работа этнографов главным образом Омска и Томска, а также Абакана, Барнаула, Кемерово, Новосибирска (Томилов 2000).

Сегодня количество опубликованных омскими учеными научных книг достигло 64, среди которых 44 индивидуальные монографии, 10 коллективных монографий и 10 томов каталогов этнографических коллекций музеев Омска. Эти монографии, каталоги и сотни научных статей омских ученых внесли существенный вклад в изучение воссозданных ими культурных комплексов тюркских народов и национальных дисперсных групп, в реконструкцию, характеристику и типологию значительного объема явлений в материальной, духовной и соционормативной сферах народной культуры, а также в хозяйственных комплексах и сопряженной с ними природно-средовой культуре.

Изучение культурного наследия вышеназванных этнических объектов проводилось омскими учеными в трех основных тематических блоках: 1) реконструкция на основе археологических и этнографических источников социокультурных комплексов XVI–XIX вв. и их изучение (Томилов 1998; Ахметова, Толпеко 2011; Корусенко 2003; Томилов 2011; Этнографо-археологические комплексы... 2014; 2016 и др.); 2) воссоздание и изучение культурных комплексов и отдельных явлений традиционно-бытовой культуры этих народов второй половины XIX–XXI в. (Коровушкин 1997; Матвеев 2012; Назаров 2013; Селезнев, Селезнева 2004; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев 2006; Томилов 2010; Томилов 1993 и др.); 3) изучение этнокультурных процессов у тюркских этнических объектов Сибири и отчасти Казахстана, имевших место в разные периоды XVI – первых десятилетий XXI в. (Ахметова 2002; Кривоногов 2006; Патрушева 1996; Томилов 1978, 1992 и др.).

Значительное место в изучении этнокультурных процессов было отведено исследованию взаимодействия и взаимовлияния народов в рамках единого государства, приведших к формированию и развитию в России исторической (социально-политической) общности россиян. Сегодня важно продолжать изучение процессов включения народов и национальных групп Сибири в историческую общность россиян на основе исследования этнокультурных и этносоциальных процессов в этом регионе.

Литература:

Ахметова Ш. К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2002. 104 с.

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Методика этноархеологического изучения погребального обряда казахов Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. 52 с.

Коровушкин Д. Г. Чуваша Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1997. 96 с.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.

Кривоногов В. П. Хакасы. Этнические процессы во второй половине XX в. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 146 с.

Матвеев А. В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX вв.). Омск: Изд. дом «Наука», 2012. 196 с.

Назаров И. И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. Барнаул, 2013. 192 с.
Патрушева Г. М. Шорцы сегодня: современные этнические процессы. Новосибирск: Наука, 1996. 224 с.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2004. 72 с.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Изд. дом «Наука», 2006. 260 с.

Томилов Н. А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований. Омск: Изд. дом «Наука», 2010. 164 с.

Томилов Н. А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 3–14.

Томилов Н. А. Проблемы этнической истории: По материалам Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1993. 222 с.

Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. 209 с.

Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. 271 с.

Томилов Н. А. Этнография тюркских народов в трудах сибиреведов (к итогам 50-летних исследований) // Вестник Томского университета. История. 2020. № 68. С. 122–127.

Томилов Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX вв. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. 224 с.

Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. Омск: Изд. дом «Наука», 2016. 294 с.

Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск: Изд. дом «Наука», 2014. 197 с.

*Бильдужева Саяна Викторовна
кандидат исторических наук
Этнографический музей народов Забайкалья
Улан-Удэ, Россия
svbildueva@mail.ru*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БУРЯТИИ

В статье рассматривается выставочная и культурно-просветительная деятельность Этнографического музея народов Забайкалья за последние три года, приводятся конкретные примеры музейных проектов.

Ключевые слова: музей, выставочные проекты, культурно-массовые мероприятия, культурное пространство.

*Bildueva Sayana Viktorovna
Candidate of Sciences in History
Ethnography Museum of Transbaikalia
Ulan-Ude, Russia*

THE ETHNOGRAPHY MUSEUM OF PEOPLES OF TRANSBAIKALIA IN THE CULTURAL CONTEXT OF BURYTIA

The article pertains to the exhibition and cultural and educational activities of the Ethnography Museum of Transbaikalia during the last 3 years, provides specific examples of Museum projects.

Keywords: museum, exhibition projects, cultural events, cultural context.

Этнографический музей народов Забайкалья был открыт для посетителей в 1973 г. и отметит в следующем году свое 50-летие. Он расположен в городской черте Улан-Удэ, в живописной местности Верхняя Березовка, являющейся любимым местом отдыха горожан.

Музей был создан с целью комплексного показа материальной и духовной культуры, хозяйственного и бытового уклада народов, населяющих территорию Забайкалья: бурят, эвенков, сойотов, русских (старообрядцев (семейских) и казаков). Экспозиция создавалась по принципу показа этнических групп края самостоятельными комплексами. Комплексы расположены в следующей последовательности: археологический, сойотский, эвенкийский, бурятский (забайкальский), бурятский (предбайкальский), русский (старожильческий), старообрядческий («семейский»), городской (старый Верхнеудинск), «Уголок живой природы», в котором находятся представители фауны Байкальского региона.

Каждый комплекс по-своему уникален и интересен. Единый ансамбль под открытым небом вкупе с природным ландшафтом создают многообразную картину жизни и быта эвенков, сойотов, бурят и русских XIX – начала XX в. Экспонаты показаны в подлинной среде их бытования и типичном окружении, хотя и перевезены сюда из разных мест.

Музейный фонд составляет около 19 тыс. предметов, относящихся как к культуре коренных народов Забайкалья (бурят, эвенков, сойотов), так и отражающих культуры народов и этнических групп, появившихся на территории Забайкалья после вхождения в состав Российской империи (старообрядцы, русские крестьяне и казаки).

Со дня открытия Этнографический музей пользуется огромной популярностью у населения республики и ее гостей. Интерес к музею не ослабевает с течением времени. Создание новых экспозиций, выставок, организация фольклорных праздников, массовых мероприятий, анимационных программ и, наконец, всеми любимый «Уголок живой природы» – все это привлекает посетителей разных возрастных и социальных групп.

Деятельность Этнографического музея народов Забайкалья в последние годы, несмотря на ограничения, связанные с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, была достаточно активной и плодотворной, что оказывает влияние на развитие интереса горожан и гостей города к музею.

31 октября 2019 г. состоялось открытие выставки современных монгольских художников «Art Монголия». Экспонировались работы художников Самбуугийн Базарваань, Бямбасүрэн Хонгорзул, Эрдэнэбилэг, членов Союза художников Монголии и «Всемонгольской ассоциации художников», участников выставок в Монголии, Китае, Корее, Сингапуре, Японии, Англии, США.

Этнографический музей народов Забайкалья 8 июля 2019 г. представил выставку «Бурятия на Шелковом пути» для участников Международного ралли «Шелковый путь–2019». Экскурсоводы на русском, английском и китайском языках рассказывали посетителям о Бурятии, народах, проживающих в республике, традициях бурятского народа, проводили мастер-класс по игре в кости.

Для гостей и участников чемпионата мира по боксу среди женщин Этнографический музей народов Забайкалья (2–13 октября 2019 г.) организовал выездную выставку «Юрта – традиционное жилище бурят» на открытой площадке Физкультурно-спортивного комплекса. Уникальные предметы быта, традиционные костюмы и украшения, резную мебель – всё это можно было увидеть в презентационной юрте.

С 24 августа по 21 сентября 2020 г. в Этнографическом музее впервые в Бурятии был проведен межрегиональный фестиваль «Деревянный симпозиум “Генезис”». «Генезис» – это междисциплинарный художественный проект о поиске и выстраивании новых взаимосвязей традиции и современности, человека и природы. Идея проекта – показать некую трансформацию художественного и мыслительного процесса, переосмысление традиционного искусства, разработку нового подхода к созданию произведений искусства. Предварительно был проведен конкурс эскизов. Для очного участия были выбраны восемь победителей, которые создали на территории музея свои арт-объекты из дерева. Были созданы документальный фильм о работе симпозиума и музыкальный клип на оригинальную музыку Галмандах Баттулги.

С декабря 2020 г. по январь 2021 г. в Этнографическом музее народов Забайкалья прошел первый республиканский фестиваль «Симпозиум снежной скульптуры “Легенды Байкала”». Фестиваль прошел совместно с Бурятским региональным отделением ВТОО «Союз художников России». Шесть мастеров по предварительно отобраным эскизам создали работы на тему «Легенды Байкала». Источником вдохновения скульпторов стали мифы народов Байкальского региона. Работы скульпторов украсили новогодний музей. Высота некоторых скульптур достигала трех метров, а длина – пяти метров. Посетители музея смогли увидеть сам процесс создания скульптур, пообщаться с художниками.

В июле–сентябре 2021 г. впервые в Бурятии экспонировалась выставка «Русский народный костюм» из фондов Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), посвященная традиционной одежде русского народа. На выставке были представлены шесть костюмных комплексов, бытовавших в XIX–XX вв. в разных регионах России, и коллекция старинных фотографий, запечатлевших русских людей в традиционных нарядах. Среди экспонатов преобладали костюмы нескольких регионов, из которых шел процесс переселения русского населения в Бурятию. Это, в частности, мужские и женские наряды Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, Москвы, Тульской, Могилевской, Тобольской губерний. Поскольку значительную часть переселенцев составляли староверы, зрители смогли увидеть такие важные для старообрядческой культуры предметы, как лестовки, дополняющие некоторые костюмные комплексы.

В мае–октябре 2021 г. экспонировалась совместная с Музеем БНЦ СО РАН и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН выставка «Древние культуры Бурятии». На выставке были представлены материалы из последних раскопок 2017–2019 гг. Иволгинского городища и Нижнемангиртуйского поселения гуннов – изделия из керамики, орудия труда, украшения и др.

В 2021 г. Этнографический музей провел Школу арт-проектов «Генезис», являющуюся продолжением симпозиума «Генезис». Симпозиум прошел успешно, показал большую заинтересованность в художественной среде. Возник запрос на продолжение этого проекта с последующей корректировкой его формата: создание школы как открытой площадки для реализации арт-проектов с участием художников и кураторов. Идейной основой школы являлась идея соединения, адаптации традиционного через практики современного искусства, создание арт-проектов, по-новому исследующих культуру и историю.

С 31 мая по 3 августа 2021 г. прошел лекционный период. Лекторий состоял из 26 лекций. В августе 2021 г. прошел конкурсный отбор жюри 10 арт-проектов из 68 заявленных для последующей реализации.

С 15 по 30 сентября 2021 г. прошел музейный фестиваль, в рамках которого состоялись презентации арт-проектов на территории ГАУК РБ «Этнографический музей народов Забайкалья» (проекты В. С.

Семенов и Ю. Л. Цырендашиева), Центра современного искусства «Залуу» (проекты А. Ринчинэ, Ю. Ц. Сүй, А. Ч. Догдоновой, А. А. Булутовой, С. Д. Хомоновой), арт-пространства Республиканской типографии (проект М. М. Намоловой), музея истории города Улан-Удэ (проект Р. А. Доржиевой).

В музее проводится большая культурно-просветительная работа – от лекций и занятий до организации массовых мероприятий, включая фольклорные праздники и народные гуляния общегородского масштаба. Так, ежегодно организуются «Сагаалган» – новогодний праздник монголоязычных народов по лунному календарю, а также народное гуляние «Масленица», связанное с языческими праздниками дохристианской Руси.

В феврале 2013 г. в Этнографическом музее народов Забайкалья была открыта юрта Белого Старца (Сагаан Убгэн), героя бурятской мифологии. Белый старец является одним из самых распространенных фольклорных образов монголоязычных народов и считается сказочным символом зимы, дарующим людям благополучие и процветание. На празднование Сагаалгана приезжают сказочные герои из разных регионов России и зарубежных стран. В Бурятии побывали японский Санта Клаус Ямамото, российский Дед Мороз, Царь Обезьян из Китая, корейский Санта Харабузы, Святой Микулаш из Словакии, Йоулупукки из Лапландии, Корбобо из Узбекистана, греческий Святой Василий и др. В 2013 г. жителей Бурятии поздравили Дед Мороз и Снегурочка из Белоруссии и российский Дед Мороз. Сказочных героев принял во вновь открытой юрте Белый Старец. Они «установили» в музее первую сибирскую «Сказочную версту» – путевой знак, указывающий направление и расстояние до мест проживания других сказочных героев в рамках проекта «Сказочная карта России». С тех пор каждый год устанавливаются знаки всех сказочных героев, посетивших музей.

Музей стал площадкой для проведения различных мероприятий разного уровня, таких как межрегиональный фестиваль-смотр деятельности этнокультурных центров коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, республиканский фестиваль русской культуры «Байкальский хоровод» и др.

Этнографический музей народов Забайкалья занимает важное место в культурном пространстве Бурятии. Он является хранителем культуры края, местом встречи и взаимообогащения ушедших и современных культур, где каждый посетитель сможет не только окунуться в атмосферу прошлого, но и попробовать свои силы в национальных видах спорта, принять участие в анимационных экскурсиях, просто провести отдых с семьей на свежем воздухе. Музей становится уникальным по своей универсальности и общедоступности узлом культурных коммуникаций с должным уровнем предоставления музейных услуг.

Литература:

Бильдуева С. В. Роль Этнографического музея народов Забайкалья в развитии культурного туризма в Бурятии // Музей Судлал. *Studia Museologica. Museum Nationale Mongoli.* 2018. Tomus XIX–I. С. 182–192.

Бильдуева С. В. Этнографический музей народов Забайкалья в культурном пространстве Бурятии // Труды Бурятского республиканского отделения Русского географического общества. Т. XXIII. Улан-Удэ, 2019. С. 24–30.

РАЗДЕЛ 7
ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР МОНГОЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ:
АРЕАЛЬНЫЙ И СТАДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

DOI: 10.53954/9785604788981_347

Дугаров Баир Сономович
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
khairkhan@mai.ru

ЭРГУНЭ-КУН В ЗЕРКАЛЕ ВОСТОЧНОСАЯНСКОГО ЛАНДШАФТА И ФОЛЬКЛОРА¹

Знаковые легенды, характеризующие эргунэ-кунскую историю предков монголов, обнаруживают своеобразный отклик в фольклоре окинских бурят. Так, мотив легенды о братьях Нукузе и Кияте, нашедших в труднодоступных горных теснинах спасение от врагов и обретших здесь родину, находит отзвук в местной легенде о братьях Бурэнхане и Тархае, первыми обживших Окинский край. Также прослеживается семантическая связь эпонима Буртэ-Чино – предводителя «племени волка» с оронимом культовой горы восточносаянского нагорья – Бурэнханом, а этнонима монгол – с названием долины Монголжон. Миф о расплавленной горе находит объяснение в вулканических извержениях, спровоцировавших исход монголов с обжитой территории. Эти совпадения и параллели свидетельствуют в пользу идентичности Эргунэ-Кун и Окинского края.

Ключевые слова: Эргунэ-Кун, Окинский край, фольклор, монголы, культ гор.

Dugarov Bair Sonomovich
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

ERGUNE-KUN IN THE MIRROR OF THE EASTERN SAYAN LANDSCAPE AND FOLKLORE

Significant legends characterizing the Ergune-Kun history of the ancestors of the Mongols find a peculiar response in the folklore of the Oka Buryats. Thus, the motif of the legend about the brothers Nukuz and Kiyat, who found salvation from enemies in hard-to-reach mountain gorges and found their homeland here, finds an echo in the local legend about the brothers Burenkhan and Tarkhay, who were the first to settle in the Oka region. There is also a semantic connection between the eponym Burte-Chino, with the oronym of the cult mountain – Burenkhan, and the ethnonym Mongol – with the name of the Mongolzhon valley. The myth of the molten mountain finds an explanation in the volcanic eruptions that provoked the exodus of the Mongols from the inhabited territory. These coincidences testify in favor of the identity of Ergune-Kun and the Oka region.

Keywords: Ergune-Kun, Oka region, folklore, Mongols, mountain cult.

Где находится Эргунэ-Кун – легендарная прародина монголов?

Существует ряд гипотез относительно ее местонахождения, из которых наиболее известной является восточная (аргунская) версия, ориентированная на название реки Эргунэ (Аргунь) в Маньчжурии. Между тем в первых строках «Сокровенного сказания монголов» (1240) есть имплицитное указание на месторасположение Эргунэ-Куна, согласно которому предок Чингис-хана Буртэ-Чино прибывает к истокам Онон-реки на Бурхан-халдуне, переплыв Тенгис (внутреннее море) (Козин 1941: 79). Поскольку под Тенгисом подразумевается Байкал, становится очевидным, что горная страна Эргунэ-Кун, откуда вышло племя Буртэ-Чино, примыкает к западному берегу Байкала и связана географически с Приангарьем.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

Судя по всему, это и есть горы Восточного Саяна, которые соответствуют описанию Рашид-ад-Дина как недоступной горной цитадели, именуемой Эргунэ-кун. Значение слова кун – косогор, а эргунэ – крутой, иначе говоря, «крутой хребет» (Рашид-ад-Дин 1952а: 153–154). По мнению Е. В. Сундуевой (2016: 19–30), основанном на рассмотрении употребления архаичного термина *qun* в тексте «Тайной истории монголов», а также компонента *ergüne / ergene*, сам топоним *Ergüne-qun* означает ‘округлая впадина’. Данная интерпретация отвечает в пространственном ракурсе природной чашеобразной форме расположения Окинского плоскогорья, обрамленного со всех сторон подковообразной дугой гольцов (Иметхенов 2015: 26).

Знак Буртэ-Чино

Хозяин и дух-покровитель Мунку-Сардыка, самой высокой вершины Саянского нагорья, именуется в сакральной традиции местных бурят – Бурэнхан, чье имя складывается из двух компонентов: *Бурэнот* тюрк. *бури* ‘волк’ и *хан* ‘владыка’. Это название подтверждается записанным Г. Н. Потаниным стародавним преданием, согласно которому хозяином Мунку-Сардыка считается Шоно-нойон (Волк-предводитель), которому соответствует слово Бурен (Потанин 1883: 128, 827, 866).

Важно отметить, что ороним Бурэнхан / Шоно-нойон, отражающий культовое представление о волке, обнаруживает связь с именем Буртэ-Чино и его племенем, являвшемся носителем тотема *чино* (*шоно*) ‘волк’. Согласно этнокультурной традиции тюрко-монгольских народов, эжинами-хозяевами наиболее почитаемых гор нередко становились духи родоначальников, вождей и других выдающихся лиц. Вероятно, в слове Бурэнхан закодирован эпоним Буртэ-Чино, и не случайно эта вершина с давних пор окружена ореолом почитания, а ее имени сопутствует сакральный эпитет *хайрхан* ‘милостивый’.

Культ Бурэнхана является ведущим в обрядовой системе окинских бурят, где существует особая категория жрецов гор – *хадаши* (от слова *хада* ‘гора, скала’), исполняющих эвокацию – молитвенное обращение к местным божествам и хранителям родного простора. Так, обряд почитания священных вершин Оки по древней традиции начинается с призывания Бурэнхану как узловой фигуре в иерархии горных божеств.

Легенда о двух первопоселенцах

В Оке сохранилось предание о двух братьях Бурэнхане и Тархае, открывшими эти прежде нелюдимый труднодоступный край. Они остались здесь со своими семьями и обжили эти края. Из братьев особо выделялся старший – Бурэнхан, который отличался силой и мудростью, верховодил во всех делах, являясь опорой и примером для сородичей. Знатоки окинской старины относят Бурэнхана к хонгодорскому роду *шуранхан*, чей первопредок родился, сжимая в руках по комочку спекшейся крови (*Шуһа-тайерэ һэн Шуранхан*). Ср.: рождение Тэмуджина со сгустком крови в руке как знак избранничества (Козин 1941: 85), имеющее выразительные параллели в тюрко-монгольском эпосе. По всей видимости, Шуранхан представлял собой неординарную личность, о чем свидетельствует следующее выражение: *Шүлүүһэнэй шүдэниһиньхурса, Шуранханай хуулиһиньхурса* ‘У рыси клыки остры, у Шуранхана закон суров’. При сравнении фольклорных характеристик Бурэнхана и Шуранхана прослеживаются их типологическое сходство и внутренняя семантическая связь, в силу чего можно предположить, что речь идет скорее всего об обобщенном образе одного и того же персонажа. А племя *хонгодор*, которому принадлежит род *шуранхан*, обнаруживает связь с хонгирадами (Галданова 1996: 83–93), относящимися к монголам-дарлекинам – выходцам из Эргунэ-Куна. Кроме того, имя Бурэнхан сходно с культовым названием эжина-хозяина вершины Мунку-Сардыка – Бурэнханом, содержащим отзвук эпонима Буртэ-Чино.

Подобного рода переключки в знаковых антропонимах и этногенетических связях вряд ли могли возникнуть на пустом месте. А сам сюжет о двух братьях Бурэнхане и Тархае напоминает эргунэ-кунскую легенду о Нукузе и Кияне, обретших в окинском высокогорье убежище, ставшее колыбелью монгольского этноса.

Миф о расплавленной горе

Рассказ о выходе монголов из горных теснин Эргунэ-Куна носит, по всей видимости, аллегорический характер. Как отмечает Рашид-ад-Дин (1952а: 154) «целью же расправления ими горы было (лишь) открытие иного пути для (своей) славы». По прошествии длительного времени эргунэ-кунский исход приобрел мифологическую интерпретацию. Об этом свидетельствует фольклорное число 70, которым обозначено количество мехов, сделанных для раздувания огня. Саможе действие по растоплению горы выглядит как эпическая гипербола.

Ситуацию проясняют исследования иркутских геологов, определивших активизацию вулканической деятельности на территории Эргунэ-Куна. Она оставила заметный след в окинском ландшафте в виде «расплавленной горы» – остывшей вулканической лавы, затронувшей долину Монголжон, чье название напоминает о пребывании здесь эргунэ-кунских монголов. Этот вулканический фактор (682–792 гг.) вызвал обширную перекочевку монгольских родов из Окинского края (Arzhannikov 2016: 7–99) в сторону Приангарья. Положив начало монголизации западного Прибайкалья (Зориктуев 2011: 60), чиносцы во главе с Буртэ-Чино, уходят через Байкал к верховьям Онона, откуда начинается путь возвышения предков Чингисхана.

Литература:

Галданова Г. Р. Хонгодоры – хонгирады? // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 83–93.

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 279 с.

Иметхенов А. Б. Природные достопримечательности Горной Оки (Восточный Саян). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. 176 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 619 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: дневник путешествия. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1883. Вып. 4. 1029 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 222 с.

Сундуева Е. В. Эргунэ-Кун – название прародины монголов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2016. № 1. С. 19–30.

Arzhannikov S. G. et al. The most recent (682–792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-ChinggisKhaan tribes (778–786 CE) // Journal of Asian Earth Sciences. 2016. P. 87–99.

МОНГОЛ УЛСЫН БУРИАД УГСААТНЫ СОЁЛЫН БИЕТ БУС ӨВ, ТУЛГАМДСАН АСУУДЛУУД

Монгол үндэстэн, түний дотор буриад угсаатны соёлын биет бус өв (СББӨ)-ийг хамгаалж, өвлүүлэн уламжлах, эх хэл, аман илэрхийллийн ай савын чиглэлээр ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн багагүй ажил санаачлан үр дүнтэй ажиллаж байна. Тухайлбал, тус хүрээлэнгийн эрдэмтэн судлаачид буриадын хэл аялгуу, аман зохиолыг сурвалжлан судалж, сан хөмрөгийг байгуулж, олон тооны ном бүтээл хэвлүүлж ирсэн билээ.

Түлхүүр үг: Монгол Улсын буриадугууд, соёлын биет бус өв, Монгол Улсын Шинжлэх ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэн, буриадын хэл аялгуу, буриадын аман зохиол.

Ayushjav Alimaa

Ph.D

Institute of Language and Literature

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

TO THE PROBLEM OF PRESERVING THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF BURYATS IN MONGOLIA

The paper deals with the activity of the Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, which has initiated and worked effectively to protect and preserve the intangible cultural heritage of the Mongolian people, including Buryats. For example, scientists from the institute have studied the Buryat dialect and folklore, created a collection, and published works on Buryat dialect and folklore. It is participating in two research expeditions in cooperation with the Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences and the National Heritage Center under the Ministry of Culture.

Keywords: Buryats in Mongolia, intangible cultural heritage, Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, Buryat dialect, Buryat folklore.

1972 онд ЮНЕСКО-гоос “Байгаль болон соёлын өвийг хамгаалах тухай” конвенц, 1989 оны “Уламжлалт соёл Аман билгийг хамгаалах талаар зөвлөмж”, 2003 онд “Соёлын биет бус өвийг хамгаалах тухай” конвенц, 2005 оны “Соёлын илэрхийллийн олон төрлийг хамгаалах, хөхиүлэн дэмжих тухай” зэрэг олон конвенцыг батлан хэрэгжүүлж байгаа билээ. Монгол улс дээрх конвенцуудад нэгдэн орж үндэстнийхээ соёлын өвийг хадгалж хамгаалах талаар олон төрлийн ажил, төсөл хөтөлбөрийг амжилттай хэрэгжүүлж ирлээ. Үүнд шинжлэх ухааны буюу судалгааны байгууллагууд, орон нутгийн засаг захиргаа тодорхой үүрэг хүлээдгийг дурдах нь зүйтэй.

Монгол үндэстэн, түний дотор буриад угсаатны соёлын биет бус өв (СББӨ)-ийг хамгаалж, өвлүүлэн уламжлах, эх хэл, аман илэрхийллийн ай савын чиглэлээр ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн багагүй ажил санаачлан үр дүнтэй ажиллаж байна. Тухайлбал, тус хүрээлэнгийн эрдэмтэн судлаачид буриадын хэл аялгуу, аман зохиолыг сурвалжлан судалж, сан хөмрөгийг байгуулж, олон тооны ном бүтээл хэвлүүлж ирсэн билээ. Тухайлбал, “БНМАУ-ын ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгээс удаа дараалан томилсон шинжилгээний ангийн хэрэглэгдэхүүн, албан томилолтын тайлан зэрэгт түшиглэн БНМАУ-ын нутгийн аялгууны толь бичиг (Буриад аялгуу) III боть, Улаанбаатар, 1988 он, 1629-2503 (редактор Н. Шарав-Иш, техник редактор хийж хэвлэлийн эх бэлтгэсэн М. Алтанцэцэг, Ч. Куланда нар, зохиогч Г. Гантогтох, Сөүл хотод фото зургийн аргаар 100 хувь хэвлүүлсэн билээ, 5550 толгой үгтэй нутгийн аялгууны толь бичиг)-ийг хэвлэгдэхээс нь өмнө ЗХУ-ын (хуучин нэрээр) ШУА-ийн Хэлшинжлэлийн

Хүрээлэнгийн Түрэг монгол хэлний сектор, Дорно дахины судлах хүрээлэнгийн Түрэг монгол хэлний секторын салбарын буриадын филиалын хүндэт эрдэмтэн доктор А. А. Дарбеева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина, ЗХУ-ын ШУА-ийн Сибирийн салбарын буриадын филиалын хүндэт эрдэмтэн доктор В. И. Рассадин, Л. Д. Шагдаров, Ц. Б. Будаев, Д. Г. Дамдинов, БНУАУ-ын нэрт монголч эрдэмтэн доктор Дорж Кара багш нар уншиж, харамгүй зөвлөмж, санал бичиж өгч байсан юм” (Гантогтох 2014: 16).

2022 оны хувьд гэхэд ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн, Соёлын яам, ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэн зэрэг байгууллагатай хамтран буриад угсаатны СББӨ-ийн өнөөгийн нөхцөл байдлыг үнэлэх, судлах чиглэлээр шинжилгээний хоёр ч анги зохион байгуулахад оролцож байна. Шинжилгээний анги одоогоор тус улсын Дорнод, Булганаймагт ажиллав. Тухайлбал, Дорнод аймгийн Цагаан-Овоо сумыг сонгон авч жилийн турш ажиглалт судалгаа хийх зорилготой.

Буриад угсаатны СББӨ-ийг судлахдаа Монгол Улсын СББӨ-ийн төлөөллийн үндэсний бүртгэлээр баталсан 7 ай савын хүрээгээр авч үзнэ.

Монгол Улсын Боловсрол, соёл, шинжлэх ухаан, спортын сайдын 2019 оны 11 дүгээр сарын 29-ны өдрийн А/759 дугаар тушаалын 1-р хавсралтаар СББӨ-ийн төлөөллийн үндэсний бүртгэлийг 7 ай савын 279 өвд дүн шинжилгээ хийж үзвэл буриад угсаатны СББӨ-ийн нэлээд өв багтсан нь нэг ёсондоо улсын хамгаалалтад орсон гэдгийг нэг баталгаа юм.

СББӨ-ийн Эх хэл, аман уламжлал, түүний илэрхийллийн айн хувьд буриад аялгуу зүй ёсоор багтаж өнөөгийн нөхцөл байдлын үнэлгээг хийж тус хүрээлэнгийн судлаачид эхний байдлаар хэд хэдэн дүгнэлт гаргаад байна. Тухайлбал,

- Буриад аялгууг хадгалах, хамгаалах ажлыг нэн даруй хийх цаг болсон байгааг тодруулав.
- Буриад угсаатан зонхилон аж төрж байгаа сумдын цэцэрлэг, ЕБС-удыг хичээлийг аль болох буриад аялгуугаар заах чиглэлийг төр захиргааны төв байгууллагад санал болгох,
- Буриад аялгууны толь бичгийг дахин шинэчлэн гаргаж, хүртээмжийг сайжруулах г.м.

Буриад аялгууны илэрхийлэл гэдэг аман зохиол билээ. Буриад угсаатны аман зохиолын нөхцөл байдлыг тодорхойлсон иж бүрэн судалгаа үндсэндээ хийгдээгүй байгааг хүлээн зөвшөөрөх учиртай.

СББӨ-ийн төлөөллийн үндэсний бүртгэл дэх аман зохиолын төрөл зүйлтэй харьцуулахад МУ-ын буриадудын тууль, аялгуут үлгэр, шившлэг үг, сургаал үг, сацал мялаалга, даллага хурайлгын үг, цол дудлага, магтаал зэрэг 10 шахам төрөл үндсэндээ мартагдаж эхэлжээ. Харин бөө мөргөлийн холбоотой аман илэрхийлэл, үе удмын нэршил, мал, амьтныг зүслэх тэргүүтэн 5 шахам төрөл харьцангуй боломжийн түвшинд хадгалагдаж байна.

СББӨ-ийн “язгуур урлаг”-ийн айд буриадын урт ба богино дуу, суухан хуур тоглох урлаг, бөө мөргөлийн бүжиг, бөөгийн ая дан, өгүүлэх эрхтний тогтолцоод урлагийн төрлүүд багтсан байдаг. Бид энд буриад дууны талаар тусгайлан өгүүлэх болно.

СББӨ-ийн “Уламжлалт баяр наадам, зан үйл, ёс, тоглоом наадгай, уриа дуудлага”-ыг хамруулсан айд буриадын сагаалган, эрийн гурван наадам, шинэ гэр барих, төр хурим, ураглах ёс, тоонот тайх, хүүхэдтэй холбоотой ёс, зан үйл, цээр, бөөгийн оршуулгын зан үйл, мал аж ахуй, аж ахуй, хөдөлмөртэй холбоотой олон төрлийн зан үйл, буриад харваа, төрөл бүрийн тоглоом наадгай багтжээ. Бид энэхүү илтгэлд буриадын сагаалганы тухай товч өгүүлэх болно.

СББӨ-ийн “Байгалийн болон сав шим ертөнцийн тухай мэдлэг, зан үйл”-ийн айд буриадудын байгаль хамгаалах уламжлалт арга, газар шинжин таних, таван хошуу мал, хурдан морь шинжих, сойж уралдуулах мэдлэг ухаанууд, зурхай, далны мэргэ тэргүүтэн багтаж байна. Бид шинжилгээний ангиар ажиллахдаа тэмдэглэж авсан буриадын сар мичидийн тохилгын тухай өгүүлэх болно.

Байгалийн болон сав шим ертөнцийн туай мэдлэг, зан үйлд буриад зоны нутагладаг газар нутгийн нэршил, үгс багтаж байдаг. Буриадын газар нутгийн нэрийн нарийвчилсан судалгааг хийснээр буриад зоны нүүдлийн түүхийг тодруулах боломжтой тул хил дамнасан судалгааг хийх шаардлага тулгарч байгааг дурдалтай.

СББӨ-ийн “Уламжлалт арга ухаан”-д буриадын цагаан, улаан, ногоон идээ бэлтгэх, хүнс хоол бэлтгэх, нөөцлөх, боловсруулах уламжлал, хүндэтгэлийн зоог шүүс тэргүүтэн багтсаны зэрэгцээ мал, амьтан, ургамал, байгалийн нөөц зэргийг ашиглах, боловсруулах арга технологи, газар тариалан тэрчлэн ардын эмчилгээ, гүрэм дом, хүүхэд хүмүүжүүлэх арга ухаан багтдаг. Буриадуд угийн бичиг хөтлөх талаараа Монгол угсаатан дотроо үлгэр жишээ юм. Бид илтгэлд энэ талаар дэлгэрүүлэн өгүүлэх болно.

Буриадын СББӨ-ийн онцгой ай бол мал маллах арга ухаан, мөн уламжлалт гар урлал юм. Монгол улсад буриад угсаатны үндэсний хувцас харьцангуй сайн судлагдсан дүн гарч байна. МУ-ын СББӨ-ийн үндэсний жагсаалтад буриад гутал, бөөгийн хувцас урлал, буриад байшин, буриад нум сум, ходок тэрэг, чингэлэг урлал багтсан бий.

Орон нутгийн төрийн байгууллага, иргэд, хам бүлгүүд сайн дураараа нэгдэн нутаг нутгийн өвөрмөц онцлогтой соёлоо хөгжүүлэхэд чармайн ажиллаж байгааг судлаачид бид сайн мэддэг бөгөөд дэмжин туслахыг ямагт эрмэлздэг юм. Тийм ч учраас ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Аман зохиол судлалын салбар СББӨ-ийг олон улс, үндэсний болон орон нутгийн гэсэн 3 түвшинд хадгалж буй арга туршлагаас энэхүү илтгэлд тусгахыг зорьсон болно.

Ном зүй:

Гантогтох Г. Буриад хэл-аялгууны хэрэглээний асуудалд // Буриад судлал. 2014. № 4 (004). 13–20-р тал.

Дампилова Людмила Санжибоевна
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
dampilova_luda@rambler.ru

Хандарова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
olga.khandarova@gmail.com

ОБРАЗ НЕБЕСНОГО КУЗНЕЦА / ДАРХАНА В БУРЯТСКОМ ЭПОСЕ¹

В статье рассматривается эпический образ небесного кузнеца / дархана на примере текстов бурятской Гэсэриады и улигера «Еренсей». Определена числовая и цветовая символика образа, выявлены различия в сюжетном функционировании образа в эхирит-булагатской и унгинской традициях.

Ключевые слова: эпос, шаманизм, код, поэтика, сюжет, Гэсэр.

Dampilova Lyudmila Sanzhiboievna
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Khandarova Olga Vladimirovna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE IMAGE OF THE CELESTIAL BLACKSMITH / DARKHAN IN THE BURYAT EPIC

The article deals with the epic image of the celestial blacksmith / darkhan based on the texts of the Buryat Gesariad and the uliger "Erensey". The numerical and color symbolism of the image is determined, the differences in the plot functioning of the image in the Ekhirit-bulagat and Unga traditions are revealed.

Keywords: epos, shamanism, code, poetics, plot, Geser.

В отечественной фольклористике актуальны исследования о единстве мифологической картины мира в шаманских и эпических текстах тюрко-монгольских народов. В настоящей статье рассматривается образ небесного кузнеца / дархана – небесного божества шаманского цикла, одной из значимых ипостасей шаманского образа.

Для анализа взяты тексты бурятской Гэсэриады: унгинская версия представлена вариантами сказителей П. Петрова, П. Дмитриева, П. Тушемилова, П. Степанова и Н. Иванова, а также прозаическим пересказом М. Хангалова, эхирит-булагатская версия – трехчастным циклом М. Имеенова о Гэсэре и двух его сыновьях, дополнительно привлекается улигер «Еренсей» того же сказителя.

В шаманской мифологии небожители кузнецы (*дархан*) имеют свою иерархию как специалисты по металлу и тесно связаны с шаманами. В среднем мире шаман из кузнечного рода обязательно должен иметь небесное кузнечное происхождение. Кузнецы-шаманы, связанные с огненной стихией, обладают

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

большей силой, чем обычные шаманы: «Если обратить внимание на призывания шаманов и на предания, то из них видно, что когда-то кузнецы преобладали над шаманами» (Хангалов 1959: 129). В эпических текстах их роль и значение можно более полно расшифровать в контексте шаманской мифологии.

В бурятских улигерах устойчив сюжет об уничтожении преждевременно родившегося сына опасного врага, обычно он выпадает из чрева разрубленной красавицы-матери, на которую претендуют соратники протагониста или сам протагонист. Сюжет о младенце неразрывно связан с образом железа: его уничтожают в раскаленном железном амбаре, либо он превращается в железо, либо он сам является железным изначально.

В эхирит-булагатских улигерах протагонисты справляются с младенцем самостоятельно. В улигере «Еренсей» «...Ханхан Согто-молодец / не знал, что делать. [Затем] бросил его в железную черную печку. / Затолкав его подальше, / развел огонь / на всю печь», на следующий день бросает его в «железный черный амбар» (Еренсей 1968: 70). В версии Гэсэриады того же сказителя «...Абай Гэсэр-хубун / Бросил младенца в пылающий в печке огонь», а когда это не помогло, на следующий день бросил его в «амбар черный железный» (Абай Гэсэр-хубун 1961: 80).

В унгинской версии Гэсэриады в этом сюжете последовательно участвуют кузнецы. В записи М. Хангалова Гэсэр строит амбар, затем призывает на помощь четырех кузнецов, чтобы они раздували меха (не указано, что они небесные) (Хангалов 1959: 319). В варианте шамана и сказителя П. Петрова «7 хожогоровых кузнецов» (*Долоон хожогор дархан*) спускаются с неба, ставят железный амбар и раздувают меха (Абай Гэсэр 1961: 199).

В варианте П. Дмитриева, после того как ни Заса Мэргэн, ни баторы Гэсэра, ни сам Гэсэр не могут справиться с железнотелым младенцем, Гэсэр призывает от 55 тэнгриев 77 кузнецов (*Далан долоон дархашиул*) на помощь (Гэсэр 1953: 126). Интересно, что в этом варианте 77 кузнецов спускаются и во второй раз, но уже в другом сюжете: они помогают раскалить дворец, чтобы выгнать оттуда Лобсоголда, которого затем побеждает в сражении Гэсэр (Гэсэр 1953: 151).

Больше шаман, чем сказитель, П. Степанов точно подчеркивает, что Олзобой, построив железный амбар, призывает «7 черных небесных кузнецов», чтобы раздувать меха. В этой вариации уничтожаются два мальчика-близнеца, они превращаются в железные шлаки и уходят под землю (Бурчина 1990: 163–164). В варианте Н. Иванова в сходной ситуации Гэсэр призывает 7 кузнецов Божинтоя (*Божинтойн долоон дархан*): мальчики-близнецы превращаются в белую окалину и искры (Бурчина 1990: 289). В варианте П. Тушемилова в записи И. Мадасона Гэсэр не успевает расправиться с младенцем, тот превращается в железный клин (*тумэр шаантаг*) и уходит в землю (Бурчина 1990: 195). Однако в записи Т. Болдоновой уже фигурируют кузнецы: «Отчаявшись от попыток, / Вызвал [Абай-Гэсэр] / Семерых кузнецов хожогорских» (*Хожогориин долоон дарха*) (Абай Гэсэр 2000: 224).

Если в шаманской мифологии персонажная, цветовая и цифровая символика строго определены по функциям героев, то в эпических вариантах наблюдаются сказительские вариации. Так, в шаманизме кузнечные божества относятся к определенным тэнгри: от западных тэнгри могут спускаться только девять белых кузнецов Божинтоя, а семь черных братьев Донжиевых / Хожироевых спускаются от восточных тэнгри. Здесь же мы видим, что сказители варьируют числовую символику: встречаются 4, 7, 77 кузнецов. Наблюдается смешение числовых характеристик и рода, например, 7 кузнецов Божинтоя. Возникает вопрос, то ли это черные кузнецы, раз их 7, или они белые, ибо относятся к Божинтою? В то же время большой знаток шаманской мифологии П. Тушемилов уточняет, что Гэсэр призывает семь Хожогорских кузнецов (запись Болдоновой), что соответствует семи черным Хожироевым братьям. В целом можно предположить, что на помощь призываются именно темные сильные кузнецы, поскольку частотность их числовой и цветовой символики все же выше.

Стоит обратить внимание также на конкретизацию имени кузнецов в улигерах М. Имегенова (эхирит-булагатская эпическая традиция). Гэсэр обращается к своим покровителям, и в том числе к небесным кузнецам:

*Шэньеын долоон дарханда
Шэрээлгэжэ бүтээлэйт,
Ханьеын долоон дарханда
Хатаалгажа бүтээлэйт...*
(Абай Гэсэр-хубун 1961: 37).

Шеньинскими семью кузнецами
Выкован я,
Ханьянскими семью кузнецами
Закален я.

Те же шэньинские и ханьянские кузнецы заново выковывают меч Гэсэра после предательства баторов, закаливают на небе Гэсэра по дороге во владения Галхан Нурма-хана, отца нареченной Гагурай Ногон духэй. Кроме того, ханьинские кузнецы (Ханьин Долоон дархан) по приказу Хана Хурмаса изготавливают для Хурин Алтай, второго сына Гэсэра, путы и обручи, чтобы одолеть желтую собаку Гуниг (Абай Гэсэр-хубун 1964:141–142).

У ханьинских кузнецов также хранится душа Ханхан Согто (Еренсей 1968: 143), а мангадхай, отправившийся за ней на небо и принявший для этого облик Ханхан Согто, просит у Хухэдэй Мэргэна, чтобы ханьинские и шэньинские кузнецы закалили его (Еренсей 1968: 144). К ханьинским же кузнецам отправляется Ханхан Согто, чтобы изготовить цепи и обручи для победы над желтой собакой-щенком (Еренсей 1968: 167).

Таким образом, мы видим, что использование именования «ханьинские» отдельно и «ханьинские» в паре с именованием «шэньинские» равнозначно, и второе, скорее всего, используется в эпическом тексте по характерному для бурятской поэтики закону удвоения образа и анафорической рифмы. Самостоятельной семантикой здесь обладает только слово ханьин, которое встречается в шаманских песнопениях как название рода *ханьин хүнэй удха* или вариантом *хамаг түмэн хангин/хара монгол удха, хангин жоргон утха* (Хангалов 1959: 149). Если кузнецы ханьинские, то, возможно, это относится к кузнецам ханьинского/ хангинского рода.

Как видно из контекста, в разных вариантах эпического текста кузнечные божества выполняют общие функции, но могут менять персонажную, числовую и цветовую символику, ибо это в целом не имеет большого значения в развитии сюжета. Функционирование образов небесных шаманов и кузнецов различается в унгинской и эхирит-булагатской традициях, что может являться дополнительным аргументом в пользу концепции о стадийных различиях данных фольклорных традиций.

Литература:

Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.

Абай Гэсэр. Сказитель П. Тушемилов, науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 256 с.

Абай Гэсэр-Хубун: эпопея (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова; АН СССР, Сиб. отд-ние БКНИИ. Ч. 1. Улан-Удэ: Тип. Минкультуры БурАССР, 1961. 231 с.

Абай Гэсэр-Хубун: эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова; АН СССР. Сиб. отд-ние БКНИИ. Ч. 2: Ошор Богдо и Хурин Алтай. Улан-Удэ: Тип. Минкультуры БурАССР, 1964. 231 с.

Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 449 с.

Еренсей / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. филиал. Бурят ин-т обществ. наук; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 206 с.

Гэсэр. Сказитель П. П. Дмитриев, зап. Д. Хилтухин; подгот. к печати А. Уланов, К. Черемисов. Под общ. ред. П. И. Хадалова, А. И. Уланова. Улан-Удэ: Тип. отдела изд-в и полиграф. промышл. Минкультуры БМ АССР, 1953. 163 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1959. 444 с.

Носов Дмитрий Алексеевич
кандидат филологических наук
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия
dnosov@mail.ru

**РУКОПИСЬ MONG. E 289 ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ИВР РАН:
«ЛАБОРАТОРИЯ» СОБИРАТЕЛЯ БУРЯТСКОГО ФОЛЬКЛОРА**

В материале приведено краткое описание интересного рукописного памятника из монгольского собрания ИВР РАН. 373 листа разного формата были переданы Т. К. Алексеевой и получили шифр Mong. E 289. Это запись бурятского эпического произведения, озаглавленного автором как *Geser qayan-u nom yaraqy-yin tuqai...* («Предыстория Гэсэра»). Она была выполнена летом 1946 г. от сказителя М. А. Шобонова на территории современного Осинского района Иркутской области. В комплекс памятника входят как переложения бурятских текстов на различные транскрипционные системы, так и полевая запись, выполненная старомонгольским письмом. Данный памятник, безусловно, является важным источником по шаманскому фольклору западных бурят. Одновременно он ценен для процесса разработки методологии историко-фольклористического и историко-лингвистического анализа фольклорных текстов на монгольских языках.

Ключевые слова: буряты, шаманы, эпос, историко-фольклористическая текстология.

Nosov Dmitry Alekseevich
Candidate of Sciences in Philology
Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia
dnosov@mail.ru

**MANUSCRIPT MONG. E 289 FROM THE COLLECTION OF IOM RAS:
“LABORATORY” OF THE COLLECTOR OF BURYAT FOLKLORE**

The essay provides a brief description of an interesting handwritten monument from the Mongolian collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. A complex of 373 folios of various formats was received from Tatiana K. Alekseeva and indexed as Mong. E 289. This is a record of a Buryat epics, titled by the author as *Geser qayan-u nom yaraqy-yin tuqai...* (“Prehistory of Geser”). The record was made during the summer of 1946 from the storyteller Morkhonoï A. Shobonov on the territory of the modern Osinsky district of the Irkutsk region. The complex of the monument includes both transcriptions of the Buryat texts into various transcription systems, and a field record made in the old Mongolian script. This allows us to consider the monument as an important source on the shamanic folklore of the Western Buryats. At the same time, it is valuable for developing a methodology for the historical-folklore and historical-linguistic analysis of folklore texts in the Mongolian languages.

Keywords: Buryats, shamans, epos, folklore textology.

В конце XX в. отечественная наука разработала методологию историко-фольклористической текстологии – дисциплины, задачей которой является реконструкция текста, наиболее близкого к моменту исполнения фольклорного речевого акта. Эмпирическая основа дисциплины – фольклор русского и прочих славянских народов России (Иванова 1991). Тексты на языках других народов страны и ее соседей, которые фиксируют отечественные исследователи фольклора на протяжении трех столетий, не имеют такого вспомогательного исследовательского аппарата, хотя его необходимость была осознана еще В. Я. Проппом в 1956 г. (Пропп 1956: 206).

Ценным источником для разработки методики историко-фольклористического текстологического анализа памятников устного народного творчества бурят является рукопись Mong. E 289 из собрания ИВР РАН (Сазыкин 1988: 37–38). Эта единица хранения представляет собой «рабочее место» собирателя и исследователя фольклора западных бурят – Татьяны Капитоновны (Капитовны?) Алексеевой.

Внимание к наследию Т. К. Алексеевой привлекла ведущий специалист по шаманскому фольклору бурят Л. С. Дампилова в своей статье 2021 г. Исследователь задалась вопросом о происхождении материалов по бурятскому шаманизму, опубликованных Б. Ринченом (1905–1977) в западно-германском городе Висбадене без каких либо паспортных данных (Rintchen 1961), поскольку они были тайно вывезены им из советских архивов (Дампилова 2021: 58). Исследователь убедительно доказала, что часть записей принадлежит перу выдающегося бурятского филолога и просветителя Ц. Ж. Жамцарано (1881–1942). Оригиналы их хранятся в Институте восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) [Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 62] и в собрании ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ) [Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ИМБТ СО РАН). Ф. 6].

Другая часть шаманских текстов записана в Западной Бурятии – регионе, где выдающийся ученый не вел полевых исследований. Они были сделаны уже после его гибели другим собирателем – Т. К. Алексеевой, о чем составитель сборника не упомянул.

Помимо фонда 753, содержащего тексты шаманских песнопений, Л. С. Дампилова указывает на существование в ЦВРК ИМБТ СО РАН фонда 1791, в котором хранится выполненная Т. К. Алексеевой запись эпического произведения «Гесер богдохан, его происхождение, жизнь и деятельность». Текст передан кириллическим алфавитом и представлен в двух вариантах – рукописном и машинописном.

Предположительно оригинальная полевая запись этого памятника содержится в рукописи Mong. E 289 «Geser qaqaṅ-u nom ṅaṅaṅu-yin tuṅai...» («Предыстория Гэсэра») из коллекции ИВР РАН. Этот памятник представляет собой организованный комплекс листов, помещенных в картонную папку производства Первой Ленинградской областной типографии. Он входит в «Коллекцию 1955 г.» под номером 10 (Сазыкин 1988: 37), составленную из рукописей разного характера.

Данная единица хранения делится на пять частей. Первая включает 120 листов, на которые синими и фиолетовыми чернилами нанесен текст старомонгольским письмом. Пагинация листов выполнена арабскими цифрами, текст нанесен только на сторону recto, за исключением нескольких пометок на стороне verso лл. 32 и 120. Листы хранятся в отдельной картонной папке немецкого производства и дополнены еще одним листом, содержащим старомонгольские, русский и бурятский кириллические тексты, записанные синими чернилами.

На этом листе помещены названия разделов рукописи на русском, старомонгольском и бурятском языках, а также паспортные данные полевого материала. Запись была выполнена в улусе Онгой-Кутанка Осинского аймака (ныне – территории Бильчирского, Каха-Онгойского и Улейского муниципальных образований Осинского района) Иркутской области в июне и июле 1946 г. Информант – 72 летний сказитель-шаман Морхоной Алсагарович Шобонов.

Названия разделов старомонгольской рукописи следующие:

1. *Geser qaqaṅ-u nom qaryui-yin tuṅai:*
2. *Loyir qara lobṅoyoldoi-luy-a Geser qaqaṅ-u temeṅegsen bülüg :*
3. *Abai Geser-ün kübegün-ü tuṅai :*
4. *Abai Geser-ün qoyar-duyar gerlegsen-ü tuṅai:*

Название последнего раздела написано с ошибкой, в самой рукописи он занимает лл. со 103 по 112 и озаглавлен как *Geser-ün dürben-deki-bengerlegsen-ü tuṅai:*

Вторая часть состоит из 170 листов транскрипционного текста, озаглавленного собирателем как «Гэһэр Богдойн ном харгуйн». Запись нанесена синими чернилами и занимает только сторону recto каждого листа, пагинация выполнена арабскими цифрами. Как и в предыдущей части, присутствует дополнительный лист, содержащий русский текст, записанный синими чернилами. Он также содержит паспортные данные записи, но датирован 25 мая 1948 г. На нем указано, что 120 листов текста на старомонгольском письме являются полевой записью. Это позволяет предположить, что 25 мая 1948 г. – дата завершения работы над транскрипцией эпического произведения.

Третья часть содержит тот же бурятский текст «Гэһэр Богдойн ном харгуйн», переданный в фонетической транскрипции на основе кириллицы. Запись выполнена карандашом на сторонах recto и verso, листы помещены в отдельный конверт.

Четвертая часть состоит из двух разделов, содержащих транскрипции на основе латинского алфавита следующих текстов:

1. *Abai geser boyda-yin xübegyün tuxai*
2. *Geser-un dörbedeki-iyer-iyen-gerlegsen-u tuxai*
3. *Loir xara Lobsoyoldui-luyā Geser xayān u temcegsen bülügē.*

Запись нанесена синими чернилами только на стороне recto, пагинация не сквозная – с 1 по 9 и с 1 по 5 листы, выполнена арабскими цифрами. Присутствует небольшое количество помарок и исправлений.

Пятая часть включает три листа вспомогательных этнографических материалов на русском языке. Первый лист размером 69x83,5 см содержит составленную Т. К. Алексеевой от руки синими чернилами схему «Происхождение Абай-Гэһэр-богдо и его роль в шаманизме». Второй лист размером 20x25,5 см на стороне recto содержит зарисовку местности, нанесенную карандашом. На стороне verso находится пояснение к схеме: «Следы Гесера в местности Улей, Осинский район Иркутской области». Третий лист такого же размера содержит более развернутое пояснение на русском языке о изображенной местности, нанесенное синими чернилами на сторону recto.

Приведенное описание памятника позволяет характеризовать его как ценный источник по шаманскому фольклору западных бурят. Он также важен для процесса разработки методологии историко-фольклористического и историко-лингвистического анализа фольклорных текстов.

Литература:

Дампилова Л. С. Шаманские материалы в фонде Т. К. Алексеевой в ЦВРК ИМБТ СО РАН // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Сборник докладов IV международной научной конференции. 18–19 апреля 2019 г. Улан-Батор. СПб.; Улан-Батор, 2021. С. 57–64.

Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Т. 26. Л., 1991. С. 5–21.

Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор: материалы и исследования. М. Л., 1956. Т. 1. С. 196–206.

Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР. Том I. Ответственный редактор Д. Кара. М.: «Наука» ГРВЛ, 1988. 508 с.

Rintchen B. Les materiaux pour L'etude du shamanis memongol // Asiatische Forschungen II: Textes shamanistes bouriates. Wiesbaden, 1961. Bd 8.

“ИЛЖГЭН ЧИХТ ХААНЫ ҮЛГЭР”-ИЙН НЭГЭН ШИНЭ ХУВИЛБАРЫН ТУХАЙД

Энэ илтгэлд “Илжгэн чихт хааны үлгэр”-ийн нэгэн шинэ аман хувилбарын өгүүлэмжийн зарим онцлогийг тодруулахын зэрэгцээ үлгэрийн ямар төрөл зүйлд багтах зэргийг жишээ баримтаар нотлохыг оролдлоо. Уг аман хувилбарыг Архангай аймгийн Хайрхан сумын уугуул П. Цэвэгмидэд эмэг эх Норжин нь ярьж өгдөг байсныг бид энэ жил (2020) тус нутгаар явахдаа тэмдэглэн авсан билээ. Энэхүү аман хувилбар Архангай аймгийн Хайрхан сумаас 22 км зайд орших Илжгэн чихт хааны балгас хэмээх түүхэн дурсгалт газартай холбогддог бөгөөд эртний Энэтхэг, Төвд, Монгол “Шидэт хүүрийн үлгэр” доторх “Илжгэн чихт хааны үлгэр”-ийн өгүүлэмжтэй төстэй боловч, зарим нэг талаараа ялгаатай байсан нь бидний сонирхолыг татсан билээ. Тиймээс бид энэхүү илтгэлээрээ “Илжгэн чихт хааны үлгэр” хэмээх энэхүү аман хувилбарыг шинээр эрдэм шинжилгээний эргэлтэд оруулахыг зорьлоо.

Түлхүүр үг: өгүүлэмж, уран сайхны онцлог, аман ба бичгийн хувилбар.

*Purevsuren Yandii**Ph.D**Mongolian State University of Education**Ulaanbaatar, Mongolia***ON A NEW VERSION OF “DONKEY-EARED KING TALE”**

The article attempted to clarify some features of a new version of “Donkey-eared King tale” and prove whether the king is included in which type of tale on the basis of example and evidence. The oral version is told from grandmother Norjin to P. Tsevegmid, resident of Kharikhansoum, Arkhangai province. We recorded the oral version this year (2020) while we were travelling through the countryside. The oral version is related to historical memory as the donkey-eared king’s ruin which is located at a distance of 22 kilometers from Kharikhansoum, Arkhangai province. Although this version is similar to narration of “Donkey-eared king tale” in Magic Corpse tale of ancient India and Tibet and Mongolia, some parts of the version are different from them. Therefore, we attempted to introduce an oral version of “Donkey-eared king tale” in scientific research.

Keywords: narration, role, artistic features, donkey-eared king tale and oral and written version.

Удиртгал

“Илжгэн чихт хаан”-ы тухай олон үлгэр байдаг юм байна. Энэ үлгэр нь аман болон бичгийн хувилбараар дэлхийн улс орнуудын (Энэтхэг, Төвд, Ордос, Казах, Киркиз, Тува, Хятад, Солонгос, Польш, Португаль, Монгол...) дунд өргөн дэлгэр тархахдаа тухайн улс үндэстэн бүрийнхээ ахуй амьдралын онцлог, ёс заншил зэргийг гүн гүнзгий шингээсэн байдгаараа өвөрмөц ажээ. Тухайлбал, зарим аман болон бичгийн хувилбарт тутаргын гурилыг эхийн сүүгээр зуурч, моголцоглон хаандидүүлж байгаа нь халуун дулаан орны ахуй амьдралын онцлогийг харуулж байна. Энэхүү дүрслэлийг монгол хувилбарт эхийн сүүгээр хийсэн хурууд буюу ааруул эсвэл эзгий болгондүрсэлж (Цэрэнсодном, 1989:98) нүүдлийн мал аж ахуй эрхэлдэг ард түмний уламжлалт ахуй амьдралын онцлогийг тусгасан байна.

Ялангуяа Монголд Энэтхэг, Төвдөөсуламжлан ирсэн “Шидэт хүүрийн үлгэр”-ийг монгол зохиолч, орчуулагчид монгол ахуй байдалдаа зохицуулан хувиргаж, боловсруулан, монголжиж, иргэншиж, монгол зохиол болгосныг гадаад (Владимирцов 1958: 84–87; Потанин 1948: 402; Мостэр 1989: 298–306

г.м.) дотоодын (Дамдинсүрэн 1964¹; Хүрэлбаатар 1997; Д. Цэрэнсодном 1987; Чүлтэмсүрэн 2011: 63-68² г.м.) эрдэмтэн судлаачдын үнэлэлт дүгнэлт тодорхой харуулдаг. Энэхүү Энэтхэг, Төвөд, Монгол “Шидэт хүүрийн үлгэр” дотор “Илжгэн чихт хааны үлгэр”-ийн бичгийн хувилбар байдаг. Энэ үлгэр Монгол нутагт аман хувилбараар өргөн дэлгэрсэн агаад эрдэмтэн судлаачид тэдгээр хувилбарт тооцож болох аман үлгэрүүдийг янз бүрийн түүхэн цаг үед, нутгийн аялгуу, угсаатны зүй, үлгэр судлалын хүрээнд сурвалжлан цуглуулж хэвлүүлсэн байна.

Үндсэн хэсэг

Нэг. “Илжгэн чихт хааны үлгэр”-ийн нэгэн шинэ хувилбарын тухай

Эрт цагт нэгэн ядуу авгай ганц хүүтэйгээ амьдардаг байв. Ээж хүү хоёрын амьдардаг байсан нутгийн хаан нь илжиг шиг том далбагар чихнээсээ ичдэг байсан учир өдөр бүр 3 настай хүүгээр үсээ авахуулаад толгойг нь авдаг байжээ.

Нэгэн өдөр нөгөө авгайн хүү хааны үсийг авах ээлж тохиов. Тэрбээр хүүдээ мөөмнийхөө сүүг саан, эзгийг буцалган ширгээж, уут дүүргээд, өвөрт нь хийж өгөхдөө “Миний хүү хааны үсийг авч байхдаа энэ эзгийнээсээ идээд байгаарай.” гэж хэлжээ. Хүү хааны ордонд очоод, ээжийнхээ өгсөн ууттай эзгийг өврөөсөө бага багаар гарган идээд байхыг хаан хараад “Алив, би амсаж үзье.” гэв. Хүү хаанд ээжийнхээ мөөмний сүүгээр хийсэн эзгийг өгвөл чихэрлэг, сайхан амт нь хааны сэтгэлд нийцэж, хоёул идсээр уут дүүрэн эзгийг дуусч, 3 настай хүү ч хааны үсийг авч дуусав. Хаан хүүгээс өнөөх эзгийг юугаар хийснийг сонирхон асуувал хүү “ээж минь сүүгээрээ хийж өгсөн юм аа.” хэмээн хариулав. Хаан “За, чи бид хоёр нэг эхийн сүү амссанаараа ах дүү боллоо. Би чиний толгойг авахгүй. Харин чи миний чихний талаар хүн, амьтанд огт хэлж болохгүй шүү. Би чамаар үсээ засуулж байя. Чи миний үсийг авах бүрдээ энэ сайхан эзгийгээ байнга авчирж бай” хэмээн зарлиг буулгаад хүүд өч төчнөөн бэлэг сэлт өгч явуулжээ.

Ийнхүү ядуу авгайн хүү хааны үсийг авч, хаан хариуд нь бэлэг өгсөөр ээж хүү хоёр нэлээд чинээлэг болж, амьдрал ахуй нь ихэд сайжирч гэнэ. Нэгэн өдөр хүү хааныг очиж үсийг нь авдагаараа авчихаад явж байтал гэнэт хааны илжиг шиг чихийг бодох бүр инээд нь хүрсээр тэсэлгүй тарваганы нүхэнд “Манай хаан илжгэн чихтэй” хэмээн ишвнэж гэнэ. Сүүлдээ бүр тэсэхээ байж олон тарваганы нүхэнд очин “манай хаан илжгэн чихтэй” гэж хашгирч, инээж явахыг сонссон нутгийн ард иргэд хааныхаа чихийг илжиг шиг том болохыг мэдээд, бүгд ам амандаа энэ тухай ярьсаар хааны сонорт хүрч гэнэ ээ. Хаан хүүг хэлсэн амандаа хүрээгүйд ихэд уурлан, толгойг нь авч гэнэ. Төд удалгүй нэг эхийн хүүхдүүд байж дүүгийнхээ толгойг авсанд, тэнгэр хилэгнэн хааны ордныг ниргэж гэнэ. Уг газар эдүгээ Архангай аймгийн Хайрхан сумаас 22 километрт орших Хануй Хүнүйбэлчирт байдаг. Нутгийн ард иргэд энэ газрыг “Илжгэн чихт хааны балгас” хэмээн одоо хүртэл ярьсаар байна (Энэ домгийг Архангай аймгийн уугуул П.Цэвэгмидэд эмэг эх Норжин нь ярьж өгдөг байсныг бид тэмдэглэн авав. 2020.07.23).

Хоёр. Шинэ аман хувилбарын бусад хувилбараас ялгарах өгүүлэмжийн зарим онцлогийн тухай

Бидний тэмдэглэж авсан хувилбарын өгүүлэмж бусад хувилбараас хэд хэдэн онцлог шинжээр ялгарч байна. Үүнд:

1. Олонхи үлгэрт өтөл эмгэн өөрийн хөхний сүүгээр гурил зууранхүүдээ өгч буй тухай өгүүлдэг бол энэхүү хувилбарт хүүгийн эхийг ядуу авгай хэмээн онцлон дүрсэлжээ. Өмнөх судалгаанд хамрагдсан үлгэрүүдэд дүрийнхээ (хүүгийн эх) нийгмийн гарлыг төдийлөн дүрслээгүй байдаг.
2. Энэхүү аман хувилбарт хүүгийн насыг тодорхой заасан байна. Бусад хувилбарт ийм дүрслэл байхгүй агаад энэ нь уран сайхны хэтрүүлэл төдийгүй хүүхдийн гэнэн томоогүй зан чанарыг товойлгойн урласны илрэл болжээ.
3. Ээж хүүдээ сүүгээрээ эзгийг ширгээн өгч байна. Өөр хувилбарт голдуу гулир, хурууд гэх мэтээр дүрсэлсэн байдаг. Цагаан идээнээс монгол хувилбарт ааруул хэмээн дүрсэлсэн байдаг бол энэхүү шинэ хувилбарт эзгийг сонгосон нь нэгдүгээрт, бусад идээнээс амтны хувьд илүү

¹ Академич Ц. Дамдинсүрэн “Шидэт хүүрийн үлгэр”-ийг “энэтхэг, төвөд, монгол уран зохиолын харилцаа холбооны хүрээнд төвөд, монгол олон хувилбаруудыг нь бичгийн зохиолын түвшинд илүүтэй харьцуулан судлаад уг зохиолын олонхи бүлгүүд ардын дуунд нэвтэрч, аман зохиол болж хувирсан ба бас ч монгол аман зохиолын зарим сэдэв “Шидэт хүүрийн үлгэр”-т нэвтрэн орсон байна” хэмээн дүгнэсэн байдаг.

² Уг судалгааны эцэст монголчууд дэлхий нийтэд түгсэн ижил сэдэв, өгүүлэмжийг баяжуулан монгол ахуйдаа зохицуулж, жинхэнэ монгол зохиол болгон боловсруулсан уран сайхны туршлагыг эхэмлэн үзсэн байна хэмээн үнэлжээ.

чихэрлэг, хоёрдугаарт тухайн хувилбар дэлгэрсэн нутагт эзгийг их хийдэг зэрэг тухайн нутаг орны (Архангайн Хайрхан сум) ахуй амьдралын онцлогтусчээ.

4. Хаан хүүд бэлэг сэлт байнга өгч, ээж хүү хоёрын амьдрал сайжирдаг. Ийм өгүүлэмж өмнөх ямар ч хувилбаруудад байхгүй бөгөөд уг үлгэрийн өгүүлэмжийг сонирхолтой болгосноос гадна нэг эхтэй болсон санааг улам тодотгож байна.

5. “Илжгэн чихт хааны үлгэр”-ийн олон хувилбарт хүү үлий эсвэл огтоны нүхэнд “манай хаан илжгэн чихтэй” хэмээн хашгирдаг. Харин монгол хувилбар болон бидний энэ хувилбарын өгүүлэмжидхүү (3 настай) тарваганы нүхэнд хэлж байдгаараа төстэй байна. (Монгол нутагт тарвага нэлээд элбэг байдаг төдийгүй тус сум тарвагаар баялаг байсан нь эдүгээ багассан байна.) Үүнээс гадна бусад хувилбарт амьтад хааны чихний тухай хүмүүст зарладаг болшинэ хувилбарт хүү тарваганы нүхэнд “манай хаан илжгэн чихтэй” хэмээн хашгираад явж байхыг хүмүүс сонсоод, хааныхаа далбагар, илжиг шиг чихний тухай мэддэг. Үүгээрээ монгол хувилбар болон бидний энэ шинэ хувилбар хоёр бусад орны аман болон бичгийн хувилбараас ялгаатай байна.

6. “Илжгэн чихт хаан” үлгэрийн олон оронд тархсан хувилбар бүрийн үзэл санаа, иргэнлэг байдал нийтлэг байна. Энэ нь түүхийн янз бүрийн хугацаанд шинэ бодит дүр юм уу, уран сайхны дүрээр баяжин цаг үеэ тусгасаар ирсэнтэй холбоотой бололтой.

7. “Илжгэн чихт хаан” үлгэр бүрийн төгсгөл хоорондоо их төстэй байдаг бол энэ хувилбар өөр байна. Бусад аман хувилбаруудад албат иргэд нь илжгэн чихт хаанаа жигшиж байгаагаар төгсдөг. Энэ шинэ хувилбарын төгсгөлд хаан нэг эхтэй болсон дүүгийнхээ толгойг авдаг. Үүнээс болж тэнгэр хилэгнэн хааны ордныг ниргэдэг. Эндээс харахад уг хувилбарт тэнгэр шүтэх үзэл хийгээд ард иргэдийн итгэл үнэмшлийг өвөрмөц байдлыг дүрслэн үзүүлснээрээ өвөрмөц байна.

Энэ мэт нэг сэдэвтэй, нийтлэг өгүүлэмжтэй энэ үлгэрийн төрөл зүйлийн тухайд профессор Р.Чүлтэмсүрэн “Илжгэн чихт хааны үлгэр”-ийн хувилбарууд нь төрөл зүйлийн хувьд домог үлгэр (миф), түүхэн домог (придание), явган үлгэр (сказка)-ийн юм уу нийлмэл хосолсон шинжтэй боловсруулсан байна” (Чүлтэмсүрэн 2011:67) хэмээжээ. Бид үүнтэй санал нэг байна. Учир нь бидний тэмдэглэж авсан аман хувилбарт угсаатны зүйн холбогдолтой аман баримт байх төдийгүй үлгэрийн өгүүлэмж эцэстээ монгол орны түүхэн дурсгалт газартай холбогдож байдаг. Тиймээс бид энэхүү аман хувилбарыг домог үлгэр (миф), түүхэн домог (придание), явган үлгэр (сказка)-ийн юм уу нийлмэл хосолсон шинжтэй боловсруулсан үндэслэл байна хэмээн үзэхийн зэрэгцээ тус хувилбарыг газар усны домогт багтаан авч үзвэл илүү нийцтэй мэт санагдана.

Гурав. Шинэ аман хувилбарын дүрийн хэв шинжийн тухай

Энэхүү шинэ аман хувилбарын дүрийн хэв шинжийг ажиглахад ихэнх хувилбартай адил хаан (хаан хүү, ван, амбан)-ыг илжгэн чихтэйгээр дүрсэлж уран сайхны дүр бүтээнээрээ адилхан байна. Харин 3 настай хүүгийн дүр бусад үлгэр дэхь хүүгийн дүрээс ялгаатай байна. Энэ хувилбарт нэгдүгээрт, хүүгийн насыг тодорхой заасан байна. Ингэснээр өгүүлэмж нь илүү хийсвэр уран сэтгэмжтэй болжээ. Хоёрдугаарт, монгол аман хувилбарт “хүү хааныхаа илжгэн чихтэйг бусдад мэдэгдэхгүй гэж ам тангараг авдаг. Тэгээд нууц алдахгүйг хичээж дотроо санааширсаар сэтгэлийн өвчтэй болж, үхдэгийн даваан дээр тулж домчид үзүүлэн, эхийн зөвлөснөөр оготны нүхэнд хашгирч байж сэтгэлийн бөглөрөл тайлагдаж байна” (2011:69). Хүүгийн энэ мэт дотоод сэтгэлзүйн онцлогийг бидний тэмдэглэж авсан хувилбарт огт дүрслээгүй байна. Энэ нь хүүгийн гэнэн томоогүй настай холбоотой бололтой.

Энэ бүгдээс харахад бидний энэхүү шинэ хувилбарт олон үндэстний “Илжгэн чихт”-ийн үлгэрүүдэд байдаг адил төстэй өгүүлэмж, дүр дүрслэл байгаа ч өөрийн гэсэн өвөрмөц онцлогоороо бусад хувилбараас ялгаатай байгааг энд онцлон тэмдэглэж байна.

ДҮГНЭЛТ

1. Энэхүү шинэ хувилбар “Илжгэн чихт хааны үлгэрүүд”-ийн өгүүлэмжтэй өгүүлэмж төстэй боловч, зарим талаараа ялгаатай байна. Энэ нь тухайн газар нутгийн ахуй амьдрал, ёс заншил хийгээд түүх, домог, газар усны нэр, угсаатны зүйн уялдаа холбооноос шалтгаалан өөрийн гэсэн өнгө аясаараа эрс ялгарч байгааг энд онцлон тэмдэглэж байна.

2. Энэхүү аман хувилбар нэгдүгээрт шинэ, хоёрдугаарт угсаатны зүйн холбогдолтой аман баримт тул танин мэдэхүйн чухал ач холбогдолтой хэмээн үзэж байна.

Ном зүй

- Владимирцов Б. Я. Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 160 с.
- Потанин Г. Н. Путешествия по Монголии. М., 1948. 486 с.
- Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархад ястан. Улаанбаатар: ШУАХ, 1965. 257 х.
- Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр. Энэтхэг, Төвд, Монгол Шидэт хүүрийн үлгэрүүд. Улаанбаатар, 1977.
- Мостэр А. Аржи Боржи хаан. Дэд дэвтэр. Үндэстний хэвлэлийн хороо, 1989.
- Хүрэлбаатар Л. Винайн эшийн цоморлиг ба монгол үлгэр // Mongolian Studies. 1997. No. 5. Reprinted.
- Чүлтэмсүрэн Р. Монгол аман билиг: судлал шинжлэл тэмдэглэл, нийтлэл. Улаанбаатар: Сэлэнгэ пресс, 2011. 404 х.
- Цэрэнсодном Д. Монгол ардын домог үлгэр. Улаанбаатар: УХГ, 1989. 239 х.

Мурзакметов Абдымиталип Камытович
кандидат исторических наук
Ошский государственный университет
Ош, Кыргызстан
suzak65@mail.ru

Табалдиева Медергул Турдумаматовна
Ошский государственный университет
Ош, Кыргызстан
medya.81@mail.ru

КЫРГЫЗСКО-БУРЯТСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Устное народное творчество любого народа имеет древнюю историю формирования и развития и является достоянием духовной культуры народа. Это относится и к фольклору кыргызов и бурят, в которых даже при поверхностном рассмотрении можно найти немало общего. Об этих общностях и свидетельствуют фольклорные жанры: народные сказки, пословицы и загадки – памятники народной мудрости. Народные сказки – одно из ярких и высокохудожественных проявлений духовной культуры народа, создававшиеся на протяжении многих веков его талантливыми представителями. Обилие пословиц, поговорок, фразеологизмов, традиционных формул придают сказкам тот неповторимый колорит, который составляет один из компонентов их национального своеобразия. В данной статье на примере кыргызских и бурятских сказок мы хотим рассмотреть некоторые аспекты культурной общности двух народов.

Ключевые слова: кыргызы, буряты, фольклор, волшебные сказки, этнокультура.

Murzakmetov Abdymitalip Kamytovich
Candidate of Sciences in History
Osh State University
Osh, Kyrgyz Republic

Tabaldieva Medergul Turdumamatovna
Osh State University
Osh, Kyrgyz Republic

KYRGYZ-BURYAT FOLKLORE PARALLELS

The oral folk art of any nation has an ancient history of formation and development and is the heritage of the spiritual culture of the people. This applies to the folklore of the Kyrgyz and Buryats, in which, even with a superficial examination, one can find a lot of commonalities. They express dreams about the future, the attitude to reality, aesthetic ideals, worldview of the people. The abundance of proverbs, sayings, phrases, traditional formulas give the fairy tales a unique flavor that is one of the components of their national identity. In this article, on the example of Kyrgyz and Buryat fairy tales, we want to consider some aspects of cultural commonality of the two peoples.

Keywords: Kyrgyz, Buryats, folklore, fairy tales, ethnoculture.

Как показывает история развития человечества, никакой народ не может считаться чистокровным и никакому народу не удавалось создавать свою культуру без влияния других, в чистом виде. Поэтому немаловажное значение для решения этногенеза кыргызского народа имеет изучение вопросов их этнокультурных и этногенетических связей. Выявленные одинаковые названия родов и племен, схожие черты хозяйства, материальной и духовной культуры, языка, фольклора кыргызов и народов Сибири указывают на имевшуюся этническую и культурную общность между ними. Не удивительно, что в устном творчестве кыргызов можно найти немало общего с фольклором народов Сибири, а если точнее, то с бурятским. Но в данной статье мы ограничимся лишь кыргызскими и бурятскими сказками.

И бурятские, и кыргызские сказки составляют традиционные циклы: волшебные, бытовые, о животных. Это деление, правда, довольно условно. Действия животных напоминают человеческие взаимоотношения, и зачастую эти сказки носят чисто бытовой характер. А волшебные элементы, фантастические преувеличения обязательны для любой сказки. В галерее популярных персонажей бурятской волшебной сказки значительное место занимают герои, происхождение которых связывается с представителями животного мира. Сказка на сюжет о брачной связи земной женщины с медведем известны многим народам – аборигенам Сибири, а также представителям славянских народов. Многочисленные варианты подобных сказок имеются и в бурятском сказочном репертуаре. Несомненный интерес представляет сама завязка в них. Ни в одной сказке нет такой ситуации, когда подобный брачный союз заключался бы по согласию человека (девушки или женщины). Он всегда носит насильственный характер – медведь похищает девушку, уносит к себе в берлогу. Этот мотив в сказке всегда устойчив (Баранникова, 1978: 78). Нет сомнений, данная сказка отражает тотемистическое воззрение, через которое прошел процесс мышления всего человечества на определенной стадии его умственного развития.

Хотя в кыргызском фольклоре сказка с таким сюжетом не встречается, имеется поговорка: *Үңкүр да болсо, үйүм эле, аюу да болсо эрим эле*, что в переводе означает ‘Хоть и берлога, была моим домом, хоть и медведь, был моим мужем’. Кыргызские языковеды, опираясь на устное творчество народа, этой поговорке дают такое толкование: «В давние времена медведь похитил женщину и унес к себе в берлогу. Там они прожили целый год как муж с женой. Через год охотники обнаружили медведя и, убив его, освободили женщину. Когда они возвращались, женщина несколько раз оглянулась назад. На вопрос охотников, в чем причина, она ответила: «Хоть и берлога, была моим домом, хоть и медведь, был моим мужем» (Кыргыздын кылымдарды карыткан..., 2010: 298). Ныне поговорку обычно говорят в назидание молодым, не имеющим своего дома, или же девушкам, которые по какой-либо причине не спешат выйти замуж.

Среди бурятских бытовых сказок имеется небольшая сказка с названием «Сэсэн бэри» (Умная невестка). В ней повествуется история о том, как невестка, обнаружив козу, задранный волками, рассказывает об этом по-иному. Так как на свадьбе своей она поклонилась людям, которых звали Шоно (волк), Ухан (вода), Модон (дерево). Подумав, она сказала отцу: – Нашего блеющего задрал воющий (там), за текущей (Бурятские..., 1984: 53–54). Смысл сказки раскрывает ее аналог в кыргызском фольклоре.

В традиции у кыргызов существует обычай табуирования имен. Невестка, приходя в дом мужа, должна была соблюдать некоторые запреты, например, нельзя было называть родственников мужа по имени, а также произносить слова, одинаково звучащие с запретным именем. В учебнике первого кыргызского профессора Касыма Тыныстанова, изданного в Ташкенте 1924 г., упоминается короткая история из фольклора кыргызов: «У мужа одной невестки было шесть старших братьев: Субан (кырг. суу ‘вода’), Камышпай (*камыш* ‘тростник’), Карышкыр (‘волк’), Койлуубай (букв. ‘богатый овцами’), Бычакбай (*бычак* ‘нож’), Булэбай (*булэ* ‘точильный брусок’). Однажды она пасла овец и увидела, что в камышах волк задирает овцу. Криками спугнув волка, невестка бросилась назад, так как овце нужно было пустить кровь, пока она не издохла, иначе ее мясо стало бы не пригодным к употреблению. Она хотела звать на помощь старших братьев мужа, но обычай запрещает невестке называть имена старших родственников мужского пола со стороны мужа. Поэтому находчивая невестка стала кричать: «Там за журчащим, среди шелестящего, воющий собирается есть блеющего. Режущее проведите по тому, обо что это делают, и скорее идите туда!» (Касым, 1991: 94). Эта история в алтайском фольклоре встречается с небольшим изменением в виде загадки: «На той стороне журчащего, под горящим, воющий блеющего ест» и отгадывается так: «На той стороне реки, под деревом, волк ест овцу» (Алтайские..., 1981: 64). Эта история является показателем характерных черт быта и жизни, а также одним из проявлений этических норм тюркских и монгольских народов.

Волшебные сказки бурят обладают неповторимыми чертами национального своеобразия, связанными с их историческими судьбами, их бытом, нравами, психологией. Люди верили в таинственные силы природы. Об этом повествует бурятская сказка «О ворожбе на лопатке», записанная Н. И. Затопляевым: «В одно время жил лама-хубилган (перерожденец), имевший много книг, раскрыв которые, он узнавал все. Едет он однажды куда-то и остановился ночевать в степи. Положил все свои книги на землю. Вместе с ним тут же ночевал овечий пастух. Овцы этого пастуха съели все эти книги. Тогда лама сказал овцам: “Когда вы съели мои книги, пусть мое книжное ведение войдет в ваши тоненькие кости. Я же

обойдусь и без книг!» Вот поэтому-то и ворожат теперь овечьей лопаткой» (Сказания, 1890: 87). Данный предмет, т.е. овечья лопатка, использовался и кыргызами для предсказания будущего. Однако причина выбора лопатки для этой цели не указывается ни в одном источнике. После ознакомления с бурятской сказкой можно предположить, что когда-то и в устном народном творчестве кыргызов существовало некое объяснение, которое со временем было забыто народом.

У кыргызов имеется сказка под названием «Честный Мизинец» и в ней говорится, что когда-то были пятеро братьев с именами пальцев. Как-то раз Большой палец сказал: «Айда поворуюем». Указательный сказал: «Ладно, поворуюем». Средний: «Как же с Богом-то?» Безымянный замешкался. Мизинец: «Заколоть заколем, выпьем супа вдосталь». Так и поступают, но в конце сказки хозяин барана, узнав всю правду от Мизинца, ударит остальным ладонью по лицу и заставит возместить ущерб (Кыргыз эл жомоктору, 1985: 199–200). Мы считаем, что со временем сказка была незаслуженно забыта (этой сказки нет в поздних сборниках) и превратилась в детскую игру. Поэтому исследователь Ф. А. Фиельструп, изучавший кыргызов в 1920-х гг., записал ее с названием «Игра с пальцами ребенка». В данной игре, в отличие от сказки, указываются причины размера пальцев (Фиельструп, 2002: 262–263).

Аналогичная сказка была записана у аларских бурят Н. И. Затопьевым. В отличие от кыргызской сказки, сюжет ограничивается лишь планом пальцев о краже (Сказания... 1890: 87). Незаконченной формой сюжета о воровстве скота осталась и калмыцкая детская пальчиковая игра (Басангова, 2013: 105). Все эти тексты детских игр, как мы полагаем, являются осколками сказок, в которых отражаются невинные попытки наших предков познать окружающий мир, в том числе тело человека.

Таким образом, благодаря своим благородным, гуманистическим устремлениям сказки являются активной формой общения между народами, участвуют в обмене культурными ценностями. В своей небольшой статье мы ограничились лишь отдельными примерами. В кыргызских и бурятских сказках мы находим много аналогичных сюжетов, которые говорят об этногенетических и этнокультурных связях данных народов.

Литература:

Алтайские загадки. На русском и алтайском языках / сост., автор перевода, предисл. и коммент. К. Е. Укачина. Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1981. 176 с.

Баранникова Е. В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1978. 256 с.

Басангова Т. Г. Считалки в детском фольклоре калмыков // Электронный информационный журнал «Новые исследования Тувы». 2013. № 1. С. 101–106.

Бурятские народные сказки. Бытовые / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. 448 с.

Сказания бурят, записанные разными собирателями. Иркутск: Печатано в Типографии К. Витковской, 1890. 160 с.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.

Касым Тыныстан уулу. Адабий чыгармалар. Бишкек: Адабият, 1991. 192 б.

Кыргыз эл жомоктору. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. 224 б.

Кыргыздын кылымдарды карыткан 1001 макал-лакабы / Түз. С. Бекботоев. Бишкек: Учкун, 2010. 336 б.

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна
доктор филологических наук
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Россия
narkas08@mail.ru

МОТИВ ПРЕДСКАЗАНИЯ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ БАШКИРСКОГО ЭПОСА «ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»¹

Предсказание будущего всегда волновало человека, с чем он обращался к ясновидящим, гадалкам, которые использовали различные средства. В эпическом народном творчестве этот обычай выполняет функцию мотива и имеет в произведении художественно-эстетическое значение. Зеркало, в котором отразилось настоящее положение дел, ситуация, в которой оказались помощники героя – его спутники конь Тулпар и сокол. Согласно семантике, мифологическому символизму, озеро ассоциируется с зеркалом, в котором, как верили, отражалось не только прошлое и будущее, но и настоящее. Увиденное в зеркальце настоящее плачевное состояние своих помощников сподвигло героя на возвращение на земную поверхность, родину, на горы Балкантау и Карагач, что придало динамику дальнейшему развитию сюжета эпоса.

Ключевые слова: эпос, предсказание, сюжетобразующий мотив, зеркало, Заятуляк, Хыухылу, озеро.

Khubbitdinova Nerkes Akhmetovna
Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia

MOTIVE FOR PREDICTIONS AS A PLOT-FORMING ELEMENT OF THE BASHKIR EPOS “ZAYATULYAK AND KHYUHLYU”

Prediction of the future has always worried a person, with which he turned to clairvoyants, fortune-tellers who used various means. In epic folk art, this custom fulfills the function of the motive and has artistic and aesthetic significance in the work. In the article, this motive is considered in the Bashkir folk epic “Zayatulyak and Khyuhlyu”. A mirror that reflected the present state of affairs, the situation in which the hero's help found itself – his companions, the horse Tulpar and the falcon. According to semantics, mythological symbolism, the lake is associated with a mirror, which, as they believed, reflected not only the past and the future, but also the present. The real deplorable state of his assistants, seen in the mirror, prompted the hero to return to the earth's surface, his homeland, to the Balkanau and Karagach mountains, which gave dynamics to the further development of the epic plot.

Keywords: epic, plot-forming motive of prediction, mirror, Zayatulyak, Khyukhylyu, lake.

Издревле человек, желая знать свое будущее, обращался к шаманам, *сихырсы* – колдунам. Будущее же предсказывали по-разному. В 1826 г. в журнале «Отечественные записки» была опубликована статья краеведа и просветителя Петра Михайловича Кудряшева под названием «Предрассудки и суеверия башкирцев», в которой он обстоятельно, но с долей иронии повествует о суевериях башкир, верующих предсказаниям *сихырсы*, *ярунчы* (*яуринсы*), *мяскяй*, ворожея и т.д. (Башкирия в русской... 1989: 357). Так, описывается древняя картина ритуала гадания будущего на раскаленной докрасна кости – бараньей лопатке, на которой по образовавшимся трещинам усматриваются линии судьбы, будущее человека.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АН РБ в рамках проекта № 19-412-020008 «Архаический эпос с башкирского народа: художественно-стилистический аспект (эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу»)».

Предсказание обычно проводил *яурынчи, бакчи, курядасы* ‘предсказатель’. «Обращение к оракулу путем прокаливания костей и осмотра образующихся трещин прослеживается в Китае со времени культуры Луншань. В период Шан-Инь эта форма гадания достигла расцвета» (Немировский).

В художественно-эстетическом отношении данный обычай выступает как мотив предсказания будущего героя в эпических произведениях многих народов. Он является одним из основных атрибутов, определяющих жанровую природу эпоса. Так, в алтайском народном эпосе «Алтай-буучай» или алтайской версии эпоса «Козен-Эркеш» герои узнают о своей судьбе из книги судеб «Судур-бичик» (Книга мудрости). Герои из казахского эпоса «Кобланды-батыр» также свое будущее черпают из Книги судеб (Кобланды-батыр 1975: 35). «Это понятие имеет глубокую семантику: в алтайском героическом эпосе слово *судур* понимается как “Книга предсказаний и судеб”, которую читает богатырь, отправляясь совершать подвиги. Этимологически слово *судур* восходит к понятию *сутра*, включающему различные отрасли знания и религиозно-философские учения Древней Индии» (Тадина 2013: 98–99). Что примечательно, книгу не читали, а смотрели на появившиеся на страницах изображения, по которым и предсказывалась судьба.

Во многих вариантах башкирской версии эпоса «Кузыйкурпес и Маян-хылу» обычно мать предсказывает, как сложится дорога сына, какие препятствия его ждут. И действительно, герою на пути встречаются названные матерью препятствия – 30–40 волков, непроходимые лесные дебри, бескрайнее море, в которое сольется материнское молоко, которым был вскормлен герой и т.д.

– Семь иделей сольются, сынок,
Переплывешь ли их, сынок? – спрашивает мать.
– Все семь иделей я
Переплыву, матушка моя, – отвечает сын.

(Башкирское народное... 1973: 75)

Данный эпос представляет интерес и тем, что изначально рождение героя предсказывает старуха или старик, который велит двум бездетным друзьям угостить своих жен разделенным пополам яблоком или его семечками, после чего они и принесли им детей: у Кусяс-хана родился сын Кузыйкурпес, у Кусяр-хана – дочь Маянхылу (или Баянхылу), в некоторых вариантах – Алма-батыр и Алмабикэ соответственно (Башкирское народное... 1973: 343).

В обрядовом фольклоре башкир известен также способ предсказания судьбы с помощью гладкой, отражающей поверхности, для чего использовались гладкий камень, монета, зеркало или просто гладь воды. Для того чтобы углядеть в этих предметах судьбу человека и сказать его прошлое, настоящее и будущее, надо иметь дар предсказания. Таким особенным даром наделила природа Валиеву Бану, проживавшую в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Несмотря на свой преклонный возраст эта достаточно бодрая для своих лет женщина, глядя на старинную серебрянную монету, могла сказать о судьбе человека, его болезнях и методах его лечения (в прошлом она была фельдшером). Но она никогда не говорила о часе его смерти. Это, видимо, считается запретом– табу.

Ворожбу будущей судьбы, как было сказано, также осуществляли, используя зеркало, в котором можно увидеть отражение себя и окружающего мира. При упоминании гадания на зеркале, конечно, на ум приходит ритуал ворожбы в ночь перед рождеством у славян. Верили, что именно в эти ночи потусторонние, демонические силы и духи становятся более всего активными, границы между мирами становились тоньше, что способствовало и располагало к предсказаниям будущей судьбы молодых девушек. «Гадание можно определить как обряд, имеющий целью создать такую атмосферу, которая вводит человека в контакт с потусторонними силами, с целью получения сведений о будущем» (Шахова 2000: 146). При этом чаще всего использовали зеркало. «Гадали, ворожили в бане, двенадцать зеркал брали, надо было их отразить в одном при свечах. Должен показаться жених» и т.д. (Шахова 2000: 147).

В башкирском народном эпосе «Заятуляк и Хыухылу» мотив предсказания, предвещения судьбы героя не совсем выражает свое первоначальное значение. Как известно из фольклора многих народов, зеркало считается отражением души, его сущности и воспоминаний; жизни человека – его судьбы, не только прошлого и будущего, но и настоящего. Оно также было связано с такими понятиями, как «правдивость, самопознание, искренность, чистота, просвещение, предсказание. Зеркало в основном имеет позитивную символику, так как в древности оно ассоциировалось со светом, особенно из-за

напоминающих зеркало дисков солнца и луны, которые, как предполагали, отражают божественный свет» (Тресиддер).

В данном случае увиденное героем отражение в зеркале также имеет судьбоносное значение, поскольку оно как бы отражает события в настоящем время, истины с посылом на будущее, мол, если события будут продолжаться в таком же ключе, то может случиться непоправимое, роковое. Ситуация в настоящем продолженном времени отражается посредством волшебного зеркальца, подаренного Хыухылу истосковавшемуся по родной земле юноше-егету. А из эпоса мы знаем, что земной егет по имени Заятуляк, полюбив деву вод Хыухылу, следует за ней на дно озера Асылыкуль – царство подводного падишаха (Хыухылу была его дочерью). Однако любовь к прекрасной девушке не смогла одолеть его тоску по земной жизни, по его родине – горе Балкан-тау, расположенному около него горе Карагас: «Она (Хыухылу) дала Заятуляку маленькое зеркальце, чтобы смотрел в него, когда ему будет особенно грустно, чтобы он успокаивался, видя в зеркале родные края... Вот посмотрел Заятулык в зеркало и увидел поверхность земли, своего серого тулпара, стоящего на горе Карагас, возвышающейся у южного берега озера Асылыкуль, и с нетерпением ожидающего своего хозяина. На луке [его] седла, пригорюнившись, сидел белый сокол, говорят. Серый тулпар объел всю траву, которая росла на вершине горы Карагас, и совсем ее оголил, говорят. Серый тулпар и белый сокол не сводили глаз с того места, где Заятуляк нырнул в озеро, и все ждали, говорят, когда он появится» (Башкирское народное... 1977: 424). От увиденного тоска Заятуляка только усилилась. Ведь если он не предпримет меры, то его помощники, истосковавшись по нему, могут погибнуть. Ему становится свет не мил, потому что, как он сам признается падишаху, «Родная земля моя – гора Балкан-тау; вода, которую я пью, – из реки Дема... Вот по той земле я и тоскую...» (Башкирский народный... 1977: 424). Другими словами, зеркало как символ света, Солнца в данном случае, могло, по мнению девы вод Хыухылу, помочь ее земному жениху.

Если посмотреть на зеркало и озеро относительно их семантики, в их дискурсивном начале, то они в эпосе репрезентируются символично. Другими словами, и озеро Асылыкуль, и зеркало имеют одно значение: отражая окружающую реальность, они могут быть использованы как порталы выхода в иные миры. Это характерно для древнегреческой мифологии. «Представляющая собой природный аналог зеркала вода спокойного озера – возможность созерцания как своего отражения, так и духов озера, живших, предположительно, во дворцах, полных драгоценностей» (Тресиддер). На дне Асылыкуля было царство одноименного подводного падишаха со своим пейзажем: «На просторных лугах пасутся бесчисленные стада, в журчащих речках золотые рыбы играют, а в глубоких озерах – утки, лебеди, дикие гуси» (Башкирский народный... 1977: 423). Со своей возлюбленной земной егет поселился в белой войлочной юрте. В данном случае «чуждость» достигается именно тем, что, как думали наши предки, на дне озера была такая же обычная, как и на земле, жизнь, только более богатая и совершенная. Как и подземный мир, описываемый в эпосе, сказках, так и подводный олицетворялся с достатком и роскошью при обыденности пейзажа – наличии гор, озер и рек.

В литературной версии эпоса «Заятуляк и Хыухылу» «Башкирская русалка», автором которой является известный русский лексикограф и бытописатель В. И. Даль (опубликована в 1843 г. в журнале «Москвитянин»), данный эпизод описывается схожим образом: «Зая-Туляк увидел на дне озера роскошные луга, по которым ходили кони, быстрее и красивее коня Тульфара; среди муравчатого луга стояла обширная белокошмовая кибитка, устланная внутри дорогими коврами...» (Башкирия в русской... 1989: 183). Как видим, в подводном царстве была такая же жизнь, как на земле. Наличие бесчисленных табунов говорит о достатке владыки Асылыкуля, что равнозначно «дворцам, полным драгоценностей», потому что для башкира, ведущего полукочевой образ жизни, табуны лошадей и другого скота составляли материальные блага.

Увидев в отражении волшебного зеркала настоящую ситуацию, положение, в котором находятся верные спутники батыра, Заятуляк, конечно, решается вернуться на поверхность земли. Иначе его верный Тулпар и сокол погибнут, тоскуя по нему. Предсказание с помощью зеркала и возврат героя на родину влечет за собой динамичное развитие сюжета: поселившись вместе со своей суженой Хыухылу на горе Карагас, Заятуляк мог бы продолжать жить мирно и счастливо. Однако закон эпоса заставляет вернуть сюжет на героическое русло: после смерти отца героя Самар-хана, между старшими братьями началась борьба за ханский трон. Заятуляк вынужден был вернуться в родную сторону – *иль* для прекращения междоусобицы и установления мира, вступив на престол в качестве наследника как младшего

сына хана, при этом обещав вернуться через 40 дней. Но к означенному времени он не успевает вернуться, и к его возвращению его молодая жена скончалась от тоски и печали. Увидев бездыханное тело своей любимой, Заятуляк покончил с собой и разделил с ней смертный одр. Так стремление самого героя на родину и к своим уже ставшими немощными от тоски и печали верным спутникам, о чем поведало ему волшебное зеркало, в конечном счете сыграло судьбоносную, роковую роль в его жизни.

Таким образом, мотив предсказания в башкирском эпосе имеет сюжетообразующее значение и выполняет важную идейно-художественную функцию, заключающуюся в дальнейшем динамичном развитии сюжета, подчиненного героическому началу эпоса. Заятуляк как самый любимый сын Самар-хана изначально был призван стать наследником ханского трона в будущем. Удаление от всех мирских забот посредством ухода на дно озера за своей возлюбленной Хыухылу не освобождает его от сыновнего долга, долга перед своим народом, родной стороной. Именно исполнение своей роли в качестве наследника стало фатальным для них обоих: несчастным завершением произведения. Так мотив предсказания судьбы посредством зеркала позволил сюжету динамично развиваться, способствовал разрешению и развязке основного конфликта.

Литература:

Башкирия в русской литературе / сост. М. Г. Рахимкулов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. Т. 1. 512 с.

Башкирский народный эпос / сост. тома А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов, автор предисл. А. С. Мирбадалева; отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская. М.: Наука, 1977. 518 с.

Башкирское народное творчество: эпос / Сост. М. М. Сагитов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. Кн. 2. 372 с.

Кобланды-батыр: Казахский героический эпос. М.: Наука, 1975. 466 с.

Немировский А. А. Древний Восток. Гадания [Электронный ресурс] // URL: <https://history.wikireading.ru/224825> (дата обращения 20.03.2022).

Тадина Н. А. Символика и этнические ценности алтайцев в практиках возрожденного бурханизма // Вестник Томского государственного университета. История. № 4 (24). 2013. С. 97–100.

Тресиддер Джек. Словарь символов [Электронный ресурс] // URL: <https://thelib.ru/books> (дата обращения 20.03.2022).

Шахова Л. Н. Бытование обряда гадания на Урале (коллекция 1964–1992 гг.) // Фольклор Урала: Устная и рукописная традиции. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 11. С. 146–155.

Чулуун Заяасүрэн
Ph.D

Монгол Улсын Шинжлэх ухааны
академийн Хэл зохиолын хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
czyasuren@gmail.com

ТЭМЭЭНИЙ ДАЛЛАГЫН БИЧМЭЛ ХОЁР СУДРЫН ТУХАЙ

Энэ илтгэлдээ бичгийн дурсгалаар уламжлагдан ирсэн “blam-a yogučari-yin nomlaγsan, γal-un tngri-yi takiγad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”, “Temegen-ü dalalγ-a-yin sudur orusiba” зэрэгсудрын агуулгад анализ хийж, өөрийн санал дүгнэлтээ дэвшүүлжээ. Ингэхдээ дээрх хоёр судрынагуулгын ижил төстэй талыг тодруулахын зэрэгцээ түүний дүр дүрслэлийн онцлогт ажиглалт хийж, малчин хүний чин хүсэл нь ган зудгүй, цаг улирал дулаан байж, төл малын хорогдолгүй бүрэн өсгөн үржүүлж, тэдгээрээс арвин их ашиг шим авахыг хүссэн тэдний санааг нь жишээгээр харуулжээ. Мөн шүлэглэлзүйн онцлогийг нь тодруулав.

Түлхүүр үг: галын тэнгэр, тэмээ, хаврын даллага, буян хишиг.

Chuluun Zayasuren
Ph.D

Institute of Language and Literature
of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

ON THE TWO MANUSCRIPT'S ABOUT ATTRACTING GOOD OMEN FOR CAMEL'S

In this report author analyzed the content of such manuscripts as “Bam-a yogučari-yin nomlaγsan, γal-un tngri-yi takiγad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”, “Temegen-ü dalalγ-a-yin sudur orusiba” and put forward her opinions and conclusions. At the same time, along with clarifying the similar aspects of the content of the above two manuscripts the author observes the features of the figurative narrative and shows, using an example, the sincere desire of herders for warm weather without drought and hard snow covered pasture, for favorable conditions for growing young animals without loss and obtaining rich benefits from livestock. She also clarifies the features of poetic skill.

Keywords: holy fire, spring rite of invoking, blessing.

Нүүдэлч малчдын амьдрал ахуйд суурилсан аж төрөх ёстой холбоотой зан үйлийн аман зохиолын өвөрмөц нэгэн хэсэг бол даллага авах ёс билээ. Энэ нь хангай дэлхийгээ шүтэж, үгийн ид шидээр хайр өршөөл эрж, мал сүргээ өсгөн буян хишиг гуйсан утга бүхий уламжлалт ёслол юм. Даллагыг хавар, намрын улиралд жилд хоёр удаа авдаг. Хаврын улирал нь малчдын хувьд хамгийн их ажилтай, байгаль цаг уурын хувьд ч тогтворгүй байдаг. Иймд байгаль дэлхий шинэдэн, сүү, айраг элбэгших үеэр тэмээ, шувууны даллага авах ёслол хийн баяр тэмдэглэдэг уламжлал бий. Энэ зан үйлтэй холбоотой бичгийн 2 дурсгал бидний үед уламжлагдан ирсэн “blam-a yogučari-yin nomlaγsan, γal-un tngri-yi takiγad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”, “Temegen-ü dalalγ-a-yin sudur orusiba” гэх судрыг нэрлэж болно. “blam-a yogučari-yin nomlaγsan, γal-un tngri-yi takiγad temegen-ü buyan kesig abqui yosun” судрын бүтцийг задлан үзье.

Нэгдүгээрт, Галын тэнгэрийн дүр. Энэ хэсэгт галын тэнгэр дээд ертөнцөөс хэрхэн ямар дүр төрхтэйгөөр бууж ирж буйг дүрслэхдээ “Qoγusun-u aγar-ača blam-a-ača sir-a altan delekei-yin deger-e-dü ulayan ram üseg oγuyata boluγsan-ača γal-un tngri bey-e-yin üngge ulayan nigen niγurtai, qoyar mutur-tai, serken imay-a kölgelegsen barayun mutur-iyar toγalaqoi erke bariγsan jegün mutur-iyar γal-un debigür bariγsan bey-e-degen eldeb jüil gkib-iyer čimegsen γal-un tngri nökir-ü čiyulyan-iyar küriyelegüljü emün-e-yin oγtarγui-du jalarju irebe” (Билгүүдэй, Отгонбаатар Цендина, 2018: 396) гэхчлэн маш тодорхой зураглан харуулжээ.

Галын тэнгэрийг заралч ирсний дараа түүнд өөх тос өргөж, цаг бусын өвчин, ад тотгор муу муухай бүхнийг үгүй болгохыг хүсээд дараа нь үр хүүхэд, эд баялаг, тэмээн сүрэг нь өсөж үржихийг хүссэн санаагаа илэрхийлэхдээ,

“Çay busu-yin ükül kiged ebedçin nuγud ba
Ada kiged todqar-uud-i ügei bolγan jokiyan
Maγu jegüdü ba maγu iru-a
Maγu qariyal üiledügçi nuγud-i ügei bolγan jokiyan
Yirtinçü amuyulang büged jil sayin kiged ür-e nuγud-i arbidqayad
Ed aγurasu-yin mal-i arbidaqui ba
Sayin amuyulang qotula tegüs-ün çiyulaqui kiged
Sedkil-dü küsegsen bügüde бүтүкү болтуγай” (Билгүүдэй, Отгонбаатар Цендина, 2018: 396) гэжээ.

Энэ тухай доктор, профессор С.Дулам “галын тэнгэрийг төдийгүй, тухайн гэр угсааны өвөг дээдсийн сүлд онгон, шашны сахисуудыг хотлоор нь чуулгуулан тахиж байгаа зан үйл гэж үзэж байсан бололтой” (Дулам, 2013:86) гэж дүгнэсэн байдаг. Ерөөс энэхүү ёслол нь малчин хүний хангай дэлхийгээ эрхэмлэн шүтэж, ахуй амьдралын хэрэгцээт буян хишгээ даллан гуйдаг санаа тусгагджээ.

Хоёрдугаарт, Тэмээний тухай домог. Уг сударт тэмээний домгийг тусгасан нь сонирхол татаж байгаа юм. “Blam-a yogučari-yin nomlaγsan, γal-un tngri-yi takiγad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”

“Erte uridu saba sim-e бүтөкүй-дү төбөд-үн орун-ду γажар-un egüle metü kelberi-tei temegen kemekü amitan nayan nigen maγu iru-a-tai, naiman üljeiyitei yabuγsan aγuyu! Tere çay-tu Tangγud ulus açiγu unayad jaruγu edlejü yabutal-a nigen çay-tu temegen ükübesü jegün qoyid жүг-тү qandaγu үкүкү, qaraγu yabuqu kebdekü, qarkirabasu sebesü ni kümün-ü bey-e-dü kürbesü, yar-a sirq-a γarqu boluγsan uçir-tu Tangγud ulus бүгүдө-ber çuyлажу: “Ene temeged-i үлdejü orkiqu-aça busu arγ-a ügei kemen jöblen kelelçejü” yeke гүрим-i ungsiyulju qariγulγ-a kilgejü үлdejü orkiqui-du-ban “temeged qamiγ-a toyтаγсан орун γажар-tu-ban олjei-tei болтуγай” kermen irügel talbiγsan-iyar mongγul-un γажар-tu irejü toyтаγсан tulada mongγul kümün-dü yeke олjei-tei boluγsan uçir siltayан tere bolai” (Билгүүдэй, Отгонбаатар, Цендина, 2018: 396). Энд Тангуд нар анх тэмээг уналга, ачилгад хэрэглэж, ахуй амьдралдаа гаршуулах явцдаа хэзээ нэгэн цагт зүүн хойд зүгт хандаж үхэх амьтан байна хэмээн бүхий л муу шинжийг нь мэджээ. Уг зүгт “Maγu жүг-үн qariyal-iyан ejen Qadaryан qar-a Boyum-a tngri, keregül-үн ejen keder doγsin tngri kemekü qoyar yeke ejen ene жүг-tür orusidaγ-aça” (Дулам, 2020:142) тэмээг Тангудууд хараалтай муу ёрын амьтан болохыг мэдэж, улмаар бүгд цуглан ном гүрэм уншуулж, түүнд хамгийн тохиромжтой монголын газар нутагт илгээсэн тухай өгүүлжээ. Ингэхээр тэмээ бол монгол нутагт заяагдсан, монголын говь хээрийн бүс нутгийн малчдын ахуй амьдралын салшгүй нэг хэсэг болсон амьтан гэдэг нь харагдаж байгаа юм.

Гуравдугаарт, Гал тахих ёсон. Уг сударт гал тахихдаа ямар ном гүрэм уншуулж юу юу орох түүнийгээ хэрхэн яаж бэлтгэх тухай маш нарийн зааж өгчээ. Тухайлбал, “jegeren-ü ebçigüü-ber-iyen γal-un tngri-yi takiqu-yi küsegçi bodgali-bernaiman gegen Dasidondub eden-i ungsiju, tulyan-u doturaki-yi sayitur arçin çardaγad naiman nabçi-tai lingqu-a jiruγu küilsün-dür γulir buyu jegeren-ü ögekü-ber serken imaγ-a üyes gesigünbürin bosuγ-a nigen-i üyiledüged ulayan buduryan-a-bar dörbeljin kelberi-ber jigdelegüljü jergeleged tegün-i deger-e sirγaçin jegeren-ü ebçigüü-yi öngge-yin tory-a mangnuγ-iyar çimeged ulayan qar-a buduryan-a-yi temegen-ü unγyasu-bar oriγaγu basa eldeb жүйil тари-а γurban жүйil amtatan-i dotur-a ni kiged γal-du orusiγulju γal oruyuluγad, debigür-iyer debijüγal-ibadarayul” (Билгүүдэй, Отгонбаатар Цендина, 2018: 396) гэхчлэн өгүүлсэнд говь хээрийн цөлийн нийтлэг ургамлаас улаан бударганыг онцолсон нь галын өнгийг адилтган бэлгэдэж, тэмээний унгас ноосоор ороодог нь шулуун шударга, бөх бат оршихийг бэлгэшээжээ. Ийнхүү бэлтгэл ажлыг сайтар хангасныхаа дараа галыг тахихдаа “dörben jula, dörbenküji, dörben çöguçen-dü dörben keseg miq-a talbiγad, kesig dalala” (Билгүүдэй, Отгонбаатар Цендина, 2018: 396) хэмээн дөрвөн зүгт орших дайсан, ад тотгорыг номхотгож, өөрийн эрх аргадаа оруулан буян хишиг ирүүлэхийг бэлгэдэн даллаж байна. Харин “Temegen-ü dalalγ-a-*yин sudur orusiba”-d, “γal-i takiqu-dayan jirγuyan jula, jirγuyanküji, dörben tariγan-u ür-e, γurban amtatan, jegeren-ü ebçigüü-nügüd-i kijü takiγdaqu bolai” (МҮНС-гийн ГБХ, 4568/96) гэсэнд бурхны шашны тахил өргөх зүйлд зөгийн бал, элсэн чихэр, бурам гэсэн 3 амттанг оруулж бурхан болон лус савдаг газрын эздэд тахил болгон өргөдөг заншилтай уг санаа холбогдоно.

Дөрөвдүгээрт, Тэмээний даллага авах ёсны тухай. “blam-a yogučari-yin nomlaγsan, γal-un tngri-yi takiγad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”, “Temegen-ü dalalγ-a-*yин sudur orusiba” зэрэг судрын агуулгад нүүдлийн шувуу ирж, нуур цөөрөм гэсэх, хөлдсөн газар гэсэж бут мод бууралтах үед бог, бод мал төллөдөг хэмээн гарч байна.

Дээрх 2 сударт хавар ирэхийг хэрхэн дүрсэлснийг хүснэгтээр харуулья.

“blam-a yogučari-yin nomlaγsan, γal-un tngri-yi takiγad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”

“...Çayan çeng sibayun ireküi-dür

Çasutu ayula gesküi-dür

Çayan jegeren-ü ebçigüün-iyar takinam

Çayaγçi ingge botuyulaqüi-dür

Ölĵeyitü öndür yeke beyetü

Egülen kelberi-tei temegen-ü buyan kesig ĵuyinam...” (Билгүүдэй, Отгонбаатар Цендина, 2018: 396) гэсэн бол, “Temegen-ü dalalĵ-a-yin sudur orusiba”

“...Ĵayan ĵeng sibayun ireküi-dür

Ĵasutu ayula gesküi-dür

Ĵayaĵi ingge botuyulaĵüi-dür

Ĵaylasi ügei yeke buyan-tu dalalĵ-a abunam...” (МҮНС-гийн ГБХ, 4568/96) энэхүү харьцууллаас харахад цагаагч ингэ гэж үржлийн бэлгэдэл цагаан зүсмийн ингийг онцлон хэлснээрээ ижилхэн байгаа юм. “Blam-a yoguĵari-yin nomlayсан, ĵal-un tngri-yi takiĵad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”-d цагаан зээрний өвчүүгээр галын бурханыг тахих ёсны тухай дурдсанаараа тайлга тахилгын шинжтэй байгаа бол “Temegen-ü dalalĵ-a-ĵyin sudur orusiba”-d энэ тухай дурдаггүй.

Тэмээний даллагын судрын агуулгад малчин хүний нутаглан буй газар орны онцлог, амьтны дүр байдал хэрхэн дүрслэгдсэн байна вэ? “blam-a yoguĵari-yin nomlayсан, ĵal-un tngri-yi takiĵad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”-d, 8 төрлийн шувууны нэр заан өгүүлж байгаа бол “Temegen-ü dalalĵ-a-ĵyin sudur orusiba”-d, 4 төрлийн шувууны нэр заан өгүүлжээ. Тэгэхдээ тухайн 2 сударт дурдагдаж байгаа шувуудын нэр яг давхцаж байна. Эдгээр шувууд нь дуу чимээ, үзэсгэлэнт дүр төрхөөрөө байгалийг чимэхийн зэрэгцээ малчин хүний сэтгэл санааг сэргээж, ажил үйлд нь хэрхэн нөлөөлдгийг цаг хугацаатай нь уялдуулан дүрсэлжээ.

Ер нь тэмээний даллагын шүлэгт малчин хүний урин дулаан цагийг хүсэн мөрөөдөж, арвин их ашиг шим авахыг хүссэн сэтгэл нь гуйлт, бэлгэдлийн үгээр илэрч байна. Нөгөөтээгүүр тэнгэр шүтлэгтэй монголчуудын тэнгэрийн шувууг бэлгэшээн үзэх үзэл нь тэмээний даллагын шүлэгт илүү их тусгагджээ гэж үзэж болохоор байна.

Тэмээний даллагын шүлгийн бүтэц зохиомжийн онцлогийг ажиглахад, “blam-a yoguĵari-yin nomlayсан, ĵal-un tngri-yi takiĵad temegen-ü buyan kesig abqui yosun”-d “иртүгэй” гэх үгийг 29 удаа давтахдаа ихэвчлэн бурхан номын орноос бүхий л сайн сайхныг даллан дуудаж ерөөл бэлгэ хүссэн бол “Temegen-ü dalalĵ-a-ĵyin sudur orusiba”-d: “kötülbüri olun temegen-ü buyan kesig iretügei, sürüg sürüg temegen-ü buyan kesig iretügei” (МҮНС-гийн ГБХ, 4568/96) гэхчлэн 2 удаа дурдахдаа зөвхөн тэмээний буян хишгийг хүсэж мөрөөдсөн ёсоор түүнийгээ тогтоох амлалт болсон хэллэг юм.

Мөн эхний сударт “болтугай” гэх үгийг 8 удаа, “орштугай” гэх үгийг 15 удаа тус тус давтсан бол хоёр дахь сударт болтугай гэх үгийг дурдсангүй, “орштугай” гэх үгийг 6 удаа давтжээ. Тэмээний даллагын судрын агуулгад “болтугай”, “иртүгэй”, “орштугай” гэсэн зөн бэлгэдэлт шидэт үгсээр бүхнийг ирүүлснээр элбэг хангалуун дутагдах гачигдах зүйлгүй амьдарна гэж үздэг малчин хүний бодит дүр байдлыг илэрхийлэн гаргажээ. Энэ нь угтаа малчдын эрхэлдэг аж ахуй, амин зуулга, соёл сэтгэлгээний онцлогтой уялдсан илэрхийлэл юм. Мөн даллагын шүлгийн бадаг бүрийн төгсгөлд дахилт болох ээ хурай гэх үгийг ямар ч тохиолдолд гурван удаа давтан хэлдэг. Энэ нь аливаа зүйлийг хураах арвижуулах гэсэн санааг илэрхийлсэн энэхүү давталт нь “цаглашгүй их буян хишиг иртүгэй!” гэж хүсэж мөрөөдсөн ёсоор тэрхүү буян хишгийг хурааж тогтоохын амлалт болсон үг хэллэг болох нь харагдана.

Дүгнэлт

Малчин хүний хүслийг тэмээний даллагын сударт дараах байдлаар харуулжээ. Үүнд,

– Ган зудгүй, цаг улирал дулаан байж, төл малын хорогдолгүй арвин их ашиг шим авахыг хүссэн санаа тусгагджээ.

– Малчдын амьжиргааны эх үүсвэр нь мал аж ахуй болохоор мал сүргээ хорогдолгүй өсгөх, түүнээс гарах ашиг шимийг арвин их байлгахын тулд говьчууд тэмээн даллага авдаг байсан сайхан уламжлал өнөөдөр мартагдахад хүрээд байгаа билээ.

– Иймд монголчуудын өв соёлын нэгэн хэсэг болсон тэмээн даллагын зан заншлыг залуу хойч үеийнхэнд үгийн урлагаар дамжуулан таниулан мэдүүлж, ойлгуулах нь даяаршил дэлхий дахиныг хамарч буй өнөө цагт чухал ач холбогдолтой гэж үзэж байна.

Номзүй:

Билгүүдэй Г., Отгонбаатар Р, Цендина А. Д. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол ном судрын бүртгэл. Нэмэлт галиг болон ном, зохиогчийн нэрсийн хэлхээг хийж, ариутган шүүсэн А. Туранская, Н. Ямпольская. Улаанбаатар, 2018. 620 х.

Дулам С. Монгол соёл иргэншлийн утга тайлга (Суурь судалгааны бүтээл). Тэргүүн дэвтэр. Монгол соёлын чуулган-ХII боть. Улаанбаатар, 2013, 393 х.

Тэмээний даллагын судар оршвой (МҮНС-гийн ГБХ, 4568/96).

SYMBOLISM AND DESCRIPTION OF LION IN MONGOLIAN FOLKLORE

This paper deals with description and status of lion which are assumed as ones of the four leviathans in Mongolian folklore and literary culture. The author considers not only epics, myths, tales, riddles, and proverbs but also Mongolian traditional land examining custom, sculpture, and fine arts. Besides he explains how lion is depicted in archeological sites and their meanings and symbols. There are full of roles and symbolisms of lion in Mongolian literary culture, customs, and folklore. The roles and description of the lion symbolizes the guarantee of things from hazard and suffer, and the repression of evil which is concluded from comparative studies of description about the lion and patterns, sutras of landscape, statues, and some archeological sites. Notably there are drawings of a lion on the wooden structure of Mongolian national ger and its furnitures that symbolize the safety of the home and the repression of all evil, and the blessing of the owner's health, calm of mind, long living and eternal felicity.

Keywords: lion, symbolism, dignity, authority, folklore, culture.

The story and depiction of the lion are widely depicted in the art and literature of many eastern and western peoples. For example, some countries and nations are depicted on their flags and emblems, and are deeply rooted in the mythology, language, culture, and religious traditions of those nations. In Mongolian culture, customs, and folklore, the description, role, and symbolism of the lion are also common. So, in this article, we aim to explain and determine their meaning and symbolism how lions are depicted in Mongolian folklore, examining landscape, fine arts, and archeological monuments.

The following names related to the word "lion" appear in Mongolian folklore: "Arslandai mergen hayan", "Bayibangqan arslan", "Čoytu arslan qayan", "Kürel arslan mangnai". Also, the name of duke Senlon in the Geser epic is "Seng blon in Tibetan. The meaning is Lion duke" (Geser, 1986: 216). These names symbolize strength and courage, and are still common in Mongolian names today. For instance, as of November 3, 2021, 127 people named "Lion" or "Arslan" and 223 people named "Arslanbaatar" or "Lion Hero" (<https://www.1212.mn/>) are registered in the "Database of Population". There are also a plenty of names such as Arslanbat, Bat-Arslan, Arslankhuyag. "Arslan" means "Lion" in Mongolian.

Among the genres of Mongolian folklore, the epic includes the most abundant and most eloquent imagery of gers. In the imagery of a ger in a Mongolian epic, a lion is described as below:

"Arslan bars-ibajayaldayulun seyilügsen

Nayan qoyar

Nabči bandang abdar-a-tai" (Bum erdeni, 1985: 19).

In the epic "Argil čayan ebügen":

"Bayan-a tal-a-du ni bars arslan

Bajayaldayulun seyilügsen

Dalan tabun tereme-tei bayiday

Dalan yurban uni-tai bayiday" (1985: 8).

Considering above-mentioned, there was a tradition of painting lions and tigers together in the pillars of the Mongolian ger. But the lion was painted alone on the ark. However, nowadays it differs from the description in traditional folklore. There are pair of lions on the face of ark or single lion facing each other on the face of two arks.

Further in epic "Bum erdeni":

"Aduyüčün sayin aγ saqal ebügen

Abay-a aq-a ni aru-du-ban ergiged

Arban jil-dü ködelgegedüi

Arslan čayan

Abdar-a-yin čooji-yi multuluγad”(1985: 33).

Considering the above-mentioned, lion can be seen as one of the four leviathans of the world, commonly depicted on wooden structure of Mongolian ger and furniture, is a symbol of guarding the palace, amassing wealth and blessings, and overcoming all evils, means long happiness and wellness to the owner person. This is said in the myth “How did Altai Mountain form?”: “The golden yellow horse, the hunter lion, and the boy named Altai turned into three majestic mountains and crushed the enemy. After that, the boy named Altai became the hero Altia. He has been crossing mountains and protecting his homeland by picking up enemies. From then on, the people called that mountain as Altai to commemorate this hero over centuries”(Compendium of Derbet folklore, 2017: 106). Even though this myth did not based on historical event, it shows that mongolian people called their dogs as lions. Besides the Altai mountain range defeats enemies and defendshomeland of the Mongols.

A bride has to declare a dog of her father-in-law as a sacred animal in Mongolian wedding ceremony. The bride ties a white cloth around the dog's collar, puts meat and fat on her inner skirt for feeding the dog. Then the reciter says:

*“Qan abu-yin γanjuy-a-yi
Ang-unsor-iyar miliyaγsan
Qatun eji-yin qajaγudu
Qani tūsig bolju iregsen
Qasar ner-e-tei bolbaču
Arslan-u dürsütei
Taulai jo-tai
Tuliman dayutai
Tayiy-a-yin mergen...”*(Compendium of Derbet folklore, 2017: 70).

Considering the above-mentioned examples, it can be seen that the Mongols blessed their faithful companion dog to be as strong and courageous as a lion, compared his appearance to a lion, and named with the word “Arslan” which means “Lion” in Mongolian language. Researcher G. Batbold noted historical sources suggest that dogs were given titles similar to those of humans in his book “Dogs of Nomads –II”. Also wrote there as “in the hunting tradition of ancient Mongols hunting with dogs and falcons occupies a special place”(2020: 145). For the reason of its great help in hunting, herding and protecting livestock, the dog was assumed like having power of a lion and a tiger.

Furthermore, in Mongolian folklore, there are many comparisons between the majesty of horses and the majesty of the mountains compared to lions. For example, horse of warrior appraised as below in the “Praise of Altai and Khangai” (Aitai qangγai-yin maytayal):

*“γučin tabun toluγai-tai
γuduγar qar-a mangyus-un küü*

Arslan keger mori-toi abalayači-yi ejen ner-e-tei...”(Compendium of Derbet folklore, 2017: 139). In the epic “Qangγal tasiy-aqar-a keger mori-toi qayan čerig-un ebügen” glory of a mountain praised as:

*“Bayatur yeke dayu γaryaju
Bar-a sür üjegüleged*

Arslan ayula-yin orui deger-e γaryuγad

Qusaradaγ-un qula qaljanajiry-a-ača bayun tusju

Qada metü qantaruyad qayirčay metü soyiyad” (Compendium of Derbet folklore, 2017: 202).

In addition, in the epic “Erte törügsen Eril mergen” a sword of warrior praised as:

*“Qar-a dari-i unür qangginayuluγad
γajar delekei qoyar köldeged bayin-a*

Kümün-ü üsü temdeg-tei

Küder-ün arslan čirgeülge-tei yang qar-a ildü ni” (Compendium of Derbet folklore, 2017: 297).

The Mongols have a tradition such as using lion imageries to protect their sacred places, such as temples, monuments of kings, and tombs. For example, “The king Zagarvad who is a king of kings, is protected by 8, 12, 14, 16 lions. The word “sentii” means lion depicted table. Therefore, the statue of D. Sukhbaatar is protected by 14 lions. It shows that D. Sukhbaatar was respected like a king of kings (Idol portrait of Genghis Khan, 2017: 43). There are statues of lion in the most of tombs for the kings of the ancient Turkic period, that proves this kind of tradition was in ancient nomadic culture. For example, total of eight lions, lioness, and cubs were

found in pairs at the “Shiveet Ulaan” tomb complex. The lion statues represent of guardians and keepers of the tombs for day and night. They were situated at the eight corners of the tomb complex. (“Шивээт-улаан” көне түрк ғұрыптық кешені 2018: 243). Researchers noted that those lion statues as guardians of the tomb complex. There were statues of two of cubs of lion among them. These statues are remarkable findings in the history of humankind (Шивээт-улаан” көне түрк ғұрыптық кешені 2018: 243).

The statues that found in “Shiveet Ulaan” complex are assumed as lion depiction with his cub rather than lioness. It is very interesting statue according to it’s depiction that described a cub is crawling to lion’s foot. In Mongolian folklore “The Threes of the World”:

“Alayan-du-bankökü-tei arslan nige sonin

Ama-ban bayital-a sili-ber-iyen duuyardag yoliy-a nige qačın

Amaray-un degedü abu eji jolyadag-ügei nige qačın” (Ulziikhutag, 1961: 27). It was related to the description in above-mentioned findings. As said by researcher G. Batbold, lioness play main role in hunting more than lion. So lion cares cub while lioness are hunting. It is suggested that the soft part of the soles of the feet at this time suckles the cub. That is might be the source of the phrase “A lion with breasts in his palm is strange” among the Mongols.

Such as this protecting houses, monuments and artifacts with lions, there are cases when livestock is entrusted to lions. For example, when Mongolians snort a horse in dense wolves of an area, they turned around and headed in all directions by saying:

“Časutu čayan ayula-yin arslan

ĵambuu tiib-dü bayuysan dooradu tiib-ün

Ang amitan, ariyatan ĵigürten-i

Köl yar-ıyan tata gegsen” (Texts on the explanation of Mongolian folklore, 2011: 31).

The god Mairdar was drawn with green horse in the “Portrait of Chinggis khaan” which is the vital monument of Mongolian worship and fine arts. There eight of “Portrait of Chinggis khaan” were found and published by G. Nyam-Ochir. On the portraits Genghis Khan depicted with nine deities around him, as well as four leviathans. The garuda, dragon-in the sky, lion- on left shoulder, and leopard-on right shoulder depicted as the four levithans.

What was told in “Offering scription of the White totem” corresponds to the description in “Portrait of Chinggis khaan” as below:

“yurban üy-e qulusun-u

Tasiyur bariyad

Čayan morin deger-e

ĵegün mörün deger-e-ben

Čayan sengge (arslan) debkečegülün

Barayun mörün deger-e-ben

Yeke bars üsürgen” (Idol portrait of Genghis Khan, 2017: 17) according to this the lion and the tiger on the shoulder symbolize Chinggis khaan's majesty and power.

In Mongolian traditional custom – land examining, the lands that were said “keeping features of lion” is considered to be a good place free from dangers and troubles. For example, in the book named “Mongolian sutra of land examining”:

The features of the bestland are as high as the mountain to the north, as if the king was sitting on a throne; The springs and ditches that had been dug before, were like an admirable lift from the small mountains to the great mountains. To the south, from the south, the mountain in front side stretches down, the mountain in the south-west descends and the western mountain rises like a lion, the eastern mountain rises like a tiger, the white mountain falls like a white flag (2015: 34).

Also the sutras like “Mongolian sutra of land examinig” dealt with these kind of things. For example: Examining places of burial as following: “If you want to subdue your enemy, put corpse at the hair of lion” (Mongolian Sutra for land examining-I, 2015: 57), “If a burial place seems like a lion, it is auspicious to seven generations o the person who would be buried” (2015: 59), “One of the six places to become a hero is chest of lion” (2015: 61).

Conclusion

Analyzing all above-mentioned, role of a lion imagery can be seen that the in Mongolian folklore is, firstly, as a symbol of protecting surroundings and spreading wealth and blessings, and secondly, a symbol of strength, courage, and overcoming all evils. Thirdly, the symbolization of lion represents arrogance or mightiness.

Bibliography:

Argil čayan ebügen. Compiled and written by R.Narantuya, and edited by Kh.Sampildendev. Ulaanbaatar, 1985. 96 p.

Batbold G.Dogs of the Mongols. Vol. II.Ulaanbaatar, 2020. 189 p.

Bum erdeni. Compiled by B.Katuu, editor D.Tserensodnom. Ulaanbaatar, 1985. 144 p.

Compendium of Derbet folklore.Compiled by B.Katuu, edited and published by S. Nergui. Ulaanbaatar, 2017. 564 p.

Geser. Ts.Damdinsuren, interpreted the classic text and wrote the introduction. Edited by Sh.Gaadamba. Ulaanbaatar, 1986. 221 p.

Idol portrait of Genghis Khan. Compiled and commented by G.Nyam-Ochir, editor Sh.Baatar. Ulaanbaatar, 2017. 47 p.

Mongolian folk tale.Compiled by D.Tserensodnom, editor A.Luvsandendev. Ulaanbaatar, 1982. 342 p.

MongolianSutra for land examining-I. Mongolian Tibetology Series IV, translated into Mongolian and English by B. Nyammyagmar. Ulaanbaatar, 2015. 118 p.

Texts on the explanation of Mongolian folklore.Compiled by D.Tserensodnom, edited by B. Katuu and T. Bayasgalan. Ulaanbaatar, 2011. 744 p.

Ulziikhutag Ts. Yertontsiin gurav. Ulaanbaatar, 1961. 32 p.

“Шивээт-улаан” көне түрк ғұрыптық кешені. Ұлы дала мұралары. Астана, 2018. 272 p.

*Самдан Зоя Баировна
кандидат филологических наук
Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
Кызыл, Россия
samdan-sn@yandex.ru*

НАУЧНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ШАМАНСКОЙ ЭТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Б. КЕНИН-ЛОПСАНА

В статье автор дает свою версию осмысления творчества М. Б. Кенин-Лопсана завершающего периода. Этот период его творчества с фольклористической и литературоведческой точки зрения еще не был объектом исследования. Автор впервые выделяет основные этические принципы, отраженные в его научных, этнопедагогических, литературных трудах и определяет их влияние на духовную жизнь тувинского народа в настоящее время. В результате анализа автор приходит к выводу, что М. Б. Кенин-Лопсан на основе подлинных первоисточников шаманской мифологии, этнопедагогике, а также их художественной импровизации выявляет основные принципы шаманской этики, которая составляет основу мифоэкологического сознания тувинцев-кочевников.

Ключевые слова: тувинцы, шаманская этика, Кенин-Лопсан, мифология, этнопедагогика, литература.

*Samdan Zoya Bairovna
Candidate of Sciences in Philology
Tuvan Institute for the Humanities and
Applied Social and Economic Studies
Kyzyl, Russia*

SCIENTIFIC AND ARTISTIC UNDERSTANDING SHAMANIC ETHICS IN THE WORKS OF M. B. KENIN-LOPSAN

In this article, the author gives his version of the interpretation of M.B. Kenin-Lopsan's creativity of the final period. This period of his work from a folkloristic and literary point of view has not yet been the object of research. The author for the first time identifies the basic ethical principles reflected in his scientific, ethnopedagogical, literary works and determines their influence on the spiritual life of the Tuvan people at the present time. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that M.B. Kenin-Lopsan, on the basis of authentic primary sources of shamanic mythology, ethnopedagogy, as well as their artistic improvisation, reveals the basic principles of shamanic ethics, which forms the basis of the mythoecological consciousness of Tuvan nomads.

Keywords: Tuvans, shamanic ethics, Kenin-Lopsan, mythology, ethnopedagogy, literature.

Шаманское мировидение определило судьбу М. Б. Кенин-Лопсана и прошло красной нитью через все его творчество во всех своих проявлениях: отпечатался в его происхождении и родословной, влиял лишениями и репрессиями, стал объектом его научного и художественного творчества. Начиная в 1990-х гг. в процесс возрождения и развития неошаманизма в Туве существенный вклад внес М. Б. Кенин-Лопсан. Об этом свидетельствует востребованность его литературных и научных трудов, признанных отечественными и зарубежными исследователями (Дэвлет 2009; Итс 1966; Хоппал 2003).

Основные труды М. Б. Кенин-Лопсана за 2010–2020-е гг. мы характеризуем как обобщающие публикации, систематизированные на основе предыдущих исследований, основу которых составляет шаманская этика. Главной методологической основой для характеристики шаманской этики является книга Его Святейшества Далай-Ламы XIV (Далай-лама 2016). Когда глобализация и мультикультурность общества делают мир все более взаимозависимым, он призывает всех воспитывать в себе прежде всего чувство сострадания (Там же: 35).

В начале 2000-х гг. М. Б. Кенин-Лопсан перешел к исследованию ранее не освещенной темы по шаманской мифологии, связанной с понятием Черное небо. Результатом исследования этой темы стала

публикация книги «Кара Дээрниңтыныжы – Дыхание Черного неба. Мифологическое наследие тувинского шаманства» (Кенин-Лопсан 2010). В этом издании М. Кенин-Лопсан успел собрать от действующих шаманов подлинные тексты шаманской мифологии, которые отражают мифические образы представления, объединенные понятием Черное небо. Эти представления проникнуты идеей преклонения предков тувинцев перед неведомыми силами природы, перед образами мифических первопредков, животных, птиц и духов. В их основе лежат этические принципы почитания природы, животного мира и мира шаманов.

Обобщающая монография М. Б. Кенин-Лопсана по этнологии «Тыва улустуң бурунгу ужурлары» (Традиционная этика тувинцев) (Кенин-Лопсан 2013) представляет собой наиболее полный свод его исследований по традиционной народной этике тувинцев, связанной с их духовной жизнью, религиозными верованиями, обычаями и традициями. Мастерство М. Кенин-Лопсана в умении выявлять мудрости и тонкости традиционного этического воспитания, в соответствии с особенностями определенного возраста, пола, социального положения человека, позволило выстроить стройную систему народной педагогики, основанную на подлинных источниках, полученных от информантов.

Венцом многолетней творческой и научной работы М. Б. Кенин-Лопсана над образом шамана стал выход его романа «Судьба шаманки», жанровую разновидность которого мы определили как роман-миф (Самдан 2019: 165). К этому сложнейшему жанру романа в тувинской литературе М. Кенин-Лопсан обратился впервые, что характеризует глубину художественного проникновения писателя в этот архетипический образ. Мифологизм в романе «Судьба шаманки» как характерное явление, как художественный прием в творчестве М. Кенин-Лопсана передает мироощущение носителя культуры, ученого, писателя. Этот роман-миф отражает мифологические традиции тувинцев, которые, по мнению Е. М. Мелетинского, «являются “живой” подпочвой национального сознания, и даже многократное повторение тех же мифологических мотивов символизирует в первую очередь стойкость национальных традиций, национальной жизненной модели» (Мелетинский 2006: 298). Художественное творчество М. Б. Кенин-Лопсана позволило жанру романа, пластичность которого отмечалась М. М. Бахтиным (Бахтин 1988: 417–420), трансформироваться и погрузиться в мифологические глубины. Прототипом образа шаманки в романе является бабушка писателя Куулар Хандыжап, ее жизнь и судьба, полная драматизма и трагизма. Ее образ является собирательным образом, олицетворяющим трагическую судьбу всех репрессированных шаманов Тувы.

Анализ творчества М. Б. Кенин-Лопсана за 2010–2020 гг. позволяет сделать следующие выводы: 1) за это десятилетие М. Б. Кенин-Лопсан обобщил и систематизировал свою собирательскую, исследовательскую и литературную работу предыдущих лет в трех основных публикациях; 2) главная особенность этого периода его творчества – выявление и обоснование принципов шаманской этики, выработанные веками тувинским народом: почитание предков, их нравственных ценностей; одухотворение природы и всей окружающей среды; забота о благополучии будущих поколений; 3) научные труды и художественные произведения М. Кенин-Лопсана продолжают оставаться актуальными и востребованными в духовной жизни современного тувинского общества и в настоящее время.

Литература:

- Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Введение в литературоведение. Хрестоматия: учеб. пособие для филол. спец. вузов. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа. 1988. 418 с.
- Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира; пер. с англ. Н. Иноземцевой; общ. ред. Ю. Жиронкиной. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016. 224 с.
- Дэвлет М. А. Живое сокровище шаманизма (предисловие) // Кенин-Лопсан М. Б. Тувинские шаманы. М.: Ликтон. 2009. 328 с.
- Итс Р. Стрелы немой скалы: этногр. повесть. М.: Мысль, 1966. 112 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Кара Дээрниңтыныжы – Дыхание Черного неба: мифологическое наследие тувинского шаманства. Кызыл: Тываның ном үндүрерчери. 2010. 391 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Тыва улустуң бурунгу ужурлары. Ч. I–II. Кызыл: ОАО «Тываполиграф». 2013. 528 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Судьба шаманки: роман. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист». 2016. 176 с.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 4-е изд., репр. М.: Восточная литература, 2006. 407 с.
- Самдан З. Б. Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. 2019. № 2. С. 158–171.
- Хоппал М. Жизнь и труды Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана // Родина шаманизма – Тува. Кызыл, 2003. С. 26–29.

ГАЗАР УСНЫ НЭРИЙГАМАН БОЛОН БИЧГИЙН СУРВАЛЖААР ТОДЛОХ НЬ

Газар усны нэрийн хувьсан өөрчлөгдөж ирсэн байдлыг тодруулах нь тухайн үндэстний хэл, түүх, соёл, шашин шүтлэг, зан үйл, нүүдэл суурьшил, танин мэдэхүйн чухал ач холбогдолтой тул аман болон бичгийн эх сурвалжийн баримтаар давхар баталгаажуулан, уугуул нэрийг сэргээн тодруулах шаардлагатай байдаг. Бид энэхүү өгүүлэлдээ Монгол нутагт орших нэгэн уулын нэрийн ташаарлыг сан тахилгын судар, нутгийн настан буурлуудын аман хуучаар давхар баталгаажуулан тодлохыг оролдсон болно.

Түлхүүр үг: сан тахилгын судар, төвөд хэлт утга зохиол, сурвалж бичиг, үгийн гарал.

Dambiikhorloo Narantsetseg

Ph.D

Institute of Language and Literature

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

IDENTIFY THE NAMES OF LAND AND RIVERS ACCORDING TO ORAL AND WRITTEN SOURCES

Revealing the evolution of place names is important for the language, history, culture, religion, customs, migration, and cognition of the nation, so it is necessary to verify the original name with oral and written sources. The author tries to clarify the misunderstanding of the name of a mountain in Mongolia with written sources and oral traditions of the local elders.

Keywords: Chanting sutras, sacred scriptures, Tibetan literature, written sources, origin of words.

Газар зүйн нэр нь тухайн улс, үндэстний үгсийн сангийн чухал бүрэлдэхүүн хэсэг бөгөөд соёлын биет бус өвийн онцгой нэгэн төрөл зүйл учир түүний утга учрыг тодорхой мэдэж, хадгалан хамгаалах, ном товхимол, хэвлэл мэдээлэл, газрын зураг зэрэгт батлагдсан үнэн зөв нэрийг хэрэглэж занших нь чухал юм."Монголын нууц товчоо"-нд нийтдээ 220 гаруй газар зүйн нэр гардаг. Үүний 120 гаруй нэр нь одоогийн Монгол Улсын нутаг дэвсгэрт буйг судлаачид хэлж байна. Түүхэн ном зохиол, сан тахилгын сударт гарч байгаа газар орны нэр нь ихэвчлэн бэлчээрийн даац сайтай, ус ургамал, ашигт малтмал ихтэй, ган зуд бага болдог,байгалийн баялаг бүхий газрууд байдаг нь судалгаагаар тогтоогдсон байна. Иймээс түүхэн нэрийг судлах нь тухайн улсын тусгаар тогтнол, газар нутгийн бүрэн бүтэн байдал, угсаатны түүх, соёл, эдийн засгийн хувьд чухал ач холбогдолтой юм.

Судлаачид газар усны хуучин нэр мартагдах, халгуу дуудах байдлыг дараах хүчин зүйлтэй холбож тайлбарласан байдаг.

- Баян-Өлгий зэрэг аймгийн иргэд батлагдсан газар зүйн нэрийг өөрсдийн хэл рүү орчуулан нэрлэх;
- Нутаг дэвсгэрийг үр тариа тариалдаг талбайн хэмжээгээр 1000-ын пооль, 60-ын хоолой, 70-ын хөндий гэх мэтээр нэрлэх (Дорнод аймгийн Халхгол сум, Сэлэнгэ аймаг);
- Газар зүйн нэрийг өөрчлөн нэрлэх (Орхон аймгийн төвөөс баруун тийш явах автозам дагуу байх “Залуугийн булаг” гэсэн булгийг Орос цэргүүд байнга ирж ус авдаг байсан болохоор “Оросын булаг” гэж нэрлэсэн байна);
- Газар зүйн нэрийг өөр өөр бичих, галиглах (Булган аймгийн нутагт байх Цачиртын гол гэдэг уулын жижиг голыг Цочиртын гол, Сачиртын гол, Чочиртын гол гэх мэтээр нэрлэж бичсэн байна);

- Сүүлийн үед гар утасны сүлжээ барьдаг эсэхээр нь (Моби толгой, Скай толгой зэргээр) нэрлэх болсон;

- Газрын тос олборлож байгаагаар 19-ийн талбай, 21-ийн талбай гэх мэтээр нэрлэж, уугуул нэрийг хэлэхгүй байснаар мартагдах болсон тал бий ажээ (Монгол Улсын...).

Монгол хэлэнд орсон харь хэлний үгийн зарим нь олон зуун жилийн турш идэвхтэй хэрэглэгдсээр яваандаа уугуул хэлний үгээс огт ялгагдахгүй болж, бидний өнөөгийн өдөр тутмын амьдралд хэрэглэгдсээр байгаа билээ. Үүнтэй холбогдуулан санскрит хэлний авьяас, рашаан, буян, төвөд хэлний араншин, гарчиг, намтар, түрэг хэлний алим, бурантаг, мал, перс хэлний байшин, бэрс, чихэр, араб хэлний архи, арслан, саван зэрэг үгсийг наад захын жишээ болгон дурдаж болно (Төмөртоогоо 2018: 4).

Монголын газар усны нэрийн тухайд монгол, түрэг хоёр хэлнээс бүтсэн, гэхдээ монгол үг нь голлодог гэж эрдэмтэд үзсээр иржээ. Нэр зүйч В. А. Жучкевич "Түрэг гаралтай цөөвтөр нэрийг эс тооцвол монголын газар усны нэр ганц хэлний үгээс бүрэлдсэн" гэжээ. Монгол газар усны нэрэнд монгол нэр зонхилдог нь үнэн боловч монгол оронд бурхны шашин дэлгэрсэнтэй холбоотойгоор төвөд самгарди гаралтай нэр түрэг хэлнийхээс дутахааргүй олон байгааг сан тахилгын судар, газрын нэрийн толь зэргээс харж болно.

Монгол нутагт уул усны хуучин нэр нь өөрчлөгдөж өөрөөр нэрлэгдэж байсны нэгэн жишээ бол одоогийн Говьсүмбэр аймгийн нутаг дахь Чойрын богд уул, Сүмбэр уултай орой оройгоо харан чандманьлан орших, аймгийн төвөөс зүүн тийш 34 км-т, далайн түвшнээс дээш 1682 м өндөрт өргөгдсөн Сансар уул бөгөөд хуучнаар Хан Хэнтий аймгийн Оцол Сансаруулын хошуу хэмээн уулынхаа нэрээр нэрлэгдсэн хошуунд харьяалагдаж байв. Оцол Сансар гэдгийн Оцол гэдгийг доктор О.Сүхбаатар "Оцол уулын нэр нь дээхэн үедээ Ац уул нэртэй байсан бөгөөд үнэхээр ац хэлбэрийн хоёр уул байдаг билээ. Ац уул нэр нь хэлэхүйн урсгалд хувьсан өөрчлөгдөж Оцол болсон байхад сангийн сударт төвөд хэлний үг болгон бэлгэшээж Од сал болгосон байна" (Сүхбаатар 2001: 22) гэж тайлбарлажээ. Бидний санахад энэ үг харин эсрэгээрээ Одсал буюу Тодорхой гэрэлт гэсэн үгийн дуудлага сунжирсаар Оцол гэх болсон болов уу хэмээн санана. Учир нь Ац уул гэдэг үг Оцол уул болоход арай хол, харин Одсал гэдэг үг Оцол гэж дуудагдах, сонсогдох боломжтой мэт байна.

Энэ уулыг 1700 оноос эхлэн нутгийн ардууд тахидаг байж байгаад 1850-аад оноос хошуу ноёны зарлигаар төрийн тахилгатай болгожээ. Тахихдаа морь уралдуулан уулын лус савдгийг сэрээж, бөх барилдуулж уулын эзэн шар арслангийн хүч зоригийг бадраана хэмээдэн үздэг ажээ. Уулыг тахих үед уншдаг "Сэнсэр хэмээх уулнаа орших газрын эздэд сан тахил өргөх ёсон, их эрдэнийн эрих хэмээн үйлдэгч оршвой" хэмээх төвөд хэлээр бичсэн багашаархан хэмжээний гар бичмэл тахилгын судартай.

Эдүгээ Сансар уул хэмээн нэрлэж байгаа ч сангийн судар дээрээ Сэнсэр уул хэмээн бичсэн байгаа нь сонирхол татна. Үүний Сансар хэмээх нь орчин эргэх ертөнцийг хэлсэн sansar, samsāra хэмээх уйгур санскрит гаралтай үг бөгөөд эртний Энэтхэгт тасралтгүй хувьсан өөрчлөгдөх шим ертөнцийн жам ёсыг ийн нэрлэж байжээ (Төмөртоогоо 2018: 92). Харин Сэнсэр гэдэг нь төвөд хэлний seng ge ser po гэсэн үг болно. Үүний seng ge буюу сэнгээ гэдэг нь арслан, ser po буюу сэрбо нь шар өнгийг зааж байна. Иймээс энэ хоёр үг нийлээд шар арслан гэсэн утгыг илэрхийлж байна.

Дээр өгүүлсэн сангийн сударт Сэнсэр хэмээх нэр "Үүнд Сэнсэр хэмээх ууланд оршсон газрын эздэд сан тахил үйлдэхийг хүсвээс", "Сэнсэр хэмээн алдаршсан газар баригчийн оргилд", "Умар зүгийн Халх Сэцэн ханы Жанжин бэйлийн газрын хуваарь Сэнсэр хэмээх ууланд орших" гэх зэргээрдөрвөнтөө гарч байна. Ингэхдээ бүгд ижил seng ser хэмээн бичсэн буйгаас харвал санамсаргүйгээр үсэг ташаарч бичсэн бус бололтой. Иймд монголчуудуулын дүр байдлыг харгалзанөгсөн Сэнсэр гэдэг нэр хожуу үед Сансар болон хувирав уу, эсвэл Сансар гэдгийг цээрлэн Сэнсэр болгон хувирав уу гэдгийг анхаарууштай юм.

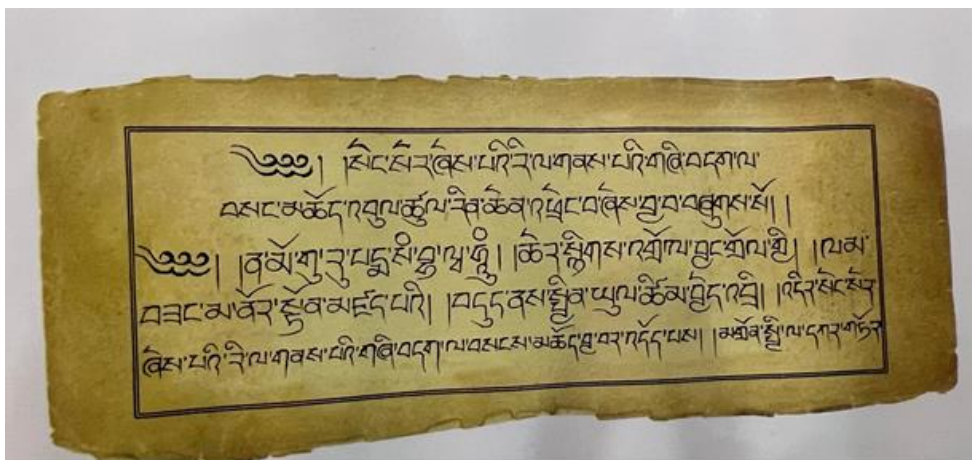
Энэ тухайд "Сансар уулын нэр нь сангийн сударт сэнгсэр буюу шар арслан гэж тэмдэглэгдсэн байх ба судрыг зохиогч уг уулыг хэвтэж буй арслангийн хэлбэртэй гэж шинжсэнээс ийн нэрлэсэн аж. Зарим онгон дагшин газар буюу тахилгатай газрын нэрийг эерүүлж цээрлэн нэрлэх явдал элбэг байсан. Ялангуяа тухайн газар усны сангийн судрыг зохион найруулсан хүн, жинхэнэ нэрийг нь төвөдөөр орчуулах буюу өөрчлөн нэрлэсэн тохиолдол дайралдаж байна. Тахилгат уулын нэрийг цээрлэн хэлж ирсэн нэг онцлог нь төвөд нэр өгөх буюу монгол нэрийг төвөдөөр орчуулж байсан явдал юм. Энэ нь нутгийнхны дунд төдийлөн дэлгэрээгүй, гагцхүү лам нарын хүрээгээр хязгаарлагдмал байжээ. Ийм нэрс нь зөвхөн тухайн уулын сангийн судраар дамжин ирсэн буй. Чухам энэ шалтгаанаар Сансар нэрийг Сэнсэр болгосон бололтой" гэж доктор О. Сүхбаатар үзжээ (Сүхбаатар 2001: 18–19).

Бидний ажигласнаар, монголчууд газар усанд нэр өгөхдөө бэлгэдэлт чанарыг эрхэмлэхээс гадна, тухайн уул усны харагдах байдал, хэлбэр дүрс, өнгө, шинж чанараар нь нэрийг оноож өгч, газрын цогцлон тогтсон байдлыг шинжин, дөрвөн хүчтэн болон бусад ан амьтантай адилтган нэрлэсэн зүйл цөөнгүй байна. Сэнсэр уулыг ч нутгийнхан нь хэвтэж буй шар арслангийн хэлбэртэй уул гэж хэлэлцдэгийн дээр энэ уулын эзэн, хийморийг эзлэгч нь цээж дээгүүрхэн, дэлээ сагсайлган, шүдээ ярзайлган, буруу талын урд хөлийг урагш жийж хэвтэж байгаа арслан байдаг гэж домоглон ярилцах нь буй.

Арслан, монгол банхар хоёрын ерөнхий харагдах байдал төстэйрхүү тул нутгийнхны дунд энэ уулаа монгол банхартай зүйрлэн өгүүлсэн нь ч байна. Зохиолч, яруу найрагч Б. Энхтөр "Зул сарын шөнө" шүлэгтээ: "Монгол банхар мэт Сансар уул хүглийн пөөнийгөөд / Монхойтол дүнхийх нь талын минь урлан" хэмээн нутгийн тахилгат уулаа монгол банхартай адилтган бичсэн байгаа нь сонирхол татна.

Газар усны нэрийг магадлаж тогтооход түүний этимон буюу анхдагч хэлбэрийг олж тогтоох чухал. Үгийн анхдагч утга, бүтцийг судлах нь тухайн үндэстний утга, соёл төдийгүй эдийн боловсролтой ч холбогдож, уул үндэстэн ертөнцийг хэрхэн тольдон ухаарч ирсэн өвөрмөц мэдлэгийг хадгалсаар ирдэг (Базаррагчаа 2020: 1).

Газар усны нэрийн гарал үүсэл, хувьсал өөрчлөлт, нэрийн агуулга, үүсвэр бүрэлдэхүүн, шинээр буй болсон нэрсийг хөөн тодруулахдаа хэл, түүх, газар зүй, угсаатан зүй, соёл судлал, шашин судлал зэрэг шинжлэх ухааны олон салбар ухааны дүн шинжилгээ, баримт судалгаанд дулдуйдаж, ултай суурьтай хандах хэрэгтэй юм. Учир нь газар усны нэр гэдэг бол зөвхөн газрын гадаргуугийн байдалд дүйцүүлэн өгсөн нэр төдий бус, олон үеийн хэл, түүх, шашин соёлын олон давхаргыг гэрчилсэн баримт болдог (Сүхбаатар 2001: 22). Иймээс бид монгол оронд бурхны шашин дэлгэрснийг дагалдаад зарим газар усны нэрийг төвөдөөр нэрлэх болсны нэг нь Сэнсэр буюу Шар арслан уул юм. Харин энэ уулын нэр дуудлага сунжраад Сансар болсон бололтой байна. Үүнийг цаашид сангийн судар, архивын баримт хэрэглэгдэхүүн, хууч яриа, аман домог сэлтээр сайтар нарийвчлан судлах нь зүйтэй юм гэсэн санал дэвшүүлж байна.

Сэнсэр уулын сангийн судрын эхний нүүр

Ном зүй:

Базаррагчаа М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь VII / ред. Г. Баттогтох. Улаанбаатар, 2020. 382 х.

Монгол Улсын Засгийн газрын хэрэгжүүлэгч агентлаг. Газар зохион байгуулалт, геодези зураг зүйн газрын цахим хуудас // URL: <https://www.gazar.gov.mn/p/570-110> (2022.02.15).

Сүхбаатар Г. Монголын тахилгатай уул усны судар оршвой / ред. Л. Хүрэлбаатар, Ш. Сонинбаяр. Улаанбаатар, 2001. 213 х.

Төмөртоого Д. Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь. Улаанбаатар, 2018. 199 х.

//seng ser zhes pa'i ri la gnas pa'i gzhi bdag la bsang mchod 'bul tshul rin chen 'phreng ba zhes bya ba bzhugs so// 5х, төвөд гар бичмэл судар.

Русинова Ольга Артемовна
кандидат исторических наук
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Улан-Удэ, Россия
rina.rubin@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА
В ТВОРЧЕСТВЕ КОМПОЗИТОРОВ БУРЯТИИ В ПРОЦЕССЕ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

В статье рассматривается роль музыкального фольклора в становлении композиторского творчества Бурятии, что соотносится с проблемами традиционного – новаторского, национального – интернационального. Отмечается многообразие функций фольклора, описаны методы его включения в ткань произведений. Дифференциация периодов 1930–1960 гг. и 1970–2020 гг. позволила выявить разницу подходов к отражению фольклора в композиторском творчестве, эволюцию объектов и форм цитирования и сочинения по фольклорной модели. Приметами современности стали: обращение к пластам фольклора, ранее не вводившимся в сферу профессиональной музыки; репрезентация национальной характерности посредством отдельных языковых элементов. Выявлено, что композиторский тематизм в той или иной мере опирается на закономерности фольклорного материала, но воплощение системной оппозиции «фольклор – композитор» эволюционирует.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, композиторское творчество, тематизм, Бурятия.

Rusinova Olga Artemovna
Candidate of Sciences in History
East-Siberian state institute of culture
Ulan-Ude, Russia

**TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONING OF MUSICAL FOLKLORE
IN THE WORKS OF COMPOSERS OF BURYATIA IN THE PROCESS
OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF SOCIETY**

The article examines the role of musical folklore in the formation of the composer's creativity of Buryatia, which correlates with the problems of traditional – innovative, national – international. The variety of functions of folklore is noted, the methods of its inclusion in the works are described. The differentiation of the periods 1930–1960 and 1970–2020 allowed us to identify the difference in approaches to the reflection of folklore in the composer's work, the evolution of objects and forms of citation and composition according to the folklore model. The signs of modernity are: the appeal to layers of folklore that were not previously introduced into the sphere of professional music; the representation of national character through individual linguistic elements. It is revealed that the composer's thematism is based to some extent on the patterns of folklore material, but the embodiment of the systemic opposition "folklore – composer" is evolving.

Keywords: musical folklore, composer's creativity, thematism, Buryatia.

История композиторского творчества Бурятии начинается в конце 30-х гг. прошлого века. Обращение к европейскому профессионализму открыло новые нормы склада, ладовых и жанровых структур, кардинально отличных от национальной фольклорной традиции. Компенсаторным механизмом, сглаживающим противоречие европейских норм с музыкально-слуховым опытом народа, стал музыкальный фольклор, выполнявший роль тематического фундамента национальных вариантов произведений в европейских жанрах.

Принцип подхода к фольклорным образцам отражал стремление к сохранению их характера, образно-интонационного содержания, ладовых, ритмических, тембровых особенностей. Воплощение данного принципа осуществлялось двумя методами – непосредственного участия фольклора в произведениях

(цитирования) и функционирования фольклора, опосредованного композиторским опытом (сочинение по фольклорной модели). Художественные результаты создания оригинальных мелодий, близких народным, не всегда оказывались убедительными: авторские темы были бледнее фольклорных образцов. Так произошло, например, с некоторыми мелодиями в балете С. Н. Рязова «Свет над долиной», опере Л. К. Книппера «На Байкале».

Материалом цитирования и моделями сочинения были обычно лиро-эпические песенные мелодии (такие песни, как «Озеро» или «Солнце и мальчик», введенные произведения разных жанров многими композиторами), а также различные варианты хороводного жанра «ёхор». Другие образцы фольклора – обрядовые песни, улигеры – в материал профессиональной музыки на этом этапе истории музыки Бурятии вводились редко. Народные мелодии сохраняли свою жанровую семантику, поэтому основными образами были песенные, танцевальные, пейзажные.

По форме цитирование было целостным: фольклорные мелодии воспроизводились в полном и неизменном виде. Иногда цитирование включало частичные изменения, как, например, в симфонической поэме Р. М. Глиэра «Героический марш Бурят-Монгольской АССР», где изменения коснулись метроритмической стороны песни «Шебе Кяхта».

Если в музыкальной литературе 1930 – 1940-х гг. авторских тем мало и в основном она базируется на цитируемых фольклорных мелодиях, то в произведениях 1950 – 1960-х гг. тематизм все чаще представляет собой продукт композиторского творчества. Новая тенденция периода – большая свобода обращения с фольклором, когда композиторская практика меняет образно-эмоциональное содержание фольклора. В увертюре Г.-Д. Д. Дашыпылова «Ёхор» основной тематический материал – авторский, но в качестве тематической основы побочной партии использован популярный свадебный напев, который композитор «остраняет» (термин Б. Брехта) гармоническими средствами, придавая характер утонченности и изысканности. Возникает несовпадение реально звучащего материала и слухового стереотипа, сложившегося в процессе восприятия симфонизированных фольклорных образцов.

Образно-эмоциональное переосмысление фольклорных тем происходит в сюите Б. Б. Ямпилова «Цветущий край»: тема бурятской народной песни «Элһэнхаргы» (Песчаная дорога) из спокойной, распевной превращается в вальсообразную, песня 1930-х гг. «Ленинээ магтанамди» («Слава Ленину!») преобразуется из сдержанно-спокойного, с оттенком повествовательности напева в энергичный, мужественный марш.

Сохраняются жанровые и стадийные особенности тематического фонда: обращение к современным песенно-танцевальным жанрам фольклора или образцам, которые бытовали в недавнем прошлом. Интонационно-ритмический фонд инструментального фольклора используется реже, так как его семантика – сфера пейзажных образов, которые все более определенно вытесняются из произведений 1950-х гг. бытовыми образами. Исключительным примером цитирования шаманского напева является симфоническая поэма Б. Б. Ямпилова «Эпическая поэма».

Ориентация на фольклорные жанры в тематизме проявлялась в общем характере образов, ладоинтервалике, ритмике, особенностях структуры. Определяющая роль принадлежала пентатонике. Обращает на себя внимание тот факт, что композиторы используют в основном лишь две разновидности пентатоники, условно называемые мажорной и минорной. Причиной считали их большую устойчивость и завершенность (Гиршман 1960: 152). Мы видим в этом влияние опыта, накопленного бурятскими композиторами: обучавшиеся на произведениях мажорно-минорной системы, они интуитивно производили в своем сознании коррекцию национального музыкального запаса принципами профессиональной музыки европейского типа. Другой причиной преобладания этих разновидностей является, возможно, их смыкание с классической гармонической системой, что открывало путь более естественному, чем в других случаях, синтезу национального и европейского.

Возникла тенденция динамизации пентатоники – проникновение в ее структуру полутонов, сначала на расстоянии, а в дальнейшем – и смежных. Однако особая природа интонаций пентатонического лада – преобладание постепенности, трихордовость, выделение I, IV, V, VII ступеней, развертывание мелодии опеванием опор – не изменила характера звуковой выразительности.

Тематизм явился центральным компонентом системы произведения, определяющим ее содержательный и технологический параметры: национальный, интонационно-ритмический материал стал импульсом для формирования всех компонентов музыкальной ткани, не только координирующим различное

типы мышления, но и облегчающим слушателям адаптацию к новому многоголосному изложению музыкального материала.

Произведения 1970 – 2020-х гг. отражают иной подход к фольклору. Изменился тип фольклорного «прообраза»: им стали модели древних фольклорных жанров. Ю. И. Ирдынеев, например, ориентируется на архаический пласт бурятского фольклора, образно-эмоциональное наполнение которого, сурово-скорбное, также ново для бурятской музыки («Соната для фортепиано», II часть). Формируется осознание того, что национальное не тождественно фольклорному. Отсюда индивидуализация подходов, когда не фольклор определяет закономерности структуры произведения, а замысел композитора определяет особенности функционирования фольклора в контексте целого.

Активизация авторского начала ведет к более опосредованным связям с фольклорным источником: значение микроструктуры в разнообразных вертикальных и горизонтальных соотношениях приобретает не тема, а ее элемент – формула. Далее объем фольклорного репрезента еще более сокращается. Так, отсутствие характерных интонационных и ритмических формул в теме III части «Simfonia egoica» Ю. И. Ирдынеева, на первый взгляд, отдаляет ее от народной традиции, но скрытая связь с нею обнаруживается в характере тематических зерен: большой секунды – одного из интервалов смежности в пентатоническом ладу, и трихорда – основной фольклорной интонационной ячейки (Русинова 2021: 59).

Важной приметой становится интонационное обострение. Нередко пентатоничность одной темы совмещается с подчеркнутой хроматичностью другой, что выполняет драматургическую роль сопоставления контрастных образных сфер (поэма П. Н. Дамиранова носов «Наран»). Таким образом, композиторский тематизм в той или иной мере опирается на особенности фольклорного материала, но воплощение системной оппозиции «фольклор – композитор» эволюционирует.

Литература:

Гиршман Я. М. Пентатоника и ее развитие в татарской музыке. М.: Сов. композитор, 1960. 179 с.

Русинова О. А. Композиторское творчество Бурятии // Таврические штудии. 2021. № 25. Симферополь. Антиква, 2021. С.56–61.

Николаева Наталья Никитична
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
natanika80@mail.ru

ОППОЗИЦИЯ СВОЯ ЗЕМЛЯ – ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ БУРЯТ¹

В бурятском героическом эпосе оппозиция «своя земля – чужая земля» выражает мифологические представления о «своем» как «человеческом» и «чужом» как не-человеческом. Кроме того, в нее входят и более поздние представления о «своем» как «родном» и «чужом» как «не-родном».

Ключевые слова: буряты, героический эпос, мифология, оппозиция.

Nikolaeva Natalya Nikitichna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

OPPOSITION ONE'S OWN LAND – ANOTHER'S LAND IN THE BURYAT HEROIC EPIC

In the Buryat heroic epic the opposition “one’s own land – another’s land” is substantiated by mythological ideas about “one’s own” as “human” and “another’s” as “not-human”. In addition, it also includes later ideas about “one’s own” as “native” and “another’s” as “non-native”.

Keywords: Buryats, heroic epic, mythology, opposition.

Бинарная оппозиция «свой – чужой» пронизывает всех уровни героического эпоса и лежит в основе многих других оппозиций, например, «хороший – плохой», «добро – зло», «белый – черный», «друг – враг» и т.д. Являясь фактически фундаментальной структурообразующей эпической оппозицией, она противопоставляет две стороны: героя-богатыря протагониста (и все, что с ним связано) и его антагониста (и все, что с ним связано).

Оппозиция «своя земля – чужая земля» в улигерах представлена довольно широко и образно. «Своя земля» обозначена словосочетаниями *газардайда* ‘земля, свет, мир’, *түрэл дайда* ‘родная земля’, *тоон-тото дайда* букв. ‘земля, где [зарыт] послед’, *голхон дайда хоёр* ‘река/долина и земля’ (Абай Гэсэр-хубун 1961: 47), *халуун нуга* букв. ‘теплый (т.е. родной) луг’, (Абай Гэсэр-хубун 1961: 47, 151), *газар уһан* ‘земля и вода’. Герой стремится возвратиться *ууһан уһандаа*, *унаһан дайдадаа* ‘к воде, которую пил, к земле, на которую упал (при рождении)’ (Пятилетний Толэй Мэргэн // Бурчина 2007: 249); к земле, на которой стоит его дом (*Гэрхэн тээшээ гэхүүлээ*, *Газар тээшээ гальюулба*).

Часто одинокий герой селится на земле, где до него никто не жил: *Хүүнэй юунай һуугаа үдыдэ*, / *Хүлэр мүнэн дубуугаа* / *Эжэлэжэ һуурилаба*, / *Үхэр хара булагаа* / *Хүлэгэй юунай ундаалаа үдыдэ*, / *Толгой даран һууридаба* ‘[Когда] люди еще не селились, / Холма из массивного серебра / Хозяином он поселился, / [Когда] из прозрачно-чистого ручья / Скакун еще не напивался, / У верховьев он поселился’ (Эржэн Мэргэн хубун, стих. 25–30). Далее герой обустроивается на своей земле: строит дворец (свой дом), топит печи (прирученный огонь), прокладывает дороги (осваивание дикого ранее пространства), пускает стада пастись по пастбищам (доместикация животных). Герой может быть представлен владельцем многочисленного народа и назван старшим среди тринадцати ханов и главой 73 родов/племен. Безусловно, сами представления о ханах, этнически различных родах и племенах, о народе, которым

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

надо править, имеют более позднее происхождение, чем мифологическое представление о героине-одиночке, но подобный казус совершенно логичен в контексте рассматриваемой оппозиции. «Своя земля» должна быть окультурена, должна иметь упорядоченное общественное устройство и развитую структуру власти, что отличает ее от «чужой земли», представляемой как нечто хаотичное, неупорядоченное, дикое. Это отчетливо просматривается в типической формуле: *Энэ ехэ дайдадаа / Эжэнин болон яргаалан байналдаа, / Хан ехэ дайдадаа / Хаанин болон яргаалан байнал би* (Абай Гэсэр-хубун 1961: 86) ‘На этой великой земле, / Хозяином став, зажил счастливо, / На великой ханской земле, / Ханом став, зажил я счастливо’. Таким образом, «своя земля» обустроена и обжита – строятся дома-дворцы, живут люди, пасутся стада и табуны, прокладываются дороги, а «чужая» представляет собой бескрайние просторы, где «не ступала нога человека и животного, имеющего копыта», нагромождение гор и скал, речные долины, переполненные змеями, червями, лягушками, сороками, волками и т.д.

Различие «своего» и «не-своего» начинается с момента выезда героя из родных мест и выражается посредством противопоставления «родной теплой земли» и «чужой холодной земли»: *Өөрөө үнсэтэ халуун дайдаяа / Сараабэй гаталажа / Сада биидэн гараба ла, / Хүүнэй хүйтэн хушүүн дайдаа / Оролсожо хатарба ла* ‘На своей родной теплой земле / следа не оставив, / на другую сторону выехал, / на чужую холодную суровую землю / вступив, поскакал’ (Эржэн Мэргэн хубун, стих. 580–584). Иногда в противопоставлении вместо *өөрин халуун дайда* употребляется *өөрин үнөр дайда* букв. ‘своя благодатная/изобильная земля’ (Абай Гэсэр-хубун 1961: 36). Однако частотнее и устойчивее оппозиция «свой-теплый» и «чужой-холодный», тесно связанная с воззрениями бурят, согласно которым *халуунай* означало родственников со стороны отца (т.е. своих, принадлежащих к тому же роду и проживающих в той же местности), а *хариин* – родственников со стороны матери (т.е. чужих, из чужого рода, другой местности). Например, в свадебном призывании, в котором упоминались племенные и родовые предки, а также хозяин очага Сахядай-нойон с женой Сахала-хатан, говорилось: *Хааря халун хоёри / Урукжулан байхын / Хошод бөхө андалдулхан* (Хангалов 2004: 59) ‘Заставившие обменяться парой поясов, чтобы породнились чужие и свои’. Здесь проявляются, на наш взгляд, представления, относящиеся к родовому обществу, согласно которым «свое» осознается как «родное», а «чужое» – как «не-родное».

«Чужая земля» представляется неприветливой, враждебной, в отличие от своей: *Хүүнэй дайда хушэтэй юмэгэжэ / Өөрийн ехэ дайда / Үргэмжэтэй юмэ гэгэжэ* ‘Чужая земля сильна, / Своя великая земля / поддержку дает’ (Абай Гэсэр-хубун 1961: 37). В улигерах на «своей земле» обитают богатырь и его подданные, а «чужая» – это земля чудовищ-мангадхаев, т.е. иной мир. Иногда об этом говорится прямо: из родимой теплой земли выезжают, въезжают в холодную мангадхайскую землю (Пятилетний Толэй Мэргэн // Бурчина 2007: 251). Земля мангадхаев полностью противопоставлена человеческому нормальному миру: земля за гранью, где смыкаются небо и земля (*газар тэнгэрийн хабсаргаани саадо биеду*) (Алтан Шагай, Эрэ Хабтас Мэргэн // Бурчина 2007); далекая страна Зугэй, где нет солнца и трав (Алтан Шагай Мэргэн // Бурчина 2007); студеная земля, где трескаются от холода бычьи рога, или знойная земля, где закипает-горит конский навоз (Эрэ Хабтас Мэргэн // Бурчина 2007); очень грязная, нечистая, скверная земля (*Ехэ муухай буртаг, / Ехэ булай дайда*) (Абай Гэсэр 1960: 222); пустынная ветренная земля (Эрхэ Нюдэн // Бурчина 2007); иссохшая скудная земля (*Хохюур хобор дайда*) (Абай Гэсэр 1960: 162, 191); земля, находящаяся по ту сторону смерти (*Үхэлэнги сада биидэ газар*) (Абай Гэсэр 1960: 243, 249); земля хромых, т.е. потусторонних сущностей *дохолонги газар* (Абай Гэсэр 1960: 37); земля, где солнце не имеет света (лучей), скот не имеет теней (*гараһань наранынь туяагүй, гэхихэн адаһаниин һүүдэргүй юума*) (Эрэ Хабтас Мэргэн // Бурчина 2007: 127); нижний черный мир (*доодо хара замби*), мир зла и несчастий на краю вселенной (*эрхээнсэне урамда*), дальняя земля за песчаной оградой (*элэн хүрэн саада хола газар*), откуда никто из ушедших не возвращался (Булган Толгой хубун // Бурчина 2007: 76, 78).

В унгинской версии Гэсэриады встречаются интересные противопоставления земли Гэсэра как страны жаворонков (*Булжумуурта урам*) и страны мангадхаев как сорочьей страны (*Шаажгайтын түби*) (Абай Гэсэр 1960: 191, 200), благословенной священной (белой) страны (*Үрөөр сагаан дайда*) и земли смерти и рождений (*Үхэл түрэл дайда*) (Абай Гэсэр 1960: 258) или черной земли смерти и мучений (*Үхэлэнги зоболонги хара газар*) (Абай Гэсэр 1960: 260).

Наряду с представлениями о чужой земле как ином мире, нечистом, пустынном, бесплодном, лишённом солнца и растительности, встречаются и представления, совершенно иного характера. «Чужая земля» описывается как изобильная, богатая, беззаботная: *Баян балар газарта / Хүхэбэй түлээн бишма,*

/ Ходигобэй мяхан биима, / Эрэбэй эмэ биима ‘В богатой темной земле / Есть дрова без топора, / Есть мясо без ножа, / Есть женщина без мужа’ (Хухэлдэй Мэргэн, л. 13; Эрэ Хабтас Мэргэн // Бурчина 2007: 126). Подобные описания встречаются, когда идет речь о поездке за невестой, либо в эпическом зачине, описывающем время первоэпохи, перводанного хаоса, царившего до рождения героя. В эхирит-булагатском «Гэсэре» Гэсэр уговаривает мангадхаев отправиться в благодатную землю, где нет смерти, люди не беднеют, еда не заканчивается, одежда не изнашивается, в зимние морозы не холодно, в летний зной не жарко (Абай Гэсэр-хубун 1961: 175, 177–178, 191–192). Подобные представления у бурят-шаманистов также относятся к иному миру: «духи, то есть души умерших людей и другие духи живут, как и живые люди. Они отличаются только тем, что одежда у них не изнашивается, пища (харчи) не истощается, остается постоянно в целостности то, что дали покойнику» (Хангалов 2004: 104).

Таким образом, в бурятском героическом эпосе оппозиция «своя земля – чужая земля» является манифестацией ранней мифологической концепции «своего-человеческого» и «чужого-не-человеческого», при этом в нее органично вписались и более поздние родовые представления «своего-родного» и «чужого-неродного», что говорит о многослойности улигеров, наличии разновременных неоднородных элементов в их структуре.

Литература и источники:

Абай Гэсэр. Улан-Удэ, 1960. 314 с.

Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант). Ч. I. Улан-Удэ, 1961. 230 с.

Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В3-хт. Т. 2. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. 312 с.

Хухэлдэй Мэргэн хубун (Хүйлэн хүэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн (Эдэйн буярадай үльгэр)) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 301. 42 л.

Эржэн Мэргэн хубун (Эржэн Мэргэн хүбүүн (улигер качугских / ленских бурят)) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 234. 77 л.

Цыбенев Базар Догсонович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
bazar75@mail.ru

К ИЗУЧЕНИЮ ДАУРСКИХ УЧУНОВ¹

Статья посвящена изучению одного из жанров даурского фольклора, известного как учун. Этот жанр, очевидно, не имеет аналогов у соседних монгольских этнических групп (шэнэхэнских бурят, олетов, баргутов) и эвенков-солонгов. В то же время простой мелодический рисунок и манера исполнения даурского учуна указывают на его сходство с песенной традицией народности сибо, проживающей в Синьцзяне. На основе новейших материалов по даурским учунам автор изучает происхождение и особенности отдельных учунов, их взаимосвязь с произведениями даурских поэтов XIX – начала XX вв. Как показывает сравнительно-сопоставительный анализ, основу некоторых учунов могли составить сочинения даурского поэта Арабдана. На это указывают повторяющиеся в них имена легендарных героев древности, одинаковая структура учунов. С другой стороны, эти учуны представляют собой во многом переработанные в народе варианты, дополненные и порой намного отличающиеся от своего оригинала.

Ключевые слова: дауры, фольклор, учуны, особенности, даурская поэзия.

Tsybenov Bazar Dogsonovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

TO THE STUDY OF THE DAUR UCHUNS

The article is devoted to the study of one of the genres of Daurian folklore, known as uchun. This genre is not found among the neighboring Mongolian ethnic groups (Shenekhen Buryats, Olets, Barguts) and Evenks-Solons. The simple melodic pattern and manner of performance of the Daurian uchuns indicate its similarity with the song tradition of the Xibo people living in Xinjiang. The study is based on the latest materials on Daurian uchuns. The author studied the origin and characteristics of individual uchuns, their relationship with the works of Daurian poets of the 19th and early 20th centuries. The researcher conducted a comparative analysis of uchuns and works of Daurian poet Arabdan. The names of the legendary heroes of antiquity, the same structure of uchuns testified to the relationship between uchuns and poems. On the other hand, these uchuns represented versions reworked from folklore, supplemented and much different from their original.

Keywords: daurs, folklore, uchuns, peculiarities, Daurian poetry.

Духовная культура дауров богата и своеобразна, она хранит в себе ценные свидетельства этнокультурной истории народа. Среди жанров фольклора можно выделить так называемые учуны, являющиеся наглядными образцами сохранения традиционной культуры современным поколением дауров. Есть мнение, что «мировая наука и культура должны узнать о даурах через передачу их уникального жанра устного народного творчества. Актуальной проблемой становится сохранение культурного наследия даурского народа. Многие учуны были утрачены и в целом наблюдается угроза исчезновения традиционной культуры дауров» (郭丽茹 2018: 1).

В своих публикациях мы классифицировали учуны как стихотворения в песенной форме (Цыбенев 2015: 289), или своеобразные гимны-восхваления (Цыбенев 2021: 51–52). По данным австрийских и чешских исследователей У. Валленбок, В. Зигмундовой и В. Капишовска, этот особый жанр, представляющий собой длин-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Номер государственной регистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290031-7.

ные эпические произведения, вероятно, имеет маньчжурское происхождение (Wallenböck, Zikmundova 2021: 16). Об этом свидетельствует наличие во многом похожего жанра у народности сибо в Синьцзяне. Как известно, сибо имеют маньчжурские корни и были переселены в Илийский край в середине XVIII в. Тогда же в Синьцзян были перемещены и даурские роды. И все же большая часть дауров осталась в местах их компактного расселения – районах Бутха, Цицикара, Хайлара, Айгуна.

Особенностью исполнения учунов является простой мелодический рисунок (Wallenböck, Zikmundova 2021: 16). Он явственно отличается от монгольских протяжных песен, и, очевидно, манера исполнения указывает на тесную связь с маньчжурской фольклорной традицией. С другой стороны, современность вносит свои коррективы. Фиксируются отдельные случаи утери мелодического рисунка, присущего настоящему учуну. Так, в 2007 г. в даурском национальном районе Мэйлисы городского округа Цицикар нами был записан учун о даурских повстанцах начала XX в. Шоулане и Дайфу. Его мелодия, на наш взгляд, была более современной, эмоционально насыщенной, существенно отличаясь от монотонного исполнения традиционных учунов. Можно предположить, что другой мелодический рисунок данного учуна был связан также с особенностями цицикарского диалекта даурского языка и в целом большей подверженностью цицикарских дауров китайскому влиянию.

Учуны исполняются обычно в память о военных делах, дальних путешествиях или героических подвигах (Wallenböck, Zikmundova 2021: 16). В то же время имеются учуны, посвященные простому народу, конкретным профессиям, природе и ее явлениям; традиционным играм и праздникам и т.д. Их можно разделить на отдельные категории: 1) посвященные трудовой деятельности (учуны о земледелии, коневодстве, лесозаготовке и др.); 2) характеризующие семейно-брачные отношения (наказы дочери, вступающей в брак; наказания юношам, отправляющимся на военную службу; о почитании родителей); 3) учуны о культуре и образовании даурского народа (о пользе образования для молодежи; о необходимости знания кодекса поведения; о даурских праздниках) (Цыбенев 2021: 51–52).

Даурская интеллигенция, в частности, работники сферы культуры проводят большую работу по сохранению этого жанра устного народного творчества даурского народа. Свидетельством тому является издание сборника «Даурские учуны». Составителем книги является известная даурская певица Го Лиру, успешно совмещающая эстрадное творчество с должностью сотрудника отдела культуры г. Хух-Хото (Внутренняя Монголия). Из более чем 200 записей учунов в сборник вошли 39 произведений. Примечательно, что в сборнике представлен текст учунов на трех языках – на китайском языке, старомонгольской письменности и в записи на международной фонетической транскрипции. Таким образом, изучить образцы традиционного фольклора дауров могут не только китайские и монгольские специалисты, но и широкий круг исследователей из разных стран.

Проведем небольшой сравнительно-сопоставительный анализ текстов учунов в сборнике Го Лиру и произведений даурских поэтов в монографии М. Энхэбату. Сличение текстов двух учунов «Арги таргагу учун» (Учун о вреде алкоголя) и «Арги-и учун» (Учун о водке) из современного сборника (郭丽茹 2018: 4, 37) со стихотворением Арабдана (1809–1885) «Арги-и учун» (Учун о водке) (Engkebatu 2001: 140–149) показывает разные вводные части, но с обязательным упоминанием имен И Ди и Юй Ди (Да Юй – Б. Ц.). Считается, что в древности некий И Ди изобрел вино. Китайский правитель Юй Ди оценил напиток по достоинству. Таким образом, эти имена, а также поочередное обращение к восьми вредным свойствам алкоголя и наказ молодежи о вреде чрезмерного его употребления, очевидно, указывают на стихотворение Арабдана как первоисточник. Стихотворение было написано в 1849 г. (Engkebatu 2001: 140) и, распространившись среди дауров разных регионов, со временем приобрело локальные особенности. Аналогичные выводы можно сделать по учунам «Портрет восьми стариков» или «Восемь портретов» (郭丽茹 2018: 33; Engkebatu 2001: 150–151), «Учун о земледелии» (郭丽茹 2018: 22; Engkebatu 2001: 463). В учуне о восьми портретах упоминаются имена известных китайских поэтов Ли Тай-бо (Ли Бо – Б. Ц.), Тао Юаньмин, Бо Лэтянь (Бо Цзюйи – Б. Ц.) и др. Имена всех поэтов без изменений встречаются в обоих сборниках, поэтому можно говорить о стихотворении Арабдана как о первоисточнике. Несколько сложнее обстоит дело с «Учуном о земледелии». Стихотворение с таким названием было написано даурским поэтом Чинтунпу. Сравнительный анализ учуна в сборнике Го Лиру и стихотворения Чинтунпу показывает существенные различия в вводной части. Единственным сближающим моментом являются короткие вопросы о готовности к пахоте, которые имеют место в обоих произведениях. По всей видимости, в данном случае можно говорить о сильно измененном варианте стихотворения Чинтунпу.

Не все даурские учуны восходят к стихотворениям даурских поэтов. Имеются учуны, появившиеся в XX в., о чем можно судить по употреблению новых терминов, например, *гал тэрэг* ‘поезд’ и др. К числу историче-

ских учунов можно отнести «Хайлар амбанай бэри» (Невестка хайларского амбаня), учуны, повествующие о военной службе в период Цинской династии, где указаны конкретные населенные пункты в Китае. Интересной и перспективной областью в исследовании даурских учунов представляется употребление китайских и маньчжурских заимствований.

Таким образом, наше изучение даурских учунов показывает их несомненную близость к традиционной культуре маньчжуров. Об этом отчетливо свидетельствует одинаковая манера исполнения и простой мелодический рисунок этого песенного жанра у дауров и народности сибо. Основу ряда даурских учунов, очевидно, составили произведения Арабдана, а также даурских поэтов XIX – начала XX вв. Мэмэгчи, Чинтунпу. Со временем они были существенно переработаны народом в соответствии с локальными особенностями (диалектными, географическими, историческими) даурских регионов.

Литература:

Цыбенев Б. Д. К изучению фольклора дауров // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 289–301.

Цыбенев Б. Д. Китайские источники по духовной культуре дауров // Синология в XXI в.: матер. межд. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2021. С. 49–56.

Engkebatu. Ćing ulus-un üye-dü daγur kele-ber biĉigdegsen jōkiyal-ud-un sudulul. Kōke-Qota: Öbur Mongul-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2001. 737 p.

Wallenböck U, Zikmundova V. The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction // Studia Orientalia Slovaca. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 1-46.

郭丽茹. 达斡尔乌春. 呼和浩特: 内蒙古文化音像出版社, 2018. 121 页.

Дашиева Лидия Данииловна
доктор искусствоведения
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
dashieva2006@yandex.ru

КУЛЬТЫ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

В статье рассматриваются культы животных и птиц в традиционной культуре бурят. Целью исследования является репрезентация культов лебедя Хун шубуун как прародительницы бурятских племен хори-бурят и хонгодоров, быка Буха нойона – булагатов, рыбы – эхиритов в ритуалах, материальной культуре и музыкальных инструментах. Изучение культа лебедя позволяет рассмотреть семантическую связь с такими обрядами, как *далга абалга* ‘призывание богатства, счастья’, или *хэшэг хурылха* ‘получение небесной благодати’ во время весенней встречи своей праматери Хун шубуун. В этих ритуалах и шаманских обрядах отражаются родоплеменные культы животных и птиц, в которых выявляются этногенетические корни локальных групп бурят. Кроме того, исследуется семантика музыкальных инструментов монгольских народов, связанная с культурами лебедя, быка и лошади.

Ключевые слова: культ, семантика, обряд, животные, птицы, материальная культура, буряты.

Dashieva Lydia Daniilovna
Doctor of Sciences in Arts
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

CULTS OF ANIMALS AND BIRDS IN THE TRADITIONAL BURYAT CULTURE

The article discusses the cults of animals and birds in the traditional culture of the Buryats. The aim of the study is to represent the cults of the swan Khun shubuun as the progenitor of the Buryat tribes of the Khori-Buryats and Khongodors, the bull Buha Noyon – Bulagats, the fish – Ekhirits in rituals, material culture and musical instruments. The study of the swan cult allows us to consider the semantic connection with such rituals as *dalga abalga* ‘luring wealth, happiness’, or the *hashtag hurylkha* ‘receiving heavenly grace’ during the spring meeting of his foremother Khun shubuun. These rituals and shamanic rituals reflect tribal cults of animals and birds, in which the ethno genetic roots of local groups of Buryats are revealed. In addition, the semantics of musical instruments of the Mongolian peoples associated with the cults of the swan, bull and horse are investigated.

Keywords: cult, semantics, ritual, animals, birds, material culture, Buryats.

В традиционной культуре монгольских народов мир животных и птиц имеет многогранное значение. Исследование культов животных и птиц в современной бурятской фольклористике и этномузыкологии пока находится на начальном этапе изучения. Междисциплинарный дискурс позволит рассмотреть эти культы на базе материалов отечественной и бурятской науки этнографии, этнологии, археологии, религиоведения и фольклористики и, безусловно, способствует выявлению разных семантических уровней изучаемого феномена.

В традиционном религиозно-мифологическом мышлении и обрядовой культуре бурят культы животных и птиц отражают одну из ранних религиозных форм – тотемизм. У бурят родо-племенными тотемами были Хун шубуун ‘птица-лебедь’ у хори-бурят и хонгодоров, Буха-нойон ‘бык’ у булагатов, рыба у эхиритов.

Изучение культа лебедя Хун шубуун ‘птица-лебедь’ и его отражение в бурятском фольклоре было начато в статье автора, в которой стратифицированы жанры традиционной обрядовой культуры бурят и выявлена их семантическая связь с культом белого лебедя (Дашиева, 2021). Анализ фольклорных образцов включает генеалогическую легенду о Хун шубуун, древний хори-бурятский танец *нэрьелгэ* и

сопровожающие его песни *нэрьеэнэй дуунууд*, одну из жанровых разновидностей западно-бурятского кругового танца *ёхор үльмээшэлхэ* ‘танец на цыпочках’, а также музыкальный инструментарий монголов и бурят.

Согласно ранним мифологическим и религиозным воззрениям бурят, божественная прародительница хори-бурят и хонгодоров белая лебедь Хун шубуун или Сагаан шубуун ‘белая птица’ на своих крыльях приносит счастье, здоровье, благополучие и удачу своим земным потомкам. По древней традиции, хори-буряты весной совершали обряд встречи своей праматери. «Когда весной над стойбищами пролетали перелетные птицы, – пишет Д. С. Дугаров, – женщины хори-бурятки выбегали на улицу с подойником. На дно наливали немного молока, сметаны или какого-нибудь кисломолочного продукта и закрывали подойник шкуркой белого ягненка» (Дугаров 1991: 148). Навстречу птицам брызгали молоком и перед собой делали вращательные движения ведром с молоком и заклинали: *Хурый! Хурый! Хурый!* ‘Приди! Приди! Приди!’

Обращаясь к своей праматери Хун шубуун, женщины хори-бурятки этим ритуалом приманивали счастье и небесную благодать для своей семьи. Обряд получил название *далга абалга* ‘призывание богатства, счастья’, или же *хэшиэг хурылха* ‘получение небесной благодати’ (Дугаров 1991: 148). Причем осенью хори-бурятки брызгали молоком вслед улетающим птицам, как бы благословляя их в дальний путь и прося для себя и своих родных здоровья, счастья и благополучия. По сведениям Г. Р. Галдановой, «при кроплении молоком баргузинские галзуты говорили: *Хун шубуун гарбалнай, хори-монгол удхамнай, хуһан модон сэргэмнай* ‘Происхождение наше от птицы-лебеди, род наш хори-монгол, коновязь наша – береза’» (Галданова 1987: 48).

По мнению бурятского ученого, этнографа и фольклориста Д. С. Дугарова, от лебедя Хун шубуун ведут свое происхождение и западные буряты: «аларские и тункинские хонгодоры, хангины, шарайд, гушад и шошоолог, которые также считают эту небесную деву-лебедя своей праматерью» (Дугаров 1983: 105). Вероятно, общие этногенетические корни хори-бурят и хонгодоров свидетельствуют о единстве их историко-культурных традиций. Известно, что божественное почитание лебедя было характерно для многих тюркоязычных народов: якутов, башкир, тувинцев, казахов, каракалпаков, киргизов, Саяно-Алтайских тюрков (телеутов, теленгитов, челканцев, кумандинцев) и др. (там же).

Анализ вариантов генеалогических легенд о быке Буха-нойоне свидетельствует о волшебном рождении от сивого пороза мальчика, усыновленного бездетной шаманкой Асуйхан (в другой версии легенды – старыми людьми). Мальчика назвали Булагатом (*бухайн малтааруһаа олодоһон Булагат* ‘в яме пороза найденный Булагат’) (Балдаев 1970: 33–38). Этнолокальная группа западных бурят эхиритов ведет свое происхождение от Эхирита, найденного, по-видимому, на берегу Байкала. По данным бурятского фольклориста С. П. Балдаева, *эргиин габанан олодоһон Эхирит* ‘в щели берега найденный Эхирит’ (там же).

Культ рыбы у западно-бурятского племени эхиритов, по-видимому, присутствует в шаманском обряде перехода, связанном с родинным ритуалом западных бурят *хотондоо хааха* (Дашиева 2017: 271–272). Описание вышеназванного ритуала и шаманского обряда *гутаарай нүхэн соо оруулха* ‘закопать в яму налима’ впервые репрезентировано в статье и монографии автора «Обрядовая песенная традиция западных бурят» (Дашиева 2017). Вероятно, в обряде *гутаарай нүхэн соо оруулха* отражается семантическая связь родоплеменного культа эхиритов с налимом (*гутаар*). По сведениям ольхонского шамана эхирита М. О. Дудеева (1931 г.р.), в прошлом этот обряд проводили следующим образом. Когда родится прапраправнук *гутаар*¹, выкапывали яму в земле, на ее дно ставили небольшой стол (*ябаган шэрээ*) с угощениями (молочной пищей, молочной водкой *архи*, мясом, саламатом и др.), сажали туда близкого родственника, обычно восьмидесятилетнего старика. Он находился там какое-то время (от двух часов до суток) (Дамбуева, Шармаева 2004: 75; Дашиева, 2017: 101). По-видимому, в данном шаманском обряде отражается тотемистическое верование эхиритов, почитавших рыбу налима.

Необходимо особо рассмотреть отражение культов животных и птиц в материальной культуре бурят, в частности, в национальной одежде. По мнению Д. С. Дугарова, семантика культа лебедя Хун шубуун проявляется в названии важного компонента костюма замужней женщины бурятки – женской безрукав-

¹ У западных бурят существует деление потомков на четыре колена родственных отношений: *аша* ‘внук’, *гуша* ‘правнук’, *дүшэ* ‘праправнук’, *гутаар* ‘прапраправнук’. Слово *гутаар* имеет еще другое значение ‘налим’, *гутаарай нүхэн* ‘яма налима’ (Черемисов 1973: 227).

ки¹. На основе анализа этимологии обозначений женской безрукавки *уужа* (хори-буряты), *хубайси* (хонгодоры), *хубайхи* (булагаты), *дэгэлэй* (эхириты) Д. С. Дугаров указывает на тюркские этногенетические корни хори-бурят и хонгодоров, поклоняющихся белой лебедице (Дугаров 1983: 108–112). По данным исследователя, имя небесной девы-лебедя *Хобоши-хатун* или *Хобишорой-хатан* имеет общий корень *хобо*, который соответствует древнетюркскому слову *куба* ‘лебедь’ (Дугаров 1983: 108–109). Причем *куба* / *куба* присутствует в номинации женской безрукавки западных бурят *хубайси* / *хубайхи*, что, безусловно, подчеркивает культовое значение белого лебедя в традиционной материальной культуре бурят. Исследуя этимологию слова *хун* в тюркских языках, Д. С. Дугаров доказывает, что «бурятское слово *хун* ‘лебедь’ восходит к тюркскому *кун* ‘солнце’. Тюркская фонема *к* в монгольских языках закономерно переходит в *х*. В таком случае бурятское название лебедя – *хун шубуун* в буквальном переводе означает ‘солнце-птица’ или ‘солнечная птица’» (Дугаров 1991: 60). Таким образом, культ белого лебедя *Хун шубуун* относится к солярным культам в традиционном мировоззрении и культуре тюрко-монгольских народов.

Большое значение имеет семантика музыкальных инструментов монгольских народов, связанная с культами лебедя, быка и лошади. В происхождении традиционного монгольского музыкального инструмента морин-хура, аналогом которого является бурятский двухструнный смычковый инструмент *хур* (*хуур*), присутствует сакральная связь с культом лошади. Генезис другого традиционного музыкального инструмента бурят *сууха-хура* тесно связан с культом быка, так как, по древней традиции, он изготавливается из бычьего мочевого пузыря.

В фольклорной практике монгольских народов бытуют замечательные легенды о происхождении морин-хура. Одна из них, опубликованная в сборнике Б. Ф. Смирнова «Монгольская народная музыка», гласит следующее: «После гибели коня его хозяин изготовил из останков любимого животного *хур* с двумя волосяными струнами, смычком и кожаной декой. Он украсил гриф инструмента головой коня, вырезанной из дерева, и, вспоминая мелодию, возникающую при полете коня, воспроизводил ее на инструменте, названном *морин хур* или *морин тологойтой хуур* ‘хур с головой лошади’» (Смирнов 1971: 63–64). Так, «чарующие звуки музыки возникли впервые из развевающихся по ветру гривы и хвоста крылатого коня» (Смирнов 1971: 36).

Образ крылатого коня, наделенного магической силой и волшебством, получил большое распространение в фольклоре тюрко-монгольских народов. У якутов, тувинцев, монголов, калмыков особой символикой обладает образ коня белой масти. Его считают небесным жителем, приносящим людям добро, счастье, благополучие и радость (Дашиева 2005: 130). Кроме того, сакральной символикой, отражающей культ коня, наделались такие сегменты морин-хура, как гриф инструмента, украшенный в форме головы лошади, дека (верхняя часть инструмента) – кожей, струны и смычок – конским волосом. Причем для струн и смычка часто использовали белый конский волос, так как лошадь белой масти, как было указано выше, была особо почитаемой и наделена божественной магической силой.

В генезисе одной из разновидностей морин-хура присутствует связь с образом лебедя, отраженного в замечательной монгольской легенде: «Возле озера жила красавица по имени Нонжгой. В этом озере плавали восемь лебедей. Каждое утро девушка умывалась в озере, но вдруг она внезапно заболела и умерла. Один лебедь кружил вокруг нее, а потом улетел. Он очень тосковал по девушке и три года подряд прилетал на это озеро. Здесь он и умер. Об этом узнал жених той девушки, и в память о своей невесте он сделал *шанаган хуур*, гриф которого украсил изображением головы человека. Это был *хун хуур*. А потом он сделал еще один *хур* в форме головы лебедя» (Дашиева 2005: 114). Здесь речь идет о монгольском ковшеобразном хуре с головой человека или головой лебедя. Таким образом, в традиционной культуре монгольских народов культы коня и лебедя материализованы в виде музыкального инструмента морин-хура / хура, быка – *сууха-хура*.

Литература:

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят: в 2-х ч. Ч. 1: Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 363 с.

¹ «Безрукавка монгольских женщин – предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития монгольской культуры стало обозначение социального статуса женщины в социуме, определение ее этнической принадлежности. В этой связи интерес представляет архаичная традиция монгольских урянха шить женский костюм невесты матерью жениха» (Содномпилова 2018: 117).

- Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 120 с.
- Дамбуева Г. А., Шармаева Т. Причины интерпретации обычая *Уухэ эдюулхэ* в обрядах *Гутаараа нухэн соо оруулха, Хотондоо хааха* у бурят Приольхонья // Байкальское кольцо: материалы областной науч.-практ. конф. учащихся. Иркутск, 2004. С. 74–76.
- Дашиева Л. Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учеб.-метод. пособие. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 188 с.
- Дашиева Л. Д. Семантика обрядов перехода в песенной традиции западных бурят // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 98–105.
- Дашиева Л. Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 448 с.
- Дашиева Л. Д. Культ лебедя в традиционной культуре бурят // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2021. № 12 (114). Ч. 5. С. 97–100.
- Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // Сов. этнография. 1983. № 5. С. 104–113.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Сов. композитор, 1971. 365 с.
- Содномпилова М. М. Обрядовое использование одежды монгольских народов в прошлом и настоящем // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 111–123.
- Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.

Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
gumps70@yandex.ru

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ПАРЕМИЯХ МОНГОЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ¹

Данная статья посвящена анализу одного из ключевых кодов культуры – соматического (телесного) кода. Более подробно рассмотрен соматический код на примере паремий бурят, калмыков, монголов, которые наиболее ярко отражают его особенности. Анализируя тексты пословиц, нами охарактеризованы символичные функции различных частей тела – голова, язык, лицо, сердце, рот, руки и т.д. Паремии с соматизмами составляют немалое количество паремийного фонда монголоязычных народов и отличаются высокой частотностью употребления.

Ключевые слова: культурные коды, соматический код, соматизм, паремия.

Gympilova Sesegma Dmitrievna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

SOMATIC CODE OF CULTURE IN THE PAROEMIAS OF THE MONGOLIAN-SPEAKING PEOPLES

The article is devoted to the analysis of one of the key codes of culture – the somatic (corporal) code. The somatic code is studied on the example of paroemias of the Buryats, Kalmyks, Mongols, which most clearly reflect its peculiarities. Analyzing the texts of proverbs, we characterize the symbolic functions of various parts of the body – head, tongue, face, heart, mouth, hands, etc. Paroemias with somatisms make up a considerable number in the proverbial fund of the Mongolian-speaking peoples and are distinguished by a high frequency of use.

Keywords: cultural codes, somatic code, somatism, paroemia.

Исследователи отмечают, что именно язык чаще всего выступает в качестве основного критерия при различении, типологизации культур. Культура воплощается и обретает знаковое выражение в языке, который принимает непосредственное участие в ее хранении, воспроизведении, в формировании ее концептов, стереотипов, ценностей. Тесная связь языка и культуры является очевидной. Язык не существует вне культуры, и, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, его можно рассматривать как: самосознание народа, его национальный характер, менталитет, образ жизни, традиции, мораль, система ценностей, мировидение ..., именно язык является хранилищем культурных ценностей, что закреплено в лексике, грамматике, фразеологии, художественной и научной литературе; ... орудие культуры, так как заложенные в языке менталитет, определенное видение мира, шкала ценностей “навязываются” носителю языка, формируя тем самым личность человека – представителя национальной культуры (Тер-Минасова 2000: 14). Человек всегда находится под влиянием своей национальной культуры.

В связи с тем, что культурные ценности представляют собой систему, в ней можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Культурные коды являются универсальными для всех языков и культур, и в то же время они отличаются национальным колоритом. По мнению Н. В. Дмитриук, «своеобразие соматического кода в языке может проявляться в тактике чтения “соматической карты” человека и “мере сфокусированности внимания” к разным частям тела» (Дмитриук 2009: 31).

Известно, что с древних времен наиболее универсальными единицами измерения пространства были параметры частей тела человека, в этой связи очень важным, на наш взгляд, представляется соматиче-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

ский (телесный) код культуры. Поскольку внутренний мир человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами. Он находится внутри телесной оболочки, как бы представляя собой сосуд –местилище (локус) мыслей, чувств, эмоций и т.д. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела. Например, в роли символа, признака человека могут выступать отдельные части его тела: голова, плечи, рука и т.д.

Анализ образцов бурятской афористической поэзии показал, что среди различных символов человека наиболее популярными являются голова, лицо, язык, а потом руки, пальцы, ноги и т.д. Они представлены в пословицах бурят, монголов, калмыков в достаточном количестве примеров. Например, соматизм *толгой* ‘голова’ встречается в популярной у монголоязычных народов пословице «Голова хоть и треснула, она в шапке, локоть хоть и сломан, он в рукаве», употребляющейся в значении «не выноси сор из избы»: бур. *Толгой хахараашье хаа, малгай соогоо, Тохоног хухараашье хаа, хамсы соогоо* (Пословицы... 2018: 333), монг. *Толгой хэмрэвч, малгай дотроо, Тохой хэмрэвч, ханцуй дотроо* (Дашдорж 1964: 85), калм. *Толһа цооровмахла дотр, тоха кемтрв ханцн дотр* (Котвич 1972: 85).

Сравнительный анализ образцов афористической поэзии бурят, монголов, калмыков показал, что не менее часто употребляется в пословицах соматизм *хэлэн* ‘язык’: бур. *Абгын гар хүндэ, ашын хэлэн хурса* (Пословицы... 2018: 247) ‘Рука дяди (по отцу) тяжела, у внука язык острый’, бур. *Хэлэнэй ута хузуу орёохо, хормойн ута хүл орёохо* (Пословицы... 2018: 278) ‘Длинный язык шею обвивает, длинный подол ноги опутывает’; калм. *Малян шарх бэрлдг, кэлнэ шарх бэрлддг уга* (Котвич 1972: 79) ‘Рана от плети заживает, рана от языка не заживет’, калм. *Зееһин келн хорн, наһцхин һар кунд* (Котвич 1972: 72) ‘Язык племянника (по матери) – ядовит, рука дяди (по матери) – тяжела’; монг. *Хэл нь зөөлэн, хэрэг нь хатуу* (Содном 1964: 115) ‘Язык мягок, поступки тверды’, монг. *Хэл ясгүй ч хэрэм хагалдаг* (Дашдорж 1964: 102) ‘Хоть язык без костей, стену проломит’.

Соматизм *шарай, нюур* ‘лицо’ встречается в пословицах монголоязычных народов в разных значениях: *Нюргандань хэлэнхаар, нюуртань сэхэ хэлэ* (Пословицы... 2018: 339) ‘Чем за спиной говорить, прямо в лицо говори’, аналогичная у монголов *Нуруунд нь хэлэхээр, нүүрэнд нь хэл* (Содном 1964: 48); бур. *Шарайнь һайхан хэрэгтэйшье хаа, шанар, шадмарынь дээрэ юм* (Пословицы... 2018: 221) ‘Хоть и нужно красивое лицо, качество, сноровка важнее’, калм. *Үкснэнн нур умсн, эмдин чирэ алтн* ‘Лицо мертвого как зола, лицо живого как золото’ (Котвич 1972: 79), калм. *Кеч, кеч гихлэ, ам долана* ‘Когда зовут собаку, та лицо лижет’ (Котвич 1972: 81); монг. *Нүүрээ гээвэл, нэрээ гээнэ* (Дашдорж 1964: 55) ‘Лицо потеряв, имя теряешь’.

Следующий соматизм *зүрхэн* ‘сердце’ достаточно много употребляется в паремиях со значением «внешность всегда обманчива»: бур. *Зүһэнь харашье хаа, зүрхэнинь улаан* (Пословицы... 2018: 216) ‘Хоть окрас и черный, сердце красное’, калм. *Зүснй үзхэр, зүркинь үз* (Котвич 1972: 98) ‘Чем судить по внешности, лучше узнай сердце’, монг. *Зүс нь муу боловч, зүрх нь сайхан* (Дашдорж 1964: 37) ‘Хоть и внешность плохая, сердце хорошее’, монг. *Зүрх нь ханцуй дотроо, зүүд нь хэлэн дээдээ* (Содном 1964: 35) ‘Сердце в рукаве, сон на языке’.

Также отметим, что такие соматизмы, как *гар* ‘рука’, *аман* ‘рот’ больше встречаются в паремийном фонде в значении «как поработаешь, так и поешь»: бур. *Гар хүдэлбэл, аман хүдэлхэ* ‘Если руки работают, то и рот работает’, аналогичная у калмыков: *Һар кондрхлэ, амн чигн кондрдг* (Котвич 1972: 80), а соматизм *нюдэн* ‘глаза’ связан с правдой: калм. *Чихн худлч, нүдн үнч* (Котвич 1972: 66) ‘Уши обманчивы, глаза правдивы’, бур. *Нюдөөрөө хаража ойлгохо, гараараа хэжэ дүршэхэ* (Пословицы... 2018: 217) ‘Глазами увидев, понимать, руками сделав, научиться’.

Таким образом, что анализ рассмотренных нами фольклорных образцов показал, что в них ярко нашел свое отражение соматический код. Следует отметить, что само наличие кодов культуры как феномена является универсальным по своей природе. Однако непреходящая ценность каждого кода в определенной культуре всегда национально детерминирована и обуславливается конкретной культурой.

Литература:

Дмитрюк Н. В. Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30–33.

Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 96 с.

Пословицы и поговорки // Памятники фольклора монгольских народов. Т. VIII. М., ИМЛИ, 2018.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

Монгол цэцэн үгийн далай / Эрхэлсэн Ж. Дашдорж, Г. Рэнчинсамбуу. Ч. I. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1964.

Монгол цэцэн үгийн далай / Эрхэлсэн Б. Содном. Ч. II. Улаанбаатар, 1964.

Балданмаксарова Елизавета Ешиевна
доктор филологических наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия
liza.bur@mail.ru

ЖАНР МОНГОЛЬСКОГО РОМАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Во второй половине XX в. жанр романа становится в монгольской литературе одним из основных форм художественного слова. На пленуме Союза писателей Монголии (декабрь 1987 г.) в докладе председателя Д. Цэдэва было отмечено, что за последние 30 лет издано более 200 романов. В 1980-х гг. особенно укрепляются позиции жанра исторического романа, что в огромной степени было связано с интересом общества к духовному и культурному наследию далекого прошлого своего народа, к наиболее выдающимся историческим личностям. Монгольские писатели (С. Удвал, С. Лочин, Ш. Нацагдорж, О. Цэндсүрэн, С. Эрдэнэ, Ж. Пүрэв и др.) чутко уловили тенденции, происходящие в обществе и постарались художественно осмыслить пройденный монголами многовековой путь и дать объективную оценку жизни и деятельности изображаемых исторических лиц. Из многочисленных исторических романов, написанных с 80-х гг., для литературоведческого анализа выбран «Занабазар» (1989) Сэнгийн Эрдэнэ (1929–2000).

Ключевые слова: монгольский исторический роман, категория жанра, первый Богдо-гэгэн Дзанабазар (1635–1723), Халха, Джунгария, Цинская империя.

Baldanmaksarova Elizaveta Yeshievna
Doctor of Sciences in Philology
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

GENRE OF THE MONGOLIAN NOVEL IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

In the second half of the 20th century the genre of the novel becomes one of the main forms of artistic expression in Mongolian literature. At the plenum of the Union of Writers of Mongolia (December 1987), in the report of the chairman D. Tsedev, it was noted that more than two hundred novels have been published over the past thirty years. In the 1980s, the position of the genre of the historical novel was especially strengthened, which was to a large extent connected with the interest of society in the spiritual and cultural heritage of the distant past of its people, in the most prominent historical figures. Mongolian writers (S. Udval, S. Lochin, Sh. Natsagdorzh, O. Tsendsuren, S. Erdene, Zh. Purev and others) sensitively caught the trends taking place in society, tried to artistically comprehend the centuries-old path passed by the Mongols and give an objective assessment of the life and work of the depicted historical persons. Of the numerous historical novels written since the 80-s, “Zanabazar” by S. Erdene, which exists on the border between two humanitarian systems - history and literature, was chosen for literary analysis.

Keywords: Mongolian historical novel, genre category, the first Bogdo Gegen Dzanabazar (1635–1723), Khalkha, Dzungaria, Qing Empire.

Обращение к жанру современного романа, к одному из ведущих неканонических жанров, «единственно становящемуся жанру» (М. Бахтин) и потому характеризующемуся динамичностью, способностью сочетать неизменность с изменчивостью, воплощать важнейшие идеологические, политические, нравственно-этические коллизии изображаемого времени, позволяет рассмотреть заложенную в основе этой крупной эпической формы концепцию человека и действительности. Особенную актуальность данная эстетическая категория приобретает в жанре исторического романа.

Расцвет монгольского жанра исторического романа начинается с 80-х гг. прошлого столетия. Характерная особенность данного жанра заключается в том, что он генетически и преемственно связан со

средневековой монгольской повествовательной традицией, сформировавшимися и получившими свое развитие в исторических хрониках и летописях XIII–XIX вв. А также неопределима роль иноязычных повествовательных традиций – индо-тибетской буддийской, с одной стороны, и китайско-маньчжурской – с другой. Начиная с 20-х гг. XX в., монгольская литература развивается под мощным влиянием классической русской, советской и мировой литератур. Симбиоз разных литературных течений и традиций как Востока, так и Запада придает монгольской литературе рубежа XX–XXI вв. самобытность и уникальность. Об этом свидетельствуют исторические романы С. Удвал «Великая судьба» (1975), Ж. Пурэва «Гнев сердца» (1983), «Равджа» (1990), С. Лочина «Лунный свет» (1985), С. Эрдэнэ «Дзанабазар» (1989), Г. Аюрзаны «Шугден» (2012), «Пульсация» (2015), Г. Мэнд-Ооёо «Святой» (2012), «Священный холм» (2015) и др.

Универсальная природа, емкость, уникальные возможности жанра исторического романа позволили монгольскому писателю Сэнгийн Эрдэнэ в своем романе «Дзанабазар» наиболее полно изобразить жизнь монголов XVII в. в его движении и развитии. Самим строением, структурой романа автору удалось показать реалистичность, достоверность, документальность, которые ни в коей мере не умалили, а, наоборот, усилили художественное обобщение реального исторического материала.

Автор романа особое внимание уделяет общественно-политической ситуации в регионе. XVII в. в истории Центральной Азии (Монголия, Джунгария, Тибет) и Дальнего Востока (Маньчжурия, Китай, Россия) представляет собой бурный, драматический и один из самых сложнейших периодов, связанный с серьезными геополитическими изменениями. Главными игроками на этом поле выступили монголы и маньчжуры. Панорамность, реалистичность, правдивость, ненавязчивость морально-нравственных оценок – это отличительная черта почерка С. Эрдэнэ. Особо ценен роман вниманием к глубинным причинам поступков героев, желанием художественно исследовать переход Монголии в подданство маньчжурской империи Цин, обозначить место буддизма в общественно-политических процессах, в частности, внести ясность и обозначить роль и значение первого духовного лидера Монголии Богдо-гэгэна Дзанабазара и правителя Джунгарского ханства Галдан-Бошокту-хана. С. Эрдэнэ в своем романе уделяет особое внимание взаимоотношениям маньчжурской империи Цин и Северной Монголии после 1644 г.

Повествование о военных походах, о принимаемых действиях для устранения междоусобных разногласий, биографические реалии, данные в романе, в целом сохраняют близость с документальной основой средневековых летописей, историографических сочинений и житийной литературы о Дзанабазаре. Однако поэтика жанра и сюжета исторического романа имеют свои особенности, которые позволили автору добиться эстетического воздействия на читателя. Писательские задачи несомненно шире, чем у историка, ибо свою задачу С. Эрдэнэ видит в том, чтобы через призму личной судьбы своего героя художественно убедительно представить свою версию, свое индивидуальное видение, свою оценку историческим событиям далекого прошлого (Эрдэнэ 1989: 165).

Проблема авторского отношения к изображаемой им истории далекого прошлого и образу главного героя, к его непростой судьбе предопределена историософскими взглядами автора и связана с ролью личности в истории. Основной вопрос – как удалось Дзанабазару, вынужденному бежать из страны и прожившему тридцать шесть лет за границей, в Пекине, остаться в сердцах и в памяти народа незапятнанным? – в романе находит свое художественное воплощение. Структура повествования строится в романе таким образом, что описание исторических фактов и событий сопряжено с их отражением в сознании героя, в его размышлениях и оценках. Данный авторский прием, рассматриваемый нами как метод психологического раскрытия, позволяет показать напряженный внутренний мир Дзанабазара, его морально-нравственные приоритеты.

С. Эрдэнэ представил Дзанабазара более художником-скульптором, человеком поэтического склада, открытым, живым, которому не чуждо ничто человеческое, умеющим ценить красоту природы и женщины, нежели замкнутым в религиозных делах духовным деятелем. Мыслям Дзанабазара, его диалогам о творческом процессе, о творческих муках, о его поисках найти гармонию, баланс между методом и мудростью постижения взаимозависимости, вдохнуть жизнь в свои художественные творения, найти свой неповторимый стиль, оригинальный почерк, отражающий свойственную монголам эстетическую культуру, посвящены многие страницы романа.

Степень проникновения С. Эрдэнэ в ход истории, точность в описании событий, умение понять и раскрыть исторический смысл явлений в реальных связях с сохранением достоверности в описании об-

стоятельств жизни и характеров исторических деятелей рождает художественную концептуальность, убедительные формы обобщения, приводят к созданию новых образов, характеров, овеянных дыханием истории. Для авторского почерка характерна конкретность изображения, фиксация внимания на исторически значимых моментах, обнажающих острейшие противоречия века, столкновения характеров ярких личностей. Автор не боится выразить суровую правду, он определяет свою позицию, свой взгляд настолько деликатно и тонко, что веришь ему и принимаешь его интерпретацию.

Недаром С. Эрдэнэ в завершающей главе романа совершенно справедливо, на наш взгляд, пишет: «Представляя всю меру ответственности в изображении одного из самых сложных периодов в истории Монголии, в подходе к такой конкретной исторической личности, как Дзанабазар, как автор я должен был запастись определенными качествами, такими как решимость и даже смелость» (Эрдэнэ 1989: 165). К тому времени, когда был издан роман, жизни и деятельности Дзанабазара еще не была дана объективная оценка исторической наукой. До выхода романа личность Дзанабазара трактовалась противоречиво, зачастую отрицательно. Его обвиняли в капитуляции перед Цинской империей, даже считали, что «он самолично принял решение ввести Монголию под маньчжурское иго» (Далай 1989). Заслуга С. Эрдэнэ в том, что он своим романом одним из первых в монгольской литературе постарался дать художественно правдивую оценку многогранной личности Дзанабазара, показать не только его вклад в культурную и общественно-политическую жизнь средневековых монголов, но и показать его как живого человека с драматизмом страстей, взлетом и падением.

Литература:

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 159–206; Слово в романе // Там же. Т. 3. С. 11–120; Формы времени и хронотопа в романе // Там же. Т. 1. С. 340–512; Роман как литературный жанр // Там же. Т. 1. С. 608–643 и др.

Далай Ч. Өндөр гэгээний тухай // Үнэн. 1989. № 134.

Эрдэнэ С. Занабазар. Монгол роман. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 175 с.

THE CONTRIBUTION OF THE BURYAT SCIENTIFIC COMMITTEE FOR MONGOLIAN MODERN CHILDREN'S LITERATURE

This article analyzes a children's book by S. Buyannemekh, a well-known Mongolian author. His "Children's Happy Books" is now deposited at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies in Buryatia. S. Buyannemekh's "Children's Happy Books" has been described by some scholars as "work, written by order of the Buryats during his stay in Buryatia in 1927–1928, so it do not belong to Buryat literature". This work is the best work of modern Mongolian children's literature.

Keywords: Buryat Scientific Committee, S. Buyannemekh, "Children's Happy Books", Mongolian children's literature.

The Literary Committee (1921) and Buryat Scientific Committee (1922) have maintained good relations since their establishment. Since 1921, Mongolia has entered a new social model. So administrative organs, schools, hospitals, service centers, shopping malls and other fields need to circulate new terms of western modern science and create a social environment to accept them. At that time, public could not accept the new policy and its implementation, and to receive the difficulty, so they cooperated with the scientific research staff of the Buryat Scientific Committee. The Buryat Scientific Committee needed a work that reflected the life, style, values, and peculiarities of the Mongolian nomadic culture. The Buryat Scientific Committee commissioned a Mongolian author, so he had write specially book. That book is now deposited at the Institute for Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

"Children's Happy Books" was written by Mongolian writer S. Buyannemekh when he was a teacher of Khalkha dialect in Buryat Teachers' College in Ulan-Ude from 1926 to 1927. So why is it required to write children's literature? Answer is provided below. "Just as children are the source of happiness for any nation, among the many people who produce the concept of 'happiness', the 'child' is the most important. Moreover, in Buryat folk customs, children are regarded as a kind of worship, that is, parents cannot fail to fulfill their obligations. Therefore, all kinds of Buryat folk literature and written literature reflect the core value of Buryat people, that is, home court and children" (Халхарова 2019: 15). Therefore, the Buryat Scientific Committee commissioned the writing of children's literature.

"The Children's Happy Books" by S. Buyannemekh includes 11 short stories, which have the common meaning of education and cognition, but each one has its own characteristics. For example, the philosophical problem mentioned in the story "Sparrow" is that people should know themselves. As an intelligent animal, people are told the concept of "strong" by the petite sparrow. The "strong" refers not only to the body, but also to the strength of wisdom. This implication is the same as the written literature spread in Mongolia, such as the sayings of Sakya Bandita Gungajaltsan's "Subashid", and also the story of wisdom taken by academician Ts. Damdinsuren.

The social background, geography and climate of the short story are Ulan-Ude. "Selenge River", "Boat" and "Sparrow" in the article are urban words slightly different from nomadic culture. The article depicting the urban climate and the face of Ulan-Ude is "Clever Sister, Brother Flower". There is the concept of "Park" in the short story, which is an important scenic spot in the city. At that time, there was no such concept in Mongolian New Literature. D. Natsagdorj wrote in "The Song of the Young Pioneers" (1925) "A red park covering all children". In commissioned to cater to children's psychology, the "revolutionary red flags" everywhere are compared to "red flowers" and "red parks". Therefore, the concept of park has become the embodiment of urban culture from romantic atmosphere to realism. The educational implication of the short story is unique.

“The younger brother asked: – Why are flowers like brothers? The elder sister replied: I've never seen brothers play hand in hand all the time” (Буяннэмэх 2015: 69).

This passage reflects the correct outlook on life and truth. Therefore, it is not difficult to find that children's literature can best reflect all aspects of people's life, that is, the article that turns contradictions into "children's language".

In the story of “A Little brother and a Baby brother”, the brother beat his baby brother in the face in order to drive away the flies, Pine and Aspen grew up together and knew each other well, but they couldn't get close to each other and could only chat. But the longer the branches and leaves grow, the more they can always rely on each other in the air or underground.

The short story “Doctor Woodpecker – I, II” advises that boasting about what can't be done, don't know and can't be done may lose life, while "naughty boys" depicts the motif of forgetful boys in Mongolian folk tales, “Naughty boy” who forget their mother's letters when they go out and encounter new things. Contrary to this motif, the clever child in “Young child – I, II” rescued his mother from the bandits and defended his family, country and hometown. “Slept Marmots – I, II” strongly reflects the ecological and environmental problems. Marmots get together to discuss how to protect their lives.

“– I think... There is a way... There are a lot of children dying of the marmot plague here, so it also brings grief. In the future, we will stand guard in turn. If we see a trap, let the seriously ill or dead marmot out, and people catch it to eat, we will spread the plague. Of course, we will not be killed easily anymore. The gatherers praised the shrewdness of the old marmot and agreed with this view” (Буяннэмэх 2015: 89).

Here is a clever way to tell the consequences of social imbalance if man and nature are out of balance. The story of “The Good Son” tells the story of Shakyamuni in children's language. There was a boy named “Saint merry”, who was unique since childhood. He showed his benevolence, generosity and harmony in all things, and was able to understand all things well. Wherever he was, he was in harmony. Therefore, he was widely spread and named his good son “Saint merry”,

“He is knowledgeable and praised by everyone, so his good reputation spreads thousands of miles. Because he affects the children around him to do good deeds, people respect him more and more and are willing to make friends with him. Instead of seeking fame and wealth, he makes others superior. This makes people respect him more and more, and his words are spread by mouth. If they quarrel, he comes and makes them happy And harmony. At the meeting, everyone quarreled. When he came up to enlighten, everyone was silent and everything was solved. Therefore, everyone obeys the way he guides, and everyone does what he asks to do. It is his excellence to guide everyone to develop in one direction through the power of harmony” (Буяннэмэх 2015: 91).

Here is the story of Sakyamuni. When S. Buyannemekh wrote “Children's Happy Books” (1927), his control over Buddhism may be relatively relaxed, but Communist internationalism is developing. Therefore, it is natural to hide it so that people can't see the clue. In this regard, S. Buyannemekh said: “There is an old Mongolian saying: Those with good conduct have many friends, and there are many seaweed and many fish in the lake” (Буяннэмэх 2015: 91). This sentence shows that the author used the creative method to turn folk literature into written literature. As a result, he abandoned the discussion of Buddhist biography literature and turned it into children's literature based on the tradition of folk literature. S. Buyannemekh and use this story to prove that children's literature is also the epitome of social culture suitable for children's language.

Conclusion:

1. The best examples of mutual help between Mongolian and Buryat scholars are the to commissioned by The Buryat Scientific Committee. “Children's Happy Books” are not only S. Buyannemekh's legacy works, but also works that help the development of modern children's literature in Mongolia. Also The Buryat Scientific Committee's legacy.

2. “Children's Happy Books” written by S. Buyannekh provides an opportunity to explain the concept and concept of children's literature in a real sense. The concept of “Children's Literature” mentioned in this paper includes children's cognition, thinking, language, behavior, language mode and thinking method of accepting new things and taking corresponding measures. From this perspective, the language art of expressing natural and social phenomena in children's language is the so-called children's literature. The children's happy books written by S. Buyannemekh successfully expressed natural and social phenomena in children's language.

3. The most valuable thing is that the The Buryat Scientific Committee commissioned S.Buyannemekh to write children's literature, and the until to this time saved it will play an important role in the heritage of Mongolian modern children's literature and the development of creative psychology.

Bibliography:

Буяннэмэх С. Дэд боть. “Жүжиг, хүүрнэл зохиол” / эмхэтгэж, нягталж хэвлэлд бэлтгэсэн Д. Цэдэв, Ван Мандуга. Улаанбаатар, 2015. 328 х.

Халхарова Л. Ц. Тема семейных ценностей в прозе С. Эрдэнэ // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 1. С. 15–20.

Булзотова Ирина Владимировна
доктор филологических наук
Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
irabulgutova@mail.ru

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН БУРЯТ В ЛИТЕРАТУРЕ

Определяется роль исторических песен как культурного наследия бурятского народа. Раскрывается обращение к историческим песням в творчестве Д. Улзытуева и Н. Дамдинова. Д. Улзытуев обращается к общемонгольскому периоду национальной истории в цикле калмыцких песен и стихотворении «Песня о Шоно-батаре». Народное миропонимание становится опорой для дальнейших художественных поисков автора. Обращение к образам и мотивам исторических песен бурят устанавливается в поэме Н. Дамдинова о Шэлдэй-занги и ряде произведений о Доржи Банзарове. В исторических народных песнях бурят поэтов привлекает момент лирического самовыражения героя перед лицом смерти. С ним связаны мотивы сожаления, предчувствия, оплакивания героя. Обращение к историческим песням в бурятской литературе отражает процесс формирования личностного сознания, представления об индивидуальной судьбе героя, которое приобретает трагическое звучание.

Ключевые слова: исторические песни бурят, лирическое самовыражение, личностное сознание.

Bulgutova Irina Vladimirovna
Doctor of Sciences in Philology
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

IMAGES AND MOTIVES OF HISTORICAL SONGS OF THE BURYATS IN LITERATURE

The role of historical songs as a cultural heritage of the Buryat people is determined. The appeal to historical songs in the works of D. Ulzytuev and N. Damdinov is revealed. D. Ulzytuev refers to the general Mongolian period of national history in the cycle of Kalmyk songs and the poem "The Song of Shono-Bator". The people's understanding of the world becomes a support for further artistic searches of the author. Appeal to the images and motifs of the historical songs of the Buryats is established in N. Damdinov's poem about Sheldei-zangi and a number of works about Dorji Banzarov. In the historical folk songs of the Buryats, poets are attracted by the moment of the hero's lyrical self-expression in the face of death. Motifs of regret, foreboding, mourning the hero are associated with it. The appeal to historical songs in Buryat literature reflects the process of formation of personal consciousness, ideas about the individual fate of the hero, which acquires a tragic sound.

Keywords: Buryat historical songs, lyrical self-expression, personal consciousness.

Исторические песни бурят – важная часть культурного наследия народа, сохраняющая память о важных исторических событиях на протяжении столетий, позволяющая транслировать ее в эмоционально-образной форме как эстетический опыт. В трехтомном сборнике бурятских песен С. П. Балдаева выделяются различные виды исторических песен *хэб дуунууд*, прежде всего это песни об исторических лицах. Они отражают разные периоды национальной истории: как общемонгольский, так и период после вхождения бурят в состав России. Они появлялись как непосредственный эмоциональный отклик на какое-либо историческое событие.

Следует отметить, что в песнях фиксируется какой-то один момент из истории жизни героя. Исторические песни бурят отражают процесс становления личностного сознания, в частности, об этом свидетельствует такой нередко встречающийся композиционный элемент как повествование от первого лица – от лица героя. Так, в песне казненного «Толгойн саазада хүртгээн хүнэй дуун» от первого лица описываются чувства и переживания героя перед казнью (Балдаев 196: 30). В данных песнях герой еще анонимен, сам момент ситуации под орудием казни проживается остро, а чувство сожаления здесь интерсубъективно. В рамках данной статьи предметность образов и мотивов исторических песен бурят прослеживается на примере творчества Д. Улзытуева (1936–1972) и Н. Дамдинова (1922–1999).

Т. Н. Очирова пишет, что «бурятская поэзия в своих первых литературных образцах еще целиком мыслит фольклорными образами, эпическая обобщенность героя и событий, фольклорные художественно-изобразительные средства были ее определяющими чертами» (Очирова 1981: 59). На наш взгляд, исторические песни бурят фиксируют переходное состояние между эпическим мировоззрением и формированием личностного самосознания. В эпическом мирознании герой-батыр, прежде всего, выразитель родовых интересов, ценностей коллективного бытия, в песнях же звучит осознание его личного опыта от первого лица.

В творчестве Дондока Улзытуева поэтика народной песни отобразилась на разных уровнях, обращение же к историческим песням прослеживается в цикле «Хальмаг ороной аялга» (Мелодии Калмыкии) и в песне Шоно-батара («Шоно баатарай дуун»). Они отражают интерес поэта к дореволюционной национальной истории, а именно общемонгольскому периоду, начиная со времени Ойрато-Джунгарского государства, когда происходила история Шоно-батара – Лоузанг-Шоно (1699–1732), сына хана Цэван-Равдана от его второго брака с дочерью калмыцкого Аюки-хана Сэтэрджаб. В 16 стихотворениях, объединенных под названием «Хальмаг арадай дуунууднаа» (Из песен калмыцкого народа) (Улзытуев 1968: 99–106) существенная часть может определяться именно как исторические песни, это и песни участников Отечественной войны 1812 года, песни ссыльных и т.д. Вопрос о том, называть ли эти песни переложением или переводом, еще не решен.

В стихотворении Д. Улзытуева «Шоно Баатарайдуун» (Песня Шонобатара), как и в народных песнях, воспроизводится от первого лица момент самосознания героя. Народная память в песнях сохранила как причину гибели героя то, что он был предан в интригах борьбы за престол своим братом Сэрэн-Галданом. Д. Улзытуев в своем произведении разрабатывает именно эту тему взаимоотношения близких людей, морально-этической оценки предательства брата с точки зрения Шоно-батара. Хотя сохраняется ситуация исторической песни – самосознание героя перед лицом смерти, она творчески разрабатывается поэтом. Эмоциональную сферу героя характеризует чувство горечи от осознания человеческих пороков на примере брата, моральная оценка отношения близких. Лирическая рефлексия героя в стихотворении Д. Улзытуева расширена, это и переживание судьбы изгнанника, и предчувствие недобрых времен, размышление и утверждение ценностей родины и родового бытия. В финальном обращении к брату звучит и предчувствие собственной гибели (Улзытуев 1968: 39).

В творчестве Н. Дамдинова песенная традиция нашла отражение уже в названиях лиро-эпических произведений: поэмы «Шилдэй занги тухай дуун» (Песня про Шилдэй-занги), поэма «Доржи Банзаров тухай дуун» (Песня о Доржи Банзарове). Как известно, существует несколько вариантов исторических песен про Шэлдэй-занги, в лирическом монологе в одной из них перед казнью герой утверждает идею возвращения на родину даже после смерти. Этот мотив несостоявшегося возвращения из-за установления новых границ между государствами становится сюжетно-композиционным стержнем поэмы. Следует отметить, что Н. Дамдинов не раз использует прием реминисценции – прямого включения в текст поэмы текста народной песни: при описании коня и всадника, потом в момент, предвещающий гибель героя, затем это слова героя перед казнью (Дамдинов 2001: 549–550). В песнях про Шэлдэй-занги звучит трагическая нота оплакивания гибели героя на чужбине. Ритмическая структура поэмы неоднородна, в ней есть перебивы: на смену длинным стихам повествовательного плана приходят чеканные строки народной песни как лирического самовыражения, совмещающего общенародную точку зрения и голос личности.

В общей канве поэмы Н. Дамдинова о Доржи Банзарове реализуется интенция воспевания, сюжет отражает детские годы будущего ученого, вехи на его пути личностного формирования. образу Доржи Банзарова в творчестве Николая Дамдинова посвящены также историческая драма и повесть. В повести «Кандидат императорского Казанского университета» (1990–1997) документально-биографические страницы сочетаются с художественно воспроизведенными эпизодами. В финале и драмы, и повести говорится о гибели героя. И именно в этот момент поэт обращается к мотивам народной песни. Слова Д. Банзарова в финале исторической драмы коррелируют с словами народной песни *хэб дуун* от лица казненного, это мысленное обращение к матери: *Эхэмни нураха бизэ: / – «Хүбүүмни хаанаби? – гэжэ* ‘Мать, наверное, спросит: / Где мой сын?’ (Балдаев 1961: 30–31). И в народной песне, и в драме звучит ответ на этот вопрос от лица героя. «Она спросит, отчего и как... умер ее сын... Об отраве не надо. Скажи ей, что царская служба была сурова... что люди злые его окружали...» (Дамдинов 2007: 105). В этом отрывке есть отсылка к мотиву другой исторической песни об обстоятельствах гибели: *хаанай засагай хардалгаар хардуулажа нүгшэсэн* (Балдаев 1965: 70) ‘умер оклеветанный по навету царской власти’. Песня Д. Банзарова, которая звучит в финале исторической повести Н. Дамдинова, по сути представляет собой перепев с небольшими изменениями варианта народной песни. Основной мотив также осознание своей предстоящей гибели.

Таким образом, в бурятской поэзии обращение к исторической песне происходит на разных уровнях. Бурятских поэтов привлекает определенный композиционный элемент – высказывание от первого лица, в котором раскрывается чаще всего самосознание героя перед лицом смерти. Это прослеживается на примере художественного осмысления судьбы Шоно-батара у Д. Улзытуева, Шэлдэй-занги и Доржи Банзарова в творчестве Н. Дамдинова.

Этот момент раскрывается как особо эмоциональное, проникновенное осознание судьбы личности. Многие исторические песни бурят, с одной стороны, сохраняя коллективную память, с другой, раскрывают осмысление индивидуальной судьбы, личного и обособленного пути человека, что проясняется в момент перед смертью как обнаружение экзистенциальности человеческого бытия. С этим переживанием связаны мотивы предчувствия гибели, сожаления, несостоявшегося возвращения героя, получающие трагическое освещение в литературе.

Литература:

Балдаев С. П. Бурятские народные песни (дореволюционные). Т. 1. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1961. 289 с.

Балдаев С. П. Бурятские народные песни. Буряад арадай дуунууд (урданай дуунууд) Т. 2. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1965. 244 с.

Дамдинов Н. Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. Стихотворения, Поэмы. Переводы с бурятского. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2001. 656 с.

Дамдинов Н. Избранные произведения в 3-х т. Т. 2. Киноповесть. Драмы. Пьесы. Повести. Поэмы. Эссе. Рассказы. Сказки. Переводы. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2007. 648 с.

Очирова Т. Н. Постоянство или цена устойчивости и бунта // Земли моей молодые голоса. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. С. 44–64.

Улзытуев Д. Эрьсэ. Шүлэгүүд. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1968. 120 с.

EXAMINING THE ESTEEMED VALUES OF THE MONGOLS IN BALLADS BY D. TSOODOL

This article explained and classified the esteemed values of the Mongols in the ballads of Dungut Tsoodol, who is a Mongolian writer and an honored cultural figure of Mongolia. Ballads of D. Tsoodol preserve the eternal values of Mongolians as well as human beings, such as the nature, way of life, society, mentality, worldview, morality, love, compassion, humanity, and the nature of ens.

Keywords: D. Tsoodol, ballad, value.

Introduction

The esteemed values are main factor in ensuring and guiding the spiritual unity of a nation. The esteemed values of a nation are deeply rooted in the literature of that nation. The Literature might be said to be like a torch that lights up the human, especially children's inquisitive and creative minds in search of that precious thing. W. Folkner said that "literature is like a match burning in the dark, lights up not only darkness, but also lead us to realize that there is an endless darkness is surrounding us".

The esteemed values of any nation had been changed for many social and historical reasons, new values have emerged and old values have been replaced, but there are eternal esteeming values that will not change at any time. Those eternal values are the literature created in the mother language of the nation. In other words, literature itself is the most precious spiritual value of a nation, and literature is a combination of many values. Even though the study of esteemed values is a branch of philosophical science, it covers a wide range of socio-political and cultural issues, religion, and further influences individual values (author's personal values) in literature.

This article explained and classified the esteemed values of the Mongols in the ballads of Dungut Tsoodol, who is a Mongolian writer and an honored cultural figure of Mongolia in relation. Researchers Kh. Sampildendev, D. Galbaatar, D. Tsendjav, B. Ganbat and D. Tseveendorj had studied D. Tsoodol's ballads in terms of their literary features and structure. However, the esteemed values of the author's ballads have not been systematically studied before.

Determining the esteemed values in the ballads of D. Tsoodol

D. Tsoodol had written abundant literary works aimed at revealing the existing of life and its beauty of Mongols through literary description, ideas, imagery which led to the discovery of beauty, the relationship between human and nature, and the many nuances of the human feelings. Especially, he had written many ballads to the Mongolian modern literature, and his works had been evaluated by researchers and literary critics as below. Researcher Kh. Sampildendev appraised: "...D. Tsoodol wrote abundant ballads such as "The Ratman", "The Idiot", "Baron", "The Peddler", "The Ragged", "Ballad of The Curmudgeons", "Oroo Rentsen" that not many of the other writers and poets had not tried in Mongolia. He is the one of the pioneers in this literary field through his ballads for setting this new genre of literature in Mongolia. It is the result of his successful search and very beneficial to Mongolian literature" (1994). In "History of the Modern Mongolian Literature" it is written: "The Ballads of D. Tsoodol contributed significantly to the development of ballads in Mongolian poetry. Although the ballads of D. Tsoodol are simple and accessible, the features of them are reasonable, absorbed philosophy and expressed the meaning in a melodic and dainty way" (History... 2014: 86).

Furthermore D. Galbaatar: "The ballads of D. Tsoodol in 1980-1990s tell about the great kindness of ordinary people, hidden great strength, and wonderful people who sacrificed their lives for the benefit of the people. Ballads about ordinary people with nicknames in local regions, such as "Ballad of the Forgetful" (1987) and "The Idiot" (1990), became a new exploration in development of this style of the poetry" (Galbaatar 1994: 82). D. Tsendjav determined D. Tsoodol as a "artisan of ballad, father of ballads, master of ballads" (2015), and poet D. Nyamaa appraised "He had taken the genre of ballads, which is not familiar in Mongolia, in aspects of Mongolian life and customs" (Ganbat 2019: 322).

As evaluated by researchers and writers, D. Tsoodol has developed the genre of ballads in Mongolian literature and made artistic discoveries as mentioned above. These ballads not only played a main role among his literary works, but also contributed to the development of a genre of ballads in modern Mongolian poetry. So it can be evaluated that the poet D. Tsoodol is the main representative of the genre of modern Mongolian literary ballads. Noted by researcher S. Enkhbayar: “Structures of cultural, ethical, moral, social, historical and spiritual values of any nation could be given the fullest and best contemplated only within the bounds of literature or the art of words” (Enkhbayar 2011: 303).

The Ballads of D. Tsoodol conserve the eternal esteemed values of the Mongols as well as human beings, such as the nature, life, social and psychological characteristics of the Mongolian people, worldview, morality, love, compassion, humanity and the nature of ens. The esteemed values exist in three forms: individual or personal, temporal or social, eternal or absolute. According to us all of this is evident in D. Tsoodol’s ballads. For example, D. Tsoodol’s ballads show such values as protection of the motherland, independence and love of nature.

Considering his famous ballad “Ballad of Curmudgeons”: A tight-fisted family, who were well known with their tight-fisted actions in their habitat, were not only sacrificing their savings for the sake of their country, but also for the sake of their own lives. In this ballad, the author expressed the value of the Motherland and Independence. It is said like below:

*...Sunuljaysan ury-a-ban bariysayarmani qaramči-yin-kin
Sumu-yin töbdeger-e aduyu-ban baysital-a quriyajuirel-e
Buruyu zöbugeinomuqanaliquurdunqurča-yi-ban
Buwardayisun-i namnaqubayatur-un külügbolgejüögčegel-e
Büriyendayun-iyarnökud-iyendabsiqučay-tu
Bügude-yin türügüü-düqoyarqaramčiyabuysangedeg yum
Qaramči-yin-kin ami-ban basa qaramlaysanügei-e* (Tsoodol, 2008: 314).

Further, in the ballad “Peddler”, a man who was addicted to trade threw his house, livestock, gold, silver, god offerings, and loved ones and wasted everything. However he was the only one remained to protect his homeland. Esteem of the peddler for his homeland was described in a part of the ballad as below:

*jıyaqanyool-dayanyamin-u moriusulayulqu-ügei
jıran-u köndei-yin jeger-e-yıjoryu-bar nikidayulquügei-e
yekeebüged-i mini edenarjıyusun-u nuke-bersübelejü
iniyebıyadıbiden-ü püse-yin baray-a-bar tayuysan
ilijüdasqaradtede mal-i mini toyusan
irejübayıyadodokümün-i mini alan-a gene-e
aburalerjümörgüküburqan-ıyančuıaruyсанtere
amiduyabuysančar-tayannutuy-ıyan la kümün-düökgüügei yum* (Tsoodol, 2008: 290).

The author expressed an inner nature of a badly behaved person who sells everything he has. But even that person has a feeling of patriotism and homeland, which is more valuable than anything else for him in the ballad “Peddler”. "For understanding and considering any literary work, one must pay attention to the author's biography, environment, and social status" (1998), first proposed by American literary theorists R. Wallace and O. Warren in their “Literature Theory”, and is still relevant today. The homeland and life of authors become an integral part and soul of their literary works, creating an abstract reality in their minds and a real incentive to put them on paper. Although any writer creates an artistic image and depicts an abstract imaginary environment in his mind, it is rooted in the realities of life and enriched with fiction.

Literary works of the writer of Mongolians and state prize winner Dungut Tsoodol depict nomadic Mongolian life, customs and lands. Especially, it is clear from his ballads that the author was born and raised in Buren soum of Tuv province, which is inextricably linked to the territory, environment and social realities. The ballads clearly show the life, living conditions, happiness and traditions of the people of Buren soum of Tuv province. Thus, the imagery in his ballads is rooted in the author's life and is an artistic reflection of ens. Notably, “Tal bulag”, “Sarvaa tsutsakhyn tal”, “Jarangiin hundii” which are in his homeland often mentioned as the names of the places and also historical events of the people in his homeland.

One of the achievements of D. Tsoodol’s poetry and ballads is that he has created many unique characters in modern poetry. In doing so, he set an example of how to draw from real people and create artistic roles. For example we can find the real people among the roles in ballads such as “Ballad of The Curmudgeons”, “The

Idiot”, “Khadag Dejid”, “Wrong Dovidon”, “Having five camel”, “Calm Dondog”, “Saargai” and “Sambuu the Ambassador”. These roles show the esteemed values and precious qualities of the Mongols.

The Ballad “ The Idiot”:

*Sumu orun-dayan iyyedü doyuǵı boluysan
“Suutu” teneg man-u nutuy-tu bayıqu,
Küi cöglekü bay-a-dayan abuysan ner-e-yi ni martajı
Kümüs jüger le teneg geǵı dayudaqu... ”
“Irügelci teneg qoyar süyid bolul-a” gelceged
Yisün bulay-un kir-a-ača arai geǵı oltal-a
Emüsugsen kürm-e-ben sečen sambuu-du nömürgeged
Öcüken -keüked sig eligen-degen tegün-i teberiged
Örüsiyel-dü ni, irügelci dönggeji yooltai üledegseñ yum
Önüku teneg čini ami aldursan bayıysan yum
“Irügelci-yi aburayad, öber-iyen üküjei” gekü-dü*

Iruyar ügei teneg kümün-e geǵı uqayantan-nuyud anai la šoyulaysan yum (Tsoodol, 2008: 304)

In this ballad D. Tsoodol wrote about a kind-hearted, unadulterated person, and expressed in an artistic way the fact that they pay attention to the visible things or out form of anything in human nature and forget about their inner nature. D. Tseveendorj, a researcher of this ballad, noted: “The ballad “Idiot” shows that human behavior when the Idiot saves others and they screamed "boundless foolish" until he dies. After that they realized it. The ballad dealt with the people who did not understand the true nature of humanbeings. In the end the people approached to tragedy by themselves (Tseveendorj 2009: 191). The protagonist of the ballad, who forgets himself and devotes himself to the well-being of others, is a value that reflects the native nature of the Mongols.

Further in the ballad “ The Forgetful”:

*Ami nasu-ban
yayčagedeg-i martaysantere
ayılqota-yi
yal-unaman-ačabuliyajıubčei
öber-i-benmartaysanmartamaqai
önüdürbayıquügeičü
qaruntegün-i
qayay-a jalıyayan-u-kin nimartay-a ügei
...Öber-i-ben martajugemen
Örügel-düsanaydaday yum bayıjei”* (Tsoodol 2008: 308).

This ballad expressed Mongolian people's concern to the well-being of others with a tragic ending.

The theme of love which is one of the eternal esteemed values of humankind is reflected in D. Tsoodol's ballad as below:

The ballad “Soul”:

*Qayir-a sedkilgedeg, möngke-yin sidityrasıyan
qanayarsayıqanamıdural-i niibegen, tedküjü
qasayqalayuntuly-a-dayanyolumta-yin yal-i badarayan
qayuy-a jalıyay-a olán-dayanary-a ügei le nigeamaraybayıjei
Erginkörbenönggeredegorčilang-un jim-a-ačabolba-uu
Endejügenedeküüuday-a-tai ongyonjirüken-ečecübolba-uu
Egerm-e tögel-ünbuyusoyusıyabyuysanatal-a-ban
Er-e nökir-ünnesedkilnamur-un egüle sig körüjü gen-e* (Tsoodol 2008: 293).

It saddened the readers deeply with the depiction of a young man who is unable to leave the world full of love and affection, leaving behind a pretty spouse. However at the end of this ballad the young man was overwhelmed by positive thoughts and reconciled with his destiny which was hidden in his soul:

*“Üyimegsensedkil-ečeqaraküübodyadbürıbolıju
Üyile-yin ür-e ügeitegün-degenqayiratai-ban medejü
alayqorwadörbensayıqanularıl-tai
alin-duniču bi čimayi-ban orkijüčidayısanügei-e geǵı*

amarayqagarsedkilbey-e beye-degentüsigtei
aĵa-baryayĉaamiduraqu- dayanĉimayi-ban önĉüregeĵüboluysanügei-e geĵü
Sayıqan-u sayıqanamaraytayanqaraküükelebe-e (Tsoodol 2008: 294).

“In “Ballad of Gimp stick” (1979) D. Tsoodol did not follow sad memories of one of the most common unrequited loves in life, but focuses on discovering new ideas about love and the beauty of the human soul. This ballad shows unique tone and style of the ballad, this verse clearly expresses the poet's desire not to repeat the "ballad" created by someone's false love.

The ballad compares the characters of a slutty woman who left her husband, when he was in danger, whom she loved and respected like a crutch before with her generous husband. D. Tsoodol clearly expressed the truth that some people who kneel before the hardships of life and are easily bored. The generous ones become victims as result of above-mentioned in the end" (Galbaatar, 1994: 81).

Conclusion

We have gotten this following conclusion as a result of evaluating the esteemed values in the ballads of D. Tsoodol:

1. The features of D. Tsoodol's poetry and ballads is that he has created many unique characters in modern poetry. These values reflect the values and precious qualities of the Mongols.
2. The ballads of D. Tsoodol conserve the eternal esteemed values of the Mongols as well as human beings, such as the nature, life, social and psychological characteristics of the people of Mongolia, attitudes to the world, morality, love, compassion, and humanity.

Bibliography:

- Baigalsaikhan S. Mongolian poetry is the esteemed value of intellectual culture of the Mongols. Poetry purifies the soul. Ulaanbaatar: G-com press, 2006. 351 p.
- Enkhbayar S. Theory of Literature. Ulaanbaatar: Bembi san LLC, 2011. 380 p.
- Galbaatar D. Mongolian ballad. Ulaanbaatar, 1994. 119 p.
- Ganbat B. Criticism and Research of Literature. Vol. III. Ulaanbaatar: Munkhiin Useg LLC, 2019. 376 p.
- Gombosuren Ts. Philosophy Textbook. Ulaanbaatar, 2008. 496 p.
- History of the Modern Mongolian literature IV. Ed. S. Baigalsaikhan. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2014. 390 p.
- Sampildendev Kh. The road goes through passage reaching to peak // Rights of the People. 1994. № 9.
- Tseveendorj D. Criticism of the Era. Ulaanbaatar, 2009. 320 p.
- Tsendjav D. The Ballad of overtime or about the creator of poem. Ulaanbaatar, 2019.
- Welleck R., Warren O. Theory of Literature. Ulaanbaatar, 1998. 383 p.

Жамбаа Ууганбаатар
Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн
Хэл зохиолынхүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
uuka_11@yahoo.com

МОНГОЛ ЖҮЖГИЙН ЗОХИОЛЫН ОНОЛЫН СУДЛАЛД **Ш. ГААДАМБЫН ОРУУЛСАН ХУВЬ НЭМЭР**

Монголын уран зохиолын онол судлаач, эрдэмтэн Ш. Гаадамба жүжгийн зохиолын онол туурвил зүйн асуудлыг судалж, онолын бүтээл туурвисан нь монголын орчин үеийн жүжгийн зохиолын хөгжлийн түүхэн замнал, уран сайхны өсөлт, ахиц дэвшлийг тодорхойлоход, үнэт гарын авлага, онолын хөтөч болдог тухай авч үзсэн байна.

Түлхүүр үг: Ш.Гаадамба, жүжгийн зохиолын онол, монгол жүжиг, туурвил зүй.

Jambaa Uuganbaatar
Institute of Language and Literature
of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

SH. GAADMBA'S CONTRIBUTION TO MONGOLIAN DRAMATIC THEORY

Mongolian literature theory researcher and scholar Sh. Gaadamba studied the theoretical writing drama and mentality of drama. His value of study and studied poetical works, which is an important means to explain the historical trajectory of the development of modern Mongolian dramas, the growth and progress of literature and art, and is a theoretical forerunner.

Keywords: Sh.Gaadamba, Drama's theory, Mongolian drama, poetical drama.

Эрдэмтэн Ш. Гаадамба ХХ зууны монголын утга зохиолын онол судлалын нэрт эрдэмтэн билээ. Тэрээр утга зохиолын онол, түүхийн хэд хэдэн бүтээл туурвисны дотор жүжгийн зохиолын онолын судлалын талаар туурвисан “Жүжгийн зохиолын төрөл зүйл”-ийн тухай тусгайлан бүлэг болгон бичжээ (Гаадамба 1989).

Тэрээр уран зохиолын төрөл зүйлийн дотор жүжгийн зохиол бусад төрөл зүйлээс хэрхэн төсөөтэй болон ялгаатай шинжийг “хэрэг явдал, зан төрх, утга учрыг үзүүлдгийн хувьд жүжгийн зохиол туульсын зохиолтой ойр, түүний баатрууд нь өөрийн бодол санааг баатар тус бүрийн уянгын зохиолтой төстэй боловч эл хоёроос хүний аж төрлийг үлэмж бие даасан, бодгалжуулсан байдлаар үзүүлдгээрээ ялгаатай” зэргийг эхлэн дурьдаад, жүжгийн зохиолын нэг гол онцлог нь түүний үйл явдлын шургуу зөрчил тэмцэлт шинжтэйд оршино. Жирийн хоёр хүний маргаан зөвхөн мэргэжлийн хүрээгээр хязгаарлаад хүний тогтсон зан төрх, хүсэл эрмэлзэл, үзэл баримтлалын зөрчил тэмцэлд ургаж орохгүй бол тэр нь жүжгийн зохиолын үйл явдлын зөрчил болж чадахгүй зэргээр жүжгийн зохиолын гол хөдөлгөгч зөрчлийн тухай өгүүлжээ.

Мөн жүжгийн зохиолын нөгөө нэг онцлог болох үйл явдлын нэгдлийн тухай зохиолын байгууламж нэг бүхэл бүтэн болох хэсгүүдээс бүтдэг боловч жүжгийн зохиолд үйл явдлыг тасралтгүй үргэлжлэх цөөхөн хэсэгт цомхотгож үзүүлдэг онцлогтой. Романд (туульсын зохиолд) бол өмнө хойно болсон үйл явдлыг хэчнээн ч олон хэсэгт хувааж тэдгээрийн болох газар, цаг хугацааг үлэмж тасархай авч үзүүлэх бололцоотой атал жүжгийн зохиолд бол тэгж болохгүй. Ямар ч жүжгийн үйл явдлыг хэдхэн бүлэгт хуваан үзүүлэх бөгөөд үйл явдал нь тасралтгүй үргэлжилсээр төгсөх эхлэл, үргэлжлэл, төгсгөлтэй нэгэн бүхэл цогц, зүйл гэдгийг онолын хувьд тодруулан өгүүлсэн юм. “Жүжгийн зохиолын гуравдугаар чухал онцлог нь түүний дотор үзүүлж байгаа хэрэг явдал ямагт тайзан дээр одоо дагт яг болж байгаа үзэгдлийн хувиар дүрслэгддэг нь болно. Ямар ч үйл явдлыг одоо цагт болж байгаа бөгөөд үзэгчдийн үзэх сонсох сэрэлд шууд тусах явдлын хэлбэрээр тайзны хүчин зүйл хэрэглэж үзүүлдэг онцлогтой юм. Иймээс жүжгийн зохиол бол жүжигчнээр дамжин хэрэгжиж үзэгчдийн сэтгэлд туйлын

их хүчтэй нөлөөлөх чадалтай” урлагийн бүтээл болно гэж үзжээ.

Доктор Ш. Гаадамба бүтээлийн дараагийн хэсэгт “жүжгийн зохиолын тусгай онцлог” болон жүжгийн төрөл зүйлийн ангиллыг дэлгэрэнгүй, зохиол бүтээлийн туурвилзүйн жишээн дээр өгүүлсэн юм. Үүнд **1. Эмгэнэлт жүжиг (трагедия)** Хүн хүнээс илүү сайн сайхан шинж чанар бүрдсэн гайхамшигт хүмүүс тодорхой нөхцөл шалтгааны улмаас олны харамсмаар сүйрэлттэй, эмгэнэлт байдалд аргагүйн эрхээр орж байгааг биечлэн үзүүлэх нэг төрөл зүйлийн жүжгийн зохиолыг эмгэнэлт жүжиг гэнэ” гээд эмгэнэлт жүжгийн үүсэл гарал, эртний Грегийн жүжгийн зохиолын хөгжлийн түүхэн туурвилыг гол төлөөлөгчдийн бүтээлийн хамтаар дэлгэрэнгүй дурьджээ. Сэргэн мандалтын үед Испанийн Лопе де Вега, Кальдерон, Английн Шекспир, дараах үед Францын классицизмын төлөөлөгч Корнель, Расин, Германы Гёте, Шиллер, Оросын А.С.Пушкин зэрэг алдарт эмгэнэлт жүжгийн зохиолчдын бүтээлийн онцлогийг дурьджээ.

Мөн Дорно дахины уран зохиолд эртний Энэтхэгийн Гаалидасын «Шагундала-г таних тэмдэг», «Маалявиг, Агнимддраа хоёр», «Эрэлхэг Урбаши» (МЭ IV—V) зэрэг эмгэнэлт жүжгийн үүслийн тухай өгүүлээд Монголын уран зохиолд нүүдэлчин аймгийн аж төрлийн онцлогоос болж жүжгийн зохиол нэлээд хожим үүсэн бий болсон гэж тодорхойлон өгүүжээ. Ингэхдээ монголын жүжгийн зохиолыг ардын аман болон бичгийн уран зохиолоос харж болно гэжээ. Тухайлбал “юуны өмнө сүм хийдийн үзмэр дэлгэрсэн үед монголын шүлэгч тавдугаар ноён хутагт Равжаагийн нөлөөгөөр монголын зарим хийдэд «Саран хөхөөний тууж», зохиолоор жүжиг тоглодог байсныг баримтаар өгүүлээд Монголын үндэсний жүжгийн зохиол үүсч хөгжих өөр нэг үндэс нь ардын харилцаа дуу байсан тухай судалгааг дурьдаад монголын шинэ уран зохиолд ардын харилцаа дууны үндэс дээр Д.Нацагдорж «Учиртай гурван толгой» гэдэг дуулалт эмгэнэлт жүжиг зохиосон нь хожим шинэ монгол уранзохиолын анхны дуурь болон хөгжсөн юм. Түүний зохиосон «Их авгай» жүжиг бол жинхэнэ эмгэнэлт жүжиг байв. С.Буяннэмэхийн «Харанхуй засаг» бол чухамдаа эмгэнэлт жүжгийн маягтай анх бичигдсэн” гэдгийг тэмдэглэсэн юм.

Хоёрдугаар хэсэгт Хошин шог инээдмийн жүжгийн айг “Хүний муу муухай шинж төлөв зан суртахууны дутагдал согогтой тал, эсвэл нийгмийн шударга бус муу муухайг олны инээдэм болгон шоолж үзүүлдэг нэг төрлийн жүжгийн зохиолыг хошин шог инээдмийн жүжиг гэнэ” хэмээн тодорхойлоод Хошин шог инээдмийн жүжгийн гол баатар нь хүний аж төрөл ёс суртахууны хэв хэмжээнээс доогуур гутамшиг муу гэм согог, алдаа дутагдалтай боловч түүнээ ухамсарладаггүй, харин ч сайн сайхан гэж үзүүлэх гэдэг зөрчилтэй хүмүүс, «ийгмийн ёс дэглэм байдаг бөгөөд түүний энэ зөрчил нь хүний санаанд оромгүй байдлаар гэнэт хурцаар илрэхэд хошин инээдэмтэй болж үзэгчдийн элэг доог болдог юм. Иймд хошин шог инээдмийн жүжиг нь хүн ба нийгмийн дутагдал гэм согогийг жирийн шүүмжилсэн зохиолбиш, харин тэдгээр гутамшигийг элэг доог инээдэм болгож үзүүлсэн жүжгийн зохиол б.айх учиртай. Чухам хүн ба нийгмийн гэм дутагдлыг хошин инээдэмтэй илчлэхэд үзэгчид тэрхүү гутамшиг муу муухайг шоолон инээснээрээ өөрийгөө хүнд б;айж болох тийм муу муухайгаас ангид дээгүүр байгаага мэдэрэн баясч, тийм муу муухай явдлыг жигшүүлэн хүмүүжүүлж байгаа хэрэг юм.

Ямар зүйл хүний инээдмийг хүргэнэ вэ гэвэл ямар нэг хэлбэрээр далдлагдсан зөрчил хүний ой тойнд оршгүй гэнэт илрэн гарч ирэхэд инээд хүрдэг байна. Юмны агуулга хэлбэр хоёрын зөрөө гэнэт илрэхэд инээдмийг далладаг” зэрэг хошин жүжгийн онолын ойлголтыг тайлбарлаад Монголын хошин шог инээдмийн жүжгийн үүсэл ардын аман зохиол, ялангуяа харилцаа дуунаас үүсэлтэй юм. Феодалын ийгмийн ноёрхогч хар шар феодалын гутамшигт авир төрхийг илчлэн шоолсон «Бээжин лам» харилцаа дуунаас ардын хувьсгалын дараа «Сумьяа ноён» шог инээдмийн жүжгийг зохион тоглосон байсан тухай өгүүлсэн юм.

Гуравдугаар хэсэгт Драммын жүжиг гэж “Нийгмийн аж төрөл, хүмүүсийн зан төрх үзэл бодлын хурц зөрчил тэмцлийг эцэст нь хүртэл дүрсэлж, түүний шударга сайн талын баатруудын тэмцэл ялалтын ид хаваар хүний сэтгэлийг хөдөлгөж хүмүүжүүлдэг нэг төрлийн жүжгийн зохиолыг драммын жүжиг гэнэ” гэж тодорхойлоод муу талын баатруудын ялагдал инээд хүргэх хошин байдлаар биш, харин жирийн байдлаар илэрдэг байна. Энд эмгэнэлт жүжгийн адил, сайн талын талархал татах баатар нь дарагдан төгсдөггүй, харин ялж дийлж, төгсдөг. Драммын жүжгийн дотор сайн талын баатрууд нь заавал хүний сэтгэлийг татах гоц гойд чанартай хүмүүс биш, энгийн хү-мүүс байж болно. Үүгээрээ эмгэнэлт жүжгээс ялгаатай байна. Бас эмгэнэлт жүжигт их төлөв нөхцөл байдал болоод гайхамшигт хүмүүс хоёрын хоорондын зөрчлийг голлон харуулдаг бол драммын жүжигт сайн муу хоёр хүмүүсийн

хоорондын зерчлийг зан чаваруудын хооронд зөрчлийг голлон тусган харуулдаг” зэрэг онолын асуудлыг тодруулан авч үзжээ.

Монголын шинэ уран зохиолд драмын жүжиг 1928 оны үед Ш. Аюуш «Хатан Долгор харц Дамдин», «Говийн хүүхэн Гүн-дэгмйа», Д. Нацагдорж «Монгол ардын суут», «Нуугдсан эрдэнэ» зэрэг зохиолоороо драмын жүжгийн эх үндсийг тавьсныг дурьджээ. Ийнхүү монголын уран зохиолын онол судлалд эрдэмтэн Ш. Гаадамба жүжгийн зохиолын онолын асуудлыг нарийвчлан судалж, онолын бүтээл туурвисан нь монгол жүжгийн зохиолын хөгжлийн мөн чанарыг тодорхойлоход, дараа үеийн судлаачдын үнэт гарын авлага, онолын хөтөч болсоор байгаа билээ.

Ном зүй:

Гаадамба Ш. Утга зохиолын онолын үндэс. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 270 х.

Б. ЯВУУХУЛАН ЯРУУ НАЙРАГТАА ХЭЛ ЗҮЙН ДАВТАЛТЫГ АШИГЛАСАН ТУРШЛАГА

Монголын орчин үеийн яруу найраг үүсч хөгжсөн түүхэн цаг үеэс хойш хөгжлийн урт удаан хугацааны туршид нийгэм, түүхийн тодорхой үе шатуудад тухайн цаг үеийн уран бүтээлийн ертөнцөд манлайлан хошуучлагч зохиолч, яруу найрагчид төрж, бичлэг, сэтгэлгээ, дүрслэх маяг, урлах арга барилаар илтэд ялгаран, үгийн урлагийн хөгжилд бие даасан, онцгой, шинэ үзэгдэл болохын зэрэгцээ аяндаа тухайн зохиолчийн дэг сургууль бүрэлдэж, өөрөө болон залгамжлагчид нь утга зохиолын түүхэнд үнэтэй хувь нэмэр оруулах үзэгдэл бий болсоор иржээ. Энэ нь уламжлал шинэчлэлийн оршихуйн зүй тогтол юм. 1960-аад оны яруу найрагт урлах эрдмийн хувьд дэвшил гарч, байгалийн үзэсгэлэн, хүний дотоод сэтгэлийн ертөнцийг яруу сайхнаар нээн үзүүлэх сэтгэлийн уянга хөгжиж, томоохон шинэчлэлийг хийв. Энэ үеийн яруу найрагчдын дундаас Дорнын их яруу найрагч Б. Явуухулан өөрийн гүн сэтгэлгээ, өвөрмөц өнгө аяс, нарийн мэдрэмж, яруу найруулгаараа тухайн үеийн яруу найрагт шинэчлэл хийсэн бөгөөд энэхүү судалгаандаа бид түүний яруу найргийн ур чадвар, түүний дотроос хэл зүйн давталтыг өөрийн яруу найрагт хэрхэн хэрэглэсэн туршлагыг товч өгүүлэх болно.

Түлхүүр үг: орчин үеийн яруу найраг, уламжлал шинэчлэл, хэл зүйн давталт, туршлага.

Ragchaа Bigermaа

Ph.D

Mongolian University of Science and Technology

Ulaanbaatar, Mongolia

THE EXPERIENCE OF USING GRAMMAR IN POETRY OF B. YAVUUKHULAN

Overhauling the development of the poetic studies in 1960s', B. Yavuukhulan, a great oriental poet, striking feature of artistic style and rhythmic pattern in his works contributed to the development and renovation of Mongolian poetry. In this article, defining stylistic method, form, feature and style of a certain poem of Yavuukhulan have been analyzed and explained in a wide range. To sum up, language of his poem makes the poem melodically, logically and rhythmically; and head rhyme, internal rhyme and end rhyme and intonation built up the development of Mongolian poetry studies.

Keywords: contemporary poems, literary traditions and movements and development of prose poems.

Зохиолчийн найруулга нь бүтээн туурвих үйл явц, сэтгэлгээний хэв маяг, эрэл хайгуулын үр дүнд зохиолч бүрт өвөрмөц байдлаар төлөвшдөг бөгөөд бичлэг, сэтгэлгээ, ур чадвар, туршлагын талаар бусдаас ялгарах онцлог шинж юм. Өөрөөр хэлбэл, зохиолчийн бүтээн туурвих үйл явцад зохиолоор дамжин илэрхийлэгдэж байдаг өгүүлэгдэхүүн, дүрслэх хэв маяг, хэлийг ашигласан байдал зэрэг юм. Иймд зохиолч бүр бусад зохиолчоос ялгарах, туурвин бүтээх найруулгын өвөрмөц онцлогтой билээ.

Зохиолч хүний гол эрдэм, бусдаас ялгарах гол үзүүлэлт нь хэлийг эзэмдэн эрхшээх, үг хэлийг өөрийн уран сайхны зорилгод ашиглах онцгой чадвар, найруулах эрдэмтэй холбоотой. Иймээс уран зохиол судлалд зохиолчийн хэл, ур чадвар, найруулах эрдмийн асуудал онцгой байртай байдаг.

Ер нь зохиолчийн ур чадвар, уран дүрслэлийн онцлогийг тодруулах чухал онцлог нь үгийн санг зохиолдоо хэрхэн хэрэглэснээс хамаардаг. Энэхүү өгүүлэлдээ бид 1960-аад оны Монголын орчин үеийн яруу найрагт шинэчлэл хийсэн хэмээн судлаач, шүүмжлэгчдийн хүлээн зөвшөөрдөг, нэрт яруу найрагч Б.Явуухулангийн яруу найраг дахь уран давталт хэрэглэсэн зарим туршлагыг авч үзнэ.

Утгын давталтыг өвөрмөцөөр ашигласан байдал

1. Шүлгүүддээ утгын давталтыг дахилт буюу бадгийн давталт хэлбэрээр туурвисан байдаг. Б.Явуухулангийн шүлгүүдэд бадгуудыг хооронд нь холбох, салгах, хүч нэмэгдүүлэх, ерөнхий утга санааг нэгтгэх зорилгоор бүтэн бадгийг зохих газар нь давтан хэрэглэсэн давталт элбэг байдаг нь түүний бадаглал зүйн нэгэн шинэлэг тал юм. Энэ нь шүлгийн утга санааг гүнзгийрүүлэх, байгуулалтыг

жигдлэх, бадаг бүрийн утгыг тодотгох, шүлгийг журамлан цэгцлэх (Галбаатар 2012: 124) зэрэг олон үүрэгтэй. Тухайлбал: “Бид нэг орчлонгийн хүмүүс”, “Эх орны тухай дуу”, “Намрын мөнгөн өглөө” зэрэг шүлэгтээ бадгийн давталт буюу дахилтыг хийж, шүлгийнхээ утга санааг гүнзгийрүүлсэн байна.

“Намрын мөнгөн өглөө” шүлэгт өгүүлсэн 5 бадаг тус бүрд хайр сэтгэлт залуугийн бүсгүйгээсээ салж ядан үгээ хэлэхдээ үүр цайх, хайртай хүнээсээ түр ч гэсэн салах, мөнгөн хяруунд уян дээр хоносон морио хайрлах, бүсгүйн ээж аавд үнэн үгээ хэлэх, бэр гуйх өдрөө товлох гэсэн утгын гүнзгийрэлттэй дүрсэлж, энэ бадгуудын ард:

Хайрт минь одоо би явъя даа

Хүлэг мориныхоо биеийг халааж

Намрын мөнгөн өглөөний

Сэрүүн тунгалагт давхиа даа (Явуухулан 1985: 222)

хэмээн нэг төрлийн давталт буюу дахилтыг оруулж өгснөөр морио дээдлэх монгол эр хүний дүрслэл бүхий бадаг бүрийн санааг нэгтгэх, эцэст нь хайр сэтгэлийн тухай нэгэн цогцолбор санаа, дүр зураг болгон бүрдүүлэхэд чухал үүрэг гүйцэтгэж байна. Тэрээр ингэж бадгийн давталтыг хийхдээ монгол шүлгийн 2 ба 4 шадаар бадагладаг уламжлалыг хөгжүүлжээ.

2. *Эхний бадгийг төгсгөлд нь давтах давталт.* Түүний шүлгүүдийг ажиглахад, богино шүлгийн эхний бадгийг төгсгөлд нь давтах нэг төрлийн давталт дараах шүлгүүдэд ажиглагдаж байна. Үүнд: “Сонин”, “Тэшүүрчдийн дуу”, “Алаг үрс минь тайван нойрс”, “Монгол нутгийн шөнө”, “Тэнгэрт мэлмэрэгч тэргэл сар”, “Чамдаа дууля”, “Туулын шугуй”, “Сартай шөнийн дуу”, “Тэрэлжийн үдэш”, “Хавар ирлээ”, “Монголын дорнод тал”, “Хар-Ус нуурын шагшуурга”, “Тэхийн зогсоол” зэрэг шүлэг, найраглалыг дурдаж болно. Эдгээр нь шүлгийн доторх хэмнэл хэмжээг тааруулах, утгыг гүнзгийрүүлэх, санааг нэгтгэх, дүрслэлийг эрчимжүүлэх зэрэг олон янзын үүрэгтэй. Жишээ нь: “Сартай шөнийн дуу” шүлэгт:

Нарны хооронд саран байрлах

Нарлаг хорвоо гэрлийн хувьтай

Насны хооронд дурлан хайрлах

Амраг сэтгэл ханийн золтой (Явуухулан 1985: 219)

хэмээн эхлэл, төгсгөл бадгийг давтсан нь хүн бүрд үүрд онцгой ханийнх нь “ярих нь хүртэл дуу шиг дуулдаг, онцгой нэгэн тул хайртай” гэсэн санааг эрчимжүүлж, шүлэг дэх би баатрын хань ижлээ хүндэтгэх хувийн онцлогийг илэрхийлж байгаагаараа онцлог юм.

Мөн “Тэхийн зогсоол” найраглалын эхэнд:

Тээр жилийн тэр нэгэн өвлийн

Өнтэйг яана!

Тэхийн зогсоол гэдэг тэр оргилын

Өндрийг яана! гэж эхлээд, төгсгөлд нь:

Тээр жилийн тэр нэгэн өвлийн

Уртыг яана!

Тэхийн зогсоол гэдэг тэр оргилын

Өндрийг яана! (Явуухулан 1985: 443) гэж эхлэл, төгсгөлд бадгийг давтахдаа “өнтэй” хэмээх үгийг “уртыг” хэмээн сольж утгын гүнзгийрлийг хийсэн нь өвөрмөц. Ингэж давтахдаа үгийг, холбоо үгийг, шадьг сольж утга санааг гүнзгийрүүлэх, дүрслэлийг тодруулах зэрэг үүргээр давтсан давталт түүний уран бүтээлд элбэг ажиглагдаж байна.

Ингэж нэг бадгаар шүлгийн эхлэл, төгсгөлийг давтахаас гадна 2,2 бадгаар эхлэл, төгсгөлийг давтсан “Эцгийн дурсгалд”, “Захгүй хөх тэнгэрийн дор”, “Дурлал минь, дурлал минь”, “Тэмээ”, “Дэлхий”, “Зуны шөнө богинохон” зэрэг шүлгүүд ч бас бий.

Тэрчлэн том хэмжээний найраглалуудад шаардлагатай газар нь тодорхой давтамжтай *давтсан давталтууд* бас бий. Жишээ нь: “Уурхайн замд” шүлэгт:

Идэрхэн жолооч маань залуураа чадамгай мушгина

Эрчилсэн дээс шиг урдах зам эрээлжлэн үзэгдэнэ

Өвсөн толгой ёслон үдэх шиг бөхөлзөн хоцорно

Өндөр уулс тосон авах шиг сүндэрлэн угтана (Явуухулан 1985: 129) гэсэн бадгийг, 2 бадаг шүлгийн дараа давтах маягаар нийт 5 удаа давтжээ. Энэ тухай судлаач Я. Ганбаатар “Нэгэн хэсэг зүйл ард бөхөлзөн хоцорч байхад, нөгөө хэсэг уулс угтан авч байгаа тухай өгүүлснээрээ энэ бадаг нь

хөдөлгөөнтэй болсон бөгөөд нэг хэсэг тогтож өгүүлсэн зураглалыг энэ бадгаар хөдөлгөөнд оруулж байгаа юм” (Явуухулан 1985: 129) гэжээ.

4. *Хаших буюу бөгжин давталт*. Тэрээр 5 шад бүхий бадаглалын хэлбэрийг өөрийн уран бүтээлд туршихдаа бадгийн эхний шадыг тухайн бадгийн төгсгөлийн шад болгон хашиж, давтсан давталтыг ашигласан нь монгол яруу найргийн туурвил зүйд оруулсан шинэчлэлийн нэг байв. Тухайлбал: ”Алаг дэлхийд төрсөн минь учиртай”, ”Би хаана төрөө вэ?”, ”Хүсэл”, ”Реквием” зэрэг шүлгийг дурдаж болно. Жишээ нь: ”Хүсэл” шүлэгт:

Оломгүй хөх далай болох минь ч яалаа даа
Олдошгүй сайхан амрагаа би мөнгөн хун болгоод
Оюу цэнхэр мандалдаа умбуулж шумбуулж хөвүүлэхсэн

Оломгүй хөх далай болох минь ч яалаа (Ганбаатар 2015: 131) даа хэмээн бөгжин давталтаар шүлгийнхээ байгууламжийг жигдэлж, айзам хэмнэлийг тохируулан, эхний санаагаа лавшруулан баталж нотолсон нь монгол шүлгийн 4 шадаар чанд хайрцагласан бадгийн байгуулалтыг эвдсэн, яруу хэрэглүүрийг өвөрмөцөөр ашигласан сонирхолтой шийдэл байлаа.

5. *Бэлчирлүүлэх давталт*. Б. Явуухулан бэлчирлүүлэх давталт буюу ”бадгийн шад дахь сүүлчийн үгийг, дараагийн шадын эхэнд давтдаг” давталтын аргыг шүлгийн айзам, хэмнэл, байгуулалтыг жигдлэх, санаагаа гүнзгийрүүлэх зорилгоор давтахдаа үг, холбоо үг, бүтэн шадаар давтан зохиомжилсон нь монгол ардын аман зохиолын ”жороо үг”-ийн төрлийг бүтээлчээр хөгжүүлсний тод жишээ байлаа. Тухайлбал: ”Голын захад хувинтай ус”, ”Амар”, ”Реквием” зэрэг шүлгүүд бий. Жишээ нь: ”Голын захад хувинтай ус” шүлэгт:

Голын захад хувинтай ус,
Усны дэргэд үзэсгэлэнт бүсгүй,
Бүсгүйн сэтгэлд янагийн бодол,

Бодлын үзүүрт бяцхан үр ... хэмээн бэлчирлүүлэх давталтыг хийжээ. Энэ мэтчлэн тэрээр шүлэгт дүр бүтээхдээ зөвхөн монгол хүний сэтгэлгээний онцлогт тохирсон, монголчуудын уламжлалт зан араншин, ёс заншлыг тусгасан өвөрмөц дүрслэгдэхүүнийг дүрсэлж, хэлний дүрслэх болон яруу хэрэглүүрийг хэрэглэхдээ монгол ахуйд монгол сэтгэлгээгээр сэтгэж, өвөрмөц дүрслэлийг бий болгодог. Жишээ:

Мөнгөн аяга шиг гараас чинь
Туулын уснаас амсах юмсан
Мөнхийн усыг уусан юм шиг
Танхил чамтай амьдрах юм сан “Мөнгөн хазаарын чимээ”
Хошууран цувах Алтай
Айлын нүүдэл шиг үзэгдэнэ
Хурган цагаан үүлс
Тууврын мал шиг санагдана гэх мэт.

Б. Явуухулан бүтээлээ урлахдаа гоо зүйн маш нарийн мэдрэхүйтэй, тэгснээрээ ч туйлын уянгалаг зөөлөн дуу хоолойтой цэвэр тунгалаг найруулгатай шүлэг бичдэг бөгөөд хэрэв яруу найрагчийн шүлгийн нэг үгийг нөгөөгөөр соливол чавхдаст хөгжмийн нэг утасны хөг алдарсан мэт этгээд сонстоно. Учир нь түүний үг бүр шигшмэл өөр өөрийн аялгуутай, тэр нь шүлэгчийн дуу хоолойд өнгө зохирсон байдаг. Жишээлбэл:

Салхи ч үгүй нам гүм байтал
Шарласан навчис хийсч байлаа
Санаанд ч үгүй аж төрж явтал
Санчигны минь үс цайж байлаа гэх.

Мөн Налгар тэнгэр шувуудтай цуг
Зэллэсэн бүхэн эргээд ирнэ
Намрын навч шиг надаас хийссэн
Залуу нас минь л эргэж ирэхгүй

хэмээн эхний 2 шадад байгалийн жам ёсыг тунгаагаад, дараагийн 2 шадад хүний амьдралын жамыг харьцуулан гаргасан гүн ухааны гаргалгааг хийсэн байдаг.

Ном зүй:

Галбаатар Д. Уран зохиол: Онол, түүх, шүүмжлэл нэвтэрхий толь. Улаанбаатар, 2012.

Ганбаатар Я. ХХ зууны гарамгай яруу найрагч Б. Явуухулан. Улаанбаатар, 2015.

Явуухулан Б. Түүвэр зохиол. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1985.

Бадужева Гунсэма Цыдыповна
кандидат филологических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
badgu@mail.ru

ОБРАЗ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРЕ БУРЯТИИ XX–XXI ВВ.

Образ священнослужителя играет значимую роль в бурятской литературе и в разные периоды ее развития имел разное художественное воплощение. В произведениях Х. Намсараева, Д. Эрдынеева, Ц. Галанова, И. Калашникова, В. Гармаева, К. Балкова, Ц. Цырендоржиева и др. дано как сатирическое изображение лам и шаманов в духе официальной идеологии, примеры их принижения, так и поэтизация духовного лица, посвятившего жизнь служению людям. Если в 1920–1970-е гг. буддийский священнослужитель чаще всего показывался как недалекий, корыстный человек, критиковался и высмеивался, то, начиная с 80-х гг. XX в. и заканчивая современным периодом, бурятские писатели создают образ священника-философа, мыслящего бытийными категориями, отличающегося масштабностью и цельностью дел.

Ключевые слова: литература Бурятии, образ священнослужителя, буддийская вера.

Badueva Gunsema Tsydyповna
Candidate of Sciences in Philology
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
badgu@mail.ru

THE IMAGE OF A PRIEST IN THE LITERATURE OF BURYATIA OF THE 20TH–21ST CENTURIES

The image of a clergyman plays a significant role in Buryat literature and in different periods of its development had a different artistic embodiment. Kh. Namsaraev, D. Erdyneev, Ts. Galanov, I. Kalashnikov, V. Garmaev, K. Balkov, Ts. Tsyrendorziev and others give as a satirical depiction of lamas and shamans in the spirit of the official ideology, examples of their humiliation, and poeticization of a clergyman who devoted his life to serving people. If in the 1920s–1970s a Buddhist clergyman the was most often shown as a narrow-minded, mercenary person, criticized and ridiculed, then, starting from the 80s of the 20th century and ending with the modern period, Buryat writers create the image of a priest-philosopher who thinks in existential categories, notable for its scale and integrity of deeds.

Keywords: literature of Buryatia, the image of a clergyman, Buddhist faith.

Одним из значимых образов бурятской литературы является образ священнослужителя. Предваряя наши размышления, отметим важность данного образа в русской литературе на разных этапах развития. В 2015 г. участники круглого стола «Образ священника в современной литературе» рассуждали о крайностях в изображении священника, важных в контексте понимания и последующего анализа заявленной темы: сегодня «с описаниями священников та же ситуация, как и с Церковью. ... ей нужно найти баланс между двумя достойными задачами – с одной стороны, нести Предание, с другой, – реагировать на то, что мир меняется. Это движение по лезвию бритвы – иногда оно идет на понижение, порой – приводит в тупик» (Водолазкин 2015); «писателям не следует ни спускаться вниз, ни подниматься вверх, поскольку образ сложный» (Силовьев 2015).

Рассмотрим, как меняется художественное воплощение данного образа в литературе Бурятии в разные периоды развития и как полярны оценки. В бурятской советской литературе ламы и шаманы изображались в традициях фольклора и русской литературы (к примеру, в «Сказке о попе и работнике его Балде» А. Пушкина, «Бурсе» Г. Помяловского) сатирически, часто «упрощенно, огрублено», выводился «образ примитивного, сворыстного служителя буддийской церкви» (Найдаков 1997: 136). Так, в про-

изведениях Х. Намсараева (рассказы из цикла «Так было»), Ч. Цыдендамбаева («Доржи, сын Банзара»), Д. Батожабая («Похищенное счастье»), Д. Эрдынеева («Аргатак ищет хозяина») и др. налицо примеры принижения духовного лица. В романе Ц. Галанова «Мать-лебедица» и повести Д. Эрдынеева «В тени старого дома» ламы Сандан Цыденов и Гонгор соответственно показаны как противники существующей власти, организующие подрывную деятельность: контрреволюционер, организатор восстания и диверсант, завербованный японской разведслужбой. Критическое изображение служителей культа большинством писателей обусловлено идеологическим подходом.

При создании образов ламы и шамана в рассказах («Смуглолицый», «Санхюдай», «Совет лысого Лудуба», «Жадный лама», «Тахунай», «Старик Бодинсы» и др.) Х. Намсараев использует фольклорные традиции (образ бадарчина – бродячего ламы, сатирическое осмеяние глупости и жадности священнослужителя, наказание смекалистым героем в духе народных сказок). Писатель, как и Ц. Галанов, Ч. Цыдендамбаев, Д. Батожабай, Д. Эрдынеев, подчеркивает, что авторитет ламства был обусловлен невежеством простого народа, «готового пожертвовать собой во имя бога и всего божественного» (Найдаков 1997: 156), его религиозным фанатизмом. Авторское критическое отношение к ламам публицистически остро показано во многих рассказах Х. Намсараева: «А сколько ... лам, шаманов, шаманок и всяких колдунов, ворожеев, знахарей и лекарей! И каждый *норовил урвать что-нибудь для себя, обмануть* (здесь и далее курсив наш. – Г. Б.) доверчивых, запуганных людей» (Намсараев 1989: 204), «Ламы *вымогали* у людей за заклинания деньги, скот, вещи» (Намсараев 1989: 206); «Как-то ... к одному ламе пришли гости – тоже ламы, *толстые, спесивые*» (Намсараев 1989: 211), «В монастыре жил *тучный, обрюзгший лама*» (Намсараев 1989: 223).

Как видим, в литературе Бурятии 1920–1970-х гг. образы лам и шаманов в основном выведены сатирически. Идеологически настроенные писатели изображали их как служителей культа, способствовавших социальному неравенству, мошенников, занимавшихся шарлатанством, обогащавшихся за счет верующих людей; многие относились к своему положению, избранности как к ремеслу, потребительски.

Более сложная трактовка анализируемого образа дана в пьесе Б. Барадина («Великая сестрица-шаманка»), романах А. Бальбурова («Поющие стрелы») и И. Калашникова («Жестокий век»), поэме Н. Дамдинова («Песня о Доржи Банзарове»), где шаманы Нагарай-Зарин, Эрехэн, Пилу, Теб-тенгри, Бодонсар предстают не только как умные деятели своего народа, движимые любовью к нему и родной земле, но и как люди, наделенные практически сверхъестественными магическими силами и потому вызывающие суеверный страх людей.

В кризисной ситуации рубежа веков литература, как и общество в целом, обращается к вопросам национального самоопределения, в том числе веры. Важные изменения, произошедшие в духовной жизни общества в 1980-е гг., запечатлены в книгах «Дамдин лама» Б. Эрдынеева и Р. Бадмаева, «Десятый рабджун» В. Гармаева и др., где служители веры показаны как основные носители духовных традиций.

Не вполне обычный образ священнослужителя предстает в прозе К. Балкова. Священник, покинувший стены храма из-за того, что не принял или не подчинился устоям монастырской жизни, и ступивший на тропу странствий в поисках смысла жизни, – один из любимых героев писателя. Бальжийпин («Байкал – море священное»), Хубрак (из одноименного рассказа), Агван-Доржи и Антоний («Берег времени»), хамбо-лама Итыгилов («Нетленный») и др. наделены стремлением помогать людям, бескорыстностью, добротой, отзывчивостью, философским взглядом на мир. Так, бывший хуварак Бальжийпин остро почувствовал пропасть между буддийским учением и религией. Сомнения подтолкнули его к уходу из дацана. Рискуюя собой, беглый монах, за поимку которого назначена награда, лечит всех бесплатно. По Балкову, главное, что ощутил его герой в своей недолгой жизни, – острое чувство свободы. В романе «Берег времени» буддийский и православный монахи, праведники, странствуют по Подлеморью в поисках добра и доброты в сердцах современников. У них разные дороги (территориально), но оба хотят понять человека, понять, как избежать страданий.

В 2000-е гг. писатели раскрывают иные грани образа священнослужителя. Три романа Ц. Цырендоржиева о священнослужителях и шире – о буддизме: «Хододоо үдэр байдаггүй...» («Вечного дня не бывает»), «Зандан Жуу» («Сандаловый Будда»), «Гэгээн эрьсэ» («Святой круговорот») образуют своеобразную трилогию, в которой писатель приводит к мысли о высоком смысле и ценности отдельного человека и его судьбы.

При создании образа Анжур-ламы («Хододоо үдэр байдаггүй...»), чьим прототипом послужил известный буддийский священнослужитель Агван Доржиев, важную роль играет проблема внутреннего самоопределения, внутреннего поиска, сопровождающего процесс становления личности героя. Даже попав в тюрьму, герой остается верным своей вере, однажды избранному пути – «приносить пользу своему народу». Эта же верность жизненному предназначению свойственна героям романов «Зандан Жуу» (о воцарении буддийской святыни в Эгитуйском дацане) и «Гэгээн эрьесэ» (о Д.-Д. Итыгилове).

Художественное воплощение образа священнослужителя в литературе Бурятии претерпело своеобразную эволюцию – от принижения к практически идеализации. Бурятские писатели прошли сложный путь – от сатирического изображения лам и шаманов в духе господствующей идеологии, категорически отказавшейся от религии, до осмысления философии буддизма и шаманизма через создание героя-священника, посвятившего жизнь служению людям в высоком смысле.

Литература:

Водолазкин Е. Литература – это не проповедь! // «Знак времени – когда образ священника в литературе обсуждается рядом с мавзолеем Ленина»: Писатели рассуждали о том, как изображать священников в литературе [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pravmir.ru/znak-vremeni-kogda-obraz-svyashhennika-v-literature-obsuzhdaetsya-ryadom-s-mavzoleem-lenina/> (дата обращения: 23.03.2022).

Намсараев Х. Н. Так было...: Рассказы // На утренней заре. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1989. С. 196–237.

Найдаков В. Ц. Бурятская литература 1966–1984 гг. Проза // История бурятской литературы: в 3 т. Т. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 76–161.

Силовьев В. Создать образ священника – сложно // «Знак времени – когда образ священника в литературе обсуждается рядом с мавзолеем Ленина»: Писатели рассуждали о том, как изображать священников в литературе [электронный ресурс] // URL: <https://www.pravmir.ru/znak-vremeni-kogda-obraz-svyashhennika-v-literature-obsuzhdaetsya-ryadom-s-mavzoleem-lenina/> (дата обращения: 23.03.2022).

G. P. Dondukova
 Candidate of Sciences in Philology
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russia
 galina.dondukova11@gmail.com

TRADITIONAL KNOWLEDGE OF THE BURYATS AND HISTORICAL MEMORY REVIVAL IN THE POST-SOVIET POETRY OF BAIR DUGAROV¹

While “the nomad” is the main concept in the poetry of Bair Dugarov, the revival of historical memory becomes its major topic. The paper aims to study how the traditional knowledge of the Buryat people is expressed in the post-Soviet poetry of Bair Dugarov. The close reading of Dugarov’s poetry is combined with broader cultural and ethnographic context of the Buryat people. The article analyzes the peculiarities of time perception in the Buryat culture, the images and plots from myths and legends applied by Dugarov in his poems, which turn into an inseparable part of historical memory revival and search of ethnic identification in the post-Soviet period.

Keywords: traditional knowledge, historical memory, Buryat literature, ethnic identity.

The search of ethnic identification has become the central one throughout plenty of union republics in the 1990s. The mythological narrative about first-born, initially laid foundation, a kind of “sample”, from which modern Soviet society evaded caused romantic nostalgia about the past (Lipovetsky 2008). With the beginning of perestroika the returning to traditions reaches its peak within the so-called “national and cultural revival” (Panarin 1996). The aim of the article is to study how the traditional knowledge of the Buryat people and historical memory revival is expressed in the post-Soviet poetry of Bair Dugarov. While “the nomad” is the main concept in the poetry of Bair Dugarov, the revival of historical memory becomes its major topic. The close reading of Dugarov’s poetry is combined with broader cultural and ethnographic context of the Buryat people. The article analyzes the meaning of the past, the aspects of traditional knowledge of the Buryats, and Dugarov’s decision to praise the nomadic past of his ancestors.

When speaking about the revival of historical memory it is first of all necessary to say a few words about the Buryat traditional understanding of time. Traditional Buryat culture, as part of the Mongolian world and wider of Central Asian civilization, is characterized by cyclic perception of time, which is connected with natural phenomena (the cyclic movement of luminaries, circle of seasons, etc.). In oral folklore there is no word that would mean time. Instead, time is represented by enumerating of actions or calling a place of action. What is more, time and space become inseparable, the same words mean time and place simultaneously: *urda* ‘south, front, before, formerly’; *khoino* ‘north, behind, after, in future’ (Sodnompilova 2009: 38). Such vision is inherent to the poetry of Dugarov too. “The silent worlds of the left generations / Have grassed by the grass of oblivion” (Dugarov 2007: 15) – the time movement is shown by the movement of the worlds. The amount of time is that huge that space becomes its measure. Moreover, the past time receives the most positive connotations for Buryats. Ancestors are constantly endued with the worthiest personal qualities, thus becoming sacred symbols in consciousness of living. The same respect and even sacralization of ancestors we observe in the poem of Dugarov. The past for him is not associated with something primitive or barbaric, it is full of wisdom. That is why the poet sorrows people forgot it.

Mythopoetics in general appears as the basic device of the contemporary Buryat literature, which is widely studied in works of Buryat scholars (see Babkinova 2009; Bulgutova 2017; Tsyrenova, Dampilova 2000). Mythological images and plots become inseparable from the nomadic past of the Buryats in the poetry of Dugarov. One of the most important images in mythological consciousness of the Buryats and Mongols is the Sky

¹ The reported study was funded by government assignment (project no. 121031000259-6 “Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts”).

cult. Dugarov's special attention to the Sky cult worship among Mongols is reflected even in the titles of his books: *The City Clouds* (1981), *The Concave* (1986), *The Moonshiny Doe* (1989), *The String of Earth and Sky* (2007). The Sky cult is connected with a huge panteon of Mongolian *tengris*. *Khukhe Munkhe Tengeri*, the Eternal Blue Sky, was esteemed as the highest deity for Buryat shamans. However, he is not similar to a Supreme god in Christian understanding, but acts as an abstract regulating force representing reason, expediency and the highest justice (Mikhaylov 1987: 12). He is considered the progenitor (a Father) of all living beings on Earth and is the object of honoring and worship. Dugarov actively employs the image of the Eternal Blue Sky into his poems: "The echo of the Eternal Blue Sky is kept in thunderous sutras..." (Dugarov 2011: 273). The poet also retells the plots from most famous mythological monuments of the Buryat literature, which are connected to the Sky cult. The poet refers to the pages of *The Secret History of the Mongols* (1240), which states the chosenness of Genghis Khan lineage: "at will of the Sky the Borjigin lineage / was given a lasso to connect the tribes" (Dugarov 1986: 91). The Sky cult is also presented in the Geser epic cycle, which tells about the war between 44 east *tengris* against 55 west *tengris*. Dugarov refers to this fact in his poems too: "That is why at will of the Sky *Geser* / was given the lightning of *Khukhedey*" (Dugarov 2013: 163).

Dugarov also employs the Buryat folk idea of world creation: "I realized: the steppe – my mother, the thunder – my father" (Dugarov 2007, 15). Dugarov uses metonymies of steppe and thunder to represent the Earth and the Sky, the two main deities of Buryat shamanism – *Ekhe Yekhe Burkhan* (Great Mother Goddess) and *Khukhe Munkhe Tengeri* (Eternal Blue Sky). *Ekhe Yekhe Burkhan* was among of the main deities for worship who was begged for offsprings and fertility of soil; honored as a source of treasures and called golden (*altan delkhey* 'golden universe') (Babkinova 2009, 43). The idea of inseparability and complementariness of the Buryat cosmology – *arga-bilig* – finds its expression in folk culture of Buryats again, where *Khukhe Munkhe Tengeri* and *Ekhe Yekhe Burkhan* represent male and female forces and show the duality of ancient Buryat belief.

Dugarov stresses, that genealogy is a thread that binds a person with the history of his ancestors. That is why the poet implements the images connected to ancestors of various Buryat and Mongolian clans into his poems. The legend from *The Secret History of the Mongols* about the theriomorphic origin of Genghis Khan's lineage from *Börte Chino* (Blue-grey Wolf) and *Gua Maral* (Fallow Doe) finds its place in Dugarov's poem: "I remember those times: / the run of wolf with gentle doe / caused wave in the universe..." (Dugarov 2011, 383). The reference to the Swan (*Khun-Shubuun*), the foremother of a Buryat clan – *Khori*, is mentioned in the poems *Swan Fairy Tale, Legend, Khori kin*: "And swan foremother / in times of misfortunes / shielded her descendants with the wing" (Dugarov 2007, 36).

Thus, the poet manages to fit a great amount of cultural and historical information about Buryats in his poems. The idea of lost and forgotten past is expressed by key words that refer to traditional mythology and shamanic belief, Asian cosmology and time perception. What is more, Dugarov not only straightly retells the plots of ancient myths and legends, but also redesigns and develops them, applying to the contemporary situation. The images created by Dugarov show the historical development from Mongolian empire through Soviet period to modernity of Buryatia and crisis of ethnic identity in post-Soviet times, when recollection of historical memory and traditions is the "path" for the future generations of Buryats.

Bibliography:

Babkinova L. V. Mifopoetika sovremennoy buryatskoy poezii [Mythopoetics of the Modern Buryat poetry]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosuniversiteta, 2009. 125 p.

Bulgutova I. V. Buryatskaya filosofskaya lirika. Mifopoeticheskie osnovy i tradicii [Buryat Philosophical Lyrics. Mythopoetic Foundations and Traditions]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2017. 182 p.

Dugarov B. S. Azijskij alljur, [Asian Allure]. Ulan-Ude: Izd-vo OAO "Respublikanskaja tipografija", 2013. 208 p.

Dugarov B. S. Nebosklon [Concave]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1986. 144 p.

Dugarov B. S. Struna zemli i neba [The String of Earth and Sky]. Ulan-Ude: Izd-vo OAO "Respublikanskaja tipografija", 2007. 360 p.

Dugarov B. S. Sutra mgnovenij [Sutra of Moments]. Ulan-Ude: Izd-vo OAO "Respublikanskaja tipografija", 2011. 440 p.

Lipovetsky M. N. Paralogii. Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russoj kul'ture 1920– 2000-h godov [Paralogies: The Transformations of (Post) modern Discourse in Culture, 1920-2000], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 840 p.

Mikhaylov T. M. Buryatskij shamanizm: istoriya, struktura i social'nye funkcii [Buryat Shamansm: Histiry, Structure and Social Functions]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 288 p.

Panarin S. A. Nacional'no-kul'turnoe vozrozhdenie v respublikah i territorial'naya celostnost' Rossii [National and Cultural Revival in Republics and Territorial Unity of Russia] // Vestnik Evrazii. 1996. № 2, P. 109-130,

Sodnompilova M. M. Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatel'nosti mongolskikh narodov [The World in the Traditional World View and Practices of the Mongolian People]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2009. 364 p.

Tsyrenova M. Ts., Dampilova L. S. Osnovnye tendencii v razvitii sovremennoj buryatskoj poehzii: Uchebnoe posobie [Main Trends in the Development of Modern Buryat Poetry: a Textbook]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2002. 142 p.

РАЗДЕЛ 8 ЯЗЫКИ И ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI: 10.53954/9785604788981_422

Цыренов Бабасан Доржиевич
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
tsyrenovbabasan@mail.ru

БУРЯТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК НАКАНУНЕ 100-ЛЕТИЯ¹

Бурятский литературный язык в современном виде складывался с 1923 г. по настоящее время. Тем не менее, многие исследователи относят начало его истории к XVII в., когда старомонгольская письменность была принята в качестве литературно-письменного языка, обслуживающего бурятскую общность. Десятилетие реформ 1930-х гг. кардинально изменило облик первоначального литературного языка. Последовательный переход от старомонгольской письменности к латинице, а затем и к кириллице оказал большое влияние на развитие языка. Постоянная смена письменности и основы литературного языка не шла на пользу языку, дезориентировало носителей и пользователей языка. Современное состояние бурятского литературного языка не вызывает больших опасений, в то же время его демографическая мощь находится на очень низком уровне. Эта проблема требует решительных действий со стороны научной общественности и государственной власти. Также требуется воля самого народа, который должен понять опасность ситуации.

Ключевые слова: бурятский язык, литературный язык, письменность, диалектная основа.

Tsyrenov Babasan Dorzhievich
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

BURYAT LITERARY LANGUAGE ON THE EVE OF THE 100th ANNIVERSARY

The Buryat literary language in its modern form has evolved from 1923 to the present. However, many researchers attribute the beginning of its history to the 17th century, when the Old Mongolian script was adopted as the Buryat literary and written language. A decade of reforms radically changed the original literary language. The successive transition from the old Mongolian script to the Latin alphabet, and then to the Cyrillic alphabet, had a great influence on the development of the language (1930–1939). The constant change of writing and the basis of the literary language did not benefit the language. Native speakers and users of the language had been disorientated. The current condition of the Buryat literary language does not cause great concern, but its demographic power is at a very low level. This problem requires decisive action. The people must show their volition in a dangerous situation.

Key words: Buryat language, literary language, written language, dialect basis.

Известно, что литературные языки различаются по длительности существования письменности и делятся на древнеписьменные, старописьменные и младописьменные (Михальченко, 2006, с. 107). Весь советский период истории Бурятии бурятский язык представлялся младописьменным языком. Между тем, старомонгольская письменность, употреблявшаяся в Бурятии в качестве государственного литературного языка с 1923 г. по 1931 г., обслуживала делопроизводство, служебную и личную переписку, летописание и другие сферы с XVII в. Использование этой письменности было настолько активным, что появился собственный извод. «В Бурятии с XVIII в. появился бурятизированный вариант классического

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

письменного языка» (Бертагаев 1974: 31; Доржиев 1992: 3). Учитывая то, что старомонгольский язык с XVII в. до 1923 г. использовался бурятами в качестве языка делопроизводства, личной переписки и др., а с 1923 г. практически во всех сферах общественной жизни, мы можем утверждать, что бурятский литературный относится к старописьменным.

В 1923 г. была образована БМАССР, и, естественно, в ряду первостепенных задач государственного строительства стояли задачи трансляции идей, управления хозяйственными процессами, культурой и образованием как основой воспитания нового поколения. Таким образом, язык выступает мощным оружием или инструментом становления и развития государственности.

Наибольший интерес в нашем случае представляет образование. «За прошедшие после переписи 1897 г. 25 лет темпы роста грамотности населения составляли 0,2 % в год, и в 1920–1923 гг. лишь 12 % бурят являлись грамотными на старомонгольском и русском языках. А в 1931 г. грамотность бурятского населения достигла 43,3 %» (Отчет... 135). Для школ Бурятии значительными тиражами издавались учебники, в том числе грамматики бурят-монгольского языка, массовое распространение образования требовало обеспечения его учебной литературой. Активно развивалось и литературное творчество: на ниве изящной словесности трудилось более 20 писателей.

В области СМИ и издательского дела также отмечался некоторый бум: в 1923 г. в качестве правопреемника газеты «Шэнэ байдал» стала издаваться газета «Буряад-Монголой үнэн» (тираж 3000 экз.). В 1925–1931 гг. выходило в свет девять наименований общественно-политических журналов и газет, в том числе для детей и молодежи.

К 1931 году, к году смены письменности, за восемь лет автономии Бурятия сделала огромный рывок в развитии языка, литературы, СМИ и, главное, в ликвидации безграмотности, распространения обучения на родном бурятском языке. Увеличение доли грамотных на старомонгольской письменности и русском языке до 43 % свидетельствует о мощной просветительской работе. Но языку предстояло пройти десятилетие коренных переломов и реформ. В то же время литературный язык становится одним из символов бурятской национальной государственности.

Процесс латинизации бурятского языка подробно исследован и описан в работе В. В. Базаровой (Базарова 2006). На всесоюзной волне латинизации национальных языков СССР бурятский литературный язык был переведен на латинизированный алфавит (1931 г.). Этому в общем-то рядовому по тем временам процессу предшествовала большая работа, неоднократные бурные научные дискуссии. Решенный (властью) в целом вопрос о переходе на новую графическую систему не вызывал особых споров. Спор заключался в выборе устной формы, или основы литературного языка. По замыслу Б. Барадина, новый бурятский литературный язык должен быть по форме халхаским наречием, а по содержанию – языком, охватывающим лексический состав старомонгольского языка и всех живых монгольских языков и наречий. Ставшее основой литературного языка *халха-монгольское наречие* продержалось очень недолго, его заменило селенгинское *сакающее* наречие.

Смена селенгинского *сакающего* наречия на *накающее* восточно-бурятское в 1936 г. была обусловлена политическими причинами (Дампилон 1936). Эта реформа, как и предыдущие, была подготовлена и проведена под чутким руководством власти на основании решений лингвистических конференций, в то время как перевод бурятского литературного языка на русскую графику не был никак обоснован, а проведен исключительно волевым методом. Единственным обоснованием являются письма трудящихся, детям которых было трудно изучать две графические системы. В результате был подписан Указ Президиума ВС БМАССР, предписывающий перевод литературного языка на русскую графику. Десятилетие бурных реформ было завершено, с этого момента развитие бурятского литературного языка не одно десятилетие идет в этом русле. Следует отметить, что десятилетие скоропалительных реформ сказалось на «здоровье» языка не лучшим образом: буряты оказались дезориентированы и разочарованы этими реформами. Это отразилось и на мотивации к изучению и сохранению родного языка.

Неоднократно поднимался вопрос о соотношении литературного языка и национального языка в целом и его диалектных вариантов. Со стороны авторитетных лингвистов высказывалось мнение о создании своеобразного литературного извода или самостоятельного литературного языка для западной Бурятии. Иными словами, подразумевалось создание двух литературных диалектов: для западной и восточной Бурятии. Несостоятельность этой идеи сегодня не подвергается сомнению, поскольку литературный диалект – это «диалект, на котором существуют письменные тексты, относящиеся к официальным сферам общения, тексты художественной литературы. Использование письменности для со-

здания текстов на диалекте может быть обусловлено сильной дивергенцией идиомов, объединяемых в один национальный язык, при этом *базой литературного языка является диалект, не понятный носителям другого или других идиомов*, или как *результат осознания своей этнической обособленности*» (Михальченко 2006: 107). Текст, выделенный курсивом, показывает три условия, при которых возможно появление литературного диалекта. Реалии показывают, что эти три условия вряд ли будут выполнены. Поэтому альтернативы современному бурятскому литературному языку нет.

К своему столетию бурятский литературный язык подходит с солидным багажом произведений художественной литературы всех жанров, учебной, научной литературой, разработанной грамматикой, орфографией, словарями. Но демографическая мощь языка – количество носителей данного языка (Михальченко 2006: 53) – находится на одной из самых низких ступеней. Число носителей стремительно сокращается: уровень владеющих родным бурятским языком среди детей школьного возраста не превышает 40 %, а детей дошкольного возраста не достигает и 30 %. Здесь видна явная тенденция утраты языка детьми и юношеством. Тем не менее, языковые активисты, ученые-лингвисты сохраняют максимально возможный в данной ситуации оптимизм, возлагая большие надежды на реформу языкового законодательства России и Бурятии, госпрограмму сохранения и развития бурятского языка. Перспективы есть, требуется воля – воля народа и воля власти.

Литература:

Базарова В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности: опыт культурно-исторической модернизации в 1920-1930 гг.: дисс. ... докт. ист. н. Улан-Удэ, 2006. 365 с.

Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). М.: Наука, 1974. 384 с.

Дампилон И. Итоги языкового строительства Бурят-Монголии. Верхнеудинск, 1936. 48 с.

Доржиев Д. Д. Старобурятский язык. Улан-Удэ, 1992. 264 с.

Михальченко В. Ю. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Отчет о НИР за 1971–1975 гг. «Очерки по истории образования бурятского литературного языка». Улан-Удэ, 1975. 345 с. [Депонировано].

МОНГОЛ ХЭЛ ШИНЖЛЭЛИЙН УЛАМЖЛАЛ ШИНЭЧЛЭЛИЙН АСУУДАЛД

Энэ өгүүлэлд Монгол хэл шинжлэлийн хөгжлийн асуудлыг түүхийн баримт хэрэглэгдэхүүний үүднээс шинээр авч үзсэн байна. Монгол хэл шинжлэлийн ухааны хөгжил дэвшил нь Энэтхэг-Төвөдийн хэл шинжлэлийн дэгээс бүтэц хэл шинжлэлийн дэг рүү шилжсэн шилжилт хийгээд орчин үеийн хэл шинжлэлийн онол арга зүйгээр эх хэлнийхээ зүй тогтлыг салбар бүрт тодруулж чадсан амжилтын онолын үндэслэлийг тодорхойлж өгчээ.

Түлхүүр үг: монгол хэл шинжлэл, уламжлал, шинэчлэл.

Luvsandorj Bold

Academician of the Mongolian Academy of Sciences

Institute of Language and Literature

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

TO QUESTION OF TRADITIONS AND INNOVATIONS OF MONGOLIAN LINGUISTICS

This paper makes a new discussion on the development of Mongolian linguistics from the perspective of historical facts. The development of Mongolian linguistics provides a theoretical basis for the transition from Indian Tibetan linguistics to structural linguistics, and the success of modern linguistic theoretical methodology in clarifying the branches of mother tongue grammar.

Keywords: Mongolian Linguistics, tradition, innovation.

Эх хэл, соёлоо төрийнхөө бодлогын бүрэлдэхүүнд багтаан үзсээр ирсэн манай өвөг дээдэс, улс гэрээ төвхнүүлээд эх хэл, бичиг үсгийнхээ асуудалд анхаарлаа хандуулж ирсэн түүхэн уламжлал нь монгол хэл шинжлэлийн түүхийг, олонх эрдэмтдийн баримталсаар ирсэн XIII–XIV зуунаас эхтэй гэдэг үзлийг харьцангуйгаар урагшлуулан үзэх боломжийг олгож байна. Түүхэн сурвалжийн мэдээнээс үзвэл, Сяньби гүрэн задрах үеэр гарч ирсэн Тоба нэртэй хүчирхэг аймаг, эх хэлээ эзэнт гүрнийхээ төрийн хэл болгон тунхаглаж, мянга гаруй үсгийн тэмдэгтээс бүрдсэн шинэ бичиг зохион нийгэд хэрэглэхээр “*Холхи ойрхид тараатугай*” гэж эзэн хаан нь манай эриний 425 онд зарлиг гарган тунхагласан ажээ. Эзэн хаан нь “Шинэ бичиг” гэж гэж онцлон тэмдэглэснээс үзвэл, МЭ-ний 425 оноос өмнө Монгол угсааны аймгууд “*хуучин бичиг*” хэрэглэж байсан гэсэн сэтгэгдлийг төрүүлж байна. Түүхэн сурвалжид эртний монгол аймгууд “*ке-мо*” буюу “*мод сийлэн*” хэрэг явдлаа тэмдэглэж байсныг тодорхой өгүүлсэн байдаг бөгөөд “*шинэ бичиг*” гэдэгтэй холбогдуулан үзвэл, хуучин бичиг гэдэг нь чухам үүнийг хэлсэн байх боломжтой юм.

Табгачуудын дараагаар 906–1125 онд төр улсаа байгуулж, эх хэлнийхээ талаар тодорхой бодлогыг хэрэгжүүлсэн монгол хэлт түмэн болох Хятанчууд хоёр зүйлийн бичиг үсэг зохион хэрэглэж байв. Тухайн үедээ уг бичгүүдийн хэрэглээний хүрээ харьцангуй өргөн байсны баталгаа болсон хөшөө дурсгал цөөнгүй үлдсэн байна.

Үүний дараа Их Монгол улсын үед, уйгуржин монгол бичгийг, Юань улсын үед Хубилай хаан Төвөдийн Пагва лам Лодойжанцан (1235–1280)-гаар дөрвөлжин үсгийг зохиолгон улсын бичиг болгон хэрэглэж байсан, XVII зууны үед монгол бичгийг ойрад аялгуунд тохируулан тодотгох замаар Зая бандида Намхайжамц (1599-1662)-ын зохиосон “Тод үсэг” ч Зүүн гарын хаант улсын дотоод нэгдлийг бэхжүүлэх, улмаар бүх Монгол туургатныг нэгтгэх санааг агуулж байсан нь тодорхой ажгуу.

Ийнхүү эртний монголчуудын оюуны соёлын дархлаа болсон бичгийн хэлний уламжлал нь утга зохиолын хэлээ боловсронгуй болгон хөгжүүлэхийн зэрэгцээгээр бичиг үсгээ судлахад хүргэсэн байдаг.

Тухайлбал XVIII зууны хэл зүйч Данзандагвын зохиосон “Зүрхэн толтын тайлбар” хэмээх сударт тэмдэглэгдсэн, бандида Гунгаажалцан, Чойжи-Одсэр нарын бүтээл юм. Тэнд өгүүлснээр бол бандида Гунгаажалцан (1182–1251) “... Монгол улус-ун үсүг-и ... ер-е ем-е ерсү гурбан-ийар чингга көндүй сагармаг гурбан-ийар жокийагсан болай” гэжээ. Үсгүүд нь “а, е, и” 3 эгшгээр 14 гийгүүлэгчийг амилуулан бүгд 44 үсэгт багтаан зохиосон ажээ. Эрхэм тэрбээр өөрийн бүтээлдээ тэр цагийн монгол бичгийн хэлэнд үлэмж түгээмэл хэрэглэж байсан уруулын эгшиг “о, у, ө, ү” жич, хэлний хойгуур хэлэгдэх “нг” (их инхлэг)-ийг оруулаагүй учрыг эрхэм тэрбээр энэтхэг-төвөдийн хэл шинжлэлийн дэгийг баримтлан авианы бичгийг үе-үсгийн тогтолцоонд шилжүүлэн боловсруулсантай холбон үзэж болно. Үүнээс хойш 1269 онд Хубилай сэцэн хааны урилгаар залагдан ирсэн Пагва Лодойжалцан (1235–1280) төвөд үсэгт тулгуурласан, дөрвөлжин бичиг зохион Төрийн бичиг болгон хэрэглэж байв. Хожим Чойжи-Одсэр, Гунгаажалцангийн зохиосон уйгаржин монгол бичгийн хэлний авиа зүйг дэлгэрүүлэн энэтхэг-төвөдийн хэл шинжлэлийн дэгийг баримтлан үе-үсгийн зарчимд тулгуурласан “Зүрхэн толг” буюу монгол хэлний авиа зүйг боловсруулахдаа түүний хэл зүйд орхигдсон “о, ө, у, ү”-ээр амилсан 56 үе-үсэг, мөн “н, ш, ч” 3 гийгүүлэгчийг амилуулан, үүн дээрээ “нг, ийар” 2-г нэмж, 123 үсэгт багтаасан байдаг. Энэ дэгийнхэн монгол хэлний эгшиг зохицох ёс, мөн эгшиг гийгүүлэгч авианы байрлалын чухал хуулийг нээн гаргасан, XVIII зууны үед зохиогдсон хэл зүйн бүтээлүүдэд гийгүүлэгч авианы байрлал дээр тулгуурлаж “дэвсгэр үсэг”-ийн дүрмийг боловсруулж чадсан, нэр үгийн үндсийн дараа тохиолдох үг хувилгах бүтээврүүдийг төвөд хэлний тийн ялгалтай жишин 8 гэж тогтоосон, өгүүлбэрийг бүтсэн эдээр ангилах зэрэг олон сонирхолтой зүйлийг гарган тавьсныг тэмдэглэх хэрэгтэй. Энэ дэг ид ноёрхож байх үед үгийн сан судлал, тэр дундаа толь бичиг боловсруулах талаар нэлээд амжилт олсон байдаг. Жишээ нь, “Хорин нэгтийн тайлбар толь” (1708–1717)-ийн оршилд “... үүнээс хойш зарлигийг тархаах, бичиг айлтгах ба жич хол газар дуулгах, гэрэлт хөшөөнд сийлэх, их ёс, их хуульд цөм мөрдөх...” гэж бичсэнээс үзвэл уг бүтээл тухайн үеийнхээ монгол хэлний үгийн сангийн хэм хэмжээг тогтоох гэсэн зорилготой байжээ гэж ойлгогдож байна. Тэнгэр тэтгэгчийн 8-р он буюу 1746 онд дуусгасан “Хааны бичсэн манж монгол үгний толь бичиг”-т монгол бичиг нь дусал бинтгүй учир “тодорхой бус”, “найман хошууны монголчуудын дотор хуучин ард цөөн болов...” иймээс “... өдөр удсаны хойно улам улам ташаарагдаад... үг, аялгууг үл олмуй” гэж тэмдэглэсэн байдаг. Иймээс уг тольд монгол үгийг манж үсгийг галиг болгон ашиглаж “... таних уншихад хялбар болгов” гэж дурдсан ажгуу. Иймээс энэхүү толь бичиг нь монгол үгийн дуудлагыг тодорхой болгох зорилгыг агуулсан учир цаашид монгол бичгийн дуудлагыг хадгалахад ямар нэг хэмжээгээр тус болсон нь магад буй за. Бурхны ном зохиолын цоморлог болсон Ганжуур, Данжуурыг орчуулах үест Жанжаа Ролбийдорж (1717–1786) тэргүүтэй комисс ажиллаж, “Мэргэд гарахын орон” нэртэй төвөд-монгол нэр томъёоны толь гаргаж байв.

1921 оны байгуулагдсан Ардын засгийн газар “Судар бичгийн хүрээлэн”-г байгуулснаар шинэ Монгол улсад шинжлэх ухаан, тэр дундаа эртний уламжлалтай хэл бичгийн ухааныг тогтолцоотой хөгжүүлэх таатай боломж бүрдсэн юм. Тухайлбал Ишдоржийн “Монгол хэлний дүрэм” (УБ, 1930, хуучин монгол үсгээр), “Монгол шинэ үсгийн заавар” (УБ, 1931, латин үсгээр) номууд зүй ёсоор орж байна.

1930-аад оны сүүл үед Орос, зөвлөлтийн эрдэмтдийн нөлөөгөөр монгол хэл судлалд шинэ арга, арга зүй нэвтэрсний тодорхой жишээ бол Ш.Лувсанванданы “Монгол хэлний зүй” (УБ, 1939) гэдэг бүтээл юм. “Лувсанванданы цагаан ном” гэж алдаршсан энэ бүтээл нь манай улсын хэмжээнд авч үзвэл, анх удаа монгол хэлээр, орчин үеийн хэл шинжлэлийн аргаар туурвисан бүрэн хэл зүй төдийгүй тухайн үедээ дэлхийн монгол судлалын түвшинд бүрэн нийцэж байв. Тиймээс энэ бүтээл нь манай улсын ЕБС-д үзэх сурах бичиг, мөн их дээд сургуулийн хичээлийн хэрэглэгдэхүүн, түүгээр ч үл барам ШУА-аас эрхлэн гаргасан “Орчин цагийн монгол хэл зүй” (УБ, 1966) бүтээлийн онол, арга зүйн үндэс болж байв. 1970-аад оны эхээр монгол хэл судлалд бүтэц зүйн арга бий болох хүртэл энэ арга нь манай хэл шинжлэлийн гол арга байсаар ирсэн юм.

1990 оноос, улс орон маань дэлхий ертөнцөд нээлттэй болсонтой уялдан Монгол хэл судлалд ерөнхий хэл шинжлэлийн хүрээнд байр сууриа нэгэнт эзэлж байгаа орчин үеийн судалгааны чиг хандлага бодит зүйл болон хэрэгжиж эхэллээ.

Өнгөрсөн хугацаанд монголын ард түмний дийлэнх олонх үндэснийхээ бичиг үсгийг үл мэдэх үеэс бүх ард иргэдээ бичигтэн болгож, энэтхэг-төвөдийн хэл шинжлэлийн дэгээс орчин цагийн хэл шинжлэлийн бүхэл бүтэн тогтолцоотой ухааныг үүсгэн хөгжүүлж, Европод дөнгөж соёолж байсан Монгол хэл судлалыг эх орондоо ургуулан төлжүүлж, улмаар Дэлхийн монгол судлалын төв болгож

чадсаны гадна Монгол үндэсний утга зохиолын хэлний бүхэл бүтэн тогтолцоог буй болгох хэрэгт нөлөө үзүүлсэн олон чухал үйл явдлыг өрнүүлж чаджээ.

Судар бичгийн хүрээлэн байгуулагдсанаас хойших 100 жилийн хугацаанд манай хэл бичгийн эрдэмтдийн гүйцэтгэсэн эрдэм шинжилгээний ажлын үр дүнд, монгол хэл судлалын салбарт чамлахааргүй амжилт олсныг онцлон тэмдэглэж байна. Үүнд, түүхэн болон тодорхойлох авиа зүйн хүрээнд хийсэн судалгаа нь дэлхийн монгол судлалын өмнө тулгамдсан зорилтыг үндсэнд нь шийдвэрлэх нөлөө үзүүлсний гадна манай улсын их дээд сургуулиудад үзэх мэргэжлийн ангийн хичээлийг сурах бичиг, хичээлийн хэрэглэгдэхүүнээр хангасан бол, уг зүйн хүрээнд хийсэн ажлууд нь цаашид шинжлэх ухааны хэл зүй зохиох боломжийг бүрдүүлсэн байна. Өгүүлбэр зүйн хүрээнд хийсэн судалгаанууд нь монгол хэл шинжлэлийн бие даасан салбар ухаан болсныг баталдаг бол Нутгийн аялгуу судлалын хүрээн дэх судалгаанууд нь уг салбарыг дэлхийн монгол судлалын хэмжээнд хүртэл өргөжүүлжээ. Үгийн сан судлалын хүрээнд хийсэн ажлууд нь уг ухааныг монгол хэл шинжлэлийн чухал салбар болгоход үлэмжхэн нөлөө үзүүлсэн бол тользүй нь төрөл зүйлийн хувьд төдийгүй агуулгын хувьд ихээхэн баяжин хөгжив. Үсэг зүйн талаар өнгөрсөн хугацаанд хийсэн судалгаа нь уг судлалын туг монгол хүний гарт шилжсэнийг илтгэн харуулж чадаж байгаа бол найруулга зүй, зөв бичих зүй, нэр томьёо судлалын талаар хийсэн судалгааны ажлууд нь утга зохиолын хэлийг цэвэр ариун, тодорхой хэм хэмжээтэй болгоход онолын хувьд чухал нөлөө үзүүлсэн төдийгүй манай орны нийт иргэдийн эх хэлний боловсролыг дээшлүүлэх, уламжлалт хэл соёлынхоо экологийг цэвэр ариунаар хойч үедээ өвлүүлэхэд практик ач холбогдолтой болжээ.

Монгол хэл судлалын хувьд шинэ салбар болох нэр зүй, хэл шинжлэлийн түүх, зөв дуудах зүй зэрэг ухаан үүсэж байна. Алтай хэлнүүдийн харьцааны асуудалд манай эрдэмтэд урьдын адил анхаарлаа хандуулж ирсний үр дүнд уг салбар ухааны цаашид хөгжих үндсийг тавьсан гэж үзэж байна.

Ийнхүү монгол хэл судлал нь олон салбараас бүрдсэн тогтолцоотой шинжлэх ухаан болон хөгжихөд уг салбарт хуримтлагдсан сонгодог уламжлалыг бүтээлч шинэчлэлтэй хослуулан хөгжүүлж чадсаны үр дүн гэж үзэж буйгаа эцэст нь онцлон тэмдэглэе.

Понарядов Вадим Васильевич
кандидат филологических наук
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Россия
vadim.ponaryadov@yandex.ru

НАСКОЛЬКО КАЛМЫЦКИМИ ЯВЛЯЮТСЯ «КАЛМЫЦКИЕ» ЯЗЫКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ Н. ВИТСЕНА?

В статье рассматривается лексический список, приведенный в книге Н. Витсена «Noord en Oost Tartarye» (первое издание 1692 г.) под названием «калмыцкого». Показано, что лишь небольшая часть слов в нем относится к диалекту или диалектам, предковым для современного калмыцкого языка. Большинство же элементов в этом списке принадлежит к близкому, но отличающемуся от калмыцкого старосибирскому ойратскому диалекту. Также там присутствуют халха-монгольские и, вероятно, бурятские элементы. Кроме того, список включает несколько русских и тюркских слов.

Ключевые слова: калмыцкий язык, ойратские диалекты, исторические памятники монгольских языков, Н. Витсен.

Ponaryadov Vadim Vasilievich
Candidate of Sciences in Philology
Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

HOW MUCH KALMYK ARE THE “KALMYK” LANGUAGE MATERIALS OF N. WITSEN?

The article deals with the lexical list presented in N. Witsen’s book “Noord en Oost Tartarye” (first published in 1692) as “Kalmyk”. It is demonstrated that only a little part of words in it belongs to a dialect or dialects ancestral for the modern Kalmyk language. Most of the elements in this list belong to the Old Siberian Oirat dialect that, being close to Kalmyk, is still distinct from it. Some Khalkha Mongolian and probably Buryat elements are found there as well. Besides that, the list includes several Russian and Turkic words.

Keywords: Kalmyk language, Oirat dialects, historical monuments of Mongolic languages, N. Witsen.

Книга Н. Витсена «Noord en Oost Tartarye» («Северная и восточная Татария»), первое издание которой вышло в 1692 г., а второе, расширенное – в 1705 г., давно привлекает внимание содержащимися в ней материалами по финно-угорским, алтайским, кавказским и палеоазиатским языкам, многие из которых представляют первые их письменные фиксации или дают ценные сведения об отличиях разговорной речи того времени от письменной традиции. Среди этих материалов есть и относящиеся к монгольским языкам. В частности, Н. Витсен дает обширные лексические списки для монгольских языков, фигурирующих у него под названиями даурского (*Dauersche*) и калмыцкого (*Kalmaksche*).

В отношении первого из этих языков исследователями было установлено, что он не имеет к современному даурскому (дагурскому) языку никакого отношения, а представляет собой особый ойратский диалект (Найнал 1994). Специальные исследования показали, что этот существовавший в XVII–XVIII вв. диалект характеризовался примечательными фонетическими и морфологическими особенностями, отличающими его от старописьменного ойрато-калмыцкого языка и разговорного калмыцкого языка того времени. В частности, древнее фонетическое сочетание *-ауи-* в нем развивалось в *-ō-* (в отличие от засвидетельствованного уже в XVIII в. калмыцкого *-ū-*), а аккузативный показатель выступал в форме *-ī* (при отсутствии характерного для калмыцкого языка *-īgi*, *-āgi*). Помимо словника в книге Н. Витсена, были обнаружены другие записи XVII–XVIII вв., а также лексические заимствования в тюркских языках с теми же лингвистическими особенностями. Поскольку все они связаны с Сибирью, было предложено называть эту западномонгольскую языковую разновидность «старосибирским ойратским диалектом» (Понарядов 2014; 2015).

«Калмыцкий» лексический список Н. Витсена был недавно рассмотрен Ж. Б. Бадагаровым (Badagarov 2018). Исследователем было отмечено, что некоторые элементы списка несут черты старописьменного ойратского языка, в то время как другие выглядят разговорными (Badagarov 2018: 461) и, кроме того, можно говорить о присутствии в нем наряду с западномонгольскими ойрато-калмыцкими формами халхаских и бурят-

ских (Badagarov 2018: 535). Таким образом, в отличие от однородного по языковым особенностям «дагурского» списка (на самом деле представляющего особый старосибирский ойратский диалект), «калмыцкий» список Н. Витсена является по языковым особенностям гетерогенным, включающим слова из разных монгольских языков или диалектов.

Более того, часть слов в него попала вообще из других языков. В частности, там обнаруживаются такие лексические единицы, как *Ousda* ‘узда’, *Korovay* ‘корова’ (из русского), *Azygar* ‘жеребец’, *Shara* ‘пиво’, *Izuim* ‘виноград’ (из тюркских).

Диагностическим признаком халха-монгольских элементов в рассматриваемом лексическом списке является отсутствие конечного согласного *-n* в некоторых именах существительных. Например, *Mus* ‘лед’ (ср. халх. *mөс*, калм. *mөсн*); *Mountou* ‘серебро’ (ср. халх. *mөнгө*, калм. *mөңгн*); *Tzasou ouroba* ‘идет снег’ (ср. халх. *цас оров*, калм. *цасн орв*). О наличии бурятских элементов едва ли можно говорить столь уверенно. Ср., однако, *Kain* ‘хорошо’ – скорее из бур. *хайн*, а не искаженная транскрипция для халх. *сайн* или калм. *сээн*.

Большинство слов в списке, однако, могут быть признаны в широком смысле ойрато-калмыцкими. Однако являются ли они калмыцкими в узком смысле, т.е. отражающими собственно калмыцкий язык того времени – предок современного калмыцкого языка?

Как выше было сказано, древнее фонетическое сочетание *-ауи-* в калмыцком языке превратилось в *-й-*, и это развитие засвидетельствовано уже в XVIII в. Оно последовательно представлено в двух относящихся к этому времени крупных собраниях калмыцкой лексики в кириллической записи – анонимном «Словаре языка калмыцкого» (Русско-калмыцкий словарь анонимного автора... 2014) и калмыцкой части составленных П. С. Палласом «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (Паллас 1787–1789), что убедительно свидетельствует о завершенности данного фонетического перехода в указанный период в языке калмыков Поволжья. Между тем в «калмыцких» материалах Н. Витсена на месте древнего фонетического сочетания *-ауи-* в подавляющем большинстве случаев обнаруживается *-ō-*: *Kiro* ‘мороз’, *Chalon* ‘жарко’, *Don* ‘голос’, *Ola* ‘гора’, *Czelon* ‘камень’, *B’o* ‘ружье’, *Galon* ‘дикий гусь’, *Koocsun* ‘старый’ и др. Ср. соответствующие слова в «Словаре языка калмыцкого»: *куру́*, *халуу́н*, *дун*, *уулá*, *чолун*, *буу́*, *галуу́н*, *хуучи́н*. Только изредка в «калмыцком» лексическом списке Н. Витсена встречаются слова с развитием *-ауи-* в *-й-*: *Pu* ‘гром’, *Kouray* ‘сухо’. Именно эти последние должны быть признаны собственно калмыцкими, а многочисленные слова с *-ō-* скорее относятся к тому же самому старосибирскому ойратскому диалекту, что и в «даурском» списке.

Добавим к этому, что в «калмыцком» списке Н. Витсена совершенно не встречается характерный для калмыцкого языка аккузативный показатель *-īgi*, *-āgi*, в то время как обычный для старосибирского ойратского диалекта аккузативный показатель *-ī* засвидетельствован: *Vu teuni medeku ugey* ‘Я этого не могу делать (букв. не знаю, не умею)’.

Подытоживая вышесказанное, приходим к следующим выводам. В языковом отношении «калмыцкий» список Н. Витсена является гетерогенным; он включает лексические материалы, относящиеся к различным монгольским и немонгольским языкам и диалектам. Наиболее значительная его часть отражает формы старосибирского ойратского диалекта. Другие монголоязычные формы являются собственно калмыцкими, халхаскими и, возможно, в единичных случаях бурятскими. Кроме того, небольшое количество слов списка являются русскими и тюркскими по происхождению.

Литература:

Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. 1–2. СПб.: Печатано в типографии у Шнора, 1787–1789. 116 + 496 с.

Понарядов В. В. Об одном забытом староойратском диалекте XVIII в. // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: материалы междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина, Элиста, 10–13 нояб. 2014 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. С. 294–296.

Понарядов В. В. Падежные показатели в старосибирском ойратском диалекте // З. К. Касьяненко – учитель и монголовед (посвящается 90-летию): междунар. конф. 30 сент. – 1 окт. 2015 г., Санкт-Петербург. Программа. Тезисы. СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2015. С. 31–32.

Русско-калмыцкий словарь анонимного автора XVIII в. [Электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.

Badagarov J. Witsen’s Kalmyk glossary // The fascination with Inner Eurasian languages in the 17th century. The Amsterdam mayor Nicolaas Witsen and his collection of ‘Tartarian’ glossaries and scripts. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2018. P. 461–538.

Hajnal L. Witsen’s “Dagur” material // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1994. № 3. P. 279–326.

НАЙРУУЛГА СУДЛАЛЫН ХӨГЖЛИЙН АСУУДАЛД

Илтгэгчийн бичсэн энэхүү өгүүлэлд аман өв, бичгийн зохиолд туссан уламжлал, орчин цагийн найруулга зүйг хөгжүүлж ирсэн түүх, монгол туургатны судалгааны харилцан нөлөөлөл, найруулга зүйч нарын бүтээлийн талаар тогтолцоотой авч үзсэнээрээ тус бичвэр онцлог болно. Хэлний найруулгын онцлогийг судлах талаар монголчууд эртний уламжлалтай. Аман уламжлалаар үгээ зөв сонгох, зохистой харилцах талаар үеэс үед амаас ам дамжуулан сургаж ирсэн нь чухамдаа хүн төлөвших, нийгмийн сайн сайхан харилцаанд зориулагдсан. Аман бичгийн хэлний илэрхийлэл бол монголын ард түмний бүтээн хадгалж хайрлан хамгаалж, эрхэмлэн үзсээр ирсэн нандин зүйл юм. Ялангуяа тодорхой үүргийн дагуу хэлний хэрэглүүрийг шилж сонгох, зохистой хэрэглэх талаар монгол хэлний найруулга зүйн их туршлага хуримтлуулсныг цаг үеийн онцлог, их дээд сургуульд найруулга зүйн хичээл хэдийд зааж эхэлсэн, ямар бүтээлүүд гарч байсан талаар товчоолон тайлбарлах аргыг голлон уг илтгэлийг бичжээ.

Түлхүүр үг: найруулга зүй, аман өв, бичгийн зохиолд туссан уламжлал.

*Ochirtogoo Shinebayar**Ph.D**Institute of Language and Literature**of the Mongolian Academy of Sciences**Ulaanbaatar, Mongolia***TO THE ISSUE ON THE DEVELOPMENT OF THE MONGOLIAN STYLISTICS**

This article deals with a systematic review of oral heritage, written traditions, the history of the development of Mongolian stylistics, the influence of research, and the research stylistics book. Mongolians have a long tradition of studying the features of language style. From generation to generation, oral tradition has taught us how to choose the right words and how to communicate properly, which is essentially for human behavior and good social relations. Oral written language is anesteemed thing that the Mongolian people have created and preserved. In particular, the report maintained hermeneutic methods on the study of teaching the stylistics at the university, and the text books that were used. Also about the books of stylistics which were published that time.

Keywords: Mongolian stylistics, oral heritage, written tradition.

Хэлний найруулгын онцлогийг судлах талаар монголчууд эртний уламжлалтай. Аман уламжлалаар үгээ зөв сонгох, зохистой харилцах талаар үеэс үед амаас ам дамжуулан сургаж ирсэн нь чухамдаа хүн төлөвших, нийгмийн сайн сайхан харилцаанд зориулагдсан билээ. Аман бичгийн хэлний илэрхийлэл бол монголын ард түмний бүтээн хадгалж хайрлан хамгаалж, эрхэмлэн үзсээр ирсэн нандин зүйл юм. Монгол мэргэдийн бүтээл аман хэлээс бичгийн хэлнээ үг хэлээ судлахад чиглэж цаашид эх хэл төдийгүй харь орны үг хэллэг, зохиол бүтээлийг орчуулахад хэрхэн найруулах талаар судалгаа шинжилгээтэй хандаж ирсэн нь туурвиж бүтээсэн туршлагаас харагдах юм. Энэтхэг, Төвд, Монгол зэрэг улсуудын утга соёлд үлэмж дэлгэрсэн “дуун ухаан” хэмээх өргөн цар хүрээтэй ойлголтын доор үгийг найруулж, утгыг урлахын эрдэм уламжлан хөгжсөн юм. 6-р зууны үед Энэтхэгийн эрдэмтэн утга зохиолын онолч Данди буюу төвдөөр Югбажи, монголоор Бэрээт багш самгардиар “Кавьяадарша” монголоор “Зохист аялгууны толь” хэмээх бүтээлийг туурвижээ.

Энэхүү “Зохист аялгууны толь” 18-р зууны орчим Гэлэгжалцан гүүшийн орчуулгаар манайд дэлгэрсэн. Эртний Энэтхэг, Төвд, Монгол зэрэг улсын утга соёлын хүрээнд үгийг найруулах, утгыг

урлахын нэгэн зүйл эрдэм уламжлан хөгжсөөр ирсэн ажээ. Энэ уламжлалд суурь болох бүтээлүүд нь Дандийн “Зохист аялгууны толь”, Жамьяангаравын “Эсэруагийн эгшиг дуун” зэрэг болой.

Уламжлалт онолын сэтгэлгээ, бүтээл туурвилын залгамж чанар өвлөгдсөөр 1920, 30-аад он хүртэл аман бичгийн уламжлалын шинжтэйгээр заан сургаж байсан юм. Манай эрдэмтэн судлаачдын бичсэн найруулгын холбоотой бүтээлүүдээс харахад уран зохиол судлалын хүрээнд энэхүү ухааныг хамааруулж байсныг Базарын Ишдоржийн 1934 онд зохиосон “Монгол хэлний яруу найруулга” номоос эхлэн харж болох юм.

Тус номын өмнөх үгэнд “Аливаа аймаг хүмүүс өөрийн хэлний уран сайхан зохиолыг анхааран таних ба сэтгэлд зохистой тул түүнд дуртай болох учир сонирхон сонсож тогтоох, уламжлан өгүүлэх баймуй. Эдгээрхүү уран зохиолууд нь мөн аймаг хүмүүсийн хэлийг сайжруулах зүйрлэх, хуучин үгийг мартуулахгүй ер өгүүлэх хэлийг уран сайн найруулгатай ба баялаг болгоход тустай байжээ” (Ишдорж 1934: 3) хэмээн найруулгын ач холбогдлыг дүгнэжээ. Тухайн цаг үед аман ярианд найруулга, найрлага гэх аль алианаар хэрэглэхийн зэрэгцээ бичгийн хэлнээ найруулга гэх нэр томъёог хэвшиж ирсэн нь сурах бичигт бичигдэн үлджээ.

Сономбалжирын Буяннэмэх 1935 онд “Утга зохиолын үүд” хэмээх онолын бүтээл туурвисны дотор шүлэглэсэн зохиолын утга агуулгын хувьд “гүн нарийн утга” буюу далд утгатай шүлэг, “ер үгийн шүлэг”, буюу ил утгатай шүлэг, бүтэц хэл найруулга холбоо бадаглалын хувьд “холбоо шүлэг” шүлэглэлт өгүүллийн зүйл “хос уянга”, “зүйр үг” гэж ангилан хуваасан бол зориулалтаар нь “шүлэг” ба “холбоо найруулга” хэмээн хоёр ерөнхий ангилсан байна (Энхбаяр 2000: 119–120).

Орчин цагийн монгол хэлний найруулга зүйн хичээлийг хэдийд их дээд сургуулийн оюутнууд судлан, гарын авлага, судалгааны ямар их хэрэглэгдэхүүн ашиглаж ирсэн талаар авч үзвэл 1950-иад оноос эхлэн хэлний найруулга зүйн холбоотой ойлголт ухагдахууныг МУИС-ийн оюутнуудад уран зохиолын онолын хичээлүүдээр хавсарга болгон зааж сургаж байсантай холбоотой юм. Цаашид 1960 хэдэн оноос их дээд сургуулийн хөтөлбөр төлөвлөгөөнд тусахдаа “Найруулга зүй” гэсэн нэрээр тэмдэглэгдсэнээс хойш ерөнхийдөө нэр томъёоны хувьд тогтож сургалт болон хэлний хэрэглээнд хэвшиж ирсэн байна.

Судалгааны хувьд 1954–1955 онд Оросын “Вопросы языкознания” сэтгүүлд найруулга зүйн асуудлаар онолын томоохон цуврал зохиосон нь найруулга зүйн шинжлэх ухааны хөгжилд үнэтэй хувь нэмэр оруулжээ. Энэ маргаанд тухайн үеийн Зөвлөлтийн нэр цуутай хэл шинжээчид оролцон санал бодлоо солилцож үр дүнд нь “найруулга зүй” гэсэн нэр томъёоны цаана ойлгож байсан олон янзын ойлголтыг нэг мөр болгоход чиглэсэн юм (Орчин цагийн... 2010: 372).

Энэхүү маргаантай холбогдуулан 1956 онд “Монгол бичгийн зарим асуудал” гэсэн хэл шинжлэлийн сэтгүүлд Б. Ринчен, Ж. Бадраа, Ш. Гаадамба, Н. Жамбалсүрэн нарын өгүүлэл гарсан нь орчин цагийн монгол хэлний найруулга зүйн анхны шинжлэх ухааны шинжтэй бүтээлүүд байжээ. Тухайлбал: Ж. Бадраа “Манай дунд сургуулиудад үздэг төрөл бүрийн сурах бичгийн хэлний тухай” өгүүлэл нийтлүүлсэн байна (Монгол хэл... 1954). Тэмдэглэлээс үзвэл найруулга зүйн хичээл судлах болсон 1962–1963 оны хичээлийн жилээс МУИС-ийн хэл бичгийн факультетад Ж. Бадраа “Монгол хэлний найруулга зүй” хичээлийг зааж эхэлсэн байна (Бадраа 2017). 1963 онд нийгмийн ухааны багш нарын зөвлөгөөн болсны дараахан УТТ-ны тогтоол гарч найруулга зүйн сургуулийн хөтөлбөр төлөвлөгөөнд тусган хичээл сургалтаар заах болсон байна.

Монгол улсад олон нийтийн бичих найруулах чадвар сайн эзэмшүүлэх нь чухал болсонтой холбогдон Ж. Бадраа 1964 онд “Монгол хэлний найруулга зүйг дунд сургуульд заах гарын авлага” мэргэжил дээшлүүлэх институтийн хүсэлтээр нийслэлийн хэл бичгийн багш нарт лекц уншжээ (Бадраа 2017a).

Мөн 1964 онд Монгол хэлний найруулга зүйн сурах бичгийн программыг ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн даалгавраар бичиж эрдмийн зөвлөлийн хурлаар батлуулж, “Монгол хэлний найруулга зүйн наад захын шаардлага” өгүүлэл хэвлүүлжээ. Их дээд сургуулиудад тухайлбал 1966, 1967 онд МУИС-д дараахан УБИС-д дадлагын найруулга зүйн хичээлийг тус тус зааж эхэлсэн байна. Ерөнхий боловсролын дунд сургуулийн 9, 10 дугаар ангид сургалтын шинэ системээр найруулга зүйн хичээл заах болсноос гадна 1973–1974 оны хичээлийн жилээс эхлэн улсын хэмжээний их, дээд сургуулийн монгол хэл уран зохиолын багшийн төгсөх ангид монгол хэлний дадлагын найруулга зүйг үндсэн мэдлэг олгох хичээл үзэх болсон юм. 1970-аад оноос мэргэжлийн найруулга зүйч гэж хэлж болох найруулга зүйн дагнасан судалгаа хийдэг судлаачид төрөн гарсны тодорхой төлөөлөл нь Д. Отгонсүрэн,

Ц. Сүхбаатар нар юм. Д. Отгонсүрэн 1974 онд “Уран зохиолын хэлний тухай” [1974], 1975 онд “Монгол хэлний найруулга зүй” [1975], 1979 онд Ярианы найруулгын соёл, 1978 онд “Монгол хэлний холбоос үгийн найруулгын үүрэг” [1978], 1982 онд “Орчин цагийн монгол хэлний хэв байдлын дагаврын найруулгын үүрэг” [1982], 1984 онд Д. Нацагдоржийн зохиолын хэл найруулга, уран сайхны онцлог” [1984], 1994 онд “Монгол хэлний үгийн сангийн найруулга зүй” [1994], 1995 онд “Эх зохиох товч гарын авлага” [1995], 1996 онд “Монгол хэлний хэлзүйн найрууллын өгүүллүүд” [1996] бүтээлийг, Ц. Сүхбаатар “Монгол хэлний найруулгазүй” [1988, 2002, 2004, 2007, 2009, 2012, 2015], “Найруулан бичих арга ухаан” [1993], “Эхийн найруулга зүй” тэргүүн дэвтэр [2001], “Эхийн найруулга зүй” дэд дэвтэр [2002], “Монгол хэлний найруулга зүйн нэр томьёоны тайлбар толь” [2003], “Монгол хэлний найруулга зүй” [2015] нэг сэдэвт бүтээлийг тус тус хэвлүүлжээ. 1970-аад оны эцэс наяд оны эхээр Өвөрмонголын их сургууль, Өвөрмонголын багшийн их сургууль, Төвийн үндэсний дээд сургуулийн хэлний багш нарын хамтарч найруулсан “Орчин цагийн монгол хэл” хэмээх зохиолын найруулга зүйн хэсэг (Өвөрмонголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1982), Ө. Наранбат “Монгол хэлний найруулгын судлал” (Өвөрмонголын ардын хэвлэлийн хороо, 1986), Өвөрмонголын нийгмийн шинжлэх ухааны хүрээлэнгийн хэл судлах газрын тусгай бүтээл “Орчин цагийн монгол хэлний судлалын тойм” (Өвөрмонголын ардын хэвлэлийн хороо, 1988) гарчээ.

Монгол хэлний найруулга зүйг хөгжүүлэхэд БНХАУ-ын ӨМӨЗО-ны Ө. Наранбат, Тэгшдүүрэн, Дэлгэр, Хастуяа, ОХУ-ын Буриадын Л. Д. Шагдаров, Д. Д. Санжина, С. Г. Атсанавонг нарын судалгаа хувь нэмэр болсон юм. Үүнд: Л. Д. Шагдаров “Буриадын утга зохиолын хэлний үүрэг-найруулга зүйн ялгарал” [1974], Ө. Наранбат, “Монгол хэлний найруулгазүй” [1986], Тэгшдүүрэн “Найруулга зүй” [2005], Д. Д. Санжина “Буриадын хэл шинжлэлийн найруулга” (Үгийн сангийн найруулгын хэрэглүүр) [2007], “Буриад хэлний үгийн сангийн найруулга зүй” [2013], С. Г. Атсанавонг “Стилистика современного монгольского языка” [2013], Дэлгэр, Хастуяа “Одоо үеийн найруулгын ухаан-Монгол хэлний намбын судалгаан” [2014] бүтээлүүд хэвлүүлсэн байна. Монгол хэлний найруулга зүйн чиглэлээр М. Базаррагчаа “Монгол хэлний эхийн найруулга” [1989], “Монгол хэлний сүгэр ба найруулбарын тухай” [2003], Ц. Баярсүрэн, Ц. Сүхбаатар, Д. Отгонсүрэн “Монгол хэлний найруулгын төрөл” [1990], Д. Дорлиг, “Монгол хэлний найруулга зүйн товчхон” [1994], Г. Буянтогтох, Г. Давааням нар “Монгол хэлний найруулга зүй” [2009], Д. Баттогтох “Эрдэм шинжилгээний зохиолын найруулга” [2009], Ч. Чимэгбаатар “Монгол хэлний яруу найруулга” (I, II боть) [2012], О. Шинэбаяр “Монгол хэлний хэрэглээ, найруулга, уран сайхны эхийн шинжлэл” [2013], Б. Бямбадорж “Монгол хэлний найруулгазүй” [2014], Р. Бигэрмаа “Албан бичиг боловсруулах арга зүй, түүний найруулга” [2015], Л. Балдан “Монгол хэл, нэр томьёо, найруулга зүйн судалгаа” [2017], Ш. Баттөгс “Хэрэглээний найруулга зүй ба найруулах эрдэмд суралцах нь” [2017], Г. Бямбацэрэн нар “Эхийн найруулга, түүнд суралцахуй” [2017] гэх зэрэг найруулга судлалын онолын ном, бүтээлүүд хэвлэгдсэний зэрэгцээ хэрэглээний найруулга, найруулгын төрөл тус бүрээр олон ном, сурах бичиг гарсан байна.

Дүгнэлт

Монголчууд аман бичгийн хэлний онцлогт зохицсон уламжлалт найруулгын өвтэй ард түмэн бөгөөд хэдийгээр XX зуун гарсаар өрнийн найруулга зүйн онол сургаалаас суралцах болсон ч өөрсдийн үнэт найруулгын дэг сургаалаа уламжилж чаджээ.

Ном зүй:

Бадраа Ж. Судлах, сургахын арга ухаан. Улаанбаатар, 2017.

Бадраа Ж. Ардын урлаг судлал // Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн чуулган. 2017а.

Бадраа Ж. Монгол хэлний найруулга зүйн наад захын шаардлага // Шинжлэх ухаан. 1964. № 4/113.

Ишдорж Б. Монгол хэлний яруу найруулга. Улаанбаатар, 1934.

Монгол хэл бичгийн зарим асуудал. Улаанбаатар, 1954.

Орчин цагийн монгол хэл / Ред. Ц. Өнөрбаян, А. Цог-Очир, Ү. Ариунболд. Улаанбаатар, 2010.

Энхбаяр С. Утга зохиолын онол-туурвилзүй. Улаанбаатар, 2000.

*Бүрэнбилиг
Өвөр Монголын Нийгмийн Шинжлэх Ухааны Академийн
Хэл судлах газар
Хөх-Хот, Хятад Улс
15326037415@163.com*

ӨНӨӨ ҮЕИЙН ӨВӨР МОНГОЛЫН, МОНГОЛ БИЧГИЙН ЗӨВ ДУУДАХ ЗҮЙН ТУХАЙ

Энэхүү өгүүлэлд орчин үеийн Өвөр Монголын монгол бичгийн зөв дуудах зүйн тухай авч үзсэн болно. Өвөр Монголын Шилийн голын Шулуун хөх хошууны Цахар аялгуу нь авиа зүйн системийн хувьд зургаан давуу талтай. Иймээс Өвөр Монголын хэл судлаачид цахар аялгуунд тулгуурлан монгол бичгийн зөв дуудлагын тогтолцоог бий болгожээ. Судлаач энэ асуудалд дүн шинжилгээ хийсэн байна.

Түлхүүр үг: цахар аялгуу, зөв дуудах зүй, орчин үеийн өвөр монгол, монгол бичиг.

*Burenbilige
Institute for Language Study
of the Inner Mongolian Academy of Social Sciences
Huh-Hot, China*

ON MONGOLIAN SCRIPT'S ORTHOEPY IN MODERN INNER MONGOLIA

In this paper is from the perspective of orthoepy of Mongolian script in modern Inner Mongolia. The Tsahar dialect of Inner Mongolian Xilin Gol's Zhenglan Banner's have got the six advantages of phonetics system. Therefore, Inner Mongolian linguists have developed a system of orthoepy pronunciation of Mongolian script based on the Tsahar dialect. The researcher analyzed this issue.

Keywords: Tsahar dialect, orthoepy, modern Inner Mongolia, Mongolian script.

БНХАУ-ын Өвөр Монголын өөртөө засах орон нь үндэсний монгол бичгээ олон зууны турш тасралтгүй хэрэглэж байгаа монгол туургатан, үндэстэн билээ. Тиймээс Өвөр Монголын ном бичгийн мэргэд, хэл шинжээч эрдэмтэн судлаачид хэрэглэж буй монгол бичгийнхээ хэрэглээний байдалд ямагт анхаарч ирсний дотор өнөө цагийн Өвөр Монголын хэл бичгийн салбарын эрдэмтэн судлаачид дараах чиглэлээр голчлон ажиллаж байна. Үүнд:

1. Монгол бичгийн зөв бичих зүй, хэл зүйн тогтолцоог улам боловсронгуй болгох асуудлыг авч үзсэн онолын томоохон суурь судалгаа хийх;
2. Монгол бичгийн утга зохиолын хэлний суурь аялгуу хийгээд утга зохиолын хэлний зөв дуудах зүйн хэм хэмжээг биелүүлэх нөхцлийг бүрдүүлэх;
3. Сургуулийн өмнөх насны болон бага, дунд сургуульд, улмаар их дээд сургуулийн орчинд монгол бичгийг заах сургалтын онол арга зүйн шинэ хэлбэрийг нээх, нэвтрүүлэх;
4. Орчин үеийн цахим хөгжил дэвшлийн давуу талыг монгол бичгийн бүхий л орчинд нэвтрүүлж, цахим монгол бичгийн хэрэглээний иж бүрэн тогтолцоо бүрдүүлэх;
5. Монгол бичгийн мэдээллийг боловсруулах, монгол бичгийн олон улсын юникод бүртгэлийн системийн зөв, оновчтой болгоход анхаарах, монгол бичгээрх мэдээллийн олон төрлийн цахим хөмрөг сан бүрдүүлэх;
6. Олон нийт өдөр тутмын хэрэглээндээ монгол бичгийг ашиглахад аль болох амар дөхөм, хялбаршуулсан байх хэрэглээний хувилбарыг боловсруулах, нэвтрүүлэх

зэрэг үндсэн чиглэлээр амжилттай ажиллаж байна. Эдгээрээс нэлээн чухалд тооцогдох нэгэн ажлын тухай тусгайлан авч үзье. Энэ бол Монгол бичгийн утга зохиолын хэлний суурь аялгуу хийгээд утга зохиолын хэлний зөв дуудах зүйн хэм хэмжээг биелүүлэх нөхцлийг бүрдүүлэх ажил болно.

1998 оны 9-р сарын 4-ий өдөр, Өвөр Монголын өөртөө засах орны Монгол хэл бичгийн ажлын зөвлөлөөс “Монгол хэлний дуудлагын дүрэмжлийн зарчим”-ыг батлан, үүнийг Өвөр Монголын өөртөө засах орны хэмжээнд хэрэгжүүлэн нэвтрүүлэхээр тогтжээ. Зарчимд: “Манай улсын монгол хэлний суурь аялгуу нь дундад аялгуу, Шилийн голын Шулуун Хөх Хошуугаар төлөөлүүлсэн Цахар аман

аялгуу нь Өвөр Монголын утга зохиолын хэлний зөв дуудах хэм хэмжээ болно” гэж заажээ. Ингэж заасан нь маш чухал учир шалтгаантай юм. Учир нь:

1. Цахар аялгуунд монгол хэлний эгшиг авиалбарын тогтолцоо нь бүрэн байна. Гэтэл харчин аялгууд “ö” авиалбар байхгүй тул, “öndög”- “wendeg” гэж дууддаг. Гэтэл ингэж дуудаж болохгүй буюу авиа ба бичгийн хэл нь нэгдэлтэй үед цахар аялгуугаар нэгдэлтэй дуудаж байхаар дүрэмжүүлсэн байна.

2. Бичгийн хэлний зарим хос эгшиг нь орчин цагийн монгол хэлний зарим аялгуу, аман аялгуунд нэгэнт урагшилсан урт эгшиг болсон бол, Цахар аман аялгуунд бичгийн хэлтэйгээ үндсэндээ ойролцоо учраас Цахарын дуудлагад суурилсан юм.

3. Цахарын аман аялгууны чанга “Г” эгшигийг авна.

4. Бичгийн хэлэнд байхгүй, гэвч орчин цагийн монгол хэлний зарим аялгуу аман аялгуунд нэгэнт бий болсон урагшилсан эгшиг ба зөөлөрсөн гийгүүлэгчийн үзэгдлийг Цахарын дуудлагаар дүрэмжүүлэх нь зөв юм.

5. Зөв дуудах зүйд эгшиг зохицох ёсыг баримтлах учир, цахарын аялгуунд эгшигийн систем нь бүрэн төгөлдөр учир зөв болно.

6. Цахар аман аялгууны зарим онцгой зүйлийг бичгийн хэл болон бусад аялгуу аман аялгууны нийтлэг зүйлээр дүрэмжүүлэх нь зөв юм.

Ийм учраас, эдгээр үндэслэлд тулгуурлан, Өвөр Монголын монгол хэлний суурь аялгууг “Дундад” аялгуу, Шилийн голын Шулуун Хөх Хошуугаар төлөөлүүлсэн Цахар аман аялгуу нь Өвөр Монголын утга зохиолын хэлний зөв дуудах хэм хэмжээний норм болсон байна.

2001 оны 2-р сарын 20-ны өдөр, цахар аялгууны зөв дуудах зүйг түгээмэлжүүлэх ажлыг улам эрчимтэй бөгөөд үр бүтэмжтэй сайтар хийхийн тулд, Өвөр Монголын өөртөө засах орны Ардын засгийн газрын зөвшөөрлөөр Өөртөө засах орны Үндэстний хэрэг эрхлэх зөвлөл, Радио, кино, телевиз товчоо, Сурган хүмүүжлийн тэнхим, Соёлын тэнхим зэрэг дөрвөн байгууллага хамтарч, “Монгол хэлний баримжаа авианы хэр хэмийн шалгалтын ажлыг явуулах тухай мэдэгдэл”-ийг “Өвөр үндэстэн зөвлөл [2001] 19-р тоот” бичиг материалаар уламжлан тараажээ. Тус мэдэгдэлд, “Монгол үг хэл үсэг бичиг бол манай орны нийтлэг үг хэл үсэг бичиг болохыг хууль дүрмийн үүднээс баталсан суурин дээр, шалгуулагчид ба тэдний хэр бүтэмжийн зэрэг дэсийн шаардлага, шалгалтын ажил хийх хүрээ хэвцээ, шалгалтын ажлын зохион байгуулалт, удирдлага, байгууламж жич шалгах хөтөлбөр, зэрэг дас он баримжаа зэрэг талаар тодорхой шаардлага тависан бөгөөд монгол хэлний баримжаа авианы зэрэг дэсийн үнэмлэлээр ажлын байранд гарах дүрмийг алхам алхмаар хэрэгжүүлнэ” гэж заасан байна. Тэгвэл эл явдлын дараа 2003 оны 11-р сард “Монгол хэлний суурь аялгуу, түүний зөв дуудах зүйн хэр хэмийг шалгах хөтөлбөр (туршин хэрэглэх дэвтэр)”-г бодитоор хэвлүүлсэн байна. Энэ хөтөлбөрт:

- “БНХАУ-ын Монгол хэлний суурь аялгуу, зөв дуудах зүйн авиалбарын систем” (2002 оны 1-р сарын 26-ны өдөр Зөв дуудах зүйн ажлын комиссын хурлаар батлав”);
- “Зөв дуудах зүйн эгшиг зохицох ёс”;
- “Зөв дуудах зүйн гийгүүлэгч уялдах ёс”;
- “Монгол бичгийн эгшиг үсэг, гийгүүлэгч үсгийн зөв дуудлага”;
- “Монгол хэлний дагаваруудын зөв дуудлага”;
- “Дан үгс” (зөв дуудлага бүхий 5000 орчим дан үг);
- уншлагад зориулсан “Унших үгүүд” (хоршоо холбоо үг, хувилалтай үг, зүйр цэцэн үг, дуудлага ойролцоо үг);
- “Унших зохиолууд” (нийт 30 зохиол);
- “Ярианы сэдэв” (нийт 50 сэдэв);
- Холбогдол бүхий бичиг материал, дүрэм, зөв дуудлагын хэм хэмжээг

багтаасан байна. 2009 оны 11-р сард “Монгол хэлний зөв дуудах зүйн хэр хэмийг шалгах хөтөлбөр (нэмэн зассан дэвтэр)”-г дахин хэвлүүлсэн байна. Тэгвэл 2017 оны 2-р сарын 21-ны өдөр, Өөртөө засах орны үндэстний хэрэг эрхлэх зөвлөл “Өвөр үндэстний зөвлөлөөс тараасан (2017) 8-р тоот” бичиг материалыг гаргаж, “Өөртөө засах орны Монгол нэр томъёоны комисс, Монгол хэлний суурь аялгууны ажлын комисс, Монгол бичгийн зөв бичлэгийн комиссын бүрэлдүүнийг тохируулах ажлын дүрмийг хэвлэн тараах тухай мэдэгдэл”-ийг батлан гаргажээ.

Бадмаева Лариса Батовна
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
lorabadm@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БУРЯТСКОГО ЛЕТОПИСНОГО ТЕКСТА¹

Статья посвящена рассмотрению лингвокультурологических особенностей бурятского летописного текста: специфических лексических единиц “категории вежливости” – явления вербального коммуникативного поведения бурят XIX в. на материале бурятских летописных текстов, созданных на монгольском письме. В 1930-е гг. в результате агрессивной языковой политики старомонгольская письменность была объявлена «антинародной», произведения на монгольском письме и их авторы попадали в разряд запрещенных. Под запретом была не только сама письменность, но и ее лексика. В пассивный фонд языка попали слова, фигуры речи из высокого стиля, “категории вежливости”. “Категория вежливости” рассматривается как компонент национального характера и поведения, сохраняющих устойчивость к инокультурному воздействию.

Ключевые слова: бурятские летописи, старомонгольская письменность, текст, вербальное коммуникативное поведение, категория вежливости, национальный характер.

Badmaeva Larisa Batoevna
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

LINGUOCULTUROLOGICAL PECULIARITIES OF THE BURYAT ANNAL'S TEXT

The article is devoted to the consideration of the linguocultural features of the Buryat chronicle text: specific lexical units of the “category of politeness” – a phenomenon of verbal communicative behavior of the Buryats of the 19th century. The considered texts of the Buryat Annals are created on the Old Mongolian Script. In the 1930s, as a result of an aggressive language policy, the Old Mongolian Script was declared “anti-people”, works in the Mongolian Script and their authors fell into the category of prohibited. Under the ban was not only the Mongolian Script itself, but also its vocabulary. Words, figures of speech from high style, “category of politeness” got into the passive fund of the language. The “category of politeness” is considered as a component of the national character and behavior that remains resistant to foreign cultural influences.

Keywords: Buryat Annals, Old Mongolian Script, text, verbal communicative behavior, category of politeness, national character

В условиях глобализации, когда каждый этнос стремится к сохранению своей идентичности, своего национального своеобразия, обращение к исследованию языка старописьменных памятников бурят, заложивших основы современного литературного бурятского языка, является актуальным и своевременным. Бурятские летописи не похожи на европейские или русские летописи, даже на собственно монгольские. Если русские летописи (XI–XVII вв.) представляют собой запись исторических событий по годам, то в бурятских летописях этого не наблюдается. Бурятские авторы излагают лишь наиболее важные события, происходившие в жизни тех или иных родов и племен. Вместе с тем в них, в отличие от монгольских летописей, содержится большое количество этнографических, хозяйственных, религиозных сведений (Бадмаева 2012: 21). Бурятские летописцы историю бурятского народа излагают в свете

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

тех событий, которые действительно имели место в истории, поэтому эти летописи представляют собой ценные источники знаний по истории Бурятии (Бадмаева 2012а: 32).

Рассмотрение “категории вежливости” как явления коммуникативного поведения является актуальной проблемой в бурятском языкознании. Как известно, вежливость – категория коммуникативного сознания, под которым мыслится совокупность механизмов сознания человека, обеспечивающих его коммуникативную деятельность. И. А. Стернин определяет речевое коммуникативное поведение как совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных условиях (Стернин 2000: 8).

Антропологи отмечают, что в монгольской культуре «через все этикетные ситуации проходят формы почтительного обращения друг к другу и особенно младших к старшим» (Жуковская 2002: 162). Как особенность летописного текста бурят следует отметить употребление специальной коннотированной лексики, относящейся к “категории вежливости”. В частности, использование лексем, выражающих уважение и почтительность к людям высокого ранга (царским особам, губернаторам, представителям иерархии буддийской религии и т.д.). “Категория вежливости” представляет собой один из компонентов национального характера и национального менталитета.

При рассмотрении языка летописных текстов XIX – начала XX вв. на монгольском письме выявлены лексические средства – формы, речевые клише, за которыми закреплён статус “категории вежливости”. Это группа особых лексических единиц, стереотипных высказываний с оттенком почтения, выражающих коммуникативные намерения автора: п.-монг. *baraŋalqaqu* ‘быть на приеме, получать аудиенцию’: *Ana-a-giin dačang degere eyüni-yin 7 edüre bügüde-ber ытујуу бараалқан байиқу*: (Летописи... 1935: 87) ‘7 июня все вышли навстречу великому князю и представились ему у Анинского дацана’; п.-монг. *morilaqu* ‘соизволить пожаловать, прибывать – о высоком госте’: *1873 on-u eyuni sar-a-du biden-ü nituy-udiyar alustan Ros orun-a bucaji morilaqu-yin čay-tu* (Летописи... 1935: 88) ‘когда он (царевич Николай Александрович – Л. Б.) соизволили находиться на обратном пути в Россию через наши кочевья в июне месяце 1873 года’; п.-монг. *aramnai eregügdekü* ‘освятить, освящать (дацаны)’: *mön on-du Selingge-yin medel-ün Congyol dačang-un blam-a Nimayilan-ber aramnai eregügdejü olan ulus čiyulju yeke bayasqulang-un nayir boluyad* (Востриков, Поппе 1935: 62) ‘в этом же году дацан освятил лама Цонгольского дацана Селенгинского ведомства Нимайлан при многочисленном собрании народа и большом празднике’ и др.

Выявлены лексические средства “категории вежливости” и в языке текста «Ацагатский очерк о хори-бурятах»: *küser* ‘земля’: п.-монг. *qormai-uyun debisejü qoyar ebüdüg-iyeren küser-e sügüden 3-ta mörgüjü* (Жамсоев... 2020: 136) ‘расстелив свои подолы, став на колени, трижды поклонились до земли’; п.-монг. *yegüdkekü* ‘скончаться, почтить’: *Erešken iduyun yegüdkebei kemen, eldeb qudal üge-nüid-i kelejü nutuy-tayan iregsen ajiyu* (Жамсоев... 2020: 138) ‘Когда вернулись на родину, он стал говорить ложь в свое оправдание, что якобы Эрэшхэн-удаган скончалась’ и др.

Данные лексемы характеризуют коммуникативное поведение бурят: анонимный автор использует изысканно-почтительные слова высокого стиля с целью показать почтительность по отношению к людям высокого социального положения: в.м. обычного *yabaqu* ‘отправиться, поехать’ – *jorčiqu* ‘шеествовать’; в.м. *nasu baraqu* ‘умереть, скончаться’ – *nögčikü, yegüdkekü, qaliqu* ‘почтить’; в.м. *yaŋar – küser* ‘земля’; в.м. *aŋuljaqu* ‘встречаться, видеться’ – *baraŋalqaqu* ‘получать аудиенцию, быть на приеме, представиться высокой особе’ и др.

Как правило, коммуникативное поведение людей реализуется в традициях и обычаях вербального общения определенной линвокультурной общности (Коммуникативное... 2015: 8). Выявленные лексические средства отражают социальные отношения между деятелями речевой коммуникации и отношении к людям, о которых идет речь, а именно демонстрацию уважения и почтения. “Категория вежливости” представляет собой один из компонентов национального менталитета и национальной картины мира бурят.

Бурятские летописи представляют интерес как аутентичные тексты, отражающие авторский взгляд «изнутри» (описания национального характера представителями самого этноса). Авторами летописей были представители степной аристократии, главы бурятских родов. Основными автостереотипами национального характера бурятской элиты XIX – нач. XX вв. выступают дальновидность, ответственность перед потомками (организация в 1703 г. судьбоносного похода хори-бурят в Москву к Петру I); стремление к образованности (тайши владели монгольской, тибетской, русской грамотой; наиболее способные дети обучались и содержались в учебных заведениях на народные средства); стремление к

соблюдению социально-нормативного поведения (сыновья тайшей брали уроки светского этикета высшего общества у ссыльных декабристов – князей С. Г. Волконского, С. П. Трубецкого (Жамсоев... 2020: 220); гибкость, быстрая адаптация к новым условиям жизни, новой системе (тайши первыми стали возводить деревянные дома русского образца; показывая пример простому народу, они первыми ставили прививки от оспы своим детям); законопослушность и исполнительность (они исправно собирали налог с народа и выплачивали его вплоть до падения царской власти).

Таким образом, выявленная “категория вежливости” в языке исторических текстов характеризует коммуникативное поведение бурят и свидетельствует о стилистической дифференциации бурятского языка. Явление вежливости как целостной многоаспектной системы состоит из сложившихся в обществе носителей языка представлений об этических нормах поведения, в том числе и речевых.

Литература:

Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 296 с.

Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописных текстов XIX – нач. XX вв.: филологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012а. 44 с.

Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летописи баргузинских бурят. Вып. 1. Тексты и исследования // Труды Института востоковедения. Т. VIII. М.-Л., 1935. 75 с.

Жамсоев А. Д., Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н. Ацагатский очерк о хори-бурятах. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 234 с.

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.

Коммуникативное поведение калмыков / Т. С. Есенова, В. В. Горяева, Б. А. Ностаева [и др.]. Элиста, 2015. 140 с.

Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. IX. М.-Л., 1935. 172 с.

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2000. 27 с.

*Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна
кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия
dug-vema@mail.ru*

*Мижиддорж Энхбаатар
Университет им. Этвеша Лоранда
Будапешт, Венгрия
Институт истории и этнографии Академии наук Монголии
Улан-Батор, Монголия
mijidenkhbaatar@gmail.com*

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ НОМАДНОГО СКОТОВОДСТВА МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается скотоводческая лексика халха-монгольского и бурятского языков. Актуальность темы связана и с введением полевого материала, собранного в ходе экспедиций на территории Монголии и Республики Бурятия. Применение этнолингвистического анализа при изучении лексики позволило раскрыть исторические, культурные, экономические, географические и этнопсихологические факторы в функционировании и эволюции языков в целом. Наряду с лингвистическим материалом даются сведения, описывающие изготовление элементов сбруи в области верблюдоводства, а также связанные с ними устойчивые выражения и сложившиеся традиционные запреты.

Ключевые слова: этнолингвистика, номадная лексика, монгольские языки.

*Vasileva Dugvema Natar-Dorzhienva
Candidate of Sciences in Philology
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia*

*Mijiddorj Enkhbaatar
Eötvös Loránd University
Budapest, Hungary
Institute of History and Ethnography of Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia*

ETHNOLINGUISTIC SPECIFICITY OF THE NOMADIC LEXIS IN MONGOLIAN LANGUGES

The article deals with the nomadic lexis in Khalkha-Mongolian and Buryat languages. The relevance of the topic is connected with the field material collected during expeditions within Mongolia and the Republic of Buryatia territories. Ethnolinguistic analysis of the material made it possible to reveal historical, cultural, economic, geographical and ethnopsychological factors in functioning and evolution of the languages as a whole. Along with the linguistic material analysis, the information describing the harness manufacturing process in camel breeding is presented. The authors study the nomadic lexis on the examples of set expressions and prevailing traditional prohibitions associated with camel breeding.

Keywords: ethnolinguistics, nomadic lexis, Mongolian languages.

Взаимосвязь триады «язык – этнос – культура» давно признана. Этнолингвистика как самостоятельное направление зародилась в недрах этнологии, получив широкое развитие в языкознании в США с 1870-х гг. «Этнолингвистика – направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к

культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» (Кузнецов 2017: 492).

Номадное скотоводство у монгольских народов имеет многовековую историю; кочевники, опираясь на опыт предков, занимаются разведением пяти видов скота: лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота, овец и коз. Известно, что при археологических раскопках древнейших захоронений найдены артефакты, связанные с приручением диких животных, такие как удила, кольца удил, попоны для лошадей, стремяна, кляпы (палочки, продеваемые через ноздри верблюда), поводья для верблюдов и др.

Изучению номадной лексики монгольских языков свои труды посвятили такие ученые, как Ц. Д. Номинханов, А. М. Щербак, К. А. Новикова, А. Рона-Таш, В. И. Рассадин, Э. Ч. Бардаев, С. В. Бадмацыренова, Б. Д. Бальжинимаева, То ван Тогтохтор, Ж. Самбуу, В. Бунчин, Г. Батнасан, Ч. Сонгино, Г. Гонгоржав и др.

В работе мы рассматриваем номадную лексику в области верблюдоводства. К имеющемуся пласту знаний добавлен «живой язык» полевых исследований на территории Монголии и Бурятии. Как считает Н. А. Лиханова, «идея этнолингвистического подхода заключается в интегральности духовного и материального понимания специфики этнокультуры, где привлекается широкий круг источников для описания всего языкового материала на диахронном уровне» (Лиханова 2015: 145).

В Гоби верблюдоводство является основной отраслью животноводства. Верблюжьи шкуры и шерсть применяются при изготовлении подпруг для лошадей: калм. *олң*, ойр. Синьцз. *олоң* ‘подпруга конского седла’; п.-монг. *olung*, х.-монг. *олон(г)*, бур. *олом* id. (Рассадин 2011: 88); вожжей: п.-монг. *jiluyi čulbuɣur*, х.-монг. *жолоо цулбуур*, бур. *жолоо*; повода для верблюда: п.-монг. *temegen-ü burantay*, х.-монг., бур. *бурантаг*, калм. *бурнтг*; колец для крупного рогатого скота: п.-монг. *üker-ün dörii*, х.-монг. *үхрийн дөр*.

Подробнее остановимся на *бурантаг* и *буйл*. *Бурантаг* – тонкая веревка длиной 2-3 метра, предназначена для того, чтобы вести верблюда, привязав веревку к *буйл*. Скручивают ее преимущественно из шерсти, вычесанной с загривка, шеи и колен верблюда, так как шерсть в данных местах длиннее. С данным словом зафиксированы следующие выражения: х.-монг. *бурантаг хөтлөх*, *бурантгаас барьж явах* ‘вести за повод’, х.-монг. *бурантаг залах*, *буйлны оосор хөдөлгөн залах* ‘направлять [верблюда], дергая за веревку, привязанную к кляпу’, х.-монг. *бурантагтай тэмээ шиг* ‘как верблюд на поводу’, что означает *гарын дор, хүний үгнээс гарахгүй, үргэлж дэргэд байдаг* ‘быть послушным, в подчинении, всегда под рукой, рядом’. Человеку, выезжающему в дальнюю дорогу, желают *буйлаа хугалалгүй, бурантгаа сунгалгүй яваад ирээрэй* ‘возвращайся, не сломав *буйл* и не растянув *бурантаг*’, что означает ‘пусть путь будет без препятствий’. В Гоби у охотников есть один метод охоты под названием *тэмээ түлхэх* ‘толкать верблюда’. Верблюда направляют тонким прутом, привязанным к его поводу. За верблюдом прячется охотник и незаметно приближается к дзередам и косялам.

Кляп, продеваемый через ноздри верблюда и к которому привязывается повод, называют *буйл*. Его изготавливают в основном из твердых пород дерева, как миндаль, тамариск, жимолость. Приведем отрывок из интервью скотовода А. Чинбата (жителя сомона Бугат Гоби-Алтайского аймака): «Кляпы (х.-монг. *буйл*) имеют определенный размер, при их изготовлении и установке соблюдается ряд правил. Для этого существует специально отведенное место. После [продевания кляпа] нужно, чтобы все зажило как можно скорее... Кляп нужно варить в масле... в этом случае при продевании кляпа не будет дальнейших воспалений. Существуют разные виды: *ээрүүлэн буйл*, *ац буйл*, *чагтан буйл*, *алхан буйл*, *мөөгөн буйл*. Отличные кляпы получаются из миндаля» (Энхбаатар 2020: 32).

Терминология бурятского языка в области верблюдоводства представлена в словарях и научных публикациях. В XVIII в. на территории Иркутской губернии, по словам Ю. Б. Санданова, «разведение верблюдов в рассматриваемый период было незначительным, особенно к западу от Байкала, их использовали в основном для езды и перевозки грузов, также для получения шерсти, мяса и т.д. (Санданов 2015: 122). Иная ситуация обстояла в Забайкальской области, где скотоводство имело огромное значение в жизни населения области. По уровню обеспеченности скотом в расчете на душу населения Забайкалье занимало одно из первых мест в Российской империи. В Иркутской губернии во второй половине XIX в. в связи переходом к полуседлому и оседлому образу жизни верблюдоводство у западных бурят исчезает практически полностью.

В настоящее время носители бурятского языка могут перечислить несколько половозрастных названий верблюдов (бур. *тэмээн* ‘верблюд’, *ботогон* ‘верблюжонок’, *атан тэмээ* ‘кастрированный

верблюды), тогда как терминология в области коневодства, овцеводства бурятского языка отличается большим разнообразием и сохранила былую первозданность.

Что касается запретов и табу, связанных с верблюдами, то женщинам запрещалось носить одежду из верблюжьей шерсти: бур. *Тэмээн ехэ хүндөөр түрэдэг, тэмээний нооһоор оёһон хубсаһа үмдэхэ, хүнжэлөөр хушаха дэмы* 'У верблюдицы в муках появляется верблюжонок, незачем надевать одежду и спать под одеялом из верблюжьей шерсти' (записано от Ж. Г. Намдыковой, с. Ацагат, Заиграевский район, Бурятия). Чагнаагийн Мажиг из шинэ-баргутского рода *хагшууд*, проживающая в с. Хулунбуир Восточного аймака Монголии, на вопрос: *Эмэгтэй хүн тэмээний ноосоор хийсэн хувцас өмсөхгүй гэж байдаг уу?* 'Есть ли такое, что женщины не носят одежду из верблюжьей шерсти?', ответила: *Тэр үед өмсдөггүй байсан. Тэмээний шөрмөсөөр юм оёхгүй. Хол нутагтай болно гэдэг. Жирмэсэн хүн тэмээ унаж болохгүй. Учрыг нь мэдэхгүй. Өнөө бол тэмээний ноосон цамц өмсөж байна* ' В то время не надевали. Верблюжьи сухожилия не использовали при шитье. Говорят, что будет жить далеко. Беременным женщинам нельзя ездить верхом на верблюде. Причину не знаю. Сейчас носят кофты из верблюжьей шерсти'.

Как можно видеть из приведенного здесь материала, скотоводческая лексика монгольских языков имеет общее происхождение, но в настоящее время терминология халха-монгольского языка в области верблюдоводства более развита и состоит из ряда микросистем, позволяющих более детально рассмотреть их как одну из составляющих модели знания о мире в контексте «язык – этнос – культура». Что касается терминов бурятского языка, единый тематический комплекс сохраняется в лексикографических источниках и образных значениях.

Литература:

Кузнецов А. М. Этнолингвистика // Большая российская энциклопедия. Т. 35. М., 2017.

Лиханова Н. А. Этнолингвистическая специфика описания диалектной терминографии Восточного Забайкалья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т 4. С. 124–128.

Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. 2011. № 8. С. 83–90.

Санданов Ю. Б. Номадное хозяйство у бурят в XVIII – начале XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. История. 2015. № 7. С. 119–124.

Энхбаатар М. Малын тоног хэрэгсэл. Аж ахуйн хэрэглээний толь. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2020. 180 т.

Сундужева Екатерина Владимировна
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
sundueva@mail.ru

СВЯЗАНЫ ЛИ ГАЛЗУТЫ С СОЛНЦЕМ: К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА

В докладе проводится семантическая реконструкция бурятского этнонима *галзууд*, номинирующего один из 11 хоринских родов. Рассмотрение морфологической структуры и семантики фонетически близких корней подтвердило общепринятое в этнографии мнение о том, что этноним восходит к прилагательному *галзуу* ‘бешеный’. Его значение связано с таким признаком проявления бешенства у животных, как нарушение координации.

Ключевые слова: монгольские языки, этноним, словообразование, образная лексика, аффикс, корень.

Sundueva Ekaterina Vladimirovna
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

ARE GALZUTS CONNECTED TO THE SUN: TO THE ETYMOLOGY OF THE ETHNONYM

The report provides a semantic reconstruction of the Buryat ethnonym *galzuud*, nominating one of the 11 Khori clans. Consideration of the morphological structure and semantics of phonetically close roots confirmed the generally accepted opinion in ethnography that the ethnonym goes back to the adjective *galzuu* ‘rabid’. Its meaning is caused by such a sign of the manifestation of animal’s rabies as a violation of coordination.

Keywords: Mongolian languages, ethnonym, word formation, imitative, affix, root.

Галзуты – старейшее племя в составе хори-бурят, также его представители зафиксированы в составе халха, а также новых баргутов, которые представляют собой часть хори, которые в XVII в. были данниками Цэцэн-хана в Восточной Халхе (Зориктуев и др., 2021: 92). Представленное среди баятов и дербетов племя *галзад*, по предположению А. Очира, является потомками галзутских отоков (Очир 2016: 68). По мнению Б. З. Нанзатова, высказанному в беседе с автором, форма *галзад*, скорее, близка к прилагательному *халзан* ‘лысый, плешивый’.

По предположению Г. Н. Румянцева, «эпитетом *галзут* могли заменить наименование родового тотема – “коня”, “жеребца”, считавшегося родоначальником рода галзут» (1962: 189–190). По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, тотемом выступала собака, т.е. *галзуу нохой* ‘яростная (или бешеная) собака’ (1972: 194–196). Б. З. Нанзатов и М. М. Содномпилова также возводят этноним к прилагательному *галзуу* ‘бешеный’ (Нанзатов, Содномпилова 2017: 29). Кроме того, известны версии исследователей, видящих в основе этнонима существительное *гал* ‘огонь’. Так, Т. Д. Скрынникова отмечает, что «значения слова *галзуу* могут быть денотатами солнца (*гал* ‘огонь’), что является архетипом», следовательно, *галзут* может означать ‘народ, обладающий бешеным (яростным) солнцем’, ‘солнечный народ’ (Скрынникова 2009: 20). Н. Б. Дашиева также видит в названии рода *галзууд* контекстную связь с культом солнца (Дашиева 2021: 370). В этих работах не рассматривается морфологическая структура этнонима. По версии А. Очира, этноним *галзууд* образовался в результате присоединения к существительному *гал* аффикса *-зуу* с последующим добавлением аффикса *-д* (Очир 2016: 68). К сожалению, автор также не уточняет статус форманта *-зуу* и не приводит других примеров с данным аффиксом.

Морфологическая прозрачность этнонима и невозможность трактовки отрезка *-зуу* позволяет согласиться с первым, общепринятым в этнографии мнением. В средневековом памятнике «Мукаддимат-аль-Адаб» зафиксирован глагол: ср.-монг. *yaljūraba noqai* с переводом ‘это бешеная собака’ (Поппе 1938:

174), прекл. монг. *γaljaju*: (Tumurtogoo 2006: 397), п.-монг. *γaljaju* ‘бешеный, беснующийся, яростный’ (Kowalewski 1849: 998), монг. *галзуу*, бур. *галзуу* ‘бешеный, яростный’ калм. *halзу*, ойр. Синьцз. *halзуу*, ойр. Монг. *galdzū*, «орд. *Galžū*, даг. *galžō*, *galežō*, баоань. *Ganžir-*, ж.-уйг. *Galžū*, монгор. *Galžū*) (Starostin etc. 2004: 528) ‘бешеный, взбесившийся; неистовый, яростный, мятежный’.

Прилагательное образовано с помощью продуктивного суффикса *-γи*, совр. *-уу*, который образует от образных основ такие прилагательные, как монг. *далжуу* ‘косой, кривой’, *далиу* ‘кривой, изогнутый’, *долиу* ‘кривой, искривленный (о рогах)’, *мужуу* ‘скрючившийся, кривой’, *муриу* ‘кривой, косой’, *нахиу* ‘согнутый, дугообразный’, *саруу* ‘кривой, косой’, *унжуу* ‘нависший, отвислый’, *холхиу* ‘слишком свободный’, *хэлбүү* ‘покатый, наклонный’, *царцуу* ‘застывший, затвердевший’ и др. Следует отметить, что аффикс довольно продуктивен в сфере отглагольного словообразования прилагательных: *аялдуу* ‘заискивающий, угодливый’, *нуриуу* ‘надоедливый, докучливый’, *уймруу* ‘суматошный’, *мулгуу* ‘глупый, бестолковый’, *бухимдуу* ‘раздраженный, нервный’, *зутруу* ‘изможденный’, *ээрүү* ‘заикающийся’, *согтуу* ‘пьяный’, *хатуу* ‘твердый’, *татуу* ‘натянутый’, *мушгиу* ‘крутящийся, вьющийся’ и др. Примеры позволяют выявить значения, придаваемые аффиксом: ‘склонный к чему-либо, что обозначается производящей основой’, ‘подвергшийся какому-либо действию, выражающий результат какого-либо действия’, ‘характеризуемый каким-либо действием или состоянием’.

В качестве производящей основы выступает образная основа **γalj* ‘нечто кривое, искривленное’, которая дала также п.-монг. *γaljir* ‘кривой, косой, согнутый’, *γaljira-* ‘покоситься, согнуться’ (Kowalewski 1849: 998), монг. *галжгар*, *галжир* ‘изогнутый, кривой, согнутый’, *галжий-* ‘кривиться, искривляться’, *галжра-* ‘согнуться, изогнуться’, ойр. Синьцз. *halжчиһар* ‘изгибающийся, искривляющийся’, *halжчиш-* ‘гнуться набок, быть не в состоянии прямо стоять’. Фонетически и семантически близки п.-монг. *giljir* ‘кривошея’ (Kowalewski 1849: 2536), монг. *гилжгэр*, калм. *гилжһр*, ойр. Синьцз. *гилжциң* ‘кривой, искривленный, кособокий’, монг. *гилхирэн мөлхирэн* ‘грациозно (о походке)’.

Связь со значением ‘бешеный’ обусловлена одним из характерных признаков проявления болезни у животных. При заболевании поражается центральная нервная система, в результате чего происходит нарушение координации: у животного сводит судорогами ноги, оно не может удержать равновесие и шатается при ходьбе. Это отражается в словосочетании монг. *чөдөр галзуу тусах* ‘выписывать ногами кренделя, идти сильно шатаясь, двигаться зигзагами’, монг. *чөдөр галзуутсан юм шиг* ‘выделять ногами вензеля; идти зигзагами, заплетая ноги’. Название болезни *чөдөр галзуу*, *чөдрөг* ‘бешенство, сопровождающееся судорогами (у собаки)’ состоит из компонентов *чөдөр* ‘пути, тренога (на передние и левую заднюю ногу)’ и *галзуу / галжуу* ‘кривой’.

Подобная трактовка происхождения прилагательного *галзуу* ‘бешеный’ ставит под сомнение приведенные авторами «Этимологического словаря алтайских языков» параллели. Ими выделяется Праалтайская форма **gǎli* ‘ненавидеть; необузданный, неистовый’ на основе Прототунг. **galu-* ‘ненавидеть’, Протомонг. **galžayu* ‘дикий, бешеный’, Прототюрк. **K(i)al* ‘дикий, грубый’ и Протоаяп. **kiráp-* ‘ненавидеть’ (Starostin etc. 2004: 528). Г. Д. Санжеев предполагает в прилагательном *γALjAγU* [*γal-ja-γu*] связь с др.-тюрк. *qal* ‘глупый, безумный, сумасшедший’ (Санжеев и др. 2016: 17).

Таким образом, связь этнонима *галзууд* с существительным *гал* ‘огонь’ затруднительна с морфологической точки зрения. Тем не менее, в качестве символов рода используется как собака, так и огонь, поскольку народная этимология интерпретирует название рода как ‘несущие огонь’ или ‘заклинатели огня’, что с экстралингвистической точки зрения в определенной мере оправдывается распространением среди галзутов кузнечного культа (*дархан уг*).

Литература:

Дашиева Н. Б. Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд // Научный диалог. 2021. № 3. С. 363–379.

Зориктуев Б. Р., Сундуева Е. В., Маншеев Д. М., Болхосоев С. Б., Николаева Н. Н. Баргуты Китая. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. 282 с.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Агинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2 (26). С. 28–35.

Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 304 с.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I–II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 453 с.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 268 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков в 3 т. Т. II. Г–Р. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

Скрынникова Т. Д. Символы солнца в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Сибири // Этническая история и этническая культура. М.; Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2009. Вып. 11. С. 3–24.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.

Tumurtoogoo D., Cecegdari G. Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI centuries) Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics. Taipei, Taiwan, 2006. 726 p. (Language and Linguistics Monographs Series A 11).

Тагарова Татьяна Боровна
доктор филологических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
boroevna@yandex.ru

МОНГОЛЬСКАЯ КОЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению отражения монгольской кочевой культуры в фразеологии. Актуальность темы связана с недостаточной изученностью фразеологии монгольских языков, с необходимостью исследования в сравнительном и лингвокультурном аспекте и систематизации фразеологического материала. Фразеология центральных монгольских языков (халха-монгольского, калмыцкого, бурятского) вызывает глубокий интерес в связи с бурным развитием лингвокультурологии, изучения языковой картины мира. Выявлены большое разнообразие фразеологического фонда, его образное и смысловое богатство, связь со спецификой хозяйствования, народным менталитетом. Рассмотренные фразеологические единицы с образами домашних животных демонстрируют эмоционально-экспрессивную оценочность, отражение особого отношения кочевников к каждому животному. Источником материала послужили монгольские фразеологические словари.

Ключевые слова: монгольские языки, кочевая культура, фразеологизмы, образы животных.

Tagarova Tatyana Boroevna
Doctor of Sciences in Philology
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

NOMADIC CULTURE OF THE MONGOLIAN PEOPLES IN THE MIRROR OF PHRASEOLOGY

The article is devoted to the reflection of the Mongolian nomadic culture in phraseology. The relevance of the topic is connected with the insufficient knowledge of the phraseology of the Mongolian languages, with the need for research in the comparative aspect and systematization of phraseological material. The phraseology of the central Mongolian languages (Khalkha-Mongolian, Kalmyk, Buryat) is of deep interest due to the rapid development of linguoculturology, the study of the linguistic picture of the world. A wide variety of phraseological fund, its figurative and semantic richness, connection with the specifics of management, national mentality are revealed. The considered phraseological units with images of domestic animals demonstrate emotional and expressive evaluativeness, a reflection of the special attitude of nomads to each animal. The source of the material was Mongolian phraseological dictionaries.

Keywords: Mongolian languages, nomadic culture, phraseological units, images of animals.

У каждого народа формируется языковая картины мира (ЯКМ), на основе которой создается картина мира в актах вторичной номинации путем переосмысления исходных значений. Ассоциации, образы определяются нормами мышления о мире, нормами утилитарной и этической оценки, распространяющейся на поведение.

Монгольские языки богаты фразеологическими единицами (ФЕ) с образами животных в силу кочевого образа жизни носителей языка. При этом в семантике ФЕ передается эмоционально-экспрессивная оценочность. Труды таких монголоведов, как Г. Ц. Пюрбеев, Л. Г. Скородумова, Т. С. Есенова, С. М. Трофимова, В. И. Рассадин, Д. Д. Санжина, Г. А. Дырхеева, Е. А. Бардамова, Н. П. Дондокова, Е. В. Сундуева, Д. П. Хинзеева, С. Дулам, Д. Д. Лагаева, В. Д. Патаева, А. Э. Гармаева, Р. В. Бухаева и др., охватили разнообразные сферы национально специфичной лингвокультуры монгольских языков. Большой вклад в развитие исследования фразеологии монгольских языков внесли такие ученые, как Т. А. Бертагаев (1949), Ц. Б. Будаев (1970), Ш. Р. Цыденжапов (1989, 1990, 1992), Г. Ц. Пюрбеев (1975), Чой Лувсанжав (1970), Ж. Баянсан (2002, 2016) и др.

В монгольской фразеологии положительно-оценочным предстает образ коня – надежного спутника человека: монг. *аавын бийд хүнтэй танилц, агтны бийд газар үз* ‘пока жив отец, знакомься с людьми, пока конь есть, посмотри мир’. Через ФЕ восхваляется быстрота коня: бур. *туруундаа тооһогүй*, монг. *туруун дээрээ тоосгүй* ‘быстрый конь’ (букв. без пыли на копытах) и т.д. ФЕ характеризуют человека: *хонины морь* ‘тихий, спокойный’ (букв. овцы конь); калм. *зелд уята унһн эдл номһн, нүлго* ‘спокойный, тихий, кроткий’ (букв. как жеребенок на привязи); бур. *морин дээрэ* ‘быть удачливым, успешным, ≈ на коне’ и т.д. Однако образ коня может иметь и отрицательно-оценочную коннотацию: монг. *уургын морь шиг* ‘совершающий нехорошие поступки привычно, ловко’ (букв. словно конь в петле укрюка). Здесь отражается ситуация с необъезженным конем.

По отношению к образу быка отмечается негативная оценочность: бур. *бухын хамар нюдargaар* (букв. быка нос кулаком); монг. *мухар нударгаар бухын хамар нүхлэх* ‘делать что-л. наугад, без умений и навыков’ (букв. голым кулаком бычий нос прокалывать); монг. *дөргүй бух шиг* ‘непримиримый, действующий наперекор’ (букв. словно бык без волосяного кольца) и т.д.

ФЕ отражает ситуацию реальности, затем абстрагируется и ее значение переносится на все типические похожие ситуации, так ФЕ получает обобщающее значение. Однако в ФЕ находят отражение и фантастические ситуации: бур. *үнэгэн бухын холхоног хахи хахиһаар туража үхэбэ*, монг. *бухын доод-хыг харсаар үнэг турж үхэв* ‘ждать чего-л., ничего не деля, ≈ ждать манной небесной’ (букв. бычьей мошонкой карауля, лиса с голоду померла); монг. *шуудайд хийсэн үхрийн эвэр шиг* ‘недружные, ≈ как кошка с собакой’ (букв. словно бычьих рога в мешке); антонимична бур. *үхэрэй хоёр эбэр* ‘дружные’ (букв. два рога быка); бур. *бухын бааһан шэнги* ‘очень много, ≈ как грязи – о деньгах’ (букв. как бычьего навозу); калм. *туһлан холсн үкр кевтэ / төлән холсн мал мет* ‘безразлично относиться ко всему’ (букв. словно корова/скот, не признавший детеныша) и т.д.

Хотя в реальной кочевой жизни к верблюду относятся с большой любовью и уважением, в ФЕ его образ предстает в ироническом плане: монг. *тэмээ туйлчихсан юм шиг* ‘≈ дым коромыслом – о беспорядке, хаосе в укладе, в движении’ (букв. словно верблюд лягнул); *ямаа туйлаад янгиа эвдэхгүй, тэмээ туйлаад тэнгэрт гарахгүй* ‘предаваться несбыточным мечтам, ≈ строить воздушные замки’ (букв. коза хоть и лягнет, но седла не сломает, верблюд хоть лягнет, но до неба не достанет); монг. *бурантагтай тэмээ шиг*, калм. *бурнтга темәнлә эдл* ‘спокойный, покорный, следующий чужой указке’ (букв. словно верблюд с кольцом в носу); *тэмээний шийр тэврэх* ‘быть высокомерным, надменным, ≈ задирает нос’ (букв. верблюда ногу обнять) и т.д.

Обычно отанималистические ФЕ содержат некоторую символику, связанную с национальной / интернациональной общностью восприятия образа животного. Но в разных культурах символика овцы практически идентична. В монгольских языках овца (*хонин*) является символом робости, кротости, безропотности, граничащей с пассивностью и глупостью. Пассивность овец и их использование в жертвоприношениях служат метафорой гонений и мученичества в русской лингвокультуре (овца на закланье). Бур. *хэбтэһэн хони бодхоохогүй*, монг. *хэвтээ хонь үргээхгүй* ‘иметь кроткий, незлобивый нрав’ (букв. лежащую овцу не поднимет); в тункинском говоре бурятского языка *хэбтэһэн үхэр үргээхгүй* (букв. лежащую корову не поднимет). Образ овцы в монгольских ФЕ вызывает и отрицательные ассоциации: монг. *тэлээ хурга шиг* ‘противоречивый, раздвоенный’ (букв. словно ягненок, сосущий двух матерей); калм. *хуцин өвр мет мошкх* ‘подчинить, подавить любого человека, ≈ свернуть в бараний рог’ (букв. свернуть как бараний рог).

Образ козы также в ФЕ предстает в отрицательно-оценочном плане: монг. *яргуй хөөсөн ямаа шиг*, бур. *ургы дахаһан ямаан шэнги* – о непоседливом, суетливом человеке (букв. словно коза, бегущая за подснежником); бур. *үтэтэй ямаан шэнги* – о суетливом человеке (букв. как коза с червями), здесь выражается то, что уважение у монголов вызывает спокойный, степенный, неспешный человек; бур. *ямаан омог* ‘≈ шишка на ровном месте, пуп земли’ (букв. козья гордость); калм. *ямана бөөрин өвкн мет царцж одх* ‘глубоко обидеться – о ранимости, чувствительности человека, злопамятстве’ (букв. как козий жир с почек застывает) и т.д.

Образ осла также связан с негативом: калм. *худгт унсн хулла эдл* ‘переживший большую опасность’ (букв. как упавший в колодезь кулан (дикий азиатский осел, семейства лошадиных)); *чикинь (чикэрнь) цоккксн элжгн мет* ‘≈ опустить крылышки’ (букв. будто осел, которого ударили по уху); *живрэн кирһүлсн шовун мет* ‘словно птица, которой крылья подрезали’; монг. *илжигний чихэнд ус хийвэл ч*

сэгсэрнэ, тос хийвэл ч сэгсэрнэ – о неумении отличить хорошее от плохого (букв. ослу в уши что воды налей, что масла дай – стряхнет).

Образ собаки часто связан с негативной оценкой: бур. *нохой тахалха* ‘заниматься пустым делом, ≈ носить воду в решете, воду в ступе толочь’ (букв. собаку подковать); бур. *нохойн годон* ‘ничтожество, что-либо никчемное’ (букв. шкура с собачьей ноги); монг. *нохойн шиншихгүй юм* ‘очень плохое, непригодное’ (букв. и собака не будет принимать); *сүү долоосон гөлөг шиг* ‘чувствующий себя виноватым, ≈ знает кошка, чье мясо съела’ (букв. словно шенок, лизнувший молоко); *хамарт нь нохойн баас түрчихсэн юм шиг* ‘высокомерный, надменный’ (букв. словно нос обмазали собачьими экскрементами); калм. *цог шиксн ноха эдл* ‘быть не в состоянии усидеть на одном месте, ≈ как карась на сковородке, как на иголках’ (букв. словно собака, наступившая на уголь) и т.д. При этом монголы считают собаку преданным другом, как и коня: *морь нохой хоёр үнэнч* ‘конь и собака преданы’.

В коннотациях, особых компонентах лексических значений слов, выражающих эмоционально-оценочную информацию об окружающем мире, воплощается национально-культурная специфика рассматриваемых языковых единиц. Так материальная и духовная культура народа отображается в языке, представляя собой «застывшие» результаты деятельности языкового сознания народа и в данном случае кочевой культуры.

Литература:

Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / сост. Г.Ц. Пюрбеев. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1971. 60 с.

Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: ИГУ, 2014. 565 с.

Аким Г. Монгол өвөрмөц хэлцийн тайлбар толь. Улаанбаатар: Интерпресс, 1999. 211 х.

Баянсан Ж. Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. Улаанбаатар: Монгол Улсын Их сургууль, 2016. 227 т.

*Даржаева Надежда Баировна
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
dnadezhda@mail.ru*

ВАЛЕНТНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БУРЯТСКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ: ИМЕНА-СТИМУЛЫ¹

В статье рассматриваются валентностные характеристики 21 наиболее частотного эмотивного глагола в бурятском языке. Базовыми актантами при них являются субъект эмоции (экспериментер) и стимул эмоции. С применением сплошной выборки по Корпусу бурятского языка выявлена сочетаемость этих глаголов с именами-стимулами; возможные формы этих имен – дательный, винительный, исходный и орудный падежи, а также некоторые послелоги – представлены в таблице. Автор приходит к выводу о том, что сочетаемостные свойства эмотивных глаголов обусловлены их семантикой.

Ключевые слова: бурятский синтаксис, эмотивные глаголы, семантическая классификация, валентность, комбинаторика.

*Darzhayeva Nadezhda Bairovna
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia*

VALENCY CHARACTERISTICS OF BURYAT EMOTIVE VERBS: NAMES-STIMULES

The article deals with the valency characteristics of the 21 most frequent emotive verbs in the Buryat language. The basic actants are the subject (experiencer) and the stimulus of emotion, expressed by a noun or a clause. Possible forms of stimulus nouns were checked in the National Corpus of the Buryat language: dative-locative, accusative, ablative and instrumental cases, as well as some postpositions. The resulting table shows that the valency of emotive verbs is determined by their semantics.

Keywords: Buryat syntax, emotive verbs, semantic classification, valency, combinatorics.

В последнее время в монголоведении в связи с развитием антропоцентрических теорий активизировались исследования средств выражения эмоций и вербализации эмоций (Одончимэг 2010; Митриев, Есенова 2013; Пюрбеев 2015; Сундуева 2018; Мулаева 2020; Даржаева 2021 и др.)

Комбинаторика и валентность глаголов, называющих эмоции, в бурятоведении специально не изучались; имеющиеся исследования посвящены структуре и семантике сложных эмотивных конструкций, причастно-падежных (Скрибник 1982) и с аналитическими скрепами (Скрибник 2015). Задача настоящей статьи - дополнить список бурятских эмотивных глаголов и проанализировать их валентность на уровне простого предложения.

Объектом исследования является двадцать один наиболее частотный бурятский эмотивный глагол, реже устойчивые глагольно-именные сочетания (напр., *үзэн яда*- 'ненавидеть'), выражающие основные типы эмоций. Это различной интенсивности и характера протекания страх и гнев (*ай*- 'бояться', *сошо*- 'испугаться', *сухалда*- 'сердиться', *уурла*- 'злиться', *хоролхо*- 'злиться'), эмоционально окрашенные межличностные отношения (*үзэн яда*- 'ненавидеть', *дулла*- 'любить'), эмоции, связанные с социальными взаимодействиями и нормами (*голхор*- 'огорчаться', *гомдо*- 'обижаться', *эшэ*- 'стыдиться', *аягүйрхэ*-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

‘стесняться’, *гэмшээ*- ‘раскаиваться, сожалеть’, *хайрла*- ‘жалеть’), положительные эмоции (*баяса*- ‘радоваться’, *баярла*- ‘радоваться’, *урмаша*- ‘быть в хорошем настроении’), “когнитивно осложненные” эмоции, связанные с доступом к знаниям (*гайха*- ‘удивляться’, *һонирхо*- ‘интересоваться’), а также некоторые глаголы, называющие физиологические и поведенческие реакции на сильную эмоцию (*хүхи*- ‘веселиться, ликовать’, *бархир*- ‘плакать’, *энеэ*- ‘смеяться’).

В бурятском языке функционируют три взаимосвязанные конструкции с эмотивным сказуемым, выраженным либо глаголами в активном и побудительном залоге, либо однокоренными с ними предикативными прилагательными на *-тАй/-гүй* (формы наличия и отсутствия названной корнем характеристики), см. (Скрибник 1982: 38). Эти три конструкции в (Скрибник 1982) определяются как конструкции эмоциональной реакции, каузации эмоций и эмоционального состояния. Мы рассмотрим сейчас только глаголы в активном залоге как сказуемые простого предложения со значением эмоциональной реакции.

Базовые актаны в валентностной структуре эмотивных глаголов – это субъект эмоции (экспериенцер) и стимул эмоции. *Экспериенцер* обычно представлен именем в именительном падеже в функции подлежащего; здесь возможна только лексика, называющая лица – либо, метафорически, другие одушевленные существа. Экспериенцер может быть выражен лексемой, обозначающей индивидуума в единственном числе, либо именной группой, выражающей множественность. *Стимул* эмоционального переживания – это обычно некоторое событие (чаще всего поведение некоторого лица) или ситуация (например, проявившиеся характеристики некоторого лица или предмета). Он может выражаться в развернутом виде, предикативной единицей или номинализацией, представляющей данное событие или ситуацию (*Я рад тому, что ты приехал / твоему приезду*). Стимул может выражаться и в свернутом виде, именем лица (реже предмета) в простом предложении. В бурятском языке стандартное падежное оформление стимула (выраженного как именем, так и предикативной единицей) – это дательноместный падеж для всех глаголов эмоции за исключением глаголов типа *бояться*, с которыми используется исходный падеж (см. табл.).

Валентностные характеристики эмотивных глаголов мы проследили на базе словарного и корпусного материала. В связи с тем, что в нашей выборке глаголов экспериенцер стандартно представлен как подлежащее в именительном падеже, в табл. 1 приведены только сведения об именах-стимулах и их формах, а также о частотности употреблений эмотивных глаголов в Бурятском корпусе.

Таблица 1

Имена-стимулы и их формы при эмотивных глаголах

	частотность*	N-dat	N-acc	N-abl	N-ins	N <i>түлөө</i>	N <i>тухай</i>
<i>ай</i> - ‘бояться’	261	–	–	+	–	–	–
<i>сошо</i> - ‘испугаться’	72	–	–	+	–	–	–
<i>сухалда</i> - ‘сердиться’	111	+	–	+	–	–	–
<i>уурла</i> - ‘гневаться’	55	+	–	+	–	+	–
<i>хоролхо</i> - ‘злиться’	15	+	–	–	–	–	–
<i>үзэн яда</i> - ‘ненавидеть’	66	–	+	–	–	–	–
<i>дурла</i> - ‘любить’	112	+	–	–	–	–	–

<i>голхор-</i> ‘огорчаться’	63	+	-	+	-	-	-
<i>гомдо-</i> ‘обижаться’	118	+	-	+	-	+	-
<i>эшэ-</i> ‘стыдиться’	73	-	-	+	-	+	-
<i>аягүйрхэ-</i> ‘стесняться’	57	-	-	+	-	+	-
<i>гэмшэ-</i> ‘раскаиваться’	119	+	-	-	-	-	-
<i>хайрла-</i> ‘жалеть’	196	-	+	-	-	-	-
<i>баяса-</i> ‘радоваться’	190	+	-	+	-	+	-
<i>баярла-</i> ‘радоваться’	284	+	-	+	-	+	-
<i>урмаша-</i> ‘быть в хорошем настроении’	47	+	-	-	+	-	-
<i>хүхи-</i> ‘веселиться, ликовать’	173	-	-	+	-	+	-
<i>бархир-</i> ‘плакать’	89	-	-	+	-	-	-
<i>энеэ-</i> ‘смеяться’	474	-	-	-	-	-	-
<i>гайха-</i> ‘удивляться’	529	-	+	-	-	-	-
<i>һонирхо-</i> ‘интересоваться’	311	-	+	(+) ¹	+	-	+

* Здесь приведена частотность только личных форм в Бурятском корпусе.

Как показывает таблица, именами-стимулами в дательном-местном падеже управляют семантические группы глаголов как гнева, так и положительных эмоций, а также эмоций, связанных с социальными взаимодействиями (*дурла-* ‘любить’, *гомдо-* ‘обижаться’, *гэмшэ-* ‘раскаиваться’ и т.п.). При этих глаголах стимул обычно выражается названиями лиц:

(1) *Доржо ойро һуу-һан Гэтэл-дэ сүхалда-на*
 Д. рядом сидеть-рс.pst Г.-dat сердиться-prs[3sg/pl]
 ‘Доржо сердится на рядом сидящего Гэтэла’ (БК)

Глаголы эмоционально окрашенных межличностных отношений *үзэн яда-* ‘ненавидеть’, социального взаимодействия *хайрла-* ‘жалеть’ и «когнитивно осложненной» эмоции *гайха-* ‘удивляться’ и *һонирхо-* ‘интересоваться’ реализуют валентность непосредственного стимула эмоции именами в винительном падеже. При этом с глаголами ‘ненавидеть’ и ‘жалеть’ стимул выражается только именами, т.е. эти эмоции направлены преимущественно на лиц, реже на живых существ, еще реже на предметы (‘ненавижу кашу’), но не на события:

(2) *Гахай-нууд-ые бүри үзэн яда-даг*

¹ Здесь не стимул, а источник информации.

свинья-pl-acc pcl ненавидеть-рс.hab[3sg/pl]

‘А свиней (он) даже ненавидит’ (БК).

“Когнитивно осложненные” эмоции ‘удивление’ и ‘интерес’ описывают эмоциональную реакцию на ‘несоответствие знаниям о мире’; стимулом при них могут являться и лица/объекты, и события, а падеж может варьировать между винительным (оперирование информацией) и дательно-местным (эмоция).

(3) *Алексей тон ехээр нүхэр-ые-ш гайха-на*
А. pcl много друг-acc-poss2sg удивляться-prs[3sg/pl]
‘Алексей больше всего удивляется твоему другу’.

Имена-стимулы в исходном падеже характерны для семантических групп со значением страха, стыда, ненависти, имеющие в своей семантической структуре семы ‘отталкивание, неприятие, избегание’:

(4) *Эгэшэ-һээ-мни ай-на аал-ши?*
сестра-abl-poss1sg бояться-prs pcl-2sg
‘Разве ты боишься моей сестры?’ (БК)

Непосредственный стимул, выраженный именем в орудном падеже, встретился только у глаголов *һонирхо-* ‘интересоваться’ и *урмаша-* ‘быть в хорошем настроении’:

(5) *шамай-гаар-аа, шинши-нгээ амжалт-аар ходо*
тебя-ins-refl твой-refl успех-ins всегда
урмаша-жа, баярла-жа яба-гша-б
воодушевляться-cvb радоваться-cvb аух-рс.фoc-1sg
‘(Я) всегда радуюсь и вдохновляюсь тобой и твоими успехами’ (БК).

В заключение отметим, что бурятские эмотивные глаголы демонстрируют определенную корреляцию между семантикой матричного предиката и падежной формой имени-стимула. Дальнейшие исследования позволяют раскрыть многие вопросы: являются ли две возможные формы имени-стимула полными синонимами или имеются различия; какова семантика предложных сочетаний – стимул или причина; и ряд других.

Литература:

Даржаева Н. Б. Синтаксические средства выражения эмоций в бурятском языке // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 14. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. С. 89–97.

Митриев И. М., Есенова Т. С. Радость и улыбка как знаки эмоциональной сферы калмыков. *Oriental Studies*. 2013. № 6 (4). С. 56–60.

Мулаева Н. М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1103–1120.

Одончимэг Т. Окказиональная вербализация эмоций носителями монгольского и русского языков (на материале с отрывками фильмов) // *Вестник АлтГТУ им. И. И. Ползунова*. № 1–2. 2010. С. 121–126.

Скрибник Е. К. Эмотивные конструкции в бурятском языке // *Грамматические исследования по языкам Сибири*. Новосибирск: Наука, 1982. С. 83–90.

Скрибник Е. К. Скрепа *гэжэ* в бурятских эмотивных конструкциях // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 2. С. 36–43.

Сундуева Е. В. Тени улыбки в монгольских языках // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 6 (416). С. 179–184.

Пюрбеев Г. Ц. “Смех” в калмыцком художественном тексте (по роману Эрендженова “Береги огонь”) // *Исследования по языкам и культуре монгольских народов*. Элиста: Изд-во Калм.ун-та, 2015. С. 347–354.

Бадмаева Любовь Дашинимаевна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
 ldbadm@gmail.com

МЕЖДОМЕТИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: РАЦИОНАЛЬНОЕ VS ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ¹

Данная работа посвящена выявлению рационального компонента в междометиях бурятского языка, установлению последовательности появления эмоционального и рационального содержаний. Бурятские междометия делятся по значениям на эмоциональные и императивные. В названном делении следует добавить к содержанию первой рациональный компонент. Выводами являются: а) междометия *a-haa / a-haau / aha / aha-a* являются графическими / фонетическими вариантами с единым значением; б) рассматриваемые междометия являются выражением рационального понимания получаемой информации; в) данные междометия могут выражать как положительные, так и отрицательные эмоции, как, например, злорадство, обиду, радость; г) междометия являются результатом усвоения полученной информации, свидетельствующим о первенстве рациональной операции перед озвучиванием междометия.

Ключевые слова: бурятский язык, междометие, эмоциональное, рациональное, значение, контекст.

Badmaeva Lyubov Dashinimaevna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russia

INTERJECTIONS OF THE BURYAT LANGUAGE: RATIONAL VS EMOTIONAL

This work deals with identification of a rational component in interjections of the Buryat language, with determination of a sequence of the appearance of emotional and rational content. The interjections of the Buryat language are divided by meaning into emotional and imperatival. In the named division one should add to the content of the first - the rational component. Conclusions are: a) interjections *a-haa / a-haau / aha / aha-a* are graphic / phonetic variants with a single meaning; b) the reviewed interjections are the expression of the rational understanding (comprehension) of the received information; c) these interjections can express both positive and negative emotions, such as gloating, irritation, resentment, joy, etc. ; d) interjections are an instant result of mastering the information received, which indicates the primacy of the rational operation before voicing the interjection.

Keywords: Buryat, interjection, emotional, rational, meaning, context.

Целью данной работы является выявление в междометиях бурятского языка рациональной составляющей, определение при ее наличии соотношения или последовательности появления эмоционального и рационального содержания. Работа предполагает анализ языкового материала посредством решения следующих задач: 1) характеристика названных междометий в свете современных представлений в бурятском языкознании; 2) выборка фактического материала из корпуса (Корпус...) с их количественными показателями; 3) контекстный анализ значений.

Говоря об эмоциях, психолог С. Л. Рубинштейн указывает, что «эмоции никак не сводимы к голой эмоциональности ... Сами эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального» (Рубинштейн 2002: 514). Можно привести также мнение о том, что эмоция, интеллект и мышление представляют собой определенное единство (Шаховский 2009: 53). Справедливо также и

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

мнение, констатирующее, что «чувства и эмоции участвуют во всех процессах деятельности, в том числе мышления и речевой деятельности» (Мягкова 2001: 174).

Одними из первых выражений эмоций человеком, открытых для окружения, как известно, являются восклицания. При этом данные восклицания в зависимости от ситуации, которая вызывает у человека тот или иной возглас, становятся характерными для конкретной ситуации, например, при страхе, испуге или неожиданной радости и т.д. Подобные выражения эмоций человеком группируются в отдельную часть речи в отличие от самостоятельных или даже служебных частей речи как существительные или глаголы, местоимения или союзы (ЛЭС). Междометия можно назвать первыми проявлениями чувств человеком и соответственно, содержащими эмотивные значения с передачей определенных понятий, что позволяет их семантизировать и кодифицировать в словарях (Шаховский 2016: 81). Вслед за А. Н. Тихоновым справедливым представляется принятие того, что «Междометия не называют, но они выражают эмоции и волеизъявления» (Тихонов 1981: 73).

В бурятском языке набор междометий, представляется исчислимой группой, что можно объяснить тем, что их продуктивность (по А. Н. Тихонову) в плане словообразования невелика (Аюшеева 2018: 2). Междометия бурятского языка разделены по значению на две группы, выражающие: а) эмоции; б) побудительно-повелительные импульсы человека (Грамматика... 1962: 331). Представляется, что в названном подразделении следует добавить в содержание первых – рациональное составляющее. Относительно междометия А. Н. Тихонов указывает, что оно употребляется «при высказывании неожиданно пришедшей на ум мысли, догадки, воспоминания» (Тихонов 1981: 73). Одновременное проявление эмоции и появление мысли показывается контекстом ситуации.

Далее представим примеры из бурятского языка с подобными по значению междометиями.

(1) *А-һаа, гэнтэ һүүлнүүдээ хабшаба гүт? Зай хэн зоригтойб? (Ч. Цыдендамбаев "Банзарай хүбүүн Доржо", 1953) 'Ага, (ну что), сразу прижали свои хвосты? Ну, кто (самый) смелый?' (здесь и далее перевод наш. – Л. Д.).*

Из общего контекста можно видеть, что междометием *а-һаа*¹ выражается чувство злорадства у персонажа по имени Мархансай. В данном примере междометием *а-һаа* выражается эмоция персонажа и одновременно понимание им того обстоятельства, что его коммуниканты не достигли желаемой цели в некотором своем деле. Из вышеприведенного контекста можем данную ситуацию разделить на мини-события: Мархансай понял суть обстоятельства своих коммуникантов (их поражение) – это вызывает у него злорадство – в итоге его понимание и злорадство выражаются междометием, которые им же разъясняются словесно.

Наряду с вышеописанным междометием встречаются следующие, вероятно, являющиеся фонетическими / графическими вариантами к предыдущему, как, напр., *аһа, а-һааи, аһа-а*. Предварительное определение частотности употребления показанных вариантов рассматриваемого междометия выдает следующее: *а-һаа* – 112 раз, *аһа* – 9 раз, *а-һааи* – 6 раз, *аһа-а* – 1 раз. В силу большей своей частотности междометие *а-һаа* в рамках данной работы принято за опорную форму.

Далее приводятся примеры для демонстрации вариативности написания одного междометия с тем же значением, что и в примере (1).

(2) *Дамбуу зүхэгэд гэн өөдөө бодоно: — Аһа, шимни үшөө тиигэжэ хэлэхэбиш. Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ гэхэндэл, шамһаа удхатай ха юм (С. Ангабаев «Голой эрьедэ», 1966) 'Дамбуу, подавшись вперед, встает: «Ага, ты еще так будешь говорить!? Оказывается, про тебя говорят: «Вскормленный теленок сломал телегу»'.*

В примере (2) междометием *аһа* также выражается раздражение и понимание смысла, сказанного его собеседником.

(3) *Бадмын досоо наран гарашаба: «А-һааи, дүрбэн жэлдэ дэмы зобоогүйб» (С. Цырендоржиев «Хуумаан Янгар», 1985) 'В душе у Бадмы (будто) солнце взошло: «Ага, значит, не зря я мучился четыре года»'.*

Как можно видеть по контексту в примере (3), междометие *а-һааи* здесь выражает и эмоцию (радость) и догадку у персонажа.

¹ Следует отметить, что в данной работе не рассматриваются междометия, представляющие односоставное предложение.

(4) Тэрэ губернатор Мацевскийн «дур-р...» гэхэн үгые аяар Петербургда байһан Дотор хэрэгэй министр Дурновотой холбохо муртөө «**Аһа-а**, намайе муушалжа, Дурноводо бэшиэхэб гэхээз байтараа болишобо бэшиэ гү?» гэжэ Бадмаев муу ханаадхиба (Д. Батожабай "Төөригдэһэн хуби заяан" 1959–1965) 'То, что губернатор Мацевский осекся, произнеся «Дур-р...», Бадмаев связал с министром внутренних дел Дурново, находящимся аж в Петербурге, и сразу подумал нехорошее: «Ага, хотел, видимо, сказать, что доложит обо мне Дурново и замолчал»'.

Междометие *aha-a*, как и в предыдущих примерах, выражает эмоциональное и рациональное вместе.

Контекстный материал позволяет сделать выводы: а) рассмотренные междометия являются вариантами с единым значением; б) данные междометия есть эмоциональное выражение понимания (осознания) полученной информации; в) междометия могут выражать как положительные, так и отрицательные эмоции; г) междометия являются результатом освоения полученной информации, что говорит о первичности рациональной операции.

Литература:

Аюшеева Л. В. О междометиях и звукоподражательных словах бурятского языка // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 1–6.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 340 с.

Корпус бурятского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://buriat.web-corpora.net/index.html> (дата обращения: 15.01.2022).

ЛЭС – Междометия [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь // URL: <http://tapemark.narod.ru/les/290a.html> (дата обращения: 20.01.2022)

Мягкова Е. Ю. Мышление – эмоции – язык: психолингвистический аспект // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы Всерос. науч. конф., Пенза, 15–19 мая 2001 г., Москва-Пенза, 2001. С. 173–174.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Электронный ресурс] // URL: <http://psylib.org.ua/books/rubin01/txt34.htm> (дата обращения: 20.01.2022).

Тихонов А. Н. Междометия и звукоподражания – слова? // Русская речь. 1981. № 5. С. 72–76.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.

Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

МОНГОЛ ХЭЛНИЙ ЖИНХЭНЭ НЭРИЙН ТООНЫ АЙН ХЭЛ ЗҮЙН ХЭВ ШИНЖ

Энэ илтгэл монгол хэлний олны утга илтгэх хэл зүйн хэлбэрүүдийг хамаарна. Монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны ай болон хэл зүйн хэлбэр нь монгол хүн юм, үзэгдлийг салангид болон нэгдмэл байдлаар ойлгож буй танин мэдэхүй, тухайн хэл зүйн хэлбэрийн хувьсал хөгжил, үгийн үндсийн авиа болон үгийн утгаас ихээхэн шалтгаалсан хэл зүйн ай байдаг байна.

Түлхүүр үг: монгол хэл, жинхэнэ нэр, тооны ай, хэлбэр, дагавар.

Ochirbat Sambuudorj

Ph.D

Institute of Language and Literature

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

NUMERAL CATEGORY TYPES IN MODERN MONGOLIAN LANGUAGE

The paper deals with category of multiplicity of nouns in Mongolian language. The author concludes that multiple forms of Mongolian nouns are closely related to the historical development of the Mongolian language, the meaning of words, and how Mongolians understand reality.

Keywords: Mongolian language, noun, multiplicity, form, suffix.

Монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны ай бол монгол хэлний хамгийн их судлагдсан хэл зүйн айн нэг юм. Монгол хэлний судалгааны бүтээл, сурах бичиг зэрэгт жинхэнэ нэрийн тооны айн олны утга илэрхийлэх аргыг нэгдүгээрт, үг зүйн арга, жишээ нь: *багш нар, эмч нар, оюутнууд, инженерүүд, номууд, охид, эмгэд, залуучууд* гэх мэт, *хоёрдугаарт*, холбоо үгийн арга, а) үг хамжих арга: жишээ нь: *олон жил, олон ном, цөөн дэвтэр, хэсэг хүүхэд, хэдэн жилгэх* мэт, б) үг давтах арга: жишээ нь: *хүнхүнтэй уулзах, гар гараасаа барих, шар шар цэцэгхэмээн хоёр* бүлэгтхувааж байна.

Гэвч бид энэхүүилтгэлд монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны айн дагавар тухайн үгэнд тохиолддог болон эс тохиолддог шалтгаан зэргийг монгол хэлний түүхэн хувьсал хөгжил, үгийн утга, монгол хүний танин мэдэхүйтэй холбон өгүүлэх болно. Жишээ нь:

(1) Энэ хонин-ууд сүрэг-ээс-ээ төөр-чих-сөн юм шиг бай-на.

This sheep-Pl herd-Abl-RS get lost-CA-PVN ModW like be-PrT
'These sheep seem to have been lost from their flock'.

(2) Цас, бороо, үүл, сүү, тараг, шороо, элс гэх мэт үг-с бол

Snow, rain, cloud, milk, yogurt, dirt, sand, etc. word-Pl NM

бодит жинхэнэ нэр-с юм.

naturalreal name-Pl ModW.

'Words like snow, rain, cloud, milk, yogurt, dirt, sand, etc. are nouns'.

(3) Дараах асуулт-ууд-ыгуниши-ж харуул-аарай.

Following question-Pl-Ac read-CVS answer-PIM

'Please read and answer the following questions'.

Үүнээс үзвэл, монгол хүн(1) өгүүлбэрт *хонь* бол бодит зүйлийнхээ хувьд саланги орших, тоолж болох зүйл учир уг бүлэг хонийг олон хонь болохыг илтгэж олны утгатай хэл зүйн хэлбэрээр хэлдэг

байна. Тэгвэл (2) өгүүлбэрт *цас, бороо, үүл, сүү, тараг, шороо, элс* гэх мэт үгс бодит зүйлийнхээ хувьд салангид бус, үл тоолж болох зүйл учир монгол хүн тооны айн хэл зүйн хэлбэрээр хэлбэржүүлж хэлээгүй байна. Гэхдээ тухайн зүйлсийг тоочин дурдаад нэгтгэж хэлсэн *үгс, нэрсгэх* үгсийг тооны айн хэл зүйн хэлбэрээр хэлбэржүүлжээ. Гэтэл (3) өгүүлбэрт *асуулт* хэмээх үгийг монгол хэлэнд тооны айн хэл зүйн хэлбэрээр хэлбэржүүлэх уламжлал байдаггүй гэсэн ч бидний танин мэдэхүйд эдүгээ нэг асуулт бус, цуваалж дараалсан олон асуулт байгаа юм гэх ойлголт бий болсон учир тооны айн хэл зүйн хэлбэрээр хэлэх болсон байдаг байна.

Мөн монгол хүн саланги орших юм үзэгдлийг ерөнхий зүйлээс нь багцаалан ялгаж *олон хонь, цөөн хонь, хэсэг хонь, зарим хонь, бүх хонь, хэдэн хонь, хонь бүр, сүрэг хонь* гэх мэт ялган хэлж болохоос гадна, тодорхой тоогоор нь *нэг хонь, хоёр хонь, арван таван хонь* гэх мэтээр ялган хэлэх тогтолцоог хэлэндээ бий болгожээ. Ийм аргыг монгол хэлний сурах бичгүүдэд залгаврын бус, өгүүлбэр зүйн аргаар олны утга илрүүлэх арга гэх нь нь бий. Иймд монгол хэлэнд хэл зүйн аргаар олны утга илэрхийлэх, өгүүлбэр зүйн аргаар олны утга илэрхийлэх арга өөр өөр байна.

Гэвч зарим хэлэнд юм, үзэгдлийг хэсэг бүлгээр нь болон тодорхой тоогоор нь ялгаж *олон хонь, цөөн хонь, арван таван хонь* гэх мэтээр хэлэх үед нэг хонины тухай өгүүлээгүй, олон хонины тухай өгүүлж буй ойлголт гэж үзээд олны утга илтгэх хэл зүйн хэлбэрт *олон хонинууд, цөөн хонинууд, арван таван хонинууд* гэх мэтээр хэлдэг байна. Эртний монгол хэлэнд тоогоор зохицуулж хэлэх ийм ёс байсан нь дундад үеийн монгол хэлэндуламжилсан байдаг. Жишээ нь:

Монгол хэлээр: *tümen-ü noyan bolqa'at ulus-un qo'assayitökit darqalan abqa'ulju qucin ba emestü bolqa* (Rachewiltz, 1972: 121).

Энэ өгүүлбэрийг Ц. Дамдисүрэн (Монголын нууц товчоо 1990, 121) дундад үеийн монгол хэлнээс орчин цагийн монгол хэлэнд *Намайг түмний ноён болгоод бүх улсаас гоо сайхан охид гучийг шилж эм болгох эрх олго* гэж орчуулжээ. Үүнд, *гоо сайхан охид* хэмээх холбоо үгсийг дундад үеийн монгол хэлэнд *гоос сайт охид* хэмээн тоогоор зохицуулан хэлдэг байсан ажээ. Өөрөөр хэлбэл, *охин* хэмээх үг олон тоогоор *охид* хэмээн хэлбэржсэн учир *гоо, сайн* хэмээх үгс олон тоонд *гоос, сайт* хэмээн хэлбэржсэн байна.

Гэтэл монгол хэлт ард түмэн манай дэлхийд байх цор ганц зүйл болох *нар, сар* болон саланги бус орших *цас, бороо, үүл, сүү, тараг, шороо, элс* гэх мэт юм үзэгдлийг нэрлэсэн жинхэнэ нэрийг *олон* ба *цөөн* утга илтгэх тоогоор нь ялгаж хэлдэггүй *их* ба *бага* хэмжээгээр нь ялган хэлдэг байна. Энэ нь тоолж болох юм үзэгдлийг олон цөөнөөр нь, эс тоолж болох юм үзэгдлийг их багын хэмжээгээр нь ялгаж хэлнэ гэсэн ойлголт юм. Иймд монгол хэлэнд *олон, цөөн, цөөхөн* гэх мэт үгс тоог илэрхийлэх, *их, бага, том, жижиг* гэх мэт үгс хэмжээг илэрхийлэх тэмдэг нэрийн утгатай байдаг байна.

Үүнээс үзвэл, монгол хүн байгаль, нийгмийн салангид орших юм, үзэгдлийг нэрлэсэн *багш, хүн, мал, малчин, зураач, од, ширээ, сандал, цэцэг* гэх мэт жинхэнэ нэрийг *багш нар, хүмүүс, малууд, малчид, одод, ширээнүүд, сандлууд, цэцгүүд, залуучууд, залуучуулг* хэмээн олны утга илтгэх хэл зүйн хэлбэрт хэлдэг байна. Иймд монгол хэлэнд жинхэнэ нэрийн тооны айн олны утга илтгэх салангид бичих *нар*, үгийн үндэстэй хамт бичих *-с, -д, -ууд / -үүд, -чууд / -чүүд, -чуул / -чүүл, -уул / -үүл* хэл зүйн хэлбэр бий. Гэвч монгол хэлэнд тухайн хэл зүйн хэлбэрүүдийндараах өвөрмөц онцлог байдаг байна. Үүнд:

1. Монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны ай монгол хүний ойлголтоор салангид орших юм үзэгдлийг нэрлэсэн үгстэй холбогдоно. Иймд монгол хүн хүрээлэн буй орчлон ертөнцөд орших цор ганц юм, үзэгдэл болон саланги бус нэгдмэл нэг зүйл мэтээр ухагдах юм, үзэгдэл, хийсвэр ойлголтыг тооны айгаар үл хэлбэржүүлнэ. Түүнчлэн салангид орших буюу тоолж болох юм, үзэгдлийг ч гэсэн монгол хүн нэгдмэл нэг бүхэл зүйл мэтээр ухаж байвал мөн тооны айгаар үл хэлбэржүүлнэ. Өөрөөр хэлбэл, үгийг үндсээр нь буюу ерөнхий тоогоор нь хэлнэ.

2. Монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны айн олны утга илэрхийлэх хэл зүйн нэг хэлбэр үгийн утга болон хэлний түүхэн хувьсал хөгжлөөс шалтгаалж салангид орших юм, үзэгдэл, ойлголтыг нэрлэсэн тухайн бүлэг үгэнд тохиолдовч өөр бүлэг үгэнд үл тохиолдоно. Тухайлбал, жинхэнэ нэрийн олны утга илэрхийлэх “*нар*” дагавартөрөл *садныг болон уламжлалт ажил мэргэжлийг нэрлэсэн* бүлэг үгэнд тохиолдоно. Иймд тухайн хэл зүйн хэлбэр уламжлалт бус ажил мэргэжлийг нэрлэсэн *инженер (engineer), оюутан (student)* гэх мэт үгэнд үл тохиолдоно.

3. Хэрэв тухайн нэг үгэнд олны утга илэрхийлэх хоёр өөр хэл хэл зүйн хэлбэр тохиолдож байгаа бол ихэнхдээ үгийн салаа утгатай холбоотой байна.

4. Монгол хэлний төлөөний үгийг олны утга илэрхийлэх хэл зүйн хэлбэрээр хэлбэржүүлэхдээ ганц тооны утгатай төлөөний үгээс *чи нар* гэж олны утга үүсгэдэггүй байна. Иймд утгаа олны утга илтгэдэг байгаад одоо олны утга илтгэх үүрэг нь тодорхой бус болсон төлөөний үгийн үүргийг тодотгож *та нар* гэж хэлэх уламжлал тогтсон байна. Гэхдээ эртний монгол хэлний олны утга илтгэдэг байсан төлөөний үгийг монгол хэл, аялгуунд одоо хэрэглэхгүй болсон бол, түүний ганц тооны утга илтгэх *би* гэх төлөөний үгээсолны утга илтгэж *бид* хэмээн хэлж болно. Хэрэв тухайн олны утга илтгэх энэ үүрэг нь бас тодорхой бус болсон байвал, дахин олны утга илтгэх хэл зүйн хэлбэрийг нэмж бичгийн хэлэнд *бид нар*, зарим аялгуунд *биднүүс* хэмээн хэлдэг байна. Энэ байдал зөвхөн монгол хэлэнд ч бус, алтайн бусад хэлэнд ч тохиолддог байна.

5. Монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны айн хэл зүйн хэлбэр утгын талаасаа зөвхөн олны утга илэрхийлэх, олны утга илэрхийлэх үүрэг нь зарим тохиолдолд багасаж үгийн үндэс үүсгэх үүрэгтэй болсон, эсвэл олны утга илтгэхээс гадна үг бүтээх үүрэгтэй дагавар ч байдаг байна.

Иймд монгол хэлний олны утга илтгэх хэл зүйн хэлбэрүүдийг өгүүлбэрийн зэрэгцсэн гишүүнд тэг хувилбараар тохиолдож байвал үндсэн үүргээрээ буй, давхар хэлбэржиж байвал эхний дагавар нь үгийн үндэс үүсгэх үүрэгтэй болсон, тэг хэлбэрээр эс тохиолдож байвал дагаврын үүрэгтэй гэж ялгаж болно.

6. Бидний судалгааны баримтаас үзвэл монгол хэлний олны утга илтгэх *нар*, *-ууд* / *-үүд*, *-д* хэл зүйн хэлбэр өгүүлбэрийн зэрэгцсэн гишүүний эцсийн бусгишүүнд тэг хувилбараар тохиолдоно. Иймд тухайн хэл зүйн хэлбэрүүдийг олны утга илтгэх нөхцөлийн үүрэгтэй гэж болно.

7. Монгол хэлний олны утга илтгэх *-д*, *-с* хэл зүйн хэлбэр зарим үгэнд олны утга илтгэх үүрэг нь багасаж, үгийн үндэс үүсгэх үүрэгтэй болсон байна. Энэ тохиолдолд *-ууд* / *-үүд* хэл зүйн хэлбэрээр давхар хэлбэржүүлж болно.

8. Монгол хэлний олны утгатай *-чууд* / *-чүүд*, *-чуул* / *-чүүл*, *-уул* / *-үүл* хэл зүйн хэлбэр өгүүлбэрт тэг хэлбэрээр хэлбэрждэггүй байна. Энэ нь үг бүтээх дагаврын үүрэг гүйцэтгэдэгтэй нь холбоотой байдаг байна. Иймд тухайн хэл зүйн хэлбэрийг үг бүтээх *-ч* дагавар болон олны утга илтгэх *-ууд* / *-үүд*, *-уул* / *-үүл* хэл зүйн хэлбэрээс үүссэн нийлмэл дагавар гэж болно.

Энэ бүхнээс үзвэл, монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны ай болон хэл зүйн хэлбэр нь монгол хүн юм, үзэгдлийг салангид болон нэгдмэл байдлаар ойлгож буй танин мэдэхүй, тухайн хэл зүйн хэлбэрийн хувьсал хөгжил, үгийн үндсийн авиа болон үгийн утгаас ихээхэн шалтгаалсан хэл зүйн ай байдаг байна.

Номзүй:

Монголын нууц товчоо. Дөрөв дэх удаагийн хэвлэл / хуучин монгол бичгийн хэлнээс одоогийн монгол бичгийн хэлээр Цэндийн Дамдинсүрэн орчуулав. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1990. 256 х.

Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.

Семенова Виктория Ильинична
 кандидат филологических наук
 Иркутский государственный университет
 Иркутск, Россия
 semenova1963@mail.ru

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЭТНОГЕНЕЗА БУРЯТ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Для диалектологии как науки исторической важно воссоздание истории языка в его диалектных разновидностях. Изучение бурятских диалектов имеет долгую историю. Систематическое исследование бурятских говоров, начавшееся с 50-60-х гг. прошлого столетия, ознаменовалось определением их территориального деления и выработкой классификации диалектов. Но вопрос о причинах, приведших к многодиалектности бурятского языка, тогда не получил окончательного решения. Сегодня уже понятно, что разнообразие говоров определяется этногенезом бурят. При многовековом взаимодействии диалектов в говорах могут возникать новые черты как своеобразные контаминации взаимодействующих языковых явлений. Поэтому задачи, которыми занимается лингвист, должны быть привязаны к определенному социуму, отбор информантов должен осуществляться с учетом их родовой принадлежности. Другими словами, в основу сбора материала должен быть положен этнографо-территориальный принцип.

Ключевые слова: диалекты бурятского языка, родоплеменное деление бурятского этноса.

Semenova Victoria Ilyinichna
 Candidate of Sciences in Philology
 Irkutsk State University
 Irkutsk, Russia

ON THE RELATIONSHIP OF THE ETHNOGENESIS OF THE BURYATS AND THE TERRITORIAL DIALECTS OF THE BURYAT LANGUAGE

For dialectology as a historical science, it is important to recreate the history of the language in its dialect varieties. The study of the Buryat dialects has a long history. A systematic study of the Buryat dialects, which began in the 1950s-1960s, was marked by the definition of their territorial division and the development of a classification of the dialects. However, the question of the reasons that led to the multidialectal nature of the Buryat language did not receive a final decision then. Today it is already clear that the diversity of the dialects is determined by the ethnogenesis of the Buryats. With the centuries-old interaction of the dialects, new features can appear in the dialects as a kind of contamination of interacting linguistic phenomena. Therefore, the tasks that a linguist is engaged in should be tied to a particular society; the selection of informants should be carried out taking into account their tribal affiliation. In other words, the collection of material should be based on the ethnographic-territorial principle.

Keywords: dialects of the Buryat language, tribal division of the Buryat ethnos.

Диалекты представляют собой неопределимый источник для изучения закономерностей развития языка и являются первоосновой становления литературного языка. Это в полной мере относится и бурятским диалектам. История исследования бурятских диалектов началась еще в 40-х гг. XIX в. Подробный анализ диалектологических и общезыковых работ тех времен произвел Ц. Б. Будаев (Будаев 1992). В целом дореволюционные исследования были построены на диалектном материале и давали общую характеристику разговорного бурятского языка как такового. Первой работой, посвященной конкретному говору, стал труд А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор» (Руднев 1913–1914).

Планомерное исследование бурятских говоров началось с 50-60-х гг. прошлого столетия. Было определено три группы говоров: западные, восточные и южные. Если относительно территориального деления бурятских диалектов принципиальных возражений не было, то в отношении определения количества диалектов исследователи не могли прийти к единому мнению.

Ц. Б. Цыдендамбаев в работе «К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят», говоря о классификации этих говоров, отметил, что «говоры добайкальских бурят ... существенно отличаются от других по ряду лексических, фонетических и морфологических признаков; особенно значительными являются лексические расхождения» (1968: 164). Автор приходит к выводу: «Итак, западно-бурятское наречие, по нашим данным, имеет в своем составе нижеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский, баргузинский, ольхоно-кударинский и тункино-закаменский говоры» (1968: 173). Далее Ц. Б. Цыдендамбаев пишет: «Чем объяснить предложение объединить некоторые говоры в один говор и многие говоры в одно наречие? По нашему мнению, это объясняется довольно просто. Раньше тот или иной исследователь брал заранее заданный, нередко в административном, географическом или в каком-либо другом отношении очерченный участок, исследовал его, часто не зная и не имея возможности знать, что лежит за этим кругом» (1968: 173). Большинство бурятских говоров еще не были описаны, что не позволяло сравнивать смежные говоры. Согласно тогдашнему требованию к диалектологическим работам описание говоров строилось на сравнительном рассмотрении с бурятским литературным языком.

Следует обратить внимание на следующие слова Ц. Б. Цыдендамбаева: «Бурятские диалекты сильно переплетены не только в территориальном, но и во временном отношении. Они сложились в результате как внутреннего развития, так и внешнего влияния. Одни из них уходят своими корнями в далекое прошлое, другие – обусловлены поздними событиями. Вот почему при дальнейшем углубленном изучении материалов ... возникнет необходимость выделять, с одной стороны, диалекты по родству...; с другой – подговоры, находящиеся в составе тех или иных говоров... Есть основания говорить о хоринском, эхиритском и, может быть, булагатском диалектах. Но имеется ли такое же основание говорить о родстве хонгодорского и цонголо-сартульского диалектов?» (1968: 174). Ц. Б. Цыдендамбаев справедливо отметил: «... надо признать, что изучение бурятских говоров идет не столько вглубь, сколько вширь. Для того чтобы диалектологические работы стали более содержательными, необходимо улучшить как методы записи, так и методы исследования диалектных материалов... Нам представляется, что предыдущие исследования, проведенные бурятскими диалектологами, вполне подготовили условия для лингвогеографического изучения очень интересного в диалектологическом отношении языка бурят... цель такого исследования – создать диалектологический атлас бурятского языка» (1968: 174–175).

Т. А. Бертагаев считал классификацию говоров с точки зрения этнического деления научно неверной (1961: 11). Но, обнаруживая те или иные расхождения в словарном составе диалекта, он все же признавал, что «нельзя полностью пренебрегать этнической принадлежностью данного говора» (1961: 13).

Идея классификации бурятских говоров по родству, высказанная Ц. Б. Цыдендамбаевым, нашла практическое воплощение в исследовании В. И. Рассадина, который на большом фактическом материале показал, что действительно (вопреки сомнению Ц. Б. Цыдендамбаева) существует язык хонгодоров (говор по родству). Он пишет: «Все отмеченные факты свидетельствуют, что язык хонгодоров, или присаянских бурят, представляет собой своеобразный бурятский диалект, издавна занимающий промежуточное положение между западным и восточным бурятскими диалектами» (1996: 156).

Сказанное Ц. Б. Цыдендамбаевым заслуживает реализации в практике дальнейшего исследования бурятских диалектов с использованием методов лингвистической географии и ареальной лингвистики. И здесь первоочередным является сбор полевого материала.

Б. В. Матхеев в работе «О фонетической дифференциации бурятских диалектов Предбайкалья» (1970) убедительно показал, что внутри так называемого эхирит-булагатского диалекта обнаруживается дробление языковых данностей в соответствии с родовым составом населения. Например, по признаку $x' - (c' - m' - ш)$ Б. В. Матхеев подразделяет j-акающий диалект на эхиритскую и булагатскую группы диалектов: «Для эхиритского диалекта характерно архаическое произношение заднеязычного, мягкого, предвокального звука $[x']$, который в булагатских диалектных группах реализуется в виде $[ш - c' - m']$. Примеры: *тах'аа* (*тас'аа - тат'аа*) 'курица'; *арх'у* (*арши - арс'у - арт'у*) 'вино'; *зах'аа* (*зашаа - зас'аа - зат'аа*) 'заказал'» (Матхеев 1970: 56).

Дальнейшую дифференциацию автор обнаруживает внутри булагатского говора по соответствию $ш' - c' - m'$; $д - h$: «По этим признакам общебулагатский диалект подразделяется на южно-булагатскую и северно-булагатскую группы. К первой группе относится речь той части общебулагатского диалекта, которая находится на территории административного Эхирит-Булагатского района... Вторая группа охватывает территорию нынешнего Боханского района. Южно-булагатский диалект характеризуется

тем, что в нем общебурятский заднеязычный, щелевой предвокальный [x'] реализуется как переднеязычный, щелевой, двухфокусный, относительно мягкий [ʃ], которому в северно-булагатском соответствуют мягкий свистящий [ç] или мягкий [m']. Примеры: *дашин* (*дас'ин* – *дат'ин*) 'снова'; *тамшан* (*тамс'ин* – *тамт'ин*) 'табак'; *урбааша* (*армаас'и* – *армаат'и*) 'рубашка'; *үмиэрхэ* (*үмс'ирхэ* – *үмт'ирхэ*) 'гнить'. Указанному признаку сопутствует признак *д – һ*, т.е. южно-булагатскому интервокальному [d] в северно-булагатском, как правило, находим регулярное соответствие звука [h]. Например, *садаад* – *саһаад* 'насытившись', *бодоод* – *боһоод* 'встав', *моридоо* – *мориһоо* 'лошадей'» (Матхеев 1970: 58).

Даже внутри одного диалекта обнаруживаются различия в языке представителей разных родовых группировок, например, в качугском говоре. В селе Бурлай бытует соответствие *ж – д'* (*ожор*, *одир* 'входи'), в селе Хальсин есть лексема *бодорхохо*, в Бурлае и других улусах ему соответствует *дээгүүрдэхэ* 'быть высокомерным'. Потомки родов шарайд и ользон употребляют слово *айшан* 'гость', а представители рода шоно – *зошон* в том же значении. Первые используют слова и словосочетания *алга адал* 'хозяйство, жите-бытье', *барилга* 'взятка', *горхон* 'паводок', *мандагар* 'большой', *прээсгэй* 'кошка', а шоноевцы – соответственно *алга ажал*, *эдилгэ*, *иһээ*, *ехэ*, *биһээ*. Случается, что проживающие в одном населенном пункте потомки разных родов обнаруживают различия в лексике: шоноевцы бабушку называют словом *төөдэй*, а представители рода буура *шибши*; первые кочергу называют *хутхуурга*, а буровцы – *шэлээбэр*.

В Баяндаевском районе проживают представители в основном эхиритских родов, тем не менее, в их языке существуют различия. У потомков рода *һэнгэлдэр*, проживающих в селе Кырма, бытуют слова *шаашитай* 'старшая сестра', *хилзан* 'клещ', в речи представителей других родовых групп им соответствуют слова *эгэишэ*, *хашиг*. Расхождения выявляются не только в лексике, но и в фонетике. У потомков рода абзай функционирует слово *шулаанха* 'стеклянная бутылка', а в языке потомков рода буура – *хилаанха*, первые используют слово *нэбтэрхэ* 'промокать', буровцы – *ебтэрхэ*. Чередования *ш – х*, *н – j*, обнаруживаемые в данных примерах, являются своеобразными рефлексамии древних исторических звукокомплексов в бурятских диалектах (Митрошкина, Семенова 2004: 47).

В основе методологического принципа сбора полевого материала должно лежать положение о родоплеменном подразделении бурятского народа. Такого рода расхождения могут быть обусловлены подродовыми подразделениями, а также законом экзогамии, т.е. влиянием женского языка – языка невест из других родов. Известно, что семейно-брачные отношения при экзогамии также вносят изменения в системы говоров. Науке известно, что «здесь сказывается подразделение родов в пределах племени, а также семейно-брачные отношения между родами разных племен в связи с экзогамией. Очень четкое совпадение этнических и диалектных границ наблюдается только при эндогамии» (Соколова 1983: 83). Учитывать родовые, подродовые подразделения необходимо еще и в связи с обычаем табу и эвфемизма, которые дифференцированы в отдельных социумах.

Таким образом, собирание диалектизмов с опорой на родовые подразделения являет собой одну из методологических основ бурятского языкознания. Работа собирателя начинается с предварительного изучения истории, этнографии, культуры, религиозных верований бурят исследуемого региона.

Литература:

Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ: АН СССР, 1961. 160 с.

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты: опыт диахронического исследования. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. 217 с.

Матхеев Б. В. О фонетической дифференциации бурятских диалектов Предбайкалья // Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та им. Доржи Банзарова. Вып. XXXVII. 1970. С. 52–59.

Митрошкина А. Г., Семенова В. И. Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2004. 72 с.

Рассадин В. И. Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. 215 с.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: Опыт исследования, тексты: пер. и примечания. Пг., 1913–1914. Вып. 1. 120 с.; Вып. 2. 129 с.; Вып. 3. 137 с.

Соколова З. П. Выявление этнических ареалов на основе анализа брачных связей населения и языковых данных (на материале обских угров) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). Л.: Наука, 1983. С. 76–84.

Цыдендамбаев Ц. Б. К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 164–175.

Абаева Юлия Догоржаповна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
julaba@yandex.ru

Ринчинов Олег Сергеевич
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
orinch2@mail.ru

ГОВОРЫ ЭХИРИТ-БУЛАГАТСКОГО НАРЕЧИЯ В ЗВУКОВОМ КОРПУСЕ БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТОВ¹

Говоры эхирит-булагатского наречия представлены в Звуковом корпусе бурятских диалектов. Для этого проведены следующие этапы работы: запись материала с помощью цифровых диктофонов и микрофонов. Разработаны уровни аннотирования для последующей сегментации и аннотирования файлов в программе ELAN. Проведен компьютерно-акустический анализ записанного материала при помощи программ по обработке звукового сигнала PRAAT и Speech Analyzer. Выявлены характерные особенности интонации говоров исследуемого наречия. В целом его интонацию можно охарактеризовать как слабоцентрированную, с выраженными мелодическими пиками. Для представления корпуса в сети Интернет разрабатывается система метаразметки, которая основана на стандарте TEI/XML и включает данные о диалекте, дикторе, времени и месте записи, размере файла и др. Кроме того, создаются инструменты экспорта и сохранения аннотаций из программы ELAN в реляционную базу данных.

Ключевые слова: звуковой корпус, диалекты бурятского языка, эхирит-булагатский говор, аннотирование, метаразметка, интонация.

Abaeva Yulia Dogorzhapovna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Rinchinov Oleg Sergeevich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

SOUND CORPUS OF THE BURYAT DIALECTS: EKHIRIT-BULAGAT GROUP

Sound Corpus of Buryat dialects was added with material of the Ekhirit-Bulagat dialectal group. Recording of the material was made with the usage of digital voice recorders and microphones. Annotation levels were developed for the further segmentation and annotation of files in the ELAN program. Computer-acoustic analysis of the recorded material was carried out using PRAAT and Speech Analyzer audio signal processing programs. The peculiarities of the intonation of the studied dialect were revealed. In general, the intonation is weakly centered, with manifested melodic peaks. To represent the corpus on the Internet, a meta-markup system is being developed. It is based on the TEI/XML standard and includes data on the dialect, speaker, time and

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00491 «Диалектный корпус бурятского языка как средство сохранения языкового разнообразия».

place of recording, file size, etc. Also tools for exporting and saving annotations from the ELAN program to a database are being created.

Keywords: sound corpus, dialects of the Buryat language, Ekhirit-Bulagat dialect, annotation, meta-marking, intonation.

Звуковой корпус бурятских диалектов пополнился данными эхирит-булагатского наречия, в который входят: собственно эхирит-булагатский, боханский, баргузинский, ольхонский, байкало-кударинский говоры (Бураев 1996), а также в некоторых классификациях в качестве самостоятельного выделяется говор качугских бурят (Митрошкина, Семенова 2004).

Носители эхирит-булагатского наречия проживают на западном побережье озера Байкал в Иркутской области в Качугском, Ольхонском, Нижнеудинском районах, а также в районах Усть-Ордынского Бурятского округа: Эхирит-Булагатском, Баяндаевском, Аларском, Боханском, Нукутском, Осинском. На территории Республики Бурятия они проживают в Баргузинском и Кабанском районах.

Материалы и методы. Всего было записано 18 дикторов по всем говорам эхирит-булагатского наречия. Общее время звучания составило 5 часов 34 мин.

Указанные говоры впервые будут представлены в виде звучащего корпуса. К дикторам-информантам предъявлялись определенные требования. Так, все они родились, выросли и проживают, либо длительное время проживали в районе распространения конкретного говора, с детства использовали родной говор в качестве средства повседневного общения, предпочитают коммуникацию на родном говоре в настоящее время.

Запись производилась с использованием микрофонов и цифровых диктофонов.

Программа записи состоит из двух блоков: 1) специально составленная программа – высказывания различной длительности и коммуникативной направленности, порядка 60 фраз; 2) спонтанная устная речь – автобиографический монолог, который помимо биографии диктора содержит дополнительные данные, например, информацию о географических названиях в регионе, о традициях празднования праздников, об исторических событиях и т.п.

Записанный материал был подвергнут разметке в программе ELAN (Компьютерная программа ELAN (версия 5.9). Неймеген: Институт психолингвистики имени Макса Планка 2020). Для нужд настоящего корпуса были разработаны следующие уровни аннотирования:

Макротема. Деление звукового файла на подтемы (семья, праздники, исторические события и т.п.)

Text. Орфографическая расшифровка текста с делением на синтагмы.

Punct. Обозначение иллокутивной функции синтагмы: завершенность (.), незавершенность (,), вопросительность (?), восклицательность (!) и т.п.

Pause. Паузы абсолютные (A) и заполненные (э-э, м-м).

Word. Орфографическая запись текста с сегментацией на слова.

Accent. Выраженное изменение тона: / – восходящее, \ – нисходящее, ^ – восходяще-нисходящее, v – нисходяще-восходящее, – – ровное.

Main Accent. Место фразового ударения.

Level. Высота тона в терминах автосегментной школы (H, M, L). Указывается на начале, конце и интонационном центре синтагмы, а также на участках выраженного изменения тона.

Tempo. Замедление (len) и ускорение (fast) темпа.

Loudness. Повышение (loud) и понижение (silent) громкости

Помимо аннотирования проводился анализ записанного материала, с целью установить основные интонационные модели, наиболее характерные для речи носителей данных говоров; выявить особенности организации коммуникативной структуры высказывания разговорной диалектной речи. Исследование проводилось с применением методов и подходов экспериментально-фонетического исследования, при помощи программ по обработке речевого сигнала PRAAT (<https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>) и Speech Analyzer.

Исследование показало, что интонация завершенности характеризуется повышением тона на начале высказывания с последующим понижением мелодики к концу фразы. Однако для разговорной речи характерно обилие фраз, произносимых без ярко выраженного понижения тона, скорее ровным тоном, несмотря на то что с точки зрения синтаксиса и коммуникативной установки эти фразы являются за-

вершенными. Такая интонация используется говорящим с целью удержать внимание собеседника и выражает установку на продолжение коммуникации.

В целом интонацию описываемого наречия можно охарактеризовать как слабоцентрированную, т.е. словесный акцент практически не подавляется просодией фразы, что выражается ярко выраженными пиками на мелодической кривой. Кроме того, обращает внимание достаточно большой диапазон изменения частоты основного тона.

Для того чтобы Диалектный корпус бурятского языка был доступен в сети Интернет, велась разработка программного обеспечения корпуса. Для этого ведется разработка системы документирования (метаразметки) включаемых в корпус материалов; создаются инструменты экспорта и сохранения аннотаций звуковых данных, размеченных в программе ELAN, в реляционную базу данных.

В основу метаразметки был положен формат, основанный на стандарте TEI/XML (Sinclair&Ball 1996: электронный ресурс; TEI P5 2021; Шаров 2003).

Метаописание речевого документа, состоит из следующих групп элементов:

1) <fileDesc> — общие данные о документе (диалект, диктор, размер (в секундах) и др.

2) <profileDesc> — классификационные параметры: информация об общем классе документа, жанре, времени и месте записи текста, описание участников акта коммуникации или описание автора речевого произведения (пол, возрастная группа); классификация устного текста по области знания/деятельности, к которой относится текст; описание устного текста в терминах условий его создания (situationalparameters). В реализованную нами схему метаразметки включены следующие параметры из предлагаемых спецификациями TEI для этой группы: канал коммуникации и его тип (<channel>), признак реальности (документальности) или вымысла (художественности) (<factuality>), назначение текста (<purpose>) (TEI P5 2021).

Разделы <fileDesc> и <profileDesc> составляют основу описания лингвистически релевантных параметров документа.

Надо отметить, что подмножество параметров описания устного текста, включенное в реализованную схему, вполне удовлетворяет последующему использованию материалов корпуса в практической работе. Так, из сплошного набора речевых образцов можно отбирать для более глубокого анализа нужные по области, по стилю, по возрастной группе и т.д. Комбинированием в запросе нужных параметров описания осуществляется отбор релевантных речевых произведений. Таким образом, исследования корпуса, снабженного метатекстовой разметкой, могут быть в достаточной степени гибкими и глубокими.

На языке программирования Python реализован инструмент преобразования файлов разметки, создаваемых с помощью программы ELAN и имеющих расширение. EAF и. PFSX, из формата XML в JSON и последующий импорт данных в СУБД MySQL. При этом полностью сохраняются параметры разметки («слои» согласно терминологии программы ELAN).

Приведение аннотаций речевых записей в формат реляционной базы данных облегчает последующий анализ представленных в корпусе звуковых данных, например, статистическую оценку преобладающих акцентов в разных диалектах и пр. Кроме того, база данных в СУБД MySQL послужит основой для разработки веб-приложения для диалектного корпуса бурятского языка.

Литература:

Бураев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. 190 с.

Исследование бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. 189 с.

Митрошкина А. Г., Семенова В. И. Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 72 с.

Шаров С. А. Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2003. № 6. С. 9–18.

Sinclair, J. & J. Ball. Preliminary recommendations on text typology. EAGLES Document EAG-TCWG-TTYP/P. June 1996 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/texttyp/texttyp.html> (дата обращения: 15.12.2021).

TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange. Originally edited by C.M. Sperberg-McQueen and Lou Burnard. The TEI Consortium Version 4.2.2. Last updated on 9th April 2021, revision 609a109b1. – Text Encoding Initiative Consortium, 2021. – lii + 1995 Pp.

Компьютерная программа ELAN (версия 5.9). Неймеген: Институт психолингвистики имени Макса Планка (2020).

Дырхеева Галина Александровна
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
an5dag1@imbt.ru

АЖАЛ (ХҮДЭЛМЭРИ) ‘РАБОТА’ И ГЭР ‘ДОМ’: КРУГ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БУРЯТ¹

В статье рассматриваются понятия *ажал / хүдэлмэри* ‘работа’ и *гэр* ‘дом’ в бурятской лингвокультуре с целью выявления специфики образов повседневного сознания бурят, носителей бурятского и русского языков. Анализ проводится с учетом результатов ассоциативного эксперимента и сравнения с данными в «Русском ассоциативном словаре» (РАС). Языковой материал, представленный в таких словарях, рассматривается как коррелят обыденного, повседневного языкового сознания. Рассматриваемые понятия относятся к основным концептам повседневности, позволяющие определить не только их значение, смысл, но и эмоционально-оценочную значимость для носителя языка.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, бурятский язык, русский язык, *ажал* ‘работа’, *гэр* ‘дом’, повседневность.

Dyrkheeva Galina Alexandrovna
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

AZHAL (KHUDELMERI) ‘WORK’ AND GER ‘HOUSE’: THE CIRCLE OF EVERYDAY LIFE IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE BURYATS

The article considers the concepts of *azhal / khudelmeri* ‘work’ and *ger* ‘house’ in Buryat linguistic culture in order to identify the specifics of images of consciousness of Buryat speakers of Buryat and Russian languages. The analysis is carried out taking into account the results of the associative experiment with the data in the Russian associative dictionary. Language material presented in such dictionaries is considered as a correlate of ordinary, everyday linguistic consciousness. The considered concepts belong to the main concepts of daily occurrence, the allowing defining not only their value, sense, but also the emotional importance for the native speakers.

Keywords: associative experiment, Buryat and Russian languages, *azhal* ‘work’, *ger* ‘house’ everyday life.

Как известно, выход на первые позиции антропологического направления в научной парадигме подразумевает перенос акцентов изучения на рядового человека, его обыденное сознание, на повседневные практики. Одной из возможностей их исследования в лингвистике является анализ ассоциативно-вербальных сетей, проводимый на материале ассоциативных словарей. Проведенный в 2008–2009 гг. ассоциативный эксперимент, целью которого было исследование языкового сознания бурят-билингвов (Дырхеева 2020), позволил, в том числе, выявить ядро их языкового сознания на русском и бурятском языках, в которое вошли лексемы *ажал / хүдэлмэри* ‘работа’ и *гэр* ‘дом’, которые относятся к основным ценностным концептам повседневности человека.

В ядро языкового сознания бурят вошли два слова, отражающие «представление о трудовой деятельности»: *ажал / хүдэлмэри* ‘работа’ и *хэрэг* ‘дело, нужда’ (на бурятском языке), на русском языке *работа* также заняла почетное пятое место. В РАС также и *работа*, и *дело* оказались очень важными и, соответственно, ценностными, *работа* – 17 место по рангу. Очевидно, что *ажал (хүдэлмэри)* ‘работа’

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

ассоциируется с образом жизни, с жизнью: *ажаябуулга* ‘жить, деятельность’, *ажамидарал* ‘жизнь’, *байдал* ‘состояние, условия жизни’, *ажа байдал* ‘условия труда’, *ябуулга* ‘деятельность’, *жизнь, быт, повседневная*. Она может быть *хайн* ‘хорошая’, *ехэ* ‘большая’, *үдэр бүри* ‘ежедневная’, *олоной* ‘много’, *онсо* ‘особенная’, *хүндэ хүшэр* ‘тяжелая’, *адская, интересная, любимая, настоящая, нормальная, трудная, хорошая* и т.д. Разница между ассоциациями бурят-билингвов на бурятском и русском языках заключается, во-первых, в том, что на бурятском больше представлены виды занятий, деятельности или средства труда: *хургуули* ‘школа’, *үбнэ сабишаха* ‘косить траву’, *багша* ‘учитель’, *уһа асарха* ‘принести воды’, *хонишон* ‘чабан’, *бодол* ‘мысль’, *хэшээл* ‘занятие, урок’, *зэбсэг* ‘орудие’, *хэрэгсэл* ‘средства, материалы’, *инструмент*, которые практически отсутствуют в русскоязычной части. Во-вторых, можно отметить, что основная масса русскоязычных реакций – это синонимы *труд, деятельность, занятие*. Общими для опрошенных являются реакции, отражающие результаты трудовой деятельности, для чего они работают: *мүнгэн* ‘деньги’, *амаралта* ‘отдых, отпуск’, *амжалта* ‘успех, достижение’, *олзо* ‘прибыль’, *отпуск, салин* ‘зарплата’, *хоол* ‘еда’, *хубсалха* ‘одеваться’, *эдихэ* ‘кушать’; *деньги, бабки, заработок, зарплата, возможность заработка, удовлетворение, удовольствие*.

Для русского языкового сознания, как отмечает Н. Л. Чулкина (2007: 155), важнейшими (по данным РАС 1986 г.) являются определения характеристики работы, связанные с трудностью/легкостью ее выполнения. При этом отношение к работе со временем меняется: если для респондентов первых опросов (1970–1980 гг.), в основном, вопрос о ее результативности был неактуален, то в последующих чаще встречаются оценки типа *высокооплачиваемая, престижная, успех, перспективная, бизнес* и др.

Гэр ‘дом’ – самое частое слово-реакция в группе бурятских реалий. Его ассоциативное поле включает такие качественные характеристики, как *дулаан* ‘теплый’, *арюун* ‘чистый, светлый’, *сэбэр* ‘чистый’, *томо* ‘большой’ (3), *түрэл* ‘родной’, *шэнэ* ‘новый’. Чаще он может быть *модон* ‘деревянный’, реже *шулуун* ‘каменный’, *һэеы* ‘войлочный’. У него есть *үүдэн* ‘дверь’, *сонхо* ‘окно’, и в нем имеются *гал* ‘огонь’, *гуламта* ‘очаг’, *бараан* ‘имущество, мебель’, *торхо* ‘кадка’. Обычно это *байшан* ‘изба, дом, здание, корпус’, может быть *сарай* ‘сарай’, однако показателем кочевого когда-то образа жизни бурят служат такие слова-реакции, как *үбэлжөөн* ‘зимнее местожительство, зимовье’ и *зуһалан* ‘летнее местожительство, летник’. Очевидно, что *гэр* ‘дом’ ассоциируется с теми, кто в нем живет: *нүхэр* ‘друг, супруг, муж’, *эхэ* ‘мать’, *хүүгэд* ‘дети’, *үхибүүн* ‘ребенок’, *дүү хүбүүн* ‘младший (брат, сестра)’. Очень важно также, что он *байха* ‘есть, имеется’. Однако самую большую группу ассоциаций на данное слово, как и на многие другие в бурятском тесте, составляют ассоциации-парные слова. Обилие парных слов способствовало тому, что по сравнению с реакциями на русском языке за счет парных слов увеличена доля синтагматических реакций: *гэр бүлэ* ‘семья, семейство’ (самая высокая частота реакций на слово *гэр* – 27), *гэр байра* ‘жилое помещение’ (частота – 16). Соответственно, и по данным обратного ассоциативного словаря *гэр* является самой частой реакцией на эти же слова – *бүлэ* ‘семья’ (27) и *һуури (байра)* ‘место’ (26).

Реакции бурят, представленные на слово *гэр* ‘дом’ на русском языке ближе к реакциям представителей русской национальности, для них также дом – *большой, родной, уютный, свой, отчий, старый, просторный*. Это – *крепость, кров, квартира, жилище, жильё, хата, коттедж, дача*. Чаще всего он *деревянный*. Несомненно, что он ассоциируется с *семьей, уютом, теплом, отдыхом, раем, родителями, мамой*. Однако интересно, что самой частой реакцией на слово-стимул *дом* является *очаг*, как и в случае с результатами эксперимента среди англичан (Дашиева 1998: 205).

В русской картине мира *дом* также является важнейшим базовым компонентом повседневности в отличие, например, от английской, в которой он стоит на 10 месте в ядре языкового сознания, или в испанской – на 22 месте. Однако в словарной статье РАС отсутствует в отличие от нашего словаря перечисление совместно проживающих в доме родственников. Хотя очевидно, что близость картин мира бурят и русских во многом объясняется переплетением концептов *дом* и *семья*, совмещение этих основных для носителей языка понятий объясняет высокий ранг понятия в словарях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что *ажал / хүдэлмэри* ‘работа’ и *гэр* ‘дом’ – это важнейший круг повседневной жизни современных бурят, для которых это основной ежедневный маршрут. Они включают множество качественных параметров и оценок и относятся к традиционным ценностным компонентам языковой картины бурят-билингвов. Подтвердилось, что специфической особенностью понятия *гэр* ‘дом’ является основная ценностная характеристика бурятского этноса – семья, его наполнение представителями семейного коллектива. Определяющая характеристика *ажал / хүдэлмэри* ‘рабо-

ты' в языковом сознании бурят – конкретный вид деятельности, вся жизнь, в которой происходит социализация личности. Сходные параметры определения данных понятий на бурятском и русском языках, а также в языковом сознании русских объясняются общностью культуры, долговременными условиями контактирования и совместного проживания.

Литература:

Дашиева Б. В. Образ мира в культурах русских, бурят и англичан // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 200–207.

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 236 с.

Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна
кандидат филологических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
badmatsyrenovanb@bsu.ru

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВКАХ БУРЯТ-БИЛИНГВОВ

Работа посвящена отражению установок в ментальном лексиконе и связи этнических ценностей билингва с его разными языками. Данные задачи решаются при помощи анализа бурятского и русского лексиконов билингвов-бурят на материале тематической группы «Человек». Структура актуального лексикона на бурятском языке отражает ценностные установки бурят. Качественный и количественный анализ тематической группы показал, что наиболее значимыми для бурят являются ценности семьи, социальной иерархии, социального успеха. Наиболее значимые этнические установки билингва отражаются в лексиконе на родном языке. Русский лексикон также отражает существенные этнические ценности билингва, но влияет на структуру тех понятийных областей бурятского лексикона, которые не связаны с актуальными для билингва этническими представлениями.

Ключевые слова: ценностные установки, этнические ценности, билингвизм, билингвы-буряты, ментальный лексикон, актуальный лексикон, тематическая группа, человек.

Badmatsyrenova Nadezhda Badmazhapovna
Candidate of Sciences in Philology
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

ON THE ISSUE OF PSYCHOLINGUISTIC VALUE ATTITUDES OF THE BURYATS-BILINGUALS

The work is devoted to the reflection of attitudes in the mental vocabulary and the connection of the ethnic values of the bilingual with its different languages. These tasks are solved by analyzing the Buryat and Russian lexicons of bilingual Buryats on the material of the thematic group "Man". The structure of the current lexicon in the Buryat language reflects the value attitudes of the Buryats. Qualitative and quantitative analysis of the thematic group showed that the most significant for the Buryats are the values of the family, social hierarchy, and social success. The most significant ethnic attitudes of the bilingual are reflected in the lexicon in the native language. The Russian lexicon also reflects the essential ethnic values of the bilingual, but influences the structure of those conceptual areas of the Buryat lexicon that are not associated with ethnic ideas that are relevant for the bilingual.

Keywords: value attitudes, ethnic values, bilingualism, bilingual Buryats, mental lexicon, current lexicon, thematic group, human.

Этнические ценности билингва, как правило, отражаются в виде установок в ментальном лексиконе обоих языков. Структура актуального лексикона на бурятском языке отражает ценностные установки бурят. Качественный и количественный анализ тематической группы показал, что наиболее значимыми для бурят являются ценности семьи, социальной иерархии, социального успеха. Наиболее значимые этнические установки билингва отражаются в лексиконе на родном языке. Для выявления актуального лексикона было отобрано 100 наиболее употребительных слов в речи информанто. В работе принято деление тематической группы «Человек» на подгруппы. Предпринята попытка анализа ценностных представлений билингвов о человеке, зафиксированных в их бурятском и русском лексиконе. В первую очередь были рассмотрены количественные показатели словников информантов – бурят и русских (см. табл. 1).

Количественные показатели словариков

Параметр	Словники бурят		Словник русских
	бурятский словарь	русский словарь	
Объем выборки, абс.	1000	1000	1000
Объем ТГ «Человек», абс.	150	90	65

Количество слов в подгруппах тематической группы «Человек» в словариках разных информантов

подгруппы	словники бурят		словник русских
	бурятский словарь	русский словарь	
	всего	всего	всего
Социальные отношения	17	11	5
<i>Профессиональная деятельность</i>	9	6	3
<i>Социальный статус</i>	5	2	2
<i>Принадлежность группе</i>	3	3	0
Родственные отношения	27	21	25
Характеристика	8	19	8
Половозрастные признаки	14	5	4
Межличностные отношения	4	3	6
Личные имена	1	0	0
Местоимения	5	5	2
Частителя	54	14	6
Человек / люди / народ	3	1	4
Всего	150	90	65

Объем данной группы в составе лексикона позволяет делать выводы об актуальности для представителей нации. Так, объем тематической группы «Человек» в бурятском лексиконе билингвов составил 150 единиц из 1 тыс. ед., доля слов данной тематической группы в бурятском лексиконе – 15 %. В русском лексиконе билингвов объем рассматриваемой тематической группы составил 90 единиц, а доля их в лексиконе – 9%. У русских монолингвов объем тематической группы «Человек» самый маленький – 64 единицы, а доля слов данной тематической группы, свидетельствующая об актуальности представлений о человеке, составила лишь 6,4%. Таким образом, можно сказать, что данный фрагмент реальной действительности является более важной ценностью для бурят, чем для русских.

Подгруппа «Родственные отношения» и в бурятском и в русском лексиконах билингвов-бурят представлена несколько большим количеством разных лексем, чем в русском (см. табл. 2).

словники бурят	словник русских
бурятский	русский
<i>ахай</i> ‘старший брат, дядя’	<i>бабушка</i>
<i>абгай</i> ‘старшая сестра, тетя’	<i>брат / братишка</i>
<i>аба</i> ‘папа’	<i>дедушка</i>
<i>нагаса баабай</i> ‘дедушка по матери’	<i>мама</i>
<i>нагаса эжы</i> ‘бабушка по матери’	<i>дядя</i>
<i>эжы</i> ‘мама’	<i>папа</i>
<i>хурьгэн</i> ‘зять’	<i>сестра</i>
	<i>дядя</i>

<i>үбгэн</i> ‘муж’	<i>зять</i>	<i>тетя</i>
<i>хамган</i> ‘жена’	<i>племяшки</i>	<i>жена</i>
<i>бэри</i> ‘невестка’	<i>муж</i>	
<i>басаган</i> ‘дочь’	<i>родственник</i>	
<i>хүбүүн</i> ‘сын’	<i>тетя</i>	
<i>дуу хүбүүн</i> ‘младший брат’		
<i>дуу басаган</i> ‘младшая сестра’		
<i>түрэл</i> ‘родня’		
<i>гэртэхин</i> ‘домашние’		

Как видно из приведенных лексем, русский лексикон монолингвов включает обозначения ближайших членов семьи. Бурятский и русский словники билингвов содержат достаточно частотные слова, обозначающие и прямое, и не прямое родство (*ахай* ‘старший брат, дядя’ *хамган* ‘жена’ и т.д.), что свидетельствует о более широкой модели бурятской семьи, в состав которой входят несколько поколений кровных и некровных родственников. Кроме того, немаловажно, что в лексиконе встречаются и обобщенные названия *түрэл* ‘родня’, *гэртэхин* ‘домашние’). Необходимо пояснить, что информанты объясняли, что заимствованные единицы, обозначающие родителей *мама* и *папа*, а также и слова *дядя* и *тетя*, они отнесли к своему русскому словнику, несмотря на то, что эти слова ими склоняются по правилам бурятского языка, что говорит о полной адаптации заимствований. Для бурят ценна большая семья, включающая несколько поколений, в то время как для русских ценность представляет только малая семья, ближний круг родственников. При этом ориентация бурят на семью сильнее, что подтверждается большой частотностью слов подгруппы «Родственные отношения» в словниках бурят. Однако все же необходимо отметить, что еще десятилетие назад в словник бурят относительно этой подгруппы входило еще большее количество лексем, т.е. налицо постепенное сужение круга родственных отношений. Несмотря на это, ориентация на семью является общей для бурят и русских.

О ценности личной сферы для русских говорит более частая актуализация ими лексем, обозначающих личные отношения (см. табл. 2). В подгруппе «Межличностные отношения» русские информанты называют непосредственное окружение человека: *друг/друзья, подруга, сосед*. Однако бурятский словник билингвов-бурят по данной группе отмечен почти равным со словником русских количеством единиц: *нүхэр* ‘друг’, *нүхэр басаган* ‘подруга’, *нүхэд* ‘друзья’, *танил* ‘знакомый’, *хүршэ* ‘сосед’. Как видим, бурятский лексикон включает более разнообразные наименования близких людей. Это говорит о смещении системы ценностей у бурят.

Анализ группы «Характеристики» показал, что буряты-билингвы в своем русском словнике перечисляют значительно больше характеристик человека (19 разных слов: *любимый, любимая, счастливый, злой, красивый* и т.д.), чем в бурятском словнике (8 слов в бурятском лексиконе: *хүхюу* ‘веселый’, *бэрхэ* ‘умелый’, *үбгэн* ‘старый’, *талаантай* ‘удачливый’ и т.д., и 8 слов в русском лексиконе: *овца, молодец* и т.д.). При этом обращает на себя внимание тот факт, что среди слов, данных русскими, слов, обозначающих субъективные оценочные характеристики человека, больше (в том числе, это разговорные слова с негативным значением). Напротив, в бурятских актуальных словниках мы видим иные ценностные ориентации.

Прежде всего, повторим, что наиболее объемной подгруппой ТГ «Человек» в бурятском лексиконе является подгруппа «Части тела». Рассмотрим разные лексеммы этой подгруппы в бурятском и русских словниках информантов.

словники бурят	русский	словники русских
бурятский		
<i>толгой</i> ‘голова’	<i>брови</i>	<i>волосы</i>
<i>нюрган</i> ‘спина’	<i>волосы</i>	<i>глаза</i>
<i>бэе</i> ‘тело’	<i>нос</i>	
<i>ууса</i> ‘крестец’	<i>глаза</i>	<i>голова</i>
<i>хүл</i> ‘нога’	<i>голова</i>	<i>лицо</i>
<i>эльгэн</i> ‘печень’	<i>губы</i>	<i>нога</i>

<i>хурган</i> ‘палец’	<i>рот</i>	<i>рот</i>
<i>тархи</i> ‘голова’	<i>нос</i>	<i>рука</i>
<i>шүдэн</i> ‘зуб’	<i>зубы</i>	
<i>гэдэһэн</i> ‘живот’	<i>ноготь</i>	
<i>нюур</i> ‘лицо’		
<i>хамар</i> ‘нос’		
<i>үбдэг</i> ‘колени’		
<i>нюһан</i> ‘сопли’		
<i>хюмһан</i> ‘ноготь’		

Очевиден факт, свидетельствующий о том, что объем словника, обозначающего части тела, у бурят значительно больше, чем у русских, причем и на русском, и на бурятском языке. Так, русские отмечают лишь видимые части головы (*волосы, глаза, лицо, нос, рот*) и тела (*нога, рука*), а буряты включают в лексикон также внутренние органы, биологические жидкости, ткани и части тела.

На основании проведенного исследования можно обрисовать обобщенную модель человека у бурят: это «телесный», «биологический» человек, обязательно относящийся к группе (семье, обществу, народу), желательный – успешный, стоящий на вершине иерархической лестницы (Ерофеева, Худякова 2021: 15), имеющий тесные отношения в родственном кругу, знающий свое место в большой многоуровневой бурятской семье и уважающий культуру своего народа, бережно относящийся к младшему поколению, с тенденцией роста важности межличностных отношений. Русский же язык актуализирует индивидуально-психологическое – человек характеризуется с точки зрения межличностных отношений.

Таким образом, можно видеть, что ценностные установки бурят ориентированы на *биологическое* и *социальное*.

Литература:

Ерофеева Е. В., Худякова Е. С. Психолингвистические ценностные установки билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (18). С. 7–16.

Цэрэнчимэд Саранцацрал
доктор филологических наук
Монгольский государственный университет
Улан-Батор, Монголия
ts.sarantsatsral@gmail.com

Дырхеева Галина Александровна
доктор филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
an5dag1@mail.ru

Цыбенова Чечек Сергеевна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
tschechek@mail.ru

Цогзолмаа Цогт-Очир
Монгольский государственный университет
Улан-Батор, Монголия
tsogzolmaa_tsogt@num.edu.mn

ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ МОНГОЛИИ¹

Статья посвящена анализу языковых установок учащейся молодежи Монголии по отношению к монгольскому, русскому, английскому и китайскому языкам. Эмпирическая база исследования основывается на результатах пилотажного опроса, проведенного в 2021 г. В ходе анализа выявлено, что респонденты более всего лояльны к изучению английского языка. Русский язык в системе оценок монгольской молодежи находится на втором месте, китайский – на третьем. Результаты показывают различие в характере языковых установок по отношению к английскому и русскому языкам. Английскому языку свойственны установки интегративного характера, русскому и китайскому языкам – инструментальные. Авторы приходят к выводу, что в системе оценок носителей монгольского языка русский язык как иностранный пока занимает второе место.

Ключевые слова: социолингвистика, языковые установки, русский язык, Монголия.

Tserenchimed Sarantsatsral
Doctor of Sciences in Philology
National University of Mongolia
Ulaanbaatar, Mongolia

Dyrkheeva Galina Alexandrovna
Doctor of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНХСМ в рамках научного проекта № 20-512-44005 «Русский язык в образовательном пространстве Монголии: современное состояние и перспективы развития».

Tsybenova Chechek Sergeevna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Tsogzolmaa Tsogt-Ochir
National University of Mongolia
Ulaanbaatar, Mongolia

LANGUAGE ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE IN MONGOLIA

The article is devoted to the analysis of language attitudes of Mongolian students in relation to the Mongolian, Russian, English and Chinese languages. The empirical base of the study is based on results of a pilot survey conducted in 2021. The analysis revealed that respondents are most loyal to learning English. Russian is in second place in the rating system of Mongolian youth, Chinese is in the third one. The results show differences in nature of language attitudes towards English and Russian. The English language has integrative attitudes, while the Russian and Chinese languages have instrumental ones. The authors conclude that in Mongolian youth's assessment system Russian as a foreign language is in the second place now.

Keywords: sociolinguistics, language attitudes, the Russian language, Mongolia.

В настоящее время в России вопросам распространения русского языка и его функционирования за рубежом уделяется особое внимание. В плане изучения состояния и перспектив развития русского языка за рубежом показателен пример Монголии. На протяжении многих лет монгольское государство была идеологическим и экономическим союзником СССР. В советскую эпоху русский язык был единственным иностранным языком, который изучался на ее территории. Однако динамика изучения русского языка в наши дни в Монголии претерпела существенные изменения. Таким образом, целью настоящего исследования является анализ языковых установок молодых жителей Монголии относительно русского языка. Анализируемый материал получен в ходе пилотажного анкетирования. Опрос был проведен на платформе Google Forms в 2021 г. Всего от молодежи получена 461 анкета. Респондентами выступили учащиеся школ и студенты, возраст которых колеблется от 9 до 22 лет.

В образовательных учреждениях Монголии дети изучают различные языки. Сегодня в условиях активной реализации национальной программы по английскому языку в образовательных учреждениях Монголии русский язык находится в непростой ситуации. Предварительные результаты показывают, что в сфере образования по популярности и престижности русский язык пока уступает английскому. В нашем опроснике был задан вопрос «*Как Вы думаете, почему Вы изучаете или хотели бы изучать следующие языки?*» Здесь кроме русского языка нами были предложены монгольский, английский и китайский языки (см. табл.).

Таблица 1

«Как Вы думаете, почему Вы изучаете или хотели бы изучать следующие языки?» (%)

	монголь- ский	русский	англий- ский	китай- ский
1. Это Ваш родной язык	97,8	3,2	3,4	–
2. Его преподают в школе	43,2	66,4	71,6	6,3
3. Это язык культуры мирового значения	10,4	28,4	87,6	26,7
4. Вам нравится сам этот язык и постижение чего-то нового	23,6	39,7	78,3	15,6
5. Без его знания нельзя считать себя	33,6	38,4	82,0	16,5

образованным человеком				
6. Изучаете, чтобы жить, учиться в другой стране	8,7	38,4	82,6	16,3
7. Изучаете для общего развития и кругозора	19,1	46,0	77,6	19,3
8. Он пригодится в общении с друзьями, знакомыми из других стран	17,4	41,0	79,6	14,7
9. Он знакомит с культурой и религией, для путешествий	14,5	48,4	82,9	24,7
10. Его необходимо знать, чтобы поступить в вуз	32,5	41,2	84,8	12,6
11. Его заставляют изучать родители	20,2	26,2	51,0	10,6
12. Это пригодится в дальнейшей работе	32,0	47,5	82,0	25,2
13. Каждый человек должен знать хотя бы один иностранный язык	15,2	37,7	80,0	20,2

Полученные результаты показывают, что лидером практически по всем параметрам, кроме параметра о родном языке, является английский язык. Наиболее высокие показатели по параметрам, которые характеризуют интегративные языковые установки («Это язык культуры мирового значения», «Вам нравится сам этот язык и постижение чего-то нового», «Без его знания нельзя считать себя образованным человеком», «Изучаете, чтобы жить, учиться в другой стране»), говорят о значимости английского языка и высокой степени лояльности к нему монгольской молодежи. Интегративные языковые установки исследователи объясняют тем, что они отражают искренний интерес к изучению второго языка и направлены на сближение с другим языковым сообществом. Эти установки подразумевают открытость и уважение к другим культурным группам и их образу жизни (Dömyei... 2006: 11). Полученные ответы косвенно свидетельствуют, что монгольская молодежь относится к английскому языку и англоязычному миру весьма позитивно, стремится взаимодействовать, наблюдается открытость интегративным процессам.

Относительно показателей по русскому языку мы видим, что наибольшее значение отмечается у параметра «Его преподают в школе» (66,4%). Данный ответ говорит о том, что русский язык мало привлекает монгольских учащихся. Вполне вероятно на выбор русского языка влияет мнение родителей, взрослых, которые в свое время изучали его в школах и вузах. В ответах преобладают языковые установки инструментальной направленности (знакомит с культурой и религией, для путешествий – 48,4%, пригодится в дальнейшей работе – 47,5%, для общего развития и кругозора – 46,0% и др.). Инструментальные языковые установки имеют утилитарный характер и основаны на стремлении к практическому применению языка для достижения чего-либо, его практической пользе. Подобные установки характерны и китайскому языку. В первую очередь, для респондентов он является языком культуры мирового значения (26,7%), может пригодится в работе (25,2%), знакомит с культурой, религией, необходим для путешествий (24,7 %), его изучают в качестве иностранного языка (20,2%). Как нам думается, китайский язык еще недостаточно представлен в образовательном пространстве Монголии. Вероятно, в основе такого отношения лежит и лингвистический фактор, связанный с особенностями графической основы китайского языка, спецификой произношения.

В опросник также были включены вопросы, выявляющие косвенные установки по отношению к людям, говорящим на разных языках. Так, человек, говорящий по-монгольски, оказался более умным (35,6%), более добрым (30,8%) и более ленивым (29,1%). Как и ожидалось, более успешным (56,6%), образованным (49,0%), богатым (42,2%), дружелюбным (26,8%), прогрессивным (48,8%) и модно оде-

тым (31,7%) оказался человек, говорящий по-английски. Человек, говорящий по-русски, оказался модно одетым (27,9%), дружелюбным (24,5%), добрым (24,3%), агрессивным (22,9%) и образованным (22,1%). Параметр «более агрессивный» характерен человеку, говорящему по-китайски (11,5 %). При этом он богат (9,5%) и прогрессивен (9,5%).

Таким образом, отметим, что языковые приоритеты в системе образования Монголии изменчивы и зависят от внешних факторов. Очевидно, более значимы мировые глобализационные процессы, которые тесно связаны с экономической составляющей, т.е. «экономическая привлекательность других государств, в первую очередь, и является одним из решающих факторов в предпочтении языка изучения и обучения» (Дырхеева, Хилханова 2014: 224). В целом исследование показывает, что языковые установки монгольской молодежи по отношению к русскому языку положительные. Предварительные данные подтверждают, что в современных условиях русский язык более системно поддерживается и функционирует только в образовательном пространстве. Несмотря на сокращение сфер его функционирования, ухудшение преподавания на нем, для монгольской молодежи, которая ориентирована на получение российского образования, он является важным инструментальным языком как язык научной информации, как межнациональный язык.

Литература:

Дырхеева Г. А., Хилханова Э. В. Языковые установки молодежи Бурятии: система образования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 218–224.

Dörnyei Z, Csizér K., Németh N. Motivation, Language Attitudes and Globalisation: A Hungarian Perspective. Clevedon Buffalo. Toronto: MULTILINGUAL MATTERS LTD, 2006. 205 p.

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
bch58@yandex.ru

ЯЗЫК И СТИЛЬ УСТНОЙ ПРОЗЫ БУРЯТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ ЗАПИСЕЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)¹

На экспедиционном материале последних лет рассматриваются наиболее значимые средства художественной выразительности бурятских сказок, записанных в автономном районе Внутренняя Монголия Китая. На основе анализа 29 текстов сказочной прозы шэнэхэнских бурят выявляются их стилевая специфика и смысловая нагрузка. Языковую особенность указанных текстов составляют обобщенность, традиционность, их художественно-образная конкретизация. Наличие в словарном запасе бурятских мигрантов слов, заимствованных из русского и монгольского языков, наряду с лексикой, вышедшей из активного багажа и употребления бурятами, проживающими в России, относим к локальной специфике языка фольклорных произведений бурят Китая. Традиционными художественными ресурсами сказочной прозы шэнэхэнцев являются фразеологизмы, разговорная лексика, архаизмы, диалектизмы, эвфемизмы, парные слова. Подобные лексико-стилистические средства, имеющие эмоционально-эстетическую нагрузку, обеспечивают высокую интенсивность воздействия, усиливая образность и колоритность произведений устной прозы.

Ключевые слова: сказки, фразеологизмы, разговорная лексика, архаизмы, эвфемизмы, русизмы.

Tsybikova Badma-Khanda Badmadorzhievna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE LANGUAGE AND STYLE OF ORAL PROSE OF THE BURYATS (BASED ON THE RECENT YEARS FIELD RECORDINGS)

The article presents the most significant means of artistic expression in Buryat fairy tales having been recorded during recent years expeditions to the Inner Mongolia Autonomous Region of China. The analysis of 29 texts of fairy-tale prose of the Shenekhen Buryats revealed their stylistic specificity and semantic content. The linguistic peculiarity of these texts consists in generalization, traditionality, their artistic and figurative concretization. The presence in the vocabulary of the Buryat migrants of words borrowed from the Russian and Mongolian languages, alongside with the words that are no longer used in the active vocabulary of the Buryats living in Russia, is attributed to the local language specificity of the folklore works of the Chinese Buryats. Phraseologisms, colloquial vocabulary, archaisms, dialectisms, euphemisms, paired words are the traditional artistic means of the Shenekhen fairy tale prose. Such lexical and stylistic means, bearing emotional and aesthetic meaning, provide a high intensity of impact, enhancing the imagery and coloring of oral prose.

Keywords: fairy tales, phraseological units, colloquial vocabulary, archaisms, euphemisms, Russianisms.

Язык фольклора, его стилистика являются лексическими единицами для этнического самовыражения, средствами реализации внутренних чувств, убеждений, установок, являясь отличительными маркерами этнокомпонента. Язык и культура находятся в парадигме системы выразительных форм трансляции определенных ценностей и смыслов: «Язык и культуру невозможно рассматривать без учета фактора этнической обусловленности своеобразия мировоззрения, присущего каждому культурному и языко-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

вому коллективу» (Баканова 2015: 30). К наиболее характерным стилистическим приемам, относящимся к ресурсам художественности фольклорных текстов, относятся фразеологизмы, устойчивые выражения, разговорная лексика, архаизмы, диалектизмы, парные слова и т.д. На экспедиционном материале последних лет нами рассматриваются наиболее значимые средства художественной выразительности бурятских сказок, записанных в автономном районе Внутренняя Монголия Китая. На основе анализа 29 текстов сказочной прозы шэнэхэнских бурят (Цыбикова 2020: 296) выявляются их стилевая специфика и смысловая нагрузка.

В лексике языка бурятских сказок особое место занимают фразеологизмы. Эти выразительные устойчивые словосочетания характеризуются наибольшей частотностью употребления в сказках. Приводим некоторые из них: *дайгаа даража, дархан сулаа олохобди* ‘одолеем врага и прославим имя *дархана*’ используется в случаях победы над противником; *эльгэнэймни эмдэрхэй, яһанаймни холторхой* ‘родная моя кровь, плоть от плоти свой’ (букв. обломок моей печени, осколок моей кости) выражает кровно родственные отношения; *долёобортоо домтой, эрхишдэ эрдимтэй, уралдаа обидостой* ‘с колдовскими способностями, необычными умениями, удивительной магией’ (букв. с лекарством в указательном пальце, со знаниями в мизинце, с чарами на губах) характеризует людей с особенными способностями; *ханатай гэрнай холодожсо, хадатай гэрнай ойртожол байна* ‘дом со стенами отдаляется, становится ближе дом наш на горе’, так говорится о наступившей старости и неизбежности смерти.

К бурятским фразеологизмам по характеру целостности смысла примыкают устойчивые выражения, в которых нельзя нарушить порядок слов или выбросить какое-то слово. Наиболее выразительные из них, обнаруженные в анализируемых текстах, следующие: *хүхэ голынь таһарба* ‘испустил дух’ (букв. порвалась его синяя нить) широко употребляется в отношении отрицательного персонажа, над которым одержана победа; *ганса бэе, гозон тархи* ‘одинокий’ (букв. одно тело, одинокая голова) используется для характеристики холостого человека без роду и племени; *дуран дундуу, духань хэлтэги* ‘недовольный, хмурый’ выражает раздраженное состояние человека; *улааниш үзөө хаа, урбажа, шары үзөө хаа, шарбадаг хүн* ‘человек, который, увидев красное, взрывается, увидев желтое, гневается’ (букв. увидев красное, отвернется, увидев желтое, хвостом ударит) говорится о человеке с несдержанным, вспыльчивым характером.

Определенную часть устно-поэтической лексики шэнэхэнских бурят составляют архаизмы – старинные бурятские слова, вышедшие из активного употребления российскими бурятами: *хайра* ‘хорошее’ в значении ‘лучшее, образцовое’; *обидос* ‘колдовство’ (ср. х.-монг. *увдис*); *собоо саламгай* ‘удалой’, *зүгшэхэ* ‘брезговать’ (синоним слова *жэрхэхэ*); *түрюун* ‘почтенный’ вместо общепринятого *түрүү* ‘ведущий, почетный, старший’, *эриндэ* ‘в ту пору’ в значении ‘эра’, *үндэрлэхэ* ‘подходить к концу’. Украшают речь исполнителей сказок парные слова: *һур һүлдэтэй* ‘с духовной мощью’, *бумбагар сагаан* ‘пухленький, беленький’, *хүлһэ хүсэ* ‘оплата работы’ (букв. заработная плата, расчет); *нохой халхай* ‘ай, черт’ (букв. собака, горячо).

Специфические фольклорные диалектизмы или местные обороты речи, встречающиеся в сказках, усиливают колоритность устной прозы бурят Внутренней Монголии. К примеру: *ама хахарха* ‘спросить’ (букв. открыть рот, чтобы сказать слово); *монсогорыемни* ‘мою голову’ (букв. мой кругляшок); *бүтэн ухаатай* ‘мудрый’ (букв. с цельным умом), *оосо болоогүй* ‘нет увечий’, *ондишн зоог* ‘пустое’ (букв. надеяться нечего); *ашибад шулуун* ‘прямодушный, честный’ (букв. кристально честный). Нередки простонародные обиходные выражения: *Бу унгаһа алда* ‘Не говори глупости’ (букв. Не пускай газы); *унгаһа бааһан болохо* ‘взбеситься, сильно злиться’ (букв. пускать газы и нечистоты).

В шэнэхэнских сказках встречаются эвфемизмы – слова или выражения, служащие для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, грубыми. Например: *морёо үзөөд ерэхэ* ‘сходить и посмотреть коня’ используется в значении ‘справлять нужду’; *ута хюмһатай* ‘нечистый на руку’ (букв. с длинными ногтями), *халтар* ‘лисица’ (букв. с рыжими полосами), *хүдөөгэйхи* ‘волк’ (букв. обитатель степи), *ута һуултэ* ‘волк’ (букв. длиннохвостый). Как отмечает А. Д. Каксин, табуированная лексика «является одним из самых распространенных и древних лексических пластов в любом языке» (Каксин 2017: 249).

Шэнэхэнские буряты преклонного возраста, прожившие всю свою жизнь на небольшом этнически обособленном пространстве, используют старинную речь, где сохранились русские слова не только в быту, но и в фольклорных произведениях. Такие слова, как *харбаать* ‘кровать’, *пешэн* ‘печь’, *ухбаад* ‘ухват’, *углуу* ‘угол’, *остоол* ‘стол’, *ниисхэ* ‘миска’, *манирха* ‘манерка’, *пүржынэ* ‘пружина’, *оглёобо*

‘оглобли’, *биисэ* ‘бич’, *голоомо* ‘солома’, *бооихо* ‘бочка’, *бэржээнтэ* ‘брезент’, *лоом* ‘лом’, *понаар* ‘фонарь’, *мушөөг* ‘мешок’, *сумаа* ‘сума’, *шоото* ‘счеты’, *хэрээһэн* ‘крест’, *сухаари* ‘сухари’, *пүүд* ‘пуд’, *яблог* ‘яблоко’, *саахар* ‘сахар’, *хилээмэ* ‘хлеб’, *билиниг* ‘блин’, *тобороог* ‘творог’, *боодхо* ‘водка’, *пунайха* ‘фуфайка’, *пулаад* ‘платок’, *шэбээд шаали* ‘шевиотовая шаль’, *гоород* ‘город’, *поцёолхо* ‘поселок’, *базаар* ‘базар’, *балгаанхан* ‘балаганчик’, *амбаар* ‘амбар’, *сарай* ‘сарай’, *ословоо хүн* ‘человек слова’, *боржиохо* ‘ворожить’, *хармаанлаха* ‘класть в карман’, *дорообо* ‘здорово’. Справедливо утверждает М. С. Михалев: «Любопытно, что иногда в шутку, а иногда и всерьез они (шэнэхэнцы – Б.-Х. Ц.) даже настаивают на том, что именно наличие в их языке множества русских заимствований, значение которых не ясно ни китайцам, ни монголам, также способствовало тому, что им удалось сохранить свою самобытность перед лицом и тех, и других» (Михалев 2017: 117).

В результате территориальных и культурных контактов бурят Шэнэхэна с соседними этническими группами монголов Китая происходит заимствование из родственного монгольского языка. Из группы слов, которые входят в число общепотребительных, отдельные слова нашли отражение и в сказках: *забшаан* ‘удача’, *буг* ‘черт’, *шэгжэр* ‘навоз’, *холбоотон сүлбөөтэн* ‘близкие и родные’, *шаламгай* ‘ловкий’, *элбэрэлтэй* ‘с почтением, с уважением’, *хобор сохог* ‘редкий, редкостный’, *оргожо ябаха* ‘сбежать, дезертировать’, *ангижарха* ‘отделяться’, *шахамдуулха* ‘уговаривать’, *шаардаха* ‘требовать’, *хөөжжихэ* ‘прогнать’, *хонжогдохо* ‘прогадать’, *башамдаха* ‘растеряться’, *хөөртэйгөөр* ‘с ликованием’, *ажагшгүй* ‘спокойно’ и др.

Имея много общего с устной разговорной речью, лексика устной сказочной прозы шэнэхэнских бурят отличается насыщенностью образными народными выражениями и устойчивыми фразеологическими оборотами. К характерным стилевым особенностям бурятских сказочных текстов следует отнести обобщенность, традиционность (фольклорная стереотипность), их художественно-образную конкретизацию. Употребление в большом количестве заимствованных из русского языка слов и монголизмов составляет языковую особенность повествовательной прозы бурят Китая.

Литература:

Баканова А. В. Фразеологические и паремиологические единицы в каталанских народных сказках // Древняя и Новая Романия. 2015. № 15. С. 18–32.

Каксин А. Д. Табуированная и эвфемистическая лексика, обозначающая зверей и животных, в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 249–251.

Михалев М. С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 108–120.

Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Сказки. Иркутск: Отгиск, 2020. 296 с.

Дашиева Субад Бальжинимаевна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
689699@mail.ru

Цыренова Номинь Дондоковна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
nomin_n@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЛЕКСИКИ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ¹

В статье рассматриваются особенности повседневной лексики шэнэхэнских бурят Внутренней Монголии КНР. В работе использованы методы описательного, сравнительного анализа. В результате исследования авторы пришли к выводу, что по мере развития общества и постепенной трансформации образа жизни шэнэхэнских бурят определенная часть бурятской лексики замещается китайскими или монгольскими аналогами.

Ключевые слова: язык шэнэхэнских бурят, лексика, бурятский язык.

Dashieva Subad Balzhinimaevna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Tsyrenova Nomin Dondokovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

FEATURES OF THE EVERYDAY VOCABULARY OF THE SHENEHEN BURYATS (LEXICO-SEMANTIC ASPEKT)

The article deals with the features of the everyday vocabulary of the Shenehen Buryats in Inner Mongolia of the People's Republic of China. The authors used methods of descriptive and comparative analysis. They conclude that due to the development of society and the gradual transformation of the lifestyle of the Shenekhen Buryats a certain part of the Buryat vocabulary is being replaced by Chinese or Mongolian words.

Keywords: Shenekhen Buryat language, vocabulary, Buryat language.

История шэнэхэнских бурят, проживающих во Внутренней Монголии КНР, насчитывает уже более 100 лет. Большая часть населения проживает в сельских районах и занята в сфере скотоводства: овцы, козы, лошади, верблюды и крупный рогатый скот (бур. *табан хушуу мал* 'пять видов домашнего скота'). Вместе с тем, начиная с 90-х гг. прошлого века, благодаря закону об обязательном девятилетнем школьном образовании на китайском и монгольском языках шэнэхэнская молодежь стала все больше приобщаться к городскому образу жизни (中华人民共和国义务教育法 2006).

В повседневной жизни шэнэхэнские буряты используют родной бурятский язык. При этом в общественно-политической и экономической сферах деятельности преимущественно используется китайский язык. Что касается сферы образования, то до 2019 г. в национальных школах первой (с 1-го по 6-й классы)² и второй ступени (с 7-го по 9-й классы)¹ все предметы преподавались на монгольском языке,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00344А «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы».

² Начиная с 2020 г. два предмета («китайский язык» и «этика») преподаются на китайском языке, а остальные предметы – на монгольском языке (内蒙古自治区教育厅使用国家统编教材).

который официально является государственным наряду с китайским языком в АРВМ КНР. Таким образом, шэнэхэнские буряты являются полилингвами. В официальной китайской статистике, буряты Китая рассматриваются как монголы (蒙古族) и не выделяются как отдельная этническая группа.

Численность шэнэхэнских бурят по разным данным составляет около 8800 человек, проживающих на территории около 9035 км², которая занимает половину всей площади Эвенкийского хошуна АРВМ КНР². Шэнэхэнцы проживают в разных регионах Китая и России. К примеру, в Республике Бурятия по данным на 2021 г. численность шэнэхэнских бурят составляет 450 человек (около 140 семей)³. Благодаря компактному характеру проживания шэнэхэнские буряты в условиях многоязычной и многодиалектной среды Северо-Восточного Китая смогли сохранить свой родной язык в том виде, в каком он был до эмиграции в Китай в начале XX в.

Как часть национальной культуры язык тесно связан с традиционным укладом жизни. Вместе с тем он развивается под влиянием различных факторов в обществе. Глобализация усилила тенденции к исчезновению и утрате языков национальных меньшинств. Данный процесс затронул и бурят. В последнее время в целях сохранения и развития традиционной культуры народа реализуется ряд мероприятий в Шэнэхэне, в том числе работа журнала под названием «Шэнэхэн буряад шудалал» («Исследования шэнэхэнских бурят»), который выходит с 2017 г. с периодичностью раз в два года. Это вносит определенный вклад в дело сохранения и развития языка, культуры и других сфер жизни. По состоянию на 2021 год издано три номера журнала.

Язык шэнэхэнских бурят относится к хоринскому диалекту бурятского языка. В повседневной бытовой лексике шэнэхэнских бурят наблюдаются такие характерные особенности, как устоявшиеся архаичные элементы, которые отражают богатство, гибкость и утонченность бурятского языка. Многие слова из лексики шэнэхэнских бурят обладают тонкими оттенками, которые понятны лишь тем, кто вырос в самой языковой среде и являются его непосредственными носителями. В рамках данной работы мы выборочно рассмотрим некоторые слова, которые, на наш взгляд, как раз отражают такие тонкости.

Бур. *абарааха*, п.-монг. *abaraaqa* ‘ничего не деля, притворяться, что совершил что-то существенное, значительное’. Например, *Баатар хүдөөгэй ажал хэхэ дурагуй, хургуулиһаа гэртээ ерээд энэ тэрэ юумэндэ оролсожо абараажа хэды хоног байһанаа хотодо байдаг нагасындаа айлшалжа ошобо* ‘Батор не любит работу по дому, приехав домой на каникулы на несколько дней, делал вид, что трудится, а затем уехал в город к дяде в гости’.

Бур. *балдай-салдай*, п.-монг. *bal dai-sal dai* ‘небрежно, так себе’: *Мухаа, хургуулида хурахадаа балдай-салдай байжа огто болохогүй, нарин нямбай байха хэрэгтэй!* ‘Милая, нельзя к учебе относиться небрежно, а нужно быть ответственной!’

Бур. *бамбааиха*, п.-монг. *bambaiašq-a* ‘не бережливый, не экономный’ (ср. в баргузинском говоре *бамбайс* ‘много, до отвала’). Например, *Арадай нэгэдэлэй үедэ зарим зон ништын эд зөөрише бамбааиха хэрэглэдэг байгаа* ‘Во времена правления народной коммуны некоторые люди не бережливо относились к общинной собственности’.

Бур. *бүрүхэ*, п.-монг. *bürüyükü* ‘быть неясным или тусклым; сереть, меркнуть’ (Шагдаров, Черемисов 2010: 166). Дополнительно к этим значениям в шэнэхэнском говоре это слово используется в переносном смысле ‘наестся, насытиться едой или чем-л.’. К примеру, *Энэ хүбүүн бүрүбэ бололтой, уйлахаа болёод наадажа эхилбэ* ‘Мальчик наелся, видимо, перестал плакать и начал играть’.

Бур. *нохоомой*, п.-монг. *noqumtai* ‘близкий друг другу, привязанный друг к другу, дружеский’. К примеру, *Энэ хоёр хүбүүд ехэл нохоомой болонхой, хараха бүхэндэм ходол сугтаа ябадаг* ‘У этих двух мальчиков возникли дружеские отношения, каждый раз я вижу их вместе’.

Бур. *опоонхи*, п.-монг. *oroonqi* ‘глупый’. Например, *Опоонхи хүндэ ямаршые үнэтэй үгэ хэлэбэл туһагүй, яг лэ элэхэндэ шудхалан тоһондол адли* ‘Бесполезно говорить нравоучительные слова глупому человеку, это словно масло в песок наливаешь’.

¹ В 2020 г. отдельные предметы («обществознание» и «китайский язык») преподаются на китайском языке, с 2022–2023 учебного года добавится предмет «история». Остальные предметы преподаются на монгольском языке (内蒙古自治区教育厅使用国家统编教材).

² Записано от шэнэхэнского буряты Дашын Соднома, 1963 г.р., пенсионер. С 2000 г. по 2006 г. работал секретарем Баруун-сомона Шэнэхэнского сомона.

³ Статистика ведется самими выходцами из Шэнэхэна.

Бур. *түбээн*, п.-монг. *tübegsen* ‘любой, всякий’. Например, *Шарга дархалха мэтэ нарин ажалье түбээн хүн хэжэ шадахагүй, нютагайхид гартаа дүйтэй дархадта захижа хүүлдэг байгаа* ‘Такие тонкие работы, как изготовление саней не каждый сможет сделать, и местные жители заказывали их у мастеров’.

Бур. *түхэрээн*, п.-монг. *tökürigen*, букв. ‘круглый’, перен. ‘нерешительный’. Например, *Тэрэшни түхэрээн хүн байгаа, худхахаар байтараа ошохоо болёо* ‘Он оказался нерешительным человеком, крутился-крутился и решил не ехать’.

Бур. *унтаанаг*, п.-монг. *untayana* ‘сонливый’ (ср. лит. *унтаана*, *унтаахай* ‘сонливый; соня’). Например, *Сэсэгмаагай эжы тэрэниие унтаанаг болохооонь хэргылжэ үдэр бүри эртын табан сагта хэрюулжэ бодхоодог* ‘Мама Сэсэгмы ежедневно в пять утра будит ее, чтобы не вошло в привычку долго спать’.

Бур. *унхагар* (*унхагар малгай* ‘ушанка’), п.-монг. *ундгагар* ‘невысокий, плоский’. Например, *Шобогор малгай гоёлой малгай, дулаа барихаар барагтай, унхагар малгай үдэр бүри үмдэхэдэ тааруу дулаан байдаг* ‘Если *шобогор малгай* – конусовидная шапка, предназначенная для праздников и не особо держащая тепло, то *унхагар малгай* – это теплая ушанка, подходящая для повседневного ношения’.

Бур. *үлгэртэхэ*, п.-монг. *ülgerteki* ‘болеть’. К примеру, *Тэрэ хүн хабарһаа хойшо үлгэртэжэ байһанаа мүнөө эмие ламбагайһаа гурбан хоногой эм уугаад хог-таг хайн болобо* ‘Этот человек болел с весны, и после того, как начал принимать лекарство эмчи-ламы, полностью выздоровел за три дня’.

Бур. *ханхюурдаха*, п.-монг. *qanqiyurdaqi* ‘звонко, громко петь песню’. Например, *Басаган хониео адуулжа ябахдаа тала дүүрэн ханхюурдаха, хаяа заримдаа ном уншаха гэхэ мэтээр зугаалдаг* ‘Девочка, пася овец, развлекает себя громким пением песен или иногда чтением книг’.

Бур. *хабагшагүй*, п.-монг. *sabaysi ügei*, букв. ‘без нити’, перен. ‘без идеи, безвольный’. Бур. *хабагшагүй амитан* букв. ‘человек без жилки’, означает ‘человек без внутреннего стержня, безвольный, бесхарактерный, непостоянный’ (Цыбикова 2020: 268). Например, *Тэрэ хабагшагүй хүн, хэжэ бүтээһэн юмэниинь хомор байха* ‘Он человек безвольный, мало что выполнил прилично’.

Бур. *харбагайдха*, п.-монг. *sarbayayidaqi*, букв. ‘суетиться’ означает ‘торопиться, спешить’ (Цыбикова 2020: 272). Например, *Хабарай түл тодожо хони хуригаа аришалжа харбагайдажа байнабди* ‘Весной, в период массового приплода хлопочем о своих овцах и ягнятах’.

Бур. *һэли-дэли*, п.-монг. *seli-deli* ‘неаккуратный, небрежный’ (ср. лит. *һали-були* ‘кое-как, небрежно’). К примеру, *Басаган хүн хээээшье юушье хэхэдэе һэли-дэли бэшиэ, харин нарин нягтаар хэжэ һураха хэрэгтэй* ‘Девочкам при любом деле нельзя быть небрежными, а нужно научиться быть аккуратными’.

Бур. *шүлэгүй*, п.-монг. *šülü ügei*, букв. ‘не наваристый’, перен. ‘непорядочный, неприличный – о человеке’. Например, *Тэрэ халангышаг аад шүлэгүй урьяжа наһатай хүнэй урдаһаа шологоножо байгаа һэн* ‘Тот выпивший вел себя неприлично, что-то невежливо говорил пожилому человеку’.

Таким образом, вышеприведенные примеры в полной мере отражают специфику бурятского национального мировосприятия. Следует отметить, что подобные слова в настоящее время выходят из употребления и используются намного реже (особенно среди молодых шэнэхэнцев), на смену которым пришли либо слова из китайской и монгольской лексики, либо более простые бурятские эквиваленты. Например, вместо бур. *түхэрээн* ‘нерешительный, безвольный’ используют синонимы *худхамааг*, *хабагшагүй* или китайское прилагательное 没计划 *méi jì huà* ‘досл. не имеющий плана’.

Литература:

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. I. А–Н. 636 с.

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. II. О–Я. 708 с.

Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Устные рассказы. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 336 с.

Norjin C., Čoyidandar. Nutuγ-un ayalγun-u üges-ün quriyanguyi (sin-e baryu, ejen-e torγud kiged degedü monggol aman ayalγun-u öbermiče üges) // Beijing: Ündüsüten-ü keblekü üiledbüri, 1992. 510 p.

中华人民共和国义务教育法 [Электронный ресурс] // URL: http://www.gov.cn/flfg/2006-06/30/content_323302.htm (дата обращения: 16.12.2021).

内蒙古自治区教育厅使用国家统编教材“有问必答” (第一期) [Электронный ресурс] // URL: https://web.archive.org/web/20201001101720/http://www.nmg.gov.cn/art/2020/9/7/art_429_338595.html (дата обращения: 16.01.2022).

ON FOREIGN WORDS IN MONGOLIAN

This article examines foreign words in the Mongolian language. There are two ways in which a foreign word enters the Mongolian language: oral and written. European and Sanskrit words and terms were introduced into Mongolian mainly through literary translation and written language. Some of the words borrowed from Tibetan, Chinese, Manchu, and Russian entered the Mongolian language through spoken language. The pronunciation of foreign words introduced into the Mongolian language through the spoken language is changed a lot and becomes more like of Mongolian words, while the words introduced through the written language have a unique feature that preserves the native features of the foreign language. If foreign words are used in addition to native Mongolian words and Mongolian terms, it is natural to distort the structure of the traditional Mongolian lexicon and make the speech incomprehensible.

Keywords: Mongolian language, lexicon, foreign word, native word, term.

One of the sources that enriches the traditional basic components of the Mongolian lexicon is words derived from foreign languages. The practice of borrowing words from a foreign language is a reflection of real phenomena such as the socio-political, cultural, scientific, trade, and economic ties of nations, the neighboring countries of the people who speak that language, and the translation of other languages. The phenomena of borrowing words play a particularly important role in the formation of the language of modern science. As a natural consequence of the new era of scientific and technical development, many terms and professional words from foreign languages are entering the Mongolian language. New terms make up the majority of foreign words introduced into the Mongolian lexicon.

For hundreds of years, the nation has had a multifaceted relationship with other neighboring nations, and traces of this remain to some extent in the language. For this reason, the lexicon of each language includes words from a foreign language. The word “borrow” means to give something back, but the language does not return the word received, but on the contrary takes it as its own. According to the linguistic theory, “the contact of any language is a historical necessity, and it inevitably leads to the interdependence of each other”. Language lexicon is the most dynamic and sensitive level, which first reflects the influence of external factors.

The percentage of foreign words in the lexicon of each language is different. I think it would be interesting to study in detail the percentage of foreign words in the active lexicon of the language and their full rights. It seems that words derived from foreign languages in Mongolian come in two ways: oral and written. European and Sanskrit words and terms were introduced into Mongolian mainly through literary translation and written language. Some of the words borrowed from Tibetan, Chinese, Manchu, and Russian entered the Mongolian language through spoken language. The pronunciation of foreign words introduced into the Mongolian language through the spoken language is changed a lot and becomes more like a Mongolian word, while the words introduced through the written language have a unique feature that preserves the native features of the foreign language. Some foreign words in the Mongolian language have been actively used for hundreds of years and are indistinguishable from the native words of the Mongolian language (Tumurtogoo, 2018: 4) and are still widely used in our daily lives.

Today's life clearly shows that many factors, such as friendly relations with neighboring and other countries, change in the country, scientific and technological progress, and the process of globalization, directly affect the penetration of foreign words into a country's language. Linguists say that there is no nation in the world that does not have foreign words and speaks only its native language, but that borrowed foreign words must conform to the internal norms and rules of the language. The lexicon of a language changes relatively quickly compared to other languages. In the early 1920s, dozens of foreign words were used in Mongolian, such as *аэроплан* ‘airplane’, *зоожин* ‘forestry license’, *дүнс* ‘squared logs’, *дүнс* ‘pipe-tobacco’, *дэнлүү* ‘lantern’,

клуб 'club', машин 'car', музей 'museum', партизан 'partisan', радио 'radio', транс 'trans', чийдэн 'electric lamp', чийчаан 'motorcar' and янжуур 'cigarette'. During the 1930s and 1960s, the арми 'army', билет 'ticket', больниц 'hospital', ботинк 'boots', генерал 'general', доктор 'doctor', комсомол 'komsomol', концерт 'concert', костюм 'costume', маршал 'marshal', оркестр 'orchestra', пальто 'overcoat', пионер 'pioneer', платье, палааж 'dress', поликлиник 'polyclinic', профессор 'professor', симфони 'symphony', театр 'theatre', фронт 'front' and цирк 'circus'. Foreign words were used in the same way as Mongolian words, but may not have been observed at the time. However, under the influence of democratic reforms in the 1990s, the lexicon was filled with strange foreign words that Mongolians had never heard before, such as бизнес 'business', бизнесмен 'businessman', брокер 'broker', дилер 'dealer', маркет 'market', менежер 'manager', менежмент 'management', супермаркет 'supermarket', хауз 'house', and ченж 'money change'. It was not used very carefully at the time, but now almost all children and adults use it in their daily lives, school, culture, and even in newspapers, radio, and television.

Mongolian has a large number of words from Russian. For example: *бярваас* (< перевоз) 'conveyance', *напраас* (< напрасно) [unwarranted], *овьёос* (< овёс) 'oats', *пүри* (< пружина) 'spring', *сухайр* (< сухарь) 'piece of dried bread', *цөлхөөв* (< целковый) 'old russian currency', *яармаг* (< ярмарка) 'fair' and so on. Some Russian words in the Mongolian lexicon are almost unknown as foreign words. For example, the word *замаг* 'bolt of a gun' is derived from the Russian word *замок* 'lock', and the word *пийшин* 'stove' is derived from the Russian word *печь* 'stove'. In the 20th century, words from Russian such as *бааз* (< база) 'base', *гарааш* (< гараж) 'garage', *жижүүр* (< дежурный) 'duty', *завод* (< завод) 'factory', *очир* (< очередь) 'queue', *отряд* (< отряд) 'detachment', etc.

There are significant differences in pronunciation and spelling depending on the language from which the foreign words entering the Mongolian language come. Foreign words have entered the Mongolian language in two main forms: written and oral. Words entered in written language often retain the pronunciation of their language. The tradition of marking words derived from foreign languages with the transcriptions character in the Mongolian written language has had a significant effect on the preservation of the native pronunciation of these words. Also, some words are borrowed directly, while others are borrowed through a third language. Therefore, the word also retains the characteristics of its communicative language.

Words derived from foreign languages, which are key components of modern Mongolian vocabulary, can be divided into two parts in terms of the basic requirements of Mongolian spoken culture and the norms of Mongolian word usage.

First, words and terms derived from foreign languages that denote phenomena and brand-new concepts that have never existed before are a useful and necessary linguistic phenomenon that enriches the Mongolian language vocabulary. Words and terms derived from foreign languages belonging to this section have become the main units of the Mongolian lexicon. Examples: *автобус* 'bus', *банк* 'bank', *боть* 'volume', *дэвтэр* 'notebook', *ётон* 'lump sugar', *замаг* 'algae', *комисс* 'commission', *концерт* 'concert', *намтар* 'biography', *ном* 'book', *саван* 'soap', *үзэм* 'raisin', *хурандаа* 'colonel', *яармаг* 'fair', *яндан* 'chimney', and so on.

Second, the use of foreign words in combination with native Mongolian words, which can be called, has the disadvantage of destroying the basic structure of the Mongolian lexicon and undermining the originality of the language (Purevjav, 2020: 161). This is in direct conflict with the purity of the immune system. Recently, the Mongolian word for *шилдэг бүтээгдэхүүн* 'best product' has been changed to *бренд* 'brand'.

There is no language in which a foreign language is not penetrated, but its unlimited introduction is considered a dangerous phenomenon that pollutes the language and ultimately threatens the independence of the language. According to international practice, the average number of foreign words should not exceed 5-7 percent of the total vocabulary of the language. Keeping and preserving the original essence of the mother tongue and developing it in accordance with the general trends of world development is an integral part of the sovereignty of a sovereign state and national security. Loving and protecting one's mother tongue is not only the work of linguists and scholars alone, but it is important that every Mongolian participates to the best of his or her ability. The power of the masses is like a vast ocean. Loving and protecting one's mother tongue is one of the guarantees that the state will save the country and keep its history and culture in the era of globalization.

Bibliography:

Пүрэвжав Э. Монгол хэлний хэм хэмжээ судлал. Улаанбаатар, 2020. 264 х.

Төмөртоого Д. Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь. Улаанбаатар, 2018. 200 х.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ РАСШИРЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ СЛОВАРЕЙ (1708–1771)

В течение ста лет «словари, изданные по высочайшему повелению» публиковались «серийно», с постепенным добавлением языков: первым был толковый одноязычный маньчжурский словарь, а последним – переводной пятиязычный. Четыре из них – толковые, а остальные – только переводные. В толковых словарях 1708 г. и 1771 г. толкования даны только на маньчжурском языке, в словаре 1717/1743 г. – у маньчжурских и монгольских слов. В этих словарях последовательно увеличивалось количество заглавных слов, и самые значительные увеличения заметны в словаре 1771 г. Большое количество новых слов в этом словаре было взято из внутренних источников, точнее из дополнительных толкований, и переведены в разряд заглавных слов. Также в словаре 1771 г. добавлены новые заглавные слова из внешних источников.

Ключевые слова: тематический словарь, дополнительное толкование, расширение заглавных слов, внутренний источник, внешний источник.

Enkhbat Munkhtsetseg

Ph.D

*Institute of Language and Literature
of the Mongolian Academy of Science*

Ulaanbaatar, Mongolia

MAIN SOURCES OF THE INCREASE IN NUMBER OF HEADWORDS IN THE MANCHU-MONGOLIAN DICTIONARIES (1708–1771)

During 18th century, seven dictionaries were compiled serially under the Manchu Emperors' decrees. Four of these dictionaries are explanatory. In the dictionaries of 1708 and 1771, such definitions are only provided in Manchu, while in the dictionary of 1717/1743, commentaries are given in Manchu and Mongolian. In these four dictionaries, the number of headwords has consistently increased, and the most noticeable increase is noticeable in the dictionary of 1771. A significant number of additions of new words in this dictionary were taken from additional definitions and transferred to the category of headwords. Also added new words from external sources.

Keywords: thematic dictionary, additional definition, increase in number of headwords, internal source, external source.

Толковые маньчжуро-монгольские словари XVIII в., изданные по инициативе маньчжурских императоров, занимают центральное место среди маньчжуро-монгольских словарей этого периода. Первый из них одноязычный маньчжурский словарь, известный под названием «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению» (далее – словарь НАМ), был издан в 1708 г. На основе этого словаря с добавлением монгольского перевода был создан толковый двуязычный словарь «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (далее – словарь НАММ), который издан в 1717 г. Третьим словарем является переиздание словаря 1717 г. в 1743 г. Последний же – маньчжуро-китайский словарь «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению, исправленное и дополненное» (далее – словарь НАНТ) – был издан в 1771 г. Все они организованы по тематическому принципу.

В толковых словарях все заглавные слова снабжены толкованиями. В толковом маньчжурском словаре НАМ – толкования маньчжурские, в маньчжуро-монгольском словаре НАММ – у маньчжурских и

монгольских слов, в маньчжуро-китайском словаре HANT – толкования только у маньчжурских слов. Особенно много толкований в словаре НАММ: кроме первого, основного может быть до четырех-пяти дополнительных.

Дополнительные толкования могут содержать употребление заглавного слова в сочетании с другими словами, переносное значение слова, значения слова, выходящие за рамки данного раздела, омонимы. После создания маньчжурского толкового словаря НАМ в каждом следующем словаре не только добавлялись новые языки, но и шла непрерывная редакторская работа по улучшению словарей, исправлению словарных статей или добавлению новых заглавных слов. В наибольшей степени добавление заглавных слов заметно в словаре HANT. Расширение заглавных слов в основном происходило из двух источников: внутреннего – из толкований словаря НАММ/НАМ и внешнего. Внутренний источник, в свою очередь, можно разделить на два варианта. В первом новые словарные статьи появлялись за счет дублирования слов вместе с дополнительным толкованием, уже имевшихся в словаре НАММ. Второй источник увеличения количества словарных статей состоит не в дублировании уже имевшихся заглавных слов, а в переводе слов из дополнительных толкований в ранг новых заглавных слов. В обоих вариантах внутреннего заимствования, в отличие от внешнего, новые заглавные слова в том или ином виде уже были зафиксированы в словаре. Внешний же источник – это добавление новых заглавных слов, отсутствующих в словарях НАМ и НАММ, которые редакторы сочли необходимым включить в словарь.

Расширение лексического состава из внутренних источников

а) Под эту категорию попадают новые словарные статьи, появившиеся за счет дублирования слов вместе с дополнительным толкованием, уже имевшихся в словаре НАММ. Довольно часто наряду со значением заглавного слова в сфере его употребления, точно соответствующей тематике данного раздела, в дополнительных толкованиях объясняется употребление заглавного слова в сочетании с другими словами, переносное значение слова, «неподходящее» к данному разделу. В таких случаях, очень многие из них были перенесены с повтором заглавного слова в другой, более подходящий по тематике, раздел словаря, образуя новую словарную статью и увеличивая количество заглавных слов. Например, слово «капля» (маньчж. *sabdan*, монг. *dusul*) в разделе «Небо» объясняется как «капля дождя», а в дополнительном толковании говорится о «капле любой воды». И хотя второе значение более общее, оно было убрано из этого раздела как несоответствующее тематике, и в словаре HANT вместе с повтором заглавного слова перенесено в раздел «Земля».

(б) К этой категории относятся словарные статьи, перемещены из дополнительных толкований в ранг новых заглавных слов. Этот способ касается в первую очередь синонимов и слов, передающих некоторые виды понятий, выраженных заглавным словом, а также некоторые формы слов. Эти слова, став самостоятельной словарной статьей, получили соответствующее оформление, т.е. у них появилось собственное толкование, которое, впрочем, либо просто повторяет уже имевшееся в словаре НАММ, либо отсутствует как таковое, ограничиваясь отсылкой к основному слову. Оно тоже уже было в словаре НАММ не в отдельной словарной статье, а в виде толкований при некотором заглавном слове. Например, дополнительные толкования слова «горло» (маньчж. *monggon*, монг. *qoyulai*) из того же раздела содержат слова, обозначающие и виды горла, и синонимы к одному из видов. Два вида горла – это глотка, ведущая в пищевод («[горло], которое [служит для] проглатывания пищи») и дыхательное горло, ведущее в трахею («[горло], которое [служит для] дыхания»). Два синонима даются для последнего. В словаре HANT все дополнительные толкования при слове «горло» были удалены, это касается не только слов, обозначающих два вида горла, но и каждого из синонимов, которые стали отдельными заглавными словами. При этом слова «глотка» и «дыхательное горло» сохранили толкования из словаря НАММ, а одно общее толкование обоих синонимов для слова «дыхательное горло» из словаря НАММ было разделено на два самостоятельных толкования: первый синоним дает отсылку к основному слову, второй – к первому синониму.

Расширение лексического состава из внешних источников

В толковых словарях были добавлены новые заглавные слова, очевидно, отсутствовавшие в словарях НАМ и НАММ. Некоторые добавления – отдельные слова, небольшие уточнения, которые восполняют небольшие пробелы в ряду тематически близких слов. Например, в разделе «Тело человека» было добавлено несколько слов, которые называют отдельные человеческие органы или части тела, которые редакторы посчитали нужным добавить. Так, к словам, описывающим части лица, было добавлено сло-

во «ямка под нижней губой». Слово для этой детали лица дополнило уже имевшееся в словаре слово «ямка над верхней губой» (маньчж. *niyalma*, монг. *kümün*).

В словаре HANT каждое из дополнительных толкований в словарях НАМ, НАММ было превращено в отдельную словарную статью, что увеличило число заглавных слов в словаре и не изменило количество полезной информации, имевшейся в нем. Это свидетельствует о том, что в каждом толковом словаре шла регулярная редакторская работа, и редакторы старались сделать более точным распределение слов по тематическим разделам. Кроме того, в словаре HANT представлены совершенно новые заглавные слова, которые не прослеживаются в дополнительных толкованиях.

Литература:

Han-i arahamanjugisun-i bulekubithe (НАМ) «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1708). Ксилограф из Отдела редких рукописей и документов ИВР РАН (Маньчжурский фонд. Шифр С 48).

Han-i arahamanjumonggogisun-i bulekubithe (НАММ) «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717). Ксилограф из Отдела редких рукописей и документов ИВР РАН (Монгольский фонд. Шифр F 319).

Han-i arahamanjumonggogisun-i bulekubithe «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1743). Ксилограф из фонда монгольских книг МНБ (Монгольский фонд. Шифр 13711-13729/97).

Han-iarahanong gimetogto buhamanjugisun-ibulekubithe (HANT) «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению исправленное и дополненное» (1771). Ксилограф из Отдела редких рукописей и документов ИВР РАН (Маньчжурский фонд. Шифр С 29).

«АЛТАН ХАНЫ» ХЭМЭЭГДЭХ ЦААЗ ДАХЬ ТӨВӨД ҮСГЭЭР БИЧИГДСЭН МОНГОЛ ҮГСИЙН ТУХАЙ

Энэхүү илтгэлд XVI–XVII зууны үед хамаарах Монголчуудын хууль цаазын эх сурвалж болох “Алтан хааны” хэмээгдэх цаазын тухай өгүүлэх болно. Энэ цаазын гар бичмэл эх зөвхөн төвөд хэлээр уламжлан ирсэн ба Ливерпуль хотын музейд хадгалдаж буй. Анх Германы эрдэмтэн В. Хайсигийн эрхлэн хэвлүүлдэг цувралд эрдэмтэн Р. О.Майсзал гэрэл зургаар хэвлүүлсэн юм. Үүний дараа академич Ш. Бира болон эрдэмтэн Сүрэг нар уг цаазыг монгол, хятад хэлнээ орчуулсан байна. Бид энэхүү илтгэлдээ тус цаазыг бүрнээ орчуулж, дүн шинжилгээ хийсэн судалгааныхаа хэсгээс танилцуулах болно.

Түлхүүр үг: Алтан хааны цааз, түүхэн сурвалж, харьцуулалт, бүрэн орчуулга.

MONGOLIAN WORDS WRITTEN IN TIBETAN SCRIPT IN THE “CODE OF ALTAN KHAN”

This article is to discuss the fundamental concept of the Code of Altan Khan, a 16-17th century legal source of the Mongols. The manuscript of the Code of Altan Khan has survived in Tibetan only. The manuscript has been kept at the Liverpool City Museum. A facsimile of the manuscript was prepared for printing by the German scholar W. Heissig and published by R.O. Meiszahl. Later, academic Sh.Bira and scholar Sureg translated into Mongolian and Chinese. The author of this article has accomplished a more complete translation and analysis the Code of Altan Khan.

Keywords: Code of Altan Khan, historical sources, comparison, full translation.

XVI–XVII зууны үед хамаарах төвөд хэлээр бичигдсэн нэгэн хууль цаазын бичгийг Германы эрдэмтэн Майсзал 1973 онд нийтлүүлснийг академич Ш. Бира (Бира 1977) анхааран судалснаар монгол судлаачдын сонирхлыг татах болжээ (Meiszahl 1973). Энэхүү цаазын бичиг нь Монголын түүх судлал, ялангуяа Монголын уламжлалт хууль цаазын судлалд төлөөлөх байрыг эзлэх болсон бөгөөд судлаачдын дунд "Алтан хааны" гэж алдаршсан боловч чухамдаа Алтан хааных мөн эсэх тухайд одоо хир маргаантай байгаа билээ. "Алтан хааны" хэмээн нэрлэх болсон нь уг цаазын өмнөх үгэнд хоёр удаа дурдагдах "Алтан номын хан" (al than chos kyi rgyal bo) хэмээх нэртэй холбоотой ч үнэндээ энэ нь уг хууль цаазын бичгийн нэр биш юм.

Энэ цаазын бичгийн бидний үед уламжлан үлдсэн цорын ганц эх нь төвөдийн шар үсэг)gsar yig(буюу таталган бичгээр бичигдсэн бөгөөд судлаачид уг бичгийн гаргац муутай, хуулбар эхээс дам ашиглан судалсан байдаг. Эдүгээ тус цаазын эх нь Английн Ливерпуль хотын музейд хадгалагдаж байна.

Хэдийгээр тус цаазыг судалсан эрдэмтдийн судалгаа, өгүүлэл, ном зохиол нь олноор хэвлэгдэн гарч байгаа ч тэдгээр судалгаа нь ихэвчлэн хууль цаазын судалгаатай холбогдох бөгөөд тус цаазын агуулгад тулгуурлан монголын эртний хууль цаазын бичгүүдтэй харьцуулан судалсан байдаг. Мөн эрдэмтэн Сүрэн хятад хэлэнд орчуулж, Монгол судлалын мэдээ сэтгүүлд нийтлүүлсэн байна (苏鲁格 1996).

Гэвч энэ цаазын бичгийг өнөө хир монгол хэлэнд бүрэн бүтнээр орчуулсан хүн үгүй байгаа нь тус цаазын бичгийн үг хэллэгийн хуучирсан ба алдаа мадаг ихтэйгээс шалтгаалсан бөгөөд ерөнхийдөө академич Ш.Бирагийн орчуулгаар л энэхүү цаазын агуулгыг барагцаалан мэддэг байв.

Бид тус цаазын төвөд эхийг бүрнээр орчуулах оролдлого хийсэн бөгөөд орчуулах явцад хэлний онцлогийг мөн анхааран үзэв.

Аливаа хэл хөгжлийн явцдаа өөр бусад харь гадаад хэлний үгсээр өөрийгөө баяжуулан хөгжихөөс гадна, хуучирсан үг хэллэг нь хасагдах ба шилжсэн утгаар хэрэглэгдэж үндсэн утгаа алдсаар байдаг нь жам ёсны хэрэг. Эртнээс эхлэн шашин соёлын өргөн харилцаатай байсан Монгол, Төвөд хоёр орны хэлний хөгжлийг судлан үзсэн эрдэмтэд олон байх бөгөөд тэдгээр судлаачид монгол хэлэнд орж танигдахгүй болтол идээшсэн харь хэлний үгсийг бүртгэх оролдлого хийсэн байна.

Гэвч зөвхөн монгол хэлэнд төвөд үг орох биш бас монгол хэлний үгс ч төвөд хэлэнд нэвтрэн орж байсан нөлөөг бас мартаж болохгүй. Тус хоёр хэл харилцан нөлөөлөхөөс гадна санскрит, хятад хэлний үгс хоёр хэлэнд ижилхэн хэмжээгээр орж байжээ. Төвөд монгол хэлэнд адилхан тохиолддог хятад гаралтай үгийн талаар академич Ц. Дамдинсүрэн өгүүлэлдээ жишээ татан бичсэн байдаг (Дамдинсүрэн 1961). Жишээлбэл:

Хя. 笔 Тө. bir Мо. бийр
 Хя. 灯笼 Тө. ting lo Мо. дэнлүү
 Хя. 酒盅 Тө. cong ci Мо. жүнз
 Хя. 汤 Тө. thang Мо. Тан (шөл) гэх мэт.

Бид "Алтан ханы" хэмээх цаазын бичгийг орчуулах явцад ойлгомжгүй, утга авцалдахгүй, алдаж ташаарсан болов уу гэж засаж залруулмаар үгс цөөнгүй тохиолдож байна. Ялангуяа илэрхий монгол үгийг дуудлагаар нь төвөд үгсээр галиглан бичсэн нь нэлээд байна. Үүний дотор одоо огт хэрэглэгдэхээ больсон хуучирсан үг хэллэг ч байгаа бөгөөд эдгээр төвөд үгсээр бичсэн монгол үгс нь ихэвчлэн нэр үгээр илэрч байна.

Тэдгээр үгсийг төрөл зүйлээр хуваавал шувууны зүйл, хувцас эдлэлийн зүйл, гэрийн хэрэгсэл, ангийн хэрэгсэл гэх мэт байна.

Үүнээс гадна төвөд үг биш гэдэг нь илэрхий боловч чухам юуг зааж буй нь тодорхойгүй хэсэг бүлэг үгсийг орчуулахдаа таамаг тавихаас илүүг хийж чадсангүй. Тэдгээр үгсээс жишээ болгон дурдвал:

cug mo, bung lo, bung le, ti'u yi thar, rdzo ra, jol, a sras hud, she ga'i jin nar te, se re ga, ni sal bur гэх мэт.
 Доор уг цаазын бичигт тохиолдох монгол, төвөд үгсийг хольж бичсэн байгаагаас жишээлэн үзүүлэв.

Төвөдөөр	Тайлбар
al than chos kyi rgyal bo	Тус цаазын оршил хэсэгт хоёр удаа тохиолдох Алтан номын хаан хэмээх нэрийг үндэслэн Ш. Бира гуай тус цаазыг Түмэдийн Алтан хаан зохиосон гэж үзсэн нь "Алтан хааны" хэмээн нэрлэх үндэс болжээ.
ne le bya	Элээ шувуу – нэг зүйл шувуу. Ш. Бира <i>bi</i> гээд ? тавьжээ. <i>bya</i> гэж залруулав.
e le	Элээ – нэг зүйл шувуу
kyung ka	Жунгаа – нэг зүйл шувуу
el beng khu	Илбэнх – элбэнх ч гэдэг
u ni lcam	Унь – монгол хэлний унь, lcam төвөд хэлний унь
jang gu	Занга – ан агнах зэвсэг: ~ тавих: ~ нум
char gi	Чарги – чарга: цасан дээр гарсан малын ором
or	Ор – монгол хэлний ор, орон
e khe lug	Эх – монгол хэлний эх, төвөд хэлний хонь
grel	Дэл – төвөд хэлэнд <i>grel</i> гэх үг үгүй бөгөөд энд тохиолдож буй нь монгол хэлний "дэл" гэх үгийг дуудлагаар бичсэн бололтой.
shang	Шан – харамж, хөлс
el su	Элс – элс шороо
thu bo le	Түвэл – нум хөвчлөх хэрэгсэл
jil bye	Жилж – хавдрыг дарж, шар усыг хатаадаг эмийн ургамал
ho bi khi	Ховхи – хонхойлж ухах багаж

Ном зүй:

Бира Ш. XVI зууны нэгэн монгол цаазын бичиг // БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичлэгийн асуудалд/ Улаанбаатар, 1977. 119–148-р тал.

Дамдинсүрэн Ц. Монгол хэлэнд орсон төвөд үг // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал, нэгдүгээр дэвтэр. Том II, fasc. 6. Улаанбаатар, 1961. 57–85-р тал.

Meisezahl R. O. Die Handschrift in den City of Liverpool Museums // Zentralasiatische Studien, 1973. No. 7. Pp. 221–284.

苏鲁格, 阿勒坦汗法典, 蒙古学信息, 1996年第1期, 29–35页, 第2期, 26–33页。

Чертыхова Мария Дмитриевна
доктор филологических наук
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Абакан, Россия
chertikova@yandex.ru

СОМАТИЗМЫ В СИБИРСКИХ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Тюркско-монгольское языковое взаимодействие как отражение реальных исторических процессов общества повлияло на внутреннее содержание языков, внося некоторые фонетические, морфологические и лексические изменения. В тематическом поле соматической лексики в сибирских тюркских и монгольских языках обнаруживается немалое количество лексических соответствий, которые при внешних фонетических трансформациях сохранили свое содержание. Некоторая часть данного древнейшего и устойчивого пласта лексики получила семантическое развитие в плане многозначности. Изменение сферы употребления часто ведет к изменению семантики. В тюркских языках метафорическое употребление соматизмов чаще встречается в ландшафтной сфере. Но обозначения головы в тюркских и монгольских языках получили идентичные модели развития своего содержания.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, монгольские языки, соматизм.

Chertykova Maria Dmitrievna
Doctor of Sciences in Philology
N. F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russia

SOMATISMS IN SIBERIAN TURKIC AND MONGOLIAN LANGUAGES

The Turkic-Mongolian linguistic interaction, as a reflection of the real historical processes of society, influenced the internal content of languages, introducing some phonetic, morphological and lexical changes. In the thematic field of somatic vocabulary in the Siberian Turkic and Mongolian languages, a considerable number of lexical correspondences are found, which, with external phonetic transformations, have retained their content. Some part of this ancient and stable layer of vocabulary has received semantic development in terms of ambiguity. Changes in the sphere of use often lead to a change in semantics. In the Turkic languages, metaphorical uses of somatisms are more common in the landscape sphere. But the designations of the head in the Turkic and Mongolian languages has got identical models for the development of their meaning.

Keywords: Turkic languages of Siberia, Mongolian languages, somatism.

Учет масштабов и последствий языковых контактов удобнее рассматривать в рамках тематических полей, как, например, соматическая лексика. На современном этапе исследования соматизмов проводятся в основном в рамках фразеологии в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах (Букулова 2006; Ренчин 2010; Лиджиева 2021 и др.). Такое внимание исследователей к соматизмам как составному компоненту фразеологической единицы объясняется тем, что они содержат своеобразный культурный код, участвующий в восприятии индивидом окружающего мира. Соматические фразеологизмы имеют глубокие исторические корни и являются наиболее употребительной частью в системе фразеологии, поскольку человек познает мир через свое тело и физиологические ощущения. Они хранят в своем содержании мировосприятие и представление об окружающем мире носителей определенной этнической культуры.

В тюркских и монгольских языках прослеживаются лексические параллели соматизмов, обнаруживающих структурную и семантическую близость, например:

«большой палец»: монг. *эрхий*; бур. *эрхы*; калм. *эркӓ (хургън)*; хак. *іргек*; тув. *улу-эргек*; алт. *эргек* и т.д.

«ребро»: монг. *хавирга*; бур. *хабиргай / хабхан*; хак. *хабырга*; алт. *кабырга*; тув. *ээги*; шор. *қабырга* и т.д.

«сердце»: монг. *зүрх*; бур. *зүрхэн*; калм. *зүркн*; алт. *јүрек*; хак. *чүрек*; тув. *чүрек*; шор. *чүрек*; тоф. *чүрек* и т.д.

«ступня, стопа»: монг. *тавхай*; калм. *тавг*; бур. *табгай*; хак. *табан*; алт. *таман*; шор. *табан*; тув. *таваңгай* и т.д.

Внешняя и внутренняя структуры этих соматизмов сохраняются, хотя и подверглись закономерным для конкретного языка фонетическим изменениям. При выделении соответствующих критериев устанавливается исконность слова, например, исследователи склоняются к мысли, что общетюркское слово *сагал* ‘борода’ заимствовано из монгольского языка: «монг. *Sakal*: ср.-монг. *sahal* ‘борода’; <...>; письм.-монг. *saqal, saqlayar*, халха *saxal, saglagar*; бур. *haxal, haglagar*, калм. *saḡəl, sayläu* ‘бородатый’, *saylä-*» (Сравнительно-историческая... 2001: 223).

Необходимость изучения таких тематических групп слов связана с вопросом алтайской гипотезы языков. В. И. Рассадин солидарен с мнением А. М. Щербак в том, что исследование алтайской проблемы следует начинать «с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-монгольских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов» (Рассадин 2008: 3). В этом плане сделано немало, имеются классические труды известных ученых (Щербак 2005; Дыбо 1985; Рассадин 2007 и др.).

Одной из характерных особенностей соматических терминов является их развитая «многозначность, связанная с переносами на названия деталей артефактов, а также на пространственные и ландшафтные термины (и то, и другое типологически естественно). В ряде случаев такая многозначность реконструируется и для пратюркского, а иногда имеет и алтайские параллели» (Сравнительно-историческая... 2001: 194). Одним из наиболее частотных и, соответственно, полисемантическим является наименование головы, хак. *нас* «1) голова; <...>; 2) начало, исток; <...>; 3) головка *чего-либо*; <...>; 4) колос <...>; 5) вершина, верхушка; <...>; 6) глава, вожак, руководитель, начальник <...>; 7) единица счета, голова; <...>; 8) в знач. служ. имени указывает на время; <...>; 9) с афф. принадл. и с предыдущим деепричастием обозначает состояние *кого-л., чего-л.*; <...>» (Хакасско-русский... 2006: 348). Аналогичный состав семантической структуры имеет бурятская лексема *толгой* «(бүридэмэл үгэнүүдые бии болголсодог) 1.1) *прям. и перен.* голова; <...>; 2) *парн.* к амин; 3) глава, хозяин, руководитель; <...>; 4) вершина *чего-л., реже* верховье (*реки*); <...>; 5) *перен.* о предметах, *чем-л. напоминающих голову, переводится в зависимости от определения* кочан, вилок (*капусты*); головка (*луку, чесноку*); горелка (*у примуса*); <...>; 2. *атр. употр.* как единица счета; <...>» (Шагдаров 2010: 244). Семантический переход «голова → начальник» прослеживается и в других языках: рус. *голова города*; нем. *ein heller Kopf* ‘светлая голова’ и др. Что касается многозначных лексических параллелей в сибирских тюркских и монгольских языках, то совпадение прямых и переносных значений свидетельствует об их генетическом родстве. «... слово заимствуется в каком-нибудь одном значении, в то время как другие его значения могут развиваться на нем уже самостоятельно на почве заимствующего языка, а это развитие, как правило, идет в ином направлении, чем в языке источнике» (Шагдаров 1971: 153). В таких случаях лингвист сталкивается с вопросом заимствования – сложного пути адаптации от экзотизма до полноправной лексемы с особенностями семантической и сочетаемостной структур в языке-реципиенте.

А. В. Дыбо, рассматривая метафорические ландшафтные употребления названий частей тела в тюркских языках, выделяет горный и водный ландшафты, а также отмечает, что перенос названий частей тела на горный ландшафт наблюдается только в тюркских языках Южной Сибири (Дыбо 2011: 384). Примеры из хакасского языка: *таг пазы* ‘вершина горы; букв. голова горы’, *таг хабыргазы* ‘склон горы; косогор; букв. ребро горы’, *таг хабыргалирга* ‘идти по склону горы’; *арга* ‘1) спина; 2) *перен.* хребет (горный), гряда’ и др. Такая система метафоризации обусловлена «контактами с обитающими на соседних территориях монгольскими языками; относительно монгольских особенностей антропоморфного представления ландшафта гора рассматривается как стоящий человек, ориентированный спиной к северу; <...>; видимо такая метафоризация напрямую связана представлением о духе – хозяине горы» (Дыбо 2011: 384–385).

Таким образом, в тематической группе соматизмов в рассматриваемых языках содержится определенное количество лексических соответствий, имеющих немало еще неизученных, неразгаданных аспектов. Исследования таких фрагментов лексической системы в этих языках имеют хороший потенциал

и открывают новые возможности для лингвистических анализов с целью раскрытия их семантических, этимологических и лингвокультурологических аспектов.

Литература:

Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2006. 24 с.

Дыбо А. В. К праалтайской реконструкции названий частей тела // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С. 82–93.

Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык: сб. статей к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 359–391.

Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста. 2007. 165 с.

Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та. 2008. 243 с.

Рэнчин Б. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира во фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков (на материале фразеологизмов – соматизмов и зоонимов): автореф. дис. ... канд. филол. н. Саратов, 2010. 25 с.

Лиджиева А. С. Семантика соматизмов в составе фразеологизмов (на материале калмыцкого языка и языка ойратов): автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2021. 34 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Шагдаров Л. Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Проблема общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. С. 151–159.

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. В 2 томах. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография». 2010. 708 с.

Щербак А. А. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005. 195 с.

Цыбенкова Чечек Сергеевна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
tschechek@mail.ru

ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЕ КАРА 'ЧЕРНЫЙ' В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье на основе данных ассоциативного эксперимента дан анализ ассоциативных значений цветообозначения *kara* 'черный' в современном тувинском языке. Основной целью статьи является сопоставительный анализ символики данного цветообозначения с его значениями, представленными в ассоциативном словаре-тезаурусе носителей тувинского языка. Проведенное исследование показывает, что семантика данного цветообозначения, эксплицированная в фольклорных материалах, многозначна. При этом эти значения с психологически реальными значениями, представленными в ассоциативном тезаурусе носителей языка, совпадают не всегда. Свойственным ассоциативному словарю тувинцев оказались значения, связанные с архетипическими образами и обусловленные спецификой тувинского языка. Материал также показывает, что в фольклорных произведениях цветообозначение *kara* тесно связано с предметным, материальным миром, тогда как в ассоциативном тезаурусе он характеризует и внутренний мир.

Ключевые слова: психолингвистика, ассоциативный эксперимент, цветообозначение, тувинский язык.

Tsybenova Chechek Sergeevna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE COLOR NAME KARA 'BLACK' IN THE TUVAN LANGUAGE

The article analyzes the associative meanings of color designation *kara* 'black' in the Tuvan language. The analysis is based on the data of associative experiment. Main purpose of the article is a comparative analysis of this color name symbolism with its meanings presented in the associative thesaurus of Tuvans. Conducted research shows that semantics of *kara* 'black', explicated in folklore materials, is multivalued. At the same time, these values do not partially coincide with psychologically real values presented in associative thesaurus of native speakers. The meanings associated with archetypal images and conditioned by specifics of the Tuvan language are specific characteristics of Tuvans associative dictionary. Material also shows that in folklore works *kara* 'black' is closely connected with objective, material world, whereas in associative thesaurus it characterizes an inner world.

Keywords: psycholinguistics, associative experiment, color designation, the Tuvan language.

В современном тувинском языке цветообозначения наиболее полно исследованы в дискурсе фольклорных произведений. Очевидно, что фольклор как коллективное народное творчество тесно связан с системой ценностей, принятых в данном обществе, его традициями, обычаями и большей частью основан на традиционной культуре. Поэтому фольклорный материал показывает нам стандартные, стереотипные, устоявшиеся значения и символы, связанные с определенным цветом. Своеобразные образно-смысловые связи цвета с предметами и явлениями окружающей действительности можно выявить и в ассоциативном словаре-тезаурусе носителей тувинского языка.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

В настоящей статье на примере цветообозначения *кара* ‘черный’ дана попытка сопоставить его национально-культурную символику со значениями, представленными в ассоциативном словаре-тезаурусе носителей тувинского языка. Материал исследования получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями тувинского языка в рамках комплексного социопсихолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва в 2009–2010 гг. (Цыбенова 2013). Всего в рамках указанного исследования было обработано 100 анкет. На цветообозначение-стимул *кара* разных реакций получено 41. В полученном поле реакции распределены на две группы. В первой группе зафиксированы частотные реакции (ядро), во второй – единичные (периферия).

В тувинском языке символика черного цвета многозначна. Так, в героическом сказании «Хунан-Кара» (Трехлетний Черный силач) исследователи выявили порядка 166 различных вариаций, в которых черный цвет «сочетается с предметами, обозначающими *природу* (вода, море, тайга, молния, утес, скала, земля, долина, озеро, акация), *человека* (кузнец, пот, голова, родинка), *животных* и *птиц* (стригунок, жеребенок, конь, верблюд, пташка-чиж, комар, ворон), *предметы быта* (столлик, книга, кольцо, арака, коновязь, предметная сума, шалаш) и др.» (Донгак 2004: 217). Черный цвет имеет также семантику ‘красивый’, ‘чистый’, ‘изобилие’, ‘богатство’.

Специфика и отличие значений, представленных в ассоциативном словаре респондентов, от семантических связей, эксплицированных в текстовых употреблениях цветообозначения, заключается в том, что они показывают «психологически реальное значение слова» (по И. А. Стернину). Как пишет И. А. Стернин, «психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных» (Стернин 2006: 172).

Психолингвистический анализ ядра ассоциативного поля на цветообозначение *кара* показывает, что черный для тувинцев это прежде всего *өң* ‘цвет’ и что-л. / кто-л. черного цвета (*өңнүг* ‘цвет + Ген.’). Данная реакция является самой частотной и встречается у 20 испытуемых из 100. Подобные реакции, когда испытуемые идентифицируют значение исходного слова через подведение его под более общее понятие, определяются как суперординатные. Исследования показали, что суперординатные реакции проявляются в эксперименте под влиянием специфики языка испытуемых. По мнению А. А. Залевской, «в ряде исследуемых языков исходные цветообозначения в совокупности с коррелятами слова *цвет* образуют привычные для участников эксперимента словосочетания» (Залевская 1988: 38–40). Очевидно, у суперординатных реакций психологически реальное значение менее яркое и, вероятно, совпадает со значением стимула, дополняя его.

Согласно данным, черными, т.е. плохими, негативными могут быть такие процессы мышления и познания человека, как *бодал*, *сагыш*, *сеткил* ‘мысли, помыслы, душа, намерения’. В ядре поля встречается и противоположная реакция *ак* ‘белый’. Появление этих частотных реакций в ассоциативном словаре вероятно следует связывать с понятиями света и тьмы, добра и зла, которые основаны на архетипических образах, заложенных в коллективном бессознательном.

Менее частотными оказались и реакции, которые олицетворяют реалии, связанные с красотой, молодостью, зрелостью, могуществом, чистотой (*карактар* ‘глаза’, *чаиш* ‘коса’, *кииш* ‘соболь’, *дыт* ‘лиственница’, *чодураа* ‘черемуха’, *суг* ‘родник’) и предметы или явления, у которых черный цвет характеризуется как локальный, т.е. основной, неизменный (*дун* ‘ночь’, *пөс* ‘ткань, материя’, *идик* ‘обувь’, *куш* ‘глухарь’, *булут* ‘туча’, *хөө* ‘сажа’, *хөмүр* ‘уголь’).

В периферийной части поля кроме реакций-реалий, представляющих в языковом сознании испытуемых предметы, явления, животных черного цвета / окраса (*даиш* ‘камень’, *тос* ‘кора’, *хөргүн* ‘почва’, *мең* ‘родинка’, *дүмбей* ‘тьма’, *хул* ‘зола’, *диш* ‘кот’, *паиш* ‘котел’, *аът* ‘конь’, *инек* ‘корова’, *меңги* ‘рел. метка, знак’), присутствуют и реакции-качества, передающие отрицательные чувства и эмоции (*бодал* ‘помыслы’, *ажыг-шүжүг* ‘горе’, *бак* ‘зло’, *муңгарал* ‘печаль, грусть’).

В материале исследования выделяются ассоциативные пары, построенные согласно грамматическим связям тувинского языка. Семантика черного цвета в этих сочетаниях размыта. По типу ассоциативной связи они характеризуются как синтагматические. Вероятно, синтагматический тип ассоциативной связи прежде всего обусловлен структурой языка и представляет собой языковое клише, существующее в конкретном языке. Например, реакции *суг* и *куш* обусловлены спецификой тувинского языка и со

стимулом *кара* представляют собой сложные слова – *кара суг* ‘родник’ (зд. в значении ‘чистый, прозрачный’, ‘подземный’), *кара куш* ‘глухарь’ (зд. кроме ‘черного’ возможны значения ‘красивый’, ‘большой’). Встречаются и такие сочетания, как *кара куш* ‘черная, грубая, физическая сила’, *кара ойаар* ‘очень похожий’ (зд. *кара* используется в качестве интенсификатора), *кара шаар хой* ‘тма овец, многочисленное стадо овец’, а также топонимы Кара-Хаак (где *хаак* ‘ивняк, ивы’, *кара* в значении ‘много, множество’), Кара-Даг (где *даг* ‘гора’, *кара* в значениях ‘большой; богатый’).

Таким образом, отметим, что значения, представленные в ассоциативном тезаурусе, не всегда совпадают с символикой, эксплицированной в фольклорных текстах. Как видим, на появление тех или иных реакций в условиях ассоциативного эксперимента часто влияет специфика языка. В случае со стимулом-цветообозначением *кара* необходимо отметить наличие суперординатных реакций, совпадающих по значению со значением стимула. Отличными являются и реакции, основанные на архетипических образах.

Литература:

Донгак С. Ч. Цвет и его символика в тувинской кочевой культуре // Ученые записки. Вып. XX. Кызыл: Типография Госкомитета РТ по печати и информации, 2004. С. 213–227.

Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 34–48.

Стернин И. А. Значение в языковом сознании: специфика описания // Вопросы психоллингвистики. 2006. № 4. С. 171–179.

Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихоллингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. н. Улан-Удэ. 2013. 24 с.

Монгуш Ульяна Очур-ооловна
кандидат филологических наук
Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических исследований
Кызыл, Россия
ochur-ool@mail.ru

КУЛЬТУРОНИМЫ В ОБЛАСТИ ТУВИНСКОГО ГОРЛОВОГО ПЕНИЯ ХООМЕЙ КАК ЧАСТЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье представлена общая характеристика бытования культуронимов, одного из видов ксенонимов-тувинизмов в области традиционной музыкальной культуры Тувы в рамках русского языка. В потоке информационно насыщенного пространства современного мира актуально обозначить и упорядочить правила правописания и толкования некоторых слов и словосочетаний в данном терминологическом поле. Материалом послужили тексты объявлений и анонсов Центра тувинской традиционной культуры и ремесел из социальных сетей, а также научные статьи и публикации, написанные на русском языке за последние десять лет в области искусства горлового пения *хоөмей*.

Ключевые слова: тувинский язык, музыкальная терминология, культуронимы, искусство горлового пения *хоөмей*.

Mongush Ulyana Ochur-oolovna
Candidate of Sciences in Philology
Tuvan Institute for Humanitarian and Socio-Economic Research
Kyzyl, Russia

CULTURONYMS IN THE FIELD OF TIVA THROAT SINGING *KHÖÖMEI* AS A PART OF THE MUSICAL TERMINOLOGY OF THE TIVAN LANGUAGE

The article presents a general description of the existence of cultural names, one of the types of xenonyms-tuvinisms in the field of traditional musical culture of Tuva within the Russian language. In the stream of information-saturated space of the modern world, it is important to designate and place in order the rules of spelling and interpretation of certain words and phrases in this terminological field. The texts of announcements and announcements of the Center for tivantraditional culture and crafts from social networks, as well as scientific articles written in Russian over the past ten years in the field of the art of throat singing *khöömei* served as the material for it.

Keywords: Tuvan language, musical terminology, cultural names, the art of throat singing *khöömei*.

В настоящее время традиционная музыкальная культура Тувы привлекает больше внимания носителей других иноязычных культур в связи с открытием культурно-образовательной организации «Международная Академия “Хөөмей”» при Министерстве культуры Республики Тыва, что позволило создать площадку для общения, обмена и взаимосвязи музыкантов и любителей из разных стран и материков.

Автор теоретической основы новой дисциплины, интерлингвокультурологии, так называемой лингвистики языка вторичной культурной ориентации, обращенного в область иноязычной культуры, В. В. Кабакчи обозначил: «Закономерности культурной переориентации языка международного общения при его обращении в область иноязычной культуры, при описании иноязычной культуры, язык межкультурного общения (ЯМО), рассматриваются как специализированная разновидность данного языка» (Кабакчи 2019: 8). У. К. Кузнецовой был составлен «Англоязычный словарь тувинской культуры», который содержит историко-культурные комментарии и иллюстрацию употребления ксенонимов-тувинизмов примерами из англоязычных текстов. Данный словарь содержит более 160 тувинских культурных терминов (Кузнецова 2008). Из них к музыкальной терминологии относится 21 название традиционных инструментов и разновидностей тувинского горлового пения *хоөмей*. Таким образом, культуронимы (ксенонимы-тувинизмы) попадают в англоязычные тексты, привлекая внимание представителей других культур. Они показывают, какие понятия тувинской культуры представляют лакунизованность для английского языка, а какие из них акцентируются, сохраняя свою «аутентичность».

Рассмотрим наиболее широко распространенные культуронимы в сфере искусства горлового пения *хоөмей*, а также закономерности русскоязычного описания тувинской культуры: способы наименования и специфику построения текста языка вторичной культурной ориентации.

хогжум (тув. *хогжум*) 1. музыка; 2. музыкальный инструмент; 3. оркестр (Монгуш 2015).

хоомей / хомей (тув. *хөөмей*) 1) название (общее) горлового пения тувинцев; 2) название стилевой разновидности (вида, способа, манеры, жанра, тембра) искусства горлового пения (Монгуш 2015); горловое пение, обертонное пение (общий термин), особый стиль горлового пения (Anderson, Harrison 2002).

хоомейжи / хомейжи, хоомеист, хомеист, хомейист (тув. *хөөмейжи*) человек, который обладает техникой пения *хөөмей* (Монгуш 2015); тот, кто исполняет *хөөмей* (Anderson, Harrison 2002).

сыгыт / сигит (тув. *сыгыт*) один из основных видов (стилей) горлового пения тувинцев, отличающийся от других тем, что исполняется в высоком регистре (Монгуш 2015); стиль горлового пения, характеризующийся высокими свистящими звуками (Anderson, Harrison 2002).

каргыраа / каргыра (тув. *каргыраа*) один из стилей горлового пения тувинцев, отличающийся от других низким хрипящим звучанием (Монгуш 2015); стиль горлового пения, самый глубокий и гортанный из четырех основных стилей (Anderson, Harrison 2002).

борбаннадыр / борбан (тув. *борбаңнадыр, борбаң*) 1) название одного из видов (стилей) хоомея; 2) название одного из способов звукоподражания (украшения) горлового пения (Монгуш 2015); стиль горлового пения, подражание катящемуся предмету (Anderson, Harrison 2002).

эзенгилээр / эзенгилер, эзенги (тув. *эзеңгилээр, эзеңги*) 1) название одного из видов (стилей) хоомея; 2) 'название одного из способов звукоподражания (украшения) горлового пения: путем ритмических звукоподражаний языка, путем увеличения воздушного потока через носовые препятствия певец выводит звуки, подобные звону стремян (Монгуш 2015); стиль горлового пения, имитирующий звук стремян при езде на лошади' (Anderson, Harrison 2002AT).

кожамык (тув. *кожамык*) 'припевка, частушка – о жанре' (Монгуш 2015); 1. литературно-музыкальный жанр тувинского фольклора; короткая песня, обычно состоящая из четырех строк и исполняемая в быстром темпе' (Anderson, Harrison 2002).

Хуун-Хуур-Ту / Хун-Хурту / Хун-хурту (тув. *Хүн-Хуртү*) название известного тувинского фольклорного коллектива' (Anderson, Harrison 2002). В репертуаре группы «Хун-Хурту» звучат народные песни тувинцев разного рода жанров, авторские песни и инструментальные наигрыши: фантазии К. Ховалыга на игиле, а также импровизации А. Куулара на хомусе (Монгуш 2010: 123).

Итак, относительно культуронимов в области тувинского горлового пения *хоомей* можно сказать следующее: 1. транслитерация ксенонимов-тувинизмов de facto в русскоязычных текстах не вызывает определенных трудностей, так как оба языка основаны на кириллице. Три буквы тувинского алфавита *ө, ү, ң* заменяются в русских текстах буквами *о, у, н* (хогжум, хоомей, борбан и т.д.); 2. Долгие гласные тувинского языка переходят в короткие (хомей, хомейжи, каргыра и т.д.) (Монгуш 2010); 3. Культуронимы встречаются в тувинском правописании без замены букв и маркированы курсивом (*хөөмей, хөгжум, хөгжүмчү* и т.д.) (Карелина 2009, Монгуш 2010, Утегалиева 2013), а также отмечены без курсива (даг каргыраазы, хову каргыраазы, бызаанчы и т.д.) (Левин 2012). Следует отметить, что в СМИ нередко встречаются случаи склонения тувинских слов по правилам русского языка, например, *хөөмея, борбаңнадыру* и т.д. В связи с этим необходимо выработать терминологический инструментарий культуронимов в области тувинского горлового пения *хөөмей* для создания особенностей формирования специальной техники ЯМО.

Литература:

Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 232 с.

Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 250 с. (Серия: Авторский учебник).

Карелина Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин до наших дней: исследование. М.: Композитор, 2009. 552 с.: нот., ил.

Кузнецова У. К. Англоязычный словарь тувинской культуры. The Dictionary of Tuvan Culture. Кызыл: ТывГУ, 2008. 66 с.

Левин Т., Сузукей В. Ю. Музыка новых номадов. Горловое пение в Туве и за ее пределами. М.: Классика-XXI, 2012. 336 с.

Монгуш У. О. Хүртүүн Ховалыг биле «Хүн-Хүртү» = Своевольный Ховалыг и «Хун-Хурту». Кызыл: Тываполиграф, 2010. 188 с.: нот., ил.

Монгуш У. О. Музыкальная терминология в тувинском языке: дис. ... канд. филол. н. М., 2015. 306 с.

Утегалиева С.И. Звуковой мир музыки тюркских народов: теория, история, практика (на материале инструментальных традиций Центральной Азии). М.: Композитор, 2013. 341 с.

Anderson, Gregory David, & Harrison, K. David. Тыва-англи англи-тыва сөстүк (Tyvan-English English-Tyvan Dictionary). Kyzyl, 2002. 255 p.

Абдина Раиса Петровна
кандидат филологических наук
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
rabdina@mail.ru

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В НАИМЕНОВАНИЯХ ПОСУДЫ И КУХОННОЙ УТВАРИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается заимствованная лексика, относящаяся к наименованиям посуды и кухонной утвари в хакасском языке. В этой группе лексики встречается определенное количество слов, относящихся к общему тюрко-монгольскому пласту, что свидетельствует о контактах тюркских и монгольских народов. Заимствованная лексика из русского языка делится на дореволюционные и послереволюционные заимствования. Дореволюционные заимствования сильнее подвергались модификации, так как проникали в хакасский язык в основном устным путем. Послереволюционные заимствования дополнительно проникают через письменную речь и в фonomорфологическом отношении изменяются мало. Заимствования встречаются в большей степени в той группе, которая представлена немотивированными словами.

Ключевые слова: хакасский язык, заимствование, бытовая лексика, этнография.

Abdina Raisa Petrovna
Candidate of Sciences in Philology
Khakass Research Institute
of Language, Literature and History
Abakan, Russia

BORROWED VOCABULARY IN THE NAMES OF DISHES AND KITCHEN UTENSILS IN THE KHAKASS LANGUAGE

The article examines the borrowed vocabulary related to the names of dishes and kitchen utensils in the Khakass language. In this group of vocabulary there is a certain number of words related to the common Turkic-Mongolian stratum, which indicates the contacts of the Turkic and Mongolian peoples. Borrowed vocabulary from the Russian language is divided into pre-revolutionary and post-revolutionary. Pre-revolutionary borrowings were more heavily modified, as they penetrated into the Khakass language mainly orally. Post-revolutionary borrowings additionally penetrate through written speech and change little in phonomorphological terms. Borrowings occur to a greater extent in the group that is represented by unmotivated words.

Keywords: Khakass language, borrowing, household vocabulary, ethnography.

Словарный состав языка изменяется и становится богаче и разностороннее не только за счет внутренних ресурсов языка, но также за счет заимствования определенных слов из других языков. Заимствование является одним из неперемных источников пополнения словарного состава языка. В данной статье мы ставим задачей проанализировать лексику, обозначающую посуду и кухонной утварь, с точки зрения заимствований. В хакасском языке эту тематическую группу составляет около 90 лексических единиц. Анализ данного вида бытовой лексики в хакасском языке позволил выделить следующие группы: наименования посуды для подачи на стол кушаний и наименования столовых приборов, наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи, наименования посуды для сбора, хранения еды и напитков (Абдина 2021). В данной статье мы рассмотрим этот пласт лексики с точки зрения заимствования, анализ источников которых позволяет выделить слои заимствований из монгольского и русского языков.

В современном хакасском языке встречается определенное количество слов, относящихся к общему тюрко-монгольскому пласту. Исследователи по тюрко-монгольским лексическим параллелям

(Ф. Г. Чиспиякова, С. Садыков, В. И. Рассадин, Б. М. Юнусалиев) отмечают, что в ряде случаев возникают серьезные проблемы с отнесением лексемы к тюркским или монгольским языкам, что служит основанием разработки проблемы тюрко-монгольской языковой общности. Так, В. И. Рассадин в своей работе о тюрко-монгольских связях пишет: «Происхождение и формирование тофаларской народности, ее связи с древнейшими монгольскими племенами нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от истории тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья: тувинцев, алтайцев, хакасов, так как между ними много общего в области материальной культуры и связи» (Рассадин 1971: 220). В подтверждение этого можно привести описание элементов материальной культуры монгольских и тюркских этносов из этнографических источников. Так, А. Потанина, описывая жилища бурят, пишет: «Вдоль стены, противоположной входу, стоит обыкновенная деревянная постель хозяина дома... Вправо от входа есть лавка и полка для посуды. В этом же углу стоит кадушка с арсой» (Потанина 1905:45). А. А. Кузнецова описывая жилище хакасов, отмечает: «Прямо против входа, т. е. в западной, пятой по счету стороне, находящейся между мужской и женской половинами юрт, помещается кровать... Стена и угол направо от входа заняты большими кадками и прочей деревянной посудой с различными молочными продуктами: свежее-заквашенным айраном, творогом и др.» (Кузнецова 1898: 119). Однако сущность тюрко-язычных лексических параллелей до конца еще не раскрыта. Определение принадлежности их к тому или иному языку порой представляет большую трудность. Насколько трудно отличить исконные или генетически родственные слова от заимствований, было показано на материале общих алтайских слов алтайских языков А. М. Щербаком (Щербак 1966). В связи с этим исследователи в особую группу выделяют слова, имеющие тюрко-монгольские соответствия. В результате проведенного сопоставления в наименованиях посуды и кухонной утвари в хакасском языке удалось выявить следующие соответствия:

Айах – чашка, миска; бокал, чарка. Алт. *айак* ‘чашка, пиала’, др.-тюрк. *ајақ*, каз. *аяқ*, кирг. *аяк* ‘чаша, чашка’, ног. *айақ* ‘пиала’, башк. *аяк* ‘большая чашка’, як. ‘самый большой кубок, бокал для питья кумыса’, монг. *аяга* ‘чашка, чаша; кружка; братина, миска’, бур. *аяга* ‘чаша, чашка; стакан; глубокая тарелка’. Э. В. Севортян считает, что древнейшей из приведенных форм является якутская, что объясняет вариант хакасской *айах* (*и>й*, иначе следовало бы ожидать *азах*). Из нее должна была развиваться зарегистрированная в старейших памятниках форма *айак* (Севортян 1974).

Идиc – 1) посуда // посудный; емкость; 2) лагун, бочонок. Др.-тюрк. *идиш* ‘сосуд, чашка, бокал’, кирг. *идиш* ‘посуда, сосуд; тара’, каз. *ыдыс* ‘посуда’, к.-калп. *ыдыс* ‘посуда; тара’, туркм. (диал.) *идиш*, тув. *идиш* ‘посуда’, калм. *иди* ‘корыто, лохань’.

Табах – тарелка, блюдо. Алт. *табак* ‘чаша, тазик’, башк. *табак* ‘чаша большая’, кирг. ‘блюдо’, тат. ‘блюдо, чаша’, тур. ‘тарелка, блюдо, миска’, тув. *тавах* ‘тарелка’, узб. *тобок* ‘чашка, миска’, монг. *таваг*, бур. *табаг* ‘тарелка’.

Типси – выдолбленное из дерева небольшое корытце (для рубки мяса, овощей). Др.-тюрк. *tevsî* ‘поднос, небольшой, низкий стол’, алт. *тепиши* ‘деревянная чаша для мяса, долбленное деревянное корытце’, кирг. *тепиши* ‘долбленное деревянное корыто’, тув. *дести* ‘корыто’, шор. *тепиши* ‘низкое большое блюдо’, монг. *товш* ‘корыто’, бур. *тэбишэ* ‘деревянное корытце для мяса’, калм. *теви* ‘деревянное корыто’.

Томырах – перочинный нож. Алт. *томырак* ‘складной нож’, каз. *тоңырак*, тув. *донегурак*, монг. *тонгорог*, бур. *тонгорог*, *донгорог* ‘перочинный нож’.

Сабан – большая кадка. Алт. *саба* ‘кожаный сосуд для хранения кислого молока’, башк. *хаба* ‘посуда для хранения кумыса’, азерб. *габа*, туркм. *хаба* ‘ведро’, каз., кирг. *саба* ‘бурдюк для кумыса’, монг. *сав* ‘сосуд, посуда’, бур. *хаба* ‘узкая, высокая кадушка’, калм. *сав* ‘посуда, сосуд’.

Түјс – туес, туесок (посуда из бересты). Бур. *түјсэ* ‘берестяной туесок’.

Следует отметить, что тюрко-монгольские параллели в большинстве своем затрагивают ту группу лексики, которая представлена немотивированными словами. Не обнаружено заимствований и параллелей в группе «Наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи», которая, в свою очередь, делится на подгруппы, связанные с процессами разделки, размола и дробления продуктов, просеивания и процеживания, варки и жарки, размешивания, зачерпывания, а также с наименованием ножей и прочей кухонной утвари. Например, *пысхы* ‘мешалка, которой мешают, взбалтывают айран или сбивают масло’, *јусне* ‘мутовка для сбивания масла’, обозначая вполне определенные реалии и понятия о них, наводят на мысль о тех действиях, которые ими производятся: *пыс-* ‘взбалтывать, размешивать’ *јис-* ‘сбивать, отделять’. Данный факт позволяет предположить, что слова со значением орудия труда, обра-

зованные от глагольной основы, обозначающей действие, менее всего нуждаются в заимствованиях из других языков.

Заимствованную лексику хакасского языка из русского обычно делят на две части: дореволюционная и послереволюционная. Дореволюционные заимствования проникали в хакасский язык в основном устным путем, поэтому подвергались сильной модификации и приспособились к звуковым и морфологическим нормам хакасского языка. Например, *латха* 'латка, посуда для тушения мяса, рыбы, картофеля и птицы', *скобра* 'сковорода', *чейник* 'чайник'. Послереволюционные заимствования дополнительно проникали через письменную речь и в фонеморфологическом отношении изменяются мало. Иноязычные слова, вошедшие в лексику хакасского языка, рассматриваются как русские заимствования, несмотря на то что они восходят к другим языкам. Например: *миксер*, *шейкер*, *блендер*. С появлением новых предметов в язык попадают и их названия, обогащая язык новыми терминами, в то же время это ведет к переходу многих слов в родном языке в разряд архаизмов и историзмов.

Таким образом, заимствования в языке – это неизбежный процесс, подтверждающий жизнь и развитие языка. Заимствованные слова подвергаются фонетическому освоению по законам звуковой системы принимающего языка и не всегда поддаются этимологическому анализу. Исследование этой лексики позволяет выявить ценный материал для установления исторических и лингвистических взаимоотношений между языками и культурами различных этносов.

Литература:

Абдина Р. П. Наименования посуды и кухонной утвари в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 4. С. 1109–1114.

Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск: Тип. Енис. губ. упр., 1898. 214 с.

Потанина А. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. М., 1905. 61 с.

Рассадин В. И. Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 219–231.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: в 7 т. Т. 1. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 20–35.

Каксин Андрей Данилович
доктор филологических наук
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия
adkaksin@yandex.ru

ГИДРОНИМЫ ТУВЫ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ТОПОНИМИКИ

Статья посвящена типологии моделей, по которым образованы названия рек и озер Тувы. В статье актуализируется вопрос о применимости в топонимике методов и приемов когнитивного анализа. Это предполагает рассмотрение языковых единиц, возникших вследствие стремления к репрезентации определенной картины мира. Путем сопоставления древних слов (или корней) енисейского, уральского, алтайского праязыков и соответствующих им компонентов в современных названиях рек Тувы можно найти первоначальный мотивирующий корень и по значению корня определить мотив выбора (в процессе номинации). Выявленные продуктивные модели первоначальных гидронимов (определение / эпитет / образ-сравнение + апеллатив) отражают мировидение древних народов. Другими словами, содержание слов-названий рек и озер обусловлено когнитивными установками людей древних эпох. Выявленные модели иллюстрируются рядом характерных названий, обнаруживаемых на карте Республики Тыва.

Ключевые слова: топонимы, гидронимы, Тува, тюркские языки, когнитивистика, модели образования.

Kaksin Andrey Danilovich
Doctor of Sciences in Philology
Katanov Khakass State University
Abakan, Russia

NAMES OF RIVERS AND LAKES OF TUVA IN THE ASPECT OF COGNITIVE TOPONYMY

The article is devoted to the typology of models by which the names of rivers and lakes of Tuva are formed. The article updates the question of applicability in toponymy of methods and techniques of cognitive analysis. This involves the consideration of language units arising from the desire to represent a certain picture of the world. By comparing the ancient words (or roots) of the Yenisei, Ural, Altai proto-languages and their corresponding components in the modern names of the Tuva rivers, you can find the original motivating root, and determine the choice motive by the meaning of the root (in the nomination process). The identified productive models of the original water-names (definition / epithet / image-comparison + appellative) reflect the worldview of ancient peoples. In other words, the content of word-names of rivers and lakes is due to the cognitive attitudes of people of ancient eras. The identified models are illustrated by a number of characteristic names found on the map of the Republic of Tuva.

Keywords: toponyms, hydronyms, Tuva, Turkic languages, cognitive science, build models.

Анализ моделей первоначальных гидронимов на территории Республики Тыва показывает, что в большинстве случаев в качестве определения были использованы простые эпитеты, и только в ряде названий можно увидеть метафоризацию. На этой территории, ныне занятой тюрками, названия многим рекам первыми дали енисейские, самодийские и монгольские народы. Очевидно, что искомые гидронимы имеют отношение к способу познания мира древними людьми, к существовавшему на то время принципам создания географических названий. Детальный семантический анализ позволяет понять, какими мотивами руководствовались древние, когда давали географическим объектам те или иные названия. Основной наш посыл заключается в том, что такие названия не бывают случайными: за ними стоит способность (и возможность) давать названия, подсказанные знанием об окружающем мире, мотивированные уже освоенными концептами.

Топонимия (и особенно – гидронимия) рассматриваемой территории дает для когнитивного описа-

ния очень ценный материал. Речь идет, в первую очередь, о тех гидронимах (преимущественно – названиях рек), которые остались в результате длительного проживания на определенных территориях носителей енисейского, уральского праязыков и их потомков. История распада, к примеру, уральского языка-основы, а затем – нескольких его непосредственных потомков, достаточно хорошо прослежена (Хелимский 1996). Большая работа была проведена и в области топонимики: гидронимы Южной Сибири, в том числе – Республики Тыва, описаны в целом, поздние (наслоившиеся) отделены от исконных, т.е. выделены разные (отдельные) группы (Бертагаев 1980; Ондар 1995, 2004; Дамбуев 2018, 2020).

Мы также считаем необходимым детальнее интерпретировать форму и содержание анализируемых названий, прежде чем делать определенные выводы по языковой принадлежности и мотивационной основе древних гидронимов. При этом мы с самого начала предполагаем, что они отражают культуру аборигенных этносов (во всех ее проявлениях). Такого рода подход осуществим в рамках отдельно выделенного направления – когнитивной топонимики (Мартыненко 2020). Беря во внимание форму, можно отметить структурную прозрачность как характерный признак, объединяющий слова в этой компактной группе: односложный корень, к которому присоединяется компонент со значением ‘вода / река’. Далее можно анализировать и глубинную семантику, учитывая при этом возможность контактов еще в древний период. Проверая эту гипотезу, опираясь на работы компаративистов, словари уральских и алтайских языков, мы сочли возможным предложить следующие трактовки двух названий рек Республики Тыва.

Кул-Хем. Относительно этого названия возникают две версии: по первой, предполагаемой материалом тюркских языков, река получила это название потому, что являлась небольшим притоком большой реки, т.е. имела подчиненное положение: «Кул-Хем – р., л.п.р. Чоон-Хем; Бай-Тайг.; кул ‘раб, слуга, невольник’, хем ‘река’; букв. слуга-река; возможно, метафора, связанная с небольшой длиной реки» (Ондар 2004: 125).

Если рассматривать этот вариант, надо признать, действительно, что название возникло вследствие метафоризации. Но эта метафора, на наш взгляд, очень абстрактная, отвлеченная. Как показывает опыт лингвистического анализа гидронимов, метафоризация (при их образовании) может возникать, но не такая образная и поэтическая. По нашей версии, исходящей из материала уральских языков, река могла получить название по своим характерным признакам ‘быстрая; скользящая’. В современных финно-угорских языках обнаруживаются слова, обозначающие что-то гладкое, быстрое, скользящее (хант. *küli*, манс. *kulig*), а в списке слов обще-уральского происхождения находим следующее: «плыть (по течению): **kulke-* > ф. *kulke-* ‘идти’, ‘ходить’, эс. *kulge-* ‘тж’, с. *golga-* ‘течь (о воде, крови)’, ‘плыть (по течению)’, э. м. *кольге-* ‘капать’, ‘течь’, к. *кылал-* ‘плыть по течению’, в. *halad-* ‘идти’, ‘ходить’, сам. н. *hula-*» (Основы 1974: 406).

И таких спорных случаев в этимологической трактовке гидронимов Тывы – достаточно много. Исходя именно из этих примеров, стоит допустить глубокое (далее) проникновение в бассейн Верхнего Енисея древних самодийцев. Тогда становятся объяснимы многие гидронимы (названия рек), смысл которых не выводится из материала тюркских и монгольских языков. Причем в данном случае можно не ограничиваться данными современных самодийских языков: после распада уральского праязыка самодийский язык-основа вполне мог сохранить многие общие уральские корни и, соответственно, принести их на новую осваиваемую территорию. Одним из показательных примеров подобного рода можно считать гидроним *Шишкит*: «*Шишкит* (варианты *Шишхид*, *Шишхид-Гол*) – р., л.п.р. Кызыл-Хем; Каа-Хемский кожуун. ... Шишхид – гидроним загадочного происхождения. ... Как подчеркивают исследователи, название Шишкит или Шишхид практически не имеет удовлетворительной этимологии. Согласно точке зрения Э. М. Мурзаева, начальный компонент гидронима (Шиш-) истолковывается как фонетический вариант слова кетского языка *чис*, *цис* в значении ‘река’, а этимология второй части (*-кит* или *-хид*) остается невыясненной. ... Как считает Б. И. Татаринцев, гидроним имеет древнее происхождение и может быть истолкован как вторичное монгольское заимствование» (Ондар 2004: 239–240).

Мы также полагаем, что слово нетюркское, а монгольское, а монголы переняли его у самодийцев уже как имя собственное (название реки или, если точнее, протяженного участка большой реки). Если исходить из материала уральских языков, почти не вызывает сомнений семантика второго компонента – ‘промежуток; середина; (средняя) часть’. Например, слово *küt* в хантыйском языке в ряде контекстов имеет значения ‘место’, ‘берег’, ‘пространство’, ‘край, бок, кромка’. А в семантике первого компонента, ориентируясь на уральские языки, можно обнаружить значения ‘шагать, брести’, ‘спина; хребет’, ‘пти-

ца-рыболов'. Исходя из этого, можно предположить такие переводы названия реки, как 'труднопроходимый промежуток', 'русло, за которым возвышенность, хребет', 'место, где много птиц, добывающих рыбу'.

Как показывает опыт этимологизации анализируемых гидронимов, главным признаком водоема, на который обращали внимание и первые насельники, и приходившие вслед за ними, был пространственный, зрительный: в каком месте находится водоем, как он видится людям в системе сложившихся представлений о земной поверхности (и характере водоемов, вписанных в определенное пространство). На наш взгляд, именно особенности окружающего рельефа обусловили название рек *Шивилиг*, *Межегей*, *Кум-Сайыр*, *Дасы*, озер *Чагытай*, *Дус-Холь*, *Куп-Холь*, *Сут-Холь*, *Тере-Холь*, *Торе-Холь*.

Анализ языкового материала в аспекте когнитивной топонимики позволяет понять, какие воззрения древних отразились в тех названиях, которые они дали окружающим их рекам, речушкам, озерам. Если анализировать корни искомым слов, достаточно легко приходит мысль о том, что они (эти корни) – суть определения или эпитеты, называющие ту или иную характерную особенность конкретной реки. Вариативность корня достаточно широкая, но все же и она имеет свои рамки: обычно выбор делается из круга слов, которые могут с какой-либо стороны характеризовать реку (это слова типа 'короткая', 'длинная', 'мелкая', 'глубокая', 'каменистая', 'большая', 'маленькая', 'изогнутая', 'быстрая', 'холодная', 'теплая', 'рыбная'). Иными словами, можно сказать, что модели первоначальных гидронимов предельно просты. Превалирует создание названий путем подбора адекватного определения или определения отвлеченного (т.е. эпитета). В обоих случаях более или менее точно отражается характерный признак той или иной реки. Но уже намечается и метафоризация: в изученных названиях она применяется не очень часто, но все примеры – очень яркие и выразительные. В ином ракурсе все перечисленные слова могут быть понимаемы как нечто цельное, как логико-семантическое единство, возможно, с их помощью репрезентируется определенный концепт.

Литература:

- Бертагаев Т. А. О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 124–129.
- Дамбуев И. А. Типовые бурятские топоосновы в топонимии Бурятии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 44–53.
- Дамбуев И. А. Цветобозначение *сагаан* «белый» в бурятской топонимии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 2 (28). С. 106–117.
- Мартыненко И. А. О целесообразности введения термина «когнитивная топонимика» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 142–150.
- Ондар Б. К. Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл, 1995. 48 с.
- Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 256 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Финно-угорский мир (Справочник по истории, культуре и языку). Будапешт-Москва, 1996. С. 101–115.

Дамбуев Игорь Александрович
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
igor_dambuev@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

В статье освещается деятельность в области географических названий в Казахстане, Узбекистане, Пакистане и Иране. Сообщается о законодательных основах данной деятельности, уполномоченных государственных органах, направлениях работы, конкретных результатах и проблемах. В данных странах существуют разные подходы к организации деятельности, но направления работы идентичны. Это установление наименований географических объектов в ходе создания и обновления топографических карт, нормализация написания географических названий на национальных языках, романизация нормализованных названий, наименование и переименование географических объектов, создание национальных баз данных географических названий и веб-сайтов, отражающих данную деятельность, издание справочников, словарей и энциклопедий географических названий. В данных странах Центральной Азии отмечается возрождение интереса к историческим названиям и признание географических названий как историко-культурного наследия.

Ключевые слова: географическое название, стандартизация, нормализация, Центральная Азия.

Dambuev Igor Alexandrovich
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

GEOGRAPHICAL NAMES ACTIVITIES IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

The article deals with activities in the field of geographical names in Kazakhstan, Uzbekistan, Pakistan, and Iran. The legislative bases of this activity, authorized state bodies, aspects of work, specific results and problems are reported. In the countries, there are different approaches to the organization of activities, but the aspects of work are identical. These are the establishment of names of geographical features during topographic maps edition and updating, the normalization of the spelling of geographical names in national languages, the romanization of normalized names, the naming and renaming of geographical features, the creation of national databases of geographical names and websites reflecting this activity, the publication of gazetteers, dictionaries, and encyclopedias of geographical names. In Central Asian countries, there is a revival of interest in historical names and the recognition of geographical names as historical and cultural heritage.

Keywords: geographical name, standardization, normalization, Central Asia.

Деятельность в области географических названий осуществляется во многих странах мира под эгидой ООН. Осуществляется она и в странах Центральной Азии. В данной статье рассматривается в первом приближении ситуация с государственной политикой в области географических названий в таких странах региона, как Казахстан, Узбекистан, Пакистан и Иран. Результаты деятельности в отношении географических названий в Монголии и Китае были описаны ранее в (Дамбуев 2016) и (Дамбуев 2021).

В **Республике Казахстан** деятельность в области географических названий ведется согласно принятому в 2002 г. закону «О геодезии и картографии». Она включает в себя следующие виды работы: «стандартизацию, учет и упорядочение употребления географических названий, создание и ведение

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Государственного каталога географических названий» (О геодезии ...). В Государственной программе по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 гг. также обозначены конкретные аспекты работы в области географических названий: замена идеологически устаревших названий, активизация присвоения названий на национальный лад, восстановление исторических географических названий, разработка стандарта наименований географических объектов на основе латинографического алфавита (Об утверждении...).

Уполномоченным органом, координирующим стандартизацию, учет и употребление географических названий, является Комитет по управлению земельными ресурсами Министерства сельского хозяйства РК. При Правительстве действует также Республиканская ономастическая комиссия, а при местных исполнительных органах областей, городов республиканского значения и столицы – соответствующие ономастические комиссии. В задачи этих комиссий входят упорядочение работы по наименованию и переименованию географических объектов, уточнение и изменение транскрипции географических названий, восстановление и сохранение исторических названий как историко-культурного наследия республики.

В 2010 г. были завершены работы по созданию Государственного каталога географических названий (ГКГН) в объеме карты масштаба 1:100 000, содержащего около 120 000 названий. С 2011 г. идет работа по дополнению ГКГН по картам масштаба 1:25 000. ГКГН представляет собой автоматизированную поисковую систему и электронную базу данных географических названий, нормализованных согласно «Инструкции по русской передаче казахских и казахской передаче русских географических названий Республики Казахстан», утвержденной ономастической комиссией в 2002 г. Каждое название в каталоге содержит следующую информацию на казахском и русском языках: нормализованное название объекта; род объекта; географическую привязку; административную привязку; географические координаты; прежнее название для переименованных объектов; искаженное название объекта (если оно было); номенклатуру и год издания источника; этимологию названия.

Нормализованные названия из ГКГН используются при издании карт и атласов. За последние 10 лет создано и обновлено несколько десятков разных карт на казахском и русском языках, издан «Национальный атлас Республики Казахстан» в трех томах и «Большой атлас истории и культуры Казахстана».

Среди проблем, препятствующих деятельности в области географических названий, можно назвать отсутствие специального закона о географических названиях, который бы полностью определял вопросы нормализации, учета, регистрации, использования и сохранения географических названий республики. Вызовом является для данной деятельности и переход казахского алфавита на латиницу. Затянувшееся обсуждение и принятие окончательного варианта алфавита и новый перенос сроков перехода на новый алфавит с 2023 г. по 2030 г. не способствуют международной нормализации географических названий Казахстана.

В Республике Узбекистан основным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность в области географических названий, является Закон Республики Узбекистан «О наименованиях географических объектов», принятый в 2011 г. Данный закон устанавливает требования к географическим названиям, требования к переименованию географических объектов, полномочия и функции государственных органов по присвоению наименований и переименованию географических объектов, меры по их сохранению, регистрации и использованию (О наименованиях...).

Уполномоченным органом в данной области является Агентство по кадастру при Государственном налоговом комитете РУ. Оно осуществляет работы по нормализации географических названий, проводит государственную экспертизу предложений о присвоении наименований и переименовании географических объектов, ведет Государственный реестр наименований географических объектов. Большое значение в решении вопросов присвоения наименований и переименования географических объектов, охраны наименований географических объектов, связанных с историко-культурными ценностями Узбекистана, имеет деятельность комиссий по вопросам присвоения наименований и переименования географических объектов. Такие комиссии формируются на уровне республики, областей, районов, городов.

С 2012 г. Республиканской топонимической службой при Национальном центре геодезии и картографии ведется Государственный реестр наименований географических объектов. Он содержит около 25 000 географических названий в объеме листов карты масштаба 1:200 000.

Основными проблемами топонимии Узбекистана являются их национальная нормализация и романизация в целях международной нормализации. Топографические карты республики ранее составлялись на русском языке, а географические названия устанавливались топографами, часто не владевшими узбекским языком и диалектами. В результате на картах встречается немало искаженных топонимов. Проблема усугубляется отсутствием фиксации топонимов на узбекском языке в научной литературе и официальных документах. Имеющиеся письменные источники содержат написание топонимов на арабской письменности, латинице и кириллице, не способных точно отразить их произношение. Специфика современного алфавита на латинице также не позволяет легко романизировать топонимы (например, узб. *Buxara* может быть прочитана как [buxara] ввиду заимствования буквы *x* из русского алфавита).

В Исламской Республике Пакистан не существует единого национального органа, занимающегося деятельностью в области географических названий. Различные административные органы принимают решения по наименованию и переименованию географических объектов в пределах своей компетенции. За сбор и стандартизацию географических названий отвечает Топографическое управление Пакистана.

Установление географических названий осуществляется геодезистами в ходе полевых исследований. Названия на многочисленных языках Пакистана, которых насчитывается до 80, записываются обычно на языке урду с использованием согласных, гласных и дифтонгов, а также диакритики. Карты Топографического управления содержат названия на латинском алфавите, при этом при транслитерации топонимов используется система, называемая «системой Хантера», которая была адаптирована Топографическим управлением для написания названий в Пакистане. Эта система не лишена недостатков, но используется уже много десятилетий.

Топографическим управлением оцифрованы карты Пакистана масштабов 1:1 000 000, 1:500 000, 1:250 000. Подготовлен справочник географических названий, включающий 4628 названий страны. В настоящее время рассматривается вопрос о создании специального национального органа, который бы занимался вопросами в области географических названий (Report ...).

В Исламской Республике Иран национальным органом в области географических названий с 2000 г. является Иранский комитет по стандартизации географических названий при Национальном картографическом центре. Данный комитет состоит из 8 членов от разных организаций и министерств. При комитете были созданы 6 рабочих групп, занимающихся разными направлениями деятельности.

Рабочая группа по транскрипции отвечает за составление инструкции по иранской системе транскрипции географических названий в целях единообразной регистрации всех названий страны. Рабочая группа по веб-сайту и базе данных отвечает за ведение Иранской национальной базы данных географических названий. В настоящее время она содержит около 150 000 названий, присвоенных 250 000 объектам, в масштабе карты 1:25 000 (National ...). Рабочей группой создан веб-сайт комитета по стандартизации, на котором отражена его деятельность и имеется доступ к базе данных. Рабочая группа по историческим названиям занимается сбором и документированием исторических географических названий как культурного наследия. Планируется издание многотомной энциклопедии исторических географических названий. Рабочая группа по терминологии занимается установлением необходимой для деятельности терминологии в персидском языке. В частности, группа занималась переводом «Глоссария терминов для стандартизации географических названий», изданного Группой экспертов ООН по географическим названиям. Рабочая группа по экзонимам занимается установлением названий стран мира на персидском языке на основе списка названий, ратифицированного ООН. Рабочая группа по названиям открытого моря и морского дна занимается установлением морских и подводных объектов вдоль северного и южного побережья страны.

Среди результатов деятельности в области географических названий в Иране следует выделить проведение нескольких национальных конференций по географическим названиям, проведение учебных курсов по сбору, регистрации и транскрипции географических названий для заинтересованных организаций, подготовка справочника географических названий Ирана, составление словаря названий иранских деревень, справочника иранских гидронимов, проект по сбору названий городских улиц и площадей и др.

В заключение следует отметить, что в XXI в. в странах Центральной Азии активизировалась деятельность в области географических названий. Среди внутренних факторов можно выделить цифровизацию картографической деятельности и развитие ГИС-технологий, признание географических названий культурным наследием, в странах постсоветского пространства наблюдается возрождение нацио-

нальной топонимии и переход на латинскую графику. Определяющим внешним фактором можно назвать деятельность Группы экспертов ООН по географическим названиям.

Литература:

Дамбуев И. А. Географические названия как культурное наследие: опыт Новой Зеландии, Канады и Китая в свете деятельности ООН // Социоллингвистика. 2021. № 1(5). С. 130–146.

Дамбуев И. А. Стандартизация географических названий в Монголии // Актуальные проблемы монголоведения: Ц.Б. Цыдендамбаев – выдающийся монголовед. Вып. 5. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 93–98.

Об утверждении Государственной программы по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020-2025 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 31.12.2019 г. № 1045 [Электронный ресурс] // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045> (дата обращения: 12.03.2022).

О геодезии и картографии: Закон Республики Казахстан от 03.07.2002 г. № 332 [Электронный ресурс] // URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000332_ (дата обращения: 12.03.2022).

О наименованиях географических объектов: Закон Республики Узбекистан от 12.10.2011 г. № ЗРУ-303 // [Электронный ресурс] // URL: <http://lex.uz/docs/1881474> (дата обращения: 12.03.2022).

National Report of the Islamic Republic of Iran for 2012–2017 [Электронный ресурс] // URL: unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/ungegnConf11.html (дата обращения: 12.03.2022).

Report on the Situation in Pakistan on Standardization of Geographical Names [Электронный ресурс] // URL: unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/ungegnConf9.html (дата обращения: 12.03.2022).

COOPERATION OF BURYAT SCIENTISTS DURING THE ESTABLISHMENT OF THE MONGOLIAN STATE COMMISSION FOR TERMINOLOGY

This article states about the establishment of the State Commission for Terminology in 1924 at the Mongolian Literary Committee, which cooperated with Buryat scholars. Buryat scholars B. Baradin and G. Tsybikov collaborated with J. Tseveen on the development of terminology, which resulted in the creation of a “Russian-Mongolian dictionary of terms”.

Keywords: J. Tseveen, 10 sub commissions, G. Tsybikov, B. Baradin, State commission for Terminology, Russian-Mongolian terminological dictionary.

After the Revolution in Mongolia in 1921, Mongolians began to become acquainted with European culture. With the first modern scientific organisation establishment, the Mongolian Literary Committee was founded. Due to the need of a number of book translations and the translation of European scientific terms into Mongolian, the first western scientific organization in Mongolia was established in 1924, with a State Commission for Terminology. Despite of “...the number of translators increased and a number of books were translated, but due to the lack of different terms, everyone had to translate on their own. In particular, in order to create a terminology dictionary for every science, it is necessary to standardize the terminology. In view of this situation, on March 28, 1924, the full and partial members of the Mongolian Literary Committee met and discussed the establishment of State Commission for Terminology. They decided to divide it into 10 subcommissions. According to archival records, J. Tseveen was elected as a chairman of the Institute of terminology and also appointed the chairmen and members of 10 subcommissions. These are 1. Biology. 2. Physics and chemistry. 3. Geometrics. 4. International history. 5. Mathematics. 6. Jurisdiction. 7. Crafts and techniques. 8. In Medicine, there were two another sectors such as Orthography and letter selection sector from foreign languages” (Гэрэлмаа... 2014: 10–12).

J. Tseveen was born on April 13, 1880, in Sundutui, North Agyn Province, nowadays Buryat autonomous region. In collaboration with O. Jamyan, Kh. Dashnyam, Ts. Bat-Ochir, Tseveen was formulated the regulations with 15 clauses for the Mongolian Literary Committee in 1921, out of the wish from the Government of Mongolia (Пүрэвжав, 2021:16). The regulations was discussed at a cabinet meeting on November 19, 1921, and approved. At the meeting, to the sector for Sutras was given a building where Kozin was staying, also 3000 lang silver were given for the current expenses of the institute. He was a well-known scholar and educator who has held this difficult post of a General secretary for 11 years since the appointment of count Jamyan as a minister of the Ministry of Finance. In addition, he worked as a translator for the Russian government in the early 20th century.

According to Article 1 of the “First Resolution of the Conference of Economic and Military Sub-Commissions” of March 31, 1925, economic terms such as finance and accounting, business, and trade should be written in Russian and Mongolian, so the officials and translators of the economic institutions should review and bring them to the next meeting of the sub commission as much as possible. This indicates that the sub commissions have begun to emphasize the importance of deriving terms from the Russian language.

It was obvious that the Institute of Literature and Scripts worked with the Buryat Committee of Science and the USSR Academy of Sciences (previously called) to exchange terms, and to conduct research on terminology and spelling. We learned about the difficulties of the terminology commission at that time and the efforts of the Buryat and Mongolian staff based on the official documents, archival documents, personal and official correspondence of that time. Archival documents show that J. Tseveen, a scholar and general secretary of the Mongolian Literary Committee, had formal and informal contacts with Buryat scholars B. Baradin and G. Tsybikov.

Bazar Baradin, a Buryat scholar, first came to Mongolia in 1925 with Vladimirtsov and two assistant professors with a field work on the outflow of Tuul and Orkhon river region. The expedition recorded Khalkha dialects and songs and prepared manuscripts for the Mongolian Literary Committee. A detailed report was published by the USSR Academy of Sciences in Northern Mongolia (2nd). In addition, a detailed diary of professor Baradin's research class and a map of the region with a scale of 5 trees per inch are available at the Museum of Mongolian Literary Committee (Монгол-Оросын... 2011: 98).

Orientalist, playwright, poet and traveler Bazar Baradin was born in 1878 in Jibhegen, Agyn province. After graduating from St. Petersburg University, Baradin traveled to Tibet and traveled to Lavran and Gumbum. After the formation of the Buryat ASSR, he was appointed the People's Commissar of Education of the Republic (1923–1926) and at the same time was approved by the chairman of the Buryat Scientific Committee (1923–1929), from which the current Buryat Institute of Social Sciences "grew" later (Ученые-исследователи... 1997: 37).

From April 20 to May 1, 1927, G. Tsybikov, a scientific secretary of the Buryat Committee of Science, was assigned to cooperate with the Mongolian Literary Committee. In a report dated October 21, 1927, on how Tsybikov worked "I did my own work, mainly looking at the books and scriptures of the State Library, and then getting acquainted with the Mongolian government and other publications. I always focused on terminology and spelling. It has been concluded that the literary and colloquial language of the Mongols has changed considerably in recent years. "...In accordance with the instructions given by the Buryat Committee, the discussion of the terminology began on May 11 and was held a total of 13 times. J. Tseveen and Bat-Ochir had a lot of work to do, so the meeting was held between 2 pm and 5 pm. These two members of the Mongolian Literary Committee were regular participants in the terminology conference. "...The Mongolian Literary Committee is starting its activities 1. We are establishing a museum and library and developing scientific terms. 2. Training for monks. At the beginning of the year, there were 10 people, but at the end there are 4-5" (Монгол-Оросын... 2011: 61). Here might be talking about the course of Sanskrit terms. As for Mongolian terminology, it should be noted that both the Mongolian Literary Committee and the Mongolian People's Party want and accept the development of terminology. They even developed a program in 1924 (according to the protocol of the Institute, which I brought with me). It should be noted that the Committee is not reluctant to accept all European terms, but will initially provide a complete explanation of how many Mongolian terms are understood. Don't be afraid of the extra words that are explained, because those words will eventually disappear as you learn European terms.

Tsybikov Gombojav Tsebekovich was born in 1873 in Urd Aga, Aga district, and graduated from a gymnasium in Chita. Graduated from Tomsk University, Faculty of Medicine. He entered the Chinese-Mongolian-Manchu department of St. Petersburg University in 1895 and graduated in 1899. At the request of the Russian Geographical Society, he traveled to Tibet from April 1899 to April 1902. He was one of the founders of the Buryat Sciences Committee and served as its scientific secretary from 1924 to 1928 (Чимитдоржиев 2004: 105). Interestingly, B. Baradin and G. Tsybikov both graduated from St. Petersburg University and both traveled to Tibet.

Three years after Baradin's return from Mongolia, on January 3, 1928, the Mongolian Literary Committee of the People's Republic of Mongolia sent a letter to the Academy of Sciences of the USSR in Buryatia requesting Baradin to participate in ethnography and archaeological expedition. Archaeological research class to be organized in the summer of 1928. The official letter says, "We are planning to organize an ethnographic-archeological expedition at the outflow of the Onon River this summer. The expedition will be led by Jамян, the director of our Institute. It would have been great if Baradin had taken part in the expedition. This is because the purpose of the unit is to continue the previous work of Baradin and Vladimirtsov. Therefore, on behalf of the Mongolian Literary Committee, please accept my request to the Committee of Science of the Autonomous Republic of Buryatia of the USSR to appoint Baradin for two months to participate in our planned research class. We will cover the cost of his stay in Mongolia and pay for his return trip. Your party will only pay for the passport to travel to Ulaanbaatar. Scientific Secretary Ts. Jамсран (Монгол-Оросын... 2011: 107). Following this official letter, J. Tseveen wrote a personal letter to Bazar Baradin on January 25, 1928.

More about following letter states "...Since you left, the State Commission for Terminology has fallen into a deep sleep, and one of them is trying to start something drowsy, but it hasn't been long. Lately, all the useless people have woken up and gone to work. The math group wrote, "We've been arguing for days about the terms

'units' and 'quantities,'" indicating that Baradin was involved in the study of Mongolian terminology. In a letter dated October 21, 1928 from Ts. Jamsran to F. S. Oldenburg, it was mentioned that M. I. Tubyansky was working on the terminology at that time. In the letter "On cooperation in the study of Mongolia from a scientific point of view", he wrote: It would be good to give Tubyansky a chance to finish his Sanskrit term course and continue terminological networking" that is. (Монгол-Оросын... 2011: 73). This is a testament to the fact that Sanskrit terminology, which is common in traditional Oriental writing terms, has also been studied. In a letter written by G. Tsybikov to J. Tseveen on January 27, 1928 "I am making a orthography dictionary and a glossary of terms for my friendd Rinchin Gombo. I plan to send him to Ulaanbaatar and the countryside in March," he wrote. The dictionary of terms mentioned here is the "Russian-Mongolian terminological dictionary" published in 1928 in Ulaan-Ude edited by G. R. Rinchine and written foreword by B. Baradin. It is a dictionary of about 2,000 words and was compiled by a terminology commission consisting of G. Rinchino (head), B. Baradin and G. Tsybikov of the Buryat Institute of Science, as well as Buyannemekh from Mongolia (Бурят-Монгольский... 2017: 118). G.Tsybikov, the scientific secretary, agreed to cooperate in compiling this dictionary during his visit to Mongolia in 1927. This dictionary was one of the most effective works of Buryat-Mongolian scholars on unifying terms and translating new terms into Mongolian.

During this time, Buryat and Mongolian scholars not only collaborated on terminology, but also discussed about the usage of writing system, exchanged experiences, and developed a textbook.

Bibliography:

Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929) / Авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. Ж. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 248 с.

Ученые-исследователи Бурятского института общественных наук СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 247 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Кто мы бурят-монголы? Улан-Удэ, 2004. 129 с.

Гэрэлмаа Г., Шинэбаяр О., Мөнхцэцэг Н., Бат-Эрдэнэ С. Монгол нэр томъёо судлалын товчоон. I. 1924–2014. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 158 т.

Монгол-Оросын шинжлэх ухаан, соёлын харилцаа (1921–1960) Архивын баримт. Улаанбаатар, 2011. 270 х.

Пүрэвжав Э. Судар бичгийн хүрээлэнгийн суурийг тавилцсан их эрдэмтэн Жамсраны Цэвээн // Эх хэл бичиг. 2021. № 4 (36). 15–22-р тал.

РАЗДЕЛ 9
ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI: 10.53954/9785604788981_508

Дондуков Бато Цыренович
Ph.D
Улан-Удэ, Россия
dondukovb@gmail.com

БУДДИЙСКИЕ СООБЩЕСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Статья посвящена анализу изменений, произошедших в буддийских сообществах России в связи с пандемией COVID-19. В частности, рассматривается как режим социального дистанцирования приводит к переходу буддийской деятельности в онлайн среду. Изучается аргументация буддийских лидеров касательно интернет-трансляций буддийских практик и учений, а также феномен онлайн сбора средств на содержание храмов и центров. Отмечается, что в условиях глобального кризиса вопросы поиска новых последователей уступили проблемам, связанным с экологией. Другими словами, вопросы развития экологического сознания становятся приоритетной задачей мировых буддийских лидеров.

Ключевые слова: буддийские сообщества России, пандемия COVID-19, интернет, экологическое сознание.

Dondukov Bato Tsyrenovich
Ph.D
Ulan-Ude, Russia

BUDDHIST COMMUNITIES OF RUSSIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

The article is devoted to the analysis of changes that touched the Buddhist communities of Russia due to the COVID-19 pandemic. In particular, the author studies how social distancing influenced the transition of Buddhist activities to the online space. The argumentation of Buddhist leaders regarding the Internet broadcasts of Buddhist practices and teachings, as well as the phenomenon of online fundraising for the maintenance of temples and centers are considered. It is noted that in the context of global crisis, the issues of finding new followers have given way to problems related to the environment. In other words, the development of ecological consciousness is becoming a priority for global Buddhist leaders.

Keywords: Buddhist communities of Russia, COVID-19 pandemic, Internet, ecological consciousness.

В 2020 г. пандемия коронавируса затронула все группы людей, не остались в стороне и буддийские религиозные сообщества России. Так, из разных буддийских регионов страны поступали сообщения о том, что буддийские ламы заболели коронавирусом. В июне 2020 г. буддийский мир потрясла новость о смерти от коронавируса Хамбо-ламы Тувы (глава буддизма Тувы) Бакшы Джампел Лодоя, которому было 44 года. Данный случай напомнил как духовенству, так и мирянам об ответственном отношении к живым контактам. В условиях, когда посещение буддийских храмов и общественных мест стало рискованным, а в некоторых случаях попросту невозможным, буддийские общины и лидеры начали активнее переходить в онлайн среду (Гаврилова, Жиронкина 2020; Shoji, Matsue 2020).

Сайт Центра тибетской культуры и информации savetibet.ru является одним из наиболее популярных новостных ресурсов тибетского буддизма. Сегодня на сайте можно увидеть, что подавляющее число заголовков новостной ленты содержит оповещения об учениях и посвящениях онлайн, проводимых разными учителями. И если раньше посвящения через Интернет вызывали множество споров среди учителей и последователей, то с приходом пандемии COVID-19 мы не нашли дискуссий по этому вопросу. Такое состояние дел, скорее всего, говорит о том, что в новых условиях пандемии данный вопрос

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00412 «Экологическая этика буддизма».

считается решенным. Более того, посвящение стало допускаться уже не в режиме трансляции, а в режиме просмотра записи в любое время.

Так, в объявлении о посвящении Авалокитешвары, которое проводилось Его Святейшеством Далай-ламой IV 29–30 мая 2020 г., говорится следующее: «Самое важное для получения посвящения – это мотивация. Те, кто по какой-то причине не сможет принять участие в прямой трансляции, смогут получить посвящение, посмотрев трансляцию в записи, при условии правильной мотивации» (Запись прямой трансляции). Таким образом, можно предположить, что в современной интерпретации энергия, передаваемая от учителя к ученику, не передается в рамках общего физического пространства и времени, а скорее является неким внутренним качеством, которое зарождается у созревшего к получению посвящения индивида при просмотре записи. Из приведенной цитаты можно заключить, что при неправильной мотивации посвящение не происходит, а значит, ответственность за получение онлайн-посвящения теперь возлагается на самих учеников.

В процессе изучения удалось зафиксировать еще одну сторону последствий глобального кризиса. Впервые на сайтах российских буддийских общин появились объявления об онлайн-сборах пожертвований на содержание дхарма-центров и храмов. Так, Санкт-Петербургский дацан Гунзэнчойнэй объявил о сборе средств на оплату коммунальных услуг в связи с отсутствием посетителей из-за пандемии. Община буддизма Тхеравады «Буддавихара» также разместила объявление о сборе средств на содержание центра. Другими словами физическое посещение центров и храмов служит источником финансирования данных институтов, а значит, чрезмерный уклон в онлайн-сервисы может привести к невозможности существования реальных центров, что, на наш взгляд, является сдерживающим фактором использования Интернета буддийскими сообществами. В целом, мы видим, что общины освоили методы онлайн-сбора средств. Однако, очевидно, что данные методы не могут в эквивалентном размере удовлетворять всем потребностям буддийских центров.

Таким образом, если до пандемии использование Интернета допускалось, но подвергалось ограничениям со стороны разных лидеров, то новая ситуация спровоцировала резкий всплеск использования Интернета, сопровождающийся упрощением и адаптацией буддийских практик. С одной стороны, можно предположить, что адаптация происходит из-за потребности в постоянном контакте с последователями. С другой стороны, заявления буддийских лидеров касательно пандемии показывают и другой важный аспект. Продвигая онлайн-практики, буддийские учителя подчеркивают важность социальной дистанции и изоляции. Далай-лама отмечает, что «у сострадательного или созидательного поступка, – будь то работы в больницах или просто соблюдения социальной дистанции, – есть потенциал оказать помощь многим» («Молитв недостаточно»). Другими словами, продвигая онлайн-формат учений, буддийские учителя пытаются призвать людей беречь свои и чужие жизни, способствовать сохранению людьми социальной дистанции, что в данной ситуации становится необходимой мерой и допускает упрощение практик.

Данному выводу также способствует и то, что видные лидеры буддизма сегодня сосредотачивают внимание не столько на расширении круга последователей и распространении буддийских практик, сколько на глобальных проблемах, преимущественно связанных с экологией. Будучи неантропоцентричной религией, буддизм поддерживает этические принципы взаимодействия с миром природы, уважения и сострадания ко всем живым существам, что во многом соотносится с идеями современных экологических движений. Далай-лама в своих обращениях по поводу пандемии подчеркивает обеспокоенность экологическим состоянием земли, в частности, в связи с колоссальными изменениями климата¹. XVII Кармапа Орьян Тинлей прикладывает множество сил для продвижения созданного им экологического движения «Хорьюг».

Российские общины не остаются в стороне: буддийская ассоциация «Арья Сангха» обратила внимание на экологические проблемы и организовала в феврале 2021 г. международную онлайн-конференцию «Байкал – чистая чаша планеты».

Другими словами, если до пандемии благоприятные условия в мире позволяли сосредоточить внимание на расширении общин и распространении буддийских практик, то в условиях глобального кризи-

¹ Специальное послание Его Святейшества Далай-ламы в связи с пандемией коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! Тибет, Далай-лама, буддизм. 2020, 30 марта. URL: <http://savetibet.ru/2020/03/30/dalai-lama-news.html> (дата обращения: 30.01.2021).

са вопросы выживания и развития экологического сознания стали приоритетной задачей мировых буддистских лидеров. В данном случае использование интернет-пространства для распространения экологических ценностей на широкие слои общества становится достаточно перспективным и важным путем духовного развития.

Нужно отметить, что религиозные правила оказались достаточно гибкими в условиях радикальных внешних перемен, вызванных пандемией коронавируса. Мы видим, что буддистские сообщества не консервативны, они готовы к трансформации традиционных практик, если это в какой-то мере способствует улучшению ситуации в мире. Тем не менее, несмотря на то, что цифровизация буддизма в России за последние два года резко выросла, многие изменения и распространение цифровой деятельности могут носить временный характер как способ преодоления социальной изоляции.

Литература:

Гаврилова Ю. В., Жиронкина М. А. Религии в условиях пандемии COVID-19: опыт России // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 36–40.

Запись прямой трансляции. Далай-лама. Посвящение Авалокитешвары. 2020, 18 мая. [Электронный ресурс] // URL: <http://savetibet.ru/2020/05/18/dalai-lama.html> (дата обращения: 30.01.2021).

«Молитв недостаточно». Далай-лама о том, почему мы должны бороться с коронавирусом с состраданием Тибет! 2020, 15 апреля [Электронный ресурс] // Сохраним URL: <http://savetibet.ru/2020/04/15/dalai-lama.html> (дата обращения: 30.01.2021).

ShojiR., Matsue, R. Digital spirituality as paradigm shift? Religious change during the COVID-19 epidemics in Brazil. SSRN. 2020. July 13 [Электронный ресурс] URL://URL: <https://ssrn.com/abstract=3650566> (дата обращения: 01.02.2022).

*Марсадолов Леонид Сергеевич
доктор культурологии
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия
marsadolov@hermitage.ru*

О ЕДИНСТВЕ САКРАЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ У ХУННУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Археологи детально изучили погребальный обряд хунну, конструкции больших и малых могильных сооружений, но мы очень мало знаем об уровне сакральных и научных знаний этого исторического периода на территории Центральной Азии. В эпоху бронзы и в скифское время на древних святилищах были заложены основы сакральных знаний по астрономии, календарю, культам Неба и Земли. В своей повседневной и сакральной деятельности, при разметке изображений и предметов хунну использовали прямоугольник и квадрат, равносторонний и равнобедренный треугольники, параллелограмм и ромб, трапецию, прямой угол, круг, прямой и косой крест, «золотое» сечение; «ступенчатую пирамиду» и другие фигуры. Изучение наиболее ценных достижений прошлого всегда будет важным для осознания значимых путей в настоящем и будущем.

Ключевые слова: Центральная Азия, Забайкалье, хунну, сакральность, наука.

*Marsadolov Leonid Sergeevich
Doctor of Sciences in Culture Studies
The State Hermitage Museum
Saint Petersburg, Russia*

ON THE UNITY OF SACRED AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE THE XIONGNU OF CENTRAL ASIA

Archaeologists have studied in detail the funeral rite of the Xiongnu, the designs of large and small grave structures, but we know very little about the level of sacred and scientific knowledge of this historical period in Central Asia. In the Bronze Age and in the Scythian time, the foundations of sacred knowledge on astronomy, the calendar, the cults of Heaven and Earth were laid in ancient sanctuaries. In their daily and sacred activities, when marking images and objects, the Xiongnu used a rectangle and a square, equilateral and isosceles triangle, parallelogram and rhombus, trapezoid, right angle, circle, straight and oblique cross, "golden section", "stepped pyramid" and other figures. The study of the most valuable achievements of the past will always be important for understanding significant paths in the present and future.

Keywords: Central Asia, Transbaikalia, Xiongnu, sacredness, science.

В настоящее время учеными хорошо изучены социальная организация хуннского общества, городища и могильники рядовых и знатных кочевников хунну Забайкалья (Коновалов 1976; Крадин 2002; Крадин, Данилов, Коновалов 2004; Данилов 2004).

Обычное представление о древних кочевниках Центральной Азии и Восточной Европы (часто основанное на письменных источниках оседлых народов) – это грубые, безжалостные воины, проводившие на коне в военных походах почти всю жизнь или пасшие скот в обширных степных долинах, постоянно переходившие на новые места. Вопреки этому стереотипу, не только в оседлых цивилизациях, но и у кочевников были свои выдающиеся, а ныне безымянные, политики, воины, художники и мудрецы. У кочевников были свои поселения, городища, курганы, святилища и культовые места.

Титул персидского царя Дария (середина I тыс. до н.э.) гласил:

*«Я Дарий, Великий Царь, Царь Царей,
Царь народов, Царь этой земли,
сын Гистаспа, Ахеменид».*

Этим титулом подчеркивалась особая *социальная и наследственная* роль повелителя большого числа покоренных народов.

Весьма показателен другим отношением к окружающему миру титул кочевого правителя хунну (последняя четверть I-го тыс. до н.э.):

*«Рожденный Небом и Землею,
поставленный Солнцем и Луною,
Хуннский Великий шаньюй ...»* (Бичурин 1950: 58).

В этом титуле звучит близость к Природе, Космосу, Богам и заложены как минимум 3 важных доминанты: *пространственная* – Небо (верх) и Земля (низ); *временная* – Солнце (день) и Луна (ночь) и *социальная* – Великий Шаньюй (правитель) над кочевниками хунну (Марсадолов 2018).

Сакральные мировоззренческие представления часто взаимосвязаны с понятиями о Небе, звездах, а также о сакральной жизни богов, людей и животных. В жизни кочевников значительное место занимал так называемый «звериный стиль» как универсальная система символов реальной и сакральной действительности, основа для древних календарей и мифов, отраженных в образах хищных зверей, копытных животных, птиц, рыб, змей и различных «мифических» образов.

Сакральное – приобщение к Божеству, прикосновение к тайне Бога, высокий уровень обобщения наблюдаемого явления, с одной стороны, связанный с тайной божественного вдохновения, озарения, откровения, созерцания и обожествления, а с другой стороны, имеющий важное значение для практической деятельности человека. Многое из того, что для нас сейчас самоочевидно и обыденно, долгое время было сакрально и священо: *Гора* (мировая, родовая, индикатор погоды), *Древо* (мировое, жизни, познания, родовое), *Вода* (живая и мертвая), *Огонь* (священный и адский), *Небо* (сакральное, твердое, воздушное, доброе и грозное) и т.д.

Сфера сакральности предполагает наличие сложного пантеона богов, божественную предопределенность власти правителя или жреца, иногда в одном лице – вождь-жрец или вождь-шаман, а также духовное и материальное взаимодействие божества, человека и природного окружения, основанные на сложных обрядах, познании в астрономии, нумерологии, метрологии, геометрии, медицине и сакральном «ландшафтоведении» (фэн-шуй).

Возможно, шаманизм на Алтае и в других регионах значительно укрепился именно в хуннское время, как считал этнограф Л. П. Потапов (1991: 116). Несомненно, что жреческие культы и знания II–I тыс. до н.э. были частично переданы шаманам, но следует отметить, что с начала I тыс. до н.э., в этом регионе значительно уменьшилось число как крупных сакральных центров и мегалитических объектов, так и стационарных пунктов для астронаблюдений и фиксации астрознаний, потому что к этому времени в Центральной Азии уже сложились сакральные представления о циклическом Времени, сформировался зодиакальный календарь, поэтому постоянные астронаблюдения стали не такими актуальными и зоокалендарь стал восприниматься как проверенный временем.

Китайские историки зафиксировали, что в хуннское время правитель-шаньюй *«утром выходит из лагеря поклоняться восходящему солнцу, ввечеру поклоняться луне. Он сидит на левой стороне лицом к северу ... Предпринимают дела, смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают»* (Бичурин 1950: 50).

Вышеприведенный текст свидетельствует о знании хуннами не только астрономии, но и медицины. Как установили современные биологи и медики, в полнолуние поднимается давление в крови, возрастает активность и возбужденность человека, его способность к трате накопленных сил, а при «ущербе луны» – замедляется обмен веществ, убывают силы, часто наступает апатия и вялость.

Древние жрецы и шаманы, по образному выражению Дж. Фрэзера, своеобразные «ученые древнего мира», могли показать рядовым кочевникам наиболее важные созвездия и обучить их основам астрономических и математических знаний, прежде всего, при подготовке и проведении ритуальных действий.

В хуннских памятниках Забайкалья найдены большие поясные каменные пластины – пряжки-застежки с прочерченными рисунками, а иногда и вставками из цветных пород камня и перламутра. Насечки на каменной поясной пластине из Дырейстуйского могильника (Миняев 1998), вероятно, можно интерпретировать как нанесение на ее лицевой поверхности счетных меток от 1 до 5, прочерченных последовательно снизу вверх и отделенных друг от друга более длинными, косо расположенными вертикальными или горизонтальными черточками (рис. 1: 1).

На альчиках баранов из Иволгинского городища выявлено большое число разнообразных знаков,

насечек и линий, часть из которых неоднократно повторялась (Давыдова 1995: табл. 184). Расположив эти альчики по мере возрастания числа нанесенных на них линий-насечек, можно предположить, что они отражали числовой ряд (рис. 1: 3). Если можно сомневаться в случайности отдельных линий на альчиках, то трудно отрицать заданность определенного числа ямок на литых бронзовых подвесках (рис. 1: 2). Сама форма таких подвесок удобна для их «нанизывания» на ремешок, а прорезь в нижней части могла использоваться не только для облегчения веса предмета, но и для перемещения по тонкой дощечке или костяной пластинке.

Хотя счетные единицы хуннов от 1 до 10 близки по написанию к древним китайским цифрам (рис. 1: 4, *A и B*; Березкина 1980), эта проблема не может быть сведена только к простому заимствованию цифр у более высокоразвитой цивилизации, тем более, что в Сибири близкие счетные единицы отмечены еще с эпохи бронзы. Соприкосновения народов с различными уровнями социальной организации общества и мировоззрений способствовали взаимопроникновению и взаимообогащению разных по происхождению культур. Счисление единицами было достаточным для практических нужд хунну, но, по китайским письменным источникам, известны и более крупные счетные цифры, которые использовались в военной и социальной структурах хуннского общества – десятские, сотские, тысячные и др. (Таскин 1973: 14).

Уровень познания в геометрии у хуннов можно реконструировать, исходя из разметки и последовательности нанесения точек и линий на изделия (рис. 1: 5). На пластине из Иволгинского могильника вершины двух пересекающихся треугольников были сдвинуты вверх и вниз (рис. 1: 6). Вершины двух треугольников и две точки пересечения верхних частей их боковых сторон образовали равносторонний ромб, что в целом придало рисунку больше динамизма.

На бронзовой пряжке из самого богатого погребения № 100 Иволгинского могильника (Давыдова 1996) показана не просто борьба реальных и фантастических существ, но и пространственно-временные представления хуннского времени. Точки перехода от Зимы к Весне и от Осени к Зиме, выпадающие на дни весеннего и осеннего равноденствия, хорошо осознавались и выделялись у многих народов еще в древности. Весна и осень – переходные сезоны от света к тьме, так как весной удлиняется световой день, а осенью, наоборот, начинает сокращаться. Астрономы древнего Китая связали вместе времена года и стороны света, а восходы и заходы Солнца отождествили с крупными зодиакальными созвездиями и дали им имена – Птицы, зверя (Тигра), человека и фантастического животного – Дракона. На Иволгинской поясной пластине через образы животных показан своеобразный небесный «круговорот», смена времен года. На основной горизонтальной линии равноденствия с главенствующим Драконом (Весной) один Тигр (Осень) нападает на Дракона спереди. Другой Тигр терзает Дракона сзади, что, вероятно, обозначало неизбежный новый приход Весны. Следовательно, изображения на ряде поясных пластин имели не только художественно-эстетический смысл, но и отражали глубокие сакральные и научно-календарные представления своего времени.

В заключение следует отметить, что археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне познаний древних кочевников Сибири в математике (счете и геометрии), планиграфии и астрономии (Марсадолов 2007). Навыки в геометрической разметке кочевники применяли не только для создания простых и сложных композиций при украшении бытовых и культовых предметов, но также при сооружении временных и постоянных поселков, жилищ, некрополей, храмов, алтарей и для многих других целей. Главное достоинство суммы древнего знания в том, что оно было более целостным, духовно-природным, а не раздробленным, как в современности. Изучение многотысячелетнего опыта кочевых народов Евразии актуально и в современных условиях в связи с возрождением интереса к древним культурам.

Литература:

- Березкина Э. И. Математика древнего Китая. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 382 с.
- Давыдова А. В. Иволгинское городище. СПб.: Фонд «Азиатика», 1995. Т. 1. 94 с. + 188 табл.
- Давыдова А. В. Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. Т. 2. 176 с.
- Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.

Крадин Н. Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.

Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

Марсадолов Л. С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 гг.: материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. 278 с.

Марсадолов Л. С. Преемственность в знаковых и изобразительных системах на Саяно-Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. Вып. 2. С. 278–286.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Фонд «Азиатика», 1998. 233 с.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука ЛО, 1991. 321 с.

Таскин В. С. Предисловие // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, 1973. С. 3–17.

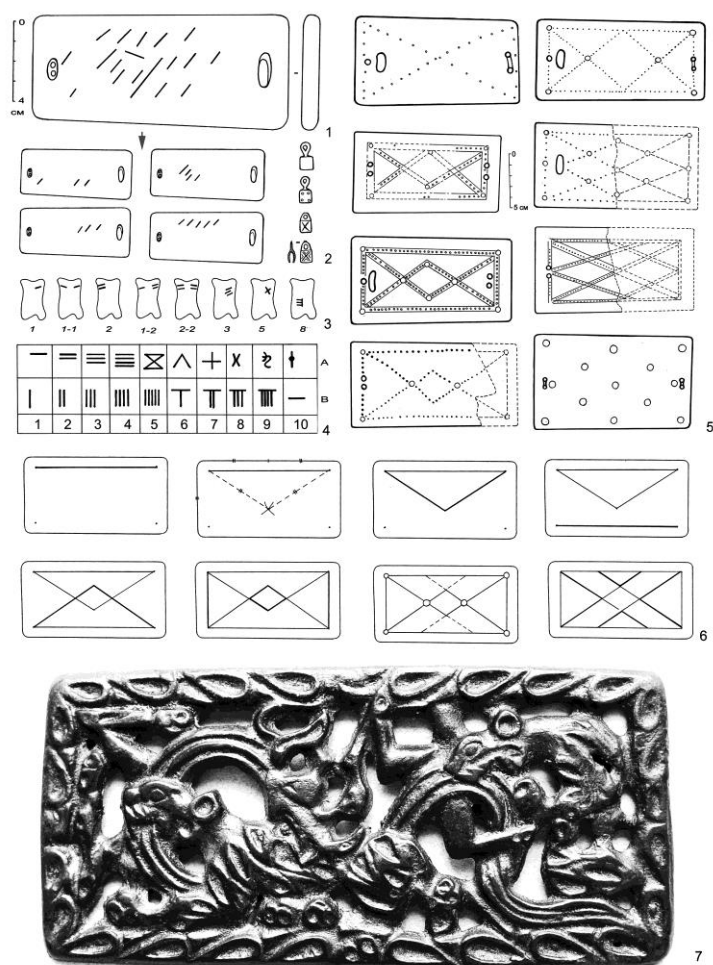

Рис. 1. Отражение счетных, геометрических и образных знаний на предметах хунну.

Счет: 1 – на каменной поясной пластине из Дырестуйского могильника, погр. № 114 (последовательное нанесение счетных меток от 2-х до 5-ти); 2 – на бронзовых подвесках из Иволгинского могильника, погр. № 133; 3 – на альчиках барана из Иволгинского городища; 4 – написание цифр в Китае (А – на гадательных костях, утвари и монетах XIV–III вв. до н.э.; В – II в. до н.э. – XII в. н.э.); *геометрия:* 5 – прорисовки каменных поясных пластин из Забайкалья; 6 – реконструкция последовательности нанесения линий и ямок при создании сложного геометрического рисунка на каменной пластине из Иволгинского могильника, погр. № 139; 7 – бронзовая пластина из Иволгинского могильника, погр. № 100 с изображениями борьбы дракона с тиграми.

ИЗУЧЕНИЕ БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РЕЛИГИОЗНЫХ ДАЦАНАХ И СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МОНГОЛИИ

Автор рассматривает различия в изучении буддийской философии в монгольских традиционных школах-дацанах и в современных научных учреждениях.

Ключевые слова: монгольская философия, буддийское образование, исследование буддизма, программа буддийская философия.

Magsarjav Gantuya

Sc.D

Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

THE STUDY OF BUDDHIST PHILOSOPHY IN RELIGIOUS DATSANS AND MODERN SCIENTIFIC INSTITUTIONS OF MONGOLIA

The author examines the differences in the study of Buddhist philosophy in Mongolian traditional schools-datsans and in modern scientific institutions.

Keywords: Mongolian philosophy, Buddhist education, Buddhist studies, Buddhist philosophy program.

С XVII в. в Монголии создавалось большое количество буддийских монастырей, в которых сотни молодых людей получали буддийское образование. Монастыри стали культурными, образовательными, художественными и научными центрами того времени. При них учреждались буддийские учебные центры – дацаны (тиб. *grwa tshang*), где велось системное обучение буддизму. Во время начала распространения буддийских дацанов на территории Монголии обучение лам-студентов проходило на монгольской и тибетской письменности, буддийские источники переводились на монгольский язык, в некоторых монастырях молебны также велись на монгольском языке. Однако в дальнейшем все обучение и религиозные обряды стали проводиться только на тибетском, а тибетский язык стал языком монгольской духовности.

В тибетских и монгольских школах-дацанах любой предмет преподается на основе принятых школой основных учебников *игча* (тиб. *yig cha*). Это основные философские комментарии, разработанные мастерами школы Гелугпа в основном в XVII в. Трактуют смысл буддийской философии, они представляют собой самый сложный учебник в буддийской системе преподавания философии и подразумевают уникальный метод получения теоретических знаний посредством обсуждения философских вопросов, интерпретирующихся в *игча*.

В связи с тем, что ученики тибетских мастеров Цонкапы¹, Джалцавджи² и Хайдавджи³ получили учения от этих первых учителей отдельно, при монастырских университетах Гелугпы появились три основные *игча* Сера, Гунчен и Панчен, придерживающиеся учения только своих учителей.

Систему религиозного образования можно условно разделить на два класса: начальное и высшее. На начальном этапе обучения, примерно в 5–6 лет, мальчики-монахи могли заниматься с учителями, учили тибетский алфавит, запоминали религиозные учения, а затем по направлению наставника-ламы поступили в один из дацанов – школу или институт. В центре монгольского буддизма Их Хурэ были созданы различные религиозные дацаны, такие как Дэчингалба-Калачакра-дацан в 1739 г., Дашичоймпэл-дацан

¹ rJe Tsong kha pa bLo bzang Grags pa (1357–1419) “gSer Phreng”.

² rGyal tshab rJe Dar ma Rin chen (1364–1432).

³ Mkhas-grub Dge-legs-dpal-bzañ-po (1385–1438).

как школа буддийской философии (тиб. *tsanid*) тибетского направления Гоман в 1756 г., Медицинский дацан в 1779 г., Джуд, или тантрический дацан Гунгаачойлин-дацан в 1809 г. и центральный монастырь Гандан в 1838 г., который являлся главным университетом монгольского буддизма.

При получении высшего буддийского философского образования студенты изучали пять дисциплин или пяти томов Чойра: 1) логика (монг. *Шалгадаг ухаан*, тиб. *tshad ma*) – 4 года; 2) Праджняпарамита (монг. *Билиг барамид*, тиб. *phar phyin*) – 4 года; 3) Мадхьямика (монг. *Төв үзэл*, тиб. *dbu ma*) – 2 года; 4) Виная (тиб. *'dul ba*) – 1 год; 5) Абхидхарма (монг. *Илт ном*, тиб. *rtsod*) – 2 года.

Среди монгольских монахов было много ученых лам, превосходно овладевших этими пятью дисциплинами буддийской философии. Появление ученых монахов в монгольском обществе было новым явлением в XVII вв. Они сыграли значительную роль в культурной, образовательной и духовной жизни Монголии. Выдающимися учеными ламами были созданы многотомные сочинения и комментарии. Среди них такие мудрецы, как Ундур-гэгэн Дзанабазар (1635–1723), Лувсанданзан Гьялцен (1639–1704), Дарба-пандита Лувсансодовжамц (1637–1702), Сумба-хамбо Ишбалджир (1704–1788) из Кукунора, Зая-пандита Лувсанпринлей (1642–1715), Алша-лхарамба Агваандандар (1759–1842), бурятский лама Лувсандамба-Дамбадаржа (родился в 1734 г.), Цахар-гэбши Лувсанчултэм (1740–1810), Цэмбэл-гуш, Дармадала, Дандар-аграмба, Джамьянгарав (в начале XX в.) и др. Они строго придерживались ключевых понятий буддийского учения, комментировали первоисточники, написанные древними индийскими и тибетскими мудрецами по пяти основным и пяти малым дисциплинам. Для тщательного изучения и понимания буддийских текстов монголы составили много словарей и энциклопедий. К наиболее известным авторам следует отнести Гунгаджамцо, Гун-Гомбоджава, Алша-Дандар-лхарамбу и Чоймбил-тойна. Также большое значение имеет энциклопедия тибетско-монгольских терминов «Страна мудрецов», содержащая термины всех десяти буддийских наук.

В современной Монголии исследования буддийской философии в основном проводятся отделом религиоведения Института философии Монгольской академии наук. В 1970-х гг. в институте начались исследовательские работы по инициативе и под руководством академика Ч. Джугдэра, которые легли в основу развития комплексного изучения монгольской буддийской философии. Академиком Ч. Джугдэр был написан труд «Философская мысль З. Агваанбалдана» (Жүгдэр 1978), в котором была представлена система традиционного обучения буддийской философии в примонастырских философских школах-дацанах.

Академиком Г. Лувсанцэрэн, доктором Т. Содномдаргиа и доктором Г. Лхагвасурэн была написана коллективная монография «Буддийские философские течения» (Лувсанцэрэн и др. 1985), которая является первым современным научным исследованием в области буддийской философии в Монголии. С этого времени началось исследование пяти томов Чойра, которое с 1990-х гг. было интегрировано в обучение буддийской философии в Монгольском государственном университете. В частности, на кафедре религиоведения, открытой там в 1999 г., началась разработка современных учебных программ по пяти томам Чойра с целью возрождения традиционного буддийского дацанского обучения в современной научной обработке.

Современные монгольские исследователи буддийской философии уделяют большое внимание публикации буддийских философских источников на кириллице. Начато издание серии источников по буддийской философии, в которую входят труды древнеиндийских классических философов Васубандху, Вимуктасены, Дигнаги, Дхармакирти, Асанга и Нагарджуны.

В настоящее время исследование буддийской философии в Монголии проводится по следующим основным направлениям:

1. переиздание на кириллице основных философских источников, содержащихся в монгольском Ганджуре и Данджуре, для обучения и изучения современными монгольскими исследователями;
2. выявление и перевод тибетоязычных комментариев монгольских авторов;
3. изучение структурных и семантических особенностей трудов, написанных монгольскими мудрецами;
4. исследование влияния буддийской философии на интеллектуальную культуру монголов.

Литература:

Жүгдэр Ч. З. Агваанбалдангийн гүн ухааны үзэл. Улаанбаатар: УБ ШУАХ, 1978. 118 х.

Лувсанцэрэн Г., Содномдаргиа Т., Лхагвасурэн Г. Буддын философийн урсгалууд. Улаанбаатар, 1985.

Ооржак Байлак Чаш-ооловна
доктор филологических наук
Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия
oorzhak.baylak@mail.ru

Адыгбай Чечек Ондаровна
кандидат философских наук
Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия
adygbay@yandex.ru

ВКЛАД ЛАМЫ ГЕШЕ ЛОБСАНГ ТХУПТЕНА В ВОЗРОЖДЕНИЕ БУДДИЗМА В ТУВЕ

В статье речь идет о личности тибетского учителя и просветителя геше Лобсанга Тхуптена, который более 20 лет жизни посвятил делу возрождения буддизма в Туве. Геше Лобсанг Тхуптен, сохраняя и развивая буддийские традиции, стремился адаптировать для современников важные ключевые знания буддийского учения, связывал их с повседневной жизнью людей, делая их доступными для осознанного их понимания верующими. Он написал серию книг «Чырык дуза» (Светлая помощь). По его инициативе и непосредственном участии проходили в республике важные буддийские мероприятия, он проводил лекции, занимался переводами буддийских книг на тувинский язык, регулярно работал с учеными и СМИ. Геше Лобсанг Тхуптен занимал активную жизненную позицию и служил примером настоящего ламы, живущего в современном мире.

Ключевые слова: буддизм, Тува, лама Лобсанг Тхуптен, возрождение буддизма.

Oorzhak Baylak Chash-oolovna
Doctor of Sciences in Philology
Tuva State University
Kyzyl, Russia

Adygbay Chechek Ondarovna
Candidate of Sciences in Philosophy
Tuva State University
Kyzyl, Russia

LAMA GESHE LOBSANG THUPTEN'S CONTRIBUTION TO THE REVIVAL OF BUDDHISM IN TUVA

The article deals with the personality of the Tibetan teacher and educator Geshe Lobsang Thubten, who devoted more than twenty years of his life to the revival of Buddhism in Tuva. Geshe Lobsang Thupten, preserving and developing Buddhist traditions, sought to adapt important key knowledge of Buddhist teachings for his contemporaries, connected them with the daily life of people, making them available for conscious understanding by believers. He wrote a series of books "Chyryk Duza" (Light Help). On his initiative and direct participation, important Buddhist events were held in the republic; he gave lectures, translated Buddhist books into Tuvan, and regularly worked with scientists and the media. Geshe Lobsang Thupten took an active life position and served as an example of a real lama living in the modern world.

Keywords: Buddhism, Tuva, Lama Lobsang Thupten, the revival of Buddhism.

Нынешний 2022 г. является знаменательным для жителей Республики Тыва. В этом году отмечается великое историческое событие – 30 лет назад Туву впервые посетил выдающийся лидер всех буддистов мира Его Святейшество Далай-лама XIV, Тензин Гьятцо.

История буддизма на территории Тувы имела великолепные взлеты и затишья. После долгих лет испытаний буддизм в Туве начал свое возрождение с 90-х гг. XX в. В преддверии визита Великого Учителя – Далай-ламы XIV вместо разрушенных в 1930-е гг. начали возводиться буддийские храмы; было образовано первое буддийское общество «Алдын Богда»; начали выходить специальные газеты (Тензин 1998: 88). Так начался новый период в духовном возрождении Тувы, давший импульс многим благим действиям. Начали приезжать тибетские монахи, отправляться на обучение в буддийские монастыри Индии тувинские послушники-хуураки. Так, по приглашению, основанному на договоре между Правительством, Верховным Хуралом Республики Тыва и Его Святейшеством Далай-ламой XIV (сентябрь 1992 г.), в Туву прибыл в августе 1995 г. Досточтимый Геше Лобсанг Тхуптен.

Доктор буддийской философии Геше Лобсанг Тхуптен (1966–2021), тибетец по происхождению, родился и вырос в Индии. В детские годы он был отдан на обучение в один из крупнейших буддийских монастырей – Гаден Шарце Норлинг в штате Карнатака в Индии. В 1992 г. он завершил обучение в высшем учебном заведении традиции Гелукпа, где изучал курсы Кхарамба и Лобпон. После защиты академической степени геше в 1994 г. он преподавал в школе Самбуда в г. Катманду (Непал).

Приехав в Туву, лама геше Лобсанг Тхуптен выучил тувинский язык, начал заниматься просветительской деятельностью и вел плодотворную работу по возрождению буддийских традиций. В буддийском храме «Тувдан Чойхорлинг» он преподавал тибетскую грамматику тувинским хууракам-послушникам, направлявшимся на обучение в буддийские монастыри Индии. В 2004 г. геше Лобсанг Тхуптен основал местную буддийскую организацию «Ламрим», поддерживал тесную связь с верующими, давал им Священное Учение Будды, проводил лекции и беседы, побывал во всех уголках Тувы. Народ Тувы почтительно называл его Улуг-лама Башкы – Большой Учитель, Туптен-Башкы.

Геше Лобсанг Тхуптен, тщательно изучив древние тексты сутр на тибетском языке, написанных высокообразованными тувинскими ламами прошлого, соотнес описанные в них священные места с территорией современной Тувы и обнаружил, что указанные места сегодня входят в состав нескольких разных кожуунов (районов). Так он определил нахождение пяти главных священных мест и нескольких священных озер, исследовал их и освятил. В этом состоит особая заслуга Башкы.

Геше Тхуптен активно участвовал в организации буддийских мероприятий. По его инициативе и приложенных усилиях стал возможен приезд в 2003 г. Его Святейшества Халга Джецун Дамба Ринпоче Богдо-гегена IX для проведения Учения Калачакра-тантры в Туве. Был возведен в 2006 г. совместно с тибетскими монахами из монастырей Гьюдмед и Дрепунг Гоман и буддистами Тувы молитвенный барабан «Мани Хүртү»; выложена и освящена мантра *ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ* на горе Догээ на берегу р. Енисей. Тхуптен Башкы был также инициатором строительства 108 буддийских ступ на территории республики.

Геше Лобсанг Тхуптен написал серию книг «Чырык дуза» (Светлая помощь), очень востребованную буддистами Тувы. Учитель дает наставления по изучению буддийского Учения, приводятся священные мантры, объясняются их значения; дает практические советы по проведению обрядов; объясняются правила посещения буддийских священных объектов и святых мест. В третьей части серии «Чырык дуза-3», составленной в жанре вопрос – ответ, Башкы дает развернутые ответы на вопросы верующих, основываясь на своей личной практике, собственных выводов и анализа тувинской, тибетской традиций в истории буддийской религии. Данная серия много раз переиздавалась (1999–2021) и была переведена на русский язык (2009, 2012, 2021). В настоящее время подготовлена четвертая книга, завершающая многолетнюю неустанную работу Башкы в Туве. Он сказал: «Пусть она будет моим последним подарком моему народу!»

Башкы начиная с 2000 г. переводил с тибетского и ежегодно издавал буддийские календари с комментариями. Ему принадлежит перевод книги о жизни выдающегося учителя тибетского буддизма, знаменитого йогина Миларепа Шепа Дордже «Джецун Миларепа башкының намдары» (Жизнь Досточтимого Миларепа) (2005). Им же была переведена с русского языка, сверена с тибетскими текстами и дополнена книга Т. В. Сергеевой «Будда, или легенда о разбуженном принце» (2003). Башкы принимал участие в подготовке книг «Аас-кежиктиң алдын булаа» (Золотой источник счастья) (1999) и «Көк боостаалыг Бодхисаттва куш дугайында мерген угаадыглыг тоол» (Сказка-притча о синегорлой птице Бодхисаттве) (2011).

Башкы геше Лобсанг Тхуптен работал в соответствии с духом времени. Работал в содружестве с учеными, публиковал научные статьи (Бавуу-Сюрюн, Лобсанг Тхуптен 2000), выступал консультантом

при написании книг (Доржу 2004). Он регулярно работал с республиканскими СМИ, стремился адаптировать для современников важные ключевые знания буддийского учения. При его участии были созданы на тувинском языке: документальный фильм «Тыва черде сарыг шажын ёзулалдары» («О буддийских традициях на тувинской земле», студия «Кадр», 2008), научно-популярный фильм «Ортаа назын. Угаан медедел, сүнезин дугайында» («О состоянии между прежним и новым рождением», при содействии А. Б. Чевалкова, Новосибирск, 2010).

В повседневности Геше Лобсанг Тхуптен всегда проявлял активную гражданскую позицию, служил примером настоящего ламы, живущего в современном мире. Он был избран членом Общественной Палаты Республики Тыва (2011–2016). За заслуги в возрождении буддизма и активное участие в духовном развитии населения Достоочтимый геше Лобсанг Тхуптен был награжден государственными наградами республики: Благодарственным письмом председателя Правительства РТ «За вклад в развитие и возрождение буддизма» (2002); Почетным званием «Заслуженный работник Республики Тыва» (2005), Почетной грамотой Общественной палаты Республики Тыва «За активное участие в общественной жизни Республики Тыва» (2013). В 2021 г. Достоочтимый Геше Лобсанг Тхуптен был награжден орденом Республики Тыва.

Тибетский лама Лобсанг Тхуптен, живший в Туве более 20 лет, был удивительным человеком, обладавшим богатыми и обширными знаниями буддийского Учения, верным своему делу, с добрым, храбрым, сострадательным сердцем и богатой душой. Геше Лобсанг Тхуптен снискал народное признание и уважение за свой кропотливый труд по возрождению исторической духовной традиции, за веру, мудрость и силу духа, терпение и доброту. Все его помыслы и старания были направлены на развитие сознания, духовности и сохранение буддийской традиции, на гармонию, спокойствие и порядок во внешнем и внутреннем мире.

Литература:

Аас-кежиктин алдын булаа / сост. Д. Сундуй. Кызыл: Типография Госкомитета РТ по печати и информации, 1999.

Бавуу-Сюрюн М. В., Лобсанг Тхуптен. Использование, бытование тибетского письма в Туве // Становление и развитие науки в Туве. Ч. 1. Кызыл. 2000. С. 19–21.

Геше Джампа Тинлей. Көк боостаалыг Бодхисаттва куш дугайында мерген угаадыглыг тоол / ред. геше Лобсанг Тхуптен. Новосибирск: ООО «В-принт», 2011.

Геше Лобсанг Тхуптен. Серия книг «Светлая помощь». Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2009, 2008; Новосибирск: ООО «Печатный дом–НСК». 2021.

Геше Лобсанг Тхуптен. Серия книг «Чырык Дуза». Кызыл: ООО «Тываполиграф». 2008, 2010, 2011, 2013, 2014; 2010, 2011, 2013, 2014; 2012, 2013, 2014, 2015, 2017, 2021.

Джецун Миларепа башкының намдары. Новосибирск: ООО «Принтинг». 2006.

Доржу Ч. М. Төвүт уктуг тыва аттар. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2004.

Сергеева Т. В. Сарыг шажыннын үндезин Бурганы Будда Шакьямуни Башкыннын намдары болгаш аас-кежикти канчаар чедип алырынын өөредии (перевод с рус. яз., дополнение и переработка Лобсанг Тхуптена). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006.

Тензин Ч. М.-Х. Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. Т. 1. С. 87–93.

Сүхбат Соёлмаа

Ph.D

Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Философийн хүрээлэн

Улаанбаатар, Монгол Улс

soyolmaas@mas.ac.mn

Шагдар Ганхуяг

Ph.D

Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Философийн хүрээлэн

Улаанбаатар, Монгол Улс

gankhuyagshagdar@gmail.com

МОНГОЛЧУУДЫН УЛАМЖЛАЛ БОЛОН ОРЧИН ҮЕИЙН ШАШИН ЗАН ҮЙЛИЙН ТУХАЙД

Энэ илтгэлд зохиогч оршуулах ёслолтой холбоотой шашны зан үйлийг судалсан болно. Нэгдүгээрт, өнөөдөр Монголд шашны зан үйлийг бүрэн утгаар нь биш харин иргэний зан үйлээр сольж байна. Хоёрдугаарт, өнөөдөр Монголд ид шид-бөө-ламын гэх мэт олон талт соёлын шинэ шашин бий болсныг жишээнээс харж болно. Тухайлбал, оршуулгын үеэр хооллохтой холбоотой монгол ёс заншил, хүний бие сэтгэлээс салангид сүнс байдаг гэсэн итгэл үнэмшил, ул боов бүхий таваг идээний зан үйл зэрэг нь дээрх санааг илэрхийлж байна. Илтгэлд авсан жишээн дээр ойлголт, үйлийн гол бөгөөд цор ганц эх сурвалж болсон “Алтан хайрцаг” хэмээх үзэгдэл бол Монголчуудын метафизикийн зөрчлийг тайлсан домог болж байна.

Түлхүүр үг: Алтан хайрцаг, ид шид-бөө мөргөл-ламын шашин, иргэний зан үйл, амьдрал, үхэл.

Sukhbat Soyolmaa

Ph.D

Institute of Philosophy

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

Shagdar Gankhuyag

Ph.D

Institute of Philosophy

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

TO THE IDEA ABOUT RELIGIOUS RITUAL IN THE TRADITION AND MODERNITY OF THE MONGOLS

This report examines the religious rituals associated with the funeral. First, the author argued that religious rites, not in the full sense of course, are being replaced by civil rites today in Mongolia. Secondly, it is known from the example that today in Mongolia there is such a new multifunctional cultural religion as magic-shaman-lama. For example, the Mongolian tradition associated with eating during a funeral, the belief that there are spirits separate from the body and mind of a person, and the ritual of the Mongols baker argue and express the above idea. The phenomenon of the “Golden Box”, which was the main and only source of concepts and actions, is the myth that solves our metaphysical contradictions.

Keywords: Golden box, magic-shaman-lama religion, civil rite, death, life.

Энэ илтгэлд бид шашны өдөр тутмын туршлага, ялангуяа оршуулгын ёслолтой холбоотой буддын шашны зан үйлийн тухай цөөн хэдэн санааг хэлэх гэсэн юм. Бидний илтгэл бол шашны зан үйлийн

өнөөгийн жишээг авч байгаа утгаараа хамгийн сүүлийн үеийн мэдээлэл гэж үзэж байна. Шашны зан үйлийн тухай ихэнх илтгэл, судалгааны өгүүлэлд оршуулгын ёслолын өнгөрсөн баримтуудын тухай бичсэн байдаг.

Шашны зан үйлийн тухай сүүлийн үеийн нийгмийн судалгаагаар 1820 хүнээс 68.4 хувь нь бурхны шашинд итгэдэг байсан, одоо бас итгэдэг гэж хариулжээ (Монгол улс дахь... 2017: 89). Эдгээр тоо баримтаас харахад монголчуудын дийлэнх нь одоо ч буддын шашинд итгэдэг, ихэвчлэн буддын шашны зан үйл хийдэг нь тодорхой байна. Би саяхан ойр дотны хүнийхээ оршуулган дээр ажиглалтын судалгаа хийсэн. Эгэл жирийн бусад монгол айлын адилаар бид ойр дотны хүнээ нас барсны дараа өмнө нь таньдаг байсан нэгэн ламыг эмнэлэг рүү дуудсан. Лам нь шарил хадгалах газрын үүдэнд талийгчийн толгойд ойрхон зогсоод залбирал уншсаны дараа бид гурван удаа тойроод гарлаа. Биднийг явахаас өмнө эмнэлгээс хэн нэгэн шарилыг шарил хадгалах газраас хэзээ авах вэ гэж асуусан. Энэ нь алтан хайрцгийг онгойлгосны дараа тодорхой болно гэж бид түүнд хариулсан. Дараа нь алтан хайрцгийг онгойлгох гэж явсан хүн буцаж ирлээ. Тэгээд дөчин есөн хоног шашны зан үйл хийж, дөрвөн хоногийн дараа талийгчийг оршуулна гэж хэлсэн. Буддын шашинд талийгаач дөчин ес хоногийн дотор дараагийн амьдралаа олно гэж үздэг.

Бид талийгчийн гэрийн бүх толийг хааж, амттай бүтээгдэхүүнээр ширээ засав. Оршуулгын үед хамаатан садныг болон оршуулгын зан үйлийг голчлон ээжийн ах буюу нагац ах удирдаж байв. Энэ тухай Францын антропологич К. Леви-Стросс “Харин ч эсрэгээрээ манай нийгмийн өнгөрсөнд болон онцлог уламжлал бүхий нийгэмд эхийн ах нь гэр бүл, нийгмийн бүтцэд гол үүрэг гүйцэтгэгч байсан, эсвэл байсаар байна” (Levi-Strauss 2016: 120) гэж бичжээ. Энэхүү уламжлал нь бидэнд бараг автоматаар, анхдагч хэв маягаар (прототип) дамждаг бөгөөд тодорхой шашны итгэл үнэмшилтэй холбоогүй юм. Тэгээд бид зочдоод хоол бэлдэж эхлэв. Монголд бол оршуулгын өмнө талийгаачийн гэрт хамаатан садан, найз нөхөд нь бүгд ирж, ойр төрлийн хүмүүст нь мөнгө өгдөг. Би энэ заншлыг ёс зүй-шашны утгаар биш, харин иргэн-хүмүүнлэгийн утгаар тайлбарлаж болно хэмээн үзэж байна. Мөнгө бэлэглэвэл тухайн хүний сонгох эрхийг хүндэтгэж байна гэсэн үг. Тэгээд талийгчийг оршуулахаас гурав хоногийн өмнө садан төрлийн болон найз нөхөд нь ирж, бид тэднийг дайлж цайлсан билээ. Зочдыг хоол идэхээс нь өмнө цагаан идээ амсуулдаг уламжлалтай. Яагаад цагаан идээ вэ гэхээр зочин мах биш, цагаан идээг амсахад түүний хар санаа нь арилж, ариун бодол үлддэг гэж монголчууд үздэг. Ариун цагаан бодолтой зочид зөвхөн үүний дараа л махан хоол идэж болно. Магадгүй энэ уламжлал нь Буддын шашны арван хар нүгэл, арван цагаан буянтай холбоотой. Муу үйлдлүүдийн дунд амьтдыг алах зэрэг ордог. Бид махан бүтээгдэхүүн идсэнээр муу үйл хийсэн гэсэн үг. Тиймээс бид гэм нүглээ цэвэрлэх эсвэл арилгах хэрэгтэй. Гэхдээ Буддын шашинтнууд хэрэв та муу үйл хийсэн бол үйлийн үрд орно гэж үздэг. Харин цагаан идээтэй холбоотой энэ зан үйл нь ардын ид шидийн сэтгэлгээтэй холбоотой. Учир нь ид шидээр бол бид ямар ч муу муухай идээг эрүүл хоол болгон хувиргаж чадна. Ингэхийн тулд бид зөвхөн тусгай зан үйл хийх хэрэгтэй болдог. Мөн буддын шашинд үйлийн үрийн тойрогт орсон л бол энэ үрийг хүлээн аваагүй, амсаагүй бол үүнээс гарахгүй гэж үздэг. Үйлийн үр бол онтологийн сургаал юм. Энэ тухай будда судлаач нар бичихдээ “Буддын ертөнцийг үзэх үзэл нь зөвхөн жам ёсны зайлшгүй байдалд захирагддаг үзэгдлийн ертөнцийг л авч үздэг” (Щербатской 1995: 15), “Буддын ертөнц нь нэгнийх нь үйл хэрэг нөгөөгөөсөө үүсэлтэй байхаар зохион байгуулагдсан” (Нямдорж 1963: 37). Иймээс Буддын шашны үйл үрийн тухай сургаалийн дутмаг байдлыг ид шид нөхөж ч болох юм.

Лам бидэн дээр оршуулгын хоёр дахь өдөр дахин ирж “Лүйжин” номыг уншиж өгөв. Монголчууд өдөр тутмын амьдралдаа элдэв муу муухайгаас ариусгахын тулд “Лүйжин” уншуулдаг. Тиймээс Лүйжинг анасраваас ангижрах, өөрөөр хэлбэл сэтгэл санааг хортой нөлөөллөөс цэвэрлэхийн тулд уншдаг. Гэтэл тэр лам “бид үхэгсдийн сүнсийг амьдаас нь салгахын тулд Лүйжинг уншиж байна” гэж тэр үед хэлсэн. Сонирхуулахад, зарим судлаачид Буддын шашинд бие махбодоос салангид сүнс гэсэн дүр огт байдаггүй гэж үзжээ. Тухайлбал, философич Ү. Нямдорж “Буддын шашинтнуудын үзэж байгаагаар хүний бие, сэтгэлийг бүрдүүлдэг таван төрлийн биеийг эс тооцвол онцгой атман буюу сүнс байдаг гэж үзэх үндэслэл байхгүй. Тэдэнд ямар нэг хувирдаггүй сүнс маягийн зүйл байхгүй” (Нямдорж 1963: 32) гэжээ. Харин бусад эх сурвалжаас харахад бөөгийн шашинд бидний өвөг дээдсүүд нас барсны дараа сүнс нь онгод тэнгэрийн ертөнцөд амьдардаг гэж ярьдаг. Тэгээд бидний авсан жишээн дээр гурав хоногийн дараа даваа гаригт оршуулах цаг болсон. Алтан хайрцагаар бол энэ удаа оршуулгын газарт хэдэн хүн очих ёстойг заагаагүй, харин билгийн тооллын дагуу морь, луу жилтэй хүмүүс оршуулгын газар очиж болохгүй гэсэн юм. Зан үйлд үргэлж байх ёстой зүйл л байх ёстой, ээж нь ээж, хүү нь хүү

гэх мэт. Бид юуны өмнө амьтдад урьдчилж бэлтгэсэн цагаан идээ болон будаа өгч, “хайрхан”-даа цайгаа өргөцгөөлөө. Лам энэ тухай тайлбарлахдаа уул ус, амьтад талийгчийг хамгаална гэж хэллээ. Аливаа газар нутгийн өндөр уулсыг монголчууд “хайрхан” гэж нэрлэдэг. Тэд "Хайрхан" бүр өөр өөрийн сүнстэй гэж үздэг. Энэ зан үйл нь зөвхөн буддын шашинд хамаарахгүй, бөө мөргөл гэх мэт бусад итгэл үнэмшилд хамаарна. Тухайлбал, монголчууд эрт дээр үеэс энэ хорвоод хүн, амьд биетүүд төдийгүй муу, сайн сүнснүүд байдаг гэж үзсээр иржээ. Энэ тухай судлаачид “Хүннү нар орчлон ертөнцөд тоо томшгүй олон сүнс, альбинууд байдаг гэдэгт итгэж, тэднийг шүтэх сүм хийдүүдийг олноор барьдаг байсан” (Монгол ёс заншлын... 1992: 72) хэмээн бичжээ.

Тэгээд бид оршуулгын газар руу буцаж ирэхэд нөгөө лам буддын ном уншиж байв. Тэгээд лам бидэнд “*талийгчийн сүнс амьд хүний сүнсэнд хоргодохгүйн тулд эргэж харалгүйгээр энэ газраас яв*” гэж хэлсэн. Энэ тухай эх сурвалжид “Хэрэв хэн нэг хүн эргэж харвал түүнийг талийгчийн сүнс дагаж, түүнд тааламжгүй үйл явдал дохиолдож болно” (Монгол зан... 2020: 244) хэмээн бичжээ. Энэ зан үйл нь бөө мөргөлтэй ч холбоотой байх боломжтой. Эцэст өөр нэг чухал зан үйл бол ул боовтой холбоотой бөгөөд бид үүнийг оршуулгын ёслолын эхний өдөр л ширээн дээр дөрвөн эгнээгээр өрж, тавган дээр тавьсан билээ. Харин оршуулгын сүүлийн өдөр тавагнаас нэг эгнээ ул боовыг салгасан бөгөөд ингэснээр тавган дээр гурван эгнээ ул боов үлдсэн. Энэ нь одоо бидэнд аз жаргал л үлдлээ гэсэн үг юм. Ул боов эгнүүлсэн тавагны эхний эгнээ нь аз жаргалыг илэрхийлдэг. Хоёр дахь эгнээ нь зовлон зүдгүүрийг илэрхийлдэг. Гурав дахь эгнээ нь аз жаргал гэсэн үг тул бид аз жаргалыг үлдээхийн тулд сүүлийн дөрөв дэх эгнээг хассан. Энэ зан үйл нь мөн л цэвэр буддын шашных бус юм. Учир нь буддын ёс зүйн сургаал ёсоор хүн анхнаасаа зовлонтой байдаг бөгөөд түүнээс гарах гарцыг мэддэг бол зовлонгоос ангижирч чадна. Харин ид шидийн сэтгэлгээний дагуу хэрэв бид энэ зан үйлийг хийвэл энэ зовлонгоос ангижирч болдог. Миний үзлээр Монголчуудын энэхүү ул боовтой холбоотой зан үйл нь ид шид-бөөгийн уламжлалаас үүдэлтэй юм.

Леви-Стросс хэлэхдээ: "Домог ба зан үйл нь хүн төрөлхтний домог бүтээх чадвар болон бодит байдлын өнгөрсөн лүү эргэх үйл явцын үр дүн байдаг. Тэдний гол үнэ цэн нь тодорхой төрлийн нээлтүүдэд яг тохирсон ажиглалт, эргэцүүлэн бодох аргуудын үлдэгдлийг өнөөг хүртэл хадгалах юм" (Levi-Strauss 1966: 16). Үнэхээр монголчууд буддын шашныг өөрийн онцлог бүхий, өөрөөр хэлбэл ид шид-бөө мөргөл-ламынх болгон хувиргажээ. Үүний жишээ бол “Алтан хайрцаг” бөгөөд энэ нь бидний авсан оршуулгын зан үйлийн жишээн дээр цор ганц үйлдэл ойлголтын чиг баримжаа болж байна. “Алтан хайрцаг” хэмээх нь Монголчуудын үхэл амьдралын тухай ажиглалт, эргэцүүлэн бодохуй аргын үлдэгдэл, домог юм.

Ном зүй:

Монгол зан үйлийн нэвтэрхий толь. Оюуны боть / ред. Г. Чулуунбаатар нар. Улаанбаатар, 2020. 1792 х.

Монгол ёс заншлын их тайлбар толь-I / ред. Г. Чингэл. Улаанбаатар: Сүүлэн хүү хүүхдийн хэвлэлийн газар, 1992. 928 х.

Монгол улс дахь шашны төлөв байдлын судалгаа суурь судалгааны ажлын тайлан / ред. С. Цэдэндамба. Улаанбаатар, 2017. 249 х.

Нямдорж Ү. Бүддийн гүн ухааны эхэн үеийн тухай. Улаанбаатар: УБ УХГ, 1963. 74 х.

Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. I: «Учебник логики» Дхармакирти с толкованием Дхармоттары / санскритские параллели, редакция и примечания А. В. Парибка. СПб.: «Аста-Пресс LTD», 1995. 395 с.

Levi-Strauss C. The savage mind. London: Weidenfield and Nicolson, 1966. 288 p.

Levi-Strauss C. We are all cannibals and other essays. New York: Columbia University Press, 2016. 176 p.

Орбодоева Марина Валерьевна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
orbodoevamv@yandex.ru

БУДДИЗМ И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ ЦАРСТВ КИТАЯ¹

Статья посвящена взаимоотношениям власти буддизма в Китае периода Южных и Северных царств (Наньбэйчао, 386–589). Мы видим, что отношение императоров Северных царств к буддизму было неоднозначным. Оно характеризуется как его всемерной поддержкой, так и гонениями на него. В Южных царствах отношения императоров к буддизму характеризуется как весьма доброжелательные. Показано, что взаимоотношение государственного аппарата Севера и Юга также строились по-разному: на Севере власть подчинила сангху, на Юге сангха сохранила свою, относительную, самостоятельность.

Ключевые слова: буддизм, буддийский монах, монастырь, сангха, имперская бюрократия, императорская власть.

Orbodoeva Marina Valerievna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

BUDDHISM AND POWER IN THE NORTHERN AND SOUTHERN KINGDOMS OF CHINA

The article is devoted to the relationship between the power of Buddhism in China during the period of the Southern and Northern Kingdoms (Nanbeichao, 386–589). We see that the attitude of the emperors of the Northern Kingdoms towards Buddhism was ambiguous. They are characterized by both his all-round support and persecution of him. In the Southern kingdoms, the attitude of the emperors towards Buddhism is characterized as very benevolent. It is shown that the relationship between the state apparatus of the North and the South was also built differently. In the North, the power subjugated the Sangha, in the South, the Sangha retained its relative independence.

Keywords: Buddhism, Buddhist monk, monastery, sangha, imperial bureaucracy, imperial power.

После падения династии Восточная Цзинь Китай разделился на Южную и Северную части, получивших известность как Южные и Северные царства (Наньбэйчао), этот период представляет собой очень важный этап в развитии буддизма в Китае, характеризующийся завершением адаптации буддизма к политическим, социальным, культурным и ментальным традициям этой страны и формированием собственно китайских религиозных и философско-мировоззренческих принципов буддизма, начавшимся еще в период правления династии Восточная Цзинь (317–420 гг.). С разделением Китая на Южные и Северные царства, экономическое, политическое и социальное развитие в них пошло по-разному. По-разному пошло и развитие буддизма (湯用彤 1962: 2).

Деление Китая на Южные и Северные царства началось с захвата кочевыми племенами тобийцев северной части Восточной Цзинь (317–420). Предводитель тобийцев Тоба Гуй (371–409) установил в завоеванной части севера Китая династию Северная Вэй (386–534). Впоследствии здесь на Севере были образованы четыре царства – Восточная Вэй (534–550), Западная Вэй (535–556), Северная Ци (550–577) и Северная Чжоу (557–581).

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000261-9 «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)».

На Юге было образовано пять царств: Сун (420–479), Южная Ци (479–502), Лян (502–557), Поздняя Лян (555–587), Чэнь (557–589). Их образование явилось результатом продолжающихся в империи Восточной Цзинь внутренних распрей и противоречий. Основатель первого южного царства Лю Юй (г. прав. 420–422), низвергнув династию Восточной Цзинь, основал собственную династию Лю Сун. В отличие от северных пришлых династий, Лю Сун была китайской династией. В других южных царствах также продолжали господствовать китайские династии.

Отношение к буддизму со стороны властей Северных царств было неоднозначным – от нейтрального отношения до поддержки, от поддержки до гонений. Здесь население представляло разнородную массу, включавшую как собственно китайское, так и пришлое из Центральной Азии, привнесившее в Китай собственные верования, которые столкнулись с местными верованиями и учениями – буддизмом, даосизмом и конфуцианством (История Китая с древнейших времен... 2014: 448).

В условиях такого разнообразия верований, а также многоэтничности населения, основатель династии Северная Вэй Тоба Гуй (Дао У-ди, 386–409) обратил особое внимание на буддизм, увидев в нем идеологическое средство для объединения населения. Тоба Гуй был последователем даосизма, но при этом был знаком с буддийскими текстами (中国佛教 1996: 63). Интерес к буддизму, скорее всего, у него был идеологически востребованным. Это проявилось в том, что он, в первую очередь, установил контроль над деятельностью буддийской сангхи и ее монахов, учредив орган по контролю над буддийской сангхой.

Тоба Гуй, несмотря на свое доброжелательное отношение к буддистам, заставил их подчиниться требованиям властей. Назначенный на должность контролера за деятельностью сангхи монах Фа Го выдвинул тезис о том, что император является воплощением Будды Татхагаты, поэтому монахи должны кланяться императору, так же как и Будде (Ch'en 1973: 69–73). Контроль над деятельностью сангхи и монахов распространялся вплоть до регистрации монахов и регламентации их численности.

При этом, развитие буддизма получило широкий размах. Первые императоры Северной Вэй способствовали строительству новых монастырей. Наследник Тобы Гуя император Тоба Сы (Мин Юань-ди, 409–423) поддерживал буддизм и стал ярким его последователем.

Однако его наследник Тай У-ди (423–452) изменил свое отношение к буддизму. В 438 году император приказал расстричь монахов младше 50 лет и обязать их нести воинскую повинность. В 444 г. указал запретить чиновникам и простому народу тайно снабжать монахов. В 446 г. гонения на буддизм усилились. Монастыри были разрушены, сожжены, монахи скрылись. Данные события явились первым гонением на буддизм в Китае. Позже все запреты, касающиеся буддизма, стали ослабевать (中国佛教通史 2010: 121).

После императора Тай У-ди (423–452) буддизм вновь стал приоритетным у правителей. Особенно ревностно к нему относились императоры Тоба Хун (Сянь Вэнь-ди, 466–471) и Юань Кэ (Сюань У-ди, 499–515). При Тоба Хуне была построена гигантская статуя Будды. При Юань Кэ в Лоян прибыло немало иностранных монахов, был возведен храм Юнминсы, построено жилье для более тысячи иностранных монахов.

Развитие буддизма в северных царствах приобрело такие масштабы, что, согласно сведениям исторической записи, составленной в период династии Суй (581–618) Ян Сюаньчжи «Лоян целан цзи» («Записи о лоянских монастырях») численность буддийских монахов к концу Северной Вэй достигла более 2 миллионов, количество монастырей было более 30 000 (Цит. по: 中国佛教: 70).

Быстрый рост числа монастырей и благосостояния буддийских сообществ вызывал недовольство имперской бюрократии. Имперские чиновники настраивали правителей на ограничение прав и привилегий буддийской сангхи. В первый раз им это удалось в 446–452 гг., при правлении Тай У-ди (424–452) они спровоцировали гонения на буддизм. Вторые гонения на буддизм были связаны с правлением императора Северного Чжоу Юй Вэньюн (У-ди, 561–578). Однако эти гонения были намного мягче, чем предыдущие (中国佛教: 71).

На Юге Китая не было подобных гонений на буддизм. Во всех четырех царствах Сун (420–479), Ци (479–502), Лян (502–557) и Чэнь (557–589) отношение императоров, как и при Восточной Цзинь, было доброжелательным. Первый император Южных царств У-ди (420 г.), основавший династию Лю Сун, был приверженцем буддизма. Также буддизм поддерживали последующие императоры династии Вэнь-ди (423–453) и Сяо Уди (454–464), оба они почитали буддизм (中国佛教通史: 143). В период Южных

царств буддизм достиг своего расцвета при правлении императора Лян У-ди. В годы его правления число монахов достигало 20 тыс.

Во взаимоотношениях чиновнического аппарата и сангхи следует отметить, что императорская власть южных царств не была так сильна, как на Севере, поэтому однозначно решиться спор между буддийской сангхой и имперской бюрократией в пользу последней не мог. Имперская бюрократия требовала от буддийских монахов выказывания почтения государю, а также освобождения сангхи от нежелательных элементов. Под нежелательными элементами подразумевались те, кто скрывались в стенах монастырей, а также крестьяне, укрывавшиеся от налогов и трудовых повинностей. Власть предложила сангхе оставить в монашеском сане только тех, кто умел читать и объяснять значение сутр, кто прилежно выполнял моральные заповеди и т.п. Остальных она предлагала лишить духовного сана и вернуть в мир (Ch'en 1973: 72). В связи с этим были изданы указы, в которых запрещалось бродяжничество (История Китая с древнейших времен... 1974: 56). В этой дискуссии буддисты делали определенные уступки, соглашаясь с требованиями властей избавиться от нежелательных элементов. Однако в отношении второго, главного требования, касающегося поклонения императору, они стояли на своем, сохраняя право не кланяться государю. В конечном итоге, эта дискуссия закончилась тем, что в 404 г. был выпущен эдикт, в котором за буддистами закреплялось право не отдавать почтения государю правителю (Ch'en 1973: 76).

В 462 году во времена правления императора Сяо Уди (454–464) вновь была предпринята попытка заставить буддистов оказывать почтение императору. Но и на этот раз буддийская сангха сумела отстоять свое право не оказывать почтение императору (Ch'en 1973: 78).

В этой борьбе между китайской традицией с ее культом императора как сына Неба и буддийской традицией, не позволяющей кланяться государю, буддисты продолжали сохранять свои исконные позиции. Это объяснялось, с одной стороны, слабостью императорской власти, с другой, доброжелательностью самих императоров к буддизму, поощрявших строительство монастырей и увеличение числа монахов.

Литература:

Ch'en K. K. *The Chinese transformation of Buddhism*. Princeton: Univ. press, 1973. 345 p.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 3. М.: Наука – Вост. лит., 2014. 991 с.

История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1974. 532 с.

История стран зарубежной Азии в средние века. М.: Наука, 1970. 640 с.

汤用彤. 往日杂稿. 北京: 中华书局, 1962. 124 页.

中国佛教通史. 南京: 江苏人民出版社, 2010. 621 页.

中国佛教. 北京. 1996. 482 页.

Адыгбай Чечек Ондаровна
кандидат философских наук
Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия
adygbay@yandex.ru

БЫТОВАНИЕ БУДДИЙСКИХ ПРАКТИК В ТУВЕ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ (1970–1990 гг.)

В статье рассматриваются сведения, ранее неизвестные широкому кругу исследователей, связанные с деятельностью практиков буддизма в Туве, в последней четверти XX в. Среди ярких представителей буддийской традиции того периода следует назвать имена наиболее известных лам, таких как Куулар Шымбай-оол, Хомушку Кенден-Сюрюн, Оюн Люндуп, а также сотрудничавших с ними ученых: Монгуш Кенин-Лопсан, Дарыма Ондар. Несмотря на гонения, существовавшие в советское время по отношению к традиционной религии коренного населения Тувинской АССР, вышеназванные представители духовной традиции были известны народу. К ним обращались для проведения религиозных обрядов. Исследователям буддизма предстоит изучение вопросов преемственности буддийской традиции Тувы.

Ключевые слова: буддизм, духовные практики, репрессии, возрождение, Тува.

Adygbay Chechek Ondarovna
Candidate of Sciences in Philosophy
Tuva State University
Kyzyl, Russia

THE EXISTENCE OF BUDDHIST PRACTICES IN TUVA ACCORDING TO THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES (1970–1990)

The article deals with information previously unknown to a wide range of researchers related to the activities of Buddhist practitioners in Tuva in the last quarter of 20th century. Among the prominent representatives of the Buddhist tradition of that period, the most famous lamas, such as Kuular Shymbay-ool, Khomushku Kenden-Surun, Oyun Lundup, as well as representatives of the intelligentsia, who worked closely with them: Mongush Kenin-Lopsan, Daryma Ondar should be noted. Despite the persecution and prohibitions that existed in Soviet time in relation to the traditional religion of the indigenous population of the Tuva ASSR, the people knew the above-mentioned representatives of the spiritual tradition. The current generation of researchers should study the issues of the continuity of the Buddhist tradition more closely.

Keywords: Buddhism, spiritual practices, repression, revival, Tuva.

Самым ценным в культуре народа считается духовная составляющая, ее сердцевина, системообразующее начало этноса. Рассматриваемый период 1970–1990 гг. в истории буддизма Тувы условно можно назвать «предтечей возрождения буддизма» – преддверием исторического визита в Республику Тыва Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьятцо.

Исследование выполнено для восполнения малоизученных фактов, событий прошлого, касающихся истории буддизма Тувы. Изучение феноменов духовной культуры тувинцев, не теряющих своей аутентичности, актуально и поныне. В условиях новых технологий необходимо использовать возможности фиксации всех имеющихся материалов, касающихся событий прошлого, связанных с буддийскими традициями.

В написании работы были задействованы малоизвестные материалы из видео-фондов ТИГПИ. Документальное видео на тувинском языке о ламе-переводчике Сутры «Море притч» Оюн Люндупе отснято в редакции литературных передач в ГТРК «Тыва» в 2002 г. (Научный архив ТИГПИ. Вид. Ф. Д. № 29). Автор исследования В. С. Салчак, научный сотрудник, главный специалист научного архива, опирается на изустные сообщения и рукописные источники, дневники, имеющиеся в семейных архивах.

В отличие от весьма разноплановых исследований по буддизму Бурятии, Калмыкии, трудов по буддизму Тувы долгое время было сравнительно мало. К ним относятся сведения путешественников начала XX в. Д. Каррутерса, В. Родевича, С. Р. Минцлова. Позже появились труды таких ученых, исследователей, как

Ф. Кон, Р. Кабо, В. И. Дулов, Н. А. Сердобов, Ю. Л. Аранчын, М. Х. Маннай-оол, Л. Р. Кызласов, В. П. Дьяконова. Материалы исследований по интересующему нас периоду истории освещены в монографических трудах М. В. Монгуш, О. М. Хомушку и др.

Ныне очевиден факт, что события и явления революционного порядка, при всей их огромной значимости для судьбы народа и страны, далеко неоднозначны. Роль буддийского духовенства периода ТНР оставила неизгладимый след во всей последующей истории Тувы. Мы и по сей день связаны с историей репрессированных тувинских лам. В общественном сознании периода 1970–1990 гг. преобладали атеистические воззрения. В то время политика государственных органов была достаточно жесткой по отношению к религиозным организациям, и многие ламы, шаманы вынуждены были заниматься частной культовой практикой нелегально (Монгуш 2001:123).

Понятие «буддийская практика» в широком смысле связано с применением нравственно-этических заповедей Будды. Культовая практика включает в себя комплекс медитаций, чтение мантр, сутр, проведение тайных тантрических ритуалов и обрядов почитания божеств, устранения болезней, жизненных проблем.

Приведем краткие биографические справки о ярких представителях буддийской традиции исследуемого периода. Куулар Шымбай-оол Дажы-Торлукович (1898–1991) – известный тувинский лама, гелонг. Учился в монастыре Устуу-Хурээ, затем в Монголии. Поддерживал связь с Иволгинским дацаном Бурятии. Был репрессирован (1939–1947). Познания ламы были обширны, он был видным практиком буддизма. В честь него построен Дуган-Субурган в м. Кирпиш-Сарай, близ г. Чадана, Республика Тыва.

Хомушку Кенден-Сюрюн Езугуевич (1916–1980) – тувинский эмчи-лама, высокообразованный просветитель, гелонг, внесший весомый вклад в возрождение и сохранение буддизма. Родился в семье правителя кожууна в Барун-Хемчике. С раннего возраста был отдан на обучение в Коп-Соокский хурээ. В 1930 г. были репрессированы и высланы в Эрзин его родители. Вопреки непростым условиям, он тайно занимался духовной практикой и лечением больных. В 1957–1958 гг. К.-С. Хомушку служил в молитвенной юрте г. Чадана. В то время тувинские ламы установили дружественные связи с бурятским духовенством и получили помощь в приобретении предметов буддийского культа. Государственные органы были обеспокоены востребованностью деятельности лам. Тувинские ламы обвинялись в несоблюдении запретов на проведение религиозных обрядов, закрепленных в законодательстве того времени. Так, в силу принятых карательных мер в 1960 г. был закрыт последний буддийский центр Тувы.

К.-С. Хомушку состоял в штате Иволгинского дацана Бурятии (1958-1980). Он довольно часто посещал родину, помогая верующим (Хомушку 2016: 186). И ныне можно встретить многих людей, которые помнят доброту и поддержку, моральную и материальную помощь, оказанную им выдающимся ламой. Лама Кенден-Сюрюн вместе с ламой Оюн Люндупом в 1970-е годы были приглашены по договору к сотрудничеству с ТНИИЯЛИ и Тувинским краеведческим музеем. Они составили каталог рукописей и ксилографов буддийских текстов, а также переводы со старомонгольского и тибетского языков. Особо ценными являются труды К.-С. Хомушку по текстовому упорядочению всех томов канона Канчъыр (Ганджур).

Оюн Люндуп Чаашович (1897–1983) – тувинский лама, гелонг. Родился в семье феодала Танды кожууна Оюн Даваа (Чааш). С детства обучался в Самагалтайском хурээ, затем в монастыре Гандан, Монголия (1918–1921). Служил в хурээ Эртине-Булак. Оюн Люндуп Чаашович дважды подвергся репрессиям: в 1934–1942 гг. был сослан в Коми АССР, в 1952–1955 гг. был повторно заключен за принадлежность к семье феодалов. Люндуп-Хелин имел известность в народе как добрый, высокообразованный лама, живший в с. Межегей. Он внес весомый вклад в сохранение и перевод на тувинский язык многих буддийских трудов, в частности известной «Сутры “Море притч”, проповеданную самим Буддой» (НА ТИГПИ Фольклорный фонд. Т. 152. Д. 595).

Монгуш Кенин-Лопсан Борахович (1925–2022) – доктор исторических наук, Народный писатель Республики Тыва, Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный деятель науки Республики Тыва, Президент общества шаманов «Дунгур». К.-Л. Б. Монгуш долгое время работал в Краеведческом музее Тувинской АССР, был директором Национального музея РТ. Под его влиянием был создан Музей истории политических репрессий. Он внес важный вклад в возрождение традиционной культуры тувинского шаманства.

Дарыма Ондар Киш-Чалаевич (1934–2000) – тувинский фольклорист, научный сотрудник ТНИИЯЛИ, Заслуженный работник Республики Тыва. При рождении имя Дарыма было дано ему дядей по материнской линии – высокообразованным ламой Монгуш Лопсан-Чимитом (1888–1942), одним из основоположников тувинского алфавита. По воспоминаниям коллег, О. К.-Ч. Дарыма обладал обаянием и особым талантом общения, был наблюдательным исследователем. Много, из того, что было им собрано, уже ушло из бытования

вместе с поколением знатоков (Татаринцева 2004: 198). Дарыма собирал материалы по тувинскому фольклору, по погребальным обрядам, буддийским и шаманским традициям. Собранная им информация уходила в фонды ТНИИЯЛИ и Рукописный фонд Тувинского краеведческого музея (Забелина 2004:201). Дарыма Ондар был лично знаком со всеми выше названными ламами. Они были его учителями, наставниками. Он имел посвящения в тайны буддийской практики. Особая связь была с К.-С. Хомушку. О. К.-Ч. Дарыма входил в число влиятельных лиц, организовавших в 1990 г. буддийскую общину «Алдын Богда». К нему обращались при процессах избрания первого Верховного ламы Тувы Сандак Казака (1918–1996).

В завершение статьи следует отметить, что, несмотря на гонения и запреты, выше названные представители буддийской сангхи Тувы сумели сохранить верность традициям и нравственным идеалам духовности. Так они отстаивали право быть истинными последователями буддизма, посвятив свою жизнь служению народу. Будущим исследователям, интересующимся буддийской традицией, предстоит изучить феномены духовной преемственности современных практиков буддизма.

Литература:

Забелина Г. А. Человек прекраснейшей души // Улусчу эртемден – Ондар Дарыма. Новосибирск, 2004. С. 199–203.

Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.

Татаринцева М. П. Фольклорист, знавший Туву в совершенстве // Улусчу эртемден – Ондар Дарыма. Новосибирск, 2004. С. 197–199.

Хомушку О. М. Хомушку К.-С. Е. – выдающийся врач, просветитель, человек // Вестник Тувинского государственного университета. 2016. № 1. С. 184–187.

СЕМАНТИКА ДЕКОРА ПЕРСОНАЖЕЙ ПАНТЕОНА СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА

В статье рассматриваются виды, формы и значение декора персонажей пантеона северного буддизма, семантика их украшений и одежды.

Ключевые слова: северный буддизм, пантеон, искусство, декор.

Muzafarova Natalya Raisovna
 D. Banzarov Buryat State University
 Ulan-Ude, Russia

SEMANTICS OF DECOR PANTHEON CHARACTERS OF NORTHERN BUDDHISM

The paper is devoted to the types, forms and meaning of the decor of the characters of the pantheon of northern Buddhism. The semantics of their adornments and clothes is considered.

Keywords: northern Buddhism, pantheon, art, décor.

Изобразительное искусство северного буддизма (Алмазная колесница, санскр. *ваджраяна*, тиб. *дорже тэгна*) полностью подчинено буддийской философии. Оно имеет несколько функций, одна из которых иллюстративная. В нем нет ничего от личности автора-исполнителя, а лишь образы, выраженные через канон формы и цвета, раскрывающие доктрины учения Будды Шакьямуни. Все фигуры героев буддийского пантеона, включая их окружение, несут в себе зашифрованные послания. Посвященные в этот язык читают их как тексты. Простые же зрители получают не только эстетическое наслаждение от созерцания прекрасных экзотических картин, но и уникальную возможность получить благой отпечаток в сознании и возможность «освобождения от неведения через смотрение».

В образах героев буддийского пантеона нет ничего случайного. Все имеет определенное значение, а именно различные темы буддийского Учения (санскр. *дхарма*, тиб. *чө*): позы, жесты, атрибуты, костюмы, украшения, окружающий пейзаж. Разнообразные мужские и женские формы, мирные и гневные, одиночные и парные, сидящие и стоящие, доминанта правого или левого, положение ног, рук и пальцев, количество и цвет голов и конечностей являются опорными конспектами для посвященных. Цветовая и числовая составляющая предметов, а также их расположение символизируют определенные конкретные постулаты Учения. Например, перенос веса тела на правую или левую ногу символизирует доминанту метода или мудрости в практике, итоговую реализацию «ясного света» или «иллюзорного тела», «материнскую» или «отцовскую» тантру и т.д. Даже солнце и луна в небе над фигурами обозначают правый и левый энергетические каналы, а цветы в руках с нераскрытыми бутонами и семенными коробочками значат три периода времени: прошлое, настоящее и будущее. (Берзин 1993: 71). Как правило, для сторонних зрителей притягательнее являются мирные (санскр. *santa*, тиб. *zhi ba*) антропоморфные формы. Они обладают идеальными пропорциями тел, позитивными выражениями лиц, статичными позами, красивыми одеждами, дорогими украшениями, приятными атрибутами. Их окружают пасторальные пейзажи, изобилующие садами, водоемами, цветами, животными и дивными подношениями. Они излучают умиротворение и спокойствие (Кучин 2017: 567).

Будды (тиб. *сангжей*) и учителя (санскр. *гуру*, тиб. *лама*) аскетично одеты как монахи в «три одеяния явленного тела» (санскр. *нирманакан*, тиб. *тулку*): шафрановая накидка, бордовое нижнее одеяние, пояс, иногда головной убор, определяющий школу. В руках они могут держать монашескую чашу (санскр. *патра*, тиб. *лхунгсед*), колесо Дхармы (тиб. *чө корло*), драгоценность (санскр. *чинтамани*, *ратнамани*, тиб. *кончог*, *норбу*), лотос (санскр. *падма*), скипетр (санскр. *ваджра*, тиб. *дордже*), одинарный или двойной скипетр (тиб. *нацог дордже*), четки (санскр. *мала*), книги (тиб. *чак пё*), посохи (тиб. *кар гюк*) и

др. Будды имеют 32 основных и 80 второстепенных признаков. Они всегда изображаются сидящими, иногда на тронах, но всегда на двойном лотосе с дисками луны и солнца (Лингпа 2012: 44).

Бодхисаттвы (тиб. *чанчуб сэмна*) предстают в пышных разноцветных шелковых одеяниях средневековых индийских принцев и принцесс. Они богато украшены драгоценностями: украшение ушниши (санскр. *ушниша*, тиб. *зугдор*), корона (тиб. *трок шу*), серьги (*а лон*, *gser gyi rna skor*, *rna rgyan*), три вида ожерелий (тиб. *ке ген*, *ке трен*, *до шел.*), пояс (тиб. *ку рак*), парные браслеты (тиб. *лак дун*, *дрог дун*, *ду бу*) на руках и ногах. На них пятицветные шелковые одежды с узором из золотых нитей: зеленый шарф, белый шарф через плечо, белая верхняя одежда, короткая синяя юбка, длинная красная юбка или пятицветные лосины. Это 13 одеяний самбхогакаи, состоящие из «5 шелковых одеяний дхармы» и «8 драгоценных украшений» (тиб. *ринпочей генгед*). Они имеют 9 черт мирных форм: «5 качеств сущности» и «4 качества внешнего вида». В руках они могут держать различные атрибуты: цветы, четки, плоды, знамена, зонты, музыкальные инструменты, животных и др. Они могут восседать на животных и всегда на лотосах с дисками луны и солнца (Бир 2011: 341).

Гневные (санскр. *кродха*, тиб. *кхро во*) и возбужденные (тиб. *жи ма кхро*) формы часто вызывают отторжение у сторонних зрителей. Их эмоциональные выражения лиц, экспрессивные позы, огненные мандорлы и оружие в руках шокируют неподготовленную публику. Они часто обладают демоническими или животными головами буйвола, льва, орла и др. Их динамичные стоящие обнаженные фигуры окружены пламенем, под ногами поверженные существа, в руках различные виды оружия и части тел. Никому не удается остаться равнодушным при виде таких образов. И не удивительно, ведь в этом и состоит их функция. Многие невежественные существа, как избалованные глупые дети, творят непотребство и приструнить их можно, только напугав. Только под угрозой наказания они успокаиваются и начинают слушаться. Тогда им можно давать Учение, иначе оно пройдет мимо их ушей и умов без следа. Несмотря на устрашающий вид, не имеющий ничего общего с привычной нам агрессией, гневные формы проявляются с состраданием и любовью. Они усмиряют самые грубые мешающие эмоции (санскр. *клеши*, тиб. *ньон мон*). Их сострадание и сила мощнее мирных форм, а обнаженность свидетельствует об открытости и доступности самых тайных знаний и пр. (Рерих 2000: 95).

В средневековой Индии первые буддийские подвижники уходили практиковать медитацию в тихие безлюдные места, ибо сосредоточение и обдумывание Учения требовали уединения без отвлечений. Как правило, это были глухие леса, парки или даже кладбища. Последние представляли из себя далекие от поселений площадки для кремации трупов. Там в изобилии можно было увидеть несгоревшие части тел, кости и черепа. Поскольку аскетизм требовал минимального владения материальными вещами, практики использовали для ритуальных действий и повседневных нужд то, что находили там. Саваны (тиб. *дур кхрод кьи рэ*) брали для одежды. Шкуры мертвых падальщиков использовали как подстилки для сидения. Черепные крышки использовались как чаши (санскр. *капала*, тиб. *тод па*), бедренные кости как флейты (тиб. *линбу*), кости фаланг как бусины четок и т.д. Из остатков органов, крови и жира лепились ритуальные подношения (тиб. *торма*). И по сей день пепел используется как мазь от солнечных ожогов. В те времена это было нормой и многих даже восхищало бесстрашие и спокойное отношение йогингов (тиб. *нэл джор па*) к «низким субстанциям». Своим внешним видом они демонстрировали мудрость: отсутствие страха смерти, привязанности к благам, равенность к внешним объектам и т.д. Именно благодаря этим традициям гневные формы одеты в «8 кладбищенских одеяний» или «10 одеяний славы» и украшены «3 наносимыми веществами». Также они обладают «9 выражениями танца» относительно тела, речи и ума. Они могут стоять или сидеть на различных антропо- и зооморфных персонажах или повозках, а также на лотосах с дисками солнца и луны (Терентьев 2004:145).

Современные художники, очарованные буддийскими образами, но не имеющие в этой области серьезных знаний, пытаются интегрировать в свое творчество изображения героев буддийского пантеона. Они легкомысленно воспроизводят красивые картинки, не вдаваясь в детали. Приписывают или наоборот лишают героев пантеона «несущественных» деталей. Это нарушает канон и вызывает у стороннего наблюдателя неверное представление и ошибочное понимание. Это не оскорбляет чувств верующих, но закладывает неблагоприятный отпечаток в сознании. Стоит более серьезно относиться к подобным заимствованиям и серьезно изучать древнейшую традицию.

Некоторые неподготовленные зрители, не имеющие понятий о глубинных смыслах буддийского искусства, склонны выносить ошибочное суждение о нем. Однажды увидев его примеры и не потрудившись разобраться в их семантике, они склоны предвзято разглагольствовать о нем как о кощунственном

с точки зрения последователя иных религий. Будучи профанами в этом вопросе, они считают, что буддисты поклоняются в своих храмах демонам, пьющим кровь и поедающим части тел, голым женщинам и развратным иллюстрациям из «Кама-сутры» и т.д. Они интерпретируют изображения гневных и возбужденных форм как пропаганду насилия и похоти. Подобным необразованным индивидам следует больше заниматься самообразованием и непредвзято относиться к иным религиям, огульно критикуя чужую культуру.

Литература:

Берзин А. Общий обзор буддийских практик. СПб.: Нартанг, 1993. 100 с.

Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М.: Ориенталия, 2011. 406 с.

Далай-лама. Мир тибетского буддизма. СПб.: Нартанг, 1996. 226 с.

Кучин И. Л. Дхарма. Пермь, 2017. 872 с.

Лингпа Д., Патрул ринпоче, махапандита Цеванг Чодруб. Наставления по практике зарождения в йоге божества. М., 2012. 232 с.

Рерих Ю. Н. Тибетская живопись. Самара: Агни, 2000. 216 с.

Терентьев А. А. Определитель буддийских изображений. СПб.: Нартанг, 2004. 304 с.

*Пономарева Ирина Александровна
Ph.D*

*Центр социальных и культурных исследований
Университета Гриффита
Голд Кост, Австралия
i.ponomareva@griffith.edu.au*

ПЕЩЕРНОЕ НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье приведены краткие сведения о памятниках наскального искусства, приуроченных к пещерам в Забайкалье, которые ранее не были объектом специального исследования. Представлены результаты их анализа, который выявил значимость образа хищной птицы. Символизм образа птицы в контексте пещер может свидетельствовать об особой роли пещерных писаниц в религиозных практиках древнего населения Забайкалья, которые могли быть связаны с шаманистическим мировоззрением.

Ключевые слова: наскальное искусство, пещеры, селенгинская традиция, образ птицы, шаманизм.

*Ponomareva Irina Alexandrovna
Ph.D*

*Griffith Centre for Social and Cultural Studies
Griffith University
Gold Coast, Australia*

CAVE ROCK ART OF TRANS-BAIKAL

This paper brings together brief information on all cave rock art sites of Trans-Baikal, the phenomenon of which was not in the focus of previous research and presents the results of the analysis of this cave art, which revealed the significant role of the motif of bird-of-prey. The bird symbolism in the cave context might be the evidence of religious ceremonies associated with the practice of shamanism.

Keywords: rock art, caves, Selenga tradition, bird symbolism, shamanism.

Первое упоминание наскального искусства Забайкалья относится к XVIII в., однако примерно до середины XIX в. значимых исследований не фиксируется. В период 1840–1920-х гг. происходит постепенное накопление информации о наскальных рисунках, также были предложены первые интерпретации. В сравнении с другими регионами Сибири, к началу XX в. наскальное искусство Забайкалья было менее исследовано. Значительный сдвиг произошел в советское время, и это связано в первую очередь с работами А. П. Окладникова. Его двухтомная монография «Петроглифы Забайкалья» по результатам многолетних работ Бурят-Монгольской экспедиции по-прежнему является главным источником информации о древних наскальных рисунках региона. В 1970-х – 1980-х гг. исследования были продолжены А. В. Тиваненко в Бурятии и А. И. Мазиным в Забайкальском крае и Амурской области (Мазин 1986; Тиваненко 1990). В Российский период открытия памятников продолжились, в основном силами местных археологов, однако крупных проектов в этой области не велось. В 2016–2019 гг. автором проводилось диссертационное исследование, посвященное древнему наскальному искусству Восточной Сибири, в рамках которого были проведены полевые исследования писаниц в Забайкалье и Якутии. Всего в Забайкалье был задокументирован 91 памятник, в числе которых были как ранее известные, так и открытые в ходе данных полевых работ. Результатом стала монография автора (Ponomareva 2021a).

Необходимо отметить, что писаницы, найденные в контексте пещер (внутри или возле них) прежде не являлись отдельным объектом исследования. В работе А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской представлена информация о восьми пещерных писаницах, однако их интерпретации не уделено отдельного внимания. А. В. Тиваненко и А. И. Мазин, также сообщая о новых пещерных памятниках, не посвятили отдельного места в своих работах специальному анализу этого феномена.

В Забайкалье известно 18 памятников наскального искусства, приуроченных к пещерам и гротам, 10 из которых были обследованы автором в 2017 г.:

Таблица 1

Памятники наскального искусства Забайкалья, приуроченные к пещерам

№	Название	Расположение	Комментарий
1	Грот Ньюоты	Бурятия, Джидинский р-н	Опубликован в (Ташак, Ташак, Именохоев, Цыденова 2004)
2	Сарбадуй	Бурятия, Джидинский р-н	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1969). Обследовался автором в 2017 г.
3	Усть-Кяхта	Бурятия, Кяхтинский р-н	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1969). Обследовался автором в 2017 г.
4	Городовой Утес	Бурятия, Кяхтинский р-н	Опубликован в (Тиваненко 1990). Обследовался автором в 2017 г.
5	Темниковская пещера	Бурятия, Селенгинский р-н	Опубликован в (Тиваненко 1990). Обследовался автором в 2017 г.
6	Поворот, пункт 1	Бурятия, Селенгинский р-н	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1969). В ходе работ 2017 г. автором памятник не был локализован.
7	Гильбира	Бурятия, Иволгинский р-н	Опубликован в (Тиваненко 1990).
8	Острая Сопка (Баин-Тогод)	Бурятия, Иволгинский р-н	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1969).
9	Итанцы	Бурятия, Прибайкальский р-н	Опубликован в (Тиваненко 1990).
10	Надеино	Бурятия, Тарбагатайский р-н	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1969). Обследовался автором в 2017 г.
11	Старая Брянь	Бурятия, Заиграевский р-н	Опубликован в (Тиваненко 1990). Обследовался автором в 2017 г.
12	Баин-Хара	Бурятия, Мухоршибирский р-н	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1969). Обследовался автором в 2017 г.
13	Кашкарга	Бурятия, Заиграевский р-н (?)	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1969). В ходе работ 2017 г. автором памятник не был локализован.
14	Шаман-Гора	Забайкальский край, Хилокский р-н	Опубликован в (Константинов, Константинов, Васильев, Екимова, Разгильдеева 2003). Обследовался автором в 2017 г.
15	Кирочи	Забайкальский р-н, Шилкинский р-н	Опубликован в (Окладников, Запорожская 1970). По сообщению А. В. Константинова, в настоящее время полностью уничтожены.
16	Доно	Забайкальский край, Нерчинско-Заводской р-н	Опубликован в (Мазин 1986). Обследовался автором в 2017 г.
17	Волчья пещера (Авван)	Забайкальский край, Нерчинско-Заводской р-н	Опубликован в (Федотов, Мясников 2015). Обследовался автором в 2017 г.
18	Иркутская пещера (Аикта)	Бурятия, Муйский р-н	Опубликован в (Ветров, Миль 1999).

Все обследованные памятники наскального искусства, приуроченные к пещерам, за исключением грота Шаман-Гора, относятся к селенгинской традиции бронзового века, современный анализ и определение которой представлены в (Ponomareva 2020, 2021a). Автором был проведен сравнительный анализ сюжетного набора пещерных памятников и памятников открытого типа, расположенных поблизости. В результате были обнаружены определенные закономерности, которые могут свидетельствовать о функциях и роли данных типов памятников в культурах бронзового века Забайкалья. Полный анализ и обсуждение результатов представлены в (Ponomareva, 2021b).

Во-первых, в искусстве пещерных памятников доминируют абстрактные мотивы, такие как ряды и группы точек и вертикальных линий. Во-вторых, здесь значительную роль играют орнитоморфные сюжеты. Во многих случаях их доля в наборе сюжетов значительнее, чем на памятниках открытого типа. Другая ситуация, свидетельствующая о значительной роли символизма, связанного с образом хищной птицы, представлена в пещере Городовой Утес, где изображения птиц хотя и не составляют процентного большинства, одна композиция, включающая фигуры трех крупных птиц, расположенных на потолке, зрительно занимает центральное положение во всем ансамбле. В-третьих, на памятниках открытого типа большую долю составляют антропоморфные фигуры, зачастую показанные рядами. Зооморфные изображения также чаще представлены на памятниках открытого типа. Многие пещерные памятники объединяет то, что они расположены рядом с вершинами гор и с них открывается широкая перспектива на долины рек, что также могло оказывать влияние на восприятие сакральности данных мест. Такое расположение созвучно роли образа хищной птицы, выявленной на данных памятниках.

Образ птицы играет важную роль в сибирском шаманизме, и особое место занимает образ орла. В бурятской, а также якутской традиции одна из версий мифа о первом шамане повествует о том, что орел был послан богами защитить людей от злых духов (Neumann Fridman 2004; Дашиева 2014). Орел и коршун почитались как священные птицы у бурят (Михайлов 1980). Птицы были помощниками шаманов, что выражалось в элементах шаманского костюма, который превращал шамана в человека-птицу. Шаман мог заимствовать у своего помощника орлиное зрение или способность летать (Balzer 1996).

Не случайна и связь образа птицы с пещерными писаницами в контексте шаманистического мировоззрения. А. Розвадовский отмечает, что наскальные рисунки, свидетельствующие о шаманистическом мировоззрении и практиках, всегда привязаны к расщелинам, углублениям и трещинам в скалах, так как горы и скалы были местами обитания духов, а поверхности скал представлялись занавесью с потусторонним миром, скрытым внутри горы (Rozwadowski 2017).

Таким образом, пещерные писаницы Забайкалья могли быть местами, где проводились специализированные ритуалы в рамках шаманистического мировоззрения.

Литература:

Ветров В. М., Миль Н. М. Перспективы изучения петроглифов Витима // Молодая археология и этнология Сибири. Чита: ЗабГПУ, 1999. С. 90–91.

Дашиева Н. Б. Образ орла в мифах бурят о происхождении кузнецов и шаманов // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 28–36.

Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Шаман Гора // Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Чита: Изд-во «Экспресс-типография», 2003. С. 4–8.

Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.

Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. I. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 220 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. II. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. 264 с.

Ташак В. И., Ташак Е. В., Именохоев Н. В., Цыденова Н. В. Новые археологические памятники долины р. Армак // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. 2004. № 2. С. 196–203.

Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новые памятники. Новосибирск: Наука, 1990. 208 с.

Федотов Р. Г., Мясников А. В. Древности земли Даурской // Нерчинский завод. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2015. С. 53–59.

Balzer M. M. Flights of the Sacred: Symbolism and Theory in Siberian Shamanism // *American Anthropologist*. 1996. № 98 (2). P. 305–318.

Neumann Fridman E. J. Sacred Geography: Shamanism Among the Buddhist People of Russia. Budapest: Akademiai Kiado, 2004. 324 p.

Ponomareva I. A. Unraveling manifold identities in the early nomadic rock art of East Siberia // *Archaeological Research in Asia*. 2020. No. 23. P. 100–208.

Ponomareva I. A. Change and Continuity in the Prehistoric Rock Art of East Siberia. An archaeological and anthropological exploration into ethno-cultural identity, belonging, and symbolism. London: BAR Publishing, 2021a, 201 p.

Ponomareva I. A. Exploring the Cave Rock Art of Siberian Trans-Baikal: Fertility, Shamanism, and Gender // *Open Archaeology*. 2021b. № 7 (1). P. 155–176.

Rozwadowski, A. (2017). Rocks, Cracks and Drums. In *Search of Ancient Shamanism in Siberia and Central Asia*. Budapest, Hungary: Molnar & Kelemen Oriental Publishers, 2017. 165 p.

Базаров Андрей Александрович
доктор философских наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
bazarow_andr@mail.ru

**КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ БУДДИЙСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
 (ТАНКА, ЦАКЛИ) ИМБТ СО РАН КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЕЖЕДНЕВНЫХ
 ВИЗУАЛЬНЫХ ПРАКТИК БУДДИСТОВ БУРЯТ**

Статья посвящена анализу коллекции буддийских икон (танка и цакли) Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Актуальность изучения коллекций буддийских икон в качестве исторического и культурологического источника по ежедневным визуальным практикам буддистов не вызывает сомнений, поскольку данное исследование раскрывает неизвестные аспекты в формировании буддийской ритуальной практики. Сравнительный анализ двух собраний: буддийских икон из коллекции ИМБТ СО РАН с современными иконографическими комплексами хоймор-гунгурба подтвердил тот факт, что кардинальное изменение механизма передачи буддийской традиции в Бурятии, социальные сдвиги, политическая ситуация привели к трансформации вектора развития традиционной буддийской культуры бурят, приоритетом которого становится восстановление полноценной религиозной культуры с сохранением этнической специфики.

Ключевые слова: коллекция, буддизм, визуальные образы, иконы, почитание, буряты, повседневная ритуальная практика.

Bazarov Andrey Alexandrovich
Doctor of Sciences in Philosophy
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

**COLLECTION OF BUDDHIST ART (THANGKA, TSAKLI) AT THE IMBT SB RAS
 AS AN OBJECT OF STUDY OF THE DAILY VISUAL PRACTICES**

The paper is devoted to the analysis of the collection of Buddhist icons (tankha and tsakli) of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). The relevance of studying of the collections of Buddhist icons (tankha and tsakli) as a historical and cultural source about daily visual practices of Buddhists cannot be questioned, since this study reveals unknown aspects in the formation of Buryat ritual culture and the role of Buddhism in this process. The author based on a comparative analysis of two databases: the collection of Buddhist icons of IMBTS and modern complexes Khoimor-Gungurba) shows a close relationship between the local visual practice of Buddhists and the formation of Buryat culture from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century. After a comparative reconstruction of the structures of the collections, the author argues that the everyday ritual practice of praying for these photos is an important aspect of the formation of local Buddhism, a priority that is the restoration of a full-fledged religious ritual practice, with the preservation of ethnic specificity.

Keywords: collection, Buddhism, visual images, icons, worship, Buryats, everyday ritual practice.

Визуальные образы в буддизме Внутренней Азии и Южной Сибири играют основополагающую роль в религиозных ритуалах и психосоматической (йогической) практике. Сущность местного буддизма невозможно понять без семантического и структурного разбора буддийской иконографии. Коллекция предметов буддийского изобразительного искусства (иконы) Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН является уникальным и довольно обширным собранием, которая до настоящего времени не подвергалась системному описанию и не вводилась в научный оборот. С точки зрения своего иконографического репертуара (см. подр. Сборник изображений 300 бурханов 1903; 500 Deities 2000)

коллекция позволяет понять основные направления развития бурятских визуальных практик в конце XIX – начале XX вв., в то историческое время, когда был сформирован содержательный аспект данного собрания.

Материалом для описания послужила иконографическая коллекция танок и цакли, хранящаяся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ИК ИМБТ). Каков характер материалов? Что касается коллекции ИК из фондов ИМБТ СО РАН, то ее происхождение, согласно материалам фонда, связано с экспедиционными работами института в 30–70 гг. прошлого столетия. Танки (средний размер экземпляров 25×35 см (внутренняя часть) и 50×70 см (внешняя часть)), цакли (средний размер 6×9 см) в основном были созданы в бурятских монастырях в XVIII–XIX вв. (Буддийская живопись Бурятии 1995; Гумилев 1975) и представляют собой предметы для ежедневного визуального поклонения буддистов мирян региона (Будда в юрте, 2011). Предлагаемая в данном исследовании методика основывается на системном анализе культуры прошлого и отталкивается от конкретного изучения раритетных коллекций.

В процессе анализа БД было выявлено, что в коллекциях и материалах зафиксирована ярко выраженная визуальная иерархия, характерная для исторических ситуаций в Байкальском регионе конца XIX – начала XX вв., середины XX в. Данная иерархия в определенной степени традиционна: 1) Будда Шакьямуни; 2) учителя (Чже Цонкапа и Цокшинг школы Гелук, Гуру Падмасамбхава, Миларэпа, Далай-ламы, Богдо-гэгэны, другие индийские, тибетские и монгольские учителя); 3) Ваджрадхара; 4) Ваджрасаттва; 5) йидамы (Ваджрабхайрава (Ямантака), Чакрасамвара, Ваджрайогини, Гухьясамаджа-Акшобхьяваджра, Калачакра, Хаягрива, Сарасвати, Курукулле, Сарвавид-Вайрочана, Ситатапатра, Ушнишавиджая и др.); 6) Будды (Амитаюс, Акшобхья, Амитабха, Бхайшаджьягуру, Нагешварараджа, Майтрея, другие Будды); 7) бодхисаттвы (Манджушри, Тара, Авалокитешвара, Ваджрапани); 8) дакини (Симхамукха и др.); 9) защитники (Махакала и Тракшад, Шри-Деви (Пэлдэн-лхамо Макзор-гьелмо), Дхармараджа, Читипати, Джамбала, Вайшравана, Парнашавари, Махапратисара, Маричи-Калпоктам, Пэхары, Бэкцэ, Дамчен Гарвэ-накпо, Таок Сеншонг, Дра-лха, Гесар, Бурдзи-лхамо, Белый Старец и др.); 10) неидентифицированные божества.

Тем не менее, вышеуказанная структура в реалиях повседневной ритуальной культуры коррелируется. Структурный анализ ИК ИМБТ показал, что наиболее часто встречаемыми образами являются пять иконографических изображения: Тара, Будда Шакьямуни, Авалокитешвара, Учителя и Вайшравана. Исходя из частоты представленности в коллекции, пять вышеуказанных образов являлись наиболее распространенными изображениями в ежедневной визуальной практике мирян буддистов Бурятии в конце XIX – начале XX вв.

Количественный обзор предметов буддийского изобразительного искусства (иконы) Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН показал, что многочисленные иконографические образы, хранящиеся в собрании, в достаточной степени отражают разветвленную визуальную практику бурят-буддистов, имевшую место в конце XIX – начале XX вв. Необходимо отметить, что частота представленности конкретного образа в определенной степени противоречит структурной иерархии, характерной для визуальной традиции Внутренней Азии и Юга Сибири. Данный факт указывает прежде всего на ярко выраженные предпочтения в ежедневных визуальных ритуалах буддистов региона. Многочисленные неидентифицируемые образы демонстрируют наличие большого количества малоизученных локальных аспектов в буддийской иконографии исследуемого региона. Большой интерес вызвал факт того, что в коллекции отсутствуют некоторые популярные визуальные образы бурят, например, Балдан Лхамо – гневного женского божества, трактуемого в качестве всеобщей прародительницы.

Сравнительный анализ баз данных: хранение ИМБТ СО РАН и комплекс «хоймор-гунгурба» (полевые исследования в период 2019–2021 гг.) продемонстрировали специфику развития визуального ряда буддийских картин (танка, цакли) в регионе. Исходя из изучения баз данных, можно прийти к предварительному выводу о том, что наибольшее значение бурятские буддисты в визуальной практике придавали и придают пяти иконографическим образам: Тара, Будда Шакьямуни, Авалокитешвара, Вайшравана и Учитель. Что касается других образов, то в текущей визуальной практике они представлены в меньшей степени, чем 100 лет назад. Состав современных картинных собраний буддистов региона, несомненно, редуцируется. Одновременно с этим отмечается процесс обретения нового культурно-религиозного облика многочисленных ритуалов, в ряде случаев – это размывание и частичная ассимиляция одной визуальной практики с другой. Примером может служить ситуация с покровительницей

детей и беременности – Бурци Лхамо. Данный образ активно заменяется образом Сарасвати (бур. Ян-жима), одной из древних богинь Индии, покровительницы науки и искусства. Процесс редуцирования частных иконографических собраний связан не только с обеднением местной ритуальной культуры, но и с некоторыми социальными и экономическими процессами. С одной стороны, в Бурятии все больше старых картин находится у родственников умерших владельцев в качестве «памяти» о них. Это, как правило, одна-две, реже три-четыре картины, выбранные безо всякого принципа. Данное обстоятельство нуждается во фронтальном обследовании большинства сельских районов Бурятии. Картина в таких собраниях комплекса «хоймор-гунгурба» становится скорее мемориальным, изредка сакральным предметом, полностью утрачивая функцию «строителя религиозного мировоззрения». С другой, как ни странно, современная издательская деятельность в этой области малоразвита по сравнению с дореволюционным уровнем. Многочисленные открытки, иллюстрации журналов и газеты, постеры и фото формируют довольно однообразный репертуар частных собраний. В некоторой степени это отражает неразвитость производственной базы ритуального комплекса современных религиозных институтов в регионе.

В результате исследования был сформулирован вывод о том, что коллекция предметов буддийского изобразительного искусства (танка, цакли) ИМБТ СО РАН является фундаментальным собранием иконографических образов тибето-монгольского буддизма, воссоздающим специфику основных направлений развития бурятских визуальных практик в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX вв. Сравнительный анализ буддийских икон из коллекции ИМБТ СО РАН и современных иконографических комплексов «хоймор-гунгурба» подтвердил тот факт, что кардинальное изменение механизма передачи буддийской традиции в Бурятии, социальные сдвиги, политическая ситуация привели к трансформации вектора развития традиционной буддийской культуры бурят, приоритетом которого становится восстановление полноценной религиозной культуры с сохранением этнической специфики.

Литература:

- Будда в юрте / ред. К. Майнерт, А. А. Терентьев. Мюнхен: Hirmer Publisher, 2011.
- Буддийская живопись Бурятии. Из фондов Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова / сост. Ц.-Б. Бадмажапов. Улан-Удэ: Нютаг, 1995. 212 с.
- Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись: Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. М.: Искусство, 1975. 110 с.
- Елихина Ю. И. Тибетская живопись (тангка) из собрания Ю. Н. Рериха (коллекция Государственного Эрмитажа). СПб.: Гамас, 2010. 128 с.
- Иконография Ваджраяны. Альбом / авт.-сост. Ц.-Б. Бадмажапов, под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2003. 624 с.
- Сборник изображений 300 бурханов. По альбому Азиатского Музея / С примечаниями издал С. Ф. Ольденбург. Ч. 1: Рисунки и указатель. СПб.: Имп. АН, 1903. 114 с. [Bibliotheca Buddhica, V]
- 500 Deities: Deities of Tibetan Buddhism: The Zurich Paintings of the “Icons Worthwhile to See (Bris skumthong ba don ldan)” / Ed. by M. Willson and M. Brauen. Boston: Wisdom Publications, 2000.
- Jackson D., Jackson J. Tibetan Thangka Painting: Methods and Materials. New York, Ithaca: Snow Lion, 1988.

Головизнин Марк Васильевич
кандидат медицинских наук
Московский государственный медико-стоматологический университет
Москва, Россия
mvasilef@mail.ru

ВОСТОЧНЫЕ ВЛИЯНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛАХ АРХИТЕКТУРЫ БАРОККО ПРИБАЙКАЛЬЯ И ТОТЬМЫ

Вопрос о происхождении архитектурного барокко Сибири и влияния на него художественной традиции соседних стран Востока до сих пор является предметом дискуссий. Мы обосновываем точку зрения, что установление дипломатических и торговых контактов между Россией, Монголией и Китаем в XVIII в. породило интерес к культуре и религии этих стран, а импорт товаров через «Кяхтинский торг» способствовал формированию у потребителя моды на Восток. Это способствовало распространению восточных влияний в культуре (и архитектуре) не только в Сибири, но и в Европейской России, что выразилось в формировании новых региональных стилей (Тотемское барокко).

Ключевые слова: храмовое барокко Сибири, Тотма, картуш, Кяхтинский торг.

Goloviznin Mark Vasilievich
Candidate of Sciences in Medical
Moscow State University for medicine and dentistry
Moscow, Russia

EASTERN MOTIVES IN REGIONAL BAROQUE ARCHITECTURE OF BAIKAL REGION AND TOTMA

The origin of Siberian baroque architecture as far as the influence of the Eastern artistic tradition on it is still the subject of discussion. We substantiate the point of view that the establishment of diplomatic and trade contacts between Russia, Mongolia and China in the 18th century gave rise to interest in the culture and religion of these countries. The import of eastern goods through the "Kyakhta Fair" created the formation of Russian consumer's "East fashion" contributed to the spread of oriental influences in culture and architecture not only in Siberia, but also in European Russia. It resulted in formation of new regional styles (Totma baroque).

Keywords: Siberian baroque architecture, Totma, cartouche, Kyakhta Fair.

Настоящее сообщение мы хотели бы начать с частного случая. В Забайкальском крае в селе Кондуй существует Рождественская церковь 1806 года постройки, в стену которой в качестве межоконного декора были вмонтированы головы драконов из развалин средневекового Кондуйского дворца, относящегося ко времени Монгольской империи. Строители храма расположили средневековые элементы не в хаотичном, а в определенном порядке, что и позволяет трактовать их как декор (Крадин 2016: 134–135). Возможно, данный феномен связан с сословием «карымов» – бурятских казаков, потомков смешанных русско-бурятских браков. Формально карымы, состоящие на русской пограничной службе, должны были принять православие. На деле их мировоззрение представляло собой «двоеверие», где элементы православия сочетались с дохристианскими реликтами, что, возможно, нашло отражение в декоре Кондуйского храма. Данный феномен не является единичным в Восточной Сибири. «Селенгинский чайный путь», идущий из Монголии через Селенгинск и Верхнеудинск к Иркутску знаменит тем, что вдоль него выстроены барочные храмы, на стенах которых находятся щитовидные картуши, формирующие витиеватый декор. В Иркутске сохранилась построенная в середине XVIII в. Крестовоздвиженская церковь, стены которой покрыты сетью неповторимых украшений, в том числе, похожих на мандалы, которые еще И. Э. Грабарь назвал «привкусом соседнего Востока».

Проблематика архитектурного барокко Сибири как была во многом сформулирована в 1920-е гг. художником и историком культуры Д. А. Болдыревым-Казариным. По его мнению, связь «Сибирского барокко» с Востоком, выражается в частности, в появлении церквей, напоминающих своим силуэтом

буддийские ступы и пагоды. Примером ступообразного храма может служить упомянутая Крестовоздвиженская церковь в Иркутске. «Азиатский Восток всегда был классической страной орнамента и русские тонкие мастера, любители “узорожья” не могли не поддаться еще раз очарованию изысканной экзотики искусства своих ближних соседей» (Болдырев-Казарин 1924: 12,13,15).

Этой точке зрения противостоит концепция, авторы которой (Л. К. Минерт, С. Н. Баландин, Л. К. Масиель-Санчес) подвергали сомнению и самостоятельность «Сибирского барокко», и восточные влияния на храмовую архитектуру Сибири. Они сформулировали точку зрения о заимствовании в Прибайкалье элементов барокко Тотьмы – города на востоке Вологодчины. По их мнению, «тотемский стиль в “деградированной” форме был воспринят сибирскими мастерами, так как купцы из Тотьмы выступали заказчиками строительства церквей и в Прибайкалье, и у себя на родине» (Масиель-Санчес 2005: 190–193). На храмах Тотьмы действительно присутствует картушный декор, типологически сходный с прибайкальским и не имеющий аналогов в Европейской части России. В Иркутске в XVIII в. существовало землячество купцов-тотмичей, наладивших торговлю с Китаем в Кяхте. Ими были организованы экспедиции к Алеутским островам для промысла «морского зверя», шкуры которого шли в Китай в обмен на товары, выгодно реализуемые в центральной России.

Л. К. Масиель-Санчес указывал: «Соглашаясь, что “вздутые” кровли Крестовской церкви напоминают буддийские ступы, нельзя не подчеркнуть, что это не более, чем совпадение. Даже если предположить, что заказчики храма могли по каким-то необъяснимым причинам выразить пожелание придать строившимся на их деньги храмам завершение, сходное с буддийскими ступами, то и в этом случае остается не совсем ясным, откуда они смогли бы узнать, как эти ступы выглядят. Торговля с Китаем была меновой, и в сам Китай и даже в Монголию (с ее субурганями) русские купцы не проникали» (Масиель-Санчес 2008: 132). Однако документы русско-монгольских отношений XVII века свидетельствуют о гораздо более раннем проникновении казаков и служилых людей во внутренние районы Монголии и в Китай и позволяют сделать вывод об интересе русских к буддизму. В «Отписке» томского воеводы от 1609 г. указано: «А живет де китайский государь, и у него де, город каменный. ... А в городе де стоят храмы у него и звон де великий у тех храмов, а крестов на храмах нет, тово де не ведают, какая вера, а живут с русского обычья». Первые русские путешественники, не знакомые с языком буддийских текстов, воспринимали буддизм по внешним признакам, делая акцент на близкие им атрибуты – монашество, иконографию, колокольный звон, которые присутствовали в православии. Православные аналоги использовались и при объяснении буддийской иерархии: хутухта – патриарх, лоба – «старец», или митрополит. Более того, веротерпимые буддисты говорили русским, что в далеком прошлом они исповедовали одно вероучение. «А говорят так: ваша де вера одна с нашею была, ... да не ведаем, как наша вера от вашей отскочила» (Материалы 1959: 54, 82, 91). Приведенные факты позволяют объяснить внедрение восточной символики и форм в Сибирское храмовое барокко.

Ранее мы обосновывали, что прибайкальское барокко является местной школой, развитие которой объяснимо региональными закономерностями без необходимости привлечения «тотемского влияния» (Головизнин 2010: 102–105). Щитовидные картуши прибайкальских храмов могут быть отражением «объемного орнамента», который издавна применялся в архитектуре Монголии (Майдар, Пюрвеев 1980: 49–50) и был переосмыслен местной школой барокко. Повторимся, что прибайкальские церкви – от Иркутска до Селенгинска – строились сибирскими мастерами. Технологии создания тотемского и прибайкальского картуша непохожи и не позволяют считать один упрощенной копией другого. Если тотемский картуш есть узорожье, набранное как пазл из определенных элементов фигурного кирпича, то прибайкальский картуш является щитовидным монолитом, выступающим над поверхностью стены. Его верх и низ служат контррелиефами для арочных окон верхнего и нижнего этажей. В Тотьме данная закономерность отсутствует: вычурные картуши сочетаются не с арочными, а с архаичными прямоугольными проемами окон. Гораздо более вероятно, что жившие в Прибайкалье десятилетиями тотмичи, видели экзотические для них образцы прибайкальского орнамента и, творчески переработав, воплотили их у себя на родине. Следует отметить, что распространение восточных товаров в России формировало и новые вкусы потребителя (китайщина). Вероятно также, что между прибайкальской и тотемской школами существовал своеобразный «диалог». Если сравнить Вздохоерусалимскую церковь в Тотьме и храм Михаила Архангела (Харалампия) в Иркутске, то эти два строения имеют одну закономерность. Нижний ярус картушей юго-восточной стороны Харалампиевского храма представлен тотемскими картушами, аналогичными таковым на юго-восточной стороне Вздохоерусалимской церкви в

Тотьме. Нижний ярус обоих храмов на северо-западной стороне также представлен однотипными картушами, но сибирскими «щитовидными» (на тотемском храме они находятся в перевернутом положении).

Рис. 1. Слева Входоиерусалимская церковь в Тотьме и ее картуши нижнего яруса, справа – Харалампиевская церковь в Иркутске и ее картуши нижнего яруса

Оба храма имеют одинаковую ориентацию по сторонам света. Их продольные оси от алтарной части до колокольни направлены с северо-востока на юго-запад. Контур окон верхнего яруса Входоиерусалимской церкви аналогичен контуру сибирского картуша (ложного окна) Харалампиевского храма. Представляют ли эти феномены закономерность, покажут будущие исследования.

Литература:

Болдырев-Казарин Д. А. Народное искусство Сибири // Сибирская живая сторона. Этнографический сборник. Вып. 2. Иркутск, 1924. С. 5–20.

Головизнин Марк. Сибирское барокко с буддийским оттенком // Восточная коллекция. 2010. № 3 (42). С. 100–110.

Крадин Н. Н., Крадин Н. П. Кондуйские древности // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 133–138

Майдар Д., Пюрвеев Д. Б. От кочевой до мобильной архитектуры. М.: Стройиздат, 1980. 216 с.

Масиель-Санчес Л. К. Православные каменные храмы Западного Забайкалья XVIII – первой половины XIX вв. История региональной традиции // Памятники русской архитектуры и русского монументального искусства XVI–XX вв. 2005. Вып. 7. С. 178–207.

Масиель Санчес Л. К. Иркутские каменные храмы середины XVIII в. // Архитектурное наследие. 2008. Вып. 49. С. 127–144.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 352 с.

*Амоголонова Дарима Дашиевна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
amog@inbox.ru*

ДИНАМИКА ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ БУДДИЗМА СРЕДИ БУРЯТ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.¹

В статье исследуется тема имперской политики по отношению к бурятам и роли православной церкви в расширении влияния государства на нерусских подданных в условиях возрастания значимости буддизма в бурятской этнокультурной идентичности. Автор доказывает, что способы русификации иноверцев включали в себя одновременно окрестительную деятельность и осуществление контроля над буддийским духовенством, легитимизированным в рамках законодательных мер. Институционализация буддизма сыграла значительную роль в формировании лояльности буддийского духовенства к монархии и российскому государству, что в свою очередь способствовало формированию российской идентичности бурят. Одновременно автор указывает, что окрестительная деятельность православной церкви, несмотря на успехи в формальных показателях, в большинстве случаев не приводила к христианизации бурятского общественного сознания.

Ключевые слова: буддизм, православие, Российская империя, буряты, духовное пространство.

*Amogolonova Darima Dashievna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia*

DYNAMICS OF IMPERIAL POLICY TOWARDS BUDDHISM AMONG THE BURYATS AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

The paper deals with the Russian imperial policy towards the Buryats and the role of the Orthodox Church in expanding influence of the state on non-Russian subjects in the context of the growing importance of Buddhism in the Buryat ethnic cultural identity. The author argues that the methods of Russification of the non-Russians included both baptizing activities and control over the Buddhist clergy. The institutionalization of Buddhism played a significant role in the loyalty of the Buddhist clergy to the monarchy and the Russian state, which in turn contributed to the Russian political identity of the Buryats. The author shows that despite the formal success the Orthodox Church did not bring to the Christianization of the Buryat public consciousness.

Keywords: Buddhism, Orthodoxy, Russian Empire, Buryats, spiritual space.

В условиях укрепления империи и включения в нее огромных азиатских пространств и больших групп нерусского и не-православного населения актуальной была задача воспитания лояльности среди коренных жителей Сибири, а действенным инструментом являлась православная проповедь, тогда как буддизм воспринимался как проводник иноземного влияния. Рационально и государственно мыслявшие чиновники осознавали роль буддизма в регулировании социальной жизни бурят и как помощника в укреплении русской светской власти, чему способствовала институционализация буддийской церкви. Совсем иначе свои государственные задачи видели представители православного духовенства. В частности, Селенгинский епископ Вениамин доказывал, что крещение в православную веру меняет нерусскую этническую идентичность на русскую государственную принадлежность: «Только тот называется

¹ Исследование выполнено по гранту РФФИ № 21-18-00074 «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов».

русским, кто православный... в отношении к иноверцам, православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью, с нравами, привычками и всей обстановкой обыденной жизни инородцев, убеждать их в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими» (Вениамин 1882: 3).

Одновременно необходимо учитывать, что представители нерусского населения, крещенные или нет, воспринимались миссионерами не только как «язычники», но и как «темный люд», «взрослые младенцы» в соответствии с бытующими в русской среде стереотипами об отсталости инородцев, что разделяли и православные лидеры. Так, Иркутский архиепископ Парфений писал следующее: «Было бы странно осуждать детей по возрасту в духовной жизни за то, что они не об одном горнем мудрствуют, что они еще водятся чувственными пожеланиями детского возраста» (Парфений 1868: 69–70). При принятом отношении к нерусским как нецивилизованным общностям задачи крещения и через него достижения мировоззренческой гомогенности инородцев с «исконно православным» русским народом неминуемо означало рассмотрение «отсталого Востока как арены царских завоеваний», а большинство тех, кто готовился к миссионерской деятельности в стенах, например, Казанской духовной академии, «испытывали сильную антипатию к объектам своей деятельности» (Schimmelpenninck 2010: 8, 151). При этом православные лидеры полагали, что те, кто имел смелость признавать право инородцев на свою религиозную принадлежность, становятся предателями христианства (Нестор 1910: 63). К числу тех, кто стал объектом критики Нестора, относились не только либерально настроенные российские интеллигентские круги, но и сибирские чиновники, осознававшие необходимость поддержания миролюбивых отношений с буддистами и их духовенством. Между тем даже санкт-петербургский «Правительственный вестник», отличавшийся горячим монархизмом, представил положительную характеристику бурят-буддистов, которые честно исполняют свой долг по защите границ государства, успешно овладевают русским языком, что свидетельствует об их желании быть лояльными подданными империи, проводниками русского влияния в Центральной Азии: «Воинствующего буддизма не существует среди наших лам и еще меньше поощрения его за государственный счет», а буряты-буддисты «честнее и преданнее тысяч православных по имени» (Правительственный Вестник. Архив востоковедов ИВР РАН (АВ). Ф. 62. Оп. 1. Д. 114. Л. 19).

Однако с точки зрения целей православного руководства, лояльность по отношению к государству могла быть достигнута непременно путем крещения, а в этом важную роль должны были сыграть те из инородцев, кто пользуется в среде своих соплеменников авторитетом, имеет власть и влияние. Как отмечает Б. З. Нанзатов, крещение для бурятской элиты являлось способом продвижения по карьерной лестнице. К тому же подразумевалось, что крещенные буряты, занимавшие те или иные посты, обязаны были содействовать распространению православия среди своих соплеменников, а уклонение от исполнения этой обязанности грозило потерей должности или иным наказанием (Нанзатов 2017: 106–107). Вместе с тем, православные деятели отмечали в докладах в Синод, что крещенные тайши почти явно оставались шаманистами и буддистами, о чем епископ Парфений приводил примеры (Отчет о состоянии Иркутской епархии за 1861 г. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 51. Л. 40).

По мнению выдающегося востоковеда А. М. Позднеева, успех христианизации мог быть достигнут только посредством овладения миссионерами бурятским языком, бытом, религиозно-культурными традициями бурят, а потому ехать в Сибирь должны священнослужители, достаточные образованные для быстрого включения в плодотворную окрестительную работу в условиях бурятской среды (АВ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 125. Л. 9–12).

Несмотря на подобные советы, большинство православных проповедников относились к своей деятельности формально, что порождало ответное формальное отношение к своему православному статусу со стороны бурят. А потому после публикации Именного Высочайшего Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. началось массовое отпадение крещенных бурят из православия. Так, отказаться от христианства пожелали подавляющее большинство из 10 тысяч крещенных бурят, проживавших в трех ведомствах Иркутского уезда. Основываясь на букве Указа, православное руководство пыталось препятствовать переходу крещенных бурят в буддизм, поскольку ни они сами, ни их предки до крещения буддистами не были. В своем отчете Иркутский архиепископ Серафим отмечал, что сразу после известия о Высочайшем Указе крещенные буряты продемонстрировали свое негативное отношение к православию: отказали миссионерам в крещении новорожденных детей, иконы либо возвращали миссионе-

рам, либо уничтожали, перестали содержать миссионерские станы-храмы и школы и т.д. В качестве причины Серафим самокритично называет отсутствие качественных пастырских наставлений от приходских священников, которые «едва ли интересовались этими случайными овцами своего стада». А потому крещеные буряты «жили по верованиям и обрядам шаманства или ламаизма» (Дело по расследованию причин массового перехода бурят Иркутской епархии из православия в буддизм. РГИА. Ф. 796. Оп. 197. 6 отд. 3 ст. Д. 311. Л. 22). Архиепископ Серафим возлагал вину за создавшееся положение и на православных священников и миссионеров, и на гражданскую власть, которые считали, что «Если крещен в русскую веру, значит уже не бурят, а русский» (Там же). Серафим перечислил конкретные причины массового отпадения бурят от православия, среди которых, среди прочего, назвал незнание миссионерами бурятского языка. Серафим полагал, что ситуацию еще можно изменить путем исправления ошибок, что помогло бы снова привлечь бурят к православию. Оптимистические прогнозы Серафима не могли реализоваться по целому ряду причин, главными из которых явились Первая мировая война и последующие события.

Итак, государственные интересы способствовали динамическим изменениям по отношению к нерусским подданным вплоть до определенных уступок. При этом уважение бурят к государству возрастало в связи с его отказом от политики подавления неправославных религий. Буддизм способствовал воспитанию у бурят преданности царю и государству. Таким образом, буддийская религиозная идентичность бурят стала неотделимой от идентичности российской.

Литература:

Вениамин (Благонравов В. А.). Обязанности русского государства по обращению раскольников и иноверцев к православной русской церкви. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1882. 18 с.

Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX – начале XX в.: трансформация идентичностей // *Oriental Studies*. 2017. № 5. С. 102–110.

Нестор (Анисимов Н.А.). Православие в Сибири (исторический очерк). СПб.: Отечественная типография, 1910. 80 с.

Парфений (Попов П. Т.). Иркутская миссия в 1867 году. М.: В Университетской типографии (Катков и К^о), 1868. 108 с.

Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven & London: Yale University Press, 2010. 288 p.

Цыремпилова Ирина Семеновна
доктор исторических наук
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Улан-Удэ, Россия
irina161073@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ИРКУТСКОЙ И ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИЙ¹

В статье представлен обзор региональных современных исследований по истории Иркутской и Забайкальской епархий – крупных и самостоятельных церковно-административных единиц Восточной Сибири. На основе анализа монографий как значимых историографических источников, статей в рецензируемых изданиях и других трудов, опубликованных за последние 30 лет, рассмотрены результаты и достижения ученых Иркутска, Читы, Улан-Удэ по изучению широкого спектра вопросов, таких как, вопросы церковно-административного управления, основные направления деятельности епархий, судьба храмостроительства, религиозное лидерство, эволюция государственно-церковных взаимоотношений, советский период в истории православия и др. Накопленный исследовательский опыт свидетельствует о необходимости формирования научных коллективов по изучению истории Иркутской и Забайкальской епархий, по подготовке и публикации сборников документов и других справочных изданий.

Ключевые слова: историография, современные исследования, Русская православная церковь, Иркутская епархия, Забайкальская епархия.

Tsyrempilova Irina Semyonovna
Doctor of Sciences in History
Eastern-Siberian state Institute of culture
Ulan-Ude, Russia

CONTEMPORARY RESEARCH OF HISTORY OF IRKUTSK AND ZABAICAILSK EPARCHIES

This article examines an overview of regional contemporary research of history of Irkutsk and Zabaikalsk eparchies – large self-sufficing church-administrative units of Eastern Siberia. Based on the analysis of monographs as of significant historiographical sources, articles in reviewed bulletins and other works published in the span of the last 30 years, results and achievements of scientists of Irkutsk, Chita and Ulan-Ude regarding wide variety of matters, such as matters of church-administrative management, principal directions of eparchies' activities, the fate of church-building, religious leadership, the evolution of state-church relationships, Soviet period in the history of Orthodox Christianity, etc., have been reviewed. Cumulative research experience proves the necessity of forming scientific groups that research history of Irkutsk and Zabaikalsk eparchies, prepare and publish collections of documents and other referential editions.

Keywords: historiography, contemporary research, Russian Orthodox Church, Irkutsk eparchy, Zabaikalsk eparchy.

За последние 30 лет произошли серьезные изменения в изучении религиозной проблематики, что было обусловлено не только доступом к архивным свидетельствам и актуализацией междисциплинарных исследований, но и объективным профессиональным и общественным запросом. Как один из замечательных результатов исследовательского опыта можно рассматривать оформление «епархиальной истории» в качестве самостоятельного научного направления. К настоящему времени ученые смогли существенно расширить исследовательское поле в контексте регионально-епархиальной проблематики:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44156 «Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на территории Внутренней Азии в условиях транснаничья (XVII–XXI вв.)».

церковное краеведение, выявление и интерпретация источниковой базы, анализ экономических и управленческих аспектов в деятельности церкви. Это в полной мере относится и к изучению истории Иркутской и Забайкальской епархий.

Иркутская епархия, созданная в 1727 г., до середины XIX в. являлась самой восточной и самой крупной по территории епархией, занимая более половины Российской империи и простираясь на два континента. А уже из ее состава в 1894 г. в пределах Забайкальской области была выделена одноименная епархия. Различные аспекты практически 300-летней истории православной традиции на территории Восточной Сибири: распространение православия, становление и развитие церковно-административных структур, эволюция взаимоотношений с государством и обществом, образовательные, культурно-просветительские проекты РПЦ и др. в той или иной степени нашли своих исследователей. Это позволяет нам осуществить анализ современных работ по заявленной теме.

К значимым видам историографических источников следует отнести издание ряда монографических исследований, существенно расширивших и дополнивших историю православной церкви на территории Восточной Сибири. К первым попыткам изучения истории Иркутской епархии можно отнести исследование О. Е. Наумовой (1996), в котором были рассмотрены предпосылки создания, вопросы укрепления и развития епархии как самостоятельной церковно-административной единицы, особенности ее хозяйственной и культурно-просветительской деятельности. В работе профессора А. В. Дулова (2000), а также в совместной с А. П. Санниковым монографии (2006) представлена история православной церкви: от храмостроительства, деятельности приходского духовенства, особенностей духовного образования до оценки деятельности архиереев и влияния православия на жизнь коренных народов Восточной Сибири. В авторской монографии А. П. Санникова (2016) предпринята попытка комплексного изучения взаимоотношений православной церкви, общества и государства в Восточной Сибири в условиях русской колонизации края: нач. XVII – нач. XIX в.

В трудах профессора Л. Н. Харченко воспроизведена полная картина культурного влияния и реализация курса просветительной политики православной церкви в сибирском регионе. Обоснован вывод автора о том, что культурное влияние церкви в Сибири осуществлялось на правах доминирующего религиозного учреждения, «рейтинг РПЦ в Сибири был много выше, чем в Европейской России» (Харченко 2005: 482).

Среди читинских исследователей следует, безусловно, выделить крупного специалиста В. И. Косых. В его пяти монографиях на основе широкой источниковой базы детально изучена история Забайкальской епархии с 80-х гг. XIX в., освещены вопросы взаимоотношений епархии с органами Временного правительства, первой советской власти и белой государственностью. обстоятельно рассмотрены структура, кадровый состав, финансовое положение, основные направления деятельности епархии в период частой смены политических режимов. Детальное и скрупулезное изучение любого аспекта темы, трепетное отношение к тексту документа, взвешенный анализ позволяют позиционировать работы В. И. Косых как сложившуюся исследовательскую концепцию.

Успехи распространения и утверждения православной веры во многом зависели от авторитета духовенства. В связи с этим тема религиозного лидерства является одной из актуальных в современной литературе. В полной мере это относится к иркутским и забайкальским архиереям. Подвижничество по строительству храмов, развитию миссионерского дела, духовного образования таких деятелей как Иннокентий Кульчицкий, Иннокентий Нерунович, Вениамин Багрянский, Иннокентий Вениаминов нашли детальное освещение в трудах Д. А. Карпук, О. Е. Наумовой, А. П. Санникова, Н. К. Чернышовой и др.

В настоящее время истории храмостроительства уделяется большое внимание. Часовни, церкви, соборы, монастыри, будучи не только местами отправления религиозных нужд, постепенно становились центрами общественной жизни. Самые крупные храмы, являющиеся сегодня объектами культурного наследия, были построены на средства купцов. Благодаря купеческому храмосозиданию стало возможным появление такого архитектурного феномена как сибирское барокко. Изучением утраченных и действующих церквей и часовен Иркутской епархии занимается архитектор И. В. Калинина, историей монастырей Забайкалья – Е. В. Дроботушенко, С. С. Апанасенко.

Положительной тенденцией современных изысканий следует обозначить источниковедческие труды. Особое значение имеют Иркутские и Забайкальские епархиальные ведомости. А. А. Кокоуров, Н. Н. Корниенко, Т. А. Крючкова, Ю. Н. Ланцова, Н. А. Лысенко, Е. Ю. Мамченко, А. В. Пашинин и др.

рассматривают материалы церковных периодических изданий для исследования демографических, социальных и культурных процессов в Сибири.

Сложным и трагичным периодом в истории религиозных институтов является XX в. Так, дискуссионным продолжает оставаться вопрос о положении РПЦ в годы революций и Гражданской войны. В отличие от советской историографии в современных исследованиях серьезное внимание стало уделяться роли церкви и духовенства, реконструкции повседневной религиозной жизни в условиях междоусобного противоборства (В. И. Василевский, А. П. Доброновская, В. И. Косых, Т. М. Новикова и др.).

В качестве обязательных компонентов периода 1920–1930-х гг. рассматриваются эволюция нормативно-правовой базы, комплекс административных и экономических мер по отношению к религиозным организациям, механизм и результаты репрессивной политики и др. Эти вопросы на материалах Байкальского региона комплексно рассмотрены в монографии И. С. Цыремпиловой (2008). В работах Т. А. Крючковой, И. И. Терновой, А. П. Санникова (Иркутская епархия), В. И. Василевского, Д. В. Саввина (Забайкальская епархия), И. С. Цыремпиловой (Байкальский регион), Е. С. Митыповой (Бурятия) воссозданы политические процессы 1930-х гг. по сфабрикованным делам «церковно-монархических контрреволюционных организаций».

Государственно-церковные взаимоотношения в 1940–1980-е гг. в контексте изменения конфессиональной политики стали предметом исследовательского интереса. И. В. Смолиной был проведен конкретно-исторический анализ положения и деятельности Иркутской епархии, выявлены новые данные в биографиях иркутских архиереев; Е. В. Дроботушенко восстановил основные события в истории православия на территории Бурятской АССР и Читинской области.

Таким образом, современная историография епархиальной истории характеризуется наличием положительных тенденций. Это качественные и количественные изменения, нашедшие отражение в появлении специальных монографий, публикаций в рецензируемых изданиях, защитой докторских и кандидатских диссертаций. С учетом результатов вполне правомерно инициировать формирование исследовательских коллективов по написанию истории Иркутской и Забайкальской епархий, что, на наш взгляд, могли бы взять на себя кафедры теологии Иркутского и Бурятского госуниверситетов. Сегодня также назрела необходимость межрегиональной интеграции светских и церковных специалистов для подготовки документальных сборников и справочных изданий.

Литература:

Дулов А. В. Русское православие: очерк истории. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. 303 с.

Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. Иркутск: МИОН. 2006. Ч. 1. 294 с.; Ч. 2. 324 с.

Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: энцикл. Справочник. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. 448 с.

Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: ЗабГПУ, 2007. 204 с.

Косых В. И. Забайкальская епархия в годы Первой мировой войны. Чита: ЗабГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2014. 287 с.

Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита: ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 1999. 196 с.

Косых В. И. Советская власть и Забайкальская епархия (февраль–август 1918 г.). Чита: ЗабГУ, 2015. 370 с.

Косых В. И. Забайкальская епархия: время атамана Семенова. Чита: изд-во ЗабГУ, 2020. 473 с.

Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX вв. Иркутск: Изд-во ИрГТУ. 1996. 205 с.

Санников А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII веках. Иркутск: изд-во ИГУ, 2016. 311 с.

Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вт. пол. XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб: Изд-во Политехнического университета, 2005. 512 с.

Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 300 с.

*Аякова Жаргал Аюшиевна
доктор философских наук
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
Улан-Удэ, Россия
azhargal@yandex.ru*

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЯТСКИХ ЛАМ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Сегодня в обществе существенную роль играет просветительская деятельность бурятских лам, получивших степень геше в индийском монастыре – университете Дрепунг Гоман. Вернувшись в Бурятию после длительного обучения, они служат в дацанах и занимаются преподавательской деятельностью в буддийском университете. В последние годы бурятские геше читают лекции по философии буддизма по просьбе верующих и мирян на бурятском и русском языках. Буддийские учителя исходят из практических ценностей Учения, являющегося плодотворным руководством не столько для интеллектуального обогащения, сколько для развития нравственности, соответствующего поведения и образа жизни.

Ключевые слова: постсоветская Бурятия, бурятские геше, верующие, буддийское образование, буддийский университет.

*Aiakova Zhargal Ayushievna
Doctor of Sciences in Philosophy
Buryat State Academy of Agriculture
Ulan-Ude, Russia*

BURYAT LAMAS AND THEIR ACTIVITIES IN THE POST-SOVIET PERIOD

The educational activities of Buryat geshes and lamas play an important role in Buryat society. Returning to Buryatia after completing their study in Drepung Gomang Monastic University, Buryat lamas teach the Buddhist University and serve in the datsans. At the request of believers and lay people, Buryat geshes and lamas are engaged in giving public talks on Buddhist philosophy. Buryat teachers (bagsha) come from a reason of the practical values of the Buddhist teaching, which is a fruitful guide not only for intellectual enrichment but especially for the moral development and appropriate behavior and lifestyle.

Keywords: post-Soviet Buryatia, Buryat lamas, Buddhist University, Buryat believers, lay people, datsan.

Просветительская традиция в буддизме восходит к проповедям исторического Будды, форма, стиль и содержание которых зависели от уровня подготовки слушателей. Как Будда из сострадания к живым существам проповедовал и объяснял свое учение, так и последующие учителя продолжали проповедовать и объяснять учение Будды. Его Святейшество Далай-лама XIV обратился с просьбой к ученым монахам распространять учение Будды, его философию, среди мирян с целью принесения пользы всем живым существам (Учения Его Святейшества...).

В буддийском смысле просвещение представляет собой передачу и распространение буддийских знаний с опорой на коренные тексты, являющиеся фундаментом буддийской традиции, наследием непревзойденных буддийских учителей и философов. Не зря говорится, что буддизм это «не что иное, как пространство текстов» воспроизводящих “прото-формы” своего неписьменного существования» (Пятигорский 2004: 146–149). Буддисты читают и изучают тексты на протяжении всей жизни, их запоминание, декламация, копирование считается духовной заслугой. В махаянской традиции изучение текстов базируется на принципе «четырех опор»: 1) опоры на учение, а не на учителя; 2) опоры на смысл, а не на слова, его выражающие; 3) опоры на окончательный смысл, а не на промежуточный; 4) опоры на совершенную мудрость глубинного опыта, а не на простое знание (Урбанаева 2009: 61).

Согласно буддийской традиции, миряне обращаются к учителю с просьбой «даровать драгоценное Учение», которая может быть неоднократной. В текстах говорится, «не учить без просьбы», кроме тех

случаев, когда учитель в будущих слушателях видит подходящие «сосуды». Большое значение имеет «кого можно и кого нельзя учить» (Цонкапа 1994: 109).

Учитывая, что махаянская практика буддизма доступна не только монахам, но и мирянам, то ее учение и методы должны применяться в повседневной жизни. Однако миряне сталкиваются с проблемой самостоятельной интерпретации буддийского учения, становится очевидной потребность в разъяснении его положений и принципов, руководстве по его практическому применению. Бурятские ученые-ламы, получившие образование в монастырях-университетах, не остаются в стороне от нужд мирян, желающих быть просвещенными в буддизме. Учителя исходят из практических ценностей учения, полезного не столько для интеллектуального обогащения, но, прежде всего, для развития нравственности, соответствующего поведения, и образа жизни. Требуемая устойчивая вера и почитание учителей способствуют тому, что среди верующих складывается своего рода культ ученых лам и геше. В махаянских текстах непоколебимая вера в своего духовного учителя выступает главным условием и методом духовного развития личности вплоть до обретения ею полного пробуждения.

Народный буддизм объединяет верующих, преследующих цель не достижения нирваны, а обеспечения благого перерождения, обусловленного кармическими заслугами. Верующие стремятся накопить заслуги, в том числе и через слушание учения, так как «слушание знакомит с положениями Дхармы, отлучает от дурного, отвращает от рассеянности праздной, уводит по ту сторону страданий» (Цонкапа 1994: 35). Буддизм не говорит, что «слепая вера» является недостатком религиозной практики, но обращает внимание, что вера также должна опираться на знания и методы их использования в повседневной жизни. В постсоветской Бурятии наблюдается заметный рост количества мирян-буддистов, проявляющих интерес к философским аспектам буддийского учения. Верующий полагается на слово учителя, а учитель полагается на слово Будды, т.е. тексты и комментарии к ним великих пандитов прошлого. Не зря в популярном сочинении бурятского ламы-просветителя Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости» (Бэлигэй Толи) говорится: «Постоянно почитай знающего учителя, расширившего свои познания в двух законах. Если обратишься к учителю, узнаешь за один день все то, что в одиночку одолел бы за месяц или даже за год». Здесь же рекомендуется больше внимания уделять изучению наследия «сутр и шастр» и размышлению над ними, тогда как занятия только мирскими делами «имеют небольшой смысл» (Галшиев 1993: 209).

Популярности произведения ламы Галшиева способствует просветительская деятельность Бурятской Традиционной Сангхи России, которая широко освещает его субхашиты на своих медийных ресурсах, проводит конференции и круглые столы, организует тематические мероприятия с вовлечением молодого поколения. В 2017 г. ламы буддийского университета «Даши Чойнхорлин» занялись новым переводом «Зерцала мудрости» в целях включения его в свою систему образования. Ими были замечены случаи неточного использования некоторых бурятских слов, что объясняется невозможностью прямого перевода слов Будды в советское время. Распространение «Зерцала мудрости» бурятскими ламами ведется в трех направлениях: преподавание для студентов буддийского университета; воспитание подрастающего поколения путем организации мероприятий и конкурсов, посвященных учению; наставления для взрослых прихожан. По мнению лам и преподавателей, поучения Галшиева, включенные в программу обучения для послушников (хувараков) Буддийского университета, способствуют более доступному пониманию философских принципов буддизма. Для детей это, несомненно, дидактический материал, основа духовно-нравственного воспитания и сохранения традиций и языка. Для мирян и прихожан это, прежде всего, руководство для повседневной нравственной мирской и духовной жизни. Ежедневная трансляция субхашит ламы Галшиева Хамбо-ламой Д. Аюшиевым на своей странице в социальной сети говорит о важности и их практической значимости в традиции и культуре бурят. Сочинение ламы Э.-Х. Галшиева, на наш взгляд, является ярким примером того, как буддийские ценности инкорпорируются в ежедневную практику бурят и определяют духовные и материальные основы их жизни.

В Бурятии на протяжении последних лет проводятся лекции геше и ламами Буддийского университета по буддийской философии для мирян. Бурятские ламы, продолжая просветительские традиции учителей, по просьбе верующих даруют учение, разъясняя его религиозные и философские аспекты. Они обращают внимание слушателей избегать крайностей: не стоит заниматься только удовлетворением религиозных потребностей, либо впадать в крайний интеллектуализм. Чтобы не поддаться «ложным воззрениям», необходимо внутреннее убеждение, стержнем которого являются знания, накопленные в

процессе слушания учения и размышления над ним. С помощью учителей миряне разбирают базовые тексты Чже Цонкапы «Большое руководство к этапам Пути Пробуждения», Шантидевы «Бодхичарья-аватара», Гьялсэ Тогмэ Сангпо «Тридцать семь практик Бодхисаттвы» и др. Сложность восприятия учения обусловлено, в первую очередь, уровнем подготовки слушателей, поэтому учитель не упрощает, но адаптирует и «делает Дхарму человеческой» (Берзин). Слушатели могут задавать вопросы, но некоторые из них остаются без ответов. Буддисты говорят, что в некоторых случаях «молчание – это лучший ответ». Известно, что Будда «отвечал» молчанием на вопросы мирян, возможно, предлагая вопрошающему поразмышлять и убедиться, насколько вопрос является существенным или полезным для продвижения по духовному пути.

Стоит отметить, что лекции бурятских лам собирают относительно небольшое количество людей, но среди них сформировалось ядро постоянных слушателей, в основном женщин, считающих себя учениками, а лам – учителями (*багша*). Это ядро представлено образованными и профессионально состоявшимися людьми, которые посещают лекции для обретения «более глубоких знаний и опыта их осмысления и рефлексии». Для этого нужен учитель, *багша*, живое общение с которым позволяет полнее осознать свой потенциал и возможности.

Литература:

Берзин А. Отношения с духовным учителем [Электронный ресурс] // URL: <https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/> (дата обращения: 10.01.2022).

Галшиев Э.-Х. Бэлигэй толи: Шүлэгүүд. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 1993. 352 с.

Пятигорский А. М. Непрерывающийся разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004. 432 с.

Учения Его Святейшества Далай-ламы для буддистов России – 2021 [Электронный ресурс] // URL: <http://savetibet.ru/dalai-lama/2021/dlt.php> (дата обращения: 07.11.2021).

Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Ч. I. СПб.: Нартанг, 1994. 386 с.

Урбанаева И. С. Специфика буддизма как философии и религии // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 61–68.

**ФИЛОСОФСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ «ШАСТРЫ О МУДРОЙ БЕСЕДЕ
МАЛЬЧИКА-СИРОТЫ С ДЕВЯТЬЮ ОРЛЮКАМИ ЧИНГИС-ХАНА»
(НАЧАЛО XIII в.) И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В данной статье обосновывается новая интерпретация поэтической шастры как философского диалога об истине и справедливости (как у Сократа). В ходе диалога Чингис-хан поднимает диалектический вопрос об истине, о том, как ее найти и жить в соответствии с ней, и дает ответ, что истина есть в каждом человеке, включая даже мальчика-сироту. Введение в процесс диалога третьего оппонента (независимого эксперта) в лице мальчика-сироты превращает его в философский дискурс (*discursus*). Чингис-хан утверждает, что «справедливость – это мудрость, содержащаяся в правильном слове, а несправедливость – это зло в неправильном слове», концепция справедливости связана с моралью и знанием. Такой дискурсивный метод философствования, использующий совершенный способ выражения, артикулирует способности ума и извлекает скрытые истины из сути предмета.

Ключевые слова: язык, мудрствование, диалог, дискурсия, философская герменевтика.

Chimedtseren Gan-Ulzii

Sc.D

Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

**PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE «SHASTRA ABOUT THE WISE CONVERSATION
OF AN ORPHAN BOY WITH THE NINE COMMANDERS OF GENGHIS KHAN»
(EARLY 13TH CENTURY) AND MODERNITY**

This article substantiates a new interpretation of this poetic shastra as a philosophical dialogue about truth and justice (as in Socrates). During the dialogue, Genghis Khan raises the dialectical question of the truth, how to find it and live in accordance with it, and gives the answer that the truth is in every person, including even the "orphan boy". The introduction of a third opponent (an independent expert) into the dialogue process in the person of an "orphan boy" turns it into a philosophical discourse (*discursus*). Genghis Khan argues that "justice is wisdom contained in the right word, and injustice is evil in the wrong word" and thus the concept of justice is related to morality and knowledge. Such a discursive method of philosophizing, using a perfect way of expression, articulates the abilities of the mind and extracts hidden truths from the essence of the subject.

Keywords: language, wisdom, dialogue, discussion, philosophical hermeneutics.

Данная работа посвящена философской интерпретации одного из первых артефактов культуры монгольских народов в период становления Всемонгольского государства «Шастра о мудрой беседе мальчика-сироты с девятью орлюками Чингис-хана» (прибл. 1211 г.). Цель исследования заключается в герменевтическом анализе фактичности данного памятника монгольской письменности, который наши и зарубежные исследователи относят к учениям самого Чингис-хана. Методологической основой исследования является герменевтическая феноменология фактичности работы истории.

Фундаментальным основанием и специфической чертой культуры кочевых монголов, в отличие от оседлых народов, является дух естественной закономерности Вселенной, опирающийся на преимущественно устный и письменный язык. Главным ядром духовной жизни кочевников монголов выступают «традиция и склонность воспроизводить принятые образцы жизнедеятельности, как в области поведения, так и в области мышления» (Ринчен, 1958). В работе «Из нашего культурного наследия» академик Б. Ринчен охватывает многие стороны традиционной культуры кочевого образа жизни

монголов, особо подчеркивая роль классического монгольского языка и таких традиционных ценностей монголов-кочевников, как стихотворения, песни и благопожелания. Здесь под языком надо понимать не только систему каждого естественного языка, но и уже сказанные, понятые и принятые вещи. При понимании того, что передано нам исторической традицией, непросто понимаются те или иные тексты, но вырабатываются определенные представления и постигаются определенные истины. Герменевтико-феноменологический метод исследования ставит перед нами задачу систематического изучения типов и форм интенциональных переживаний, а также редукции их структур к первичным интенциям. Исходя из этого, раскрытие форм, из которых складывается «жизнь сообщества», подразумевает изучение опыта своего собственного «я» и на его основе опыта других «я», а также опыта «сообщества». Ибо сознающие способы постижения «лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории. Все это такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, неподлежащая верификации методологическими средствами науки» (Гадамер 1988: 38).

Особенностью создания данной шастры является то, что оно происходило в условиях кочевого образа жизни и взаимосвязи с другими цивилизованными центрами. Всемонгольское государство явилось как государство суперэтнуса монголов-кочевников, «одновременно возникающих в определенном регионе, одновременно в одном ландшафтном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением, что отнюдь не исключает военных столкновений между ними» (Гумилев 2005: 496). «Суперэтнос определяется не размером, не мощью, а исключительно степенью межэтнической близости» (Там же: 341). Доминирование единой письменной системы стало уникальным феноменом жизни кочевых монгольских племен, позволявшим существование разнородных диалектов, развивавшихся в рамках объединенного суперэтнуса. Монгольские народы обрели не только письменность, но и классический литературный язык, зародились литература и философия. Поэзия долгое время была представительницей философии классического языка монголов, их пророческого дара и мудрости. «В монгольском литературном языке, который в глазах народа всегда был окружен ореолом чистоты, красоты и совершенства, можно встретить заимствования из языков народов, нередко весьма отдаленных во времени и пространстве» (Ринчен 2005: 74).

Первым стихотворением, написанным на классическом монгольском языке при жизни Чингис-хана, является «Шастра о мудрой беседе мальчика-сироты с девятью орлюками», которая была переведена на русский язык Н. П. Шастиной (Лубсан Данзан 1973: 166–173). Чингис-хан сказал своим тушимэлам:

...Наши монголы выращивали несколько видов скота.

Однако нет лучшего друга, чем конь, в бою со страшным врагом,
Быстро настигнет преследуемого врага,
Не допустит стрелы ловких баторов,
Украшением станет для юного молодца!
Сок-молоко коня драгоценного
Божеству верховному Тэнгри с молитвой подносится –
С этого времени так установлено твердо.
Пусть это станет законом для монгольского народа! Сказал так.

Девять орлюков, пять тайджи и прочих
Пять цветных и четыре чужих народов своих,
Когда собрались и устроили великий пир, ...
Обсуждали о пользе и вреде и ... речи окончили,
То у дверей сидевший мальчик-сиротка
Поднялся и, подошедши, сказал:

Вот и случилось так, что есть у меня что сказать,
Поняв то, что сказано, хоть и трудно, но я скажу сам!

И августейший владыка отдал приказ:

Если есть что сказать, говори же!

Если хочешь шутить, скажи складно!

...Услышав приказ владыки верховного и превосходного,

Возрадовался маленький мальчик

И по своему разуменью

Сказал о пользе и о вреде от питья вина:
– Если пить неразумно и много, не заболеешь ли?
Если пить понемногу, то не радость ли это?
Если пьянствовать часто и много, то и сбеситься можно,
Если привыкнуть к питью, то не обидно ли станет?
Если пить постоянно, не досадно ли будет?
Если же вдруг воздержаться, это будет разумно.
Если пить по хорошему поводу, это радостью будет...”

В действительности в данном стихотворном шастире идет речь не о простой беседе между девятью орлюками Чингис-хана, а о мудрствовании (любовь к мудрости) и диалоге между ними и Чингис-ханом (как у Сократа). Очевидно, Чингис-хан был остроумным, искусным и дотошным собеседником. Он умел ловко задавать трудные или приводящие в замешательство вопросы, которые заставляли других обдумывать вопрос еще и еще, вопреки их собственному желанию. Поскольку те, кому адресовал он вопросы, были мудрыми орлюками и знаменитыми нойонами, было смешно наблюдать, как он запутывает их, пока они сами не начинали осознавать, насколько глупо выглядят. Таким образом, он создал философию о том, как каждому из людей следует осмысливать свою жизнь, подвергая ее критическому анализу или ставя ей вопросы. Процесс вопросов и ответов, с помощью которого мы постепенно, шаг за шагом, достигаем все более и более глубокого понимания принципов истины и справедливости, в философии называется диалектическим методом. В диалоге Чингис-хана со своими орлюками поднимается диалектический вопрос об истине, как найти ее и жить в соответствии с ней, и дается ответ: истина находится в каждом человеке, включая даже мальчика-сироту. Эта стихотворная шастра является не только диалогом, но и философской дискурсией (*discursus*).

Ввод в процесс диалога третьего оппонента (*independent expert*) в лице мальчика-сироты превращает его в философскую дискурсию. Это были обсуждения и философские размышления о справедливости, об общих закономерностях и особенностях ее проявления. Чингис-хан рассуждает, что «справедливость есть мудрость, содержащаяся в правильном слове, а несправедливость есть зло в неправильном слове», связывая тем самым понятие справедливости с нравственностью и знанием. Такой дискурсивный метод философствования при помощи совершенного способа выражения артикулирует способности разума и извлекает сокрытые истины из существа предмета. Монгольский глагол *сэцгэх* в этом контексте означает не ‘беседовать’, а ‘мудрствовать’, подразумевая любовь к мудрости, т.е. философии. Если философия – это систематическое критическое исследование способа наших суждений, оценок и действий, имеющее целью сделать нас более мудрыми, лучше познать самих себя и таким образом стать лучше, то мудрствование апеллирует к здравому смыслу, к общественному чувству и к гуманистическому идеалу и элементарному опыту стихотворения и философствования. Об этом свидетельствует указ Чингис-хана, разрешающий мальчику участвовать в дискурсе: «Если есть слово скажи, если есть связки слов аллитерируй, ведь ты рифмуешь слова». В этой шастре-поэме противоположность знания, основанного на общих принципах, и знания конкретного, способность подведения единичного под общее имеют предпосылкой направленность воли, а это означает чувственное бытие. Чингис-хан видит в ней не просто способность, но и определенность чувственного бытия, которой не может быть без всей совокупности справедливых суждений. И поэтому «Государь владыка близ себя посадил того мальчика, дал выпить глоток рашаны, меду подобной, возвысил, пожаловав видеть лицо свое радостное» (Повесть о споре...).

Мудрствование в шастре существует в сфере спекуляции, в сфере взаимного отражения мыслительных определений, в которой предметное мышление движется и артикулируется в себе самом. В себе самом, т.е. в понятии, в подразумеваемой в мышлении тотальности и конкретности, которые суть бытие и дух. Мудрствование способно определять особенное с точки зрения общего, но знает, к чему оно действительно относится, т.е. видит вещи с правильной, справедливой, здоровой точки зрения. Таким образом, используя герменевтическую феноменологию как метод исследования «Шастры о мудрой беседе мальчика-сироты с девятью орлюками Чингис-хана» как важного артефакта кочевников монголов начала XIII в., можно получить интерпретацию классического монгольского языка как истока становления культуры в пафосе самореализации и саморазмышлении духа (*der Geist*) монголов. Это совпадает, по меткому выражению Гегеля, «с точкой зрения естественной религии монголов», где «есть

еще непосредственный образ духовного и имеет форму этого самое себя осознающего» (Гегель 1976: 517).

Литература:

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х тт. Т. 1 / отв. ред. А. В. Гулыга, пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Мысль, 1975. 532 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Астрель, 2005. 704 с.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1973. 439 с.

Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингиса [Электронный ресурс] // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/text9.phtml?id=12308 (дата обращения: 23.03.2022).

Ринчен Б. Из нашего культурного наследия. Улаанбаатар, 1958.

Ринчен Б. На север шли мы за знанием. Академик Бимбын Ринчен. Улан-Удэ, 2005.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ДРЕВНИЙ БУДДИЗМ – СОСУЩЕСТВОВАНИЕ С ПАНДЕМИЕЙ

В статье представлен опыт функционирования буддийских центров, входящих в Российскую Ассоциацию Алмазного Пути традиции Карма Кагью, в период пандемии. Автор рассказывает о совместных медитациях, лекциях и решении организационных вопросов онлайн с применением популярных инструментов для видеосвязи, об опыте исполнения требований российского религиозного законодательства, защиты своих зданий и территорий, об отношении практикующих буддизм к пандемии как одного из проявлений непостоянства. Все представленные события, проекты, активность буддийских центров и Ассоциации, отношение людей ко внешним реалиям раскрываются через призму буддийской философии. Основным в статье является то, каким образом сообщество практикующих буддийские методы работает в жизни с таким основополагающим понятием в буддизме, как непостоянство.

Ключевые слова: буддизм, Ваджраяна, пандемия, непостоянство, медитация, буддийский центр.

*Koibagarov Alexander Shaukatovich
Moscow, Russia*

NEW REALITY AND BUDDHISM – CO-EXISTENCE WITH A PANDEMIC

The article presents the experience of functioning of Buddhist centers, members of the Russian Association of the Diamond Way of the Karma Kagyu tradition, during the pandemic. The author talks about joint meditations, lectures and solving organizing issues online using popular video communication tools, about the experience of fulfilling the requirements of Russian religious legislation, protecting their buildings and territories, about the attitude of Buddhist practitioners to the pandemic as one of the manifestations of impermanence. All presented events, projects, activities of Buddhist centers and Associations, people's attitude to external realities are revealed through the prism of Buddhist philosophy. The main focus of the article is how the community of practitioners of Buddhist methods works in life with such a fundamental concept in Buddhism as impermanence.

Keywords: Buddhism, Vajrayana, pandemic, impermanence, meditation, Buddhist center.

Непостоянство, признаваемое не только буддистами, как фундаментальный закон бытия, к которому Дхарма предназначена существ готовить, помочь понять и принять его как данность и по возможности использовать для практики, оказалось сильнейшим стрессом для сообществ всего мира, и современные буддисты тоже не избежали этого. Наша жизнь всегда изменяется, никогда не остается прежней, и очевидно, все дело в скорости, фундаментальности и глубине перемен. И как видим, пандемия изменила ее значительно.

Пандемия ковида, как и любое несчастье, стал очень мощным мотиватором для занятий буддийской практикой – она очень явно представила непостоянство и близость смерти, хрупкость нашего благосостояния. Потому люди стали практиковать больше и осознаннее.

В этот период по всей стране были введены различного рода мероприятия, ограничивающие и сводящие к минимуму контакты людей. Не исключением стала Ассоциация Алмазного Пути традиции Карма Кагью (далее Ассоциация), которая закрыла свои местные буддийские центры (далее центры, так называемые религиозные организации и группы). На какой-то период было запрещено собираться в оффлайне вместе и медитировать. При этом центры ограничили прием публики даже раньше официального запрета. В попытках функционировать наилучшим образом в предложенных обстоятельствах центры свою активность перенесли в онлайн. Zoom, Scype, WhatsApp и другие платформы стали применяться в повседневной жизни центров для совместных медитаций, общих собраний центров, встреч центров с другими центрами и т.д.

В это сложное время ламы и учителя ограничили свои поездки, стали редкостью большие буддийские курсы, однако практически каждые выходные Ассоциацией организовывались трансляции буддийских лекций с их участием. Теперь практикующие Ваджраяну могли испытывать себя, преодолевая ад-

министративные преграды для встречи с Учителем и информационное нагнетание всевозможных страхов и паники, проверяя свое бесстрашие. И многим это удалось – люди встречались с Ламой в Венгрии, Польше, Испании и Германии, иногда и через третьи страны, а местные сангхи демонстрировали искусство возможного в непростых условиях времени.

Кроме совместной практики в онлайн развернулась активность по организационным, практическим вопросам жизни сангхи и рабочих групп: обсуждались вопросы религиозного законодательства РФ, уставы центров и Ассоциации и другие вопросы, с которыми часто сталкиваются многие центры. Такое общение в какой-то мере восполняло дефицит общения друг с другом. От ковидных ограничений пострадал обмен на разных уровнях между членами сангхи из многих городов и стран.

Впервые за весь период существования нашей общины в России в 2021 г. не было «Зимнего тура» – паломнической поездки в январе-феврале через всю страну с посещением как традиционных буддийских святых мест Бурятии, Калмыкии, Тувы и Алтая, так и мест, вновь возникших, освященных многолетней практикой нескольких поколений, приездом лам, постройкой ступ, установкой и наполнением реликвиями статуй и строительством замечательных центров. Эти поездки с остановками на лекционные и медитационные курсы в городах обогащают практикующих прекрасными впечатлениями, мотивируют на практику, создают новые связи между буддистами и укрепляют старые. Однако в 2022 г. состоялся юбилейный «Зимний тур» – 30-й по счету, без физического присутствия Ламы, но «с Ламой в сердце» и с его благословением в онлайн. Мы проехали 12 городов, начиная со столицы страны и до крайнего юга Приморского края – городка Зарубино. Начиная с 1992 г., несколько тысяч российских буддистов вместе с друзьями со всего мира осваивали пространства этой огромной страны, как географическое и культурное, так и ее духовно-душевное измерение. Особенно знаменательным событием этой поездки были официальное открытие нового здания буддийского центра в Екатеринбурге в присутствии чиновников из городской администрации и представителей губернатора Свердловской области. Другой особенностью тура стала сугубая концентрация на практике. Медитировали везде – в поездах, в автобусах на длинных и коротких перегонах, в гостиницах, при посещении центров в городах. Любые свободные от общения с друзьями или экскурсий минуты люди использовали для индивидуальных и совместных практик, чтения и слушания лекций учителей, которые нас сопровождали в поездке. Если внешне «Зимний тур» выглядит туристической поездкой, хоть и необычной, то на внутреннем уровне это концентрированная буддийская медитация с большой долей как формальных, так и неформальных практик.

Люди перестали много путешествовать, ковид сделал это трудным, поэтому они обратились к своим внутренним проектам, городским или региональным, которые откладывались из-за недостатка времени. Одним из вызовов последнего времени явились требования так называемого «Пакета Яровой», включающие ряд изменений в религиозном законодательстве, в частности, запрещающих миссионерство в жилых помещениях. В буддизме нет миссионерства и нет интенции к привлечению большего числа сторонников. Наоборот, считается, что если человек внутренне не созрел и в своем развитии не дошел до потребности и понимания ценности совершенствования и не принял Просветление как достижимую цель и буддийские методы как путь, то притягивание его в общину не только не件лезно, но и приносит вред. Когда в этой или в следующих жизнях он будет готов понять и принять Дхарму, предыдущий негативный или запутанный опыт может создать препятствия для его продвижения по буддийскому пути и скорейшей реализации.

Раньше многие буддийские центры располагались в жилых квартирах, но сегодня законодательство трактует любое общение с новыми людьми в жилых помещениях на буддийские темы как миссионерство. Поэтому центры, которые находились в жилых помещениях, стали искать возможности переехать в нежилые, чтобы полностью функционировать на законных основаниях. И тут есть успехи – переехали в новые нежилые помещения на Урале – Магнитогорск, Челябинск и Екатеринбург, на Волге – Дзержинск, Тольятти и Самара, на Севере – Архангельск, в Сибири – Новосибирск. В процессе перевода центры на Дальнем Востоке и на Юге. Эта работа велась и раньше, но сейчас из-за изменившихся внешних условий удалось на этом сосредоточиться.

Многие наши центры находятся в очень красивых местах, с прекрасными видами. В связи с благой активностью практикующих буддизм добрые позитивные энергии проникают за пределы центров, облагораживает окружающую территорию. Ситуация в округе улучшается, привлекаются люди с хорошей кармой, территория становится престижной и тут же появляются бизнесмены со своей мотивацией из-

влечь выгоду. Возникает необходимость адекватно отвечать на эти новые вызовы. Такое происходит во многих местах и с разной степенью жесткости. В Москве здание Буддийского центра хотят отнять рейдерским захватом, используя тонкости законодательства о банкротстве; во Владивостоке наш центр окружают высотки точечной застройки, под дорогу к которым пытаются отрезать часть земельного участка центра, срезают склон прямо под центром для строительства многоярусной парковки, чем создается угроза разрушения самого здания; в поселке Танхой на Байкале местные бизнесмены попытались выкупить участок под Ступой Великой Победы, построенной Ассоциацией, чтобы в дальнейшем спекулировать им. Приходится искать разные пути защиты – и юридические методы, и обращение к администрациям разных уровней, и буддийские методы – ретриты, мантры и пожелания. Мы нашли и сугубо религиозные способы борьбы с посягательствами – в Российском законодательстве есть нормы, защищающие культовые объекты от сноса. Используя это, мы стали устанавливать буддийские статуи на границах наших участков, освещать их в соответствии с традиционными ритуалами, регистрировать как религиозные памятники с получением охранного статуса и таким образом гарантировать сохранность территорий и построек. Пандемия ковида, ограничив внешнюю активность, таким образом, положительно повлияла, сосредоточив нашу активность на этом направлении. В русле выбранной стратегии во Владивостоке установлена 5-метровая статуя Будды, наполненная реликвиями, а вокруг нее устроен и торжественно открыт Будда-сквер со смотровой площадкой при стечении публики, прессы и официальных лиц. В Красноярске установили статую Будды Амитабы, чтобы защитить величественный вид на город из Буддийского центра и со Ступы Просветления с дальнейшим устройством парка ниже по склону с детскими площадками и ценными породами деревьев. В Калужской области на земле ретритного центра установлена и освящена по всем буддийским канонам статуя Белой Тары для защиты полномасштабной религиозной деятельности. Неожиданным подспорьем в этой защитной активности стала кампания властей по получению центрами паспортов антитеррористической безопасности, которые подняли уровень безопасности центров и служат подтверждением достойной защиты со стороны государства.

Поскольку община буддистов Алмазного пути традиции Карма Кагью достаточно полно представляет срез российского общества, правда, смещенного в его молодую сторону, то отношение к ковиду в нашей сангхе имеет тот же спектр мнений – от ковид-диссидентства и отрицания масок до панических настроений и предприятия экстренных мер защиты. Тем не менее, большая часть общины или, скажем, преобладающая ее часть рассматривает пандемию не как апокалиптическое зло, что для буддистов философски неприемлемо, а просто как довольно неприятное стечение обстоятельств, более всего раздражающее ограничением свободы передвижения, которое оно несет. Поскольку буддисты, практикующие Ваджраяну, самым важным считают возможность часто видеться с Учителем и путешествовать к нему и вместе с ним, то вынужденное лишение свободы получать Учение и благословение от Ламы воспринимается наиболее болезненно. Сама же опасность заболеть и умереть принимается как неизбежность сансарического существования, а здоровье тела как приятное, но ненадежное, относительно прибежище.

Буддизм относится к человеческому перерождению как к драгоценной возможности – тело, в котором сошлись все условия и которое стремится к Просветлению, очень трудно обрести и легко потерять. Только в человеческом перерождении ум может достигнуть Просветления. Поэтому мы относились к противоэпидемическим мерам очень серьезно, и вначале ковида рассматривали и принимали их сознательно, по существу, стараясь понять их логику и действенность. Мы принимали со своей стороны даже дополнительные «драконовские» меры предосторожности, как сейчас ясно, бесполезные и излишние. Очевидно, что в связи с общим падением иммунитета населения и продолжающимся загрязнением планеты эта пандемия – не последняя. И ход ее и методы борьбы с ней требуют критического осмысления, коррекции и выработки более эффективных способов ее ограничения. Причем меньше всего вопросов и опасений вызывает медицинская сторона проблемы.

Буддизм с его методами во времена кризисов, катастроф – усиления страданий – нужен как никогда, поскольку буддийская практика кроме трансформации сознания в направлении достижения его Абсолюта дает и непосредственный эффект – блаженство, радость, заряд оптимизма и дистанцию к происходящему – происходящему с телом и с окружающей реальностью. Буддизм не только помогает принять перемены, сначала на интеллектуальном уровне, говоря, «что постоянно в мире только одно – и это перемены», но и учит искать в переменах окна новых возможностей.

*Кринская Зоя Андреевна
ГБУК «Национальный музей Республики Татарстан»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
glendevan@rambler.ru*

БОЖЕСТВА МУДРОСТИ В БУДДИЗМЕ МОНГОЛИИ

В статье рассматриваются культы божеств мудрости в системе монгольского буддизма, сложившейся в результате прихода тибетского буддизма, а также под влиянием национальной культуры и шаманистских верований. Выявлено, что культы бодхисаттвы мудрости Манджушри, богини Сарасвати и бодхисаттвы Праджняпарамиты не сразу приобрели популярность среди монгольских буддистов, в отличие от гневных божеств-охранителей. Однако около XVII в. в связи со стремлением монголов лучше понять философию, категории буддийского учения значение божеств мудрости возрастает. С XVII в. и по сей день они играют важную роль для монахов, людей, чья деятельность связана с культурой и искусством, сочинением текстов, а также для мирских последователей буддизма. Исследование культов божеств мудрости в Монголии позволит глубже изучить процессы формирования и функционирования системы буддизма страны.

Ключевые слова: буддизм Монголии, божества мудрости, Манджушри, Сарасвати, Праджняпарамита.

*Krinskaia Zoya Andreevna
State Budgetary Institution of Culture
«National Museum of the Republic of Tatarstan»
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia*

WISDOM DEITIES IN MONGOLIAN BUDDHISM

The paper discusses the cults of wisdom deities in the system of Mongolian Buddhism, which was formed as a result of the advent of Tibetan Buddhism, as well as under the influence of national culture and shamanistic beliefs. It was revealed that the cults of the bodhisattva of wisdom Manjushri, the goddess Saraswati and the bodhisattva Prajnaparamita did not immediately gain popularity among Mongolian Buddhists, in contrast to the wrathful protector deities. However, around the 17th century, due to the desire of the Mongols to better understand philosophy, categories of Buddhist teaching, the importance of wisdom deities increases. From the 17th century to the present day, they play an important role for monks, people whose activities are related to culture and art, writing texts, as well as for lay followers of Buddhism. The study of the cults of wisdom deities in Mongolia will provide a deeper understanding of the processes of formation and functioning of the Mongolian Buddhism system.

Keywords: Mongolian Buddhism, wisdom deities, Manjushri, Saraswati, Prajnaparamita.

Традиционно Монголию принято называть наследницей тибетского буддизма. Безусловно, это оправданно, однако, на буддизм в Монголии повлияли национальная культура, шаманистские верования, в результате чего возникло комплексное явление. Официальным временем знакомства монголов с буддизмом и началом формирования монгольского буддизма и его круга божеств считается XIII в. В наши дни помимо более известных божеств-охранителей одними из самых значимых божеств в монгольском буддизме, как и традиционно в пантеоне махаяны, являются божества мудрости.

Теоретической базой работы стали исследования, связанные с изучением монгольского буддизма и его божеств в целом. Образу Манджушри в Монголии посвящен небольшой отрывок в книге И. Шарле «Кочевники в паломничестве: монголы на Утайшане (Китай), 1800-1940», среди отечественных авторов мы можем назвать С.-Х. Д. Сыртыпову, в ее статьях, связанных с искусством буддизма, представлены обширные сведения о различных бодхисаттвах. Отдельная глава описывает значимых божеств Монголии в книге Ю. И. Елихиной «Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма». Специальные исследования, посвященные божествам мудрости в Монголии, нами не обнаружены.

Между тем божества мудрости играют большую роль в монгольском буддизме, и это связано не только с тем, что они популярны в махаяне. Буддизм и концепция пустотности довольно легко и органично вписались в культуру монголов, вероятно, ввиду кочевнического образа жизни, предполагающего постоянное изменение окружающих условий, особое отношение к миру. Впрочем, божества мудрости заняли лидирующее положение не сразу: как замечает С.-Х. Д. Сыртыпова, в эпоху Юань главенствовали образы воинственных божеств-охранителей (Сыртыпова 2018: 116). Однако «к концу XVII в. запросы монголов уже не удовлетворяются образами хранителей учения, начинают культивироваться будды, являющиеся истоками всего пантеона божеств, это будды чистой абстракции и идеальных понятий, основанных на философии пустотности (санскр. *śūnyatā*)» (Сыртыпова 2018: 116). Именно в XVII в. у монголов пробуждается особый интерес к божествам мудрости.

Среди божеств мудрости в Монголии прежде всего следует назвать бодхисаттву мудрости, красноречия Манджушри. Его изображения можно встретить повсеместно: в дуганах, на домашних алтарях. К Манджушри чаще всего обращаются монахи на всех этапах своего обучения. Роль Манджушри в религиозной жизни монголов достаточно велика. Даже несмотря на то, что, по утверждению монголов, «покровителем» страны является Ваджрапани, а Манджушри «покровительствует» Китаю, Манджушри занимает особое место в сердцах кочевников, о чем говорят сокращенные версии текста «Манджушри нама самгити» («Перечисление имен Манджушри»), а также предметы ежедневных поклонений (Charleux 2015: 191). В Монголии существовало несколько монастырей, посвященных Манджушри, один из самых известных – Манджушри-хийд, созданный в 1733 г. в окрестностях Их Хурэ (ныне Улан-Батора). Богдо-гэгэн VIII (1869–1924 гг.), глава буддийской сангхи Монголии, почитал Манджушри наравне с Ямантакой (Елихина 2010: 211).

Супругой Манджушри является Сарасвати – ведическая богиня, ставшая объектом высочайшего обожания в Тибете и Монголии. Ее функции также связаны с дарованием красноречия и мудрости. В Монголии богиня известна как Сарасвати, Янжима, Келин Охин Тенгри, Балден Лхамо. Очевидно, Сарасвати становится популярна примерно в одно время с Манджушри. Она упоминается в посвянительной надписи, выбитой на гранитной плите (на тибетском и монгольском) при постройке двух субурганов в 1626 г., приведенной А. М. Позднеевым: «Божественная дева Сарасвати, ты, которая в позе поджатых ног прекрасно изогнулась на сердцевине покрытой движущимися пчелами падмы, <...> (ты, которая) привлекаешь дух веселием пчелок пары глаз и прекрасно блистаешь украшениями чиндамани, руки которой искусно ударяют по арфе гандарвов, (ты, которая) содержишь сокровищницу ведения и милосердия, соизволь преподать и развить прелесть красноречия» (Позднеев 1896: 390). В гневной форме, как Балден Лхамо, Сарасвати предстает воинственной защитницей Учения.

В XVIII в. Мэргэн-гэгэн Лубсандамбижалцан (1717–1766 гг.), глава монастыря Мэргэн во Внутренней Монголии, третий перерожденец основателя монастыря Аригун Мэргэн-даянчи Динвы, избирает благозвучную Охин Тенгри в качестве персональной богини (Humphrey, Ujeed 2013: 154), что было довольно необычно для того времени. Не забывает он и о Манджушри: составляет посвященные ему молебны и хвалебные речи (Charleux 2015: 194). Но обращение к покровителям мудрости и красноречия неудивительно, учитывая характер деятельности просителя. Его почитают как одного из величайших монгольских авторов, редакторов, перу которого принадлежат исторические и художественные произведения, работы по грамматике.

В XIX в. божества все еще остаются популярными и выполняют схожие функции. Согласно монгольско-русско-французскому словарю, составленному одним из известнейших монголоведов XIX в. О. М. Ковалевским, эпитеты, которыми награждают Манджушри и Сарасвати, соответственны друг другу. Если Манджушри владыка благозвучия, царь красноречия, то Сарасвати чистая, благозвучная, дева-небожитель красноречия (Ковалевский 1964: 194, 231, 569–570). В наши дни, произнося речь на каких-либо мероприятиях, связанных с культурой и искусством, монголы традиционно заканчивают слово восхвалением Сарасвати. Зачастую богиня изображается в мирной форме, сидящей со своим главным атрибутом – музыкальным инструментом.

Еще одно почитаемое в Монголии божество, связанное с мудростью, – бодхисаттва Праджняпарамита. Праджняпарамита как божество развивалась по-другому, нежели Манджушри и Сарасвати. Она является воплощением категории буддийского Учения, обожествлением беспредельной мудрости. «Праджняпарамита хридая сутра», «Сутра сердца совершенной мудрости», «Сутра сердца» была переведена на монгольский еще в начале XIV в. (Chiodo 2009: 56). Сегодня она широко распространена в Монго-

лии: ее текст хранится на домашних алтарях, ее recитируют ламы во время молебнов. При этом изображения Праджняпарамиты, очевидно, менее распространены, нежели текст «Сутры сердца».

Мы можем сделать вывод, что божества мудрости занимают важное место в специфической системе монгольского буддизма и находятся в одном ряду с более «характерными» для Монголии божествами-охранителями, такими как Ваджрапани и Ямантака. Культы божеств мудрости в Монголии требуют более внимательного изучения. Нами предпринята предварительная попытка восполнить этот пробел.

Литература:

Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. 292 с.

Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. N.Y.: Paragon Book Reprint Corp, 1964. 619 с.

Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. Т. II. Дневник и маршрут 1893 г. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1896. 517 с.

Сыртыпова С.-Х. Д. О неопубликованных тангка Дзанабазара (1635–1723) // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 2. С. 110–117.

Charleux I. Nomads on Pilgrimage: Mongols on Wutaishan (China), 1800–1940. Leiden-Boston: Brill, 2015. 496 p.

Chiodo E. The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarboxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Part 2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. 392 p.

Humphrey C., Ujeed H. A Monastery in Time: The Making of Mongolian Buddhism. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2013. 426 p.

Лепехов Сергей Юрьевич
доктор философских наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
lepekhov@imbt.ru

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И БУДДИЗМА

В работе обсуждаются идейные основы гносеологических принципов древнеиндийской философии и буддизма. Отмечается, что они формировались в русле общей религиозно-мифологической традиции, существовавшей на индостанском полуострове во II–I тыс. до н.э. Делается вывод о том, что основным содержанием знания, как оно понималось в «Ригведе», было знание ведийского ритуала и всего, что с ним связано. Со временем стало различаться целостное знание и различительное знание праджня, дхи и различительное знание – виджняна. Делается предположение, что первоначально основной функцией такого различительного познания была дифференциация модальностей восприятия. В то же время логическое, рассудочное знание рассматривалось как необходимое для философского дискурса, но недостаточное для достижения высших сoterиологических целей. Делается вывод о том, что как в древнеиндийской философии, так и в буддизме знание и процесс познания сохраняют статус высших ценностей, стремление к которым выражает основной принцип как ведийской, так и буддийской сoterиологии. Различие же между ними проявляется в интерпретации содержания «знания». Отмечается наличие общего в основных гносеологических принципах, древнеиндийской, древнегреческой, древнекитайской философии и буддизма.

Ключевые слова: буддизм, древнеиндийская философия, *Ригведа*, праджня, виджняна.

Lepekhov Sergey Yurievich
Doctor of Sciences in Philosophy
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

EPISTEMOLOGICAL PRINCIPLES OF ANCIENT INDIAN PHILOSOPHY AND BUDDHISM

This study discusses the ideological foundations of the epistemological principles of ancient Indian philosophy and Buddhism, which formed due to the general religious and mythological tradition that existed on the Hindustan peninsula in the II–I millennium BC. The main content of knowledge, as it was understood in the *Rigveda*, was the Vedic ritual and everything connected with it. Over time, the integral knowledge of *prajñā*, *dhī* and the distinctive knowledge of *vijñāna* began to differ. Probably, originally the main function of such distinctive cognition was the differentiation of perception modalities. At the same time, the logical knowledge was considered as necessary one for a philosophical discourse, but it was insufficient to achieve the higher soteriological goals. As a sequence, both in ancient Indian philosophy and Buddhism the process of cognition and knowledge retain the highest value's status, the pursuit of which expresses the basic principle of both Vedic and Buddhist soteriology. The difference between them is manifested in the interpretation of the meaning of "knowledge". Nevertheless, there are similarities in the basic epistemological principles of ancient Indian, Greek, Chinese and Buddhist philosophical traditions.

Keywords: Buddhism, Ancient Indian philosophy, *Rigveda*, *prajñā*, *vijñāna*.

Гносеологические принципы древнеиндийской философии и буддизма формировались на основе общей религиозно-мифологической традиции, существовавшей на индостанском полуострове во II–I тысячелетии до н.э. В древнеиндийской философии в ранний ведийский период, в частности, в «Ригведе» для обозначения таких понятий, как «знание» – «познание», чаще всего употреблялись слова, про-

изводные от корня «вид» (видья, веда, ведья, ведин). Подразумевалось, что знание, о котором говорилось такими словами, это, прежде всего, знание богов. Основное содержание этого знания – ведийский ритуал и все, что с ним связано. Во многих гимнах «Ригведы» знание как «веда» тесно связано с понятием «дхи», «дхишана», т. е. с «видением», «вдохновением», «высшим пониманием», которые охватывают слагателей гимнов – святых риши.

«Дхи» уже в ранних текстах выступает синонимом «праджня» (мудрости, интуиции), и в некоторых философских текстах даже спустя полтора тысячелетия после создания «Ригведы» «дхи» также используется в качестве эквивалента понятия «праджня». «Дхи», как ясно из текста «Ригведы», ни в коем случае не является каким-то логическим рассудочным знанием. Это «видения», образы, навеянные галлюциногенным воздействием напитка *сома*, применяемого в ритуальной практике древних ариев. Этот напиток выжимался из стеблей растения, которое учеными до сих пор точно не идентифицировано. Только в результате последующего осмысления пропетого гимна появляется какое-то суждение. Поэтому *дхи* и стало именоваться *праджней*, т.е. буквально «пред-знанием».

Праджня и *абхиджня* обозначают (особенно в ранних текстах) то, что предшествует обычному человеческому знанию, что является его сакральной причиной и условием.

Джняна в «Ригведе» означает как сакральное знание, так и обыденное, но чаще встречается в нейтральном значении «знания вообще». В частности, существовало такое устойчивое клише «Ригведы»: *пурве питарах падажнях* (букв. ‘прежние отцы, знающие след’, возможен перевод ‘знающие путь’). Под путем в данном случае подразумевался «путь святых риши», знающих веды и обряд.

Знание обряда постепенно осознается как наиболее существенная его часть, как «умственное действие», обеспечивающее успех всем прочим ритуальным действиям. Собственно, *брахман* в ведийском ритуале – это такой жрец, который молча присутствует при совершении жертвоприношения и осознает символическое значение каждой детали обряда во время его совершения.

Согласно традиционной этимологии, «жертвоприношение» (*яджня*) истолковывается как производное от выражения *yo jñata* ‘тот, кто знает’. Во многих упанишадах жертва, приносимая знанием (т.е. жертва, приносимая со знанием истинного его значения), объявляется высшей жертвой. Основная цель поучений упанишад заключается как раз в осознании того, что только такая жертва и является единственно подлинной и способна привести к достижению высшего результата. Но специфика этого вида знания состоит в том, что здесь, как уточняет В. С. Семенов, «важен не результат тех или иных ментальных операций (как в любом типе мышления), но сам факт работы мысли (т.е. внимания) в некий строго определенный момент внутри ритуальной процедуры» (Семенов, 1981: 35).

Русское слово *со-знание* наиболее точно передает смысл умственного усилия, обозначаемого в данном случае термином «*джняна*». В упанишадах *джняна*, ранее обозначавшее частное, обыденное знание, превращается в *виджняну*? способность к различительному познанию, в отличие от *целостного* знания *праджни*, *абхиджни*. Виджняна появляется в текстах, пришедших на смену гимнической поэзии и характеризующихся наличием обширных по объему и сложных по структуре классификаций поначалу ритуального, а затем и философского характера.

В упанишадах и последующей философской литературе можно отметить наличие двух тенденций в интерпретации термина «виджняна». Согласно одной из них, *виджняна* резко отличается от интуитивно-созерцательного целостного знания *праджни* и *дхи* (*дхьяны*, *дхишаны*) как различительное знание. В этом смысле она толкуется в текстах как основа эпистемологии (различение знания и незнания), логического знания (различение причины и следствия) и высшего этического знания (как различение добра и зла). Согласно другой тенденции, *виджняна* есть выражение наибольшей полноты знания в его нераздельном единстве интуитивных и дискурсивных форм. В этом смысле *виджняна* есть чистое безобъектное и бессубъектное сознание, которое в таком случае превращается, по существу, в *возможность сознания* и ничем не отличается от «пред-знания» *праджни*. Действительно, во многих текстах оба понятия употребляются как синонимичные. Но отмечаются также случаи, когда *виджняна* рассматривается как более общий и высший вид знания, чем *праджня*. Обе эти тенденции интерпретации значения слова «*виджняна*» хорошо прослеживаются и в буддийских текстах.

Алая-виджняна – «восьмое сознание» *виджнянавадинов* – явилось результатом достаточно долгого концептуального развития категории «*виджняна*». Уже в упанишадах (например, в третьей части «*Каушитаки-упанишад*») отчетливо прослеживается мысль о связи модальностей восприятия с сознанием. Еще более очевидна эта связь для «распознающего сознания» (или отождествляемого с ним *Атмана*

упанишад), поскольку само «распознавание» предполагает различие модальностей. В раннем буддизме число основных видов виджнян, классифицируемых по объектам различения, достигало 89, а со всеми подразделениями доходило до 193. В понятии «*алая-виджняна*», подробно разработанном виджнянавадинами, получило развитие представление о сознании как центральном элементе, связывающем и объективные, и субъективные аспекты действительности.

Поскольку *виджняна* является единственным элементом, обеспечивающим непрерывную связь отдельных существований, то логично предположить, что оно является в своем изначальном «чистом состоянии» той основой, которая в дальнейшем подвергается «загрязнениям». Приставка *ви-* в санскрите придает отглагольным именам значение распределения, разделения (например: *викалта* ‘различие, выбор, сомнение, колебание, заблуждение’, в буддизме ‘мыслительная конструкция’), а также усиливает значение. В буддийских текстах, особенно виджнянавадинских, в слове «виджняна» используются оба значения приставки *ви-*: и разделительное, и усилительное. «Виджняна», таким образом, это и «различительное знание», и «высшее знание».

Таким образом, и в древнеиндийской философии, и в буддизме знание и процесс познания сохраняют статус высших ценностей, стремление к которым выражает основной принцип как ведийской, так и буддийской сотериологии. Различие между ними проявляется в интерпретации содержания «знания». Анализ гносеологических принципов древнеиндийской философии, буддизма и современных им древнегреческой и древнекитайской философии обнаруживает много общих моментов, позволяющих квалифицировать их как «философское знание», но выявляет также различие в понимании методов познания, определивших различные пути дальнейшего развития этих форм мировоззрения.

Литература:

Семенцов В. С. Проблемы интерпретации брахманической прозы: Ритуал, символизм. М.: Наука, 1981. 181 с.

Лугавцова Алёна Петровна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
alena.karnap@mail.ru

ПРАКТИКА НЭМБУЦУ В УЧЕНИИ О:БАКУ-ДЗЭН¹

В статье рассматриваются особенности религиозной практики учения О:баку, нового, третьего, течения японского дзэн-буддизма, появившегося в Японии в период Эдо (1603–1868) благодаря монахам-эмигрантам из Китая. Ключевая роль отводится описанию практики нэмбуцу (повторения имени Будды), относящейся к буддизму Чистой Земли и используемой в учении О:баку в сочетании с дзэнскими практиками. На примере отношения основателей учения О:баку к нэмбуцу делается вывод, что, несмотря на ее активное задействование в общении с мирянами, мировоззрение О:баку прежде всего соответствовало чань-буддизму, и теоретическая основа школы также держалась на чаньской традиции.

Ключевые слова: Япония, период Эдо, буддизм, О:баку, дзэн, амидаизм.

Lugavtsova Alena Petrovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

NENBUTSU IN THE PRACTICE OF THE ŌBAKU SECT

The article examines distinctive features of the religious practice of the Ōbaku sect. The Ōbaku-shū is the third, new school of Japanese Zen Buddhism, which was established in Japan during the Edo period (1603–1868) by a small faction of Chinese monks. The article defines a key role of description of the practice of nenbutsu (repeating the name of the Buddha) in Ōbaku's teachings, which was related to Pure Land Buddhism and used in combination with Zen practices. On the example of the attitude of the Ōbaku's founders to the nenbutsu, it is concluded that, despite it was deeply involved in communicating with the laity, the way of thinking of Ōbaku monks primarily corresponded to Chan Buddhism, and the theoretical basis of the school also rested on the Chan tradition.

Keywords: Japan, the Edo period, Buddhism, Ōbaku, Zen, Amidism.

Школа О:баку (яп. 黄檗), полное название которой звучит как «школа О:баку учения Риндзай» – это третье направление японского дзэн-буддизма, появившееся в Японии в периода Эдо (1603–1868) благодаря прибытию китайских монахов-эмигрантов и представляющее собой синкретическое соединение дзэнских и амидаистских практик (Буддизм в Японии 1993: 285). Подобное совмещение подходов двух разных традиций, в Японии воспринимавшихся как несовместимые, особо выделило новую школу в японском буддийском сообществе. Именно активное задействование практики повторения имени Будды (яп. *нэмбуцу*) как способа тренировки и эффективного педагогического приема стало одним из самых поразительных аспектов учения Обаку с точки зрения японских дзэнских монахов периода Эдо. Зачастую *нэмбуцу* использовалась в сочетании с *ко:анами*, помогая сосредоточиться в размышлении над ними. Этот особый метод, характерный для О:баку, получил название *нэмбуцу-ко:ан*.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000261-9 «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)»).

Действительно, в записях сочинений трех патриархов школы ясно прослеживается, что *нэмбуцу* была крайне полезна для общения с мирянами и набора новых последователей, поскольку легко адаптировалась под нужды любой аудитории. Так, направляя одного из последователей, Мокуан Сё:то (1611–1684), второй настоятель Мампуку-дзи, говорил: «в каждом помысле своем и движении разума ежедневно просто повторяй имя Будды, никогда об этом не забывая. Когда ты придешь к концу земного пути, ты переродишься в Чистой Земле» (平久 1992: 2119). Можно увидеть, что его призыв к постоянной практике *нэмбуцу* и ничему более был призван создать сфокусированное и сконцентрированное состояние разума, которое не сильно отличалось от того состояния, которое достигается сидячей медитацией в дзэн-буддизме. Сокухи Нёицу (1616–1671), третий из патриархов О:баку, также считал, что эта практика эффективна для достижения духовной истины, так наставляя прихожанина: «во все времена и во всех местах прилагай все свои усилия к одной фразе: *Амида-буцу*, думай над тем, кто же повторяет имя Будды. В своей практике ты придешь к моменту, когда перестанешь полагаться [на что-либо] и вырвешься из оков этого тела, будто внезапно пробудившись от долгого сна. Важно, чтоб ты понимал, что практика – не что иное, как повторение, а повторение – не что иное, как практика. Рождение тогда – не рождение, а не-рождение – рождение. Учения Дзэн и Чистой Земли – две дороги, ведущие к одной точке. Такова истинная природа *нэмбуцу*, таково ее высшее предназначение. Совершенствуйся в этой практике» (平久 1993:157).

Сам основатель О:баку, Ингэн Рю:ки (1592–1673), наиболее активно задействовал соединение повторения имени Будды и *ко:анов*. Отходя от механического повторения имени Будды и слепой веры в спасение за счет «чужой силы», Ингэн стремился к тому, чтобы вырвать человека с его теперешнего уровня понимания и вдохновить на движение вперед, к дзэнскому подходу к буддийской практике. Он делал это путем вопросов, над которыми прихожане бы размышляли, занимаясь привычной им практикой *нэмбуцу*. Для наглядной демонстрации отношения Ингэна к *нэмбуцу* и ее роли в общении с мирянами можно привести следующую выдержку из записей учителя: «прошло десять лет с тех пор, как сей старый монах отплыл на Восток [в эти земли]. Все это время я практиковал [и учил] только пути Риндзай. К несчастью, будучи серьезно обеспокоенным тем, сколь малы способности людей этого времени, [я вижу, что] они не способны нести это бремя в одиночку. [Посему] единственное прибежище – передать им практику *нэмбуцу*. Поистине это подобно назначению подходящего лекарства в зависимости от болезни. Кто упрекнет за это?» (平久 1979: 3319–3320). Подобное высказывание показывает, что, хотя Ингэн и задействовал *нэмбуцу* в своей практике, оно однозначно было поставлено в низшую позицию относительно медитации. Этот акцент на помощи тем, кто не так одарен, путем использования *нэмбуцу* соотносится с акцентом на минском мирском буддизме, том буддийском окружении, в котором росли Ингэн и другие основатели О:баку. Более того, те, кто не придерживался подобного баланса и делал излишний упор на амидаизм, не находили поддержки не только в японском буддийском мире, но и среди самих сторонников учения О:баку, как четвертый настоятель Мампуку-дзи, Дучжэнь Син'ин (Baroni 2000: 112, 116).

Резюмируя, можно с уверенностью утверждать, что именно включение элементов буддизма Чистой Земли в ритуальную практику храмов О:баку выделило учение среди японских школ Риндзай и Со:то:. Однако обозначившееся несоответствие ритуалов школы О:баку японским нормам послужило поводом для обвинений со стороны консервативно настроенных японских монахов в «загрязнении» дзэн-буддизма и того, что учение в определенный момент стало восприниматься как некий *нэмбуцу-дзэн* (Baskind 2008: 19). Тем не менее необходимо отметить, что «синкретический» характер новой школы вовсе не подразумевал равное внимание элементам обеих традиций, поскольку учение О:баку в первую очередь относилось к чань-буддизму и на совмещение практик смотрело с точки зрения чань-буддизма. А. М. Кабанов утверждает, что, хотя последователи О:баку отстаивали принцип единства Дзэн и прочих учений, в практике они отдавали предпочтение сидячей медитации и *ко:анам*, используя *нэмбуцу* лишь как вспомогательный элемент (Буддизм в Японии 1993: 285). Более того, по его мнению, в учении О:баку стали понимать Будду Амиду не как некое внешнее трансцендентное существо, а лишь как наличествующую в каждом сердце «природу Будды» (Там же), что позволяло замкнуть усилия по достижению спасения на обращение к своему сердцу, к «своей» силе, уводя верующего в сторону дзэнского пути просветления. Х. Барони также подчеркивает, что монахи из Китая прежде всего были наставниками Дзэн, и господствующую нишу в их буддийской практике занимали дзэнские мотивы –

медитация и строгое следование монашеским правилам. Непосредственное использование элементов буддизма Чистой Земли в практике О:баку заключалось в задействовании нэмбуцу-ко:ан в общении с верующими в Чистую Землю мирянами и ритуальном чтении сутр Чистой Земли, а также повторении имени Будды в монастырской жизни (Baroni 2000: 115). В качестве исчерпывающего вывода касательно природы школы О:баку и особенностей ее мировоззрения можно использовать оценку современника зарождения О:баку в Японии, Кё:рэя Рё:каку (1600–1691), японского монаха, который виделся с Ингэном и китайской диаспорой в 1654–1655 гг. Данное им определение является одной из самых ранних и точных характеристик О:баку: «если приглядеться, снаружи это учение выглядит как школа Чистой Земли, но внутри – как школа Дзэн» (Baskind 2008: 26).

Литература:

Буддизм в Японии / А. Н. Игнатович, А. Н. Мещеряков, А. Г. Фесюн и др. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. 701с.

Baroni H. J. *Obaku Zen: The Emergence of the Third Sect of Zen in Tokugawa Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000. 280 p.

Baskind J. M. *The Nianfo in Obaku Zen: A Look at the Teachings of the Three Founding Masters // Japanese Religions*. 2008. Vol. 33 (1–2). P. 19–34.

平久保障. 隠元全集: 新纂校訂. 東京: 開明書院, 1979. 12 冊. 第 7 卷. 3035 - 3496 ページ.

平久保障. 木庵全集: 新纂校訂. 東京: 思文閣出版, 1992. 8 冊. 第 5 卷. 975 - 2469 ページ.

平久保障. 即非全集: 新纂校訂. 東京: 思文閣出版, 1993. 4 冊. 第 1 卷. 1 - 445 ページ.

Нестеркин Сергей Петрович
доктор философских наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
sn3716@yandex.ru

Донец Андрей Михайлович
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
ad3716@yandex.ru

СОТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА В УЧЕНИИ ШКОЛЫ ГЕЛУК¹

В буддийских школах язык и опирающееся на него концептуальное мышление обычно рассматриваются как факторы, омрачающие сознание и препятствующие просветлению, поскольку оперируют бинарными оппозициями. Однако в школе Гелук тибетского буддизма была выработана концепция языка, согласно которой не все вербальные структуры являются препятствием для просветления. Гелукпинцы подразделяют концептуальное на два вида. От одного следует избавляться, а второй можно эффективно использовать на пути совершенствования. К первому относится концептуальное, возникшее в результате приписывания (тиб. *sgro 'dogs*) ложных качеств объектам рассмотрения. Второй вид лишен ложного приписывания, формируется в процессе использования особого вида философского дискурса – прасанги, и служит причиной возникновения «среднего взгляда» (тиб. *dbultra*), правильно видящего вещи. Это позволяет прасангику эффективно использовать философствование для (1) адекватного познания на концептуальном уровне и (2) перехода к непосредственному постижению абсолютной истины, дающему в конечном итоге обретение освобождения и положения Будды.

Ключевые слова: мадхьямака, истина, прасанга, Гелук, язык, освобождение.

Nesterkin Sergey Petrovich
Doctor of Sciences in Philosophy
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Donets Andrey Mikhailovich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

SOTERIOLOGICAL FUNCTION OF LANGUAGE IN THE TEACHING OF THE GELUK SCHOOL

The Buddhist Schools view the language and the conceptual thinking based on it as the factors obscuring consciousness and impeding Enlightenment because they operate with binary oppositions. However, the Geluk

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000261-9 «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)»).»).

School accentuates the point that it is impossible to explain the techniques of the vision of the Absolute without the language and the complete lineage transmission is impossible without this vision. That is why, a conception of the language was developed in the Geluk School, according to which not all the verbal structures are obstacles to Enlightenment. The followers of the Geluk School subdivide concepts into two types. One type should be disposed of and the second type can be effectively used on the Path of Perfection. The first type includes the concepts that ascribe false qualities to objects. The second type does not ascribe any false vision, it is formed in the process of a special type of discourse – Prasaṅgika, which is the basis of the Middle View (tib. *dbultra*), the correct view of things. That is why, a follower of Prasaṅgika can effectively use language for (1) getting adequate knowledge on the conceptual level and (2) for acquiring direct cognition of the absolute truth that leads to Enlightenment.

Keywords: Madhyamaka, truth, prasanga, Geluk, language, liberation.

В буддийских традициях, как правило, язык и опирающееся на него концептуальное мышление рассматриваются как факторы, омрачающие сознание и препятствующие просветлению, поскольку оперируют бинарными оппозициями. В просветленном же состоянии по определению отсутствует всякая двойственность (Нестеркин 2010: 23). Принимая это общее для всех философских школ буддизма положение, школа Гелук полагает, что язык все-таки может играть позитивную роль в познании абсолютного, в освобождении. Более того, гелукпинцы считают, что использование концепций на пути просветления не только возможно, но и необходимо (Донец 2012: 56). Их аргументация состоит в следующем. Чтобы освободиться от сансары, надо избавиться от проявления клеш. Основа всех клеш – неведение (тиб. *marigpa*), с его устранением прекращается проявление других клеш. Неведение же уничтожается мудростью (тиб. *yeshes*), непосредственно ведающей абсолютную истину. Это происходит в особом медитативном состоянии (самадхи), а для обретения последнего необходимо соблюдение нравственности. Самадхи, в свою очередь, является результатом слияния воедино состояния успокоенности (тиб. *zhigans*) и высшего видения (тиб. *lhagmthong*).

Хотя постижение истины в самадхи носит непосредственный характер и выше концептуального ее познания, однако без концептуального исследования достичь самадхи, согласно взглядам Гелук, невозможно, поскольку практика высшего видения (тиб. *lhagmthong*) заключается главным образом в том, что во время так называемого исследующего созерцания (тиб. *dpyodsdom*) рассматриваются вкратце на более тонком уровне сознания те доказательства истинности идей, которые были осмыслены и приняты ранее на стадии обдумывания, и периодически сосредотачиваются на этих идеях. Для этого необходимо достижение убежденности в истинности тех или иных положений учения на основе логических доказательств.

Таким образом, у прасангиков обнаруживается двойственное отношение к концептуальному. С одной стороны, его следует отвергать, однако, с другой стороны, без использования концептуального практически невозможно обойтись при объяснении истины и пути совершенствования, оно представляется и важным элементом технологии реализации непосредственного видения абсолютного (Нестеркин 2016: 188). Выход из создавшегося положения Цонкапа усматривает в том, чтобы подразделить концептуальное на два вида, от одного из которых следует избавляться всеми доступными средствами, а второй можно довольно эффективно использовать на значительной части пути совершенствования (Blobzanggragspa: 123).

Подобное двойственное оценивание концептуального привело прасангиков к мысли о необходимости разработки особых технологий философствования, которые бы ослабляли негативные стороны концептуального и усиливали позитивные. В качестве исходного пункта при рассмотрении данного вопроса следует указать на положение Чандракирти о том, что настоящий мадхьямик не должен опираться на «свой довод» – сватантру (тиб. *rangrgyud*) (Blobzanggragspa: 124). Прасангик признает возможность опосредованного познания только на основе использования прасанги– суждения, направленного на опровержения довода оппонента (Ngagdbangnyima 1971: 355).

Гелукпинцы исходят из положения о невозможности непротиворечивого определения дхарм. На основании этого они квалифицировали определяемые дхармы, определение и те дхармы, посредством которых осуществляется определение, как пустые (санскр. *шунья*) – лишённые истинности наличия (тиб. *bdengrubstong*), наличия в качестве подлинных определяемых дхарм и т.д. Если истинное определение

неприемлемо, то указанная задача философа окажется невыполнимой, а само философствование – невозможным. Какой же вывод из создавшегося положения нашли прасангики?

Они разработали концепцию «объекта отрицания» (тиб. *dgagbya*) – того, что подлежит отрицанию, опровержению, устранению и прекращению настоящим буддистом-философом. Объектом отрицания, устраняемым посредством доказательств (тиб. *rigskyidgagbya*), прасангики считают все, что связано с идеей истинности наличия. В этом «объекте отрицания» выделяют два элемента: 1) объект (тиб. *yul*) – истинность наличия; 2) «обладатель объекта» (тиб. *yulcan*; т.е. познание) – признание истинности наличия (*dGe 'dunbstandarba*: 96). Установление истины в отношении рассматриваемого предмета может, в частности, реализоваться в признании того, что данный предмет является ложным. В связи с указанным «объектом отрицания» это означает опровержение идеи истинности наличия и устранение признания истинности наличия посредством использования строго аргументированных доказательств.

Однако неприемлемость истинного определения делает невозможным прямое опровержение идеи истинности наличия, поскольку подобное опровержение всегда будет опираться на «свой довод» (сва-тантру), т.е. на признаваемое самим философом за истину. Более того, считают гелукпинцы, если индивид признает истинность наличия, то и устанавливаемая им посредством доказательств лишенность истинности наличия будет приниматься как имеющая место истинно. Иными словами, лишенность истинности наличия будет имеющей место истинно. Если же философ не может, оставаясь в рамках философии «дать отпор» (тиб. *sun 'byin*) объекту «объекта отрицания» – истинности наличия, то встает вопрос: можно ли «дать отпор» «обладателю объекта» – признанию истинности наличия?

Прасангики считают, что такую возможность предоставляет прасанга (тиб. *thal 'gyur*) – особый вид умозаключения. Оно всегда выдвигается в ответ на суждение оппонента. Опираясь только на то, что признает сам оппонент, оно вскрывает ошибочность признания оппонентом своего суждения за истинное. Поскольку прасангик здесь не опирается на признаваемое им самим, не отрицает и не утверждает никакую идею и использует признаваемые всеми законы логики, то он не входит в противоречие с тем, что истинное определение дать невозможно. При этом прямо «дается отпор» признанию истинности, а косвенно – истинности наличия. Когда оппонента атакуют посредством множества разных прасанг, то у него ослабляется признание истинности наличия, следствием чего является очень тонкое изменение восприятия им объектов рассмотрения. Это позволяет прасангику довольно эффективно использовать философствование для адекватного познания различных предметов на концептуальном уровне и обеспечить переход к непосредственному постижению подлинной истины, дающему в конечном итоге обретение освобождения и положения Будды.

Литература

Донец А. М. Учение об истине в философии школы мадхьямика-прасангика традиции Гелуг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 408 с.

Нестеркин С. П. Концепция речи в философии чань-буддизма // Вестник Бурятского университета. Серия Востоковедение. 2010. Вып. 8. С. 22–27.

Нестеркин С. П. Доктринальные основания формирования личности в образовательной системе буддийских монастырей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 5. С. 185–194.

Blöbzanggrags pa. bsTanbcoschenpodbu ma la 'jug pa'irnamshad ... (Комментарийна «Введениевмадхьямику» Чандракирти). Ксил., 267 л. л. 194А

dGe 'dun bstandarba. bs Tanbcoschenpodbu ma la 'jug pa spyi don. Xylography, 162 f.

Ngag dbang nyi ma. Nang pa'i grub mtha' smra ba bzhi'i 'dod tshul. Xylography, 404 f. – sGo mang, 1971.

Янгутов Леонид Евграфович
доктор философских наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
yanguta@mail.ru

БУДДИЙСКОЕ ОБНОВЛЕНЧЕСТВО В КИТАЕ, МОНГОЛИИ И БУРЯТИИ¹

В статье рассматриваются процессы обновления буддизма, обусловленные социально-политическими, экономическими потрясениями и преобразованиями в Китае, Монголии и Бурятии. Показаны общие причины формирования обновленческого движения в этих странах, схожие требования обновленцев и различный финал этого движения.

Ключевые слова: буддизм, обновленчество, образование, реформы, заимствование.

Yangutov Leonid Evgrafovich
Doctor of Sciences in Philosophy
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

BUDDHIST RENEWAL IN CHINA, MONGOLIA, AND BURYATIA

The article examines the processes of renewal of Buddhism, due to socio-political, economic upheavals and transformations in China, Mongolia and Buryatia. The general reasons for the formation of the renovationist movement in these countries, the similar demands of the renovationists and the different ending of this movement are shown.

Keywords: Buddhism, renovationism, education, reforms, borrowing.

Конец XIX и начало XX вв. ознаменовались большими социально-политическими и экономическими трансформациями в Китае, Монголии и Бурятии. Эти трансформации затронули все слои общества, как светские, так и духовные. Активно отреагировала на эти события и буддийская сангха как необходимая составная китайского, монгольского и бурятского обществ того периода. Ее реакция выразилась в обновленческом движении.

Китай после поражения в военных столкновениях с западными странами и Японией взял курс на политику «самоусиления» (自强 *zìqiáng*), за счет экономических реформ, направленных на подъем промышленного производства. Передовой частью китайского общества сознавалась необходимость заимствования западных технологий, при этом. Менталитет китайцев по-прежнему был убежден в доминанте китайской цивилизации. Компромиссным решением стал лозунг: «Китайское учение – основа, западное учение – прикладное» (中学为本, 西学为用 *zhōngxué wéi běn, xīxué wéi yòng*).

В стране оформилось движение реформаторов во главе с Кан Ювэем. Однако маньчжурское правительство, у власти которого находилась вдовствующая императрица Цыси, хотя и признавало необходимость экономических реформ, не могло согласиться с их социальной и политической трактовкой. Цинская династия стала тормозом новых преобразований. С борьбой против этой династии стало формироваться движение за обновление буддизма в Китае. Наиболее радикальная часть буддийского духовенства была связана с революционерами-демократами. Она поддержала программу свержения монархического строя. Лидерами обновленческого движения стали Ян Вэньхуй, его ученики Тай Сюй, Оуян

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000261-9 «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)»).

Цзин, Лин Ичо. Они проявили большой интерес к западноевропейской культуре, социалистическим и реформаторским идеям. Китайские буддисты поставили перед собой задачу возродить буддизм в первоначальной чистоте и в то же время модернизировать буддизм с тем, чтобы он больше соответствовал потребностям социально – экономического развития страны. Они требовали демократизации и секуляризации буддизма, повышения профессионального и образовательного уровня буддийской сангхи, изучения монахами и светскими последователями буддизма новейших достижений европейской науки и культуры. Одним из первых шагов в этом направлении были мероприятия по организации новых буддийских школ. Китайские буддисты приняли активное участие в событиях Синьхайской революции. В некоторых областях и районах Китая были организованы отряды монахов (см.: Yang 1961; Welch 1968).

Во второй половине XIX – начале XX вв. Монголия, как и соседние страны, испытывала глубокие изменения, обусловленные вторжением европейского капитала во внутреннюю Азию. Его влияние на Монголию оказывалось через Японию, Китай и Индию, с другой стороны она ощущала все возрастающий интерес царской России. Назревала необходимость модернизации общества, проведения социальных и экономических реформ. Передовые умы монгольского общества остро ощущали эти новые веяния. Однако зависимость Монголии от империи Цин прочно закрывала дальнейшие перспективы экономического и социального развития общества. Более того, в этот период маньчжурским правительством был взят курс на насильственную китаизацию монгольского населения (Дашпурэв 1995: 48–50). Поэтому социальные процессы Монголии второй половины XIX – начала XX вв. были обусловлены борьбой против маньчжурского господства и связанного с ним национального возрождения монгольского народа. Большое влияние на активизацию борьбы против маньчжурского господства оказала Синьхайская революция. Она открыла перед монголами благоприятные перспективы для их борьбы за независимость.

Термин «обновленчество» (монг. *шинэтгэл*) появился в Монголии в первой половине XIX в. Впервые этот термин ввел настоятель монастыря Монголии Гандантекинлиг Агван-Хайдав (1779–1838). Возникновение обновленческого движения в Монголии было связано с подъемом национального самосознания, обусловленного национальным возрождением и борьбой против маньчжуров. Наиболее яркие представители монгольского обновленчества Б. Тогтохтор, Г. Цэрэнсантув, М. Пурэвжав ратовали за создание автономного монгольского государства, независимого от маньчжуров. Они выступали за социально-экономические реформы, отстранение лам отрешения государственных дел. Обновленцы предлагали открыть светские школы, в которых преподавались бы светские и религиозные дисциплины на родном языке, требовали перевода буддийских сочинений на монгольский язык. Большое значение придавалось очищению религии от разврата и извращений, борьбы против искажения его нравственных принципов, возврата к первоначальным этическим и философским основам буддизма (Фролова 2002: 159–160). Буддийское духовенство приняло активное участие в национально-освободительной борьбе монгольского народа. Оно приняло участие и в революции 1921 г.

В Бурятии обновленческое движение явилось реакцией на русификаторскую политику царского правительства и на насильственную христианизацию бурят. Оно было тесно связано со становлением национального самосознания бурят. Один из главных идеологов – цанид-хамбо Агван Доржиев, ближайший единомышленник – хамбо-лама Чойнзон Иролтуев. Обновленческое движение поддержали представители бурятской интеллигенции, ее лидеры – Ц. Жамсарано, Э.-Д. Ринчино, М. Богданов, Г. Цыбиков, Б. Барадин и др. Обновленцы выступали против русификаторской политики царизма, насильственного внедрения православия среди бурят. Видели в буддизме средство консолидации бурятского народа в новых социально-политических условиях. Отвергали пышную обрядность и роскошь ламаизма, призывали вернуться к философским истокам и этическим принципам раннего буддизма, настаивали на реформации церковной организации: усовершенствовании дисциплинарного кодекса поведения монахов, церемоний и обрядов, подготовки кадров и реорганизации административной системы на принципах выборности. Важнейшим условием обновления буддизма считали духовно-нравственное очищение лам, призывали их передать свое имущество дацанам, отказаться от торговли, спекуляции, пьянства, азартных игр. Обращали большое внимание на просвещение народа, призывали к заимствованию важнейших достижений европейской науки, приспособлению буддизма к современным условиям. Обновленческое движение организационно оформилось в первые годы советской власти, увидев в марксизме близость буддизму. Принципы модернизации обновленцев были приняты Всебурятским съездом буддистов (1922), закреплены «Положением об управлении делами буддистов» и

«Уставом внутренней жизни буддистов». Консервативное крыло ламства осудило реформы обновленцев, их лояльность советской власти. Противостояние продолжалось до 1930-х гг.

Финальная часть обновленческого движения была во всех странах разной. В Китае как следствие активной политической борьбы китайских буддистов была организована буддийская ассоциация, призванная «защитить экономические и политические интересы буддийской сангхи, объединить их на обновленческих принципах, и содействовать его распространению за пределами страны» (Переломов, Абаев 1980: 145).

В Монголии последующие события после победы революции 1921 г. привели к жестоким репрессиям против монгольских лам. Было уничтожено более чем 20% взрослого населения. Главным объектом террора оказались ламы. Их было уничтожено более 90 тыс. человек. Такую же трагическую участь испытали и бурятские ламы. В Бурятии дискуссия между консерваторами и обновленцами закончилась вмешательством органов НКВД. Жестоким репрессиям подверглись и консерваторы, и обновленцы. Жизнь Агвана Доржиева и других лидеров обновленчества была трагически прервана. Репрессиям подверглись не только физические лица, уничтожались дацаны и все духовное и материальное наследие буддизма. Буддийская церковь в Бурятии концу 30-х гг. была полностью разгромлена.

Несмотря на различный финал обновленческого движения в Китае, Монголии и Бурятии, условия его возникновения, принципы и выдвигаемые положения были во всех этих странах во многом схожими, что позволяет говорить об определенной закономерности возникновения и становления этого движения, тем более, что позднее оно имело место в странах Южной и Юго-Восточной Азии.

Литература:

Дашпурэв Д. Этапы модернизации монгольского общества. Улан-Батор, 1995. 240 с.

Фролова Д. Б. Обновленчество в Бурятии // Буддизм в Бурятии: истоки, история и современность. Улан-Удэ, 2002. С. 159–167.

Переломов Л. С., Абаев Н. В. Буддизм в Китае: исторические традиции и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 3. С. 158–159.

Yang C. K. The Religion in Chinese society. Borinley: University of California Press, 1961. 473 p.

Welch H. The Buddhist revival in China. Cambridge: Harvard University Press, 1968. 385 p.

*Зубрихина Анна Андреевна
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия*

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩИХ ЧЕРТ И ОТЛИЧИЙ КОНЦЕПЦИЙ ЕДИНОГО В ФИЛОСОФИИ ПАРМЕНИДА И ПУСТОТЫ (ШУНЬИ) В ФИЛОСОФИИ МАДХЬЯМАКИ

Предпринята попытка реконструкции и сравнительного анализа понятий Единого в философии Парменида и пустоты (*шуньи*) в философии мадхьямаки. Единое определяется как неделимое, целостное, сверхбытийное первоначало; пустота определяется как отсутствие самости и независимого существования всего сущего, трансцендентальное всеединство и истинная природа реальности. Устанавливается, что в метафизике Парменида и учении Нагарджуны излагается «теория двух истин»; на уровне относительной истины сохраняется разделение на парные понятия, на уровне абсолютной истины утверждается Абсолют (Единое у Парменида, пустота у Нагарджуны). Выводится, что различие между Единым и пустотой состоит в заключении мыслителей на внутренне противоречивую природу данных понятий.

Ключевые слова: Монизм Парменида, Единое, пустота (*шуньята*), мадхьямика.

*Zubrikhina Anna Andreevna
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russia*

RECONSTRUCTION OF SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF THE ONE OF PARMENIDES AND EMPTINESS (ŚŪNYATĀ) OF THE MADHYAMAKA SCHOOL

The present article seeks to reconstruct and present a comparative analysis of the One of Parmenides and emptiness (*śūnyatā*) of the Madhyamaka school. The One of Parmenides is defined as indivisible, complete, single, and eternal arche. The emptiness is defined as the non-existence of *svabhāva* or the independent existence of all things; the emptiness also symbolizes a transcendental unity and absolute nature of reality. It is established that both Nagarjuna's philosophy and Parmenides' metaphysics expose "two truth doctrine". The division on binary notions remains at the level of the relative truth. The Absolute (the One of Parmenides and emptiness of Nagarjuna) constitutes the level of the absolute truth. The article concludes that the difference between the One and emptiness lies in Parmenides' and Nagarjuna's account for the inner contradictory nature of these conceptions.

Keywords: Parmenides' monism, One, emptiness (*Sunyata*), Madhyamaka.

Проблема того, что есть реальность, является одной из фундаментальных проблем философии и восходит к ее истокам. Парменид полагал, что в основе реальности есть «нечто», благодаря чему многое связано воедино. Однако при попытке определить это «нечто» Парменид столкнулся с трудностями, поскольку единство многого оказалось внутренне противоречивым. Тем не менее, Парменид был убежден в необходимости единства сущего, поскольку без него философ считал невозможным существование и познание многого. Парменид изложил свои взгляды в учении о «нечто», названном им «Единое».

Сходная проблематика обнаруживается и в буддизме. В некоторых раннебуддийских философских школах реальность объяснялась при помощи дхарм, которые реально существуют, неделимы и образуют онтологическую основу реальности. Дхармы обуславливают многообразие и связь взаимозависимых феноменов, но сами не вступают с ними в отношения (Андросов 2000: 324). Нагарджуна подверг данное учение критике, указав на проистекающие из него противоречия, и предложил мыслить дхармы тоже

как обусловленные и обуславливающие друг друга, или пустые, заложив тем самым в основу реальности пустоту.

И в метафизике Парменида, и в учении Нагарджуны есть сходства в воззрении на реальность как состоящей из двух уровней: абсолютного и относительного. В учении Парменида эти уровни называются «Путь истины» (абсолютный) и «Путь мнения» (относительный); Путь истины – это «путь, ... “есть” [Единое] гласящий». Путь мнения, согласно Пармениду, это ошибочное убеждение в том, что истинная природа реальности представляет собой бесконечное множество: «Смертные так порешили: назвать именами две формы, коих одну не должно – и в этом их заблужденье. Супротив различили по виду и приняли знаки врозь меж собою» (Лебедев 1989: 296–297).

Сходным образом и буддизм различает подлинное познание, относящееся к нирване, от неподлинного познания множественного бытия сансары. Нагарджуна также полагал, что заключение о самодостаточности и обособленности друг от друга сущего на уровне относительной реальности является ложным. Правильный взгляд на истинную природу реальности представляется с позиции пустоты: «Мирское установление, что “это возникает в зависимости от того”, не отвергается. Но что возникает в зависимости, то лишено собственной сущности, а потому как же оно может быть?» (Андросов 2000: 283).

Определяя Единое как Абсолют, Парменид прибегает к закону противоречия и отталкивается от обоснования «есть» сущего как единственно существующего: «Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь есть» и не существования не-сущего: «Не-сущего... нет, ибо то, чего нет, невозможно познать или изъяснить» (Лебедев 1989: 296). Однако почему именно такой ход рассуждений допускается Парменидом в качестве единственно верного? Более того, почему о «недоступном познанию и изъяснению» не-сущем выносятся положительные суждения? Наконец, действительно ли заключение Парменида о «несуществовании не-сущего вне познания» является исчерпывающим?

Парменид не рассматривает эти вопросы в своем учении и утверждает, что поскольку «не-сущего нет», из этого следует, что из ничто ничего возникнуть не может, поэтому нет прошлого, нет будущего, нет возникновения и нет исчезания: «“Было” – значит не есть; не есть, если “некогда будет”. Так угасло рожденье и без вести гибель пропала». Также Парменид заключает, что нет дискретности, нет движения посредством внутреннего изменения или перемещения в пространстве: «Тут вот – не больше его ничуть, а там вот – не меньше, что исключило бы сплошность, но все наполнено сущим. ... Но в границах великих оков оно неподвижно» (Лебедев 1989: 296). На основании этого Парменид устанавливает, что подлинно сущее может быть только Единым; неделимым, связывающим воедино началом, предикатом бытия и множественности. Без допущения, что «сущее есть Единое», бытие и познание становятся невозможными (Платон 1929: 89).

Парменид приводит множество доказательств, что Единому невозможно приписать никакого предиката бытия, поскольку любая такая попытка приводит к возникновению в Едином многочисленных взаимоисключающих противоречий и устранению его как единого. Парменид приходит к заключению, что поскольку Единое не есть бытие (многое), оно не наследует признаки бытия: не содержит частей, не есть целое, беспредельно, бесформенно, нигде не находится, не движется и не покоится, не причастно ко времени, не участвует в бытии, не существует; для Единого нет имени, знания, чувственного восприятия или мнения; Единое недоступно познанию (Платон 1929: 35–41). Несмотря на предпринятую Парменидом попытку, Единое представляется сплошь парадоксальным. Каким образом соотносятся Единое и бытие, раз возможны единство и познание многого? Каким образом можно объяснить существование частей и целых, если «есть сущее» – единственное, что существует?..

Иное объяснение Абсолюта приводится в философии школы мадхьямаки. Ее основоположник Нагарджуна отталкивался от опровержения аргументов, защищающих и доказывающих необходимость самосущего (*свабхава*): «Нет никакой ни самости, ни несамости, ни самости и несамости одновременно, ни ничего другого [в том же роде]. ... Все слова, обозначающие самостоятельное существование, пусты» (Андросов 2000: 343). Это так, продолжает Нагарджуна, поскольку самосущее никаким образом не может сообщаться с иным: «Если существования [особи] установлены с точки зрения [понятия] самосущего, тогда нет [между ними] никакой зависимости, значит, они независимы и от самосущего. ... То, что пусто, не зависит от того, что не пусто. То, что не пусто, [не зависит] от пустоты» (Андросов 2000: 350–376).

Нагарджуна заключает, что допущение самосущего с необходимостью влечет признание либо этернализма, либо нигилизма. Однако оба этих воззрения Нагарджуне являются несоответствующими дей-

ствительности, поскольку невозможно установить, что нечто только существует, но не существует, и наоборот: «Если бы существование было либо вечным, либо не вечным, то разве возможно такое представить?» (Андросов 2000: 354–377). Нагарджуна рассматривает пары понятий, подобные существованию и несуществованию, как пустые, и приходит к заключению, что природа абсолютной реальности есть пустота, и сама пустота — пуста (Андросов 2000: 381).

Резюмируя вышесказанное, и метафизику Парменида, и философию мадхьямаки сближает стремление описать Абсолют, мыслимый Парменидом как Единое, а Нагарджуной — как пустота. Коренное различие между ними представляется в самой их сущности. Единое Парменида кажется радикальным разрешением проблемы «единого / многого» посредством устранения последнего, однако следствием данного шага являются внутренние противоречия Единого.

Представляется обоснованным, что объяснение единства реальности через пустоту, предложенное в философии мадхьямаки, может стать срединным путем, который проходит между этими крайностями.

Литература:

- Андросов В. П. Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты. М.: Вост. лит., 2000. 799 с.
- Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 274–298 с.
- Лепехов С. Ю. Философия мадхьямиков и генезис буддийской цивилизации. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 238 с.
- Платон. Полное собрание творений. Т. 4. Парменид. Филеб. Л.: Академия, 1929. С. 1–91.
- Graham P. One. Oxford: Oxford University Press, 2014. 281 p.
- Westerhoff J. Ch. Nāgārjuna [Electronic source]. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2021 // URL: (date of access: 10.01.2022).

*Леонтьева Елена Валерьевна
кандидат исторических наук
Санкт-Петербург, Россия
leonteva108@gmail.com*

КИНОПРОЕКТ «БУДДИЗМ В РОССИИ»

В статье представлен двухсерийный документальный фильм «Буддизм в России: из прошлого в настоящее». Фильм рассчитан на широкий круг зрителей, хотя является образовательным проектом и рекомендован РАН как учебное пособие для профильных вузов. В двух частях фильма показана история буддизма на территории современной России, начиная с VI–VIII вв.: махаянские государства Дальнего Востока и более поздний тибетский буддизм калмыков, бурят и тувинцев, а также тенденции, заметные в наше время. Расцвет и увядание буддизма в XIX–XX вв. показаны через призму жизни и деятельности бурятского ученого, ламы и дипломата Агвана Доржиева.

Ключевые слова: буддизм, история, кинофильм.

*Leonteva Elena Valerievna
Candidate of Sciences in History
Saint-Petersburg, Russia
leonteva108@gmail.com*

FILM PROJECT «BUDDHISM IN RUSSIA»

The article presents a two-part documentary «Buddhism in Russia: from the Past to the Present». The film is intended for a wide range of viewers, although it is an educational project and is recommended by the Russian Academy of Sciences as a manual for specialized universities. The two parts of the film show the history of Buddhism in the territory of nowadays Russia, starting from the 6th–8th centuries: the Mahayana states of the Far East and the later Tibetan Buddhism of the Kalmyks, Buryats and Tuvans, as well as trends that are noticeable in our time. The rise and fall of Buddhism in the 19th–20th centuries is shown through the prism of the life and work of the Buryat scholar, lama and diplomat Agvan Dorzhiev.

Keywords: Buddhism, history, film.

*Буддизм есть учение об освобождении от темноты и невежества
путем познания и достижения высшей степени интеллектуального развития.
Агван Доржиев*

Идея серии фильмов об истории буддизма возникла в начале 2000-х гг. с подачи В. Н. Зудиной, зав. музеем археологии, этнографии и истории Самарского госуниверситета. Она попросила создать фильм, который наглядно и доступно представил бы буддизм студентам и посетителям музея. Идею поддержал проф. В. П. Андросов. В 2011 г. вышла первая часть «Путешествие, наполненное глубоким смыслом», повествующая о жизни Будды Шакьямуни и основах его Учения. Вторая часть называется «Буддизм в России: Из прошлого в настоящее» и состоит из двух серий продолжительностью по 55 минут. Обе части рекомендованы Институтом востоковедения РАН как учебное пособие для профильных вузов.

История российского буддизма показана в фильме начиная с дохристианских времен. Тувинские историки полагают, что около VI в. буддизм Хиньяны и Махаяны проникнул из Согда (Монгуш 2001) на юг Алтая и в верховья Енисея. Однако подтвердить это сложно. Первые материальные свидетельства относятся только к VIII в. Тогда в Приморье и Приамурье процветало государство Бохай, культурно близкое Корею и Китаю. Археологи Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН за 40 с лишним лет полевых исследований обнаружили множество предметов, указывающих на то, что в Бохае, а также в государстве чжурчженей Цзинь, которое образовалось в XI в., практиковали Махаяну и Ваджраяну. Об этом в фильме рассказывает к.и.н. Н. Г. Артемьева.

Но ранние формы буддизма в России не сохранились. Закрепился здесь уже тибетский буддизм,

принесенный позднее, вначале калмыками (ойратами), затем бурятами и тувинцами. Как отмечает в своем интервью проф. Н. Л. Жуковская, «буддизм проявил здесь свою великую толерантность. Когда он сталкивался в разных странах и у разных народов с такими же высокоразвитыми религиями, как он сам, это были контакты равных с равными. А у монголов, бурят и калмыков это был контакт с шаманизмом, с культом гор, с культом духов – хозяев природы, холмов, рек, озер и т.д. И буддизм с ними со всеми прекрасно сумел поладить».

В XVII в. в европейскую Россию прикочевали племена ойратов, западных монголов. Они пришли через Сибирь, ордой, которая при приближении пугала сибиряков. Появлялись царские указы Василия Шуйского, предписывающие сражений с ойратами не затевать: «Их пожаловати, воевати их не велети, и велети им бытии под царскою высокою рукою...» (Тепкеев 2015: 53). В этих указах ойраты уже именовались колмаками, или калмыками. Во многих кочующих улусах были кочевые храмы (белые кибитки), статуи и тханки Будд. Калмыки уже были буддистами: еще в XIII в. они получили посвящения от красношапочных лам – Второго Кармапы Карма Пакши, Сакьяпандиты и Пхагпы. Широко была представлена у ойратов традиция Гелуг, хотя на начало XVII в. она еще не пришла к власти в Тибете. После 1650 г. калмыки официально стали подданными Российской империи, и образовалось Калмыцкое ханство, в котором буддизм был признан государственной религией.

«Буддизм учил быть милосердными, быть сострадательными, быть миролюбивыми, – рассказывает Г. Ш. Дорджиева, к.и.н., автор монографии «Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии» – ведь точно такими же были и монгольские правители. В их государстве были распространены и манихейство, и несторианство, и буддизм. А сами они были шаманистами. И Чингис-хан, и все его приемники относились очень толерантно ко всем религиям». Стационарные калмыцкие храмы-хурулы в степях Нижнего Поволжья строились с 1798 г., когда Арчи-лама возвел деревянный хурул в местности Цаган-Аман.

Среди самых известных фигур в калмыцкой истории – учитель и подвижник Зая Пандита (1599–1662). С. Г. Батырева, доктор искусствоведения, заведующая Музеем калмыцкой традиционной культуры имени Зая Пандиты при Калмыцком научном центре РАН, рассказывает: «Он был ламой, ученым и переводчиком, переводил классические тексты буддийского содержания на ойрато-калмыцкий язык. ... Ойраты проживали в пограничном районе Западной Монголии, а это район контактов с тюркскими племенами. Язык калмыков вобрал в себя все эти элементы. Зая Пандита приспособил графику монгольского письма к особенностям произношения западно-монгольского наречия ... и создал азбуку, которая стала называться “тодо-бичиг” или “ясное письмо”. Иногда ее называют “ясная голова”: она хорошо отражает особенности ойратского языка».

Другая обширная буддийская область появилась в Забайкалье. Первый стационарный храм возник в 1725 г., а в 1741 г. императрица Елизавета Петровна своим указом объявила буддизм одной из официальных российских религий. В кон. XVII – нач. XVIII вв., по словам д.и.н. С-Х.Д. Сыртыповой, буддизм на бурятских землях развивался широко: «На этот период пришелся расцвет книгопечатания, происходило строительство, возобновление и создание новых храмов при монастырях, замена деревянных строений каменными. Создавались новые художественные школы и течения, о которых мы, к сожалению, пока еще очень мало знаем».

Со времен Екатерины II главы буддистов Забайкалья носят титул Пандито Хамбо лам. Первым из них в 1764 г. императрица утвердила Даши-Доржи Заяева (1710–1776) – монаха, ученого и учителя, получившего классическое образование в Тибете. Один из Хамбо лам прославил Бурятию навесь мир – это Даши-Доржо Итигэлов (1852–1927), чье нетленное тело в позе медитации до сих пор находится в Иволгинском дацане.

В конце XIX – начале XX в. в Бурятии было около 40 храмов и монастырей. При некоторых дацанах были школы, в которых изучали философию, цаннид, медицину, ритуалы и искусства. В те же годы буддизм укоренился у народов Тувы.

В поисках главного героя для фильма мы остановили свой выбор на фигуре бурятского ламы Агвана Дорджиева (1854–1938), который известен как буддийский ученый, учитель Далай-ламы XIII и посол Тибета при российском государе. Рожденный в бурятском селении Хара-Шибирь, А. Доржиев в 19-летнем возрасте отправился пешком в Лхасу постигать основы Учения Будды. Он десять лет учился в Гоман-дацане и получил ученый титул. Позднее он писал в своих мемуарах:

Хотя курс пяти книг

*Я изучил не особенно глубоко,
Следуя поговорке: «Промедлишь – упустишь время», –
Получил звание лхарабмы.
У подобных солнцу, поднявшемуся над землей,
Мудрецов из трех удивительных монастырей,
Не убоившись, по пяти книгам
Единственный выдержал экзамен. Так я прославился.
Затем, когда упование живых Далай-лама гэгэн
Встретил свое тринадцатилетие,
Я вошел в число тех, кто
Обучал его полному учению цаннида,
И десять лет сопровождал его (Агван Доржиев 2003: 46).*

А. Доржиев стал единственным иноземцем, которому доверили обучать философии самого Далай-ламу. Когда Стране Снегов грозила опасность со стороны Британии, Далай-лама поручил А. Доржиеву дипломатическую миссию – убедить российского царя взять Тибет под свою защиту. В таком качестве лама неоднократно совершал поездки между Лхасой и Санкт-Петербургом. В фильме цитируется еще одно из писем Далай-ламы к Николаю II: «Великий и могущественнейший государь Император Николай Александрович, Я, Далай-Лама, в ознаменование великорадостного дня Нового года приношу Вашему Величеству сердечное мое поздравление и умоляю верить моей сердечной любви и преданности и милостиво принять мое скромное подношение ... Великий Государь, как не оставлял ранее Своим милосердием и покровительством, так впредь не оставляй покорного Тибета. [Печать Далай-ламы]» (Россия и Тибет 2005: 81–82).

Дипмиссия А. Доржиева успеха не имела, но, проезжая Бурятию, Калмыкию и Туву, он давал там поучения, строил храмы и школы. Он заботился о буддистах любой народности, где бы они ни жили. В Париже он по приглашению властей провел серию посвящений в Музее восточных искусств Гиме. М. Волошин, который помогал ламе в Париже, писал об их встрече так: «Это было моей первой религиозной ступенью» (Максимилиан Волошин 2000: 37). «Лама много сказал такого об Нирване, что сильно перевернуло многие мои мысли. От него я узнал, что в буддизме всякая пропаганда идеи считается преступлением, как насилие над личностью. Какая моральная высота!..» (Волошин 2009: 762–763).

А. Доржиев был образцом учености для российских востоковедов, помогал им получать буддийские знания; он привез в Россию уникальный атлас тибетской медицины; по инициативе Далай-ламы XIII и с благословения императора Николая II он возвел храм-дацан в Санкт-Петербурге; он защищал буддизм и буддистов от уничтожения после октябрьской революции и в первые годы репрессий, но сам пал их жертвой. Свою долгую жизнь он завершил в тюремной больнице Улан-Удэ в 1938 г.

Прослеживая путь героя, зритель увидит период процветания буддийского учения в царской России и период его вынужденного угасания; узнает, как связаны судьбы буддизма в Калмыкии, Бурятии, Туве и Монголии; познакомится с известными буддологами. Во второй части мы показываем, как складывались судьбы буддистов после революции, а затем останавливаемся на современном периоде обновления буддизма в Российской Федерации.

Литература:

Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.

Тепкеев В. Т. Ойраты в начале XVII в. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с.

Агван Доржиев. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света / пер. с монг. А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. 160 с.

Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914 / Ин-т востоковедения; Ин-т Дал. Востока. М.: Вост. лит., 2005. 231 с.

Максимилиан Волошин: [Записные книжки]. М.: Вагриус, 2000. 172 с.

Волошин М. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Письма 1893–1902 / сост. А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2009. 830 с.

РАЗДЕЛ 10
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI: 10.53954/9785604788981_579

Маршак Аркадий Львович
доктор философских наук
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
Москва, Россия
marshak_al@mail.ru

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)¹

Одной из актуальных проблем являются социальные изменения и исследование условий и факторов, влияющих на эти процессы. Особенно это существенно для регионов неустойчивого развития, входящих в систему стран Центральной Азии. К их числу относится Республика Тыва. Особое внимание уделено состоянию общей культуры населения, соблюдению национальных традиций в условиях модернизационных процессов, сопровождающих социальные изменения, дается обстоятельный анализ условий и факторов, влияющих на социальные изменения в Республике Тыва, показаны их специфические особенности как одного из регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: социальные изменения, хозяйственная жизнь, профессиональное образование, безработица, национальная культура, традиции, модернизация.

Marshak Arkady Lvovich
Doctor of Sciences in Philosophy
Institute of Sociology of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

CONDITIONS AND FACTORS OF INFLUENCE ON SOCIAL CHANGES IN THE COUNTRIES
OF CENTRAL ASIA (BASED ON EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TYVA)

One of the most urgent problems now is social changes and the study of conditions and factors influencing these processes. It is particular important for the regions of volatile development in the region of Central Asia. One of them is the Republic of Tuva. Particular attention is given to the general state of people's culture, maintenance of national traditions during the process of modernization going along with social changes. A detailed analysis of conditions and factors influencing social changes in the Republic of Tuva is given. And some specific features of one of the regions of the Russian Federation are shown.

Keywords: social changes, economy, professional education, unemployment, national culture, traditions, modernization

Постановка проблемы

Центральная Азия – довольно сложный регион, состоящий из стран, имеющих своеобразную историческую, социально-политическую и культурную основу. Сюда входят как отдельные части стран, так и некоторые государства полностью. Своеобразие региону придает и то обстоятельство, что в отдельных странах имеет влияние колониальное прошлое, элементы феодального быта и также частично образ жизни. В связи с этим особое место отводится Республике Тыва, социальная жизнь которой определяется изменениями, происходившими после вхождения ее в состав СССР.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-511-44011МОНГ_а.

Республика Тыва: от прошлого к настоящему

К этому моменту социальная и экономическая жизнь Тывы находилась в состоянии крайнего упадка и представляла из себя худшие формы феодального общества с господством байских отношений и скотоводческого хозяйства.

Новый толчок в развитии Тыва получает после вхождения в состав Советского государства. Опираясь на историческое и культурное наследие населения, национальные традиции, несмотря на объективные трудности периода (Великая Отечественная война, послевоенное восстановление хозяйства), Тыва встает на путь интенсивных преобразований. При этом в Тыве в определенной степени отражаются все процессы, характеризующие состояние советского общества до его развала.

Общественно-политическая и социально-экономическая обстановка, складывающаяся в постсоветский период, не могла не повлиять на изменения в республике. В итоге к началу 2019 г. общая численность населения в Тыве составляла около 320 тыс. человек (из них 93% тувинцы) при низкой плотности населения (1,8 человека на м²)¹. При этом количество городских и сельских жителей примерно одинаково (соответственно 53,1% городских и 46,0% сельских). Одновременно идет рост нетрудоспособного населения, в то время как лица старше трудоспособного населения составляют всего 11,1% от общего числа жителей республики. В целом население молодое, средний возраст 29,5 лет.

Факторы и условия социального развития

Касаясь демографической ситуации в республике, надо отметить, что она характерна для общих показателей по России и ее отдельным регионам. В социологическом отношении преобладает коренное население (82%). Таким образом, первый фактор социально-демографического характера дает основание полагать, что в республике имеется объективно сложившаяся ситуация для нормальных условий социальной жизни.

Другим фактором, влияющим на социальные изменения в Тыве, можно считать развитие профессиональной структуры в системе занятого населения. Хотя республика остается по преимуществу сельскохозяйственной страной (46% живет и трудится на селе, да и в городах (малочисленных) еще превалирует сельский уклад жизни), тем не менее, происходят сдвиги в освоении современных профессий на основе получения средно-специального и даже высшего образования. По данным исследования ФСНИЦ РАН число таких специалистов к 2017 г. составило 12,4% среднего уровня образования, 28,1% высшего уровня квалификации. Это можно считать важным фактором для успешного развития социальных изменений. Однако существенным препятствием для успешного развития этих тенденций служит высокий уровень безработицы. По данным исследования число безработных составило в 2019 г. 37% от общего числа занятого населения (Голенкова, Самба 2019: 9–10).

Немаловажным условием изменения социальной жизни имеют модернизационные процессы в сфере культуры. Модернизация в области культуры происходит давно. Это особенно важно в современных условиях, когда в сфере культуры идет острая идейная борьба за сохранение национальных традиций и российской государственности (Маршак 2021: 14–19). При этом нужно помнить, что само понятие национальная культура – это сложное и неоднозначное явление.

Известный российский философ В. М. Межуев дал всеобъемлющий анализ сущности и содержания понятия национальной культуры, его интерпретацию. Как отмечает автор, «национальная культура существует лишь в отношении к другим национальным культурам, в сравнении с ними, т.е. осознает себя не в единственном, во множественном числе» (Межуев 2011: 182). Без такого синтеза всеобщего и особенного нет культуры, в этом заключено ее своеобразие, выражающееся в диалоговой форме.

Развивая позиции этногражданства, опираясь на показатели национальной культуры, следует помнить о принадлежности к общенациональной российской культуре. Сама конструкция российской культуры дуалистична и включает в себя равно как достижения лучших образцов западно-европейской мысли, так и азиатских форм культуры. В социокультурном плане это обеспечивает интеграцию разных образцов культуры и способствует формированию такого ее своеобразия, которое неотделимо от служения интересам государства. Для России культура есть выражение национальной энергии, без которой не может существовать сама российская государственность.

¹ Все количественные данные и процентные распределения приводятся из исследования, проведенного в апреле 2019 г. в Республике Тыва учеными Центра изучения социальной структуры и социального расслоения ФСНИЦ ИС РАН (рук. д.ф.н., проф. З. Т. Голенкова).

Проблемы развития национальной культуры для России имеют особое значение. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что медленнее всего среди россиян происходят изменения в политическом сознании на уровне социально-политических установок в отношении роли государства.

Заключение

В этой связи, как показывает исследование, для данного региона следует обратить внимание на сохранение национальных традиций тувинского народа, бережное отношение к лучшим образцам народного творчества. Необходимо создать условия для взаимодействия различных форм культурного наследия как факторов формирования условий для социальных изменений. В целом, в республике имеются необходимые условия, в том числе факторы национальной культуры, которые влияют не только на формирование общих подходов и целей, направленности социальных изменений, но и определяют пути выбора инновационных преобразований.

Литература:

Голенкова З. Т., Самба А. Д. Прошлое, настоящее и будущее социального пространства в регионе // Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. Информационно-аналитический бюллетень ФНИСЦ РАН. М., 2019. 73 с.

Маршак А. Л. Национальная культура как условие модернизации социальной структуры (на примере Республики Тыва) // ПОИСК. 2021. № 5. С. 14–19.

Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского становления. СПб.: СПбГУП, 2011. 440 с. (Классика гуманитарной мысли. Вып. 2).

*Анисимова Татьяна Германовна
доктор социологических наук
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
Москва, Россия
anissimova07@gmail.com*

**ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ГРАЖДАН КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
СОЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)¹**

В статье произведен анализ условий и показателей занятости населения республики Тыва, как одной из причин социального неравенства. Изучается значимость количественных и качественных факторов социально-профессиональной сферы, влияющих на формирования качества жизни общества, показана взаимосвязь между основными социальными проблемами, с которыми сталкивается население и условиями трудоустройства в данном регионе.

Ключевые слова: занятость, Республика Тыва, социальное расслоение, социальное неравенство, рынок труда.

*Anisimova Tatyana Germanovna
Doctor of Sciences in Sociology
Institute of Sociology of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

**EMPLOYMENT OF CITIZENS AS AN INDICATOR
OF SOCIAL OPPORTUNITIES AND SOCIAL WELL BEING
(ON THE EXAMPLE OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF TYVA)**

The article analyzes the conditions and indicators of employment of the population of the Republic of Tyva as one of the causes of social inequality. The significance of quantitative and qualitative factors of the socio-professional sphere affecting the formation of the quality of life of society is studied, the relationship between the main social problems faced by the population and the conditions of employment in this region is shown.

Keywords: employment, Republic of Tyva, social stratification, social inequality, labor market.

Удовлетворение основных потребностей населения является важнейшей задачей для государства. Решение этого вопроса предполагает создание таких условий, которые обеспечат поддержание материальных возможностей граждан в ситуации, когда они обладают ограниченными ресурсами. Поэтому получение информации о текущей ситуации представителями власти дает возможность своевременно, направленно и эффективно предпринимать определенные меры: позволяет оценить масштабы проблемы на локальном уровне, а также сформировать соответствующую стратегию ее разрешения.

На основании анализа статистических данных, определяющих уровень материального положения населения Российской Федерации, было выявлено, что наблюдается существенная неоднородность показателей материального достатка как в различных регионах Российской Федерации, так и в целом среди населения. Наиболее тяжелая ситуация наблюдается в Республике Тыва, показатели бедности в которой превышают 40% от общего числа населения. Крайне неблагоприятная социально-экономическая обстановка в данном регионе нуждается в тщательном исследовании и эффективной корректировке.

В основе статьи лежат данные социологического исследования, проведенного сотрудниками Центра исследования социальной структуры и социальных расслоений Института Социологии ФНИСЦ РАН в

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-511-44011МОНГ_а.

апреле 2019 года в Республике Тыва (руководитель д.ф.н., проф. З. Т. Голенкова). В соответствии с репрезентативной выборкой было путем очного анкетирования опрошено 2652 человека.

Данная статья посвящена одной из ключевых проблем – уровню социального расслоения населения Республики Тыва и его сопряжению с характеристиками занятости в регионе. Очевидно, что включенность граждан в экономическую жизнь региона коррелирует с показателями занятости населения этой республики. В исследовании наибольшее внимание мы уделили различным показателям занятости граждан, живущих в республике Тыва, их социальным возможностям и качеству жизни.

Обращаясь к категории занятости, необходимо прояснить какие же показатели, прежде всего, определяют ситуацию в социально-профессиональной сфере. Мы предположили, что уровень материального положения сопоставим с включенностью членов общества в систему экономических отношений. В связи с этой гипотезой, можно говорить о том, что важнейшим показателем обстановки в регионе является характер занятости населения. Данное исследование отражает взаимосвязь особенностей занятости населения Тувы и социального положения граждан.

С точки зрения федерального закона, занятость является такой формой отношений, при которой человек, совершая определенные действия, удовлетворяет общественные потребности и получает вознаграждение, что реализует его личные интересы. Учитывая, что целью исследования является качество жизни населения и, в частности, трудовая занятость граждан как показатель социально-экономической обстановки в регионе, наибольшее внимание мы уделили таким следующим вопросам, как доступность для населения трудовой деятельности как источника получения материального потенциала; возможность самореализации граждан в социальной и трудовой сфере в данном регионе, поскольку именно эти два аспекта, в конечном счете определяют социальное положение и состояние граждан.

Корреляция уровня занятости граждан и социального расслоения является, на наш взгляд, наиболее эффективным показателем неблагополучия и деструктивных процессов в сфере трудоустройства. Используя данный подход, необходимо определить по каким маркирующим критериям мы дифференцируем граждан с целью определения социального расслоения, и какие его признаки мы наблюдаем.

В рамках нашей работы мы рассматриваем социальное расслоение в сопоставлении с неравномерностью распределения социальных возможностей граждан и разницей в определении статусной идентификации.

1. В первую очередь мы рассмотрим занятость как источник материальных ресурсов и социальных возможностей, которые являются формой приобретения общественного статуса. В современном обществе люди чаще всего отождествляют себя с другими людьми по профессиональному критерию. Социальная идентичность является стимулом, регулирующим социальное поведение и влияющим на самосознание человека. Идентичность с группой подкреплена ощущением внутреннего единства со своим социальным окружением.

2. В условиях современного общества, где дифференциация на группы осуществляется и по материальному признаку, по возможностям, которые человек смог реализовать, по накоплению материальных ресурсов, восприятие себя человеком не соответствующим требованиям, которые предъявляет референтная группа, создает предпосылки для формирования негативной социальной идентичности.

В этой ситуации важен тот факт, что реализация индивидуальных возможностей и повышение статуса реализуется гражданами через различные социальные институты, которые включают в себя и экономическую сферу. Для этого необходимо, чтобы на рынке труда были вакансии. Иными словами, социальные возможности членов общества определяются наличием рабочих мест в регионе. Чем выше уровень соперничества за рабочие места, тем более значима проблема социального расслоения.

Одним из значимых показателей является уровень образования граждан Тувы. Так, 36,4% респондентов имеют высшее образование, либо неоконченное высшее, 38,6% – среднее специальное образование, 20,5% – среднее общее образование, 2,5% – неполное среднее и менее 1% – начальное.

Следующим действием в нашем исследовании является анализ показателей социального положения и трудовой сферы населения Тувы. К основным социальным проблемам, отмечаемым участниками исследования, относятся: высокая стоимость угля для отопления, плохие дороги, низкий уровень благоустройства населенного пункта, низкое качество медицинских услуг, маленькая заработная плата, маленькая пенсия, плохое освещение улиц, проблема вывоза бытового мусора, отсутствие мест в детских дошкольных учреждениях, невозможность найти подходящую работу в своем населенном пункте, периодические отключения света, плохая работа общественного транспорта, экологические проблемы (за-

грязненность воздуха, воды, лесов), невозможность найти подходящую подработку, дополнительную работу, скука, отсутствие культурного досуга, неудовлетворительная работа чиновников, неустроенность детского и подросткового досуга, обветшание жилищного фонда, отсутствие капремонта, нехватка мест в школах, низкий уровень преподавания в школах, плохая работа коммунальных служб, нарушения теплоснабжения, невозможность продолжить образование, межнациональные конфликты.

Из перечня социальных проблем мы видим, что в данном регионе остро стоит вопрос удовлетворения именно базовых потребностей, причем прямые и косвенные показатели обеспечения материальных ресурсов фигурируют неоднократно.

Следует обратить внимание и на фактор возможности трудоустройства по имеющейся специальности. Более 70% участников опроса отметили, что найти работу по профессии трудно, а 2,5% опрошенных отметили, что вакансий по их профессии просто нет.

В таблице 1 представлены респонденты с высоким уровнем образования, которые работают по профессиям низкой квалификации в настоящее время.

Таблица 1

Распределение респондентов с высоким уровнем образования, выполняющих низко квалифицированную работу, по профессиям, %

Профессия	Образование				
	высшее	среднее специальное	среднее общее	начальное	нет начального
вахтер	–	75,0	–	25,0	–
водитель	15,8	50,0	34,2	–	–
секретарь	57,1	28,6	14,3	–	–
завхоз	25,0	37,5	25,0	–	12,5
лаборант	60,0	40,0	–	–	–
охранник	28,6	42,9	28,6	–	–
продавец	38,8	45,9	15,3	–	–
неквалифицированный рабочий	12,0	41,9	43,7	2,4	–
сельхоз. рабочий	7,4	55,6	35,2	1,9	–
сторож	–	60,0	37,1	2,9	–
технический персонал	18,4	50,0	28,9	2,6	–
чабан	17,2	41,4	41,4	–	–

По данным статистики, в Туве в настоящее время преобладает потребность в трудовых ресурсах, не обладающих какой-либо квалификацией, не имеющих среднего или высокого уровня образования, и эта потребность увеличивается.

В заключение следует отметить, что основной вопрос заключается в слаборазвитой экономической сфере региона. Такая ситуация создает крайне малое количество рабочих мест, что приводит к социальному расслоению населения Тувы. В имеющейся ситуации выражена необходимость общего развития экономического сектора региона, которое повлечет за собой улучшение условий жизни и повышение качества жизни жителей Тувы.

Орехова Инесса Михайловна
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
Москва, Россия
22376369@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕГМЕНТЕ ЗАНЯТОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА ТУВЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Автор использует в статье материалы социологических исследований, проведенных в Республике Тыва в 2019 и 2021 гг. Исследования были посвящены изучению проблем бедности и социально-структурных изменений в республике. Автор на основе анализа результатов исследования делает следующие выводы. В количественном отношении уровень занятости в Туве в условиях пандемии не снижается, что, безусловно, можно считать положительным фактом. Наиболее пострадавшими отраслями в регионе являются сфера обслуживания, а также транспорт и связь. В Туве меняется тенденция, зафиксированная исследованием 2019 г., о преобладании и росте на рынке труда региона спроса на профессии низкой квалификации. Пандемия коронавируса остановила начавшийся в регионе процесс снижения уровня безработицы. Более того, она повернула его вспять. Нельзя сказать с полной уверенностью, что процесс снижения восстановился.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, пандемия коронавируса, трудовая деятельность.

Orekhova Inessa Mikhailovna
Institute of Sociology of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

CHANGES IN THE EMPLOYMENT SEGMENT IN THE TUVA LABOR MARKET IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

The author uses in the article the materials of sociological research conducted in the Republic of Tyva in 2019 and 2021. The research was devoted to the study of the problems of poverty and socio-structural changes in the republic. The author draws the following conclusions based on the analysis of the research results. In quantitative terms, the level of employment in Tuva is not decreasing under the conditions of the pandemic, which, of course, can be considered a positive fact. The most affected industries in the region are the service sector, as well as transport and communications. In Tuva, the trend recorded by the 2019 study is changing about the predominance and growth of demand for low-skilled professions in the labor market of the region. The coronavirus pandemic has stopped the process of reducing the unemployment rate that has begun in the region. Moreover, she turned it around. It is impossible to say with full confidence that the decline process has recovered.

Keywords: labor market, employment, unemployment, coronavirus pandemic, labor activity.

Занятость – один из важнейших показателей состояние рынка труда и экономического развития региона. Количественно занятость определяется численностью взрослого, трудоспособного работающего населения. Незанятое население может также быть трудоспособным, но по каким-то причинам, не работающим – учащиеся, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком или больным, безработные; или достигшим возрастного предела трудоспособности - пенсионеры. (Орехова 2019: 2)

В статье использованы материалы социологических исследований, проведенных в Республике Тыва в 2019 и 2021 гг. Исследования были посвящены изучению проблем бедности и социально-структурных изменений в республике.

В исследовании 2021 г. количество занятых и незанятых респондентов определялось путем анализа ответов на два вопроса анкеты. Вопрос – «Есть ли у Вас постоянная работа или какой-либо свой биз-

нес?» – позволял определить, есть ли у респондентов в настоящее время постоянная работа или какой-либо свой бизнес. Не важно, официальная это работа или нет, зарегистрирован ли бизнес или это работа на себя без регистрации. Вопрос – «Какое Ваше основное занятие?» – определил основные занятия работающих респондентов. Они следующие:

- работа по найму на постоянной долговременной основе – 41,4%;
- официально зарегистрированный бизнесмен, ИП, самозанятый – 4,2%;
- работа в собственном ЛПХ – 3,3%;
- работа временная по устным договоренностям или на себя – 8,1%.

Постоянно занятые среди опрошенных составили 49,1%, не имеющие такой занятости – 49,4%. Дальнейший анализ данных показал, что большинство занятых респондентов – 82,6% – имеют профессиональное образование. Из них 46,7% имеют высшее профессиональное образование и 35,9% – среднее специальное. 17,4% работающих респондентов профессионального образования не имеют. В исследовании были также определены профессии респондентов. Сравнение уровня образования занятых респондентов с необходимыми квалификационно-образовательными требованиями, предъявляемыми к их рабочей профессии, позволяет сделать следующий вывод: 37,4% респондентов в настоящее время работают по профессиям низкой квалификации, не требующим специального профессионального образования. Если учесть, что, как было отмечено выше, 17,4% респондентов не имеют профессионального образования, то пятая часть занятых респондентов (20,0%) выполняет работу ниже своей квалификации.

Анализ ответов на вопрос анкеты об основном занятии позволил добавить в группу занятых респондентов тех, кто имеет временную работу. Вместе с постоянно занятыми группа имеющих в настоящее время работу составила 57%. Дальнейший анализ данных позволил предположить, что прирост занятых происходит в основном за счёт работающих людей пенсионного возраста. В Российской Федерации эта группа занятых – «работающие пенсионеры» – также достаточно велика. По данным Росстата на 1 января 2021 г. она составила 20,7% от общей численности зарегистрированных пенсионеров. Незанятых респондентов в исследовании 2021 г. – 42,3%.

В исследовании 2019 г. по степени занятости опрошенные разделились следующим образом: занятых или работающих среди респондентов насчитывается 54,3%; незанятых или неработающих – 44,7%. То есть, показатели занятости 2019 и 2021 гг. практически совпадают. Конечно, делать какие-то далеко идущие выводы относительно процессов в экономике и на рынке труда Республики в условиях пандемии некорректно. Однако считаем необходимым подчеркнуть – факт, что уровень занятости в Туве в этих условиях не снижается, безусловно, можно считать положительным.

Анализ данных о занятости внутри отдельных профессиональных групп позволил определить разницу между количеством респондентов, имеющих постоянную работу и не имеющих таковую. Наибольшая отрицательная разница занятости наблюдается в сфере обслуживания, а также транспорта и связи – не имеющих работы здесь больше в 1,6 раза, чем имеющих. Эти отрасли экономики входят в список наиболее пострадавших отраслей в России (Электронный ресурс... 1). Отрицательная разница занятости в группе рабочих профессий свидетельствует о том, что в Туве меняется тенденция, зафиксированная исследованием 2019 г., о преобладании и росте на рынке труда региона спроса на профессии низкой квалификации.

Наибольший интерес в группе незанятых трудоспособных респондентов представляют безработные.

В исследовании 2021 г. отнесли себя к безработным 17,4% респондентов. Среди них зарегистрированы в службе занятости 7,1%, не зарегистрированы – 12,3%. Соотношение зарегистрированных и незарегистрированных безработных составило 1:1,7. В исследовании 2019 г. это соотношение было 1:2. То есть, количественная разница между этими группами безработных уменьшилась, хотя и незначительно.

По данным Росстата на май 2021 г. уровень безработицы в Туве составлял 18,4% (Электронный ресурс... 3). Не вызывает сомнения, что основной причиной изменения уровня безработицы в регионе стала пандемия коронавируса. Такой вывод позволяет сделать сравнительный анализ данных исследований 2019 и 2021 гг. В исследовании 2019 г. к безработным причислили себя 15,4% респондентов. В исследовании 2021 – 19,4%. Уровень роста составил 4%, и он практически совпадает с числом респондентов, потерявших работу из-за коронавируса. Таких респондентов в исследовании 2021 г. оказалось 3,8%.

В Туве в целом повторилась общероссийская тенденция изменения уровня безработицы за период пандемии коронавируса: повышение этого уровня в течение 2020 г. и его снижение в 2021 г. Итог влия-

ния фактора пандемии на уровень безработицы в Туве таков. Пандемия остановила начавшийся в регионе процесс снижения уровня безработицы. Более того, она повернула его вспять. И, к сожалению, нельзя сказать с полной уверенностью, что процесс снижения восстановился. Он очень неустойчив, поскольку в последние месяцы изменение уровня безработицы происходит волнообразно – снижение сменяется ростом и наоборот.

Литература:

Мой бизнес [Электронный ресурс] URL: <https://мойбизнес.рф/anticrisis/mishustin-utverdil-perechen-naibolee-postradavshikh-ot-pandemii-otrasley-ekonomiki> (дата обращения 10 мая 2022 г.)

Орехова И. М. Занятое и незанятое население Республики Тывы: потенциал и эффективность использования // ИНАБ. 2019. № 3. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. С. 29–45.

Численность безработных [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения 10 мая 2022 г.)

Бийжанова Элиза Камчыбековна
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
Москва, Россия
biyghanova@isras.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОМ ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Вот уже свыше 100 лет Монголия является стратегически важным союзником Российской Федерации на юго-востоке страны. В данном материале представлена попытка осмысления социокультурного развития российско-монгольских отношений на примере трансграничного региона Республики Бурятия и Монголии. Анализ взаимодействия двух стран на региональном уровне на примере Бурятии показал, что перспективы развития двусторонних отношений имеют большой положительный потенциал, о чем свидетельствует культурно-историческая общность и непрерывное взаимодействие бурят и монголов, несмотря на различные изменения политических курсов и вызовы времени. При этом необходимо отметить, что, опираясь на историческую общность, следует учитывать изменения, произошедшие за последние десятилетия в обеих странах, и выстраивать сотрудничество в нынешнее время необходимо, не следуя негативным стереотипам, появившимся в советское время.

Ключевые слова: Россия, Монголия, трансграничный регион, социокультурное взаимодействие, приграничные территории.

Biyghanova Eliza Kamchybekovna
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
Moscow, Russia

SOCIOCULTURAL INTERACTION IN THE RUSSIAN-MONGOLIAN CROSS-BORDER REGION

For over a hundred years, Mongolia has been a strategically important ally of the Russian Federation in the southeast of the country. This material presents an attempt to comprehend the sociocultural development of Russian-Mongolian relations on the example of the cross-border region of the Republic of Buryatia and Mongolia. An analysis of the interaction between the two countries at the regional level on the example of Buryatia showed that the prospects for the development of bilateral relations have great positive potential, as evidenced by the cultural and historical commonality of the Buryats and the Mongols, despite various changes in political courses and the challenges of the time. At the same time, it should be noted that, based on historical commonality, one should take into account the changes that have taken place over the past decades in both countries and it is necessary to stand up for cooperation at the present time without following the negative stereotypes that appeared in the Soviet era.

Keywords: Russia, Mongolia, cross-border region, sociocultural interaction, border areas.

Вот уже свыше 100 лет Монголия является не только сопредельным государством РФ, имеющим третью по протяженности (3400 км) линию границы, но и все эти годы является одним из самых стабильных стратегических партнеров нашей страны. Тесные связи двух стран, основанные на взаимной поддержке зародились практически сразу, с момента обретения независимости Монголией в 1911 г. и сохраняются по сегодняшний день (Эрдэнэбаяр Ганхуяг 2017). Однако сотрудничество этих сопредельных стран претерпевало периоды отдаления друг от друга, речь идет прежде всего о 1990-х гг., когда политико-экономический курс РФ был направлен на Запад, на европейскую интеграцию.

Тем не менее, события последнего десятилетия дали новый импульс к развитию двусторонних отношений России и Монголии на различных уровнях. Об этом свидетельствует, например, участие В. В. Путина в мероприятиях, посвященных 80-летию Победы советских и монгольских войск на Халхин-Голе. Это послужило поводом не только подчеркнуть общность исторических событий, связывающих Россию и Монголию, но и дало возможность обсудить пути и возможности выведения двустороннего взаимодействия и сотрудничества до уровня советского времени (Забродин).

В контексте возрождения прежнего уровня сотрудничества и кооперации в качестве примера можно выделить Республику Бурятию. Во-первых, у Бурятии самая протяженная граница с Монголией (1213,6 км), включающая пять бурятских муниципальных районов (Кяхтинский, Закаменский, Джидинский, Тункинский, Окинский), в которых проживает 11% от общего числа населения всего региона (Субанакоев 2017). Во-вторых, ее особый приграничный статус и функции обусловлены не только близостью к непосредственным границам, но особыми и историко-этнокультурными связями с Монголией, и именно эти связи позволяют ей выполнять не только барьерные функции приграничного региона, но и контактные, поскольку именно такая общность способствует налаживанию социокультурного взаимодействия, положительно влияющего на социально-экономическое и социокультурное взаимодействие, значимого как для России, так и для Монголии несмотря на вызовы современных реалий (Бадараев 2022).

Многогранный опыт сотрудничества Бурятии и Монголии позволяет видеть перспективы развития этого сотрудничества не только в социально-экономическом плане, имеющем важность на межгосударственном уровне, но и в сфере интеллектуально-гуманитарной. Многолетнее сотрудничество Бурятии и Монголии показывает нам, что, с одной стороны, будучи разделенным линией демаркации, население приграничных регионов может избегать разделения на уровне социокультурных отношений, стремиться к общим целям: сохранению богатого культурного наследия и самобытности соотечественников за рубежом, укреплению фундамента добрососедства, предотвращению возникновения противоречий на межнациональной и межконфессиональной почве. Многостороннее сотрудничество является важным средством формирования открытого общественного диалога культур и цивилизаций, расширения контактов во всех сферах социальной, духовной и политической жизни.

Приграничные территории исторически всегда были и будут этнически, конфессионально и культурно гораздо более пестрыми, чем регионы в центральной части страны. При этом если в центральных регионах это разнообразие зависит от уровня его экономической развитости и, соответственно, его миграционной привлекательности, то в приграничных регионах это исторически сложившаяся повседневность. Однако жизнь в непосредственной близости от соседнего государства требует от приграничных регионов не только готовности защищать эти границы, но и умения выстраивать культурный диалог, лавируя при различных противоречивых обстоятельствах (Ван Пин, 2015). Также стоит отметить, что в большинстве случаев демаркационная линия границы для многих жителей приграничья по обе стороны является весьма условным разделением, многие из них связаны с жителями сопредельной страны не только дружескими связями, но и родственными узами.

Подводя итоги можно отметить, что исторический опыт сотрудничества России и Монголии, близость расположения и дальнейшее развитие взаимовыгодных отношений будут способствовать социально-экономическому росту обеих стран. Однако, стоит помнить, что в современных реалиях межгосударственное сотрудничество необходимо выстраивать, основываясь на равноправном партнерстве, а не с позиции стереотипа «старший брат» и «младший брат» (Ведерников, Байкалова 2012). И поскольку Россия уже утвердила свой «поворот на Восток», то, возможно, федеральному центру стоит обратить внимание на опыт сотрудничества с Монголией регионов, входящих в российско-монгольский трансграничный регион и которые уже успешно реализуют трансграничное сотрудничество на основе социокультурного взаимодействия. А развитие технологий позволило не только не потерять связи по обе стороны границы в период пандемии COVID-19, но в какой-то мере даже актуализировать сотрудничество.

Литература:

Бадараев Д. Д. Структурные и этнокультурные особенности социальных изменений на российско-монгольском трансграничье: автореф. ... дис. д. соц. наук. М.: ИС ФНИСЦ РАН, 2022. 34 с.

Ван Пин. Российско-китайско-монгольское трансграничье как пространство межкультурного диалога // Гуманитарный вектор. Культурология. Философия. 2015. № 2 (42). С. 67–74.

Ведерников Ю. В., Байкалова В. В. Современное российско-монгольское торговое сотрудничество // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 46–51.

Забродин А. Не просто друг: Монголия стала стратегическим партнером России // Известия.RU. 03.09.2019: [веб-сайт]. URL: <https://iz.ru/917121/aleksei-zabrodin/ne-prosto-drug-mongolii-stala-strategicheskim-partnerom-rossii> (дата обращения: 28.02.2022).

Субанакоев Г. Ю. Анализ приграничного сотрудничества России и Монголии (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 3. С. 58–64.

Эрдэнэбаяр Ганхуяг. Россия – Монголия: по пути стратегического партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 462–476.

*Гыргенова Баирма Сергеевна
кандидат исторических наук
Министерство образования и науки Республики Бурятия
Улан-Удэ, Россия
g_bairma_s@mail.ru*

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Статья посвящена краткому анализу перевода в 2020–2021 гг. в период COVID-19 образовательной деятельности вузов Республики Бурятия в онлайн режим.

Ключевые слова: цифровая трансформация, дистанционные образовательные технологии, электронная информационная образовательная среда, электронное обучение.

*Gyrgenova Bairma Sergeevna
Candidate of Sciences in History
Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia*

**DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA
AND TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS
IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC**

The article is devoted to a brief analysis of the transition of the educational activities of universities to online mode in the Republic of Buryatia during the COVID-19 period in 2020-2021.

Keywords: digital transformation, distance learning technologies, electronic information educational environment, e-learning.

2020 г. стал временем переосмысления привычных представлений и подходов в системе образования. Пандемия заставила вузы решать задачу обеспечения непрерывности основной деятельности в новых условиях: завершение 2019/2020 учебного года, проведение зачетов и экзаменов, включая онлайн-защиту выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, организация приемной кампании 2020/2021 учебного года.

Электронное обучение наиболее отрицательно сказывается на деятельности практико-ориентированных и творческих вузов. Так, электронное обучение трудно осуществлять при преподавании физкультуры, дисциплин, предполагающих необходимость выполнения лабораторных работ на специальном оборудовании, дисциплин при изучении медицины, дисциплин, включенных в программы обучения творческим профессиям.

В период пандемии все вузы Республики Бурятия создали разделы официальных сайтов для информирования и помощи преподавателям – сотрудникам, от которых потребовались наибольшие усилия для перехода к новым форматам работы.

Модель цифровой трансформации ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова» представляет собой цифровой вуз, включающий цифровые технологии в управлении образованием, информационные системы управления, цифровые технологии в содержании образования, цифровую культуру.

В 2020 г. были внесены изменения в рабочие программы дисциплин (модулей) для формирования компетенций по цифровизации у обучающихся и закуплено лицензионное программное обеспечение: ИАС «СЕЛЭКС- Мясной скот»; Statistica Basic Academic 13 for Ru; КРЕДО ДАТ 5.2, КРЕДО ТОПОГРАФ.2.5; SketchUp Pro и др. На апрель 2021 г. 4067 обучающихся академии были зарегистрированы в электронно-информационной образовательной среде MOODLE. В 2020 г. было зарегистрировано 3040

обучающихся. На 01.04.2021 г. в системе MOODLE было создано 2360 учебных курсов. В ноябре 2020 г. прошел конкурс «Лучший электронный учебный курс», в котором приняли участие 22 преподавателя и было представлено 28 курсов.

Информатизация, создание собственной электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) в ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» позволили создать условия для быстрого перехода сотрудников и обучающихся на дистанционный формат обучения. Вуз столкнулся с проблемой, когда вся работа перешла в режим онлайн, а серверы не были готовы к подобным нагрузкам. ИТ-специалистами вуза были предотвращены хакерские атаки, информация о которых была передана в соответствующие структуры. Для повышения безопасности и обеспечения устойчивости работы был осуществлен перевод информационных систем на новый сервер, что дало в условиях высокой загрузки повысить быстродействие системы документооборота Directum, портала ВСГУТУ и личного кабинета, а также внедрить системы инкрементального резервного копирования (ускорение восстановительных работ в случае сбоев).

Для занятий в формате ВКС была выбрана система Microsoft Teams, которую удалось быстро интегрировать в ЭИОС вуза. В настоящее время Microsoft Teams дает возможность читать лекции, проводить консультации, рабочие совещания, ученые советы, а также возможность наладить видеоконтакт с любым сотрудником и обучающимся университета. Через систему Moodle оцифрованы все курсы по дополнительному образованию, и ведется работа по оцифровке основных образовательных программ.

Использование дистанционных образовательных технологий (ДОТ) и элементов электронного обучения (ЭО) в период пандемии составляет основное содержание образовательного процесса в ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры». В вузе используются информационные ресурсы: АСУ 1С: Университет. ПРОФ, информационная система «Планы ВО»; программно-методический комплекс «Информационный модуль сайта – Vikon»; ИС «Система менеджмента качества». Внедрены система управления обучением Moodle-cdo3.vsgaki.ru; личный кабинет обучающегося / преподавателя – lk.vsgaki.ru. В 2020 г. в образовательный процесс была введена практика преподавания и индивидуального консультирования на дистанционных образовательных платформах, в мессенджерах и социальных сетях: Zoom, Discord, Skype, Google-meet, WhatsApp, Viber, ВКонтакте, Facebook, YouTube.

В условиях пандемии вуз за несколько недель был вынужден перейти в дистанционный или смешанный формат обучения, в котором было реализовано более 700 дисциплин, включая лекции, семинарские и практические занятия, организованы десятки учебных, производственных, преддипломных практик, проведены промежуточная и ГИА обучающихся. Случаи полной приостановки обучения весной 2020г. были скорее исключением из общей практики и касались практической части специальных дисциплин творческой направленности.

В ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова» создана и эффективно функционирует электронная информационно-образовательная среда, которая включает в себя подсистемы для организации синхронного и асинхронного взаимодействия участников образовательных отношений, управления электронными курсами на платформе LMS Moodle, аккумулирования данных об образовательном процессе, в том числе элементы цифрового следа процесса обучения, и т.д.

Существующие в университете автоматизированные информационные системы: «Абитуриент», «Личный кабинет», «Университет», «Планирование и организация учебного процесса», «Успеваемость», «Стипендия» и др., портал электронного обучения e.bsu.ru представляют собой полную цифровую вузовскую среду, которая решает все основные задачи образовательной организации высшего образования.

Трансформация учебного процесса прошла без сложностей, так как в БГУ в течение нескольких лет активно используется ЭИОС, которая позволяет выкладывать преподавателям для обучающихся всех форм обучения необходимые учебно-методические материалы, осуществлять текущий контроль знаний и посещаемости. Такая форма работы позволила проводить занятия по расписанию, в соответствии с графиком учебного процесса.

Для развития цифровизации в 2021 г. БГУ вступил в Консорциум образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования на базе АНО ВО «Университет Иннополис» в статусе Опорного образовательного центра по направлениям цифровой экономики, осуществляющего формирование и последующее внедрение инструментов развития образовательной инфраструктуры в

целях подготовки специалистов из разных предметных отраслей, обладающих компетенциями информационных и сквозных технологий. В рамках соглашения о вступлении в консорциум преподаватели и сотрудники университета прошли обучение в Университете Иннополис в 2021 г.

В Бурятском институте инфокоммуникаций (филиале) ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» наличие электронной информационно-образовательной среды помогло быстро и с наименьшими потерями организовать образовательный процесс. В вузе внедрена системы дистанционного обучения Moodle; Microsoft Office 365, в том числе Microsoft Teams; используется алгоритм искусственного интеллекта и возможностей нейросетей для построения индивидуальной траектории обучающихся.

Таким образом, 2020–2021 гг. дали возможность преподавателям высшей школы Республики Бурятия получить опыт непосредственной работы в формате электронного обучения. При переходе вузов на онлайн обучение большинство университетов усилили сотрудничество друг с другом, органами управления образованием, образовательными платформами: организации оказывают друг другу методическую поддержку по использованию цифровых инструментов в обучении, в бесплатный доступ выкладываются актуальные учебные курсы, на различных платформах создаются неформальные группы студентов / преподавателей / администраторов вузов, где обсуждаются актуальные проблемы онлайн-обучения; существенно возросло количество предложений по программам повышения квалификации различных категорий слушателей в режиме онлайн и т.д.

Литература:

Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ. Благотворительный фонд Владимира Потанина М., 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (дата обращения: 17.01.2022).

Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования [Электронный ресурс] // URL: <http://static.government.ru/media/files/GYRuAхоqmjgpAхer8PRuu2zMB9NBFAa9.pdf> (дата обращения 18.01.2022).

Текущий архив Министерства образования и науки Республики Бурятия за 2021 г. // Материалы коллегии Министерства 2021.

*Дашковский Петр Константинович¹, Магсаржав Гантуяа², Монгуш Айлаана Витальевна³
доктор исторических наук¹, доктор философских наук²*

¹Алтайский государственный университет

Барнаул, Россия

²Институт философии Монгольской академии наук

Улан-Батор, Монголия

³Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

Кызыл, Россия

¹dashkovskiy@fpn.asu.ru, ²gantuyam@outlook.com, ³opei-ool@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В ТУВЕ¹

В сообщении представлены предварительные результаты социологического исследования, проведенного с целью изучения религиозной ситуации в Республике Тыва. Респондентам было предложено ответить на поставленные в анкетах вопросы о роли религии в жизни населения региона на современном этапе. В целом большинство респондентов отметили стабильную межконфессиональную ситуацию в регионе. В то же время достаточно большой процент респондентов негативно относится к появлению в их населенном пункте представителей другой конфессии, хотя они не участвовали в межрелигиозных конфликтах. Часть респондентов испытывает негативное отношение к представителям иных религиозных групп в связи с неуважительным отношением к традиционной культуре и мировоззрению тувинского народа с их стороны.

Ключевые слова: этнорелигиоведение, Республика Тыва, религиозная идентичность, конфессии.

*Dashkovskiy Petr Konstantinovich¹, Magsarzhav Gantuyaa², Ailaana Vitalievna Mongush³
Doctor of Sciences in History¹, Doctor of Sciences in Philosophy²*

¹Altay State University

Barnaul, Russia

²Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

³Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research

Kyzyl, Russia

SOME RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL STUDY OF THE RELIGIOUS SITUATION IN TUVA

The paper presents the preliminary results of a sociological study conducted to study the religious situation in the Republic of Tyva. Respondents were asked to answer the questions posed in the questionnaires about the role of religion in the life of the population of the region at the present stage. In general, the majority of respondents noted a stable interfaith situation in the region. At the same time, a fairly large percentage of respondents have a negative attitude to the appearance of representatives of another denomination in their locality, although they did not participate in interreligious conflicts. Some respondents have a negative attitude towards representatives of other religious groups due to their disrespectful attitude to the traditional culture and worldview of the Tuvan people.

Keywords: ethnoreligious studies, Republic of Tyva, religious identity, confessions.

Изучение этноконфессиональных процессов в различных субъектах Российской Федерации представляется одним из перспективных направлений религиоведческой науки. Особое значение имеет изучение религиозных процессов в национальных автономиях и приграничных регионах России. В данном случае Республика Тыва как раз является примером такого региона и представляет особый научный интерес в силу исторической обусловленности этнорелигиозных процессов. Целью проведенного социологического исследования являлось изучение мнения респондентов относительно оценки различных

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-59-44004) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект № НШ-63.2022.2).

аспектов этнорелигиозной ситуации в Туве. Данная публикация посвящена предварительному освещению полученных результатов.

Учитывая численность населения Республики Тыва, в рамках данного исследования было опрошено 334 человека (100%) разного возраста и пола, этнической принадлежности, сферы деятельности. Респонденты опрашивались по разработанной анкете в городе Кызыле. При этом в число опрошенных попало значительное количество респондентов, которые приехали на учебу из разных районов республики. Полученная выборка носит репрезентативный характер. В данном случае выборка стратифицированная, территориальная, случайная. Следует отметить, что в процентном соотношении численность коренного населения в регионе на современном этапе продолжает преобладать – тувинцы составляют 82%, русские – 16,3%, представители других национальностей – 1,7% (Всероссийская перепись..., 2010). В рамках проведенного опроса 89% (296 человек) респондентов определили свою этническую принадлежность как тувинец, что соотносится в целом с официальной статистикой.

В рамках социологического исследования респондентам было предложено ответить на поставленные в анкетах вопросы о роли религии в жизни населения Республики Тыва на современном этапе. Из 334 респондентов, опрошенных на территории Республики Тыва, 70% (231 человек) считают, что человеку необходимо быть верующим. Только 17% респондентов не считают веру обязательной составляющей жизни каждого человека. 13% респондентов затруднились определить роль религии в жизни человека. При этом подавляющая часть населения республики уделяет важное место религии в жизни человека. Более 50% опрошенных в каждой возрастной группе считают, что религия – это неотъемлемая сторона человеческой жизни.

Распределение населения по конфессиональной принадлежности в рассматриваемом регионе выглядит следующим образом. 56% респондентов указали, что исповедуют буддизм, 7% – православие, 5% – шаманизм, по 2% – протестантизм и тенгрианство, 1% – ислам. Однако достаточно большой процент респондентов 16% придерживается религиозного синкретизма. Так, наиболее привлекательным для жителей республики является исповедание буддизма при сохранении шаманских традиций. Самый высокий процент синкретичного мировоззрения следует отметить у опрошенных в возрасте от 46 до 60 лет. В данной возрастной группе 12 человек из 51 опрошенных считают себя буддистами, но при этом указывают, что отправляют и шаманские обряды.

Следует подчеркнуть, что в последние годы возрастает значение и распространение буддизма не только на территории Тувы, но и во всем мире. В России по данным Росстата число зарегистрированных буддийских организаций с 208 в 2010 г. возросло до 269 в 2018 г. Ряд исследователей также обращает внимание на активное возрождение и распространение буддизма (Слободникова 2007). При этом отмечается и тот факт, что буддизм перестает быть религией конкретных этнических групп, тем самым усиливая свое влияние в мировом религиозном пространстве (Островская 2012). Буддизм позволяет сохранить традиционные ценности в рамках процесса глобализации в современном мире (Бадмаев, Уланов, Ламажаа и др. 2020: 37). Однако в рамках проведенного авторами социологического исследования было отмечено, что достаточно большой процент опрошенных придерживается религиозного синкретизма, сочетая буддийскую традицию с традиционными верованиями тувинцев. Система религиозного синкретизма сложилась в Туве при сохранении внутренней целостности традиционного шаманского мировоззрения под воздействием влияния распространившегося на данную территорию буддизма. При этом при слиянии двух мировоззрений формируется единый комплекс религиозных взглядов, традиций, культов и институтов (Хомушку 2006).

На развитие межконфессиональных отношений в регионе оказывают влияние различные факторы, в том числе и семейно-брачные противоречия с представителями других вероисповеданий. Согласно данным опроса, 37% респондентов не согласились бы на брак с представителем другой веры. При этом 79% ответили, что в их семьях отсутствуют представители другой веры. Отсутствие в семье представителя иного вероисповедания способствует сохранению религиозных традиций. К тому же нежелание видеть в своей семье представителя другой религиозной культуры свидетельствует об отсутствии толерантного отношения к представителям иных религиозных групп и об опасении потери религиозной идентичности целого народа. В случае вступления в брак с последователями иного вероисповедания опрошенные отдавали предпочтение последователям православия. Это может быть объяснено контактами с русским населением, исповедующим православие, а также с более тесным знакомством с данным религиозным направлением.

Оценить религиозную ситуацию на территории Республики Тыва, в том числе характер межконфессиональных отношений, позволяет также вопрос о том, возникают ли у респондентов противоречия с представителями других вероисповеданий. При этом 77% опрошенных ответили, что конфликтов с другими конфессиями у них не возникало, и лишь 16% указали, что межрелигиозные

конфликты имели место в их жизни. При этом самыми конфликтными респонденты назвали три конфессии: ислам (49%), православие (32%) и буддизм (15%). Для уточнения мнения опрошенных им было предложено ответить на вопрос, что вызывает противоречия с представителями других вероисповеданий. В качестве причин возникновения конфликтов респонденты указывали следующие факторы: 1) мне не нравится их религия (11%); 2) мне не нравится их отношение к моей религии (29%); 3) мне не нравятся их обряды (7%); 4) верующий имеет другую национальность (12%); 5) последователи другой религии проявляют недоброжелательность (88%). 14% затруднились ответить на данный вопрос.

Из собранных данных следует, что негативное отношение к представителям другой религии у части респондентов вызывается, прежде всего, недоброжелательностью и неприязненным отношением к буддизму со стороны представителей других религиозных традиций. В связи с этим достаточно большой процент респондентов 40% не готовы ответить на вопрос: «Как бы Вы отнеслись, если бы в Вашем населенном пункте появился представитель незнакомой им религиозной организации?» 31% однозначно ответил, что отрицательно воспримут появление представителя незнакомой религии в своем населенном пункте. Примечательно, что на такое отношение к незнакомым конфессиям не влияет даже то, что 76% респондентов никогда не испытывали ущемления своих прав из-за религиозной принадлежности. Несмотря на настороженное отношение к представителям иных религиозных культур, часть жителей Тувы испытывают интерес к последователям других религиозных мировоззрений. В данном случае следует обратить внимание на то, что 54% респондентов указали, что смогут зайти в культовое сооружение иной конфессии. У 32% респондентов такая позиция, в первую очередь, связана с интересом к иной религиозной культуре.

Респондентам также было предложено дать общую оценку религиозной ситуации в Туве на современном этапе. В целом 81% опрошенных людей оценивают ее как стабильную или скорее стабильную. 9% респондентов считают, что религиозная обстановка в регионе наоборот, скорее не стабильная, а 3% обозначили ее как конфликтную. Еще 7% затруднились дать оценку религиозной ситуации в Туве.

Таким образом, по результатам проведенного социологического исследования можно предварительно сделать вывод, что в Республике Тыва на современном этапе в целом отмечается стабильная межконфессиональная обстановка. Такое спокойствие в определенной степени достигнуто преобладанием в регионе одной конфессии – буддизма и одного этноса – тувинцев. Кроме того, важно отметить, что исторически мировоззрение тувинцев было готово к синкретизму, к взаимопроникновению и взаимовлиянию буддизма и традиционного комплекса верований. Такая особенность также положительно сказывается на религиозной ситуации в регионе. Тем не менее, следует обратить внимание на тот факт, что данное спокойствие не может считаться стабильным. Достаточно большой процент респондентов негативно относится к появлению в их населенном пункте представителей другой конфессии, и это при том, что они не участвовали в межрелигиозных конфликтах. Часть респондентов испытывает негативное отношение к представителям иных религиозных групп в связи с неуважительным отношением к традиционной культуре и мировоззрению тувинского народа с их стороны.

Литература:

Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Антонов В. И., Очирова О. А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 35–49.

Всероссийская перепись населения (2010) [Электронный ресурс] // URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 03.04.2020).

Островская Е. А. Социологическое изучение религиозных неправительственных гражданских организаций Российской Федерации и Республики Корея // Пятые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. СПб., 2012. С. 144–159.

Слободникова В. С. Конфессиональный портрет современной России // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Вып. 1. С. 69–74.

Хомушку О. М. Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2006. 52 с.

Хомушку О. М., Кухта М. С. Этноконфессиональный фактор в духовном возрождении Тувы: социально-философский анализ // Oriental Studies. 2016. Vol. 27. Is. 5. P. 119–126.

*Дашковский Петр Константинович¹, Магсаржав Гантуяа², Шершнева Елена Александровна³,
доктор исторических наук¹, доктор философских наук², кандидат филологических наук³*

*¹Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

*²Институт философии Монгольской академии наук
Улан-Батор, Монголия*

*³Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

¹dashkovskiy@fjn.asu.ru, ²gantuyam@outlook.com, ³D2703@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ЖИТЕЛЕЙ Г. УЛАН-БАТОР ПО ОЦЕНКЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В МОНГОЛИИ¹

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в рамках российско-монгольского проекта в 2020 г. в Монголии. В ходе исследования была сделана попытка оценить религиозную ситуацию и степень вовлеченность жителей страны в религиозную жизнь. Выборка исследования – 362 человека. Опросы проводились в г. Улан-Батор. При этом в число опрошенных попало значительное количество респондентов, которые приехали на учебу или на работу из разных районов страны. 73% респондентов считают, что человеку необходимо быть верующим. Однако 46% опрошенных посещают культовые места очень редко, а 22% не соблюдают вообще никаких религиозных обрядов. Данный факт свидетельствует о достаточно слабой вовлеченности респондентов в религиозную жизнь, в том числе и буддийской сангхи. На территории Монголии преобладающей конфессией является буддизм, который рассматривается как часть национальной культуры монгольского народа. Со стороны государства предпринимаются меры по поддержке буддийского института как элемента национальной идентичности. Среди населения Монголии отмечается позитивное отношение к представителям других религиозных групп. Однако достаточно большой процент респондентов оценивает религиозную ситуацию в Монголии как не очень стабильную (31%) и даже конфликтную (12%).

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, Монголия, религиозная идентичность.

*Dashkovskiy Petr Konstantinovich¹, Magsarzhav Gantuya², Shershneva Elena Alexandrovna³
Doctor of Sciences in History¹, Doctor of Sciences in Philosophy², Candidate of Sciences in History³*

*¹Altai State University
Barnaul, Russia*

*²Institute of Philosophy of the Academy of Mongolia Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia*

*³Altai State University
Barnaul, Russia*

PRELIMINARY RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY OF RESIDENTS OF ULAANBAATAR TO ASSESS THE RELIGIOUS SITUATION IN MONGOLIA

The article presents the results of a sociological study conducted within the framework of the Russian-Mongolian project in 2020 in Mongolia. The authors attempted to assess the religious situation and the degree of involvement of the inhabitants of the country in religious life. The sample of the study is 362 people. The surveys were conducted in Ulaanbaatar. At the same time, the number of respondents included a significant

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-59-44004 «Влияние этнокультурных и политических процессов на религиозную ситуацию в Сибири и сопредельных регионах Монголии в XIX – начале XXI вв.».

number of respondents who came to study or work from different parts of the country. 73% of respondents believe that a person needs to be a believer. However, 46% of respondents visit places of worship very rarely, and 22% do not observe any religious rites at all. This fact indicates a rather weak involvement of respondents in religious life, including the Buddhist sangha. On the territory of Mongolia, the predominant denomination is Buddhism, which is considered as part of the national culture of the Mongolian people. The State is taking measures to support the Buddhist institute as an element of national identity. There is a positive attitude towards representatives of other religious groups among the population of Mongolia. However, a fairly large percentage of respondents assess the religious situation in Mongolia as not very stable (31%) and even conflictual (12%).

Keywords: state and confessional politics, Mongolia, religious identity.

На протяжении более 10 лет совместно российскими и монгольскими учеными Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия), Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия) в рамках реализации международных грантов РФНФ и РФФИ проводится анализ этноконфессиональных процессов, протекающих на территории Монголии (Дашковский, Кушнерик, Цэдэв 2009; Дашковский, Цэдэв, Шершнева 2010; Дашковский, Шершнева, Цэдэв 2017 и др.).

В рамках данного исследования в 2020 г. был проведен социологический опрос в г. Улан-Батор. При этом необходимо отметить, что в г. Улан-Батор как столице государства и самом крупном мегаполисе страны работают, обучаются и проживают (постоянно или временно) жители из разных частей Монголии. В рамках проведенного социологического исследования фактически было опрошено 362 человека (100%) разного пола, возраста, этнической принадлежности и профессиональной деятельности. Все респонденты были разделены на 5 возрастных групп от 16 лет до старше 60 лет.

С целью выявления отношения жителей Монголии к религии респондентам было предложено ответить на вопрос «Как вы считаете, важно ли человеку быть верующим?» В результате 73% респондентов (263 человека) дали положительный ответ на поставленный вопрос, 12% (44 человека) не считают веру обязательной составляющей жизни каждого человека, а 15% (55 человек) затруднились ответить на поставленный вопрос. При этом следует отметить, что важность религии в жизни каждого человека отмечали респонденты всех возрастов.

Распределение респондентов по конфессиональной принадлежности в рассматриваемом регионе выглядит следующим образом: последователи буддизма – 84%, протестантизма – 3%, ислама и шаманизма – по 2%, православия и католичества – соответственно по 1%. 7% опрошенных отметили, что не исповедуют никакую религию.

Из представленных данных видно, что в г. Улан-Батор, как и в целом на территории Монголии, преобладающей конфессией является буддизм, что вполне объяснимо историческими процессами. Данный факт объясняется также популяризацией буддизма в стране. Буддизм позиционируется со стороны государства как часть монгольской традиционной культуры и истории. Активная позиция правительства в поддержании буддийских ценностей придает ему неофициальный статус государственной религии (Сабилов 2020: 91; Романова, Зимин и др. 2015: 97; Жуков, Зимин, Жукова 2016: 36–38).

В рамках исследования мы попытались оценить конфессиональную идентичность, уровень религиозности, которые рассматриваются как вовлеченность в религию, в культовую деятельность и следование религиозным ориентирам. О глубине религиозной веры могут свидетельствовать ответы на вопросы о том, как часто посещаются респондентами культовые места, а также соблюдаются ли религиозные обряды дома и как часто. Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы посещаете храм (мечеть, церковь и др.)?» выглядят следующим образом. Только 6% указали, что раз в неделю посещают религиозные объекты. 12% опрошенных отметили, что делают это раз в месяц, а 14% посещают такие объекты только по большим праздникам. 46% респондентов указали, что не очень редко приходят в религиозные объекты. А 21% отметили, что никогда этого не делают. Еще 1% респондентов не ответили на этот вопрос.

Из представленных данных видно, что посещение культовых мест респондентами не рассматривается как обязательное, и такого мнения придерживаются представители всех возрастных групп опрошенных. Во всяком случае, необходимость посещения культовых объектов с целью

удовлетворения религиозных потребностей в данном случае носила вторичный характер. Несмотря на то, что большинство респондентов не считает обязательным посещение культовых мест, 40% опрошенных (143 человека) указывают на необходимость соблюдения религиозных обрядов. Однако достаточно большой процент опрошенных – 31% (112 человек) затруднились определить важность соблюдения религиозных обрядов. Следует также отметить, что респонденты в возрасте от 16 до 45 лет отводят соблюдению религиозных обрядов менее значительную роль. При этом 40% респондентов (146 человек) исполняют религиозные обряды только по праздникам, а 22% (79 человек) никаких религиозных обрядов не исполняют вообще. Таким образом, несмотря на то, что большинство респондентов идентифицируют себя как верующего человека, их вовлеченность в культовую деятельность очень низкая.

Хотя в Монголии среди верующих людей преобладают последователи буддизма, демократические преобразования в стране создали условия для распространения различных религиозных течений. Из анкетных данных видно, что респонденты знакомы не только с традиционными для региона религиями, но и с новыми религиозными движениями различной направленности (кришнаиты, свидетели Иеговы, мормоны, баптисты, Сахаджа-Йога, Нью Эйдж, Краеугольный камень). В то же время процент знакомства с последними не значительный. При этом после буддизма, ислама, православия, католичества и шаманизма относительно большой процент (7%) респондентов отмечал знакомство с таким протестантским направлением, как баптизм. Кроме того, достаточно значительный процент молодых людей (8%) в возрасте от 16 лет до 21 года указал на осведомленность о вайшнавской традиции.

37% опрошенных ответили, что им легко найти контакт с адептами других вероисповеданий, а 32% респондентов указали, что им скорее легко, чем сложно это сделать. Легче всего выстраиваются отношения с представителями другой религиозной традиции у респондентов в возрасте от 16 до 21 года. Такое распределение ответов позволяет сделать вывод, что население Монголии, особенно молодое поколение, становится достаточно толерантным к представителям иных религиозных традиций (Цэдэв, Монхбат, 2019: 113).

Большинство респондентов всех возрастных групп отметили, что у них не возникало противоречий с представителями других конфессий – 55% (199 человек). При этом среди конфессий, с которыми наиболее часто возникали конфликты, респонденты отметили ислам (39% опрошенных) и католицизм (38% опрошенных). Таким образом, среди населения Монголии отмечается позитивное отношение к представителям других религиозных групп.

В качестве причин возникновения конфликтов респонденты указывали следующие факторы: 1) мне не нравится их религия (13%), 2) мне не нравится их отношение к моей религии (17%), 3) мне не нравятся их обряды (24%), 4) верующий имеет другую национальность (12%), 5) последователи другой религии приносят недоброжелательность (12%). 7% процентов выбрали в этом вопросе ответ «иные причины», а 27% не ответили на него. Очевидно, что причины конфликта могут быть разнообразны, и формируются они во многом в рамках межличностных отношений. В связи с этим неслучайно 27% респондентов вообще затруднилось выделить конкретную причину конфликта.

Относительная однородность религиозного состава населения Монголии привела к тому, что население страны в последние годы в целом не испытывало притеснений по принципу религиозной принадлежности. Так, 78% опрошенных (283 человека) указали, что никогда не испытывали ущемления своих прав по религиозному признаку. 56% опрошенных указали, что религиозная ситуация в стране стабильная или скорее стабильная. Однако достаточно большой процент респондентов оценивает религиозную ситуацию в Монголии как не очень стабильную (31%) и даже конфликтную (12%). Возможно, такая тенденция связана с восприятием большинства монголов буддизма как неотъемлемой части национальной идентичности. В этой связи появление новых конфессий на территории государства может оцениваться частью населения как разрушение традиционного культурного концепта монголов.

Таким образом, проведенное социологическое исследование позволило выявить оценку респондентами религиозных процессов, которые протекают в Монголии на современном этапе. Дальнейшая обработка анкет и интерпретация полученных результатов позволит более всесторонне рассмотреть глубину вовлеченности в религиозную сферу, выявить степень толерантности /

интолерантности населения, определить факторы, влияющие на возникновение конфликтов в этнорелигиозной среде.

Литература:

Дашковский П. К., Кушнерик Р. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные процессы в Северо-Западной Монголии (по материалам полевых исследований 2008 г.) // Политологические и этноконфессиональные исследования в регионах. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Т. II. С. 241–246.

Дашковский П. К., Цэдэв Н., Шершнева Е. А. Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Улгийском аймаке Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. IV. С. 180–186.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 1–2. С. 115–128.

Жуков А. В., Зимин О. И., Жукова А. А. Глобализация и возрождение буддизма в Монголии // Девятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 12–24 января 2015 г. Иркутск, 2016. С. 34–39.

Рованова И. В., Зимин О. И., Жуков А. В., Жукова А. А. Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии // Вестник ЗабГУ. 2015. № 4. С. 95–102.

Сабиров Р. Т. Монгольский буддизм в XXI веке: в процессе конструирования // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 86–105.

Цэдэв Н. Х., Мөнхбат А. Д. Об этноконфессиональной ситуации в Монголии // Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы. 2019. С. 112–115.

Oidov Khatanbold

Ph.D

Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

khatanboldo@mas.ac.mn

Gelegpil Chuluunbaatar

Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Sc.D

Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

gelegchuluunbaatar@gmail.com

MATURATION OF POLITICAL CULTURE IN MONGOLIA: ITS ROLE AND EFFECTS (ANALYSIS OF QUALITATIVE RESEARCH)

Over time, both the social and economic situation is changing. When we use a combination of quantitative and qualitative research methods, we attempt to identify the causes of political and cultural phenomena in today's changing society. In this context, the current situation is analyzed by clarifying the development of political culture in Mongolia, its perception and perception based on qualitative information from public opinion polls, expert surveys and in-depth interviews with focus groups and experts.

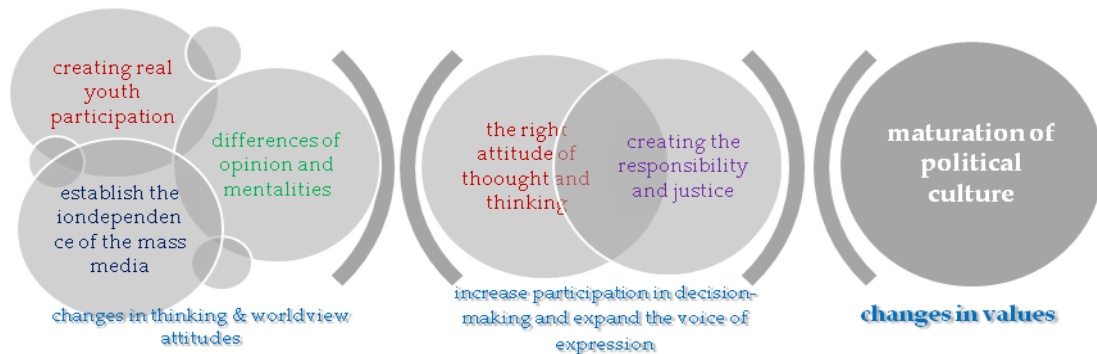
Keywords: political culture, politics, traditions, justice.

We aimed at clarifying new assumptions based on (i) analyze the development of political culture and its processes; (ii) clarify new views on social reality by analyzing the role and influence of political culture in Mongolia.

(i) Analysis of the development of political culture and its process. The process of maturation of political culture is a phenomenon that continues at all times. In other words, it changes slowly, because it is associated with beliefs, customs and traditional thinking that are formed in the social spirituality and mentality. Attitudes to politics vary from society to society. Therefore, one of the important conditions for the stability of a democratic society is the creation of a style in which the active participation of citizens in political culture prevails. There is still a high probability of «chaos» in the society. It also being as a likelihood of political instability remains high. This is an indication of the importance of deepening the understanding of the values of democratic ideology in the minds of citizens and creating an appropriate socio-psychological environment to curb anarchist activities through the implementation of appropriate legal policy. It should be noted that the development of the political culture of the subjects/actors involved in the political process is still important in strengthening national unity, compliance with ethical norms, rule of law, strengthening democracy and justice (Khatanbold 2014: 67). All of this underlies the need to specifically study the process of political cultural formation.

In qualitative analysis, which tried to determine the level of political culture, the following picture was observed. In particular, the current level of political culture was assessed on a 5-point scale, with the majority of participants scoring 3 points. The reason for this assessment is directly related to the unethical and irresponsible behavior of today's politicians and officials. This is due to the fact that the principle of justice has been lost for the state, since business and politics go hand in hand. As a result of the loss of business loyalty, unethical and irresponsible behavior has spread, creating a huge "tower" of corruption at the intersection of business and politics. The majority of respondents rated the political culture as below average and in the process of formation, while 51,3 percent rated it as "bad" with a score of 2-3 and 28,2 percent with a score of 4-5. To clarify the reasons for the poor evaluation of the qualitative analysis which conducted for the purpose of a detailed analysis of these results: (i) the consequences of irresponsible actions of politicians have reached their peak/apogee and the process of unfair actions and processes within the parties, rather than between the parties, is has already become more open to the public; (ii) the factors influencing development are not only a matter for the country itself, but are becoming more open and transparent as governance and democratic processes in the world become more closely intertwined; (iii) the two main political parties do not adhere to the integrity of democratic

politics;(iv) they always refuses their own ideology; (v) the space for civil society is limited; (vi)to improve voter education common characteristics such as featured. This decrease is actually due to the following circumstances.

As part of the changes, the level of political culture and the number of people with political culture over the past five years have been analyzed. The analysisrevealed that youth and business representatives did not have enough access to express their views and voices in the local community meetings in their place of residence. The reasons for this assessment are directly related to the bureaucracy of politicians and civil servants, abuse of power and privileges of civil servants, corruption.

(ii) Analysis of the role and influence of political culture. In this section we will explore the role of political culture and its influence and try to make assumptions by formulating specific questions. This includes (i) the development of a political culture that allows women to participate in politics; (ii) development and perception of the government system; (iii) development of political culture of political parties;(iv) the role and influence of factors on the formation of political culture are clarified as follows.

Gender equality and its perfection, which are vital to the universal values of democracy, and due to occupy an indispensable place in the strengthening of democratic governance. For example, the admission of women into politics is a very important issue in the development of political culture. It was highlighted by the participants in the group discussion, who noted that this culture is not yet fully developed in Mongolian politics and society, and that women's participation in decision-making is often neglected. Political parties set a 30 percent quota for candidates, but this is not the real case in a practice. Because, that analysis confirmed by gender inequality has prevailed imbalances in the social relations. Gender imbalances are directly related to the unequal distribution of power between the sexes. In other words, political life is determined by male norms and values, and in some cases even the lifestyle of men (International IDEA 2009: 28).

A review of the development of the management system in Mongolia and its perception shows that there is a clear increase in public trust and distrust of politics due to limited political knowledge. There are many theoretical explanations for trust and distrust, but they are generally the most influential factor in what the government is doing. It should be noted that in developed democracies, political education and the interest of citizens are an incentive for the formation of a positive attitude to participation in political life. Our analysis shows that people who are interested in politics or are members of a political party tend to trust political organizations more. This is due to the political and democratic education of people, but the lack of public trust in political organizations requires a new mechanism to increase their confidence in improving democratic practices.

The next is the question of the development of political culture in political parties. Political parties are usually institutions that play an important role in representative democracy. Generally, in promoting fair competition at the ideological and political levels is important for political parties. The political parties acted as transmitters of information channel in association with citizens' participation in government decision-making & policy development process. The support of political parties from financial and other sources, allowing them to act in a democratic and effective manner, will allow them to act on a regular basis. That strengthening the basic infrastructure of political party institutions, as well as the interaction of political parties with citizens, increasing public political participation and strengthening social ties.

The following analysis can be made on the basis of statements about politics and influence activities aimed at shaping political culture. In particular, it is important to note that full-fledged consultations with Parliament on any political issue are important for strengthening the legitimacy of the political activities of developing de-

mocracies, but, unfortunately, not enough is being done. It also the citizens have the right to freedom of speech, association, human rights, free and fair elections and multiparty system. Basically, it crucial to note that strengthens a citizen participation based on the rule of law, political participation must be fully implemented in all aspects. These are the main factors undermining the development of political culture.

The success of democracy depends on flexible and fair relations between people and groups of socio-political interests in democracy. This process should not depend on the influence of any political party or coalition and powerful country. Democracy is one of the most important issues of the development of the modern state and society as a means of developing human views, beliefs, realities and responsibilities through the legalization of human rights and freedoms (Giddens 2006: 250).

In conclusion, our current political system is quite vicious in itself, and as a result we have created a flawed and vicious political culture, which in turn has a negative impact on political life, creating a vicious circle of mutual corrosion and damage. The concept of «acceptance» of the idea of democracy in Mongolia is used here in a very relative sense, as can be seen from the general context discussed here. Political culture is defined as the distribution of values, views and ideas about an object in any political system. This is a very broad concept, and we conclude that they are traditional social values, because they are interested in sedentary norms and values that people learn from an early age, such as political support and political ratings, and not a rapidly changing trend. It needs to create a partner network to improve the political culture and democracy education of citizens, creating in consulting services, use of resources etc.

Bibliography:

Giddens A. Sociology. National University of Mongolia. Ulaanbaatar, 2006. 250 p.

International IDEA. Women in Parliament: Beyond numbers. A Revised edition. Ulaanbaatar, 2009. 28 p.

Khatanbold O. Understanding and evaluation of Democracy for Mongolian youth. A report on a sociological study. IPSL, MAS. 2014. 67 p.

Цэвээн Цэцэнбилэг

Ph.D

*Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Философийн Хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
tsetsenbileg@yahoo.com*

Жаргалсайхан Пүрэвханд

*Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Философийн Хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
j.purevkhand@gmail.com*

МОНГОЛ ДАХЬ АЛБАН БУС ХӨДӨЛМӨР ЭРХЛЭЛТИЙН ОДООГИЙН БАЙДАЛ (СТАТИСТИКИЙН ШИНЖИЛГЭЭ)

Дэлхий даяаар албан бус хөдөлмөр эрхлэлт нь үйлдвэрлэл, ажлын байр бий болгох, орлого нэмэгдүүлэхэд чухал үүрэг гүйцэтгэж эдийн засаг, хөдөлмөрийн зах зээлийн том хэсгийг бүрдүүлдэг. Монголын зах зээлд ч энэ адил байдаг бөгөөд ҮСХ-ны тооцоогоор 2015 онд албан бус эдийн засгийн үйлдвэрлэл ДНБ-ний 15.5 хувийг бүрдүүлсэн байв. Зохиогчид өгүүлэлд статистикийн тоон шинжилгээн дээр суурилж Монгол дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн хүн амын тоо, ажиллаж буй салбар, хөдөлмөр эрхлэгчдийн хүйс, ажил мэргэжлийн ангилал зэргийг гаргахыг зорьсон болно. Тухайлбал, сүүлийн 4 жилийн хувьд үйлчилгээ болон үйлдвэрлэлийн салбар дахь ажиллагчдын хувь өссөн байна. Албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн хот, хөдөө, салбараар жил бүр хэлбэлзэж үүнд улс орны нийгэм эдийн засгийн байдал нөлөөтэй байна.

Түлхүүр үг: Албан бус хөдөлмөр эрхлэлт, хүн ам, статистик шинжилгээ, эдийн засгийн салбар.

Tseveen Tsetsenbileg

Ph.D

*Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia*

Jargalsaihan Purevkhand

*Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia*

CURRENT STATE OF INFORMAL EMPLOYMENT IN MONGOLIA

Globally, informal employment plays an important role in production, job creation and income generation, and forms a large part of the economy and labor market. The situation is similar in the mongolian market, where according to the National Statistical Office estimation in 2015, informal economic production accounted for 15.5 percent of GDP. Based on statistical analysis the paper discusses the number of informal employment in Mongolia, and its' the sector, gender the classification of occupations, for example, the share of workers in the service and manufacturing sectors has increased in the last four years. Informal employment fluctuates annually in urban, rural and rural areas, which is influenced by the country's socio-economic situation.

Keywords: informal employment, population, statistical analysis, economic sector.

Дэлхий даяаар албан бус хөдөлмөр эрхлэлт нь үйлдвэрлэл, ажлын байр бий болгох, орлого нэмэгдүүлэхэд чухал үүрэг гүйцэтгэж эдийн засаг, хөдөлмөрийн зах зээлийн том хэсгийг бүрдүүлдэг. Монголын зах зээлд ч энэ адил байдаг бөгөөд 1996 онд нийслэл Улаанбаатар хотын хөдөлмөрийн насны иргэдийн орлогын ойролцоо 30–33 хувь албан бус эх сурвалжаас орсон тооцоо байдаг (Anderson 1998:18). ҮСХ-ны тооцоогоор 2015 онд албан бус эдийн засгийн үйлдвэрлэл ДНБ-ний 15.5 хувь, албан бус хөдөлмөр эрхлэлт (ХАА-н салбарыг оруулалгүй) нийт ажиллагчдын 14.4 хувьтай тэнцүү байв (ХНХСИ 2021:28). Олон улсын хөдөлмөрийн байгууллагын (ОУХБ) 2020 оны мэдээгээр Монголд

албан бус хөдөлмөр эрхлэлт 41.4 хувьтай байна (2019 оноос ХАА-н салбарыг оруулдаг болсон) (ILO 2020). Энэхүү өгүүлэлт статистикийн тоон шинжилгээн дээр суурилж Монгол дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн хүн амын тоо, ажиллаж буй салбар, хөдөлмөр эрхлэгчдийн хүйс, ажил мэргэжлийн ангилал зэргийг гаргахыг зорьсон болно.

Албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн талаарх статистик тоо баримт нь хөдөлмөр эрхлэлтийн чанарын талаарх үнэ цэнэтэй мэдээлэл бөгөөд хөгжиж буй болон хөгжингүй орнуудын хөдөлмөрийн зах зээлийн талаар иж бүрэн ойлголттой болоход чухал ач холбогдолтой юм. Хөдөлмөр эрхлэлт нь хөдөлмөрийн насны хүн амын оюуны болон биеийн хүчний ажлыг хамруулсан цалин хөлстэй юм уу, хувиараа эрхэлсэн хөдөлмөрийг нийтэд нь ойлгох бөгөөд ажил олгогч, ажиллагч хоёрын хооронд байгуулсан гэрээ хэлэлцээрээр зохион байгуулагдсан эрхзүйн харилцааг хэлдэг (АХС 2017: 3). Үндэсний статистикийн хорооны мэдээгээр Монголд 2020 оны байдлаар ажиллах хүч 1,250,608 хүн байгаагаас 1,162,912 (93.1%) нь ажиллагчид, 87,696 (6.9%) нь ажилгүй, цаг хугацаанаас хамаарсан бүрэн бус хөдөлмөр эрхлэгч 5,157 (0.4%) байна. Түүнчлэн ажиллах хүчнээс гадуурх хүн ам 877,503, боломжит ажиллах хүч 70712, бусад ажиллах хүчнээс гадуурх 806,791 хүн ам тоологджээ (15 бат... 2019). 2019 оны ажиллах хүчний судалгаагаар 69.3 хувь нь хот, суурин газарт, 30.7 хувь нь хөдөө орон нутаг амьдардаг. Ажиллах хүчний оролцооны түвшнийг аймгаар авч үзэхэд, хамгийн өндөр нь Ховд аймаг (77.1%), хамгийн бага нь Баян-Өлгий аймаг (43.7%) байна. Харин хөдөлмөр эрхлэлтийн түвшин хамгийн өндөр нь Архангай аймаг (73.1%), хамгийн бага нь Баян-Өлгий аймаг (33.2%) байв (АХСҮТ 2019: 21). Улсын хэмжээнд нийт ажиллагчдын 856.0 мянга (74.7%) нь ХАА-н бус салбарт ажиллаж, тэдгээрийн 195.2 мянга (22.8%) нь албан бус хөдөлмөр эрхэлдэг. Харин нийт 1146.2 мянган ажиллагчдын буюу ХАА-н салбарын ажиллагчдыг оруулсан дүнгээр 476.1 мянга (41.5%) нь албан бус хөдөлмөр эрхэлж байна.

Олон улсад албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн талаар тогтсон, нэгдсэн ойлголтгүй бөгөөд энэ нь тухайн улсын хууль тогтоомжийн ялгаатай байдлаас шалтгаалдаг бөгөөд шалгууруудыг янз бүрийн байдлаар хэрэглэж болно гэж заасан байдаг. Монгол улс албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн талаар баримтлах бодлогодоо албан ёсны бүртгэл, мэдээлэл, нийгмийн хамгаалалд бүрэн хамрагдаагүй, хөдөө аж ахуйн бус, аж ахуй эрхлэх аливаа нэгэн зохион байгуулалтын хэлбэрт ороогүй, хуулиар хориглоогүй ажил, үйлчилгээг хувь хүн, өрх, хамтлаг эрхлэхийг хамруулна гэж тодорхойлсон байдаг (Төрөөс албас бус...). Харин үндэсний статистикийн хороо бидний судлан буй ойлголтыг авч үзэхдээ хууль эрх зүйн хүрээнд бүрэн зохицуулагдаагүй, өрхийн аж ахуйн нэгжийн ажил олгогч болон цалин хөлстэй ажиллагчгүй бие даасан ажиллагч, зөвхөн өөрийн хэрэглээнд зориулан бүтээгдэхүүн үйлдвэрлэж буй өрхөд цалин хөлстэй ажиллагч, хувь нэмэр оруулагч гэр бүлийн гишүүд орно (Албан бус...) гэжээ. Албан бус хөдөлмөр эрхэлдэг хүн амыг хүйс, насны бүтэц, боловсрол болон мэргэшлийн түвшин, мэргэжлийн харьяалал, түүнчлэн энэ төрлийн ажлыг сонгох шалтгааныг тодруулахад чиглэсэн судалгаа хийхэд хөдөлмөрийн зах зээл дээр энэ ангиллын статусаар хөдөлмөр эрхэлж буй ажиллагчдын талаарх хууль ёсны зохицуулалт байхгүй байгаа явдал саад болж байна. Монголд албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийг судалсан судалгаа тун цөөхөн бөгөөд Үндэсний статистикийн хороо, MIRIM, SICA, Хөдөлмөр, нийгмийн хамгааллын судалгааны институт (Монгол Улсын...) зэрэг цөөн хэдэн байгууллагууд судалжээ.

Хөдөө аж ахуйн салбардахь албан бус салбарын үйл ажиллагааг тодорхойлоход бэрхшээлтэй байдаг тул ОУХБ нь хөдөө аж ахуйн (ХАА) салбарыг албан бус салбарын хүрээнээс гаргаж, зөвхөн ХАА-н бусчиглэлийнүйлажиллагаагтуссалбартхамруулантооцож ирсэн. Харин 2019 оноос эхлэн ХАА салбар дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэгчдийг тооцдог болсон. Монголдахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн одоогийн байдлыг гаргахын тулд улсын 2017–2019 оны албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн статистикт харьцуулсан шинжилгээ хийж байгаа болно. Бид албан бус хөдөлмөр эрхэлж буй хүн амын тоо, ажиллаж буй салбар, хөдөлмөр эрхлэгчдийн хүйс, ажил мэргэжлийн ангилал зэргийг шинжиллээ. Ингэхэд 2019 оны дүнг гаргах аргачлал өмнөх жилүүдийнхээс арай өөр гарч байна. Энэ нь өмнө дурдсанчлан ХАА-н болон ХАА-н бус салбар гэж тусдаа гаргаж буйтай холбоотой.

Сүүлийн 5 жилийн хугацаанд албан бус хөдөлмөр эрхэлж буй хүн амын тоог харахад 2016 онд өмнөх оноосоо 46 мянган хүнээр буурч байсан бол 2017 онд 380 мянган хүнээр өссөн дүн гарчээ. Харин сүүлийн 2 жилд 687-25 мянган хүнээр буурчээ. Хөдөлмөр эрхлэлтийн 22,8 хувийг эзэлж буй албан бус хөдөлмөр эрхлэлт буурсаар байна. ХАА-н бус салбар дахь 2015–2019 онуудын албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийг бүс нутгаар нь харахад баруун бүс дэх хөдөлмөр эрхлэлт илүү өндөр хувьтай байгаа бол

зүүн бүсийн түвшин бага хувийг эзэлж байна. Түүнчлэн тус онуудад Улаанбаатар хотын албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн түвшин хамгийн бага хувьтай байв. Хэдийгээр зүүн бүсийн албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн түвшин бага байдаг ч 2019 онд өссөн дүнтэй байна. Харин бусад бүс болоод Улаанбаатар хотын түвшин буурчээ.

ХАА-н салбарын албан бус хөдөлмөр эрхлэлт ХАА-н бус салбарынхыгаа бодоход арай өндөр хувьтай байна. ХАА-н салбар болон ХАА-н бус салбаруудад зүүн бүс дэх албан бус хөдөлмөр эрхлэлт арай өндөр хувьтай байсан бол Улаанбаатар хотынх хамгийн бага хувьтай дүн гарчээ. Албанбусхөдөлмөрэрхлэгчдийнэзлэххувийнжинг хүйсээр нь авч үзвэл ХАА-н салбарт эрэгтэйчүүд 44.6 хувьтай байгаа бол эмэгтэйчүүд 38.1 хувьтай байна. ХАА-н бус салбарт эрэгтэйчүүд 25.6 хувьтай байгаа бол эмэгтэйчүүд 19.8 хувьтай дүн гарчээ. Үүнээс харахад эрэгтэйчүүд эмэгтэйчүүдээс илүү албан бус хөдөлмөр эрхэлж байна.

2017–2018 оны хооронд хотод албан бус салбарт ажиллагсдын хувь буурсан дүнтэй байгаа бол хөдөөд өссөн дүн ажиглагдлаа. 2019 онд ХАА-н салбарынханы ажиллагсад хөдөөд илүү их байгаа бол ХАА-н бус салбарт ажиллагсад хотод илүү их байна (АХСҮТ 2019: 64).

Сүүлийн 4 жилийн эдийн засгийн үйл ажиллагааны салбарын ангилалаар нь харахад үйлчилгээ болон үйлдвэрлэлийн салбар дахь ажиллагчдын хувь жил ирэх тусам өсч байхад худалдааны салбар 2017-2018 онд буурч, 2019 онд огт байхгүй болсон байна. 2020 оны ХАА салбар орсон албан бус хөдөлмөр эрхлэгчдийг үйл ажиллагааны нэгжээр нь авч үзэхэд албан салбарт 17.1%, албан бус салбарт 82.09%, өрхийн нэгжид 0.7% ажиллаж, ХАА-н бус салбарын албан салбарт 38%, албан бус салбарт 60.3%, өрхийн нэгжид 1.7% нь ажилладаг.

Хүснэгт 1. Албан бус салбарын ажиллагчид, ажил мэргэжлийн ангиллаар, хувиар, сүүлийн 4 жилээр

	2017	2018	2019	2020
Менежер	2.7	2.2	2.7	0.5
Мэргэжилтэн	2.1	2.9	3.4	1.5
Техникч болон туслах, дэд мэргэжилтэн	1	1.2	1.2	0.7
Контор, үйлчилгээнийажилтан	0.2	0.2	0.6	0.8
Худалдаа, үйлчилгээний ажилтан	43.4	44.3	41.5	12.0
Хөдөө аж ахуй, ой, загас агнуурын ажилтан	0.3	0.4	0.5	58.4
Үйлдвэрлэл, барилга, гар урлал, холбогдох ажил, үйлчилгээний ажил	24.3	25.1	24.0	12.0
Суурин төхөөрөмж, машин механизмын операторч, угсрагч	21.2	20.2	21.2	7.8
Энгийн ажил, мэргэжил	4.8	3.5	4.9	6.3
Нийт	100.	100.	100.	100.
	0	0	0	0

ХАА-н бус салбарын ажиллагчдыг ажил мэргэжлийн ангиллаар нь авч үзэхэд а) худалдаа, үйлчилгээнийажилтан, б) үйлдвэрлэл, барилга, гарурлал, холбогдохажил, үйлчилгээнийажил, в) ХАА, ой загас агнуурын ажилтан өндөр хувьтай байна. 2019-2020 онд худалдаа, үйлчилгээнийажилтаны эзлэх хувь буурч үйлдвэрлэл, барилга, гарурлал, холбогдохажил, үйлчилгээнийажилтаны эзлэх жинтэй ижил хэмжээнд ирсэн. Сууринтөхөөрөмж, машинмеханизмыноператорч, угсрагчын эзлэх жин жил ирэх тусам буурсан дүн гарчээ. Харин 2020 онд ХАА, ой загас агнуурын ажилтан даруй 58 хувиар өссөн дүн гарлаа. 2019–2020 онуудад цар тахал дэгдэж, хөл хорио тавьсантай холбоотой өөрчлөлтүүд юм.

Албан бус салбарт ажиллаж буй иргэдийн дийлэнх нь буюу 60-аас дээш хувь нь өөрсдийн ажлын байрандаа сэтгэл ханамжтай гэж хариулсан бол 1 хүрэхгүй хувь нь огт сэтгэл ханамжгүй гэж хариулжээ. Сүүлийн жилүүдэд Монгол дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн түвшин буурсаар байгаа бөгөөд энэ салбарт эрэгтэйчүүд давамгайл ажил эрхэлсээр байна.

Ашигласан материал:

Албан бус хөдөлмөр эрхлэлт, хүйс, бүс, аймаг, нийслэлээр, жилээр. Үндэсний статистикийн хороо // URL: https://www.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0400_082V1&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_0_2_1_3_4_5§ion_eco_select_all=0§ion_ecoSingleSelect=_11_12&some_in_select_all=0&some_inSingleSelect=_11_12&Sex_select_all=0&SexSingleSelect (нэвтэрсэн: 2021.04.20).

АХС 2017 – Ажиллах хүчний судалгаа. Үндэсний статистикийн хороо. Улаанбаатар, 2017.

АХСҮТ 2019 – Ажиллах хүчний судалгааны үндсэн тайлан 2019. Үндэсний статистикийн хороо. Улаанбаатар, 2020.

Монгол Улсын албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн төлөв байдлын судалгаа. 2021. Хөдөлмөр, нийгмийн хамгааллын судалгааны институт (ХНХСИ) // URL: <http://rilsp.gov.mn/upload/2020/Research-MN//2021%20-%20The%20state%20of%20informal%20employment%20in%20Mongolia%20-%20MN.pdf> (нэвтэрсэн: 2022.03.27).

Төрөөс албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн талаар баримтлах бодлого. Монгол Улсын Их Хурлын 2006 оны 01 дүгээр тогтоолын хавсралт. // URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3226?lawid=6542> (2021.04.20).

ХХЭ 2009 – Хувиараа хөдөлмөр эрхлэлтийн байдлын судалгааны тайлан 2007–2008 он. Улаанбаатар, 2009.

15 бат үүнээс дээш насны хүн амын хөдөлмөр эрхлэлтийн байдал. Үндэсний статистикийн хороо. Улаанбаатар, 2019 // URL: https://www.1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L04

Anderson, James Horton and Anderson, James Horton, The Size, Origins, and Character of Mongolia's Informal Sector During the Transition (May 1998) // URL: <https://ssrn.com/abstract=101668/> (assessed: 20.04.2021).

Statistics on the informal economy. ILO. 2020 // URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/informality/> (assessed: 30.03.2022).

Винокурова Анна Викторовна
кандидат социологических наук
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
vinokurova77@mail.ru

Ардальянова Анна Юрьевна
кандидат социологических наук
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
ardy2004@mail.ru

Мунхбат Оролмаа
доктор социологических наук
Монгольский государственный университет
Улан-Батор, Монголия
munkhbat@num.edu.mn

МОНГОЛЬСКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ¹

В представленной работе рассматриваются повседневные практики и проблемы адаптации монгольских трудовых мигрантов в Республике Корея. Ключевым мотивом для трудовой миграции является экономический, который тесно связан с уровнем жизни в Монголии, а также с условиями и возможностями, которые предлагают страны с развитой экономической инфраструктурой и высокотехнологичными отраслями производства, в том числе и Южная Корея. Исследование выполнено с опорой на качественные (неформализованные интервью с трудовыми мигрантами) и количественные методы (анализ материалов официальной статистики). В целом, повседневные практики коррелируют с мотивами трудовой миграции. Основными проблемами, связанными с адаптацией в принимающем сообществе для трудовых мигрантов из Монголии, являются административные и культурные барьеры. Именно потому стратегия пребывания монгольских трудовых мигрантов является краткосрочной и в основном реализуется молодыми людьми.

Ключевые слова: трудовые мигранты, повседневность, социальная адаптация, Азиатско-Тихоокеанский регион, Республика Корея, Монголия.

Vinokurova Anna Viktorovna
Candidate of Sciences in Sociology
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Ardalyanova Anna Yurievna
Candidate of Sciences in Sociology
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Munhbat Orolmaa
Doctor of Sciences in Sociology
Mongolian National University
Ulaanbaatar, Mongolia

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР».

MONGOLIAN MIGRANT WORKERS IN SOUTH KOREA: EVERYDAY PRACTICES AND ADAPTATION PROBLEMS IN THE HOST COMMUNITY

The presented work examines the everyday practices and problems of adaptation of Mongolian migrant workers in the Republic of Korea. The key motive for labor migration is economic, which is closely related to the standard of living in Mongolia, as well as to the conditions and opportunities offered by countries with developed economic infrastructure and high-tech industries, including South Korea. The study was carried out based on qualitative (informal interviews with migrant workers) and quantitative methods (analysis of official statistics). In general, everyday practices correlate with the motives of labor migration. The main problems associated with adaptation in the host community for migrant workers from Mongolia are administrative and cultural barriers. That is why the stay strategy of Mongolian labor migrants is short-term and is mainly implemented by young people.

Keywords: migrant workers, everyday life, social adaptation, Asia-Pacific region, Republic of Korea, Mongolia.

Интенсивная географическая мобильность является одной из характеристик, имманентных монгольскому миру. В основе этого процесса традиционно лежали природные и экономические мотивы: кочевое скотоводство на протяжении веков было не только укладом экономики, но и образом жизни монголов (Балдано, Дятлов 2015: 10). В современной Монголии формируется иной тип миграций, но ключевым мотивом для временной смены места жительства остается экономический, который тесно связан с уровнем жизни в стране, а также с условиями и возможностями, которые предлагают страны с развитой экономической инфраструктурой и высокотехнологичными отраслями производства. К последним относятся и ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В азиатскую подсистему АТР входят: Россия (в первую очередь, российский Дальний Восток), Восточная Азия (в том числе и Северо-Восточная Азия, включая Монголию), Юго-Восточная Азия. Здесь концентрируется значительная часть международных мигрантов. Если в 2019 г. страны Восточной и Юго-Восточной Азии являлись территориями назначения для 18 296 631 международного мигранта, то в 2020 г. уже для – 19 591 106. При этом общая среднегодовая численность мигрантов из Монголии в 2020 году составила 82 098 чел., из них в странах АТР – 25 633 чел. (см. подр.: International Migration, 2020).

Более двух третей трудовых мигрантов проживают в странах с высоким уровнем дохода. К данной категории государств АТР азиатской подсистемы относят Японию, Южную Корею и Сингапур. При этом Южная Корея входит в ТОП-10 ведущих стран – отправителей денежных переводов. Общая сумма денежных переводов из Южной Кореи в 2017 г. составила 12,89 млрд долл. США (см. подр.: Доклад о миграции в мире, 2020: 43–44).

Таким образом, Республику Корея следует рассматривать как одно из наиболее привлекательных для трудовых мигрантов государств АТР. В частности, самая большая диаспора монгольских граждан находится именно в Южной Корее. МИД Монголии отмечает, что там проживает 32 000 монгольских граждан (приводится по: Миграционные итоги... 2016). Статистическое управление Республики Корея приводит данные, согласно которым в 2019 г. численность только нелегальных монгольских мигрантов составила 17 510 чел. (International Migration Statistics, 2019). По общим оценкам экспертов, численность монгольских мигрантов в Республике Корея достигает 40 000–45 000 чел.

С целью анализа основных повседневных практик и проблем адаптации монгольских трудовых мигрантов в Южной Корее нами было проведено исследование с применением качественной методологии. Основным методом сбора информации – неформализованное интервью (n=20). Полевые работы проводились весной 2021 г.

Описывая свой опыт трудовой миграции в Южной Корее, информанты придерживаются единого мнения о мотивах, которые легли в основу их миграционных стратегий. Как правило, это материальный интерес, связанный с возможностью получения более высокого заработка и относительной простотой трудоустройства на хорошо оплачиваемую работу. Суждения наших респондентов подтверждаются и официальными статистическими сведениями. По данным Национального статистического комитета Монголии, уровень безработицы в 2019 г. составил 10%. Также высока доля лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, – 28,4% (Монгол Улсын статистикийн эмхэтгэл, 2019: 91, 131). Уровень

жизни населения оказывает непосредственное влияние на формирование миграционных настроений, поэтому мотив, связанный с улучшением материального положения и преодолением бедности, является ключевым в принятии решений о миграции.

Часто мигранты из Монголии используют заработок в Южной Корее для погашения существующих кредитов, строительства или приобретения своего жилья. Монгольским трудовым мигрантам присуща ориентация на материальный ресурс, большая часть из которого отправляется на родину, либо используется в последующем для улучшения своего благосостояния именно в Монголии.

Несмотря на то, что многие наши информанты называют Южную Корею комфортной и безопасной страной, все же монгольских мигрантов подстерегают определенные трудности. Это проблемы с оформлением, жильем, знанием языка, взаимодействием с культурной средой, жизненным укладом, в некоторых случаях обман, гендерная дискриминация.

Попадая в трудные жизненные ситуации, связанные со здоровьем, обманом, потерей документов, монгольские трудовые мигранты чаще всего обращаются к близким людям (друзьям, «коллегам» по работе). Большинство наших респондентов говорят о том, что планируют вернуться в Монголию, объясняя свой статус в Южной Корее как временный. Несмотря на то, что в этой стране достаточно большая монгольская диаспора, информанты отмечали, что не чувствуют особого расположения со стороны принимающего сообщества.

Основным элементом, который препятствует закреплению трудовых мигрантов в Южной Корее, являются административные и культурные барьеры, выстраиваемые государством, на наш взгляд, вполне осознанно. Получение легального статуса является сложной процедурой, а поступление на достойную работу зависит не только от «ценности» мигранта на рынке труда, но и от его включенности в местный уклад жизни, культуру. Именно потому стратегия пребывания монгольских трудовых мигрантов в Республике Корея является краткосрочной и в основном характерна для молодежи.

Литература:

Балдано М. Н., Дятлов В. И. Монгольский мир: типология и региональная специфика миграций и диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. С. 6–27.

Доклад о миграции в мире. 2020 [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции: [веб-сайт]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

Миграционные итоги 2016 года: куда уезжают монголы? [Электронный ресурс] // ARD: [портал деловой информации]. URL: <http://asiarussia.ru/news/15137/> (дата обращения: 25.10.2021).

International Migration. 2020 [Online] // DESA UN: [website]. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights_updated.pdf (accessed: 23 October 2021).

International Migration Statistics in 2019 [Online] // Statistics Korea: [website]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=384167&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (accessed: 10 October 2021).

Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл. 2019 (Монгольский статистический ежегодник. 2019) [Электронный ресурс] // Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо (Национальный статистический комитет Монголии): [веб-сайт]. URL: <https://www.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Yearbook-2019.pdf&ln=Mn> (дата обращения: 17.10.2021).

Бадараев Дамдин Доржиевич
кандидат социологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
damdin80@mail.ru

СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОНГОЛИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Статья посвящена рассмотрению вопросов изменения социальной структуры монгольского общества в условиях современных вызовов. В качестве основ трансформации указывается система ценностей, совмещающая ценности традиционного, социалистического и постсоциалистического обществ. Периодическое возникновение турбулентности является причиной проявления негативных социальных процессов, которые влияют на уровень и качество жизни монгольского общества. Отмечается возможность рассмотрения социальной структуры монгольского общества с позиций многомерных классических критериев, так и одномерного подхода. Подход, основанный на уровне доходов и степени депривации, показывает на наличие в обществе бедных слоев населения, срединных слоев, а также богатых и элитных слоев в зависимости от степени владения ими экономическими и финансовыми ресурсами. Наблюдается сформированность верхних и нижних слоев, тогда как наиболее динамичные процессы социальной мобильности происходят в средних слоях монгольского общества.

Ключевые слова: социальная стратификация, Монголия, турбулентность, ценности, номадизм.

Badaraev Damdin Dorzhievich
Candidate of Sciences in Sociology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

STRATIFICATION OF THE MONGOLIA POPULATION UNDER CONDITIONS OF MODERN CHALLENGES

The article is devoted to the issues of changing the social structure of the Mongolian society in the face of modern challenges. As the foundations of transformation, a system of values is indicated that combines the values of traditional, socialist and post-socialist societies. The periodic occurrence of turbulence is the cause of the manifestation of negative social processes that affect the level and quality of life of the Mongolian society. The possibility of considering the social structure of Mongolian society from the standpoint of multidimensional classical criteria, as well as a one-dimensional approach, is noted. The approach based on the level of income and the degree of deprivation shows the existence of poor strata of the population, middle strata, as well as rich and elite strata in society, depending on the degree of their ownership of economic and financial resources. The formation of the upper and lower layers is observed, while the most dynamic processes of social mobility occur in the middle layers of Mongolian society.

Keywords: social stratification, Mongolia, turbulence, values, nomadism.

Монголия является уникальной страной с богатым историческим прошлым. За период своего формирования в XX–XXI вв. монгольское общество прошло три этапа – имперский, социалистический и постсоциалистический. На каждом из этапов модернизировалось общество и трансформировалась его социальная структура в рамках действующей политической системы. Социальная структура общества выступает своеобразным отражением той политической и социально-экономической системы, в рамках которой она формируется. В цинский период монгольское общество распределялось на слои в зависимости от военно-административной системы и феодальных устоев маньчжурской династии. В социалистический период для монгольского общества было характерно формирование трехчленной социальной структуры, хотя в реальности социальных групп было намного больше. В постсоциалистический период значительно расширились возможности социологической науки в изучении проявлений стратифика-

ционных процессов в монгольском обществе на основе применения различных теоретико-методологических концепций.

На современном этапе социальная структура Монголии значительно претерпела трансформацию, в результате которой изменились основы функционирования общества. За десятилетия трансформаций проявились гибридные формы ценностной системы, совмещающей ценности как традиционной тысячелетней культуры монголов, прежней социалистической системы, так и современные западные ценности, основанные на демократии, рыночной экономике, плюрализме власти. Монголия в этом плане является ярким примером микширования прошлого и настоящего, Востока и Запада, традиций и новаций. Сохранение и ревитализация традиционной монгольской культуры в условиях глобализации общества демонстрируют возможности дальнейшего сосуществования новых формаций и кочевой культуры номадов. Очевидными стали возникающие различные вызовы современности, из-за которых монгольское общество периодически попадает в ситуации турбулентности. В период трансформации выделяются 4 зоны турбулентности в Монголии, совпадающие по срокам, но отличающиеся по содержанию и масштабам проявления последствий: 1991–1993, 1998–2000; 2008–2010; 2019 – по настоящее время.

В результате таких турбулентных периодов наиболее чувствительными к такому влиянию оказываются индикаторы уровня жизни населения, что непосредственно отражается на социальной структуре общества. Как и в любой развивающейся стране в современном монгольском обществе представлена вся палитра социальных групп и слоев, которые можно различать по набору известных критериев – образованию, профессиональной принадлежности, доходу, владению собственностью, этнической принадлежности.

Очевидно, что специфика монгольского общества требует отдельного рассмотрения в социальной структуре групп скотоводов-номадов, которые составляют в структуре занятости населения около 10%. По данным социологических исследований середины 2000-х гг., араты-скотоводы в зависимости от имеющегося поголовья скота делятся на слой зажиточных (12% – имеющие свыше 201 головы скота), средний (19% – 101–200 голов скота), бедный (54% – до 100 голов скота) и крайне бедный (31% – до 50 голов скота) слои (Дорждагва 2006: 52). Производственная необходимость в рыночных условиях стала одним из сильнейших факторов модификации социальных процессов в монгольском обществе. В результате активных миграционных движений значительная часть номадов предпочитает располагать свое «движимое имущество» ближе к местам реализации животноводческой продукции – к столице Улан-Батору, к крупным городам и аймачным центрам.

Социальную структуру монгольского общества можно представить на основе самоидентификации по доходной стратификации как наиболее распространенном критерии дифференцирования рыночно ориентированного социума. Исследование 2016 г., проведенное сектором социологии и социальной психологии Института философии Монгольской академии наук (n = 829), продемонстрировало, что к бедному слою относятся 17,2% опрошенных, в числе которых находятся нищие слои населения – 2,4%, которые едва сводят концы с концами. Наиболее динамичной стратой монгольского общества является многочисленный средний слой, который по своим материально-финансовым возможностям приближается к характеристикам традиционного западного среднего класса, но в силу специфичности представителей среднего слоя монгольского общества сложно в полной мере отнести к настоящему среднему классу. К богатому слою относятся 4,6% опрошенных респондентов.

Статистические данные демонстрируют следующую структуру доходов граждан Монголии: 80,3% занимают денежные доходы, 6,8% – доходы, полученные в дар от других лиц, 12,9% – доходы от ведения домашнего хозяйства. В структуре денежных доходов заработок составляет 30,6%, социальные выплаты и пенсии – 17,9%, доходы от ведения семейного бизнеса и предпринимательства – 24,4%, прочее – 7,4% (Монгол улсын ... 2017: 94). Данные опроса показали, что для некоторых монголов являются типичными доходы от вложений в акции горнорудных компаний, а также денежные переводы из-за рубежа от родственников, которые периодически отправляют заработанные ими деньги. Как известно, монголы достаточно часто выезжают в зарубежные страны именно с целью получения хорошего заработка. Так, например, по некоторым данным в 2016 г. численность монголов, находящихся за рубежом достигало 200 тыс. чел., тогда как по официальным данным их число составляло 56,3 тыс. чел. (Монгол улсын ... 2017: 188).

Современное монгольское общество претерпевает динамичные социально-структурные процессы, в основе которых находятся трансформационные процессы, начавшиеся еще в конце 1980-х. Аксиологи-

ческие основы изменения общества формируются при совмещении традиционных, социалистических и постсоциалистических ценностей. Социальная структура оказывается подверженной влиянию турбулентности, что проявляется в неустойчивых показателях уровня жизни населения, бедности и безработицы. В условиях современных вызовов населению Монголии периодически приходится применять различные адаптационные стратегии с целью приспособления к изменяющимся реалиям. Турбулентная зона 4 этапа оказалась наиболее непредсказуемой и коснулась всех слоев общества, его экономической и политической сфер. Всемирная пандемия COVID-19 поставила мир, отдельные страны и регионы в условия полной неопределенности, последствия которой еще предстоит проанализировать в неотдаленной перспективе.

Литература:

Дорждагва Т. Некоторые вопросы социальной стратификации современного монгольского общества // Социально-стратификационная дифференциация российского общества: материалы международ. науч. конф. В 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. С. 50–56.

Ulziilham E. Outbound migration and human security: case of Mongolia // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 2 / под ред. Б. З. Нанзатова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 177–191.

Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл–2016. Улаанбаатар, 2017. 652

Ёндон Ундрал
Институт философии Монгольской академии наук
Улаанбаатар, Монголия
undralyondon@gmail.com

Баднаа Азбаяр
Институт философии Монгольской академии наук
Улаанбаатар, Монголия
b.azbayar88@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В МОНГОЛИИ

Данная статья посвящена понятию эйджизма, а также изучению материального положения пожилых людей в Монголии. Вместе с ростом количества пожилых людей возрастает и научный интерес к актуальным проблемам, жизненным условиям этой социальной группы. Также мы рассмотрели экономические факторы дискриминации, которые по нашему мнению, наиболее сильно влияют на негативное отношение к пожилым людям и на их престиж в монгольском обществе.

Ключевые слова: дискриминация, пожилые люди, эйджизм, материальное положение.

Yondon Undral
Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

Badnaa Azbayar
Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

SOCIAL DISCRIMINATION AND FINANCIAL SITUATION OF OLDER IN MONGOLIA

This article is devoted to the concept of ageism, as well as to the study of the financial situation of older people in Mongolia. Along with the increase in the number of older people, scientific interest in topical problems and living conditions for this social group also increases. We also examined the economic factors of discrimination, which, in our opinion, most strongly affect the negative attitude towards the elderly and their prestige in Mongolian society.

Keywords: discrimination, older people, ageism, financial situation.

Введение

Данная статья посвящена рассмотрению понятия эйджизма и связанным с ним экономическим статусом пожилых людей. Были изучены формы и типы эйджизма, проявляющиеся в Монголии на основе данных нашего исследования. Как и во всем мире с ростом количества пожилых людей растет и научный интерес к вопросам о представлении о пожилых людях, их материальному положению и негативному отношению со стороны других возрастных категорий. Наряду с ростом количества пожилых людей в Монголии, растет и тенденция негативного отношения к ним в обществе. Таким образом важно исследовать виды и формы дискриминации пожилых людей в связи с их материальным положением.

Понятие “эйджизм” и причины его возникновения

Термин “эйджизм” обозначает дискриминацию, осуществляемую одной или несколькими возрастными группами по отношению к другим возрастным группам. Наиболее распространен эйджизм в отношении пожилых людей. «На сегодняшний день единого подхода к определению эйджизма в западной психологии не существует. Наиболее характерно определение эйджизма в терминах

“дискриминирующее поведение”, “негативная стереотипизация”, “предубеждение”. Так, например, R. N. Butler предлагает понимать эйджизм как комбинацию трех взаимосвязанных элементов: негативных стереотипов старости и старения, дискриминационных практик адрес пожилых людей в межличностном взаимодействии людей, а также на уровне функционирования различных общественных институтов» (Микляева 2009). Другими словами, эйджизм может проявляться в разных формах как непосредственная или как множественная дискриминация.

Что касается причин эйджизма в современном мире, то с экономической точки зрения часто делается ссылка на тот факт, что неблагоприятные условия, с которыми сталкиваются работники старшего возраста, обусловлены низкой конкурентоспособностью этой возрастной группы на рабочем месте. Поскольку молодые работники могут быть наняты дешевле для тех же услуг, у компаний есть стимул увольнять более дорогих пожилых работников. С этой точки зрения работники рассматриваются как случай оправданного неравного обращения: не возраст сам по себе вызывает дискриминацию, а связанные с этим различия в затратах и выгодах с точки зрения работодателя, которые имеют решающее значение для различного обращения. Поскольку свободная рыночная экономика должна позволять каждому агенту максимально автономно и нерегулируемо оптимизировать свою прибыль, экономически обоснованное различное обращение со старыми и молодыми работниками может иметь смысл и, таким образом, быть оправданным в принципе. С этой точки зрения повышенная концентрация пожилых работников на низкооплачиваемых и ненадежных работах объясняется эффектами самоотбора: повышенная “гибкость” этих форм занятости исходит из желаний и потребностей пожилых сотрудников и является преимущественно явлением по собственному выбору. Однако этот тезис, в частности, вряд ли совместим с мнением пожилых работников, которые недовольны своим ненадежным положением с работой и заявляют, что не уходят из нее только из-за финансовых трудностей.

Формы эйджизма пожилых людей в Монголии

Согласно закону о пожилых людях Монголии от 2017 г., пожилые имеют право на следующее: «5.1.1. равноправное участие в общественной жизни; 5.1.2. умение развиваться, вести здоровую и активную жизнь в обществе, передавать свои знания и опыт будущим поколениям; 5.1.3. уважение чести и достоинства; 5.1.4. антидискриминация; 5.1.5. обеспечение гарантированного дохода; 5.1.6. принятие самостоятельных решений. 6.10. Членам семьи и опекунам запрещается изолировать пожилых людей, дискриминировать их, препятствовать или ограничивать их участие в социальных отношениях или лишать их доступа к услугам по уходу и уходу».

За последние 10 лет наблюдается увеличение количества пожилых людей Монголии. Если в 2000 и 2005 гг. доля лиц 60 лет и старше составляла 1,8% и 2,0%, то в 2010 г. уже 2,4% (Дагвадорж 2015). Согласно данным исследования Монгольской ассоциации пожилых людей, в 2017 г. в Монголии проживали в общей сложности 277 тыс. пожилых людей. Из них 183,4 тыс. в возрасте до 70 лет, 99,4 тыс. в возрасте 71–80 лет, 17,1 тыс. в возрасте 81–90 лет, 91 и старше 2,3 тыс. человек. Из них 16,7% находятся за чертой бедности, 3963 пожилых одиноки и не имеют близких, 7815 пожилых людей являются инвалидами, прикованными к постели, 18,4 тыс. пожилых людей находятся на постоянном попечении (Сухэ-Батор 2019: 22).

По данным Национального статистического управления Монголии, в 2020 г. количество людей старше 60 лет составляло более 7% процентов (Национальное статистическое управление Монголии 2020). Также растет и нагрузка на трудоспособное население Монголии. В 2000 г. на 1000 чел. трудоспособного возраста приходилось 33 чел. пенсионного возраста, в 2005 г. – 41 чел., а в 2010 г. – 45 чел. Как показывают прогнозы, спустя несколько лет эти процессы начнут развиваться еще быстрее. Демографическая нагрузка нашей страны связана с пенсионной системой, и одной из особенностей пенсионной системы является относительно низкий возраст выхода на пенсию. Почти четверть пенсионеров работают, а доля недавно вышедших на пенсию еще выше. Это говорит об отсутствии реального риска инвалидности при выходе на пенсию и о возможности повышения пенсионного возраста.

Эйджизм и экономические факторы

Главным фактором, оказывающим влияние на материальное положение пожилых, а также на их негативное представление, это низкий уровень пенсии. Пожилые люди являются одной из самых незащищенных социальных групп в обществе. По данным исследования отдела социологии Института

философии МАН, которое было проведено в 2020 г. в городе Улан-Батор и аймаках Умнуговь, Дорнод, Хубсугул и Ховд, более половины пенсионеров испытывают трудности в материальном плане. Всего было опрошено 836 респондентов в возрасте от 55 и старше. Из них 36,8% живут вдвоем, 12,3% вчетвером и 15% составляют семьи от 5 до 7 людей. Более половины опрошенных живут в монгольских юртах и домах на огороженных забором участках. Нехватка финансовых средств, ухудшение здоровья являются самыми острыми проблемами, в которых оказались люди после выхода на пенсию. Возможность дополнительного заработка у пожилых людей зависит от экономических условий данного аймака и от уровня их образования. Более половины опрошенных пожилых людей хотят работать, но не могут найти себе работу. Причинами возрастной дискриминации пожилых людей являются, по их мнению, нежелание работодателей брать на работу пенсионеров и пожилых людей, а также отсутствие рабочих мест для людей пожилого возраста.

Необходимость в дополнительном заработке проявляется и в вынужденности брать пенсионный кредит. В Монголии пенсионеры вынуждены брать пенсионный кредит, который уходит, по данным нашего исследования, в основном на медикаменты и помощь детям и внукам. А именно 28% из опрошенных ответили, что в семье взяли пенсионный кредит, 15,3% – потребительские кредиты, 5,1% – кредит в ломбарде, 4,4% семей задолжали частным лицам, 43,1% не имеют каких либо кредитов. Также 42% опрошенных ответили, что их семейный доход после выплаты кредитов и долгов составляет не более 500 тыс. тугриков (около 175 ам. дол.). Таким образом более половины опрошенных живут в относительной бедности, а некоторая часть даже в нищете, что негативно воздействует на их самочувствие, самоопределение и репутацию в обществе. С другой стороны, более 13% опрошенных ответили, что их семейный доход составляет более 1 млн. тугриков (около 350 ам. дол.). Это указывает на большую разницу в доходах семей, где живут пожилые люди, и социальное расслоение в обществе в целом.

Заключение

Пожилые люди в Монголии в условиях высокого уровня безработицы населения подвергаются возрастной дискриминации на рынке труда и таким образом вынуждены брать кредиты, которые уходят на улучшение здоровья и помощь детям. Нужно заметить, что на днях был утверждено постановление о повышении минимального уровня пенсии, который теперь составляет 500 тыс. тугриков в месяц. Это было одним из главных требований Монгольской ассоциации пожилых людей. Улучшится ли материальное положение пожилых людей в Монголии после этого постановления, покажут новые исследования.

Литература:

Микляева А. В. Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 100. С. 148–155.

Дагвадорж Т. Проблемы реформирования пенсионной системы Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 1. С. 32–34.

Сухэ-Батор Ц. О нынешнем положении и будущем отношении к пожилым людям Монголии // Социально-экономическое положение пожилых людей и будущие тенденции: материалы науч. конф. Улан-Батор, 2019. С. 22.

Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан // URL: www.1212.mn/

*Жаргалсайхан Батжаргал
Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Философийн хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
jargalbj999@gmail.com*

*Даваадорж Номун-Эрдэнэ
Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Философийн хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
nomunerdene.d@gmail.com*

ЧЕХ УЛС ДАХЬ МОНГОЛЧУУДЫН НИЙГМИЙН КАПИТАЛ, НИЙГМИЙН ХАРИЛЦААНЫ ЗАРИМ ОНЦЛОГ

Эл илтгэлд Монгол улсын ШУА-ийн Философийн хүрээлэн, БНЧУ-ын ШУА-ийн Социологийн хүрээлэнтэй хамтран хэрэгжүүлсэн төслийн хүрээнд 2019 онд хийсэн “Чех дэх Монголчууд” судалгааны үр дүнд үндэслэн Чехэд ажиллаж буй монголчуудын нийгмийн харилцаа, нийгмийн сүлжээ, нийгмийн капиталын байдал, онцлогийн талаар танилцуулав. Мөн монгол ажилчдыг Чехийн нийгэмд нэгтгэхэд нийгмийн капитал хэрхэн нөлөөлж байгааг авч үзлээ. Шилжин ирэгсэд монголчуудын нийгмийн сүлжээгээр дамжуулан илүү сайн ажлын байртай болж, ажиллах нөхцөлөө сайжруулах давуу талтай. Энэ нь тэднийг нийгмийн шинэ орчинд дасан зохицоход тусалдаг ч эргээд Чехийн нийгэмд нэгдэхэд нь саад учруулж байгаа юм.

Түлхүүр үг: нийгмийн капитал, нийгмийн харилцаа, нийгмийн сүлжээ, монголчууд, цагаач иргэд.

*Jargalsaikhan Batjargal
Institute of Philosophy of the, Mongolian Academy of Science
Mongolia, Ulaanbaatar*

*Davaadorj Nomun-Erdene
Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Science
Mongolia, Ulaanbaatar*

SOME FEATURES OF SOCIAL CAPITAL AND SOCIAL RELATIONS OF MONGOLIANS IN THE CZECH REPUBLIC

The report presents the results of a study of social relations, social networks and social capital of Mongolians who work in the Czech Republic based on the “Mongolians in the Czech Republic” survey from 2019 conducted in collaboration of the Institute of Philosophy in Mongolia and the Institute of Sociology in Czech Republic. It also examines the impact of social capital on the integration of mongolian workers into Czech society. Migrants have the advantage of being able to find better jobs and improve their working conditions through the social network of Mongolians. It assumes that it helps them to adapt to the new social environment, but also prevents them from integration into the society.

Keywords: social capital, social relations, social network, Mongolians, migrants.

Оршил. Гадны улс орныг зорих монголчуудын тоо жилээс жилд өсч өдгөө нийт хүн амын 3,7% буюу 122.3 мян. хүн хилийн чанадад амьдарч байна. Зөвхөн БНЧУ-д гэхэд л ойролцоогоор 10000 монголчууд ажиллаж, амьдардаг (ЭСЯ, 2020). Тэдний ойролцоогоор 60%, гадаадад амьдарч буй нийт монголчуудын 30% хувиараа болон гэрээгээр ажиллах зорилготой, 14% нь суурьших зорилготой байна (ҮСХ, 2020).

Хөдөлмөрийн мигрантуудын өмнө тулгамддаг хамгийн чухал асуудлууд нь тухайн нийгмийн интеграцид нэгдэх, нийгэм-соёлын орчин нөхцөлд дасан зохицох шаардлагатай болдог. Нийгмийн харилцаа, нийгмийн сүлжээ, нийгмийн капиталын асуудал нь тухайн хүнийг энэхүү өөрчлөлтөнд хэр

дасан зохицож чадахад нөлөөлөх төдийгүй мөн дасан зохицож чадсаныг харуулах үр дүн болдог учраас тэдний нийгмийн харилцаа холбоо, нийгмийн капиталын асуудлыг авч үзэх нь ач холбогдолтой юм.

Онол, арга зүйн баримтлал. Нийгмийн харилцаа, нийгмийн сүлжээ, нийгмийн капитал гэсэн ойлголтууд нь өөр хоорондоо нягт холбоотой. Нийгмийг бүрдүүлэгч хүмүүс, бүлэг, байгууллага, төр гэх мэт эдгээр агентуудын хоорондын харилцаа нь тодорхой бүтэцтэй байх бөгөөд харилцааны бүтцийг бүх оролцогчдыг холбож буй сүлжээ гэж үзэх нь бий. Харилцаа холбоо нь оролцогчдын хоорондын харилцаа холбоо төдий биш, үүгээр мөн янз бүрийн нөөцийг солилцдог. Нийгмийн сүлжээг тодорхой хувь хүмүүс болон тэдний хоорондын нийгмийн харилцаа холбоо, нийгмийн холбоо хамаарлын цогц юм хэмээн тодорхойлдог.

Нийгмийн капиталыг Ф. Фукуяама нийгэм дэх бодит харилцаануудын дундаас үүсдэг, нийгмийн бүлгүүдийн хамтын ажиллагааг хөхүүлдэг нийтээр хүлээн зөвшөөрсөн хэм хэмжээ, хамтын үнэлэмж юм гэж тэмдэглэсэн (Фукуяама 2005: 320). П. Бурдые капитал бол нийгмийн харилцаа гэж үзсэн бол Ж. Коулман “нэг талаас, нийгмийн капитал нийгмийн сүлжээнүүдийн мөн чанар нөгөө талаас, нийгмийн холбоо харилцаа нь сүлжээний оролцогчдод нөөц ба бусад ашиг тусыг бий болгох боломжийг олгоход л илэрдэг” (Попов 2011) гэж үзжээ. Путнам “нийгмийн капиталыг нийтийн ашиг буюу оролцооны боломж, иргэний чиг баримжаа, бусад хүмүүст итгэх итгэлийн хэмжээ” гэж үздэг (Putnam 1993).

Судалгааны үр дүнгээс. Чехэд амьдарч буй монголчуудын 62% нийгмийн капиталдаа анхаарч, хичээдэг бол эсрэгээрээ бусадтай харилцаатай байх, танил талтай байхыг анхаарч чухалчилдаггүй хүмүүс 38%-ийг эзлэж байв.

Нийгмийн сүлжээ. Нийт судалгаанд оролцогчдын 32% нийгмийн сүлжээ нь ердийн түвшинд, 9% харьцангуй өргөн нийгмийн сүлжээнд байдаг бол 44% нийгмийн сүлжээ бага, 16% нийгмийн ямар ч сүлжээгүй байна.

Нийгмийн өргөн сүлжээнд байхыг эрхэмлэдэг бүлэгт судалгаанд оролцогчдын 37,6% нь хамарч байна. Эл бүлгийнхэн найз нөхөд, ах дүү нар, хамаатан садан, хамт ажиллагсад, Чех дэх монголчууд болон чех хүмүүстэй ч тогтмол харилцаатай байх хэрэгтэй гэж үздэг.

Нийгмийн сүлжээний харилцаа нь *хэрэгцээнд нь үндэслэдэг бүлгийнхэн* 32,2% байв. Эдгээр хүмүүс найз нөхөд, ах дүү нартайгаа тогтмол харилцаатай, харин бусад хүмүүстэй хэрэгцээтэй үедээ харилцахыг эрмэлздэг. *Нийгмийн сүлжээний харилцаанд харьцангуй идэвхгүй байдаг хүмүүс* 30,2% байв. Эдгээр хүмүүс найз нөхөд, ах дүү нартайгаа тогтмол харилцаатай байх, хамаатан садан, хамт ажиллагсад, Чех дэх монголчуудтайгаа хэрэгцээтэй үед харилцах, чех хүмүүстэй тааралдсан үедээ л харилцдаг, Чех дэх монголын ЭСЯ-ны ажилтнуудтай харилцдаггүй гэжээ.

Улс доторх сүлжээ. Монголчууд гэр бүлсэг хүмүүс бөгөөд Чехэд ажиллаж амьдарч буй монголчуудхэнтэй илүү дотно нөхөрсөг харилцаатай байдгийг тодруулахад 1) гэр бүл, ах дүүс (27,8%), 2) найз нөхөд (19,9%), 3) хамт ажиллаж буй хүмүүс (15,9%), 4) хамаатан садны (13,5%) харилцаа илүү дотно нөхөрсөг байдаг гэжээ. Судалгаанд оролцогчдын дийлэнх (86,1%) нь өдөрт 1-2 таньдаг хүнтэй уулзаж, ярьж, харилцдаг.

Харин Чех дэх монголчууд хоорондын харилцаа дотно нөхөрсөг байдаг гэж 19% үзжээ. Тэдний хувьд цөөн тооны найз нөхөд, садан төрлийн хоорондын харилцаа голлодог (34%) бөгөөд бие биенээсээ болгоомжилсон харилцаа их (26,1%), бүгд дор дороо хувиа борлуулаад л явж байдаг (26,7%) гэж тодорхойлжээ.

Улс хоорондын сүлжээ. Бараг бүгд Монгол руу гэр бүлийнхэнтэйгээ холбогдож, харилцдаг. Монголд байгаа найз нөхөдтэйгөө 1/2, цөөнх хэсэг нь ажлын газар, мэргэжил нэг хүмүүс, танилуудтайгаа харилцаатай байдаг. Харин шинээр харилцаа үүсгэх, төрийн албаныхантай холбогдох нь маш бага байв. Ингэхдээ өдөр бүр Монголд байгаа хүмүүстэй холбогддог, харилцааны эрчим нь нягт хүмүүс 58,6%, харилцааны эрчим дундаж буюу долоо хоногт 1 удаа харилцдаг нь 27%, харилцааны эрчим сул (сардаа 1, эсвэл баяр ёслолоор л холбогддог) хүмүүс 14,3% байна.

Нийгмийн капиталын хэлбэрүүд. *Холбогч нийгмийн капитал (хөндлөн сүлжээ).* Хөндлөн сүлжээний хамгийн нягт харилцаатай буюу голд байгаа бүлэг гэр бүл ойр дотны хүмүүс, дараагийн тойрогт найз нөхөд, монгол хүмүүс, үзэл бодол нэг хүмүүс, ажлынхан, нэг зиндааны хүмүүс, хөршүүд гэсэн дарааллаар байршиж байна.

Хөндлөн сүлжээн дэх дээр дурьдсан бүлгүүдтэй харилцах харилцаа холбоо нэлээд ялгаатай байна. Тухайлбал, гэр бүл ойр дотны хүмүүс, найз нөхөд, бусад монголчууд, үзэл бодол нэг хүмүүстэй

харилцаа холбоо илүү гүн, бие биенээ дэмжиж, туслан хамтран ажиллах нь илүү байдаг. Эдгээр бүлэгт харилцдаггүй хүн 0-7.4% байгаа бол илүү их харилцдаг, холбоо хэлхээ сайтай байдаг 10,3-36,7% байна.

Чехэд амьдарч буй монголчуудын хувьд хөршүүд, ажлынхан нь ихэвчлэн гадны иргэд байгаа учраас эдгээр бүлгүүдтэй харилцаа холбоо сул байх нь давамгайлж байна. Хөршүүд, байрныхантайгаа 29,4% харилцдаггүй.

Гүүр бологч нийгмийн капитал (босоо сүлжээ). Чех дэх монголчуудын 1/2 төрийн албаныхантай, барагцаагаар 1/3 үзэл бодол, шашин өөр болон нийгмийн байр суурь өндөр хүмүүстэй, 1/4 доогуур нийгмийн байр суурьтай хүмүүстэй, 1/5 чех болон гадаад хүмүүстэй харилцдаггүй. Босоо харилцааны сүлжээнд хамгийн бага харилцаа холбоотой байдаг бүлэг нь төрийн албаныхан, бусдаас арай давуу харилцаатай байдаг бүлэг нь нийгмийн байр суурь доогуур хүмүүс, чех, гадаад хүмүүс байв.

Итгэл. Итгэлийн ерөнхий үзүүлэлтээр 4:1 харьцаагаар бусдад итгэх итгэл тааруу байна. Өөрөөр хэлбэл, судалгаанд оролцогчдын 1/5 ихэнх хүмүүст итгэж болно гэж үзэж байгаа бол 4/5 ихэнх хүмүүс итгэл даадаггүй гэжээ. Шаталсан кластер шинжилгээний үр дүнгээр *эхний бүлэгт* хамаатан ураг төрлийн хүмүүс, *хоёрдугаар бүлэгт* найз нөхөд, нутаг нэгт монголчууд, хөрш, хамт ажиллагсад, *гуравдугаар бүлэгт* чех хүмүүс, Чехийн ОН-ийн засаг захиргаа, Чех дэх Монголын ЭСЯ-ны ажилтнууд оржээ.

Гишүүнчлэл. Нийт хүмүүсийн 66,1% ямар ч гишүүнчлэлгүй, харин 33,9% монголчуудын холбоо, сонирхлын бүлэг, биеийн тамир спортын холбоо, сургууль цэцэрлэгийн эцэг эхийн зөвлөл, улс төрийн намзэрэг арав гаруй байгууллагад харъяалагддаг. Ойролцоогоор 1/5 нэг байгууллагад, 6% нь 2 байгууллагад, 2,6% нь 3 байгууллагад харъяалалтай байна.

Нийгмийн капитал ба нийгмийн интеграци. Эрүүл мэнд, боловсрол гэх мэт нийгмийн үйлчилгээ авахад ихэнх хүмүүст хэл мэдэхгүйгээс, хэлний чадвар тааруу байгаагаас харилцахад асуудал үүсдэг (46,3%), мэдээлэл авч чадахгүй, үйлчилгээнд хэрхэн хамрагдах, хэнд хандахаа мэдэхгүй байх (17,3%) зэрэг асуудал тулгардаг байна.

Олноороо байдаг хотод амьдардаг, хамтдаа ажилладаг монголчууд чех хэл сураагүй, тэр байтугай 10-аас дээш жил амьдарч буй хүмүүсийн дунд хүртэл чех хэл сураагүй хүмүүс олон байв. Чех хэл эзэмшиж чадаагүйгээс ажил албан тушаал ахиж дэвших боломжгүй, нийгэм соёлын амьдралд оролцож чадахгүй, хүмүүстэй харилцах нь ч хязгаарлагдмал байна.

Дүгнэлт. Чехэд амьдарч буй монголчуудын 2/3 нь нийгмийн сүлжээ байхгүй, сул байгаа бөгөөд 1/3 нь өөрсдийн нийгмийн капиталыг өргөжүүлэхэд анхаардаггүй. Тэдний хувьд холбогч нийгмийн капитал өндөр байгаа тул гүүр бологч нийгмийн капитал нь бага байна. Босоо сүлжээнд харилцагч бүлгүүдтэй харьцангуй жигд харилцдаг, ялгаа бага байсан бол хөндлөн сүлжээнд бүлгүүдтэй эрс ялгаатай байдлаар харилцдаг онцлогтой байв. Бүлгүүдтэй харилцах харилцааны дундаж хандлагаар харьцуулан үзвэл нийгмийн капитал тааруу байгааг харуулж буй харилцдаггүй гэсэн хүмүүсийн хувь босоо сүлжээнд бараг 4 дахин их, харилцаа холбоо сул гэсэн үзүүлэлтийн хувь мөн 7,1 пунктээр илүү байна. Харин нийгмийн капитал өндөр байгааг харуулах үзүүлэлтүүд хөндлөн сүлжээнд давуу байгаа юм. Хамгийн их итгэдэг, дотно хүмүүсийн хүрээг хамаатан, ураг төрлийн хүмүүс бүрдүүлж байна.

Шилжин ирэн хүмүүс монголчуудынхаа сүлжээг дайчилж ашиглах нь илүүсайнажиллох, ажлын нөхцөлөө сайжруулах зэрэг давуу талыг олгон нийгмийн шинэ орчинд дасан зохицоход нь дэмжлэг тусламж болдог хэдий ч тэднийг тухайн нийгмийн интеграцид нэгдэхэд нь саад учруулж байна.

Ном зүй:

Попов Д. Д. Социальный капитал в сетевых экономических структурах // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 3. С. 393–395.

БНЧУ-д амьдарч буй Монголчуудын мэдээлэл // БНЧУ-д суугаа ЭСЯ. Прага, 2021.

“Чех дэх Монголчууд” судалгааны тайлан // МУ-ШУА, ФХ. Улаанбаатар, 2021.

Фукуяама Ф. Нийгмийн капитал ба хөгжил: хөгжлийн шинэ асуудал // Ардчиллын чанар. Судалгааны өгүүллийн эмхэтгэл. UNDP. Улаанбаатар, 2005. 320 х.

Хүн ам орон сууцны улсын тооллого // ҮСХ. Улаанбаатар, 2020.

Putnam Robert D. *The American Prospect* // The Prosperous Community. NY, 2000. No. 4 (13). P. 35–42.

Мартьянов Виктор Сергеевич
кандидат политических наук
Институт философии и права УрО РАН
Екатеринбург, Россия
martianovy@rambler.ru

СДВИГИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ФАКТОРЫ И РИСКИ¹

Закончилось историческое время универсальных современных идеологий, адресованных экономическим макроклассам общества труда. Конфликт труда и капитала как двух ключевых ресурсов перестает быть ключевым способом организации публичной политики и коммуникативного консенсуса. Ресурс труда стремительно девальвируется в условиях автоматизации и роботизации технологических цепочек. Труд (работа по найму) становится все менее массовым и способным приносить гарантированный доход. Аналогична ситуация со способностью капитала приносить доход, то есть быть расширяющимся ресурсом. Современные ценности отчасти были реализованы, отчасти утрачивают функциональную способность опираться на большинство в новой рентно-сословной социальной структуре. Усиливаются внеэкономические критерии стратификации и выделения новых социальных групп. Наблюдается долгосрочный консенсус относительно вступления капиталистической миросистемы в фазу стагнации и рентной трансформации, связанной с ослаблением регулятивной роли рынка и его производных метафор в области распределения жизненно важных ресурсов.

Ключевые слова: стратификация, общество труда, рентное общество, гетерархия, сборка народа, экспертное знание.

Martianov Viktor Sergeevich
Candidate of Sciences in Political
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

SHIFTS IN THE SOCIAL STRATIFICATION OF MODERN SOCIETIES: FACTORS AND RISKS

The historical time of universal modern ideologies addressed to the economic macroclasses of the labor society has ended. The conflict of labor and capital as two key resources ceases to be a key way of organizing public policy and communicative consensus. The labor resource is rapidly devalued in the conditions of automation and robotization of technological chains. Labor (wage employment) is becoming less widespread and able to bring a guaranteed income. The situation is similar with the ability of capital to generate income, that is, to be an expanding resource. Modern values have partly been realized, partly lose their functional ability to rely on the majority in the new rent-class social structure. Non-economic criteria of stratification and allocation of new social groups are being strengthened. There is a long-term consensus on the entry of the capitalist world system into a phase of stagnation and rent transformation associated with the weakening of the regulatory role of the market and its derivative metaphors in the distribution of vital resources.

Keywords: stratification, labor society, rental society, expert knowledge, heterarchy, nation constructor.

В современном мире все большую роль играют ценности, институты и ресурсы, ранее опрометчиво относимые рыночным мейнстримом к архаичным и утрачивающим свое влияние. Однако именно эти неудобные и забытые критерии и механизмы распределения общественных благ стремительно возрож-

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

даются во всех современных обществах: статус, привилегии, рента, членство в особых социальных группах (кланы, сословия, корпорации, ведомства и т.д.), кормление от должности, частное присвоение государственного ресурса (коррупция) и т.д. Все перечисленные способы доступа и передела ресурсных иерархий имеют внеэкономический и внерыночный характер. Более того, они никогда не ослабевали в современных обществах, будучи в тени легитимационной риторики и метафор *справедливого* и *саморегулируемого* рынка, конкурентно распределяющего ресурсы в пользу наиболее достойных, то есть тех, кто их контролирует, определяя правила игры в виде монополистов (олигополий), картельных сговоров, лоббизма или исключительно политических решений. Основная проблема заключается в размывании универсальных моральных, властных и научных иерархий, адресованных обществу в целом, которые были инструментом воспроизводства *большого общества* (нации-государства) эпохи классово-индустриального Модерна или, в иной терминологии, *общества труда*. В указанном обществе была достигнута высокая степень общественного согласия относительно превалирующих принципов дифференциации на социальные классы, распределения общественных ресурсов и справедливой неравности доступа к этим ресурсам, которую сглаживала перераспределительная модель социального государства. В результате воспроизводилось довольно однородное в культурном плане общество, которое в своей массе было лояльно к составляющим его институциональный каркас иерархиям и неравенствам.

Однако в позднем или глобальном Модерне происходят важные фоновые сдвиги, связанные с изменением принципов воспроизводства социального (политического, культурного) порядка. Глобально сокращаются доступные жизненные ресурсы (земля, вода, леса, плодородные слои почвы, полезные ископаемые и т.д.), эволюционируют принципы их распределения, связанные с изменением представлений о справедливости в пользу отказа от моделей солидарности классов и поколений. Изменяются технологии и структура экономики, что позволяет утверждать о *закате общества массового труда* и формировании контуров *рентного общества* (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019). Государство, социальные классы, семья трансформируются, появляются молодые *незнакомые поколения*, коллективные практики и социальные вариации отношений между людьми. В результате можно наблюдать глобальное усиление диапазона легитимаций социальных порядков: расширение пространств гетерархии (множественность легитимных источников власти, знания и авторитета) и гетеротопии (разные принципы дисциплинарного структурирования и упорядочивания социального пространства, сосуществующие одновременно).

Гетерархия является условием любых значимых социальных изменений. Государство (властная элита, бюрократия) стремится монополизировать политическую субъектность и свернуть альтернативные источники власти и легитимности, порождая тем самым парадоксальные следствия – новых субъектов и неподконтрольные пространства в революционной логике гетерархии. Последняя проявляется как усиление альтернативных источников власти и легитимности, которые часто сочетаются с феноменом *гетеротопии*, дополнительно дифференцирующим эти источники пространственно в рамках центр-периферийной или ценностно в виде нормативно-маргинальной модели. Таким образом, социальные изменения предполагают в качестве своего ключевого признака возникновение альтернативных источников политического порядка (гетерархия) в результате распада старых и появления новых социальных групп, стремящихся стать значимыми участниками общественного договора. Гетерархия и гетеротопия являются неизбежными атрибутами сложносоставных современных обществ, в которых социально-политические, экономические и культурные формы его воспроизводства все радикальнее отрываются от *повседневного опыта* граждан. Указанный зазор между индивидом и обществом, ведущий к нарастающей непрозрачности, противоречивости и непознаваемости последнего, компенсировали современные идеологические нарративы, являвшиеся связующим звеном индивидуальных и коллективных интересов, а также определяющих способы их иерархизации.

В настоящее время идет активный поиск нового политического нарратива. Происходит пересборка ценностных оснований общественного консенсуса, который вместо все менее убедительной риторики рыночных метафор демонстрирует альтернативные способы регуляции политического порядка, связанные с постоянно растущей долей государства в производстве и распределении всех общественно доступных ресурсов, а также ценностью для государства как базовым критерием доступа к ресурсам. Споры о демократии и автократии, свободе и принуждении, рынке и плане становятся периферийными в свете неуклонного роста регулятивного воздействия государства. Одним из ключевых вопросов социальных наук становится описание новых ценностей, механизмов и субъектов, действующих от имени

государства и определяющего новые ценностно-институциональные иерархии, определяющие общую судьбу и правила принятия жизненно важных решений для населения и элит.

Реализацию инструментальных задач по новой эффективной сборке населения, властного аппарата и территории, вместе составляющих народ, во многом облегчает девальвация прежних высших политических целей и принципов, лежавших в основании рыночно-либерально-демократического социального порядка, описываемого ранее как универсальная норма. В наиболее последовательном и радикальном виде работу подобных механизмов сословно-корпоративной локализации морали, классово-этнической дифференциации социума, взрывного роста локальных идентичностей и дифференцированного присвоения общественных благ в российском обществе можно было наблюдать в 1990-е гг. Именно тогда был произошел окончательный упадок высших советских ценностей и непоследовательных попыток сформировать новые принципы *конструирования народа*, продолжающиеся с переменным успехом по настоящее время (Мартьянов, Фишман, 2020). Первоначально центробежные процессы в российском обществе описывались как отклонение, патология, травма, *особый случай*, который можно будет нормализовать по структурной аналогии с западными обществами. Однако глобальные фоновые трансформации обществ XXI в. в области социальной стратификации позволяют утверждать, что российское общество лишь более радикально подтверждает закономерности эволюции принципов распределения ресурсных потоков, способов политической легитимации этого распределения, сборки социальных групп и роста неравенства во всех современных обществах как следствия системного кризиса потребности в массовом труде и снижения ценности граждан в качестве рабочих и военных.

Становление нового политического, экономического и культурного порядка отчасти осложняет кризис иерархий экспертного знания, катализированный пандемией covid-19. Наука превращается лишь в *один из дискурсов* или способов доказательства истины наравне с другими модальностями описания общества (магической, эстетической, этической и инструментальной), утратив привычные привилегии (Старцев, 2015). Распад современных иерархий ценностей обнаруживает в публичном поле амбивалентную ситуацию *постправды*, где все включенные в коммуникацию субъекты оперируют ситуативными и локальными понятиями и обещаниями, избегая рационализации, конкретизации, учета исторического и классового контекста и т.д. Подобная ситуация всеобщего кризиса авторитетов предполагает перенос акцента с научного доказательства признаков *истинности* собственной позиции на социальное *подозрение* ко всем альтернативным взглядам на ту или иную проблему. Всем иным субъектам в качестве мотива их действий вменяется не стремление к установлению истины, но совсем другие цели (власть, обогащение, введение в заблуждение). Соответственно содержанием дискуссий экспертов становится *дискредитация социального статуса* соперника, его морально-идеологическая *стигматизация*. Мотивация действий альтернативных акторов объясняется посредством конспирологии, призванной аргументировать, что у соперников всегда есть двойные стандарты, которые работают на частные выгоды, но не в интересах большинства.

В ситуации постправды повысить доверие экспертным агентам государства во многом может лишь восстановление контроля над информационной повесткой и отсечением альтернативных источников информации. Наибольшие успехи на этом пути сегодня демонстрирует Китай с его версией суверенного Интернета, программами гражданского рейтингования и господством КПК в публично-идеологической сфере. В результате китайцы (как в прошлом граждане СССР), например, демонстрируют высокую степень общественного согласия и лояльность государственным мерам противодействия пандемии covid-19, а ковид-диссиденты фактически отсутствуют в публичном поле.

Литература:

Мартьянов В. С., Фишман Л. Г. Советская мораль: от высоких ценностей к “криминальной революции”? // Новый мир. 2020. № 3. С. 135–149.

Старцев Я. Ю. Феноменология иррационального в политическом мышлении и разнообразии логик политического действия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2015. № 4. С. 67–106.

Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: НИУ ВШЭ. 2019. 416 с.

Милаева Татьяна Васильевна
кандидат психологических наук
Институт социально-экономических и
энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН
Сыктывкар, Россия
Tasha20012001@inbox.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР АЛКОГОЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ¹

Статья посвящена проблеме алкоголизации населения двух крупных регионов России, которые последнее десятилетие устойчиво входят в «десятку» рейтинга самых пьющих регионов страны. Сложившаяся ситуация имеет ряд общих для Севера закономерностей. Оба региона характеризуются низким уровнем жизни, суровыми климатическими условиями, и, как следствие, миграционным оттоком трудоспособного населения. Проблема чрезмерного употребления алкоголя – достаточно сложное, комплексное явление, в котором тесно взаимосвязаны социальные, психологические, биологические и другие факторы. На протяжении всех исторических периодов борьба с явлением ведется путем принятия социальных (ограничительных и запретительных) и медицинских (просветительских, профилактических, лечебных) мер.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, алкогольные напитки, население, антиалкогольные меры, здоровье.

Milaeva Tatyana Vasilievna
Candidate of Sciences in Psychology
Institute of Socio-Economic and
Energy Problems of the North
at the KSC of the Ural branch of the RAS
Syktyvkar, Russia

COMPARATIVE REVIEW OF ALCOHOLIZATION OF THE POPULATION OF THE KOMI REPUBLIC AND THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article is devoted to the problem of alcoholization of the population of two large regions of Russia, which for the last decade have been steadily included in the "top ten" rating of the most drinking regions of the country. The current situation has a number of patterns common to the North. Both regions are characterized by a low standard of living, harsh climatic conditions, and, as a result, a migration outflow of the working population. The problem of excessive alcohol consumption is a rather complex phenomenon in which social, psychological, biological and other factors are closely interrelated. Throughout all historical periods, the fight against the phenomenon has been conducted through the adoption of social (restrictive and prohibitive) and medical (educational, preventive, curative) measures.

Keywords: alcohol addiction, alcoholic beverages, population, anti-alcohol measures, health.

В настоящее время злоупотребление алкоголем представляет одну из актуальных проблем общества. Доступность алкогольных напитков, социальная, экономическая и психологическая напряженность, неорганизованность досуга и отдыха способствуют росту алкоголизации населения.

В данной статье предпринята попытка сравнительного обзора актуальной ситуации с алкоголизацией населения в Республике Коми и Республике Бурятия. Обе республики входят в число дотационных и депрессивных регионов с низким уровнем оплаты труда и высоким уровнем безработицы, значительно

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

превышающим общероссийский показатель и переживают очень сложную эпидемиологическую ситуацию, связанную с пандемией.

Одной из основных проблем Коми является отток трудоспособного населения. В республике не хватает учебных заведений и предприятий. В настоящее время в Коми осталось 805,7 тысяч жителей. В 2021 г. общий миграционный отток за десять месяцев (январь-октябрь) составил 3330 человек (<https://www.bnkomi.ru> 2021).

Оттоку населения из северных районов республики, которые активно развивались в советское время, также способствуют неблагоприятные для жизни природно-климатические условия. Более 15% местных жителей живут за чертой бедности. Следовательно уровень удовлетворенности жизнью у населения региона падает из года в год (<https://utro-news.ru> 2022).

Аналогичные проблемы характерны для Бурятии, одного из самых бедных, экономически депрессивных регионов страны, с очень суровым климатом, где зима длится полгода и часты морозы до -40° . Численность населения Бурятии на 1 января 2021 г. составила 985,4 тысяч человек, миграционный отток населения за 9 месяцев 2021 г. составил 1245 человек (<https://www.baikal-daily.ru> 2021).

Последние несколько лет оба региона устойчиво входят в 10 субъектов России где острее всего стоит проблема алкоголизации. Проблема приняла статус национального бедствия. В Коми регионе из-за отравления алкоголем ежегодно умирает более 50 граждан, что очень много для территории с численностью населения около 800 тыс. человек. Почти половина преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Экономические убытки в регионе из-за употребления алкоголя населением огромны. В том числе, это затраты, связанные с безработицей лиц трудоспособного возраста, страдающих алкоголизмом. Также это затраты, связанные с имущественным и социальным ущербом вследствие пьянства и алкоголизма. Особенно остро стоит проблема употребления алкоголя молодыми людьми. Подростки более подвержены влиянию алкоголя, их организм более чувствителен к нему и поэтому риск стать «пьющим» гораздо выше (Милаева 2021).

Согласно историческим упоминаниям, пили в Коми крае всегда изрядно, изводя на самогонку немало зерна, которого так не хватало. Например, из Чухлома в 1918 г. сообщали: «Хлеба много, но он уничтожается на самогон. Пьянство сильно развито... Одна часть населения голодает, а другая моет голову самогом». Предпринимались попытки искоренить самогонное варение, но они встречались населением в штыки. (<https://inkomi.livejournal.com> 2005)

В Бурятии, как и в Коми, средняя норма потребления алкоголя значительно превышает предельный уровень, установленный ВОЗ. Также алкоголизм развивается во все более раннем возрасте – начиная с 22 лет.

Имеющиеся исторические сведения показывают, что на территории региона проблема алкоголизации имела место уже более тысячи лет назад. В 1910 г. в печати появилась небольшая заметка Б. Я. Владимирцова. Он сообщает о значительном распространении в то время винопития и табакокурения среди монголов и называет также некоторые причины этого явления. Далее автор пишет о существовании на монгольском языке сочинений, специально посвященных разъяснению вреда табакокурения. В частности, сочинение о происхождении водки и пагубности пьянства. Сочинение приписывается Падма Самбхаве, известному индийскому проповеднику буддизма в Тибете в VIII в. Тематически оно состоит из шести частей: легенда о происхождении водки; сведения о действии девяти ядов, ее составляющих; определение предыдущих форм бытия людей по поведению их в состоянии опьянения; наставления Будды Шакьямуни; описание пороков, порождаемых пьянством; перечисление несчастий, к которым приводит пьянство.

Можно отметить, что критика пьянства более чем тысячелетней давности ничем принципиально не отличается от методов, используемых в аналогичной литературе наших дней. В ней также содержатся предостережения о болезнях, разорении, распаде семьи, нарушении общепринятых законов, умственной и физической деградации, преждевременной старости и смерти и тому подобных печальных последствиях, вызываемых пьянством (Ендон, Сазыкин 1986).

Власти признают серьезные проблемы с алкоголизмом в регионе, но пока не знают, как их решить. Глава Бурятии А. Цыденов пообещал в 2022 г. возродить в республике вытрезвители. В Улан-Удэ уже открыт первый за десять лет вытрезвитель, в дальнейшем такие учреждения планируют открыть во всех районах республики.

В связи с ростом показателей преступности и смертности из-за алкогольного опьянения в Бурятии встал вопрос об ужесточении антиалкогольных мер, в частности, о запрете продажи алкоголя с 19.00 до 09.00. У большей части жителей республики такое предложение вызвало негативную реакцию. Инициативу не поддержало не только население Бурятии, но и республиканское министерство промышленности и торговли. Ведомство утверждает, что ужесточение мер не избавит от проблемы. Люди продолжают пить, покупая запрещенные напитки нелегально. К тому же продажа алкоголя приносит огромную прибыль бюджету территории, и снижение продаж алкоголя никому не выгодно. Несмотря на то, что жители республики высказались против усиления антиалкогольных мер, в регионе есть и положительный опыт. Жители двух сел уже отказались от алкоголя.

Рост алкоголизации населения в рассматриваемых регионах обусловлен рядом причин: условиями жизни и взаимоотношениями людей, социально-экономической нестабильностью, неблагоприятными климатическими особенностями, доступностью спиртных напитков. Очевидно, что несмотря на то, что к настоящему времени алкоголизм как негативное социальное явление достаточно широко исследован учеными разных направлений, а также накоплен большой материал по профилактике, клинике, реабилитации, медико-социальным, экономическим его аспектам, проблема продолжает оставаться одной из актуальных и трудноразрешимых. Это негативное социальное явление наносит обществу огромный урон, пагубно влияет на здоровье людей, уменьшает продолжительность жизни, снижает трудоспособность, тем самым ухудшая качество человеческих ресурсов и ограничивая социально-экономическое развитие.

Литература:

В Коми осталось меньше 806 тысяч жителей // <https://www.bnkomi.ru/data/news/138555/>

Ендон Г., Сазыкин А. Г. Одно из тибето-монгольских дидактических сочинений о происхождении водки и вреде пьянства // *Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931)*. М.: Наука, 1986. С. 232–251.

«Забивая» Уйбу: что стоит за внезапной отставкой правительства Коми // <https://utro-news.ru/zabivajaju-bu-chto-stoit-za-vnezapnoj-otstavkoj-pravitelstva-komi/>

Интересный журнал о Республике Коми: «Красная горячка», или о безусловном вреде пьянства делу пролетариата // <https://inkomi.livejournal.com/30858.html>

Милаева Т. В. Факторы употребления алкоголя студентами Республики Коми и влияние алкоголизации на духовно-нравственные ценности // «Собриология». 2021. №1 (27). С.12–19.

Численность постоянного населения Бурятии сократилась // <https://www.baikal-daily.ru/news/15/413463/>

Убеева Ольга Александровна
кандидат исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
tanul78@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ БУРЯТИИ В ЗОНЕ БАМА (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI вв.)¹

История демографического развития населения северных районов бурятского участка Байкало-Амурской железнодорожной магистрали представляет одну из актуальных тем в отечественной историографии. В представленной работе уделено внимание влиянию миграционных процессов на демографическое развитие северных районов бурятского участка БАМа. БАМ с позиции современности являлся мега-программой для формирования территориально-производственного комплекса, повлекшей за собой демографические изменения, изменения социального портрета населенных пунктов национальных окраин, некогда входивших в зоны экономического освоения. Некоторые результаты миграционной программы советского государства в восточных районах страны можно проследить и в демографическом развитии восточных окраин постсоветской эпохи. Динамика механического движения напрямую зависела от активности миграционных потоков, благодаря которым наблюдалось изменение плотности населения в зоне влияния Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Рассматривая механическое движение рубежа XX–XXI вв., автор показывает характерное уменьшение численности населения Севера Бурятии за счет механического оттока, что отразилось и на показателях естественного движения населения.

Ключевые слова: население, демография, экономика, развитие, миграции, механическое движение.

Ubeeva Olga Alexandrovna
Candidate of Sciences in History
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

MIGRATORY PROCESSES OF THE POPULATION OF BURIATIA'S NORTHERN AREAS IN THE ZONE OF INFLUENCE OF BAIKAL-AMUR MAINLINE (END OF THE 20TH – BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES)

History of the demographic development of the population in the northern regions of Buryat section of the Baikal-Amur railway represents one of the topical issues in the Russian historiography. This work focuses on the influence of the migration processes on the demographic development of the northern regions of the Buryat section of the Baikal-Amur Mainline. BAM, from the point of view of modernity, was a megaprogram for the building-up of territorial-industrial complex, which entailed demographic changes, changes in the social portrait of the settlements on the national fringes, that were once part of the zones of economic exploration. Some of the results of the Soviet state's migration program in the eastern regions of the country can also be traced in the demographic development of the eastern outskirts of the post-Soviet era. The dynamics of the mechanical movement depended directly on the activity of migratory flows, thanks to which one could observe changes in population density in the zone of influence of the Baikal-Amur Railroad. Studying the mechanical movement at the turn of the 20th–21st centuries, this work presents a distinctive decrease in the population of the North Buryatia due to the mechanical outflow, which influenced the measures of natural movement of the population.

Keywords: population, demography, economy, development, migration, mechanical movement.

Демографическое развитие северных районов Бурятии на рубеже XX–XXI вв. протекало в типичных для северных регионов Сибири и Дальнего Востока условиях. Период конца XX – начала XXI вв. для

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-09-43043.

северных территорий Бурятии оказался временем изменений демографического портрета, в основе которого был обратный отток. Население из эпохи реализаций масштабных социально-экономических проектов периода позднего социализма было ввергнуто в социально-экономические катаклизмы 1990-х и нестабильность 2000-х гг.

Миграционная активность населения Севера Бурятии, находящегося в зоне влияния БАМа, характеризуется разными темпами, влиявшими на демографическую картину региона. Различия четко прослеживаются по своему характеру в следующие временные отрезки: 1) вторая половина 1985–1991 гг. (Байкалов, Убеева 2018: 131); 2) 1990-е гг.; 3) 2000-е гг. Темпы демографического развития населения объясняются изменениями естественного прироста и миграционного движения населения. Если в 1970-х – первой половине 1980-х гг. наблюдается омоложение половозрастной структуры населения за счет прибывших на «стройку века» и укоренившихся на Севере Бурятии, то последующее время демонстрирует нарастающий обратный отток населения. Начиная с 1985 г. происходят изменения в темпах миграционного движения. При продолжающейся форсированной трудовой миграции в северные районы республики наблюдается активный обратный отток мигрантов, которые так и не стали новоселами, обживающими молодые населенные пункты.

Конец 1980-х гг. – противоречивое время в истории бурятского участка строительства БАМа. Невзрывчатые по своим масштабам капиталовложения, укрупнение производственных мощностей, усиление материально-технической базы отражаются в отчетной документации наряду с зафиксированными возрастающими случаями травматизма на производстве, нарушениями техники безопасности при проведении работ, пренебрежения средствами индивидуальной защиты, привлечения рабочих к работам не по специальности. В совокупности это стало одним из факторов влияния на увеличение численности отходников.

Анализируя статистику оттока населения из северных районов бурятского участка строительства БАМа, можно судить о составе отходников. В основном это были представители межобластных переселений, которые покидали не только северные районы республики, но и пределы республики (Кибалов, Кин 1996: 59–79). Хотя в составе обратной миграции можно отметить незначительную долю тех, кто переезжал в несевверные районные административные центры республики и г. Улан-Удэ. Они составляли 17,7% от общей численности уехавших обратно (Байкалов, Убеева 2018: 132).

За вторую половину 1980-х гг. прирост населения за счет прибытия мигрантов составил 13,8%, что отличается от качественных показателей предыдущего времени. Материальное поощрение, сокращение пенсионного возраста, начисление «северного» коэффициента в расчете заработной платы повлияли на сохранении численности населения. За период с 1985 г. по 1989 г. в северные районы бурятского участка строительства БАМа из других районов республики переехали жить и трудиться вместе с членами семьи 4236 чел. (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. п-8. Оп. 9. Д. 2. Л. 10). В постсоветский период в северных районах республики наблюдается значительный рост оттока населения на 9,16% в сравнении с показателями оттока предыдущего времени (Архивный отдел муниципального образования «город Северобайкальск». Ф. р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 11, 13–21; Ф. р-15. Оп. 1. Д. 119. Л. 54–56).

Механическое движение населения Севера Бурятии в 1990-е гг. имеет определенные две тенденции. С одной стороны, распад Советского Союза по времени совпал с окончанием строительства БАМа, и рабочие покидали местастроек и возведений объектов. С другой стороны, социально-экономический кризис и переход к рыночной экономике дестабилизировал благосостояние населения как в целом по стране, так и в регионе. Данный фактор стал одним из основных для значительной доли населения севера Бурятии в решении не покидать районы зоны влияния БАМа. Здесь необходимо обратить внимание на то, что на протяжении 1990-х гг. в условиях кризиса северные районы перестали играть транзитную роль при осуществлении перевозок грузов. За период с 1990 по 1996 гг. объем перевозок сократился еще на 35% (Тимошенко 2009: 259). В 1996 г. ОАО РЖД ликвидирует БАМ ЖД как самостоятельное юридическое лицо, передав ее активы ВСЖД и ДВЖД. В новых условиях обострилась проблема ресурсного обеспечения северных районов с учетом их специфики, особенностей народно-хозяйственного комплекса. В итоге показатели социально-экономического развития Северобайкальского и Муйского районов на протяжении 1990-х гг. ухудшались. С ростом экономических и социальных проблем особенно усилились тенденции уменьшения населения, наметившиеся еще в конце 1980-х гг. в связи с окончательным вводом БАМа в эксплуатацию (Тимошенко 2009: 260).

2000-е гг. характеризуются попытками решения проблемы народонаселения северных районов Бурятии со стороны государства. Это потребовало дополнительных инвестиционных вложений в социальную сферу, инфраструктуру населенных пунктов, повышение материальной заинтересованности, что в социально-экономических условиях депрессивного региона оказалось не вполне возможным. Миграционный отток населения вновь возрос на 2,8%. Основную долю составили участники учебной миграции в возрасте от 17 до 25 лет (АОМО «город Северобайкальск». Ф. р-12. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–12; Д. 34. Л. 22–23; Д. 55. Л. 7; Д. 74. Л. 16; Д. 96. Л. 11; Д. 117. Л. 22–23; Д. 137. Л. 15–16; Д. 158. Л. 27; Д. 181. Л. 7–9; Д. 200. Л. 27–28; Ф. р-15. Оп. 1. Д. 119. Л. 54–56).

В заключение следует сказать, что численность населения северных районов Бурятии в конце XX – начале XXI вв. незначительно менялась под воздействием механического движения с учетом доминирующего оттока. Общие показатели численности населения не зависели напрямую от механического движения населения в районах бурятского участка БАМа, где основной прирост населения шел за счет естественного движения. Тем не менее, миграция оказывала влияние на социальные процессы.

Литература:

Байкалов Н. С., Убеева О. А. Городское население северных районов Бурятии в период позднего социализма // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12. С. 130–135.

Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Вып. 1 / редкол. А. И. Тимошенко (отв. ред.) и др. Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2009. 265 с.

Кибалов Е. В., Кин А. А. Регион БАМ: стратегические альтернативы развития // Регион: экономика и социология. 1996. № 3. С. 59–79.

Чанкова Ирина Викторовна
кандидат философских наук
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
chanari@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ ПО ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В статье освещены проекты, реализуемые в Республике Хакасия по сохранению хакасского языка, анализ социальных тенденций по данному вопросу и реакция населения на данные проекты.

Ключевые слова: социальные тенденции, сохранение хакасского языка, НКО.

Chankova Irina Viktorovna
Candidate of Sciences in Philosophy
Khakass Research Institute for Language,
Literature and History
Abakan, Russia

SOCIAL TRENDS IN PRESERVING THE KHAKASS LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

The article covers projects implemented in the Republic of Khakassia to preserve the Khakass language, the analysis of social trends on this issue and the population's attitude to these projects.

Keywords: social trends, preservation of the Khakass language, non-profit organization.

Уровень интереса к родному языку и культуре проявляется не только у исследователей, но и у общественности. Вокруг этого вопроса сформировался круг людей, цель которых – сохранение языка и культуры. Посредством методов включенного наблюдения, анализа, интервьюирования рассмотрены проекты, которые реализуются по вопросу сохранения хакасского языка. На основании способов реализации проектов по сохранению хакасского языка выделены социальные тенденции посредством профессиональной деятельности и через НКО. Но в данной статье мы не касаемся деятельности культурно-просветительских организаций.

Две организации ведут научные исследования, связанные с хакасским языком: ХГУ им. Н. Ф. Катанова и ХакНИИЯЛИ. Раскроем содержание одной из работ ХакНИИЯЛИ, касающейся хакасского языка. В 2020 г. Хакасским научно-исследовательским институтом организована комплексная экспедиция, в которой участвовали шесть сотрудников института (А. С. Кызласов, Р. П. Абдина, П. Е. Белоглазов, И. М. Чебочакова, А. А. Бурнаков, Е. С. Торокова), охват территории Орджоникидзевский район (д. Конгарово (Хозаннар аал), с. Устинкино (Наа аал), с. Новомарьясово (Майрастар аал), д. Горюново (Хуруннар аал), с. Сарала (Сыралыҥ Ыўсаал), д. Агаскыр (Ағасхыр аал), с. Июс Ыўс аал), д. Кобяково (Оспа аал) Республики Хакасия (с 7 по 11 сентября 2020 г.). Задачи экспедиции состояли в выявлении языковой ситуации в селах компактного проживания носителей диалектов, сборе языкового, фольклорного и этнографического материала у носителей кызыльского и качинского диалектов хакасского языка. В ходе проведенной экспедиции научными сотрудниками ХакНИИЯЛИ было опрошено более 30 информантов, владеющих качинским и кызыльским диалектом хакасского языка в возрасте от 30 до 90 лет. Экспедицией установлено, что в настоящее время свободно владеют родным диалектом только представители старшего поколения, молодое поколение предпочитает использовать русский язык, но в среде кызыльцев возрождается интерес к родному языку и культуре. В Орджоникидзевском районе РХ есть кызыльские песенные коллективы, которые пытаются популяризировать свою культуру и язык (Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Я-4. Оп. 2. Д. 2220. Л. 1).

Проведено социологическое исследование этноязыковой ситуации в Хакасии. По данным этого опроса было выявлено, что численность населения, владеющего хакасским языком, сокращается (Лушников, Трошкина 2020). Такие исследования определяют состояние хакасского языка, практическую значимость и другие показатели, которые составляют теоретическую основу.

Практическое значение в сохранении хакасского языка играют государственные программы. Одной из программ является предоставление грантов Республики Хакасия негосударственным некоммерческим организациям Республики Хакасия. В 2021 г. победителями стали 10 проектов, из которых шесть непосредственно связаны с сохранением хакасского языка и культуры. Проекты-победители: «Эпическое наследие хакасов» («Общество востоковедов»), «Приложение для смартфона по изучению хакасского языка» («Скайтек»); «Воспевание жизни: вечера эпосов народов Хакасии» («Ине тілі»); «Туристический сувенир книжка-раскраска “Айго в кругу друзей”» («Сибирь»); «Крепкая семья – достояние нации» («Лига хакасских женщин «Алтынай»); «Фестиваль национальной песни «Голос Азии» («Союз писателей Хакасии») (Об итогах). Часть проектов способствуют сохранению хакасского языка и популяризации культуры, имеют систематический характер, некоторые проекты являются разовыми и случайными. Если рассматривать содержание проектов через призму их авторов, мы смеем предположить, что цель создания некоторых НКО заключается в преследовании личных интересов, прикрывающихся социальными ориентирами. Проекты по сохранению хакасского языка, являющиеся несистемными, случайными, кратковременными, должны отсекаются на стадии рассмотрения.

В 2020 г. и 2021 г. проводился конкурс на предоставление единовременных выплат родителям первоклассников, владеющих хакасским языком в соответствии с государственной программой Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия», утвержденной постановлением правительства Республики Хакасия от 01.11.2016 № 528. Целью конкурса является сохранение и развитие государственного языка Республики Хакасия – хакасского как неотъемлемой части культурного и духовного наследия хакасского народа, популяризации его изучения в семьях (Постановление от 30.03.2021 г. № 144 Правительства Республики Хакасия). Такая программа действует два года, в 2020 г. конкурс проводился в два этапа, в 2021 г. уже один этап, но ожидаемого эффекта не случилось, желающих участников было недостаточно. Количество победителей – 100 семей. Победителям конкурса предоставлялась единовременная выплата в размере 15000 (пятнадцать тысяч) рублей. Информация о конкурсе оповещалась во всех СМИ. В ходе обсуждения данного конкурса одна из родительниц победительницы (проживающей в г. Абакане) объяснила свои причины нежелания участвовать в данном конкурсе. Во-первых, ресурсы, которые затрачиваются на подготовку конкурса, – это время, демонстративные материалы. Вторая причина – это страх, неумение говорить на литературном хакасском языке, и эта причина превалирует. Причиной положительного решения семей участвовать в конкурсе – это личные просьбы учителей. На вопрос «Будете ли Вы участвовать следующий раз?» однозначного ответа не последовало. На вопрос «Является ли стимулом денежное вознаграждение?» последовал ответ «Нет».

Согласно социологическому исследованию этноязыковой ситуации в Хакасии 2020 г., отсутствует необходимость в знании родного языка. Результаты исследования показали, что в повседневной жизни только 18,1% хакасов говорят на хакасском языке, отсутствует мотивация к изучению хакасского языка. Низкой мотивацией обучения является отсутствие практической значимости в повседневной жизни. Энтузиазм у населения присутствует, но нет мотивации, а вдохновение уже пропало. Семьи, которые владеют языком, выявили, что у них язык на бытовом уровне. На вопрос «Как вы определили уровень знания хакасского языка?», получили ответ, что «во всех СМИ говорят, что надо говорить на литературном языке, и мы, оказывается, говорим неправильно». Мы предполагаем, что проблема сохранения хакасского языка оглашается повсеместно, что через призму информации идет искаженное восприятие информации. В частной беседе на тему хакасского языка и культуры с людьми, не владеющими хакасским языком, выявили обеспокоенность и заинтересованность данной проблемой. Причиной отсутствия активности обнаружили боязнь в незнании языка. На утверждение «Незнание языка не является причиной пассивного наблюдения» получили ответ, что ничего не смогут сказать в СМИ на хакасском языке, и проявление чувства непричастности к сообществам, занимающиеся данным вопросом. Социальные тенденции таковы, что сохранением занимаются определенный круг людей через форму НКО, население в это не включается, не привлекается, отсутствует масштабность.

Круг лиц, сформировавшихся вокруг проблемы сохранения хакасского языка, в основном заинтересован в этом профессионально, они же и реализуют свои проекты посредством формы НКО. Задача со-

стоит в том, чтобы этой проблемой был заинтересован не только узкий круг профессионалов, но и население в целом из различных профессиональных областей, в частности из сельской местности.

Литература:

Лушникова О. Л., Трошкина И. Н. Оценка этноязыковой ситуации в Хакасии (по материалам социологического исследования 2020 г.). Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. 82 с.

Чанкова И. В. Деятельность национальных СМИ в Республике Хакасия // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. симп. хакасского эпоса, VIII междунар. науч. конф., посв. 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия, 23–24 сент. 2021 г. Абакан: Хакас. кн. из-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 259–262.

Об итогах конкурса на предоставление грантов Республики Хакасия на реализацию целевых социальных программ в 2021 г., Российская Федерация Правительство Республики Хакасия Приказ от 20 августа 2021 г. № 148 [Электронный ресурс] // URL: <https://r-19.ru/society/8160/119720.html> (дата обращения: 30.03.2022).

Постановление Правительства Республики Хакасия от 30.03.2021 г. № 144 «Об утверждении Положения на предоставление единовременных выплат родителям (законным представителям) первоклассников, владеющих хакасским языком [Электронный ресурс] // URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/common/8230/117945.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Цыбденова Баирма Жамьяновна
 кандидат социологических наук
 Восточно-Сибирский государственный институт культуры
 Улан-Удэ, Россия
 btsybdenova@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕСТИЖЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена планированию престижа языка, как важной задаче в планировании языка для его сохранения. Автором предложена теоретическая модель планирования престижа бурятского языка в Республике Бурятия. Экономический рост в Монголии, развитие экономических, культурных связей Бурятии с Монголией, Внутренней Монголией Китая, с Калмыкией представляются как возможность поднять престиж бурятского, распространив язык на новые сферы, увеличивая количество говорящих на бурятском, когда знание бурятского языка (родственного монгольскому, калмыцкому) станет важным и полезным для социокультурных, экономических и деловых связей между монголоязычными народами. Языковое поведение наиболее влиятельных людей, направленное на осознанное использование языка в общественных сферах рассматривается как один из способов повышения престижа языка. Планирование престижа должно быть направлено на сотрудничество с населением, на совместные усилия индивидов, групп и организаций, на изменение отношения к языку, повышение мотивации к изучению родного языка, на перестройку языкового сознания, языкового поведения в целях сохранения родного языка для будущих поколений.

Ключевые слова: престиж, статус, идентичность, имидж, теория моделирования.

Tsybdenova Bairma Zhamyanovna
 Candidate of Sciences in Sociology
 East-Siberian state Institute of culture
 Ulan-Ude, Russia
 btsybdenova@bk.ru

TO THE QUESTION OF PRESTIGE OF THE NATIVE LANGUAGE

The article is devoted to planning the prestige of a language as an important task in language planning for its preservation. The author proposes a theoretical model of planning the prestige of the Buryat language in the Republic of Buryatia. Economic growth in Mongolia, the development of Buryatia's economic and cultural ties with Mongolia, the Inner Mongolia of China, and Kalmykia are presented as an opportunity to raise the prestige of the Buryat language by expanding the language to new areas, increasing the number of Buryat language speakers, when knowledge of the Buryat language (related to Mongolian and Kalmyk) will become important and useful for socio-cultural, economic and business ties between Mongolian-speaking peoples. The language behavior of the most influential people aimed at the conscious use of the language in public spheres is considered as one of the ways to increase the prestige of the language. Prestige planning should be aimed at cooperating with the population, at the joint efforts of individuals, groups and organizations, at changing attitudes to language, increasing motivation to study the native language, at restructuring language consciousness, language behavior in order to preserve the native language for future generations.

Keywords: prestige, status, identity, image, modeling theory.

В последние десятилетия проблема сохранения родных (национальных) языков является чрезвычайно актуальной в многонациональных государствах мира и включает в себя не только вопросы расширения сфер функционирования родного языка, а также исследование повышения престижа языка, изменения массового сознания, повышения мотивации у молодого поколения к изучению родного языка.

В социолингвистике термином *престиж* обозначают уровень уважения к идиому (языку или диалекту) по отношению к остальным идиомам, используемым в языковом сообществе. По мнению Н. Наарманн, планирование престижа как отдельный вид деятельности по языковому планированию должно

происходить на четырех различных уровнях (деятельность индивидов, групп, органов и правительства) (Naarmaan 1990: 103–126). Планирование престижа должно быть направлено на изменение отношения и образование идентичности; необходима поддержка и сотрудничество с населением, для которого планируются языковые продукты (Ager 2005: 1040).

Бурятский язык – это один из двух государственных языков Республики Бурятия наряду с русским. В настоящее время бурятский язык не употребляется в ряде важных сфер: в управлении, в делопроизводстве, в высшем образовании. Он используется в сельском хозяйстве в бурятскоязычных поселениях, частично в религиозной деятельности (в дацанах), в социальных сетях, в дошкольном, начальном и среднем образовании, в общественных местах, редко в сфере торговли. Национально-русское двуязычие в СССР, сложившееся под влиянием языковой политики, направленной на всемерное повышение роли русского языка (что главным образом было вызвано объективной необходимостью к взаимопониманию между народами многонациональной страны), привело к росту престижа русского языка и упадку престижа и статуса национальных языков. «Люди из национальных республик и областей изучали русский язык, так как он был необходим для продвижения» (Алпатов 2000: 222). Результатом таких языковых стратегий и ориентаций явилась постепенная утрата родного языка большей частью населения бурятской национальности и разрыв межпоколенной передачи родного языка, преимущественно в городской среде.

По эффективности языковое планирование бурятского языка является недостаточно успешным, несмотря на приобретенный статус второго государственного языка, поскольку диапазон социальных функций языка ненамного расширился и ненамного выросло количество людей бурятской национальности, владеющих родным языком. Относительно продвижения бурятского языка оказалось, что школьное обучение не является эффективным инструментом в поддержке сохранения языка в бурятском обществе. К тому же принятие постановления о праве выбора родителей в изучении родного языка детьми вовсе снизило потребность и мотивацию детей в изучении бурятского языка. Принятие языка на образовательном и дошкольном уровне, или даже дома наиболее эффективно поддерживается через осознание конечной ценности этого языка в обществе. Поэтому сегодня главная цель языкового планирования состоит в гармонизации бурятского языка с более привлекательным и позитивным имиджем русского языка.

В настоящее время и в будущем есть необходимость планирования престижа через распространение использования бурятского языка в более широком общении, особенно в более высоких престижных сферах: в СМИ, в Интернете, в дошкольном и среднем образовании, в общественных сферах и, конечно же, в семье. Планирование престижа — часто политико-ориентированный компонент, включающий позиционирование определенного языка по отношению к другим языкам в языковой экологии общества. В перспективе экономический рост в Монголии, экономические и культурные связи Бурятии с Монголией, Калмыкией, Внутренней Монголией (КНР) могут повлиять на рост престижа бурятского языка, когда знание бурятского языка станет важным и полезным для развития торговых отношений и деловых связей между монголоязычными народами. Это один из способов поднять престиж бурятского языка, связанный с увеличением количества говорящих на нем и распространением языка на новые сферы.

Планирование престижа должно быть направлено на поддержку и сотрудничество с населением, на согласованные и совместные усилия индивидов, групп и организаций, на изменение отношения к языку, повышение мотивации к его изучению, на перестройку языкового сознания, языкового поведения в целях сохранения родного языка для будущих поколений. Наиболее продвинутые слои бурятского общества, представители интеллигенции, будучи носителями бурятского языка, могут содействовать росту престижа и имиджа языка, используя его в официальных сферах (по мере возможности): на работе, на собраниях, на совещаниях, на конференциях, на встречах, в общественных местах (Цыбденова 2010). Со временем окружающие люди изменят свое негативное отношение к языку, и у них появится интерес к изучению родного языка. Такая практика языкового поведения должна иметь частый и регулярный характер и постепенно станет примером подражания для других, в особенности для подрастающего поколения. Известно, что язык обычно воспринимается социолингвистами как эмблема идентичности. Если планируемый продукт используется престижными общественными деятелями, т.е. языковое поведение представлено влиятельными гражданами и социальными элитами и служит в качестве ориентира для целого общества, оно дает населению престижные модели для следования, что ведет к спонтанному подражанию и быстрому распространению. Социоэкономический статус носителей языка указывает на

престиж и имидж самого языка, поэтому влияет на восприятие языкового выбора людей, так как считается, что язык дает своим носителям социоэкономические метки (штампы) (Zhao: 114). В этом контексте можно привести поучительные примеры языкового поведения представителей власти Бурятии: глава Бурятии А. Цыденов, председатель Народного Хурала РБ В. Павлов иногда выступают с поздравлениями на бурятском языке на Новый год, на Сагаалган по телевидению. Такие примеры воодушевляют тех, кто не владеет родным языком на то, чтобы начать изучать родной язык и заговорить на нем.

Литература:

Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Изд. 2-е, доп. М.: КРАФТ, 2000. 224 с.

Цыбденова Б. Ж. Роль интеллигенции в планировании престижа национального языка // Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: сб. науч. тр. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 393–397.

Ager D. E. Prestige and image planning. In: E. Hinkel (Ed.) Handbook of research in second language teaching and learning. London, U.K.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005. Pp. 1035–1054.

Haarmann H. Language planning in the light of a general theory of language: A methodological framework. International Journal of Sociology and Language, 86, 1990. Pp. 103–126.

Zhao Shouhui, Liu Yongbing. Home Language shift and its implication. In: The Asia Pacific-Education researcher. Vol. 16. No. 2. Pp. 111–126.

Килик Айдысмаа Александровна
Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
Кызыл, Россия
aidysmaa@list.ru

ТУРИЗМ И ЭТНИЧЕСКИЕ ТУВИНЦЫ КНР (НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ ХАНАС)

Настоящий доклад рассматривает отношения между туризмом и малочисленным народом – этническими тувинцами, проживающими в деревне Ханас (название по-тувински; по-русски Канас) в Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Начиная с 1986 г. территория живописного озера Ханас с одноименным названием была наделена статусом государственного природного заповедника. С тех пор на смену спокойной умеренной жизни коренного населения пришла шумная эра туризма. До развития туризма до Ханаса можно было добраться лишь верхом на лошади из-за полного отсутствия инфраструктуры. Сегодня же маленькая деревня с населением около 1 тыс. человек в разгар сезона в сутки принимает до 40 тыс. туристов.

Ключевые слова: этнические тувинцы, туризм, культура, Канас (Ханас), экологический туризм, этнический туризм.

Kilik Aidysmaa Alexandrovna
Tuvan Institute of Humanities and Applied Social
and Economic Research
Kyzyl, Russia

TOURISM AND ETHNIC TUVANS OF CHINA (ON EXAMPLE OF KHANAS VILLAGE)

The report studies the attitude of ethnic Tuvans living in Khanas (in Tuvan; English version – Kanas) village of Altay Prefecture, Xinjiang, China to tourism. Since 1986, the territory of the picturesque lake Khanas has been endowed with the status of a state nature reserve. Since then, the quiet life of the indigenous population has been replaced by a bustling era of tourism. Before the development of tourism, Khanas could only be reached on horseback because of lack of the infrastructure. Today, the small village with a population of just 1,000 people receives up to 40,000 tourists a day during the high season.

Keywords: ethnic Tuvans, tourism, culture, Khanas (Kanas), ecological tourism, ethnic tourism.

К одному из ключевых факторов ускорения темпов экономического развития в КНР относится продвижение в стране массового туризма. Туризм в этой стране с каждым годом набирает все более высокие обороты, за исключением периода пандемии. В последние десятилетия жители мегаполисов КНР, как правило, более склонны выбирать поездки в экологически чистые районы.

Одним из высокопосещаемых объектов является озеро Ханас – популярное живописное место в Алтайском аймаке Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Начиная с 1986 г. благодаря своей нетронутой красоте, экологичности, озеро Ханас и маленькая деревня с одноименным названием, стали востребованными туристическими объектами. Коренным населением в Ханасе являются этнические тувинцы. Начиная с середины прошлого столетия к тувинцам начали поселяться мусульманская народность хуэй (ПМА 2016), переселившимися из Китая потомками которых являются дунгане, и этнические казахи. Тувинцы составляют преобладающее большинство туземцев в деревне. Согласно классификации правительства КНР, тувинцы являются частью монгольской нации (蒙古族图瓦人 *ménggǔ zú tú wǎ rén*) с тюркским родным языком. Напомним, что в КНР официально признано всего 56 национальностей, 55 из которых – национальные меньшинства. По причине своей малочисленности – всего около 2500 человек – и ряду других факторов тувинцев официально не рассматривают как отдельную нацию. В этой связи в документах они идентифицируются как монголы.

В отечественной науке системное исследование по этническим тувинцам КНР было проведено М. В. Монгуш (Монгуш 2010), Ж. М. Юша (Юша 2018), М. С. Михалевым (Михалев 2020). С китайской стороны свой исследовательский взор на тувинцев КНР направило на порядок больше ученых.

В 1986 г. территория деревни Ханас была наделена статусом государственного природного заповедника. Несмотря на удаленность и труднодоступность района, поток туристов увеличивается с каждым годом. Согласно условиям «XIII пятилетнего плана развития живописного места Ханас» продолжается активная рекламная и маркетинговая деятельность по продвижению Ханаса. В 2011 г. в списке лидеров туризма северозападных районов Китая живописные места Ханаса были оценены как «Самое популярное туристическое направление в стране»; в 2013 г. были включены в «Десятку самых популярных живописных мест страны»; в 2015 г. – в «Десятку лучших национальных объектов экологического туризма» (喀纳斯景区管理委员会... 2016: 2).

В разгар сезона – летнее время – маленькой деревне с населением около 1 тыс человек приходится в сутки принимать до 40 тыс. туристов (ПМА 2016). При таком положении вещей автор невольно начал задаваться вопросом: как местное население относится к туризму? Какое влияние оказывает туризм на местное население?

С 1990-х гг. индустрия туризма в Китае постепенно стала одной из главных стратегий социального развития в районах проживания национальных меньшинств – преимущественно в северо-западной части страны. Местная власть параллельно с экологическим туризмом прилагает усилия применить и этнический культурный капитал коренного населения. С этой целью в последнее время в стране ведется усиленная работа по культурной осведомленности населения якобы о «вымирающем диком лесном народе с необычной культурой, живущем в приграничных деревнях». Но важно отметить, что для туриста самым привлекательным тут все же является природа.

В начале 1990-х гг. в деревне полностью отсутствовала инфраструктура: асфальтированная дорога, свет, связь и пр. Местные жители вели традиционный образ жизни в закрытой от цивилизации зоне. Пожилые информанты вспоминают, как до соседних деревень Хом и Ак-Хава, где проживают их родственники, добирались верхом на лошади (ПМА, 2017). Сегодня в связи со стремительным развитием туризма у местного населения появилась возможность улучшить материальное положение, оказывая услуги в сфере туризма. С улучшением материальной стороны у некоторых семей появилась благоприятная возможность отправлять детей учиться за пределы уезда, а иногда и в такие большие города, как Пекин, Шанхай, Хух-Хото, Гуанчжоу. Но необходимо подчеркнуть, что абсолютное большинство местных тувинцев до сих пор не принимает активного участия в индустрии туризма. Туризм по большей части осуществляется приезжими предпринимателями – магазины, гостиницы, кафе открываются исключительно ими. Список приезжих предпринимателей возглавляют ханьцы, монголы, казахи, хуэй. В 2016–2017 гг. на время экспедиций автора в деревне отсутствовали магазины и кафе во владении местных тувинцев. В сезон туризма тувинцы сдают свои жилые дома приезжим предпринимателям в аренду, а сами отправляются на чабанские стоянки или же переселяются в специальные летние домики, а те, в свою очередь, модифицируют их дома под гостиницы и сдают туристам в субаренду в разы дороже. Небольшой процент вовлеченных в туризм тувинцев, в основном, заняты на подвозе туристов на своих машинах, мотоциклах и лошадях до туристических объектов, а представители женского пола перепродают у озера предметы первой необходимости, блюда быстрого питания (лапша быстрого приготовления, уйгурские лепешки *наан*), напитки и др.

Одним из прибыльных и достойных способов участия в туризме является открытие своеобразных домов-музеев *цзяфан* (кит. 家访 *jiā fǎng*), где туристам демонстрируют тувинскую культуру. По причине того, что туристам неведома тувинская культура, культура «вымирающего» приграничного малого народа, подобные дома-музеи сегодня довольно привлекательны. На момент экспедиций на территории деревни автором статьи зафиксировано в количестве 5–7 *цзяфан*, но только в одном из них задействованы местные тувинцы. В остальных хозяевами и участниками «шоу» в *цзяфан* являются приезжие и местные казахи, монголы, ханьцы, хуэй, которые выдают себя неосведомленному туристу за местного тувинца.

В целях улучшения материального положения и ряду других причин некоторые тувинцы делают попытку принять участие в индустрии туризма, но таких в корне мало. Абсолютное же большинство пассивно наблюдают за всем этим шумным процессом. Таким образом, можно делать вывод о том, что

тувинцы играют чуть ли не самую последнюю роль в индустрии местного туризма. Следовательно, и получают от туризма выгоду меньше всех.

К одной из причин пассивного участия местных тувинцев в индустрии туризма автор относит языковой барьер, наличие которого мешает им вольно взаимодействовать с туристами. По причине исторической изолированности уровень китайского языка у многих местных жителей средней возрастной категории невысокий, а среди пожилых людей знатоков китайского языка практически не найти. Высокий уровень китайского языка наблюдается у детей младше 12 лет.

Другую причину подобного отчужденного отношения к туризму автор находит в ценностной ориентации кочевого народа. Несмотря на то, что вероятность получения стабильного дохода на данном поприще возрастает с каждым годом, а животноводство, наоборот, теряет конкурентноспособность на новом рынке современности, абсолютное большинство коренных жителей все же остается верным своей кочевой культуре. Верность традиционному укладу жизни оказывает им помощь в сопротивлении придуманной модели перехода к оседлости.

Третью причину автор видит в национальном характере тувинцев. По наблюдениям автора, за пределы единственного тувинского цзяфан между местными тувинцами и туристами коммуникация практически отсутствует. Но важно также отметить, что и конфликта между ними не наблюдается. Некая обособленность, неоткрытый характер местных жителей могут быть вызваны рядом факторов. Ч. К. Ламажаа высказывается о менталитете тувинцев Республики Тыва в РФ следующим образом: «Окружающие их горы и степи не только стали основой кочевого хозяйствования. Они помогли выстроить картину мира, обосновались в культурных “кодах” сознания, создали психологические формулы. Горная преграда стала органичной частью картины мира жителей края, сформировала в их мироощущении чувства обособленности» (Ламажаа...). Некую необщительность, неоткрытость местных тувинцев по отношению к туристам можно объяснить тем, что до прихода туризма они жили обособленно, в полной гармонии с природой. Даже сегодня, спустя 30 лет, модернизация в форме туризма до сих пор является новой, маргинальной, яркой и, возможно, полезной для них концепцией, но пока не особенно привлекательной.

Литература:

Монгуш М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 358 с.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI в. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018. 400 с.

Ламажаа Ч. К. Этнопсихологические исследования тувинцев: социокультурологические и психологические [Электронный ресурс] // URL: http://nationalmentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/central_naya_aziya/lamazhaa_ch_k_etnopsihologicheskie_issledovaniya_tuvincev_sociokulturologicheskie_i_psihologicheskie / (дата обращения: 29.01.2020).

Михалев М. С. Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические проблемы в судьбе коренных народов российско-китайского трансграничья (конец XX – начало XXI вв.). Москва: ИЭА, 2020. 339 с.

喀纳斯景区管理委员会: 《喀纳斯景区国民经济和社会发展第十三个五年规划》. 北京, 2016.

ПМА 2016 – зап. сделана в Ханасе СУАР, КНР от Бады-Очур Олзей, из рода койук (тув. көйүк).

ПМА 2017 – зап. сделана в г. Пекин, КНР от Тоолай, из рода кызыл-соян.

*Канзычакова Надежда Германовна
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
Абакан, Россия
kanzychakova.nadia@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНЫЕ БОЛЕЗНИ В МОНОГОРОДАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2021 г.)¹

Статья посвящена проблеме наркомании и алкоголизма в моногородах Республики Хакасия. Актуальность данной темы обусловлена тем, что наркомания и алкоголизм являются социальной болезнью современности. Они негативным образом влияют на многие показатели качества жизни и человеческого потенциала населения, тормозят социально-экономическое развитие. На территории Республики Хакасия находится 6 моногородов. В статье приведены статистические данные, отражающие текущую картину в моногородах республики. Эмпирической базой исследования социальных болезней послужили данные официальной статистики и отчетности, опроса жителей моногородов, проведенного в 2021 г.

Ключевые слова: моногорода, Республика Хакасия, социальная болезнь, алкоголизм, наркомания.

*Kanzychakova Nadezhda Germanovna
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russia*

SOCIAL DISEASES IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA (BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN 2021)

The article is devoted to the problem of drug addiction and alcoholism in single-industry towns of the Republic of Khakassia. The relevance of this theme is due to the fact that drug addiction and alcoholism are a social disease of the modern times. They negatively affect many indicators of the quality of life and human potential of the population, and hinder the social and economic development. There are 6 single-industry towns in the territory of the Republic of Khakassia. The article presents the statistical data reflecting the current situation in single-industry towns of the Republic. The empirical basis for the research of social diseases was the data of official statistics and reporting, the survey of residents of single-industry towns conducted in 2021.

Keywords: single-industry towns, Republic of Khakassia, social disease, alcoholism, drug addiction.

Термин «социальная болезнь» используется при характеристике негативных общественных явлений. К социальным болезням относят туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, наркоманию и др. (Грехов 2014: 134). Алкоголизм и наркомания в России по некоторым оценкам являются серьезными социальными болезнями, угрожающими здоровью населения, и играют значимую роль в социально-экономической деятельности общества (Федотов 2018: 170). Одной из причин распространения алкоголизма и наркомании может быть уход от реальной действительности, попыткой преодоления стресса и трудностей, с которыми сталкивается общество.

Моногород или монопрофильное поселение – это особый тип поселения, в котором есть одно или несколько градообразующих предприятий, экономика города зависит от деятельности этого предприятия, и доля работающих на одном градообразующем предприятии составляет не менее 25% населения. На данный момент в Республике Хакасия 6 монопрофильных поселений: Абаза (Абаканский филиал ОАО «Евразруда»), Саяногорск (ОАО «Русал Саяногорский алюминиевый завод»), Сорск (ООО «Сорский горнообогатительный комбинат»), ООО «Сорский ферромолибденовый завод»), Черногорск (ООО

¹ Материалы подготовлены по результатам научного проекта РФФИ № 19-49-190001 р_а «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений».

«СУЭК-Хакасия»), Вершина Теи (Тейский филиал ОАО «Евразруда») и Туим (ООО «Туимский завод по обработке цветных металлов»).

Нами проведено исследование социальных проблем моногородов Республики Хакасия, чтобы определить основные факторы, динамику и пути решения для каждого монопрофильного образования республики. Согласно полученным результатам нашего исследования, большинство опрошенных оценивают свое состояние позитивно, а именно: 58,3% чувствуют себя вполне спокойно; в хорошем, приподнятом настроении 26,8% респондентов. Оценивают свое здоровье в целом хорошо: 30,3% ощущают полностью себя здоровыми, 50% респондентов считают, что болеют «обычными» болезнями. 53,2% опрошенных респондентов считают, что в жизни бывает всякое – и хорошее, и плохое, в целом считают себя счастливыми. 54,7% скорее удовлетворены своей жизнью.

Следует также отметить, что 70,5% не планируют менять место жительства и 68,3% опрошенных на вопрос «Если Вы смените место жительства, то какой мотив Вашего предполагаемого переезда будет основным» ответили, что не планируют переезжать. Жителей моногородов Хакасии все устраивает в их жизни, они принимают и хорошее, и плохое, а также удовлетворены своей жизнью в настоящий момент, не планируют переезжать. Возможно, это свидетельствует о том, что жители моногородов не стремятся улучшить свою жизнь и смирились с имеющимися условиями жизни, им нравится то место, в котором они живут.

По результатам социологического исследования респонденты отметили следующие наиболее важные проблемы для моногородов Хакасии: инфляция (71,9%); далее идет безработица (59,2%); затем высокие тарифы ЖКХ (49%); низкий уровень жизни (49%); алкоголизация, наркомания (46,7%).

В 2020 г. 59,0% показателя общей наркологической заболеваемости в республике составляют наркологические расстройства, связанные с употреблением алкоголя, в 2019 г. 63%, а в 2018 г. 71,8% (Государственный доклад о наркоситуации в Республике Хакасия за 2018, 2019, 2020 г.: 19, 22, 28).

Согласно данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, в республиках Хакасия и Тыва в 2018 г. объемы продаж алкогольной продукции возросли по сравнению с 2017 г. на 27,3% и составили 467,4 тыс. дкл. Лидером в структуре продаж алкогольных напитков является пиво (75,3% от общего объема продаж алкоголя). В Республике Хакасия объем продаж пива на душу населения в год (в 2016 г. – 79,1 л, в 2017 г. – 70,9 л, в 2018г. – 62,8 л) значительно превышает средний показатель 2018г. по стране (45,1 л) (Управление Федеральной службы... 2021). Следует отметить, что официально регистрируемые данные не полностью отражают действительную картину, так как не учитывается объем незаконно производимой и реализуемой продукции.

Оценка респондентами степени распространённости проблемы алкоголизма в их населенном пункте показывает, что чаще всего опрошенные признают, что употребляют в основном по праздникам (43,5%). Лишь 2,6% респондентов считают, что употребляют практически еженедельно. Затруднились с ответом (4,2%).

Если говорить о ситуации в конкретных моногородах, то чаще всего употребляют алкоголь в Туиме (5% респондентов употребляют практически еженедельно). Больше всего по праздникам употребляют в Вершине Теи (70%), Туиме (60%) и Сорске (52%). Меньше всего употребляют алкоголь в Абазе (42%) и Черногорске (37,6%). Чаще всего курят в Туиме (50%) и Сорске (49%).

Численность населения в монотерриториях влияет на социально-экономические показатели, чем больше людей живет в моногороде, тем больше человек употребляет алкоголь и наркотики, а также, где проживает больше населения, там больше продаются алкогольные напитки и находятся питейные заведения. Вероятно, это можно объяснить тем, что в моногородах высокий уровень безработицы.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается то, что жители моногородов в настоящий момент удовлетворены своей жизнью и не планируют переезжать. Возможно, это свидетельствует о том, что жители моногородов не стремятся улучшить свою жизнь и смирились с имеющимися условиями жизни, им нравится то место, в котором они живут, это говорит об их положительном настроении. Но вместе с тем они признают проблемы, которые присутствуют в их монопрофильном поселении (инфляция, рост цен, безработица и пр.). Все это свидетельствует о том, что жители моногородов республики имеют низкий уровень социального самочувствия (Лушникова 2020: 59).

В целом результаты исследования показали, что проблема наркомании и алкоголизма в монопрофильных поселениях весьма сложная и является одной из актуальных социальных проблем. Существует взаимосвязь между социально-экономическим положением моногорода и уровнем алкоголизма, и

наркомании, т.е. бедность, ведет к алкоголизму и наркомании, неудовлетворенностью жизнью, социальному неблагополучию. Дальнейшее изучение причин данного феномена весьма актуально.

Литература:

Государственный доклад о наркоситуации в Республике Хакасия за 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://r-19.ru/authorities/justice-department/common/6846/> (дата обращения: 07.06.2021 г.).

Государственный доклад о наркоситуации в Республике Хакасия за 2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://r-19.ru/authorities/justice-department/common/6846/> (дата обращения: 07.06.2021 г.).

Государственный доклад о наркоситуации в Республике Хакасия за 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://r-19.ru/authorities/justice-department/common/6846/> (дата обращения: 07.06.2021 г.).

Грехов А. В., Кежутин А. Н. Понятие «социальная болезнь» в междисциплинарном контексте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2(34). С. 134–137.

Лушникова О. Л. Монопрофильные территории Хакасии: социальное самочувствие населения // Регионология. 2020. Т. 7. № 4. С. 53–60.

Управление Федеральной службы официальной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва [Электронный ресурс] // URL: <https://krasstat.gks.ru> (дата обращения: 01.06.2021 г.).

Федотов А. А. Влияние бедности на распространение алкоголизма и наркомании в регионах России // Экономика и бизнес: теория и практика. Новосибирск, 2018. С. 170–174.

**РАЗДЕЛ 11
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИКА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

DOI: 10.53954/9785604788981_640

Адьяа Нямдолжин

Ph.D

Институт международных отношений

Академии наук Монголии

Улан-Батор, Монголия

nyamdoljin@mas.ac.mn

Болд Хишигжаргал

Институт международных отношений

Академии наук Монголии

Улан-Батор, Монголия

khishigjargal_b@mas.ac.mn

МОНГОЛИЯ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИЕЙ

В работе исследуется место Монголии в пространстве Центральной и Северо-Восточной Азии. По мнению авторов, монголы в отношении этнической генетики, истории и культуры связаны с народами Центральной Азии. При этом создается впечатление, что Монголия имеет намного больше географических, этнических и экономических отношений со странами ЦА, чем со странами СВА.

Ключевые слова: Монголия, Центральная Азия, Северо-Восточная Азия.

Adya Nyamdoljin

Ph.D

Institute of International Affairs

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

Bold Khishigjargal

Institute of International Affairs

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

MONGOLIA BETWEEN CENTRAL AND NORTH EAST ASIA

The paper examines the place of Mongolia where it has faced a dilemma in seeking its identity, and choosing between being part of Central Asia or Northeast Asia. The authors considers that in terms of ethnic genetics, history and culture, the Mongols are connected with the peoples of Central Asia. This creates the impression that Mongolia has much more geographical, ethnic and economic relations with the countries of Central Asia than with the countries of Northeast Asia.

Keywords: Mongolia, Central Asia and Northeast Asia.

Монголия занимает специфическое место, поскольку является центральной частью, географическим, историческим и культурным ядром Центральной и Северо-Восточной Азии. Центральная Азия как географический регион существовала около двух веков. В геополитике существует такое понятие, как “Большая Центральная Азия”, одно из крупнейших поликультурных и полиэтнических образований, претерпевшее на протяжении веков многочисленные национально-государственные и международно-политические перестройки. С начала 1990-х гг. XX в. бывшие среднеазиатские республики СССР после обретения своей государственной независимости переименовали этот регион в “Центральную Азию”. В

геопространственном отношении по версии UNESCO Центральная Азия включила Монголию, западную часть Китая, Тибет, Северо-Восточный Иран, Афганистан, Пакистан, восточную часть России, пять бывших советских республик: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан. Центральная Азия формируется как один из центров мирового соперничества за природные ресурсы, солидный человеческий потенциал и выгодные торговые маршруты между Европой и Южной Азией, а также восточными анклавами Северо-Восточной Азии.

Таким образом, существуют различные определения границ ЦА, но нет общепринятого определения. В свою очередь, Северо-Восточная Азия – это северо-восточный регион Азии. В узком смысле к ней относятся три страны: Южная Корея, Китай и Япония, а в широком смысле этот регион включает в себя также Монголию, российский Дальний Восток и Сибирь. Таким образом, согласно расширенному географическому определению Монголия включается как в Центральную Азию, так и в Северо-Восточную Азию.

В отношении этнической генетики, истории и культуры монголы связаны с народами Центральной Азии. Более того, во время холодной войны на Монголию, как и на другие страны ЦА, СССР оказывал абсолютное политическое и экономическое влияние. Монголия была членом Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Она имеет намного больше географических, этнических и экономических отношений со странами ЦА, чем со странами СВА. После распада Советского Союза в 1990-х гг. объем торговли Монголии с бывшими республиками СССР, включая соседние центральноазиатские страны, резко сократился, но Монголия по-прежнему участвует в Программе Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Программа ЦАРЭС – это партнерство экономического развития 11 стран, включающее Афганистан, Азербайджан, Китай, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Монголию, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Таким образом, среди разных крупномасштабных программ экономического сотрудничества, Монголия выступает в составе экономического партнерства стран ЦА, и это показывает, что с геополитической точки зрения центральноазиатская идентичность Монголии до сих пор сильна. Следует отметить, что каждая страна, вступившая с Монголией в сотрудничество, привносила свое понимание в характер и особенности взаимоотношений, исходя из особенностей собственных социально-культурных традиций. Но необходимо отметить своеобразие отношений со странами, которые были партнерами Монголии в XX в.

В последние годы в экономической деятельности Монголии наметилась тенденция к отделению геоэкономической идентичности страны от региона ЦА. Во-первых, если рассмотреть основных торговых партнеров страны за последние годы, то можно заметить, что доминирующее место занимают страны СВА, а не страны ЦА. В частности, начиная с 1999 г. Китай является лидером во внешнеэкономических связях с Монголией, впервые за многие десятилетия опередив Россию – 29,5% доля Китая и 22,7% доля России в 1999 г. (Родионов 2018: 259). При этом влияние России на монгольскую экономику намного уменьшилось по сравнению с советским периодом. Что еще более важно, кроме Китая и России основными странами-импортерами Монголии стали Япония (9,8%) и Корея (5,9%), являющиеся странами СВА, а также за ними следуют США (4,1%), которые продвигают политический курс так называемого «возвращения в Азию (pivot to Asia)». Поскольку цель данного американского внешнеполитического курса – это перемещение центральной оси власти в Азиатско-Тихоокеанский регион, можно рассматривать Соединенные Штаты как государство, относящееся к Северо-Восточной Азии. Все вышеуказанные факторы указывают на то, что внешняя торговля со странами СВА оказывает большее влияние на экономику Монголии, чем внешняя торговля со странами ЦА.

Во-вторых, Китай проводит проект создания экономического коридора «Один пояс – один путь», в рамках которого планируется строительство шести основных экономических коридоров. Однако если взглянуть на евразийский континентальный мост, проходящий по странам ЦА и экономический коридор «Китай – Монголия – Россия», проходящий через Монголию, то эти два коридора географически не пересекаются друг с другом, при этом первый соединяет Китай, Казахстан и Россию, а второй соединяет Китай, Монголию и Россию. Это говорит о том, что маршруты перевозки, направленные в Европу через Азию, проходят через два разных региона: Центральную Азию и Монголию. Кроме того, среди этих двух экономических коридоров инвестиции в евразийский континентальный мост через центральноазиатский регион становятся все более активными, и можно

прогнозировать, что в будущем при перевозке большого количества грузов, отправленных из Китая в Европу, будет более активно использоваться маршрут транспортировки по странам ЦА, чем маршрут перевозки через Монголию. Это приведет к различию в темпах роста в двух регионах, по которым проходят эти коридоры, что может повлиять на геоэкономическое отделение Монголии от ЦА.

В-третьих, как страны Центральной Азии, так и Монголия обладают сравнительным преимуществом в сырьевой и горнодобывающей отраслях, поскольку они являются регионами с богатыми природными ресурсами и в основном экспортируют сырьевые товары, а это означает, что состав экспортируемых ими товаров в принципе не сильно различается. Это значит, что и страны ЦА, и Монголия не могут пользоваться сравнительным преимуществом по принципам свободной торговли, согласно которым экономические субъекты могут получить наибольшую прибыль, когда они специализируются на производстве тех товаров и услуг, в изготовлении которых проявляют особую эффективность или располагают значительным опытом и квалификацией. Это говорит о том, что существует предел максимизации выгод от торговли на основе взаимовыгодного экономического сотрудничества между ЦА и Монголией. Потому правительство Монголии также ищет различные возможности для того, чтобы найти свою национальную идентичность в СВА, а не в ЦА, и в последнее время постоянно укрепляет политический и экономический обмен со странами СВА, обладающими финансовым и технологическим превосходством, принимая участие в проекте, получившем название «Азиатское суперкольцо (Asia Supergrid)», в состав которого входят пять стран СВА: Монголия, Корея, Япония, Китай и Россия. Кроме того, Монголия подписала Соглашение об экономическом партнерстве с Японией, стараясь обрести роль посредника в вопросах, актуальных для Корейского полуострова.

Эти три факта демонстрируют, что после холодной войны геоэкономическая идентичность Монголии сдвинулась из региона ЦА в СВА. Это основывается на национальных усилиях Монголии, которая пытается преодолеть ограничения, возникшие в период абсолютного влияния Советского Союза и СЭВ во время «холодной войны». Именно поэтому Монголия активно ищет свою роль для внесения позитивного вклада в развитие региона и мирового сообщества в целом в качестве достойного члена международного сообщества. Данные действия могут помочь Монголии обрести новую национальную идентичность, которая будет наилучшим образом соответствовать ее собственным интересам.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что осуществление многоопорной, многовекторной внешней политики становится для Монголии необходимым условием суверенного развития и важнейшей предпосылкой самоопределения в мировом устройстве и экономическом пространстве.

Литература:

Родионов В.А. Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. 2018. 340 с.

Мамахатов Тлеш Муратович
кандидат экономических наук
Институт Дальнего Востока РАН
Москва, Россия
tmmamakhatov@gmail.com

РОЛЬ КИТАЯ КАК ВЕДУЩЕГО ПАРТНЕРА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Регион Центральной Азии сегодня играет ведущую роль в качестве экономического и политического партнера ведущих стран мира. В первую очередь это, конечно же, относится Китаю. Рекордные темпы роста экономики Китая за последние десятилетия отразились на отношениях как со всеми странами мира, так и центральноазиатскими в частности. Давняя история взаимодействия Китая со странами Центральной Азии и современная экономическая политика, проводимая правительством КНР в регионе, имеют сложную структуру, делая вопрос роли Китая в Центральной Азии первостепенным. В современных условиях обострения экономических проблем, умноженных на фактор всемирного эпидемиологического бедствия, особый интерес вызывает вопрос экономического и политического сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем. Огромные объемы инвестиций Китая в разнообразные отрасли экономики стран Центральной Азии, без сомнений, являются положительным фактором для экономического роста этих стран. Но остается открытым вопросом, как это отражается на политической ситуации в регионе.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, экономическое сотрудничество, политика, инвестиции, трубопроводы.

Mamakhatov Tlesh Muratovich
Candidate of Sciences in Economics
Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

THE ROLE OF CHINA AS A LEADING PARTNER OF THE CENTRAL ASIAN STATES IN THE FIELD OF ECONOMIC AND POLITICAL COOPERATION

The Central Asian region today plays a leading role as an economic and political partner of the leading countries of the world. First of all, of course, this applies to China. The record growth rates of China's economy over the past decades have affected relations with all countries of the world, and Central Asian countries in particular. The long history of China's interaction with Central Asian countries and the modern economic policy pursued by the PRC government in the region have a complex structure, making the issue of China's role in Central Asia paramount. In modern conditions of aggravation of economic problems multiplied by the factor of a worldwide epidemiological disaster, the issue of economic and political cooperation between the Central Asian countries and China is of particular interest. China's huge investments in various sectors of the economy of the Central Asian countries are undoubtedly a positive factor for the economic growth of these countries. But it remains an open question how this affects the political situation in the region.

Keywords: China, Central Asia, economic cooperation, politics, investments, pipelines.

В кризисном 2020 г. валовой внутренний продукт Китая вырос всего на 2,3 %, в то время как в 2019 г. этот показатель составлял 6% и более в предыдущих годах. Таких минимальных темпов не было с 1976 г. При этом Китай стал единственной крупной экономикой в мире, избежавшей спада темпов роста ВВП из-за COVID-19. Несмотря на падение показателей в начале года, Китаю удалось восстановить положительную динамику к концу года, показав высокую скорость восстановления даже на фоне торговой войны с США и ее политическим и экономическим давлением. Экономика Китая ускорилась в четвертом квартале и, если по итогам первого квартала ВВП Китая упал на 6,8%, то уже во втором квартале он вырос на 3,2%, в третьем – на 4,9%, а в четвертом – на 6,5%. В условиях глобального спада произ-

водства и снижения экономической активности в мире такие цифры экономического роста Китая очень впечатляют, особенно в условиях реализации США своей Индо-Тихоокеанской стратегии, подразумевающей противодействие Китаю по ряду ключевых направлений, таких как экономическая и энергетическая сфера.

На сегодня проблема энергетической безопасности становится наиболее актуальным вопросом экономического развития Китая. Индо-Тихоокеанская стратегия, выдвинутая в США еще Трампом, ухудшает атмосферу энергетической безопасности Китая и увеличивает риски для транспортировки энергоресурсов морскими путями из регионов Ближнего Востока, Африки и АТР. Диверсификация источников поставки энергоресурсов является логичным стратегическим выбором для Китая, поэтому акцент в этом вопросе смещается на евразийское сотрудничество. В вопросе энергетической безопасности Китая на первое место начинают выходить поставки ресурсов из Центральной Азии и Восточной Сибири, становясь объектом приоритетного стратегического значения. Центральная Азия является богатым углеводородными ресурсами регионом, географически близко расположенным к КНР. Уже сейчас можно сказать, что регион Центральной Азии начал играть важную роль в системе энергетической обеспеченности Китая.

Высокие темпы роста экономики и промышленности Китая нуждаются в большом количестве материальных ресурсов, включая, в первую очередь, и топливо. На сегодняшний день можно говорить о том, что обеспечение собственными энергоресурсами в Китае составляет менее 80%, ставя под угрозу вопрос энергетической безопасности страны (Рубан, Гриб 2020: 5).

Регион Центральной Азии, расположенный в центральной части Евразии, обладает богатейшими природными и энергетическими ресурсами. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – страны, богатые нефтью и природным газом, к тому же, этих запасов им достаточно не только для удовлетворения своих собственных нужд, но и для широкомасштабного экспорта, что укрепляет экономику этих республик. В таблице 1 можно ознакомиться со структурой распределения энергоресурсов по странам Центральной Азии.

Таблица 1

Удельный вес энергоресурсов в каждой из стран Центральной Азии, %

Энергоресурс/ страна	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Нефть	50	5	1	17	13
Природный газ	16	2	2	83	84
Уголь	28	11	1	0	2
Гидро ресурсы	6	82	96	0	1

Рассчитано автором на основе данных Минэнерго России

Политика, проводимая Китаем в вопросе энергетического взаимодействия со странами Центральной Азии, основывается на следующих принципах:

1) прочные политические связи, необходимые для надежного сотрудничества в области энергетики. КНР одним из первых из признал суверенитет стран региона Центральной Азии и наладил дипотношения. На сегодня политическое доверие между Китаем и странами Центральной Азии достигло нового уровня, что позволило заложить прочный фундамент для развития и углубления многостороннего энергетического сотрудничества.

2) географическая близость энергоресурсов Центральной Азии к крупнейшему потребителю энергии в мире, Китаю. КНР граничит со странами-партнерами, позволяя снизить транспортные издержки на доставку энергоресурсов, а также уменьшить общую себестоимость затрат энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии.

3) взаимная дополняемость при развитии энергетического сотрудничества стран. Многовекторность направлений поставок энергоресурсов выгодна не только Китаю, но и странам экспортерам. В такой сделке Китай избегает зависимости от поставок углеводородов из Ближнего Востока и АТР, увеличивая свою энергетическую безопасность, а страны Центральной Азии, в свою очередь, получают возможность проведения более гибкой и независимой политики на региональном энергетическом рынке, избегая ситуации монополии.

Экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии определяется в нескольких направлениях. Первое – это уже ранее освещенный вопрос расширения и углубления сотрудничества в энергетической сфере. Речь идет о расширении торговли, расширении многоуровневого интеграционного взаимодействия и увеличения сотрудничества в сфере других энергоресурсов. Остальными приоритетными направлениями является укрепление сотрудничества в сфере высоких технологий и расширение сотрудничества в других сферах, в первую очередь связанных с транспортной инфраструктурой.

Реализация проекта Экономического Пояса Шелкового Пути базируется на принципе развития транспортной инфраструктуры в странах, через которые пролегает маршрут пути. Второй принцип доступа к ресурсам стран партнеров – это импорт сырья и экспорт китайских товаров. И третий принцип заключается в формировании условий для взаимного обмена инновациями, в первую очередь с технически передовыми для Китая странами, такими как Россия и страны Западной Европы.

Объем инвестиций и товарооборот Китая со странами Центральной Азии очень вырос за последнее время. Китайский капитал прочно обосновался в странах региона, обогнав Россию и страны Запада. Доля китайских фирм в Казахстане уже составляет более 25 % по нефтедобыче. В Туркменистане Китай в результате ранее упомянутой «Газовой войны» 2009 года вытеснил «Газпром» в качестве покупателя природного газа, перераспределяя себе до 61 % экспорта сырья. Объем китайского капитала в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане уже превышает российские вложения в 11 раз и продолжает расти.

Литература:

Китай импортировал по газопроводу Средняя Азия – Китай 304,6 млрд м³ [Электронный ресурс] // URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/539234-po-gazoprovodu-srednyaya-aziya-kitay-eksportirovano-304-6-mlrd-m3/> (дата обращения: 10.04.2021).

Ли Син, Ван Чэнсин. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 10–20.

Рубан Л. С., Гриб Н. С. Энергетические стратегии Китая и их реализация // Бурение и нефть. 2020. № 4. С. 4–9.

Товарооборот России и Китая: статистические данные и динамика развития [Электронный ресурс] // URL: <http://fb.ru/article/380716/tovarooborot-rossii-i-kitaya-statisticheskie-dannyye-i-dinamika-razvitiya> (дата обращения: 12.05.2018).

World Energy Outlook IEA, 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2019> (дата обращения: 10.03.2021).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – ТЕРРИТОРИЯ ДИАЛОГА ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВА РОССИИ И КНР?

Целью данной работы является дескрипция отношений РФ и КНР на территории Центральной Азии. Главная задача состоит в выяснении статуса и характера многостороннего взаимодействия. Проанализировав экономические и социально-политические данные, автор приходит к выводу, что ЦА – это не территория соперничества двух держав, но и не территория согласованного диалога РФ и КНР. Несмотря на это, действия этих стран в ЦА косвенно приводят к взаимообогащению друг друга.

Ключевые слова: Центральная Азия, РФ, КНР, экономика, геополитика.

*Voronko Anton Olegovich
Pacific National University
Khabarovsk, Russia*

CENTRAL ASIA – A TERRITORY OF DIALOGUE OR RIVALRY BETWEEN RUSSIA AND CHINA?

The purpose of this work is to describe the relations between the RF and the People's Republic of China on the territory of Central Asia. The main task is to clarify the status and nature of multilateral cooperation. After analyzing the economic and socio-political data, the author concludes that CA is not a territory of rivalry between the two powers, but it is also not the territory of a coordinated dialogue between the Russian Federation and China. Despite this, the actions of these countries in Central Asia indirectly lead to mutual enrichment of each other.

Keywords: Central Asia, RF, PRC, economics, geopolitics.

Введение

25 января 2022 г. был проведен онлайн-саммит «Государства Центральной Азии – Китай». Формальной причиной проведения стало 30-летие установления дипломатических отношений между КНР и странами ЦА. Кроме председателя КНР в саммите также приняли участие президенты Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Итогом саммита стало формирование новой площадки «Центральная Азия – Китай», на которой будут приниматься важные для региона решения в экономической и политической сферах.

В экспертной среде выдвигаются радикальные тезисы о том, что РФ полностью потеряла в экономическом и политическом плане государства ЦА. Это событие трактуется как серьезное геополитическое поражение РФ.

1. Реально ли существует угроза вытеснения влияния РФ из ЦА КНР?

Кроме КНР и РФ свое влияние в Центральной Азии распространяют и другие державы. 27 января Индия провела совещание с главами пяти государств ЦА. Индия, так же как РФ и КНР, имеет военные базы на территории ЦА. К примеру, авиабаза Индии присутствует в Таджикистане. Но тезисов о том, что Индия угрожает сферам влияния КНР и РФ в ЦА не следует (Вавилов 2021). Отметим и Турцию. Она одной из первых запустила в регионе интеграционные инициативы и форматы. Они не ограничиваются одним только формированием экономических, торговых, транспортно-логических союзов Турции со странами ЦА, но нацелены также на активное продвижение в регион тюркской культуры так, как ее интерпретируют турецкие государственные институты, образовательные учреждения и центры (Мальшева 2021: 464). Также можно проследить экономическое и политическое влияние ЕС. Получается, что в ЦА продвигают свое влияние не только КНР и РФ, но также Индия, Турция и ЕС. Важно, что

28 декабря 2021 г. главы ЦА лично побывали в Санкт-Петербурге. Стороны обсудили итоги 2021 г. и план дальнейшего сотрудничества, в том числе в сфере безопасности (Вавилов 2021).

Сделаем вывод, что онлайн-саммит КНР и глав ЦА – это не специализированное мероприятие по тотальному захвату сфер влияния в регионе. Можно рассмотреть этот саммит как одно из череды собраний в честь юбилея обретения независимости и установления дипломатических отношений с определенными державами.

2. Насколько сильно экономическое влияние КНР на Центральную Азию?

Товарооборот КНР со всеми странами мира составляет 6 трлн. долларов, а со всеми странами ЦА – 50 млрд. долларов, что составляет меньше 1% от всей суммы. 50 млрд. долларов – это очень скромная цифра, которая говорит о том, что отношения КНР со странами ЦА крайне неразвиты (Вавилов 2021).

Если взять данные за 2021 год, то можно отметить, что товарооборот с Казахстаном вырос на 17%. Но товарооборот КНР с другими странами вырос в среднем на 30%, что в 2 раза выше. При этом у России с Казахстаном товарооборот вырос с 19 до 24 миллиардов долларов – увеличение на 20–25%. Получается, что влияние на Казахстан с экономической точки зрения вполне сопоставимо (Черевык 2021: 6). Если проанализировать товарооборот Узбекистана и КНР, то получится 7 миллиардов долларов. Это крайне мало. У РФ с Узбекистаном также сравнимые цифры товарооборота. Более того, по выводам 2021 года РФ незначительно превзошла КНР (Вавилов 2021). Подобная ситуация прослеживается с Киргизией и Таджикистаном. Наблюдается процентное увеличение, но в целом товарооборот по-прежнему остается незначительным для КНР.

Товарооборот со странами ЦА у РФ составляет порядка 30 млрд. долларов, у ЕС – 30–40 млрд. долларов, у КНР – 50 млрд. долларов и у Турции – 10 млрд. долларов (1/5 от китайской при отсутствии общей границы). Отметим, что, исходя из экономических данных, получается, что совокупное влияние РФ, ЕС и Турции на страны ЦА колоссально и несопоставимо с китайским.

На саммите Си заявил, что товарооборот с ЦА увеличится с 50 до 70 миллиардов долларов к 2030 г. Эта цифра укладывается в классический экономический рост с учетом инфляции. Иными словами, никакого выдающегося роста товарооборота в ближайшем будущем не прогнозируется. Сделаем вывод, что КНР не слишком заинтересовано в экономической экспансии, направленной на ЦА.

3. Зачем КНР Центральная Азия?

Де-факто КНР со всех сторон, за исключением РФ, окружена либо имплицитными и эксплицитными враждебными государствами, либо государствами, на территории которых может развернуться потенциальный конфликт с угрозой безопасности КНР. В случае обострения какой-либо конфликтной ситуации с США и ввода нефтяного или углеводородного эмбарго в отношении КНР, ЦА будет одним из многочисленных альтернативных каналов доступа к поставкам природных ресурсов (Вавилов 2021).

ЦА интересна для КНР в первую очередь в качестве альтернативного сухопутного пути и дополнительно места для доступа к природным ресурсам (Черевык 2021: 6). Если проанализировать китайские инвестиции в страны ЦА, то можно обнаружить, что большая их доля уходит на развитие транспортно-логистической сферы (曲文轶, 张霞 2021). Это подтверждает, что ЦА для Китая это, в первую очередь, дополнительный транспортный коридор.

Что касается политической сферы, то ЦА культурно и политически тесно связана с РФ. Переформатировать эту территорию под КНР будет трудно. И тут важно затронуть миграционный момент. На территориях ЦА практически отсутствуют китайцы. К примеру, в Казахстан активно переселяются только мусульманские меньшинства КНР: уйгуры и дунгане. В сам же Китай переселиться из ЦА крайне сложно. Более того, развитие ЦА за счет КНР – это в том числе и усиление Синьцзян-Уйгурского автономного округа, Внутренней Монголии и т.д. Проекты в ЦА инфраструктурно связаны с этими областями. Политическое руководство КНР вполне может опасаться того, что вложение средств в ЦА может привести к неоднозначным последствиям в будущем для самого Китая. Поэтому проекты в ЦА финансируются в основном направленные на ресурсы: транзит и добычу. Реализация прочих проектов часто застревает на этапе декларативных намерений, в отличие от проектов РФ (杨雷 2021).

4. ЦА – территория диалога КНР и РФ?

Растущие импортные запросы КНР позитивно влияют на экспорт РФ в страны ЦА. Вследствие того, что страны ЦА получают от КНР все более крупные запросы на поставки различных товаров и особенно ресурсов – страны ЦА для удовлетворения запроса увеличивают поставки со стороны РФ для дальнейшего транзита в КНР. На рынке ЦА КНР не ограничивает экспортное пространство РФ, напротив,

КНР оказывает явное стимулирующее влияние на экспорт РФ. При этом и в области высококонкурентной промышленной продукции КНР также оказывает очевидное влияние на экспорт РФ (наиболее сильный движущий эффект на рынке Туркменистана). Позитивный эффект для РФ частично зависит от побочного эффекта инвестиций КНР. Например, масштабные инвестиции КНР в казахстанские дороги стимулировали экспорт РФ в Казахстан, инвестиции КНР в разведку и разработку нефти на каспийском шельфе Казахстана также повысили интерес Казахстана к нефтевозам и буровому оборудованию РФ. В выигрыше остаются все агенты данного взаимодействия. Не прогнозируется, что рост экспорта КНР вытеснит экспорт РФ, напротив, в этой интенции наблюдается динамический позитив для всех агентов (曲文轶, 张霞 2021).

Уязвимое место в ЦА взаимодействии – это отсутствие каких-либо согласованных действий между КНР и РФ. Выделяется то, что в ЦА отсутствует координация по линии МИД. Нет стратегии совместного развития. Зная о стратегическом значении ЦА как транзитной территории, РФ как наиболее политически значимому игроку необходимо взять инициативу для создания совместных проектов на территории ЦА. Развитая в транзитном плане ЦА позволит РФ увеличить и свои экспортные потоки в КНР (Вавилов 2021). Несогласованные действия могут привести к всевозможным конфликтам интересов и созданию различных спекуляций на тему вытеснения сфер влияния друг друга. В перспективе необходимо наладить подобное согласование взаимодействия. Таким образом, обстановка в регионе будет более понятной, предсказуемой, а реализация геополитических целей более эффективной. ЦА – территория диалога или соперничества РФ и КНР? ЦА – это не территория соперничества, но и не территория согласованного диалога.

Литература:

Аристова Л. Б., Семенова Н. К. Анализ степени интегрированности китайских компаний в транспортный сектор государств ЦА. М: Институт востоковедения РАН, 2019. 69 с.

Вавилов Н. Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 662 с.

Мальшева Д. Б. Международно-политическая конкуренция и сотрудничество в Центрально-Азиатском регионе // ИМЭМО РАН. 2021. Т. 65, № 7. С. 106–115.

Черевык К. А. Стратегическое сотрудничество республики Казахстан и КНР // Сборник МГК. 2021. С. 6.

曲文轶, 张霞、中俄在中亚市场的出口竞争研究 —基于动态促进效应的实证分析 // 欧亚经济。2021年。第5期。1–22.

杨雷. 国际制度视角下“一带一路”与大欧亚伙伴关系的对接 // Northeast Asia Forum. 2021. No. 1. 115–125.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В советское время проблема национальностей Центральной Азии не была актуальной. После распада Советского Союза религиозные и территориальные споры в Центральной Азии привели к этническим конфликтам.

Ключевые слова: Азия, Монголия, этнос, национальность, СССР, Россия.

Togmid Sukhbaatar

Ph.D

National Defense University of Mongolia

Ulaanbaatar, Mongolia

NATIONAL AND ETHNIC PROBLEMS IN CENTRAL ASIA

In Soviet times, the problem of the nationalities of Central Asia was not relevant. After the collapse of the Soviet Union, religious and territorial disputes in Central Asia led to ethnic conflicts.

Keywords: Asia, Mongolia, ethnicity, nationality, USSR, Russia.

Центральная Азия – колыбель всего человечества. Сегодня основное население Центральной Азии говорит на алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языках. Они распространились от Каспийского моря до западной окраины Монголии и от Урала до Афганистана. В течении многих столетий в этой зоне проживают сотни этнических групп, что находит отражение в их политической и общественной жизни. Более 69 млн человек проживают на площади 4 млн км². В советское время проблема национальностей Центральной Азии не была актуальной. После распада Советского Союза религиозные и территориальные споры в Центральной Азии привели к этническим конфликтам. Можно утверждать, что межэтнические правовые отношения и способы решения нациями проблем не были испытаны на практике. Однако конституции стран Центрально-Азиатского региона не допускают разделения различных национальностей и этнических групп, международная критика сепаратистской деятельности недопустима и строго пресекается. В некоторых странах считается более эффективным решать проблему этнических меньшинств силой. Для стран Центральной Азии стабильность считается наиболее важной, что также связано с их строгой политикой в отношении этнических групп. Центральная Азия – это арена соперничества великих держав и большое пространство, где могут возникать межэтнические конфликты.

Этнические меньшинства в Афганистане и штатах, расположенных вдоль Ферганской долины, поднимали бунт. Например, во время Киргизской революции в 2010 г. произошли столкновения между киргизами и узбеками вблизи Ферганской долины на юге Кыргызстана, а в Афганистане часто происходят конфликты между хазарейцами, пуштунами, таджиками и узбеками. Это указывает на то, что существует риск вооруженного конфликта между странами Центральной Азии, вызванного межэтническими конфликтами.

С 10 по 15 октября 2010 г. в Джалал-Абаде и Оше Кыргызстана в результате крупномасштабного вооруженного столкновения между узбеками и киргизами погибло более 2000 человек, более 2000 получили ранения, более 400 были захвачены в заложники и более 80 тыс. узбеков были вынуждены покинуть свои родные края. Большинство убитых были узбеками по национальности. Администрация Кыргызстана пыталась урегулировать ситуацию путем направления военной техники, но ситуацию невозможно было контролировать, и Российская Федерация даже запросила военную мощь ОДКБ. Конфликт, возникший в то время, сохраняется до наших дней.

Не только в Кыргызстане, но и в других странах Центральной Азии этнические меньшинства составляют значительный процент населения. Около 15% населения Кыргызстана, около 14% населения Таджикистана, около 4% населения Туркменистана, около 3% населения Казахстана составляют узбеки, около 24% населения Казахстана и 5% населения Узбекистана – русские, около 4% – таджики и около 3% – казахи. Кроме того, 27% населения Афганистана, политическая ситуация в котором нестабильна, составляют таджики, а около 10% – узбеки. Доля наций в населении стран Центральной Азии показана в таблице 1.

Таблица 1

Доля наций в населении стран Центральной Азии (%)

Страны	Узбеки	Россияне	Таджики	Казахи	Туркмени	Киргизы	Афганстанцы Паштуны	другие
Кыргызстан	14,7	5,5	1,1	0,7	–	73,5	–	1,7 2
Таджикистан	13,8	0,17	84,3	0,01	0,20	0,80	–	1,5 2
Туркменистан	5	4	0,10	2,0	85	0,02	–	3,8 8
Казахстан	3,32	19,9 6	0,3	70,23	–	0,2	–	6,4 2
Узбекистан	80	5,5	4,5	2,5	1	1	–	5,5
Афганистан	9	–	27	–	2	–	42	20

В качестве причин межэтнических конфликтов выступают: распределение природных ресурсов, национализм, маргинализация / декриминация меньшинств, жизненные традиции. В Центральной Азии ведутся споры о том, кто должен быть доминирующим игроком в регионе. Казахстан, обладающий сильным экономическим потенциалом, считает себя лидером в регионе, в то время как Узбекистан и Туркменистан стараются придерживаться той же политики. Преследование этнических меньшинств в других странах может также приводить к конфликтам и беспорядкам. Со стороны международных организаций вводились определенные меры по решению проблем этнических меньшинств в Центральной Азии, которые не увенчались успехом. Так, они пытались переселить этнические меньшинства на свои земли, но люди не хотели покидать места, где они привыкли жить в течение многих лет. Например, казахи Монголии мигрировали по призыву Казахстана, но большинство из них вернулись.

Основной причиной межэтнических конфликтов является не исконный национализм, а конструкция этнического национализма государственными субъектами, будь то центральные или местные субъекты. Ник Мегоран придерживается точки зрения, что чисто этнических конфликтов не существует, есть только политические конфликты, которые принимают этнический аспект. Основной вопрос заключается в понимании государственного национализма – идеи о том, что регион должен быть разделен на несколько национальных государств, каждое из которых продвигает язык, интересы и культуру титульной этнической группы (например, казахи в Казахстане, кыргызы в Кыргызстане). Меньшинства иногда имеют свои собственные школы и культурные права, но им не хватает политических прав, и они легко становятся объектами дискриминации. Узбекский ученый Валерий Хан называет это “титульной этничностью”. Подобная “титульная этническая принадлежность” создает напряженность, которая при определенных условиях может привести к насилию. Например, наихудший этнический конфликт в регионе с 1991 г. произошел на юге Кыргызстана в 2010 г. Это произошло на фоне снижения уровня бедности и возникновения вакуума власти.

Алишер Хамидов отмечает, что по мнению многих граждан Кыргызстана, этнических конфликтов можно избежать в том случае, если титульная этническая группа твердо и уверенно установит свое превосходство в политической и экономической сферах. Как сказал один видный кыргызский политик, «в доме нужен хозяин, если хозяина нет, все будут ссориться». Власти порой не могут брать на себя такую ответственность, что позволяет шовинистическим группам и средствам массовой информации свободно распространять материалы, содержащие фанатизм. Власти также мало что делают в вопросе примирения после произошедших этнических конфликтов. По словам одного наблюдателя, вместо того, чтобы беспристрастно и решительно справляться с наследием конфликтов, правительственные меры советского стиля заключались в том, чтобы попытаться сгладить неприятные события под ковром и выдвинуть мантру о «дружбе народов». Эту стратегию, которая носит официальное название – деполитизация этнических проблем, эксперты считают ошибочной, и она напоминает ту же самую, которая была принята властями после июньского этнического конфликта 1990 г.

Люди, сообщества и государство играют важную роль в профилактике подобного рода конфликтов. СМИ играют особую роль. Если массмедиа постоянно представляют меньшинства как угрозу, они питают ксенофобию и повышают вероятность насилия на этнической почве. Общественные механизмы могут быть очень эффективными и часто работают для предотвращения или прекращения насилия. Их могут возглавлять харизматичные или влиятельные люди с хорошими контактами, которые могут способствовать миру. Но государство должно быть готово вмешаться и защитить уязвимые меньшинства в моменты, когда эти механизмы не работают. В июне 2010 г. кыргызское государство не смогло предотвратить насилие в отношении узбекских меньшинств, в то время как узбекские власти решительно вмешались, чтобы защитить кыргызские меньшинства в Узбекистане от атак на почве мести.

Джон Хизершоу придерживается мнения о том, что «наилучшие меры по укреплению мира – это местные и практические, а не масштабные международные стратегии. Исследования таких ученых, как Джолдон Кутманалиев, Аксана Исмаилбекова, Абылабек Аксонов, Ник Мегоран, Мадлен Ривз, Морган Лью и Алишер Хамидов показали, что местные общины, где межэтнические связи крепкие, а напряженность не разжигается «политическими» игроками, – это место, где конфликты менее распространены или могут быть снижены. Поэтому необходимо деловое сотрудничество, а также межэтнические браки между этническими общинами, которые должны быть защищены и поощряться местными элитами, которые отстаивают права и благополучие меньшинств. Иногда центральное правительство может поощрять эти вещи, но в большинстве случаев оно только ухудшает ситуацию. В целом, развитие и улучшение этнических проблем и межэтнических отношений в Центральной Азии является сложной задачей для каждой страны.

Литература:

Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. “Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2011–2015 гг.”. Бишкек, 2016.

Токтосунова Э. С. Специфика политических процессов в условиях системной трансформации (на примере Кыргызстана) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 4. С. 241–254.

Трагедия в Киргизии: счет погибшим идет на тысячи [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kp.ru/daily/24505/657680/> (дата обращения: 03.04.2022).

"Kyrgyzstan: Widening Ethnic Divisions in the South" International Crisis Group. Brussels. 29 April 2012. Archived from the original (Report) on 24 November 2013. Retrieved 15 November 2013.

Христофоров Василий Степанович
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия
xvsarhiv@rambler.ru

**РОССИЯ, СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АФГАНИСТАН
В НОВОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ,
НОВЫЕ РИСКИ И «ОКНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ»**

На основе имеющихся материалов на русском и дари языках анализируются условия прихода к власти в Афганистане движения «Талибан», отношения России и стран Центральной Азии к событиям в Афганистане после смены там власти, исследуется позиция названных стран по поводу официального признания талибов на международной арене. Рассматриваются возможные риски распространения нестабильности для стран Центральной Азии, а также общественно-социальные проблемы в них: понижение уровня жизни и расслоение населения, рост число бедных и безработных, особенно среди молодежи, отсутствие социальных лифтов, вывод национальными элитами своих доходов за рубеж, проблемы транзита власти. Отмечается, что угроза для распространения нестабильности в странах Центральной Азии – не приход талибов к власти в Афганистане, а проникновение в общественное сознание идей талибов, превращение талибов из экстремистов и террористов в героев, стремящихся создать справедливое и праведное общество. Примером проявления подобной нестабильности стал Казахстан в начале 2022 г.

Ключевые слова: Афганистан, талибы, Россия, Центральная Азия, Казахстан.

Khristoforov Vasily Stepanovich
Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Doctor of Sciences in Law
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

**RUSSIA, CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND AFGHANISTAN
IN THE NEW GEOPOLITICAL LANDSCAPE: PROSPECTS FOR COOPERATION,
NEW RISKS AND «WINDOWS OF OPPORTUNITY»**

Based on the available materials in Russian and Dari, the conditions of the Taliban movement coming to power in Afghanistan, the relations of Russia and the Central Asian countries to the events in Afghanistan after the change of power there are analyzed, the position of these countries on the official recognition of the Taliban in the international arena is investigated. The possible risks of spreading instability for the Central Asian countries are considered, as well as socio-social problems in them: a decrease in the standard of living and stratification of the population, an increase in the number of poor and unemployed, especially among young people, the lack of social elevators, the withdrawal of national elites of their incomes abroad, problems of transit of power. It is noted that the threat to the spread of instability in Central Asian countries is not the arrival of the Taliban to power in Afghanistan, but the penetration of Taliban ideas into the public consciousness, the transformation of the Taliban from extremists and terrorists into heroes striving to create a just and righteous society. An example of such instability was Kazakhstan in early 2022.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Russia, Central Asia, Kazakhstan.

Используя благоприятную ситуацию вывода американских войск, талибы, начиная с мая 2021 г., постепенно расширили зону своего влияния, и в результате 15 августа заняли Кабул. Афганские вооруженные силы практически без боя сдали свои позиции, передав талибам весь арсенал оружия и боеприпасов, которым их вооружали в течение 20 лет американцы, что, по мнению экспертов, создает угрозы для сопредельных стран Центральной Азии и превращает регион в арену «большой игры» (kyrgyzstan-konferentsiya-afghanistan-ugrozy.html). Приход талибов к власти в Афганистане стал возможным из-за не-

способности афганских элит к компромиссам и их неспособностью к полноценному самостоятельному государственному строительству.

История появления на военно-политической сцене движения «Талибан» и конфликт 1996–2001 гг. детально исследованы в целом ряде работ (Белокриницкий, Сикоев: 2014; Рашид: 2003; Христофоров: 2016; Abdul Salam Zaeef: 2010; Steve Coll: 2004). Текущая ситуация анализируется в различных статьях и по вполне понятным причинам не имеет сформированного корпуса историографии и устоявшихся подходов к анализу ситуации. Одним из основных подходов является взгляд на афганские реалии с точки зрения угроз для международной и региональной безопасности, а также устойчивого развития стран Центральной Азии.

Целью нашей статьи является анализ отношения России и стран Центральной Азии к происходящему в Афганистане после «второго пришествия» талибов и факту официального признания режима талибов, а также обзор перспектив сотрудничества и рисков стабильности в регионе.

«Талибан 2.0» на международной арене. Первоочередной задачей талибов, закрепившихся в Кабуле, является получение официального признания странами, которые относятся к талибам (по их же словам) «максимально отлично» – Китаем, Россией и Пакистаном (Эксперт: талибы ждут признания: 2021). Однако международное сообщество не торопится с признанием талибов, ожидая, когда они выполнят свои обещания: сформируют инклюзивное правительство, обеспечат безопасность в стране и права всех групп населения, включая женщин, будут эффективно бороться с терроризмом.

Однако, не получив официального признания, талибы, на государственном уровне и посредством духовенства стали убеждать местное население в том, что Афганистан – по-прежнему является «осажденной крепостью», к которой враждебно настроено внешнее окружение. Одновременно талибы фактически шантажируют мировое сообщество, утверждая, что непризнание их как полноценных субъектов международного права создаст проблемы не только в Афганистане, но и в других странах региона.

Формируя образ «внешнего врага», талибы утверждают, что США и страны НАТО, потерпев поражение в Афганистане, оказывают на них экономическое давление (заморозка активов и санкции) и политический прессинг (не выполняют Дохийское соглашение, стремятся дискредитировать движение «Талибан»). Особую активность в подобной пропаганде проявляет лидер «Исламской партии Афганистана» Гульбеддин Хекматъяр, который регулярно во время пятничных проповедей осуждает врагов Афганистана, критикует иностранные государства (США, страны НАТО и даже Иран) за непризнание режима талибов, предостерегает талибов не поддаваться давлению иностранцев и не соглашаться на формирование инклюзивного правительства, что может привести во власть «вражеских агентов». В эту враждебную пропагандистскую риторику включен и религиозный аспект: талибы утверждают, что «враги ислама» вносят раскол между суннитами и шиитами. В мечетях звучат призывы быть бдительными, не доверять неверным, так как они стремятся посеять раздор между мусульман.

На региональном уровне местные талибы нередко насаждают исламскую культуру, опережая указания Кабула. Так, в провинции Урузган хатибам проповедникам мечетей предписано контролировать совершение намаза, наказывать лиц, не проявляющих усердия. В провинциях Балх и Логар рекомендовано совершать намаз коллективно в мечетях. В провинции Гор введены наказания за отсутствие бороды и прослушивание музыки. Часть местных жителей приветствует нововведения талибов, говоря, что Афганистан – исламская страна, другие опасаются, что за несоблюдение «рекомендаций» последуют жесткие наказания (<https://8am.af/new-taliban-order-in-logar-fifty-prayers-should-be-offered-in-congregation-and-mosque>).

Официальная позиция России по отношению к талибам заключается в том, что необходимо поддерживать с ними контакты, но не спешить с официальным признанием, подталкивать талибов к поиску компромисса со всеми политическими силами в Афганистане. В Москве убеждены, что с приходом талибов к власти террористическая угроза кардинально не изменилась, а дестабилизация ситуации в Афганистане приведет к новому витку гражданской войны, гуманитарной катастрофе, голоду и обнищанию населения, росту смертности. По мнению Президента России В. В. Путина, решение об исключении талибов из списка террористических организаций и их официальное признание должно приниматься солидарно на уровне ООН и исходить из реалий (Путин: Центральной Азии необходимо оказать помощь: 2021).

Очевидно, что возросли риски экспорта терроризма из Афганистана в страны ОДКБ. По мнению, заместителя министра иностранных дел России О. Сыромолотова, террористические организации рас-

смаатривают приход талибов к власти в Афганистане как победу радикализма. В информационном пространстве нарастили свою подрывную деятельность различные радикальные группировки, которые рассматривают Афганистан как еще одну площадку для создания фундаменталистского государства и призывают своих сторонников повторить этот успех на территории других стран (МИД РФ: Террористы рассматривают приход талибов: 2021).

В странах Центральной Азии существует целый комплекс общественно-социальных проблем: понижение уровня жизни, отсутствие социальных лифтов, расслоение населения, национальные элиты выводят свои доходы за рубеж, растет число бедных и безработных, особенно среди молодежи, все это приводит к дестабилизирующим последствиям в условиях практически несменяемой власти. Специфика политической системы государств также формирует питательную почву для развития протестного потенциала и настроений населения в странах региона, возникновения системного социального и политического внутреннего кризиса. Идеи талибов о построении справедливого общества на шариатских основаниях могут найти благодатную почву в странах Центральной Азии (Бегство США из Афганистана: 2021; Кто станет следующей целью: 2021).

Необходимо отметить, что Россия и практически все страны Центральной Азии (кроме Таджикистана¹) поддерживают контакты с талибами, оказывают гуманитарную помощь афганскому населению и говорят о том, что признание талибов должно происходить консолидированно. Однако контакты с талибами – не повод популяризировать их идеологию и методы управления обществом. Необходимо подчеркнуть, что угроза для Центральной Азии – не приход талибов к власти в Афганистане, а проникновение в общественное сознание идей талибов, превращение талибов из экстремистов и террористов в героев, стремящихся создать справедливое и праведное общество.

Примером проявления подобной нестабильности стал Казахстан, где в начале января 2022 г. в ряде городов прошли массовые протесты, поводом для которых стало двукратное повышение цен на сжиженный газ. Основными чертами протестов явились их широкая география, ожесточенность протестующих и вялая реакция силовиков. Протесты в Казахстане стали попыткой совершения «цветной революции», в которой участвовали как внутренние, так и внешние акторы. Для обеспечения стабильности в Казахстане в страну на короткий срок были введены войска стран-участниц ОДКБ.

Выводы. Признание талибов на международной арене зависит от создания ими инклюзивного правительства, обеспечения фундаментальных прав человека, проведения политики добрососедства, борьбы с терроризмом и наркотрафиком.

Эффективность действий Москвы на афганском направлении во многом зависит от возможности влияния на талибов, оказывая им содействие в урегулировании межэтнического конфликта и посреднические дипломатические услуги на международной арене, в том числе в ООН, содействия в восстановлении экономики и инфраструктуры, инвестиций в разработку природных ресурсов и сферу образования.

Проект «Исламский эмират Афганистан» таит в себе риски распространения нестабильности для стран Центральной Азии, так как в мусульманском сообществе ряда государств существует запрос на появление нового исламского центра силы, который опирался бы не на идеологию салафизма, а на традиционные для большинства мусульман стран Центральной Азии мазхабы, выступал бы за построение шариатского государства, обеспечил бы социальную справедливость под началом настоящего правителя-мусульманина, а не светской национальной власти, которая демонстрирует свою неспособность решить базовые социально-экономические и политические проблемы центральноазиатских обществ.

Литература:

Бегство США из Афганистана поставило под удар ЦА и Россию [Электронный ресурс] // URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211121/mid-iran-usa-afghanistan-central-asia-1043676710.html> (дата обращения: 03.01.2022).

Белокриницкий В., Сикоев Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 2016 с.

¹ Таджикистан выступает против признания талибов, требуя создания инклюзивного правительства и прекращения преследования таджиков.

Путин: Центральной Азии необходимо оказать помощь на фоне афганских проблем [Электронный ресурс] // URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211118/putin-central-asia-afghanistan-pomoshch-1043628627.html> (дата обращения: 03.01.2022).

МИД РФ: Террористы рассматривают приход талибов к власти как победу радикализма [Электронный ресурс] // URL: <https://afghanistan.ru/doc/147532.html> (дата обращения: 05.01.2022).

Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион – Русская книга, 2003. 368 с.

Христофоров В. С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 439–495.

Эксперт: талибы ждут признания прежде всего от трех стран [Электронный ресурс] // URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210903/taliby-1748609966.html> (дата обращения: 06.11.2021).

Abdul Salam Zaeef. My life with the Taliban. Hurst & Co Publishers, 2010.

Steve Coll. Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001. Penguin Press, 2004.

kyrgyzstan-konferentsiya-afganistan-ugrozy.html // URL: <https://ru.sputnik.kg> (дата обращения: 28.12.2021).

Кто станет следующей целью глобального джихада после Афганистана? [Электронный ресурс] // URL: <https://inosmi.ru/politic/20210831/250410854.html> (дата обращения: 01.12.2021).

افغانستان که گویند می و کنند می استقبال لوگر منکر از نهی و معروف به امر ریاست اقدام این از علمپل گان باشند از برخی حال همین در [Электронный ресурс] // URL: <https://8am.af/new-taliban-order-in-logar-fifty-prayers-should-be-offered-in-congregation-and-mosque/> (дата обращения: 03.01.2022).

Жанакеева Анаркуль Тологоновна
кандидат исторических наук
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызская Республика
zhanakeeva@list.ru

О КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается кыргызско-российское сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере. Автор на конкретных примерах освещает основные направления двустороннего сотрудничества. В качестве приоритетных направлений сотрудничества выделены образование, наука и культура, укрепление позиций русского языка в Кыргызстане. В контексте рассматриваемых проблем освещены межвузовское сотрудничество, научные связи, положение и роль русского языка в республике, культурные взаимосвязи.

Ключевые слова: сотрудничество, образование, научные исследования, культурные связи.

Zhanakeeva Anarkul Tologonovna
Candidate of Sciences in History
J. Balasagun Kyrgyz National University
Bishkek, Kyrgyz Republic

TO KYRGYZ-RUSSIAN RELATIONS IN THE CULTURAL-HUMANITARIAN SPHERE AT THE PRESENT STAGE

The article reveals the Kyrgyz-Russian cooperation in the cultural-humanitarian sphere. The author highlights the main areas of bilateral cooperation on concrete examples. Education, science and culture, strengthening the position of the Russian language in Kyrgyzstan were identified as priority areas of cooperation. In the context of the problems under consideration, interuniversity cooperation, scientific ties, the position and role of the Russian language in the republic, cultural relationships are highlighted.

Keywords: cooperation, education, scientific research, cultural connections.

Укрепление и дальнейшее развитие отношений с Россией в культурно-гуманитарной сфере – один из главных внешнеполитических приоритетов Кыргызстана. Опыт последних лет показал устойчивость и стабильность кыргызско-российских взаимосвязей, что вселяет уверенность в их дальнейшем укреплении и эффективном развитии. Фактором, содействующим этому, является общее историческое прошлое народов бывшего СССР, исторически объединенных тесными духовными, культурными связями. Это обстоятельство во многом предопределило приоритет культурно-гуманитарного сотрудничества в интеграционных процессах между двумя странами.

Кыргызско-российские связи в культурно-гуманитарной сфере осуществляются на основе межправительственных соглашений «О сотрудничестве в области культуры, науки и образования» от 27 марта 1995 г. и «О сотрудничестве в гуманитарной сфере» от 5 апреля 2012 г. и носят в целом активный характер. К числу приоритетных направлений двусторонних взаимосвязей относится сотрудничество в сфере образования. Базовым учебным учреждением русскоязычного образования в Кыргызстане является открытый в 1993 г. Кыргызско-Российский Славянский университет. В республике также с 1997 г. функционирует Кыргызско-Российская академия образования. Многие вузы Кыргызстана тесно взаимодействуют с российскими вузами. Договоры о межвузовском сотрудничестве заключены между 21 российским и 10 кыргызстанскими университетами. Успешно функционирует созданный в 2013 г. на основе межправительственного соглашения Российско-Кыргызский консорциум технических университетов (Шепеленко 2019).

Главными направлениями межвузовского сотрудничества являются обмен преподавателями и студентами, организация совместных научных исследований, публикация научных работ и проведение

научных конференций. Важным элементом двустороннего сотрудничества в сфере образования является подготовка кадров в российских вузах. Правительство России ежегодно выделяет квоты для зачисления кыргызских абитуриентов на бюджетное обучение в образовательных учреждениях Российской Федерации. Так, в 2021–2022 учебном году на бесплатное обучение в вузах России для кыргызстанцев было выделено 445 целевых квот. В настоящее время в российских вузах обучаются свыше 15 тыс. студентов из Кыргызстана, в том числе 6567 – за счет российского бюджета (Культурно-гуманитарное сотрудничество). Расширяются также возможности получения высшего образования по российским образовательным стандартам непосредственно на территории Кыргызстана. В рамках сотрудничества в республике действуют филиалы ряда российских университетов.

Стратегическое значение в рамках межгосударственного взаимодействия имеет укрепление положения русского языка в республике и одновременно обеспечение гармонизации отношений русского с кыргызским языком. Статус русского языка в Кыргызстане закреплён в действующей Конституции республики как языка межнационального общения и употребляется в качестве официального. В Кыргызстане на сегодня имеется 200 школ с обучением на русском языке, 414 – на русском и кыргызском языках (Посольство...). В сентябре 2019 г. в Бишкеке была открыта общеобразовательная школа на 950 мест, построенная на средства «Газпрома». Прорабатывается вопрос строительства российской стороны других общеобразовательных школ с русским языком обучения в Кыргызстане. Ежегодно по линии Федеральной целевой программы Российской Федерации «Русский язык» в учебные заведения Кыргызстана передаются учебные и учебно-методические пособия, художественная литература на русском языке.

Базовой основой для развития научных связей является Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Российской академией наук (РАН) и Национальной академией наук Кыргызской Республики (НАН КР), подписанное в 2003 г. В рамках соглашения осуществляется обмен учеными, включая участников семинаров, симпозиумов и конференций, на бесплатной основе публикуются научные работы. Одновременно кыргызские ученые имеют возможность ознакомиться с научными исследованиями российских коллег.

В окрестностях Бишкека действует научная станция РАН и Международный научно-исследовательский центр – геодинамический полигон, осуществляющий электромагнитные и сейсмические наблюдения. Коллективом ученых России и Кыргызстана под руководством академика РАН Н. П. Лаверова были разработаны и выполнены научные программы МНИЦ-ГП (2000–2005 гг. и 2007–2012 гг.) «Геодинамика и геоэкологические проблемы высокогорного Тянь-Шаня» (Научная станция...). Примерами плодотворного научного сотрудничества НАН КР с Сибирским отделением РАН (СО РАН) являются совместные работы с Объединенным институтом геологии, геофизики и минералогии по проблемам изучения и развития оползневых процессов, с Институтом археологии и этнографии в виде совместного участия в экспедициях, с Центральным Ботаническим садом СО РАН по селекционной работе и внедрению устойчивых районированных видов древесных и кустарных растений и др. (Жоробекова 2008: 24).

Большое значение для укрепления духовных связей народов Кыргызстана и России имеет сотрудничество в сфере культуры. Между двумя государствами выработаны многосторонние механизмы культурного сотрудничества, одной из важных форм которого является организация разнообразных культурных праздников, фестивалей, художественных выставок, дней, годов двух стран и др. Так, в рамках празднования 25-летия установления двусторонних дипломатических отношений в июне 2017 г. были проведены масштабные мероприятия – Дни культуры Кыргызской Республики в городах Москва, Казань и Уфа (в Москве...). Важным событием в культурной жизни двух стран стало проведение в 2020 г. перекрестного года Кыргызстана в России и России в Кыргызстане, что стало первым опытом в странах СНГ. В рамках перекрестного года были проведены взаимные гастроли творческих коллективов, организованы художественные и туристические выставки, различные форумы, конференции (Киргизско-российские отношения). Среди наиболее значимых культурных акций 2021 г. следует выделить Дни культуры России в Кыргызстане, Дни российского кино, гастроли театров и музыкальных коллективов, художественные и фотовыставки. Эти мероприятия способствовали укреплению духовного единства наших народов, ознакомлению кыргызской общественности с культурой и традициями народов России.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что за тридцатилетний период кыргызско-российского сотрудничества была проделана значительная работа, направленная на развитие и укрепление друже-

ских связей между двумя странами в культурно-гуманитарной сфере. Сегодня культурно-гуманитарное сотрудничество Кыргызстана и России выходит на новые рубежи, охватывает все новые направления и формы. В связи с этим необходимо вывести двустороннее взаимодействие в культурно-гуманитарной сфере на качественно новый уровень, что будет способствовать углублению сотрудничества, духовному сближению, продвижению межкультурного диалога в интересах народов двух стран.

Литература:

В Москве открылись Дни культуры Кыргызстана в России [Электронный ресурс] // URL: <https://rus.azattyk.org> (дата обращения: 21.03.2022).

Жоробекова Ш. Ж. Интеграция и перспективы сотрудничества Национальной академии наук Кыргызской Республики с Академиями наук стран – участниц СНГ и членов ЕвразЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. СПб., 2008. № 4. С. 22–26.

Киргизско-российские отношения [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.m.wikipedia.org> (дата обращения: 21.03.2022).

Культурно-гуманитарное сотрудничество [Электронный ресурс] // URL: <https://mfa.gov.kg> (дата обращения: 21.03.2022).

Научная станция Российской академии наук [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gdirc.ru> (дата обращения: 21.03.2022).

Посольство Кыргызской Республики в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://mfa.gov.kg> (дата обращения: 21.03.2022).

Шепеленко А. Кыргызстан – Россия: за общее образовательное пространство // Слово Кыргызстана. Бишкек, 2019. 29 марта.

Авирмэд Даваасүрэн
доктор экономических наук
Институт международных исследований Академии наук Монголии
Улан-Батор, Монголия
davaasuren13@yahoo.com

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОНГОЛО-РОССИЙСКОГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (1990–2020 гг.)

В статье освещаются основополагающие документы для развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества между Россией и Монголией в условиях рынка, показана динамика торгового оборота между двумя странами, выявлен характер его состояния и названы причины его снижения, отмечается прямая зависимость Монголии от импортных нефтепродуктов и определенных продуктов питания из России, дан анализ инвестиционного сотрудничества между нашими странами. В структуре прямых иностранных инвестиций в экономику Монголии мизерную долю занимают прямые инвестиции из России, затронут вопрос строительства газопровода из России в Китай через территорию Монголии, который имеет решающую роль в создании и развитии совершенно новой подотрасли по газораспределению и газоснабжению, сделан прогноз транзитного дохода от газопровода на экономику Монголии по трем вариантам, описаны новые возможности в экономике Монголии, обусловленные доходом от газопровода.

Ключевые слова: Россия, Монголия, торгово-экономические отношения, прямые инвестиции, газопровод, транзитный доход.

Avirmed Davaasuren
Doctor of Sciences in Economics
Institute of International Studies of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MONGOLIAN-RUSSIAN TRADE AND ECONOMIC COOPERATION (1990–2020)

The paper deals with the fundamental documents for the development of bilateral trade and economic cooperation between Russia and Mongolia in market conditions, the dynamics of trade turnover between our two countries, the nature of its condition and the reasons for its decline, Mongolia's direct dependence on imported oil products and certain food products from Russia, analysis of investment cooperation between our countries. Direct investment from Russia takes a tiny share in the structure of foreign direct investment in the economy of Mongolia, the issue of building a gas pipeline from Russia to China through the territory of Mongolia, which has a decisive role in the creation and development a completely new sub-sector in gas distribution and gas supply is considered. The author makes a forecast of transit income from the gas pipeline to the economy of Mongolia according to three options, describes new opportunities in the economy of Mongolia from the transit income of the gas pipeline.

Keywords: Russia, Mongolia, trade and economic relations, direct investment, gas pipeline, transit income.

Начиная с 1990 г. Монголия и Россия две страны начали осуществить переход от централизованно-планируемой экономической системы к экономике свободного рынка и от однопартийной или авторитарной политической системы к демократическому обществу. Это заставило развивать двусторонние отношения на основе нового содержания, форм и новых принципов. С этой целью был подписан «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и Россией» во время официального визита первого президента Монголии П. Очирбата в Россию 19–22 января 1993 г., который является основополагающим правовым документом для развития всесторонних отношений между двумя странами в условиях рынка. В ходе первого официального визита президента России Владимира Путина в Монголию 13–14 ноября 2000 г. подписана «Улан-Баторская декларация», которая

заложила политическую основу для взаимовыгодного сотрудничества. В. В. Путин подчеркнул, что «Монголия занимает особое место в приоритетах внешней политики России» (Выступление...).

В условиях рыночного функционирования в 1990–2020 гг. всесторонние отношения между Монголией и Россией имели, скорее, политический и геополитический характер, нежели торгово-экономический. Основной причиной этого стал разрыв интеграционных (экономические, товарно-снабженческие, торгово-производственные, технологические, финансовые и трудовые) связей между странами-членами СЭВ в период социализма. В результате пострадали обе страны из-за закрытия российских перерабатывающих предприятий, которые раньше ориентировались на использование импортного монгольского горнодобывающего и животноводческого сырья.

С другой стороны, в рамках режима наибольшего благоприятствования ранее так называемого Таможенного союза, нынешнего Евразийского экономического союза (Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия) Монголия была включена в список развивающихся стран, которым предоставляют 75% от единой ставки таможенных пошлин общей преференции. Введение этих таможенных пошлин в зависимости от уровня обработки экспортных товаров монгольского происхождения сокращает объем товарооборота между двумя странами. В результате вышеперечисленных факторов по состоянию на 2020 г. доля России во внешнеторговом обороте Монголии составляет 11,3%, экспорта – 0,8%, импорта – 26,4%, показатели которых с каждым годом снижаются.

Таблица 1

Динамика товарооборота между Монголией и Россией
(млн долл. США)

год	товарооборот	экспорт	импорт	сальдо
2005	445,2	27,2	417,9	-390,7
2006	592,9	45,1	547,8	-502,7
2007	803,5	58,5	745,0	-686,5
2008	1328,6	86,3	1242,3	-1156,0
2009	841,0	68,2	772,8	-704,6
2010	1129,4	82,7	1046,7	-964,0
2011	1721,0	96,3	1624,7	-1528,4
2012	1927,0	79,6	1847,4	-1767,8
2013	1623,6	61,8	1561,9	-1500,1
2014	1610,9	61,6	1549,3	-1487,7
2015	1097,9	76,9	1021,0	-944,1
2016	936,2	55,8	880,4	-824,6
2017	1284,9	67,7	1217,3	-1149,6
2018	1796,3	85,9	1710,3	-1624,4
2019	1798,0	68,1	1729,9	-1661,8
2020	1457,2	57,3	1400,0	-1342,7

Источник: Ежегодный статистический сборник Статистического управления Монголии, 2005–2020 гг.

Таблица 1 демонстрирует, что динамика товарооборота между нашими двумя странами имеет нестабильный и убывающий характер, а объем импорта из России имеет тенденцию к увеличению. Это связано с изменением динамики спроса на товары и сырье на мировом рынке, меняются цены и тарифы внутреннем рынке Монголии. Иными словами, Монголия находится в прямой зависимости от импортных нефтепродуктов и определенных продуктов питания из России.

Другим важным показателем, определяющим масштаб торгово-экономического взаимодействия между Монголией и Россией является инвестиционное сотрудничество между нашими странами. С 1990 г. в экономику Монголии поступило в общей сложности 26582,8 млн долларов прямых иностранных инвестиций. Из них в период 1990–2004 гг. они составили 1120,9 млн долларов, а в период 2005–2019 гг. — 26582,8 млн доллара. Тогда в 1990–2019 гг. поступило всего 397,2 млрдолларов в виде прямых инвестиций из России в Монголию. В начале переходного периода в структуре иностранных

инвестиций Монголии российские прямые инвестиции занимали 3,3%, в 2019 г. 1,2%. Это свидетельствует о снижении деловой активности россиян в монгольской экономике.

Таблица 2

Объем прямых инвестиций из России в экономику Монголии

(млн долларов США)

год	объем прямых инвестиций Монголии	объем прямых инвестиций из России	доля в общем объеме, %
1990–2004	1120,9	37,2	3,3
2005	316,8	7,5	2,4
2006	366,5	11,7	3,2
2007	499,9	39,8	8,0
2008	708,9	3,8	0,5
2009	801,1	6,1	0,8
2010	1025,9	2,3	0,2
2011	4986,0	58,0	1,2
2012	3198,7	129,6	4,1
2013	1219,0	2,1	0,2
2014	1988,2	2,8	0,1
2015	1394,6	9,8	0,7
2016	1458,4	4,2	0,3
2017	1996,1	30,2	1,5
2018	2644,1	18,0	0,7
2019	2857,7	34,2	1,2
Итого	26582,8	397,2	100,0

Источник: Статистика департамента иностранных инвестиций Агентства Национального развития Монголии, 2019 г.

Из таблицы 2 видно, что после мирового экономического кризиса с резким ростом мировых цен на сырьевые товары в 2010–2013 гг. увеличился объем прямых иностранных инвестиций в Монголию, что привело к росту инвестиций из России. Сегодня доля России в общем объеме иностранных инвестиций составляет 0,5–1%, что свидетельствует об ухудшении инвестиционного сотрудничества двух стран. Кроме того, к этому привела продажа монгольской стороне в 2016 г. принадлежащих российской стороне 49% доли акций горно-обогатительной фабрики «Эрдэнэт», являющейся символом дружбы двух стран. На продажу этих акций повлияли, скорее, политические или геополитические факторы, нежели экономические. Таким образом, интересы России в Монголии уменьшились, за исключением акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога».

Таблица 3

Доля компаний с российскими инвестициями в общем объеме компаний ПИИ в Монголии (в %)

год	количество компаний ПИИ в Монголии	количество компаний с российскими инвестициями	доля в общем объеме
1990–2004	3696	433	11,72
2005	971	54	5,56

2006	1506	105	6,97
2007	1611	72	4,47
2008	1551	51	3,29
2009	614	37	6,03
2010	791	20	2,53
2011	964	35	3,63
2012	796	22	2,76
2013	381	14	3,67
2014	336	10	2,98
2015	298	10	3,36
2016	284	10	3,52
2017	407	10	2,46
2018	486	13	2,67
2019	233	6	2,58
Итого	14925	902	6,04

Источник: Статистика Департамента иностранных инвестиций Агентства национального развития Монголии, 2019 г.

В 1990–2019 гг. в Монголии было зарегистрировано 14925 компаний с иностранными инвестициями. Из них 878 компаний с российскими инвестициями или 6,2% общего числа компаний с прямыми иностранными инвестициями в Монголии.

В 2005–2019 гг. на российские компании приходилось 6,04% всех компаний с иностранными инвестициями, зарегистрированных в Монголии. Другими словами, сокращается количество компаний с российскими инвестициями за последние 12 лет. Следует отметить, что неуклонно сокращается количество компаний с российскими инвестициями, зарегистрированных в Монголии. Другими словами, снижается интерес российских людей в капиталовложении и ведении бизнеса в нашей стране.

На наш взгляд, место горно-обогатительной фабрики «Эрдэнэт» может занять газопровод из России в Китай через территорию Монголии, который будет решающим фактором продвижения торгово-экономического сотрудничества между Монголией и Россией.

Рис. 1. Схема газопровода из России в Китай через Монголию

В результате официального визита премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Россию в декабре 2019 г. был решен вопрос о строительстве газопровода из России в Китай через территорию Монголии после многолетних переговоров. ТЭО строительства этого газопровода окончательно было разработано специализированным предприятием «Газпром Союз-Восток» ОАО «Газпром» России, 25 января 2022 г. одобрено обеими сторонами. Этот газопровод с пропускной способностью 50 млрд м³ в год, с протяженностью маршрута 970 км идет вдоль Улан-Баторской железной дороги и пройдет через густонаселенные пункты, такие как Улан-Батор, Дархан, Сухэ-Батор, Зуунхараа, Зуунмод, Чойр, Сайншанд и Замын-Ууд.

Таблица 4

Прогноз транзитного дохода от газопровода на экономику Монголии
(долл США)

№	варианты	пропускная способность	транзитный тариф за 100 км, долл.	объем дохода в экономику Монголии, млн долл.
1	вариант А	50 млрд м ³	3,6	1746,000
2	вариант В	50 млрд м ³	2,6	1268,000
3	вариант С	50 млрд м ³	1,6	800,000

Примечание: Для расчета нами были использованы примеры средних транзитных тарифов газопровода из России в некоторые страны Европы.

В таблице 4 показано, что объем транзитного дохода от газопровода по территории Монголии рассчитан по трем вариантам. Если по варианту А транзитный тариф равен 3,6 долл за транспортировку 50 млрд м³ газа в год с протяженностью 100 км, то транзитный доход составит 1,7 млрд долл. Если по варианту В транзитный тариф равен 2,6 долл, то доход составит в 1,2 млрд долл, а по варианту С транзитный тариф равен 1,6 долл, доход составит 800,0 млн долл. Кроме того, для обеспечения нормальной и стабильной работы этого трубопровода предполагается создать около 12000 рабочих мест в Монголии.

Остается открытым вопрос ответвления газопровода, что позволит густонаселенным пунктам Монголии использовать природный газ для бытовых и промышленных целей. В результате этого в нашей экономике будет создана совершенно новая подотрасль по газораспределению и газоснабжению, что может способствовать снижению цен и тарифов на электрическую и тепловую энергию страны. Кроме того, строительство газопровода создаст условия для зарождения и развития таких отраслей экономики в Монголии, как химическая технология, черная и цветная металлургия, что приведет к росту объема ВВП примерно на 20%.

В заключение следует отметить, в торгово-экономических взаимодействиях России и Монголии зарождается совершенно новая форма сотрудничества – транспортировка природного газа. Доход от транзитного тарифа газопровода будет способствовать пополнению государственного бюджета Монголии, увеличению государственных инвестиций, снижению процентных ставок по банковским кредитам, созданию новых рабочих мест, повышению реальных доходов населения, сокращению бедности и станет дополнительным источником финансирования для осуществления мегапроектов, предусмотренных в рамках среднесрочных и долгосрочных стратегий развития Монголии до 2050 г.

Литература:

Выступление перед депутатами Великого государственного хурала Монголии [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21133> (дата обращения: 22.04.2022).

Батунаев Эдуард Владимирович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
batunaeveduard@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Статья посвящена анализу широкого спектра российско-монгольских отношений от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства. Определены перспективы развития двусторонних отношений, формирования и развития нового механизма сотрудничества. Несмотря на то, что российско-монгольские отношения на современном этапе носят многосторонний и комплексный характер, основываются на сотрудничестве в политической, торгово-экономической, инвестиционной, финансовой, образовательной, военно-технической, культурной сферах, все еще остается немало проблем, которые предстоит решить в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: Россия, Монголия, стратегическое партнерство, приграничное сотрудничество, торгово-экономические отношения.

Batunaev Eduard Vladimirovich
Candidate of Sciences in History
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of science
Ulan-Ude, Russia

MODERN RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS: IN SEARCH OF NEW PRIORITIES

The article is devoted to the analysis of a wide range of Russian-Mongolian relations from recession to an all-encompassing strategic partnership. Historically, Russian-Mongolian relations had a long, centuries-old history of friendship and good neighborliness, mutual assistance, and trade and economic ties. At the present stage, special attention is paid to the intensification and deepening of bilateral political, trade and economic relations, taking into account the changes in the international situation in East Asia and in the world as a whole. The prospects for the development of bilateral relations at the level of a comprehensive strategic partnership, the formation and development of a new mechanism of cooperation have been determined.

Keywords: Russia, Mongolia, strategic partnership, cross-border cooperation, trade and economic relations.

Россия и Монголия имеют давнюю многовековую историю, верные союзнические и добрососедские отношения, богатый исторический опыт политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений. Началом поворота внешнеполитического курса России в сторону Монголии стало подписание Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. Этот договор стал основополагающим в правовой системе отношений двух государств в новых исторических условиях. Важно отметить, что Россия и Монголия руководствовались в своих отношениях принципами уважения суверенитета и независимости, суверенного равенства, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, добрососедства, партнерства и сотрудничества. Россия и Монголия имеют общее видение в вопросах внешней безопасности и международных отношений. Они отражены в таких документах, как Концепция внешней политики (1994, 2011), Концепция национальной безопасности Монголии (1994, 2010), Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997, 2000) и Концепция внешней политики РФ (2000, 2008). Успешно развивая политические отношения с Россией, Монголия стремится последовательно придерживаться самостоятельной, открытой, многоопорной внешней политики. Освободившись от идеологических стереотипов и требований «согласованного внешнеполитического курса стран социалистического содружества», монгольская дипломатия активизировала отношения с США, Японией,

ЕС, Республикой Корея, Индией и Турцией. Именно в это время в Монголии появилось новое концептуальное понятие «третий сосед», под которым подразумевались сначала США, а затем страны Запада, Япония, имеющие значительный вес в мировой политике. В отношениях с ближайшими соседями – Россией и Китаем – Монголия проводит политику равноудаленности, стремится избежать «опасности» оказаться в зависимости от одной из этих великих держав. Однако симпатии многих ведущих политиков Монголии обращены в сторону России (Россия и Монголия 2011: 29).

Политическое взаимодействие двух стран благоприятствует развитию их сотрудничества в области культуры, науки, образования и гуманитарных связей. Традиционно эта сфера была плодотворной и охватывала широкие слои населения Монголии, особенно интеллигенцию. Важную роль в развитии двухсторонних и добрососедских отношений выполняют посольство РФ, торговые представительства, генконсульства, представительства российских фирм и организаций в Монголии. В Улан-Баторе успешно функционируют филиалы ряда известных российских вузов. Исторически тесные связи Россия и Монголия имеет в области военного сотрудничества. Ежегодно проводятся совместные российско-монгольские военные учения «Дархан» (2008–2010 гг.), «Селенга» (с 2011 г.) В учениях принимают участие более 1000 военнослужащих с обеих сторон и привлечением большого количества единиц боевой техники. Кроме того, Россия оказывает помощь в материально-техническом оснащении монгольских вооруженных сил.

Необходимо отметить, что свидетельством углубления и сотрудничества российско-монгольских отношений стала официальная встреча в 2014 г. двух президентов в г. Улан-Батор В.В. Путина и Ц. Элбэгдоржа по случаю 75-летия победы советско-монгольских войск на р. Халхин-Гол. В 2015 г. состоялся ответный визит президента Ц. Элбэгдоржа в Москву по приглашению президента РФ В. В. Путина для участия в торжественных мероприятиях 70-летия победы в Великой Отечественной войне. По итогам переговоров был подписан пакет документов. Одним из основных пунктов стали вопросы монголо-российских торгово-экономических отношений, в частности, намерение увеличить внешнеторговый оборот двух стран до 10 млрд долларов США к 2020 г. Особо следует выделить соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии (Базаров 2015:77).

В последние годы стало активно развиваться трехстороннее экономическое сотрудничество России, Монголии и Китая. 12 сентября 2014 г. в г. Душанбе на полях 14-го саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) состоялась встреча лидеров трех сопредельных государств России, Монголии и Китая. В 2015 г. на полях саммита ШОС в Уфе была утверждена «Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Монголией, Китайской Народной Республикой на среднесрочную перспективу».

В 2016 г. в Ташкенте состоялась трехсторонняя встреча лидеров России, Китая, Монголии. По итогам переговоров в присутствии глав государств подписаны Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Соглашение между Федеральной таможенной службой Российской Федерации, Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики и Главным таможенно-налоговым управлением Монголии о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении отдельных видов товаров.

В настоящее время политические отношения между Россией и Монголией существенно укрепились, встречи на высшем и высоком уровне приобрели регулярный характер, повысилась их результативность, подписан ряд документов долгосрочного, стратегического характера. 3 сентября 2019 г. состоялся официальный визит президента РФ В. В. Путина в Улан-Батор по случаю 80-летия победы над японо-маньчжурскими войсками р. Халхин-Гол. По итогам визита был подписан бессрочный Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве, который выводит двусторонние отношения на качественно новый уровень (<https://montsame.mn/ru/read/199582>). Кроме того, были подписаны 10 важнейших межправительственных соглашений в области борьбы с терроризмом, военно-технической области, энергетики, связи. Современные российско-монгольские отношения развиваются поступательно. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что существенными препятствиями на пути развития российско-монгольских являются дисбаланс во взаимной торговле, высокие таможенные пошлины и сборы, транспортные расходы, сложные бюрократические процедуры согласования, оформления деловых сделок, прохождения таможенного контроля, различные санитарно-ветеринарные ограничения на ряд монгольских экспортных товаров.

Таким образом, Монголия, занимающая важное геополитическое и геостратегическое положение в глубине азиатского континента, превращается в арену открытого и скрытого политического и экономического соперничества между Россией, Китаем, США, Японией, ЕС, Великобританией, Канадой, Южной Кореей и др. Монголия по запасам природных ресурсов входит в первую десятку стран мира. Вследствие этого, на наш взгляд, России необходимо перейти во многом от декларативного характера двухсторонних отношений к реальным шагам и интенсифицировать усилия в политической, торгово-экономической, образовательной и культурно-гуманитарных сферах. В настоящее время в связи с реализацией масштабных торгово-экономических проектов, таких как «Один пояс, один путь», реализуемых Китаем, трансграничные территории России и Монголии приобретают важное значение и перспективы для дальнейшего развития. Выгодное географическое положение Монголии и приграничных территорий России, находящихся в центре евразийского материка, позволяют использовать свои преимущества в качестве экономического коридора в транзитных перевозках, строительстве крупных терминалов и «свободных экономических зон».

Литература:

Базаров В. Б. Российско-монгольский политический диалог в постсоветский период // Известия Восточного института. 2015. № 3 (27). С. 73–79.

Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2011. 440 с.

Ариунбаяр Б. Монголия и Россия подписали новый договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве // Национальное Информационное агентство МОНЦАМЭ [Электронный ресурс] // URL: <https://montsame.mn/ru/read/199582> (дата обращения 15.12.2021).

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАЗАХСТАНА И МОНГОЛИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Вот уже более 30 лет Россия, Казахстан и Монголия развиваются по-разному, предпочитая отстаивать человеческие ценности, свободу и демократию. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивались страны, как они их преодолели и чего достигли. В случае России и Казахстана социально-экономические результаты были относительно высокими благодаря стабильной политике в области развития. Монголия является уникальной страной с очень нестабильной политикой развития, экономикой, зависящей от природных ресурсов, слабо развитой промышленностью, высоким уровнем безработицы и бедности.

Ключевые слова: социально-экономическая политика, уровень инфляции, уровень безработицы, индекс коррупции, ВВП, концепция.

Omboosuren Erdenechimeg

Ph.D

Institute of Philosophy

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

FEATURES OF THE DEVELOPMENT MODEL OF THE RUSSIAN FEDERATION, KAZAKHSTAN AND MONGOLIA IN THE EURASIAN REGION

Countries have developed differently for more than 30 years, choosing to uphold human values, freedoms, democracy, and a market economy. This is the reason the paper studies how Russia, Kazakhstan, and Mongolia have developed, what challenges they have overcome, and what they have achieved. In the case of Russia and Kazakhstan, the social and economic results have been relatively high due to stable development policies. Mongolia is a unique country with very unstable political and development policies, natural resource dependent economy, underdeveloped industries, with high unemployment and poverty.

Keywords: socio-economic policy, inflation rate, unemployment rate, corruption index, GDP, concept.

В 1990 г. Монголия выбрала путь развития свободы и демократии, уважения прав человека, являющихся ценностями человечества, встала на путь перехода к рыночной экономике и развивается в этом направлении более 30 лет. Данная статья представляет собой сопоставительное описание того, как наши соседи, развивающие страны Азии, преодолевали трудности перехода к новому строю, каких достижений они добились и с какими трудностями и проблемами им приходилось сталкиваться в этот период. В статье рассматриваются модели и особенности развития Российской Федерации, Казахстана и Монголии, находящихся на разных уровнях развития.

1. Особенности развития Российской Федерации

История современной России берет свое начало с момента распада СССР в 1990 г. В то время различные программы осуществления социально-экономических реформ были разработаны многочисленными группами реформаторов, но ни одна из этих программ не добилась существенных результатов, столкнувшись с трудностями. Однако после вступления В. Путина в должность Президента РФ в конце 1999 г. начала интенсивно осуществляться реформа укрепления государства, заметно активизировался процесс интеграции СНГ.

Таким образом, акцентируя внимание на приоритетных направлениях и определяя стратегические цели в конкретных областях, была сформирована стратегия развития страны. Например, социальная

программа приоритетных национальных проектов началась осуществляться с 2005 г. В состав этой программы входят приоритетные национальные проекты “Здоровье”, “Образование”, “Развитие агропромышленного комплекса” и “Жильё”, на их реализацию было планировано выделить 5 млрд американских долларов.

В 2006 г. была разработана и в 2008 г. утверждена “Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года”. В 2009 г. была утверждена “Энергетическая стратегия России на период до 2030 года”, в которой поставлены задачи максимально увеличить участие России в обеспечении международной энергетической безопасности путем увеличения экспорта электроэнергии и снизить зависимость экономики страны от продажи нефти и газа. В 2012 г. была разработана “Долгосрочная программа развития угольной промышленности России на период до 2030 года”. В результате успешной реализации данных программ и проектов внутренний валовой продукт на душу населения в 1999 г. составил 5914 \$ и в 2020 г. вырос до 10126 \$. Иными словами, с 1999 г. реальный ВВП вырос почти вдвое к 2019 г.

Уровень инфляции в 1999 г. достиг 72,4%, и в 2020 г. она была на уровне 0,896% (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?locations=RU>). Россия занимала 11-ое место в рейтинге экономик мира в 2019 и 2020 гг. Благодаря своевременной политике и успешной реализации вышеупомянутых социально-экономических программ и проектов Россия достигает существенных результатов, но наряду с реальными достижениями в стране до сих пор существуют многочисленные проблемы, требующие соответствующих решений. Результаты исследований, проведенных международной организацией “Transparency International”, показывают, что в течение последних 10 лет Россия занимает место после 100 из 180 стран в их рейтинге. Например, в индексе восприятия коррупции в 2012 г. Россия заняла 113-ое место, набрав 28 баллов, но в 2020 г. была на 129-ом месте, набрав 30 баллов (<https://transparency.mn/post/2020>), что является ярким доказательством того, что коррупция по-прежнему остается на очень высоком уровне в стране.

По данным исследования “Freedom House”, Россия набрала 48,71 баллов и заняла 150-ое место (<https://ratendel.com/economics/bednost-rossiya-statistika>) в индексе свободы средств массовой информации, и это свидетельствует о том, что права россиян на свободу слова и самовыражения нарушаются в той или иной мере.

2. Особенности развития Казахстана

Стратегия развития Казахстана как независимого государства, разработанная в начале 1992 г., стала первым из его среднесрочных планов развития. В стратегии четко сказано, что Казахстан перейдет от плановой экономики к рыночной экономике и свободному режиму. Затем, в конце 1997 г., Президент Назарбаев обратился ко всему своему народу с посланием: «Казахстан-2030: процветание и безопасность для всех казахстанцев». Впервые в истории независимого Казахстана была определена краткосрочная и долгосрочная стратегия развития. Самое главное для страны – национальная безопасность, политическая стабильность и создание профессионального правительства. Для этого необходимо сделать приоритетом экономический рост на основе рыночной экономики, здравоохранения, образования, энергоресурсов и развития инфраструктуры. Документ также является призывом к большему вниманию к экономическим достижениям страны, а также к сохранению единства народа, правильному направлению социальной психологии и совместной разработке будущего развития страны.

Помимо активизации экономических реформ, особое внимание уделялось обеспечению того, чтобы социальное развитие не оставалось без внимания. 24 апреля 2014 г. Правительство утвердило документ «Основные направления социального развития Казахстана-2030», который направлен на повышение уровня жизни и занятости населения, повышение конкурентоспособности системы образования и развитие компетентной системы здравоохранения. В результате этих работ было выявлено, что по сравнению с 1991 годом средняя заработная плата граждан увеличилась в 17 раз, а пенсии – в 10 раз. Ожидаемая продолжительность жизни в Казахстане выросла с 64 до 72 лет, а население увеличилось с 16,7 млн до 18,9 млн в 2020 г.

ВВП Казахстана на душу населения в 1993 г. составлял 1429 долл. США, в 2020 г. составлял 9122 долл. США, по сравнению с 1993 годом объем ВВП вырос почти в 7 раз. В 1996 г. инфляция была 60,39 %, в 2020 г. 6,37 %, снизившись почти в 10 раз. По данным журнала “The Economist”, в 2020 г. Казахстан занимал 128-е место в списке авторитарных режимов с индексом демократии 3,14 (<https://solability.com/the-global-sustainable-com/index/governance-capital>). Согласно индексу “Freedom

House Press”, определяющему свободу прессы, в 2021 г. он занял 155-е место с результатом 50,28 (<https://freedomhouse.org/countries/freedom-net.scores>). Согласно ежегодному Индексу восприятия коррупции, публикуемому “Transparency International”, Казахстан занимал 94–131 место в 2012–2020 гг. с результатом 26–38 баллов за девятилетний период. Все эти показатели говорят о том, что средства массовой информации и политическая свобода граждан в Казахстане не очень свободны.

3. Особенности развития в Монголии

Реформы 1990-х гг. коренным образом изменили политическую, социальную и экономическую ситуацию в Монголии. Например, за период более чем 30 лет Монголия превратилась из однопартийной диктатуры в государство с демократической многопартийной системой с упором на свободную рыночную экономику и модель развития общества, ориентированного на человека. За это время было разработано множество долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных программ и планов развития страны. Например, в период 1996–2020 гг. парламент и Правительство утвердили пять долгосрочных программ развития Монголии.

В Монголии политика правительства в области социальной защиты была сосредоточена на обеспечении благосостояния населения из-за активного использования горнодобывающих и природных ресурсов, а также высоких темпов экономического роста. Обе партии пообещали прямое распределение природных ресурсов, такие как «Дар Отечества» и «Доля природного богатства». С этих пор сущность политики социальной защиты в корне изменилась, стал часто использоваться термин «политика поголовного социального обеспечения». «Расходы на социальное обеспечение выросли с 3,2% ВВП в 2009 г. до 4,4% в 2010 г. и 6,7% в 2012 г. (Монгол дахь ардчиллын хөгжил... 2019: 247).

За 27 лет с 1993 по 2020 гг. ВВП Монголии увеличился в 116 раз с 227,7 млрд до 26,6 трлн тугриков, экономический рост составил 3,2% в 1995 г., 3,803% в 2019 г., 6,104% в 2020 г., учитывая условия пандемии. ВВП на душу населения увеличился с 654,1 доллара в 1995 г. до 4127 долларов в 2020 г., т.е. в шесть раз. Официальные экономические показатели Монголии показывают, что экономический потенциал страны резко возрос за последние 30 лет. Но в реальной жизни ситуация иная.

Согласно индексу свободы прессы Freedom House, Монголия занимает 68-е место из 180 стран мира с 28,97 баллами и 48 баллами за политические права. Согласно оценке демократии The Economist за 2020 г., это искаженная демократия. Согласно Индексу восприятия коррупции “Transparency International”, Монголия занимает 72–111-е место в мире с показателем примерно 35–39. За 25 лет были приняты пять документов по стратегическому развитию. Срок действия одного программного документа составляет пять лет, что свидетельствует о том, что политика в нашей стране нестабильна, а ее реализация недостаточна, что в свою очередь является актуальной проблемой.

В случае России и Казахстана социально-экономические достижения были относительно высокими благодаря стабильной политике развития. Примечательно то, что, по политическим оценкам международных организаций, эти страны сильно отстают от остального мира. Другими словами, справедливая избирательная система, независимый от политического влияния закон, судебная система, свободные СМИ и меры по борьбе с коррупцией не сильно преуспели.

Политическая нестабильность также оказывает негативное влияние на развитие страны. Например, у нас в Монголии за 31 год, с 1990 г., пост премьер-министра занимали 17 человек, а каждое правительство в среднем осуществляла свою деятельность на протяжении одного года и двух месяцев. Кроме того, основной ошибкой, подрывающей наше развитие, является то, что жизнь страны в целом зависит от четырехлетнего цикла парламентских выборов. Поэтому нам есть чему поучиться, используя достижения в области развития соседних стран. Это сравнительное исследование показывает, что стабильная политика в области развития ведет к успешному развитию экономики и общества, что оказывает положительное влияние на развитие в страны в целом.

Литература:

Монгол дахь ардчиллын хөгжил, бэхжилт, асуудал, сорилт (1990–2019) Улаанбаатар: Адмон принт, 2019. 296 х.

*Дондоков Зорикто Бато-Дугарович
доктор экономических наук
Бурятский научный центр СО РАН
Улан-Удэ, Россия
dzorikto@mail.ru*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КИТАЙ-МОНГОЛИЯ-РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В статье рассмотрены проблемы и перспективы развития экономического коридора в рамках взаимодействия России, Монголии и Китая. Описаны проблемы реализации соответствующей программы сотрудничества трех стран. Установлена относительно низкая конкурентоспособность исследуемого сухопутного маршрута по сравнению с морскими перевозками. Описано воздействие новых глобальных вызовов на эффективность трехстороннего экономического взаимодействия. Выявлено повышение привлекательности транспортировки грузов железнодорожным транспортом по экономическому коридору «Китай – Монголия – Россия» в условиях резкого падения объемов морских и воздушных перевозок из-за воздействия пандемии COVID-19. Дана оценка возможных воздействий событий января 2022 г. в Казахстане на развитие международных экономических коридоров проекта «Экономический пояс Шелкового пути», проходящих по территории этой республики. Описаны предполагаемые негативные и позитивные последствия резкого обострения отношений между Россией и странами Запада.

Ключевые слова: экономический коридор, конкурентоспособность, перевозки, пандемия, газопровод.

*Dondokov Zorikto Bato-Dugarovich
Doctor of Sciences in Economics
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia*

CHINA-MONGOLIA-RUSSIA ECONOMIC CORRIDOR: DEVELOPMENT PROBLEMS IN THE CONDITIONS OF NEW GLOBAL CHALLENGES

The author considers the problems and prospects for the development of the economic corridor in the framework of the interaction between Russia, Mongolia and China. The problems of the implementation of the relevant cooperation program of the three countries are described. The relatively low competitiveness of the land route under study in comparison with maritime transportation has been revealed. The impact of new global challenges on the effectiveness of tripartite economic interaction is described. An increase in the attractiveness of the transportation of goods by rail along the economic corridor "China-Mongolia-Russia" was revealed in the context of a sharp drop in the volume of sea and air transportation due to the impact of the COVID-19 pandemic. An assessment is made of the possible impact of the events of January 2022 in Kazakhstan on the development of international economic corridors of the Silk Road Economic Belt project passing through the territory of this republic. The alleged negative and positive consequences of a sharp aggravation of relations between Russia and Western countries are described.

Keywords: economic corridor, competitiveness, transportation, pandemic, gas pipeline.

Перспективы развития международного экономического взаимодействия стран и регионов Центральной Азии в значительной степени связаны с реализацией китайской инициативы «Один пояс, один путь», направленной на создание евразийской экономической зоны, связывающей государства Востока и Запада (Экономика 2020: 23). Этот глобальный проект включает шесть международных экономических коридоров в рамках «Экономического пояса Шелкового пути», в том числе экономический коридор «Китай – Монголия – Россия» (ЭККМР) (Ли На 2018: 384).

Инициатива по созданию ЭККМР, одобренная лидерами трех стран, органично вписывается в планы трехстороннего сотрудничества, позволяя «состыковать» стратегии регионального развития. В 2016 г. была подписана Программа создания экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», преду-

смаатривающая реализацию совместных проектов, нацеленных на увеличение торгового оборота, обеспечение конкурентоспособности продукции, облегчение трансграничных перевозок и развитие инфраструктуры (Борисов 2017: 98). Проекты охватывают строительство трансграничной авто- и железнодорожной магистрали, развитие транзитного транспорта, расширение сотрудничества в промышленном, энергетическом, туристическом, образовательном и научно-техническом секторах, в сфере сельского хозяйства, окружающей среды, здравоохранения и гуманитарного обмена. Вместе с тем в настоящее время Программа представляет собой рамочный документ с указанием поставленных целей, направлений и принципов взаимодействия. Большинство заявленных проектов таковыми, по сути, не являются.

Основной причиной «торможения» развития экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» является его относительно низкая конкурентоспособность (Dondokov 2018: 2). Высокие транспортные тарифы сухопутного маршрута снижают его привлекательность по сравнению с морскими коммуникациями: доставка грузов на большие расстояния водным транспортом обходится значительно дешевле. Кроме того, ЭККМР долгое время оставался в тени альтернативных экономических коридоров, включая «Новый евразийский континентальный мост», представляющий собой высокоскоростную железнодорожную магистраль, пролегающую через территории центральных и западных регионов Китая, Казахстана, России и далее идущую в европейские страны, а также экономический коридор «Китай – Центральная Азия – Западная Азия» (Намжилова 2018: 67).

Вместе с тем в условиях новых глобальных вызовов привлекательность экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» может повыситься. Во-первых, это связано с изменением ситуации на рынке транспортировки грузов, обусловленной воздействием пандемии COVID-19. Из-за меньшего влияния ограничительных мер транспортировка грузов железнодорожным транспортом увеличилась на фоне резкого падения объемов морских и воздушных перевозок (Намжилова 2021: 30). Во-вторых, события января 2022 г. в Казахстане, по всей видимости, окажут негативное воздействие на развитие конкурирующих с ЭККМР экономических коридоров, проходящих по территории республики, в первую очередь, на реализацию проекта «Новый евразийский континентальный мост». Политические потрясения, как правило, приводят к нестабильности экономической политики государства и снижению экономической привлекательности реализуемых в стране инвестиционных проектов для зарубежных партнеров. Следует отметить, что и до указанных событий возникали проблемы по согласованию способов и механизмов взаимодействия России, Казахстана и Китая, связанные с сопряжением «Экономического пояса Шелкового пути» и интеграционных проектов Евразийского экономического союза (Положихина 2019: 234).

На реализацию проектов экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» оказывают геополитические процессы в условиях резкого обострения отношений между Россией и странами Запада, включая европейские государства. Экономические санкции, введенные против Российской Федерации, с одной стороны, оказывают негативное воздействие на перспективы роста грузоперевозок между Китаем и Европой по территории РФ. Напротив, в сложившихся условиях Россия вынуждена искать альтернативу экономическому взаимодействию с ЕС, развивая сотрудничество со странами Азии, в том числе в рамках экономического коридора «Китай – Монголия – Россия». Одним из наиболее важных и перспективных совместных инвестиционных проектов трех стран может стать строительство магистрального газопровода «Союз Восток» из России в КНР через территорию Монголии (Газопровод...). Выгоду от реализации этого глобального проекта получают все участники. Россия как крупнейший экспортер газа получит возможность дополнительного выхода на рынок КНР. Китай получит еще один устойчивый источник поставки экологически чистого источника энергии. В наибольшей степени в строительстве газопровода заинтересована Монголия. Использование природного газа может помочь решить несколько проблем, среди которых высокий уровень загрязнения воздуха, повышение устойчивости работы электроэнергетической системы, переход транспорта на газомоторное топливо и электропривод (Санеев 2020: 34).

В целом, несмотря на относительно низкий потенциал прилегающих к ЭККМР территорий и объективные организационные сложности трехстороннего взаимодействия, экономический коридор «Китай – Монголия – Россия» в условиях новых глобальных вызовов, связанных с пандемией COVID-19 и геополитическими событиями в Евразии, может иметь достаточно хорошие перспективы развития при эффективном сотрудничестве трех стран.

Литература:

Борисов Г. О., Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания // ЭКО–2017. № 5. С. 98–106.

Газопровод через Монголию в Китай начнут строить в 2024 году [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/business/818448> (дата обращения: 27.01.2022).

Ли На. Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 382–392.

Намжилова В. О., Батомункуев В. С. Монголо-китайская граница: преобразования приграничной инфраструктуры и влияние ЭПШП // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 21–32.

Намжилова В. О. Экономические коридоры на евразийском пространстве: инициативы Китая и мировой опыт // Россия и АТР–2018. № 1. С. 65–81.

Положихина М. А. Российско-казахстанские экономические отношения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. 2019. № 1. С. 227–237.

Санеев Б. Г., Попов С. П., Максакова Д. В. Газификация Монголии: возможности многостороннего сотрудничества // Энергетическая политика. 2020. № 3. С. 34–45.

Экономика Одного пояса, Одного пути: возможности и риски транспортных коридоров. Издательский отдел Всемирного банка. Вашингтон, 2020. 171 с.

Dondokov Z. B.-D. The economic corridor "China-Mongolia-Russia": problems and development prospects // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 190 (2018) 012052.

ECONOMIC COOPERATION IN THE NORTHEAST ASIA

Are there signs of integration in the Northeast region or not? If so, what is the effect? What should be the form of future cooperation? In order to answer the following questions, make predictions, and determine the current situation, some indicators of cooperation in the Northeast region have been compared.

Keywords: Northeast Asia, Economic Cooperation and Regional Integration.

Northeast Asia is the world's one of the large economic region. The region is rich in natural resources and plays a major role in the world economy. For example, China is the world's second largest economy, Russia is the world's largest energy supplier, and Japan and South Korea, which lead in technology, innovation and capital resources, all coexist in the region. First, Russia and China have an interest in gaining influence in Northeast Asia; second, Japan's and Korea's interest in having reliable natural resources and opening up and expanding new markets for their products and services in the Northeast Asia; third, the interests of Mongolia, which seeks to export its mineral resources to continental and maritime countries. Finally, the interests and values of many countries in the Northeast Asian region overlap, such as North Korea, which seeks to secure its position and security and find new opportunities for development.

A question arises on whether these countries will work together for integration or go their separate ways. However, all agree on the importance of building an interconnected Northeast Asian economic network. Globalization advocates that it is not mutually beneficial for one country to block other small countries solely for its own interests. The interests of the European Union and the United States are also involved in this competition in the Northeast Asia. Of course, no one wants to be left behind, as an enormous the Eurasian and Pacific economic integration is expected to take-off in the future. In other words, the convergence of interests in the Northeast creates the conditions for faster integration of the Northeast, as the countries at the center of the economy move towards the periphery and the countries at the periphery move towards the center, which is in line with both values and interests.

Mongolia is at the heart of this major Eurasian interest. As market demand in the Northeast Asia continues to grow, Mongolia has the potential to become a Land Linked – linking two continents, not a Land Locked country. The world economy and politics have evolved dramatically in recent years. The center of economic development and markets have begun to shift from the western to the eastern hemisphere. So will Northeast Asian countries build a large market like the European Union by gradually expanding free trade in the region and consolidating a common economic space, or will they remain confined to a narrow circle of bilateral relations? We are at a crossroad in answering this question.

Today, two major integrations are taking place in the world: the European Union and ASEAN. A third integration is possible in the Northeast, but this cannot be achieved by one country alone. Lack of trust has led to an annual increase in nuclear, intercontinental ballistic missiles and other military armaments in the region, as well as growing cross-border tensions, but on the other hand due to the growing importance of trade integration and the need for integrated energy and infrastructure, the expansion of the existing market is progressing step by step. In other words, the Bangkok Declaration stipulates that market integration that reflects trade, investment and labor migration; uninterrupted transport and energy links; financial cooperation; The Northeast is part of the Asia-Pacific region's economic cooperation, including sharing environmental and disaster risks.

The official UN report named the Asia-Pacific subregion East and Northeast Asia, which are countries with very different levels of development, economic size, politics and culture (Mongolia, Russia, South Korea, North Korea, Japan, China, Hong Kong and Macao). Due to these differences, historical animosity, and geopolitical tensions, the characteristics of the zoning system are not well established. However, as globalization progresses, the interrelationships between these countries, both formal and informal, are

becoming closer. Most importantly, mutually beneficial regional integration should take place. In addition to old problems such as political instability, poverty, and military hostility, new challenges remain, such as environmental degradation, urbanization, congestion, natural disasters, desertification, global warming, and infectious diseases.

Over the past 30 years, these countries have developed export-oriented foreign trade, making the Northeast Asia the second largest trading region after ASEAN and the European Union. The 1998 Asian financial crisis provided the first opportunity to increase Northeast integration. At the height of the crisis, Japan initiated the establishment of the Asian Monetary Fund, which included Korea, China, and ASEAN. The 1999 ASEAN + 3 Summit covered almost all sectors of society, including trade, investment, finance, tourism, food, minerals, information, communications, energy, the environment and sustainable development.

Since 1991, various cooperation mechanisms have been initiated between the Northeast with an aim to accelerate integration in the region. The ambitious efforts of each country to take the initiative and establish its own influence tend to discourage other countries and put them in more passive mode. In some cases, some mechanisms are not well internationally recognized because it is directly named after a country or city where the concept was originated. For example, the Shanghai Cooperation Organization. In recent years, regional cooperation has been initiated in each sector and efforts are limited to specific sector. For example, the Secretariat of the Three States; Great Tumen Initiative; SCO; East Asian Economic Development Organization; Northeastern regional intergovernmental association; East and Northeast Asia Office of the Asia-Pacific Commission on Social and Economic Affairs; These include the NEA Economic Forum.

One of the most effective economic mechanisms in these regional organizations is the United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. The commission is not affiliated with any country, is not named by any city or territory, and decisions are not dominated by any country. In other words, it provides a platform for all countries to operate on an equal, balanced and sustainable manner. This should be the basis for any regional integration. The mechanisms that are being sought in the Northeast can be divided into four main areas (Figure 1): economic, environmental, infrastructural, and socio-cultural.

Figure 1. Northeast Asian Integration

Politically, countries of the Northeast have different systems, and historical animosity still persists, so integration is almost impossible today. In the first place, the Great Tumen Initiative could not only operate in China, but also become a center for Northeast integration connecting Mongolia, Russia and China. In other words, the formation of the golden triangle of Dornod aimag of Mongolia, the Far East of Russia and the Northeast of China could lead to the beginning of mutually beneficial cooperation and the integration of Northeast Asia. Japan, Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea (ROK) must incorporate their interests into one part of the triangle. As for China and Russia, they have enough capital and technology, so there is little space for South Korea. However, despite the opportunity to cooperate with Mongolia, Japan will emerge as a key competitor for ROK. However, Mongolian market may not be profitable in the short and medium term, but it is likely to be profitable in the long run. In this regard, Japan may have an edge.

One of the key drivers of integration is the growing interdependence of countries. As exports increase, so does the interdependence between countries. From 1989 to 2019, the share of Northeast exports in GDP was initially around 30 percent, but has recently risen to 20–60 percent.

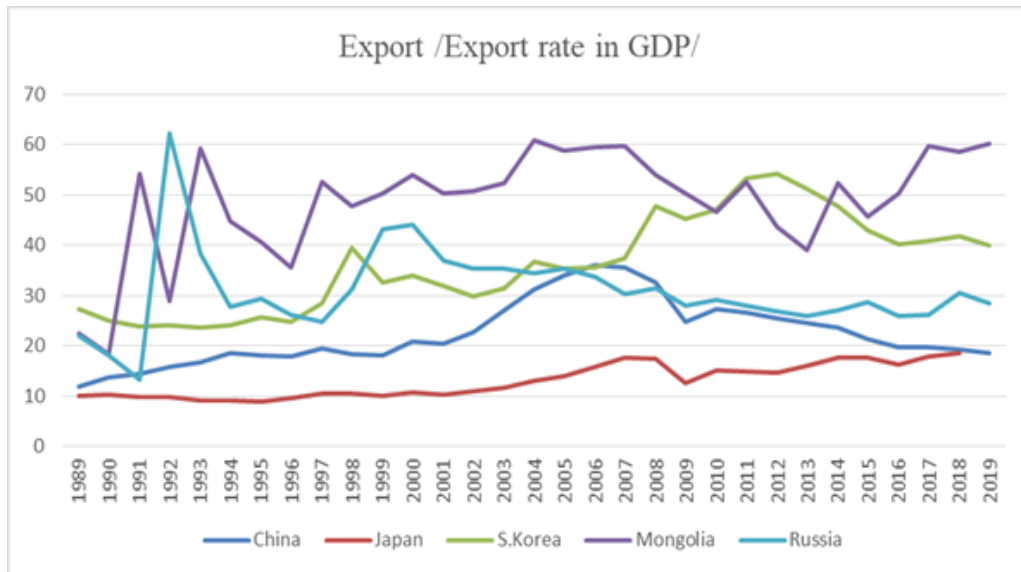

Figure 2. Export percentage in GDP. Source: Based on world bank data.

Although the share of exports in GDP is growing, it is important to know how the interrelationships between these countries work. To this end, below table shows the share of Northeast trade in each of the six countries, with four countries increasing their trade and two countries declining, indicating a sign of regionalization (Table 1).

Table 1

Percentage of trade between NEA countries, 2005 and 2019

		China	N.Korea	Ja-pan	Mon-golia	S.Ko-rea	Rus-sia	NEA	
China	2005		0.1	13	0.1	7	2	23	↓
	2019		0.1	7	0.2	6	2	16	
N. Korea	2005	36		4	0.1	0	5	46	↑
	2019	79		0	0.1	0	1	80	
Japan	2005	17	0.0		0.1	6	1	24	↑
	2019	20	0.0		0.1	5	2	28	
Mongolia	2005	36	0.0	3		5	19	65	↑
	2019	65	0.0	3		3	15	88	
S. Korea	2005	18	0.0	13	0.1		1	33	↓
	2019	21	0.0	7	0.1		2	31	
Russia	2005	6	0.1	2	0.1	2		11	↑
	2019	11	0.0	3	0.2	3		18	

Source: <http://data.worldbank.org/indicator>.

There is also a trade cost estimate issued by the United Nations Socio-Economic Commission for Asia and the Pacific, which shows that integration is failing. The calculation determines the total cost of trade, agriculture and industry. Compared to 1999 and 2017, expenditures in the three sectors increased slightly by 101 percent. If Mongolia is excluded, it is expected to decrease slightly (Table 2).

Trade expenses, 2017, 1999

	China	Japan	Mongoli a	S.Kore a	Russi a	NEA
China		87	132	81	93	98
Japan	87		119	96	68	92
Mongolia	132	119		105	128	121
S. Korea	81	96	105		99	95
Russia	110	68	128	99		101
Average						101

Source: Based on World Bank data

One form of regional multilateral mechanism is the Bilateral and Multilateral Free Trade Agreement and the Economic Partnership Agreement, which aim to increase trade competitiveness, and currently 168 FTAs in the Northeast are effective. At the same time, 83 FTAs are under negotiation, while 12 FTAs have been signed and are ready for trade.

In the age of globalization, the prevailing view has been that maintaining the balance of power, developing mutually beneficial cooperation, liberalizing trade will lead to opening of the door in keeping pace with the world as each country becomes more open. At a time of heightened political security and geopolitical disputes in the Northeast Asian region, there is a great challenge to consolidate governments, but all are united in their commitment to trade and economic integration. One of the major sectors to achieve this goal is energy. Seeing that this could be achieved between countries with energy resources on the one hand and countries with high energy demand on the other, in 2011 the NEA Energy Super Grid Initiative was launched. The world's total energy consumption is estimated at 25 trillion kWh, while Mongolia's renewable energy resources are estimated at 7 trillion kWh. This is enough to meet the needs of China, the world's largest energy consumer (5.6 TWh) (Energy Regulatory Commission).

Figure 3. NEA power super network. Source: <https://nautilus.org/>

The World Energy Network aims to create a global energy network not only regionally but also globally by 2030. In other words, a combination of renewable energy, smart grids, and the latest high-voltage transmission line technology will create a global energy grid. It has extensive research and experience around the world in networking in the Americas, Europe, Africa, Asia and Australia. For example, there is a program to sell electricity from Australia to Southeast Asia through a high-voltage line at a depth of 3,000 meters below sea level.

The Asian super grid is not just about building lines and power plants, but about creating an entire regional energy market. So, there are many issues to be resolved in this market, such as how to sell our products, how to set the market price, establish a management mechanism, and how to operate.

Only when interests of the great powers are aligned the regionalism can be established, whereas cooperation of the people, local governments and business organizations create regionalization. Eventually, regionalization may lead to regionalism. In other words, from the it can be assumed that all the features of regionalization is evident and none that of a regionalism. To achieve the latter could take some time, owing to complex international security issues. Studies have shown that multifaceted mechanisms for integrating Northeast Asia are effective and accelerate the process of globalization. However, it is clear that from 2020, due to the global pandemic, a completely different modality, a new model and a new regional cooperation will take form. In any case, it can be assumed that the integration in NEA can only be achieved if member states do not pursue ambitions, do not put any country as a center, and mutual benefit is sought by each state.

Bibliography:

Energy Regulatory Commission // URL: <http://erc.gov.mn/index.php?newsid=848> (date of access: 23.01.2022).

«УТЕЧКА МОЗГОВ» ИЗ МОНГОЛИИ В ВЫСОКОРАЗВИТЫЕ СТРАНЫ: ВЛИЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

В статье рассматривается процесс «утечки мозгов» из Монголии в высокоразвитые страны в форме интеллектуальной миграции в условиях глобализации экономики, а также его причины и последствия. Существует негативное мнение, что «утечка мозгов» определяется как миграция монголов-профессионалов в поисках лучшей жизни в высокоразвитые страны, в результате чего их места занимают неквалифицированные кадры. Для демонстрации показателей «утечки мозгов» из Монголии и иллюстрации влияния этого процесса на монгольское общество мы использовали методологию Международной организации по миграции.

Ключевые слова: монголы, «утечка мозгов», эмиграция, факторы миграции.

Nyamaa Galiimaa

Doctor

Mongolian University of Science and Technology

Ulaanbaatar, Mongolia

MONGOLIA'S «BRAIN DRAIN» TO HIGHLY DEVELOPED COUNTRIES: INFLUENCING FACTORS

The article discusses the process of «brain drain» from Mongolia to highly developed countries in the form of intellectual migration in a globalized economy, the causes and consequences of the phenomenon. There is negative opinion, that «brain drain» is defined as the migration of high professionals of Mongols in search of better standard of living and quality of life to high-developed countries and as result, untrained personnel take their places. To show “brain drain” rates from Mongolia, we have used the methodology of the International Organization for Migration to illustrate the impact of this process on Mongolian society.

Keywords: Mongols, “brain drain”, emigration, factors of migration.

Введение

«Утечка мозгов» (от англ. *brain drain*) – процесс международной массовой эмиграции, при которой из страны или региона уезжают специалисты, ученые и квалифицированные рабочие по политическим, экономическим, религиозным или иным причинам (Утечка мозгов 2021). В последние 50 лет показатели миграции квалифицированных специалистов значительно выросли. Потенциальные мигранты, принимая решения о выборе страны и целесообразности отъезда, взвешивают все экономические, социальные и персональные издержки и выгоды (Группа Всемирного банка 2019). В докладе Всемирного банка особо подчеркивалось, что мобильность высококвалифицированных работников может быть положительным фактором, хотя для многих развивающихся стран «утечка мозгов» чревата серьезными последствиями. По мнению экономиста Всемирного банка Мориса Шиффа, от массовой «утечки мозгов» в основном страдают небольшие и бедные развивающиеся страны (Группа Всемирного банка 2019).

Объектом данного исследования является уровень «утечки мозгов» из Монголии и влияющие на нее факторы. Используются методы исследования, разработанные Международной организацией по миграции. Методы учитывают изменения в области миграции, имевшие место за последние пять лет, с упором на анализ экономических и других факторов.

Факторы, влияющие на «утечку мозгов» из Монголии

Корни масштабной «утечки мозгов» из Монголии кроются в общем экономическом кризисе 1990-х гг., существенно сократившем государственную поддержку научной деятельности. Советская

помощь, составлявшая на своем пике одну треть вложений в ВВП, исчезла в одночасье, во время распада Советского Союза в 1990–1991 гг. Монголия погрузилась в рецессию (Economy of Mongolia 2010).

Несмотря на глубокий экономический кризис 1990-х гг., монголы начали получать загранпаспорта, независимо от возраста и социального статуса. С 1990 г. по 2021 г. из Монголии уехало более 197000 чел. (Гадаадад ажиллаж, амьдарч буй иргэдийн тоо 2020), в основном наиболее востребованных людей в продуктивном трудовом возрасте. В 1990–2021 гг. в Западную Европу мигрировали 43700 тыс. чел. (Гадаадад ажиллаж, амьдарч буй иргэдийн тоо 2020), в США – 42000 (Отгонбаяр 2022), в Корею – 48185 (Сэмүүн 2020). Основная масса эмигрантов – молодые люди с высшим образованием, уезжающие из-за низкой зарплаты, отсутствия перспектив и возможностей заниматься бизнесом и наукой. В 2019 г. более 25000 монгольских студентов (17% учащихся вузов Монголии) учились за границей (Бөртэ-Үжин 2019). Из тех, кто учится в США и Канаде, домой возвращаются единицы. Самая сложная ситуация сложилась в прикладных областях: лучшие специалисты уходят в иностранные компании, зачастую с перспективой трудоустройства за границей. По статистике, 80% высококвалифицированных монголов-эмигрантов едут работать и жить в Северную Америку и Западную Европу. К примеру, в Австрии в Международном агентстве по атомной энергии работают шесть монголов, в Майкрософте (Сизтл, США) – 300 (Отгонбаяр 2022).

Согласно международной иммиграционной статистике, в 2010 г. зарегистрирован 16061 монгольский иммигрант (Number of immigrants in Mongolia 2021). Перепись населения и жилого фонда Монголии 2010 г. показала, что 107400 монголов проживают за границей (Хүн ам 2011). Разница между иммиграционной статистикой и переписью населения говорит о том, что тысячи монгольских мигрантов проживали нелегально. В соответствии с Переписью 2010 г., 63870 чел., проживавших за границей в течение шести месяцев и более, подсчитаны как члены семей в Монголии, а 44270 чел. записаны через онлайн или в дипломатических представительствах Монголии за границей.

В 2020 г. за границей проживали в течение шести месяцев и более 122301 чел. Из них 82,5% – в возрасте 15–44 лет, что на 36,4 п.п. выше, чем в среднем по стране. По данным переписей 2010 и 2020 г., проживание эмигрантов за границей в течение 1–11 лет составило 7,6 п.п., 2–5 лет – 11,5 п.п., 6–10 лет – 3,0 п.п. Численность населения первой группы возросла (7,6 п.п.), а его доля уменьшилась. 59,3% детей в возрасте до 14 лет учатся, 79,0% эмигрантов в возрасте 15–34 лет работают. 84,2% эмигрантов в возрасте 25–49 лет работают по контракту, 2,1% – командированные. По Переписи 2020 г., число работавших по трудовым договорам – 8,7 п.п., учащихся – 2,8 п.п., командированных – 1,6 п.п. уменьшилось по сравнению с данными Переписи 2010 г. 44,0% населения имеют высшее образование; 43,7% эмигрантов состоят в браке, 52,7% не состояли в браке. Число женатых / замужних уменьшилось на 4%, число не состоящих в браке возросло на 6,1% (Статистик 2020). Официально зарегистрированных лиц – 122301 чел. По ним мы измеряем поток человеческих ресурсов или «утечки мозгов» из Монголии в США, Западную Европу и Южной Корею, т.е. туда, где наиболее высока отдача от вложенного труда.

Уместно привести мнение публициста-эмигранта Г. Галбадраха, автора 800 публикаций о монгольских мигрантах в США: «Монголы-мигранты живут в США по-разному. Некоторые живут так плохо, что невольно думаешь, зачем они сюда приехали. Другие нашли работу и живут в достатке. Всех монголов объединяет одно – высокий уровень адаптации к различным жизненным ситуациям и уверенность в себе. Я интервьюировал молодых людей, тех, кто формирует наше будущее. Их мышление, образование, отношение к жизни и людям, умение работать в команде намного превосходят нас всех. Я на 100% уверен, что эти молодые люди, владеющие английским, хорошо образованные и разбирающиеся в мышлении американцев, через несколько лет станут высокопоставленными лицами в США, например, членами Сената. Уже сейчас они успешно входят в искусство, спорт и бизнес США» (Галбадрах 2020).

Индекс потока человеческих ресурсов или «утечки мозгов» (0 – низкий; 10 – высокий) в 2007–2021 гг. в Монголии в среднем составлял 2,87, в 2011 г. был минимальным – 1,9, в 2021 г. максимальным – 4,2. Средний мировой показатель в 2021 г. составил 5,2 (Global Economy 2021). Почему индекс «утечки мозгов» из Монголии увеличился в 2021 г.? Из 175 стран мира в 2020 г. Монголия находилась на 94 месте по экономическому росту (Global Economy, GDPpercapita, PPPbycountry 2021) с ВВП на душу населения в размере 11470,67\$ и на 83 месте по темпам роста – 5,3% (TheWorld Bank 2020). За первые девять месяцев 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года ВВП снизился на 7,3%. Дефицит платежного баланса составил 472,5 млн долл. (Монголын статистикийн газар 2020).

С февраля 2019 г. по февраль 2021 г. Всемирный банк провел в Монголии обследование 360 компаний частного сектора. В августе 2020 г. у 82% предприятий закончились денежные средства, а в феврале 2021 г. – у 99%. В августе 2020 г. 67% компаний откладывали платежи своим поставщикам на неделю и больше, к февралю 2021 г. этот показатель вырос почти до 90%, а доля просроченных кредитов финансовым организациям – до 76% (Михнев 2021).

Экономический рост Монголии замедлился из-за COVID-19, заработная плата не увеличивалась, рабочие места были потеряны, что отрицательно сказалось на социальном статусе и психологической устойчивости населения, особенно молодежи с высоким уровнем образования. В этом состоит основная причина миграции в другие страны. С другой стороны, наблюдается и положительное влияние «утечки мозгов» из Монголии на общество. В последние восемь лет этот процесс неуклонно растет, увеличивая доходы и улучшая образование и навыки трудящихся-мигрантов.

Таблица 1

Денежные переводы монгольских эмигрантов в Монголию

	1990	2000	2010	2012	2020
Депозиты (долл. США, млн)	–	12	277	288	548
В процентах от ВВП	–	1,1	4,5	2,8	4,3

Источник: UNISEF 2013, Value of remittances received in Mongolia from 2011 to 2020 2021.

Монголия как страна-донор не может определять, как и при каких условиях миграция монголов может быть успешной или неуспешной. Во многом успех мигрантов в принимающей стране зависит от государственной, образовательной, налоговой, национальной политики, проводимых мер по репатриации и финансовой помощи мигрантам и т.д. Гибкая миграционная политика самой Монголии может максимизировать положительные эффекты «утечки мозгов», а отрицательные свести к минимуму.

Заключение

Устойчивая эмиграция монголов является симптомом, а не причиной базовых проблем. Для сокращения потенциальной утечки мозгов стране необходимо не ограничивать миграцию, а принимать меры, направленные на увеличение потенциальных выгод для Монголии. К долгосрочным мерам относятся повышение качества государственного управления и дальнейшее институциональное развитие. Меры, направленные на удержание квалифицированных специалистов, включают стимулирование развития частного сектора, создания рабочих мест, осуществление инвестиций в высшее образование. Для этого необходимо:

- обеспечить монгольских граждан, проживающих за границей, реальной информацией для возвращения, работы и проживания на родине, создать для них благоприятные условия;
- проводить исследования и регулярно пополнять специализированную базу данных об образовании, профессиональном опыте и навыках граждан Монголии;
- обеспечить финансовую поддержку исследований и реализации проектов и программ в рамках приоритетов экономики, общества, науки и техники Монголии;
- создать стимулы для создания рабочих мест и подготовки проектов на внутреннем рынке труда.

Литература:

Галбадрах Г., Уранчимэгийн Б. ярилцлага // АНУ дахь UMONTV. 18.03.2020.
 Коронавирус ба Монголын эдийн засаг // МонголынСтатистикийнГазар. Улаанбаатар: Book Library Download, 2020.
 Отгонбаяр, Галиймаа-ийн ярилцлага // АНУ-д суугаа монголчууд. 18.01.2022.
 Бөртэ-Үжин Б. Монгол оюутнуудын дийлэнх нь Азийн орнуудыг зорьж байна. 27.09.2019 // URL: <https://ikon.mn/n/1olw> (нэвтэрсэн: 18.11.2021).
 Гадаадад ажиллаж, амьдарч буй иргэдийн тоо. 2020 // Home Mortgage Corporation. 6 17. URL: <http://hmc.mn/medee/v/6> (нэвтэрсэн: 24.11.2021). Миграция и “утечка мозгов” // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32481/211506RU.pdf?> (нэвтэрсэн 28.03.2022).
 Михнев А., Каралашвили Н. Монгол улс ба COVID-19 хямрал // Хямралын дундах жижиг амжилт. Улаанбаатар, 2021.
 Сэмүүн Э. Өмнөд Солонгос улсад Монгол улсын 48185 иргэн амьдарч байгааг мэдээллээ // IKON.MN. 18.02. URL:<https://ikon.mn/n/1srf> (нэвтэрсэн: 12.10.2021).

Утечка мозгов. 2021.24.12 // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/0%B2>. (нэвтэрсэн: 16.01.2022).

Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллого // Гадаадад оршин суугаа Монгол улсын иргэд. NSO_gadaad.indd. Улаанбаатар: Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо, 2011.

Хүн ам, орон сууцны 2020 оны улсын ээлжит тооллогын нэгдсэн дүн. Улаанбаатар. 15.12.2020.

Docquier Frédéric. The brain drain from developing countries // World of Labor, 2014. No. 5. P. 1–10.

GDO growth (annual %) – Mongolia // The World Bank. 2020. DataBank, Mongolia: migration profiles // UNISF. 2013. Mongolia.pdf.

GDP percapita, PPP by country // Business and economic data for 200 countries, Global Economy.com. 2021.

Mongolia: Human flight and brain drain // Business economic data for 200 countries, Global Economy.com. 2021.

Number of immigrants in Mongolia in 2005, 2010, 2015 and 2017. Statista. 2021 // URL: <https://www.statista.com/statistics/697866/mongolia-number-of-immigrants/> (нэвтэрсэн: 12.02.2021).

The brain drain from developing countries // URL: <https://wol.iza.org/articles/brain-drain-from-developing-countries/long#izawol.31-biblStruct-000013> (нэвтэрсэн: 30.11.2021).

Value of remittances received in Mongolia from 2011 to 2020 // Statista. 2021. portal.data.

*Булдакова Юлия Рафаэлевна
кандидат медицинских наук
Московский государственный медико-стоматологический
университет им. А.И. Евдокимова
Москва, Россия
juliafamily@yandex.ru*

COVID-19 В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОПЫТ БИОМЕДИЦИНЫ И ВКЛАД ТРАДИЦИОННЫХ МЕДИЦИНСКИХ СИСТЕМ

В последние десятилетия традиционные медицинские системы (ТМС) востока были потеснены развитием биомедицины и доказательной медицины (ДМ). Новая коронавирусная инфекция значительно изменила расстановку сил, обнажив ограниченную способность биомедицины быстро и эффективно отразить эпидемию, тогда как традиционные медицинские системы в короткий срок предложили и применили на практике средства для борьбы с заболеванием и его последствиями. Этот опыт достоин изучения, как и тот факт, что социальные системы стран Азии оказались успешнее в борьбе с эпидемией.

Ключевые слова: COVID-19, биомедицина, восточная медицина, Азиатский регион.

*Buldakova Julia Rafaelevna
Candidate of Sciences in Medical
A. I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry
Moscow, Russia*

COVID-19 IN CENTRAL AND EAST ASIAN COUNTRIES: BIOMEDICINE EXPERIENCE AND CONTRIBUTION OF TRADITIONAL MEDICAL SYSTEMS

In the last few decades, the traditional medical systems (TMS) of the East were suppressed by the development of biomedicine and evidence-based medicine (EBM). COVID-19 has strongly changed the situation. While biomedicine was hardly taking the epidemic under control, the TMS have successfully applied measures both to combat the disease and to rehabilitate after it. This experience is the subject to study, as well as the fact that the social systems of Asian countries have shown a better ability to fight the epidemic.

Keywords: COVID-19, Central Asia, traditional medicine, biomedicine.

В конце 2019 г. в г. Ухань в КНР произошла вспышка новой коронавирусной инфекции, которую ВОЗ назвала COVID-19 (Coronavirus disease 2019). Заболевание представляет собой вирусное воспаление легочной ткани с развитием тяжелой интоксикации, тромбозов в сосудах легких и угрожающей жизни дыхательной недостаточности. Поражаются также центральная нервная система, сердце и другие органы.

Быстрое распространение эпидемии с востока на запад заставило врачей западных клиник изучать ковид не в привычной системе координат по клиническим рекомендациям, а в потоке больных с риском для жизни. Ориентиром служил опыт китайских коллег, уже преодолевших шок начала эпидемии и создавших систему помощи больным ковидом. Сдерживание эпидемии в западных странах столкнулось с трудностями, связанными с ограничением личной свободы граждан, с нерешенными юридическими и биоэтическими вопросами, с необходимостью применения лекарств of lable. Зараженный персонал, продолжавший работать, способствовал распространению инфекции, концепции лечения менялись каждую неделю, а результаты успехов проводимых клинических исследований опровергали друг друга. В это время переживший борьбу с атипичной пневмонией Китай показывал пример организованной борьбы с ковидом. В отсутствие разработанного лечения пришлось перенацелить на ковид имевшиеся лекарственные средства, что противоречило концепции ДМ. При отсутствии специфической терапии и средств активной иммунизации ВОЗ одобряет применение плазмы крови переболевших доноров. В начале 2020 г. в КНР впервые опубликовали данные о применении Анतिकовидной плазмы, которая вскоре была включена в Национальные руководства других стран. Разница показателей заболеваемости

и смертности от ковида в восточных и западных странах стала очевидной весной 2020 г. Сравнивая отношение случаев ковида и смерти от него к численности населения в Китае и Вьетнаме с данными США и Канады, легко представить, какого количества жертв эпидемии в западных странах можно было избежать. Успех восточных государств в борьбе с ковидом всколыхнул интерес к традиционной китайской медицине (ТКМ), а включение элементов ТМС востока улучшало результаты лечения. На практике произошло фактическое уравнивание статуса применяемых биомедицинских лекарств и лекарств ТМС, равно не имеющих доказательной базы при ковиде. ТМС, и ТКМ в частности, на западе постоянно упрекали в отсутствии доказательной базы. С позиции ДМ «бездоказательна» и борьба ТМС с вирусами. В 2020 г. *Chinese Journal of Integrative Medicine* опубликовал данные о возможностях ТКМ в лечении COVID-19, но основывались они не на клинических испытаниях, а на официальной статистике по атипичной пневмонии 2003 г.

Стремясь сдержать продвижение ТКМ в мире, западные фармкомпании подогревали тему пресловутой «бездоказательности», но количество статей об успехе ТКМ в лечении вирусных эпидемий и число запросов на них в библиотеке Кокрановского заметно выросло. Если китайские оздоровительные практики медицинским сообществом принимаются позитивно, то препаратам ТКМ для лечения ковида здорово достается. Например, Национальные институты здравоохранения США (National Institutes of Health) предупреждают об опасности лекарств из-за вероятного загрязнения растительного сырья пестицидами, химикатами, и плесневыми грибами, другие источники настаивают на неэффективности лечения ковида традиционными китайскими сборами.

В мае 2020 г. ВОЗ также предостерегала население от применения «натуральных» средств с сомнительной эффективностью во избежание ложного чувства безопасности, а СМИ писали о возможности «запустить» болезнь и погибнуть, поверив в целебность «травок» при неизученном заболевании. Борьба мнений и растущая волна эпидемии заставили экспертов оценить сочетание методов ТКМ и западной медицины. Было выяснено, что лихорадка, кашель и астения уходят быстрее, а риск тяжелого течения и смерти от COVID-19 заметно снижается. Произвели впечатление также китайские данные, что лечение методами ТКМ получили 99% больных ковидом и 94% контактных лиц в целях повышения естественной защиты и самовосстановления общего баланса организма, что в 90% случаев имело успех. Препараты ТКМ получали и медицинские работники, благодаря чему медицинский корпус не понес потерь и оставался на рабочих местах. С ростом доверия к препаратам ТКМ появились описания лекарств, применяемых при ковиде в Китае в комплексе с биомедицинскими препаратами, одни были предназначены для лечения легких форм ковида, другие – для тяжелых форм. Растительные комплексы в разных лекарственных формах от пилюль до инъекционных растворов помогают контролировать синдромы интоксикации, воспаления, гиперкоагуляции и т.д. Так, для лечения «легкого» ковида применяют пилюли из 13 цветов и трав Lianhua Qingwen, уменьшающие жар, воспаление и кашель, и обладающие тонизирующим эффектом. «Тяжелый» ковид лечат инъекциями экстракта пяти растений Xuebijing, мощное противовоспалительное действие которого эффективно даже при сепсисе и тромботических осложнениях.

Данные об эффективности препаратов ТКМ заметно повысили уровень их признания в мире. Для увеличения доли продукции ТКМ на фарм рынках мира, китайские ученые запустили крупные клинические испытания растительных комплексов для лечения ковида, построенные как ретроспективные когортные исследования эффективности комплексных препаратов при разной степени выраженности симптомов. Первыми встретив эпидемию ковида и первыми поставив ее под контроль, уханьские врачи начали оказывать помощь медикам более 30 стран, включая Италию, Великобританию, Венесуэлу, Россию, Эфиопию и др. Китайские специалисты проводили он-лайн конференции и трансляции с экспертами и врачами 80 стран, давали консультации по карантинным мероприятиям и лечению ковида. Китайские препараты (гранулы Цзиньхуа Цинган, формула Хуашибайду и др.) стали поставляться в другие страны, специалисты разъясняли их свойства и патогенетические обоснования применения, как, например, необходимость удаления «сырости и тепла» из организма и достижения внутреннего баланса тела. К 2021 г. число публикаций о ТКМ снизилось не столько из-за адаптации общества к ситуации с COVID-19 и переключения СМИ на «войну вакцин», сколько из-за усилий западных фармгигантов ограничить увеличение доли продукции ТМС на рынке.

Начало эпидемии ковида показало следующее. Западные системы здравоохранения испытали затруднения в противозидемической мобилизации, связанные с неприемлемостью для западных демократий ряда ограничений. Страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, опираясь на опыт,

быстро предприняли строгие ограничительные меры и, применив для лечения ковида средства ТМС, минимизировали человеческие и экономические потери. Биомедицина пока не создала лекарств против COVID-19 с доказанными свойствами, а ДМ лишь отсекала непригодные средства. Успех Китая в лечении полисиндромного воспаления при COVID-19 усилил интерес к препаратам ТКМ и к сочетанию средств биомедицины и ТМС. Интегрирование препаратов и методов ТКМ/ТМС в биомедицинские программы борьбы с ковидом показывает актуализацию холистической концепции и движение в сторону интегративной медицины.

Литература:

Сяодун В., Хао В., ЮйЧ. Лекарство от природы. Традиционная китайская медицина способна справиться с коронавирусом [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/gazeta/rg-spes/2020/12/29/1.html> (дата обращения: 27.03.2022).

COVID-19 повысил уровень признания препаратов традиционной китайской медицины [Электронный ресурс] // URL: <https://gxpnews.net/2020/05/covid-19-povysil-uroven-priznaniya-preparatov-tradicionnoj-kitajskoj-mediciny/> (дата обращения: 27.03.2022).

Du Hongzhi, Hou Xiaoying, Miao Yuhuan, et al. Traditional Chinese Medicine: an effective treatment for 2019 novel coronavirus pneumonia (NCP). Chinese Journal of Natural Medicine// <http://www.cjnmcpu.com/en/article/id/940f8146-828c-41ee-bcb4-e6488a8b8556> (дата обращения: 27.03.2022).

H. Luo, Q.-L. Tang, Y.-X. Shang et al. Chinese Medicine Be Used for Prevention of Corona Virus Disease 2019 (COVID-19)? A Review of Historical Classics, Research Evidence and Current Prevention Programs // Chinese Journal of Integrative Medicine. 2020. 26 (4). P. 243–250.

Sun Tianyuan. Traditional Chinese Medicine helps COVID-19 patients recover [Электронный ресурс] // URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-03-12/Traditional-Chinese-Medicine-helps-COVID-19-patients-recover-ONSWLuXcic/index.html> (дата обращения: 27.03.2022).

Кириченко Светлана Викторовна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
l-a-n-a@mail.ru

Балдано Марина Намжиловна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
histmar@mail.ru

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДФО)¹

В статье предпринята попытка определить влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию в России на примере Дальневосточного федерального округа. Анализ миграционной ситуации в ДФО в период пандемии показал, что она претерпела серьезные изменения. Выводы, основанные на материалах статистики, подтверждают резкое сокращение численности трудовых мигрантов к середине 2020 г. из-за утраты доступа к источникам дохода и социальной поддержки. Главным «выталкивающим» фактором стали безработица и закрытие границы. Часть трудовых мигрантов уехала на родину, в страны Средней Азии, часть осталась и пополнила теневой сегмент экономики региона. В статье рассмотрены меры, способствовавшие улучшению положения мигрантов в ДФО в период пандемии, а также помощь мигрантам со стороны дипломатических миссий стран-доноров.

Ключевые слова: пандемия, трудовая миграция, Дальний Восток, регистрация, границы.

Kirichenko Svetlana Viktorovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

Baldano Marina Namzhilovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

COVID-19 IMPACT ON LABOUR MIGRATION IN RUSSIA (THE EXAMPLE OF THE FEFD)

This article attempts to determine the impact of the COVID-19 pandemic on labour migration in Russia using the example of the Far Eastern Federal District. An analysis of the migration situation in the FEFD during the pandemic has shown that it has undergone serious changes. Conclusions based on statistical materials confirm a sharp decline in the number of migrant workers by mid-2020 due to loss of access to sources of income and social support. Unemployment and border closures were the main push factors. Some labour migrants left for their home countries in Central Asia, while others stayed behind and added to the “shadow” segment of the region's economy. This article examines measures that helped improve the situation of migrants in the FEFD during the pandemic, as well as assistance provided to migrants by diplomatic missions of donor countries.

Keywords: pandemic, labour migration, Far East, registration, borders.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, Дальний Восток занимает четвертое место в стране по величине миграционного потока после столичного региона, Республики Крым и Юга России. За последние годы поток мигрантов на Дальнем Востоке заметно со-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5).

кратился. После обвала национальной валюты в 2014 г. подскочил курс юаня к рублю, в регион перестали приезжать китайские рабочие (во всяком случае, в прежних масштабах). В конце 2018 г. Россия присоединилась к санкциям против КНДР, и из страны выслали всех северокорейских рабочих. А начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 внесла серьезные изменения в миграционную ситуацию в округе.

Больше всех пострадала сфера трудовой миграции, поскольку принятые государством ограничительные меры оказали непосредственное влияние на те сферы бизнеса, в которых были заняты иностранные граждане. Именно эта категория трудовых мигрантов связывает различные сектора российской экономики и влияет на экономическую жизнь стран-доноров. Трудовые мигранты оказались «между молотом и наковальней»: они утратили доступ к источникам дохода и социальной поддержке, при этом не могли уехать, не подвергаясь риску штрафов, долгов или дополнительных угроз для своего здоровья и здоровья окружающих по возвращении домой.

МВД России, принимая во внимания сложную ситуацию с распространением COVID-19, вынуждено было ослабить режим регистрации. С 19 марта 2020 г. все иностранные граждане получили право обратиться в ближайший к месту своего проживания территориальный орган МВД с заявлением, составленным в произвольной форме, независимо от цели въезда в РФ, им продлевался срок действия документов (визы, миграционной карты, уведомления о постановке на миграционный учет, РВП, ВЖ). Кроме того, трудовым мигрантам во время пандемии разрешили получать и продлевать патенты без необходимости выезда за пределы РФ, и за эти действия их не привлекали к административной ответственности (Письмо МВД 2020).

Помощь мигрантам со стороны дипломатических миссий стран Средней Азии активизировалась в марте–апреле 2020 г. Наиболее активную и действенную помощь оказало мигрантам Посольство Кыргызской Республики в Российской Федерации. Но некоторые страны СНГ мало сделали для того, чтобы минимизировать риски от наступившего миграционного кризиса. Некоторые государства не предоставили мигрантам возможность беспрепятственно вернуться на родину, полностью закрыв границы. «Официальная ситуация с закрытием границ сильно отличалась от реальной, что очевидно усугубило положение мигрантов. Поскольку государства не решали проблему по возвращению собственных граждан и предоставлению иностранцам возможности беспрепятственно вернуться на родину, люди делали это своими силами на полуправовых основаниях» (Рязанцев, Молодикова, Брагин 2020: 30).

По указу премьер-министра М. Мишустина, в России было сокращено количество разрешений для иностранцев на временное проживание (РВП) в 2021 г.

Таблица 1

Распределение по субъектам ДФО квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в РФ

	на 2020 г.	на 2021 г.
РФ – всего	60 270	39 325
ДФО – всего	4 960	3 700
Приморский край	1000	500
Хабаровский край	500	500
Сахалинская область	400	400
Республика Бурятия	650	300
Республика Саха (Якутия)	700	500
Забайкальский край	300	300
Камчатский край	250	250
Амурская область	500	500
Магаданская область	300	250
Еврейская автономная область	200	100

* Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ

Работодатели неоднократно обращались к властям с просьбой открыть границу для мигрантов, делая акцент на рабочих из визовых стран, которые, как правило, въезжают организованно и имеют квалификацию. На Дальневосточный федеральный округ была выделена квота в 3700 чел., распространявшаяся на мигрантов из визовых государств, приезжие из других стран СНГ в нее не входили.

В 2020 г. на ДФО было выдано 4960 квот. В 2021 г. количество квот сократилось почти на четверть. При этом проблему на рынке труда создают не иностранцы с разрешением на временное проживание (РВП) на территории РФ, а именно «безвизовики», которых так любят брать на работу российские предприниматели. Логику последних понять нетрудно: им можно меньше платить, не заботясь при этом о качестве рабочих мест и внедрении трудосберегающих технологий, значит, и о повышении производительности труда.

Миграционно-трудова́я ситуация в российских регионах непроста, и сложность состоит в том, что происходит выдавливание мигрантов из сферы легального бизнеса в «теневую». «Находясь в состоянии безработицы и безденежья, без возможности вернуться на родину, работники сами согласны на самые низкие ставки, на работу в опасных условиях, «серую» зарплату, которая выплачивается на основании устных договоренностей, и часто не выплачивается, либо задерживается» (Полетаев 2020).

Закрытие границ из-за эпидемии нарушило привычные потоки миграции по всему миру, в том числе и в России. Согласно документам МВД РФ, за девять месяцев 2020 г. в Россию въехало около 4,3 млн иностранцев, в 2019 г. — 15,8 млн, 2018 г. — 16,3 млн, в 2017 г. — 15,1 млн. То есть поток сократился почти на 70% (Число иностранцев 2021).

Резкое снижение количества мигрантов проявилось не сразу. Россия закрыла границы в марте 2020 г., а острый дефицит иностранной рабочей силы начался в середине лета. Это в основном было связано с остановкой бизнеса и закрытием предприятий. Поэтому многие из тех, кто летом еще надеялся, что ограничения закончатся, и можно будет вернуться к работе, решили уехать. Отток гастарбайтеров запустил трансформацию рынка труда. К этому вело падение доходов, покупательской способности населения, рост безработицы, пессимистичные прогнозы по восстановлению предприятий.

С началом пандемии COVID-19 из ДФО уехало значительное количество трудовых мигрантов. Только из Приморья – 10 тыс. чел. (К чему приведет... 2020). Их отъезд вызвал дефицит обслуживающего персонала, сотрудников в сфере ЖКХ и строительства. На миграционном учете на 1 октября 2020 г. в Приморском крае состояли (с учетом уехавших) 33519 граждан СНГ. Из них 31384 чел. при въезде заявили, что приехали работать. Патенты оформили 14709, часть из них заключила договоры найма с работодателями, остальные не смогли. А 16675 иностранных граждан, по всей видимости, трудились без оформления разрешительных документов.

ДФО является настоящей кузницей кадров для всей страны, в том числе среди иностранных рабочих. Люди приезжают на строительство заводов, ГОКов и других объектов, получают опыт, а затем уезжают в другие регионы и страны, где за их опыт предложат больше денег. А вместо них в ДФО въезжает неквалифицированная рабочая сила, и этот поток, как правило, больше.

В регионе сконцентрировали усилия на стимулировании бизнес-процессов для внутренних мигрантов: создании условий для привлечения инвестиций в ТОР, свободный порт Владивосток, выдавались «дальневосточные гектары», действовали налоговые и таможенные послабления. Но особые условия для инвестиций нуждаются в особых условиях для людей, живущих на территории. Жители Дальнего Востока не готовы работать на тех должностях и с теми зарплатами, которые устраивали трудовых мигрантов.

По мнению экспертов, пандемия, экономический кризис и краткосрочный рост безработицы не приведут к изменению долгосрочных демографических трендов. Поэтому принципиально важно не закрывать для трудовых мигрантов возможность выхода на российский рынок труда, а регионам – сохранять миграционную привлекательность в долгосрочной перспективе.

Литература и источники:

К чему приведет сокращение квот на мигрантов // Российская газета. № 261 (8315). 2020. 19 нояб.

Письмо МВД России от 19 марта 2020 г. № 1/2964 «О дополнительных мерах по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (2019-nCoV)».

Полетаев Д. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealno-go-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koro-na-virusa-na-problemy/> (дата обращения 13.01.2022).

Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Брагин А. Д. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4. С. 10–38.

Число иностранцев сократилось... // Аргументы и факты. 2021. 21 янв.

Мамкина Инна Николаевна
доктор исторических наук
Забайкальский государственный университет
Чита, Россия
inna-mamkina@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С АЗИАТСКИМИ ДЕРЖАВАМИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье обобщаются сведения о дипломатических механизмах, учрежденных на востоке Российской империи в XIX – начале XX вв. для взаимодействия с азиатскими державами. До открытия полноценных консульских служб на территории Дальнего Востока дипломатические полномочия возлагались на генерал-губернаторов и чиновников по дипломатической части. Полномочия чиновника определялись генерал-губернатором и зависели от внешнеполитической обстановки в регионе. Взаимодействие с иностранными властями на приграничной территории осуществляли пограничные комиссары. Установлено, что впервые гражданская должность пограничного комиссара учреждается в Кяхте для установления взаимоотношений с маймаченским дзргучеем. В дальнейшем опыт Кяхты распространился на Приамурское генерал-губернаторство. В полномочия пограничных комиссаров входило установление и поддержание добрососедских отношений с администрацией сопредельной стороны, а также разрешение спорных вопросов. Автор приходит к выводу, что основная задача дипломатических учреждений заключалась в обеспечении согласованности действий центральных и региональных властей по обеспечению национальных интересов в контексте взаимодействия с азиатскими государствами.

Ключевые слова: Россия, Китай, пограничный комиссар, чиновник по дипломатической части, дипломатия, взаимодействие.

Mamkina Inna Nikolaevna
Doctor of Sciences in History
Transbaikal State University
Chita, Russia

MECHANISMS FOR INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE WITH THE ASIAN POWERS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article summarizes information on diplomatic mechanisms established in the east of the Russian Empire in the 19th century to cooperate with Asian powers. Before the opening of full-fledged consular services in the Far East, diplomatic powers were entrusted to Governors-General and officials in the diplomatic corps. The powers of the officers were determined by the Governor-General and depended on the foreign policy situation in the region. Border Commissioners cooperated with foreign authorities on the border territory. The author reveals that for the first time a civilian position of border commissioner was established in Kyacht for maintaining the relationship with the Maimachen's dzarguchi. Later the Kyakta practice spread to the Amur General Governorate. The powers of the border commissioners included the establishment and maintenance of good-neighborly relations with the administration of the neighboring country, as well as the resolution of disputed issues. The author concludes that the main task of diplomatic institutions was to ensure the coherence of the actions of central and regional authorities and protect national interests in the context of interaction with Asian states.

Keywords: Russia, China, border commissioner, diplomatic officer, diplomacy, interaction.

Активизация международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XIX в. обусловила усиление внимания европейских держав к дальневосточным рубежам Российской империи, что привело к формированию специальных механизмов внешнеполитической деятельности на востоке Российской империи. Отсутствие консульских учреждений на востоке империи налагало на генерал-губернаторов ответственность за установление добрососедских отношений с сопредельными державами. Одним из

дипломатических механизмов стало учреждение должности чиновника по дипломатической части, относившейся к категории чиновников по особым поручениям. Полномочия и компетенция определялись должностным лицом, при котором учреждалась должность. Как правило, это было связано с особой государственной деятельностью, не урегулированной законодательством о гражданской службе.

Впервые должность была введена в Приамурье по инициативе генерал-губернатора С. М. Духовского 25 ноября 1896 г. (Иконникова 2012: 27). Первым чиновником был назначен Я. Я. Лютш, прибывший к месту службы в октябре 1897 г. (Сорокина 2005: 7).

В 1908 г. генерал-губернатор Андрей Николаевич Селиванов ходатайствовал об учреждении должности дипломатического чиновника в Иркутском генерал-губернаторстве «...по образу с уже существующими в Приамурском и Туркестанском генерал-губернаторствах» (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 394. Оп. 1. Д. 22. Л. 83 об.). Генерал-губернатор предлагал обязать чиновников следить за идейным движением среди бурят в связи с возрастанием среди них «ламаистских идей»; изучать условия в прилегающих соседних странах «в целях возможного экономического завоевания этих стран»; иметь осведомленность о крупных политических событиях за рубежом в Азии (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 22. Л. 83 об.). После длительной переписки с МИДом ходатайство генерал-губернатора было утверждено в мае 1911 г. Первым чиновником назначен Николай Кузьмич Эльтеков (АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1065. Л. 18].

Еще одним дипломатическим механизмом являлись гражданские чиновники в должности пограничных комиссаров. Юридически полномочия пограничного комиссара оформлены 9 февраля 1863 г. Государственный Совет утвердил инструкцию пограничному комиссару, составленную военным губернатором Забайкальской области. Пограничный комиссар относился к МИДу и замещался гражданскими лицами, состоял в непосредственном подчинении военному губернатору Забайкальской области, по дипломатическим вопросам взаимодействовал с генерал-губернатором Восточной Сибири. При обсуждении полномочий комиссара члены Госсовета отмечали, что должность учреждается «для сношения с дзаргучеем Кяхтинского Маймачена и заведования собственными пограничными делами в Кяхтинской слободке» (АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3]. Неоценимый вклад в развитие дипломатических отношений с Монголией внес А. И. Деспот-Зинович, один из первых чиновников, занимавший эту должность (Маланова 2011: 165).

В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков предлагал учреждение должности пограничного комиссара в Приморье в связи со значительным наплывом китайского населения на южной границе Приморской области. После длительных переговоров и выводов о том, что содержание пограничного комиссара менее затратно, чем содержание консульства, особое совещание по делам Приамурского края весной 1869 г. приняло положительное решение.

За основу должностной инструкции Южно-Уссурийского пограничного комиссара была взята инструкция из Кяхты. По данным Е. И. Нестеровой, первым комиссаром края в 1870 г. назначили Василия (Вильгельма) Дмитриевича (Эдуардовича) Овандера (Нестерова 2018). По состоянию здоровья Овандер не смог продолжить службу, и в 1871 г. временно исполнял обязанности надворный советник Филиппович. С 27 августа 1873 г. назначение получил Николай Гаврилович Матюнин, прослуживший в должности более 30 лет.

В 1896 г. на расширенном заседании Государственного Совета, департамента законов и департамента государственной экономии по ходатайству Приамурского генерал-губернатора обсуждался вопрос об учреждении должности Амурского пограничного комиссара. На этот раз необходимость в пограничном комиссаре возникла из-за увеличивающегося числа китайцев и маньчжуров в Амурской области. Строительство Транссиба, разработка золотых приисков на Амуре привлекали китайцев возможностью получения работы. Первым пограничным комиссаром в Амурской области стал Б. Л. Громбчевский (Павлов 2009: 107).

В июне 1912 г. в МИДе подготовили «Материалы для инструкции Урянхайскому комиссару» (Василенко 2016). Отметим, что на этот раз в обязанности пограничного комиссара входила работа с местным населением по вопросам самоопределения края и установлению самостоятельного правления. Статус пограничного комиссара позволял избежать претензий китайских властей, уже знакомых с характером деятельности комиссаров. На должность пограничного комиссара в Урянхае был утвержден коллежский асессор А. П. Церерин, приступивший к выполнению обязанностей в 1913 г. (Василенко 2016: 216).

Таким образом, возросший интерес иностранных держав обусловил необходимость усиления механизмов внешнеполитического сотрудничества и согласованности их действий с центральными органами власти в контексте обеспечения национальных интересов. Ответом на обозначенную проблему стало учреждение дипломатической канцелярии, должностей чиновников по дипломатической части и пограничных комиссаров, эффективность деятельности которых еще предстоит изучить. Основная задача дипломатических учреждений заключалась в сглаживании пограничных конфликтов, установлении добрососедских отношений с сопредельными азиатскими государствами. Вместе с тем каждое из учреждений, несмотря на схожие функции, выполняло особые полномочия, определенные спецификой региона. Их деятельность, являясь необходимым условием мирного характера взаимоотношений между российскими и китайскими подданными, между коренным и русским населением, обеспечивала в определенной мере социальную стабильность.

Литература:

Василенко В. А. Отношения стран «Центральноазиатского треугольника» по «Урянхайскому вопросу» (1911–1914 гг.) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX в. Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. 359 с.

Иконникова Т. Я. Оформление отношений с консульским органом в Приамурском генерал-губернаторстве (1908–1912 гг.) // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 28–34.

Нестерова Е. И. Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х гг. XIX в.) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 118–125.

Маланова А. В. Кяхтинское градоначальство и А. И. Деспот-Зенович // Молодой ученый. 2011. № 9 (32). С. 163–167.

Павлов Ю. А. Офицеры – пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 105–109.

Сорокина Т. Н. Должность чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе [Электронный ресурс] // URL: https://otherreferats.allbest.ru/history/01181497_0.html (дата обращения: 28.01.2022).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЛАВ РУССКИХ ПОСОЛЬСТВ НА ПЕРЕГОВОРАХ С КОЧЕВНИКАМИ СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVII в.

В статье на основе анализа отчетной документации (статейные списки и доезды), составленной русскими дипломатами, осуществлявшими коммуникацию с главами кочевых военно-политических объединений севера Центральной Азии, предпринимается попытка проследить то, как послы идентифицировали себя во время переговоров. Установлено, что такие слова, как «посол» и «посланник» использовались крайне редко при описании исполнений своих служебных поручений. Это свидетельствует об упрощении посольской атрибутики в коммуникации с центрально-азиатскими кочевниками, которые изначально не воспринимались равноправными контрагентами российского монарха. Неопределенность в лексике документации, исходящей от центральных органов власти, привела к тому, что сибирские служилые люди порой не идентифицировали свой дипломатический статус вовсе.

Ключевые слова: идентификация, статейные списки, дипломатия, центрально-азиатские кочевники, Российское государство.

Popov Dmitry Konstantinovich
Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia

SELF-IDENTIFICATION OF THE HEADS OF RUSSIAN EMBASSIES IN NEGOTIATIONS WITH THE NOMADS OF THE NORTH OF CENTRAL ASIA IN THE 17-th CENTURY

The paper analyzes the reporting documentation (stateynyye spiski and doyezdy) compiled by Russian diplomats who communicated with the heads of nomadic military-political associations in the north of Central Asia, attempts to trace how the ambassadors identified themselves during the negotiations. Such words as *posol* and *poslannik* (an ambassador and an envoy) were found to be used extremely rarely when describing the execution of their official assignments. It demonstrates the simplification of ambassadorial paraphernalia in communication with Central Asian nomads, who were not initially perceived as equal counterparties of the Russian monarch. Uncertainty in the vocabulary of documentation coming from the central authorities led to the fact that Siberian servicemen sometimes did not identify their diplomatic status at all.

Keywords: identification, stateynyye spiski, diplomacy, Central Asian nomads, Russian state.

В XVII в. Российское государство установило дипломатические отношения с кочевыми военно-политическими объединениями севера Центральной Азии: ойратами (калмыками, джунгарами), приобскими телеутами, енисейскими киргизами, хотогойтами, халха-монголами. Из Сибири в степь, по указанию властей, нередко отправлялись дипломатические миссии, главной целью которых по большей части было привести «под государеву высокую руку» глав кочевых объединений. Несмотря на такой политический курс Российского государства, переговоры с кочевниками в основном осуществлялись в рамках нормативов «посольского обычая», который сложился в конце XV–XVI вв.

Переговорный процесс в XVII в. от лица российского монарха в основном осуществлял уполномоченный на это служилый человек, которого отправляли к иностранному правителю в специальном дипломатическом ранге. «Посольский обычай» Российского государства в XVI–XVII вв. подразумевал дифференциацию дипломатов на послов, посланников и гонцов (См. подр.: Юзефович 1988: 29). Дипломаты, возвращаясь из посольства обратно в Россию, составляли отчеты (статейные списки и доезды), в которых четко себя идентифицировали в соответствии с тем дипломатическим статусом, которым они наделялись перед отправкой за границу.

В случае же с идентификацией глав русских посольств, которые вели переговоры с представителями кочевой элиты севера Центральной Азии на протяжении XVII в. ситуация была иная. Делопроизводственная документация нормативно-распорядительного вида (указы, указы, указы), как правило, содержит мало информации о номинации глав русских дипломатических миссий какими-либо рангами. Такая же ситуация складывается и с отчетной документацией, исходящей от сибирских уездных и разрядных воевод, где сибирские администраторы, докладывая вышестоящим органам власти (разрядному воеводе или в приказ), зачастую попросту не указывали ранг посланника, которого они отправили на переговоры, ограничиваясь глаголом «послали». Вопрос об их номинации в документации нормативно-распорядительного вида в рамках данного исследования будет оставлен в стороне, поскольку заслуживает отдельного рассмотрения.

Отчеты посольских миссий дают несколько больше информации, чем названные ранее источники. Выборка данного вида источника обусловлена тем, что статейные списки и доезды подавались, как правило, либо самими главами русских посольств, либо их «товарищами»-подьячими. Иначе говоря, эта документация исходила непосредственно от участников переговорного процесса и заслуживает особого внимания. При этом, анализируя данные документы, необходимо учитывать, что в отдельных случаях лексемы-идентификаторы использовались самими дипломатами при описании каких-либо действий как во время передвижения посольства, так и во время переговорного процесса. В других случаях идентификаторы фиксировались послами в «речах» иностранных контрагентов, которые номинировали их во время вербальной коммуникации. Данные моменты не будут затрагиваться в рамках статьи, поскольку также заслуживают отдельного дискурс-анализа.

Анализ делопроизводственной документации отчетного вида (статьейные списки и доезды) показал следующие результаты. Отчетная документация, которая исходила от послов, не всегда фиксировала лексемы-идентификаторы. Отмечается также непоследовательность в употреблении слов «посол» и «посланник» применительно к главам русских посольств. Правда, в отдельных случаях в статейных списках прямо указывалось, в каком статусе дипломат поехал в степь (Русско-монгольские отношения (РМО) 1974: 273, 276, 370; РМО 1996: 364, 365, 377).

Следует отметить, что наиболее репрезентативными являются материалы русско-хотогойтских переговоров второй половины 1630-х гг. Так, статейные списки детей боярских С. Греченина и В. Старкова пестрят лексемами «государевы послы / послы / великого государя послы» применительно к служилым людям, которые возглавляли переговоры с хотогойтским алтын-ханом и тибетским далай-ламой. В данных документах лексемы-идентификаторы использовались как самими авторами отписок при самоидентификации («и подводы под государеву казну и под послов дали» (РМО 1974: 33, 35, 36, 51, 52, 53)), так и вкладываются в «речи» представителей кочевой элиты (РМО 1974: 34, 37, 53).

Имеются случаи, когда главы русских дипломатических миссий самоидентифицировали себя во время церемониальных действий, т.е. во время вычитки государевой титулатуры представителям кочевой элиты (РМО 1974: 108, 113). Один из таких случаев произошел на русско-хотогойтских переговорах в 1638 г., когда алтын-хан, по мнению русских послов, нарушал нормы «посольского обычая» (РМО 1974: 108). В статейном списке, поданном сыном боярским В. Старковым по результатам упомянутых переговоров, встречается весьма интересная фраза, которая исходила от русских дипломатов: «нас, государевых послов» (РМО 1974: 118, 122). По всей видимости, главы данного посольства воспринимали свой статус именно таковым, отстаивая во время переговоров с алтын-ханом «честь» московского государя.

Весьма интересно, что все тот же сын боярский В. Старков в своем отчете писал о тех дипломатах, которые побывали у алтын-хана до него не и иначе как о «государевых послах» (РМО 1974: 112, 114), в то время как подьячий Д. Огарков в своей челобитной, поданной в Посольский приказ в 1640 г., называл всех дипломатов, которые ездили после его посольства в 1634 г. к алтын-хану, посланниками. Вероятно, это связано с тем, что сами современники (а ведь Д. Огарков сам «правил» посольство вместе с дворянином Я. Тухачевским) не имели четкого представления об определении дипломатического статуса русских послов.

Таким образом, можно констатировать, что крайне редкое использование, а порой и вовсе отсутствие в отчетной документации лексем-идентификаторов, используемых для определения дипломатом своего статуса, свидетельствует о следующем. Во-первых, об упрощении посольской атрибутики в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками северной Центральной Азии. Норматив-

но-распорядительная документация сама не определяла дипломатический статус тех служилых людей, которые возглавляли переговоры. Это сказывалось и на самих главах посольств, которые, по всей видимости, попросту не понимали в полной степени, как идентифицировать себя в отчетной документации. Во-вторых, в тех случаях, когда служилые люди называли себя «государевыми послами», они все же не становились вровень тем послам, которые ездили в Речь Посполитую, Швецию и другие европейские государства. В таких случаях данная самоидентификация, надо полагать, повышала их статус среди членов посольства, а также в глазах кочевых контрагентов.

Литература:

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, 1974. 469 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов / Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Изд. Вост. лит., 1996. 559 с.

Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII вв. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.

Тутаев Илья Васильевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия
TutaevLawyer@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Русский царь Петр I Великий, известный, прежде всего, европоцентристскими преобразованиями, занимался и решением «восточных» вопросов. Одним из таких вопросов была организация торговой компании для ведения русско-китайской торговли. Хотя в конечном итоге такая компания так и не была образована при Петре I, определенные начинания в этом направлении были предприняты. Целью настоящей работы является выявление правовых принципов, на которых должна была строиться организация соответствующей компании. Исследование приурочено к 350-летию со дня рождения Петра I.

Ключевые слова: Петр I, Россия, Китай, русско-китайская торговля, торговая компания, история права.

Tutaev Ilya Vasilievich
National Research University “Higher School of economics”
Saint Petersburg, Russia

PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF TRADING COMPANY FOR RUSSIA-CHINA TRADE CONDUCTION IN RUSSIA OF THE FIRST QUARTER OF 18TH CENTURY: LEGAL ASPECTS

Russian tsar Peter I the Great, who is primarily known for his Eurocentric reforms, was dealing with “Oriental” problems as well. One of those problems was organization of a trading company for Russia-China trade conduction. Though such company was not established during the reign of Peter I, certain undertakings were made nevertheless. The purpose of the current paper is to find out legal principles on which organization of such company had to be based on. This research is dedicated to the 350th anniversary of Peter I.

Keywords: Peter I, Russia, China, Russia-China trade relations, trading company, history of law.

Русский царь Петр I (1672–1725 гг.), «прорубивший окно» в Европу, известен, прежде всего, своими европоцентристскими преобразованиями и стремлениями. Ввиду указанного обстоятельства может сложиться некорректное убеждение, что дела «восточные» государя вовсе не интересовали. Вместе с тем именно эпоха правления Петра I знаменуется началом оформления торговых отношений между Россией и империей Цин (Китай). Хотя фактически взаимоотношения между двумя государствами начались еще с первой половины XVII в., возникновение русско-китайской торговли было связано с заключением Нерчинского договора 1689 г. (Русско-китайские отношения 1689–1916: 9–11). Так, ст. 5 договора предусматривала возможность свободной купли-продажи между подданными обеих держав при наличии проезжих грамот.

После заключения Нерчинского договора и на протяжении всей петровской эпохи торговля с Китаем строилась по «караванной» модели. Купцы централизованно направлялись караванами, и вся их деятельность от начала и до конца пути жестко контролировалась государством: в организации таких предприятий принимали участие Сибирский приказ, Сенат и Коллегия иностранных дел. В годы правления Петра I, соответственно, было направлено около 15 казенных караванов (Березницкий 2017: 13). В то же время государь выражал намерение изменить сложившуюся модель торговли.

Указ Петра I от 02.03.1711 (ПСЗ, т. IV 1830: 645), адресованный Сенату, в п. 8 устанавливал, что «торг китайской, зделав компанию добрую, отдать». Данная норма позволяет сделать вывод о стремлении Петра I отойти от «караванной» модели торговли и учредить компанию, которая занималась бы вопросами русско-китайской торговли. Само по себе такое намерение вполне соответствовало общему духу преобразований царя-реформатора, стремившегося к организации в России торговых компаний

(Макаревич 2017: 58). Хотя в конечном итоге рассматриваемая компания так и не была образована, определенные начинания в этом направлении были предприняты. Соответственно, возникает вопрос: на каких правовых принципах должна была строиться организация торговой компании для ведения торговли с Китаем? Попытка ответить на указанный вопрос и является целью настоящей статьи.

Русско-китайская торговля в петровскую эпоху неоднократно становилась предметом для изучения специалистов (Березницкий 2017; Кириллова 2018; Самойлов 2014; Самойлов 2021; Шкунов 2012; Яковлева 1966 и др.). Частная компания для ведения русско-китайской торговли также рассматривалась в научной литературе (Березницкий 2017: 23; Самойлов 2014: 119; Самойлов 2021: 68; Фирсов 1896: 25), однако она интересовала исследователей исключительно с позиции простого намерения Петра I учредить такую компанию. В то же время вопрос об организации такой компании, равно как и правовые аспекты такой организации, детально специалистами не исследовались. Настоящая работа направлена на устранение указанного пробела.

В эпоху правления Петра I было принято всего лишь два нормативно-правовых акта, которые касались регулирования организации компании для торговли с Китаем: уже упомянутый Указ Петра I от 02.03.1711 г. (далее – Указ) и приговор Сената от 13.04.1711 (ПСЗ, т. IV, 1830: 664–665) (далее – Приговор). Следует рассмотреть вышеназванные правовые памятники более подробно.

В соответствии с содержанием Указа Правительствующему Сенату передавались некоторые полномочия во время пребывания Петра I в Померании. Одним из таких полномочий и была передача китайского торгового «компании доброй». Из содержания данного правового памятника, очевидно, следует стремление к организации торговли с Китаем посредством учреждения компании (взамен старой «караванной» модели), т.е. к переходу к коллективной форме организации русско-китайской торговли. Хотя Указ сам непосредственно ничего не учреждал, он заложил правовые основы для учреждения соответствующей компании.

Впоследствии Сенатом был издан Приговор, который был направлен на реализацию вышеназванного Указа. В соответствии с указанным документом Сенат «для определения компании, дабы китайской торговля была свободна и ко умножению в том пошлин» запрашивал сведения относительно характера и объемов русско-китайской торговли. Приговор также непосредственно не учреждал никакой компании, однако из его содержания можно выявить следующие положения: основная цель организации компании представляет собой государственный интерес пополнения казны, а торговля с Китаем должна строиться на свободных началах.

После издания рассмотренных выше правовых памятников Петром I и его правительством больше не предпринимались никакие попытки по организации компании для ведения русско-китайской торговли. Чем можно объяснить возникшее затишье? Ответ можно найти в письме царя от 01.09.1711 г., в котором сенаторам указывается, что Указ был неверно истолкован: «невозможно, чтобы посадским одним в такое великое дело вступить; но искать, чтоб из знатных людей несколько человек и при них торговые в оное вступили» (Фирсов 1896: 25). Государь указывает на необходимость привлечения к вопросу представителей разных сословий, а не только купечества. Нельзя также сбрасывать со счетов факт занятости царя иными преобразованиями, а также активным участием в Северной войне (1700–1721 гг.).

Несмотря на то, что в конечном счете торговую компанию для ведения русско-китайской торговли в годы правления Петра I учредить не удалось, предпринятые начинания сыграли значительную роль для последующего регулирования, поскольку они заложили ряд принципов для организации такой компании: коллективная форма организации торговли; свободный характер торговли, преследование государственного интереса пополнения казны. Результаты такого заложенного фундамента проявят себя позже, уже после смерти Петра I. Так, Китайская компания в конечном итоге будет учреждена в 1739 г. при императрице Анне Иоанновне (ПСЗ, т. X, 1830: 908), однако рассмотрение ее правового статуса достойно отдельного исследования.

Литература:

Березницкий С. В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.

Кириллова С. В., Шевцов В. В. Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 121–126.

Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX вв.: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2014. 368 с.

Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 6. С. 65–76.

Макаревич М. Л., Богатырева О. Н. Из опыта правового регулирования торговой деятельности в период петровских преобразований // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 3. С. 54–62.

Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. 1700–1712. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Т. X. 1737–1739. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 142 с.

Фирсов Н. Н. Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII столетия. Очерк из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1896. 221 с.

Шкунов В. Н. Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX вв. Ульяновск: УлГУ, 2012. 255 с.

Яковлева П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1966. С. 122–151.

Актамов Иннокентий Галималаевич
кандидат педагогических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
aktamov13@gmail.com

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.¹

Работа посвящена анализу особенностей развития классической монгольской письменности в условиях трансграничного взаимодействия во Внутренней Азии. Интерес представляют социолингвистические процессы в указанном регионе в XX – начале XXI вв., которые имеют разные политические и историко-культурные основы. В рамках данной статьи предпринята попытка охарактеризовать общие и особенные черты, выявить факторы, оказывающие влияние на характер использования классической монгольской письменности в зависимости от государств и регионов Внутренней Азии. Классическая монгольская письменность имеет богатую историю, но в силу объективных исторических процессов развивалась под влиянием разных факторов в разных государствах – России, Монголии и Китае. В современных условиях данная письменность обретает новое значение, в том числе и с точки взаимодействия народов трех стран.

Ключевые слова: классическая монгольская письменность, Внутренняя Азия.

Aktamov Innokenty Galimalaevich
Candidate of Sciences in Pedagogy
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

HISTORICAL, CULTURAL AND POLITICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CLASSICAL MONGOLIAN WRITING IN INNER ASIA IN THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

The issue is devoted to the analysis of the features of the development of classical Mongolian writing (old-written Mongolian language) in the context of cross-border interaction in Inner Asia. Author analyzes the sociolinguistic processes in this region in the 20th – early 21st centuries, which have different political, historical and cultural foundations. The author attempted to characterize common and special features, to identify factors that influence the nature of the use of classical Mongolian writing, depending on the states and regions of Inner Asia. Classical Mongolian writing has a rich history, but due to objective historical processes, it developed under the influence of various factors in different states – Russia, Mongolia and China. In modern conditions, this writing takes on a new meaning, including from the point of interaction of the peoples of the three countries.

Keywords: classical Mongolian writing, Inner Asia.

Введение

Современные геополитические процессы протекают под воздействием двух основных векторов – глобализации и регионализации. Регионализация протекает в нескольких измерениях: внутригосударственном, трансрегиональном, транснациональном (Базаров 2011: 26) и собственно на межгосударственном уровне. Внутренняя Азия как особый географический и культурно-исторический концепт имеет границы, объединяющие территории, в состав которой включена Монголия, регионы КНР –

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия», № 121031000302-9).

Синьцзян-Уйгурский автономный район и автономный район Внутренняя Монголия, а также субъекты Российской Федерации – Республика Бурятия, Республика Тыва, Забайкальский край. Помимо природных характеристик, объединяющих регион, сюда включены и геокультурные характеристики, составляющие междивизиональный континуум (Гомбоев 2004: 4; Худяков 2008: 8).

Классическая монгольская письменность в новейший исторический период

История развития монгольской письменности в XX в. была сопряжена с социально-политическими процессами в Советском Союзе, МНР и КНР. Языковая политика нашла свое отражение в развитии системы образования и реализации программы ликвидации безграмотности. Было принято принципиальное решение в области языковой политики – руководство страны решило использовать латинскую письменность для сближения народов, населявших Советский Союз. Решение имело политические основания, поскольку латинский алфавит воспринимался как интернациональная письменность, которая будет использоваться после победы мировой революции. Указанный процесс затронул в том числе и Бурят-Монгольскую АССР. По мнению исследователей, «латинизация способствовала выделению бурятского языка в самостоятельную единицу в процессе языкового строительства» (Базарова 2008: 366). Эксперимент с использованием латинской графики в силу объективных причин был признан несостоявшимся, и в 1939 г. БМАСССР переходит на кириллическую письменность. Несколькими годами позже, в 1941 г., на кириллицу переходит и МНР.

В 1950-е гг. вопросы языкового строительства актуализировались и во Внутренней Монголии КНР. В том числе это было связано с необходимостью выработки стратегии развития литературного китайского языка. По приглашению КНР для помощи китайским коллегам был направлен советский специалист Г. П. Сердюченко, который с октября 1954 г. по июль 1957 г. работал советником по лингвистике в Академии общественных наук и Центральном университете национальностей (Хухбатор 2021: 51). Процессы языкового строительства во Внутренней Монголии по многим своим параметрам были схожи с процессами, которые протекали в Бурят-Монголии в первой половине XX в. Особенностью явилось то, что монголы Внутренней Монголии в лице Народного комитета АРВМ высказались за сохранение использования старописьменного монгольского языка. Резонными являлись доводы в пользу необходимости сохранения и развития богатого культурного наследия, созданного на монгольской письменности, а также широкий характер распространения среди населения автономии. Имелись и политические причины, связанные с опасениями тесного сближения монгольских народов. Монгольская письменность получила поддержку со стороны китайского правительства и получила статус государственного языка в рамках АРВМ.

Халха-монгольский язык в Монголии, продолжает функционировать на основе кириллической графики. После демократической революции 1990 г. в стране начался рост национального самосознания, и в общественно-политическом дискурсе обрела определенную популярность идея возврата к старомонгольской письменности. Письменность была введена в учебную программу общеобразовательных школ, но в силу ряда причин данные инициативы не оказались жизнеспособными. Ситуация начала меняться только в последние 10-15 лет – классическая монгольская письменность обрела популярность в сфере брендинга, каллиграфии, научно-образовательных проектов. Правительство Монголии разработало комплекс мероприятий, направленных на постепенный переход к использованию классической монгольской письменности в сфере делопроизводства, государственного управления и социальной сферы в целом. В 2020 г. была принята III Национальная Программа по развитию монгольской письменности, которая рассчитана на 2020–2025 гг. Основным результатом программы в 2025 г. должно стать параллельное использование литературного монгольского языка на кириллице и на монгольской графике во всех официальных документах (Монгол бичгийн...).

Литературный бурятский язык с момента обретения самостоятельного статуса и перехода на кириллическую графику также столкнулся с рядом вопросов, которые необходимо решать. Главная проблема – это сужение сферы его применения, которая влечет за собой лингвистический застой, стагнацию, а затем и утрату языка. В качестве одного из путей развития бурятского языка некоторые рассматривают возможность максимального сближения с халха-монгольским языком. Другая часть экспертов выступает за самостоятельное развитие литературного бурятского языка, который получил свое развитие в Советском Союзе.

Заключение

В последнее время становится популярной точка зрения, основанная на «возвращении к истокам», что означает развитие бурятского языка путем использования возможностей старописьменного монгольского языка. Как отмечает Д. Д. Трегубова, «пользуясь терминами де Сваана, старописьменный монгольский язык можно считать центральным или, возможно, даже своеобразным “суперцентральным письменным языком”, имеющим гораздо больше шансов выжить в эпоху глобализации» (Трегубова 2016: 78). Общественный запрос на сохранение и развитие бурятского языка находит отражение в изучении классической монгольской письменности – активно организуются мастер-классы по монгольской каллиграфии, проводятся различные выставки и фестивали. Широкое распространение получило данное направление в информационной среде – создаются онлайн-платформы, в том числе всероссийского уровня. Развитие классической монгольской письменности дало стимул развитию монгольской каллиграфии, причем не только в Бурятии, но и в Забайкальском крае и Иркутской области. Все это позволяет говорить о перспективах развития классической монгольской письменности во Внутренней Азии. С точки зрения функциональной нагрузки она является не только средством коммуникации, но и может быть источником развития языков в современных условиях.

Литература:

- Базаров Б. В. Региональная парадипломатия трансграничных регионов // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 26–36.
- Базарова В. В. Опыт унификации языков в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. № 8. С. 360–366.
- Гомбоев Б. О. Аграрное землепользование Внутренней Азии: автореф. дис. ... д. геогр. н. Иркутск, 2004. 40 с.
- Ли Пин. Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия: на примере автономного района Внутренней Монголии КНР: автореф. дис. ... канд. филос. н. Чита, 2007. 24 с.
- Трегубова Д. Д. Бурятский язык в глобальной языковой системе // Вестник КИГИ РАН. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 75–82.
- Худяков Ю. С. Понятие «Внутренняя Азия» в историко-культурном и рекреационном аспектах // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2008. № 2/3. С. 6–12.
- Хухбатог Б. Советский ученый Г. П. Сердюченко и литературный язык: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 1(41). С. 48–60.
- Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр III [Электронный ресурс] // URL: <https://www.montsame.mn/mn/read/224500> (дата обращения: 13.01.2022).

*Наземцева Елена Николаевна
доктор исторических наук
Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
elenanazz@mail.ru*

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
РУССКИХ ПОДДАННЫХ В СИНЬЦЗЯНЕ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ
В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАЧАЛА XX В.: СПЕЦИФИКА
ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 1911–1916 гг.**

В публикации рассматриваются особенности политико-правового положения русских подданных в китайской провинции Синьцзян и Алтайском округе в условиях обострения внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации в регионе, связанной с революцией в Китае, антикитайским выступлением в Западной Монголии, началом Первой мировой войны, восстанием 1916 г. и его последствиями. Анализируются причины и последствия падения правового статуса представителей русской диаспоры, сокращения прав русского населения в провинции, изменения отношения к русским со стороны местного населения и административных властей провинции. На конкретных примерах прослеживаются экономические, политические, межэтнические конфликты, их влияние на русско-китайские отношения в регионе. Особое внимание уделяется деятельности консулов Российской империи по защите и урегулированию прав русских в провинции, достижениям и неудачам.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян, Российская империя, русские подданные, правовой статус.

*Nazemtseva Elena Nikolaevna
Doctor of Sciences in History
Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

**POLITICAL AND LEGAL SITUATIONRUSSIAN SUBJECTS IN XINJIANG AND WESTERN
MONGOLIAIN RUSSIAN-CHINESE RELATIONS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY: THE
SPECIFICS OF THE LEGAL STATUS AND THE PROBLEM OF PROTECTION OF RIGHTS IN
THE CONTEXT OF THE AGGRAVATION OF THE POLITICAL SITUATION IN 1911–1916**

The paper examines the peculiarities of the political and legal situation of Russian subjects in the Chinese province of Xinjiang and the Altai District. They are considered in the context of the aggravation of the domestic and foreign policy situation in the region associated with the revolution in China, the anti-Chinese uprising in Western Mongolia, the outbreak of the First World War, the uprising of 1916 and its consequences. Russian Diaspora representatives' causes and consequences of the decline in the legal status, the reduction of the rights of the Russian population in the province, the change in attitude towards Russians by the local population and the administrative authorities of the province are analyzed. Economic, political, interethnic conflicts and their impact on Russian-Chinese relations in the region are traced on concrete examples. Special attention is paid to the activities of the consuls of the Russian Empire to protect and regulate the rights of Russians in the province, achievements and failures.

Keywords: China, Xinjiang, Russian Empire, Russian subjects, legal status.

В XIX в. происходит постепенное сближение между Российской и Цинской империями в Центральной Азии. Этому способствуют утверждение России в регионе и расширение торговых связей между двумя государствами, а также закрепление отношений между двумя странами подписанием целого ряда ключевых российско-китайских соглашений. Однако укрепление России в Центральной Азии и расширение экономических и политических связей с провинцией к началу XX в. стали вызывать недовольство

как китайских властей, так и местного населения. Кроме того, Синьхайская революция и связанные с ней внутривосточные изменения в Китае, а также начало Первой мировой войны повлияли на российско-китайские отношения в данный период. Изменилось и политико-правовое положение представителей российской диаспоры, проживающих в Китае.

Серьезное положение сложилось на западе Китая – в Синьцзяне. Здесь ситуация осложнилась из-за беспорядков в самой провинции и обострения положения в Западной Монголии, а также позднее из-за восстания 1916 г. и масштабных миграционных потоков, хлынувших в Синьцзян. Между тем правовой статус русских, проживавших в Китае к концу XIX – началу XX вв. не был до конца урегулирован. Периодически возникали межэтнические и бытовые проблемы в отношениях русских поселенцев, торговцев, кочевых народов – подданных Российской империи, но находящихся в Китае, с населением Синьцзяна. Сказывалась разница культур и особенности менталитета этнических русских, в частности, крестьян-поселенцев, среди которых было много старообрядцев, не желавших тесных контактов с местным населением. С другой стороны, налаживанию близких отношений русских с местным населением препятствовал такой устойчивый фактор, уходящий корнями в глубокое прошлое страны, как традиционный китайский этноцентризм (китаецентризм), трансформировавшийся постепенно в культурный национализм, а позднее, в XX в. – и в политический (Воскресенский 2004: 403).

Русско-подданные представители кочевых народов Центральной Азии, постоянно конкурировали с местными кочевниками за пастбища и возможность их использования. Все это приводило к постоянным столкновениям между русскими, проживающими в Синьцзяне, китайскими властями и местным населением. Поводы же для демонстрации негативного отношения к русским подданным были разные. Например, 3 декабря 1911 г. в г. Маралбаши четверо китайских солдат, пронесившие по базару таблицы с изображением имени Богдохана избили русско-подданного торговца А. Мадмусабаева за то, что тот не встал при прохождении процессии. 16 декабря 1911 г. управляющий российским консульством в Кашгаре С. Соков вручил местному даотаю словесную ноту ультимативного характера с изложением требований консульства, которые должны быть выполнены в течение семи дней. Даотай выразил глубокое сожаление по поводу случившегося и обещал дать удовлетворение (Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 523. Л. 5). Впоследствии китайское правительство выразило «самое глубокое сожаление» по поводу инцидента Маралбаши и просило передать Императорскому правительству извинения за случившееся (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 523. Л. 16).

Другим примером можно считать так называемый Чирасский инцидент. Привилегированное положение русско-подданных сартов в Кашгарском округе вызывало недовольство местного населения, и 8 июня 1912 г. вспыхнул погром в селении Чира, жертвой которого пало до 30 русско-подданных сартов. 18 сентября 1913 г. было подписано Чирасское соглашение в г. Кашгаре, которое урегулировало ситуацию в российско-китайских отношениях после погрома русско-подданных мусульман в Южной Кашгарии (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 523. Л. 3). Следует отметить, что это соглашение стало результатом настойчивости русской дипломатии в защите прав русских подданных на данном этапе, но оно не решило проблему кардинально. Китайские власти же «выразили надежду», что российский охранный отряд будет выведен из Кашгара «в возможно скором времени», что поддержал и российский посланник в Китае В. Н. Крупенский (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 523. Л. 1).

Возникали и серьезные межэтнические противоречия между русской диаспорой и местным населением. В частности, интенсивное занятие русскими китайских земель на севере провинции – в Алтайском округе в начале XX в. вызывало недовольство как китайских властей, так и местного населения. Неоднократно возникал вопрос о выселении русских из пределов Алтайского округа. В документах российского военного ведомства отмечалось, что, поскольку за последние годы в приграничной полосе с Россией расселилось определенное количество этнических русских и русско-подданных мусульман, ведущих активную торговлю и занимающихся хлебопашеством, эти поселенцы вызывали тревогу китайских властей, которые неоднократно обращались в консульство с требованием выдворить российских торговцев с самовольно занятых земель. Тем не менее, этот вопрос удалось урегулировать (Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3685. Л. 154 об.).

В русских поселках часто возникали трения между русскими и местным населением. Например, по данным сотрудников российского консульства, проживающие в Заречном Чонкуре русские крестьяне смотрели на местных киргизов «как на рабское и бесправное существо» (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д.

640. Л. 340). В поселке Чонкур ситуация была аналогичной: киргизы получали низкую оплату за свой труд – обрезки хлеба, остатки снятого молока, какое-то тряпье и т.д. (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 342).

Кроме того, Первая мировая война и восстание 1916 г. вызвали массовую эмиграцию в Синьцзян русско-подданного населения из Центральной Азии. По разным данным в Синьцзяне оказалось от 150 до 300 тыс. беженцев. Это привело к проблемам с продовольствием и распределением пахотных земель и пастбищ. Ситуация осложнялась тем, что между Китаем и Россией не был урегулирован вопрос подданства перемещенного населения. Китайская же сторона расценивала прибывших беженцев как усиление российского влияния в Синьцзяне и опасалась ввода российских войск на свою территорию (Аблажей 2015: 21).

Таким образом, политико-правовое положение русской диаспоры в Синьцзяне в 1911–1916 г. было весьма неустойчивым и сложным. Причины этого заключались как в разнице культур и нежелании тех и других идти на компромисс и объективно воспринимать друг друга, так и во внешнеполитических обстоятельствах, прежде всего, в расширении влияния Российской империи в регионе в целом, и в провинции – в частности. Последнее обстоятельство вызывало недовольство как администрации провинции, так и населения. «На передовой» оказались российские консулы, которым в большинстве случаев благодаря накопленному опыту и личному положительному имиджу удавалось урегулировать сложные вопросы между российскими подданными и местным населением, а также властями Синьцзяна, что способствовало сохранению разумного баланса в отношениях двух государств.

Литература:

Аблажей Н. Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 255 с.

Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей, 2004. 600 с.

Жабаева Лариса Будаевна
доктор исторических наук
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления
Улан-Удэ, Россия
vsgtuhistory@mail.ru

ЭМИГРАЦИЯ БУРЯТ В МОНГОЛИЮ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.)

Октябрьская революция 1917 г. и последующие события в России вызвали большую волну эмиграции бурятского населения в Монголию. В статье показана значимость решений специальной Русско-Монгольской комиссии (1923 г.) по вопросу о переходе бурят, российских подданных, в монгольское подданство. От российской стороны участвовали поверенный в делах РСФСР в Монголии В. И. Юдин, уполномоченный НКВД М. И. Амагаев, от Монгольского народного правительства – председатель ЦК Монгольской народной партии Япон-Данзан, советник министерства внутренних дел и министерства юстиции Ц. Г. Бадмажапов. Присутствовал с правом совещательного голоса Дашеев, председатель бурятского комитета, созданного бурятами, проживающими в Монголии для представления и защиты их интересов.

Ключевые слова: эмиграция, буряты, Монголия, Русско-Монгольская комиссия.

Zhabaeva Larisa Budaevna
Doctor of Sciences in History
East Siberian state University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russia

EMIGRATION OF THE BURYATS TO MONGOLIA (THE FIRST HALF OF THE 1920-s)

The October Revolution of 1917 and subsequent events in Russia caused a large wave of migration of the Buryat population to Mongolia. The article shows the significance of the special Russian-Mongolian commission (1923) decisions on the issue of the transfer of Russian Buryats to Mongolian citizenship. Yudin V. I., Chargé d'Affaires of the RSFSR in Mongolia, Amagaev M. I., authorized by the NKVD, participated from Russian. The Mongolian People's Government was presented by Yapon-Danzan, Chairman of the Central Committee of the Mongolian People's Party, Ts. G. Badmazhapov, Advisor to the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Justice. Dasheev, Chairman of the Buryat Committee, set up by the Buryats living in Mongolia to represent and protect their interests, was present in an advisory capacity.

Keywords: emigration, Buryats, Mongolia, Russian-Mongolian Commission.

Буряты издревле кочевали в Монголию и возвращались обратно на родину. Октябрьская революция 1917 г., гражданская война в России, революция 1921 г. в Монголии стали причинами большой волны эмиграции, бурятское население вместе с имуществом и скотом перекочевывало в просторные степи. Новое монгольское правительство начало работу по решению вопроса гражданства переселившихся в Монголию бурят (Оюунтунгалаг 2016: 13). Временный поверенный в делах СССР в Монголии В. И. Юдин сообщает из Урги в шифрограмме от 14 марта 1923 г. зав. Восточным отделом НКВД Л. М. Карахану о том, что монгольское правительство «постановило немедленном принятии монголподданство проживающих Монголии бурят...» (Монголия в документах... 2019: 23). Учитывая, что переход бурят носит массовый характер, он сообщает, что полпредство известило монгольское правительство о рассмотрении этого вопроса специальной комиссией (Монголия в документах... 2019: 23].

В июле 1923 г. состоялось несколько заседаний специальной русско-монгольской комиссии по вопросу о переходе бурят российских подданных в монгольское подданство, был принят совместный документ – Меморандум. От советской России участвовали первый секретарь Полпредства, временный поверенный в делах РСФСР в Монголии В. И. Юдин, уполномоченный НКВД М. И. Амагаев и секретарь Мартинелли; от Монгольского народного правительства – председатель ЦК МНП Япон-Данзан,

советник министерства внутренних дел и министерства юстиции Ц. Г. Бадмажапов и секретарь Санжи-Джамса. Участвовал в заседаниях также председатель бурятского комитета в Монголии Дашеев.

На собрании от 3 июля 1923 г. председательствовал В. И. Юдин. Повестка дня включала три вопроса: 1. утверждение протокола предыдущего организационного заседания; 2. обмен заявлениями обеих сторон Русско-Монгольской комиссии; 3. установление порядка перехода бурят-эмигрантов, проживающих на территории Монголии из российского подданства в монгольское (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 20. Л. 223).

По второму вопросу вначале было заслушано заявление представителей принимающей стороны, в котором отмечалось, что очередной задачей страны является поднятие производительных сил и благосостояния народа, и что большую услугу в этом направлении могли бы оказать единоплеменные и единовременные бурят-монголы, знакомые с новыми формами хозяйства, среди которых немало интеллигенции, приобщенной к западной культуре и цивилизации. Представители монгольского правительства отметили, что если бурят-монголы, проживающие на территории Монголии, и те, которые эмигрируют в будущем, пожелают признать власть народного правительства и помочь ему в политико-экономическом и культурном возрождении страны и если правительство советской республики не будет препятствовать в этом, то это «было бы весьма полезно для монгольского народа, а потому весьма желательно для этого правительства» (ГАРБ, Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 20 Л. 223 об.). Также подчеркивалось, что Монголия «широко открывает двери и другим заграничным монгольским племенам, изъявившим желание перейти в его подданство» (ГАРБ, Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 20. Л. 223 об.).

Затем было заслушано заявление российского правительства. В. И. Юдин сообщил, что уполномочен заявить, что препятствий к переходу бурят – российских подданных, проживающих в настоящее время на территории монгольского государства, в монгольское подданство, не имеется (ГАРБ, Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 20. Л. 223 об.). Он выразил уверенность, что им будут созданы соответствующие жизненные условия, которые обеспечили бы культурное и материальное благосостояние. Относительно вопроса будущей эмиграции бурят, других народов монгольской расы, населяющих Россию и перехода их в другое подданство, то такая постановка вопроса, по его мнению, выходит за рамки полномочий данного собрания.

По третьему вопросу комиссия установила, что буряты, проживающие на территории Монголии, переходят в монгольское подданство по собственному желанию и должны подать персональные заявления в Полпредство РСФСР и в монгольское правительство. Было решено создать две комиссии из представителей Полпредства РСФСР, монгольского правительства, бурятского комитета в Урге для работы в восточных и западных районах. Установлено, что дела должны быть окончены к 1 ноября 1923 г. Для работы комиссий была утверждена инструкция, согласно которой они должны были выехать по местам расселения бурят. При этом население следовало широко информировать о согласии российского правительства на переход бурят в монгольское подданство и о согласии принимающей стороны на принятие их в свое гражданство. Также надлежало оповестить эмигрантов о необходимости подачи документов по перемене подданства и условий устройства жизни. Для подачи заявлений была разработана установленная форма.

На заседании от 6 июля 1923 г. председательствовал Япон-Данзан. Принимающая сторона информировала собрание о формах устройства жизни эмигрантов. Так, бурятам, сгруппировавшимся в 300 домохозяйств, предоставлялось право организовать самостоятельный хошун, управление которого должно руководствоваться положением о местных органах самоуправления. Этим хошунам должны быть отведены определенные земельные участки, в достаточном размере отвечающие их хозяйственным потребностям для хлебопашества и скотоводства. Группы бурят в 100 дворов образуют сомон, 50 дворов – один баг, которые по собственному желанию причисляются либо к коренным монгольским или бурят-монгольским хошунам, но при этом им не предоставляют особых участков (ГАРБ, Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 20. Л. 229 об.). С целью материальной поддержки переселившихся правительство освобождает от общегосударственных и аймачных налогов и повинностей до конца 1925 г., от воинской повинности до конца 1924 г. В случае же необходимости обороны страны буряты могут быть призваны ранее этого срока, все льготы будут аннулированы.

Таким образом, специально образованная русско-монгольская комиссия активно взаимодействовала, обсуждая вопросы, связанные с массовой эмиграцией бурятского населения в Монголию. Обе делегации озвучили отношение к эмиграции бурятского населения как российского, так и монгольского правительств. Были установлены правила перехода эмигрантов, проживающих на территории Монголии из

российского подданства в монгольское, определены формы административного управления бурятским населением, обсуждены предоставляемые льготы. Монгольское правительство не противодействовало иммиграции бурят, поддержало их в желании стать гражданами Монголии. Переговоры сыграли важную роль для оформления обязательств обеих сторон.

Литература:

- Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. документов / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
- Оюунтунгалаг А. Буряты Монголии. Улан-Удэ: Изд-во «НоваПринт», 2016. 208 с.

ЗАХВАТ ХАЙЛАРА БАРГИНСКИМИ ПОВСТАНЦАМИ В ЯНВАРЕ 1912 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ АВПРИ)

Статья посвящена захвату Хайлара баргинскими повстанцами в январе 1912 г. Он явился началом вооруженного восстания, охватившего Баргу (Хулунбуир) Внутренней Монголии; если шире, то составной частью национально-освободительного движения монголов в первой четверти XX в. Основой работы послужили материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Изучение архивных документов (донесений хайларского вице-консула П. Усатого, других российских дипломатов и военных) и сопоставление их с ранее опубликованными исследованиями по изучаемой проблематике позволили автору во многом реконструировать обстоятельства, связанные с началом баргинского восстания. Автор восстанавливает хронологию событий, выявляет контакты российских дипломатических представителей в столице Барги Хайларе с баргутами и китайскими властями Барги, а также отмечает меры, предпринятые местными баргинскими властями, китайской администрацией и российскими жителями Хайлара.

Ключевые слова: архивные материалы, Барга, Хайлар, восстание, независимость.

Zimin Lev Gennadievich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE CAPTURE OF HAYLAR BY BARGA REBELLIONS IN JANUARY 1912 (IN THE MATERIALS OF THE ARCHIVE OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE)

The article is devoted to the capture of Khailar by the Barga rebels in January 1912. The entry of the rebels into the city was the beginning of an armed uprising that engulfed the Barga (Khulunbuir) of Inner Mongolia. The basis of the work was the materials stored in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. The author analyzed the reports of the Khailar vice-consul P. Usatii, other Russian diplomats and the military and compared them with the latest research. The article reconstructed specific events of the Barga uprising, restored the chronology of events. The article revealed the contacts of Russian diplomatic representatives in the capital of Barga Khailar with the Barguts and the Chinese authorities of Barga, and also found out the measures taken by the local Barga authorities, the Chinese administration and the Russian residents of Khailar.

Keywords: archival materials, Barga, Khailar, rebellion, independence.

Современные российские и зарубежные историки уделяют должное внимание проблеме национально-освободительного движения в Барге в начале XX в. Ими изучены многие актуальные вопросы взаимодействия региона с Российской империей, затем с Советской Россией, участия населения Барги в панмонгольском движении. В данной статье рассматривается роль российских дипломатов в восстании баргутов против Цинской империи. Основу работы составили материалы Архива внешней политики Российской империи, а также труды российских исследователей.

В борьбе баргутов за независимость от Цинской империи Россия становится главной опорой в национально-освободительном движении. События 1912 г. и ряд последующих событий тесно связывают Баргу с Российской империей. В период с 1911 по 1914 гг. Россия активно участвовала в действиях по разделу Китая, она способствовала предоставлению независимости Внешней Монголии и Барге. Знаменитые монголы Барги были недовольны реформами последних лет, которое проводила китайское правительство. После принятия подданства Цинской (маньчжурской) династии, племенам, населяющим Баргу, была предоставлена автономия. Однако уже в 1906 г. китайские власти подняли вопрос о колонизации Барги ханьским населением (Мещерский 1920: 5). В этот период начались реформы, становив-

лось больше чиновников из числа этнических ханьцев, шло заселение китайскими колонистами. После учреждения должности даотая в 1909 г. начались постоянные реквизиции скота (Цыбенков 2018: 113). Сильное маньчжурское влияние на население Барги стало уступать свои позиции китайскому (Цыбенков, Курас 2018: 364).

Объявление независимости Монголии и приход к власти богдо-гэгэна Джебзун Дамба-хутухты повлияло на настроение и решительность баргинцев (Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 39). Первым толчком стало восстание Э. Токтохо в 1910 г. Из истории известно, что баргутский тайджи Э. Токтохо еще в 1901 г. создал повстанческий отряд. Он вел успешные действия против китайских войск и хунхузов, чиновников и торговцев. В 1910 г. Токтохо ушел в Сэцэнханский аймак Халхи, но поднять восстание в Халхе Токтохо не смог, после чего получил убежище в России (Базаров 2002: 8).

По итогам двух съездов баргинцев в сентябре и ноябре 1911 г. было принято решение о защите своих прав и начале открытого восстания (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 67). В декабре 1911 г. баргинские чиновники получили письма из Урги. Одно письмо с подписью Тушету-хана, Цецен-хана и Шанцзотба-ламы с приглашением присоединиться к халхасцам и объявить свою независимость. Второе письмо от имени временного правительства Халхи с указаниями относительно дальнейшего образа действий баргутов (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 39).

Организация восстания была непростым делом, и баргинские чиновники опасались, что российское правительство будет способствовать провозу китайских войск по линии КВЖД (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 1). Поверенный в делах в Пекине М. С. Щекин в своей телеграмме поверенному генеральному консулу в Харбине Н. Г. Поппе ясно давал понять, что российские дипломаты не должны вмешиваться во внутренние дела Китая и принимать ту или иную сторону (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 2). В свою очередь, китайское правительство опасалось, что отправка войск может спровоцировать вмешательство российских войск и надеялось уладить конфликт мирно (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 67). Однако план российской дипломатии заключался в предотвращении ввода китайских войск в Хайлар (Кузьмин 2021: 62).

Восстание проходило под предводительством Шэнфу, даура по национальности (Цыбенков 2017: 204), чьи предки раньше жили по Амуру и Зее (Цыбенков 2011: 241), т.е. на российской территории. Вооружение монголы (имеются в виду баргинцы, население Барги – Л. 3.) получили от Байдака, подполковника пограничной стражи Заамурского округа (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 16).

Монголы (баргинцы) выступали за мирный переворот. Утром 1 января 1912 г. они предложили сдать китайским солдатам оружие, однако китайский командир отказался и доложил об этом даотая (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 20). Даотай Хуан ограничился только разговором с монгольскими чиновниками, согласившись назначить своими помощниками людей из числа баргинцев. Монголы с этим согласились, но в то же время успели уговорить китайских солдат, пообещав каждому из них денежную награду в 10-15 рублей, если они сложат оружие. Явившаяся к российскому вице-консулу в Хайларе П. Усатому депутация баргинцев заявила, что 2 января утром в 8 часов они займут Хайлар и предложат китайским властям покинуть Баргу. Она просила вице-консула выступить посредником между китайцами и ними (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 6). Даотай и все чиновники в ночь на 2 января 1912 г. переселились в русский поселок Хайлара, оставив казенные учреждения на попечение солдат. Ночью солдаты также сбежали в русский поселок, бросив казармы и все учреждения (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 21). В тот же день депутация баргинцев во главе с ухэрида Шэнфу явилась к П. Усатому и с радостью сообщила о перевороте (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 21 об.). Успех переворота был обусловлен растерянностью китайского даотая Хуана (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 41).

Заняв город, повстанцы объявили населению, что китайские купцы и народ могут оставаться спокойными, поскольку произошедший переворот касается только чиновников и солдат. Так был совершен захват г. Хайлар баргинскими повстанцами. 5 января 1912 г. баргинцы послали в Ургу Богдо-гэгэну телеграмму, в которой извещали о состоявшемся перевороте и выражали свою готовность присоединения к Халхе (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 43). Барга отправила делегацию в Ургу, которую возглавил помощник амбана Чэгжэ, с изъявлением покорности Богдо-гэгэну. Однако из-за возникших противоречий Барга воздержалась от прежних намерений и утвердила свое независимое положение (Базаров 2002: 30). Как только китайская администрация была отстранена, старая баргинская администрация немед-

ленно заняла ее место. Баргинцы были избавлены от необходимости выбирать администраторов и от связанных с выборами раздоров и споров из-за власти.

Как показывают документы АВПРИ, события в январе 1912 г. в Хайларе проходили при активном участии российских дипломатов и военных. Успех переворота можно обусловить неуверенными действиями даотая Хуана. Следует отметить, что баргинцы не хотели кровопролития, и переворот совершали мирно. Он не коснулся мирного населения и был нацелен лишь на чиновников и китайский гарнизон, находившийся в Барге.

Литература:

Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.

Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX в.). Т. 1. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 407 с.

Мещерский А. С. Монгольская экспедиция. Шанхай: Типография «Русского Книгоиздательства». 1920. 27 с.

Цыбенков Б. Д. Даурские роды в XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. 2011. С. 238–246.

Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 201–210.

Цыбенков Б. Д. Развитие земледелия и скотоводства в даурских районах в первой трети XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. С. 108–116.

Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. Культура и образование дауров в XIX – начале XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. С. 362–370.

Кальмина Лилия Владимировна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
kalminal@gmail.com

ИДЕЯ ВЕЛИКОГО СИБИРСКОГО ПУТИ НА СТРАНИЦАХ «ВОСТОЧНОГО ОБОЗРЕНИЯ»: ТРУДНОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ¹

В статье анализируется позиция газеты «Восточное Обозрение» в вопросе о стратегическом значении Транссибирской железнодорожной магистрали. Издание было принципиальным противником ее сооружения, считая, что сторонники строительства несуществующими стратегическими целями оправдывают отсутствие пользы для экономического развития Сибири. Редакция не видела геополитической задачи магистрали из-за необустроенности восточных территорий империи, которые, по ее мнению, никого не интересовали, и отсутствия реального противника России на Востоке. По представлениям издания, строительство магистрали без колонизации Приамурья не гарантирует безопасности России на Тихом океане, каждый шаг по укреплению границ вызовет ответные действия ныне миролюбивого Китая, а заселение долины Амура будет более действенным средством утверждения России на Востоке, чем быстрая доставка многотысячного войска по новой железной дороге.

Ключевые слова: «Восточное Обозрение», Великий Сибирский путь, стратегическая цель, Китай.

Kalmina Lilia Vladimirovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE IDEA OF GREAT SIBERIAN WAY ON THE EASTERN REVIEW'S PAGES: ADVANCE OBSTACLES

The article analyses newspaper *The Eastern Review's* position in reference to the strategic importance of Transsiberian railway. This newspaper, being the principal opponent of its construction, concluded that supporters of this structure building excuse absence of any profit for economic development of Siberia by non-existent strategic targets. Editorial staff was not able to recognize geopolitical goals of the railway because of the eastern imperial regions' not convenient life conditions, having been interested to nobody, and lack of a real enemy of Russia in the East in the newspaper's view. According to the edition, construction of the railway without colonization of the Amur region could not guarantee Russia's security on the Pacific Ocean, each step on strengthening of its borders facing the reply of still peaceful China, thus settlement of the Amur valley could be more vital means to establish Russian position in the East, than fast transportation of numerous military forces through a new railway.

Keywords: *The Eastern Review*, Great Siberian way, strategic goal, China.

Идея строительства Транссибирской железнодорожной магистрали вызвала неоднозначную реакцию в сибирском обществе. Если деловые круги всячески приветствовали предполагаемое строительство, хорошо понимая экономическое и стратегическое значение будущей дороги (Кальмина 2021: 34), сибирская печать отнеслась к проекту враждебно. Опасения, что магистраль нужна только для выкачивания сибирских природных богатств, оказались весьма живучи и кочевали из номера в номер. Наиболее последовательным противником проведения Великого Сибирского пути была газета «Восточное Обозрение», которая на протяжении почти десяти лет, с самого ее основания в 1882 г., доказывала негативные по-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5).

следствия его строительства для экономики Сибири и бесполезность для реализации стратегических целей империи. Не касаясь экономических мотивов, попробуем определить, почему инициированный государством крупнейший стратегически ориентированный проект (Зубков 1994: 82) редакция считала бесперспективным в защите восточных границ империи.

Само понятие «стратегическая цель» вызывало у издания неприкрытое раздражение. Оно считало его не более как «новым словечком, которым пытаются заменить недостаток фактов и ясных представлений о значении сибирской железнодорожной линии» (Восточное Обозрение (ВО), 1890, № 39). Причин, по которым стратегические цели проведения дороги редакция оценивала как неубедительные, по крайней мере, три. Во-первых, стратегия усиления роли России на берегах Тихого океана, по ее мнению, была слабой маскировкой пренебрежения экономическими интересами Сибири (ВО, 1889, № 41; 1890, № 30). Известный резон в этих опасениях был: проводник проекта С. Ю. Витте легко отказывался от защиты экономических интересов региона в пользу конъюнктурных «государственных соображений» (Канн 2014: 12). Второй причиной газета считала неспособность магистрали защитить восточные интересы империи. Вместо того, чтобы тратить сотни миллионов на сибирскую линию, убеждал редактор Н. Ядринцев, следует выделить хоть часть их на развитие производительных сил Сибири, что будет более действенным средством укрепления позиций России на Востоке. А заселение территории на Амуре со стратегической точки зрения гораздо полезнее, чем скорая переброска войск, и лучше позволит подготовиться к борьбе за преобладающее значение на Тихом океане, которую выдвинет ближайшее будущее (ВО, 1889, № 23; 1890, № 39). Третий аргумент – невозможность войны, близость которой, по мнению издания, обязательно предусматривается стратегической целью. В случае ведения наступательных действий редакция не отрицала стратегического значения дороги. Более того, она признавала, что первоначальная убыточность от эксплуатации магистрали будет меньшей, чем затраты на содержание войск на восточной границе при отсутствии надежного сообщения с западными территориями империи (ВО, 1889, № 41). Но потенциального противника газета не видела, хотя Англия российских военных действий на востоке не исключала и с большим интересом изучала любые попытки России утвердиться в тихоокеанском регионе.

За решением вопроса о сибирской магистрали зорко следил и Китай, прекрасно понимавший, что ее проведение изменит расстановку сил в регионе и заметно усилит позиции России, весьма слабой на востоке из-за изоляции от своей европейской части. Однако, публикуя эти суждения (ВО, 1889, № 23), газета пребывала в полной уверенности, что войны с Китаем, которого она теоретически рассматривала как единственного военного противника, быть не может. Во-первых, пустынная российская территория в Приамурье его не интересует. В свое время Китай уступил ее практически без борьбы, потому что она никакого значения для него не имела: при проведении российско-китайской границы у него остались плодородные степи, тогда как Россия получила «песчаную пустынную Кяхту и голые безлюдные ... склоны окраинных гор Забайкалья». Газета уверяла читателей, что нет никакой необходимости тратить средства на укрепление территорий, «которые еще сотни лет будут гарантированы от неприятеля уже одним тем, что их незачем брать», и только столичные русские публицисты могут считать холодные неприютные долины Амура «каким-то перлом Сибири» (ВО, 1884, № 28; 1889, № 41). Во-вторых, издание оценивало железную дорогу как провокатора столкновения с Китаем в противовес полагавшим, что магистраль уберет Россию от полной беспомощности при серьезной возможности такого столкновения. Редакция была уверена, что строительством железной дороги дело не ограничится, а каждый новый шаг по укреплению границ вызовет ответные действия со стороны Китая. Между тем 300 лет необустроенная Сибирь не опасалась вторжения своего могущественного соседа, ныне как никогда ранее слабого и «обезличенного» англичанами, захватившими его внешнюю торговлю и в войне Китая не заинтересованными. «Наши стратеги хотят обороняться против несуществующего врага. Они достигнут этим лишь то, что создадут действительного врага», – утверждала редакционная статья (ВО, 1890, № 39).

Третий аргумент стоит того, чтобы процитировать его полностью. «Весьма замечательно, что защитники стратегической железной дороги заботятся более всего о том, чтобы постройка всей линии была сделана возможно поспешнее. Год 1904 как крайний срок окончания всего сооружения кажется им слишком отдаленным. До этого времени, говорят они, могут произойти такие события, которые могут сделать совершенно ненужной постройку сибирских дорог. Что это за таинственные события, остроумные защитники не говорят: ни одна из газет, ратующих за великие блага «великой» дороги, ни единым

словом не обмолвилась, чтобы раскрыть смысл только что приведенной шарады. Но во всяком случае это признание чрезвычайно любопытно – оно выдает головой всех притворяющихся искренними радетелями Сибири. Мы думаем, что к 1904 году, ни даже к концу будущего столетия ни Сибирь, ни сибирское население не исчезнут с лица земли и не провалятся в преисподнюю. Но может быть, к этому сроку случится нечто такое, что рассеет все страхи войны с Китаем, и тогда, конечно, ни о каких стратегических линиях не будет и помину» (Там же).

По иронии судьбы именно в 1904 г. началась война с Японией (чего газета предвидеть не смогла), подтвердившая стратегическую ценность Транссиба как жизненно необходимой артерии, которая позволила России снабжать военный организм на востоке «свежей кровью». Даже при низкой пропускной способности магистрали, колоссальных финансовых расходах и затратах человеческого труда на реконструкцию путей дорога выполнила свою задачу, и все проекты использования сибирских рек для снабжения армии за ненадобностью остались нереализованными (Струк 1973: 22–23).

Литература:

Зубков К. И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890–1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 76–92.

Кальмина Л. В. Надежный партнер государства (забайкальское купечество в восточных стратегических проектах империи на рубеже XIX – XX вв.). Окончание // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 4. С. 33–38.

Канн С. К. Военно-политические аспекты сооружения Сибирской железной дороги (конец XIX – начало XX вв.) Сибирь и войны XIX–XX веков: сб. материалов Всерос. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 5–12.

Струк Н. К. Железные дороги Восточной Сибири в русско-японскую войну 1904–1905 гг. // Сибирский исторический сборник (социально-политическое развитие Сибири). Иркутск: ИГУ им. А. Жданова, 1973. Вып. 1. С. 21–41.

*Астраханцев Олег Николаевич
доктор исторических наук
Иркутский филиал Московского государственного технического университета
гражданской авиации
Иркутск, Россия
onastra@mail.ru*

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ АВИАЦИОННЫХ КАДРОВ ДЛЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СССР

В статье рассматривается, как осуществлялся вопрос подготовки авиационных специалистов для Монгольской Народной Республики на примере Иркутского авиационного технического училища. За период с 1960 по 1979 гг. в стенах училища прошло обучение 69 граждан Монголии. Рассмотрены вопросы организации учебного процесса, воспитательной работы. Приведены социально-демографические характеристики монгольских курсантов, прошедших обучение в училище.

Ключевые слова: Монголия, Иркутск, авиация, курсанты, авиационный специалист.

*Astrakhantsev Oleg Nikolaevich
Doctor of Sciences in History
Irkutsk Branch of Moscow State Technical University of Civil Aviation
Irkutsk, Russia*

HISTORY OF AVIATION PERSONNEL TRAINING FOR THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC IN THE USSR

The article examines how the issue of training aviation specialists for the Mongolian People's Republic was carried out on the example of the Irkutsk Aviation Technical School. During the period from 1960 to 1979, 69 Mongolian citizens were trained at the school. The issues of the organization of the educational process, educational work are considered. The socio-demographic characteristics of Mongolian cadets who have been trained at the college are given.

Keywords: Mongolia, Irkutsk, aviation, cadets, aviation specialist.

История установления отношений, связанных с гражданским воздушным флотом СССР и Монгольской Народной Республики (МНР), уходит в 1920-е гг. В конце августа 1924 г. Совет по гражданской авиации предложил «Добролету» СССР ускорить разрешение вопроса о воздушной трассе Верхнеудинск – Урга. После изучения воздушной линии, аэродромов, посадочных площадок, 8 июля 1925 г. было заключено соглашение, согласно которому Министерство народного хозяйства МНР разрешало советскому «Добролету» открыть пассажирскую линию между городами Верхнеудинск и Улан-Батор. 22 июля 1926 г. в Ургу прилетел самолет. Этот день стал днем рождения гражданской авиации Сибири и днем открытия международной авиалинии «Добролета» на Востоке. Истекшие десятилетия не раз подтверждали искренность отношений двух соседних народов, особенно в конце 30-х гг. XX в., когда возник конфликт в районе реки Халхин-Гол. В 1945 г. в одном строю шли в бой советские и монгольские солдаты. Послевоенное сотрудничество и развитие авиации помогли монгольскому народу обрести крылья. Нужны были свои специалисты по обслуживанию авиационной техники. Подготовка таковых специалистов началась, в том числе, и в Иркутске.

В 1947 г., в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 27 июля, в Иркутске была открыта школа младших авиационных специалистов гражданского воздушного флота (ГВФ) с однодневным сроком обучения. 12 июля 1951 г. приказом начальника главного управления ГВФ Иркутская школа авиамехаников была реорганизована в Иркутское авиационное техническое училище ГВФ (ИАТУ ГВФ) (Хороших 2012: 275–276), затем оно стало называться Иркутское авиационное техническое училище гражданской авиации (ИАТУ ГА), ныне оно входит в состав Иркутского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (ИФ МГТУ ГА).

Почти 20 лет в стенах Иркутского авиационного технического училища обучались курсанты из Монгольской Народной Республики. Здесь получили профессию авиационного техника 69 юношей дружественной нам страны, из них 11 человек получили дипломы с отличием. Первый набор курсантов из Монголии состоялся в сентябре 1960 г. В училище было зачислено 14 человек. Все они имели разную степень общеобразовательной подготовки. Полное среднее образование, имели всего 2 человека; обра-

зование в 8-9 классов было у 12 человек. По социальному происхождению: 1 человек был из рабочих, 12 были выходцами из арат-скотоводов и 1 человек из служащих. Все они совершенно не знали русского языка (Текущий архив ИФ МГТУ ГА / Иркутское авиатехническое училище ГА. Ф. № 1. Оп. № 2. Ед. хранения № 27 (по описи). № 10 (по номенклатуре делопроизводственный). Т. 3. Л. 202–203). Это вызвало немалые трудности в процессе обучения и воспитания будущих авиационных специалистов. Было принято решение составить план подготовки будущих техников, в который включили программу подготовки по самолетам Ил-14 и Ан-2. Кроме того, решили дать сведения о самолете Ту-104 и авиационных двигателях АШ-82 Т и АШ-62 ИР.

Началась тяжелая кропотливая работа. Училище на тот момент не имело опыта подготовки иностранных граждан, поэтому выстраивать работу приходилось непосредственно в процессе обучения. На методических занятиях с преподавательским составом активно обсуждались доклады на темы: «О методах проведения занятий с гражданами МНР», «Обсуждение проектного учебного плана для группы учащихся из граждан МНР» и др. (Текущий архив ИФ МГТУ ГА, Ф. № 1. Оп. № 2. Ед. хр. № 27 (по описи). № 10 (по номенклатуре делопроизводственный). Т. 3. Л. 214).

Учебными программами училище было обеспечено по всем видам подготовки. По предметам учебных планов имелись программы, направленные училищу из Управления учебными заведениями Главного управления ГВФ (УУЗ ГУ ГВФ). Для группы граждан МНР и по учебно-производственным практикам программы были разработаны учебным отделом училища. Общее количество учебных часов по учебным планам составляло 30 172 часа. Фактически в 1960–1961 учебном году было выполнено 30 162 часа (Текущий архив ИФ МГТУ ГА, Ф. № 1. Оп. № 2. Ед. хр. № 27 (по описи). № 10 (по номенклатуре делопроизводственный). Отчеты учебной части (годовые). Т. 3. Л. 204). По учебному плану на первом курсе курсанты должны были изучить следующие дисциплины: история КПСС (материалы XXII съезда КПСС), математика, черчение, электротехника, материаловедение, теоретическая механика, сопротивление материалов, аэродинамика, теория авиационных двигателей, русский язык, физическая подготовка, технологическая практика. Некоторым курсантам учеба давалась нелегко.

Через год в училище прибыла вторая группа юношей из МНР в количестве 10 человек с таким же уровнем подготовки: 7-10 классов и очень слабое знание русского языка. Все последующие наборы также не отличались высоким уровнем подготовки. С учетом наработанного за прошедший год опыта сразу же приступили к изучению всех предметов и одновременно к совершенствованию разговорного русского языка.

Кроме учебы, много времени и внимания уделялось воспитательной работе. Проводились творческие, тематические вечера, различные экскурсии, беседы, спортивные мероприятия и многое другое. «В работе с курсантами из МНР использовались такие формы воспитания, как лекционная пропаганда, информирование на классных часах, индивидуальные беседы, посещение исторического музея и историко-революционных мест и памятников г. Иркутска, экскурсии на предприятия гражданской авиации» (Текущий архив ИФ МГТУ ГА, Отчет о работе Иркутского авиационного технического училища гражданской авиации за 1962–1963 учебный год. Л. 34).

Все это в комплексе позволило училищу через два года осуществить первый выпуск (всего их было 11) квалифицированных авиационных специалистов. «На основании решения государственной экзаменационной комиссии, двум курсантам (из 14 человек) – монголам, окончившим ИАТУ ГВФ, сдавшим государственные экзамены на «отлично» и имеющим оценки «хорошо» и «отлично» по всем предметам учебного плана, была присвоена квалификация техника-механика 3 класса «по эксплуатации самолетов и двигателей» и выданы дипломы с отличием. Этими курсантами были Хүрэл Чулуун и Юндэн Шижир» (Журавлев 1998: 254).

Таким образом, полученный опыт в дальнейшем позволил училищу наладить сотрудничество с МНР и до 1979 г. готовить кадры для монгольской авиации. Курсантами из Монголии осваивались такие образцы авиационной техники, как самолеты Ил-14, Ан-2, Ан-24, Ту-104, Ту-134, Ту-154, вертолеты Ми-4, Ми-8. Монгольская Народная Республика высоко оценила труд Иркутского авиационного технического училища. «Начальник училища А. А. Сеничкин и классный руководитель учебной группы курсантов МНР, преподаватель Н. Н. Грузинова были награждены Правительством Монголии медалью “Дружба”» (Журавлев 1998: 263).

Литература:

Журавлев И. М. Далекое и близкое: Очерк истории полувекового пути Иркутского авиационно-технического училища (1947–1997 гг.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 1998. 304 с.

Хороших В. А. Зарождение и формирование системы подготовки кадров гражданского воздушного флота в отечественной истории (1887–1964 гг.). Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2012. 316 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПАЛЕОЛИТ – РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)	3
Молодин В. И. Древнейший пласт наскального искусства в Монголии и Южной Сибири.....	3
Бобров В. В. К проблеме культурно-исторических процессов на восточных рубежах степей Евразии в эпоху бронзы и ранних кочевников.....	8
Цыбиктаров А. Д. Селенгинско-даурская культура южного Забайкалья и Монголии.....	11
Варенов А. В. Датировка селенгинских писаниц, их семантика и реминисценции в погребальных рельефах киданьских саркофагов.....	14
Ожередов Ю. И. Цветной камень в древних ритуалах монгольской реки Хонго-Гол.....	17
Тишкин А. А., Свойский Ю. М., Зиганшина А. А. «Оленные» камни на Алтае: опыт современного документирования.....	20
Мэндбазар Оюунтулга Чулуун суурьтай баримтат өвийн хадгалалт хамгаалалтын зарим асуудалд (Цогтын хадны бичээсийн жишээн дээр)	23
Чадамба Л. Д. Петроглифы западной Тувы: история исследования и современное состояние.....	28
Тишкин А. А., Пластеева Н. А., Төмөр-Очир Идэрхангай Лошади из жертвенников у херексоров Северной Монголии.....	31
Сенотрсова П. О. Железные наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века.....	34
Губенко Е. В., Митько О. А. Культурные связи населения Верхнего и Среднего Енисея в раннем железном веке (по материалам коллекций каменных бусин из археологических памятников).....	37
Дьякова О. В. О трансформации гончарных традиций хунну.....	40
РАЗДЕЛ 2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – НОВОЕ ВРЕМЯ)	43
Мищенкова М. С. Китайское влияние на развитие культуры кофун на японском архипелаге (III–VII вв. н.э.).....	43
Анхбаяр Б., Буян-Орших Б. Жужаны үеийн булшнаас олдсон нэгэн хавтага түүний зориулалт, уламжлал.....	46
Серегин Н. Н. Предметный комплекс из археологических памятников раннего этапа культуры тюрок Центральной Азии: основные характеристики.....	51
Казаков А. А. Об истоках местной линии развития погребально-поминальной обрядности лесостепного Алтая в I тысячелетии.....	54
Артемьева Н. Г. Кайюань – Верхняя столица государства Восточное Ся (по материалам исследований дворцового комплекса).....	57
Масловский А. Н. Монголы в Нижнем Подонье в XIII–XIV вв.....	60
Бочаров С. Г., Обухов Ю. Д. Археологические свидетельства торговых связей между Центральной Азией и Восточной Европой в XIV в. на примере материального комплекса золотоордынского города Маджар (Северный Кавказ).....	63
Яворская Л. В. Мясные продукты в городах Золотой Орды: методические аспекты археозоологического исследования.....	67
Кызласов И. Л. Лично-семейные знаки средневековья. К учению о тамгах.....	70
Митько О. А. Огнива тюрко-монгольского типа: престиж, социальный статус, межкультурные контакты.....	74
Нарожный Е. И. Центральноеазиатский след в истории Северного Кавказа (XIII–XIV вв.): историко-археологические наблюдения.....	77
Кольцов П. М., Кишиев М. К., Обухов Ю. Д. Караван-сарай Таскешу в Западном Казахстане (по материалам раскопок 2021 г.).....	80
Мягмар Эрдэнэ, Содном Өлзийбаяр, Баттулга Очир Онгон Таван толгойн зүлдэлсэн морьт оршуулга.....	83
Бураев А. И., Дикий Я. В., Рыкун М. П. Проблемы палеоантропологии Бурятии.....	87
Елихина Ю. И. Коллекции и предметы из Бурятии в собрании Государственного Эрмитажа.....	90

Ожередова А. Ю. К вопросу о китайском фарфоре в Сибири (по материалам археологии).....	93
Клементьев А. М. От Шилки до Енисея: археозоология русских населенных пунктов Южной Сибири.....	96
Стручкова Н. А., Ермолаева Ю. Н., Аргунов В. Г., Пестерева К. А. Опыт реализации сетевой магистерской программы «Археология и этнология Северной и Центральной Азии» в СВФУ им М. К. Аммосова.....	101

РАЗДЕЛ 3. ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА.....104

Базаров Б. В., Плеханова А. М. История и культура народов Центральной и Восточной Азии в исследованиях ИМБТ СО РАН.....	104
Кузьмин Ю. В. Дискуссионные проблемы истории Монголии и российского монголоведения.....	110
Пиков Г. Г., Пикова С. А. О специфике уголовного законодательства в киданьском праве.....	113
Почкаев Р. Ю. Монголо-маньчжурская процессуальная интерференция в эпоху империи Цин (на примере дел об убийстве в Халхе конца XVIII в.).....	116
Гарри И. Р. Традиционные политические концепции в империи Цин.....	119
Khaljan Orkhonchimeg, Bayarmagnai Ochirsuren Related facts and factors influenced the formation of modern military training in Mongolia.....	122
Лыскокова В. Ц. К истории буддийской книжности: из информационного доклада комиссии по отбору ламаитских книг.....	124
Ванчикова Ц. П. О комплекте рукописного монгольязычного Ганджура ЦВРК.....	127
Соколов Д. В. Проблема происхождения монгольского этноса в сочинениях историка Сиратори Куракити.....	130
Жалсанова Б. Ц. Фонд 357 Государственного архива Республики Бурятия «Михайлов Андрей Михайлович (1870–1923) – купец 2-й гильдии, староста Ашехабатского рода Иркутской губернии» как источник по истории бурятских обществ в конце XIX – начале XX вв.....	133
Смирнов Н. Ю. Первые советские археологи в Монголии (Г. И. Боровка и С. А. Теплоухов): новые архивные материалы.....	136
Полянская О. Н. История литературы монгольских народов в трудах востоковеда А. М. Позднеева (1851–1920).....	139
Лиштованный Е. И. Материалы пленумов ЦК МНРП как источник по социально-политической истории Монголии 1940-х гг.....	142
Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Новые архивные документы о революционной деятельности О. И. Макстенека.....	144
Матвеев А. А. Роль барона Р.Ф. Унгерна в борьбе за независимость Монголии в оценках советских и российских исследователей.....	147
Мунге Б. В. Архив как зеркало тувинской государственности.....	150
Одорова Т. Л. Краеведческая деятельность библиотек Бурятии.....	153
Петрушин Ю. А. Мемуары профессора Б. С. Санжиева как источник изучения в ГИЯЛИ теоретико-методологических аспектов исторического процесса.....	156
Плеханова А. М. Трудности и проблемы в организации научных исследований в Бурятии в 1930-е гг.....	159
Дашибалова И. Н. Визуализация бурятских ученых в киноисточниках 1950–1990-х гг.....	163
Эрдынеева С. Э. Изобразительно-графические материалы в личном архиве К. М. Герасимовой.....	166

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВ И ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....169

Тимохин Д. М. Хорезм и тюркские племена Дешт-и Кыпчака в годы правления хорезмшаха Атсыза (1127–1156).....	169
Беляков А. В. Ордынское влияние на становление русской дипломатической практики (бакшей, бегоули, жалованные грамоты за золотой печатью).....	172
Лушников О. В. Великая Монгольская империя как мир-система XIII–XV вв.....	175

Зуев А. С. Шерти-присяги монгольских тайшей и табунгутских сайтов российским монархам в 1689 г.....	178
Китинов Б. У. Хошутский лидер Очирту: тайджи-чингисид и мудрый всейратский хан.....	181
Пиков Г. Г. Почему западных киданей называли кара-китаями?.....	184
Borjigijn Ulaan The content and value of the mongolian archival document “The Biographies of the Princes and Nobles of the Jirim League”.....	187
Танака Кацүхико Орос улсад анхны Япон улсын элчин сайдаар томилогдсон Эномотогийн 1878 онд Буряадын тухай хийсэн замын тэмдэглэлээс.....	189
Головизнин М. В. Средневековые медицины Центральной Азии в историко-культурном контексте: от мистики к конвенциональности.....	191
Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Империя и исторические судьбы народов Сибири в составе России XVIII – начала XX вв.....	194
Аюшеева М. В. Роль Л. Ф. Ескевич в деятельности Бурят-Монгольского ученого комитета – Государственного института культуры.....	197
Ookhnoi Batsaikhan Mongolia in 1910s: restoration of independence and statehood.....	200
Белоус С. Г. Аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.....	203
Васильева Н. Ф. Опыт инкорпорации бывших ссыльных революционеров в советскую систему сибирского региона.....	206
Иванов А. А. Политическая полиция на охране Забайкальской железной дороги в конце XIX – начале XX в.....	209
Курас Л. В. Российская империя и империя Цин на рубеже XIX–XX вв.....	212
Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б. Причины создания Коммунистического университета трудящихся Востока в 1921 г.....	215
Тогтуун Эрдэнэхишиг Монголын эртний улсуудын цэрэг.....	218
Цыбенев Б. Д., Курас Л. В. К вопросу о пребывании даурских революционеров в СССР и МНР.....	221
Цэдэндамба Батбаяр Бнмау-ын 3 боть түүхийг бичих гурван орны: Зөвлөлт, Монгол, Хятадын түүхчдийн төсөл (1950-иад оны сүүлч – 1960-аад оны эх).....	224
Бадмаев А. Г. Анализ крупнейших промышленных предприятий Республики Бурятия за последние 100 лет.....	228
Тихонов А. Л. Декоративное оформление жилых домов массовых серий в 1960–1980-е гг. (на примере г. Улан-Удэ).....	232
Цыпилова С. С. К вопросу об охране материнства и детства в МНР.....	235
Zhao Jingjing A critical review of the Central Asian Society History.....	238

РАЗДЕЛ 5. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.....

Аманжолова Д. А. Некоторые проблемы советского нациестроительства в центральноазиатском регионе.....	240
Бадлаева Т. В. Просвещение бурят (вторая половина XIX – начало XX вв.).....	243
Санжиева Т. Е. Особенности национального движения бурят Иркутской губернии в период установления советской власти.....	246
Шаповал Е. Ю. Становление и развитие национального представительства Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг.....	249
Данькина Н. А. Актуальные проблемы изучения формирования и становления интеллигенции Бурятии.....	252
Кискидосова Т. А. «Новый быт» в повседневной жизни городского населения Хакасии в 1930-е гг.....	255
Крайнова Л. Н. Истоки формирования теократической монархии в Монголии в начале XX в.....	258
Тиникова Е. Е. Градообразование в республиках Саяно-Алтая в XX – начале XXI вв.....	261
Яковлев А. И. Этнизация городского пространства Якутии.....	264
Базарова Г. Д. Основные направления научной деятельности в развитии социально-экономической и культурной жизни Бурятии в 60-80 гг. XX в.....	267

Гончарова Н. С. Некоторые аспекты изучения государственного контроля религиозных общин в Хакасии в первой половине 1980-х гг.	270
Боронова М. М. Рыночная модернизация постсоветских десятилетий: реалии и уроки (на материалах Республики Бурятия)	273
Куперштох Н. А. Научно-образовательный потенциал Республики Бурятия: история и современное состояние.....	276
Аюшиева И. Г. Эволюция стратегии национальной безопасности Монголии (XX – начало XXI вв.)...279	

РАЗДЕЛ 6. ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....281

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Об одном историографическом мифе: <i>байырку</i> и <i>баргу</i>	281
Зориктуев Б. Р. От Буручкома до ИМБТ СО РАН: некоторые итоги исследования этнической истории монголов и бурят.....	284
Гомбоев Б. Ц. Религиозные верования баргутов Китая и Монголии: вопросы этнокультурной идентичности.....	287
Миягашева С. Б. Эпидемические заболевания в традиционном мировоззрении монгольских народов.....	290
Мурзакметов А. К. Родильные обряды бурят и кыргызов.....	293
Андреянова Е. Л. Трансформация занятости и этнического управления бурят Прибайкалья в XIX – начале XX вв.....	296
Жамбалова С. Г. Устные истории русских Монголии.....	299
Васильев В. Е. Китайские сведения о численности хуннов.....	302
Бураева О. В. Китайцы в истории Баунта.....	305
Рассадин И. В. Традиционное животноводческое хозяйство сойотов до перехода на оседлость.....	308
Прокопьева А. Н. Украшение <i>туосахта</i> и культ женских божеств (по материалам погребальных памятников XV–XVIII вв.).....	311
Яковлева К. М. Магико-религиозные функции накосных украшений якутов.....	314
Карелина Е. К. Тувинский хоомей в историко-культурной динамике.....	317
Ламажаа Ч. К. Юрта в современной тувинской культуре.....	320
Майны Ш. Б. Традиция передачи вещей <i>эргинди</i> в культуре детства тувинцев.....	323
Шапошников Г. М. Деревня Усть-Киндирла сегодня и 130 лет назад со дня описания ее Н. Ф. Катановым.....	326
Чебодаева М. П. Декоративный шов <i>аргазы</i> в народной вышивке хакасов.....	329
Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. Алтайская юрта как этнокультурный маркер алтайцев.....	332
Торушев Э. Г. Адаптация систем животноводства низкогорья Республики Алтай к новым экономическим реалиям начала XXI в.....	335
Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Абсалямова Ю. А. О трансформации традиционной культуры башкир.....	338
Томилов Н. А. Культура тюркских народов Сибири и Центральной Азии в исследованиях Омского этнографического научного центра.....	341
Бильдуева С. В. Этнографический музей народов Забайкалья в культурном пространстве Бурятии.....	344

РАЗДЕЛ 7. ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР МОНГОЛАЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: АРЕАЛЬНЫЙ И СТАДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....347

Дугаров Б. С. Эргунэ-Кун в зеркале восточносаянского ландшафта и фольклора.....	347
Аюушжав Алимаа Монгол улсын буриад угсаатны соёлын биет бус өв, тулгамдсан асуудлууд.....	350
Дампилова Л. С., Хандарова О. В. Образ небесного кузнеца / дархана в бурятском эпосе.....	353
Носов Д. А. Рукопись Mong. E 289 из коллекции ИВР РАН: «лаборатория» собирателя бурятского фольклора.....	356
Пүрэвсүрэн Яньдий “Илжгэн чихт хааны үлгэр”-ийн нэгэн шинэ хувилбарын тухайд.....	359
Мурзакметов А. К., Табалдиева М. Т. Кыргызско-бурятские фольклорные параллели.....	363

Хуббитдинова Н. А. Мотив предсказания как сюжетобразующий элемент башкирского эпоса «Заяту-ляк и Хыухылу».....	366
Чулуун Заяасүрэн Тэмээний даллагын бичмэл хоёр судрын тухай.....	370
Ganbold Batmunkh Symbolism and Description of Lionin Mongolian Folklore.....	373
Самдан З. Б. Научное и художественное осмысление шаманской этики в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана.....	377
Дамбийхорлоо Наранцэцэг Газар усны нэрийгэман болон бичгийн сурвалжаар тодлох нь.....	379
Русинова О. А. Трансформация функционирования музыкального фольклора в творчестве композиторов Бурятии в процессе социально-культурного развития общества.....	382
Николаева Н. Н. Оппозиция своя земля – чужая земля в героическом эпосе бурят.....	385
Цыбенев Б. Д. К изучению даурских учунов.....	388
Дашиева Л. Д. Культы животных и птиц в традиционной культуре бурят.....	391
Гымпилова С. Д. Соматический код культуры в поговорках монгольских народов.....	395
Балданмаксарова Е. Е. Жанр монгольского романа во второй половине XX в.....	397
Baatarjav Munkhbayar The contribution of the Buryat scientific committee for mongolian modern children's literature.....	400
Булгутова И. В. Образы и мотивы исторических песен бурят в литературе.....	403
Batmunkh Munkh-Erdene Examining the esteemed values of the Mongols in ballads by D. Tsoodol.....	406
Жамбаа Ууганбаатар Монгол жүжгийн зохиолын онолын судлалд Ш. Гаадамбын оруулсан хувь нэмэр.....	410
Рагчаа Бигэрмаа Б. Явуухулан яруу найрагтаа хэл зүйн давталтыг ашигласан туршлага.....	413
Бадыева Г. Ц. Образ священнослужителя в литературе Бурятии XX–XXI вв.....	416
Dondukova G. P. Traditional Knowledge of the Buryats and Historical Memory Revival in the Post-Soviet Poetry of Bair Dugarov.....	419
РАЗДЕЛ 8. ЯЗЫКИ И ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	422
Цыренов Б. Д. Бурятский литературный язык накануне 100-летия.....	422
Лувсандорж Болд Монгол хэл шинжлэлийн уламжлал шинэчлэлийн асуудалд.....	425
Понарядов В. В. Насколько калмыцкими являются «калмыцкие» языковые материалы Н. Витсена?.....	428
Очиртогоо Шинэбаяр Найруулга судлалын хөгжлийн асуудалд.....	430
Бүрэнбилэг Өнөө үеийн өвөр монголын, монгол бичгийн зөв дуудах зүйн тухай.....	433
Бадмаева Л. Б. Лингвокультурологические особенности бурятского летописного текста.....	435
Васильева Д. Н.-Д., Мижддорж Энхбаатар Этнолингвистическая специфика лексики номадного скотоводства монгольских языков.....	438
Сундеева Е. В. Связаны ли галзуты с солнцем: к этимологии этнонима.....	441
Тагарова Т. Б. Монгольская кочевая культура в зеркале фразеологии.....	444
Даржаева Н. Б. Валентностные характеристики бурятских эмотивных глаголов: имена-стимулы.....	447
Бадмаева Л. Д. Междометия бурятского языка: рациональное vs эмоциональное.....	451
Очирбат Самбуудорж Монгол хэлний жинхэнэ нэрийн тооны айн хэл зүйн хэв шинж.....	454
Семенова В. И. К вопросу о связи этногенеза бурят и территориальных диалектов.....	457
Абаева Ю. Д., Ринчинов О. С. Говоры эхирит-булагатского наречия в Звуковом корпусе бурятских диалектов.....	460
Дырхеева Г. А. Ажал (худэлмэри) ‘работа’ и гэр ‘дом’: круг повседневности в языковом сознании бурят.....	463
Бадмацыренова Н. Б. К вопросу о психоллингвистических ценностных установках бурят-билингвов.....	466
Цэрэнчимэд Саранцацрал, Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С., Цогзолмаа Цогт-Очир Языковые установки молодежи Монголии.....	470
Цыбикова Б.-Х. Б. Язык и стиль устной прозы бурят (на материале полевых записей последних лет).....	474
Дашиева С. Б., Цыренова Н. Д. Особенности повседневной лексики шэнэхэнских бурят.....	477

Erdene Purevjav On foreign words in Mongolian.....	480
Энхбат Мунхицэг Основные источники расширения лексического состава маньчжуро-монгольских словарей (1708–1771).....	482
Бадамгүр Баяртуяа «Алтан ханы» хэмээгдэх цааз дахь төвөд үсгээр бичигдсэн монгол үгсийн тухай.....	485
Чертыкова М. Д. Соматизмы в сибирских тюркских и монгольских языках.....	487
Цыбенова Ч. С. Цветобозначение <i>кара</i> ‘черный’ в тувинском языке.....	490
Монгуш У. О. Культуронимы в области тувинского горлового пения <i>хоомей</i> как часть музыкальной терминологии тувинского языка.....	493
Абдина Р. П. Заимствованная лексика в наименованиях посуды и кухонной утвари в хакасском языке.....	495
Каксин А. Д. Гидронимы Тувы в аспекте когнитивной топонимики.....	498
Дамбуев И. А. Деятельность в области географических названий в странах Центральной Азии.....	501
Guruuchin Gerelmaa Cooperation of Buryat scientists during the establishment of the Mongolian state commission for terminology.....	505

РАЗДЕЛ 9. ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....

Дондуков Б. Ц. Буддийские сообщества России в условиях пандемии COVID-19.....	508
Марсадолов Л. С. О единстве сакральных и научных знаний у хунну Центральной Азии.....	511
Магсаржав Гантуяа Изучение буддийской философии в религиозных дацанах и современных научных учреждениях Монголии.....	515
Ооржак Б. Ч., Адыгбай Ч. О. Вклад ламы Геше Лобсанг Тхуптена в возрождение буддизма в Туве.....	517
Сүхбат Соёлмаа, Шагдар Ганхуяг Монголчуудын уламжлал болон орчин үеийн шашин зан үйлийн тухайд.....	520
Орбодоева М. В. Буддизм и власть в период Северных и Южных царств Китая.....	523
Адыгбай Ч. О. Бытование буддийских практик в Туве по воспоминаниям современников (1970–1990 гг.).....	526
Музафарова Н. Р. Семантика декора персонажей пантеона северного буддизма.....	529
Пономарева И. А. Пещерное наскальное искусство Забайкалья.....	532
Базаров А. А. Коллекция предметов буддийского изобразительного искусства (танка, цакли) ИМБТ СО РАН как объект изучения ежедневных визуальных практик буддистов бурят.....	536
Головизнин М. В. Восточные влияния в региональных школах архитектуры барокко Прибайкалья и Тотьмы.....	539
Амоголонова Д. Д. Динамика имперской политики в отношении буддизма среди бурят на рубеже XIX–XX вв.....	542
Цыремпилова И. С. Современные исследования по истории Иркутской и Забайкальской епархий.....	545
Аякова Ж. А. Просветительская деятельность бурятских лам в постсоветский период.....	548
Чимэдцэрэн Ган-Өлзий Философское истолкование «Шастры о мудрой беседе мальчика-сироты с девятью Орлюками Чингис-хана» (начало XIII в.) и современность.....	551
Койбагаров А. Ш. Новая реальность и древний буддизм – сосуществование с пандемией.....	555
Кринская З. А. Божества мудрости в буддизме Монголии.....	558
Лепехов С. Ю. Гносеологические принципы древнеиндийской философии и буддизма.....	561
Лугавцова А. П. Практика нэмбуцу в учении О:баку-дзэн.....	564
Нестеркин С. П., Донец А. М. Сотериологическая функция языка в учении школы Гелук.....	567
Янгутов Л. Е. Буддийское обновленчество в Китае, Монголии и Бурятии.....	570
Зубрихина А. А. К реконструкции общих черт и отличий концепций Единого в философии Парменида и пустоты (шуньи) в философии мадхьямики.....	573
Леонтьева Е. В. Кинопроект «Буддизм в России».....	576

РАЗДЕЛ 10. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.	579
Маршак А. Л. Условия и факторы влияния на социальные изменения в странах Центральной Азии (на примере Республики Тыва).....	579
Анисимова Т. Г. Трудовая занятость граждан как показатель социальных возможностей и социального самочувствия (на примере населения республики Тыва).....	582
Орехова И. М. Изменения в сегменте занятости на рынке труда Тувы в условиях пандемии коронавируса.....	585
Бийжанова Э. К. Социокультурное взаимодействие в российско-монгольском трансграничном регионе.....	588
Гыргенова Б. С. Цифровизация высшего образования Республики Бурятия и трансформация образовательного процесса в условиях пандемии.....	590
Дашковский П. К., Гантуяа М., Монгуш А. В. Некоторые результаты социологического изучения религиозной ситуации в Туве.....	593
Дашковский П. К., Гантуяа М., Шершнева Е. А. Предварительные результаты социологического опроса жителей г. Улан-Батор по оценке религиозной ситуации в Монголии.....	596
Oidov Khatanbold, Gelegpil Chuluunbaatar Maturation of Political Culture in Mongolia: its Role and Effects (Analysis of qualitative research).....	600
Цэвээн Цэцэнбилэг, Жаргалсайхан Пүрэвханд Монгол дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн одоогийн байдал (статистикийн шинжилгээ).....	603
Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Мунхбат Оролмаа Монгольские трудовые мигранты в Южной Корее: повседневные практики и проблемы адаптации в принимающем сообществе.....	607
Бадараев Д. Д. Стратификация населения Монголии в условиях современных вызовов.....	610
Ёндон Ундрал, Баднаа Азбаяр Социальная дискриминация и материальное положение пожилых людей в Монголии.....	613
Жаргалсайхан Батжаргал, Даваадорж Номун-Эрдэнэ Чех улс дахь монголчуудын нийгмийн капитал, нийгмийн харилцааны зарим онцлог.....	616
Мартьянов В. С. Сдвиги в социальной стратификации современных обществ: факторы и риски.....	619
Милаева Т. В. Сравнительный обзор алкоголизации населения Республики Коми и Республики Бурятия.....	622
Убеева О. А. Миграционные процессы населения северных районов Бурятии в зоне БАМа (конец XX – начало XXI в.).....	625
Чанкова И. В. Социальные тенденции в Республике Хакасия по вопросу сохранения хакасского языка.....	628
Цыбденова Б. Ж. К вопросу о престиже родного языка.....	631
Килик А. А. Туризм и этнические тувинцы КНР (на примере деревни Ханас).....	634
Канзычакова Н. Г. Социальные болезни в моногородах Республики Хакасия (по результатам социологического исследования 2021 г.).....	637
РАЗДЕЛ 11. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.	640
Адьяа Нямдолжин, Болд Хишигжаргал Монголия между Центральной и Северо-Восточной Азией.....	640
Мамахатов Т. М. Роль Китая как ведущего партнера государств Центральной Азии в области экономического и политического сотрудничества.....	643
Воронько А. О. Центральная Азия – территория диалога или соперничества России и КНР?.....	646
Тогмид Сүхбаатар Национальные и этнические проблемы в Центральной Азии.....	649
Христофоров В. С. Россия, страны Центральной Азии и Афганистан в новом геополитическом ландшафте: перспективы взаимодействия, новые риски и «окна возможностей».....	652
Жанакеева А. Т. О кыргызско-российских отношениях в культурно-гуманитарной сфере на современном этапе.....	656
Авирмэд Даваасүрэн Перспективы развития монголо-российского торгово-экономического сотрудничества (1990–2020 гг.).....	659
Батунаев Э. В. Современные российско-монгольские отношения: в поисках новых приоритетов.....	664

Омбоосүрэн Эрдэнэчимэг Особенности модели развития Российской Федерации, Казахстана и Монголии в Евразийском регионе.....	667
Дондоков З. Б.-Д. Экономический коридор Китай–Монголия–Россия: проблемы развития в условиях новых глобальных вызовов.....	670
Enkhbold Ikhbayar Economic cooperation in the north East Asia.....	673
Нямаа Галийма «Утечка мозгов» из Монголии в высокоразвитые страны: влияющие факторы.....	678
Булдакова Ю. Р. COVID-19 в странах Центральной и Восточной Азии: опыт биомедицины и вклад традиционных медицинских систем.....	682
Кириченко С.В., Балдано М.Н. Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию в России (на примере ДФО).....	685
Мамкина И. Н. Механизмы взаимодействия Российской империи с азиатскими державами в XIX – начале XX вв.....	688
Попов Д. К. Идентификация глав русских посольств на переговорах с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в.....	691
Тутаев И. В. Принципы организации торговой компании для ведения русско-китайской торговли в России первой четверти XVIII в.: правовые аспекты.....	694
Актамов И. Г. Историко-культурные и политические аспекты развития монгольской письменности во Внутренней Азии в XX – начале XXI в.....	697
Наземцева Е. Н. Политико-правовое положение русских подданных в Синыцзяне и Западной Монголии в российско-китайских отношениях начала XX в.: специфика правового статуса и проблема защиты прав в условиях обострения политической ситуации 1911–1916 гг.....	700
Жабаева Л. Б. Эмиграция бурят в Монголию (первая половина 1920-х гг.).....	703
Зимин Л. Г. Захват Хайлара баргинскими повстанцами в январе 1912 г. (по материалам АВПРИ).....	706
Кальмина Л. В. Идея Великого Сибирского пути на страницах «Восточного обозрения»: трудности продвижения.....	709
Астраханцев О. Н. История подготовки авиационных кадров для Монгольской народной республики в СССР.....	712

Научное издание

МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – V

Оригинал-макет подготовлен ИМБТ СО РАН

Подписано в печать 02.06.2022. Формат 60x90 1/8
Усл.-печ.л. 90,3. Тираж 200 экз. Заказ № 203

Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2
Тел. 330-84-66 E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru